РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

Годъ тринадцатый. **АПРѢЛЬ.** 1882 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. **Представители державной власти въ Россіи,** 1682—1855 гг. Рисунокъ профессора А. Шарлеманя. Гравировалъ Акад. Л. А. Сѣряковъ.—II. Портретъ поэта князя **Александра Ивановича Одоевскаго** († 1839 г.), гравировалъ Г. И. Грачевъ, ученикъ Академика Сѣрякова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, № 90—1.

1882.

IV-я книга „Русской Старины" вышла 1-го апрѣля 1882 г.

Архивъ князя Воронцова. Книга XXII. М. 1881. 558 стр. Ц. 3 р.

Весь этотъ томъ занятъ письмами барона Андрея Львовича Николаи къ графамъ С. Р. и А. Р. Воронцовымъ (1796—1819 гг.), сына его, барона Павла Андр. Николаи къ гр. С. Р. Воронцову (1801—1825) и письмами гр. С. Р. Воронцова къ барону А. Л. Николаи (1796—1816).

Баронъ А. Л. Николаи, уроженецъ Страсбурга (предки его переселились сюда изъ Швеціи), воспитывался въ тамошнемъ университетѣ, а потомъ поселился въ Парижѣ, гдѣ сошелся съ кружкомъ энциклопедистовъ. Затѣмъ онъ посѣтилъ Францію и Англію съ дѣтьми гетмана Разумовскаго. Послѣднее обстоятельство содѣйствовало приглашенію его въ качествѣ наставника къ вел. кн. Павлу Петровичу (1769). Ему принадлежитъ, написанное для вел. князя, сочиненіе: «Обозрѣніе политическаго состоянія Европы» (1772). Послѣ этого онъ состоялъ секретаремъ при обѣихъ супругахъ Павла Петровича и сопровождалъ графа и графиню Сѣверныхъ въ ихъ путешествіи по Европѣ. Онъ извѣстенъ также какъ писатель (на нѣмецк. яз., 2-е изд., 2 тома, 1811) и переводчикъ мольеровыхъ «Ученыхъ женщинъ» и «Тартюфа», а объ его художественномъ вкусѣ свидѣтельствуетъ устроенное имъ Выборгское помѣстье Монрепо, гдѣ онъ и скончался въ 1820 г. Глюкъ и Метастазіо были его друзьями.

Еще въ 1762 онъ встрѣтился у русскаго посланника въ Вѣнѣ, кн. Д. М. Голицына, съ молодымъ графомъ С. Р. Воронцовымъ и сблизился съ нимъ; но только въ 1795 г., послѣ долгой разлуки, между ними возникаетъ задушевная переписка, (на франц. яз.). Сынъ барона Николаи (воспит. у извѣстнаго писателя Фосса) поступилъ тогда къ Воронцову на службу въ Лондонское посольство и сдружился здѣсь съ будущимъ фельдмаршаломъ, тогда еще молодымъ человѣкомъ, кн. М. С. Воронцовымъ. Потомъ бар. Пав. А. Николаи служилъ по дипломатической части, и состоялъ до 1817 г. русскимъ посланникомъ въ Даніи. Такова связь этихъ отношеній.

Такимъ образомъ интересъ настоящихъ писемъ сосредоточивается на политическихъ и дипломатическихъ отношеніяхъ съ конца царств. Екатерины II до царств. Александра I включительно и на придворной жизни; отчасти они касаются состоянія академіи наукъ и нѣкоторыхъ литературныхъ явленій; наконецъ частныхъ отношеній. Весьма любопытно объясненіе причины опалы графа Н. П. Панина, постигшей его въ началѣ царств. Александра I (117—119). Въ той же перепискѣ находится не мало извѣстій о современныхъ политическихъ дѣятеляхъ—русскихъ и иностранныхъ.

Историческіе матеріалы. Изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. В. I. Изд. ред. Кіев. Губ. Вѣд. К. 1882. 211. Ц. 50 к.

Мы не разъ уже указывали на страницахъ библіографическаго листка всю пользу подобныхъ сборниковъ, т. е. перепечатки со столбцевъ губерн. вѣдомостей матеріаловъ, имѣющихъ историческій интересъ. Къ такимъ сборникамъ принадлежитъ и настоящій. Онъ не представляетъ систематическаго цѣлаго, но въ отдѣльности самые акты заслуживаютъ вниманія со стороны мѣстнаго бытописателя. Вотъ перечень важнѣйшихъ изъ нихъ: дѣло 1752 о гайдамакахъ; поземельные споры монастырей 1752—58, 1778 гг.; контрабанда; пограничныя отношенія съ поляками въ 1789 г.; къ исторіи кіевскаго городскаго хозяйства въ концѣ XVIII столѣтія; перепись евреевъ въ малорос. губерніяхъ 1792 г.; къ характеристикѣ нравовъ 1776—93 гг.; высшая кіевская администрація съ 1654—1777 г.; голодъ въ кіев. губ. въ 1799; свѣдѣнія о лицахъ духовнаго званія въ кіев. намѣстничествѣ; къ исторіи кіевскаго варенья и т. п. Къ сборнику приложенъ указатель именъ.

В. И.

Н. В. Гербель: Гимназія высшихъ наукъ и лицей князя Безбородко. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Спб. 1881 г. 474+CLXXXVIII стр. въ 8 д. л. (десять литографій).

Н. В. Гербель принадлежитъ къ числу нашихъ дѣятельнѣйшихъ переводчиковъ, писателей-библіографовъ и тѣхъ издателей, которымъ за послѣдніе двадцать лѣтъ отечественная литература одолжена многими

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ТОМЪ XXXIV.

1882.

РЮРИКОВИЧИ РОМАНОВЫ

АРТ. МАТВѢЕВ. БОР. ГОЛИЦЫНЪ. ГОЛОВИНЫ.

ПОСОШКОВ. ШАФИРОВЪ. МАКАРОВЪ.

ЯК. ДОЛГОРУК. ОЗ. МЕНШИКОВ. ШЕРЕМЕТЕВ. ӨЕОФАН. ПРОКОПОВ.

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА ПЕРВАЯ

ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ ВТОРОЙ

КАНТЕМИР. ВОЛЫНСКІЙ

ИМПЕРАТРИЦА АННА-ІОАННОВНА

ЛОМОНОСОВ. ЯК. ШАХОВСК. БЕСТУЖЕВ-РЮМ. ИВ. ШУВАЛОВ.

ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ-ТРЕТІЙ

Ө. ВОЛКОВЪ
СУМАРОКОВ.
КОКОРИНОВ
БОРТНЯНСК.
ДЕРЖАВИНЪ
КУЛИБИНЪ
ГОЛ. КУТУЗОВ.

ТАТИЩЕВЪ
ШЛЕЦЕРЪ
ГЕРАРД. МИЛЛЕРЪ
М. ЩЕРБАТОВ
БОЛТИНЪ
ВИЗИНЪ
РАДИЩЕВЪ

ДАШКОВА. ОРЛОВЫ. ПОТЕМКИН. РУМЯНЦОВ. СУВОРОВ. БЕЗБОРОДКО. ВЕЛИКОЙ. НОВИКОВ.

БЕЛИНСК. ПАСКЕВИЧ. ВОРОНЦОВ. ЛЕРМОНТОВ. ГОГОЛЬ. М. ГЛИНКА. ЖУКОВСК.

СПЕРАНСКІЙ
КАРАМЗИНЪ
МОРДВИНОВЪ
КРЫЛОВЪ
ЕРМОЛОВЪ
ГРИБОѢДОВЪ
ПУШКИНЪ

ЗИМНІЙ ДВОРЕЦЪ и ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО въ 1753 г.

Состав. А. Шарлемань. рис. А. Брожъ

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

1882

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

[ТОМЪ XXXIV].

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ОДОЕВСКІЙ

1804 — 1839.

Приложеніе къ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» изд. 1882 г.

СЕВАСТОПОЛЬ ОТЪ 21 МАРТА ПО 28 АВГУСТА 1855 Г.

I.

До мартовской въ 1855 г. бомбардировки, болѣе или менѣе уцѣлѣвшія части Севастополя покрывали площадь, равную пространству, занимаемому нѣкоторыми изъ нашихъ губернскихъ городовъ. Сравнены съ поверхностью земли были только тѣ части города и его предмѣстій, гдѣ стояли укрѣпленія: 2-й и 3-й бастіоны, Ростиславскій редутъ и проч.; ближайшіе къ укрѣпленіямъ кварталы города были, конечно, въ развалинахъ; но въ сѣверныхъ частяхъ Екатериненской и Морской улицъ и въ прилегавшихъ къ бульвару переулкахъ нѣкоторые дома еще вовсе не были отмѣчены снарядами. На всемъ пространствѣ, между Николаевскимъ фортомъ, ресторяномъ Томаса (на Екатериненской улицѣ), библіотекою и базаромъ, едва ли можно было насчитать десятка два ямъ, вырытыхъ разорвавшимися бомбами; всѣ эти мѣста были наполнены жителями: семействами моряковъ, флотскихъ чиновниковъ, и множествомъ бабъ, бойко торговавшихъ на базарѣ и разносившихъ, подъ свистомъ пуль, блины и лепешки. Въ иномъ губернскомъ городѣ нѣтъ столькихъ лавокъ, трактировъ, булочныхъ, сколько ихъ было тогда въ осажденномъ Севастополѣ. Пробоины на крышахъ домовъ, гдѣ помѣщались рестораны Томаса и Шнейдера, тогда еще служили для нихъ предметомъ нѣкотораго тщеславія; а полковые казначеи и квартирмейстеры, изрѣдка пріѣзжавшіе съ Сѣверной стороны, съ любопытствомъ разспрашивали сторожа библіотеки о бомбѣ, влетѣвшей туда осенью и повредившей модель корабля „Двѣнадцать Апостоловъ". Въ хорошую

погоду на бульварѣ было много гуляющихъ, и дамскія платья подметали дорожку, между памятникомъ Казарскому и павильономъ. Проваленныя крыши, вышибленныя балки и простѣнки, закопченныя стѣны попадались тогда только по Екатерининской, за домомъ губернатора, въ части города, къ югу отъ библіотеки, на южномъ концѣ Морской, сзади Ростиславскаго редута и въ Артиллерійской слободкѣ. Всѣ эти мѣста были покинуты жителями; улицы здѣсь были пусты, изрыты бомбовыми взрывами и покрыты снарядами и осколками. Въ нѣкоторыхъ болѣе уцѣлѣвшихъ домахъ помѣщались кашевары, и здѣсь воздухъ былъ отравленъ запахомъ отъ отбросковъ провизіи и отъ помой. За разрушеннымъ театромъ на мѣстахъ домовъ оставались лишь кучи щебня и мусора, которыми было покрыто все пространство позади 4-го бастіона и чесменскаго редута. По этимъ развалинамъ бродили иногда матросы, выдирали пробои, гвозди и тащили уцѣлѣвшія двери и доски, для блиндажей и землянокъ.

Корабельная слободка была наполнена семействами матросовъ; даже на западномъ скатѣ Малахова Кургана было еще много домишекъ, и въ нѣкоторыхъ гнѣздились еще неугомонныя матроски, пока ихъ оттуда не выгнали снаряды, громившіе Севастополь на Святой недѣлѣ. Стѣна, окружавшая доки и примыкавшая къ морскимъ казармамъ, хотя и была повреждена, но еще не походила на рѣшето, а за казармами возвышался пронизанный ядрами куполъ принадлежавшей морякамъ церкви.

На Большомъ рейдѣ стояли остатки славнаго черноморскаго флота. Бухта перерѣзывалась линіею кораблей, повернутыхъ бортами къ морю; тутъ были корабли: „Великій князь Константинъ“, „Парижъ“, „Храбрый“, „Чесма“ и „Марія“. Шестой изъ уцѣлѣвшихъ кораблей „Ягудіилъ“, кажется, не былъ въ этой линіи и стоялъ отдѣльно, не могу навѣрно припомнить—гдѣ именно; помнится, что въ теченіи осады онъ разъ или два перемѣнилъ мѣсто. Фрегатъ „Коварна“ и нѣсколько транспортныхъ судовъ стояли близь сѣвернаго берега бухты, въ одномъ изъ ея заливовъ; недалеко отъ нихъ, помнится, стоялъ и фрегатъ „Кулевча“.

На всѣхъ этихъ судахъ, не смотря на исключительныя обстоятельства, неизмѣнно поддерживались совершенная чистота и щегольской порядокъ; чисто-начисто вымытыя палубы были также безукоризненно свѣжи, какъ воротнички англиканскаго епископа:

на люминаторахъ—ни пылинки; всякая мѣдная скоба была ярко вычищена. Вся эта чистота и свѣжесть, обычная для военныхъ судовъ, бросалась въ глаза теперь, когда все въ Севастополѣ было грязно, неопрятно и весь онъ былъ погруженъ въ зловоніе.

Ничего подобнаго этому порядку не было, да и быть не могло, на мелкихъ судахъ черноморскаго флота, корветахъ, шхунахъ и бригахъ, стоявшихъ въ Южной бухтѣ; да щеголеватость здѣсь была и не нужна, такъ какъ, въ сущности, суда эти перестали быть военными, по крайней мѣрѣ на это время: они стояли поперекъ бухты, и положенныя на ихъ борты доски составляли узкое полотно, по которому можно было даже проѣхать верхомъ. Это было въ то время единственное сообщеніе городской части съ Корабельной слободкой; весною оно прервалось, потому что непріятельскіе снаряды потопили нѣкоторыя изъ этихъ судовъ, и сообщеніе города съ слободкой поддерживалось катерами и шеландами, ходившими отъ Графской пристани къ Павловскому мыску. Впослѣдствіи былъ построенъ плавучій мостъ, изъ бревенъ, гораздо сѣвернѣе прежняго, отъ низменнаго мыска, отдѣлявшаго входъ въ доки отъ Южной бухты.

Хотя артиллерійская прислуга, на севастопольскихъ укрѣпленіяхъ, и занимавшія ихъ войска несли ощутительныя потери и въ первое полугодіе осады, но до послѣднихъ чиселъ марта батареи еще не представляли картины той непрерывающейся бойни, которая, въ послѣдніе мѣсяцы обороны Севастополя, характеризовала ее. Въ иные дни враги, на перевязочныхъ пунктахъ, дремали и играли въ пикетъ. На батареяхъ текла своеобразная жизнь, нарушаясь кровавыми эпизодами; но кровь тогда представляла лишь пятна на картинѣ, а не фонъ ея, какъ было въ послѣдній періодъ осады. Матросы имѣли еще досугъ добывать изъ разрушенныхъ домовъ бревна и строить изъ нихъ блиндажики; оттуда-же добывались доски, изъ которыхъ около доковъ и за правымъ флангомъ 5-го бастіона какіе-то оборотливые ребята сколачивали гробы; товаръ у этихъ комерсантовъ не залеживался. Изрѣдка матроски приносили на батареи, для продажи, сайки и квасъ; на 5-мъ и 6-мъ бастіонахъ появлялся одинъ длиннобородый мѣщанинъ, въ долгополомъ нанковомъ кафтанѣ, съ мѣшкомъ орѣховъ на плечахъ, почти всегда полупьяный; дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, вѣроятно дочь его, носила за нимъ небольшіе мѣдные

1*

вѣсы и часто, отъ страха, плакала. Не знаю—уцѣлѣла-ли бѣдняжка; съ конца мая ея уже не было видно.

Изрѣдка и въ то время перестрѣлка оживлялась; но обыкновенно она велась вяло, какъ бы лишь для соблюденія формальностей осады и обороны [1]). Штуцера лѣниво трещали; изрѣдка гудѣлъ пушечный выстрѣлъ съ той или другой батареи; отвѣтный дымъ клубился надъ непріятельской амбразурой, сигнальщикъ кричалъ: „берегись, пушка-а!"—и ядро, визжа, неслось черезъ гребень бруствера или съ глухимъ звукомъ врѣзывалось въ мерлонъ. По ночамъ пальба усиливалась; ружейные огоньки сверкали по укрѣпленіямъ, орудія перестрѣливались чаще; поминутно огненныя полоски бороздили темное небо, красноватыя звѣздочки быстро взносились на высоту, какъ будто пріостанавливались тамъ на мгновеніе и потомъ опускались, сначала медленно, а потомъ все съ бòльшею и большею скоростью, на какую нибудь батарею; черезъ нѣсколько секундъ вспыхнувшій огонь освѣщалъ ея мерлоны и раздавался трескъ лопнувшей бомбы.

До десятыхъ чиселъ февраля огонь непріятеля былъ сильнѣе противъ Малахова и 4-го бастіона. Но съ постройкою Селенгинскаго и Волынскаго редутовъ и Камчатскаго люнета этотъ фаворетизмъ перешелъ къ нимъ. Не то, чтобы уменьшилось количество снарядовъ, падавшихъ на Курганъ и на 4-й бастіонъ; непріятель ихъ не обдѣлялъ. Но на вновь построенные редуты снаряды падали въ удесятеренномъ количествѣ, чему обыкновенно подвергаются контръ-апроши. Въ то время, когда на нѣкоторыхъ батареяхъ можно было считать перелетавшіе черезъ нихъ снаряды лишь десятками и когда, въ иные дни, на флангахъ нашей оборонительной линіи вовсе не было слышно жужжанія ядеръ, Селенгинка, Волынка и Камчатка въ такой степени ощущали тяжесть осады, въ какой на другихъ батареяхъ она ощущалась только мѣсяца черезъ три-четыре, въ послѣдній ея періодъ. Селенгинскій и Волынскій редуты построены были наскоро, выдвинуты далеко впередъ и отдѣлялись отъ оборонительной линіи Киленбалкою и пространствомъ, около версты, открытымъ для

[1]) Перестрѣлку эту я называю вялою, конечно, лишь по сравненію съ пальбою въ послѣдній періодъ осады Севастополя. Безотносительно-же, пальба была значительна и въ первые шесть мѣсяцевъ. В.

непріятельскаго пушечнаго и штуцернаго огня. Брустверы редутовъ, составленные изъ двухъ-трехъ рядовъ туровъ, насыпанныхъ рыхлыми камнями, были слишкомъ тонки и низки, чтобъ защищать внутренность редутовъ отъ ядеръ; значительно утолстить брустверы, при безпрерывно поддерживаемомъ французами разрушительномъ огнѣ, было невозможно: скопленіе значительной массы рабочихъ стоило-бы намъ весьма большихъ жертвъ, а результатъ работъ двухъ-трехъ сотъ человѣкъ былъ ничтоженъ, такъ какъ грунтъ здѣсь состоялъ изъ сплошнаго камня и едва поддавался киркѣ и лому. Все, что намъ удавалось, съ большими усиліями, сдѣлать—это не допускать насыпи до разрушенія и по ночамъ исправлять поврежденія, которыя дѣлались непріятелемъ днемъ. Въ особенности, редуты терпѣли отъ бомбъ, которыя разносили цѣлые мерлоны, разщепляли платформы и убивали осколками прислугу при орудіяхъ и людей гарнизона, незащищенныхъ ни однимъ траверзомъ. Врачамъ, дежурившимъ на перевязочномъ пунктѣ, находившемся въ балочкѣ, за Селенгинскимъ и Волынскимъ редутами, работы было много; въ балочку часто залетали снаряды, и это былъ, въ то время, самый опасный изъ перевязочныхъ пунктовъ. Окончивъ здѣсь свое дежурство, врачи смѣнялись съ особенною стремительностью. Отсюда можно было пройти въ городъ по удобной тропинкѣ, шедшей по горкамъ, отвѣсно обрывавшемся у бухты; но мѣсто это было сильно обстрѣливаемо. Другая тропинка, защищенная отъ снарядовъ и пуль, шла внизу, у самой воды; но она была едва намѣчена и совершенно прерывалась тамъ, гдѣ вода подходила къ самымъ прибрежнымъ скаламъ. Тутъ можно было пробраться только по выглядывавшимъ изъ воды каменьямъ. Смѣнившіеся съ дежурства врачи предпочитали этотъ послѣдній путь и дѣлали забавные прыжки, перескакивая съ камня на камень.

На Селенгинскомъ редутѣ я провелъ Страстную недѣлю, встрѣтилъ Пасху и пробылъ всю мартовскую бомбардировку. Въ послѣдніе дни страстной недѣли непріятель менѣе обыкновеннаго безпокоилъ Севастополь, вѣроятно, сберегая снаряды для бомбардированія, подготовляемаго къ 28 марта. На второй день Святой недѣли мы поняли причину сравнительнаго бездѣйствія непріятеля въ предшествовавшіе дни; тогда-же мы думали, что это дѣлается изъ уваженія къ днямъ, которые одинаково должны были-бы

чтиться всѣмъ христіанскимъ міромъ, такъ какъ Пасха въ томъ году и у насъ, и на Западѣ приходилась въ одинъ и тотъ-же день.

Ночь, наканунѣ Свѣтлаго Воскресенія, была темная и холодная. На редутѣ должны были быть отслужены утреня и обѣдня. У амбразуры бомбовой пушки (комендоръ Фоменчукъ), стоявшей на правомъ фасѣ редута, близь выхода изъ пороховаго погреба, висѣлъ мѣдный крестикъ и былъ прикрѣпленъ къ туру листъ бумаги (помнится—безъ рамки), на которомъ перомъ и черниломъ кое-какъ нарисованъ былъ ликъ Богоматери. Никогда мнѣ не случалось потомъ встрѣчать подобнаго образа, да ни одинъ изъ нашихъ простолюдиновъ даже и не призналъ-бы его за образъ, такъ какъ онъ лишенъ былъ непремѣннаго атрибута святости: той красочной мазни, которою пестрѣютъ образа, разносимые офенями. Какъ ни неумѣло, однако, былъ сдѣланъ на этомъ листѣ бумаги рисунокъ, онъ, все-таки, былъ менѣе неизященъ, нежели chef-d'oeuvre холуйскихъ Фіезоле. Этотъ образъ перенесли на передній фасъ редута и прикрѣпили къ туру, немного правѣе капонира; передъ образомъ зажгли восковыя свѣчи, и матросы ставили свѣчки въ теченіи всей ночи. Утреня и обѣдня были отслужены при гулѣ непріятельскихъ пушечныхъ выстрѣловъ; церковное пѣніе иногда прорѣзывалось громкимъ предупредительнымъ крикомъ сигнальщика и черезъ молящуюся толпу переносились снаряды. Одна изъ бомбъ начала было опускаться прямо на насъ, но, къ счастью, разорвалась въ воздухѣ, не долетая нѣсколько саженей до редута.

Не помню, молчали-ли въ день Свѣтлаго Воскресенія орудія на другихъ батареяхъ; но Селенгинскій и Волынскій редуты не сдѣлали ни одного выстрѣла. Непріятельскія орудія дѣйствовали слабо, но ружейный огонь былъ гораздо сильнѣй обыкновеннаго. Говорили, что французы, для празднованія Пасхи, были выведены изъ траншей и вмѣсто нихъ тамъ поставлены были турки. Мы не имѣли случая провѣрить этотъ слухъ, но онъ казался намъ правдоподобнымъ, такъ какъ ружейная пальба велась нелѣпо и безцѣльно.

День Свѣтлаго Воскресенія былъ солнечный и безоблачный. Уже съ разсвѣтомъ пули засвистѣли надъ Селенгинскимъ редутомъ, и стрѣльба все учащалась. Большинство нашей орудейной прислуги спало около орудій; нѣкоторые матросы свернулись въ

укромныхъ уголкахъ, другіе-же распростерлись на платформахъ, не ощущая, что черезъ нихъ шагали и наступали имъ на руки и на ноги. Не смотря на отдаленность редутовъ отъ города, изъ экипажей доставлено было матросамъ разговѣнье, передъ обиліемъ котораго большинство ихъ подалось. Только немногіе, сравнительно трезвые и обладавшіе поразительно емкими желудками, сидѣли на лафетахъ и турахъ и продолжали разгавливаться, хотя уже не такъ порывисто, какъ ночью. Прислуга ближайшей къ моему банкету бомбовой пушки представляла различныя стадіи состоянія невмѣняемости. Комендоръ Фоменчукъ лежалъ на платформѣ, просунувъ голову подъ тали орудія. Это былъ старый и бравый матросъ, плотный, рыжеватый и рябой; онъ былъ очень мужественъ, часто грубъ и никогда не упускалъ случая выпить; онъ не находилъ достаточнымъ удовольствіе выпивать ежедневно отпускавшіеся чарки, а сливалъ ихъ въ бутыль во всѣ будничные дни недѣли, чтобы потомъ, въ воскресенье, собранною такимъ образомъ водкою напиваться до безчувствія. Эта привычка припасать не на черный, а красный день была, впрочемъ, не у одного Фоменчука, а у многихъ матросовъ. Не смотря на регулярныя воскресныя и случайныя будничныя выпивки, Фоменчукъ былъ хорошій комендоръ. На той-же платформѣ нѣсколько матросовъ лежало такъ же безпомощно, какъ валяются на морскомъ берегу медузы, послѣ отлива. Двое или трое сидѣли на пушечномъ станкѣ, на „медвѣдкѣ“, какъ они его называли. Опершись о винградъ, стоялъ недавно поступившій въ экипажъ рекрутикъ. Онъ смотрѣлъ средней руки медвѣжонкомъ и не успѣлъ еще усвоить той походки и тѣхъ манеръ, по которымъ можно издали узнать матроса, какъ бы его ни перерядили. Его ротъ былъ плотно набитъ куличемъ, и, глядя на него, я уже не удивлялся аппетиту тѣхъ эскимосовъ и якутовъ, о которыхъ повѣствуютъ Джонъ Россъ и Кохренъ. Едва-ли можно сомнѣваться, что поглощенная имъ масса пищи частью оставалась непереваренною, когда, на другой день, утромъ, его туловище валялось близь той же платформы, а оторванная ядромъ голова была унесена куда-то за брустверъ.

День Свѣтлаго Воскресенія прошелъ, не отличаясь рѣзко отъ предшествовавшихъ ему дней страстной недѣли. Только меньше бомбъ лопнуло надъ редутомъ, больше пуль пролетѣло надъ

нимъ, да платформы и банкеты пестрѣли красною яичною скорлупою. Къ вечеру тучи покрыли небо и въ сумерки пошелъ мелкій дождь и подулъ холодный вѣтеръ.

Часамъ къ девяти вечера, совершенно промокшіе и окоченѣлые, мы пріютились у дверей пороховаго погреба, чтобъ подъ нависшими надъ входомъ бревнами накатника немного защититься отъ вѣтра. Черезъ двадцать-тридцать минутъ, вода, пропитывавшая мое платье и бѣлье и покрывавшая тѣло, нѣсколько согрѣлась, и мною начала овладѣвать дремота, хотя крупныя, холодныя дождевыя капли, заносимыя подъ навѣсъ вѣтромъ, кропили мнѣ лицо. Немногіе офицеры сидѣли и разговаривали; остальные спали, скорчившихъ и прижавшись плотнѣе къ дверямъ погреба и къ боковымъ откосамъ спуска. Ночь была очень темная, на редутѣ было тихо; только съ ближайшей платформы слышался говоръ протрезвившихся матросовъ. Вдругъ, въ цѣпи, стоявшей впереди Селенгинскаго и Волынскаго редутовъ, раздалось нѣсколько отдѣльныхъ выстрѣловъ, и вслѣдъ за тѣмъ затрещала стрѣльба по всей цѣпи. Со стороны непріятеля къ намъ доносился крикъ, похожій на „ура"; трескъ и сверканье огоньковъ въ нашей цѣпи быстро приближались къ редутамъ. Прислуга поспѣшно стала по орудіямъ, и велѣно было зарядить картечью.

Въ цѣпи, зашедшей за фланги редутовъ, раздался условный сигналъ. Изъ амбразуры Волынскаго редута вырвался огонь, грянулъ выстрѣлъ—и редутъ заговорилъ всѣми орудіями передняго и праваго фасовъ. По гребню бруствера бѣгло засверкалъ ружейный огонь, огненною полосою отчетливо обозначая очертанія редута. Съ громомъ и шипѣньемъ выносилась картечь изъ переднихъ амбразуръ нашего редута. На Камчаткѣ загорѣлся фальшфейеръ; лѣвый ея фасъ засверкалъ, фланкируя насъ, и вслѣдъ за тѣмъ загрохотали орудія 4-й оборонительной линіи, отъ Малахова Кургана до 1-го бастіона, включительно. Непріятель отвѣчалъ преимущественно ядрами. Снаряды неслись черезъ насъ по всѣмъ направленіямъ и рикошетировали передъ редутомъ. Наши бомбы взвивались изъ-за Киленбалки, медленно повертывались въ высотѣ надъ Волынкою и неслись въ Георгіевскую балку. Одна изъ нихъ, брошенная, кажется, со втораго бастіона, начала было опускаться на передній лѣвый уголъ нашего редута; но, къ счастью, она лопнула, не долетая саженей восьми до земли, и

осколки разлетѣлись за валы. Всѣ наши выстрѣлы дѣлались наудачу, безъ наводки, съ приблизительнымъ лишь направленіемъ орудій и подъемомъ клиньевъ, потому что ночь была такъ темна, что человѣкъ могъ стать на вершину контръ-эскарпа, не будучи замѣченъ съ укрѣпленія; огонь выстрѣловъ освѣщалъ только щеки амбразуръ, да нѣсколько шаговъ за рвомъ: дождь не пропускалъ свѣта далѣе. Не смотря, однако же, на трескъ и грохотъ, мы вскорѣ замѣтили, что слышимый съ непріятельской стороны крикъ не приближался къ намъ, и не открывали ружейнаго огня. Комендоръ орудія, стоявшаго правѣе капонира, медлилъ выстрѣломъ. „Не копаться", крикнулъ ему мичманъ Ф., „стрѣляй!" Стрѣлки 1-ой карабинерной роты, занимавшіе банкетъ около орудія, думая, что приказаніе это относится къ нимъ и не видя въ темнотѣ приказывавшаго, открыли было огонь, но его тотчасъ же остановили. Минскій батальонъ, занимавшій Волынку, прекратилъ его также. Вскорѣ получено было извѣстіе, по которому орудія на редутахъ замолчали. Оказалось, что цѣпь напрасно поторопилась отступить, такъ какъ французы не показывались изъ своихъ траншей; причина же слышавшагося оттуда сильнаго крика осталась неразъясненною. Орудія Малахова Кургана и 2-го бастіона еще съ полчаса лѣниво перестрѣливались съ осадными батареями. Въ продолженіи всей этой ночи шелъ дождь, и на насъ не осталось ни одной нитки сухой.

Лѣвѣе пороховаго погреба была небольшая землянка, гдѣ ютились отбывшіе свою очередь у орудій матросы и куда они складывали засаленные узлы и тряпки, „наши вещи", какъ они называли всю эту дрянь. Къ потолку землянки было прикрѣплено нѣсколько ружей, для чего то данныхъ орудейной прислугѣ; тутъ же висѣли сумки, съ розданной матросамъ на руки провизіей. Въ углу стоялъ боченокъ съ прокисшимъ и вонючимъ квасомъ. Изъ землянки несло сыростью и плѣсенью. Въ ненастную погоду приходилось здѣсь укрываться отъ дождя офицерамъ, отбывшимъ свою очередь на банкетѣ и при работахъ. Землянка не представляла, конечно, убѣжища отъ навѣсно падавшихъ снарядовъ; но отъ осколковъ здѣсь было безопасно, и прицѣльно брошенные снаряды не задѣвали крыши, если не были наизлетѣ. Совершенно промокнувъ во время ночной перестрѣлки, я вошелъ въ землянку, легъ въ углу, подложивъ себѣ подъ голову чью-то шинель, и сейчасъ же крѣпко уснулъ.

II.

Мое пробужденіе, на слѣдующій день, совпало съ открытіемъ непріятельской канонады. Это было началомъ того адскаго бомбардированія, которое началось рано утромъ 28-го марта и продолжалось почти двѣ недѣли. Не помню уже, проснулся ли я за нѣсколько минутъ до открытія непріятельскаго огня или былъ разбуженъ первыми залпами. Впрочемъ выраженіе „первые залпы“ вовсе тутъ не подходитъ: никакихъ тамъ ни первыхъ, ни вторыхъ залповъ не было, а во весь день 28-го марта былъ одинъ только залпъ, грянувшій около пяти часовъ утра и грохотавшій до сумерокъ, когда онъ раскатился на сотни отдѣльно различаемыхъ пушечныхъ выстрѣловъ. Въ теченіе же дня не было такой полусекунды, когда не гремѣло-бы нѣсколько выстрѣловъ, такъ что ни малѣйшаго промежутка между ними не было и вся канонада сливалась въ сплошной ревъ. Уже въ первую минуту канонады невозможно было сосчитать несшихся черезъ редутъ снарядовъ.

„По орудіямъ, по орудіямъ, брандировка!“ кричали ошеломленные командиры.

Очередная прислуга суетилась у орудій. Изъ землянокъ, выкопанныхъ за рвомъ задняго фаса редута, сыпались матросы, набѣгу надѣвая куртки и пальто. Съ ревомъ, визгомъ, шипя, неслись на насъ снаряды. Нѣкоторыя наши батареи уже отвѣчали. Шелъ довольно мелкій, но частый дождь. Онъ ли мѣшалъ наводкѣ непріятельскихъ орудій или непріятельскіе наводчики слишкомъ торопились—но первые, направленные въ насъ, снаряды ложились безвредно для насъ; бомбы большею частію разрывались за редутомъ; ядра неслись черезъ валъ. Редутъ нашъ спѣшно готовился къ отвѣту, банники и гандшпуги работали у орудій; на платформахъ слышалось мѣрное „разъ-два-а... разъ-два-а“ — натягивали тали. Черезъ нѣсколько минутъ все было готово.

Дымъ вырвался изъ амбразуры капонира: другой — съ лѣваго угла... третій — и нашъ редутъ задрожалъ и загремѣлъ отвѣтными выстрѣлами. Волынка дымилась; Малаховъ Курганъ и Камчатка, кажется, заговорили раньше насъ; вся линія нашихъ укрѣпленій сверкала и гудѣла. Гребни горъ Сѣверной стороны гуще и гуще

застилались дымомъ; клубами вылеталъ онъ изъ амбразуръ сѣверныхъ батарей, выручавшихъ своихъ товарищей.

Орудіе Фоменчука было фланговое и не было направлено на какую-либо изъ непріятельскихъ батарей; но обстрѣливаемое имъ пространство было усѣяно ложементами. Непріятельскіе ложементы были устроены и на находившейся тутъ каменной ломкѣ. Фоменчукъ зорко наблюдалъ за обстрѣломъ своего орудія и, замѣтивъ на каменной ломкѣ движеніе, сказалъ объ этомъ стоявшему близь орудія штурманскому прапорщику Л—ву.

— Твое туда наведено?—спросилъ Л—въ.

— Туда.

— Валяй!

— Товсь!—гаркнулъ Фоменчукъ, отскакивая отъ орудія, и дернулъ снурокъ. Шестидесяти-восьми фунтовая пушка, визжа, отпрыгнула и граната понеслась на каменную ломку. Одинъ матросъ вскочилъ на банкетъ.

— Не донесло, сказалъ онъ. Съ каменной ломки не стрѣляли и она была явственно видна, сквозь легкую пелену дыма.

Л въ самъ навелъ орудіе, но и этотъ выстрѣлъ былъ неудаченъ: ядро высоко взбросило землю, перелетѣвъ черезъ ломку. Третій снарядъ попалъ хорошо, и Фоменчукъ отмѣтилъ мѣломъ на подъемномъ клинѣ.

Наши и непріятельскіе выстрѣлы, трескъ бомбъ и гранатъ—все слилось въ непрерывный ревъ и грохотъ. Промежутковъ между выстрѣлами не было и оглушительная сила этого рева возрастала или понижалась, соразмѣрно съ количествомъ орудій, стрѣлявшихъ одновременно. Только выстрѣлы нашего и Волынскаго редутовъ слышались раздѣльно. Масса чугуна текла надъ нашими головами. Въ воздухѣ и, казалось, въ землѣ слышался какой-то потрясающій стонъ. Дымъ такъ сгустился, что орудія направляли и наводили по замѣткамъ, сдѣланнымъ на платформахъ и подъемныхъ клиньяхъ, послѣ прежнихъ удачныхъ выстрѣловъ. Густая пелена дыма стлалась надъ бухтою. Огонь непріятеля становился все мѣтче и губительнѣе для насъ; бомбы безпрестанно рвались на редутѣ, ядра врывались въ амбразуры, врѣзывались въ брустверъ и опрокидывали туры, изъ которыхъ онъ исключительно состоялъ. Къ счастью, намокшія отъ предшествовавшаго дождя мерлоны осыпались не такъ легко. Уже много

прислуги убыло, но подбитыхъ орудій пока еще не было, и комендоры живо отстрѣливались. Какой-то поджарый малый лѣтъ семнадцати, босой и засаленный до-нельзя, какъ бѣшенный метался изъ погреба и въ погребъ, вынося оттуда картузы и гранаты. „Гранату“! кричали ему комендоры, „ядро“,—и онъ мчался изъ погреба, съ гранатой въ своихъ цѣпкихъ рукахъ или съ зарядомъ для ядра, такъ какъ самыя ядра лежали у орудій. Непонятно, какъ онъ въ этомъ хаосѣ ошеломляющихъ звуковъ различалъ, что голосъ, кричащій „ядро“, несся отъ тридцати-шести фунтовой пушки, а гранату требовали къ орудію такого-то вѣса.

Съ капонира лейтенантъ С. уставилъ телескопъ въ дымъ, клубившійся между нашимъ редутомъ и непріятельскими батареями, и дѣлалъ видъ, что видитъ самыя батареи.

— Отлично, сказалъ онъ, сходя съ банкета, — у французовъ завалено шесть амбразуръ.

Никакихъ амбразуръ онъ, конечно, не видѣлъ и сказалъ это для утѣшенія комендоровъ. Передъ редутомъ видны были только дымовыя тучи, прорѣзывавшіяся огнями тамъ, гдѣ онѣ были менѣе густы.

Вскорѣ изъ пороховаго погреба дали знать, чтобы комендоры поменьше расходовали разрывныхъ снарядовъ. Порохъ какъ-то успѣли доставить на Селенгинскій редутъ въ достаточномъ количествѣ, но снарядовъ было мало. На Селенгинскій и Волынскій редуты и на люнетъ, стоявшій лѣвѣе послѣдняго, не легко было доставлять снаряды. Ихъ подвозили въ катерахъ къ бухточкѣ, находившейся въ полуверстѣ отъ редутовъ, за саперными блиндажами, и оттуда на рукахъ носили на гору, обстрѣливаемую перекрестно. Бомбы и гранаты доставлялись, кажется, не снаряженными и снаряжались на редутахъ.

Начали стрѣлять только ядрами, но ихъ было немного; выстрѣлы раздавались съ Селенгинскаго редута рѣже и рѣже. По мѣрѣ того, какъ ослабѣвалъ огонь редута, непріятельскіе снаряды ложились все вѣрнѣе и вѣрнѣе. Меньше визга и свиста слышалось надъ головою: ядра уже не неслись черезъ укрѣпленіе, какъ въ первыя минуты бомбардированія, а врѣзывались въ мерлоны и въ щеки амбразуръ, разметывая прутья изорванныхъ туровъ. На внутренней площадкѣ редута сверкали огни и клу-

бился дымъ ежеминутно лопавшихся бомбъ, и осколки, урча и визжа во всѣхъ направленіяхъ, били людей на банкетахъ и платформахъ. Раненыхъ едва успѣвали относить къ перевязочному пункту, убитыхъ стаскивали съ редутовъ, кажется, туда же.

Около полудня принесли изъ ротныхъ кухонь ушаты съ солдатскими щами, и мы вошли въ землянку, чтобъ пообѣдать. Едва мы пообѣдали наскоро, какъ надъ нами раздался трескъ лопнувшихъ брустьевъ, поддерживавшихъ досчатый потолокъ землянки; удушливая пыль наполнила всю ея внутренность и земля обдала насъ съ головы до ногъ. Два унтеръ-офицера, стоявшіе близь выхода, рухнули на полъ, съ головами, проломленными лопнувшими брусьями; одинъ былъ убитъ на повалъ, другой еще слабо стоналъ. Брошенная прицѣльно и бывшая наизлетѣ бомба, сдѣлала по крышѣ землянки рикошетъ; къ счастью, она ударила не въ середину крыши, причемъ, конечно, она обрушилась бы и мы были бы задавлены насыпанною на ней землею; ударъ пришелся къ самому углу землянки, и брусья хотя лопнули и вогнулись, но нѣкоторые изъ нихъ были только надломлены и удержали потолокъ. Съ землянки бомба вскочила на насыпь пороховаго погреба и скатилась оттуда обезсиленная; трубка ее оказалась погасшею. Совокупный громъ нѣсколькихъ тысячъ орудій пяти націй былъ немощенъ, чтобъ прервать сонъ и прогнать хмѣль какого-то пожилаго матроса, съ утра валявшагося въ землянкѣ. Онъ лежалъ близь выхода, рядомъ съ трупомъ убитаго унтеръ-офицера, покрывшись шинелью, на которую навалилось съ проломленнаго потолка нѣсколько пудовъ земли. Когда всѣ выбѣгали изъ грозившей рухнуть землянки, то кто-то наступилъ ему на кисть руки и только этимъ пробудилъ его на минуту. Онъ приподнялъ было голову и несказанно удивился, видя всеобщее бѣгство, казавшееся ему безпричиннымъ. „Господи, Боже мой! — то входятъ, то выходятъ“, промычалъ онъ сердито, переворачиваясь на другой бокъ.

Часу во второмъ дня канонада, казалось, начала едва замѣтно ослабѣвать, но на правый фасъ редута, въ началѣ дня менѣе другихъ терпѣвшій отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, теперь снаряды ложились въ большомъ количествѣ. Тросовый щитъ [1]), за-

[1]) Для защиты орудейной прислуги отъ пуль, въ Севастополѣ амбразуры завѣшивались щитами, сплетенными изъ корабельныхъ веревокъ средней толщины; въ щитахъ оставлялось отверстіе, для дульной части орудія. В.

слонявшій амбразуру, въ которую глядѣло орудіе Фоменчука, былъ истрепанъ ядрами; наконецъ, ядро разшибло брусъ, на которомъ висѣлъ этотъ щитъ и открыло орудіе совершенно. Уже много прислуги убыло на этой платформѣ; но орудіе замолчало не отъ невозможности замѣстить убывшихъ, а отъ того, что опасались выпустить послѣдній запасъ снарядовъ. На переднемъ фасѣ многія орудія были подбиты; одно изъ нихъ успѣли замѣнить, но новое тоже молчало, по недостатку снарядовъ. Селенгинскій редутъ былъ сильно избитъ и изуродованъ. Валы его, вообще болѣе похожіе на траншейный брустверъ, теперь стали кучами глины и щебня, изъ которыхъ торчали прутья фашинъ и изорванные туры. Земля осыпалась бы еще болѣе, еслибы не была смочена дождемъ. Нѣкоторыя платформы, у амбразуръ передняго фаса, были разщеплены бомбами; даже брустверъ задняго фаса, состоявшій изъ двухъ рядовъ туровъ, мѣстами былъ опрокинутъ снарядами, перелетѣвшими черезъ передній валъ. Почти всѣ земляночки, вырытыя матросами за редутами, были завалены. Много людей снесли за этотъ день на перевязочный пунктъ, устроенный въ полуразрушенномъ каменномъ домикѣ, близь берега бухты, въ балочкѣ, за возвышеніемъ, занятымъ Селенгинскимъ и Волынскимъ редутами. Снаряды, перелетая черезъ возвышеніе, часто ложились около этого домика, иногда задѣвая остатки крыши или отваливая часть угла. Помощь, подаваемая здѣсь раненымъ, ограничивалась наложеніемъ на рану пучка корпіи и поспѣшною обвязкою ея бинтомъ. Тщательныхъ перевязокъ здѣсь невозможно было дѣлать, такъ какъ раненыхъ было много и нужно было кончать перевязку поскорѣе, подъ трескомъ разрывавшихся бомбъ, которыя могли перебить людей, толпившихся съ носилками.

Къ вечеру огонь непріятеля значительно ослабѣлъ, но канонада не прерывалась во всю ночь, а съ разсвѣтомъ бомбардированіе загорѣлось съ новою силою.

Едва ли возможно точно опредѣлить: сколько дней продолжалось бомбардированіе, такъ какъ оно не окончилось такъ же рѣзко, какъ началось, а ослабѣвая постепенно, незамѣтно перешло въ такую перестрѣлку, какая обыкновенно велась между нашими и непріятельскими батареями. Не легко также опредѣлить: въ какой день бомбардированіе было наиболѣе сильно. Позднѣйшія разнорѣчія въ опредѣленіи времени наибольшаго напряженія

канонады понятны, такъ какъ они дѣлались людьми, находившимися на различныхъ пунктахъ нашей оборонительной линіи. Въ одинъ день сильнѣе громили однѣ батареи, а въ слѣдующій затѣмъ—другія. Но разсказы о бомбардированіи Севастополя на Святой недѣлѣ, кажется, сходятся въ опредѣленіи пунктовъ наиболѣе страдавшихъ — это наши контръ-апроши: Селенгинскій и Волынскій редуты и Камчатскій люнетъ. Во всѣ послѣдніе дни марта и въ теченіи первыхъ семи-восьми дней апрѣля внутренность Селенгинки представляла картину постоянной, непрерывавшейся ни на одинъ часъ, бойни; но я не могу съ увѣренностью сказать: который изъ этихъ дней былъ наиболѣе кровавъ; мнѣ кажется, что 28-го марта. Человѣческая рѣчь и всѣ данные человѣку способы выражать его представленія о предметахъ безсильны, чтобы дать хотя отдаленное понятіе о томъ, что происходило въ этотъ день. Понятіе объ этомъ днѣ можетъ быть дано единственно повтореніемъ такого дня. Если когда-нибудь было произведено что-либо, подобное этому хаосу потрясающихъ звуковъ, сопровождаемому гибелью и разрушеніемъ всего окружающаго, то это было произведено стихійными силами. Волею же человѣческою съ сотворенія міра ничего въ подобномъ размѣрѣ произведено не было.

За балочкою, гдѣ былъ перевязочный пунктъ, каменистый берегъ круто подымается надъ бухтою. Въ одномъ мѣстѣ волны подмыли отвѣсный берегъ, мягкій известнякъ осыпался и образовалось углубленіе, съ нависшею надъ нимъ каменною массою и съ полоскою земли у бухты. Только сильный вѣтеръ съ моря нагонялъ въ это углубленіе воду; обыкновенно же между скалою и водою была полоса влажнаго песка, аршина въ три-четыре шириною. Сюда батальоны иногда приходили съ редутовъ на отдыхъ или, правильнѣе говоря, здѣсь они находили защиту отъ снарядовъ; отдыхать же на временно обнажившейся части морскаго дна впору развѣ тюленямъ и сивучамъ. Нависшій утесъ хорошо защищалъ это мѣсто отъ снарядовъ; бомба едва ли могла бы обвалить его, а перелетѣвъ черезъ него, падала въ воду и захлебывалась. Только ударя въ самый край утеса, снарядъ могъ бы отвалить глыбу камня и раздавить ею человѣка или двухъ; или бомба, не долетая нѣсколькихъ аршинъ до воды, могла разорваться и послать осколки въ нашу нору, что разъ и случилось. Но, вообще, это

мѣсто было самое безопасное на той сторонѣ Киленбалки, и мы могли оттуда спокойно любоваться бухтою и горами крутаго прибрежья Сѣверной Стороны, увѣнчанными батареями. Часто бомбы низвергались въ бухту; на мѣстѣ паденія бомбы, столбъ водяной пыли взлеталъ на нѣсколько аршинъ вверхъ и вода минутъ пять-шесть бурлила и кипѣла, какъ Нарзанъ; осколки бомбъ, лопавшихся надъ водою, рикошетировали иногда до середины бухты, вышибая брызги съ гладкой ея поверхности. По временамъ на той или другой изъ батарей Сѣверной стороны клубился дымъ, грохотъ выстрѣла несся надъ бухтою и эхо отдавалось отъ прибрежныхъ скалъ. Вечеромъ, когда полетъ бомбъ былъ видѣнъ, любопытно было наблюдать выстрѣлы батареи, стоявшей правѣе Куриной балки: изъ амбразуры сверкнетъ огонь, огненная черта изогнется по небу, на непріятельской батареѣ вспыхнетъ огонь—и только тогда раздавался запоздавшій звукъ выстрѣла и слышалось шипѣніе отъ полета снаряда, успѣвшаго уже разорваться.

Правѣе этой батареи виднѣлся какой-то хуторъ; свѣжо и зелено выглядывалъ онъ изъ балочки, разрушеніе въ то время еще не коснулось его. Когда, залѣпленные грязью и измокшіе, мы приходили съ редутовъ или изъ передовыхъ ложементовъ и ложились на мокрый песокъ—съ завистью смотрѣлъ я на свѣтлые домики хуторка; воображеніе мое рисовало ихъ комнатки сухими и опрятными; тѣмъ свѣтлѣе и уютнѣе воображались мнѣ онѣ, чѣмъ болѣе проницала мою одежду сырость и чѣмъ болѣе я былъ покрытъ грязью. Мечтая о сухой постели и чистомъ бѣльѣ, лежалъ я, положивъ голову на влажный камень. Солдаты подкладывали себѣ подъ головы патронныя сумки, намъ же служили подушками плоскіе куски пропитаннаго сыростью слоистаго камня, въ трещинахъ котораго гнѣздились огромныя сороконожки. Мокрая рубашка прилипала къ зудѣвшему тѣлу и всякое движеніе какимъ нибудь членомъ сопровождалось непріятнымъ ощущеніемъ, отъ соприкосновенія съ намокшимъ бѣльемъ.

Въ томъ мѣстѣ мы оставались иногда часть дня и вечера, удѣляя нѣсколько времени для сна; всѣ же ночи мы проводили на редутахъ или въ передовой цѣпи, въ ложементахъ. Послѣ нѣсколькихъ часовъ сна въ охватывавшей меня сырости, я почти всегда просыпался съ тяжелою головою, со звономъ въ ушахъ и

съ ознобомъ во всемъ тѣмъ. Но часто я жадно ждалъ и такого полуотдыха. Я припоминаю одну томительную ночь, проведенную въ ложементахъ, во время которой я ждалъ-не-дождался возвращенія на обычное мѣсто нашего отдыха. Ночь эта была лунная и сухая; перестрѣлка была незначительная. Уже вскорѣ послѣ того, какъ стемнѣло и мы залегли въ ложементы, я почувствовалъ жажду, а у солдатъ, сидѣвшихъ со мною въ одномъ ложементѣ, воды не оказалось. Я надѣялся перетерпѣть до утра, когда наша цѣпь должна была сняться; но послѣ полуночи жажда у меня сдѣлалась нестерпимою; полость рта и горло горѣли. Отбросивъ предосторожности, я обошелъ всѣ ложементы, предлагая солдатамъ полуимперіалъ за чарку воды; но всѣ манерки были пусты. Только тотъ, кто самъ когда либо былъ мучимъ жаждою, пойметъ, какъ я провелъ остатокъ ночи. Напрасно я прибѣгалъ къ традиціонному грызенію пули: прикосновеніе свинца не уменьшало жара во рту и языкъ оставался сухъ, какъ трутъ. Къ счастью, апрѣльская ночь не длинна. Едва мы, снявшись съ цѣпи, подошли къ бухтѣ—я не имѣлъ терпѣнія достать чарку или стаканъ, подбѣжалъ къ водѣ, упалъ на колѣни, какъ одинъ изъ воиновъ Гедеона, и жадно началъ пить воду пригоршнями. Только уже послѣ первыхъ глотковъ, я подумалъ о непригодности морской воды, для утоленія жажды. Къ счастью, сильный и продолжительный восточный вѣтеръ отогналъ изъ этой части бухты массу морской воды, и вода, которую я пилъ, была разбавлена такимъ количествомъ прѣсной, нашедшей изъ Черной рѣчки, что была едва лишь горьковата.

По окраинамъ скалы, надъ нашимъ убѣжищемъ, шла дорога съ редутовъ въ Корабельную слободку; дорога эта служила только пѣшеходамъ, орудія же таскали по другой, шедшей около холма, получившаго впослѣдствіи названіе Забалканской высоты, отъ батареи, построенной тутъ пѣхотнымъ графа Дибича Забалканскаго полкомъ. Непріятельскіе снаряды неслись постоянно вдоль обѣихъ этихъ дорогъ. Однажды, когда мы сидѣли подъ нашею скалою, надъ нами раздался взрывъ бомбы, и что то слетѣло сверху и шлепнулось о прибрежную глину. Солдаты увидѣли, что это былъ мозгъ, поднялись на дорогу и снесли трупъ матроса; отъ его затылка висѣли покрытые волосами клочки кожи, на которой держались куски раздробленнаго черепа. Въ дру-

гой разъ бомба лопнула, не долетая двухъ-трехъ аршинъ до поверхности воды, почти у самаго берега; ворвавшіеся къ намъ осколки ранили легко двухъ солдатъ и одному оторвали обѣ ноги—одну выше колѣна, а другую у самаго живота. Солдатъ упалъ навзничь; изъ мяса лѣвой его ноги далеко торчала перебитая бедряная кость, а на правомъ бедрѣ клочья мяса и кожи висѣли какими-то кровавыми тряпками. Какъ-то случайно въ моей памяти заронилась фамилія этого солдата—онъ назывался Барановскимъ. Онъ какъ-то нечеловѣчески мычалъ и безсмысленно водилъ помутившимися глазами. Черезъ нѣсколько минутъ онъ умеръ. Много людей умерло передъ моими глазами, но я видѣлъ еще только двѣ физіономіи, выражавшія столько страданія, сколько его было въ предсмертномъ виpаженіи лица этого бѣдняка; одна изъ нихъ была у трупа какого-то солдата, лежавшаго у Павловскаго форта, а другая у комендора Мѣшкова, разорваннаго пополамъ, при разрывѣ орудія на Шварцевомъ редутѣ. Мѣшковъ тоже жилъ еще нѣсколько минутъ. Онъ былъ георгіевскій кавалеръ, боцманматъ, отличный комендоръ и отличался правильнымъ, серьезнымъ и умнымъ лицомъ; послѣднее, впрочемъ, не рѣдкость между матросами. Мѣшковъ заслужилъ лучшую эпитафію, нежели эти строки.

Въ теченіи нашего пребыванія на контръ-апрошныхъ редутахъ, баталіоны поочередно приходили по два или по три раза въ Корабельную слободку и оставались тамъ около сутокъ. Эти сутки, проведенные въ сухомъ и сравнительно-опрятномъ мѣстѣ, были дѣйствительнымъ, освѣжающимъ отдыхомъ. Мартовское бомбардированіе смело съ западнаго склона Малахова Кургана большую часть тѣснившихся тамъ домиковъ и значительно повредило всю Корабельку; но въ началѣ апрѣля она еще имѣла не-совсѣмъ пустынный видъ. Снаряды залетали сюда весьма часто, но какъ то рѣдко было слышно, чтобы они убивали въ домахъ людей. Я видѣлъ только разъ; какъ несли офицера, расплюснутаго влетѣвшею въ его комнату бомбою. Вообще такіе случаи были не настолько часты, чтобы выжить изъ Корабельки ея обычное населеніе, состоявшее преимущественно изъ матросскихъ семействъ. По улицамъ слободки бродило много бабъ и ребятъ; были кое-какіе лавчонки, а нѣсколько бывшихъ въ Корабелькѣ трактировъ бывали всегда полнешеньки.

Темна, неопрятна и неприглядна была та комната, которую мы занимали на одной изъ улицъ Слободки. Въ комнатѣ этой, почти лишенной мебели, тѣснилось болѣе десяти офицеровъ и спали мы просто на полу, на разостланныхъ коврахъ. Но послѣ безсонныхъ ночей на редутахъ и послѣ мокраго и рыхлаго прибрежнаго камня, наши требованія относительно спальнаго комфорта не шли далѣе сухаго пола, покрытаго ковромъ. Я не сумѣю дать понятія о томъ что̀ я ощущалъ, снявъ насквозь прогрязненное платье и ослизлую обувь, не снимавшіяся нѣсколько сутокъ, и надѣвъ чистое бѣлье. Какая-то истома чувствовалась въ членахъ, нѣсколько дней и ночей не знавшихъ отдыха; мышцы едва повиновались и слипались отяжелѣвшія вѣки. Суточный отдыхъ въ Корабельной слободкѣ возстановлялъ бодрость организма, примятаго недѣльными лишеніями, едва ли знакомыми и бѣглымъ варнакамъ, прячущимся въ тайгѣ.

На второй недѣлѣ апрѣля на Селенгинскомъ редутѣ, взамѣнъ разваленной бомбою землянки, начали строить новую. Никакихъ матеріаловъ на нее отпущено не было; но Фоменчукъ, завѣдывавшій постройкою, ухитрялся добывать гдѣ-то бревны, въ обхватъ толщиною, и строенная имъ землянка вѣрнѣе могла бы быть названа блиндажемъ. Потолокъ былъ сдѣланъ изъ прочнаго накатника, могшаго вынести саженную насыпь, непробиваемую средней величины бомбою. Но намъ не пришлось видѣть архитектурнаго тріумфа Фоменчука. 13-го апрѣля мы были въ гарнизонѣ Селенгинскаго редута; вечеромъ смѣнились и пошли въ Корабельную слободку, гдѣ получили приказаніе перейти на укрѣпленія праваго фланга, ограждавшія западную часть Севастополя, то есть собственно городъ. Мы были очень довольны этой перемѣной, потому что войска, занимавшія правофланговыя укрѣпленія, терпѣли менѣе лишеній, нежели войска лѣваго фланга; а ужъ съ войсками, находившимися за Киленбалкою, ни тѣ, ни другія, по тягости службы и по переносимымъ лишеніямъ, и сравниваемы быть не могли. 14-го марта мы переправились черезъ южную бухту.

Я уже говорилъ, что до конца марта сообщеніе Корабельной слободки съ городомъ производилось по мосткамъ, опиравшимся на борты мелкихъ судовъ черноморскаго флота, рядъ которыхъ перерѣзывалъ Южную бухту. Мартовское бомбардированіе уни-

чтожило это сообщеніе, потопивъ нѣкоторыя изъ судовъ. Впослѣдствіи былъ построенъ широкій плавучій мостъ, изъ бревенъ, съ привязанными къ нимъ бочками; онъ былъ наведенъ гораздо сѣвернѣе прежняго. отъ низменнаго мыска. отдѣлявшаго входъ въ доки отъ Южной бухты. На этомъ мыскѣ стоялъ подъемный кранъ и были нагромождены тесанные камни, приготовленные для какого-то, заложеннаго здѣсь, строенія. Но въ половинѣ апрѣля переправа черезъ бухту производилась только на судахъ, казенныхъ и частныхъ, безпрерывно сновавшихъ между Графскою пристанью и Павловскимъ мыскомъ.

Уже было темно, когда батальоны опустились къ морскимъ пакгаузамъ, около которыхъ, у набережной, стояли назначенныя для переправы шаланды. Переправлялись небольшими частями, очень медленно; переправою завѣдывалъ лейтенантъ князь Кекуатовъ. впослѣдствіи, при самомъ концѣ обороны Севастополя, взлетѣвшій на воздухъ, при взрывѣ непріятельскою ракетою нагруженной порохомъ шеланды [1]). Переправившись черезъ бухту, батальоны расположились на площади, между Николаевскою батареею и домомъ благороднаго собранія.

III.

Взошедъ на графскую пристань, я почувствовалъ почти тоже, что можно чувствовать, попадая изъ глухаго и забытаго захолустья въ оживленный городъ. Да уцѣлѣвшая отъ разрушенія часть западной половины Севастополя и была еще въ то время дѣйствительно городомъ, съ остатками оживленія и торговли, тогда

[1]) Могу съ увѣренностью говорить только о томъ, что происходило передъ моими глазами; взрыва же шеланды и гибели кн. Кекуатова я самъ не видѣлъ и потому весьма возможно, что онъ погибъ вовсе не такъ, какъ я говорю со словъ другихъ. При припоминаніи подробностей многомѣсячной севастопольской обороны, возможны еще болѣе грубыя ошибки, такъ какъ, находясь на одномъ изъ пунктовъ длинной оборонительной линіи, иногда можно было и вовсе не узнать о произшедшемъ на другихъ пунктахъ или же услышать разсказы, которые, переходя изъ устъ въ уста, совершенно перепиначивали фактъ. 15 лѣтъ послѣ окончанія войны, я былъ въ Севастополѣ, и на плитахъ, опоясывающихъ внутренность кладбищенской церкви, прочелъ имена тѣхъ, кого считалъ въ числѣ уцѣлѣвшихъ; и я нисколько не былъ удивленъ, когда, наоборотъ, у Огюста, на севастопольскихъ обѣдахъ, передо мною пили абсентъ и закусывали икрою тѣ, которыхъ я предполагалъ истлѣвшими въ глубинѣ братскихъ могилъ. А. В.

какъ Корабельная слободка походила на предверье погоста. Смерть, хотя и не въ одинаковой степени, косила по всей подковѣ, охватывавшей какъ городскую часть Севастополя, такъ и Корабельную; но въ первой, рядомъ со смертію, кипѣла и жизнь, тогда какъ въ Корабельной чувствовалось что-то кладбищенское.

Отъ Графской пристани тянулась на югъ лучшая изъ севастопольскихъ улицъ, Екатериненская. Она уцѣлѣла на довольно большомъ протяженіи, потому что только съ южнаго своего конца была поражаема снарядами, перелетавшими черезъ 4-й бастіонъ и смежныя съ нимъ укрѣпленія; со сторонъ же улицы снаряды на нее не залетали или, по крайней мѣрѣ, залетали рѣдко.

При началѣ Екатериненской улицы, на площади, передъ Графской пристанью, стоялъ домъ благороднаго собранія, гдѣ устроенъ былъ главный перевязочный пунктъ. Саженяхъ въ шестидесяти отсюда, по лѣвой сторонѣ Екатериненской улицы (если стать лицомъ къ югу) былъ Михайловскій соборъ. Онъ не былъ еще отдѣланъ, и на недоконченной верхней части его купола оставались подмостки для кровельщиковъ. Богослуженіе производилось не въ немъ, а въ стоявшей рядомъ большой часовнѣ или церкви, принадлежавшей ли къ собору или самостоятельной—не знаю. Въ часовнѣ всегда было много молящихся: многіе, идя на бастіоны, заходили сюда; передъ образами всегда теплились свѣчи, и посреди часовни стоялъ рядъ гробовъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда возвышалась небольшая и некрасивая башня, надъ воротами, ведшими въ арсенальный дворъ. Отъ арсенала до дома севастопольскаго губернатора шли, сколько мнѣ помнится, исключительно частные дома. По мѣрѣ приближенія къ этому дому, строенія все болѣе были повреждены снарядами; но сѣверный конецъ Екатериненской улицы, саженей на двѣсти отъ Графской пристани, еще вполнѣ уцѣлѣлъ. Конечно, и здѣсь на нѣкоторыхъ домахъ были пробоины; но ихъ было немного, и я не помню, чтобы до начала іюня я хоть разъ видѣлъ здѣсь паденіе бомбы. Во всѣхъ разрушенныхъ и сильно поврежденныхъ частяхъ Севастополя осада вытѣснила всѣ остатки мирной жизни; но на сѣверномъ концѣ Екатериненской улицы и на прилегавшей къ нему сѣти переулковъ, рядомъ съ жизнью осажденнаго города, продолжала течь и та жизнь, которою жили въ Севастополѣ до высадки въ Крымъ французовъ и англичанъ. Въ этомъ уцѣлѣвшемъ уголкѣ

ютились многія семейства моряковъ, севастопольскіе горожане и торговцы. Для нихъ осада была лишь случайностью, на время нарушившею теченіе ихъ обычной жизни, и многимъ изъ нихъ, быть можетъ, не приходило и въ голову, что дни ихъ дорогаго гнѣзда сочтены. Въ сѣверной части Екатериненской улицы торговля, казалось, шла такъ же, какъ и въ мирное время; по крайней мѣрѣ, не видно было запертыхъ и прекратившихъ торговлю лавокъ. У меня въ памяти остались имена купцовъ, но я не помню уже, какимъ именно товаромъ нѣкоторые изъ нихъ торговали Кажется, нѣкоторыя изъ лавокъ нѣсколько отклонились отъ своей спеціальности и, въ виду разностороннихъ требованій покупщиковъ, къ своему обычному товару подбавили всякой всячины. Я помню лавки Коломейцева и Ветчинкиной; въ большомъ угловомъ домѣ, съ аркадой внизу, помѣщался погребъ южно-бережскихъ винъ Мальцева; караимъ Мичри торговалъ бакалейными товарами; было нѣсколько караимскихъ бакалейныхъ и табачныхъ лавокъ. Былъ магазинъ офицерскихъ вещей, но едва ли эта торговля была прибыльна, такъ какъ въ Севастополѣ не было и въ поминѣ о соблюденіи формы. Въ противоположность этому, шапочникъ былъ заваленъ заказами. Все это были коренные севастопольскіе торговцы и не высасывали офицерскихъ кармановъ, какъ тѣ паразиты, которые спѣшатъ облѣпить армію, едва она трогается въ военный походъ. Эта саранча не показывалась въ Севастополѣ, потому что и въ наименѣе опасныхъ его мѣстахъ была все-таки вѣроятность паденія снаряда. Она гнѣздилась на Сѣверной сторонѣ, въ Бахчисараѣ и Симферополѣ, гдѣ опасности не было, а ненасытная жажда наживы удовлетворялась легче, потому что тамъ кишмя кишѣли интендантскіе чиновники, начальники конныхъ и воловьихъ транспортовъ, эти кузки и гессенскія мухи русской казны, тороватые на накраденныя деньги.

Бывшіе на Екатериненской улицѣ рестораны Шнейдера и Томаса могли бы считаться порядочными даже и не въ осажденномъ городѣ. Кормили здѣсь довольно хорошо и, не смотря на затруднительность доставать провизію, брали цѣны, которыя показались бы безсмысленно-малыми разноплеменнымъ ресторанторамъ, впивавшимся въ наши карманы во всѣхъ этихъ Зимницахъ, Обиртеникахъ и Горныхъ-Студняхъ.

Другая большая севастопольская улица, Морская, уцѣлѣла

гораздо менѣе. По всему ея протяженію на нее падали снаряды, перелетѣвшіе черезъ 5-й бастіонъ и черезъ куртины, соединявшія его съ 4-мъ и 6-мъ бастіонами. Морская отдѣлялась отъ Екатериненской продолговатымъ холмомъ. пологіе скаты котораго, спускавшіеся къ этимъ двумъ улицамъ, были застроены; по вершинѣ же возвышенности стлался бульваръ, съ памятникомъ Казарскому. Съ площади передъ Николаевскимъ фортомъ вела на бульваръ широкая каменная лѣстница. Лѣвѣе памятника Казарскому стояла небольшая (кажется четырехъ-орудейная) временная батарея, обращенная къ морю. Далѣе по бульвару, шагахъ во ста отъ памятника, былъ павильонъ и близь него—сигнальный флагштокъ. По вечерамъ на бульварѣ бывало довольно много гуляющихъ, а въ иные вечера даже и очень много. Недалеко отъ бульвара, на продолженіи той же возвышенности, стояло окруженное садомъ прекрасное зданіе офицерской библіотеки и рядомъ съ нимъ—выведенныя до гзымса стѣны собора св Владиміра. Далѣе начинались городскіе кварталы, которые занимали остальную часть возвышенности, до укрѣпленій, стоявшихъ въ тылу 4-то бастіона. Значительно уцѣлѣвшая вблизи библіотеки, эта часть города представляла постепенный переходъ къ развалинамъ, въ которыя превращены были постройки у Язонскаго редута. Въ средѣ уцѣлѣвшихъ зданій выдавались: католическая церковь и православная Петропавловская церковь, издали похожая на парижскую Madelaine. Въ лощинѣ, между Язонскимъ и Чесменскимъ редутами, всѣ дома были въ развалинахъ. Нѣсколько болѣе сохранились постройки за Ростиславскимъ редутомъ и за 6-мъ бастіономъ. Здѣсь, въ нѣкоторыхъ (весьма, впрочемъ, немногихъ) домахъ еще упрямо оставались ихъ обитатели. Я помню, что даже въ половинѣ мая я видѣлъ въ одной изъ уличекъ, правѣе Ростиславскаго редута, трехъ женщинъ, которыя проживали тутъ въ одномъ изъ домиковъ. Не знаю, удалось ли впослѣдствіи имъ подобру-поздорову убраться оттуда. Вся же часть города, за 7-мъ бастіономъ, хорошо сохранилась, потому что непріятель вовсе не направлялъ своего огня на этотъ бастіонъ. Иногда, впрочемъ, и здѣсь падали снаряды, направленные на 6-й бастіонъ, съ лѣваго его фланга, и наискось перелетавшіе черезъ него. Я разъ видѣлъ, какъ несли торговку, у которой нога была оторвана осколкомъ бомбы, за-

летѣвшей на базаръ, бывшій въ то время на берегу бухточки, западнѣе Николаевской батареи.

Обыкновенно, каждый изъ вновь прибывшихъ въ Севастополь полковъ вначалѣ не имѣлъ опредѣленнаго пункта на оборонительной линіи, а въ теченіи нѣкотораго времени получалъ случайныя назначенія на работу или въ прикрытіе, на ту или другую батарею, пока ему не находили мѣста и не приписывали къ какому нибудь бастіону. То же самое бывало, если полкъ переходилъ съ лѣваго фланга севастопольской линіи на отдѣленный отъ него южною бухтою правый флангъ или наоборотъ. Переправившись 15-го апрѣля изъ-за Южной бухты, мы ходили на 4-й бастіонъ, на работы, посылались въ прикрытіе за Ростиславскій редутъ, занимали передовые траншеи передъ редутомъ Шварца, пока, наконецъ, не были водворены на этомъ послѣднемъ редутѣ.

Траншеи эти были недавно передъ тѣмъ вырыты и еще не вполнѣ окончены. Мы должны были ихъ занять 16-го апрѣля, вечеромъ. Солнце заходило, когда мы черезъ Чесменскій редутъ. вышли на батарею Завалишина. Впослѣдствіи мнѣ не только стало ясно взаимное соотношеніе бывшихъ тутъ батарей, но я зналъ на нихъ каждую рытвину и каждый бугорокъ; но я совершенно неспособенъ былъ оріентироваться, когда увидѣлъ ихъ въ первый разъ. Я совершенно терялся при видѣ нагроможденныхъ по всѣмъ направленіямъ траверзовъ, орудій, обращенныхъ въ разныя стороны, тщетно стараясь уяснить себѣ, что составляетъ этотъ лабиринтъ: фасъ ли бастіона, флангъ ли его, куртину ли. Впослѣдствіи я узналъ, что это не составляло ни того, ни другаго, ни третьяго. Учившись фортификаціи у А. З. Теляковскаго, я не представлялъ себѣ укрѣпленій иначе, какъ такими, какими онѣ изображены на чертежахъ его руководства и на фортификаціонныхъ моделяхъ. Видѣнныя мною крѣпости, въ общихъ чертахъ, не отступали рѣзко отъ этихъ чертежей. Попавъ же на севастопольскіе бастіоны, я былъ сбитъ съ толку совершеннымъ несходствомъ всего встрѣченнаго съ моими представленіями объ укрѣпленіяхъ. Батареи, обращенныя въ разныя стороны, выглядывающія одна изъ-за другой, стрѣляющія одна черезъ другую; пространство между ними, перерѣзанное траверзами, вдоль и поперегъ изрытое; блиндажи, виднѣющіеся по всѣмъ направленіямъ,— все это строилось и выкапывалось не по заранѣе начертанному

плану, а разновременно, по указанію опыта и практической необходимости: замѣчалось ли, что по какой-нибудь лощинѣ могъ быть сравнительно легкій, для непріятеля, доступъ къ нашимъ укрѣпленіямъ—строили батарею, начертаніе которой и выбранное для нея мѣсто были внѣ всякой зависимости отъ направленія общей линіи укрѣпленій; рикошетировали ли гдѣ-нибудь на батареѣ непріятельскіе снаряды—насыпали траверзъ; оказывался-ли онъ недостаточнымъ, чтобы предохранить отъ продольныхъ выстрѣловъ—возвышали его или громоздили другой; ложилось ли много снарядовъ въ какой-нибудь узкій проходъ—блиндировали его. Такимъ образомъ составлялась масса насыпей, соотношеніе которыхъ было понятно только бывавшимъ между ними неоднократно и хорошо ознакомившимся съ окружною мѣстностью. На первый же взглядъ все это казалось такимъ лабиринтомъ, что всякая аріаднина нить тамъ перепуталась бы.

Съ батареи Завалишина мы прошли на редутъ Шварца и спустились въ ровъ этого укрѣпленія. Изъ рва мы повернули въ проходъ, ведшій въ траншеи. Въ одномъ мѣстѣ проходъ этотъ, на протяженіи нѣсколькихъ саженей, былъ едва углубленъ въ землю, такъ что почти вовсе не прикрывалъ проходившаго тамъ человѣка. Французы не могли не замѣтить нашего прохода по этому мѣсту, и выстрѣлы направлялись сюда изъ всѣхъ ближайшихъ непріятельскихъ траншей. Батальоны пріостановились и люди, по одному, перебѣгали въ траншею, что продолжалось довольно долго и, конечно, не могло обойтись безъ потерь. Перебѣжавъ это пространство, мы заняли траншеи, изъ которыхъ одна шла параллельно линіи батарей, тянувшихся вправо отъ Шварцева редута, а другая выгибалась впереди первой. Здѣсь, кромѣ насъ, были владимірцы, углублявшіе траншеи. Когда совершенно стемнѣло, перестрѣлка между осадными и нашими батареями усилилась, и непріятель началъ обстрѣливать занимаемыя нами траншеи изъ мортиръ небольшаго калибра. Гранаты ложились очень счастливо для насъ. онѣ падали за траншейный валъ, на гребень его и въ заднюю часть довольно широкой траншеи; въ переднюю же ея часть, наполненную людьми, онѣ не попадали. Къ тому же, между паденіемъ и разрывомъ большей части этихъ гранатъ проходило по нѣсколько секундъ, что давало солдатамъ возможность принять обычныя предосторожности

отъ осколковъ. Еще съ вечера французы сильно обстрѣливали наши траншеи ружейнымъ огнемъ, а ночью огонь этотъ еще усилился. Такъ какъ работы происходили внутри траншей, и владимірцы, защищенные валомъ, не несли потерь отъ ружейнаго огня, то мы могли бы и вовсе не отвѣчать на него или же поддерживать рѣдкій огонь, собственно изъ вѣжливости; но мы увлеклись и открыли по сверкавшимъ у непріятеля огонькамъ черезчуръ живую пальбу. Послѣ полуночи пришелъ къ намъ **Лавровъ**, который, помнится, былъ здѣсь траншей-маіоромъ. Это былъ конно-артиллерійскій офицеръ, прикомандированный къ штабу дѣйствующей арміи, энергическій, добросовѣстный, прикомандировавшійся для принятія на себя наиболѣе трудныхъ и опасныхъ порученій, а не затѣмъ, зачѣмъ обыкновенно прикомандировываются тѣ фазаны, которыми кишатъ штабы. Мы радостно встрѣтились съ Лавровымъ, котораго я не видѣлъ съ зимы 1853—1854 годовъ, со времени обложенія Калафата. Эта встрѣча была послѣднею: черезъ день, 18-го мая, генералъ-квартирмейстеръ Бутурлинъ сообщилъ мнѣ, что Лавровъ убитъ наповалъ въ той траншеѣ, которая состояла въ его вѣдѣніи.

Послѣ его смерти, траншеи эти оставались въ нашихъ рукахъ только два дня. Не помню, какимъ полкомъ мы были смѣнены; въ ночь же съ 20 го на 21-е апрѣля траншеи, занятыя батальономъ Углицкаго полка, были атакованы и взяты французами. Разсказывали, что батальонный командиръ (если не ошибаюсь—маіоръ Бершовъ) не повѣрилъ опредѣленнымъ извѣщеніямъ, бывшихъ въ секретѣ пластуновъ, о скопленіи большаго числа французовъ въ ихъ передовыхъ траншеяхъ и не принялъ никакихъ мѣръ предосторожности. Оплошность свою онъ искупилъ отчаянной защитой и смертію; офицеры защищали траншеи молодцами и изъ нихъ было убито, кромѣ батальоннаго командира, пять или шесть. На другой день я видѣлъ ихъ трупы— всѣ были исколоты штыками, а у одного черепъ былъ размозженъ прикладомъ. Этотъ бой въ траншеяхъ поднялъ на ноги всю западную половину Севастополя. Мы быстро собрались и, узнавъ причину тревоги, были убѣждены, что насъ поведутъ отбивать потерянныя траншеи. И я не сомнѣваюсь, что мы ихъ и отбили бы, еслибы насъ повели немедленно, пока французы не пересыпали траншейнаго вала на другую сторону; взяли бы, хотя и

съ гораздо бо́льшими потерями, и на другой день, когда этотъ валъ былъ уже переставленъ. Въ то время у насъ еще не было въ привычкѣ терять наши ретраншементы. Каждому изъ насъ казалось несомнѣннымъ, что строить укрѣпленія можно было только при намѣреніи защищать ихъ, а не съ мыслію, что авось непріятель не сдѣлаетъ попытки овладѣть ими. Впослѣдствіи, особенно послѣ 10-го и 11-го мая, мы убѣдились, что въ штабѣ арміи думали иначе.

24-го апрѣля мы подвели итоги за мѣсяцъ пребыванія нашего въ Севастополѣ: изъ четырехбатальоннаго полкъ переформированъ въ двухбатальонный; слѣдовательно, со времени нашего прихода сюда, полкъ потерялъ почти половину своего состава. Девятнадцать двадцатыхъ этой потери понесены были за Киленбалкою.

Весною непріятельскія апроши еще не настолько приблизились къ нашей линіи и наши батареи не подвергались еще такому безостановочному и страшному разрушенію, чтобы на нихъ безпрестанно требовалась такая масса прикрытія и рабочихъ, какъ въ послѣдній періодъ осады. Батальоны, численный составъ которыхъ былъ еще значителенъ, имѣли возможность чередоваться и приходить на отдыхъ въ городъ. Хотя три-четверти Севастополя были уже разрушены, но недостатка въ помѣщеніи не было. Потомъ, при дальнѣйшемъ разрушеніи города, въ одинаковой мѣрѣ истреблялись и войска, для которыхъ нужно было бы помѣщеніе. Къ концу осады, въ составъ севастопольскаго гарнизона было введено много новыхъ полковъ; но тогда уже непріятельскіе подступы были такъ близко, что всѣ войска были безотлучно или на самыхъ батареяхъ, или вблизи ихъ, въ резервѣ.

Мы втроемъ—графъ Зубовъ, Смагинъ и я—заняли квартиру въ домѣ Орлова или Орловскаго, ниже бульварной батареи. Надъ нами, въ мезонинѣ, жилъ какой-то отставной матросъ, съ женою, разбитною прачкою. Стирка у нея шла неособенно успѣшно, такъ какъ супруги бывали трезвы лишь изрѣдка и ежедневно дрались съ утра до вечера. Прачка пыряла своего мужа ножницами въ лицо, а тотъ колотилъ ее утюгомъ по чему ни попало; но какимъ-то чудомъ глаза его оставались не выколотыми, а у нея не были переломаны ни руки, ни ребра.

24-го апрѣля мы стали въ гарнизонъ редута Шварца, и съ этого дня охраняли редутъ въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, до конца

іюля. Къ концу іюня и въ іюлѣ мы оставались безсмѣнно на редутѣ Шварца, а въ началѣ наши два батальона чередовались: одинъ оставался на редутѣ Шварца, а другой — день проводилъ на отдыхѣ, въ городѣ, а ночь стоялъ въ резервѣ, за Ростиславскимъ редутомъ.

Укрѣпленіе, носившее названіе Шварцева редута, редутомъ, въ сущности, не было: оно не было ни отдѣльнымъ, ни сомкнутымъ. Правый флангъ редута смыкался съ линіею батарей, шедшихъ отъ 5-го бастіона; лѣвый же примыкалъ къ батареѣ Забудскаго. Фланки эти не были между собою сомкнуты; въ тыльной части редута наискось стояла Завалишина батарея, но пространство между ея эскарпомъ и батареею Забудскаго ничѣмъ не было занято. Часть батареи Забудскаго входила въ самую внутренность редута Шварца и закруглялась здѣсь кольцеобразно, нося названіе Вышки. На Вышкѣ стояли двѣ пудовыя мортиры и небольшая каронада, обращенная во внутренность нашего редута и исключительно предназначенная обдать ее картечью, еслибы непріятель къ намъ ворвался.

Фасы редута Шварца [1]) были вооружены тяжелыми морскими орудіями; въ переднемъ исходящемъ углу была прорѣзана амбразура, для орудія большаго калибра (помнится—шестидесяти-восьмифунтовой пушки). Вправо отъ нея стоялъ пудовый единорогъ. Правый флангъ редута былъ вооруженъ двѣнадцатифунтовыми пушками, на крѣпостныхъ станкахъ; одна пушка-каронада стояла на уступѣ этого фланга, сдѣланномъ для фланкированія праваго фаса. Внутри редута было нѣсколько маленькихъ кегорновыхъ мортирокъ.

Для охраненія редута вполнѣ было достаточно одного батальона. Сверхъ того, по ночамъ, приходили еще двѣ-три роты, а иногда и цѣлый батальонъ, для исправленія поврежденій, за день сдѣланныхъ непріятельскими снарядами, для углубленія рва и прочихъ работъ. Наши штуцерники, которыхъ было тогда лишь по нѣсколько человѣкъ въ ротѣ, уходили съ редута на ночь,

---

[1]) Обыкновенно, всѣ стороны редута называются фасами; но редутъ Шварца, не будучи ни отдѣльнымъ, ни сомкнутымъ укрѣпленіемъ, былъ, собственно, выступомъ изъ линіи укрѣпленій; поэтому, его боковыя стороны носили названія фланковъ. А. В.

когда мѣткость ихъ стрѣльбы не могла имѣть примѣненія. Для стрѣльбы въ темнотѣ, наугадъ, годились и гладкоствольныя ружья; немногихъ же бывшихъ въ полкахъ хорошихъ стрѣлковъ приходилось приберегать, тѣмъ болѣе, что наиболѣе истребительный непріятельскій огонь бывалъ именно по ночамъ, во время производства у насъ работъ [1]). Поврежденія на редутѣ иногда исправлялись нами же, а иногда на работы приходили части другихъ полковъ. При производствѣ работъ, вообще, потери бываютъ значительнѣе, нежели во время нахожденія въ гарнизонѣ укрѣпленія. Въ послѣднемъ случаѣ солдаты могутъ замѣтить мѣста, гдѣ особенно часто ложатся снаряды; могутъ пользоваться защитою траверзовъ. При работахъ же, невозможно избѣгать того или другаго мѣста, хотя бы и было замѣчено, что на этихъ мѣстахъ мететъ осколками. Чаще всего приходится работать тамъ, гдѣ амбразура или мерлоны сильнѣе повреждены, то есть именно тамъ, куда наиболѣе падаетъ снарядовъ.

Въ одномъ только мѣстѣ опасность уравнивалась какъ для людей, бывшихъ въ гарнизонѣ редута, такъ и для приходившихъ на работы: узкій проходъ, соединявшій редутъ Шварца съ батареей Завалишина былъ продольно поражаемъ ядрами, опускавшимися здѣсь послѣ перелета черезъ брустверъ; бомбы же—кромѣ садившихся прямо въ проходъ—скатывались сюда съ его боковыхъ откосовъ. Все это заставило насъ впослѣдствіи блиндировать этотъ проходъ.

Въ теченіи мая направленный на нашъ редутъ непріятельскій огонь не былъ особенно силенъ; но наши потери, всетаки, не были незначительны; въ иные дни онѣ даже доходили до средней цифры потерь, которыя мы несли на Селенгинскомъ редутѣ. Часто обмѣнъ выстрѣловъ нашего редута и противустоявшихъ ему батарей учащался не по нашему почину и не по почину этихъ батарей, а потому что, вслѣдствіе боя или вылазки, за-

---

[1]) Изъ штуцерниковъ была составлена отдѣльная команда, подъ начальствомъ прапорщика Завадскаго. Изъ числа моихъ севастопольскихъ сослуживцевъ, Завадскій на службѣ до сихъ поръ. Въ послѣднюю турецкую войну мнѣ не удалось съ нимъ встрѣтиться, такъ какъ онъ былъ подъ Плевною, а я въ рущукскомъ отрядѣ. Потомъ я читалъ о выдающемся участіи командуемаго имъ батальона въ дѣлѣ подъ Иметли, въ декабрѣ 1877 г.

А. В.

вязывавшихся на какомъ-нибудь, иногда отдаленномъ отъ насъ, пунктѣ, орудейная пальба разгоралась по всей линіи. Такъ, между прочимъ, было въ ночь съ 10-го на 11-е мая, когда французы атаковали траншеи, наканунѣ заложенныя нами у кладбища, противъ 6-го бастіона. Бóльшую часть этой ночи намъ пришлось видѣть сверканіе безчисленныхъ огоньковъ, на всемъ пространствѣ впереди 6-го бастіона; несшіеся оттуда клики и немолчная ружейная трескотня не заглушались ни канонадою, разлившеюся по всей линіи, ни громомъ орудій нашего редута. Конечно, никогда другое зрѣлище не можетъ представить такого захватывающаго интереса, какъ видъ боя, но въ ночь на 11-е мая я не чувствовалъ того замиранія сердца, тѣхъ переходовъ отъ горя къ восторгу, которые ощущаешь, слѣдя за перипетіями боя, когда по перемѣщенію линій огня можно видѣть: кто изъ сражающихся одолѣваетъ. Тутъ не было этихъ полосъ огня, показывающихъ относительное положеніе противныхъ сторонъ, а только видно было, въ непроглядной ночной тьмѣ, какое-то хаотическое клокотаніе и сверканіе огней, на всемъ пространствѣ, между нашими верками и французскими осадными батареями. Самое напряженное наблюденіе не могло уяснить хода дѣла. Даже когда оно кончилось, мы все еще не могли съ увѣренностью опредѣлить: за кѣмъ остались спорныя траншеи; мы потому только могли догадываться, что французы отбиты, что огонь съ люнета Шемякина и съ 6-го бастіона былъ довольно рѣдкій, такъ какъ оттуда производилась бы учащенная стрѣльба картечью, еслибы траншеи были заняты непріятелемъ. Результаты ночнаго боя сдѣлались намъ вполнѣ извѣстны только утромъ, когда мы были смѣнены. Проходя мимо 6-го бастіона, я взошелъ на деревянные подмостки, сдѣланные для сигнальщика, и посмотрѣлъ въ бинокль на лежавшее впереди поле — въ перерѣзывавшихъ его траншеяхъ копошились наши солдаты, и все оно было густо усѣяно тѣлами. Съ перваго же взгляда видно было, что труповъ въ красныхъ штанахъ въ полтора раза было болѣе, чѣмъ нашихъ сѣрыхъ труповъ; виднѣлось нѣсколько убитыхъ въ черныхъ курткахъ и бѣлыхъ панталонахъ: это наши митросы, ходившіе съ пѣхотою, для указанія мѣстности.

Объ обстоятельствахъ дѣла въ ночь съ 10-го на 11-е мая я

знаю только по разсказамъ его участниковъ; но мнѣ кажется, что обстоятельства эти были переданы мнѣ вѣрно, такъ какъ всѣ эти разсказы, въ общемъ, были совершенно между собою сходны. Да и обстоятельства эти, какъ и весь ходъ дѣла, весьма немногосложны. При производствѣ атаки, французы могли имѣть тотъ или другой планъ; наша же задача сводилась къ единственному пункту: отстоять траншеи и подкрѣплять тѣ части, на которыя наиболѣе напирали. Впрочемъ, не легко было различить, гдѣ была дѣйствительная опасность, такъ какъ ночь была особенно темна. За темнотою, нельзя было опредѣлить числа атакующихъ, но было замѣтно, что они значительно превосходили числомъ наши войска, защищавшія траншеи. Въ составъ атаковавшихъ французскихъ войскъ вошла гвардія, незадолго передъ тѣмъ прибывшая въ Крымъ, подъ начальствомъ генерала Реньо-Сенъ-Жанъ-д'Анжели. Темнота была такъ велика, что невозможно было оріентироваться и нѣкоторыя наши части разбились на отдѣльныя кучки солдатъ, вскорѣ потерявшія всякую между собою связь. Тоже было и у французовъ, и нѣкоторые изъ нихъ очутились, сами того не подозрѣвая, въ тылу нашихъ войскъ. Кучки солдатъ, сталкиваясь между собою въ темнотѣ, въ первую минуту не знали: кто передъ ними, свои или непріятельскіе солдаты. Въ этихъ случаяхъ французскихъ гвардейцевъ выдавала ихъ бѣлая амуниція, которая виднѣлась въ темнотѣ, когда они были въ нѣсколькихъ шагахъ; въ то время, когда французы недоумѣвали: кто передъ ними,—наши солдаты давали по нимъ залпъ и бросались на нихъ. Быть можетъ, отчасти тому можно приписать, что у французовъ было больше убитыхъ, чѣмъ у насъ.

Траншеи нѣсколько разъ переходили изъ рукъ въ руки, причемъ, по заранѣе условленнымъ сигналамъ, то наши, то французскія батареи открывали по нимъ огонь. Кажется, въ этой стрѣльбѣ принимали участіе и суда непріятельскаго флота. Разсказывали даже, что однажды залпъ одного изъ нихъ совпалъ съ направленнымъ въ этотъ же пунктъ картечнымъ залпомъ съ Шемякина люнета. Это международное привѣтствіе досталось на долю французовъ, занимавшихъ въ ту минуту этотъ пунктъ. Не знаю, дѣйствительно ли это случилось; но подобная ошибка была бы весьма возможна въ такой сумятицѣ. Въ бою 10-го мая участвовали полки: Подольскій, Житомирскій, Минскій, Углицкій и Ор-

ловскій (который въ Севастополѣ называли Эриванскимъ, по фамиліи его шефа, Паскевича-Эриванскаго). Всѣ эти полки бились превосходно, но особенно говорили о мужествѣ Орловцевъ. Послѣ одной изъ отбитыхъ атакъ французовъ, углицкіе батальоны зарвались почти до осадныхъ батарей.

Возвратившись въ городъ, я пошелъ, вмѣстѣ съ Смагинымъ, на перевязочный пунктъ, навѣстить раненаго въ ночномъ дѣлѣ знакомаго намъ офицера Орловскаго полка. Зная нервность раненыхъ, мы на цыпочкахъ пробирались между койками, которыя всѣ были заняты; но какъ ни осторожно мы шли—одинъ изъ лежавшихъ офицеровъ раздражительно началъ насъ упрекать въ мучительномъ безпокойствѣ, которое производили въ немъ наши шаги. Тогда я былъ удивленъ этими упреками; но впослѣдствіи, будучи самъ раненъ, я понялъ, какъ мучительно отдается въ нервахъ каждый звукъ, иногда даже незначительный шорохъ.

Въ это утро кто-то объѣзжалъ и, отъ имени главнокомандующаго, поздравлялъ и благодарилъ полки, бывшіе въ ночномъ бою. Чуть ли даже не служили благодарственнаго молебна, съ пѣніемъ „Тебѣ Бога хвалимъ!“ Да во время этого пѣнія и рѣшили уступить траншеи французамъ, если они снова ихъ атакуютъ. Почему рѣшили уступить?—на это трудно было бы отвѣтить, не зная общаго духа распоряженій, исходившихъ изъ главной квартиры арміи, какъ въ Крыму, такъ и передъ тѣмъ еще, на Дунаѣ. Вызвано ли было это рѣшеніе значительностію потерь нашихъ въ послѣднемъ бою?—но вѣдь французы потеряли гораздо больше. Предвидѣлось ли, что они, не останавливаясь передъ значительностью потерь, будутъ упорно домогаться отнятія у насъ траншей, во что бы то ни стало?—но развѣ закладка этихъ траншей была вызвана надеждою, что французы будутъ такъ любезны, что предоставятъ намъ безпрепятственно укрѣпляться тутъ. Какіе же изъ севастопольскихъ передовыхъ верковъ остались не атакованными непріятелемъ? Упорному стремленію французовъ овладѣть нашими траншеями можно было противоставить не менѣе упорную рѣшимость не уступать ихъ. Если, при веденіи правильной осады, атакующій имѣетъ значительное преимущество надъ обороняющимся, то отношенія ихъ совершенно обратны. при атакѣ открытою силою, въ особенности же, когда позиціи обороняющагося могутъ быть сильно обстрѣливаемы съ

его батарей. Наши же траншеи передъ 6-мъ бастіономъ могли быть осыпаемы картечью многихъ нашихъ орудій, огромнаго калибра. Вообще одно изъ двухъ: или владѣніе этими траншеями имѣло для насъ большое значеніе—тогда ихъ ни за что не слѣдовало отдавать; или же онѣ значенія этого не имѣли—въ такомъ случаѣ, не зачѣмъ было ихъ и возводить, въ предвидѣніи, что сохраненіе будетъ намъ дорого стоить. А не предвидѣть этого было нельзя, такъ какъ вразумительные прецеденты представлялись предшествовавшими мѣсяцами осады. Какъ бы то ни было, было рѣшено: занять траншеи однимъ батальономъ, а другой поставить въ резервѣ; въ случаѣ нападенія непріятеля, подкрѣпленій туда не посылать, и если непріятель будетъ превосходить силами два нашихъ батальона, то батальонамъ этимъ очистить траншеи, безъ боя. Соотвѣтствующія инструкціи были разосланы многимъ начальствовавшимъ лицамъ, вѣроятно и такимъ даже, до которыхъ это вовсе не касалось; забыли только объ одномъ: сообщить объ этомъ рѣшеніи занимавшимъ эти траншеи двумъ батальонамъ Житомірскаго полка, что, конечно, не содѣйствовало благополучію этихъ батальоновъ. Въ слѣдующую же ночь непріятель, въ значительныхъ силахъ, бросился на житомірцовъ, которые, ничего не зная о рѣшеніи преподнести траншею непріятелю и ожидая немедленнаго прибытія подкрѣпленій, начали было отчаянно защищать ввѣренный имъ постъ и, конечно, понесли въ этомъ неровномъ бою напрасныя потери. Послѣдняя часть рѣшенія штаба арміи, впрочемъ, осуществилась: траншеи очутились въ рукахъ непріятеля. Хотя судьба, вообще, не баловала этотъ штабъ исполненіемъ его предначертаній; но нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, чтобы такъ-таки ни одно изъ нихъ не исполнилось.

О разсѣянности штаба арміи, забывшаго увѣдомить о своемъ рѣшеніи именно тѣхъ, кому всего необходимѣе было знать о немъ, я говорю, впрочемъ, не какъ о фактѣ, мнѣ лично извѣстномъ, а какъ о всеобщей молвѣ въ севастопольскомъ гарнизонѣ, въ справедливости которой никто не сомнѣвался. Я же всѣ кампаніи дѣлалъ не иначе, какъ въ строю, и не былъ au courant относительно штабныхъ отправленій; увѣренность же всѣхъ небумажныхъ защитниковъ Севастополя въ справедливости вышеприведенной молвы раздѣлялъ и раздѣляю, такъ какъ ни одна

изъ ея подробностей не противорѣчитъ общему духу и порядку распоряженій, исходившихъ изъ штаба крымской арміи.

Послѣ 12-го мая жизнь на бастіонахъ потекла по прежнему. Пушечная пальба сильнѣе всего была по ночамъ; съ разсвѣтомъ она значительно уменьшалась и такъ шла до вечера, когда, передъ закатомъ солнца, обыкновенно часа на полтора наступало затишье. Не было никакой особенной причины, чтобы именно въ это время дня пріостанавливалась перестрѣлка; но это какъ то такъ вошло въ обоюдную привычку, что рѣдко случалось, чтобы это предвечернее затишье нарушалось пушечнымъ выстрѣломъ. Въ сумерки пушечная пальба возобновлялась и, постепенно разгораясь, доходила до своего нормальнаго максимума. Ружейный же огонь, наоборотъ, былъ жарче днемъ; но и отъ него потери днемъ были гораздо менѣе значительны, чѣмъ по ночамъ, когда работавшіе часто бывали принуждены всходить на мерлоны и даже работать на эскарпѣ. Днемъ же надъ гребнями бруствера и траншей, конечно, никто не показывался, и стрѣлкамъ, нашимъ и французскимъ, приходилось мѣтить другъ другу въ бойницы. Едва изъ какой нибудь изъ нихъ выпархивалъ дымокъ, какъ туда направлялось пять-шесть выстрѣловъ, въ надеждѣ, что выстрѣлившій изъ этой бойницы не успѣлъ отклонить отъ нея голову. По утрамъ условія перестрѣлки благопріятствовали французамъ, потому что солнце освѣщало наши валы съ тылу и наши бойницы просвѣчивали. Если которая нибудь изъ нихъ переставала сквозить—это былъ признакъ, что она закрыта головою прицѣливавшагося стрѣлка, и туда летѣло нѣсколько пуль. Въ полдень солнечные лучи падали параллельно направленію нашихъ верковъ и французскихъ траншей, и шансы уравновѣшивались. Къ вечеру солнце освѣщало непріятельскія траншеи сзади, и преимущество было на нашей сторонѣ.

Тѣ ночи, которыя мы проводили не на редутѣ Шварца, мы стояли въ резервѣ за Ростиславскимъ редутомъ, а иногда, гораздо рѣже,—за Чесменскимъ. Улички, находившіяся за послѣднимъ изъ нихъ, были покрыты развалинами, тогда какъ за Ростиславскимъ редутомъ оставались еще нѣкоторые дома, хотя поврежденные значительно, но еще не разрушенные. Дальнѣйшее ихъ разрушеніе продолжалось на нашихъ глазахъ; то тотъ, то другой изъ нихъ разрушался ударомъ снаряда или загорался отъ взрыва

бомбы. Загоравшіеся близь насъ дома мы старались тушить не для спасенія домовъ, такъ какъ они, все равно, обречены были на погибель; а потому что разгорѣвшійся пожаръ всегда привлекалъ къ себѣ усиленную пальбу непріятеля. Черезъ нѣсколько недѣль все это мѣсто было покрыто лишь остатками стѣнъ и кучами щебня.

Составивъ ружья въ козлы, люди стоявшихъ въ резервѣ батальоновъ ложились спать тутъ же, посреди улицы, подложивъ себѣ подъ голову—кто камень, кто патронную сумку. Однажды, когда Смагинъ, графъ Зубовъ и я спали, положивъ головы на свернутую шинель, приложенную къ стѣнѣ дома,—большой осколокъ лопнувшей невдалекѣ бомбы врѣзался въ стѣну, какъ разъ надъ нашими головами, вершковъ лишь на шесть повыше. Если бы кто изъ насъ, пробужденный паденіемъ этой бомбы, немного привсталъ—ему раздробило бы голову. Къ счастію, мы такъ привыкли къ грому выстрѣловъ, что могли не просыпаться даже при близкой пальбѣ изъ тяжелыхъ орудій. И въ этотъ разъ трескъ разорвавшейся бомбы никого изъ насъ не разбудилъ; только утромъ мы увидѣли у нашихъ головъ глубоко врѣзавшійся въ стѣну осколокъ и обсыпавшіе насъ мелкіе куски штукатурки.

Кажется, въ послѣдней половинѣ мая мы были принуждены задѣлать амбразуру, находившуюся на исходящемъ углу нашего редута. Нѣсколько разъ она была разрушаема непріятельскими снарядами и нѣсколько разъ была нами возобновляема; но французы такъ пристрѣлялись къ ней, что каждый разъ, черезъ нѣсколько часовъ послѣ ея возобновленія, она снова была заваливаема. Многихъ жизней стоило намъ ея многократное возобновленіе—и мы должны были, наконецъ, рѣшиться задѣлать ее и нанасыпать въ этомъ мѣстѣ барбетъ, на который, въ случаѣ штурма, должны были взвозиться два горные единорога, для стрѣльбы картечью черезъ банкъ.

25-го мая непріятель открылъ сильную канонаду. Мы понимали, конечно, что онъ не безцѣльно расходуетъ снаряды, а намѣренъ что нибудь предпринять противъ одного изъ пунктовъ лѣваго фланга севастопольскихъ укрѣпленій, такъ какъ непріятельскій огонь былъ направленъ преимущественно противъ этого фланга. Было почти несомнѣнно, что предстояло подвергнуться атакѣ Селенгинскому и Волынскому редутамъ или Камчатскому

люнету, такъ какъ положеніе ихъ обезпечивало за ними эту кандидатуру. На другой день, 26-го, передъ вечеромъ, французы атаковали оба редута и люнетъ. Передъ закатомъ солнца, въ самый разгаръ боя за Киленбалкою, я стоялъ у Ростиславскаго редута. Въ этотъ моментъ Селенгинскій и Волынскій редуты были нами уже окончательно потеряны; бой еще продолжался у Камчатскаго люнета и на такъ называемой Забалканской высотѣ. Наблюдать за боемъ и понять что нибудь въ его ходѣ отъ Ростиславскаго редута было невозможно, и о результатѣ боя я узналъ позже, когда былъ потерянъ нами и Камчатскій люнетъ. Потерянъ онъ былъ нами небезславно, два раза перейдя изъ рукъ въ руки. Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать о Селенгинскомъ и Волынскомъ редутахъ: французы ими овладѣли почти безъ боя и встрѣтили отпоръ только дальше, на Забалканской батареѣ, отъ подоспѣвшихъ изъ города батальоновъ. Муромскій же полкъ, которому было ввѣрено охраненіе редутовъ, уступилъ ихъ слишкомъ легко. Въ севастопольскомъ гарнизонѣ очень потомъ обвиняли Муромцевъ въ томъ, что французы, при овладѣніи редутами, почти не встрѣтили отпора. Въ извиненіе Муромцевъ, можно, пожалуй, привести ихъ малочисленность, отдаленность отъ подкрѣпленій. Не раздѣляя безусловно огульнаго обвиненія полка, я, лично, остаюсь при убѣжденіи, что Селенгинка и Волынка достались бы французамъ не такъ дешево, если бы они встрѣтили на редутахъ солдатъ одного изъ полковъ, съ осени охранявшихъ Севастополь, или одного изъ полковъ 3-го корпуса, прибывшихъ туда позже, но съ перваго же шага показавшихъ, что они ни въ чемъ не уступаютъ севастопольскимъ аборигенамъ.

Казалось, удача при овладѣніи нашими контръ-апрошами придала союзникамъ самонадѣянности. Черезъ 10 дней они рѣшились на новую, несравненно болѣе серьезную попытку. Послѣ суточнаго бомбардированія, непріятель, 6-го іюня, рано утромъ, повелъ атаку на весь лѣвый флангъ нашей линіи. Я не описываю этого штурма, такъ какъ разсказываю исключительно о томъ, чему самъ былъ очевидцемъ; 6-го же іюня я былъ на редутѣ Шварца, который атакованъ не былъ, равно какъ и сосѣдніе съ нимъ укрѣпленія. Часу въ девятомъ утра, по прекращеніи ружейнаго огня, мы видѣли, что штурмъ отбитъ; но о подробностяхъ этого блистательнаго отраженія мы узнали только ве-

черомъ. Въ теченіи всего дня непріятель поддерживалъ сильную канонаду противъ неатакованныхъ укрѣпленій, и гарнизоны этихъ укрѣпленій несли гораздо бо́льшія потери, нежели тѣ войска, которымъ пришлось отбивать штурмъ. Я хорошо помню. что на Шварцевомъ редутѣ мы потеряли въ теченіи этого дня 99 человѣкъ, а вечеромъ, когда мы перешли на Чесменскій редутъ, у у насъ, для округленія счета, убили сотаго.

Послѣ штурма, нарушившаго однообразное теченіе нашей жизни, она опять пошла попрежнему. Послѣ 6-го іюня мы потеряли одного за другимъ нѣсколько хорошихъ офицеровъ. 7-го іюня, поздно вечеромъ, Кареевъ, Смагинъ и я ходили, разговаривая, по площадкѣ Шварцева редута. Снаряды изрѣдка падали на нашъ редутъ, но больше дѣлали перелетъ и опускались или на Завалишина батарею, или на Чесменскій редутъ. Одна бомба, перелетѣвъ черезъ нашъ редутъ, разорвалась на одномъ изъ этихъ укрѣпленій и послала къ намъ нѣкоторые изъ своихъ осколковъ; я слышалъ, что хриплый басъ одного изъ нихъ раздается прямо по направленію къ намъ; но такъ какъ это случалось безпрестанно, то я не обратилъ на это вниманія, и мы продолжали идти, лицомъ въ сторону непріятельскихъ траншей. Вдругъ раздался глухой звукъ и шедшій со мною рука объ руку Смагинъ перевернулся и упалъ навзничь. Было очень темно, и я не могъ видѣть, куда его ударилъ проклятый черепокъ. Я ощупалъ Смагину голову—она была суха; грудь—тоже; я поддѣлъ руку подъ спину—и пальцы вошли въ глубокое отверстіе, подъ лопаткой. Смагинъ лежалъ безъ чувствъ. Я зачерпнулъ воды изъ только-что привезенной матросами бочки и брызнулъ ему въ лицо; онъ очнулся и первое почувствованное имъ ощущеніе было чувство холода; боли, онъ, повидимому, не чувствовалъ. Его подняли на носилки и отнесли.

Съ Смагинымъ я сошелся ближе, нежели съ другими офицерами полка, съ которыми мнѣ пришлось быть на севастопольскихъ бастіонахъ, въ послѣдніе пять мѣсяцевъ обороны. Это былъ очень симпатичный и развитой молодой человѣкъ, и меня очень огорчила его потеря. Нужно, впрочемъ, оговориться, что огорченіе, по поводу чьей либо смерти или тяжелой раны, въ Севастополѣ было весьма слабымъ подобіемъ того чувства, которое, вообще, называется огорченіемъ. Ежеминутное зрѣлище смерти и

увѣчій притупило въ каждомъ изъ насъ способность живо ощущать состраданіе, и на смерть мы смотрѣли равнодушно. Дня черезъ три я навѣстилъ Смагина на Сѣверной сторонѣ; онъ былъ въ памяти и, какъ кажется, не сознавалъ безнадежности своего положенія. Вскорѣ онъ скончался. Возвращаясь съ его похоронъ, я встрѣтилъ близь 5-го бастіона носилки, за край которыхъ держалась блѣдная рука лежавшаго въ нихъ раненаго. Это былъ молодой, всѣми очень любимый офицеръ, Василій Никитичъ Моховиковъ, раненый въ бокъ осколкомъ гранаты. Онъ прожилъ еще часа четыре, вынося страданія мужественно, несмотря на его почти отроческій возрастъ. Вскорѣ послѣ того еще одинъ хорошій офицеръ, Бѣлаго, находясь ночью въ цѣпи, съ охотниками, былъ убитъ наповалъ ядромъ или настильно летѣвшею гранатою. Не помню, до штурма или послѣ него былъ раненъ командиръ нашего редута, М. П. Шварцъ. Послѣ него временно командовалъ редутомъ артиллерійскій офицеръ Проценко, которому матросы очень неохотно подчинялись, какъ не моряку. Потомъ былъ присланъ командовать редутомъ лейтенантъ Дмитрій Спиридоновичъ Ханжогло, который и оставался на редутѣ до конца обороны. Мнѣ помнится, что Дмитрій Спиридоновичъ говорилъ мнѣ, что онъ попалъ въ число черноморскихъ моряковъ случайно; онъ числился, собственно, въ Балтійскомъ флотѣ и былъ въ Крыму, передъ высадкою непріятеля, въ отпуску; когда Севастополь осадили, онъ остался, при его оборонѣ, а въ Кронштадтъ написали, что, тамъ, въ этихъ случаяхъ обыкновенно пишется. Формалистомъ Севастополь вообще не былъ, и ужъ никакъ не былъ педантиченъ въ выборѣ своихъ защитниковъ. Я видѣлъ тамъ, въ пѣхотныхъ рядахъ, кавалеристовъ, не имѣвшихъ самыхъ элементарныхъ понятій о пѣхотной службѣ; видѣлъ трактирныхъ половыхъ, ходившихъ на вылазки, и девятилѣтнихъ дѣтей, стрѣлявшихъ изъ мортиръ; видѣлъ одного господина, носившаго какое то неправдоподобное званіе горнаго вѣдомства, и руководившаго фортификаціонными работами, на нѣкоторыхъ батареяхъ.

Одинъ за другимъ потянулись іюньскіе и іюльскіе дни, сухіе и знойные. Каждый изъ нихъ былъ богатъ разнообразными эпизодами; но, въ общемъ, это было однообразное теченіе времени, такъ какъ всѣ эти эпизоды были варьяціями на одну и ту же тему: разрушеніе, гибель и смерть. Степень опасности, при нас-

сивномъ участіи въ оборонѣ и при участіи въ боевыхъ эпизодахъ, почти сравнялась. Заурядъ самыя мирныя функціи человѣческой жизни заканчивались также, какъ можетъ закончиться участіе въ какой нибудь отчаянной вылазкѣ. Часто бомбы накрывали спавшихъ людей; иногда солдаты, несшіе на бастіонъ ушатъ со щами, до бастіона не доходили, а прямо съ дороги попадали на Сѣверную сторону, въ братскую могилу. Разъ какъ-то, на Шверцевомъ редутѣ, сидѣвшій близь меня солдатъ ѣлъ кашицу, изъ своего маленькаго котелка; въ минуту, когда онъ, конечно, менѣе всего думалъ объ опасности, ядро сшибло съ траверза зачѣмъ то лежавшую тамъ небольшую доску; доска хватила солдата въ затылокъ, и онъ, отъ ротной кашицы, моментально перешелъ ко вкушенію райскаго блаженства. Это внезапное измѣненіе menu застало его врасплохъ; онъ сидѣлъ, откинувшись спиною на туръ, раскинувъ руки, въ одной изъ которыхъ была ложка, и безсмысленно вытаращивъ оловянные глаза. Въ другой разъ, на 3-мъ бастіонѣ, я видѣлъ окровавленные остатки за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ разрушеннаго навѣса, подъ которымъ семь офицеровъ какого-то полка собрались было пить чай, но всѣ семеро были убиты осколками разорвавшейся между ними бомбы.

Послѣ штурма 6-го іюня мы перестали чередоваться на редутѣ Шварца, а находились на редутѣ безсмѣнно. Только все ночное время было у насъ занято поправкою сдѣланныхъ днемъ поврежденій и нахожденіемъ въ цѣпи и секретахъ; бóльшая же часть дня у насъ не была занята, хотя и къ этому времени едва ли подходило бы названіе свободнаго времени. Мы занимали редутъ, ежеминутно готовые встрѣтить внезапный натискъ непріятеля; главное же—мы принимали на себя удары сотенъ и тысячь непріятельскихъ снарядовъ. Были дни, когда наши потери были значительнѣе; были дни, когда число убитыхъ и раненыхъ у насъ было меньше; но не было такихъ дней, когда потерь у насъ не было бы вовсе.

Кое какъ коротали мы незанятое, но и не свободное время. Солдаты балагурили и играли въ карты, до того загрязненныя, что бубновую даму не сразу можно было отличить отъ трефовой двойки; отъ налипшей на карты грязи, каждая колода была вершка въ полтора толщиною. Матросы и солдаты находили отраду, воспитывая животныхъ на батареяхъ. На нашемъ редутѣ

общею любимицею была Флора, собаченка М. П. Шварца. Потомъ ее, впрочемъ, съ редута убрали, потому что послѣ одной канонады замѣтили, что она лакомится клочками человѣчьяго мяса и обломками костей, забившихся между прутьями туровъ. На круглой мортирной батарейкѣ, входившей во дворъ нашего редута, было цѣлое семейство кошекъ; въ казематѣ 6-го бастіона былъ котъ, у котораго одна лапа была какъ-то странно отбита: часть кожи осталась неповрежденною и висѣла пустымъ чехломъ, а кости въ этомъ чехлѣ не было. На стѣнкѣ, правѣе 6-го бастіона, часто сидѣлъ павлинъ и непріятный крикъ его былъ слышенъ издали. Выстрѣлы, даже очень близкіе, его нисколько не пугали. Вообще, птицы въ Севастополѣ совершенно освоились съ огнемъ; я часто видѣлъ, какъ, при сильномъ громѣ канонады, стаи воробьевъ беззаботно перепархивали съ мѣста на мѣсто. Болѣе обычнымъ развлеченіемъ для офицеровъ служило участіе въ перестрѣлкѣ съ французами, которую вели наши штуцерники; я перестрѣливался иногда съ французами изъ своего легонькаго штуцера; разъ попробовалъ выстрѣлить изъ казеннаго, да закаялся: такъ отдало, что въ ушахъ зазвенѣло и я свѣта Божія не взвидѣлъ. Лютихскіе штуцера, которыми были вооружены по три (кажется) человѣка въ ротѣ, были хороши, но послѣ пяти-шести выстрѣловъ нарѣзы такъ засаривались пороховою копотью, что, вновь заряжая штуцеръ, приходилось досылать пулю ударами молотка, и, при выстрѣлѣ, сильно отдавало. Сквозь бойницу, составленную изъ набитыхъ землею мѣшковъ, можно было наблюдать очень ограниченное протяженіе непріятельской траншеи, находившейся отъ насъ съ небольшимъ въ тридцати саженяхъ; хотя наблюдать бóльшее протяженіе не было и надобности, но все запрещенное имѣетъ притягательную силу, и мы прибѣгали къ небольшой хитрости, чтобы имѣть возможность смотрѣть черезъ гребень бруствера, выставивъ изъ-за него голову. Надѣвали фуражку на шомполъ и выставляли ее немного изъ-за бруствера, такъ чтобы верхняя ея часть видна была французамъ; немедленно вокругъ нея начиналъ жужжать рой пуль и иногда одна изъ нихъ пронизывала фуражку. Показавъ такъ фуражку нѣсколько разъ, приподнимали ее нѣсколько выше, показавъ французамъ, какъ бы нечаянно, часть шомпола; увидѣвъ, что фуражка не на головѣ, а на шомполѣ, французы переставали въ нее цѣлить и не обра-

щали болѣе на нее вниманія. Тогда фуражку кто нибудь надѣвалъ себѣ на голову и выставивъ изъ-за бруствера голову, по линіи глазъ, смотрѣлъ черезъ гребень. Впослѣдствіи я видѣлъ во французскихъ иллюстрированныхъ журналахъ изображеніе сценъ траншейной жизни, подъ Севастополемъ: французскіе солдаты разставляютъ по гребню траншей, какъ цѣль для русскихъ стрѣлковъ, пустыя бутылки, сдѣланныя изъ лучинокъ вѣтренныя мельницы и картонныхъ генераловъ, дрягающихъ руками и ногами, при дерганіи веревочки. Такихъ штукъ мнѣ не случилось видѣть. Можетъ быть такое обоюдное развлеченіе и практиковалось гдѣ нибудь, противъ одной изъ тѣхъ немногихъ севастопольскихъ батарей, на которыхъ я не былъ; но болѣе вѣроятно, что поставщикъ рисунковъ для иллюстрацій измышлялъ эти сцены въ камышѣ, можетъ быть и не заглядывая въ траншеи.

Развлеченія не всегда были безъобидны для обѣихъ сторонъ. Французы, вѣроятно, предпочли бы, чтобы комендоръ бомбическаго орудія, стоявшаго на переднемъ фасѣ нашего редута, комендоръ трехпудовой бомбовой пушки, на батареѣ Азарьева, и комендоръ, въ вѣдѣніи котораго была одна изъ пяти-пудовыхъ мортиръ, на Чесменскомъ редутѣ,—развлекались какъ нибудь иначе. Эти комендоры, случайно узнавъ, что каждый изъ нихъ превосходно пристрѣлялся къ средней амбразурѣ стоявшей противъ насъ пятиорудейной непріятельской батареи, рѣшили стрѣлять въ нее не порознь, а вмѣстѣ. Сговорившись, партнеры давали залпъ, и три бомбы врывались въ злополучную амбразуру, растерзывая ея щеки и все въ ней коверкая. Предувѣдомленные о залпѣ, мы заранѣе наводили бинокли на кандидатку и каждый разъ видѣли, какъ и въ самой амбразурѣ и непосредственно за нею клубился дымъ, взвивались пыль и комья земли, летѣли вверхъ обломки платформы и какіе-то клочья.

Такъ какъ штурмъ ожидался только на разсвѣтѣ, то днемъ мы считали возможнымъ иногда отлучаться съ редута и проводить нѣсколько часовъ въ городѣ. Къ концу іюня севастопольскія улицы уже опустѣли; на нихъ, сколько я помню, уже не было ни одной лавки и ни одного ресторана; нѣкоторые изъ жителей перебрались на Сѣверную сторону, а другіе вовсе выбрались изъ Крыма. Немногимъ еще оставшимся въ Севастополѣ торговцамъ и трактирщикамъ данъ былъ пріютъ въ казематахъ Николаев-

скаго форта; видно было, что наскоро сбываются только кое-какіе остатки; трактирные обѣды тоже казались составленными изъ остатковъ. Зной былъ такъ силенъ, что капли воды, выплеснутой на камень, испарялись мгновенно; орудія, накалившись въ продолженіи дня, не остывали вполнѣ до полуночи. Воздухъ и на укрѣпленіяхъ, и въ городѣ былъ испорченъ и удушливъ. Кажется, единственнымъ въ городѣ мѣстомъ, куда не достигло разлитое повсюду зловоніе, была морская офицерская библіотека. Прекрасное зданіе библіотеки было окружено не большимъ, но густоразросшимся садомъ. Видно было, что садикъ когда-то былъ содержанъ хорошо; но во время осады онъ былъ запущенъ, дорожки заросли, клумбы и рабатки уничтожились, росшія близъ входа въ библіотеку группы присовъ проросли сорною травою. Но, кажется, самая эта запущенность, давъ волю растительности, дѣлала этотъ садикъ особенно свѣжимъ и прохладнымъ оазисомъ, среди накаленной и напитанной міазмами почвы. Не помню, чтобы гдѣ нибудь я съ такимъ наслажденіемъ впивалъ воздухъ, какъ въ тѣни акацій библіотечнаго садика.

Книги были вынесены изъ библіотеки, кажется, въ первый періодъ осады; но получалось много газетъ, и изъ нихъ мы узнавали, что дѣлается въ мірѣ, гдѣ жизнь была въ самомъ дѣлѣ жизнію, а не временною отсрочкою смерти, какъ у насъ. Иногда же мы узнавали изъ газетъ о томъ, что дѣлается у насъ же въ Севастополѣ. У меня какъ-то осталось въ памяти, что именно въ библіотекѣ прочелъ я, что пушки Hôtel des Invalides возвѣстили Парижу о рожденіи императорскаго принца, того самаго злополучнаго Люлу, который потомъ наткнулся на зулусскіе ассагаи, ввязавшись въ вовсе его не касавшееся дѣло. Въ одной изъ залъ библіотеки стояла большая модель корабля „Двѣнадцать Апостоловъ", съ полною оснасткою; тутъ же была раздвижная модель кузова трехдечнаго корабля, по которой можно было ознакомиться съ мельчайшими подробностями внутренняго устройства корабля. По стѣнамъ были расположены модели разныхъ судовъ; на нижнихъ полкахъ размѣщались модели корабельныхъ орудій и небольшое количество чучелъ морскихъ животныхъ. Не могу безъ озлобленія вспомнить, что всѣ эти модели и чучела я видѣлъ потомъ въ Парижѣ, въ морскомъ музеѣ. Я недоумѣвалъ тогда, какъ недоумѣваю и теперь: какъ нужно смотрѣть на ту часть музея

французскаго флота, гдѣ помѣщаются предметы изъ разграбленнаго французами нашего книгохранилища—какъ на собраніе съ бою взятыхъ трофеевъ или какъ на складъ краденныхъ вещей.

Считая наступленіе, со стороны непріятеля, днемъ, мало вѣроятнымъ, мы всѣ почти проводили въ полной готовности встрѣтить приступъ; кромѣ общихъ средствъ обороны, имѣвшихся на всѣхъ батареяхъ, у насъ припасены были ручныя гранаты, для бросанія въ ровъ, когда онъ наполнился бы штурмующими. Гранаты эти были набраны изъ числа тѣхъ, которыя имѣлись во флотѣ, для абордажей; снаряжены онѣ были, какъ казалось, давно, и было одинаково правдоподобно какъ то, что онѣ вовсе не загорятся, такъ и то, что онѣ перелопаются у насъ въ рукахъ; губительность же ихъ для французовъ казалась менѣе вѣроятною. На эскарпѣ передняго фаса было у насъ подвѣшено тѣло подбитаго огромнаго чугуннаго орудія, съ отбитыми цапфами. Если бы, въ моментъ штурма, обрубить веревки, удерживавшіе это орудіе, то оно скатилось бы внизъ по эскарпу, расплющивая все подъ собою. Весьма удобнымъ снарядомъ, при отраженіи штурмующихъ колонъ, могла быть изобрѣтенная и практиковавшаяся въ Севастополѣ свѣтлая картечь, которую солдаты прозвали „капральствомъ“. Это было десятка полтора маленькихъ гранатъ, которыми заряжали трехъ или пятипудовую мортиру. Нечего и говорить о томъ эффектѣ, который былъ бы произведенъ дождемъ гранатъ, попавшихъ въ непріятельскую колону и терзающихъ ея ряды, разрываясь во всѣхъ направленіяхъ. Но далеко не та польза была отъ этого снаряда, при обыкновенной орудейной перестрѣлкѣ, когда свѣтлою картечью стрѣляли, почти исключительно ради красоты ея полета. Цѣлый букетъ огоньковъ взлеталъ изъ-за нашей батареи и, красиво мерцая, опускался на непріятельское укрѣпленіе или на траншею. Но лишь одна—двѣ звѣздочки изъ этой плеяды случайно падали въ траншею; остальныя безполезно разрывались на пустомъ пространствѣ. Ненужное расходованіе гранатъ на эти красивые букеты—было неизвинительно, такъ какъ доставка въ Севастополь каждаго снаряда стоила большаго труда и обходилась чуть не вдесятеро дороже стоимости самаго снаряда. Между тѣмъ, эти же самыя гранаты сдѣлали бы непріятелю много вреда, будь онѣ выпущены изъ кегорновыхъ мортирокъ—собачекъ, какъ ихъ называли матросы. Изъ этихъ маленькихъ

мортирокъ у насъ превосходно пристрѣлялись, и онѣ, несмотря на ихъ игрушечный видъ, были, для французовъ, преехидными штучками. На нашемъ редутѣ „собачки“ были препоручены одному престарѣлому матросу и какому-то десятилѣтнему мальчугану, одинаково засаленнымъ и оборваннымъ. Мальчикъ почти безъ промаха клалъ гранаты въ непріятельскую траншею. Разъ только одна изъ его гранатъ далеко не достигла своего назначенія: вслѣдствіе дурнаго снаряженія, она разорвалась въ моментъ вылета ея изъ мортирки и кое-кого переранила; одному же саперному унтеръ-офицеру осколкомъ этой гранаты снесло верхнюю часть черепа. На этотъ разрывъ никто не обратилъ тогда никакого вниманія, но почему-то совершенно иное впечатлѣніе произвелъ другой, сходный съ этимъ, случай. Вскорѣ послѣ раны Шварца, когда редутомъ временно завѣдывалъ артиллерійскій офицеръ Проценко, за склономъ холма, правѣе нашего редута, послышался шумъ, похожій на шумъ отъ движенія повозокъ. Мы предположили, что непріятель что-нибудь подвозитъ въ траншеи, пользуясь мѣстностью, хотя и очень близкою къ нашимъ укрѣпленіямъ, но совершенно отъ насъ скрытою бывшею въ этомъ мѣстѣ понижающеюся волною той самой возвышенности, на которой стоялъ нашъ редутъ. Начали стрѣлять, изъ обращенныхъ въ ту сторону четырехъ орудій, картечью, уменьшенными зарядами, такъ чтобы картечь, пролетѣвъ небольшое разстояніе, начинала опускаться, осыпая отвращенный отъ насъ скатъ возвышенности. Орудія стрѣляли поочередно и стрѣльба, вообще, была рѣдкая. Стоя на банкетѣ, я наблюдалъ, черезъ бойницу, паденіе картечи, судя о немъ по выбиваемой ею изъ земли пыли, показывавшейся изъ-за горки. Пришла очередь дать выстрѣлъ ближайшему ко мнѣ орудію. Едва я приложилъ лицо къ бойницѣ, какъ раздался оглушительный гулъ, не похожій на обыкновенный выстрѣлъ, и чѣмъ-то больно и докрови меня сѣкануло по правой щекѣ и правой рукѣ. Обернувшись, я увидѣлъ въ чемъ дѣло: весь прилежащій уголъ редута былъ застланъ дымомъ, изъ котораго неслись стоны и крикъ; когда дымъ разсѣялся, то открылась кровавая картина, истинный образчикъ картинокъ севастопольскаго жанра. На платформѣ стоялъ исковерканный станокъ орудія и лежала оторванная его дульная часть; вокругъ — растерзанныя тѣла прислуги, которая была истреблена вся, за исклю-

ченіемъ комендора, который не только уцѣлѣлъ, но даже не былъ сшибленъ съ ногъ, только бывшая на немъ рубашка была вся прожжена. На сосѣдней платформѣ лежалъ комендоръ того орудія, Мѣшковъ, перерванный пополамъ отлетѣвшимъ туда огромнымъ кускомъ казенной части орудія. Мѣшковъ упирался руками въ платформу, на которой, извиваясь, лежали его кишки; красивое его лицо было искажено мукою; помутившіеся глаза блуждали. Онъ прожилъ еще болѣе четверти часа. Въ спускѣ въ гранатный погребокъ, устроенный подъ однимъ изъ мерлоновъ, лежало трое пѣхотныхъ солдатъ, одинъ изъ нихъ былъ убитъ, другой—раненъ, а третій—только ошеломленъ. На противуположномъ концѣ редута корчился отъ боли Ковальчукъ, одинъ изъ лучшихъ нашихъ комендоровъ, контуженный въ животъ перелетѣвшимъ черезъ весь редутъ подъемнымъ винтомъ разорвавшаго орудія [1]). Отчего разорвалась та двѣнадцати-фунтовая пушка—Богъ знаетъ. Пальба была рѣдкая и стрѣляли уменьшенными зарядами. Это былъ одинъ изъ тѣхъ сюрпризовъ, которые бывали съ чугунными орудіями, на которыхъ невозможно было подмѣтить признака предстоящаго разрыва. Во всякомъ случаѣ, въ несчастіи этомъ никого обвинять нельзя, да и число жертвъ этой катастрофы мало превышало число погибавшихъ, иногда, отъ паденія одной бомбы. Но случай этотъ почему-то произвелъ сильное впечатлѣніе на матросовъ и вызвалъ между ними ропотъ. На что они роптали, кого и въ чемъ обвиняли—они, конечно, не знали и сами; но возбужденіе ихъ выказалось въ такой формѣ, что нѣкоторыхъ изъ нихъ принуждены были арестовать. Разрывъ орудія былъ, безъ сомнѣнія, лишь случайнымъ поводомъ къ проявленію недовольства матросовъ, что ими командовалъ не морякъ.

Разсказанный случай былъ совершенно исключителенъ и вызванъ исключительными обстоятельствами. Вообще же, многомѣсячное, ежеминутное стояніе лицомъ къ лицу со смертію установило въ отношеніяхъ нашихъ къ ней нѣкоторую фамильярность. Трагизмъ смерти почти вовсе утратился. Какъ-то разъ я сидѣлъ,

[1]) Отъ этой контузіи Ковальчукъ выздоровѣлъ, но вскорѣ послѣ выздоровленія былъ разорванъ опустившеюся прямо на него бомбою на такіе мелкіе клочки, что ни одного изъ нихъ не оказалось на редутѣ. Только изъ секрета принесли потомъ ногу, заподозрѣнную въ принадлежности къ разлетѣвшемуся тѣлу Ковальчука А. В.

съ однимъ ротнымъ командиромъ, М., около траверза. За траверзомъ раздался взрывъ бомбы и крикъ. М. послалъ вблизи стоявшаго унтеръ-офицера узнать, что случилось.

„Ничего, ваше благородіе", отвѣчалъ онъ, возвратившись: „черепкомъ только немного у штуцера прикладъ откололо".

— Да что штуцеръ! Человѣкъ-то что?

Унтеръ-офицеръ посмотрѣлъ на насъ недоумѣло. „Человѣкъ... да человѣка, извѣстно, убило", отвѣчалъ онъ, удивляясь, что насъ могутъ интересовать такіе пустяки.

Со смертію, увѣчьемъ и ранами такъ освоились, что для избѣжанія ихъ не дѣлали лишняго шага или лишняго движенія. Въ одномъ мѣстѣ, между Ростиславскимъ редутомъ и 5-мъ бастіономъ, была прорыта траншея, параллельно стѣнкѣ, соединявшей этотъ бастіонъ съ 6-мъ. Но по этой траншеѣ, дававшей полное прикрытіе отъ ружейнаго огня, мало кто ходилъ; почти всѣ шли прямой дорогой, осыпаемой пулями, хотя выигрышъ въ разстояніи не превышалъ тутъ тридцати или сорока шаговъ.

Старые севастопольцы рѣдко также брали на себя трудъ ложиться на землю, при близкомъ паденіи бомбы, хотя, въ нѣкоторыхъ случахъ, это былъ довольно вѣрный способъ не быть задѣтымъ разлетавшимися осколками, которые рѣдко летятъ параллельно землѣ, а обыкновенно отдѣляются отъ нея подъ угломъ, который бываетъ тѣмъ острѣе, чѣмъ менѣе снарядъ углубляется въ землю.

Только одна рана и одна смерть заставила застонать весь Севастополь. 28-го іюня, вечеромъ, командиръ нашего редута, Ханжогло, получилъ записку и сообщилъ намъ о смертельной ранѣ Павла Степановича Нахимова, прося насъ не объявлять пока объ этомъ солдатамъ и матросамъ. Старались, чтобы слухъ объ этомъ несчастіи сколько возможно далѣе не дошелъ до матросовъ, зная, какое подавляющее впечатлѣніе произведетъ на нихъ извѣстіе, что обожаемаго ими Павла Степановича они ужъ не увидятъ. На другой день прошли было утѣшительные слухи, что рана не смертельна и что Нахимову лучше; но 30-го мы узнали, что самаго любимаго и самаго популярнаго на Черноморьи человѣка не стало.

Въ теченіи іюля въ ходѣ севастопольской обороны было какъ-то мало выдающихся случаевъ. Не помню, въ іюлѣ или еще въ

іюнѣ начали вести съ Шварцева редута контръ-минныя галлереи, противъ тѣхъ минныхъ работъ, которыя были открыты, со стороны непріятеля. Минные колодцы находились во рву редута; при устройствѣ ихъ, трудно было пробить камень, аршина въ два или три толщины; но подъ этимъ каменнымъ слоемъ оказалась глина, и галлереи вести было довольно легко. Не помню—кто изъ инженеровъ управлялъ веденіемъ контръ-минныхъ работъ; команда же рабочихъ была въ завѣдываніи поручика Углицкаго егерскаго полка Стеніуса [1]).

Во рву нашего редута всегда возились эти рабочіе, вытаскивавшіе землю изъ минныхъ галлерей. Разъ утромъ одинъ изъ нихъ, вылѣзшій изъ своей кротовьей норы, нашелъ валявшуюся во рву ногу, вѣроятно, оторванную и брошенную здѣсь ночью. Минеръ захватилъ ногу съ собою, на редутъ.

— „Ребята, чья, вотъ, нога?“

Солдаты подошли, посмотрѣли: сапогъ старый плохенькій, не стоитъ изъ-за него относить ногу къ каземату 5-го бастіона, гдѣ складывали покойниковъ.

— Это не наша; это, должно, четвертой егерской роты.

Я подмѣтилъ, что, изъ всѣхъ принадлежностей ихъ одежды, солдаты относятся съ особенною интимностію именно къ сапогамъ. 11-го или 12-го мая, вечеромъ, я проходилъ мимо Ростиславскаго редута, около котораго были свалены только что подобранные трупы солдатъ, убитыхъ въ ночь съ 10-го на 11-е мая. Пролежавъ цѣлый день на солнечномъ припекѣ, тѣла раздулись; лица почернѣли и почти утратили подобіе человѣческихъ лицъ, глаза были выпучены. Вдругъ одинъ изъ шедшихъ со мною солдатъ остановился, всмотрѣлся въ одного изъ убитыхъ и началъ креститься.

„Да ты его развѣ знаешь?“ спросилъ кто-то.

— Какъ не знать—это углицкій одинъ землячокъ.

„По чемъ же ты его узналъ?“

— Да по сапогамъ.

Покойникъ и узнавшій его солдатъ служили въ разныхъ полкахъ, слѣдовательно лишь изрѣдка имѣли возможность сойтись и

---

[1]) Стеніусъ уцѣлѣлъ. Въ семидесятыхъ годахъ я его встрѣтилъ на одной изъ станцій желѣзныхъ дорогъ, въ Финляндіи.

потолковать, между прочимъ, и объ излюбленныхъ сапогахъ. Своего же сослуживца солдатъ прежняго времени безъ труда узналъ бы по одному каблуку.

Чтобы дать отдыхъ нашимъ крайне истомленнымъ батальонамъ, въ двадцатыхъ числахъ іюля ихъ сняли съ редута Шварца и перевели на 7-й бастіонъ. Штурма на этотъ бастіонъ нельзя было ожидать, и мы могли спать по ночамъ. Не сразу, впрочемъ, мы могли воспользоваться этою возможностію: въ теченіи послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ, проведенныхъ на редутѣ Шварца, мы совершенно отвыкли отъ ночнаго сна, и въ первые два-три дня нашей новой стоянки мнѣ по ночамъ не спалось, а клонило ко сну днемъ.

На другой или на третій день, по переходѣ нашемъ на 7-й бастіонъ, я пошелъ въ городъ и близь памятника Казарскому увидѣлъ нѣсколько неуклюжихъ сѣрыхъ фигуръ, въ дурно пригнатыхъ на нихъ армякахъ и въ сѣрыхъ шапкахъ, съ крестами. Это были ратники курскаго ополченія. Этотъ суррогатъ войска прибылъ въ Севастополь уже за нѣсколько времени предъ этимъ; но я тутъ въ первый разъ увидѣлъ ратниковъ, такъ какъ въ іюлѣ приходилось безотлучно находиться на редутѣ.

Утромъ 3-го августа блокировавшія нашъ рейдъ французскія суда разцвѣтились флагами, по случаю имянинъ Наполеона III. Впечатлѣніе чего-то пошлаго и театральнаго производили эти флаги, которыми былъ иллюминованъ флотъ націи, имѣвшей такое славное прошлое, а теперь не стыдившейся имѣть во главѣ своей авантюриста и пройдоху.

Въ тотъ же день мы сошли съ 7-го бастіона и переправились черезъ Южную бухту на Корабельную сторону. Мы знали, что идемъ туда, чтобы принять участіе въ большомъ дѣлѣ, предполагавшемся на другой день. Говорили, что изъ Севастополя выйдетъ сильная колона, чтобы обрушиться на флангъ французской позиціи, которую будутъ атаковывать наши войска, изъ-за Черной рѣчки; говорили, что честь идти во главѣ этой колоны будетъ предоставлена намъ и Орловскому полку; что колона эта, по условленному сигналу, не ожидая никакихъ дальнѣйшихъ распоряженій, вырвется изъ-за Рогатки, между Курганомъ и 2-мъ бастіономъ, и бросится на бывшій Камчатскій люнетъ, передѣланный французами въ редутъ и названный ими, кажется, Бран-

сіоновскимъ, и, овладѣвъ имъ, пойдетъ дальше; говорили еще, что редутъ этотъ минированъ и что передовымъ частямъ, которыя ворвались бы въ него, прійдется вспорхнуть къ ласточкамъ. Не знаю, что̀ изъ разсказываемаго было справедливо и что̀ лишено основанія; очень можетъ быть, что ни намъ, ни Орловцамъ не предназначалось идти впереди, или, наконецъ, что мы и вовсе не должны были идти, а должны были находиться за Рогаткою, на всякій случай; но тогда мы не сомнѣвались ни въ чемъ, что говорилось о предстоявшей вылазкѣ. Настроеніе войскъ было превосходное. Теперь я знаю, что Брансіоновскій редутъ минированъ не былъ; но тогда мы вѣрили, что онъ былъ минированъ и, все-таки, никому не уступили бы чести первымъ взойти на его брустверъ. Нужно ли говорить о томъ уныніи и той злобѣ, которыми къ вечеру 4-го августа смѣнился этотъ подъемъ духа. Никакого сигнала мы не дождались, никуда насъ не двинули, никого мы не выручили, а простояли праздно весь день, напряженно вслушиваясь въ перекаты пальбы, доносившейся до насъ съ Черной рѣчки.

Вспоминая теперь объ этомъ несчастномъ днѣ, я съ удивленіемъ думаю объ энтузіазмѣ, охватывавшемъ офицеровъ и солдатъ. Что̀ могло породить такое настроеніе, обусловливаемое надеждою на успѣхъ? Развѣ мы не знали, что всѣ предначертанія штаба арміи неизмѣнно вели къ путаницѣ и заканчивались позорными неудачами? Идя въ бой и зная впередъ о предстоящей неудачѣ, можно и должно имѣть рѣшимость исполнить свой долгъ и умереть, если нужно; но проникнуться энтузіазмомъ можно только при большей или меньшей вѣроятности успѣха. А весь предшествовавшій ходъ войны могъ бы намъ показать, что не подъ такимъ предводительствомъ достигается побѣда.

5-го или 6-го августа мы стали на батарею Будищева, на лѣвомъ флангѣ 3-го бастіона, а дней черезъ десять перешли на батарею Жерве, примыкавшую къ Малахову Кургану. Стоянка на батареѣ Жерве намъ стоила нѣсколькихъ хорошихъ офицеровъ. Черезъ полчаса или черезъ часъ послѣ прихода на батарею, былъ убитъ наповалъ отличный ротный командиръ, капитанъ Чубаровъ. Осколкомъ гранаты или ядромъ его ударило въ затылокъ и снесло верхнюю часть черепа; отъ силы толчка, глаза у него выскочили изъ своихъ орбитъ. Чубаровъ получилъ нѣсколько

ранъ подъ Альмою; вскорѣ по выздоровленіи, онъ былъ снова слегка раненъ въ плечо, кажется, на батареѣ Завалишина; наконецъ, на батареѣ Жерве съ нимъ покончили.

Разъ вечеромъ, дня черезъ два-три послѣ смерти Чубарова, около траверза, у котораго мы сидѣли, упала бомба и глубоко вошла въ рыхлую землю. Стоявшій возлѣ солдатъ хотѣлъ отскочить, но запнулся и упалъ прямо на землю, засыпавшую бомбу. Бомба разорвалась, взбросила землю, а лежавшаго на ней солдата перебросила черезъ брустверъ. Отдѣленный отъ снаряда толстымъ слоемъ земли, солдатъ не былъ раненъ осколками, но, при паденіи, переломалъ себѣ ноги, и лежалъ у подошвы эскарпа, на виду у непріятеля, такъ какъ рва въ этомъ мѣстѣ вовсе не было. Поручикъ Москевичъ перескочилъ черезъ брустверъ, чтобы выручить упавшаго туда солдата, но и самъ туда упалъ съ прострѣленною ногою. Затѣмъ, одинъ за другимъ, перескочило туда еще нѣсколько человѣкъ; нѣкоторые изъ нихъ были ранены, такъ какъ непріятельскіе стрѣлки усиленно стрѣляли сюда, но, все таки, всѣхъ раненыхъ удалось перетащить на батарею, и ни одинъ изъ нихъ за брустверомъ не остался.

26 августа, поздно вечеромъ, бомба упала на землянку, въ которой сидѣли наши офицеры: Аристовъ, Кауровъ и Залѣскій, и завалила ее. Аристовъ остался живъ, послѣднихъ же двухъ вынули изъ подъ земли мертвыми; Каурова вытащили по частямъ, а Залѣскаго цѣликомъ, но сплюснутаго, какъ лепешка. Ихъ даже похоронить не удалось: ихъ положили въ часовнѣ, возлѣ какихъ-то казармъ, и тѣла ихъ сгорѣли, когда, на другой день, испепелили все, что въ Севастополѣ еще было сгораемаго.

IV.

Глухой пушечный гулъ, особенно густо стоявшій надъ Севастополемъ въ двадцатыхъ числахъ августа, утромъ 27-го, внезапно прорѣзался ружейной трескотней, закипѣвшей на Малаховомъ Курганѣ, и почти непосредственно затѣмъ тамъ показались трехцвѣтныя знамена. Въ нѣсколько минутъ потокъ французовъ затопилъ внутренность укрѣпленій Кургана; захваченные врасплохъ, уцѣлѣвшіе отъ бомбардированія остатки гарнизона не могли, конечно, дать связнаго отпора, который задержалъ бы штурмую-

щихъ хоть на четверть часа, и лишь разрозненными кучами тамъ и сямъ отчаянно отбивались, охваченные массами французовъ; кучки нашихъ солдатъ, засѣвъ въ башнѣ и нѣкоторыхъ блиндажахъ, отстрѣливались еще долго послѣ того, какъ остальные клочки гарнизона были выброшены за горжу. Но съ сосѣднихъ съ Курганомъ батарей, въ густомъ дымѣ, клубившемся надъ его валами, не было замѣтно дымковъ отъ ружей послѣднихъ его защитниковъ, и слабый трескъ ихъ выстрѣловъ тонулъ въ хаосѣ звуковъ. Съ батареи Жерве, гдѣ я въ ту минуту находился, видны были только трехцвѣтныя знамена, на серединѣ Кургана, и непрерывный рядъ клубочковъ бѣлаго дыма, по всему тыльному брустверу. Пороховой дымъ облегъ верхній край этого бруствера почти сплошной клубящейся полосой, словно по гребню наложенъ былъ непрерывный рядъ огромныхъ клочьевъ ваты. Изъ этой трещащей полосы летѣли рои пуль на батарею Жерве и на Камчатскую стѣнку, составлявшую вторую оборонительную линію, за которой толпились остатки частей, занимавшихъ Малаховъ Курганъ, и сбѣжавшіеся съ Корабельной слободки кашевары, артельщики и тому подобный людъ. Они могли бы и не разлучаться съ своими котлами; но не таковскій то былъ народецъ, чтобы держать въ рукахъ уполовчики, когда сказывалось послѣднее слово великой кровавой эпопеи.

Черезъ нѣсколько минутъ ружейный трескъ закипѣлъ на 3-мъ бастіонѣ, но здѣсь атака была менѣе неожиданна, нежели на Курганѣ. На Курганѣ исключительно господствовалъ рѣзкій звукъ ружейной пальбы, на 3-мъ же бастіонѣ къ нему присоединялся пушечный гулъ, и ружейные дымки поглотились густыми бѣлыми клубами, вылетавшими изъ пушекъ и мортиръ. Любо было видѣть, какъ работалъ 3-й бастіонъ, гудя и клубясь дымомъ, съ каждой секундой все болѣе сгущавшимся. Видно было, что не бездѣйствовало ни одно орудіе. Впослѣдствіи французы подсмѣивались надъ неудачей англичанъ, отбитыхъ отъ 3-го бастіона. Но нужно было видѣть огонь этого бастіона и знать, что не смотря на весь этотъ ураганъ картечи, англичане, все-таки, дошли до рва и ворвались было на бастіонъ — чтобы понять восколько не удача англичанъ была славнѣе удачи французовъ на Малаховомъ Курганѣ, откуда успѣли по нимъ сдѣлать едва лишь нѣсколько торопливыхъ пушечныхъ выстрѣловъ.

Впрочемъ, я лишь мелькомъ взглянулъ на отбивавшійся 3-й бастіонъ, когда съ нашей батареи сдѣлали нѣсколько анфиладныхъ выстрѣловъ вдоль лѣваго его фаса. Намъ не приходилось наблюдать за обороной другихъ батарей, такъ какъ нужно было отстаивать свою отъ потока французовъ, лившагося съ Малахова Кургана, какъ горящій керосинъ изъ переполненнаго сосуда.

Въ первый штурмъ Севастополя, 6 іюня, французамъ удалось ворваться на батарею Жерве и отсюда они полѣзли было на западный скатъ Малахова Кургана и засѣли въ домикахъ, еще бывшихъ тамъ въ то время. Оттуда ихъ выбили штыками. 27 августа случилось наоборотъ: на батарею Жерве даже не было нападенія съ фронта; она атакована съ лѣваго фланга и отчасти съ тыла французами, спустившимися съ Малахова Кургана. Егеря Казанскаго полка, занимавшіе батарею Жерве, быстро перемѣнили фронтъ и очистили ту часть батареи, которая примыкала къ Кургану. Тутъ, конечно, не было произведено той „перемѣны фронта лѣвымъ флангомъ назадъ", которая такъ красиво изображена на чертежахъ, приложенныхъ къ воинскому уставу; а егеря, просто, кучей, отбѣжали съ той части батареи, надъ которой нависъ Малаховъ Курганъ. Впрочемъ, вовсе не атака французовъ была причиною очищенія лѣваго фланга батареи Жерве: она только совпала съ этимъ очищеніемъ. Оно вполнѣ обусловливалось положеніемъ этой части батареи у подошвы Малахова Кургана, откуда, сверху, могли перестрѣлять, убивая на выборъ, всѣхъ находившихся внизу, съ такимъ же удобствомъ и почти съ такою же безопасностью, какъ стрѣлять фазановъ въ фазанеріи.

Эту часть батареи неминуемо пришлось бы оставить, если бы она и вовсе не была атакована. И, наоборотъ, атака была бы отбита, если бы она была произведена не въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ эскарпа нависшихъ надъ этимъ мѣстомъ укрѣпленій Малахова Кургана, уже занятаго французами. Какъ только егеря, очистивъ пространство, на которомъ безусловно невозможно было держаться, остановились, то прекратилось и стремленіе красноштаннаго потока. Зуавы засѣли за траверзы и блиндажи, за орудія и выступы мерлоновъ. Мѣсто, гдѣ собрался Казанскій полкъ, было тоже вполнѣ командуемо Малаховымъ Кургандомъ; но, по сравнительно большому отъ него разстоянію, все-таки, была какая нибудь возможность держаться за траверзами и тому подобными

закрытіями. Хотя насъ и здѣсь осыпали пулями съ Кургана, но это не были выстрѣлы почти въ упоръ, какъ было бы на верхней части батареи. Намъ очень пригодились два довольно длинные траверза, стоявшіе перпендикулярно къ фронту батареи; мы стали за ними, лицомъ къ Кургану и правымъ плечомъ къ нашему брустверу, и открыли огонь по Кургану и по зуавамъ, спустившимся съ него на нашу батарею. Хотя они были нашими ближайшими сосѣдями, но на нихъ мы меньше обращали вниманія, нежели на Курганъ, господствовавшій надъ нашимъ уголкомъ и весьма серьезно на насъ смотрѣвшій амбразурами своего тыльнаго бруствера. Изъ числа орудій, стоявшихъ на заднемъ фасѣ Кургана, болѣе пятнадцати могло стрѣлять на батарею Жерве и мы ежеминутно ожидали, что изъ ихъ амбразуръ хлынетъ на насъ картечь. Достаточно было бы одного картечнаго залпа, чтобы насъ истребить, такъ какъ изъ четырехтысячнаго полка въ это время оставалось менѣе семисотъ человѣкъ. Къ счастію, опасеніе наше не оправдалось. Успѣла ли прислуга, оставляя эти орудія, заклепать ихъ, или по какой нибудь другой причинѣ—но ни одно изъ этихъ орудій не открыло по насъ огня.

Немедленно по сборѣ нашемъ за траверзами, началась жаркая перестрѣлка между нами и атаковавшими насъ зуавами. Хотя они были многочисленнѣе насъ, но перестрѣлка эта кипѣла при довольно равныхъ условіяхъ. Нельзя того же сказать о перестрѣлкѣ съ Курганомъ: онъ командовалъ занятою нами мѣстностію, и пальба оттуда настолько имѣла преимущества передъ нашимъ отвѣтнымъ огнемъ, что почти не стоило и отвѣчать, и лишь немногіе изъ насъ стрѣляли по Кургану. Не смотря на подкрѣпленіе зуавовъ стрѣлковымъ баталіономъ (кажется, гвардейскимъ), мы цѣпко держались за занятое нами мѣстечко и хотя двѣ трети изъ насъ полегли на немъ, но остальная треть сошла съ него только вечеромъ,—и не повторившееся нападеніе французовъ заставило насъ оставить это мѣсто, а приказаніе главнокомандующаго оставить всѣ батареи и Севастополь.

Фономъ многочасовой обороны батареи Жерве служила наша горячая перепалка съ французами и постепенное истребленіе нашихъ егерей огнемъ съ Малахова Кургана. Многочисленные эпизоды испещряли этотъ фонъ, но мало его разнообразили, такъ какъ каждый изъ этихъ эпизодовъ, повторяясь многократно, пе-

реставалъ быть выдающимся пятномъ на картинѣ, а становился лишь оттѣнкомъ фона. Часто мы рвались въ штыки, бросались впередъ и оттѣсняли передовыя толпы французовъ. Мы не отдавали себѣ отчета въ цѣли нашихъ атакъ и не спрашивали себя: былъ ли вѣроятенъ какой нибудь успѣхъ. Мы рвались впередъ, опьяненные пыломъ боя и забывая, что пытаемся овладѣть тѣмъ самымъ мѣстомъ, съ котораго, за полчаса передъ тѣмъ, сошли, по невозможности на немъ держаться. Эта невозможность напоминала о себѣ немедленно, какъ только мы овладѣвали частицею лѣвой половины батареи Жерве: съ Кургана обдавалъ насъ свинцовый дождь, и мы снова бывали принуждены возвратиться за траверзы, оставляя нѣсколько десятковъ труповъ. Для человѣка, неотуманеннаго свалкой, была бы ясна сумасбродность нашихъ порывовъ; но мы не думали о томъ, были ли наши дѣйствія цѣлесообразны или безцѣльны. Одно время мы даже порывались, сломивъ бывшихъ противъ насъ зуавовъ, ворваться на Малаховъ Курганъ, и намъ и въ голову не приходило то, что четыремъ или пятистамъ человѣкамъ почти такъ же невозможно выбить оттуда нѣсколько тысячъ французовъ, какъ невозможно сшибить фуражкою Исаакіевскій соборъ. Прошло уже двадцать шесть лѣтъ съ послѣдняго штурма Севастополя, но рядъ картинъ изъ защиты батареи Жерве явственно возстаетъ въ моей памяти. Каждый изъ этихъ эпизодовъ, взятый отдѣльно, незначителенъ; но цѣлый рядъ ихъ, въ совокупности, составляетъ общую картину обороны нашей батареи. Главные начальники переранены; иниціативу того или другаго движенія взяла на себя кучка уцѣлѣвшихъ офицеровъ. Вотъ, возбуждаемые ими, егеря метнулись впередъ и передъ нами мелькаютъ пятки бѣгущихъ отъ насъ зуавовъ. Нѣсколько французскихъ труповъ распласталось по землѣ; тяжело раненый молодой зуавъ лежитъ, подперши лѣвой рукой торсъ и мрачно глядя въ землю; около него лежитъ новехонькій штуцеръ, повидимому въ первый разъ взятый въ дѣло. Подпоручикъ Степановъ, на бѣгу, поднялъ этотъ штуцеръ и на бѣгу же, смѣясь, показалъ его мнѣ, вѣроятно, обращая мое вниманіе на его совершенную новизну. Черезъ нѣсколько минутъ Степановъ лежалъ бездыханный, убитый пулею наповалъ. Это былъ развитой молодой человѣкъ съ основательнымъ университетскимъ образованіемъ. Наружностію онъ былъ надѣленъ отнюдь не марсіальною: его блѣд-

ная сухая фигура скорѣе походила на какого нибудь нѣмецкаго школьнаго учителя. Всегда холодный, молчаливый, несообщительный, онъ не былъ любимъ товарищами; его сухость и неохота съ кѣмъ либо сближаться многихъ заставляла относиться къ нему недружелюбно и даже быть къ нему несправедливыми. Нѣкоторые, напримѣръ. высказывали сомнѣніе относительно его храбрости. Я же, пробывъ съ нимъ около мѣсяца на Селенгинскомъ редутѣ и три мѣсяца на редутѣ Шварца, считаю его храбрость неподлежащею никакому сомнѣнію. Онъ не былъ, правда, надѣленъ тою пылкою храбростію, которая обращаетъ на себя вниманіе; но достаточно было видѣть его 27-го августа, чтобы не сомнѣваться въ его мужествѣ. Съ грустью я припоминаю его тощую фигуру, такъ какъ мы съ нимъ близко сошлись въ послѣдніе мѣсяцы севастопольской осады, и я едва ли не былъ тогда единственнымъ человѣкомъ, съ которымъ онъ переставалъ быть сухимъ и несообщительнымъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ упалъ Степановъ, небольшое пространство между траверзомъ и брустверомъ было сплошь залито кровью. Смѣсь крови съ пылью толстымъ слоемъ покрывавшею землю, образовала какое-то тѣсто. Растоптанное бившимися здѣсь егерями, оно походило на обыкновенную грязь, какая бываетъ на базарныхъ площадяхъ уѣздныхъ городишекъ, но только была буро-краснаго цвѣта. Лицомъ къ землѣ, лежалъ въ этой кровяной грязи молодой офицеръ, Кедровъ, и метался въ предсмертныхъ судоргахъ. Грудь и лѣвая его щека плотно прильнули къ землѣ, и только рука и нога его порывисто двигались. Съ ними двигалась и шашка, судорожно зажатая въ правой рукѣ. Кедровъ только за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ былъ произведенъ въ офицеры. Не знаю экзаменъ или что-то, тамъ, другое ему не давалось; но онъ невѣроятно долго пробылъ юнкеромъ и этотъ юношескій рангъ весьма не шолъ къ его почтенной, украшенной бакенбардами фигурѣ. Онъ былъ человѣкъ до наивности добродушный, очень простой и очень храбрый.

Забавно теперь вспомнить, что наши офицеры тогда между собою толковали: не попытаться ли намъ ворваться на Курганъ. Въ наши слова внимательно вслушивался молодой статный солдатъ. Въ его ясныхъ, красивыхъ глазахъ свѣтилась жадная готовность слѣдовать за нами на самое опасное и самое безразсуд-

ное предпріятіе. Тогда, впрочемъ, ни намъ, ни ему наше намѣреніе не казалось безразсуднымъ и успѣхъ не казался несбыточнымъ. Это былъ унтеръ-офицеръ Чесновичъ, молодой, красивый, смышленый солдатъ, лучшій стрѣлокъ въ полку. Отошедши отъ умиравшаго Кедрова, я увидѣлъ Чесновича, который сидѣлъ у кучи туровъ, перегнувшись напередъ; красивыя черты его лица были искажены страданіемъ; онъ держался обѣими руками за животъ и корчился отъ боли. Пуля ударила его въ животъ и, вѣроятно, изорвала внутренности.

Мнѣ случилось быть во многихъ сраженіяхъ, но никогда я не слышалъ такого полета пуль, какъ на послѣднемъ штурмѣ Севастополя. Какъ бы густо ни летѣли пули, но, обыкновенно, слышится нѣкоторая раздѣльность свиста одной изъ нихъ отъ свиста другой. Здѣсь же слышалось сплошное шипѣніе; казалось, что потокъ пуль какъ бы струится; ощущалось какое-то теченіе свинца. Мы не могли цѣлить въ французовъ, занимавшихъ часть нашей батареи, такъ какъ ни одного изъ нихъ не видно было изъ-за густаго дыма. Мы стрѣляли въ этотъ дымъ, стараясь только дать нашимъ пулямъ направленіе, параллельное землѣ. Мы слишкомъ горячились въ пальбѣ, и часа черезъ полтора начало недоставать патроновъ; у иныхъ оставалось еще по нѣсколько патроновъ, но у большинства сумки были пусты. Началось обычное въ такихъ случаяхъ, безрезультатное бросаніе камней. Камни летѣли съ обѣихъ сторонъ: видно французы также небогаты были зарядами. Мы послали въ Суздальскій полкъ, стоявшій на лѣвомъ флангѣ 3-го бастіона, просить патроновъ. Суздальцы сначала не рѣшались подѣлиться съ нами, въ виду вѣроятности повторенія атаки англичанъ на 4-й бастіонъ; по посланному нами унтеръ-офицеру удалось таки какъ-то подъѣхать и выманить нѣсколко сотъ патроновъ, которые и были къ намъ принесены въ полахъ солдатскихъ шинелей.

Изъ дыма, опоясывавшаго Малаховъ Курганъ, виднѣлось два знамени. Видны были только развѣвавшіяся полотна знаменъ, а нижнія части древокъ были погружены въ густой дымъ, такъ что нельзя было различить: стояли ли онѣ на одной линіи, около бруствера, или одно изъ нихъ было нѣсколько позади. Я поднялъ съ земли ружье и нѣсколько разъ выстрѣлилъ, цѣлясь настолько ниже полотна одного изъ знаменъ, чтобы попасть въ знаменщика,

совершенно скрытаго дымомъ. Какъ ни старательно я цѣлилъ, конечно, не попалъ, потому что, при стрѣльбѣ изъ нашихъ солдатскихъ ружей того времени, наименьшей опасности подвергался именно тотъ, въ кого цѣлили. О солдатскомъ ружьѣ тогдашніе острословы говорили, что „изъ него въ десяти шагахъ въ домъ не попадешь“. Впослѣдствіи я узналъ имя человѣка, котораго старался убить. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ войны, я видѣлъ, въ Версали, картину Ивона, изображающую штурмъ Малахова Кургана. На ней — первый моментъ вторженія французовъ на Курганъ. Русскіе еще не выбиты; часть пѣхоты разстроена; другая ломитъ стѣной на ворвавшихся въ укрѣпленіе зуавовъ; прислуга умираетъ на орудіяхъ, отбиваясь банниками, топорами и гандшпугами: На развалинахъ башни стоитъ Мак-Магонъ; въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него бравый зуавскій сержантъ (кажется, 3 полка) Ligo или Ligault держитъ развивающееся знамя. Не знаю, оставалось ли это знамя на развалинахъ башни до конца дня или было перенесено на банкетъ тыльнаго бруствера Корниловскаго бастіона. Въ первомъ случаѣ M-r Ligault былъ скрытъ отъ насъ не только дымомъ, но и валомъ. Другаго знамени нѣтъ на этой картинѣ; но его могло и не быть въ тотъ моментъ атаки, который изображонъ Ивономъ: оно могло быть внесено на Курганъ послѣ, или же могло стоять въ пунктѣ укрѣпленія, который не входилъ въ кругъ мѣстности, охваченной картиною. Я только очень хорошо помню, что знаменъ было два, одно нѣсколько больше другаго.

Бой въ жаркое время дня, вдыхаемый дымъ и крикъ возбуждали во мнѣ палящую жажду и изъ пересохшаго моего горла, вмѣсто словъ, выходило хрипѣніе. Шагахъ въ десяти за нами былъ маленькій навѣсъ, подъ которымъ, въ послѣдніе дни осады, ютилось двое или трое офицеровъ. Я вошелъ подъ этотъ навѣсикъ, въ надеждѣ найти тамъ воду; воды не оказалось, но стоялъ самоваръ и на немъ чайникъ. Жадно потянувъ изъ носика тепловатаго чая, я вышелъ изъ подъ навѣса, зарядилъ ружье и хотѣлъ выстрѣлить въ французовъ, стоявшихъ между двумя знаменами, на Курганѣ. Но я еще не успѣлъ взвести курка, какъ меня сильно ударило въ правое бедро; въ верхней части бедра почувствовалась острая боль, а остальная часть ноги онѣмѣла и безсильно повисла. Я пошатнулся, но быстро опустилъ прикладъ

на землю и оперся на ружье. Почти въ ту-же минуту меня подхватилъ подъ руку юнкеръ де-Прейсъ и, подозвавъ своего брата, повелъ меня съ батареи. Сначала, хотя съ большимъ трудомъ, но я могъ еще передвигать простр҃ѣленной ногой и даже слегка становиться на нее. Мы спустились въ Доковъ оврагъ, по которому тащились раненые солдаты и гдѣ притаились кучки нераненыхъ ополченцовъ. Перейдя оврагъ, мы начали подыматься на его противоположный склонъ. Кровь лилась изъ моей раны, до краевъ наполнила голенище высокаго сапога и выливалась изъ этого голенища. Я началъ терять силы; раненая нога передвигалась плохо и почти тащилась, и я почти повисъ на юнкерѣ, поддерживавшемъ меня справа. Повременамъ, нѣсколько освободивъ правую руку, я закрывалъ ею рану, чтобы меньше выливалось изъ нея крови. Потъ покрывалъ мое тѣло; легкая шинель казалась мнѣ невыносимой тяжестію и я хотѣлъ остановиться и сбросить ее. Полусвободной лѣвой рукой я вынулъ изъ кармана бинтъ и корпію и сунулъ ихъ въ карманъ рейтузъ. Этотъ бинтъ и пучекъ корпіи я всегда носилъ въ лѣвомъ карманѣ шинели, получивъ ихъ отъ одного изъ товарищей, при отъѣздѣ моемъ въ Севастополь, изъ Александрійскаго гусарскаго полка. Впрочемъ, пока я возился съ перекладываніемъ корпіи, мы уже поднялись изъ оврага и были въ нѣсколькихъ шагахъ отъ стѣны, окружавшей доки. Стѣна эта была изрѣшетена снарядами, но составляла надежную защиту отъ пуль. Пройдя ворота, я опустился на землю. Подъ защитою стѣны можно было перевязать рану; но корпіи и бинта въ рейтузномъ карманѣ не оказалось. Перекладывая несвободной рукой, я ихъ недостаточно глубоко вложилъ въ карманъ, и они выпали. Пришлось корпію замѣнить носовымъ платкомъ, а бинтъ—подтяжками. Впрочемъ, истеченіе крови само собой значительно уменьшилось: вмѣсто потока густой крови, лившагося за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ изъ обѣихъ ранъ, изъ нихъ слабо струилась теперь жидкая, какъ бы разбавленная лимфой кровь.

Перевязавъ кое какъ раны, меня понесли на перевязочный пунктъ, съ помощью подошедшаго горниста Казанскаго полка. Перевязочный пунктъ былъ въ доброй верстѣ оттуда, въ морскихъ пакгаузахъ, тянувшихся по набережной, до Павловскаго мыска Передъ входомъ въ каждый изъ пакгаузовъ земля сплошь

была устлана приползшими сюда ранеными. Пронести меня, не наступивъ на нихъ, было невозможно. Меня поставили на ноги; я собралъ послѣднія силы и прошелъ нѣсколько шаговъ, отдѣлявшихъ меня отъ перевязочнаго пункта. Внутренность его мнѣ сразу напомнила двадцать-восьмую пѣснь Дантова ада. Тутъ, правда, не было особенно изувѣченныхъ, такъ какъ всѣ раны были отъ пуль и штыковъ, но въ обширный пакгаузъ, уже заваленный ранеными, все несли и несли простреленныхъ и исколотыхъ солдатъ и офицеровъ, русскихъ и французовъ. Не было слышно отдѣльныхъ громкихъ криковъ и стоновъ; но раненыхъ было такое множество, что отъ тихаго стона только нѣкоторыхъ изъ нихъ въ пакгаузѣ, стоймя стоялъ глухой гулъ. Работа медиковъ и фельдшеровъ кипѣла, но это была борьба съ гидрой: едва успѣвали перевязать одного, какъ вновь вносили цѣлый десятокъ. Мнѣ посчастливилось быть перевязаннымъ безъ замедленія, но инымъ приходилось ждать по часу, по два и болѣе. Послѣ перевязки, я оставался на перевязочномъ пунктѣ часа четыре, и все это время лежавшій рядомъ со мною, съ раздробленнымъ бедромъ, унтеръ-офицеръ Владимірскаго полка тщетно умолялъ о перевязкѣ. Несправедливо было бы обвинять медиковъ: они дѣлали все, что могли, и ни минуты не оставались безъ дѣла. Фельдшерà метались, не переводя духу; особенно старательно и добросовѣстно накладывали перевязки бывшіе тутъ прусскіе молодые фельдшера.

Мимо меня проносятъ полнаго французскаго штабъ-офицера; онъ кряхтитъ и грузно лежитъ на носилкахъ, какъ мѣшокъ съ отрубями. Вотъ пробирается между ранеными сухощавый солдатъ, съ странной физіономіей и съ кровавой раной на мѣстѣ лѣвой скулы, совершенно отшибленной пулею. Вправо отъ меня стоитъ, съ обнаженнымъ торсомъ, молодой офицеръ; его сухія губы сжаты и неподвижные глаза свѣтятся лихорадочно; ему вырѣзываютъ пулю, попавшую въ грудь и засѣвшую въ спинѣ.

Страданіе отъ ранъ не заглушало у насъ заботы о томъ, что дѣлается на Малаховомъ Курганѣ: переходитъ ли онъ въ наши руки или остается въ рукахъ французовъ. У многихъ мысль объ этомъ оттѣсняла далеко назадъ заботу о своемъ личномъ положеніи. Отъ каждаго вновь прибывающаго ждали услышать, что русскіе ворвались въ горжу; при каждомъ пароксизмѣ ружейнаго

треска мы думали, что это наши отбиваютъ Курганъ. Между нами даже распространился было на нѣсколько минутъ слухъ, что русскіе ужъ овладѣли одной половиной Кургана и французы едва держатся на другой.

Со мною былъ въ Севастополѣ старый слуга, бывшій еще камердинеромъ моего отца, Иванъ Лебягинъ. Извѣщенный о томъ, что я раненъ, онъ поспѣшилъ прійти ко мнѣ, и съ этой минуты начались тѣ неусыпныя его попеченія обо мнѣ, къ какимъ способны были только слуги стараго закала. Меня мучила жажда, и я попросилъ Ивана принести мнѣ стаканъ воды. При видѣ воды, со всѣхъ сторонъ послышались просьбы раненыхъ напоить ихъ. Я увидѣлъ, что жажда была общимъ ощущеніемъ всѣхъ раненыхъ. Можетъ быть она возбуждалась потерею крови или усиліями добраться съ батареи на перевязочный пунктъ, или, вообще, возбужденнымъ состояніемъ предшествовавшаго боя. Иванъ носилъ воду раненымъ во все то время, которое я оставался на перевязочномъ пунктѣ.

День началъ склоняться къ вечеру. Раненые все прибывали и прибывали. Трескъ ружейной пальбы заглушался громомъ пушекъ съ нашихъ пароходовъ, стоявшихъ вблизи насъ, въ южной бухтѣ, и стрѣлявшихъ черезъ крыши нашихъ пакгаузовъ. Эти выстрѣлы, не знаю вслѣдствіе какихъ акустическихъ условій, раздавались у насъ какимъ-то чудовищнымъ воемъ. Часу въ шестомъ раненыхъ начали переправлять, наконецъ, на Сѣверную сторону. Ихъ, сплошнымъ слоемъ, настлали на палубу парохода „Дунай“ и бывшихъ у него на буксирѣ двухъ шеландъ. Едва пароходъ вышелъ изъ-за Павловскаго мыска, какъ раздался выстрѣлъ съ стоявшей надъ Большой бухтой французской батареи (кажется, съ Marie), и граната разорвалась надъ нашей палубой; осколки, къ счастію, никого не задѣли. У берега Сѣверной стороны, пароходъ вошелъ въ небольшую бухту, близь Михайловскаго форта, и раненыхъ начали сгружать. Матросы положили меня на носилки и понесли на берегъ. Солнце уже заходило, но его косые лучи, попадая мнѣ въ глаза, мучили меня: всякій звукъ и свѣтъ, хотя бы и не сильный, болѣзненно отзывались на потрясенныхъ нервахъ. Я надвинулъ на глаза козырекъ фуражки, чтобы защитить ихъ отъ свѣта. На берегу стояла густая толпа народа, съ любопытствомъ глядѣвшая на кровавый грузъ судовъ. Справа

стояла старушка и съ нею молоденькая дѣвушка, съ хорошенькимъ смуглымъ личикомъ, пунцовыми губками и бархатными глазами—одинъ изъ прелестныхъ южно-русскихъ типовъ. Она наклонилась надъ моими носилками, заглянула мнѣ въ глаза и сказала: „бѣдный, такой молодой“. Эти слова участія тронули бы меня во всякую другую минуту; но тогда все меня раздражало, и я, съ досадою, отвернулся.

Меня отнесли въ гауптвахту, стоявшую близь берега, и положили на полъ. Я послалъ въ лагерь, бывшій восточнѣе Сѣвернаго укрѣпленія, извѣстить моего товарища по полку графа Платона Александровича Зубова, что я раненъ, и попросить его пріѣхать за мной. Онъ былъ сильно контуженъ въ голову осколкомъ бомбы и, мало по малу оправляясь, жилъ въ лагерѣ. До лагеря было версты три, и прошло довольно много времени, пока посланный туда дошелъ. По комнатѣ, гдѣ я лежалъ на полу, шатались пьяные матросы, едва не наступая на меня. Время тянулось невыносимо долго. Уже совсѣмъ стемнѣло, когда, наконецъ, раздался топотъ лошадей, и Платонъ Александровичъ пріѣхалъ за мною. Меня перевезли въ его палатку, разбитую на высотѣ, откуда хорошо были видны и бухта и Севастополь. Я попросилъ отстегнуть и опустить полу палатки и сталъ смотрѣть на горделивую агонію, завершавшую трехсотъ-сорока-девятидневную борьбу. Перестрѣлка прекратилась. За бухтой тянулось сплошное пятно пламени, пересѣченное толстыми, расширявшимися кверху, жгутами чернаго дыма. Мѣстами онъ былъ такъ густъ, что стоялъ стѣной, непроницаемой ни для малѣйшаго проблеска огня. Рангоутъ еще незатонувшихъ судовъ чертился яркими полосами. Къ глухому гулу взрыва пороховыхъ погребовъ примѣшивались какіе-то трещащіе звуки; воздухъ раздирался громовымъ трескомъ разрыва многихъ сотенъ бомбъ и гранатъ, лопавшихся въ подожженныхъ бомбовыхъ складахъ. Не знаю, было ли то въ дѣйствительности или это только такъ представлялось моему горячечному воображенію—но мнѣ казалось, что въ воздухѣ слышится какое то клокотаніе. Чувствовалось что-то стихійное въ томъ, что происходило тогда передо мною. Въ умѣ невольно составлялось уподобленіе этого момента событію, случившемуся почти за восемнадцать столѣтій передъ тѣмъ. Впрочемъ, сравненіе не шло дальше нѣкотораго внѣшняго сходства трагизма той и этой ми-

нуты: какъ тогда, такъ и теперь, все гибло и рушилось, земля вздрагивала и окружающая атмосфера трепетала, но народонаселеніе Помпеи бѣжало, въ паническомъ ужасѣ, пассивно склоняясь передъ неотразимой силой стихіи; здѣсь же люди энергически отбивались отъ враждебной силы и сами разнуздали стихію, въ гордомъ желаніи въ конецъ истребить все, что отстоять было невозможно. Сходство между двумя истребленными городами стало гораздо полнѣе впослѣдствіи, черезъ нѣсколько лѣтъ по окончаніи Крымской войны. Посѣтивъ развалины Севастополя, я былъ потомъ въ Помпеѣ. Тѣ же мертвыя улицы; лишонные крышъ дома, въ окна и двери которыхъ видно синее небо; верхи стѣнъ. поросшіе травой; деревья и кустарникъ среди комнатъ; то же могильное безмолвіе. Только Помпея гораздо менѣе разрушена. И не одинаковыя мысли приходятъ въ голову, когда стоишь на развалинахъ этихъ двухъ городовъ. Въ фактѣ разрушенія Помпеи нѣтъ, въ сущности, ничего славнаго: между гибелью и спасеніемъ выбора не было, и она погибла отъ изверженія волкана. какъ многіе десятки голландскихъ мѣстечекъ погибли отъ прорыва морскихъ волнъ черезъ плотины. Въ погибели этихъ забытыхъ мѣстечекъ было ровно столько же трагизма, какъ и въ гибели Помпеи; но самый фактъ ихъ погибели почти никому неизвѣстенъ. Помпея же стала славна, потому что ея гибель, спустя много вѣковъ послѣ того, какъ она совершилась, была прославлена перомъ и кистью.

Въ разрушеніи Севастополя не было ничего фатальнаго; его разрушеніе или сохраненіе зависѣло отъ произвола людей. Онъ уцѣлѣлъ бы вполнѣ, если бы его гарнизонъ поступилъ такъ, какъ поступали впослѣдствіи гарнизоны всѣхъ этихъ Абевилей и Арасовъ. Онъ уцѣлѣлъ бы на три четверти, если бы защищался столько же, сколько защищался Страсбургъ; но разрушеніе Севастополя было полное, потому что не было примѣра такой обороны, съ тѣхъ поръ какъ понятіе о нападеніи и защитѣ возникло въ умахъ человѣческихъ. Цѣлый годъ его громили враги, стремясь овладѣть имъ, и coup-de-grâce нанесенъ ему былъ своими, нежелавшими, чтобы врагамъ досталось что нибудь, исключая пепла и обломковъ. Каждый квадратный дюймъ севастопольской почвы былъ свидѣтелемъ геройскаго подвига и геройской смерти, несхожей съ пассивной гибелью кучи людей, трепетно прижавшихся къ стѣнѣ погреба, въ домѣ Діомеда.

Это пришло мнѣ въ голову, конечно, не тогда, когда я смотрѣлъ на разрушеніе Севастополя. Измученный усталостію, истекши кровью, подавленный горемъ отъ утраты того, что намъ казалось тогда дороже всего на свѣтѣ, я не былъ способенъ даже къ самому элементарному анализу. Сравненіе гибели Севастополя съ гибелью Помпеи мелькнуло въ моихъ мысляхъ, просто, потому что и тамъ и здѣсь были гибель и разрушеніе.

Послѣ полуночи я началъ впадать въ тихій, безсвязный бредъ и заснулъ тревожнымъ сномъ.

На другой день, рано утромъ, Лебягинъ отыскалъ фургонъ, такъ какъ въ коляскѣ нельзя было ѣхать лежа. Въ фургонъ была впряжена пара бойкихъ лошадокъ, но бойкость ихъ была, на этотъ разъ, излишняя, потому что я могъ подвигатьсят олько медленно, шагъ за шагомъ: самый незначительный толчокъ отдавался въ ранѣ острою болью. Когда меня уложили въ фургонъ, я приказалъ повернуть его такъ, чтобы мнѣ можно было видѣть Севастополь. Я хотѣлъ взглянуть на него въ послѣдній разъ, не зная, удастся ли когда нибудь, въ теченіи моей жизни, его увидѣть. Представившаяся мнѣ картина была однообразна, безъ всякихъ потрясающихъ деталей; но, при видѣ ея, горе и бѣшенство сдавили мнѣ горло и слезы покатились изъ глазъ. Севастополь былъ затопленъ густымъ слоемъ осѣвшаго дыма, изъ котораго виднѣлось только нѣсколько наиболѣе возвышенныхъ точекъ города. Въ теченіи почти года дымъ составлялъ обычную принадлежность картины Севастополя; но то былъ дымъ, оживленно клубившійся надъ бастіонами, то сгущаясь отъ выстрѣловъ, то рѣдѣя. А теперь онъ лежалъ неподвижнымъ, мертвымъ пластомъ надъ землею, которую мы такъ долго, такъ яростно и такъ любовно охраняли.

Какъ ни медленно подвигался фургонъ и какъ ни осторожно правилъ кучеръ, но нельзя было избѣжать толчковъ, когда колеса попадали на камешки, во множествѣ разсѣенные по дорогѣ. Толчки эти возбуждали жгучую боль въ моей ранѣ, и я очень завидовалъ раненому полковнику, котораго солдаты несли на носилкахъ, рядомъ съ моимъ фургономъ. Уже смеркалось, когда мы прибыли въ Бахчисарай. Мнѣ нашли помѣщеніе въ верхнемъ этажѣ небольшаго домика, съ такой узкой и крутой лѣстницей, что меня внесли по ней съ большимъ трудомъ. Почти двое сутокъ я ничего не ѣлъ и попросилъ теперь тарелку супу. Никогда потомъ

ни одно блюдо у Вефура или Maison Dorée не казалось мнѣ такимъ вкуснымъ, какъ поданный мнѣ въ Бахчисараѣ куриный супъ съ рисомъ. На другой день я пріѣхалъ въ Симферополь и переночевалъ на частной квартирѣ. Оставаться на квартирѣ, не поступая въ госпиталь, было невозможно, потому что штурмъ 27-го августа завалилъ ранеными симферопольскіе госпитали, и медики не имѣли возможности дѣлать перевязки еще на дому. На другое утро послѣ пріѣзда я приказалъ везти себя въ одно изъ отдѣленій госпиталя. Отдѣленія эти назывались по именамъ владѣльцевъ занимаемыхъ ими домовъ или по тому назначенію, которое имѣли прежде эти дома; такъ были: домъ Мейера, Благородный пансіонъ и проч. Особенно хорошо отзывались о первомъ изъ нихъ, находившемся въ рукахъ чрезвычайно добросовѣстнаго и самоотверженно преданнаго своему долгу врача, что было отнюдь не общимъ свойствомъ симферопольскихъ медиковъ. Я безуспѣшно объѣхалъ всѣ госпитальныя отдѣленія: вездѣ не только всѣ койки были заняты, но раненыхъ разложили всюду, гдѣ только была какая нибудь возможность ихъ уложить. Меня нѣсколько возмущало то, что раненый въ сраженіи офицеръ не можетъ найти себѣ пріюта; но дѣлать было нечего—пришлось возвратиться домой. Изъ Благороднаго пансіона привели ко мнѣ фельдшера; я попросилъ его перевязать мнѣ рану и обѣщалъ ему дать нѣсколько рублей, какъ только онъ меня своевременно увѣдомитъ объ открывшемся въ пансіонѣ мѣстѣ. Мнѣ не долго пришлось ждать. Вечеромъ того же дня фельдшеръ прибѣжалъ ко мнѣ, сіяя радостію, и объявилъ, что „капитанъ умеръ“. Мнѣ стыдно теперь подумать, что я тогда не безъ удовольствія услышалъ о смерти бѣднаго капитана.

Было совершенно темно, когда я пріѣхалъ въ Благородный пансіонъ. Меня внесли въ тусклоосвѣщенную залу и попробовали положить на кровать, съ которой только что сняли покойника. На бѣду, покойный, вѣроятно, былъ очень небольшаго роста и его кровать оказалась для меня коротка. На нее переложили одного изъ раненыхъ, покороче, а мнѣ предложили занять его койку, не безъ протеста, однакоже, съ его стороны.

На другой день, утромъ, многіе изъ раненыхъ съ замѣтной тревогой ожидали прибытія доктора и начала перевязки. Часовъ въ 9 въ залу вошелъ довольно высокій и толстоватый господинъ

съ жирнымъ и рябымъ улыбающимся лицомъ, обросшимъ густыми черными бакенбардами. Если бы я встрѣтилъ такого господина теперь, то сразу счелъ бы его, по его довольной и сытой улыбкѣ, за средней руки концессіонера, но тогда этотъ типъ еще не народился и такими улыбками улыбались провіантскіе чиновники, комиссіонеры, завѣдующіе погонскими ротами офицеры и прочая проказа Крымской арміи. На этотъ разъ, впрочемъ, самодовольная физіономія принадлежала не кому либо изъ вышеисчисленныхъ дѣятелей, а доктору М., завѣдывавшему Благороднымъ пансіономъ. За докторомъ слѣдовала небольшая, румяная и полная старуха—сестра милосердія. Она тоже, повидимому, была весьма довольна всѣмъ дѣящимся; но въ ея улыбкѣ было гораздо менѣе самодовольства, и къ этому самодовольству примѣшивалось другое выраженіе, которое можно было, пожалуй, считать и за выраженіе добродушія. За сестрой милосердія шли два фельдшера и нѣсколько грязныхъ лазаретныхъ служителей, съ тазами и теплою водою, для промывки ранъ.

Перевязка нѣсколькихъ офицеровъ обошлась безъ стоновъ. Очередь дошла до молодаго офицера, раненаго пулей въ пятку, сбоку. Рана обильно поросла дикимъ мясомъ; пришлось его вырѣзывать, да прихватить и не дикаго. „Мамаша, сядьте около меня“, сказалъ раненый сестрѣ милосердія. Она сѣла и онъ обнялъ ее. Началась операція; офицеръ, поблѣднѣвъ и стиснувъ зубы, молчалъ, но толстая сестра милосердія вопила. Насъ сначала удивило, что раненый уполномочилъ ее кричать, вмѣсто себя; но оказалось, что, отъ боли, онъ судорожно впился пальцами въ ея жирный бокъ, и она кричала своекоштно. Эта сцена насъ развлекла, хотя нѣкоторымъ изъ насъ, въ томъ числѣ и мнѣ, предстояло такое же взрѣзываніе. Перевязавъ еще нѣсколько моихъ сосѣдей, докторъ, все также концессіонерно улыбаясь, подошелъ ко мнѣ, осмотрѣлъ мою рану и, для изслѣдованія ея внутренности, запустилъ въ нее не зондъ, а, просто, указательный палецъ, весь, до соединенія его съ пястью руки. На бѣду, пальцы у М. были толщиною съ пистолетную кабуру. Объявивъ, что дюймахъ въ трехъ отъ передняго отверстія раны есть гнойные затеки, докторъ впустилъ туда желобчатый зондъ, ввелъ въ него скальпель и, не торопясь, разрѣзалъ мышцы, дюйма на три въ глубину и почти настолько же въ ширину.

Этому трудно повѣрить—но инструментъ былъ настолько тупъ, что разрѣзываемое имъ мясо издавало какіе-то скрипящіе звуки. Когда окончилось вскрытіе раны, мнѣ сказали, что я очень блѣденъ, и посовѣтовали мнѣ выпить стаканъ воды. Докторъ прибавилъ, что напрасно я дѣлалъ усиліе ничѣмъ не выказать перенесенную мною боль. Но что меня изумило, такъ это дурнота, сдѣлавшаяся у Ивана Лебягина, при видѣ рѣзанія меня тупымъ ножемъ: до тѣхъ поръ я считалъ Ивана способнымъ невозмутимо смотрѣть, какъ сдираютъ кожу съ живаго человѣка. Послѣ перевязки я попросилъ, чтобы меня перемѣстили изъ большой шумной палаты въ болѣе спокойную комнату. Палаты назывались по тому назначенію, которыя имѣли комнаты, до превращенія пансіона въ госпиталь: были классы, по нумерамъ, рекреаціонная зала и проч.; одна палата носила названіе театра, потому что въ ней были кулисы, вѣроятно оставшіяся тутъ, послѣ устроеннаго воспитанниками любительскаго спектакля. Одну комнату прозвали „уборной“, не потому, впрочемъ, что учитель чистописанія совершалъ тутъ, предъ началомъ классовъ, свой туалетъ. Это была единственная изъ комнатъ, которая называлась не такъ, какъ называли ее аборигены, а получила названіе впослѣдствіи, въ госпитальную эпоху. Комната была названа „уборною“, потому что предназначалась для тяжело раненыхъ, и оттуда, чаще нежели изъ другихъ палатъ, убирали сперва на нѣсколько часовъ, въ погребъ, а потомъ на кладбище. Моя рана не была такъ опасна, и меня помѣстили туда только изъ желанія доставить мнѣ побольше спокойствія; но изъ числа моихъ сосѣдей, сколько мнѣ помнится, только одинъ выздоровѣлъ.

Въ „уборной“ было, всего, три кровати; одну занималъ я, другую—тощій офицеръ, съ какою-то хроническою внутреннею болѣзнію; на третьей лежалъ артиллерійскій поручикъ Б., раненый на послѣднемъ штурмѣ Севастополя. Пѣшая батарея, въ которой служилъ Б., открыла, изъ-за Камчатской стѣнки, картечный огонь по французамъ, занимавшимъ Малаховъ Курганъ, но вскорѣ потеряла бóльшую часть прислуги и лошадей. Пуля попала Б. въ кисть руки и прошла до локтя, разщепивъ локтевую и лучевую кости; ему отняли руку ниже плеча. Его ежедневно навѣщала его невѣста, высокая, стройная брюнетка, съ правильными и красивыми чертами лица. Звали ее Людмилой. Эта симферопольская барышня не грѣшила противъ

одиннадцатой заповѣди: „не зѣвай". Безъ жениха она никогда не бывала; но Севастополь былъ какъ-то особенно безжалостенъ къ избранникамъ ея сердца: уже двое изъ нихъ улеглись на его бастіонахъ. Б. былъ третьимъ. Въ теченіи нѣкотораго времени Людмила могла считать удовлетворительнымъ теченіе болѣзни своего жениха; но потомъ силы его начали оставлять; появилась изнурительная лихорадка, а черезъ два-три дня въ ранѣ открылась гангрена. Больной тихо метался и, въ бреду, безпрестанно повторялъ имя своее невѣсты. Но она не могла слышать его стоновъ: какъ только онъ впалъ въ безсознательное состояніе—она перестала приходить къ нему. Ея любвеобильное сердце не могло выносить вида страданій умиравшаго. Да и недосугъ былъ: нужно же было пріискать ему преемника. Наконецъ, проснувшись разъ ночью, я увидѣлъ, при слабомъ свѣтѣ ночника, что Б. лежитъ неподвижно, черты его восковаго лица застыли, носъ какъ-то заострился. Я разбудилъ спавшаго около моей койки Ивана Лебягина; тотъ, въ свою очередь, прервалъ противоестественное храпѣніе деньщика Б. Позвали сонныхъ лазаретныхъ служителей и трупъ вынесли.

Госпитальная жизнь тянулась однообразно. Утромъ являлся упитанный докторъ, съ сестрой милосердія и, со смакомъ, разсказывалъ ей о выигранныхъ имъ вчера роберахъ; фельдшера же въ это время дѣлали перевязку. Послѣ обѣда приходила ко мнѣ сестра милосердія, благодушествовала, сидя около меня, пила мой хересъ, разсказывала о своемъ московскомъ житьѣ-бытьѣ и била меня по губамъ, когда я, отъ скуки, говорилъ ей о миніатюрности ея ножки. Ножка ея, дѣйствительно, была замѣчательно мала. Изрѣдка появлялись откуда-то двѣ другія сестры милосердія, считавшіяся помощницами старшей, которую мы звали мамашей. Такъ какъ она сама до страсти любила ничего не дѣлать, то и ея помощницамъ только оставалось ревностно помогать ей въ этой ея спеціальности. Мы знали, что онѣ помѣщались гдѣ-то тутъ-же въ госпиталѣ, но точно опредѣлить ихъ мѣстопребыванія не могли; а еще въ болѣе непроницаемую таинственность была облечена цѣль, съ которою онѣ тутъ гнѣздились. Вечеромъ снова была перевязка, съ столь же малымъ участіемъ доктора. Однажды я спросилъ его: отчего наиболѣе сильную боль я чувствую не въ самой ранѣ, а повыше ея, въ вертлюгѣ. „А очень

болитъ"? спросилъ, прищуря одинъ глазъ и имянинно улыбаясь, докторъ. Я отвѣчалъ, что очень. „Ну, до свадьбы заживетъ", сказалъ докторъ, улыбаясь уже совсѣмъ паточно. Прикованный раною къ кровати, я абсолютно лишонъ былъ возможности побить его за такой отвѣтъ. А такъ какъ было ясно, что, при такомъ безучастіи медика, „до свадьбы не заживетъ", то послѣ его ухода, я продиктовалъ письмо къ нему, въ которомъ благодарилъ его за самоотверженный уходъ за мною и необычайно старательное лѣченіе, и отправилъ къ нему, вложивъ въ конвертъ двѣсти рублей. На другой день сестра милосердія не получила ровно никакихъ свѣдѣній о выигранныхъ или проигранныхъ докторомъ роберахъ. Вошедши въ „уборную", онъ быстро подошелъ ко мнѣ, потрясъ меня за руку и сказалъ: „благодарю васъ; но зачѣмъ же: это и безъ того моя обязанность". Непосредственно затѣмъ онъ прозондировалъ мою рану, досталъ скальпель — и Лебягину снова пришлось волноваться. Обстоятельное изслѣдованіе раны было произведено только теперь. О томъ же, съ какою небрежностію было произведено первое изслѣдованіе, можно заключить изъ того, что куски сукна, вбитые пулей въ рану, были тогда не замѣчены и вышли, съ гноемъ, только черезъ двадцать дней, послѣ того, какъ я былъ раненъ. Я долженъ сказать, что съ этихъ поръ докторъ М. лѣчилъ меня уже въ самомъ дѣлѣ старательно; а такъ какъ онъ былъ не безъ медицинскихъ свѣдѣній, то лѣченіе приняло благопріятный оборотъ. Окончательнымъ излѣченіемъ я обязанъ, впрочемъ, не ему, а доктору С—ту, котораго я зналъ еще на Дунаѣ, какъ свѣдущаго и добросовѣстнаго медика. Онъ смѣнилъ мѣсяца черезъ три М., уличеннаго во многихъ прегрѣшеніяхъ.

Госпитальный столъ, должно быть, былъ очень плохъ. Я имѣлъ свой собственный столъ, приготовлявшійся на кухнѣ смотрителя госпиталя; но Лебягинъ, которому я предоставилъ право получать, вмѣсто меня, госпитальное кушанье, объявилъ, что онъ этой дряни ѣсть не станетъ. Не лучше были и лѣкарства. Еще какая нибудь tinctura aromatica или растворъ ляписа были сколько нибудь годны; но когда, при наклонности раны къ развитію въ ней гангрены, потребовалось спринцовать рану іодомъ, то самъ же докторъ посовѣтовалъ взять его въ вольной аптекѣ. Принесенная изъ этой аптеки тинктура іода отличалась отъ казенной и цвѣтомъ и запахомъ; о разницѣ въ дѣйствіи этихъ двухъ несход-

ныхъ жидкостей я уже и не говорю. Всѣ лѣкарства, употреблявшіяся мною внутрь, я тоже бралъ изъ вольной аптеки. А внутрь я довольно таки поглоталъ лѣкарствъ, такъ какъ приходилось бороться съ нѣсколько разъ начинавшеюся у меня лихорадкой, могшею перейти въ тифъ или въ какую-нибудь иную изъ премій, которыми щедро награждаетъ госпиталь. Кромѣ лихорадки, меня безпокоили пролежни, т. е. раны, сдѣлавшіяся отъ постояннаго лежанія на одной и той же части тѣла, именно на лѣвомъ боку. Я перелегъ на спину, но вскорѣ и на спинѣ сдѣлались пролежни. Кое какъ удалось помочь подкладываніемъ подушекъ, съ отверстіемъ внутри: эти подушки подкладывались такъ, чтобы пролежни приходились надъ отверстіемъ, слѣдовательно, ни къ чему не прикасались.

Мѣсто умершаго Б. занялъ штабсъ-капитанъ Черниговскаго пѣхотнаго полка Бѣликъ, раненый на послѣднемъ же штурмѣ, на 2-мъ бастіонѣ, въ верхнюю часть ноги, причемъ пуля раздробила бедренную кость, на протяженіи двухъ вершковъ. Это раздробленіе было такъ высоко, что отнять ногу было невозможно иначе, какъ посредствомъ вылущиванія. А такъ какъ эта операція лишь въ крайне рѣдкихъ случаяхъ ведетъ къ благопріятному исходу, то Бѣлику оставили ногу неотнятою, въ надеждѣ на авось. Мученія Бѣлика были продолжительны и сильны: каждое незначительное движеніе тѣла отзывалось страшной болью въ ранѣ, вызывая движеніе въ раздробленной кости, такъ какъ нога, соединенная съ торсомъ лишь мягкими частями тѣла, оставалась неподвижною, когда двигался корпусъ, и наоборотъ. Между осколками костей завелись черви и раненый сильно кричалъ, когда ихъ выживали оттуда скипидаромъ. Страданія Бѣлика еще увеличились отъ безсовѣстнаго за нимъ ухода. У него былъ грязный, грубый и лѣнивый деньщикъ, типъ одного изъ тѣхъ деньщиковъ прежняго времени, которые были слишкомъ большими негодяями, чтобы отъ нихъ была какая-нибудь польза во фронтѣ, и недостаточно большими негодяями, чтобы быть присужденными къ каторжной работѣ. Посланный съ утра за какою-нибудь бездѣлицей — за пачкой папиросъ, напримѣръ, — деньщикъ Бѣлика пропадалъ иногда до вечера, и въ теченіи этого времени Бѣликъ оставался въ самомъ безпомощномъ положеніи: онъ не могъ пошевелиться, чтобы поправить подушку, не могъ получить глотка воды. Иванъ Лебягинъ иногда помогалъ ему, но Иванъ не всегда

былъ дома: ему часто приходилось сходить или въ аптеку, или за какой-нибудь покупкой. Долго мучился такъ бѣдный Бѣликъ, и о его смерти я узналъ лишь въ своемъ Курскомъ имѣніи, куда я, выздоровѣвъ, уѣхалъ, для окончательнаго поправленія.

Изъ комнаты, сосѣдней съ „уборною", мнѣ безпрестанно слышались то шансонетки молодаго пѣхотнаго офицера Лунда, то стоны и бредъ пожилаго офицера Курскаго ополченія, который лежалъ въ горячкѣ. Бѣднякъ говорилъ о своемъ домѣ, о женѣ, о дѣтяхъ и испустилъ духъ, не придя къ сознанію, что между нимъ и дорогими его сердцу—вѣчность. Лундъ былъ мнѣ очень полезенъ, потому что писалъ мнѣ, подъ мою диктовку, письма и развлекалъ своею болтовнею. Но комната, въ которой онъ помѣщался, была мнѣ извѣстна только по доносящимся изъ нея звукамъ: о ея видѣ я не имѣлъ понятія.

Вскорѣ, впрочемъ, докторъ С—нтъ посовѣтовалъ мнѣ подняться на костыли. Попытка исполнить этотъ совѣтъ сопровождалась немалою вознею. Меня воздвигали, какъ какой-нибудь монолитъ.

На слѣдующій день я предпринялъ экскурсію, для ознакомленія съ сосѣднею комнатою, а потомъ началъ дерзать проходить въ „театръ". Какъ я уже сказалъ, это была зала, въ которой воспитанники преждепомѣщавшагося тутъ благороднаго пансіона устраивали домашніе спектакли и гдѣ остались декораціи какихъ-то садовъ, съ клумбами яркихъ и неправдоподобно крупныхъ тюльпановъ. Спустя съ недѣлю послѣ моего перваго посѣщенія „театра", я рѣшился побывать на воздухѣ и проѣхаться по Симферополю. Меня усадили въ экипажъ, съ меньшимъ затрудненіемъ, нежели я ожидалъ, и, Боже мой, какъ радостенъ былъ мой первый выѣздъ. День былъ ясный и немного морозный; дома и улицы были облиты солнечнымъ свѣтомъ; я возвратился утомленный; но чувствовалось, что въ меня влился потокъ новыхъ силъ и далъ живительный толчокъ моему дремавшему организму. Недѣли черезъ три я имѣлъ уже возможность, лежа въ экипажѣ и съ почти закрывшеюся раною, выѣхать изъ Симферополя.

С. Макѣево. **А. А. Вязмитиновъ.**

ЗАПИСКИ СЕЛЬСКАГО СВЯЩЕННИКА.

По поводу соч. г. Елагина „Бѣлое духовенство и его интересы".

XVII [1]).

Но возвратимся къ книгѣ г. Елагина. Правительство, усиливая надъ нами надзоръ, имѣетъ въ виду улучшеніе нравственнаго нашего состоянія, слѣдовательно принести пользу и намъ самимъ и обществу, — цѣль благая, высокая, святая. Но какая же цѣль у г. Елагина позорить насъ? Тутъ цѣль уже не та. Г. Елагинъ, какъ видно изъ всей его книги, проникнутъ крѣпостничествомъ до костей. При такомъ душевномъ состояніи онъ слышитъ вдругъ въ народѣ молву объ улучшеніи быта духовенства. Онъ приходитъ въ ужасъ! Такое смѣшное положеніе его напоминаетъ намъ персидскаго шаха. Послѣ путешествія шаха по Европѣ писали, что онъ, увидѣвши въ Лондонѣ какого-то богатаго лорда, посовѣтовалъ королевѣ отрубить ему голову, какъ человѣку опасному, — что богатые, по его убѣжденію, могутъ возставать на власть, — могутъ не покоряться ей. Такъ и г. Елагинъ боится, какъ персидскій шахъ, что духовенство, выведенное изъ пресмыкающагося состоянія, будетъ не вполнѣ покорно епархіальной власти. И вотъ онъ напрягаетъ всѣ силы души, употребляетъ всѣ средства, чтобы отвратить это. Онъ готовъ однимъ взмахомъ меча снять головы со всего духовенства, какъ желалъ снять съ своихъ сенаторовъ одинъ изъ римскихъ императоровъ. Мы, надѣемся, ни мало не преувеличиваемъ, потому что у него есть ясный намекъ на это, когда онъ говоритъ о какомъ то римскомъ императорѣ, утопившемъ всѣхъ нищихъ (25). При такихъ низкихъ побужденіяхъ онъ употребляетъ и низкія средства: онъ позоритъ духовенство, какъ только можетъ, и позоритъ все поголовно, какъ будто уже

[1]) См. „Русская Старина" изд. 1882 г., томъ XXXIII, февраль, стр. 365—401; мартъ, стр. 691—716.

и нѣтъ ни одного порядочнаго человѣка во всемъ духовенствѣ. Духовенство представляетъ онъ толпою какихъ-то зараженныхъ, искаженныхъ, изуродованныхъ, прокаженныхъ, на которыхъ нельзя смотрѣть безъ отвращенія. Въ этой массѣ мерзостей онъ видитъ только самую ничтожную, самую маленькую кучку, рельефно отдѣляющуюся отъ массы, какъ непорочныхъ агнцевъ между козлищемъ, какъ представителей благородства, честности неподкупной (86), доброты, безкорыстія, какъ кроткихъ вѣстниковъ небесной истины,—членовъ консисторій. Но и имъ, съ сокрушеніемъ сердечнымъ, какъ Господь Своимъ апостоламъ на тайной вечери, говоритъ: вы чисти есте, но не вси, — и «изъ нихъ есть люди дурные»!... Г. Елагинъ употребляетъ все, лишь бы только по прежнему закрѣпостить духовенство. Крѣпостничество до того въѣлось въ его душу, что онъ жертвуетъ и честью, и совѣстью, и правдой, и историческими фактами, и словомъ Божіимъ, и умственнымъ, и нравственнымъ, и матеріальнымъ состояніемъ всего духовенства, и религіозно-нравственнымъ состояніемъ народа, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, благосостояніемъ всего отечества,—всѣмъ, лишь бы только повелѣвать попами по всей своей широкой волюшкѣ.

Такъ онъ, усиливаясь доказать, что духовенство должно нищенствовать, приводитъ такой историческій фактъ: «при Константинѣ Великомъ, говоритъ онъ, стали появляться вполнѣ обезпеченные въ средствахъ содержанія священники. Но императору это не нравилось. Въ числѣ его конституцій есть одна, которою воспрещалось выбирать богатыхъ въ духовное званіе» (13). Очень ясно, что примѣръ приведенъ не къ дѣлу: обезпечивать или давать средства къ содержанію бѣднымъ, и принимать въ число духовенства богатыхъ,—двѣ вещи разныя. Это почти тоже, что подать милостыню бѣдному, умирающему съ голоду, и богачу. Но при Константинѣ Великомъ запрещеніе принимать богатыхъ было по такому случаю: когда онъ сдѣлалъ христіанскую религію религіею государственною, то служители церкви были освобождены отъ обязанности нести государственную службу (особенно тяжелую, при частыхъ войнахъ); имущество ихъ освобождено было отъ государственныхъ налоговъ; церкви получили право пріобрѣтать недвижимыя имущества отъ поступленія въ клиръ богатыхъ людей, постороннихъ пожертвованій и по духовнымъ завѣщаніямъ, и такимъ образомъ въ церкви собрались огромныя богатства. Кромѣ того, императоръ повелѣлъ выдавать клирикамъ хлѣбную ругу. Богатство церквей привлекло въ клиръ массу бѣдныхъ; изъ-за освобожденія же отъ военной службы бросились туда и богатые, — точно такъ, какъ у насъ нынѣ бросились многіе въ учебныя

заведенія не изъ любви къ образованію и наукѣ, а единственно изъ-за льготъ при воинской повинности. Чтобы пресѣчь злоупотребленіе милостями, императоръ ограничилъ, вообще, право поступленія въ клиръ, богатымъ же запретилъ поступать всѣмъ безъ исключенія. При Ѳеодосіи I былъ изданъ законъ, по которому люди богатые, желавшіе поступить въ клиръ, должны были отказываться отъ своего имущества и передавать его другимъ; тѣ же лица, которымъ имущества передавались, обязывались нести всѣ государственныя обязанности, лежавшія на поступившихъ въ клиръ. И Константинъ, и Ѳеодосій желали не того, чтобы клирики были бѣдны и нищенствовали, но имъ не хотѣлось только, чтобы государство лишалось дохода. Напротивъ и тотъ, и другой заботились, чтобы клирики были обезпечены вполнѣ. Константинъ узаконилъ напримѣръ, на вѣчныя времена, чтобы во всей имперіи отдѣлялась извѣстная часть государственныхъ доходовъ въ пользу мѣстныхъ церквей и клира. Онъ далъ грамоты начальникамъ провинцій, приказывалъ имъ выдавать дѣвственницамъ, вдовамъ и всѣмъ, посвященнымъ на службу Божію, ежегодное жалованье (хлѣбомъ), назначивъ его количество соразмѣрно скорѣе съ своею щедростію, чѣмъ съ (настоятельною) нуждою. Легко можетъ видѣть всякій, какова была щедрость государя. Такимъ образомъ мысль Константина, почему онъ запретилъ поступать въ клиръ людямъ богатымъ, видна ясно, видна щедрость его къ клиру и видно полное обезпеченіе клира. Всѣ такіе факты г. Елагинъ искажаетъ и говоритъ то, чего не было и быть не могло. Духовенство было обезпечиваемо и въ послѣдующія времена. Много разъ узаконялось и гражданскою, и духовною властію, чтобы никто не смѣлъ строить новыхъ церквей, если не будетъ предварительно отведено для клира земли и не назначено полнаго обезпеченія.

Указывая на первые вѣка христіанства, г. Елагинъ ни однимъ словомъ не упоминаетъ объ отечественной церкви. Если въ вопросѣ объ улучшеніи быта духовенства ему понадобилась непремѣнно исторія, то прямѣе и ближе къ дѣлу было бы взглянуть на свою русскую, родную, тѣмъ болѣе, что предки наши, принявши христіанскую вѣру чрезъ грековъ, приняли и всѣ церковные каноны и многіе обычаи грековъ, и исторія нашей церкви полнѣе исторіи первыхъ вѣковъ. Исторія нашей церкви богата указаніями такого рода. Что духовенству покровительствовали св. Владиміръ и Ярославъ,—это извѣстно всѣмъ и, поэтому, мы упоминать о нихъ не будемъ; но мы находимъ нужнымъ сдѣлать два-три указанія на князей удѣльныхъ, менѣе извѣстныхъ своей политической дѣятельностью.

XVIII.

Соорудивъ на собственныя средства каменную церковь во имя св. Іоанна Предтечи на Петрятиномъ дворищѣ, что на Опокахъ, съ придѣломъ во имя Захаріи (1127—1132 гг.), и предназначивъ ей быть соборною, благочестивый Всеволодъ хотѣлъ обезпечить содержаніе какъ самой церкви, такъ и ея причта на будущее время. Съ этою цѣлію онъ, примѣнительно къ уставу св. Владиміра, предоставившему духовному вѣдомству наблюденіе за торговыми мѣрами и вѣсами, далъ (окт. 1131—1135 гг.) означенной церкви грамоту и право держать въ притворѣ вѣсы, взвѣшивать на нихъ воскъ и, вѣроятно, нѣкоторые другіе товары и зато брать съ торговцевъ вѣсчія пошлины. Для производства торга отведено было вокругъ церкви св. Іоанна Предтечи опредѣленное пространство земли, гдѣ мѣста отдаваемы были на откупъ и плата за нихъ шла на церковь св. Іоанна. Наконецъ, за право торговать здѣсь, или точнѣе, включиться въ постоянное «купечество Иванское» желавшіе должны были вносить прежнимъ купцамъ извѣстную сумму, изъ которой часть отдѣлялась въ казну той же церкви. Чтобы смотрѣть за правильностью вѣсовъ, собирать разныя подати въ пользу церкви, хранить и употреблять ихъ соотвѣтственно назначенію, князь поставилъ ей трехъ старостъ отъ житыхъ людей, одного тысяцкаго отъ черныхъ и двухъ старостъ отъ купцевъ и велѣлъ «ни во что Иванское» не вмѣшиваться ни посаднику, ни боярамъ новгородскимъ. Изъ доходовъ церкви положено было ежегодное жалованье: священникамъ по осми гривенъ серебра, діакону по четыре гривны серебра, дьячку три гривны серебра, сторожамъ три гривны серебра съ тѣмъ, чтобы священники отправляли службу въ церкви св. Іоанна ежедневно, а въ придѣлѣ св. Захарія на хорахъ по воскресеньямъ, а діаконъ служилъ каждую субботу и каждое воскресенье. Сказавъ, почти вначалѣ грамоты: «даю св. великому Іоанну отъ своего имѣнія великаго на строеніе церкви во вѣки вѣсъ вощаный», князь продолжаетъ: «а въ Торжку даю пудъ вощаный, половина Спасу, а половину св. великому Іоанну на Петрятино дворище». Отсюда можно заключить, говоритъ высокопреосвященный Макарій, что и въ другихъ мѣстахъ, кромѣ Новгорода, были церкви, напр. въ Торжкѣ,—Спасская, которыя пользовались жалованьемъ княжескимъ (Ист. Русск. церк. т. II, стр. 76—78). Изчисливъ всѣ суды церковные и пошлины за всѣ эти суды въ пользу епископа св. Софіи и причта, Всеволодъ заповѣдуетъ, чтобы въ суды церковные не вмѣшивались ни дѣти его, ни внучата, ни

намѣстники, ни тіуны и заключаетъ: «своимъ тіунамъ приказываю суда церковнаго необидѣти, а съ суда давати: девять частей князю, а десятую св. Софіи за княжу душу» (тамъ-же). Святославъ новгородскій (1137 г.) подтвердилъ бывшій до него уставъ о десятинахъ: «имати бискупамъ десятину от даній и от виръ и от продажъ, что входитъ въ княжъ дворъ всего». Высокопреосвященный Макарій говоритъ: «почитая духовный санъ, князья заботились доставлять духовенству средства содержанія. Таковыми средствами служили: 1) судныя пошлины; 2) вѣсчія пошлины; 3) десятина княжескихъ доходовъ и 4) опредѣленное жалованье (Ист. Рус. ц. Макарія, т. VIII, 292).

Подобныхъ примѣровъ мы могли бы представить множество, но и изъ того, что представлено нами, видно ясно, что правительство наше всегда заботилось объ обезпеченіи духовенства въ средствахъ содержанія. Г. Елагинъ долженъ знать отечественную исторію. Будь въ ней хоть слабый намекъ, что духовенство оставлялось нищенствовать намѣренно,—онъ не преминулъ бы воспользоваться такимъ случаемъ. Не имѣя же его, онъ бросается къ первымъ вѣкамъ христіанства и силится одурачить всѣхъ, искажая факты. Нѣтъ, повторяемъ мы, правительство всегда старалось объ обезпеченіи причтовъ въ содержаніи, и если они не всѣ были обезпечены, то это происходило уже не отъ желанія поставить ихъ въ нищенское состояніе, но отъ недостатка къ тому средствъ.

Но къ чему можетъ послужить въ настоящемъ случаѣ, вообще, исторія? Какое значеніе можетъ имѣть для насъ то, если мы знаемъ, что при Константинѣ или когда-бы то ни было, давалось или не давалось содержаніе причту? Если нынѣ находятъ нужнымъ обезпечить въ содержаніи духовенство и есть къ тому средства, то естественно, что потребности этой нужно удовлетворить. Было бы курьезнымъ, еслибъ и находили нужнымъ, и имѣли къ тому средства и, однакожъ, не дѣлали именно потому только, что этого не было при Константинѣ. Мало ли ввелось чего, вообще, у насъ въ жизни, чего не было при нашихъ предкахъ, и мало ли что оставлено нами, что отцы наши считали необходимымъ. Кто обращаетъ вниманіе на времена прошедшія въ подобныхъ случаяхъ? Если брать во вниманіе времена Константина только въ военномъ отношеніи, то намъ пришлось бы измѣнить не только весь строй арміи, но и всѣ новѣйшихъ системъ скорострѣлки, пушки и под. замѣнить ихъ стрѣлами, бойницами и таранами. Мною приведенъ историческій примѣръ изъ отечественной исторіи только потому, что на исторію указываетъ г. Елагинъ; но, въ сущности, ни его и ни мои примѣры не имѣютъ

ровно никакого значенія. Но г. Елагинъ, усиливаясь придать себѣ особенное значеніе, выставляетъ себя несокрушимымъ поборникомъ православія, основывающимъ всѣ доводы свои на словѣ Божіемъ, исторіи, канонахъ и собственной его «совѣсти». Онъ полагаетъ, что если онъ упомянетъ о словѣ Божіемъ, первыхъ вѣкахъ христіанства и своей «совѣсти», то уже никакое возраженіе невозможно.

«Господь I. Христосъ избралъ Своихъ учениковъ и апостоловъ не изъ среды вельможъ и богачей, Онъ избралъ бѣдныхъ поденщиковъ и рыбаковъ· проповѣдывать евангеліе бѣднымъ должны были такіе же, какъ и они бѣдняки». Неправда! Господь призывалъ всѣхъ: много было званныхъ, но оказалось мало избранныхъ. Извѣстно, напр., что къ Господу приходилъ за наставленіемъ одинъ молодой человѣкъ, надобно полагать строгой жизни, соблюдавшій весь законъ «отъ юности». Но когда Господь сказалъ ему: продай имѣніе и иди вслѣдъ Меня, — онъ отошелъ со скорбію, потому что не хотѣлъ разстаться съ своимъ богатствомъ. Бѣдняки же съ полнымъ вниманіемъ слушали ученіе Господа и ходили за Нимъ всюду, потому что сердце ихъ было свободно отъ всякихъ домашнихъ и мірскихъ заботъ. И опять: не потому Господь избралъ бѣдняковъ, что бѣднымъ должны проповѣдывать только бѣдные; еслибъ было такъ, то кто же долженъ бы былъ проповѣдывать богатымъ? Эти же самые бѣдняки проповѣдывали не однимъ бѣднымъ, но они проповѣдывали и богатымъ фарисеямъ, и членамъ аѳинскаго ареопага, и вельможамъ, какъ напр. Филиппъ вельможѣ царицы Еѳіопской Кандакіи и под. Совсѣмъ не кстати г. Елагинъ искажаетъ факты. По смыслу г. Елагина выходитъ: священники должны быть бѣдны, потому что должны имѣть дѣло съ бѣднымъ народомъ. Неужели же всѣ наши люди богатые должны быть оставлены безъ просвѣщенія словомъ евангелія? Еслибъ было такъ, то нынѣ всякій богачъ имѣлъ бы право сказать священнику въ отвѣтъ на его назиданія: «священникъ не имѣетъ и права говорить мнѣ; онъ можетъ говорить только бѣднымъ; затѣмъ Господь и апостоловъ избралъ изъ бѣдныхъ людей». Пересолилъ г. Елагинъ!

«Не въ домахъ богатыхъ Господь I. Христосъ останавливался, а отыскивалъ бѣдныхъ»... Что ни слово,—ложь. И къ чему все это? Пусть г. Елагинъ потрудится отыскать въ евангеліи IX главу Луки. Тамъ говорится: мужъ, нарицаемый Закхей: и сей бѣ старѣй мытаромъ, и той бѣ богатъ... и пріятъ Его (I. Христа въ домъ свой), радуяся. Тайная даже вечеря была совершена въ домѣ человѣка богатаго, покрайней мѣрѣ такого, который имѣлъ прислугу и, кромѣ своего помѣщенія, хорошую, большую, свободную и убранную хорошо «горницу». Сколько разъ упоминается въ евангеліи о

посѣщеніи Господомъ домовъ богатыхъ фарисеевъ! Опять, по г. Елагину, выходитъ, что священникъ въ домъ богатаго,—ни ногой! Самъ Господь де ходилъ только къ бѣднымъ, тѣмъ болѣе священникъ ходить туда не долженъ. Ну, на что же похоже такъ заговариваться!

«Господь, посылая апостоловъ на проповѣдь, не говорилъ имъ: запасайтесь деньгами, облекайтесь въ богатыя одежды, но сказалъ: не берите съ собой ни золота, ни серебра... ни сапогъ, ибо трудящійся достоинъ пропитанія». Апостолы такъ и пошли; но, бывши на проповѣди, говорили: «мы и алчемъ, и жаждемъ, и наготуемъ, насъ злословятъ; мы питаемся своими трудами». Послѣ приведенныхъ словъ изъ евангелія и посланій апостола г. Елагинъ восклицаетъ: «можетъ быть указанія и примѣры эти слишкомъ высоки для настоящаго времени. Но мы не имѣемъ право игнорировать ихъ». Этими словами онъ укоряетъ насъ, что мы не слѣдуемъ ни ученію Господню и ни примѣру апостоловъ, а слѣдовательно и не заслуживаемъ сострадания и сочувствія общества и не имѣемъ права просить его помощи. Но отвѣтимъ ему, что онъ не вникъ ни въ порядокъ вещей и ни въ смыслъ того, что говоритъ онъ, иначе онъ и не сказалъ бы этого. Г. Елагину и на умъ не пришло, что приведенными словами Господа и примѣромъ апостоловъ онъ, какъ нельзя лучше, защищаетъ насъ и позоритъ себя, а съ собою вмѣстѣ, и всѣхъ прихожанъ нашихъ. Представлялъ ли себѣ онъ это? Смотрите: апостолы были всѣ бѣдняки. Господь сказалъ имъ: идите такъ, каковы вы теперь: не заготовляйте ни платья, ни денегъ,—ничего. Вы будете дѣлать свое дѣло,—и вамъ, какъ и всякому обыкновенному работнику, будутъ платить: вы будете питать словомъ Божіимъ душу, слушатели же ваши будутъ питать ваше тѣло,—будутъ давать вамъ все необходимое къ вашему существованію, потому что всякій работникъ долженъ получать плату: «достоинъ бо дѣлатель мзды своея». Апостолы, зная, что такъ и должно быть, пошли, не заботясь о своемъ пропитаніи; они вполнѣ надѣялись, что слушатели ихъ удовлетворятъ всѣмъ ихъ нуждамъ. Такъ. Посмотрите же теперь: кто идетъ въ проповѣдники Слова Божія? Семинаристъ. Приготовительныя школы для проповѣдничества и, вообще, для священнослуженія, открыты для всѣхъ классовъ общества, но идутъ ли въ нихъ дворяне, купцы, чиновники и пр.? Ровно никто. Идутъ дѣти бѣдныхъ священнослужителей—семинаристы. Но взгляните на любого семинариста: у него нѣтъ ни то, чтобы злата и серебра,—у него нѣтъ, какъ говорится, гроша мѣднаго за душой; не то, чтобъ имѣлъ онъ «двѣ ризы»,—у него всего одинъ-единый какой нибудь сюртучишка, да и то, пожалуй, съ дырявыми локтями; сапоги-то хоть и есть, а присмотритесь къ нимъ, такъ, пожалуй, что они

безъ подошвъ. Словомъ, любой семинаристъ стóитъ рыбака-апостола, по бѣдности. Эти-то бѣдняки, безъ денегъ, безъ одежды, безъ сапогъ, и идутъ въ міръ проповѣдывать слово Божіе. Кто читалъ мои предъидущія «Записки», тотъ видѣлъ сколько злата и серебра взялъ я съ собою, отправляясь въ приходъ свой. Да, г. Елагинъ, мы идемъ въ свои приходы именно такъ, какъ шли на проповѣдь апостолы! Мы идемъ безъ всего, надѣясь вполнѣ, что прихожане наши дадутъ намъ все необходимое къ нашему существованію. Апостолы, бывши на дѣлѣ своего служенія, вмѣсто любви и обезпеченія въ содержаніи, встрѣтили злобу, гоненія и терпѣли голодъ, жажду, наготу и скитались въ горахъ и вертепахъ. Прошу припомнить изъ моихъ «Записокъ», что̀ перенесъ я по поступленіи въ приходъ свой!..

Мнѣ не дали ни помѣщенія, ни отопленія, ни одежды, ни хлѣба, ни денегъ,—ровно ничего. Мало того: я встрѣтилъ чванство, гордость, притѣсненія, насмѣшки, презрѣніе,—я вполнѣ могъ говорить съ апостоломъ: я сдѣлался позоромъ для міра, я терпѣлъ голодъ, я скитался по сторожкамъ, меня не пускали даже въ гнилыя хохлатскія хаты, мнѣ приходилось, просто, мерзнуть среди улицы. Такова участь всѣхъ насъ, но многихъ еще и хуже. Кто-жъ виновенъ въ томъ, что мы, проповѣдники слова Божія, терпимъ такую нужду? Вы, г. Елагинъ,—прихожане наши. То, что зависѣло отъ насъ, мы сдѣлали: мы вышли къ вамъ безо всего, надѣясь, что вы не откажете намъ въ нашихъ нуждахъ; мы думали, что намъ придется заботиться только о душахъ вашихъ; мы воображали, что мы будемъ между вами просвѣтителями, умиротворителями, руководителями, сочувственниками въ вашихъ радостяхъ и утѣшителями въ скорби; но вы, со дня появленія нашего къ вамъ, отравили нашу душу и притупили самыя священныя наши стремленія!.. Скажу о себѣ лично, потому что большинство изъ насъ тоже, что и я. Я шелъ въ священники съ полною преданностью предстоявшему мнѣ дѣлу. Еще до рукоположенія я составилъ себѣ, въ умѣ своемъ, программу моего пастырскаго служенія. Я заранѣе опредѣлилъ что̀, какъ и когда я долженъ дѣлать. Я шелъ къ будущей своей паствѣ съ безкорыстною, чистою, апостольскою готовностью къ дѣлу. Пріѣзжаю въ приходъ зимой,—и не нахожу мѣста, гдѣ я могъ бы остановиться и отогрѣть свои окоченѣвшіе члены: въ селѣ нѣтъ ни постоялаго двора, ни свободной крестьянской избы, нѣтъ уголка и у причта—ровно ни у кого. Я помѣстился въ церк. сторожкѣ; но сторожка была маленькая, старая холодная, покосившаяся, мокрая, темная и гнилая избушка, жить въ которой не было никакой возможности. Намъ съ женой и сторожемъ негдѣ было ни сѣсть, ни лечь, ни стать мало-мало сносно: стѣны заплеснѣв-

шія, полъ мокрый и грязный, и мы кое-какъ пристроились спать на скамейкахъ. Кромѣ чернаго хлѣба (котораго мы съ женой никогда не ѣдали), кислой капусты и пшена, нельзя было найти ничего; нельзя было найти ложки масла (въ постъ) и нельзя было найти свѣчки. Жена моя не вынесла такой жизни и чрезъ недѣлю сильно заболѣла. Вблизи не было ни доктора, ни фельдшера и никакихъ медицинскихъ пособій; ѣхать же за докторомъ, за 40—50 верстъ, я не имѣлъ средствъ. Женѣ моей нуженъ былъ только кусочекъ бѣлаго хлѣба, двѣ-три ложки супу и сухое и свѣтлое помѣщеніе, но мы не могли найти ничего,—и она едва не умерла. Я позвалъ къ себѣ сельскаго старосту и умолялъ его дать мнѣ сносное помѣщеніе; но я не зналъ, что, при этомъ, я долженъ былъ напоить его до-пьяна; я не поилъ, онъ осерчалъ и, потомъ, никакія уже просьбы не могли его тронуть. Послѣ долгихъ просьбъ моихъ и обѣщанія старосты дать мнѣ квартиру, ко мнѣ въ сторожку стали ходить старики чуть ни каждый день. Я долженъ былъ поить ихъ чаемъ и, стоя передъ ними, просить о квартирѣ. Наконецъ крестьяне вызываютъ меня на сходъ. Долго я просилъ тутъ всѣхъ, почти, по одиночкѣ; долго ломались они надо мною. Здѣсь вполнѣ высказались и сила прихода, и мое безсиліе. Наконецъ квартиру мнѣ хотя и дали, но въ одной избѣ съ хозяевами. Чрезъ нѣсколько времени ко мнѣ пришелъ староста съ требованьемъ, чтобы я звалъ къ себѣ всѣхъ крестьянъ поздравлять меня съ новосельемъ и поилъ ихъ виномъ; при этомъ онъ сказалъ мнѣ самымъ внушительнымъ тономъ, что если я не позову и не угощу всѣхъ, то міръ велитъ мнѣ сей же часъ уходить съ этой квартиры и запретитъ всѣмъ остальнымъ крестьянамъ принимать меня. До сихъ поръ я не могу забыть той тоски, того отчаянія, какія овладѣли мною при мысли, что я, пастырь, въ руки котораго даны Богомъ души всѣхъ моихъ прихожанъ, за которыхъ я долженъ буду отвѣтить передъ Богомъ своею собственною душою, долженъ буду вести ихъ къ погибели,—поить ихъ виномъ! Я тосковалъ, метался, я не спалъ ночи. Я раскаявался, зачѣмъ я принялъ на себя обязанности пастыря: я увидѣлъ явно, что выполнить ихъ не могу. Когда пришли ко мнѣ крестьяне, то они заставили меня подносить имъ вино и, въ то же время, выслушивать ихъ внушенія и угрозы,—что если я не буду дѣлать все по ихъ желанію, и не буду сей часъ изъ своихъ рукъ угощать ихъ, то они сей же часъ велятъ мнѣ убираться съ квартиры опять въ сторожку. Сколько душевныхъ страданій вынесъ я при этомъ, а еще болѣе проводивши крестьянъ, я не могу и выразить. Я увидѣлъ себя совсѣмъ задавленнымъ, уничтоженнымъ. Я чувствовалъ, что на меня налегла какая-то сила, бороться съ ко-

торой я не могъ. О планахъ моихъ, которые я лелеялъ въ душѣ своей до пріѣзда въ приходъ: научить, вразумить, разъяснить, утѣшить,—нечего было думать. Физическая сила налегла на мою душу,—я плакалъ отъ отчаянія. На другой день нѣкоторые изъ крестьянъ пришли ко мнѣ, которыхъ я вчера поилъ, опохмѣлиться. Я опять поилъ ихъ, но уже болѣе съ спокойнымъ духомъ, чѣмъ наканунѣ. Значитъ переломъ въ душѣ моей уже совершился. Причтъ нашъ состоялъ изъ меня, дьякона и двоихъ дьячковъ. Доходу мы получали около восьми руб. въ мѣсяцъ на штатъ. Изъ нихъ я получалъ 4 р., діаконъ 2 р., дьячки по 1 р. Жить нечѣмъ было совершенно. При первой же свадьбѣ я настоялъ, по убѣжденію причта, взять съ крестьянина лишній рубль, противу того, что давалъ онъ. До того времени я бралъ однѣ только добровольныя пожертвованія, но тутъ настоялъ. Это, однакоже, такъ возмутило меня, что когда, въ ближайшее воскресенье, говорилъ я въ храмѣ поученіе, то мнѣ такъ и чудилось, что кто-то свади говорилъ мнѣ: а ты самъ-то кто? Помнишь, какъ ты самъ поилъ виномъ ихъ? Помнишь, какъ ты вынудилъ дать тебѣ лишній рубль? Я говорилъ народу, но совѣсть моя говорила мнѣ самому то, что я говорилъ другимъ. Потомъ? Потомъ: совѣсть говорила одно, нужда—другое и, мало-по-малу, все вошло въ обыкновенную колею, по которой идемъ мы всѣ. Кто же виноватъ теперь въ томъ, если мы теперь не то, чѣмъ бы быть должны? Вы г. Елагинъ,—прихожане. Мы идемъ, насколько есть нашихъ силъ, по примѣру апостоловъ, но вы по примѣру... ну, по крайней мѣрѣ, не по примѣру тѣхъ христіанъ, кои приносили имѣніе свое къ колѣнамъ апостоловъ.

Апостолы, гдѣ приношенія вѣрующихъ были не достаточны, или гдѣ они не хотѣли обременять ихъ, питались трудами рукъ своихъ. Такъ и мы: и пашемъ, и сѣемъ, заводимъ дома, хозяйство.

Представлялъ ли г. Елагинъ, что ему придется защищать насъ? Конечно ему хотѣлось не того, но вышло такъ. Да, часто многое дѣлается противу нашего желанія. И спутникъ Валаама заговорилъ однажды по человѣчески.

Но хотя г. Елагинъ сказалъ и невпопадъ, однако же видно, что ему хотѣлось высказать намъ укоръ отъ слова Божія,—что Господь заповѣдалъ апостоламъ не заботиться о своемъ матеріальномъ обезпеченіи, но мы заботимся. Въ такомъ случаѣ мы попросимъ г. Елагина припомнить слова Господа слѣдующія: не пецытеся душею вашею что ясте, и что піете... воззрите на птицы небесныя... Иди, продай имѣніе твое, раздай все нищимъ и слѣдуй за Мною и под. Кому было сказано это? Всѣмъ послѣдователямъ Его ученія, стало быть всѣмъ христіанамъ. Нелюбостяжательность есть общая обязан-

ность всѣхъ послѣдователей ученія Спасителя. Слѣдовательно, укоряя насъ, г. Елагинъ забываетъ о таковой же заповѣди Господней, данной и ему, а это значитъ видѣть сучекъ въ глазу другаго, и не видѣть у самого себя даже того, что побольше сучка.

XIX.

Указаніемъ на жизнь апостоловъ г. Елагинъ требуетъ, чтобы и мы жили по ихъ примѣру: не имѣли ни дома, ни хозяйства,—ничего, и жили исключительно отъ благовѣстія? Но вѣдь объ этомъ и мы говоримъ, въ этомъ вся рѣчь наша. Обезпечьте наше существованіе, — и мы бросимъ всякую заботу обо всемъ, отвлекающемъ насъ отъ существенныхъ нашихъ обязанностей. При настоящихъ же условіяхъ не заводиться домомъ и хозяйствомъ и не отдавать заботамъ о своемъ существованіи большей части жизни, нѣтъ возможности. Апостолы посылались «въ міръ весь,»—во всю вселенную;—заводиться домомъ, и какимъ бы-то ни было хозяйствомъ имъ не было и возможности, переходя изъ города въ городъ, изъ одной области въ другую. Мы же посылаемся въ одно, опредѣленное мѣсто и на весь свой вѣкъ. Поэтому непремѣнно должны имѣть и постоянное помѣщеніе и обезпеченное содержаніе,—переходить изъ домовъ въ домъ, какъ апостолы, мы не можемъ. У насъ, по деревнямъ, пастухи скота ходятъ по дворамъ и кормятся подворно; нынѣ одинъ пастухъ въ одномъ дому, завтра въ другомъ и т. д., ходятъ только лѣтніе мѣсяцы и одни, безъ женъ и дѣтей, но и то всѣмъ надоѣдаютъ до крайности. Вынесли-ль бы наши прихожане такой муки, еслибъ къ нимъ и зиму и лѣто,—весь вѣкъ,—ходили ночевать, обѣдать и ужинать: нынѣ священникъ съ женой и дѣтьми, завтра дьяконъ съ женой, ребятишками и стариками, тамъ одинъ дьячекъ съ семьей, а тамъ другой съ семьей, особенно если крестьянину и самому въ своей избеночкѣ и повернуться негдѣ и самому ѣсть нечего? Пустили-ль бы къ себѣ въ домъ люди состоятельные, позволилъ ли бы придти къ себѣ въ домъ самъ г. Елагинъ? Возможно ли такое мыканье по чужимъ домамъ кому-бы-то ни было? Конечно, нѣтъ. Стало быть нужна постоянная осѣдлость. Готоваго же дома нѣтъ, слѣдовательно нужно строить свой. Средствъ на постройку нѣтъ, слѣдовательно нужно брать ихъ въ томъ же приходѣ; добровольныхъ пожертвованій недостаетъ и на содержаніе—одежду и хлѣбъ, слѣдовательно отсюда неизбѣжны вымогательства при требоисправленіяхъ, а отсюда сами собою слѣдуютъ непріязненныя отношенія между пастыремъ и пасомыми, или

потворство всѣмъ ихъ слабостямъ, заискиванье ихъ благоволенія и, у людей слабохарактерныхъ, нетрезвая, вмѣстѣ съ прихожанами, жизнь. А такъ какъ священнику и какъ человѣку, вообще, и какъ семьянину нужно многое и кромѣ помѣщенія, то онъ запутывается въ житейскія сѣти еще болѣе,—и болѣе удаляется отъ своихъ существенныхъ обязанностей.

Наконецъ, необходимо брать во вниманіе время и обстоятельства, при которыхъ Спасителемъ предрекались лишенія и гоненія апостоламъ, и время настоящее, въ которомъ живемъ мы. Въ самомъ дѣлѣ, въ высшей степени замѣчательна ссылка г. Елагина на первыя времена христіанства. Апостолы были гонимы отъ іудеевъ и язычниковъ; но между кѣмъ живемъ мы? Представьте же себѣ: мы живемъ между людьми, которые тотчасъ по рожденіи принимаютъ чрезъ насъ св. крещеніе; съ полнымъ убѣжденіемъ считаютъ себя православными христіанами; съ сердечнымъ умиленіемъ слушаютъ наши поученія; слѣдуютъ нашимъ совѣтамъ; открываютъ предъ нами всѣ сокровеннѣйшія свои дѣла и даже помышленія; съ благоговѣніемъ присутствуютъ при совершаемомъ нами богослуженіи; преданные нашему духовному водительству, обращаются къ намъ не иначе, какъ съ словами: «батюшка,»—дѣти наши,—и эти дѣти говорятъ намъ: вы наши отцы, но вы терпите отъ насъ голодъ, холодъ, наготу; мы хотимъ, чтобы вы терпѣли отъ насъ побои, злословіе, срамъ; мы желаемъ, чтобы вы были позоромъ для міра, прахомъ, всѣми нами попираемымъ, какъ были прахомъ для міра ваши предмѣстники—апостолы! Что остается намъ сказать, послѣ этого? Одно только: что если ужъ обращаться ко временамъ апостольскимъ, то нужно быть послѣдовательнымъ,—обращаться къ нимъ не однимъ намъ, пастырямъ, но и пасомымъ, и обращаться во всемъ. Если же первыхъ проповѣдниковъ евангелія мучили, то вѣдь и участь послѣдователей ихъ ученія,—вѣровавшихъ,—была такая же. Не приняться ли и вамъ другъ друга бить, жечь, топить, душить и т. д.? Вѣдь сказано въ св. писаніи: въ царствіе Божіе входятъ тѣсными вратами; многи скорби праведнику! Конечно этого не пожелаетъ ни одинъ безумный; но мы скажемъ, что не болѣе ума выражаетъ и тотъ, кто настаиваетъ, чтобы пастыри нынѣшняго времени терпѣли то же самое отъ христіанъ, что терпѣли пастыри первыхъ вѣковъ отъ идолопоклонниковъ и іудеевъ. Надобно благодарить Бога, и мы благодаримъ Его, что тѣ горькія времена уже миновали. Не даромъ мы, послѣ каждой литургіи, поемъ многолѣтіе своему Государю Императору, мы молимъ Господа сохранить нашего Отца отечества на многія лѣта за то, что подъ его покровомъ мы имѣемъ возможность тихо и без-

мятежно излить предъ Господомъ чувства души нашей. Наслаждаясь спокойствіемъ, поворотится ли честный языкъ восхвалять времена гоненій, и благородное сердце желать зла другому, не желая, однако же, этого самому себѣ?!

Все идетъ сообразно требованію времени. Напримѣръ, одинъ преемникъ апостольскій, Поликарпъ, епископъ Смирнскій (возьмемъ хоть его) жилъ также, какъ и апостолы; но черезъ полуторы тысячи лѣтъ другой апостольскій преемникъ, нашъ русскій, московскій митрополитъ Симонъ (1492 — 1508 гг.) владѣлъ въ пятнадцати уѣздахъ землею и крестьянами. Въ семи изъ этихъ уѣздовъ, по сохранившимся писцовымъ книгамъ, у него находилось: селъ и деревень 531 и 51,750 десятинъ земли. Въ концѣ XVI в. московскій епископъ имѣлъ до семи тысячъ дворовъ крестьянъ. Когда, въ 1478 году, великій князь Иванъ Васильевичъ осадилъ Новгородъ, то новгородцы согласились уступить ему половину волостей владыки и шести богатыхъ монастырей. Великій князь половины волостей владыки не взялъ, а взялъ только десять волостей, всего 320 сохъ, т. е. до 14.400 десятинъ. Сколько же, спрашивается, было десятинъ въ половинѣ владѣній владыки и сколько во всѣхъ волостяхъ? Чрезъ нѣсколько времени великій князь взялъ у владыки еще 400 деревень, потомъ 230 десятинъ. Не смотря на такія лишенія, новгородскаго владыку считали самымъ крупнымъ вотчинникомъ между нашими епископами. (Ист. рус. ц. Макарія т. VIII). Напутственное слово Господне одинаково было обязательно какъ епископу смирнскому, такъ московскому и новгородскому. Но какая между ними разница! Однако же, не смотря на страшныя богатства нашихъ владыкъ, никто не говорилъ имъ: не стяжите ни злата, ни сребра, потому что все,—бѣдность однихъ и богатство другихъ,—обусловливалось временемъ, въ которое они жили.

Всѣмъ извѣстны побужденія отшельнической жизни основателей монашества: Пахомія, Антонія, Макарія и др. и нашихъ отечественныхъ подвижниковъ, напр. св. Сергія, и ихъ святая, труженическая жизнь; но въ XVI столѣтіи, чрезъ двѣсти лѣтъ послѣ основанія, обитель св. Сергія имѣла владѣній, только пожертвованныхъ князьями и другими лицами на поминъ душъ: волость (на Клязьмѣ, по имени Вохну, въ девять сохъ [1]); селъ 88, при этихъ селахъ малыхъ селъ и деревень 1,080 и земли до 113,040 дес. При нѣкоторыхъ изъ этихъ селъ не показано числа деревень и земли, а сказано только: село такое-то съ деревнями. Кромѣ пожалованныхъ

[1]) Соха въ 100 вытей заключала въ себѣ отъ 1,500 до 3,000 десятинъ.

селъ и деревень, монастырь имѣлъ много пріобрѣтенныхъ покупкою. Сколько ихъ было, неизвѣстно, но извѣстно, что на покупку ихъ употреблено 16,934 р., что по тогдашнему времени составляло громадную сумму. Кирилловъ Бѣло-езерскій монастырь имѣлъ 15 селъ большихъ, 8 малыхъ и 3 приселка. При селахъ имѣлось тяглыхъ дворовъ 892 и земли 43,800 д. Кромѣ того во владѣніи монастыря находилось 94 деревни, что было «за попы, и за слугами, и за кузнецы, и за плотники, и за извощики и 2,490 д. земли. Словомъ: во владѣніи владыкъ и монастырей, во времена Іоанна IV, находилась третья часть всего государства. (Ист. Рус. ц. Макарія т. VIII, 229). Общины отшельниковъ пріобрѣли страшныя богатства; но ставилъ ли кто нибудь въ вину имъ это? Нѣтъ. Было такое время, что въ мѣста, прославленныя святынею, дѣлались большія пожертвованія,—и только. Ставитъ ли нынѣ кто въ вину нашимъ обителямъ, если онѣ принимаютъ приношенія богомольцевъ и сами дѣлаютъ нѣкоторыя пріобрѣтенія, въ родѣ пристроекъ? Конечно, нѣтъ. Приношеніями въ обители выражается попеченіе жертвователей о своемъ спасеніи и усердіи къ мѣстамъ, прославленнымъ благодатію Божіею. Ниже ли была нравственность святителей и обитателей монастырей, при ихъ громадныхъ богатствахъ? Богатства ихъ не мѣшали многимъ изъ нихъ быть въ высшей степени людьми нравственными и благочестивыми. Вообще же дома епископовъ и монастыри были единственнымъ разсадникомъ просвѣщенія и пристанищемъ тысячъ народа во времена голода и другихъ бѣдствій. Изъ нынѣшнихъ же монастырей многіе находятъ для себя невозможнымъ дать какихъ нибудь 20—30 р. въ годъ на образованіе спеціально служителей церкви. Изъ этого и слѣдуетъ, что люди, обезпеченные въ собственномъ содержаніи, могутъ оказывать пользу другимъ и, напротивъ, люди, поставленные въ необходимость заботиться о дневномъ пропитаніи самихъ себя, благотворительности другимъ оказывать не могутъ, при всемъ ихъ къ тому желаніи. Такъ и духовенство, поставленное въ необходимость заботиться о дневномъ своемъ пропитаніи, не можетъ уже посвятить себя всецѣло своему существенному долгу.

Правительство, увидѣвъ, что отъ бѣдности чиновниковъ терпитъ много и общество, и дѣло ихъ службы, улучшило ихъ бытъ, облагородило ихъ,—вывелись уже теперь «земскіе ярыжки»,—и въ судахъ стало болѣе правды, чѣмъ было это до того. Всѣ правительства считаютъ своимъ долгомъ заботиться о благосостояніи государства. Конечно, онѣ не имѣютъ въ виду, при этомъ, одну только матеріальную, животную, сторону человѣка. Онѣ заботятся, вмѣстѣ съ этимъ, и о возвышеніи нравственности. Стало быть онѣ находятъ, что возвыше-

ніе матеріальнаго благосостоянія не можетъ развиться въ ущербъ возвышенія нравственности. Какимъ же образомъ можетъ случиться то, что общественная нравственость не упадетъ, а нравственность духовенства должна пасть; чиновники могутъ хорошо вести свое дѣло только при обезпеченномъ состояніи, а духовенство—только при нищенскомъ?

Самое же главное: апостолы были люди простые, безхитростные: въ доказательство истинности божественнаго ученія они не искали «знаменій», какъ прочіе ихъ соотечественники—іудеи, и умъ ихъ не былъ искаженъ еллинскою премудростію. Божественную истину принимали они чистою и непорочною душею и съ сердечнымъ умиленіемъ говорили своему Учителю: куда пойдемъ мы отъ Тебя, Ты глаголы живота имаши! Св. слово евангелія познали они не по учебникамъ, и не розгами возбуждали умиленіе ихъ сердца, какъ возбуждалось оно въ нашихъ школахъ, готовящихся быть проповѣдниками евангелія. Слово истины они слышали непосредственно отъ самаго Господа; они бесѣдовали съ Нимъ лицомъ къ лицу; своими глазами видѣли непостижимую Его любовь къ людямъ при всевозможномъ злословіи, неправдѣ и неблагодарности. Еще во время Своей земной жизни Господь, какъ бы, практиковалъ ихъ въ проповѣдничествѣ и лишеніяхъ, давая примѣръ Собою; Онъ научалъ ихъ самымъ опытомъ, подъ непосредственнымъ Своимъ надзоромъ и водительствомъ, проповѣдывать евангеліе: Онъ, при Себѣ еще, посылалъ ихъ проповѣдывать людямъ спасеніе, предсказывалъ имъ лишенія и, по возвращеніи къ Нему, спрашивалъ ихъ: еда что лишени бысте? Но они не обращали и вниманія на лишенія и говорили только о плодахъ проповѣди: «нѣтъ, Господи, отвѣчали они, и самые бѣсы повинутся намъ о имени Твоемъ! Разставаясь съ ними, на послѣдней вечери, Онъ утѣшалъ ихъ въ предстоявшей скорби; говорилъ имъ, что Онъ особенно молился и молится о нихъ Отцу Своему и что Онъ не оставитъ ихъ одинокими сиротами, но что пошлетъ имъ Св. Духа, Который будетъ съ ними неразлучно, будетъ подкрѣплять ихъ души и научитъ ихъ на всякую истину. Чрезъ нѣсколько дней по вознесеніи Господнемъ апостолы видѣли нисшествіе на нихъ Св. Духа видимымъ образомъ и тѣмъ могли сами увѣриться вполнѣ, что Духъ Святой низошелъ на нихъ и будетъ пребывать съ ними неразлучно, какіе бы труды, скорби и лишенія ни постигли ихъ. При такомъ только именно состояніи апостолы и могли быть тѣмъ, чѣмъ они были!

XX.

«Въ сознаніи духовенства утвердилась мысль, какъ какой нибудь непреложный догматъ, объ улучшеніи его матеріальнаго быта, и эта мысль сдѣлалась возглавицей... Возглавица эта кладется подъ всякій локоть, и подъ всякую голову» (17). Духовенству вмѣняется въ вину то, даже, что оно заботится объ обезпеченіи себя въ содержаніи и желаетъ, чтобъ оно было выведено изъ нищенскаго состоянія. Но представьте: средства къ существованію моему таковы, что, при всей моей бережливости, мнѣ едва достаетъ ихъ на мое содержаніе; но у меня куча дѣтей,—и я вижу: у одного нѣтъ сапоговъ, у другой избились башмачишки, третій съ голыми локтями... Не болитъ у меня сердце, глядя на этихъ несчастныхъ, не въ правѣ желать я, чтобы они были одѣты? У меня разваливается домъ, зимою невыносимый холодъ, лѣтомъ въ крышу льетъ дождь, какъ въ рѣшето; по ночамъ, въ дождь, мнѣ съ женою приходится перетаскивать сонныхъ дѣтей своихъ, какъ кошкѣ котятъ, изъ угла въ уголъ, чтобъ дождь не лилъ на нихъ сквозь потолокъ... Не въ правѣ я желать имѣть теплый и сухой уголъ? У меня два сына въ училищахъ; они пишутъ мнѣ, что у нихъ нѣтъ ни книгъ, ни хлѣба, ни одежды и хозяева квартиръ требуютъ платы... Не въ правѣ я желать, чтобы, хоть откуда нибудь, Господь послалъ какую нибудь полусотню рублей, чтобы отослать дѣтямъ? То, что говорю я, это не поэзія какая нибудь, нѣтъ, я испыталъ все это на себѣ лично. Нѣкогда у меня учились въ С.-Петербургѣ два сына и два въ Саратовѣ. Въ теченіе мѣсяца, бывало, что нибудь сбережешь, къ концу знаешь, что нужно посылать на содержаніе дѣтей во всѣ концы, а денегъ нѣтъ. Что же дѣлать, гдѣ взять ихъ? Тоска не даетъ спать. Продашь одну изъ трехъ коровъ, и отошлешь, думая, при этомъ: а дальше какъ? И скажешь, въ успокоеніе себя: «ну, какъ нибудь Господь поможетъ»! Мысль о содержаніи дѣтей мучила день и ночь. А тамъ смотришь: подходитъ зима, а дровъ купить не на что; пришло лѣто,—и дождь льетъ во всѣ углы. Тутъ, батюшка вы мой, подложишь этотъ «догматъ» подъ всякій локоть!.. Да, «облокотишься», бывало, да и не спишь ночи,—и думаешь: какъ же выдти изъ этого безвыходнаго положенія? Что буду я дѣлать, думаешь, бывало? Чувствуешь въ груди боль до тошноты. Ноетъ сердце, ты не видишь, какъ говорится, точки опоры,—не видишь впереди у себя никакой надежды на лучшее,—доходишь до какого-то одуренія и чувствуешь слабость, усталость во всемъ организмѣ. Въ такомъ состояніи пе-

вольно подумаешь: эхъ, еслибъ побольше жалованья! Не мучился бъ и я, не терпѣли бы нужды и дѣти... Такое желаніе вовсе не отъ жадности. Нужно испытать, чтобы понять насъ,—испытать на себѣ то, что переносимъ мы въ жизни, тогда уже и судить о насъ. Наше желаніе улучшенія своего состоянія совсѣмъ не то, что видимъ мы безпрестанно во многихъ, изъ другихъ сословій. Взгляните, напр., на чиновниковъ,—и не на тѣхъ изъ нихъ, которые получаютъ рубли, но на тѣхъ, которые состояніе свое считаютъ десятками тысячъ: довольствуются ли они своимъ содержаніемъ? Иной, не смотря на то, что имѣетъ собственныя или унаслѣдованныя отъ предковъ «благопріобрѣтенныя» средства, и отъ мѣста, должности получаетъ хорошее жалованье,—все-таки, втирается, на сколько только возможно, чуть ни во всѣ комитеты, акціонерныя и банковыя общества,—нахватываетъ себѣ должностей столько, что смотришь и думаешь: когда человѣкъ успѣваетъ дѣлать дѣло по всѣмъ этимъ мѣстамъ? Присмотришься, и видишь, что за него работаютъ мелкія пташки, а онъ самъ беретъ только деньги. При всемъ этомъ онъ не постыдится взять не легонькій кушъ и подъемныхъ, переходя съ казенной квартиры на частную, а квартирныхъ само собою. Другой, какъ говорится, дышетъ уже на ладонъ, имѣетъ и состояніе и хорошую пенсію и, не смотря, однакоже, на это, все-таки держится за мѣсто, получаетъ жалованье и не брезгуетъ кое какими обрѣзками отъ смѣтныхъ суммъ. Что все это, не жадность? А что продѣлываютъ купцы, заводчики, фабриканты и пр. и пр.?! Взгляните на иного купца: вдоволь всего, можно бы, кажется, быть довольнымъ: и дома, и фабрики, и заводы, и мельницы, и торговыя дѣла, — все идетъ отлично, но, не смотря на это, онъ все-таки вздуетъ васъ, вздуетъ и не поморщится, да еще прибавитъ, въ ваше утѣшеніе, что «это-де только-съ для васъ-съ такое-съ уваженіе-съ; для другаго ни за чтобы-съ»! Иной земецъ давнымъ-давно спустилъ приданое жены; свое родовое состояніе заложилъ и перезаложилъ чуть ни во всѣхъ банкахъ; втерся всѣми неправдами въ члены управы и, кажется, долженъ бы былъ дорожить своимъ мѣстомъ,—вести дѣла земства, какъ слѣдуетъ; но нѣтъ, во многихъ мѣстахъ, члены управы, почему-то, все-таки стараются провести мысль въ собраніяхъ гласныхъ, чтобы въ члены ревизіонной коммисіи были избраны такія лица, которыя и не знаютъ съ котораго конца приступиться къ ревизіи и, вдобавокъ, дадутъ такой короткій срокъ для ревизіи, что и опытный чиновникъ не успѣлъ бы ничего сдѣлать. Разумѣется, тутъ и выйдетъ, что «все обстоитъ благополучно». А какъ посмотришь на иныхъ отцовъ-благодѣтелей,—землевладѣльцевъ и арендаторовъ,—то

не можешь надивиться той изобрѣтательности, съ какой «дерутъ они лыки съ камня», и тому невозможному спокойствію, съ какимъ снимаютъ они послѣднюю шкуру. Не жадность все это? Но г. Елагинъ видитъ жадность только въ духовенствѣ. Но если люди состоятельные не всегда довольны своимъ состояніемъ, то духовенству, брошенному на произволъ судьбы, желать улучшенія своего положенія совершенно естественно. Всѣ стараются о себѣ, и никому не ставится это въ вину; духовенству же запрещается и думать о томъ, чего не забываетъ никто, — не забываетъ и тотъ, кто запрещаетъ думать намъ. Гдѣ же справедливость?!

«Мысль объ улучшеніи быта сдѣлалась для духовенства возглавицей»... Не слишкомъ ли уже мелочно сказано? Еслибъ и дѣйствительно духовенство говорило объ этомъ часто, то это значило бы только, по пословицѣ: «у кого что болитъ, тотъ про то и говоритъ». Написалъ же г. Елагинъ цѣлую книгу, испугавшись, чтобы бытъ духовенства въ самомъ дѣлѣ не улучшился! Если у него настолько наболѣло сердце, столько накипѣло на душѣ зла, при одной мысли объ улучшеніи быта ненавистныхъ ему людей, и людей для него посторроннихъ, что онъ написалъ цѣлую книгу пасквили, то говорить намъ о себѣ, о собственныхъ нашихъ нуждахъ, о положеніи дѣтей нашихъ —совершенно естественно.

«О чемъ бы духовенство ни писало въ газетахъ и журналахъ, оно непремѣнно сводитъ рѣчь свою на свою приниженность и бѣдность». Г. Елагинъ всѣми силами старается закидать духовенство грязью; для этого: ложь, клевета, подлоги, искаженіе фактовъ и т. под.— его первое оружіе. Нѣтъ, напротивъ, мы скажемъ, духовенство терпѣливо переноситъ свою участь, и молчитъ. Въ защиту свою оно не пишетъ, почти, ничего. Единственный журналъ, гдѣ помѣщаются нѣкоторыя отрывочныя корреспонденціи изъ провинціи,—это журналъ, издаваемый достоуважаемымъ А. И. Поповицкимъ; большинство же статей и въ этомъ журналѣ пишется людьми свѣтскими. Открытъ для меня и журналъ, издаваемый глубокоуважаемымъ Михаиломъ Ивановичемъ Семевскимъ «Русская Старина»; но болѣе этого духовенство не пишетъ ничего. Въ минувшемъ 1881 году, по случаю появленія въ свѣтъ книги г. Елагина, въ нѣкоторыхъ, и духовныхъ и свѣтскихъ, журналахъ были статьи въ защиту духовенства, но онѣ были писаны сотрудниками этихъ журналовъ. «Церковный Вѣстникъ» открылъ особый отдѣлъ, въ которомъ говоритъ о современномъ состояніи духовенства только въ 1881 году. Здѣсь отвѣчается только на выдающіяся клеветы на духовенство со стороны свѣтской литературы, но и эти замѣтки пишутся, опять-таки, постоянными сотрудниками журнала.

Въ послѣднее время даже были дѣлаемы приглашенія духовенству, чтобы оно заявляло о своей пастырской дѣятельности и тѣмъ отражало клеветы враговъ своихъ; но скромность духовенства настолько велика, что отклика его мы еще не видимъ. Въ нѣсколько часовъ можно перебрать всѣ духовные журналы лѣтъ за пять,—и можно ручаться, что тамъ не найдется ни одной статьи, гдѣ духовенство жаловалось бы на свою горькую участь. Переберите всѣ свѣтскіе журналы и газеты,—и вы увидите то же самое. Если г. Елагинъ хотѣлъ быть справедливымъ, то онъ обязанъ былъ доказать то, что говоритъ онъ,—онъ обязанъ былъ указать хотя на одну—двѣ статьи такого рода. Но, сказать, не досказать, не доказать и бросить,—обыкновенная его манера. Оттого у него такая и масса обвиненій на духовенство. Веди онъ дѣло честно,—укажи онъ на порокъ, укажи мѣсто и лицо, докажи онъ то, что говоритъ,—тогда у него, мы увѣрены, не было бы и десятой доли того, что сказалъ онъ,—тогда онъ не написалъ бы пасквили множество листовъ. Но онъ хорошо знаетъ, что, говоря о цѣломъ сословіи, раскинутомъ по огромному пространству государства, никто преслѣдовать за клевету судомъ его не будетъ,—и говоритъ все, чѣмъ только надѣется втоптать духовенство въ грязь. Но добросовѣстно ли все это!..

XXI.

«На всякое предложеніе, на всякую добрую мысль, на всякое замѣчаніе,—одинъ отвѣтъ: дайте намъ ѣсть, сравняйте насъ, по крайней мѣрѣ, съ мужикомъ». Если г. Елагинъ человѣкъ добросовѣстный, то онъ долженъ былъ бы, скажемъ мы опять, указать на факты,—когда и отъ какого предложенія отказывалось духовенство. Говорить же безъ доказательствъ, голословно, и говорить обо всемъ духовенствѣ,—не честно.

То, чтобы духовенство желало, чтобы оно было сравнено съ мужикомъ,—такихъ желаній нигдѣ не заявлялось; но, дѣйствительно, если провести параллель между духовенствомъ и мужикомъ, то гражданскія права послѣдняго несравненно шире, и позавидовать есть чему. Возьмите, напримѣръ, хоть одно то, что мужика судитъ міръ, гласно, и судъ даетъ ему всѣ способы къ оправданію; насъ же судятъ въ консисторіяхъ нашихъ при закрытыхъ дверяхъ; консисторскій же судъ, по словамъ самого защитника консисторій, г. Елагина, есть судъ самый не надежный. Самъ защитникъ консисторій говоритъ, что «при обширной свободѣ извлекать подходящіе (?) къ дѣламъ за-

коны откуда хочешь, понятное дѣло, возможенъ въ консисторіяхъ всякій произволъ (165, 166)». «И дѣйствительно, дѣла рѣшаются, можно сказать, на обумъ (165—172)». Скажите же, Бога ради, какъ же не позавидовать, послѣ этого, мужику! Извѣстно, что судомъ рѣшается, часто, участь человѣка на всю его жизнь, а тутъ сами даже защитники консисторій говорятъ, что дѣла рѣшаются тамъ на обумъ и допускается всякій произволъ.... И за то, что мы желаемъ себѣ суда «скораго и праваго», т. е. такого, какой имѣетъ мужикъ, насъ осуждаютъ! Гдѣ же совѣсть!..

«Благородно-мыслящіе (!) изъ мірянъ не могутъ надивиться жалобамъ духовенства на свою бѣдность и многіе изъ нихъ изъ одного этого потеряли уваженіе къ духовенству». Такъ говоритъ г. Елагинъ въ концѣ 17-й страницы; но на 135-й страницѣ онъ говоритъ: «католическихъ пасторовъ въ высшихъ классахъ общества, по большей части, презираютъ. У насъ же, напротивъ, никто не питаетъ къ священникамъ ни вражды, ни презрѣнія». Соединивши оба отзыва его о духовенствѣ, предоставляю самому читателю судить насколько г. Елагинъ точенъ и послѣдователенъ въ своихъ сужденіяхъ и насколько здрава его мысль. Мы же скажемъ, что есть изъ мірянъ уважающіе и неуважающіе, и изъ духовенства есть уважаемые и неуважаемые. То и другое зависитъ отъ личнаго характера той и другой стороны.

«Приступая къ самому дѣлу обезпеченія, правительство потребовало свѣдѣній отъ архіереевъ и духовенства». Отъ кого же, спрашивается, нужно было требовать эти свѣдѣнія? Кто знаетъ мои доходы, источники, откуда получаю ихъ я и способы, которыми могу я увеличить ихъ, кромѣ меня самаго? Кто знаетъ самыя мелочныя и самыя разнообразныя условія жизни духовенства, кромѣ него самаго? Къ кому нужно отнестись за разъясненіемъ этихъ условій, какъ не къ самому духовенству? Правительство такъ и поступило,—обратилось къ самому духовенству. Св. синодъ и всѣ правительственныя лица, по дѣламъ епархіи, сносятся съ епархіальными преосвященными и отчеты по дѣламъ епархіи даетъ св. синоду епархіальный преосвященный. Слѣдовательно и это дѣло, неминуемо, должно было идти чрезъ мѣстныхъ преосвященныхъ. Правительство такъ и поступило. Но г. Елагинъ негодуетъ, что оно прошло «мимо консисторій». Дѣло, кажется, ясное, что консисторіи необходимыхъ для правительства свѣдѣній о состояніи духовенства дать не могли. Но г. Елагину не точность свѣдѣній и нужна. Онъ соболѣзнуетъ только консисторскимъ дѣльцамъ, или, какъ выражается онъ, «честнымъ дѣятелямъ въ консисторіяхъ», (которыми допускается «всякій произволъ»). Онъ говоритъ, что «консисторскимъ честнымъ дѣятелямъ крайне было «грустно»,

что дѣло это началось помимо ихъ. Да, мы въ этомъ съ нимъ согласны совершенно. Мы вѣримъ совершенно, что было имъ «грустно», и грустно даже очень, что жирный этотъ кусокъ не попалъ имъ въ лапы съ самаго начала. О грусти ихъ, при этомъ дѣлѣ, мы можемъ судить по IX и X ревизіямъ. Что можетъ быть, кажется, проще какъ въ печатный, бланкъ внести имена членовъ причта, ихъ семейства, и подать въ консисторію? Придраться здѣсь, кажись, не къ чему совсѣмъ. Однакоже мы знаемъ хорошо, что въ нѣкоторыхъ консисторіяхъ благочинный, представляя ревизскія сказки своего округа, долженъ былъ дать секретарю по 5 р. со штата, члену по 3 и въ столъ по 1 р. Иначе благочинный, хоть тресни, — отъ него не принимали и бумагъ. Нѣкоторые благочинные и должны были уѣзжать назадъ и собирать съ духовенства деньги; а другіе, понатершіеся уже около консисторій еще пріемѣ отъ причтовъ, брали по 10 р., изъ которыхъ расплачивались и съ консисторіей, и себя не забывали. По извѣстнымъ намъ консисторіямъ мы можемъ судить, что ни одна тысяча перепала въ руки консисторскихъ дѣльцовъ, если большинство нашихъ консисторій поступало также. И это при безгрѣшныхъ ревизскихъ сказкахъ! Представляемъ же себѣ: что было бы, еслибъ дѣло объ улучшеніи быта духовенства предоставлено было ючисклительно консисторіямъ! «Честные ихъ дѣятели» непремѣнно сталибъ выдавать себя за рѣшителей судебъ,—что отъ нихъ зависитъ все. Тутъ полились бы цѣлыя рѣки благожеланій, обѣщаній, увѣреній; насулились бы цѣлыя горы самыхъ несбыточныхъ благъ и, вмѣстѣ, опасенія, застращиванія, угрозы и самая незастѣнчивая ложь. Характеръ дѣльцовъ того времени выразился бы во всей своей силѣ. Желаніе улучшить свое положеніе и страхъ лишиться и послѣдняго куска вынудили бы многихъ продать послѣднюю корову, чтобы склонить на свою сторону людей, въ рукахъ которыхъ вся ихъ участь. Да, «честные дѣятели» нагрѣли бы руки! Не одинъ домикъ прибавился бы тутъ въ городѣ и не одинъ банковый билетикъ уложился бы въ шкатулку. И еще, послѣ такого горя, не было бы «грустно»! И, въ такомъ горѣ, консисторіи, устами защитника своего, г. Елагина, изливаютъ скорбную свою душу: всѣмъ-то мы опостылѣли! «Насъ ругаютъ среди духовенства, позорятъ въ свѣтскихъ кругахъ, безчестятъ въ газетахъ и книгахъ»,—мы всегда притчею въ народѣ,—но начальство наше вѣрило намъ,—и мы могли дѣлать все по своему «произволу»; теперь же «мы должны убѣдиться, что на поддержку высшей власти нечего болѣе расчитывать». Теперь всѣ противъ насъ! Такъ, за это недовѣріе и пока власть не отнята еще отъ насъ, покажемъ же себя!.. И, дѣйствительно, самъ г. Елагинъ говоритъ, что

воображаемое недовѣріе начальства къ консисторіямъ отозвалось «вредными послѣдствіями на всѣхъ епархіальныхъ дѣлахъ».

Хотя мы имѣемъ основанія вполнѣ довѣрять, въ этомъ, г. Елагину, но, тѣмъ не менѣе, если онъ честный и безпристрастный человѣкъ, то обязанъ былъ представить хотя одинъ фактъ незаконныхъ дѣйствій консисторій. Друзья ли мы, враги ли мы,—а факты быть должны.

Такимъ образомъ, г. Елагинъ оказалъ консисторіямъ, за которыя распинается онъ, медвѣжью услугу!.. Съ такимъ защитникомъ можно поздравить! «Честные» люди, но не удовлетворенные въ ихъ желаніяхъ, стали дѣлать гадости: заводить, стало быть, и разводить кляузы, тѣснить духовенство, беззаконно рѣшать дѣла,—осуждать невинныхъ и оправдывать виновныхъ, напрасно налагать штрафы (хотя они и, вообще, есть чистый «произволъ»), въ искаженномъ видѣ представлять дѣла преосвященнымъ и под. Словомъ: по г. Елагину, они стали олицетвореннымъ зломъ и для духовенства, и для высшей власти... Хороши же, значитъ, эти «честные дѣятели», хорошъ и ихъ защитникъ!

«Оказавши недовѣріе консисторіямъ, правительство, въ то же время, не очень любезно поступило и съ архіереями. Отъ нихъ потребовали, правда, отзывовъ, но обязали (?) ихъ представить отзывы духовенства отъ всѣхъ церквей въ подлинникахъ. Очевидно, не вѣрили даже и архіереямъ. На первый разъ все это мелочи. Но этими мелочами открывалось въ духовномъ вѣдомствѣ новая эра, когда дѣти стали учить своихъ отцовъ, подчиненные стали судить своихъ начальниковъ и лица, самымъ призваніемъ своимъ обязанныя къ строгому повиновенію властямъ, настойчиво стали требовать (!) самоуправленія».

XXII.

Г. Елагинъ находитъ обиднымъ для преосвященныхъ то, что св. синодомъ велѣно было, вмѣстѣ съ своими мнѣніями, представить подлинные отзывы духовенства? Напротивъ, намъ кажется, что этимъ оказано преосвященнымъ большое вниманіе, избавивши ихъ отъ египетской работы. Представьте: преосвященному представлено 700—800 разнообразнѣйшихъ проэктовъ; извольте всѣ ихъ прочесть и привести къ единству! Сколько было бы отнято у него дорогаго времени, силы и здоровья! При другихъ многочисленныхъ дѣлахъ, одинъ онъ сдѣлать это былъ бы не въ состояніи, ему понадобились бы помощники, но коль скоро помощники, то дѣло должнымъ образомъ идти уже не могло. Они должны были бы взять двоихъ или троихъ писцовъ изъ консисторій

и, подъ присмотромъ своего секретаря, поручить имъ это дѣло. Какого результата можно было было бы ожидать отъ такой коммисіи, можетъ видѣть всякій. Нѣтъ сомнѣнія, что они переиначали бы, перепутали и обезсмыслили бы только дѣло. Путаница эта, однакоже, лежала бы на совѣсти преосвященныхъ. Но г. Елагину, какъ видѣли мы и прежде, не точность и нужна. Ему досадно лишь именно то, что духовенству дозволено выражать свои мысли. Ему невыносимо не только то, что оно само за себя отвѣчаетъ, но даже и то, что къ нему обращаются за вопросомъ, — что правительство признаетъ за нимъ жизнь, что ему дано право говорить. Право и жизни, и голоса онъ признаетъ исключительно за однимъ только начальствомъ—преосвященными и консисторіями. Такая надменность, такое полное презрѣніе къ низшимъ выражались, и то въ былое, давно минувшее время, только въ американскихъ плантаторахъ къ неграмъ; нынѣ можно найти его, развѣ только у дикихъ африканскихъ народовъ: Дагомеевъ, Абомеевъ и под. Но ужъ никакъ не хотѣлось бы видѣть въ нашемъ дорогомъ отечествѣ... Мы, напротивъ, должны сказать, что если люди хотѣли дѣлать дѣло, безъ всякой предвзятой мысли, то непремѣнно должны были за нужными свѣдѣніями обратиться исключительно къ самому духовенству. Представьте: нужно было правительству знать: а) «какими средствами содержанія пользуется духовенство»? Могутъ ли на такой вопросъ отвѣтить, по каждому приходу, преосвященные или консисторіи? —Можетъ ли, кто-бы то ни былъ, посторонній отвѣтить: сколько при церкви земли удобной и неудобной; по какой цѣнѣ за десятину и на какую сумму отдается она въ аренду; сколько засѣваетъ самъ причтъ; сколько, среднимъ числомъ, снимается сѣна; гдѣ помѣщается причтъ и каково помѣщеніе; откуда получается отопленіе; побираясь по приходу, причтъ сколько можетъ собрать хлѣба зерномъ, мукой, крупой, печенымъ хлѣбомъ и под., и сколько изъ собраннаго остается за излишествомъ и продается, или насколько прикупается? Нѣтъ, такихъ свѣдѣній ни у кого и быть не можетъ, ихъ дать можетъ только само духовенство. б) «Сколько получается денежнаго доходу»? Опять свѣдѣній и этихъ нѣтъ ни у кого, и отвѣчать на такой вопросъ можетъ само только духовенство. в) «Какія у каждаго члена причта важнѣйшія статьи расхода»? Подобныхъ свѣдѣній ни у кого и быть не можетъ. г) «Что можно было бы сдѣлать для обезпеченія причтовъ въ содержаніи»? Здѣсь необходимо знать мѣстныя условія каждаго прихода, знать же ихъ можетъ только мѣстный причтъ. Что могли отвѣтить на всѣ 4 вопроса преосвященные и консисторіи? Ровно ничего. Правда, они могли отвѣтить на послѣдній вопросъ, но отвѣтить только

кое что, и то въ общихъ чертахъ. Слѣдовательно необходимо было нужно спросить духовенство. Такъ и сдѣлано. Когда на такіе вопросы, на которые никто посторонній не можетъ отвѣтить, отвѣчаетъ само духовенство, то можно вывести изъ этого заключеніе, что «дѣти учатъ отцовъ, подчиненные стали судить своихъ начальниковъ, что явилась новая эра»? Только г. Елагинъ и могъ вывести такое заключеніе. Есть ли тутъ, хоть тѣнь, самоуправленія? Ни чуть не бывало. «Дѣти стали учить своихъ отцовъ». Мы-то, дѣйствительно, признаемъ преосвященныхъ своими духовными отцами; но г. Елагинъ-то самъ, въ другомъ мѣстѣ, не признаетъ этого: онъ говоритъ: «архіереевъ мы называемъ отцами. Но это почетное названіе, почетный титулъ—не болѣе» (94 л. 2 ст.). Вотъ тутъ и толкуй съ нимъ: то отецъ, а то—не отецъ.

Отвѣчая на сказанные вопросы, могло ли духовенство хоть заикнуться о самоуправленіи? Конечно нѣтъ. Но г. Елагинъ утверждаетъ даже, что духовенство «настойчиво требовало»! Изъ этого «самоуправленія» онъ не можетъ выдти, какъ изъ какого нибудь заколдованнаго круга: о чемъ только ни толкуетъ онъ, но ужъ непремѣнно подойдетъ къ нему. Не желая, чтобы духовенство проявляло въ чемъ бы-то ни было жизни, онъ обрекаетъ его на повальное, беспробудное умственное и нравственное усыпленіе. За начальствованіе свое онъ дрожитъ до болѣзни. Открываете вы ротъ, чтобы отвѣтить, когда спрашиваютъ васъ,—и онъ отскакиваетъ въ испугѣ: «ай! ты проглонуть меня хочешь!» Спрашиваютъ духовенство о его матеріальномъ положеніи, оно отвѣчаетъ—и онъ: «дѣти учатъ отцевъ, самоуправленія требуютъ»! Эта злополучная idée fixe замучила его. Про насъ хотя и говоритъ онъ, что о чемъ бы мы ни заговорили, непремѣнно сведемъ рѣчь свою на приниженность и бѣдность; но, однако же, въ доказательство свое не привелъ ни одного факта. Но вотъ здѣсь факты на лицо: о чемъ онъ ни толкуетъ, но непремѣнно прикроетъ «самоуправленіемъ». Это «самоуправленіе» проѣло его, кажется, до костей и мозговъ. Но пусть укажетъ онъ намъ хотя на одинъ случай, гдѣ духовенство выказывало бы неповиновеніе власти и гдѣ заявляло бы о самоуправленіи. И пусть онъ знаетъ, что мы не думали никогда, не думаемъ и нынѣ противиться власти нашихъ преосвященныхъ. Напрасно онъ дрожитъ за то, о чемъ не думаютъ и они сами. Мы глубоко чтимъ ихъ и, надѣемся, въ тысячи разъ болѣе, чѣмъ онъ самъ. Вотъ и доказательства. «Болѣе проницательные изъ архіереевъ, говоритъ г. Елагинъ, и тогда уже понимали, къ чему поведетъ это любезничанье (!) съ духовенствомъ, но, разумѣется, должны были утѣшать себя лишь своими келейными сѣтованіями».

«Болѣе проницательные изъ архіереевъ», но не состоявшіе въ числѣ членовъ св. Синода, видѣли, а іерархи наши и другіе члены Св. Синода, оберъ-прокуроръ и весь составъ Св. Синода, стало быть, всѣ они, люди менѣе проницательные? Мало проницательные дѣлали дѣло, а «болѣе проницательные смотрѣли на нихъ и сѣтовали?» Хорошъ же сынъ православной церкви г. Елагинъ! Св. Синодъ понять не могъ того, что дѣлаетъ онъ, но люди «болѣе его проницательные» хорошо понимали какія «ужасныя послѣдствія» произойти должны неминуемо, отъ того, если о чемъ нибудь будетъ спрошено само духовенство.

«Духовенство самымъ призваніемъ своимъ обязывается къ строгому повиновенію властямъ»... А прочіе всѣ, спросимъ мы, своимъ призваніемъ обязываются только къ власти?... Нѣтъ, повиноваться властямъ всякій членъ государства обязанъ одинаково. Напротивъ, въ обязанностяхъ приходскаго пастыря лежитъ начало не только повиновенія, но и власти. Къ пастырямъ церкви относятся слова апостола: настой, запрети. А это само собою предполагаетъ уже власть, хотя, конечно, по религіозно-нравственному отношенію къ паствѣ.

XXIII.

Когда потребовались отъ духовенства свѣдѣнія о его матеріальномъ состояніи, то «понятное дѣло», говоритъ г. Елагинъ, «какъ церковные причты должны были исполнить это требованіе». Не зная отвѣта духовенства, онъ заранѣе предугадываетъ уже, каковъ будетъ этотъ отвѣтъ. «По свойственной человѣку слабости, оно очевидно должно было уменьшить доходы и увеличить нужды и требовать (!) елико возможно бо̀льшаго, говоритъ онъ. Предполагая въ духовенствѣ ложь, онъ какъ бы оправдываетъ ее обыкновенною въ людяхъ лживостью: «по свойственной человѣку слабости»... Честности, благородства и правды, онъ не признаетъ уже ни въ комъ. По г. Елагину выходитъ, что кого бы мы ни спросили о его доходахъ и расходахъ, — всѣ солгали бы непремѣнно: всѣмъ «свойственна эта слабость». Но, не говоря уже о всѣхъ людяхъ вообще, скажу лишь о себѣ: честное ли дѣло обзывать всѣхъ пастырей церкви, и всѣхъ поголовно, лжецами, и лжецами предъ правительствомъ, не имѣя на это фактовъ?! Неужто нельзя предполагать правды ни въ одномъ уже пастырѣ церкви? Неужели корысть и безсовѣстность въѣлись

уже такъ въ насъ, что слова благороднаго, слова честнаго и ждать уже нельзя? Мы не знаемъ всего духовенства Россіи, не можемъ знать и всѣхъ отзывовъ его; быть можетъ были отзывы и несправедливые, но предполагать это во всѣхъ пастыряхъ, безъ исключенія, не можемъ ни въ какомъ случаѣ. Напротивъ, скажемъ мы, наша честность, наше благородство, наше точное исполненіе правительственныхъ распоряженій, наша постоянная и неослабная готовность вспомоществовать правительству хорошо доказаны и самому правительству, и всему міру. Правительству хорошо извѣстно это и оно, въ случаяхъ особенной важности, всегда обращается за нашимъ содѣйствіемъ, и въ надеждахъ своихъ не обманывалось никогда. Такое довѣріе къ намъ правительства составляетъ нашу гордость. Мы никогда не были и не будемъ настолько низки, чтобы не оправдывать такого довѣрія.

Но, спрашивается: откуда г. Елагинъ могъ получить свѣдѣнія, что все духовенство лгало? Что въ свѣдѣніяхъ духовенства доходы уменьшались до того, что гдѣ получалось доходу 1000 р., тамъ писалось 300 и даже 100 р.? Почему онъ знаетъ доходы всѣхъ причтовъ, когда не знаемъ мы самыхъ ближайшихъ къ намъ приходовъ? Почему не указалъ, хотя на одинъ причтъ, что тутъ-де доходу получается 1000 р., а показано въ отзывѣ всего 300? Говорить же безъ фактовъ, голословно,—нечестно. Если онъ дорожитъ собственною своею честію, то, изобличая цѣлое сословіе въ безчестности, обязанъ былъ доказать и свою собственную честность,—доказать, что онъ не лжецъ и не клеветникъ. Напротивъ, мы думаемъ, что отзывы духовенства были справедливы, и думаемъ такъ именно потому, что всякій знаетъ, что доходовъ его не отниметъ никто, какъ бы велики они ни были и что еслибъ и увеличились бы оклады жалованья, то не стали же бы дѣлать особыхъ окладовъ по каждой церкви и порознь. Это первое. Второе: не настолько духовенство дико, чтобы совсѣмъ уже не имѣть понятія о финансовомъ состояніи государства того времени. Третіе: свѣдѣнія такого рода собирались много уже разъ,—и духовенство потеряло въ осуществленіе улучшенія своего положенія почти всякую вѣру. Кромѣ всего этого: бывшій у насъ тогда преосвященный Евѳимій, нынѣ уже скончавшійся, говорилъ всѣмъ прямо, что мы не можемъ ожидать никакого улучшенія и чтобы мы писали отзывы свои, насколько возможно, короче. Я хорошо помню тотъ случай, когда представлялъ я ему отзывъ свой и подвѣдомаго мнѣ духовенства. Преосвященный зачеркнулъ почти все, написалъ самъ строкъ 10—15, велѣлъ переписать, отдалъ назадъ, нечитавши, отзывы и духовенства и велѣлъ придерживаться того, что написалъ

онъ. Отдавая мнѣ бумаги онъ сказалъ: «все равно толку не будетъ, сколько ни пиши. Ужъ лучше писать меньше». Не имѣя вѣры въ осуществленіе дѣла, лгать и не было надобности, при всей лживости духовенства, по словамъ г. Елагина.

«Въ означеніи расходовъ проявилась такая изобрѣтательность, которой никто не предполагалъ въ духовенствѣ; указывались такія потребности, о которыхъ не думаютъ даже въ богатыхъ дворянскихъ домахъ. Духовенство объясняло, что оно не можетъ жить безъ хорошихъ винъ, безъ воспитанія своихъ дочерей въ столичныхъ женскихъ институтахъ и т. д.». На такую клевету спросимъ прежде: неужели даже въ богатыхъ дворянскихъ домахъ и не думаютъ о хорошихъ винахъ? Кто же пьетъ ихъ, неужели только одни попы? Нѣтъ, г. Елагинъ: если духовенство и пьетъ, такъ только свое,—родное. Въ самыхъ экстренныхъ даже случаяхъ можно встрѣтить у насъ рублевую бутылку хересу мѣстной фабрикаціи, большею же частію и экстренные сходятъ съ рукъ съ 45 копѣечнымъ. Не нашелъ, что уже клеветать, — пересолилъ.

«Духовенство не можетъ жить безъ воспитанія своихъ дочерей въ столичныхъ женскихъ институтахъ»... И этого по крайней мѣрѣ мы, живущіе на низовьяхъ Волги, не заявляли. Это писали вѣроятно Иркутскіе или Енисейскіе, — имъ сподручнѣе отдавать дочерей своихъ въ Петербургъ. Въ самомъ дѣлѣ: можно ли выдумать что нибудь нелѣпѣе подобной клеветы? Мы не можемъ даже... Какъ будто матери наши, жены и сестры наши — всѣ воспитывались въ столицѣ, что мы свыклись съ столичнымъ образованіемъ до того, что иначе мы и жить не можемъ. Это совсѣмъ не то, чтобы мы выражали только желаніе дать образованіе,—нѣтъ, мы свыклись уже съ нимъ, безъ него мы жить не можемъ! Особенно дочерямъ нашимъ необходимо столичное образованіе, когда подберутся матушка съ дочкой, да и отправятся — одна коровъ доить, другая свиньямъ да курамъ мѣсить. При нашей жизни, по правдѣ сказать, и того образованія слишкомъ много, какое дается нынѣ въ епархіальныхъ училищахъ. Рѣдкой женѣ священника есть время въ недѣлю разъ взять и книгу въ руки. При нашей жизни не до образованія. И человѣку ни мало не стыдно такъ безцеремонно лгать! Это значитъ: задался человѣкъ мыслію позорить тѣхъ, кого терпѣть онъ не можетъ, — и позоритъ, не оглядываясь назадъ и не повѣряя себя не черезъ-чуръ ли уже хватилъ, — и говоритъ безъ удержу, не дорожа собственною честью. Странно видѣть въ человѣкѣ такую беззастѣнчивость, въ которомъ слѣдовало бы предполагать болѣе такту и солидности; но еще болѣе

кажется страннымъ, и даже непонятнымъ, когда видишь, что беззастѣнчивость эта имѣетъ не мало людей, сочувствующихъ себѣ...

Далѣе онъ говоритъ: «одни намѣтили себѣ мукомольныя мельницы, принадлежащія частнымъ лицамъ». Быть не можетъ, ложь! Духовенство не настолько глупо, чтобы писать это. «Другіе требовали (ужъ и требовали!) отведенія казенныхъ лѣсныхъ дачъ». На 20 страницѣ своей книги онъ считаетъ такое желаніе духовенства преступленіемъ, но на 175 стр. онъ говоритъ самъ: «способъ обезпеченія духовенства можетъ выражаться въ отведеніи казенныхъ лѣсныхъ дачъ». Онъ ставитъ намъ въ вину даже и то, что предлагаетъ самъ Это значитъ уже верхъ зла: хорошее ли дѣло, дурное ли, но коль скоро вышло оно отъ насъ, то значитъ, что оно дурное. А это значитъ опять, что человѣкъ ищетъ только случая, чтобы позорить насъ. «Третьи предлагали обязать прихожанъ, чтобы они даромъ обработывали ихъ поля, рубили и возили для нихъ дрова». Такъ говоритъ онъ на 20 страницѣ, но на стран. 173 говоритъ: «духовенство должно быть **обязательно обезпечено** (курсивъ въ подлинникѣ) опредѣленными пособіями отъ прихожанъ. Сюда относятся по преимуществу нарѣзки земли (отъ казны и прихожанъ)... пособія при обработкѣ полей и т. п.». Здѣсь опять онъ осуждаетъ за желанія такихъ пособій, которыя онъ самъ считаетъ для прихожанъ даже **обязательными**.

«О каноническихъ способахъ содержанія, т. е. о приношеніяхъ прихожанъ за совершеніе требъ, всѣ отозвались болѣе или менѣе презрительно: онѣ-де унижаютъ духовенство, заставляютъ протягивать руку, ставятъ духовенство въ зависимость отъ прихожанъ». Г. Елагинъ безпощадно топчетъ насъ въ грязь: то отступили мы отъ ученія Христа Спасителя и апостоловъ, то отъ преданій и примѣра пастырей первыхъ вѣковъ, то отъ каноническихъ правилъ, — и сдѣлались народомъ безпутнѣйшимъ во всѣхъ отношеніяхъ. Выраженное желаніе духовенства г. Елагинъ называетъ противнымъ каноническимъ правиламъ. Но ему слѣдовало бы при этомъ указать на такія правила. Подобныхъ правилъ мы не знаемъ и не знаемъ именно потому, что ихъ не существуетъ. Если же онъ найдетъ ихъ и докажетъ намъ наше уклоненіе отъ нихъ, то пусть обратитъ вниманіе и на самаго себя,—что и онъ, ревностный блюститель отеческихъ преданій и каноновъ церкви, уклонился отъ нихъ, и болѣе еще, чѣмъ мы сами, потому что тѣ же самые способы предлагаетъ онъ самъ и находитъ ихъ даже **обязательными** для прихожанъ. Мало этого: онъ находитъ, что «способъ улучшенія быта духовенства не только можетъ,

но даже долженъ выразиться въ разныхъ мѣропріятіяхъ правительства, какъ-то: въ облегченіи дѣтямъ духовенства поступленія въ разныя свѣтскія заведенія для обученія на казенный счетъ или по крайней мѣрѣ безъ взноса платы за обученіе и т. д.». Назвавши въ началѣ книги самый вопросъ объ улучшеніи быта духовенства вопросомъ «несчастнымъ», а способы улучшенія противуканоническими, онъ самъ предлагаетъ теперь то, чего не просило и само духовенство. За направленіе же лучшихъ силъ духовенства въ свѣтскія учебныя заведенія мы имѣемъ право называть г. Елагина даже врагомъ церкви.

XXIV.

Каноническимъ способомъ содерженія г. Елагинъ называетъ содержаніе служителей церкви первыхъ вѣковъ христіанства приношеніями вѣровавшихъ. Отвѣчать на этотъ вопросъ мы уже имѣли случай. Теперь только желали бы слышать, почему этому каноническому способу содержанія служителей церкви должно подлежать одно только приходское духовенство? Въ первыя вѣка христіанства одними приношеніями содержались всѣ. Здѣсь и явна фальшь доказательствъ мнимыми канонами. Содержаніе опредѣленнымъ жалованьемъ отнюдь не есть противуканоническій способъ и жалованьемъ мы пользуемся давнымъ-давно, но только говоримъ, что оно недостаточно для полнаго содержанія; крайне скудны и чисто добровольныя приношенія. Если въ самыхъ первыхъ христіанахъ встрѣчались такіе люди, которые лгали самимъ даже апостоламъ и не давали имъ того, что обѣщали сами добровольно, такъ что вынуждали въ апостолахъ обличенія во лжи, какъ, наприм., ап. Петръ обличалъ Ананію съ женою, то двѣ тысячи лѣтъ должны имѣть свое значеніе и измѣнить многое и, дѣйствительно. измѣнилось многое: теперь не тѣ уже христіане, начиная съ аристократа и кончая мужикомъ. Чисто добровольныхъ приношеній нѣтъ почти совсѣмъ. Если считать добровольными приношеніями плату за требоисправленія, то это отнюдь не добровольныя, а нужно назвать: не добровольная, а вынужденная необходимостью. Нельзя назвать добровольною платою даже то, когда даютъ духовенству за приходъ его въ домъ съ крестомъ. Плата такого рода опять вынуждена; не приходи духовенство, и большинство будетъ очень тому радо. Не тѣ и пастыри, что было прежде. Какъ вы ихъ ни осуждайте, какіе законы ни прописывайте имъ, но не за-

бывайте, что они тѣ же люди, съ тѣми же слабостями. И какъ между мірянами есть люди, которые, живя сами со всѣми удобствами жизни, желаютъ, чтобы духовенство нищенствовало, таковые есть и между самимъ духовенствомъ. Наприм., мнѣ недавно случилось говорить, въ одной изъ нашихъ столицъ, съ однимъ высокопоставленнымъ духовнымъ лицемъ о положеніи сельскаго духовенства. Онъ получая самъ нѣсколько (до 4 т.) тысячъ руб., говорилъ мнѣ, что положить жалованье духовенству значитъ сдѣлать его чиновниками. Это значитъ, какъ и г. Елагинъ говоритъ, что было бы противно церковнымъ канонамъ. Получая самъ нѣсколько тысячъ казеннаго жалованья, прекрасную казенную же квартиру, мужскую прислугу, отопленіе, освященіе, воду, лошадей, экипажи, — себя онъ не считаетъ чиновникомъ; сельскаго же священника съ нѣсколькими сотнями руб.—чиновникомъ. Себя, съ тысячами и барской обстановкой, считаетъ онъ пастыремъ церкви, а насъ, деревенскихъ горемыкъ, чѣмъ-то въ родѣ урядниковъ. Много пишутъ про насъ всякихъ небылицъ; прискорбно видѣть въ свѣтской литературѣ самыя нелѣпыя и часто безсмысленныя глумленія; но дѣлается невыносимо, до болѣзни грустно, когда топчутъ насъ въ грязь люди, принадлежащіе къ нашему же организму, кость отъ костей нашихъ и плоть отъ плоти нашей. Подобныхъ, можетъ быть, людей апостолъ имѣлъ въ виду, когда говорилъ: «отъ насъ, но не наши». Всѣхъ подобныхъ канонистовъ мы попросили бы испытать то, что несемъ мы, тогда, навѣрное, они запѣли бы другую пѣсню, забыли бы и о канонахъ. Разговаривая со мною, отецъ протоіерей сказалъ мнѣ, что одинъ провинціальный священникъ, смотря на его домашнюю обстановку, спросилъ его: «а что, пошли бы вы въ провинцію, не то, чтобъ въ село, а въ какой нибудь городъ, хоть въ нашъ N»?—«Нѣтъ, не пошелъ бы». И при этомъ на лицѣ отца протоіерея выразилось полное самодовольство. Что же значитъ, что люди, желая себѣ всѣхъ удобствъ жизни, хотятъ, чтобы другіе, подобные же имъ, терпѣли нужду и горе?... Я далъ бы объясненіе, но по личному моему уваженію къ отцу протоіерею, не объясняю. Я знаю хорошо, что то, что пишу я, онъ будетъ читать и поэтому предоставляю самому ему и объяснить это. Точно также, что̀ имѣетъ цѣлію свѣтская литература писать про насъ самыя нелѣпыя небылицы? Исправить наши недостатки? Но однѣми насмѣшками порока не исправишь. Много въ одно время писалось насмѣшекъ, много ходило разныхъ анекдотовъ про мелкихъ чиновниковъ; иначе и не звали ихъ, какъ земскими ярыжками, держимордами и под. Но исправили-ли ихъ всѣ такого рода насмѣшки?

Ничуть. Но когда улучшили ихъ быть, одряхлѣвшее замѣнилось болѣе лучшимъ, тогда и повѣсти и анекдоты прекратились; измѣнились въ нравственномъ отношеніи и тѣ, про коихъ велись анекдоты. Упомянутый мною столичный отецъ протоіерей говорилъ мнѣ, что «едва ли духовенство будетъ лучше исполнять свои обязанности и лучше вести себя, если и улучшить его положеніе». Но мы и сами не считаемъ единственнымъ и скорымъ способомъ къ поднятію нравственнаго состоянія духовенства, исключительно одно улучшеніе его матеріальнаго положенія. И правительство вовсе не думаетъ, какъ утверждаетъ г. Елагинъ, «что стòитъ только улучшить внѣшнее положеніе духовенства, и тогда церковныя дѣла исправятся сами собою»; но не можемъ не сказать, что духовенство сблизилось бы съ народомъ: оно не стало бы тѣснить прихожанъ и вымогать часто непосильной платы; не стало бы подпаивать и, пожалуй, вмѣстѣ пить изъ за какихъ нибудь пяти возовъ дровъ или сѣна; взаимныя отношенія облагородились бы. Конечно, какъ и старыя, закоренѣвшія болѣзни не излечиваются тотчасъ, такъ и при улучшеніи быта, духовенство не сдѣлается вдругъ святымъ: и нетрезвость, и притѣсненія проявляться стали бы, но это было бы какъ исключенія. Цѣлые вѣка доказали уже, что нашъ каноническій способъ содержанія не можетъ возвысить нравственно духовенства и что чрезъ него хулится и самая религія, слѣдовательно, неминуемо долженъ быть измѣненъ самый бытъ служителей церкви, начавши измѣненіе это съ воспитанія и окончивши положеніемъ за штатомъ. Мы увѣрены, мы убѣждены, что и духовенство, и народъ измѣнились бы къ лучшему, если бы была прекращена плата за обязательныя требоисправленія.

«О каноническомъ способѣ содержанія духовенство отнеслось презрительно». Такъ какъ духовенство не можетъ относиться къ добровольнымъ пожертвованіямъ «презрительно», то оно не могло этого и писать, и все это есть не болѣе, какъ измышленіе самаго г. Елагина. Не желая повторять разъ сказаннаго уже мною, прошу припомнить изъ прежнихъ моихъ «Записокъ», въ «Рус. Старинѣ» напечатанныхъ, какое чувство волнуетъ душу священника при сборѣ хлѣбомъ. Чувства этого посторонній никто не пойметъ, вообще же: не столичнымъ судить о сельскомъ духовенствѣ... Имѣйся въ столицѣ надлежащее о насъ понятіе, навѣрное, давно бы измѣнился нашъ бытъ. Но люди, родившіеся въ столицѣ, и не могутъ имѣть надлежащаго о насъ понятія: многіе, ушедшіе въ столицу отъ насъ, дѣлаются тамъ столичными и теряютъ память, самихъ же насъ считаютъ лжецами и— «все обстоитъ благополучно».

«По общему мнѣнію причтовъ надлежало дать имъ жалованья отъ казны не менѣе 500—1000 р. въ годъ на причтъ. Но этого все еще было мало». Изъ 500—1000 р. при тогдашнемъ составѣ причтовъ священникъ получалъ бы 250—500 р., т. е. менѣе всякаго столоначальника, причетникъ же 62 р. 50 к.—125 р., т.е. менѣе свинова пастуха. Г. Елагину кажется такое жалованье слишкомъ великимъ, а духовенство выставляетъ онъ неумѣренно жаднымъ, но мы напротивъ находимъ его не только не чудовищно-великимъ, чтобы упрекать насъ въ ненасытности, но даже до того скромнымъ, что за подобную скромность нужно отнестись къ духовенству съ благодарностію и уваженіемъ. Въ настоящее время (1882 г.) трудно найти въ работники простаго мужика, даже дурака, для домашнихъ работъ (неговоря уже о молотьбѣ, пашнѣ и пр. трудныхъ работахъ), на одни зимніе мѣсяцы, съ хозяйскимъ помѣщеніемъ и продовольствіемъ, за 60 р. Годовому работнику плата, обыкновенно, 100—125 р. и опять съ хозяйскимъ содержаніемъ. Свиной пастухъ получаетъ 60—80 р., конный 200 — 300, за одни лѣтніе мѣсяцы, и опять съ хозяйскимъ продовольствіемъ. Укорять, послѣ этого, духовенство въ ненасытности, если оно выражало желаніе дать жалованья причетнику менѣе даже, чѣмъ дается свиному пастуху, — это и грустно и смѣшно, особенно если сравнить ихъ обязанности, отвѣтственность и образованіе и тѣмъ болѣе, если, по мысли правительства, причетникъ долженъ быть съ полнымъ семинарскимъ образованіемъ. Всѣмъ извѣстно какого сорта люди поступаютъ въ урядники, однако же не одинъ изъ нихъ не получаетъ менѣе 300 р. Послѣ урядника причетнику, особенно кончившему курсъ семинаріи, дать 60—100 р., при собственномъ его содержаніи, кажется было бы можно. Всякій видитъ, что 60—100 р.— жалованье нищенское; но духовенство было бы радо и ему, лишь бы только имѣть возможность избѣгнуть канонискаго способа содержанія,—не таскаться по дворамъ мужиковъ съ мѣшкомъ на плечахъ или лукошкомъ въ рукахъ.

«Главнѣе (?) всего требовалось (!) вывести духовенство изъ его забитаго положенія, освободить его отъ деспотизма архіерейской власти, дать ему самоуправленіе (21)». Опять «самоуправленіе»! Въ сотый разъ отвѣчаемъ, что духовенство не имѣло и случая просить его, и не просило.

«Въ общей сложности всѣ эти отзывы представляли колоссальную ложь, колоссальную неумѣренность желаній и потому остались безъ послѣдствій. Но духовенство ожидало другаго исхода, оно надѣялось, что все такъ и будетъ, какъ оно писало въ отзывахъ. Вотъ гдѣ пер-

вая причина того неудовольствія противъ властей, которое съ начала шестидесятыхъ годовъ стало замѣчаться и развиваться въ духовенствѣ. Возбудили въ немъ желанія, расшевелили въ немъ страсти,— и не дали имъ удовлетворенія. Ошибка очень важная! Всѣ революціи въ мірѣ, всѣ потрясенія въ обществахъ подготовлялись именно этимъ способомъ». Сравните то, что говорилъ онъ въ началѣ книги съ тѣмъ, что сказалъ онъ сейчасъ и,—какъ не бейтесь, смыслу вы не доберетесь. Сперва онъ говорилъ: духовенство находилось въ полной власти у епископовъ и, потому, вліяло на прихожанъ, т.-е. прихожане какого-нибудь, напр. Балашева, потому съ уваженіемъ относились къ своему приходскому духовенству, что оно находилось въ полной зависимости отъ преосвященныхъ, — преосвященные вліяли на духовенство, отъ того духовенство вліяло на приходы и пользовалось его уваженіемъ. По освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, печати нужно было возстановить духовенство противъ правительства, для этого было нужно уничтожить вліяніе духовенства на народъ, а для этого нужно было вывести духовенство изъ зависимости отъ преосвященныхъ; для всего же этого необходимо было, чтобы правительство приняло духовенство подъ свое покровительство,—улучшило матеріальный его бытъ и сдѣлало его, такимъ образомъ благодарнымъ къ себѣ. Слѣдовательно, еслибы правительство избавило духовенство отъ консисторскаго «произвола», то этимъ разорвало бы хорошія отношенія его къ прихожанамъ; улучшило его бытъ: прибавило жалованья, дало помѣщеніе и под.—духовенство подняло бы противъ правительства революцію. Облагодѣтельствованное правительствомъ, но оторванное отъ народа и своего ближайшаго начальства, оно неминуемо возстало бы на правительство и революція! Ни правительство и ни духовенство не поняли всей каверзы печати, и поддались ей: правительство запросило духовенство о средствахъ его содержанія и о томъ, что можно было бы сдѣлать къ улучшенію матеріальнаго его положенія; духовенство отвѣтило, но уменьшило свои доходы и увеличило расходы. Поэтому улучшеніе быта не состоялось. Обнадеженное, но неудовлетворенное въ своихъ ожиданіяхъ, духовенство готово теперь къ революціи. Да, скажемъ мы, страшное теперь случиться можетъ дѣло: бросятся поповъ 10 съ пономарями,—и перебьютъ (кадилами?) всѣхъ: и гражданъ, и войско, и всѣхъ кто попадетъ подъ руки,— пропала Россія! Поняли вы, читатель, всю эту нелѣпицу? Нѣтъ? Не поняли ея и мы. Такая путаница недюжинная, а скажемъ словами г. Елагина, «колоссальная», потому что она происходитъ отъ «колоссальной неумѣренности желаній» духовенству зла. Въ своемъ ослѣ-

пленіи онъ самъ не помнитъ и не понимаетъ, что̀ говоритъ онъ. Онъ говоритъ, лишь бы очернить духовенство и отвлечь правительство отъ оказанія ему пособія. Въ такомъ усердіи онъ до того пересаливаетъ, что теряется охота читать его книгу. Каверзы печати не разгадалъ никто — ни правительство, ни духовенство, — никто, одного только г. Елагина Богъ наградилъ такимъ тонкимъ чутьемъ,—одинъ только онъ разгадалъ,—да ужъ и разгадалъ!.. Какъ «на бобахъ развелъ», всю подноготную наружу вывелъ! Да, кто ни брался разбирать его книгу, никто, кромѣ г. Старова, не имѣлъ терпѣнія довести своей критики до конца,—путаница отбивала всякую охоту.

Сельскій Священникъ.

ЗАПИСКИ СЕНАТОРА Я. А. СОЛОВЬЕВА О КРЕСТЬЯНСКОМЪ ДѢЛѢ.

Глава пятая [1])

Лѣто 1858 года въ Петербургѣ и губерніяхъ.

I.

Образованіе коммисіи при Главномъ Комитетѣ для разсмотрѣнія проектовъ губернскихъ комитетовъ.—Постановленіе о вызовѣ двухъ членовъ отъ каждаго комитета для представленія правительству нужныхъ объясненій.—Отъѣздъ изъ Петербурга членовъ Главнаго Комитета.

Окончивъ рѣчь о генералъ-губернаторахъ, возвращаюсь назадъ къ лѣту 1858 года. По указаніямъ реакціонной партіи были: утверждена программа занятій губернскихъ комитетовъ и одобрены начала уѣзднаго и волостнаго управленія, а также состоялось высочайшее повелѣніе о временныхъ генералъ-губернаторахъ. Ободренная такимъ успѣхомъ партія эта не желала выпустить дѣлъ изъ своихъ рукъ и захотѣла облечь въ форму постояннаго учрежденія то, что состоялось случайно. Она вознамѣрилась бывшія у Ланскаго вечернія совѣщательныя собранія о программѣ и началахъ уѣзднаго управленія обратить въ постоянную опеку надъ Ланскимъ, который выставлялся предъ государемъ какъ человѣкъ слабохарактерный, подверженный всѣмъ возможнымъ вреднымъ вліяніямъ.

Вслѣдствіе сего, состоялось высочайшее повелѣніе [2]): „для

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1880 г., томъ XXVII, февраль, стр. 319—362; изд. 1881 г., томъ XXX, мартъ, стр. 211—264; апрѣль, стр. 721—756; томъ XXXI, май, стр. 1—32; изд. 1882 г., томъ XXXIII, январь, стр. 227—258.

[2]) Положеніе Главнаго Комитета, утвержденное 15 іюля 1858 г.

предварительнаго разсмотр :я поступающихъ изъ губернскихъ комитетовъ проектовъ положеній объ улучшеніи и устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ, образовать при Главномъ Комитетѣ особую коммисію". По этому же высочайшему повелѣнію въ составъ этой коммисіи вошли тѣ же самыя лица, которыя участвовали въ весеннихъ совѣщаніяхъ, т.-е. Ланской, графъ Панинъ, Муравьевъ и Ростовцовъ. Управленіе дѣлами возложено было на С. М Жуковскаго, „подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ и надзоромъ государственнаго секретаря". Такимъ образомъ въ коммисіи, которая учреждалась для разсмотрѣнія проектовъ крестьянскихъ положеній, единственнымъ представителемъ министерства внутреннихъ дѣлъ былъ самъ министръ; а все веденіе и производство дѣлъ сосредоточивались въ государственной канцеляріи. Левшинъ вовсе былъ устраненъ; онъ ропталъ на то, что его не пускали въ главный комитетъ; исключеніе его изъ коммисіи для него еще болѣе было обидно. О моемъ участіи въ дѣлопроизводствѣ, что допущено было потомъ, въ то время не могло быть и рѣчи.

Всѣмъ этимъ устройствомъ дѣла орудовалъ Ростовцовъ при сильномъ содѣйствіи Буткова; оба они въ то время [1]) принадлежали къ реакціонной партіи. Но, кажется, кромѣ дѣла, тутъ примѣшивались личные виды обоихъ этихъ лицъ; по слухамъ, тогда ходившимъ въ обществѣ, оба они хотѣли занять мѣсто министра внутреннихъ дѣлъ. Въ такомъ случаѣ ихъ личный интересъ состоялъ въ томъ, чтобы доказывать неспособность министра и его товарища. Если опубликованныя недавно оправданія Ростовцова въ этомъ обвиненіи искренни, то онъ сочувствовалъ Буткову въ его домогательствѣ министерскаго портфѣля.

Тѣмъ же положеніемъ Главнаго Комитета 15 іюля 1858 года предоставлялось каждому губернскому комитету избрать и прислать въ Петербургъ двухъ членовъ „для представленія правительству всѣхъ свѣдѣній и объясненій, кои оно признаетъ нужнымъ имѣть при окончательномъ разсмотрѣніи губернскихъ проектовъ". Коммисіи при главномъ комитетѣ, также какъ и сему послѣднему, предоставлялось право приглашать въ свои засѣданія членовъ, которые будутъ избраны губернскими комитетами.

---

[1]) Послѣ этихъ словъ въ подлинникѣ зачеркнуто: «душой и всѣми помышленіями»...

Такимъ образомъ (въ подлинникѣ послѣ этихъ словъ зачеркнуто: „упрочивалась опека надъ Ланскимъ и“...) обезпечивался ходъ дѣла въ извѣстномъ направленіи. Реакціонная партія вполнѣ была убѣждена, что она въ членахъ губернскихъ комитетахъ, которые пріѣдутъ въ Петербургъ, найдетъ себѣ неизмѣнныхъ и единодушныхъ союзниковъ [1]). Она вправѣ была ожидать этого; въ то время невозможно было предполагать, чтобы большинство въ комитетахъ выбрало людей, вполнѣ сочувствующихъ освобожденію крестьянъ и притомъ съ землей; не было никакого повода думать, чтобы меньшинство, образовавшееся потомъ почти въ каждомъ комитетѣ и стоявшее за освобожденіе крестьянъ съ землей [2]), взяло верхъ и изъ меньшинства сдѣлалось большинствомъ. Для полнаго обезпеченія успѣха представители охранительной партіи всѣми зависящими отъ нихъ средствами старались доказать, что всѣ люди,—къ какому классу они не принадлежали бы,—которые выдають себя за поборниковъ крестьянскаго дѣла, ни о чемъ болѣе не думаютъ какъ о ниспроверженіи сначала дворянства, а потомъ правительства, словомъ мечтаютъ о революціи и демократической республикѣ [3]).

---

[1]) Далѣе въ подлинникѣ зачеркнуто: „Впослѣдствіи мы увидимъ, что депутаты раздѣлились на группы самыхъ разнообразныхъ мнѣній и многіе изъ нихъ вовсе не желали того, чего желали петербургскіе защитники помѣщичьихъ интересовъ“. Я. С.

[2]) Послѣ этихъ словъ въ подлинникѣ зачеркнуто: „получило силу и примкнуло къ правительственной прогрессивной партіи“.

[3]) Далѣе въ подлинникѣ зачеркнуто: „Выше не одинъ разъ было упомянуто о Земскомъ отдѣлѣ; упомянуто было также, что онъ составлялъ часть центральнаго статистическаго комитета, почему онъ получилъ названіе „отдѣла“; другой части присвоено было наименованіе „статистическаго отдѣла“. Происхожденіе этого учрежденія объясняется слѣдующими обстоятельствами. По занятіи должности товарища министра, А. И. Левшинъ получилъ въ свое непосредственное завѣдываніе бывшее до того времени при министерствѣ статистическое отдѣленіе. При появленіи крестьянскаго вопроса всѣ предварительныя работы министръ поручалъ своему товарищу, не пріурочивая ихъ ни къ одному изъ департаментовъ министерства. Отсюда родилась у Левшина мысль устроить для непосредственнаго своего завѣдыванія особое учрежденіе: для статистическихъ работъ и „для предварительнаго обсужденія и обработки всѣхъ дѣлъ по вопросамъ, касающимся земско-хозяйственнаго устройства въ Имперіи“. Оба отдѣла имѣли единственную связь въ общемъ имъ обоимъ предсѣдателѣ; но каждый изъ нихъ имѣлъ особое коллегіальное присутствіе, которое для Земскаго Отдѣла состояло изъ предсѣдателя—това-

Послѣ ряда высочайшихъ повелѣній, въ реакціонномъ направленіи состоявшихся весной и въ началѣ лѣта 1858 года, наступило глухое время перерыва законодательныхъ работъ. Главный Комитетъ, какъ и впослѣдствіи, хотя не закрывалъ своихъ засѣданій, но занимался исключительно разсмотрѣніемъ представленій министерства внутреннихъ дѣлъ по текущимъ дѣламъ. Главные охранительные дѣятели одни раньше, другіе позже уѣхали изъ Петербурга. Ростовцовъ заграницу, Муравьевъ въ губерніи, Бутковъ тоже уѣхалъ въ Москву и въ Нижній-Новгородъ на короткое время [1]). Ростовцовъ отправился заграницу для поправле-

рища министра и трехъ членовъ, изъ которыхъ одинъ, — „непремѣнный", долженъ былъ „завѣдывать всѣмъ ходомъ дѣлъ и перепиской". Директоры департаментовъ могли участвовать въ засѣданіяхъ земскаго отдѣла не иначе, какъ по особому каждый приглашенію. Представленіе въ Государственный Совѣтъ объ учрежденіи центральнаго статистическаго комитета было сдѣлано осенью 1857 года до выхода перваго рескрипта. По этому представленію, какъ было упомянуто выше, Земскій Отдѣлъ учреждался „для предварительнаго обсужденія и обработки всѣхъ дѣлъ по вопросамъ, касающимся земско-хозяйственнаго устройства въ Имперіи". Не смотря на то, что штатъ Земскаго Отдѣла разсматривался въ Государственномъ Совѣтѣ тогда, когда послѣдовало уже разрѣшеніе на открытіе въ нѣсколькихъ губерніяхъ особыхъ комитетовъ „по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ", туманное опредѣленіе основной (?) цѣли новаго учрежденія не было исправлено. Штатъ Земскаго Отдѣла былъ утвержденъ 4 марта 1858 года и распубликованъ 27 того же мѣсяца. Я былъ утвержденъ непремѣннымъ членомъ 31 марта; а вслѣдъ за мной дѣлопроизводители и секретарь отдѣла. Въ этомъ составѣ Земскій Отдѣлъ на дѣлѣ существовалъ уже болѣе трехъ мѣсяцевъ и производилъ дѣла по общему департаментскому порядку остальныхъ частей министерства, не встрѣчая никакой надобности въ проектированномъ штатомъ коллегіальномъ присутствіи. Поэтому сіе послѣднее не только не собиралось, но даже не было образовано. Съ выходомъ рескриптовъ крестьянское дѣло перешло изъ области гадательныхъ предположеній въ сферу полной дѣйствительности. Надо было приводить въ исполненіе постановленія главнаго комитета, изъ которыхъ наиболѣе важныя предварительно обсуждались въ особыхъ совѣщаніяхъ трехъ министровъ и генералъ-адъютанта Ростовцова, которыя въ половинѣ 1858 года обратились въ постоянную при Главномъ Комитетѣ коммисію. О коллегіальномъ присутствіи Земскаго Отдѣла какъ бы забыли и вспомнили не прежде конца 1858 года; въ своемъ мѣстѣ я упомяну какъ объ образованіи присутствія Земскаго Отдѣла, такъ и о кратковременной его дѣятельности". Я. С.

[1]) Далѣе въ подлинникѣ зачеркнуто: „они уѣхали: частію для подкрѣпленія силъ, частію для собранія свѣдѣній, готовясь на предстоящую борьбу во время законодательныхъ работъ зимой. Но какъ тѣ, которые уѣхали, такъ и тѣ, которые остались, торжествовали побѣду и нисколько не сомнѣвались въ успѣхѣ ихъ плановъ". Я. С.

нія здоровья и для приготовленія себя къ земскимъ работамъ по крестьянскому дѣлу. Муравьевъ и Бутковъ, оба необыкновенно болтливые, въ разговорахъ съ помѣщиками позволяли себѣ чуть не явную пропаганду мыслей, направленныхъ противъ предпринятой правительствомъ реформы. Главная ихъ цѣль состояла внушить помѣщикамъ, что нѣтъ никакой надобности торопиться дѣломъ, съ тѣмъ, чтобы замедленіемъ дѣла, выиграть время, необходимое для осуществленій плановъ партіи, противной освобожденію крестьянъ. Вообще какъ уѣхавшіе, такъ и оставшіеся въ Петербургѣ члены большинства главнаго комитета торжествовали побѣду и нисколько не сомнѣвались въ успѣхѣ ихъ предположеній.

Время было тяжелое; надежды на благопріятный исходъ дѣла было мало.

Государь оставлялъ Петербургъ въ теченіи лѣта 1858 года два раза. Въ первый разъ въ іюнѣ, на короткій срокъ, а потомъ въ первой половинѣ августа на болѣе продолжительное время. Примиреніе Государя съ С. С. Ланскимъ, послѣ неудовольствія по поводу записки министра о временныхъ генералъ-губернаторахъ, произошло наканунѣ или въ день втораго царскаго отъѣзда, когда Государь, вмѣстѣ съ Императрицей, пріѣхалъ изъ Царскаго Села въ Петербургъ, съ тѣмъ чтобы отсюда прямо отправиться по Николаевской желѣзной дорогѣ во внутреннія губерніи.

Еще прежде Государя уѣхалъ за границу на продолжительное время Великій Князь Константинъ Николаевичъ,—одинъ изъ ревностныхъ защитниковъ освобожденія крестьянъ. Сторонники крѣпостнаго права успѣли охладить отношенія Государя къ Великому Князю и уменьшить довѣріе къ его мнѣніямъ. Уѣзжая за границу, онъ (Великій Князь) сказалъ Ланскому, упоминая объ образованной при Главномъ Комитетѣ особой коммисіи:

— Ну, Сергѣй Степановичъ, на этой тройкѣ (Панинъ, Муравьевъ и Ростовцовъ) вы далеко не уѣдете.

II.

Поѣздка А. И. Левшина по губерніямъ.—Я остаюсь единственнымъ сотрудникомъ С. С. Ланскаго въ крестьянскомъ дѣлѣ.—Мое прошедшее.

А. И. Левшинъ былъ командированъ по высочайшему повелѣнію въ губерніи для поправленія хода дѣла на мѣстахъ. О послѣдствіяхъ его поѣздки я буду говорить потомъ. За его отъѣздомъ, я остался единственнымъ сотрудникомъ С. С. Ланскаго по крестьянскому дѣлу. Но прежде чѣмъ я начну разсказъ о дѣятельности министерства внутреннихъ дѣлъ по земскому отдѣлу въ это время, я по неволѣ долженъ сказать нѣсколько словъ о себѣ, чтобы разъяснить на сколько моя предварительная подготовка къ дѣлу, мои личныя отношенія къ людямъ и къ обществу и мое положеніе въ министерствѣ могли быть полезны крестьянскому дѣлу. Конечно, не мнѣ судить о томъ: въ какой степени я съумѣлъ, устраняя препятствія, пользоваться благопріятными для дѣла обстоятельствами.

Дѣтство я провелъ въ деревнѣ среди помѣщичьго быта. Самыя мои любимыя дѣтскія прогулки были лѣтомъ въ полѣ, а осенью и зимой на гумнѣ, т. е. туда, гдѣ производились сельскія работы. По выходѣ изъ Петербургскаго университета (въ 1841 г.) я два года жилъ въ деревнѣ, наблюдая среднее помѣщичье хозяйство въ имѣніяхъ моихъ родныхъ и отчасти хозяйничая: сначала въ симбирскомъ имѣніи моей матери, а потомъ въ собственной моей самарской деревнѣ. Затѣмъ я началъ службу въ министерствѣ государственныхъ имуществъ по кадастру: сначала чиновникомъ въ Воронежской губерніи, потомъ здѣсь въ Петербургѣ помощникомъ правителя дѣлъ центральной кадастровой коммисіи, послѣ того членомъ Московской губернской коммисіи и наконецъ начальникомъ кадастровыхъ работъ въ трехъ губерніяхъ: Смоленской, Владимірской и Самарской. Вся служба моя по кадастру продолжалась немного менѣе 15-ти лѣтъ. Во время моего пребыванія въ губерніяхъ, по службѣ я былъ хорошо знакомъ съ весьма многими помѣщиками, а разъѣзжая по уѣздамъ, зналъ почти всѣхъ, если не лично, то по слухамъ.

Пробывъ въ Воронежской губерніи два лѣта и зиму (1843—1844 гг.), я вполнѣ освоился съ сущностію и характеромъ када-

babстровыхъ работъ. По прибытіи въ Петербургъ, на меня возложено было дѣлопроизводство въ образованной изъ высшихъ кадастровыхъ чиновъ особой коммисіи для составленія инструкціи по этому предмету. Послѣ одного или двухъ засѣданій, проведенныхъ въ общихъ разсужденіяхъ, не оставившихъ никакихъ послѣдствій, я приступилъ прямо къ составленію проекта инструкціи, который по порядку параграфовъ докладывалъ въ коммисіи, приготовляя ихъ постепенно отъ одного засѣданія къ другому. Предсѣдатель коммисіи (А. П. Заблоцкій), въ первое время спрашивалъ меня откуда я заимствовалъ тотъ или другой параграфъ, я ему отвѣчалъ: „изъ моихъ собственныхъ наблюденій". Потомъ онъ уже меня болѣе не спрашивалъ и поддерживалъ меня въ проведеніи одного параграфа за другимъ. Инструкція, такимъ образомъ составленная, быстро прошла въ коммисіи, была утверждена министромъ и дана въ руководство кадастровымъ чиновникамъ.

Четырехлѣтняя моя служба (1844—1848) въ Петербургѣ въ центральномъ кадастровомъ управленіи дала мнѣ средства изучить какъ хозяйственныя условія разныхъ губерній по работамъ всѣхъ коммисій, такъ и недостатки принятой системы оцѣнокъ.

Все это было мною изложено въ нѣсколькихъ запискахъ, представленныхъ директору департамента сельскаго хозяйства, (А. И. Левшину).

Изъ этихъ записокъ особенно была полна о движеніи хлѣбной торговли и среднихъ цѣнахъ на хлѣбъ. Она была напечатана и разослана въ коммисіи.

Бывши членомъ Московской кадастровой коммисіи и завѣдывавши работами въ Московскомъ уѣздѣ (1848—1849), я имѣлъ возможность изучить всѣ промышленныя занятія крестьянъ Московской губерніи, потому что всѣ крестьяне, которые встрѣчались въ то время въ Московской губерніи, шли отъ Москвы какъ изъ центра радіусами.

Въ то же время я могъ опредѣлить отношеніе кустарной промышленности къ земледѣльческимъ занятіямъ подстоличныхъ жителей. Я представилъ предсѣдателю коммисіи сельско-промышленное описаніе Московскаго уѣзда.

Въ трехъ губерніяхъ: Смоленской (1850—53), Владимірской (1853—56) и Самарской (1856—57), въ которыхъ я былъ начальникомъ кадастровыхъ работъ, я начиналъ мои занятія объ-

ѣздомъ волостей государственныхъ крестьянъ. По окончаніи объѣзда, я излагалъ въ особомъ „Обзорѣ“ хозяйственныя и промышленныя условія губерніи, какъ основанія будущихъ кадастровыхъ работъ. Обзоры эти представлялись мною въ министерство и два послѣдніе изъ нихъ (Владимірской и Самарской губерній) были напечатаны въ „Журналѣ министерства государственныхъ имуществъ“ въ 1854 и 1857 годахъ.

Составленная мной „Сельско-хозяйственная статистика Смоленской губерніи“ (Москва, 1855 г.) была напечатана на казенный счетъ и удостоилась двухъ премій: отъ академіи наукъ и географическаго общества.

Описанія Владимірской губерніи я не успѣлъ окончить, вслѣдствіе перехода моего къ другимъ занятіямъ: сначала по поѣздкѣ съ М. Н. Муравьевымъ, а потомъ по службѣ крестьянскому дѣлу. Но введеніе къ этому труду было мною напечатано въ „Отечественныхъ Запискахъ“. 1857 года, подъ названіемъ, если память мнѣ не измѣняетъ: „Памятники и преданія Владимірской губерніи“. Историческая часть была совершенно готова и переписана; она была въ рукахъ нѣсколькихъ лицъ, которыя интересовались моимъ трудомъ, и гдѣ-то пропала такъ, что я не могу отыскать ее. Черновой рукописи у меня не осталось. Статистическіе же матеріалы въ неразработанномъ видѣ помѣщены частію въ особомъ изданіи министерства государственныхъ имуществъ „Хозяйственно-статистическіе матеріалы“, частію, если я не ошибаюсь, въ одномъ изъ изданій географическаго общества въ концѣ пятидесятыхъ или въ началѣ шестидесятыхъ годовъ.

Но, кромѣ этихъ учено-литературныхъ трудовъ, которые были послѣдствіями моей служебной дѣятельности, начиная съ 1846 года, помѣщались статьи въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Кромѣ моей полемики съ Ивановымъ въ „Экономическомъ указателѣ“ 1857 г. и ряда статей „О поземельномъ владѣніи въ Россіи“ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1858 г., о чемъ было уже упомянуто выше; здѣсь я укажу только на нѣкоторыя: „Объ оброчныхъ работникахъ и единицѣ хозяйственныхъ счетовъ“—въ „Журналѣ министерства государственныхъ имуществъ“ 1847 года; „Объ однодворцахъ“—въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1849 или 1850 г., и о полемикѣ съ покойнымъ В. И. Далемъ о грамотности между крестьянами въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“

1857 года; онъ писалъ противъ распространенія грамотности, я ему возражалъ.

Статья объ однодворцахъ касалась преимущественно историческаго происхожденія этого класса сельскихъ обывателей. Въ статьѣ же объ оброчныхъ работникахъ, я первый разъ печатно высказался противъ крѣпостнаго права, на столько на сколько это было возможно въ 1847 году. Это было изобличеніе одного сельско-хозяйственнаго писателя изъ степныхъ помѣщиковъ, который въ двухъ журнальныхъ статьяхъ лицемѣрно доказывалъ, что онъ открылъ секретъ крѣпостныхъ работниковъ обратить какъ бы въ вольно-наемныхъ. Изобличивъ это, я обрисовалъ распредѣленіе работъ въ хорошо устроенныхъ помѣщичьихъ хозяйствахъ, и затѣмъ присовокупилъ:

„Вотъ каковъ идеалъ хорошо устроеннаго помѣщичьяго имѣнія. Но крестьянину остается только одно опасеніе; но опасеніе очень важное, которое въ **состояніи парализировать его стремленія къ увеличенію богатства** и такимъ образомъ уничтожить всѣ выгоды, о которыхъ мы сказали выше; опасеніе это заключается въ томъ, что съ **перемѣной помѣщика можетъ уничтожиться правильный порядокъ**, введенный обычаемъ и разумѣется сознаніемъ обоюдныхъ выгодъ владѣльца и крестьянина, но **не имѣющій прочнаго основанія**".

Въ мѣстахъ, исключенныхъ цензурою, къ сожалѣнію у меня не сохранившихся, я гораздо сильнѣе выражался противъ крѣпостнаго права; между прочимъ я доказывалъ, что при крѣпостномъ правѣ не были свободны не только крестьяне, но и сами помѣщики, которыхъ крѣпостное противодѣйствіе и несовершенство работъ связывало при всякомъ начинаніи какого либо улучшенія въ хозяйствѣ. Спустя десять лѣтъ, именно въ 1857 году, наканунѣ общаго движенія по крестьянскому вопросу, можно было гораздо свободнѣе высказываться за освобожденіе крестьянъ: я воспользовался этимъ въ моей полемикѣ съ Ивановымъ. Онъ, возражая мнѣ, между прочимъ писалъ, что въ установленіи крѣпостнаго права виновны не помѣщики, а историческое развитіе всего законодательства, которое постепенно устроило крѣпостныя отношенія между крестьянами и землевладѣльцами, **вкоренившіяся въ обычаи народа**. „Измѣнить ихъ дѣло правительства", но и для него встрѣтятся затрудненія; согласіе же землевладѣль-

цевъ въ этомъ дѣлѣ „безсильно“. Далѣе Ивановъ выражалъ, отъ лица „благомыслящихъ помѣщиковъ“, желаніе измѣненія этихъ отношеній, вмѣстѣ съ опасеніями неизвѣстнаго будущаго.

Отвѣтъ мой состоялъ въ слѣдующемъ: „Никто не будетъ спорить противъ того, что настоящія крестьянскія отношенія образовались исторически; но исторія же требуетъ измѣненія этихъ отношеній, когда онѣ исполнили свое историческое значеніе. Мы не понимаемъ выраженія „вкоренились въ обычаи народа“. Какъ можетъ вкорениться то, что съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе признается неправильнымъ и препятствующимъ нравственному и матеріальному развитію народа. Если подъ этимъ нужно разумѣть одну трудность дѣла, то тѣмъ менѣе можно ограничиваться однѣми только желаніями, трусливыми опасеніями потрясеній и болѣе чѣмъ скромнымъ сознаніемъ своего безсилія. Все это не облегчаетъ, а затрудняетъ рѣшенія дѣйствительно весьма сложнаго вопроса. Конечно, при такомъ направленіи, это рѣшеніе дѣлается еще болѣе труднымъ для правительства, которому, вмѣсто горячаго сочувствія къ общему патріотическому дѣлу, представляютъ сознаніе своего безсилія и опасеніе потрясеній... Горько было бы думать, что, для каждаго шага впередъ, Россія постоянно будетъ нуждаться въ такихъ энергическихъ понудительныхъ мѣрахъ, какія принималъ Петръ Великій...“.

„Но къ счастію настоящее положеніе не таково. Мы постоянно слышимъ и видимъ и въ отдѣльныхъ фактахъ, чему служатъ доказательствомъ приведенныя самимъ г. Ивановымъ улучшенія въ его имѣніи, и въ мѣрахъ, представленныхъ дворянскими собраніями разныхъ губерній, и въ возникающемъ общемъ направленіи, что сословіе землевладѣльцевъ не можетъ уже ограничиться однѣми желаніями и опасеніями. Развѣ это не большой шагъ впередъ, если вспомнить, что еще такъ недавно нельзя было даже заикнуться о возможности измѣненій крестьянскихъ отношеній подъ опасеніемъ прослыть человѣкомъ неблагомыслящимъ. Отношенія эти признавались нормальными, ими гордились, и серьезно надѣялись на распространеніе ихъ на остальныя сельскія сословія“.

„Но если настоящее направленіе лучше прошедшаго, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы нельзя было бы желать еще лучшаго. Постоянное движеніе впередъ должно быть девизомъ всякаго народа, который хочетъ жить и имѣть свою самостоятельную исто-

рію. Костность ведетъ за собой разложеніе, чего конечно не желаетъ ни одинъ русскій".

Въ шести статьяхъ, помѣщенныхъ въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1858 года,—„О поземельномъ владѣніи въ Россіи" я явился защитникомъ освобожденія крестьянъ съ землей. Первая моя статья была написана до выхода рескриптовъ, но помѣщена въ январьской книжкѣ названнаго журнала, слѣдовательно послѣ появленія первыхъ двухъ рескриптовъ; а послѣдняя статья въ сентябрьской книжкѣ, слѣдовательно всѣ онѣ показывались въ печати въ неблагопріятное для крестьянскаго вопроса время, въ цензурномъ отношеніи, также какъ и во всемъ остальномъ. Этотъ трудъ былъ начатъ мной по поводу возникшей въ нашей журналистикѣ въ 1857 году полемикѣ объ общинномъ владѣніи. Противники общиннаго владѣнія противупоставляли ему: одни—личную мелкую поземельную собственность; другіе фермерское хозяйство, ссылаясь на наши прибалтійскія губерніи и Англію. Слѣдовательно эти послѣдніе защищали крупную поземельную собственность. Такимъ образомъ вопросъ самъ собой сводился на освобожденіе крестьянъ съ землей или безъ земли.

Чтобъ обрисовать характеръ моего взгляда на крестьянское дѣло въ то время, я сдѣлаю нѣсколько выписокъ изъ моихъ статей.

Изложивъ пагубный для государства ходъ крестьянскаго дѣла въ прежней Польшѣ, я прибавилъ:

„Въ 1795 году Польша пала и своимъ паденіемъ обязана дворянству, точно также какъ во Франціи это же сословіе было причиной революціи. Въ той и другой странѣ никто болѣе не пострадалъ отъ этихъ государственныхъ катастрофъ, какъ само же дворянство; оно само себя принесло въ очистительную жертву за свое легкомысліе, упрямство и недальновидность. Дворянство въ этомъ случаѣ было похоже на опаснаго, но слабодушнаго больнаго, который въ свѣтлыя минуты сознаетъ необходимость операціи, но каждый разъ, при видѣ хирургическихъ инструментовъ, откладываетъ операцію, утѣшая себя мыслію, что еще рано, болѣзнь не такъ еще опасна, чтобы рѣшиться на послѣднее средство; до времени можно еще прибѣгнуть къ микстурамъ и примочкамъ, но болѣзнь развивается все болѣе и болѣе, зараза проникаетъ во весь организмъ и операція уже не поможетъ: больной умираетъ, проклиная свою нерѣшительность. Такъ было съ дво-

рянствомъ во Франціи и въ Польшѣ. Счастливы тѣ государства, гдѣ въ эпоху жизненныхъ государственныхъ переворотовъ правительство до того сильно, что свое могущество можетъ противопоставить пагубнымъ притязаніямъ дворянства. Такъ было въ Пруссіи. Еще болѣе счастлива та страна, гдѣ само дворянство понимаетъ свое положеніе и настоящія свои выгоды, и идетъ объ руку съ правительствомъ въ дѣлѣ преобразованій, спасительныхъ болѣе для самаго дворянства, чѣмъ для народа. Кровавый періодъ пройдетъ, народъ пойдетъ далѣе по пути усовершенствованія, а дворянство, если не погибнетъ, то потеряетъ много и матеріальныхъ выгодъ, и нравственнаго значенія. Ни одно дворянство лучше англійскаго не понимало своего положенія и своего значенія. Будемъ уповать на Провидѣніе, что грядущая исторія нашего отечества покажетъ, что есть правительство и дворянство, которыя не уступятъ въ этомъ отношеніи ни прусскому правительству, ни англійскому дворянству".

Въ послѣдней моей шестой статьѣ, дѣлая окончательный выводъ и заключеніе изъ предыдущаго изложенія, я поставилъ нѣсколько вопросовъ. Отвѣчая на эти вопросы, я совершенно отвергалъ систему фермерства, а общинное владѣніе признавалъ за переходную форму, которая тѣмъ или другимъ путемъ должна перейти въ личную поземельную собственность.

Между вопросами, о которыхъ я сейчасъ упомянулъ, между прочимъ былъ слѣдующій: „какого способа землевладѣнія держаться при предстоящемъ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ?" Вотъ что я отвѣчалъ на этотъ вопросъ:

„Способа, указаннаго высочайшими рескриптами; не изыскивать средствъ уклоняться отъ указанныхъ началъ, а стараться прежде всего обезпечить прочную осѣдлость крестьянъ предоставленіемъ имъ усадебныхъ земель въ собственность, съ предоставленіемъ въ то же время каждому отдѣльному домохозяину въ потомственное владѣніе земли, на которой онъ живетъ... Затѣмъ отвести бо́льшее или меньшее количество земли сначала въ общественное пользованіе. Въ этомъ случаѣ, мы полагаемъ, что всего удобнѣе держаться настоящихъ надѣловъ, съ отступленіями отъ нихъ въ извѣстныхъ только случаяхъ. Впослѣдствіи или въ тоже время предоставить крестьянину пріобрѣтать слѣдующую ему часть въ общинной землѣ въ собствен-

ность, съ отводомъ къ одному мѣсту". Нѣсколько далѣе, я продолжалъ: „изъ предъидущаго изложенія и изъ многочисленныхъ примѣровъ, которые мы привели, можно видѣть, что въ такомъ государствѣ, какъ Россія, исключительно дробной собственности существовать не можетъ; а исключительное распредѣленіе всей массы поземельной собственности между казной и крупными землевладѣльцами можетъ привести къ пагубнымъ послѣдствіямъ. Слѣдовательно дробное личное владѣніе должно существовать рядомъ съ крупной собственностію"... Потомъ я привелъ статистическія данныя изъ кадастровыхъ работъ по Владимірской губерніи, изъ которыхъ оказывалось, что, не смотря на сильное промышленное развитіе, главный доходъ владимірскихъ государственныхъ крестьянъ заключается въ земледѣльческихъ произведеніяхъ. Опершись на эти данныя, я, между прочимъ, сказалъ: „Вотъ почему мы такъ сильно боимся не только совершенной безземельности, но и чрезмѣрно малаго надѣла крестьянъ землей. А въ послѣднемъ случаѣ, по моему мнѣнію, обѣдненіе крестьянъ будетъ неизбѣжное... Но при этомъ, повторяемъ еще разъ, нельзя обольщать себя мыслію, что мы совершенно избѣгнемъ безземельности... Но надо всѣми средствами стараться двинуть впередъ развитіе народнаго богатства, останавливать чрезмѣрное распространеніе безземельности. Думаемъ, что посредствомъ развитія личнаго землевладѣнія, безъ прекращенія общиннаго пользованія землями, можно будетъ достигнуть этой двоякой цѣли. Для избѣжанія недоразумѣній, здѣсь слѣдуетъ прибавить, что общинное владѣніе мы не смѣшиваемъ съ общиннымъ устройствомъ самихъ крестьянъ: послѣднее можетъ быть безъ перваго"....

Въ самомъ концѣ послѣдней статьи „о поземельномъ владѣніи" я самъ указалъ на несовершенство моего труда, и тутъ же присовокупилъ: „можетъ быть мы ошибаемся, но думаемъ, что трудъ нашъ и въ настоящемъ его видѣ не будетъ совершенно безполезенъ... Во всякомъ случаѣ, у насъ была единственная цѣль помочь, сколько позволяютъ наши силы, патріотическому дѣлу правительства и всѣхъ сословій: спокойному и правильному развитію общаго благосостоянія, съ соблюденіемъ истинныхъ интересовъ каждаго сословія и каждаго отдѣльнаго лица".

Излагая факты и данныя и дѣлая собственные свои выводы и заключенія, я ничего не сказалъ о выкупѣ всей земли, по весьма

простой причинѣ, потому что тогдашними цензурными правилами, какъ я упомянулъ выше, вовсе запрещено было писать о выкупѣ. Впрочемъ и въ такомъ случаѣ, были бы иныя комбинаціи, но выводы были бы тѣ же, т. е. предоставленіе крестьянамъ всей находившейся въ ихъ пользованіи земли въ собственность, съ открытіемъ возможности выхода изъ общества съ причитающеюся частью общиннаго надѣла.

Мои литературные труды, въ особенности успѣхъ „Статистики Смоленской губерніи", выдвигали меня нѣсколько изъ ряда обыкновенныхъ чиновниковъ. Этому также способствовало то обстоятельство, что я въ это время былъ уже дѣйствительнымъ членомъ географическаго общества и трехъ обществъ сельскаго хозяйства (Юрьевскаго, Московскаго и вольно-экономическаго), а также членомъ-корреспондентомъ ученаго комитета министерства государственныхъ имуществъ. Мое небольшое родовое имѣніе, увеличивая мои матеріальныя средства, давало мнѣ въ то же время нѣкоторую самостоятельность.

Что касается до положенія моего въ обществѣ и до моихъ связей, то я долженъ сказать отдѣльно о моихъ отношеніяхъ: въ губерніяхъ, въ которыхъ я былъ по службѣ, и въ Петербургѣ. Во всѣхъ трехъ губернскихъ городахъ (Смоленскѣ, Владимірѣ и Самарѣ) я былъ знакомъ со всѣмъ губернскимъ обществомъ и со многими помѣщиками; а съ лицами, составлявшими интелигентные кружки въ этихъ губерніяхъ, я былъ въ самыхъ лучшихъ пріятельскихъ отношеніяхъ. Губернскія мои знакомства значительно увеличились при поѣздкѣ моей съ М. Н. Муравьевымъ по десяти губерніямъ. Мои служебныя занятія не затрогивали ничьихъ интересовъ, и потому у меня не только не было враговъ, но, напротивъ, весьма много людей, расположенныхъ ко мнѣ. Всѣ мои петербургскія знакомства пріобрѣтены были университетскимъ товариществомъ, службой въ министерствѣ государственныхъ имуществъ и моимъ сотрудничествомъ въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ; но я въ теченіи почти десяти лѣтъ не жилъ въ Петербургѣ постоянно и потому хотя и зналъ нѣсколько отдѣльныхъ личностей, однако не принадлежалъ вполнѣ къ вліятельнымъ кружкамъ, какъ литературнымъ, такъ и административной интеллигенціи. Словомъ, всѣ мои связи были личныя, мной самимъ пріобрѣтенныя; но изъ всѣхъ этихъ связей не было ни одной, опи-

раясь на которую могъ бы разсчитывать на какую либо личную протекцію помимо служебныхъ отношеній.

Вотъ въ краткомъ очеркѣ мое прошедшее до поступленія моего на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ по крестьянскому дѣлу.

Лицо, съ которымъ я долженъ былъ имѣть непосредственныя служебныя сношенія, былъ предсѣдатель земскаго отдѣла и товарищъ министра Л. Н. Левшинъ. Мои отношенія къ нему въ министерствѣ государственныхъ имуществъ были отношенія подчиненнаго къ начальнику, т. е. формальныя и холодныя. Таковы были его отношенія ко всѣмъ его подчиненнымъ; онъ никогда не вносилъ въ эти отношенія ничего искренняго, задушевнаго, никогда не увлекался и не допускалъ увлеченій. Онъ постоянно былъ учтивъ и вѣжливъ; но постоянно холоденъ. Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ я болѣе приблизился къ нему; поэтому отношенія мои къ нему сдѣлались свободнѣе, но въ сущности также холодны какъ и прежде. Во взглядѣ на дѣло, мы оба были согласны въ томъ, что оно не такъ идетъ, какъ бы слѣдовало, но въ вопросѣ [1]) о коренныхъ началахъ будущаго устройства крестьянъ мы были разныхъ понятій, хотя онъ положительно не опровергалъ моего мнѣнія, но одобрить его вполнѣ онъ не могъ. Кромѣ того, его служебныя неудовольствія на министра и Главный Комитетъ сдѣлали его равнодушнымъ къ дѣлу. Изъ этого выходило то, что онъ, не соглашаясь со мной въ какомъ либо случаѣ, но не противопоставляя моему мнѣнію своего ясно формулированнаго, предоставлялъ мнѣ докладывать министру дѣла такъ, какъ я ихъ понималъ, и во время моихъ докладовъ, при которыхъ онъ присутствовалъ, или дѣлалъ нерѣшительныя заключенія, или вовсе ничего не говорилъ. Такимъ образомъ, не устраняясь совсѣмъ отъ дѣла, онъ не препятствовалъ тому направленію, съ которымъ онъ не былъ согласенъ. Не смотря на все это, ничего враждебнаго въ нашихъ отношеніяхъ не было.

Чѣмъ болѣе Левшинъ по собственному своему желанію устранялся отъ дѣла, тѣмъ болѣе это обстоятельство сближало меня

[1]) Послѣ словъ: „но въ вопросѣ" зачеркнуто: „о томъ, какъ бы должно было его вести (мы не сходились), онъ не давалъ (яснаго) положительнаго отвѣта". Я. С.

съ министромъ. Подозрѣнія его о моихъ отношеніяхъ къ Муравьеву, о чемъ я уже упоминалъ, отчасти разсѣялись моимъ личнымъ объясненіемъ, а главное—изложеніемъ моихъ мнѣній при докладахъ, такъ что ко времени отъѣзда Левшина, я пріобрѣлъ довѣріе Ланскаго, которое вполнѣ укрѣпилось въ теченіи лѣта 1858 года.

По крестьянскому дѣлу у него не было отъ меня секретовъ; онъ передавалъ мнѣ, что слышалъ отъ государя, что происходило въ главномъ комитетѣ, словомъ дѣлилъ со мной радости и горе. Послѣ Муравьева, служба съ С. С. Ланскимъ была для меня, по личнымъ отношеніямъ, особенно мила и пріятна. При докладахъ моихъ, онъ не только не умѣрялъ моего рвенія и рѣшимости, но напротивъ нерѣдко самъ усиливалъ представленія въ Главный Комитетъ и рѣшался на личные всеподданнѣйшіе доклады весьма важнаго содержанія. Но бѣда заключалась въ томъ, что, внеся какое либо представленіе, въ случаѣ несогласія съ нимъ его сочленовъ, онъ не могъ отстаивать своего мнѣнія и самъ отказывался отъ внесеннаго имъ представленія, тогда вина падала на меня: впослѣдствіи отвѣтственность эту я раздѣлялъ съ Н. А. Милютинымъ, когда онъ сдѣлался товарищемъ министра.

Въ противоположномъ лагерѣ мои дѣйствія были уже замѣчены по поводу составленнаго мною проекта программы для губернскихъ комитетовъ. Мнѣніе о моей „неблагонадежности“ еще болѣе утвердилось съ появленіемъ моихъ послѣднихъ статей „О поземельномъ владѣніи въ Россіи“. Статьи мои были замѣчены. Моя энергическая защита крестьянской поземельной собственности, съ указаніемъ на примѣры пагубнаго [1]) направленія дворянства въ Польшѣ и во Франціи, не понравилась представителямъ охранительной партіи, потому что они въ то время имѣли полную надежду на безземельное освобожденіе крестьянъ. Государственный секретарь Бутковъ, который былъ всегда самымъ вѣрнымъ и притомъ самымъ громкимъ отголоскомъ господствующаго въ высшихъ сферахъ направленія, началъ заявлять: что человѣку, занимавшемуся по своей должности крестьянскимъ дѣломъ, неприлично печатно высказывать свои мнѣнія по этому предмету,

---

[1]) Далѣе зачеркнуто: „Противодѣйствія со стороны дворянства“.
Я. С.

которыя могутъ быть несогласны съ правительственнымъ направленіемъ дѣла. Я защищался тѣмъ, что началъ писать статьи о поземельномъ владѣніи прежде, чѣмъ принялъ должность по крестьянскому дѣлу, а необходимость окончить разъ начатый трудъ вытекала изъ нравственнаго обязательства, принятаго авторомъ относительно редакціи журнала и публики.

Вотъ тѣ данныя, на основаніи которыхъ можно судить насколько я могъ быть полезенъ для крестьянскаго дѣла, оставшись единственнымъ сотрудникомъ по этому дѣлу министра внутреннихъ дѣлъ, въ то время, когда на министерство внутреннихъ дѣлъ нападали со всѣхъ сторонъ [1]). Несмотря на все это, ни С. С. Ланской, ободренный государемъ при его отъѣздѣ изъ Петербурга, ни земскій отдѣлъ не теряли присутствія духа и дѣлали для дѣла, что могли.

Бодрость эта имѣла въ своемъ основаніи не фанатическое пристрастіе къ дѣлу, безъ всякой надежды на успѣхъ. Правда, какъ я замѣтилъ выше, надежды на благопріятный исходъ дѣла было мало, но положеніе крестьянскаго вопроса нельзя было назвать безнадежнымъ. Далеко не всѣ составныя части нашего общества (и государства) были противъ крестьянскаго вопроса [2]).

III.

Литература и журналистика. — Прогрессивная часть петербургской администраціи. — Препятствія и затрудненія, возбужденныя противниками освобожденія крестьянъ.

Въ предыдущихъ главахъ моего разсказа я не одинъ разъ имѣлъ уже случай указывать на тѣ общественные элементы въ столицахъ и губерніяхъ, которые не сочувствовали освобожденію крестьянъ [3]). Здѣсь у мѣста разсказать о движеніи въ литератур-

---

[1]) Послѣ этого зачеркнуто: „когда, какъ я выше упомянулъ, надежды на благопріятный исходъ крестьянскаго дѣла было мало".

[2]) Далѣе въ подлинникѣ зачеркнуто: „Всѣ интеллигентные здоровые элементы были за него. Свѣжія силы были за него и прогрессивное разрѣшеніе поставленнаго на очередь вопроса". Я. С.

[3]) Далѣе въ подлинникѣ зачеркнуто: „Особенно подробно я разсказалъ о томъ благопріятномъ вліяніи на ходъ дѣла, которое оказали люди прогрессивнаго направленія при подачѣ адресовъ и выборѣ членовъ въ губернскіе

ныхъ сферахъ въ пользу крестьянскаго вопроса послѣ выхода рескриптовъ.

Представители литературы встрѣтили появленіе первыхъ рескриптовъ большимъ обѣдомъ, бывшимъ 28-го декабря 1857 года, въ Москвѣ, въ залахъ купеческаго собранія [1]). На обѣдѣ присутствовало до 180 человѣкъ; большинство состояло изъ литераторовъ. Самыя восторженныя рѣчи были произнесены Катковымъ, Станкевичемъ, Павловымъ (Н. Ф.), Погодинымъ, Бабстомъ, К. Д. Кавелинымъ, (который пріѣхалъ для этого изъ Петербурга) и Кокоревымъ. Большая часть изъ этихъ рѣчей оканчивалась тостами за здоровье Государя.

Можетъ быть никогда похвалы и пожеланія, провозглашаемыя подданными своему самодержавному государю, не были такъ искренни, безкорыстны и проникнуты теплымъ задушевнымъ чувствомъ, какъ при настоящемъ случаѣ. Первая рѣчь оканчивалась, между прочимъ, словами: „Да почіетъ благословеніе Божіе на царѣ нашемъ и на всѣхъ его начинаніяхъ! Да царствуетъ онъ долго, и долго да будетъ источникомъ свѣта и блага для нашей родины!...“ Въ концѣ другой изъ произнесенныхъ рѣчей былъ провозглашенъ тостъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Про-

---

комитеты. Министерство внутреннихъ дѣлъ, дѣйствуя въ пользу дѣйствительнаго освобожденія крестьянъ, могло разсчитывать на благопріятное разрѣшеніе крестьянскаго вопроса, могло разсчитывать на сочувствіе и нравственную поддержку: литературы и журналистики, интеллигентной части петербургской администраціи и тѣхъ губернскихъ кружковъ дворянъ-помѣщиковъ, изъ которыхъ впослѣдствіи образовались меньшинства въ губернскихъ комитетахъ. Голосъ, раздавшійся за освобожденіе крестьянъ, раздавшійся съ высоты престола, не былъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, подобно тому, какъ это было въ два предъидущія царствованія. Люди, сочувствующіе освобожденію крестьянъ, не стремились къ ниспроверженію монархическаго правленія, какъ это случилось въ промежутокъ между двумя предъидущими царствованіями, напротивъ были убѣждены, что одна только самодержавная власть монарха можетъ совершить это трудное дѣло безъ политическихъ потрясеній. Эти люди не думали также объ уничтоженіи дворянства; напротивъ они полагали, что освобожденіе крестьянъ, произведенное самими дворянами, возвыситъ ихъ въ глазахъ народа и поставитъ ихъ въ главу дѣйствительнаго прогрессивнаго движенія впередъ, путь къ которому указывало правительство“.

[1]) Подробности объ этомъ обѣдѣ и произнесенныхъ на немъ рѣчахъ можно найти въ „Матеріалахъ для исторіи упраздненія крѣпостнаго состоянія въ Россіи“ и въ № 24 „Русскаго Вѣстника“ 1857 года. Я. С.

возгласимъ же, господа, отъ чистаго сердца, „многія лѣта", и еще разъ поднимемъ бокалы во славу тому, кто призываетъ свою вѣрную Россію на подвигъ правды и добра". Нельзя не привести окончаніе еще одной изъ рѣчей, состоявшее въ слѣдующемъ: „Наступило время для всѣхъ гражданъ великаго государства отозваться честнымъ трудомъ и до послѣдняго вздоха содѣйствовать благимъ начинаніямъ державнаго освободителя народнаго труда". Всѣ тосты за здоровье государя покрывались восторженными, долго неумолкавшими, кликами ура, а самыя рѣчи безпрестанно прерывались громкими рукоплесканіями.

Въ этомъ обѣдѣ не было обнаружено ни малѣйшей тѣни враждебнаго настроенія: ни къ дворянству, ни къ совѣтникамъ государя; напротивъ, были провозглашены тосты и въ честь дворянства, и въ честь тѣхъ людей, которые будутъ содѣйствовать государю въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Въ одной изъ сказанныхъ рѣчей, между прочимъ, было сказано объ участіи въ дѣлѣ дворянства: „задача указана и поставлена въ разумныхъ предѣлахъ. Просвѣщеннѣйшему сословію, стоявшему выше другихъ, интересы котораго существенно зависятъ отъ того или другаго рѣшенія задачи, предоставлена въ немъ самая дѣятельная роль. Въ этомъ, милостивые государи, скрывается глубокое нравственное начало, составляющее вѣрный залогъ мирнаго успѣха".

Кокоревъ, какъ принадлежавшій къ купеческому сословію, въ своей рѣчи призывалъ къ содѣйствію въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса купечество денежными пожертвованіями.

Сочувствіе свое къ крестьянскому дѣлу, наша литература обнаружила не однимъ торжествомъ, бывшимъ въ Москвѣ 28-го декабря 1857 г.; но положительнымъ содѣйствіемъ къ правильному разрѣшенію поднятаго правительствомъ вопроса. Почти всѣ наши періодическія изданія начали помѣщать статьи по крестьянскому вопросу. Одно названіе этихъ статей показываетъ ихъ направленіе, такъ напримѣръ: „Нѣсколько словъ о необходимости земельной собственности для крестьянъ", „О возможности выкупа крестьянскихъ участковъ безъ пособія отъ правительства" и т. п. Появившееся съ 1858 года въ Москвѣ новое ежемѣсячное изданіе („Сельское благоустройство"?), исключительно посвященное крестьянскому дѣлу, не отставало въ своемъ направленіи отъ другихъ періодическихъ изданій, т. е. не только выражало сочув-

ствіе освобожденію крестьянъ, но признавало, что освобожденіе крестьянъ должно послѣдовать съ землей.

Какъ противодѣйствіе этому господствующему въ нашей журналистикѣ либеральному направленію, охранительная партія озаботилась создать собственный свой органъ, который появился, въ апрѣлѣ 1858 г., въ Москвѣ подъ названіемъ „Журналъ землевладѣльцевъ". Все направленіе журнала можно охарактеризировать, выписавъ одну фразу изъ первой его книжки: „Не освобожденіе крестьянъ или уничтоженіе крѣпостнаго состоянія, какъ не правильно выражаются иностранные писатели, а за ними и нѣкоторые русскіе литераторы, указано высочайшей волей, а прочное и притомъ постепенное улучшеніе ихъ быта..." Замѣчательно, что этотъ журналъ былъ единственнымъ представителемъ крайняго помѣщичьяго направленія по крестьянскому вопросу въ нашей литературѣ [1]).

Я указалъ на сочувствіе литературы освобожденію крестьянъ, не какъ на поддержку, на которую можно было бы опереться; но единственно въ доказательство того, что мысль объ освобожденіи крестьянъ, и притомъ не иначе какъ съ землей, созрѣла и осуществленіе ея было такой государственной потребностью, которая сознавалась всѣми мыслящими людьми. Литература была только выраженіемъ этого сознанія. Кромѣ того, нельзя не замѣтить, что интеллигентная часть нашего общества состояла почти исключительно изъ дворянъ, къ числу которыхъ принадлежало и большинство литераторовъ и журналистовъ; притомъ бо́льшая часть интеллигентныхъ людей были въ то же время помѣщики, владѣвшіе, наравнѣ съ другими, крѣпостными крестьянами. Въ этомъ заключается новое доказательство того, о чемъ не одинъ разъ я упоминалъ въ предыдущемъ моемъ разсказѣ, что оппозиціонное большинство помѣстнаго дворянства представляло далеко не сплош-

---

[1]) Далѣе въ подлинникѣ зачеркнуто: „Но голоса нашей журналистики того и другаго направленія скоро затихли. Вообще строгость цензурныхъ правилъ и въ особенности запрещеніе говорить о выкупѣ земли сдѣлали невозможнымъ прогрессивное направленіе; поэтому общія ежемѣсячныя изданія перестали помѣщать на своихъ страницахъ статьи по крестьянскому вопросу, а спеціальные, какъ напримѣръ „Сельское благоустройство", вовсе прекратило свое существованіе. Та же участь постигла „Журналъ землевладѣльцевъ", но отъ другой причины, что весьма замѣчательно, отъ недостатка подписчиковъ".
Я. С.

ную единодушную массу. Большинство это и его представители чувствовали подъ собой нетвердую почву. Этимъ объясняется то крайнее раздраженіе, которое они обнаруживали при защитѣ своей точки зрѣнія на дѣло, и тѣ крутыя мѣры, которыя по совѣту сильныхъ представителей большинства принимало иногда правительство: и противъ отдѣльныхъ личностей, и противъ общаго направленія, явно благопріятнаго полному и вполнѣ обезпеченному освобожденію крестьянъ.

Подобныя принятыя правительствомъ мѣры сдѣлали то, что голоса нашей журналистики, раздавшіеся столь единодушно въ пользу освобожденія крестьянъ, принуждены были вскорѣ замолкнуть. Запретительныя мѣры противъ литературы начались по поводу напечатанной въ январьской и апрѣльской книжкахъ „Современника" (1858 г.) той записки профессора К. Д. Кавелина объ освобожденіи крестьянъ, которая по рукамъ ходила въ рукописи до выхода первыхъ рескриптовъ.

Авторъ изданныхъ въ Берлинѣ „Матеріаловъ для исторіи упраздненія крѣпостнаго права" говоритъ, что дѣло это подняли Бутковъ или г. Тимашевъ, „а можетъ быть оба вмѣстѣ". Но кому принадлежитъ починъ въ этомъ преслѣдованіи—не важно; а важно то, что охранительная партія въ это время до такой степени была сильна, что смогла заставить замолчать людей, сочувствующихъ освобожденію крестьянъ и не желавшихъ ничего болѣе того, что черезъ три года было сдѣлано для крестьянъ самимъ правительствомъ. Изслѣдованіе дѣла было поручено шефу жандармовъ князю Долгорукову. Дѣло доложено было въ совѣтѣ министровъ; послѣдствіемъ доклада былъ циркуляръ министра народнаго просвѣщенія, по цензурному управленію, слѣдующаго содержанія:

„Въ апрѣльской книжкѣ журнала: „Современникъ" напечатана статья о новыхъ условіяхъ сельскаго быта. Не говоря уже о нѣкоторыхъ неумѣстныхъ выраженіяхъ и сужденіяхъ автора сей статьи о столь важномъ государственномъ вопросѣ, въ ней главная мысль состоитъ въ томъ, что помѣщичьи крестьяне должны, вопреки главнымъ началамъ, установленнымъ высочайшими рескриптами касательно устройства быта крестьянъ, при освобожденіи ихъ изъ крѣпостнаго состоянія, получить въ полную собственность землю, которою они нынѣ пользуются. Находя такое направленіе статей о помѣщичьихъ крестьянахъ противнымъ высочайше установленнымъ для

цензуры ихъ правиламъ, я покорнѣйше прошу сдѣлать распоряженіе о недопущеніи къ печати статей вышеозначеннаго содержанія и вообще о строгомъ соблюденіи предписанныхъ правилъ".

Авторъ статьи К. Д. Кавелинъ, вслѣдствіе переданнаго ему неблагопріятнаго о немъ отзыва государя, самъ отказался отъ занимаемаго имъ мѣста наставника при покойномъ наслѣдникѣ, а предсѣдатель цензурнаго комитета, попечитель петербургскаго учебнаго округа князь Щербатовъ получилъ, по высочайшему повелѣнію, выговоръ за пропускъ статьи. Подробности этого дѣла можно найти въ „Матеріалахъ для исторіи упраздненія крѣпостнаго состоянія въ Россіи".

Вслѣдъ за симъ въ Главномъ Комитетѣ по крестьянскому дѣлу составленъ былъ другой циркуляръ, который также былъ сообщенъ министромъ народнаго просвѣщенія по цензурному управленію. „Въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ", говорилось въ циркулярѣ, начали появляться статьи, относящіяся до предпринятаго улучшенія и устройства крестьянскаго быта, гдѣ предполагаются не тѣ начала, кои указаны правительствомъ; излагается необходимость освободить крестьянъ вполнѣ отъ всякой зависимости помѣщиковъ и даже отъ полицейской ихъ власти; помѣщаются противъ дворянъ и помѣщиковъ рѣзкія сужденія, и наконецъ, стараются доказать право собственности крестьянъ на помѣщичью землю и на пріобрѣтеніе усадьбъ въ собственность безъ выкупа. Въ нѣкоторыхъ литературныхъ статьяхъ начали помѣщаться весьма неприличные разсказы о случаяхъ злоупотребленія помѣщичьей власти. Такое направленіе печатаемыхъ нынѣ статей можетъ возбудить крестьянъ противъ помѣщиковъ, оскорбить самихъ дворянъ и вселить въ умы крестьянъ такія надежды, кои впослѣдствіи едва ли могутъ осуществиться. Кромѣ того, дошло до высочайшаго свѣдѣнія его императорскаго величества, что цензура, разрѣшая къ печатанію статьи, написанныя въ видахъ пользы крестьянскаго сословія, запрещаетъ всѣ тѣ статьи, кои пишутся въ пользу помѣщиковъ".

Трудно было бы подтвердить положительными фактами нѣкорыя изъ тѣхъ обвиненій, которыя взводились на литературу и на цензурное вѣдомство. Но эти преувеличенія необходимы были для достиженія цѣли. Затѣмъ въ министерскомъ циркулярѣ говорилось: „Государь императоръ, признавая необходимымъ, чтобы,

при настоящемъ положеніи крестьянскаго вопроса, не были рѣшительно допускаемы къ печатанію такія статьи, въ какой бы формѣ онѣ ни были, кои могутъ волновать умы: и помѣщиковъ, и крестьянъ, разсѣвая между сими послѣдними нелѣпые толки и сужденія, изволилъ высочайше повелѣть: ни въ какомъ случаѣ не отступать отъ духа и смысла правилъ, указанныхъ уже по сему предмету его императорскимъ величествомъ въ минувшемъ январѣ. Его величеству угодно, чтобы съ изданіемъ нынѣ особой программы для занятій дворянскихъ комитетовъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, цензура дозволяла къ печатанію только тѣ чисто ученыя теоретическія, историческія и статистическія сочиненія и статьи, гдѣ обсуждаются исключительно предметы сельскаго хозяйства и благоустройства, которыя не противны духу и направленію означенной программы и которыя отнюдь не вдаются въ сужденія о предметахъ будущаго устройства крестьянъ въ окончательномъ періодѣ предпринятаго правительствомъ преобразованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ его императорское величество изволитъ признавать необходимымъ, чтобы цензура, разрѣшая печатаніе статей, написанныхъ въ пользу крестьянскаго сословія, не препятствовала печатать статьи, написанныя въ пользу помѣщиковъ, запрещая критику главныхъ началъ, въ высочайшихъ рескриптахъ и въ означенной выше программѣ указанныхъ, и вообще сочиненія, кои могутъ возбуждать одно сословіе противъ другаго, но всегда обращая строгое вниманіе на духъ и благонамѣренность сочиненія. Сверхъ того, государю императору благоугодно, чтобы въ отдѣльныхъ листахъ, продаваемыхъ нынѣ на улицахъ и перекресткахъ, не было вовсе допускаемо сужденій и статей вообще до крестьянскаго вопроса относящихся, и чтобы обращаемо было особое строгое вниманіе на отдѣльныя книжки, издаваемыя для простаго народа, дабы въ нихъ не было допускаемо не только ничего несогласнаго съ постановленными для устройства крѣпостнаго состоянія началами, но и ничего такого, что могло бы давать поводъ, хотя и намеками, къ превратнымъ толкованіямъ".

Весьма понятно, что послѣ этихъ двухъ циркуляровъ общія ежемѣсячныя изданія перестали помѣщать на своихъ страницахъ статьи по крестьянскому вопросу, а начавшееся издаваться собственно для этого вопроса „Сельское Благоустройство" вовсе пре-

кратило свое существованіе. Но замѣчательно то, что несмотря на видимое покровительство, выраженное въ приведенныхъ циркулярахъ направленію дѣла въ пользу помѣщиковъ, „Журналъ землевладѣльцевъ“ также прекратилъ свое существованіе, потому что, по малому числу подписчиковъ, дальнѣйшее продолженіе изданія сдѣлалось невозможнымъ. Хотя этотъ журналъ служилъ отголоскомъ значительнаго большинства помѣщиковъ, но богатые изъ нихъ читали только иностранныя книги, а не богатые, жившіе въ деревняхъ, вовсе ничего не читали.

Но если литература и представители ея, — литераторы, профессора и ученые не могли въ то время, при всемъ ихъ желаніи, помочь практическому осуществленію дѣла, то другой элементъ тогдашняго русскаго общества могъ служить надежнымъ союзникомъ для министерства внутреннихъ дѣлъ въ его борьбѣ съ противоположнымъ направленіемъ. Этотъ элементъ состоялъ изъ людей, которые, съ европейскимъ образованіемъ, были проникнуты истиннымъ патріотизмомъ, и которые были убѣждены, что всѣ наши неудачи въ послѣдніе два года царствованія императора Николая происходятъ отъ нашего внутренняго неустройства, а корень этого неустройства заключается въ крѣпостномъ правѣ. Явленіемъ этихъ людей въ составѣ нашего общества мы были обязаны нашимъ университетамъ и отчасти нѣкоторымъ, впрочемъ весьма немногимъ, другимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ. Главный контингентъ нашей тогдашней интеллигенціи состоялъ изъ людей, начавшихъ, послѣ университетской скамьи, свою самостоятельную жизнь въ концѣ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ [1]). Одной изъ главныхъ причинъ этого явленія слѣдуетъ признать, что въ тридцатыхъ годахъ бо̀льшая часть университетскихъ кафедръ была замѣщена профессорами изъ молодыхъ людей, возвратившихся изъ-за границы, куда они были отправлены для изученія наукъ, по распоряженіямъ частію графа Сперанскаго, частію тогдашняго министра народнаго просвѣщенія графа Уварова [2]). Появленіе мно-

---

[1]) Далѣе въ подлинникѣ зачеркнуто: „со времени особеннаго оживленія нашей журналистики и литературы, въ которыхъ многіе изъ нихъ приняли непосредственное участіе“.

[2]) Далѣе въ подлинникѣ зачеркнуто: „Къ людямъ сороковыхъ годовъ принадлежатъ многіе изъ нашихъ писателей“.

Я. С.

гихъ самостоятельныхъ талантовъ, оживленіе литературы и журналистики, борьба между славянофилами и западниками, которые, расходясь во взглядахъ, въ одинаковой степени были проникнуты любовью къ своему отечеству,—довершили то, начало чему было положено университетскимъ образованіемъ. Имена: Гоголя, Тургенева, Бѣлинскаго, Грановскаго, Кавелина, Гончарова, Григоровича, Некрасова, Аксаковыхъ и многихъ другихъ ученыхъ, писателей и журналистовъ не пройдутъ безслѣдно въ исторіи освобожденія крестьянъ.

Люди сороковыхъ годовъ съ пріобрѣтенными ими понятіями изъ университетскихъ лекцій, изъ чтенія произведеній иностранныхъ и отечественной литературы и изъ взаимнаго обмѣна мыслей, разсѣялись по всей землѣ русской. Эти люди безъ всякихъ явныхъ и тайныхъ обществъ образовали сѣть тѣхъ интеллигентныхъ кружковъ, которая покрыла собой всѣ коренныя русскія губерніи. Бо̀льшая часть этихъ людей поступила въ гражданскую службу и ко времени освобожденія крестьянъ, нѣкоторые изъ нихъ заняли вліятельныя административныя мѣста, какъ въ губернской, такъ и въ центральной служебной іерархіи.

Я имѣлъ уже случай указать какую пользу принесли крестьянскому дѣлу губернскіе интеллигентные кружки при представленіи адресовъ (объ открытіи дворянскихъ комитетовъ) и при выборѣ членовъ въ комитеты. Едва ли не большинство той прогрессивной партіи [1]), которая группировалась въ географическомъ обществѣ и около Великаго Князя Константина Николаевича и Великой Княгини Елены Павловны, состояло изъ людей сороковыхъ годовъ. Объ этой партіи, я уже упоминалъ выше. Она состояла преимущественно изъ лицъ, служившихъ въ министерствахъ: морскомъ, внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ, и въ то время занимавшихъ уже болѣе или менѣе видныя мѣста. Личности этой партіи, которыя болѣе другихъ (выдвигались впередъ) пользовались расположеніемъ двухъ великокняжескихъ дворовъ, были: А. В. Головнинъ, кн. Д. А. Оболенскій, Д. П. Хрущевъ, Н. А. Милютинъ, шуринъ послѣд-

---

[1]) Далѣе въ подлинникѣ зачеркнуто „состоящей изъ второстепенныхъ (въ то время) административныхъ дѣятелей петербургской администраціи, о которой я уже упоминалъ“.. Я. С.

няго А. А. Абаза—тогда только что назначенный гофмейстеромъ великой княгини Елены Павловны, М. Х. Рейтернъ и нѣкоторые другіе. Всѣ эти люди, хотя и не составляли тѣсно сомкнутаго кружка, но всѣ были знакомы другъ съ другомъ; каждый изъ нихъ, сверхъ того, имѣлъ своихъ пріятелей и знакомыхъ, а нѣкоторые изъ нихъ—находившихся подъ ихъ нравственнымъ вліяніемъ подчиненныхъ по службѣ. Такимъ образомъ кругъ служащихъ людей либеральнаго направленія былъ весьма обширенъ; при томъ многіе изъ этого круга принимали участіе въ литературныхъ трудахъ, а нѣкоторые литераторы и ученые были въ близкихъ отношеніяхъ съ служащимъ либеральнымъ міромъ. Наконецъ нѣкоторые изъ названныхъ лицъ и ихъ литературныхъ пріятелей вращались въ самыхъ высшихъ сферахъ Петербургскаго общества, не исключая гостиныхъ Императрицы. Все это значительно могло умѣрять тѣ опасенія за крестьянское дѣло, которыя невольно возбуждались при видѣ могущества представителей оппозиціонной партіи.

Успѣху дѣла или, лучше сказать, неуспѣху неблагопріятнаго для него направленія, много могла способствовать та непопулярность, которую имѣли въ либеральномъ кругу личности тріумвирата, составлявшаго опеку надъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Всѣ трое: Муравьевъ, Панинъ и Ростовцовъ, по своимъ понятіямъ и поступкамъ, возбуждали общее противъ себя неудовольствіе всѣхъ прогрессивныхъ людей; кромѣ того, каждый изъ нихъ имѣлъ не мало личныхъ непримиримыхъ враговъ, за сдѣланныя имъ личныя болѣе или менѣе сильныя непріятности.

Говоря о моемъ прошедшемъ, я упомянулъ, что, отчасти по моему продолжительному отсутствію изъ Петербурга, а еще болѣе по совершенному неимѣнію связей, (я) не принадлежалъ къ вліятельнымъ кружкамъ Петербургской интеллигенціи, хотя лично со многими изъ либеральныхъ людей я былъ очень хорошо знакомъ. Положеніе, занятое мной въ крестьянскомъ дѣлѣ, открыло мнѣ доступъ въ прогрессивный кругъ Петербургской администраціи. Двое изъ лицъ, принадлежащихъ къ этому кругу, прежде всѣхъ оказали готовность къ сближенію со мной: Д. П. Хрущовъ, который зналъ меня по службѣ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, и еще болѣе Н. А. Милютинъ, который узналъ меня по службѣ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, хотя земскій от-

дѣлъ съ хозяйственнымъ департаментомъ, котораго онъ былъ директоромъ, никакихъ служебныхъ отношеній не имѣлъ. Скоро я сблизился съ Милютинымъ до такой степени, что бывалъ у него не менѣе одного раза въ недѣлю [1]), оставаясь почти всегда съ обѣда до поздняго вечера. У Хрущова, но еще болѣе у Н. А. Милютина, я познакомился со всѣми вліятельными лицами прогрессивной партіи, которыхъ я поименовалъ выше, и съ нѣкоторыми другими; а также встрѣтилъ и тѣхъ лицъ, съ которыми былъ знакомъ прежде. Я дорожилъ знакомствомъ съ Милютинымъ, какъ съ человѣкомъ ума, выходящаго изъ разряда обыкновенныхъ, и необыкновенно симпатичнаго. Постояннымъ сочувствіемъ ко всѣмъ моимъ дѣйствіямъ по крестьянскому дѣлу, онъ поддерживалъ мою бодрость. Я дорожилъ его знакомствомъ и для пользы самаго дѣла. Всѣ подробности борьбы министерства внутреннихъ дѣлъ за крестьянское дѣло съ людьми противуположной партіи черезъ меня дѣлались извѣстными при двухъ великокняжескихъ дворахъ, сочувствующихъ дѣлу освобожденія крестьянъ. Съ другой стороны, отъ нихъ я узнавалъ иногда о настроеніи умовъ въ высшихъ законодательныхъ сферахъ.

Слухи о моей дѣятельности по крестьянскому дѣлу дошли до великой княгини Елены Павловны. Она, подъ предлогомъ желанія выслушать мое мнѣніе объ устройствѣ ея Карловскаго имѣнія, крестьянъ которыхъ она хотѣла освободить для примѣра другимъ, пригласила меня къ себѣ. Я пробылъ у нея часа два вечеромъ въ присутствіи другихъ приглашенныхъ трехъ или четырехъ человѣкъ, въ числѣ которыхъ былъ Н. А. Милютинъ и его шуринъ Александръ Агѣевичъ Абаза.

Во все время говорилъ я одинъ, отвѣчая на вопросы, дѣланные мнѣ великой княгиней. Главная тема разговора была какъ устроить бытъ Карловскихъ крестьянъ. Эта тема дала мнѣ возможность вполнѣ высказать мой взглядъ на крестьянское дѣло и въ числѣ другихъ невѣрныхъ взглядовъ опровергнуть способъ опредѣленія размѣра крестьянскихъ повинностей хлѣбомъ. Всѣми моими объясненіями остались довольны какъ великая княгиня, такъ и всѣ присутствовавшіе.

---

[1]) Далѣе зачеркнуто: „а иногда и чаще, почти всегда“.

Связи мои съ Петербургской прогрессивной партіей выводили меня изъ того одиночества, въ которомъ я находился въ первое время моего поступленія въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Эти же связи укрѣпили довѣріе С. С. Ланскаго къ моему направленію и къ моимъ способностямъ. Чрезъ это я становился бодрѣе, самостоятельнѣе и рѣшительнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ, слѣдовательно полезнѣе для дѣла.

Здѣсь я считаю умѣстнымъ упомянуть о моемъ знакомствѣ съ человѣкомъ, который хотя и находился въ болѣе скромномъ положеніи, но который своею теплой преданностію крестьянскому дѣлу принесъ и до сихъ поръ приноситъ (1875 г.) такъ много пользы крестьянскому дѣлу. Я хочу сказать о С. М. Жуковскомъ,—тогда управляющимъ дѣлами Главнаго Комитета. Его преданность къ дѣлу никогда не была заподозрѣна, не смотря на то, что въ началѣ дѣла онъ примыкалъ, по своимъ служебнымъ отношеніямъ, къ рядамъ ретроградной партіи. Знакомство наше скоро перешло въ пріязнь и самыя дружескія отношенія, которыя весьма были полезны для дѣла.

Вотъ тѣ отношенія, въ которыхъ я находился съ Н. А. Милютинымъ до тѣхъ поръ, пока онъ не сдѣлался членомъ редакціонныхъ коммисій и товарищемъ министра; поэтому я никакъ не могу согласиться съ отзывомъ, высказаннымъ въ Запискахъ его жены, что будто бы въ то время Николай Алексѣевичъ „старался, сколько можно, въ дружескихъ бесѣдахъ разъяснять недоумѣнія Левшина и Соловьева и устранять ихъ колебанія“. Такой отзывъ совершенно несогласенъ ни съ свойствомъ моихъ отношеній къ Ник. Алек., ни съ характеромъ моей дѣятельности по крестьянскому дѣлу.

IV.

Мѣры министерства внутреннихъ дѣлъ.—Записка о всѣхъ случаяхъ неповиновенія крестьянъ съ 24-го ноября 1857 по 1-е іюля 1858 г.—Мѣры противъ удаленія крестьянъ изъ имѣній и измѣненія крестьянскихъ надѣловъ.—Дѣло Кошанскаго.—Отзывы объ этомъ дѣлѣ А. И. Левшина и Д. И. Гаврилова.—Мѣры противъ ссылки крѣпостныхъ людей въ Сибирь по волѣ помѣщиковъ.—Мѣры противъ переселенія крестьянъ на другія мѣста.—Запрещеніе пріема рекрутъ отъ мелкопомѣстныхъ.—Общіе выводы и соображенія.

Каникулярное затишье, съ отсутствіемъ лихорадочной дѣятельности, господствовавшей во время выхода первыхъ рескриптовъ, программъ и началъ уѣздныхъ учрежденій, дало возможность мини-

стерству внутреннихъ дѣлъ оглядѣться, распознать своихъ друзей и враговъ, сообразить свои силы и взять почннъ въ дальнѣйшей своей дѣятельности, по крайней мѣрѣ на то время, на которое оставили министерство въ покоѣ. Послѣдствіями такихъ размышленій были слѣдующіе выводы: земскій отдѣлъ имѣлъ за себя: слабую почти безмолвную по неволѣ журналистику, болѣе сильную въ общественномъ отношеніи, но также не сильную въ крестьянскомъ дѣлѣ прогрессивную часть петербургской администрціи и ревностныхъ, но немногочисленныхъ и сильныхъ только своимъ развитіемъ, союзниковъ въ губерніяхъ. Враги того направленія, котораго держался земскій отдѣлъ, были сильные: на верху своимъ государственнымъ значеніемъ, а внизу своей многочисленностію [1]).

При такомъ положеніи дѣла и его защитниковъ невозможно было думать о какихъ либо мѣрахъ къ дальнѣйшему правильному развитію крестьянскаго вопроса. Возможны были на первый разъ только: отрицательная дѣятельность, оборонительныя мѣры, устраненіе тѣхъ затрудненій и препятствій, которыми противная партія хотѣла загородить путь къ дальнѣйшему развитію предпринятаго преобразованія, словомъ очищать дорогу, по которой должно было слѣдовать дѣло къ окончательной своей развязкѣ. Кромѣ того на обязанности министерства лежала возможная поддержка тѣхъ дѣятелей по крестьянскому вопросу въ губерніяхъ, которые обнаруживали сочувствіе къ дѣлу освобожденія крестьянъ [2]).

Всѣ дѣйствія противной освобожденію крестьянъ партіи клонилися къ тѣмъ двумъ цѣлямъ, которыхъ она старалась достигнуть при составленіи программы, т. е. или остановить вовсе начатое преобразованіе, или, если это окажется невозможнымъ, то

---

[1]) Далѣе въ подлинникѣ зачеркнуто: „Но министерство внутреннихъ дѣлъ, опираясь на интеллигентныя силы народа, поддерживало зародышъ того свѣжаго и здороваго начала, которому предстояла будущность; а враги министерства защищали отжившій свой вѣкъ и носившій въ самомъ себѣ зародышъ стараго порядка. На сторонѣ крестьянскаго дѣла были всѣ свѣжіе, разумные и развитые элементы нашего общества; противъ него: дряхлыя или неразвитыя массы нашего дворянства“.

[2]) Далѣе въ подлинникѣ зачеркнуто: „Дѣйствія противной освобожденію крестьянъ партіи можно было раздѣлить на двѣ категоріи: во первыхъ, онѣ были направлены къ тому, чтобы не только поколебать въ Государѣ убѣжденіе въ пользѣ предпринятой имъ реформы, но даже (убѣдить) во вредѣ ея; во вторыхъ...“ Я. С.

обратить его въ пользу не крестьянъ, а сословныхъ интересовъ дворянства.

Для достиженія первой цѣли, противники освобожденія крестьянъ не переставали стращать Государя крестьянскими волненіями, могущими обратиться во всеобщій крестьянскій бунтъ, подобный пугачевщинѣ, а также развитіемъ крайняго радикализма, грозившаго такой же всеобщей революціей, какова была первая французская. Защитники узкихъ сословныхъ интересовъ этимъ не довольствовались: они предсказывали всѣ гибельныя послѣдствія освобожденія крестьянъ въ экономическомъ и финансовомъ отношеніяхъ.

Для достиженія второй изъ двухъ указанныхъ цѣлей прежде всего старались: или застращать, или вовсе устранить изъ губернскихъ комитетовъ тѣхъ прогрессивныхъ членовъ, которые съ самаго открытія комитетовъ начали обнаруживать явное сочувствіе къ предпринятой реформѣ. Это представлялось тѣмъ удобнѣе, что такіе члены были во всѣхъ комитетахъ—въ болѣе или менѣе малочисленномъ меньшинствѣ. Такая попытка прежде всего обнаружилась въ одномъ изъ первыхъ открытыхъ комитетовъ,—нижегородскомъ.

Съ тою же цѣлію обращенія крестьянскаго дѣла не въ пользу крестьянъ, а въ пользу дворянъ, нѣкоторые помѣщики, убѣдившись, что чѣмъ менѣе будетъ у нихъ крѣпостныхъ и чѣмъ меньше будетъ количество крестьянскихъ земель, тѣмъ для нихъ, помѣщиковъ, будетъ выгоднѣе, стали всѣми способами избавляться отъ крѣпостныхъ людей: или уменьшать ихъ надѣлы или обмѣнивать хорошія крестьянскія земли на дурныя.

Министерству внутреннихъ дѣлъ—по земскому отдѣлу—предстояло устранить всѣ тѣ неблагопріятныя послѣдствія для дѣла, которыя могли возникнуть изъ указанныхъ явленій и фактовъ.

Прежде всего необходимо было устранить возбуждаемыя въ Государѣ, и частными слухами и секретными по тайной полиціи донесеніями, невѣрно составленными и преувеличенно докладываемыми, опасенія волненій между крестьянами. Съ этою цѣлію съ самаго начала дѣла Ланской каждую пятницу докладывалъ Государю о всѣхъ случаяхъ неповиновенія властямъ и вообще безпорядковъ, о которыхъ получены были свѣдѣнія въ теченіи недѣли. С. С. Ланской сказывалъ мнѣ, что ему нельзя было показаться ни въ государственномъ совѣтѣ, ни въ комитетѣ министровъ, безъ

того, чтобы его не атаковали вопросами въ родѣ слѣдующихъ: правда ли, что въ такой-то губерніи начинается волненіе крестьянъ? или: правда ли, что въ такомъ-то уѣздѣ крестьяне отказались работать на помѣщиковъ? или еще: правда ли, что въ такихъ-то имѣніяхъ ни исправникъ, ни губернаторъ ничего не могли сдѣлать съ возмутившимися крестьянами? и т. п. Изъ самыхъ вопросовъ видно, что все, что только похоже было на неповиновеніе и безпорядокъ, преувеличивалось въ частныхъ извѣстіяхъ изъ губерній; а переходя изъ устъ въ уста въ Петербургѣ, возводилось до громадныхъ размѣровъ. Иногда же изобрѣтались извѣстія о возмущеніяхъ вовсе безъ всякаго повода.

Частію для разъясненія, частію для уничтоженія всѣхъ этихъ преувеличенныхъ, вымышленныхъ и нерѣдко недобросовѣстныхъ слуховъ, еженедѣльныя записки были необыкновенно полезны. Онѣ успокоительно дѣйствовали на Государя, поддерживая въ немъ бодрость духа [1]). Записки эти, по докладѣ государю, представлялись въ главный комитетъ; такимъ образомъ оппозиціонное большинство теряло почву для противодѣйствія дѣлу посредствомъ голословныхъ разсказовъ о возмущеніяхъ.

Но министерство внутреннихъ дѣлъ этимъ не ограничилось. По истеченіи нѣкотораго времени, оно представило въ общемъ очеркѣ свѣдѣнія о всѣхъ случаяхъ неповиновенія крестьянъ со времени опубликованія мѣръ къ устройству крестьянскаго быта (24-го ноября 1857) по 1-е іюля 1858 г. Въ моихъ бумагахъ сохранился черновой экземпляръ этого очерка, писанный моей рукой. Этотъ докладъ сначала былъ представленъ государю, а потомъ въ главный комитетъ.

Впрочемъ докладъ этотъ составлялся не столько для государя, которому всѣ факты были извѣстны изъ еженедѣльныхъ записокъ, сколько для главнаго комитета, ибо, хотя до свѣдѣнія главнаго комитета и доводились еженедѣльные доклады о безпорядкахъ, но въ этомъ нельзя было положиться на память большинства членовъ. Они очень часто повторяли то, что было уже опровергнуто. Цѣль общаго очерка всѣхъ происшествій въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, со времени опубликованія перваго рескрипта, было

---

[1]) Далѣе въ подлинникѣ зачеркнуто: „Оставлять эти слухи безъ фактическихъ опроверженій было невозможно". Я. С.

обезоруженіе непріятеля, т. е. отнятіе у него возможности вредить дѣлу распространеніемъ невѣрныхъ слуховъ. Можетъ быть я заслужу упрекъ въ повтореніи нѣкоторыхъ фактовъ, о которыхъ упоминалъ уже выше, но тѣмъ не менѣе я приведу буквально содержаніе упомянутой записки, написанной подъ вліяніемъ всѣхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находилось тогда крестьянское дѣло. Вотъ содержаніе этого представленія:

„Высочайшій рескриптъ на имя виленскаго генералъ-губернатора, послѣдовавшій 20-го ноября 1857 года, и дополнительное къ нему отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ отъ 21-го ноября за № 36, объ открытіи дворянскихъ комитетовъ по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ въ трехъ литовскихъ губерніяхъ, были сообщены циркулярно отъ 24-го того же ноября начальникамъ губерній и губернскимъ предводителямъ дворянства. Съ этихъ поръ можно считать, что предпринятыя правительствомъ мѣры объ устройствѣ крестьянскаго быта сдѣлались извѣстны въ народѣ, сначала въ неясныхъ слухахъ, но вслѣдъ затѣмъ, посредствомъ напечатанія въ газетахъ, мѣры эти получили совершенную гласность“.

„Немедленно послѣ этого, вслѣдствіе сдѣланнаго распоряженія, стали поступать изъ губерній свѣдѣнія о толкахъ между крѣпостными людьми о свободѣ. Изъ нѣкоторыхъ губерній получены были донесенія, что крестьяне ожидаютъ объявленія о свободѣ къ новому году. Такое ожиданіе едва ли не было общее по всей Россіи, такъ что церкви на новый годъ были особенно полны крестьянами, которые ожидали чтенія въ этотъ день манифеста о свободѣ. Между крестьянами также начинался показываться опасный слухъ, что помѣщики скрываютъ полученный будто-бы указъ о свободѣ“.

„На помѣщиковъ предпринятыя правительствомъ мѣры произвели паническій страхъ. Изъ всѣхъ губерній получались донесенія отъ губернскихъ предводителей дворянства, наполненныя мрачными ожиданіями будущихъ народныхъ возмущеній. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ предводителей писалъ:

„Вообще замѣтно въ народѣ напряженное ожиданіе. Неизвѣстно, что насъ ожидаетъ въ будущемъ, тѣмъ болѣе, что войскъ, „кромѣ двухъ баталіоновъ, во всей губерніи нѣтъ. Всѣ распущен-„ные изъ полковъ солдаты разсыпаны по деревнямъ и при пер-

„вомъ случаѣ станутъ во главѣ всякаго безпорядка. На земскую „полицію разсчитывать невозможно".

„Начальники губерній также доносили о тревожномъ настроеніи умовъ и о принимаемыхъ ими мѣрахъ, вслѣдствіе сдѣланнаго со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ общаго распоряженія, къ сохраненію общественнаго спокойствія. Одинъ изъ нихъ (симбирскій) по ходатайству предводителей дворянства, но вопреки существующимъ узаконеніямъ, призналъ необходимымъ распорядиться о командированіи, въ случаѣ надобности, военныхъ командъ по требованію предводителей и исправниковъ. Хотя, впрочемъ, кромѣ этого случая ни однимъ изъ начальниковъ губерніи не было выражено положительныхъ опасеній на счетъ нарушенія общественнаго спокойствія; однако въ первое время министерство внутр. д. не имѣло вполнѣ успокоительныхъ донесеній".

„Послѣдствія показали, что всѣ опасенія не оправдались; общественный порядокъ былъ сохраненъ, но не столько принятіемъ полицейскихъ мѣръ, сколько гласностію, которая дана была крестьянскому вопросу. Гласность эта разсѣяла неосновательныя ожиданія манифеста о свободѣ, породила въ крестьянахъ надежду на будущее улучшеніе своего быта, а вмѣстѣ съ тѣмъ и терпѣніе. Но что еще важнѣе—со времени обнародованія принятыхъ мѣръ опасный слухъ, что помѣщики скрываютъ указъ о свободѣ, совершенно прекратился".

„Вскорѣ потомъ начали поступать отъ начальниковъ губерній благопріятныя донесенія. Такъ одинъ изъ генералъ-губернаторовъ доносилъ: „Я твердо убѣжденъ, что крестьяне, ожидая и „предвидя измѣненіе своего положенія къ лучшему, никогда не „посягнутъ на какія либо преступныя дѣйствія".

„Въ то же время другой главный начальникъ губерніи писалъ: „Неблагонамѣренные толки начинаютъ затихать, встревоженные „умы видимо успокоиваются". Донесенія же, полученныя во второй половинѣ января (1858 г.), единогласно свидѣтельствовали, что полное спокойствіе между крестьянами ничѣмъ не нарушается. Начальникъ одной изъ губерній въ то время сообщалъ, что помѣщичьи крестьяне тише и покойнѣе, чѣмъ когда либо".

„Нельзя было заблуждаться въ томъ, что въ основаніи общественнаго спокойствія лежала возбужденная надежда, что помѣщики всѣхъ губерній послѣдуютъ примѣру литовскаго и петер-

бургскаго дворянства. Не во всѣхъ концахъ Россіи ясно было понято это обстоятельство. Изъ нѣкоторыхъ губерній стали поступать представленія, что крестьяне не подготовлены къ измѣненію настоящаго ихъ устройства; что помѣщики много потеряютъ; что предпринятыя правительствомъ мѣры заключаютъ въ себѣ нарушеніе права собственности; что крестьяне не поймутъ видовъ правительства и что потому надо опасаться вредныхъ послѣдствій и безпорядковъ между крестьянами, отъ скорой перемѣны настоящаго ихъ устройства. Почему въ нѣкоторыхъ мѣстахъ предполагалось ожидать результатовъ предпринимаемыхъ мѣръ въ губерніяхъ, по которымъ уже состоялись высочайшіе рескрипты. Въ другихъ представители дворянства выражались не ясно, но видимо желали отдалить осуществленіе мысли правительства; были и такія губерніи, въ которыхъ обнародованныя правительствомъ мѣры приняты были къ свѣдѣнію. Министерство внутреннихъ дѣлъ, въ видахъ сохраненія общественнаго спокойствія, въ видахъ пользы самаго дворянства и наконецъ въ видахъ благопріятнаго рѣшенія жизненнаго для всего государства вопроса, сочло своей обязанностію ближе ознакомить предводителей дворянства такихъ губерній съ положеніемъ вопроса о крѣпостномъ состояніи".

„Послѣ гласности, которой весьма много способствовало сдѣланное въ самомъ началѣ распоряженіе о печатаніи высочайшихъ рескриптовъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ, пояснительные отвѣты министерства внутреннихъ дѣлъ на представленія губернскихъ предводителей были вторымъ средствомъ къ сохраненію общественнаго спокойствія. Изъ нихъ дворяне поняли, что не въ поспѣшности, а въ медлительности изъявленія желанія на открытіе дворянскихъ комитетовъ заключается опасность. Посему къ 1-му іюля (1858 г.) не осталось ни одного дворянства губерній, состоящихъ въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ, которое не изъявило бы желанія на открытіе губернскаго комитета. Въ еженедѣльныхъ запискахъ, начиная съ 27-го декабря 1857 года, доводились до свѣдѣнія государя императора отзывы губернаторовъ и губернскихъ предводителей дворянства по предмету устройства быта помѣщичьихъ крестьянъ; причемъ всеподданнѣйше докладывалось, что отзывы эти единогласно свидѣтельствуютъ о повсемѣстномъ сохраненіи общественнаго спокойствія. Между тѣмъ начали распространяться

слухи о важныхъ безпорядкахъ: то въ той, то въ другой губерніи. Это побудило министра внутреннихъ дѣлъ не ограничиваться общими представленіями; но еженедѣльно докладывать его величеству о всѣхъ частныхъ случаяхъ неповиновенія крестьянъ, хотя бы они заключались въ непослушаніи, оказанномъ однимъ или двумя крестьянами, и при томъ не помѣщику, а управляющему или даже старостѣ. Изъ этихъ свѣдѣній, начиная съ 1-го марта по 1-е іюля 1858 г., оказывается слѣдующее":

„Случаи неповиновенія, въ числѣ 70, обнаруживались, въ теченіи 4-хъ мѣсяцевъ, въ 26 губерніяхъ. Изъ нихъ болѣе, чѣмъ по 5 случаевъ, въ двухъ только губерніяхъ: Оренбургской 7 и въ Костромской 13".

„Всѣ вообще случаи ограничивались предѣлами одного имѣнія, кромѣ трехъ: въ Нижегородской губерніи, въ Землѣ Войска Донскаго и въ Эстляндіи, о которыхъ будетъ сказано ниже. Изъ остальныхъ 67 бо́льшая часть заключалась въ уклоненіи отъ исполненія повинностей, очень часто вслѣдствіе подстрекательства людей неблагонамѣренныхъ. Весьма незначительное число приходится на всѣ остальные поводы. Изъ нихъ: 6 случаевъ неповиновенія вслѣдствіе переселенія крестьянъ на другія мѣста, 5 по поводу разныхъ недоразумѣній: при отысканіи свободы путемъ законнымъ, при вводѣ во владѣніе, производствѣ слѣдствій о дурномъ управленіи и т. п. Только въ трехъ случаяхъ безпорядки сопровождались волненіями. Въ двухъ крестьяне прибили управляющихъ, которые, какъ кажется, сами не были правы, а въ третьемъ самовольно смѣнили бурмистра, которымъ были недовольны. Кромѣ нѣсколькихъ случаевъ, всѣ неповиновенія произошли въ имѣніяхъ, въ которыхъ не было помѣщиковъ. Во многихъ случаяхъ крестьяне сами просили прощеніе. Во многихъ для этого достаточно было одного внушенія со стороны мѣстнаго полицейскаго начальства. Изъ остальныхъ, кромѣ нѣсколькихъ, всѣ прекращены полицейскими мѣрами. Въ 9 только потребовалось содѣйствіе военной команды. Весьма ограниченное число случаевъ, въ которыхъ признано необходимымъ назначить формальное слѣдствіе съ преданіемъ виновныхъ суду. Въ нѣсколькихъ изъ нихъ было признано, что поводомъ къ безпорядкамъ были: или притѣсненіе крестьянъ, или недостатокъ земли, или неумѣстныя распоряженія, или наконецъ дурное управленіе".

„Изъ всѣхъ частныхъ случаевъ одинъ могъ обратить на себя нѣкоторое вниманіе: Ковенской губерніи, въ маіоратномъ имѣніи князя Васильчикова, Тоурогенъ, гдѣ крестьяне въ числѣ 300 или 400 человѣкъ пришли къ владѣльцу, объявили ему, что не желаютъ болѣе исправлять барщины и требовали перевода ихъ на оброкъ, по примѣру другихъ государственныхъ крестьянъ, къ сословію которыхъ они принадлежатъ по правамъ своего состоянія. По прибытіи губернатора и военной команды и по наказаніи подстрекателей, остальные крестьяне въ числѣ 500, упавъ на колѣни, просили помилованія“.

„Изъ трехъ случаевъ неповиновенія, не ограничившихся предѣлами имѣнія, въ Донецкомъ округѣ войска Донскаго; поводомъ къ оному послужили распространившіеся минувшей весной между крестьянами слухи о свободѣ въ искаженномъ видѣ. Вслѣдствіе этого оказалось неповиновеніе вдругъ въ нѣсколькихъ имѣніяхъ и тогда же были приняты мѣры къ возстановленію порядка и прекращенію ложныхъ слуховъ“.

„Въ Нижегородской губерніи, Сергачскаго уѣзда, въ мартѣ мѣсяцѣ (1858 г.), болѣе чѣмъ въ 20-ти помѣщичьихъ имѣніяхъ одновременно обнаружились безпорядки и неповиновеніе. По полученіи о семъ донесенія, начальникъ губерніи немедленно отправилъ въ означенный уѣздъ благонадежнаго штабъ-офицера, предписавъ командирамъ двухъ квартирующихъ въ губерніи резервныхъ баталіоновъ командировать въ его распоряженіе военныя команды. Усмиреніе крестьянъ произведено безъ особенно строгихъ мѣръ. Отъ 19 мая губернаторъ донесъ, что изъ послѣдняго имѣнія, въ которомъ оставалась военная команда, она выведена, и затѣмъ спокойствіе повсемѣстно водворено“.

„Въ Эстляндіи въ двухъ имѣніяхъ, Зюдъ-Горріенскаго дистрикта, крестьяне отказались исполнять повинности свои по прежнимъ контрактамъ и требовали немедленнаго введенія, по примѣру одного изъ сосѣднихъ помѣщиковъ, правилъ вновь утвержденнаго положенія, болѣе для крестьянъ выгоднаго. Для усмиренія послана была военная команда изъ 60 человѣкъ, которая расположилась на ближайшей мызѣ. 2 іюня (1858 г.) толпа въ 1000 или 1500 человѣкъ, большею частію изъ крестьянъ, напала внезапно на эту команду, избила капитана и ранила маіора и 12 нижнихъ чиновъ. Потомъ крестьяне, разграбивъ винный и хлѣбный мага-

зины, сожгли самую мызу. Послѣ чего разошлись и съ тѣхъ поръ никакого нарушенія порядка между крестьянами не было. Виновные въ буйствахъ арестованы и преданы военному суду".

Изъ 70 случаевъ неповиновенія крестьянъ почти 10% было по поводу переселенія крестьянъ на другое мѣсто. Но кромѣ того министерству были извѣстны случаи переселеній, въ которыхъ крестьяне подчинялись волѣ помѣщиковъ. Наконецъ, имѣлись свѣдѣнія о приготовительныхъ со стороны нѣкоторыхъ помѣщиковъ мѣрахъ: съ одной стороны къ уменьшенію числа крестьянъ, которыхъ они обязаны будутъ надѣлить землей, съ другой или къ уменьшенію крестьянскихъ надѣловъ, или къ представленію имъ худшихъ земель противъ тѣхъ, которыми они пользовались. По крѣпостному праву помѣщики имѣли къ тому всѣ средства. Средства эти слѣдующія: ссылка въ Сибирь на поселенія, отдача въ рекруты, обращеніе крестьянъ въ дворовые люди, увольненіе на волю безъ земли, продажа для переселенія въ другія мѣста, переселеніе въ одномъ и томъ же имѣніи съ лучшихъ земель на худшія, а также просто уменьшеніе крестьянскихъ надѣловъ. Наконецъ самый легкій способъ къ обезземеленію крестьянъ состоялъ въ обращеніи ихъ въ дворовые люди.

Въ то время, когда крѣпостное состояніе еще существовало, трудно было дѣйствовать противъ этихъ злоупотребленій помѣщичьей власти. Съ юридической точки зрѣнія даже нельзя было назвать такія дѣйствія злоупотребленіями. Между прочимъ правительство не могло оставаться равнодушнымъ при видѣ того, что почти наканунѣ освобожденія, крестьяне лишаются той земли, которая, на основаніи обнародованныхъ началъ, должна была поступить въ ихъ надѣлъ. Кромѣ того распространеніе такихъ случаевъ въ разныхъ губерніяхъ могло бы произвести именно тѣ общія волненія, о которыхъ такъ усердно распускали слухи люди, предвидѣвшіе или желавшіе предвидѣть въ послѣдствіяхъ крестьянскаго преобразованія всевозможныя бѣдствія. Вскорѣ послѣ выхода первыхъ рескриптовъ были приняты нѣкоторыя мѣры противъ обезземеленія крестьянъ. Рядъ этихъ мѣръ начался съ запрещенія, именнымъ высочайшимъ указамъ (2 марта 1858), даннымъ правительствующему сенату, дальнѣйшаго со времени подачи

ревизскихъ сказокъ, по производившейся тогда десятой народной переписи, перечисленія крестьянъ въ дворовые люди [1]).

Вслѣдъ за симъ одинъ губернаторъ донесъ объ усиленіи представленія мелкопомѣстными владѣльцами, имѣющими менѣе 21 души, своихъ крѣпостныхъ людей въ рекруты. Они не были обязаны поставлять рекрутъ натурой, а если отдавали своихъ людей въ рекруты, то получали за каждаго отданнаго ими человѣка по 300 р. Согласно представленія о томъ министра внутреннихъ дѣлъ, Главный Комитетъ положилъ: вмѣнить въ обязанность рекрутскимъ присутствіямъ, чтобы при представленіи мелькопомѣстными владѣльцами своихъ людей въ рекруты, „обращено было самое строгое вниманіе на ростъ ихъ, тѣлосложеніе, физическія силы и здоровье, и при малѣйшемъ какомъ либо замѣченномъ недостаткѣ ихъ сложенія отказывать въ пріемѣ людей на службу".

Это распоряженіе конечно было сообщено начальникамъ губерній конфиденціально (20 марта 1858). Одновременно съ этимъ, по положенію главнаго комитета и также негласно, было предложено министромъ юстиціи гражданскимъ палатамъ и уѣзднымъ судамъ, при представленіи владѣльцами къ утвержденію отпускныхъ, на волю даваемыхъ ими своимъ крѣпостнымъ людямъ, предварительно утвержденія, отбирать показанія отъ увольняемыхъ, что они согласны воспользоваться свободой. Въ то же время министръ внутреннихъ дѣлъ писалъ губернскимъ предводителямъ, разумѣется съ высочайшаго разрѣшенія и по положенію главнаго комитета, хотя объ этомъ не было сказано въ циркулярѣ, чтобы они „внушали помѣщикамъ, безъ офиціальной огласки, что для собственной ихъ пользы весьма желательно, дабы усадебная осѣдлость крестьянъ оставалась въ теперешнемъ положеніи".

Изъ всѣхъ этихъ мѣръ только одна о необращеніи крестьянъ

[1]) Въ подлинникѣ далѣе зачеркнуто: „Впрочемъ этотъ законъ представлялъ и удобство для помѣщиковъ: дѣйствіе запрещенія начиналось съ подачи ревизскихъ сказокъ, а въ то время производилась ревизія, слѣдственно помѣщикъ могъ показать въ сказкахъ дворовымъ того, кого хотѣлъ. Можетъ быть это имѣли въ виду охранители, исключивъ изъ петербургскаго дополнительнаго къ рескрипту отношенія все, что говорилось о дворовыхъ въ виленскомъ отношеніи. Но если они имѣли это въ виду, то къ чести помѣщиковъ слѣдуетъ прибавить, что сіи послѣдніе не воспользовались представленною имъ возможностію обезземелить часть крестьянъ посредствомъ записи ихъ въ дворовые при подачѣ сказокъ". Я. С.

въ дворовые была облечена въ форму положительнаго закона; всѣ остальныя, имѣя видъ административныхъ, не совсѣмъ согласныхъ съ законами, распоряженій, ограничивались совѣтами и конфиденціальными указаніями. Это было въ реакціонный періодъ крестьянскаго дѣла,—тогда болѣе ничего нельзя было сдѣлать.

Но страсти, подстрекаемыя сочувствіемъ изъ Петербурга, начинали разгораться, а личные интересы стали проявляться не въ однѣхъ только словахъ, но обнаруживаться на самомъ дѣлѣ.

Изъ числа случаевъ желанія помѣщиковъ избавиться отъ обязанности надѣленія крестьянъ землей слѣдуетъ упомянуть, какъ объ особенно крупномъ фактѣ, надѣлавшемъ въ свое время много шума, о дѣлѣ помѣщика Владимірской губерніи Кошанскаго. Кошанскій—извѣстный во время оно по своимъ темнымъ дѣламъ оберъ-секретарь сената, уволенный отъ службы по высочайшему повелѣнію покойнаго государя за свои продѣлки. Это нисколько не помѣшало ему нѣсколько трехлѣтій сряду быть избираемымъ уѣзднымъ предводителемъ судогодскими дворянами. Онъ былъ предводителемъ и въ 1858 году.

Послѣ выхода первыхъ рескриптовъ, Кошанскій сослалъ всѣхъ крестьянъ одной изъ своихъ деревень въ Сибирь, и то мѣсто, гдѣ была эта деревня, запахалъ и засѣялъ хлѣбомъ. Это дѣло было не у меня (т. е. не въ земскомъ отдѣлѣ), а въ департаментѣ полиціи исполнительной, поэтому я всѣхъ подробностей не помню. Но помню, что на основаніи состоявшагося по личному докладу министра внутреннихъ дѣлъ, высочайшаго повелѣнія: крестьяне были возвращены съ дороги въ Сибирь, водворены на старыхъ мѣстахъ на счетъ Кошанскаго, а поступокъ его былъ отданъ на судъ дворянства. Если бы это шло чрезъ главный комитетъ, то безъ всякаго сомнѣнія не состоялось бы такого энергическаго распоряженія. До какой степени это было непріятно, по принципу, и повсемѣстному дворянству и высшимъ защитникамъ крѣпостныхъ правъ и преимуществъ, у меня остались слѣды въ сохранившейся перепискѣ. А. И. Левшинъ, который обольщалъ себя мыслію, что крестьянское дѣло могло сопровождаться единственно только мягкими и пріятными для дворянства мѣрами, не одобрялъ энергическихъ мѣръ, и потому, самъ не замѣчая, сдѣлался отголоскомъ партіи, не сочувствующей начатому преобразованію. О дѣлѣ Кошанскаго онъ писалъ ко мнѣ изъ Москвы: „дѣло Кошанскаго

сдѣлало въ дворянствѣ и даже въ лицахъ, окружающихъ государя, дурной эфектъ. Не лицо Кошанскаго важно,—онъ давно извѣстный бездѣльникъ; но чего же хотятъ еще отъ дворянства. Онъ уже наказанъ, опубликованъ, имѣніе отобрано, что же можетъ еще сдѣлать съ нимъ дворянство? Неужели сослать самого въ Сибирь или отрубить голову?" На эти вопросы прямой отвѣтъ: дворянству слѣдовало бы исключить его изъ своей среды. Левшинъ далѣе продолжалъ: „ко мнѣ во Владимірѣ многіе обращались съ этими вопросами... но я отказывался отъ всякихъ отвѣтовъ. Между тѣмъ одинъ изъ приближенныхъ къ государю сказалъ мнѣ: „видно вашему министру нечего докладывать государю, что онъ безъ разбора и безъ разслѣдованія все несетъ къ нему и ставитъ его въ такое фальшивое положеніе". Этотъ приближенный, по всей вѣроятности, былъ шефъ жандармовъ князь В. А. Долгоруковъ. Коноводы крѣпостной партіи среди владимірскаго дворянства не могли не знать, что состоявшееся высочайшее повелѣніе о Кошанскомъ осуждается лицами, близко стоящими къ государю, и даже товарищемъ самаго министра внутреннихъ дѣлъ. Никакого нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторые изъ владимірскихъ дворянъ слышали эти недобрительные отзывы изъ устъ самихъ этихъ лицъ. Черезъ три недѣли, по отъѣздѣ государя изъ Владиміра, было открыто тамъ (16 сентября) губернское дворянское собраніе, какъ для суда надъ Кошанскимъ, такъ и для выбора членовъ въ комитетъ по устройству быта крестьянъ.

Объ этомъ собраніи сообщалъ мнѣ Д. П. Гавриловъ, выписки изъ писемъ котораго я уже приводилъ и который участвовалъ въ этомъ собраніи какъ владимірскій дворянинъ. „Грустно сообщать— писалъ Гавриловъ—о всѣхъ возмутительныхъ несообразностяхъ, которыя произносились съ крикомъ и угрозами и подавались въ видѣ мнѣній. Волнуемая страстями масса потеряла способность соображать и сохранила только чувство злобы къ правительству и затаеннаго страха ясно высказать эту злобу. Окончательнымъ результатомъ была совершенная разноголосица, которую помощію какихъ-то темныхъ маневровъ, коноводы такъ называемой дворянской партіи свели къ мнимому большинству, кажется 76 голосовъ противъ 74, требующему предварительнаго изслѣдованія поступковъ Кошанскаго".

Такое постановленіе видимо было подсказано, потому что оно

выражаетъ ходатайство дворянства исправить ошибку министра, который, „безъ разбора и разслѣдованія все несетъ государю и ставитъ его въ фальшивое положеніе", какъ выражалось одно изъ высокостоявшихъ лицъ въ разговорѣ съ товарищемъ министра о дѣлѣ Кошанскаго.

Случай этотъ былъ не единственный. Объ усиленіи ссылки въ Сибирь въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ имѣлись свѣдѣнія изъ трехъ губерній: Владимірской, Рязанской и Казанской. Число сосланныхъ своими помѣщиками крѣпостныхъ людей съ начала года по сентябрь (1858 г.) было:

По Владимірской губ.—109 [1]) человѣкъ, по Рязанской губ. —96 человѣкъ, по Казанской губерніи свѣдѣній объ общемъ числѣ не было доставлено; но губернаторъ доносилъ, что однимъ помѣщикомъ отправлено въ Сибирь одновременно 7 крестьянскихъ семействъ, въ числѣ 33 человѣкъ.

Сообщая приведенныя числовыя данныя, каждый изъ трехъ губернаторовъ высказывалъ свое мнѣніе по этому предмету.

Владимірскій губернаторъ (Тиличеевъ) доносилъ, что ссылка крестьянъ въ Сибирь по волѣ помѣщиковъ производитъ непріятное впечатлѣніе на низшіе классы народа, особенно на помѣщичьихъ крестьянъ, тѣмъ болѣе, что въ бо̀льшей части случаевъ причины ссылки были конечно не столько „нестерпимое поведеніе" (законный терминъ), сколько личный произволъ и неудовольствіе помѣщика, а иногда и разсчетъ. Общіе слухи обвиняли нѣкоторыхъ изъ этихъ владѣльцевъ въ намѣреніи, черезъ удаленіе людей, очистить и присвоить себѣ ихъ усадебную осѣдлость.

Рязанскій губернаторъ (Муравьевъ—сынъ М. Н. Муравьева) писалъ, что по собраннымъ секретно свѣдѣніямъ, оказалось, что вина ссылаемыхъ не во всѣхъ случаяхъ соотвѣтствовала строгости наказанія. Жестокость наказанія увеличивалась тѣмъ, что помѣщики строго держались закона, дозволяющаго оставлять въ имѣніяхъ дѣтей: мужскаго пола свыше 5-ти, а женскаго 10-ти лѣтъ. Это обстоятельство, по отзыву Муравьева, доводило ссылаемыхъ до крайняго отчаянія.

Казанскій губернаторъ (Козляиновъ) къ своему представле-

---

[1]) Не помню навѣрное, но должно быть, что въ этомъ числѣ были крестьяне Кошанскаго. Я. С.

нію по частному случаю присовокуплялъ, что столь часто повторяющіеся случаи, кажется, можно отнести къ желанію помѣщиковъ избавиться отъ крестьянъ, съ цѣлью удержать за собою ихъ усадебную землю, да и вообще имѣть возможность надѣлить меньшее число крестьянъ землей.

Правительство не могло не обратить вниманія на полученныя свѣдѣнія. Оно не могло не принять въ соображеніе, что приведенныя цифры относились только къ тремъ губерніямъ и притомъ за 7 первыхъ мѣсяцевъ 1858 года, а всѣхъ губерній, въ которыхъ были крѣпостные люди, въ это время было 46, не считая Сибири и Закавказскаго края. Предварительно принятія какихъ либо мѣръ въ законодательномъ порядкѣ, министерство внутреннихъ дѣлъ сочло нужнымъ циркулярно предложить начальникамъ губерній о строгомъ соблюденіи существующихъ законовъ съ указаніемъ при этомъ на существующія въ законѣ, хотя и не значительныя, ограниченія помѣщичьей власти относительно удаленія своихъ крѣпостныхъ людей въ Сибирь. Но вмѣстѣ съ тѣмъ министръ, согласно моему докладу, поручилъ мнѣ приступить къ подробному разсмотрѣнію, какъ существующихъ въ то время постановленій и происхожденія ихъ, такъ и тѣхъ ограниченій въ этомъ отношеніи помѣщичьей власти, которыя дѣлались и предполагались въ теченіи двухъ прошедшихъ царствованій.

Начало закона объ удаленіи въ Сибирь за дурное поведеніе, по волѣ помѣщиковъ и по приговорамъ обществъ, положено въ 1760 году, въ видахъ заселенія „тамошняго края".

Въ 1811 году мѣра эта вовсе была отмѣнена и въ состоявшемся по этому случаю рескриптѣ было сказано, что ссылка есть наказаніе, по суду опредѣляемое, и что слѣдовательно ни помѣщики, ни мірскія общества не могутъ присуждать къ ней по своему усмотрѣнію. По одному частному случаю, она была возстановлена въ 1822 году. Ограниченіе было только сдѣлано при введеніи инвентарныхъ положеній въ западныхъ губерніяхъ въ 1849 и 1853 годахъ, состоящее въ томъ, что уѣздные предводители дворянства обязаны были предварительно удостовѣряться въ причинахъ, побуждающихъ помѣщиковъ къ ссылкѣ крестьянъ. Покойный государь Николай Павловичъ два раза въ началѣ и концѣ своего царствованія, въ 1828 и въ 1854 году, выражалъ намѣреніе ограничить власть помѣщиковъ относительно ссылки крѣ-

постныхъ людей. Но первый разъ высочайшее повелѣніе осталось вовсе безъ послѣдствій; а во второй государственный совѣтъ положительно призналъ ограниченіе власти помѣщиковъ мѣрой неудобной, такъ какъ, по мнѣнію его, мѣра эта потрясла бы довѣріе и уваженіе крестьянъ къ владѣльцамъ и повела бы къ нарушенію общественнаго спокойствія и безопасности.

Когда моя работа была подготовлена, тогда предварительно внесенія дѣла въ Главный Комитетъ, мы просили заключенія тогдашняго министра юстиціи, нынѣ уже (1874 году) покойнаго графа **Панина**, который по своему обыкновенію, далъ прекурьезное консервативное мнѣніе. Графъ Панинъ отозвался, что онъ полагалъ бы, не отмѣняя общаго закона, предоставить губернаторамъ, въ случаѣ удаленія кѣмъ либо изъ помѣщиковъ болѣе одного семейства на 20 душъ крестьянъ, требовать отъ владѣльца объясненія и при неудовлетворительномъ отзывѣ представлять о томъ министру внутреннихъ дѣлъ. По этому разсчету выходило бы, что помѣщикъ, владѣвшій 1000 душами, могъ сослать безпрепятственно 50 семействъ, т. е. полагая по самому умѣренному разсчету на семейство 3 души, 150 душъ, слѣдовательно по всей Россіи на 10 милліоновъ душъ могло быть сослано въ Сибирь 1½ милліона. Конечно министерство внутреннихъ дѣлъ не могло согласиться на допущеніе такого переселенія народа изъ Европы въ Азію. Но главный комитетъ не принялъ и нашего предположенія, чтобы тогда же прекратить произвольное удаленіе крестьянъ въ Сибирь и допускать его не иначе, какъ съ утвержденія губернскаго правленія. Главный комитетъ ограничился предоставленіемъ губернаторамъ права, если они признаютъ нужнымъ, производить негласное дознаніе о причинахъ ссылки. Если при этомъ оказалось бы, что помѣщикъ употребляетъ во зло свою власть, то губернаторъ обязывался представить о такомъ случаѣ министру внутреннихъ дѣлъ, остановивъ переселеніе крестьянъ въ Сибирь. Это распоряженіе было сообщено губернаторамъ въ концѣ года (6-го декабря 1858 г.).

Но, кромѣ удаленія въ Сибирь, могло быть: перенесеніе усадьбъ съ однихъ мѣстъ на другія въ одномъ и томъ же имѣніи, переселеніе изъ одного имѣнія или въ другое, или на незаселенную землю, принадлежащую одному помѣщику, а также крестьяне могли быть переуступлены для переселенія однимъ помѣщикомъ

другому. Подробныхъ свѣдѣній о частныхъ случаяхъ переселеній въ моихъ бумагахъ не сохранилось, потому что дѣла о подобныхъ отдѣльныхъ случаяхъ производились въ то время бо̀льшей частію въ департаментѣ полиціи исполнительной, хотя въ наиболѣе важныхъ случаяхъ всегда по соглашенію съ земскимъ отдѣломъ. Съ тогдашнимъ директоромъ упомянутаго департамента С. Р. Ждановымъ я жилъ всегда въ мирѣ и согласіи. Онъ оказывалъ полное содѣйствіе крестьянскому дѣлу и очень былъ радъ, когда земскій отдѣлъ что нибудь дѣлалъ вмѣсто его департамента.

Но выше было упомянуто, что 10 процентовъ всѣхъ случаевъ неповиновенія относилось къ переселенію крестьянъ съ однѣхъ мѣстъ на другія.

Изъ этого было видно, что простаго совѣта, даннаго въ мартѣ (1858 г.) мѣсяцѣ министромъ внутреннихъ дѣлъ помѣщикамъ черезъ губернскихъ предводителей дворянства, оказалось недостаточно. Поэтому, въ концѣ года, открылась необходимость издать положительныя правила относительно переселенія крестьянъ. По высочайше утвержденному положенію главнаго комитета, было предложено (10-го декабря) губернаторамъ, чтобы они допускали переселеніе не иначе какъ по удостовѣреніи, что въ томъ мѣстѣ, куда переселяются крестьяне, находится достаточное для нихъ количество угодій и приготовлены необходимыя для крестьянъ помѣщенія, все нужное для ихъ водворенія и надлежащеее количество хлѣба для посѣва и для продовольствія до будущаго урожая. Вмѣстѣ съ тѣмъ и на основаніи того же высочайше утвержденнаго положенія главнаго комитета сдѣлано было распоряженіе по министерству юстиціи о порядкѣ совершенія актовъ на пріобрѣтеніе людей безъ земли и на отчужденіе земли отдѣльно отъ крестьянъ.

При строгомъ исполненіи этихъ двухъ циркуляровъ всякое отдаленное переселеніе дѣлалось невозможнымъ. Исполненіе требованія о заготовленіи для крестьянъ помѣщеній и хлѣба для посѣва и продовольствія стоило бы громадныхъ суммъ. Обыкновенно переселенные крестьяне: сначала помѣщались кое-какъ въ устраиваемыхъ ими самими землянкахъ или шалашахъ и затѣмъ сами мало по малу строили для себя избы; питались тоже кое-какъ.

Установленныя же вышеупомянутымъ циркуляромъ министра юстиціи формальности, при совершеніи купчихъ крѣпостей, дѣ-

лали почти невозможнымъ, какъ пріобрѣтеніе крестьянъ безъ земли, такъ и продажу земли отдѣльно отъ крестьянъ.

Точно также оказалось недостаточною мѣра, принятая въ началѣ года въ видахъ ограниченія пріема рекрутъ отъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ. Въ концѣ года (5-го ноября), признано было необходимымъ: пріемъ людей въ рекруты въ зачетъ будущихъ наборовъ отъ тѣхъ помѣщиковъ, которые по закону не обязаны были отправлять рекрутскую повинность натурой, (воспретить).

Кромѣ всѣхъ исчисленныхъ способовъ обезземеленія крестьянъ открылся еще одинъ: заложить заселенную землю, но безъ крестьянъ. По просрочкѣ закладной, земля подлежала публичной продажѣ; а крестьяне, лишенные земли, оставались собственностію ихъ прежняго владѣльца. По положенію главнаго комитета, состоялось (1-го мая 1859 г.) высочайшее повелѣніе, чтобы, при совершеніи закладныхъ на землю, отдѣльно отъ поселенныхъ на ней крестьянъ, допускались подобныя закладныя въ такомъ только случаѣ, когда, кромѣ закладываемой земли, при имѣніи оставалось не менѣе $4^1/_2$ десятинъ на душу.

При разсмотрѣніи изложенныхъ распоряженій правительства, ограничивающихъ произволъ помѣщиковъ, нельзя не замѣтить, что усилія министерства внутреннихъ дѣлъ къ болѣе правильному направленію дѣла не остались безъ существенныхъ послѣдствій. Слабыя въ началѣ 1858 года мѣры все болѣе и болѣе усиливаются, такъ что къ концу года у помѣщиковъ были отняты почти всѣ способы къ обезземеленію крестьянъ [1]).

---

[1]) Въ подлинникѣ зачеркнуто: „Слабость мѣръ противъ обезземеленія въ началѣ 1858 г. и бо́льшая рѣшительность ихъ впослѣдствіи, объясняется слѣдующими соображеніями. Въ началѣ 1858 г. какъ министерство внутреннихъ дѣлъ, такъ и лица, сочувствующія крестьянскому дѣлу, въ составѣ Главнаго Комитета и его канцеляріи, были подавлены ретроградныиъ большинствомъ Комитета. Изъ предъидущаго изложенія ясно было видно, что министерство, вопреки основнымъ началамъ своего учрежденія, въ большей части состоявшихся въ началѣ года постановленій и сдѣланныхъ распоряженій лишено было существеннаго своего права—иниціативы въ дѣлахъ своего вѣдомства. Въ теченіи лѣта министерство успѣло собраться съ силами, сообразить планъ своихъ дѣйствій и заготовить матеріалы для предстоящихъ ему представленій въ Главный Комитетъ: у земскаго отдѣла было уже прошедшее, не превышавшее, впрочемъ, нѣсколькихъ мѣсяцевъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ накопленіе и матеріаловъ, и опытности. Но министерство внутреннихъ дѣлъ

Вникая въ подробности законодательныхъ и административныхъ мѣръ, предпринятыхъ для предупрежденія обезземеленія крестьянъ, нельзя не признать, что самая важная изъ нихъ состояла въ запрещеніи дальнѣйшаго перечисленія изъ крестьянъ въ дворовые. Это отчасти видно изъ того, что несмотря на указъ 2-го марта, составители программы пытались допустить это перечисленіе при разрѣшеніи крестьянскаго вопроса. Такое обращеніе надѣленныхъ землей крестьянъ въ безземельныхъ дворовыхъ могло дѣлаться въ умѣренныхъ размѣрахъ одновременно и повсемѣстно въ предѣлахъ каждаго имѣнія, не возбуждая никакой огласки; въ общемъ итогѣ обезземельныхъ такимъ образомъ крестьянъ могло бы оказаться значительное число. Этотъ способъ тѣмъ болѣе былъ опасенъ, что онъ не требовалъ со стороны помѣщиковъ никакихъ издержекъ и никакихъ хлопотъ.

Ссылка въ Сибирь для достаточныхъ помѣщиковъ и отдача въ рекруты для мелкопомѣстныхъ представляли опасность не столько по размѣру распространенія этихъ способовъ обезземеленія, сколько по тяжелымъ послѣдствіямъ для лицъ, подверженныхъ ссылкѣ и отдачи въ рекруты, и раздражающей формѣ уголовныхъ наказаній безъ всякаго суда. Ни ссылка въ Сибирь, ни отдача въ рекруты не могли принять большихъ размѣровъ; предоставленіе людей въ распоряженіе правительства требовало издержекъ; а рекрутъ изъ крестьянъ мелкопомѣстныхъ имѣній не могло быть отдано много, потому что всѣхъ ихъ насчитывалось не бо-

---

одно не въ состояніи было ничего сдѣлать. Самая главная его опора состояла въ твердомъ намѣреніи Государя совершить на началахъ, безобидныхъ для обѣихъ сторонъ, предпринятое имъ великое дѣло и возвращеніе довѣрія Государя къ министру, которое едва не успѣли поколебать. То и другое выразилось въ нижегородскомъ дѣлѣ, о которомъ сейчасъ будетъ сказано, и въ особенности въ словахъ, сказанныхъ С. С. Ланскому Государемъ, по возвращеніи его въ Петербургъ. Слова эти будутъ приведены въ своемъ мѣстѣ. О союзникахъ министерства внутреннихъ дѣлъ изъ числа членовъ императорской фамиліи, высшаго и еще болѣе интелигентнаго петербургскаго общества, также какъ и литературы, было сказано выше. Здѣсь слѣдуетъ только упомянуть, что все здоровое меньшинство: сначала въ дворянскихъ собраніяхъ, а потомъ въ комитетахъ, сочувствовало направленію и дѣятельности министерства и съ своей стороны оказывало полезное ему содѣйствіе, въ замѣнъ чего пользовалось постоянной поддержкой министерства въ столкновеніяхъ съ большинствомъ. Затѣмъ въ направленіи самаго Главнаго Комитета произошелъ крутой поворотъ къ лучшему, о чемъ подробно будетъ объяснено ниже". Я. С.

лѣе 200 или 300 тысячъ душъ. Но оба эти способа въ основаніи своемъ имѣли столько возмутительнаго, что они легко могли возбудить народное негодованіе и дѣйствительно возбуждали, и затѣмъ повести за собой волненія между крестьянами, которыя пришлось бы усмирять крутыми мѣрами.

Отпуска массами на волю не могло быть, потому что бо̀льшая часть имѣній была заложена, а въ случаяхъ залога требовалось, чтобы за каждую увольняемую душу вносилась сумма, въ какой она были заложены. Отдѣльные случаи увольненія могли соединяться съ требованіемъ отъ увольняемыхъ, если они имѣли деньги, выкупа; но такихъ случаевъ не могло быть много. Большая часть изъ значительныхъ помѣщиковъ на это не рѣшились бы, какъ и вообще на увольненіе массами; а у другихъ владѣльцевъ мало было богатыхъ крѣпостныхъ людей. Во всякомъ случаѣ нельзя было оставлять этого способа обезземеленія во всей его силѣ наканунѣ уничтоженія крѣпостнаго состоянія.

Особеннаго вниманія правительства потребовало переселеніе въ разныхъ видахъ, изъ которыхъ самое возмутительное—продажа крестьянъ безъ земли для переселенія. Я помню одинъ случай продажи нѣсколько сотъ душъ изъ центральныхъ губерній въ одну изъ степныхъ. Этотъ случай и былъ, сколько я помню, поводомъ къ составленію правилъ для переселенія и къ обстановкѣ разными формальностями совершенія купчихъ крѣпостей. Но большихъ размѣровъ переселенія также не могли принять, какъ потому, что противъ этого возставало общественное мнѣніе, такъ и потому, что каждое переселеніе требовало много хлопотъ, издержекъ и безпокойствъ. Даже переселенія внутри имѣнія были весьма рѣдки; но онѣ часто сопровождались крайне несправедливыми дѣйствіями, съ отнятіемъ у крестьянъ хорошихъ земель и предоставленіемъ имъ дурныхъ.

Въ заключеніе, я не могу не прибавить, что правительство обязано было принять всѣ изложенныя мѣры для загражденія помѣщикамъ возможности обезземеленія крестьянъ; обязано было какъ по чувству справедливости, такъ и въ видахъ внутренней политики, изъ боязни, чтобы отдѣльныя, хотя бы и рѣдкія, но тѣмъ не менѣе произвольныя и несправедливыя дѣйствія помѣщиковъ не взволновали крестьянъ. Что же касается до опасенія, чтобы тотъ или другой способъ или всѣ вмѣстѣ стали примѣняться помѣщи-

ками съ систематическимъ постоянствомъ, то подобное опасеніе не могло имѣть мѣста—по слѣдующимъ причинамъ.

Самыя главныя изъ этихъ причинъ заключались въ томъ, что между русскимъ помѣщикомъ и его крѣпостными не прекращались общечеловѣческія отношенія. Помѣщикъ всегда помнилъ, что крестьянинъ человѣкъ, а съ дворовыми, сверхъ того, его связывали семейныя преданія. Между русскими дворянами и крѣпостными не было такого громаднаго разстоянія, какое существовало и отчасти даже теперь существуетъ между польскимъ помѣщикомъ и крестьяниномъ; хотя бы послѣдній былъ и полякъ и католикъ, это нисколько не мѣшало польскому шляхтичу называть крестьянина „быдломъ“ (скотомъ), а крестьянинъ обязанъ былъ кланяться своему пану до земли и цѣловать его руку, которая протягивалась и протягивается до сихъ поръ безъ всякаго зазрѣнія совѣсти. Человѣческія отношенія помѣщиковъ къ крѣпостнымъ и вообще высшаго класса къ низшимъ—самое лучшее свойство русскаго дворянина, которымъ онъ можетъ гордиться не только передъ польскими и остзейскими своими собратьями, но и передъ высшими классами всей западной Европы; у насъ никогда не существовало тѣхъ унизительныхъ, разорительныхъ для крестьянъ и возмущающихъ душу феодальныхъ правъ, о которыхъ я имѣлъ случай выше упомянуть.

Къ несчастію двѣ другія причины, хотя весьма полезныя для крестьянскаго дѣла, произвели въ нашей исторіи, до сихъ поръ производятъ и долго еще будутъ производить много золъ и служить препятствіемъ къ нашему дальнѣйшему развитію, какъ служили прежде и служатъ теперь.

Во всей нашей жизни до сихъ поръ отражается какая-то неумѣлость пользоваться тѣми правами, какія мы имѣемъ. Мы или вовсе не пользуемся тѣмъ, что намъ даровано или что мы пріобрѣли, или выходимъ изъ предѣловъ нашихъ правъ, нарушая коренныя юридическія основанія. Русскій человѣкъ пойдетъ въ огонь, рѣшится на самый крайній поступокъ; но рѣдко выдержитъ до конца, когда онъ долженъ постепенно, мало по малу, подвигаться къ предназначенной цѣли. Онъ готовъ принять участіе въ славкомъ дѣлѣ, требующемъ энергіи и самоотверженія, но весьма мало способенъ выдерживать хотя и не опасную, однако, постоянную и мелочную борьбу съ интригами и разнаго рода препят-

ствіями обыденной жизни. У русскаго человѣка не достаетъ терпѣнія быть всегда на сторожѣ противъ своихъ враговъ: или онъ сдѣлается жертвою своего добродушія и довѣрчивости или, выведенный изъ терпѣнія, дастъ оружіе своимъ врагамъ какимъ нибудь неосторожнымъ своимъ поступкомъ. Большею частію онъ скоро устаетъ, уклоняется отъ дѣятельной жизни и покоряется обстоятельствамъ, съ которыми не могъ сладить. Обыкновенно при этомъ онъ успокаивается тѣмъ, что виноваты въ его недѣятельности не онъ, а другіе. Ко всему этому слѣдуетъ прибавить, что русскій человѣкъ до сихъ поръ былъ почти неспособенъ жертвовать своимъ самолюбіемъ общему дѣлу. Всѣ эти явленія нашей политической незрѣлости привыкли сваливать на правительство и исторію, какъ будто бы свойства правительства не есть самое вѣрное отраженіе свойствъ самаго народа, какъ будто бы не народъ, а что-то постороннее создаетъ исторію.

Опасеніе обезземеленія крестьянъ въ большихъ размѣрахъ не могло имѣть мѣсто по третьей также немаловажной причинѣ—постояннаго безденежья нашихъ помѣщиковъ. Недѣятельность вслѣдствіе этой причины увеличивалась недостаточностію предпріимчивости. Надо было хлопотать: наводить справки, брать свидѣтельство,—ничего такъ не боялся прежній помѣщикъ, какъ соприкосновенія съ бумажнымъ производствомъ. Отсутствіе денежныхъ средствъ лишало его помощи въ этомъ случаѣ другихъ; притомъ тогда не было такого множества адвокатовъ, хотя и были стряпчіе по дѣламъ, но ихъ было немного и они умѣли писать только просьбы по извѣстной формѣ, но не умѣли вести дѣла по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ. Кромѣ того, на такія дѣла, какъ переселенія, начиная съ Сибири до переноса усадьбъ на другое мѣсто въ томъ же имѣніи, требовались болѣе или менѣе значительныя суммы денегъ, или по крайней мѣрѣ пріостановленіе, болѣе или менѣе замѣтное, барщинскихъ работъ. Во всякомъ случаѣ, необходимы были временныя жертвы, которыхъ помѣщики: или не могли или не рѣшались сдѣлать, хотя бы впослѣдствіи эти жертвы были вознаграждены съ избыткомъ.

Оградивъ по возможности крѣпостныхъ людей отъ обезземеленія и отъ крайне произвольнаго проявленія помѣщичьей власти, правительство озаботилось облегчить для нихъ нѣкоторыя изъ дѣйствующихъ узако неній. Такъ съ 1848 года крѣпостные люди

получили право покупать недвижимую собственность на свое имя, и вмѣстѣ съ тѣмъ, разрѣшено было помѣщикамъ безпошлинно выдавать купчія крѣпости крестьянамъ на тѣ имущества, которыя пріобрѣтены были сими послѣдними прежде на имена помѣщиковъ; но на это назначенъ былъ 10-тилѣтній срокъ. По случаю истеченія этого срока, онъ былъ продолженъ на неопредѣленное время. Облегчены были формальности приписки къ обществамъ государственныхъ крестьянъ для лицъ, обязанныхъ избрать родъ жизни, изъ которыхъ большая часть были вольноотпущенные. При чемъ предоставлялось имъ водворяться въ казенныхъ селеніяхъ, въ которыхъ были излишнія земли, не испрашивая пріемнаго приговора обществъ. Послѣдняя мѣра, впрочемъ, имѣла и полицейскую цѣль—уменьшить число бродячаго населенія.

Я. А. Соловьевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ И ГР. ДИБИЧЪ-ЗАБАЛКАНСКІЙ.

Переписка 1828—1830 гг. [1]

1829 г.

Дибичъ—императору Николаю.

Лагерь при Энживіой, близь Шумлы, 25-го іюня.

(Перев. съ франц.). Имѣю честь представить при семъ два ключа отъ воротъ Силистріи, бунчукъ паши Хаджи-Ахмета сераскира и 16 знаменъ, сданныхъ гарнизономъ. Везетъ ихъ поручикъ Черноморскаго казачьяго войска, Майборода — молодой человѣкъ очень способный и весьма храбрый. Генер. Красовскій проситъ его себѣ въ адъютанты, съ переводомъ въ гвардію. Такъ какъ я полагаю, что не благовидно имѣть казачьихъ офицеровъ адъютантами, то В. В., можетъ быть, соблаговолите оставить его, на время кампаніи, при генер. Красовскомъ, гдѣ онъ можетъ служить съ пользою.

Я не имѣю сообщить В. В—ву ничего новаго, кромѣ лишь того, что вышедшій вчера изъ Шумлы болгаринъ разсказывалъ, будто пришедшіе туда 8 или 9 полковъ прибыли изъ Бургаса и Айдоса. Это было бы въ высшей степени выгодно для нашихъ операцій за Балканами; и оно довольно близко согласуется съ извѣстіями отъ генер. Понсета, который—по показаніямъ же болгаръ—тоже говоритъ, что число полевыхъ войскъ и гарнизоновъ значительно уменьшилось. Болгаринъ, вышедшій изъ Шумлы, разсказываетъ, будто онъ самъ сопровождалъ прибывшихъ туда 4 полка, которые изъ Бургаса шли черезъ Айдосъ,

[1] См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г., томъ XXVII, стр. 95—110, 511—526, 765—780; т. XXVIII, стр. 409—428; т. XXIX, стр. 891-934. Изд. 1881 г., томъ XXX, стр. 105—130; томъ XXXII, стр. 287—302, 705—720.

потомъ черезъ неизвѣстное ему мѣстечко, а затѣмъ черезъ Чаликовакъ и Эскистамбулъ, и что полки эти были безъ пушекъ, но имѣли обозы. Постараюсь, на сколько возможно, разъяснить это показаніе. Въ Адріанополѣ, по всѣмъ слухамъ, не собрано большаго числа войскъ.

30-го числа, передовыя войска Рота начнутъ движеніе. Я останусь съ Паленомъ, вѣроятно, до 4-го числа. Если Богъ намъ поможетъ и намъ удастся скрыть свое движеніе въ продолженіи двухъ дней, то надѣюсь, что самыя большія затрудненія будутъ преодолѣны между 8-мъ и 10-мъ іюля.

Благоволите, Государь......

Лагерь при Энжикіой, близь Шумлы, 26-го іюня.

(Перев. съ франц.). Фельдъегерь Непорожневъ привезетъ В. И. В—ву ключи Силистріи и 38 знаменъ, которыя доставлены были мнѣ ген.-маіоромъ Бергомъ, тотчасъ послѣ сдачи крѣпости. Генер. Красовскій хотѣлъ на слѣдующій день прислать мнѣ бунчуки и 16 остальныхъ знаменъ; но такъ какъ пребываніе пашей въ крѣпости замедлилось, а знаковъ власти у нихъ не отнимаютъ, пока они заняты сдачею всѣхъ военныхъ вещей и пр., то я не хотѣлъ задерживать отсылки ключей. Надѣюсь однако, черезъ нѣсколько дней, вслѣдъ за этимъ фельдъегеремъ послать другаго, который доставитъ и точную опись всему, что находится въ Силистріи.

Плѣнные, которыхъ 8,000, будутъ отосланы въ Фальчи; паши просились ѣхать въ Одессу,—куда они и будутъ посланы, если В. В. не дадите инаго приказанія. Генер. Красовскій счелъ возможнымъ разрѣшить: находящихся въ числѣ военно-плѣнныхъ, турецкихъ раненыхъ (которыхъ около 1,000 чел.) отправить въ Рущукъ, гдѣ они болѣе стѣснятъ гарнизонъ, нежели помогутъ ему.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ затрудненій, постоянно встрѣчающихся при принятіи турецкихъ крѣпостей, выступленіе Красовскаго, къ несчастію, сильно замедлилось и онъ доноситъ мнѣ, что не въ состояніи будетъ выступить съ послѣднею колонною ранѣе 29-го числа, т. е. цѣлою недѣлею позже, чѣмъ я надѣялся. Согласно сему, я начерталъ себѣ слѣдующія предположенія для перехода черезъ Балканы.

Гарнизонъ Силистріи составятъ: 1-я бригада 4-й и 3-я бригада 8-й дивизій, баталіоны: саперный и 3-й піонерный, и три казачьи полка. На первое время, комендантомъ останется тамъ полковникъ кн. Волконскій, а самая крѣпость будетъ въ вѣдѣніи генер. Киселева, такъ какъ принадлежитъ гораздо болѣе театру воен. дѣйствій Дунайскаго отряда, нежели Балканскаго.

Движеніе арміи произведено будетъ слѣдующимъ образомъ: какъ только прибудетъ 3-я гусарская дивизія, 29-го числа—генер. Ротъ двинется съ 16-ю пѣх. дивизіею по направленію къ Дѣвно, сдѣлавъ первый переходъ ночью; тамъ (въ Дѣвно) онъ соберетъ полки 7-й дивизіи, которая, вмѣстѣ съ 16-ю пѣхотною и 4-ю уланскою, составитъ 6-й армейскій корпусъ и лѣвое крыло арміи. По прибытіи перваго эшелона пѣхоты 3-го корпуса, генер. Ридигеръ двинется — тоже, ночью—черезъ Марковчи къ Праводамъ и составитъ, съ 18-ю дивизіею, егерями 19-й дивизіи и тремя казачьими полками, правое крыло. Послѣ прибытія генер. Красовскаго, генер. Паленъ, оставивъ ему еще одну гусарскую бригаду, пойдетъ ночью въ Енибазаръ и составитъ резервъ, который, на первый случай, будетъ имѣть возможность поддержать каждый пунктъ, гдѣ въ этомъ встрѣтится необходимость; при резервѣ этомъ буду находиться и я.—Красовскій съ 5-ю пѣхот. бригадами 3-го корпуса и 5-ю кавалерійскими бригадами (3-мя гусарскими и 2-мя бугскими уланскими) останется на позиціи передъ Шумлою, одинъ или два дня, въ продолженіи которыхъ генер. Ротъ овладѣетъ проходомъ Дервишъ-Кіой, а генер. Ридигеръ—проходомъ Кіоприкіой, сильно обстрѣлявъ съ фронта турецкіе окопы (въ которыхъ не болѣе какъ по 200 или 300 чел.) и затѣмъ обойдя ихъ съ фланговъ.

Если въ этотъ день великій визирь не предприметъ никакого движенія, то гр. Паленъ въ тотъ же вечеръ и на другой день перейдетъ въ Дѣвно, и даже до Гассансакляра; въ ту же ночь генер. Красовскій перейдетъ къ Енибазару, на позицію у Янускіой.—Генер. Ридигеръ, устроивъ прочное мостовое прикрытіе у Кіоприкіоя, оставитъ тамъ егерей 19-й дивизіи, а самъ двинется черезъ Дервишъ-Кіой, на дорогу въ Айваджикъ. Генер. Ротъ наступаетъ по возможности быстро, вдоль морскаго берега, и можетъ около 8-го іюля прибыть въ окрестности Монастырь-Кіоя, къ южному подножію Балкановъ, гдѣ онъ приготовитъ укрѣпленія, или же овладѣетъ Мисемвріею, съ помощію флота, который прибудетъ туда на тѣхъ же дняхъ.

Если бы, сверхъ всякаго ожиданія, великій визирь послѣдовалъ за генер. Красовскимъ, то я, съ 2-мъ корпусомъ, двинусь на помощь послѣднему; если же, напротивъ того, и визирь, съ своей стороны, поспѣшитъ перейдти Балканы, дабы предупредить насъ по крайней мѣрѣ въ Айдосѣ,—тогда 2-й корпусъ слѣдуетъ, не останавливаясь, за колоннами Рота и Ридигера, и я могу буду собрать за Балканами 40 т. чел., изъ коихъ 28 т. пѣхоты. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, Красовскій двинется къ Шумлѣ, дабы, если возможно, тревожить визиря, при его движеніи черезъ Эски-Стамбулъ, или чтобы

принудить его оставить въ Шумлѣ значительныя силы, для обороны обширныхъ верковъ этой крѣпости. Таковы мои общія соображенія; но обстоятельства могутъ заставить сдѣлать въ нихъ значительныя перемѣны.

Отъ первоначальнаго моего желанія—сдѣлать высадку въ окрестностяхъ Бургаса, я отказался по тремъ причинамъ. Первая—есть слабость флота, вслѣдствіе большаго числа больныхъ, и опасеніе—неоднократно удалять его, при подобныхъ обстоятельствахъ, отъ строгаго наблюденія за турецкимъ флотомъ. Вторая причина есть опасеніе, что подобная экспедиція, которую нельзя совершить иначе, какъ съ обширными подготовленіями, возбудила бы полное вниманіе непріятеля. Наконецъ, третьею причиною является опасность посадки войскъ на суда по близости отъ города, гдѣ свирѣпствуетъ заразительная болѣзнь.

По донесеніямъ перебѣжчиковъ, должно полагать, что великій визирь получилъ изъ Константинополя 9 полковъ регулярной пѣхоты; но полки эти не сильнаго состава и плохо обучены. Прибытіе этихъ полковъ въ Шумлу, вмѣсто того, чтобы они были употреблены на усиленіе Айдоса, подаетъ мнѣ надежду, что остановка моя передъ Шумлою обманула Решида и что онъ думалъ, будто я, по прибытіи Красовскаго, повторю прошлогоднюю блокаду. Постараюсь, насколько возможно, утвердить его въ этомъ мнѣніи.

Заразительная болѣзнь все еще продолжается съ большою силою въ Варнѣ и Козлуджи; въ другихъ портахъ и въ княжествахъ она менѣе сильна. Въ самой арміи были лишь рѣдкіе случаи заболѣваній, но и они, благодаря Бога, не сообщались другимъ.

Съ этимъ же курьеромъ, В. И. В. получите мое представленіе о Бутурлинѣ. Мнѣ весьма жаль его лишиться; онъ, за все это время, обнаружилъ много усердія и честности. Онъ проситъ меня, какъ милости, уволить его отъ должности генералъ-квартирмейстера, чувствуя, что физическія силы не дозволяютъ ему исполнять оную такъ, какъ онъ того желалъ бы и какъ польза службы требуетъ. Убѣдившись въ совершенно разстроенномъ состояніи его здоровья, которое не допускаетъ его даже, въ дурную погоду, ѣздить верхомъ, я—согласно желанію Толля — возложилъ на Берга его прежнюю должность, и осмѣливаюсь просить на это утвержденія В. В—ва, въ виду примѣрнаго усердія, дѣятельности и отличнаго мужества, выказанныхъ имъ при всѣхъ встрѣчавшихся случаяхъ. Осмѣливаюсь испрашивать, какъ особой милости, назначенія Бутурлина въ сенатъ; примѣръ подобнаго назначенія представляетъ генералъ Павелъ Нейдгардтъ.

Графы Толль и Паленъ повергаютъ себя къ стопамъ В. В—ва. Я же осмѣливаюсь просить васъ повергнуть къ стопамъ Ея В—ва Императрицы мои искреннія поздравленія съ днемъ ея рожденія и благоволить.....

Императоръ Николай—гр. Дибичу.

Бобруйскъ, 3-го (15-го) іюля [1].

Курьеръ вашъ, любезный другъ, прибылъ ко мнѣ вчера вечеромъ, послѣ полуночи. Очень радъ узнать, что вы уже готовились начать ваше обширное движеніе и молю Бога, что бы благословилъ ваши старанія. Весьма одобряю распоряженія ваши, которыя—на сколько можно судить отсюда—кажутся мнѣ весьма разумными. Я полагаю даже, что если не встрѣтится препятствій болѣе важныхъ, чѣмъ тѣ, которыя вамъ доселѣ извѣстны, то Роту можно будетъ прибыть къ Мисемвріи даже ранѣе 8-го числа. Но сомнѣваюсь, чтобы вы могли опредѣлить время прибытія флота, потому что, къ несчастію, вѣтры не состоятъ подъ нашимъ начальствомъ. Я не понимаю, для чего вы составили гарнизонъ Силистріи изъ двухъ бригадъ, взятыхъ изъ 4-й и 8-й дивизій; этимъ, обѣ дивизіи разстраиваются; между тѣмъ какъ у васъ есть для сего 1-я бригада 11-й дивизіи. Любопытно знать, что̀ будетъ дѣлать визирь; трудно даже сказать, что̀бы ему лучше всего сдѣлать.

Я крайне опечаленъ распространеніемъ и опустошеніями чумы. Ради Бога, обратите все ваше вниманіе на то, чтобы съ болѣзнію этою обращались какъ съ настоящею чумою, потому что это она и есть. Старайтесь имѣть какъ можно менѣе сношеній съ Варною, пока эта язва не минуетъ, и устройте по крайней мѣрѣ такъ, чтобы она не проникла въ тѣ морскіе порты, которыми, какъ я надѣюсь, вы овладѣете и которые, тогда, могутъ замѣнить Варну. Я посылаю Лобанова, чтобы осмотрѣлъ всѣ зачумленныя мѣста и донесъ, какъ мнѣ, такъ и вамъ; онъ уѣзжаетъ завтра. Здѣсь я остался вполнѣ доволенъ крѣпостными работами, равно какъ четырьмя полками 3-й дивизіи и двумя піонерными баталіонами. Выѣзжаю завтра, чтобы, переночевавъ въ Могилевѣ, выѣхать оттуда 5-го числа и 7-го быть въ Старой Русѣ.

Мой поклонъ Толлю и Палену. Остаюсь весь вашъ, душею и сердцемъ. Богъ да поможетъ вамъ. Н.

---

[1]) Отвѣтъ на письмо Дибича, отъ 26-го іюня. (Перев. съ франц.).

Bobrouysk. le 3 (15) Juillet.

Votre courrier m'est arrivé hier soir, mon cher amis, à minuit passé. Je suis fort charmé d'apprendre que vous étiez sur le point de commencer votre grande opération, et je demande à Dieu de bénir vos efforts. J'approuve parfaitement vos dispositions qui, si on en juge d'ici, me paraissent fort sages; je crois même que, s'il n'y a pas de plus grands obstacles que ceux qui vous sont connus jusqu'ici, Rott pourra arriver même plustôt que le 8, devant Missémvrie. Mais, ce dont je doute, c'est que vous puissiez préciser l'arrivée de la flotte, car malheureusement les vents ne sont pas sous nos ordres. Je ne comprends pas, pourquoi vous avez formé la garnison de Silistrie de 2 brigades des 4 et 8; cela dérange deux divisions; tandis que vous avez la 1-re brigade de la 11-me division pour cet effet. Je suis curieux de savoir ce que fera le Wizir; il est même difficile à dire, ce qu'il aura de mieux à faire.

Je suis désolé des ravages et de l'étendue de la peste. Au nom de Dieu, portez toute votre attention à ce qu'on ne traite pas la chose autrement que comme la peste véritable; car c'est elle. Tachez d'être le moins possible en communication avec Warna, tant que ce fléau n'est pas passé, et faites du moins que ça ne gagne pas les ports de mer, que j'éspère que vous prendrez et qui, alors, pourront remplacer Warna. J'envois Lobanof faire la revue de tous les points pestiférés et m'en faire, ainsi qu'à vous, le rapport; il part demain. Je suis parfaitement satisfait ici des travaux de la place et des 4 régiments de la 3-me division, ainsi que des 2 bataillons pionniers. Je pars demain, pour coucher à Mohilef et en repartir le 5, pour être le 7 soir à Staraya Roussa.

Mille choses à Toll et Pahlen. Tout à vous, mon cher ami, de coeur et d'âme; et que Dieu vous seconde. N.

Гр. Дибичъ—императору Николаю.

Лагерь при Энжикіой, близь Шумлы, 5-го іюля [1]).

(Перев. съ франц.). 2-го числа я получилъ письмо, которое В. В. удостоили написать мнѣ изъ Козельца, равно какъ и новыя милости, которыми вамъ благоугодно было меня осыпать. Всемогущій, благословляя труды храбрыхъ войскъ вашихъ, да подастъ мнѣ случай доказать В. В—ву мою глубокую благодарность, — и да будетъ Черниговскій полкъ (какъ я на то надѣюсь) навсегда проникнутъ тѣми чувствами, которыя заслужили ему Ваше одобреніе, Государь, а мнѣ — честь сдѣлаться шефомъ старѣйшаго полка, который съумѣлъ уже заслужить похвалу безсмертнаго Петра Великаго, въ день полтавской битвы.

---

[1]) Отвѣтъ на письмо Государя, отъ 26-го іюня 1829 г.

Осмѣливаюсь въ то же время просить В. В., дозволить мнѣ носить и мундиръ гвардейскаго генеральнаго штаба; воспоминанія о времени, въ которое я его носилъ, мнѣ слишкомъ дороги, такъ что не могу не принесть Вамъ этой просьбы.

Изъ послѣдняго письма моего В. В. уже видѣли тѣ распоряженія, какія я сдѣлалъ для перехода черезъ Балканы. До сихъ поръ я ничего въ нихъ не измѣнилъ, исключая лишь, что остался на сегодняшній день здѣсь, вмѣстѣ съ Красовскимъ, и что оба корпуса вмѣстѣ совершатъ, въ эту ночь, переходъ къ Енибазару, откуда я, съ корпусомъ Палена, выступлю еще завтра вечеромъ въ Дѣвно,—если визирь не послѣдуетъ за нами въ значительныхъ силахъ. Измѣненіе это я сдѣлалъ потому, что, по всѣмъ донесеніямъ, непріятель привлекъ къ себѣ всѣ регулярныя войска, бывшія на прибрежьѣ Чернаго моря и на Камчикѣ и, значитъ, генералы Ротъ и Ридигеръ не могутъ встрѣтить сильнаго сопротивленія на этихъ пунктахъ.

30-го іюня мы имѣли здѣсь довольно хорошее кавалерійское дѣло, въ которомъ полки 1-й, 2-й и 4-й Бугскіе и два казачьи, подъ личнымъ начальствомъ генер. Ридигера, неоднократно отбивали турецкую конницу (силою въ 3—4 т. коней), хотѣвшую поддержать своихъ фуражировъ, и принудили ее отступить за укрѣпленія. Самъ визирь находился при этомъ дѣлѣ и лишился въ ономъ одного изъ офицеровъ своей свиты, а также одного кавалерійскаго бимъ-баши и болѣе 100 чел. убитыми. Мы взяли 60 чел. плѣнныхъ. Бугскіе полки и казаки, предводимые храбрымъ старикомъ Жировымъ, показали себя самымъ блистательнымъ образомъ. Я этому тѣмъ болѣе радъ, что на уланъ хотѣли набросить тѣнь сомнѣнія за предшествовавшія дѣла, и что они дѣйствительно заслуживали упрека въ небрежности, особенно относительно содержанія лошадей. Задавъ сильный нагоняй виновнымъ, я, въ то же время, старался не дать упасть духу полковъ; это мнѣ удалось, и теперь сами порицатели не могутъ довольно нахвалиться и войсками и начальниками. Подъ генер. Рейтерномъ убита лошадь; генер. Акинфіевъ (который дѣйствительно болѣнъ и уже получилъ отпускъ) отличался во главѣ своей бригады, а замѣститель его, Пѣшковъ, помогалъ ему отъ всей души и сердца; генер. Сиверсъ, какъ и всегда, высказывалъ примѣрное и неизмѣнное усердіе.

Присылка резервовъ идетъ теперь вполнѣ удовлетворительно. Если обстоятельства, (которыхъ нельзя предвидѣть при нынѣшнемъ, столь рѣшительномъ положеніи), того потребуютъ, то В. В. разрѣшите мнѣ нѣкоторыя дивизіи усиливать, сравнительно съ другими. В. В. можете быть увѣрены, что я, будучи изъ принципа врагомъ

всякихъ переустройствъ, сдѣлаю изъ нихъ лишь такія, какія окажутся необходимыми; но Вы, конечно, уполномочите меня на это, такъ какъ разстояніе, отдѣляющее меня отъ Васъ, громадно и, вслѣдствіе сего, всякое замедленіе можетъ имѣть важнѣйшія послѣдствія.

Уповаю, что Богъ намъ поможетъ и что резервы безвредно пройдутъ черезъ зараженныя мѣстности. Болѣзнь эта, которая къ несчастію усиливается на всѣхъ складочныхъ пунктахъ, каковы: Варна, Базарджикъ, Кистенджи и Бабадагъ, и которая, хотя въ слабомъ видѣ, показалась и въ Сизеполѣ, страшно угрожаетъ всѣмъ нашимъ запаснымъ средствамъ, которыя столь удачно были приготовлены. Въ случаѣ, если бы она причинила намъ потери въ самой арміи, то относительно зимнихъ квартиръ явятся такія затрудненія, которыя я даже не могу надлежащимъ образомъ себѣ представить, прежде чѣмъ не увижу средствъ для перехода черезъ Балканы и не ознакомлюсь съ духомъ населенія Румеліи, а также—пока не обнаружится, какого рода впечатлѣніе произведетъ переходъ черезъ Балканы на непріятеля, который, судя по всѣмъ даннымъ, уже утомленъ обороною, ведшеюся упорнѣе, чѣмъ когда либо. О всемъ этомъ я надѣюсь сообщить В. И. В—ву болѣе подробныя свѣдѣнія только тогда, когда, по переходѣ черезъ горы, буду подготовлять средства для дальнѣйшаго похода.

Я очень радъ, что В. И. В. имѣли причины быть довольнымъ польскими провинціями, и въ Царствѣ и въ Имперіи, равно какъ смотрами, произведенными въ Тульчѣ, Кіевѣ и Козельцѣ. Зная усердіе, которымъ одушевлены войска, смѣю надѣяться, что Вы останетесь довольны и въ Бобруйскѣ, и въ Новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ.

Еще до полученія письма В. В—ва, я уже просилъ е. выс—во вел. князя Михаила Павловича позволить удержать здѣсь гвардейскихъ офицеровъ, до слѣдующаго приказанія. Разрѣшите, Государь, оставить здѣсь еще на нѣкоторое время этихъ отличныхъ офицеровъ и храбраго Шильдера.

Если великій визирь не оставитъ весьма многочисленнаго гарнизона въ Шумлѣ, то, поведя энергическую осаду, мы, можетъ быть, успѣемъ овладѣть этою крѣпостью, важною особенно по общему о ней мнѣнію и нужною намъ на тотъ случай, если бы—при несчастіи—третья кампанія заставила насъ менѣе разсчитывать на наше морское преобладаніе. Съ другой стороны, можетъ быть и Киселевъ, по прибытіи резервовъ, получитъ возможность осадить Журжево, занявъ острова противъ этой крѣпости и противъ Рущука,—и въ этомъ случаѣ намъ могутъ еще понадобиться опытные инженеры и артиллеристы.

Надѣюсь, что корпуса Рота и Ридигера сегодня перейдутъ Камчикъ и льщу себя надеждою, что дня черезъ три или четыре великій вопросъ о переходѣ Балкановъ долженъ разрѣшиться, — или же произойдетъ второе сраженіе съ визиремъ.

Насколько я исполненъ надеждъ въ отношеніи военныхъ событій, настолько же опечаленъ страшнымъ дѣйствіемъ заразы, въ усиленной прогрессіи распространяющейся, особенно въ Варнѣ, Праводахъ и Кистенджи. Насколько возможно стараюсь не упустить ни одного человѣческаго средства для того, что бы остановить ее; но на одну лишь милость Божію дерзаю надѣяться.

Графы Толль и Паленъ повергаютъ къ стопамъ В. В—ва свою искреннѣйшую благодарность за августѣйшее о нихъ памятованіе. Я весьма счастливъ, что имѣю такихъ помощниковъ, примѣръ которыхъ оказываетъ самое благотворное дѣйствіе. — Благоволите Государь....

Лагерь при Дервишъ-Авонѣ, 9 іюля.

(Перев. съ франц.). Строки эти имѣю счастіе писать В. В—ву на лѣвомъ берегу Камчика въ тотъ самый моментъ, когда аванпосты генер. Рота уже достигли вершинъ главнаго Балканскаго хребта, по прямой дорогѣ изъ Асиро въ Монастырь-Кіой.

Постоянные дожди оказали большую пользу травѣ и нашему рогатому скоту, но за то такъ испортили дороги между Праводами и Камчикомъ, что колонны наши не могли въ точности исполнить предписанные имъ на всякій день переходы; однако это маловажное замедленіе не воспрепятствовало имъ въ достиженіи желаемыхъ результатовъ, которыми, надѣюсь, В. В. будете довольны.

Трофеи, пріобрѣтенные генералами Ротомъ и Ридигеромъ, 6 и 7 числа, состоятъ изъ 10 пушекъ (полевыхъ), 14 знаменъ, болѣе 300 плѣнныхъ, множества аммуниціи и другихъ вещей. Вопреки всѣмъ затрудненіямъ и не смотря на то, что непріятельскіе окопы были весьма значительны и очень хорошо расположены,—все это пріобрѣтено съ потерею около 300 чел. убитыми и ранеными. Бóльшая часть этой потери понесена была передъ переправою, при изготовленіи мостовъ и пр.; потому что окопы турецкіе, при всей ихъ силѣ, взяты были почти безъ урона, бѣгомъ, въ штыки. При этомъ, окопы у Дервишъ-Кіоя взяты были уланами 4-й дивизіи (подобно тому, какъ сдѣлали гусары подъ Шумлою, 31 мая).

Непріятель, защищавшій прибрежье Камчика, отъ Кіоприкіоя до устья, подъ начальствомъ пашей: Али и Юсуфа (въ числѣ 10—12 т.

человѣкъ, между которыми было 3 полка регулярной пѣхоты), бѣжалъ въ величайшемъ безпорядкѣ и болѣе нигдѣ не держится. Только благодаря крайнему утомленію нашей пѣхоты, ему удалось спасти 4 или 6 пушекъ; но съ 7-го числа онъ ихъ болѣе не употреблялъ въ дѣло.

Такъ какъ 7-го числа великій визирь находился въ Шумлѣ и такъ какъ у Абдерахмана-паши нѣтъ значительныхъ силъ, то все это подаетъ мнѣ надежду, что, при помощи Божіей, я въ состояніи буду, избѣжавъ большихъ потерь, увѣдомить съ слѣдующимъ курьеромъ о переходѣ черезъ пресловутыя Балканы, о которыхъ столько кричали туркофилы и которымъ счастливое состояніе Оттоманской имперіи, въ теченіи пяти столѣтій, доставило исполинскую репутацію.

В. В—ву, надѣюсь, пріятно будетъ тоже узнать, что, благодаря быстротѣ нашихъ дѣйствій, греки и болгары, живущіе въ селеніяхъ той части Балкановъ, которая уже занята нашими войсками, остались на мѣстѣ, приняли побѣдителей съ величайшею радостію и въ церквахъ своихъ принесли благодареніе Богу за ихъ счастливое прибытіе. Я отдалъ самыя положительныя приказанія, что бы щадили все, имъ принадлежащее, и платили наличными деньгами за все, что они готовы продавать намъ.

Послѣднія извѣстія о заразѣ нѣсколько менѣе страшны, за исключеніемъ лишь Праводъ, гдѣ она свирѣпствуетъ хуже чѣмъ, когда либо. Это побудило меня отдать приказаніе: разрушить и сжечь названное мѣстечко, которое, конечно, оказало намъ большія услуги, но которое стало менѣе важнымъ съ тѣхъ поръ, какъ мы заняли отличное расположеніе у Кіоприкіоя.

Желая заявить гр. Толлю новое доказательство моей дружбы и благодарности, я посылаю къ В. В—ву одного изъ его адъютантовъ, Крузенштерна — отличнаго офицера. Толль и Паленъ повергаютъ себя къ стопамъ В. В—ва. — Осмѣливаюсь просить Васъ, Государь, повергнуть къ стопамъ Ея В—ва Императрицы выраженіе моей глубокой преданности — такъ какъ я надѣюсь, что Ея В. уже прибыла въ Петербургъ.

P. S. Только что получилъ письмо отъ адмирала Грейга, который вчера хотѣлъ прибыть въ Мисемврійскій заливъ.

Императоръ Николай — гр. Дибичу.

Александрія, близь Петергофа, 19 іюля [1].

Вы легко поймете, любезный другъ, съ какимъ крайнимъ удовольствіемъ я принялъ Крузенштерна, привезшаго счастливую вѣсть объ отлично исполненномъ первомъ шагѣ къ рѣшительному моменту кампаніи. Честь вамъ и слава за распоряженія, а храбрымъ вашимъ войскамъ за исполненіе. Да благословитъ Господь наше оружіе и да поможетъ намъ, какъ можно быстрѣе, достигнуть столь желаемаго результата. По свѣдѣніямъ, доставленнымъ вчера изъ Константинополя, положительно извѣстно, что вслѣдствіе донесенія визиря о переговорахъ его съ Фонтономъ, какое-то важное лицо послано въ его главную квартиру. Можетъ быть вамъ, въ настоящую минуту, болѣе извѣстно объ этомъ, нежели намъ.

Я едва лишь успѣлъ выѣхать изъ Нарвы, какъ получилъ отъ Паскевича извѣстіе о совершенномъ уничтоженіи двухъ турецкихъ армій, которыя были ему противопоставлены, и о взятіи въ плѣнъ начальствующаго одною изъ нихъ; такъ что, по прибытіи въ Петербургъ, мы начали съ того, что отслужили молебенъ.—Крузенштернъ прибылъ вчера вечеромъ, въ ту минуту, какъ я надѣвалъ шарфъ, чтобы ѣхать на смотръ въ Красное Село. Вы легко можете себѣ представить восторгъ.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю узнать, на чтó рѣшится визирь; я все полагаю, что онъ, не будучи въ состояніи предупредить васъ въ Айдосѣ, сдѣлаетъ все возможное, что бы вымѣстить это на Красовскомъ, или же—встанетъ между вами и имъ. Надо быть на сторожѣ, особенно, если показаніе дезертира, объ ожидаемыхъ подкрѣпленіяхъ, справедливо. Впрочемъ мнѣ кажется, что у Красовскаго довольно силъ и, особенно — артиллеріи; такъ что онъ можетъ не опасаться этой атаки.

Чума, появившаяся вездѣ, особенно же въ Праводахъ, есть вещь ужасная; дай Богъ, что бы она не добралась до дѣйствующей арміи! Надо удвоить бдительность. Надѣюсь, что вслѣдствіе вашихъ предосторожностей, резервамъ удастся отъ нея уйдти; первые ихъ отдѣлы, должно быть, уже присоединились къ вамъ. Вчера послано приказаніе о доставкѣ вамъ еще 11 т. чел. пѣхоты; это уже послѣдніе въ нынѣшнемъ году. Вы сами ужъ рѣшите — увѣдомивъ о семъ Витта,—желаете ли вы получить на каждый полкъ по 2 эскадрона, которые совершенно готовы.

Здѣсь я всѣмъ очень доволенъ и дѣла идутъ хорошо.—Само со-

[1] Отвѣтъ на письмо Дибича, отъ 9 іюля. (Перев. съ франц.).

бою разумѣется, любезный другъ, что вы сохраняете вашъ прежній мундиръ, совмѣстно съ Черниговскимъ; я даже не понимаю вашихъ сомнѣній въ этомъ случаѣ. Кланяйтесь Толлю и Палену. Желаю, что бы вы вскорѣ извѣстили меня объ окончаніи того, что такъ хорошо начато вами.—Жена моя вамъ кланяется; она весьма счастлива, что опять съ дѣтьми, и устраивается на своей прелестной дачѣ.

Прощайте, любезный другъ; Богъ да наставляетъ и хранитъ васъ. Вашъ навсегда Н.

Alexandrie, près de Peterhof, ce 19 Juillet.

Vous vous direz aisement, mon cher ami, avec quel plaisir extrême j'ai reçu Krousenstern avec l'heureuse nouvelle de l'excellent premier pas vers le moment décisif de la campagne. Honneur vous soit rendu pour la disposition et à vos braves trouppes pour l'éxécution. Que Dieu daigne bénir nos armes et nous fasse arriver le plustôt possible au résultat tant desiré. D'aprés des nouvelles, arrivées hier de Constantinople, il est positif, qu'à la suite du rapport du Wizir sur les pourparlers avec Fonton, un personnage a été expedié pour son quartier génèral. Peut être, en savez vous plus que nous, dans ce moment.

C'est à peine après avoir quitté Narva, que j'ai reçu de Paskevitsch la nouvelle de l'entière destruction des deux armées turques qui lui étaient opposées, et la prise de l'un de deux commandants; ce qui a fait que nous avons debutés à Pétérsbourg par un Tedeum. Krousenstern est arrivé hier soir, au moment où je mettais l'écharpe, pour aller passer la revue des trouppes à Красное Село. Vous pouvez aisément vous figurer l'enthousiasme.

Je suis impatient de savoir, quel parti va prendre le Wizir; je suppose toujours que, ne pouvant plus vous devancer à Aydos, il fera son possible pour s'en venger sur Красовскій, ou en se mettant entre vous et lui; il faut être sur ses gardes, surtout si le dire du déserteur sur les renforts attendus est vrai. Au reste, il me parait que Красовскій est assez fort, et surtut en artillerie, pour ne pas craindre cette attaque.

La peste partout, surtout à Праводы—est une chose désolante; plaise au Ciel qu'elle ne parvienne pas jusqu'à l'armée active; il faut redoubler d'attention. J'éspère que, vu vos précautions, les résérves pourront y échapper; les prémiers doivent vous avois joint. L'ordre est parti hier pour vous faire arriver encore 11 m. h. d'infanterie; ce sont les derniers de cette année. Vous déciderez vous même, en informant Witt, si vous voulez 2 escadrons par régiment, qui sont tout prêts.

Je suis fort content de tout ici, et cela marche bien. Il s'entend de soi même, mon cher ami, que vous conservez votre ancien uniforme à côté de celui de Черниговъ; je ne comprends même pas votre doute ladessus. Mille choses à Toll et Pahlen. Puissiez vous bientot me donner la nouvelle de la fin de ce que vous avez si bien commencé Ma femme vous dit mille choses; elle est fort heureuse de se retrouver avec les enfants et s'établie dans ce délicieuse campagne.

Adieu, mon cher ami; que Dieu vous guide et vous conserve. A vous pour la vie N.

Гр. Дибичъ — Императору Николаю.

Лагерь при Энжикіой, близь Мисемвріи, 12 іюля.

(Перев. съ франц.). Всевышній благословилъ усилія храбрыхъ и несравненныхъ войскъ, начальствомъ надъ коими В. В. меня удостоили. Балканы, слывшія непреодолимыми въ теченіи стольких вѣковъ, перейдены были ими (войсками) въ 3 дня и побѣдоносныя знамена В. И. В—ва развѣваются на стѣнахъ Мисемвріи, Ахіоло и Бургаса, въ виду населенія, принимающаго нашихъ храбрецовъ, какъ своихъ избавителей и братьевъ.

Взятіе этихъ трехъ укрѣпленныхъ городовъ было послѣдствіемъ нѣсколькихъ дѣлъ, выдержанныхъ войсками 6-го и 7-го корпусовъ (10 и 11 числа), при дебушированіи изъ Балкановъ и преслѣдованіи непріятеля. Генералы Ротъ и Ридигеръ выполнили сдѣланныя мною распоряженія съ такою энергіею и быстротою, которыя не оставляли желать ничего лучшаго.

14 полевыхъ пушекъ, около 40 орудій, взятыхъ на батареяхъ, устроенныхъ для защиты городовъ, 21 знамя и почти 3 т. чел. плѣнныхъ суть трофеи этихъ славныхъ дней, равно какъ почти оконченный, но не вооруженный корветъ, захваченный нашими егерями на верфи, около Мисемвріи. Между плѣнными находится и мисемврійскій комендантъ, двухъ-бунчужный паша Османъ. Наша потеря ничтожна; войска же трехъ-бунчужнаго паши Абдурахмана, который начальствовалъ на всемъ прибрежьѣ моря и на низовьяхъ Камчика, разстроены почти въ конецъ.—Бургасъ былъ взятъ храбрыми уланами, подъ начальствомъ Набеля, при преслѣдованіи гарнизона, предпринявшаго вылазку противъ нашихъ войскъ. Ахіоло занятъ безпрепятственно нашими отважными товарищами, моряками.—По свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ Красовскаго, великій визирь, 9-го числа, находился еще въ Шумлѣ.

Къ несчастію, до прибытія моихъ обозовъ, (которые лишь весьма медленно слѣдуютъ за нами, по горамъ), я нахожусь въ невозможности удалиться отъ тѣхъ пунктовъ, гдѣ уже собрано почти на цѣлый мѣсяцъ провіанта и фуража. Надѣюсь, однако, занять Айдосъ и двинуться туда со всѣми силами, какъ только прибудутъ первыя обозы; тогда авангардъ будетъ выдвинутъ къ Карнабаду.

Вчера, на Мисемврійскомъ рейдѣ, на кораблѣ Парижъ, за обѣдомъ у адмирала Грейга, мы праздновали день тезоименитства ея и. выс—ства вел. княжны Ольги. В. В. можете судить сколь я былъ счастливъ, находясь, въ сей благословенный Богомъ день, среди стольких

воспоминаній и въ кругу нашихъ храбрыхъ, отличныхъ товарищей-моряковъ. Я познакомился тамъ съ безстрашнымъ Козарскимъ. Всѣ они воспламенены одинаковымъ усердіемъ; но турецкому флоту, повидимому, нѣтъ охоты дать имъ случай показать себя въ рѣшительномъ дѣлѣ.

Такъ какъ генералы Ротъ и Ридигеръ выказали себя съ отличнѣйшей стороны на Камчикѣ и въ славныхъ дѣлахъ за Балканами, то осмѣливаюсь просить В. В., что бы Вы благоволили почтить ихъ какимъ либо воспоминаніемъ о сихъ дняхъ. По моему мнѣнію, первому, за взятіе Мисемвріи—бриліантовая шпага, а второму—орденъ св. Александра Невскаго съ алмазами, были бы прекрасными наградами; но впрочемъ, воля В. В—ва сдѣлаетъ наилучшій выборъ. Осмѣливаюсь также просить для главнаго моего помощника, графа Толля, за Силистрію и за все, что имъ было сдѣлано со времени сраженія подъ Кулевчею,—орденъ св. Владиміра 1-й степени, котораго онъ вполнѣ заслуживаетъ по своему усердію, дѣятельности и прямодушію.

Депеши эти имѣю счастіе послать съ полковникомъ Лачиновымъ, который, при исполненіи различныхъ порученій, возлагаемыхъ на него зимою, а также въ продолженіе кампаніи, являлъ доказательства величайшаго усердія и отличныхъ способностей и мужества, — также какъ и товарищъ его, Зуровъ. Я направляю Лачинова моремъ, черезъ Одессу, надѣясь, что такимъ образомъ онъ избѣгнетъ карантина; потому что у насъ здѣсь, слава Богу, не было ни одного случая заразительной болѣзни, ни въ арміи, ни среди обывателей. Въ Сизеполѣ болѣзнь тоже начинаетъ исчезать, и умершихъ было весьма мало. Въ Варнѣ, гдѣ смертность была громадная, болѣзнь стала нѣсколько уменьшаться; но Трубецкой, который только что пріѣхалъ, привезъ мнѣ весьма печальныя извѣстія объ Исакчѣ и Бабадагѣ, гдѣ полный недостатокъ въ лѣкаряхъ и госпитальныхъ офицерахъ, (которые всѣ перемерли), имѣлъ, повидимому, самыя грустныя послѣдствія. Во всѣ эти мѣста посланъ уже двойной комплектъ названныхъ чиновъ; но всего этого, повидимому, недостаточно. — Пишу еще генералу Кузьмину; но у него тоже нѣтъ средствъ и почти вовсе не имѣется войскъ; а я не могу, его усиливать, не рискуя заразить посланнаго туда войска, подобно тому, какъ случилось съ Низовскимъ полкомъ, въ Варнѣ; къ тому же, я терплю недостатокъ и въ медикахъ, и въ чиновникахъ карантинныхъ и коммисаріатскихъ.

Такъ какъ 1-я бригада 11-й дивизіи не можетъ быть вся выведена изъ Букарешта, по причинѣ чумы и опасенія занести ее въ Силистрію, то я вынужденъ былъ оставить въ названной крѣпости

3-ю бригаду 8-й дивизіи; потому что, до окончательнаго исправленія верковъ, я считаю четырехъ баталіоновъ недостаточнымъ для занятія этой обширной крѣпости, такъ какъ между нею и Рущукомъ ничего нѣтъ, а пока Красовскій въ Енибазарѣ, то и на дорогѣ въ Шумлу, кромѣ казаковъ, ничего не имѣется.

Графы Толль и Паленъ повергаютъ къ стопамъ В. В—ва свою благодарность за память о нихъ. У послѣдняго была рожа на ногѣ; впрочемъ, ему лучше, и болѣзнь не препятствуетъ ему быть всегда верхомъ, впереди своихъ войскъ.

Айдосъ, 18 іюля.

(Перев. съ франц.). Отправивъ полковника Лачинова, я самъ, 13-го іюля, двинулся по направленію къ Айдосу, для поддержанія авангарда генерала Ридигера, на случай, если бы турки, которыхъ надо было ожидать изъ Шумлы, соединились у вышеназваннаго пункта съ остатками войскъ Абдурахмана-паши. Дѣйствительно, Ибрагимъ-паша (Тульчинскій), посланный великимъ визиремъ, съ 9-ю полками регулярной пѣхоты, 1500 регулярныхъ и такимъ же числомъ иррегулярныхъ всадниковъ, выступилъ 8-го числа изъ Шумлы, по направленію на Кіоприкіой, но узнавъ о взятіи этого пункта и о нашихъ успѣхахъ на Камчикѣ, онъ остановился на дорогѣ въ Айдосъ и двинулся къ этому мѣстечку, когда свѣдалъ о пораженіи Абдурахмана-паши и покореніи крѣпостей у Бургасскаго залива. Такъ какъ войска сераскира разбѣжались по всѣмъ направленіямъ, то и у Ибрагима былъ отрядъ силою около 10 т., при трехъ пушкахъ; его пѣхота была составлена изъ тѣхъ полковъ, на которыхъ великій визирь еще надѣялся, потому что они прибыли послѣ Кулевчи. Генералъ Ридигеръ имѣлъ лишь 8 весьма слабыхъ баталіоновъ Уфимскаго, Пермскаго, 36-го и 37-го егерскихъ полковъ, 20 орудій, 2-ю бригаду 4-й уланской дивизіи и два слабые казачьи полка, предводимые храбрыми генералами: Шереметьевымъ и Жировымъ. Все это, вмѣстѣ, составляло едва 4 т. человѣкъ; тѣмъ не менѣе, генералъ Ридигеръ не задумался повести атаку. Конница турецкая напрасно старалась своими атаками, еще довольно энергичными, остановить наше движеніе: она была отброшена картечью. Тогда егеря 36-го и 37-го полковъ бросились на городъ, окруженный плохимъ рвомъ и едва лишь начатыми укрѣпленіями, но сильный своими домами и каменными стѣнами садовъ. Турецкая пѣхота вотще старалась противиться егерямъ: она была опрокинута штыками и, сильно обстрѣливаемая артиллеріею, начала отступленіе, которое превратилось въ бѣгство, вслѣдствіе рѣшительной атаки уланъ и казаковъ. Болѣе 1000 уби-

тыхъ осталось на мѣстѣ, въ плѣнъ взято 300 чел.; остальные въ разстройствѣ бѣжали къ Карнабаду, горною тропою, по которой кавалерія не могла ихъ болѣе преслѣдовать и гдѣ сильно утомленная пѣхота не могла уже настигнуть ихъ. Трофеями этого славнаго дѣла были: 3 непріятельскія пушки, изъ коихъ одна подбитая, и четвертая пушка—русская, оставшаяся въ городѣ (вѣроятно, изъ лагеря прежняго великаго визиря, потому что эта пушка та самая, которая взята была у принца Евгенія, въ дѣлѣ 18 сентября); кромѣ того, много зарядныхъ ящиковъ (между ними—и принадлежавшій помянутой пушкѣ, а равно, патронный ящикъ Азовскаго полка, взятый тоже 18 сентября); 4 знамени, множество оружія и другихъ предметовъ, между прочимъ, около 500 боченковъ съ порохомъ. Бѣглецы бросали даже шинели свои, коихъ подобрано болѣе 3000; я велѣлъ взять ихъ для зимнихъ госпиталей.—Послѣ этой послѣдней неудачи, непріятель болѣе нигдѣ не держится. Карнабадъ занятъ безъ выстрѣла, утромъ 15-го числа, и жители говорятъ, будто турки уже оставили Ямболь, куда они бѣжали, слѣдуя по обычной дорогѣ изъ Карнабада въ Адріанополь. По показаніямъ большинства плѣнныхъ, великій визирь, съ 15 т. человѣкъ, находится въ Шумлѣ. Генералъ Красовскій доноситъ то же самое; другіе же плѣнные и дезертиры полагаютъ, что онъ, инкогнито, отправился по дорогѣ въ Адріанополь и что Шумлу начали очищать. — Первое показаніе кажется болѣе достовѣрнымъ.

Ген. Красовскій пишетъ мнѣ, что, согласно приказаніямъ, которыя я оставилъ ему на различные случаи, онъ 15-го числа опять подвинется къ Шумлѣ и, если убѣдится, что она занята такимъ числомъ войскъ, которое не превосходитъ его силъ, то вышлетъ мнѣ, кромѣ 2-й гусарской дивизіи, которая уже на походѣ, еще 2-ю Бугскую бригаду; съ прибытіемъ же его пѣхотныхъ резервовъ, онъ поведетъ противъ крѣпости правильную атаку, употребляя на это двѣ осадныя роты, изъ оставшихся въ Силистріи. Умоляю В. В. оставить мнѣ, на этотъ случай, Шильдера и гвардейскихъ офицеровъ. Первый своею смѣлостію, а послѣдніе отличнымъ исполненіемъ службы значительно ускорятъ ходъ этого предпріятія. Тогда я надѣюсь (если будутъ дѣйствовать согласно плану, въ коемъ мы согласились съ Красовскимъ и Шильдеромъ, во время рекогносцировки 3-го числа, передъ моимъ отъѣздомъ), что черезъ 3 или, самое большое—4 недѣли по прибытіи осадной артиллеріи, Шумла, при помощи Божій, будетъ наша. Это я предпочелъ бы овладѣнію Журжею,—для чего у Киселева нѣтъ достаточныхъ силъ; да и флотиліи нельзя пройдти между сею крѣпостію и Рущукомъ, потому что оба острова сильно заняты

турками. Напротивъ того, если Красовскому удастся взять Шумлу, то я тотчасъ же прикажу совершенно уничтожить ея укрѣпленія, и тогда буду имѣть возможность подкрѣпить Киселева всею 8-ю дивизіею; а это сдѣлаетъ для него возможнымъ и овладѣніе островомъ и осаду Журжи, которая (осада) безъ особенныхъ неудобствъ можетъ продолжаться до осени, такъ какъ будетъ вестись на нашей сторонѣ Дуная и прикрываться островами. Оставивъ, при этомъ, егерскую бригаду 11-й дивизіи и 1-ю Бугскую бригаду, въ видѣ летучаго отряда, между Енибазаромъ и Силистріею, я буду имѣть возможность притянуть къ себѣ остатокъ корпуса Красовскаго и, съ 7-ю пѣхотными и 3½ кавалерійскими дивизіями (оставивъ 10-ю въ Варнѣ и Базарджикѣ, а 12-ю въ приморскихъ крѣпостяхъ и портахъ) приблизиться, еще въ сентябрѣ, къ Мраморному морю и подать руку нашимъ флотамъ, какъ на Средиземномъ, такъ и на Черномъ моряхъ; такимъ образомъ организована будетъ обширная блокада Константинополя, которой онъ не въ состояніи будетъ выдержать цѣлую зиму, и въ которой—разъ, что мы обладаемъ Дарданеллами,—никто не въ состояніи будетъ намъ воспрепятствовать.

Между тѣмъ, я дѣлаю всѣ приготовленія для нашихъ операцій противъ Адріанополя. Благодаря стараніямъ гр. Воронцова, я имѣю теперь, въ портахъ Бургасскаго залива, болѣе чѣмъ на мѣсяцъ продовольствія, и хорошо снабженъ всѣмъ, благодаря усердію, съ какимъ дѣло это велось въ арміи. Въ настоящее время, 2000 верблюдовъ будутъ переносить намъ все нужное, на томъ небольшомъ пространствѣ, которымъ мы отдѣлены отъ моря; черезъ 3 дня, десятидневный запасъ продовольствія, заключающійся въ подвижныхъ магазинахъ, уже перейдетъ черезъ Балканы; а до 5-го августа прибудутъ еще подвижные магазины, съ запасами на 20 дней. Это составитъ, вмѣстѣ съ полковыми обозами (даже и по прибытіи резервовъ), по крайней мѣрѣ на 45 дней продовольствія для войскъ; а по мѣрѣ того, какъ запасъ сей будетъ расходоваться, перевозочныхъ средствъ будетъ достаточно для новыхъ подвозовъ изъ портовъ. За симъ, мы еще отняли у турокъ нѣсколько рогатаго скота и, сверхъ того, 12 т. барановъ, которые очень хороши во время жаровъ. Какъ только прійдутъ послѣдніе резервы (что̀ будетъ, какъ надѣюсь, по маршруту, около 10-го августа), я начну мое рѣшительное движеніе, сосредоточиваясь заблаговременно у Карабунара, куда 2-й корпусъ переходитъ уже сегодня, выдвинувъ авангардъ къ Факи.

Главное движеніе мое—если обстоятельства не измѣнятся—направлено будетъ на Кирклиссу; это, я надѣюсь, заставитъ непріятеля (который, вѣроятно, по привычкѣ своей, будетъ укрѣпляться въ Адріа-

нополѣ и стараться привлечь туда всѣ остатки войскъ и даже, можетъ быть, султанскую гвардію), оставить сей городъ, дабы предупредить насъ въ Люле-Бургасѣ. Если же бы онъ, напротивъ того, остался въ Адріанополѣ, то надѣюсь, при помощи Божіей, успѣть отрѣзать ему путь къ его столицѣ.

Если бы, ранѣе сего, кто нибудь прибылъ ко мнѣ для переговоровъ о мирѣ, то я прійму его, согласно высочайшей волѣ В. В—ва, назначивъ мѣстомъ для переговоровъ — Бургасъ или Ахіоло; но это ни мало не остановитъ моего движенія, — развѣ бы предложили мнѣ условіемъ дарованія перемирія (никакъ не долѣе какъ на одинъ мѣсяцъ и, самое большое, до 25-го августа)—очищеніе Шумлы и Журжева. Этимъ я выигралъ бы, относительно количества войскъ и стратегической силы, болѣе, нежели потерялъ бы во времени; такъ какъ я ни въ какомъ случаѣ не могу начать энергическаго движенія ранѣе 10-го августа.

Что касается самыхъ переговоровъ, то я буду соображаться съ полученными инструкціями; только полагаю, что слѣдуетъ возвысить сумму требуемаго вознагражденія до 15-ти милліоновъ голландскихъ червонцевъ,—имѣя въ виду спуститься потомъ до предписанной цифры, по мѣрѣ увеличенія ихъ сговорчивости относительно другихъ пунктовъ, особенно-же самаго труднаго (какъ я думаю), т. е. греческаго вопроса.

Полагаю впрочемъ, что получу отъ гр. Нессельроде еще нѣкоторыя инструкціи, когда В. И. В. возвратитесь въ Петербургъ. Между тѣмъ, я написалъ графу Фридриху Палену (въ отвѣтъ на письмо, которое онъ мнѣ послалъ послѣ своего пребыванія въ Тульчинѣ), что считалъ бы полезнымъ, еслибъ онъ пріѣхалъ въ Ахіоло или Бургасъ, дабы быть поближе ко мнѣ.

Я стараюсь, по мѣрѣ возможности, устроить здѣшніе, мѣстные порядки. Христіанскіе обыватели всѣ остаются на мѣстахъ жительства, но находятся въ величайшей нищетѣ. Турки, за немногими исключеніями, всѣ уходятъ. Я призналъ самымъ простымъ и самымъ вѣрнымъ средствомъ, возложить управленіе на епископовъ и прочія духовныя власти, придавъ имъ русскихъ, военныхъ и гражданскихъ, депутатовъ и нѣсколькихъ почетныхъ лицъ изъ мѣстныхъ жителей.

Санитарное положеніе на южной сторонѣ Балкановъ совершенно удовлетворительно. Кажется тоже, что и въ Болгаріи, благодаря Бога, зараза начинаетъ ослабѣвать; но опустошенія, ею причиненныя, ужасны, и затрудненія, которыя встрѣтятся при очищеніи городовъ и находящихся въ нихъ громадныхъ складовъ, будутъ еще крайне велики.

Въ войскахъ, благодаря Бога, болѣзни не увеличиваются; но карантины весьма затрудняютъ насъ въ отношеніи прибытія выздоровѣвшихъ людей, и я опасаюсь, какъ бы вынужденный отдыхъ, который мы теперь будемъ имѣть, не увеличилъ числа больныхъ. Постараюсь воспрепятствовать этому, насколько будетъ возможно.

Графы Толль и Паленъ крайне тронуты Вашимъ августѣйшимъ вниманіемъ и просятъ меня повергнуть къ стопамъ Вашимъ заявленіе ихъ вѣрноподданническихъ чувствъ.

Во время послѣднихъ дѣйствій, я имѣлъ основаніе быть то же вполнѣ довольнымъ генералами: Ротомъ и Ридигеромъ; къ послѣднему окончательно вернулась его предпріимчивость, заслужившая ему столь блистательную репутацію во время войнъ съ французами.

Всѣ, впрочемъ, несутъ службу съ усердіемъ и самоотверженіемъ, и духъ войскъ вездѣ таковъ, что я не могу отдать имъ достаточной справедливости передъ В. В—мъ и не могу не благодарить Бога.

Императоръ Николай—гр. Дибичу.

Александрія, близь Петергофа, 4-го августа [1]).

Любезный другъ, какъ мнѣ отрадно имѣть возможность сказать вамъ: спасибо Забалканскій! Названіе это принадлежитъ вамъ по праву, и я даровалъ его вамъ отъ всего сердца. Но, прежде всего, да будетъ тысячекратъ благословенъ Господь, за Его, столь явное вамъ содѣйствіе! Признаемъ Его покровительство во всякомъ, счастливомъ для насъ событіи!—Затѣмъ, примите полную мою благодарность за ваше движеніе, столь же счастливо, сколь искусно соображенное и отлично выполненное храбрыми помощниками вашими.

Вы правы, говоря, что теперь время убѣдиться, сколь вѣрно судили тѣ, которые утверждали, что было бы полнѣйшею ошибкою—упорствовать въ овладѣніи Шумлою, между тѣмъ какъ настоящимъ пунктомъ для атаки и дальнѣйшаго движенія представлялись Балканы. Доказательства на лицо. Побѣда подъ Кулевчею положила основаніе всему, и вы пожинаете ея плоды. Жалѣю, что резервы не могли прибыть къ вамъ ранѣе, дабы доставить вамъ возможность идти дальше, не имѣя надобности останавливаться; но не возможно было ранѣе прислать ихъ вамъ. Въ виду того, что вамъ нельзя было идти сейчасъ же къ Адріанополю,—мысль ваша кажется мнѣ весьма вѣрною. Вы сдѣлаете съ Адріанополемъ тоже, что и съ Шумлою и двинетесь прямо на Киркилиссу. Это принудитъ (турокъ) оставить Адріанополь, дабы прикрыть столицу; если же они не перестанутъ собирать тамъ новую армію, (притягивая туда все, что

[1]) Отвѣтъ на письмо Дибича, отъ 18-го іюля. (Перев. съ франц.).

имѣютъ на сѣверѣ и въ Виддинѣ), то, вѣроятно, постараются дать вамъ сраженіе, которое—какъ я надѣюсь,—будетъ, при помощи Божіей, второю Кулевчею; а результатомъ этого явится то, что вамъ представится возможность подать свою правую руку Гейдену. Я послалъ ему приказаніе: идти къ Рикорду и быть готовымъ поддержать васъ, какъ только крейсеры васъ замѣтятъ. Условный сигналъ слѣдующій: вы поднимите Кейзеръ-флагъ или Гюйсъ на какомъ либо видномъ пунктѣ побережья; какъ только онъ будетъ замѣченъ съ нашихъ судовъ, онѣ вступятъ въ сообщеніе съ вами. Любезный другъ, какъ все это необычайно и мало согласно съ моими желаніями и моими намѣреніями!—и какъ, помимо нашей воли, оно можетъ повести къ такому результату, который я предвидѣлъ и котораго искренно желалъ избѣжать! Но да будетъ воля Божія!—Онъ знаетъ, какъ вывести насъ изъ этого и все устроить къ лучшему.—Лачинова еще здѣсь нѣтъ, и ваше письмо отъ 18-го прибыло четырьмя днями ранѣе письма отъ 12-го, которое онъ везъ. Мы оставались 11 дней безъ извѣстій и безпокоились; когда же письмо отъ 18-го числа прибыло, мы не могли понять, что̀ сдѣлалось съ Лачиновымъ и думали, что онъ пропалъ. Первое извѣстіе о невѣроятныхъ результатахъ перехода (черезъ Балканы) мы почерпнули изъ письма Воронцова къ Булгакову и, если бы не офиціальный рапортъ Головина Воронцову, мы сочли бы это за басню! Я полагаю, что когда вы получите это письмо, то уже будете имѣть двѣ бригады 12-й дивизіи и двѣ батареи. Намѣреніе ваше, употребить ихъ въ качествѣ гарнизоновъ въ крѣпостяхъ—превосходно. Такимъ образомъ, 3 дивизіи 4-го корпуса будутъ содержать гарнизоны въ завоеванной странѣ, а остальная часть войска будетъ свободна и можетъ оставаться въ своемъ настоящемъ составѣ,—что̀ я считаю почти необходимымъ. Измѣненія, которыя вы намѣрены сдѣлать въ порядкѣ укомплектованія войскъ, совершенно отъ васъ зависятъ.—Чума не перестаетъ сокрушать меня, и я умоляю васъ усугубить старанія, чтобы она, по крайней мѣрѣ, не пробралась за Балканы и въ Бургасскій заливъ. Увы! въ Одессѣ намъ пришлось уже принять карантинныя мѣры, такъ какъ тамъ обнаружились признаки чумы. Это ужасно!—и этимъ мы конечно обязаны ложнымъ донесеніямъ доктора Витта.

Вполнѣ одобряю также ваше намѣреніе предпринять осаду Шумлы и льщу себя надеждою, что вамъ удастся овладѣть ею. Прошу васъ, однако, постоянно обращать вниманіе на правое крыло ваше, дабы никакой отрядъ не явился внезапною угрозою вашему флангу, или помѣхою вашимъ сообщеніямъ. Я считаю вѣроятнымъ, что турки постараются собрать все, что можно съ сѣвера, для сформированія новой арміи, — если только не пошлютъ (этихъ войскъ) на помощь

Шумлѣ. Во всякомъ скучаѣ, если бы число войскъ, стоящихъ противъ Гейсмара, значительно уменьшилось, то я полезнымъ считалъ бы разрѣшить ему сдѣлать сильную демонстрацію на ту сторону Дуная, однако не подвергаясь риску и не увлекаясь слишкомъ далеко.—Очень досадно, что храбрые моряки наши не могутъ себя показать! Нельзя ли теперь Грейгу сдѣлать, по крайней мѣрѣ, попытку противъ Иніады или Мидіи, чтобы извлечь пользу изъ отваги и усердія своихъ молодцевъ?

Орловъ уѣхалъ и везетъ вамъ остальныя инструкціи на случай переговоровъ. Повидимому, совершенно вѣрно, что въ Шумлу поѣхалъ уполномоченный.

Въ политикѣ—ничего новаго; наши отношенія со всѣми хороши, съ Франціею же превосходны. Въ Ирландіи серьёзныя безпорядки,—болѣе серьёзные, нежели полагаютъ. Хозревъ-Мирза здѣсь, и только что уѣхалъ въ Петербургъ; представляетъ зрѣлище любопытное и необычайное.

Поклонъ мой всѣмъ товарищамъ, а Толлю и Палену въ особенности; благодарите всѣхъ ихъ, а равно и храбрыя войска за примѣрную и славную службу. Мнѣ ли ее не знать!

Благодарность и дружбу заявляетъ вамъ, любезный другъ, и на всю жизнь, васъ любящій Н.

Жена моя пишетъ вамъ сама.

Aléxandrie, près de Peterhof, le 4 Août.

Mon cher ami. avec quelle joie je puis vous dire: спасибо Забалканскій; ce nom vous revient de droit et je vous l'ai donné de bien bon coeur. Mais avant tout: que le bon Dieu soit mille et mille fois béni de ce qu'Il vous aye secondé d'une manière si visible; reconnaissons Sa protection dans tout ce qui nous arrive d'heureux.—Ensuite, recevez toute ma reconnaissance pour votre mouvement, aussi heureusement qu'habillement combiné, et parfaitement éxecuté par vos braves aides.

Vous avez raison de dire que l'on doit se convaincre maintenant, combien avaient raison ceux qui soutenaient qu'il était complettement faux de s'acharner à prendre Schoumla, tandis que le vrai point à attaquer et à pénétrer était celui des Balkans. La preuve est là. La victoire de Koulevtcha a mis la base de tout, et vous en cueillez les fruits. Je regrette que les réserves n'ayent pu vous joindre plustôt, pour vous donner la possibilité de pousser plus loin, sans devoir vous arrêter; mais il était impossible de vous les faire arriver plustôt. Votre idée, maintenant que vous n'avez pu aller de suite à Andrinople, me parait fort juste; vous traiterez Andrinople comme Schoumla et vous vous porterez directement à Kirklissa; cela forçera, ou à abandonner Andrinople, pour couvrir la capitale, ou—s'ils persistaient à y rassembler une nouvelle armée, en attirant tout ce qu'ils ont à Widdin et dans le Nord,—il est probable qu'ils chercheront à vous donner une bataille, qui, avec l'aide de Dieu, sera, j'éspére, une seconde Koulevtcha; et puis, comme résultat, vous serez de même de donner la main droite à Heyden. Je lui ai envoyé l'ordre de se porter vers Ricord et de se tenir prêt, sitôt que les

croiseurs vous auront vu, à venir vous appuyer. Le signal convenu est que vous ferez arborer le Кейзеръ-флагъ, или Гюйсъ sur un point voyant de la côte; sitôt qu'il sera apperçu d'un de nos bâtimens, l'on se mettra en communication avec vous.—Cher ami, que tout cela est extraordinaire et peu conforme à mes désirs et à mes intentions; combien cela peut pousser les choses, malgré nous, vers un résultat que j'ai prévu et que j'ai si sincérement désiré éviter!—Mais que la volonté de Dieu soit faite, et Il saura nous en tirer et tout arranger pour le mieux.—Лачиновъ n'est pas encore içi et votre lettre du 18 est arrivée quatre jours avant celle du 12, qu'il portait. Nous avons été onze jours sans nouvelles et non sans inquiétudes, et quand la lettre du 18 est arrivée, nous n'avons pas pu comprendre ce qu'était devenu Лачиновъ, et l'avons cru perdu. C'est une lettre de Woronzof à Boulgakof qui nous a donné la première nouvelle des incroyables résultats du passage, et, si ce n'avait pas été Golovin qui en faisait officiellement le rapport à Woronzof, nous l'aurions traité de fable! Je suppose qu'à la réception de cette lettre vous aurez déja deux brigades de la 12 div. et deux batteries d'arrivées; et votre idée, d'en faire les garnisons des places, est parfaite. Ainsi, les 3 divisions du 4-me corps feront les garnisons du pays conquis, et le reste de la trouppe est libre et peut rester dans sa véritable composition,—ce que je trouve presque indispensable. Le revirement dans le complettement des trouppes, que vous voulez faire, est tout-à-fait à votre volonté.—C'est toujours la peste qui me désolo, et je vous supplie de redoubler de soins pour que, du moins, elle ne passe pas les Balcans et dans le golfe de Bourgas. Hélas! nous sommes dans les mesures de quarantaine, des indices de peste s'y étant fait voir. C'est affreux, et c'est bien graçe aux faux rapports de Witt le medicin, que nous sommes redevables.—J'approuve parfaitement aussi votre projet de faire un siège de Schoumla; et je me flatte, que vous parviendrai à l'avoir. Mais je vous prie de faire toujours attention à votre droite, pour être bien sûr qu'aucun corps ne vienne subitement vous menacer en flanc, ni gêner en communication. Je crois qu'il est probable que les Turcs tacheront de réunir tout ce qu'ils peuvent tirer du Nord, pour en former une nouvelle armée, — à moins qu'ils ne l'envoyent au secours de Schoumla. En tout cas, s'ils diminuent considérablement contre Geismar, il serait utile, je crois, de l'autoriser de faire une forte démonstration de l'autre côté du Danube, sans toute-fois, ni se compromettre, ni pousser trop loin. Il est bien facheux que nos braves marins ne peuvent pas se montrer! Greig ne pourrait-il pas maintenant tenter du moins un coup sur Iniade, ou Midia, pour utiliser la bravoure et le zéle de ses braves?

Orlof est parti et vous porte le reste des instructions, pour le cas des négociations; il parait certain, qu'un plénipotentiaire est parti pour Schoumla.

Rien de nouveau en politique; nous sommes bien partout; avec la France—à merveille. Il y a des troubles sérieux en Irlande, et plus que l'on ne pense. Hozrew Mirza est ici et vient de partir pour Pétérsbourg: spectacle curieux et extraordinaire.

Mille choses à Toll et Pahlen en particulier, et à tous les camarades, et remerciez les tous, ainsi que la brave trouppe, pour leur service exemplair et glorieux; que n'en sais-je!

Reconnaissance et amitié vous sont voués pour la vie, mon cher ami, par votre affectionné N.

Ma femme vous écrit elle même.

[Продолженіе слѣдуетъ].

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ ВЪ ЕГО ПИСЬМАХЪ

1827—1845 гг.

XII [1]).

Парижъ, 1841 г., февраля 17 (5).

Наконецъ вы [2]) откликнулись! я получилъ письмо ваше отъ 13-го января и всегда получаю, кажется, исправно журналы, вами доставляемые. За все приношу мою искреннюю благодарность, но жалѣю, что я переставалъ вѣрить вашей доброй памяти—и самъ не писалъ къ вамъ, хотя въ письмахъ къ другимъ, напр. въ послѣднемъ 80 страничномъ, съ разными приложеніями, упоминалъ о васъ и указывалъ вамъ на книжку: «Histoire de l'hérésie constitutionnelle, qui soumet la religion au magistrat», par Boyer, изъявляя желаніе, чтобы вы взялись написать на оную историческое возраженіе. Въ ней правда, кажется, смѣшана съ клеветою и обо всемъ и обо всѣхъ идетъ дѣло: «Отъ Сестренцевича до Симашки!» Помнится, я читалъ то же самое и въ нѣмецкой газетѣ. Постараюсь, вмѣстѣ съ симъ послать вамъ эту книгу. Болѣе не могу: едва позволяютъ укладывать въ пакетъ двѣ или три книги, да и то не всегда: эту повезетъ М. Barante. Въ многочисленныхъ и многотомныхъ письмахъ моихъ къ московской пріятельницѣ (65) отъ 16 до 80 страницъ каждое!—вы бы могли выбрать для себя многое; но переставъ писать на имя кн. Вяземскаго, коего горе и меня задѣло, и ему не до моихъ похожденій (66) (72). Я не зналъ къ кому обратиться, и рѣшился пи-

---

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1881 г. томъ XXXI (іюнь), стр. 187—206; томъ XXXII, октябрь, стр. 33—343.

[2]) Константинъ Степановичъ Сербиновичъ, къ которому писаны эти письма.

сать къ московской, всегда вѣрной дружбѣ. Около 200 страницъ уже отправилъ! въ нихъ все житье-бытье мое въ Парижѣ и въ Германіи. Ловите его на полетѣ. Постарайтесь достать копію или оригиналъ сихъ писемъ, или отъ Екатерины Алекс. Свербеевой, чрезъ А. Я. Булгакова, или отъ Ал. Ильинишны Нефедевой, также чрезъ него: но къ тому времени они обветшаютъ! Новое сдѣлается старымъ. Я даю отчетъ въ лекціяхъ Мицкевича, Ленормана, Ozanam, въ проповѣдяхъ Кера, Лакордера (уже Доминиканца) и въ книгахъ о религіи и о философіи: бѣгло, но указываю на многое: Sapienti sat! Только и прошу васъ: «духа не умерщвляйте»—а только въ слогѣ поправляйте.

Благодарю васъ за ваши хлопоты о предисловіи и совершенно апробую ваше мнѣніе и раздѣляю ваши опасенія. Я просилъ о предварительномъ разсмотрѣніи мною чрезъ кн. А. Н. для того, что читалъ въ Петербургѣ первый проэктъ А. Хр. Востокова,—мнѣ весьма не понравившійся. Я боялся и боюсь, чтобы его не тиснули въ этомъ видѣ или съ незначущими исправленіями, когда должно все передѣлать; должно также назвать меня, согласно смыслу отношенія К. А. Н., не въ предисловіи только, а въ титулѣ актовъ, мною собранныхъ, дабы Тургеневскіе оставались Тургеневскими, такъ какъ они особо и напечатаны будутъ. Мнѣ нельзя было не оградить себя предварительнымъ разсмотрѣніемъ, зная расположеніе ко мнѣ Ув. [1]) съ нѣкотораго времени.—Для чего напр. не напечатать первыхъ двухъ томовъ, уже приготовленныхъ, не ожидая отъ Востокова послѣдующихъ? Тогда бы и предисловіе вошло въ первые два тома. Если вы и князь Шихматовъ за меня и сохраните свою ко мнѣ пріязнь, то я не опасаюсь за изданіе; но время летитъ!.. и мы съ нимъ. Вы правы, обвиняя себя: если бы вы откликнулись прежде и успокоили меня на щетъ изданія—я бы не обратился о просмотрѣніи къ князю, но во всякомъ случаѣ желалъ бы, чтобы оно воспослѣдовало, ибо полагаю, что мой голосъ въ моемъ дѣлѣ былъ бы не лишній [2]). Котошихина я и по сію пору не получалъ, ни 2-й и слѣдующихъ тетрадей медалей, ни другихъ изданій археографической коммисіи, на 6 экземпл. коихъ я имѣю право; (и Котошихина 6 экзем.) а мнѣ бы все это нужно было и для себя и для раздачи въ здѣшнія и нѣмецкія библіотеки.—Я опять нашелъ новую рукопись о Россіи (въ 1772 и 73 годахъ) и примѣчательную и переписываю оную для Государя (67); но за сіи на-

---

[1]) Уварова.

[2]) См. примѣч. 64.

ходки въ библіотекахъ, ихъ нужно отблагодарить печатными рѣдкостями. Мухановъ (Павелъ) по моимъ слѣдамъ доискивается здѣсь и находитъ многое, уже мною прежде найденное, но чего я списать не успѣлъ (68). Я опять болѣе занимаюсь духовными явленіями въ литературѣ и въ обществѣ, чѣмъ другими. Одна исторія Россіи еще занимаетъ меня, по моей обязанности: иначе бы весь предался религіи, но не той, которая и здѣсь мнѣ не нравится: т. е. народной. Лакордеръ своею послѣднею проповѣдью—не изумилъ, но огорчилъ меня. Это трибунъ, а не христіанскій проповѣдникъ; а въ книгахъ своихъ, напр. въ жизни Св. Доминика святоша, какъ Ф. въ жизни Св. Сергія (69). Желалъ бы видѣть нашъ катехизисъ на нѣмецкомъ Фишера; но болѣе бы желалъ, чтобы христіане, каковы Неандеръ, Толукъ—просмотрѣли его. Я не имѣю довѣренности къ нашимъ духовнымъ: они мѣняютъ катехизисы съ перемѣною министровъ и оберъ-прокуроровъ; я вѣрю возможности искренней перемѣны въ мнѣніяхъ, въ мнимыхъ убѣжденіяхъ; но вдругъ въ цѣломъ Синодѣ—это подозрительно и не для такого опытнаго въ сихъ перемѣнахъ, какъ бывшій директоръ департамента быть долженъ (70). Чѣмъ болѣе старѣюсь и размышляю, тѣмъ болѣе прилѣпляюсь къ христіанскому ученію, и тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что въ церковникахъ мало вѣры, и что для нихъ она не цѣль, а средство. Радуюсь Алеутскому архіерею—но пожалуйста оставьте его въ прежней его дѣятельности и «духа его не угашайте» вашими камилавками и шапками (71). Не издалъ-ли чего Чигиринскій (72) и возвращенъ-ли онъ академической дѣятельности?—Издатели «Москвитянина» хотѣли пересылать мнѣ его: не напишете-ли къ нимъ, чтобы они переслали его черезъ васъ? а вы по прежнему какъ доселѣ; но похлопочите, чтобы скорѣе высылали изъ канцеляріи гр. Нессельроде. Б. М. Ѳедоровъ—ни слова ни о себѣ, ни о взятыхъ имъ выпискахъ о Петрѣ I, кои обѣщалъ доставить. Попеняйте ему.

Я пробуду здѣсь до конца мая, вѣроятно, а потомъ куда?—еще не знаю; хочется быть осенью въ Москвѣ, но кого назначатъ градоначальникомъ (73). Желалъ-бы получить и «Журналъ Государственныхъ Имуществъ» и испросилъ бы его у Государя, чрезъ князя А. Н., когда испрашивалъ другіе, но онъ еще не выходилъ; «Внутреннихъ Дѣлъ»—очень плохъ и Цынскаго отчеты не замѣняютъ всего того, что могъ бы порядочный редакторъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ сообщать намъ. Фонъ Поль не отличился въ семъ отношеніи. Вашъ журналъ остается лучшимъ и любопытнѣйшимъ для меня; послѣдняя книжка была ноября 1840 г. Посылаю къ князю А. Н. новую книгу: «La Connaissance de J. C. ou le dogme

de l'incarnation envisagé comme la raison dernière et suprême de tout ce qui est»,—par l'Abbé Combalot. 1841. 8. По сію пору зналъ я автора по проповѣдямъ его: книгу хвалятъ.

Если бы случаи чаще представлялись, то посылалъ бы многое и о многомъ, особливо къ вамъ, намекая на многое и указывая любопытное въ явленіяхъ духовной здѣшней литературы. Въ письмѣ, сегодня посылаемомъ, описываю проповѣдь Лакордера въ соборѣ Notre Dame, гдѣ полвѣка не слышны были монахи. Доминиканецъ воскрешаетъ или хочетъ воскресить прошедшее, но льститъ массамъ et fait de la nationalité au lieu de faire de la religion. Увѣряетъ французовъ, что они спасли христіанство въ Европѣ—и отъ кого же? отъ Арія, Магомета и Лютера! между тѣмъ какъ реформація

Verse des torrens de lumières
Par ces obscurs blasphémateurs!

Я описалъ также и новое чтеніе Шатобріяновыхъ загробныхъ Записокъ въ салонѣ Рекамье: я прошу князя А. Н. прочесть сіе письмо, если ему угодно, прежде нежели отправитъ въ Москву, а вы бы могли достать его, чрезъ Гаврила Степановича Попова; но и возвратить немедленно. Пишу на̀-скоро и даже не перечитываю написаннаго, щадя глаза и время. Я постараюсь приложить и проповѣдь Лакордера, отрывками въ l'Univers напечатанную. Вотъ католическій журналъ, изъ коего вы бы могли узнавать и оглашать многое.

Здѣсь продавали библіотеку графа Бутурлина (74); я перекупилъ два рѣдкіе фоліанта, изд. Альдовъ, весьма хорошо сохраненные «Origenis Homiliae 1503 г. и Choriolani in S. Augustini», 1481 г. Обѣ книги рѣдкія и примѣчательныя. Я желалъ сохранить для Россіи памятникъ ея библіомана, собравшаго двѣ славныя библіотеки: одну въ Москвѣ, сожженную французами или Растопчинымъ,—какъ угодно; другую во Флоренціи, коей двѣ трети уже здѣсь продано; третья скоро будетъ продаваться. Такъ какъ купленныя мною рѣдкости духовнаго содержанія, то я и желаю подарить ихъ Духовной Академіи, но если, паче чаянія, онѣ уже находятся у насъ, то я бы не хотѣлъ обременять курьеровъ двумя фоліантами, да и трудно пересылать ихъ. Нельзя-ли о нихъ справиться?

18-го февраля.

Здѣсь все идетъ споръ о проповѣди Лакордера, коей слабый очеркъ посылаю къ князю А. Н. Талантъ проповѣдника не извиняетъ въ немъ фанатизма, въ разныхъ видахъ онаго; въ ультрамонтанизмѣ, и въ треклятой народности, которая вездѣ и всегда ведетъ къ распрямъ, а не къ братству, Христомъ проповѣдуемому.

Примѣчанія:

65) Екатерина Александровна Свербѣева, рожденная княжна Щербатова.

66) Въ 1840 году у князя П. А. Вяземскаго скончалась дочь княжна Надежда Петровна (род. 1822 г.) и погребена въ Баденъ-Баденѣ. Жуковскій въ письмѣ своемъ къ Великому Князю Константину Николаевичу (отъ 10-го декабря 1840 г.) между прочимъ писалъ: „Я получилъ изъ Бадена отъ княгини Вяземской увѣдомленіе о смерти ея дочери и долженъ былъ взять на себя тяжкую обязанность объявить объ этомъ несчастіи отцу умершей. Все это самымъ грустнымъ образомъ заняло меня во весь вчерашній день („Русск. Арх." 1867, стр. 1389). Въ 1843 году Фарнгагенъ фонъ-Энзе вспоминалъ о ней: „Я сохраняю въ сердцѣ моемъ трогательное и нѣжное воспоминаніе о вашей прелестной и чистой Надинѣ. Она такъ мирно наслаждалась начатками жизни" (ibid. 1866, стр. 508). Въ 1850 году Жуковскій посѣтилъ ея могилу: „Въ Баденѣ есть мѣсто, которое составляетъ частицу твоего семейнаго дома; туда я ходилъ съ женой и дѣтьми; на крестъ повѣсили вѣнокъ изъ весеннихъ цвѣтовъ. Посылаю тебѣ съ этого гроба въ отвѣтъ: „воистину воскресе"! отвѣтъ, который ухо не слыхало, но который, конечно, былъ мнѣ сказанъ" (ibid. 1868, стр. 440). Въ 1878 году скончался въ Баденъ Баденѣ и князь П. А. Вяземскій, тогда прахъ его дочери вмѣстѣ и съ его смертными останками былъ перевезенъ въ Петербургъ и погребенъ въ Александро-Невской Лаврѣ.

67) Не разумѣется ли здѣсь рукопись Собатье де-Кабро: „Catherine II, sa cour et la Russie en 1772", изданная С. А. Соболевскимъ въ Берлинѣ въ 1862 году?

68) Покойный предсѣдатель археографической коммисіи Павелъ Александровичъ Мухановъ (род. 1798 † 1871 г.) Біографическія свѣдѣнія о немъ см. „Русская Старина" 1872, V, стр. 335 345.

69) Намъ совершенно непонятны тѣ рѣзкіе и въ высшей степени несправедливые отзывы, встрѣчающіеся въ этихъ письмахъ А. И. Тургенева о знаменитомъ и приснопамятномъ святителѣ нашей церкви Филаретѣ, митрополитѣ Московскомъ, со смертію котораго, по справедливому и краснорѣчивому слову И. С. Аксакова, „упразднилась сила великая, нравственная, общественная, сила созданная не извнѣ, но рожденная мощью личнаго духа, возросшая на церковной народной почвѣ. Обрушилась громада славы, которою красовалась церковь и утѣшался народъ... Смежилось неусыпающее око мысли. Прервалось полустолѣтнее назиданіе всѣмъ русскимъ людямъ... Смолкло художественное важное слово...". Еще болѣе непонятно, что эти отзывы дѣлаются въ письмахъ къ такому лицу какъ К. С. Сербиновичу, который, какъ извѣстно, всегда трепеталъ предъ Московскимъ Владыкою. Да къ тому же, по неложному свидѣтельству ближайшаго друга А. И. Тургенева, князя П. А. Вяземскаго, и самъ Тургеневъ съ митрополитомъ Филаретомъ былъ „въ близкихъ отношеніяхъ и по сочувствію, и уваженію къ нему, а равно и по прежнему служенію своему при князѣ А. Н. Голицынѣ". („Русск. Арх." 1875 т. I, стр. 62).

Въ 1834 году, митрополитъ Филаретъ написалъ „Нѣкоторыя черты житія преподобнаго Сергія Радонежскаго послѣ смерти, т. е. нѣкоторыя сказа-

нія о его явленіяхъ и чудодѣйствіяхъ, читанныя на всенощной въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ, на канунѣ Сергіева дня іюля" 4-го (Напеч. въ „Христ. Чтенія" 1836 г. ч. 58).

70) Тургеневъ былъ директоромъ департамента духовныхъ дѣлъ въ то время, когда Министромъ Народнаго Просвѣщенія и Духовныхъ дѣлъ былъ князь А. Н. Голицынъ. Это было время распространенія библейскихъ обществъ и рядомъ съ ними масонскихъ ученій.

71) Рѣчь идетъ о покойномъ митрополитѣ Московскомъ Иннокентіи. Объ апостольской дѣятельности его на крайнемъ Востокѣ, мы, между прочимъ, находимъ любопытныя свѣдѣнія въ извѣстномъ путешествіи („Фрегатъ Паллада") нашего знаменитаго писателя И. А. Гончарова. „Не нужно напоминать вамъ", пишетъ авторъ, „имя архипастыря, который много лѣтъ подвизался на пользу подвластныхъ намъ американскихъ племенъ, обращая ихъ въ Христіанскую вѣру. Вамъ извѣстенъ онъ, какъ авторъ книги „Записки объ Уналашкинскомъ отдѣлѣ Алеутскихъ острововъ". Авторъ въ предисловіи скромно называетъ записки „Матеріалами"; но прочтя эти „матеріалы", не пожелаешь никакой другой исторіи молодаго и малоизвѣстнаго края. Книга эта еще замѣчательна тѣмъ, что написана прекраснымъ, легкимъ и живымъ языкомъ.... Я случайно былъ въ комнатѣ, который собирается въ тишинѣ архипастырской кельи, занимаясь переводомъ Евангелія" („Фрег. Пал." II, стр. 618—620).

72) 1-го марта 1841 года, Иннокентій, изъ Чигиринскихъ епископовъ, былъ назначенъ епископомъ Вологодскимъ („Письма о Кіевѣ", стр. 29).

73) Въ Москвѣ главнокомандующимъ въ это время былъ князь Димитрій Владиміровичъ Голицынъ, который скончался только 27-го марта 1844. Пребываніе его за границей, для излѣченія болѣзни, въ 1841 году вѣроятно дало поводъ А. И. Тургеневу думать, что князь оставляетъ свой постъ.

74) Графъ Дмитрій Петровичъ Бутурлинъ (род. 1763 † 1829). Съ 1793 г. поселившись въ Москвѣ, въ Нѣмецкой слободѣ, на берегу Яузы, онъ сталъ собирать библіотеку, которая погибла въ 1812 году. Въ 1817 году поселившись во Флоренціи, гдѣ купилъ себѣ палаццо Никколини, онъ сталъ неутомимо собирать вторую библіотеку, которая не уступала первой. Графъ Д. П. Бутурлинъ открылъ путь въ церковной іерархіи человѣку, прославившемуся впослѣдствіи глубокой ученостью: это Евгенію, митрополиту Кіевскому, который въ молодости своей былъ домашнимъ учителемъ старшаго сына графа Бутурлина („Русск. Арх." 1867, стр. 377, 379, 381).

Н. П. Барсуковъ.

XIII.

19 февраля.

Вчера на аукціонѣ книжномъ, послѣ покойнаго Штанфера, умнаго и ученаго швейцарца и писателя, накупилъ я 71 книгу—за бездѣлицу. Онъ былъ библіотекарскимъ секретаремъ здѣсь и писалъ о религіи и о философіи. Много рѣдкихъ брошюръ нѣмецкихъ, времени Канта, Фихте, Шелинга, купилъ я. Кстати, Шелингъ переѣзжаетъ изъ Мюнхена въ Берлинъ профессоромъ. Это для меня

большая радость, ибо не нужно будетъ забиваться въ Мюнхенъ и другъ-мудрецъ на пути въ Берлинъ.

Обнимаю васъ мысленно и сердечно: передайте поклоны Б. М. Өедорову, и прочимъ; и сердечное почтеніе вашей сожительницѣ.

Спросите у Б. М. есть ли надежда, чтобы Эйхгофъ, авторъ квартанта о лингвистикѣ и книги, гдѣ и о русской литературѣ — поступилъ въ кореспонденты русской академіи?

Книгу для васъ посылаю на имя кн. А. Н., но въ особомъ пакетѣ. Б. Мих. знаетъ это дѣло и книгу Эйхгофа и хлопоталъ о немъ.

XIV.

Парижъ, 1841 г. іюля 14 (2) (день взятія Бастиліи).

На сихъ дняхъ получилъ я письмо ваше, любезнѣйшій Константинъ Степановичъ, отъ 28 мая, съ приложеніемъ книгъ и журналовъ. Приношу вамъ чувствительнѣйшую благодарность за всѣ ваши хлопоты объ изданіи римскихъ рукописей и увѣренъ, что предисловіе, вами написанное, будетъ отвѣчать всѣмъ требованіямъ критики и справедливости. Очень желаю поскорѣе получить оное и взглянуть хотя на первый томъ моего Историческаго Сборника [1]; но гдѣ я получу его? Черезъ двѣ недѣли, если здоровье Клары (75) нашей позволитъ, отправляюсь я въ Германію,—вѣроятно, опять въ Кисингенъ, гдѣ пробуду весь августъ нов. ст. и оттуда желаю пуститься прямо въ Москву, слѣдовательно, вѣроятно чрезъ Богемію и Краковъ, если это кратчайшій путь, а можетъ быть и чрезъ Берлинъ, если тамъ будетъ Шелингъ: въ началѣ или въ половинѣ октября надѣюсь быть въ Москвѣ. Вотъ планъ мой; состоится-ли? Богу извѣстно.—Очень бы желалъ получить предисловіе съ заглавіемъ до отъѣзда изъ Кисингена.

Благодарю очень за доставленіе катехизиса; экземпляръ для Толука и Неандера беру съ собою и пошлю имъ изъ Германіи. Очень бы желалъ выслать вамъ кое-что отсюда, но лѣтомъ оказіи рѣдки. Читаете-ли вы ультра-католическій журналъ «l'Univers»? Онъ опять на васъ горько жалуется за обращеніе силою уже не одной Уніи. Не могу, не только по чувствамъ сердца и христіанской политики, но по расчетамъ мірской мудрости, не просить васъ, если хотя малѣйшее основаніе есть къ подобнымъ обвиненіямъ, не подавать, сколько возможно, повода къ нимъ. Не подражайте тѣмъ, кои съ нами такъ поступали. Я съ омерзеніемъ читаю «l'Univers» и духъ

[1]) См. примѣч. 65-е.

онаго мнѣ совершенно противенъ. Я не вѣрю ему; и надѣюсь, что и жалобы его—только клеветы.

Все что вы мнѣ пишете о несчастіяхъ, постигшихъ Б. М. Ѳедорова, неожиданно поразило меня. Одна бѣда тяжеле другой и всѣ въ одно время! Но потеря сына ни съ чѣмъ сравниться не можетъ. Я постигаю сердцемъ его положеніе. Не лишился-ли онъ какихъ матеріальныхъ выгодъ и съ Шишковымъ [1])? Что у него осталось послѣ него у княгини Юсуповой, кромѣ таланта и терпѣнія? Чѣмъ онъ занимается? Очень бы желалъ подробнѣе знать о его положеніи.

Графиня Ростопчина прислала мнѣ свои сочиненія. Вашъ журналъ знакомитъ меня и съ другими новинками; въ другихъ нахожу кое-что изъ выписокъ моихъ изъ московскихъ и другихъ архивовъ. Откуда сообщено — не знаю! Многое публикуется, что давно мною представлено правительству. Одно собраніе римскимъ рукописей, вами издаваемое, нѣсколько утѣшаетъ меня. Я бы просилъ васъ, по отпечатаніи 1 тома, довести о семъ до свѣдѣнія кн. А. Н. немедленно, дабы онъ—а не другой кто, какъ первый виновникъ, могъ представить его государю; вы бы могли, отъ моего имени, переговорить предварительно о семъ съ княземъ. Не поскучайте хлопотать, чтобы и послѣдующіе томы слѣдовали одинъ за другимъ въ печатаніи, по крайней мѣрѣ 2-й. Я бы желалъ передать 6 экземпляровъ, кои слѣдуютъ мнѣ отъ Археографической Коммисіи, въ слѣдствіе объявленнаго повелѣнія, поскорѣе тѣмъ архивамъ и библіотекамъ, кои снабжали меня другими рукописями; по сію пору я давалъ имъ русскія книги, но теперь могу указать имъ и на латинскіе памятники русской исторіи.

Не худо отправить 1-й томъ въ двухъ или трехъ экземплярахъ прямо въ Парижъ на мое имя, при первой оказіи, хотя бы они пришли и послѣ меня.

На сихъ дняхъ я объѣхалъ Нормандію, и въ письмѣ моемъ въ Москву описалъ, что видѣлъ. Жаръ и грусть воротили меня сюда.

Я отыскалъ здѣсь экземпляръ церковной археологіи Sancs, запрещенной нынѣшнимъ папою, хотя имъ же напечатанной и мнѣ подаренной. Надѣюсь привести эти два фоліанта съ собою и подарить духовной академіи за рѣдкость. Отъ Жуковскаго я получилъ милое, премилое письмо, изъ Дюссельдорфа, послѣ свадьбы (76). Онъ достоинъ своего святаго счастія — всею жизнію и душею своею: но надолго-ли оно? Завтра иду смотрѣть картину Ингра, Цесаревичемъ

[1]) Скончался въ 1841 году.

заказанную и опишу вамъ ее, если успѣю; впрочемъ Jules Janin уже потѣшилъ васъ ею въ «Дебатахъ».

Примѣчательнѣйшее для насъ русскихъ явленіе въ нѣмецкой словесности, книжка покойнаго Бадера (77), въ семъ году вышедшая о греческомъ и католическомъ католицизмѣ. Вы увидите съ какою глубокою ученостію онъ заступается за ученіе нашей церкви противъ католической — и самъ католикъ! Въ ней напечаталъ онъ письмо Шевырева о русской церкви, но вѣроятно не спросясь его. Не худо познакомить русскую и католическую публику съ сею новѣйшею книгою покойника. Онъ часто опровергаетъ въ ней Шмита (Исторія Греко-Россійской церкви), о коей я прошлаго года писалъ къ вамъ. Я привезу ее съ собою.

Хотѣлъ я писать здѣсь, но ноги разбиты, спросите отъ чего у К. Вяз.

Пишите сюда.

Его Высокородію. Константину Степановичу Сербиновичу.

Примѣчанія.

75) Въ 1833 году, Н. И. Тургеневъ женился, въ Женевѣ, на дочери Піемонтскаго изгнанника генерала Віараса. (Свербеевъ. „Русск. Арх." 1871, стр. 1965).

76) Въ 1841 году Жуковскій женился на дочери своего стараго друга Рейтерна, Елизаветѣ Алексѣевнѣ.

77) Въ 1835 году, Иннокентій писалъ къ Максимовичу: „А что съ нашимъ Бадеромъ? Живъ ли онъ, и каково поживаетъ? Мнѣ пришло на мысль отправить его къ г. Сербиновичу". Максимовичъ въ поясненіяхъ своихъ къ этимъ строкамъ говоритъ: „У Иннокентія въ Кіевской духовной академіи переведено было нѣсколько философскихъ сочиненій съ нѣмецкаго языка. Переводъ изъ Бадера, болѣе другихъ германскихъ мыслителей любимаго Иннокентіемъ, онъ поручалъ мнѣ прочесть, желая знать мое мнѣніе о „языкѣ перевода" („Письма о Кіевѣ", стр. 52—53). Иное мнѣніе объ этомъ мыслителѣ имѣлъ Ю. Ѳ. Самаринъ: „Прочелъ я книгу Бадера. Ужасно безтолково написана, а очень интересна. О его философскомъ воззрѣніи сказать ничего нельзя, потому что оно еще вполнѣ и въ ясности не высказано. Что же касается до фактовъ, то нѣкоторые очень для насъ важны. Напрасно только думаютъ, что наша церковь нашла въ немъ союзника; онъ почти столько же ея врагъ, сколько и католиковъ" („Русск. Арх." 1880, I, стр. 294).

Н. П. Барсуковъ.

XV.

Парижъ 1841 г., 25 (13) сентября.

Два мѣсяца тому назадъ я писалъ къ вамъ, любезнѣйшій Константинъ Степановичъ, и благодарилъ васъ за обѣщанное предисловіе, прося доставить оное какъ можно скорѣе, хотя отдѣльно отъ печатаемой 1-й части Собранія русскихъ грамотъ [1]). Съ тѣхъ поръ я пролежалъ около двухъ мѣсяцевъ на дачѣ съ больными ногами и ни отъ кого не получилъ ничего съ пріѣхавшимъ сюда посломъ Барантомъ; не знаю даже получены-ли мои письма и пакеты съ Сов. Пос. C. Perrier посланные, ибо было и къ вамъ письмо.

Я сбираюсь въ путь, хотя на первый случай только въ Берлинъ, но чувствую еще слабость въ ногахъ и, опасаясь зимняго пути и для ногъ и для глазъ, не знаю еще выѣду-ли отсюда, доѣду-ли до Берлина или до Москвы и Петербурга? Желалъ бы получить здѣсь или въ Берлинѣ хотя предисловіе или и одинъ экземпляръ 1-й части; въ Берлинѣ безпрепятственно и оказія и курьеры. Передайте пакеты въ министерство иностранныхъ дѣлъ—для скорѣйшаго туда или сюда отправленія. 6 экземпляровъ слѣдуетъ мнѣ всего, что печатается археографическою коммисіею, на основаніи высочайшаго повелѣнія.

Я надѣюсь, что для представленія въ нѣкоторые архивы и библіотеки, изъ коихъ я многое заимствовалъ, напр. въ Стокгольмѣ, мнѣ прикинутъ собственнаго моего Собранія два или три экземпляра сверхъ прочихъ. Какъ вы думаете? Нужно ли для того принять какія либо мѣры или и сама коммисія разрѣшитъ сію выдачу. Нужно послать и въ Римъ, откуда акты сіи большею частію взяты.

Предполагая быть въ Россіи, я хотѣлъ тамъ заготовить всѣ сіи отправленія, испрося на сіе разрѣшенія отъ князя А. Н.; но теперь хотѣлъ бы все это здѣсь или въ Германіи исполнить, т. е. тамъ, гдѣ буду лечиться.

Недавно получилъ я еще три части вашего журнала: право это лучшій въ Россіи и его и здѣсь читаю съ удовольствіемъ и пользою. Напр. импровизаціи Вердера на счетъ Шелинга (78). Но не въ «Отечественныхъ-ли Запискахъ» я читалъ? Порядочно не помню. Я и не зналъ, хотя оба мои пріятели; у перваго слушалъ лекціи прошлаго года; второй приглашаетъ меня пріѣхать осенью и зимой въ Берлинъ, гдѣ онъ откроетъ курсъ свой. Посылая журналъ какъ бы, кажется, вамъ не приложить нѣсколько строкъ не печатныхъ? Вя-

[1]) См. Примѣч. 64

земскій въ горѣ [1]), Жуковскій въ Дюссельдорфѣ. Петербургъ онѣмѣлъ для меня; а вотъ уже годъ безъ недѣли какъ я въ Парижѣ! Здѣшняя умственная жизнь какъ-то не живитъ, не одушевляетъ меня; меня что-то влечетъ въ Германію, къ свѣжимъ ея источникамъ глубокаго и всеобъемлющаго вѣдѣнія; но дальніе переѣзды уже не такъ легки для меня какъ прежде!

На сихъ дняхъ отправилъ я къ князю А. Н. чрезъ гаврскій пароходъ снова 9 № рѣдкихъ и любопытныхъ рукописей и двѣ или четыре примѣчательныя книги. Рукописи не подлежатъ гласности, по времени и по натурѣ своей: одна изъ печатныхъ книгъ—для васъ любопытна, хотя только на 6 страничкахъ, старинными готическими буквами на латинскомъ, и кажется, о Флорентинскомъ соборѣ: «Errores atrocissimorum Ruthenorum». Другая, въ двухъ фоліантахъ, также рѣдкость и по части церковной археологіи.

Я живу книгами, и рѣдко, рѣдко и къ немногимъ заглядываю въ общество: прикованный почти на два мѣсяца къ постели и на дачѣ, я прочелъ цѣлую библіотеку, и большею частію духовно-философскихъ книгъ—истинно-христіанскихъ. Журналы не развлекали меня.

Я просилъ васъ также въ послѣднемъ письмѣ увѣдомить меня о Б. М. Өедоровѣ и о его положеніи. Очень огорченъ его горемъ, но видя на данномъ имъ мнѣ экземплярѣ библіи — съ какимъ вниманіемъ онъ читалъ ее, отмѣчая ежедневно прочтенное имъ—я надѣюсь, что онъ христіански перенесетъ горе свое.

Возродится-ли Русская Академія? Попадетъ-ли въ нее наконецъ Павскій, единственный у насъ Гриммъ и Жонсонъ въ одно время? Для чего не сдѣлать его президентомъ? Для чего не отдать справедливость достойному? Санъ протоіерея—есть духовный—всегда долженъ первенствовать, если съ нимъ соединены и истинныя заслуги: никто не можетъ оскорбиться такимъ назначеніемъ. Почести гражданскія — ничто для приносящаго безкровную жертву. Онъ принесъ бы честь и пользу Академіи и въ его избраніи почтила бы себя Академія и правительство. Никто еще для исторіи языка славянскаго и для его физіологіи столько не сдѣлалъ ни въ Вѣнѣ и Прагѣ, ни у насъ. Онъ, какъ Лютеръ, и перевелъ библію и языкъ свой обогатилъ и объяснилъ (79).

Что дѣлаетъ Чигиринскій епископъ? Употребляете ли вы его по ученой части или талантъ его все еще подъ спудомъ? Недавно въ нѣмецкой книгѣ—о Скифахъ, прочелъ я переводъ указа импе-

---

[1]) См. Примѣч. 66.
[2]) См. примѣч. 72.

ратора Александра о Духоборцахъ и объ обращеніи съ ними! Онъ данъ былъ, помнится, на основаніи донесеній посланнаго для нихъ добродѣтельнаго Лопухина, (Ив. Влад.). Извѣстенъ ли вамъ этотъ указъ? Извѣстенъ-ли онъ министру Внутреннихъ Дѣлъ? Онъ останется честію вѣка, Россіи, и Александра, и прекраснѣйшимъ подвигомъ благодѣтельной жизни Московскаго сенатора—мартиниста. Sapienti sat (80).

28-го (16-го) сентября. Надѣюсь выѣхать послѣ завтра—до Берлина. Пишите туда.

Его Высокородію. Константину Степановичу Сербиновичу, Въ С.-Петербургѣ. Г. Правителю Канцеляріи Г. Оберъ-Прокурора Св. Синода.

Примѣчанія:

78) Здѣсь разумѣется письмо М. Н. Каткова къ А. А. Краевскому, изъ Берлина отъ 21 мая 1841 года, въ которомъ описывается „вдохновенное торжество науки", котораго героемъ былъ профессоръ логики и метафизики въ Берлинскомъ университетѣ Карлъ Вердеръ.—„У нѣмецкихъ студентовъ, пишетъ Катковъ, существуетъ прекрасный обычай: изъявлять чувства любви и признательности профессору серенадами, которыя скрѣпляютъ и животворятъ духовный союзъ между ними". Это торжество происходило наканунѣ того дня, въ который Вердеръ долженъ былъ заключить курсъ своихъ лекцій. Заключительная лекція его была новымъ торжествомъ. „Отведя всѣ несправедливыя и придирчивыя возраженія Шеллинга, вотъ какими словами заключилъ Вердеръ эту послѣднюю лекцію: „Но Шеллингъ прибудетъ къ намъ, онъ будетъ здѣсь скоро, будетъ здѣсь и останется съ нами. Кто не захотѣлъ бы радоваться этому, тотъ доказалъ бы, что не только философія чужда ему, но что и вообще не дано ему органа для великаго и возвышеннаго" и проч. („Отеч. Зап." 1841 т. XVI, смѣсь, стр. 111—116).

79) Подробныя свѣдѣнія о Павскомъ находятся въ изслѣдованіи профессора Н. И. Барсова См. „Русская Старина" 1880 г. т. XXVII, стр. 111—128; 269—288; 495—510; 705—730; т. XXVIII, стр. 105—124; 219—232

80) Въ 1801 году, И. В. Лопухинъ вмѣстѣ съ Ю. А. Нелединскимъ-Мелецкимъ ревизовали Слободско-Украинскую (нынѣ Харьковскую) губернію. Здѣсь Лопухинъ обратилъ особенное вниманіе на положеніе Духоборцевъ и наблюденія свои надъ ними сообщилъ Императору Александру I въ двухъ донесеніяхъ (отъ 12 ноября и 3 декабря 1801 года). „На канунѣ выѣзда изъ Харькова", пишетъ Лопухинъ, „по обыкновенію своему проснувшись рано по утру, нашелъ я въ своей предспальнѣ дожидавшагося меня почтмейстера, который вручилъ мнѣ по эстафетѣ, полученный отъ Императора рескриптъ. Готовъ уже будучи прочитать себѣ неудовольствіе, долго не распечатовалъ я его, и распечаталъ гораздо послѣ. Но вотъ какой это былъ рескриптъ"... (отъ 27 ноября 1801 г.). Вѣроятно объ этомъ рескриптѣ упоминаетъ Тургеневъ въ своемъ письмѣ. Въ этомъ рескриптѣ между прочимъ сказано: „Примите истинную мою благодарность за поступокъ вашъ въ дѣлѣ Духоборцевъ... Я вразумляю губернатора, какимъ образомъ должно располагать ему, назначенное при возвращеніи сихъ Духоборцовъ, увѣщаніе и, находя, между тѣмъ, что прежде предпріятаго тамошнимъ правительствомъ

народнаго просвѣщенія ихъ умовъ, пристойнѣе и нужнѣе бы было помыслить о ихъ пропитаніи и водвореніи, и что прежде настоятельныхъ вопросовъ о ихъ обязанностяхъ къ правительству, должно бы было дать имъ почувствовать, что правительство сіе въ разоренномъ ихъ положеніи готово простерть имъ руку помощи и покровительства". По этому поводу Лопухинъ замѣчаетъ: „До восхищенія пріятенъ былъ, конечно, сей рескриптъ, коего слова должны неизгладимыми буквами начертаться въ славнѣйшихъ дѣяніяхъ человѣколюбія и просвѣщенія" („Записки" И. В. Лопухина, т. II, стр. 92—104).

Н. П. Барсуковъ.

XVI.

Парижъ, 1842 г. февраля 26 (14).

Я съ новою къ вамъ просьбою, хотя и по старому дѣлу: изъ перваго тома напечатанныхъ актовъ усмотрѣлъ я на XI стр., что въ числѣ не вошедшихъ въ собраніе актовъ, находится и посланіе Краковскаго епископа Матвѣя къ св. Бернардію, епископу Клермонскому. Актъ сей былъ въ числѣ Альбертрандіевыхъ (81). Я занимаюсь особенно житіемъ св. Бернарда и сбираю все, что принадлежитъ до него и до его времени. Хотя издатели и полагаютъ, что сей актъ незначителенъ, но я бы желалъ вполнѣ имѣть оный и прошу васъ приказать переписать его, съ дипломатическою точностію, на мой счетъ и при первомъ случаѣ прислать ко мнѣ; я приму это за большое одолженіе. Не смѣю просить о доставленіи и другихъ актовъ, не входящихъ въ печать, но мною доставленныхъ въ Археографическую Коммисію; но конечно для меня желательно было бы имѣть полное собраніе, про себя и для моихъ историческихъ трудовъ, коими теперь, на досугѣ, болѣе прежняго занимаюсь.

Я еще, кромѣ 4-хъ экземпл. I тома, ничего не получалъ, и ни одной, кромѣ 1 тетради, медалей и пр. также и другихъ книгъ Археогр. Ком., о коихъ вы писали къ князю П. А. Вяземскому, и кои должны быть теперь еще въ канцеляріи кн. А. Н. или тамъ, куда она поступила. Примите на себя трудъ справиться о посланныхъ вами печатныхъ актахъ и увѣдомить меня и о томъ, отъ кого буду я получать продолженіе оныхъ. Акты римскіе нужны мнѣ поскорѣе для того, чтобы до отъѣзда моего изъ Парижа, въ началѣ мая нов. ст. я могъ передать нѣкоторые экземпляры въ здѣшнія библіотеки. Жалѣю, что нѣтъ оказіи или курьеровъ для пересылки къ вамъ нѣкоторыхъ книгъ, особливо по части духовно-церковной.

Я посылаю теперь въ Москву гравюру со стариннаго образа русскаго Св. Николая Чудотворца и самъ привезу туда мѣдный образъ, вычеканенный вѣроятно давно уже и врядъ ли не по шведской монетѣ. Я обозначилъ его слегка въ письмѣ къ князю Вяземскому.

Первый найдете вы въ первой тетради—livraison, описанія здѣшняго музея въ Hôtel Clugny, de Somerart, на который подписались Государь и великій князь Михаилъ Павловичъ; но эта драгоцѣнность не рѣдкость въ Россіи. Я видѣлъ оригиналъ, хорошо сохранившійся, въ музеѣ.

Сейчасъ приносятъ ко мнѣ новый романъ: «Nastasie ou le faubourg St. Germain Moscovite, par Paul de Julvêcourt (82) (женатъ на Всеволожской) въ двухъ раскидисто напечатанныхъ in 8°. Я сообщаю лекціи Мицкевича сколько запоминаю ихъ и успѣваю записывать: но вы могли бы читать ихъ на польскомъ въ журналѣ «Дневникъ», здѣсь выходящемъ, хотя врядъ ли нѣкоторыя изъ моихъ отмѣтокъ не полнѣе печатныхъ: во всякомъ случаѣ вѣрнѣе и слѣдовательно безпристрастнѣе. Совѣтую прочесть въ Université Catholique издаваемый Bonetti, статьи Бернара о Россіи, особенно о Московскихъ и Кіевскихъ древностяхъ церковныхъ, въ книжкахъ 1839 года. Онъ много видѣлъ и читалъ даже—Cryptae Kiovum Гербинія! Онъ занимается исторіей восточной церкви, а между тѣмъ готовитъ въ «Revue de deux mondes» статью о Болгарахъ (о славянахъ вообще уже вышла). Вообще l'Univ. Cathol. хотя и враждуетъ Россійской церкви, но въ немъ много замѣчательныхъ статей о другихъ предметахъ и лекціи Бельгійскихъ католическихъ профессоровъ.

Я началъ снова слушать нѣкоторыя лекціи и снова перестану терять время, и сбираюсь написать письмо министру Вильменю о несовершенствахъ здѣшнихъ академическихъ каѳедръ: Шаль, Chevalier и даже Lenormand—не достойны своего званія, особливо первый, и обо всѣхъ другихъ, такъ какъ и о нихъ, можно сказать то, что Шиллеръ о нѣкоторыхъ юныхъ писателяхъ своего времени:

Was wir heute gelernt—
Wollen wir morgen schon lehren!

Читали-ли вы въ католическихъ журналахъ повѣсть о чудесномъ обращеніи въ Римѣ, молитвою въ тотъ же день умершаго Лафероне, одного богатаго и молодаго еврея Ратисбона, коего братъ, обращенный Ботенемъ за 12 лѣтъ предъ симъ, здѣсь аббатомъ и проповѣдуетъ и написалъ исторію Св. Бернара? Здѣсь только объ этомъ чудѣ и рѣчи въ Сен-Жерменскихъ салонахъ, а Ботень и въ церкви проповѣдывалъ о семъ и сообщилъ намъ подробныя извѣстія о чудѣ. Книга Муравьева: Правда всел. церкви, какъ слышу, очень слаба возраженіями и одинъ православный, прочитавъ ее, сказалъ: «Dieu, délivre nous de nos amis»! Текстъ его болѣе противъ насъ, чѣмъ за насъ. Опасаюсь, чтобы авторъ не имѣлъ участи Стурдзы

и разговора православнаго съ Римляниномъ, Филарета, кои вызвали возраженія іезуита Розовена (83). Не пигмеи, т. е. не полуученные, а гиганты должны вступать въ подобный бой.

Не забывайте меня. Простите, вѣрьте моей сердечной привязанности. Тургеневъ.

1 Марта.

Его Превосходительству Константину Степановичу Сербиновичу.

Примѣчанія:

81) Ученый аббатъ Альбертранди, по волѣ Польскаго короля Станислава Августа, составилъ для историка Нарушевича сборникъ выписокъ изъ Ватиканской и другихъ Римскихъ библіотекъ на Латинскомъ, Италіянскомъ и Польскомъ языкахъ. Экземпляръ этого сборника подаренъ былъ королемъ тогдашнему Россійскому посланнику въ Варшавѣ Я. И. Булгакову, отъ котораго онъ въ послѣдствіи достался А. И. Тургеневу. Карамзинъ пользовался этими выписками („Historica Russiae Monumenta" т. I стр. V).

82) Дочь извѣстнаго путешественника Николая Сергѣевича Всеволожскаго была за мужемъ за Жюльвекуромъ.

83) Вскорѣ по возсоединеніи Уніи, въ 1839 году, А. Н. Муравьевъ написалъ „Правду Вселенской церкви о Римской каѳедрѣ". Книга эта, по свидѣтельству самаго А. Н. Муравьева, „послужила, будто бы, къ утвержденію въ догматахъ Римскихъ одного отступника нашего. Это было напечатано даже во французскомъ журналѣ „Ami de le religion", и бывшій митрополитъ всѣхъ Римскихъ церквей въ Россіи Головинскій самодовольно указалъ мнѣ на этотъ листокъ. Я отвѣчалъ ему: „что и самъ весьма доволенъ, если приношу такимъ образомъ двойную пользу обѣимъ церквамъ, однимъ и тѣмъ же словомъ утверждая и своихъ и его единовѣрцевъ" (Муравьевъ. „Письмо о Православіи". Кіевъ 1871, стр. V—VI).

Изъ сочиненій Стурдзы здѣсь разумѣется: „Изслѣдованіе о ученіи и духѣ Православной церкви". Оно явилось въ Веймарѣ на французскомъ языкѣ и издано на счетъ самаго Императора Александра I. Это сочиненіе вызвало также рѣзкій отзывъ Филарета архіепископа Черниговскаго: „сочинитель принялъ на себя философствовать о св. Церкви и ея таинствахъ, тогда какъ ни дарованія его, ни образованность не давали ему на то право. И отъ того вышло, что ни одно сочиненіе не надѣлало столько вреда православной церкви въ мнѣніи запада, какъ размышленія не призваннаго философа-богослова" („Обзоръ" т. II, стр. 193).

„Разговоры между испытующимъ и увѣреннымъ о Православіи Восточной Греко-Россійской Церкви" были написаны митрополитомъ Филаретомъ по случаю совращенія іезуитомъ Розавеномъ молодаго князя Голицына, племянника министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицына.

Іезуитъ Розавенъ былъ преподавателемъ философіи въ С.-Петербургскомъ іезуитскомъ благородномъ пансіонѣ и игралъ большую роль въ послѣдніе годы пребыванія іезуитовъ въ Россіи. Онъ писалъ опроверженія на всѣ сочиненія, являвшіяся въ русской и французской литературахъ, направленныя противъ ученія Латинской Церкви. Умеръ, кажется, въ Римѣ, только въ 1851 году.

Н. П. Барсуковъ.

XVII.

Парижъ. 1842 г. апрѣля 21 (9).

Графъ St. Priest, перъ Франціи, пишетъ сегодня къ графу Протасову (84) и проситъ о выдачѣ свидѣтельства о рожденіи уже умершаго сына его, въ коемъ онъ имѣетъ скорую нужду. Примите на себя трудъ похлопотать о семъ и, если возможно, увѣдомьте меня поскорѣе, о дѣйствіи, которое будетъ имѣть просьба его. Я останусь въ Парижѣ до 20 (8) мая, а можетъ быть нѣсколько позже, ибо опять ушибъ туже ногу и на томъ же мѣстѣ: сижу и читаю, но скоро опять начну слушать проповѣди и лекціи, а сегодня ѣду слушать рѣчи Токевиля и Моля въ Академіи.

Я давно не получалъ отъ васъ ни слова, хотя не разъ писалъ къ вамъ чрезъ кн. Вяземскаго. По сію пору не получалъ 6 экземпл. грамотъ, ни 2-хъ тетрадей о медаляхъ, ни другихъ изданій Археограф. Коммисіи; а мнѣ должно все это роздать здѣсь въ библіотеки. Что дѣлается со 2-мъ томомъ Римскихъ рукописей [1])? Пожалуйста сберитесь съ силами и отвѣчайте на всѣ мои запросы. Въ Германіи, т. е. въ Кисингенѣ, гдѣ проведу іюнь, а потомъ въ Берлинѣ—мнѣ уже нельзя будетъ исполнить того, что бы должно было, относительно разсылки книгъ, кои бы хотѣлъ взять и съ собою, для Швеціи и Германіи; въ 1—не буду, но могу переслать отсюда.

Журналъ вашъ получаю, читаю и другихъ имъ поучаю. «Современника» болѣе года уже не получалъ. NB—издателю (85). «Отечественныя Записки» вѣрно доходятъ. Не получилъ отъ васъ также извѣстія о пакетахъ, чрезъ васъ посланныхъ, князю Вяземскому. Онъ выздоровѣлъ и слѣдовательно вы ему всѣ отправили, но и отъ него еще не было ни слова. Впрочемъ я увѣренъ, когда окрѣпится, то напишетъ ко мнѣ обо всемъ. Дайте знать ему, пославъ сіе письмо, что за пять дней предъ симъ послалъ я ему пакетъ съ письмомъ на 27 стран. и съ разными стихами; и другой съ книгами: Joubert, двѣ части, Les nouvelles à la main, Guêpes, Peinture и еще кое-что. Все отдано Рахмановой, которая уѣхала 16-го апрѣля отсюда, и на его имя. Прошу и его поскорѣе откликнуться. Скажите ему, что и отъ Жуковскаго получилъ еще два письма, что онъ уже перевелъ 1½ пѣсни Одиссеи, коей новый переводъ Барета ему

---

[1]) См. примѣч. 64.

сегодня посылаю. Сбираюсь къ нему заѣхать въ концѣ мая; кончина М. Орл. [1]) меня поразила. Къ чему палаты и досугъ московскій? Я очень образумился на счетъ жизни земной: совѣтую и всѣмъ тоже. Передо мною много новаго, церковно-духовнаго: Ботень, Port Royal, который и къ вамъ послалъ, но всего лучше проповѣди Равильяна, и его, въ воскресенье, начатыя поученія, или катехизаціи; онъ убѣдительно поучаетъ и обличаетъ слушателей въ невѣжествѣ: это главное. Стеченіе большое и всѣ возвращаются умиленные и наставленные; я не ожидалъ такого успѣха и такой силы отъ іезуита, привыкшаго къ confessions. Но всѣхъ лучше для меня Dupanloup, на каѳедрѣ священной элоквенціи, въ Сорбонѣ. Жаль, что въ Union Catholique первая лекція его была такъ сокращена и высушена, что едва о содержаніи оной судить можно — нѣтъ порыва, коимъ онъ вознесся, въ окончаніи оной, къ высшимъ созерцаніямъ божественныхъ истинъ. У меня выпалъ карандашъ изъ рукъ и я внималъ съ благоговѣніемъ и съ восторгомъ. Онъ не обѣщалъ прежними своими сочиненіями—такого оратора—профессора. Читали-ли вы: «Ami de la religion» глупо-гнусную статью о канонизаціи Митрофана (86); я сообщу ее въ первомъ письмѣ къ Вяземскому, которое уже началъ, но пошлю съ оказіей. Лекціи Ампера—лучшія въ Collége de France, я ихъ почти всѣ переписалъ. Мицкевичъ переродился или возродился: безпристрастіе къ Польшѣ и къ Россіи неимовѣрное; часто онъ еще кривотолкъ, но по убѣжденію, а не по ненависти; увлекается воображеніемъ и мистическимъ взоромъ на исторію, но много—Wahrheit въ его Dichtung. Одна изъ лекцій его любопытна по его идеѣ о Россіи и о ея представителѣ; но это поэзія не безъ историческаго основанія. Въ Додаткѣ помѣщаются извлеченія изъ его лекцій. Всѣ эти таланты процвѣтаютъ и блекнутъ здѣсь—теряя скоро запахъ свой.

Повторяю вамъ просьбу: пишите скорѣе, и другую: дайте знать Г. С. Попову или кому другому, что я не получалъ отъ князя (А. Н. Голицына) послѣдняго его отвѣта на послѣднія письма мои и на запросы, по коимъ необходимо разрѣшить меня, хотя отрицательно. Знаю, что о Шамполіонѣ посланъ уже отсюда отвѣтъ гр. Нессельроде и удовлетворительный. Но о моихъ рукописяхъ, въ окт. посланныхъ, желаю знать, гдѣ онѣ? о пребываніи въ Парижѣ, т. е. о подтвержденіи прежняго права и пр. и пр. Объ

---

[1]) Михаила Ѳедоровича Орлова.

этомъ не имѣлъ отвѣта: могу ли я надѣяться, что получу? Если нѣтъ, то такъ и быть! Нельзя-ли спросить Попова?

Поклонитесь Б. М. Ѳедорову. Обнимаю васъ всѣхъ сердцемъ и прошу не забывать меня.

Его Превосходительству Константину Степановичу Сербиновичу.

Примѣчанія:

84) Графъ Протасовъ былъ въ то время оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода.

85) Издателемъ „Современника" въ то время былъ П. А. Плетневъ.

86) Нетлѣнныя мощи святителя Воронежскаго Митрофана были открыты 6 августа 1832 года.

Н. П. Барсуковъ.

ВРЕМЯ И СПОДВИЖНИКИ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.

Матеріалы изъ бумагъ С. И. Маевскаго.

Нынѣ благополучно царствующему Государю Императору, въ бытность еще наслѣдникомъ престола, благоугодно было почтить память отца моего помѣщеніемъ его портрета и шпаги въ дежурной комнатѣ, и архива его въ библіотекѣ л.-г. Егерскаго полка. Такая высокая честь возлагала на меня нравственную обязанность издать этотъ архивъ, тѣмъ болѣе, что содержаніе его должно быть не безъ интереса для публики. Часть его, автобіографія, подъ именемъ: „Мой вѣкъ, или исторія генерала Маевскаго" была напечатана въ журналѣ „Русская Старина" изд. 1873 г., и была принята весьма благосклонно, благодаря наблюдательности и искренности автора, который, будучи ближайшимъ помощникомъ гр. Аракчеева и удостоенный милостей и довѣрія императора Александра I-го, могъ знать, да и дѣйствительно зналъ сущую правду о военныхъ поселеніяхъ.

Помѣщаемъ нѣсколько документовъ изъ переписки покойнаго генерала, заключающихъ въ себѣ первыя либеральныя вѣянія въ средѣ нашей побѣдоносной арміи, и подробности о выдающихся событіяхъ конца царствованія Александра II-го и его кончинѣ

Н. С. Маевскій.

I.

Графъ М. С. Воронцовъ.

Наша побѣдоносная армія, возвращаясь изъ подъ стѣнъ Парижа, принесла оттуда много новаго, въ томъ числѣ и идей. Передовые ея люди, во главѣ которыхъ можно назвать князя М. С. Воронцова, тогда еще графа, желали уже тогда отмѣны тѣлесныхъ наказаній и развитія солдата посредствомъ школы и возбужденія въ немъ честолюбія. Какъ всегда бываетъ при первомъ проявленіи либеральныхъ идей, старовѣры, составляющіе сплошную массу, большинство всѣхъ противъ нѣсколькихъ единицъ, усиливаютъ свои мѣры и пріемы и, думая возстановить ихъ значеніе и достоинство въ общественномъ мнѣніи, лишь губятъ ихъ окончательно. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ: почти вся масса начальствующихъ лицъ въ арміи напрягала

всѣ усилія, чтобы доказать, что всѣми своими успѣхами, самою своею непобѣдимостью, русская армія обязана лишь тѣлеснымъ наказаніямъ, злоупотребленіе которыми превосходило всякое вѣроятіе. Солдаты того времени, вспоминая о своей службѣ и сравнивая ее съ настоящею, говорили: „служили мы тогда, когда изъ десятерыхъ девять убивали, а десятаго на племя оставляли".

Такъ выдвигались и быстро повышались по службѣ Шварцы съ братіей, приходившіе въ ужасъ отъ того, что не могутъ отучить русскаго солдата отъ скверной привычки дышать. И считались они примѣрными служаками, образцовыми фронтовиками, не имѣя за собою рѣшительно ничего, кромѣ самой лютой, самой кровожадной жестокости. Какъ графъ Воронцовъ былъ главою либераловъ, такъ главою этихъ живодеровъ былъ слишкомъ извѣстный, грустной памяти, генералъ Ротъ, о которомъ много интересныхъ свѣдѣній сообщено въ „Русской Старинѣ", между прочимъ о похоронной процессіи съ его гробомъ, направленной мимо его оконъ и по которой ему, не смотря на всѣ розыски, неудалось найти ни одного виноватаго.

Между тѣмъ обстоятельства слагались далеко не въ пользу староверовъ: опытъ Наполеоновскихъ войнъ убѣдилъ до очевидности всѣхъ, что старая прусская система тактики, недопускавшая ничего, кромѣ колонны и развернутаго фронта, никуда не годится, что время ея прошло окончательно и что въ современныхъ войнахъ рѣшительное значеніе должно принадлежать разсыпному строю и меткому ружейному огню. Приходилось поэтому измѣнять все обученіе арміи съ самаго основанія, потому что при новыхъ требованіяхъ солдатъ-машина, автоматъ становится безполезнымъ; ему необходимо было пріобрѣсти: ловкость, развязность, смѣлость, сметку и крайнюю подвижность, а, конечно, эти качества внушаются ужъ никакъ не ужасомъ отъ палокъ и розогъ.

Въ то время дисциплина въ арміи была крайне слаба, или, лучше сказать, отсутствовала вовсе: буйство и неповиновеніе офицеровъ были таковые, что часто служебныя столкновенія начальника съ подчиненными кончались дуэлью. Этотъ анахроническій видъ самосуда процвѣталъ такъ, что числомъ дуэлей гордились, какъ боевыми отличіями. Напротивъ, нижніе чины находились въ полной крѣпостной зависимости отъ своихъ начальниковъ, которые могли ихъ истязать, грабить и морить голодомъ, сколько это имъ вздумается. Строевое обученіе велось также отдѣльными начальниками по личному усмотрѣнію и вкусу, потому что общаго строеваго устава не было. Можно поэтому вообразить, какъ разношерста была армія и какъ громадна была самостоятельность, или, лучше сказать, полный произволъ частныхъ начальниковъ. О томъ, какъ подвизался Ротъ, можно судить по письму графа Воронцова къ моему отцу отъ 15-го апрѣля 1820 г: „Любезный Сергѣй Ивановичъ! Крайнее было для меня удовольствіе узнать, что вы оба съ Дунаевымъ (бывшимъ впослѣдствіи таганрогскимъ градоначальникомъ) произведены въ генералы; радуюсь также, что Богъ васъ избавилъ отъ Рота. Я не такъ щастливъ, и буду въ одномъ корпусѣ съ нимъ; но такъ какъ я пріиму корпусъ не прежде какъ чрезъ 15 мѣсяцевъ или полтора года, то бѣда эта, по крайней мѣрѣ, еще отдаленная". Принимая въ соображеніе, что графъ Воронцовъ, скорѣе англійскій лордъ, чѣмъ русскій большой баринъ, былъ совершеннѣйшій джентльменъ и самый изящный царедворецъ, который и на словахъ употреблялъ лишь самыя мягкія, самыя безобидныя

выраженія, можно себѣ представить, чѣмъ была въ дѣйствительности эта, грустной памяти, армейская знаменитость, о которой даже онъ, осторожный Воронцовъ, писалъ такимъ образомъ.

Въ то время, въ 1815-мъ г., изданъ былъ строевой уставъ, о которомъ отецъ мой говорилъ, что „онъ былъ принятъ арміей съ тѣмъ благоговѣніемъ, съ которымъ неофиты принимаютъ таинства". Образчикомъ могъ служить и самъ составитель архива, который не только выучилъ уставъ наизусть, но еще неоднократно переписалъ его, чтобы лучше затвердить и усвоить. Но знаніе и умѣніе двѣ вещи разныя, а умѣнье существовало лишь въ польскихъ и литовскихъ войскахъ, которыхъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ лично обучалъ по новому уставу и безцеремонно гналъ прочь съ плаца всѣхъ посторонних. Тслько случайно, снова попавъ въ милость къ великому князю, отецъ мой удостоился чести присутствовать на его ученьяхъ и усвоить себѣ всю суть фронтовой мудрости.

Поэтому новое обученіе привилось не сразу всей арміи, а распространялось понемногу; произволъ частныхъ начальниковъ оставался по прежнему громаденъ и, благодаря этому обстоятельству, оба противуположныя теченія выказывались съ особою рѣзкостью. Фанатики истязаній, имѣя во главѣ Рота, свирѣпствовали съ сугубою яростью, тогда какъ гр. Воронцовъ желалъ уничтожить совсѣмъ въ своемъ корпусѣ всякое тѣлесное наказаніе. Въ этомъ корпусѣ находился и 13-й егерскій полкъ, шефомъ котораго съ начала 1814 г. былъ назначенъ составитель архива, полковникъ С. И. Маевскій. Въ своихъ воспоминаніяхъ, изданныхъ „Русской Стариной", онъ описываетъ ученье стрѣлковъ въ своемъ полку такъ, что у него около мѣста, съ котораго стрѣляли, ставили два ведра: одно съ водкою, другое съ водою. Стрѣлявшій становился между ними и, если попадалъ въ цѣль, то пилъ водку, если же давалъ промахъ—воду, при громкомъ хохотѣ товарищей. Конечно, въ педагогическомъ отношеніи этотъ пріемъ оставляетъ еще желать весьма многаго, но онъ былъ уже большимъ шагомъ впередъ отъ розогъ и палокъ.

Гр. Воронцовъ не довольствовался одними приказами; онъ разъяснялъ ихъ командирамъ частей не только лично при свиданіи, но и письменно. Вотъ образчикъ такого письма: „Ландстуль, 16 (28) іюня 1815 г. Любезный Сергѣй Ивановичъ! давно не писалъ къ вамъ, ибо надѣялся васъ видѣть здѣсь, гдѣ по прежнему плану намъ должно было стоять нѣсколько дней, но теперь перемѣна и мы идемъ, не дожидаясь васъ, до Нассау.

„Посылаю къ вамъ по экземпляру моихъ правилъ, выданныхъ въ дивизіи. Въ разсужденіи перваго изъ нихъ я увѣренъ, что вы одного со мною мнѣнія и что знаете, какъ легко вести русскаго солдата амбиціею. Но многіе изъ нашихъ господъ не вѣрятъ и другихъ хотятъ увѣрить, что это затѣи новыя и вредныя и что безъ палокъ ничего не будетъ хорошаго. На меня уже многіе изъ старыхъ мудрецовъ нашихъ нападаютъ, да я думаю, что и вашъ дивизіонный, можетъ быть, въ томъ же числѣ, почему я бы и не хотѣлъ, чтобы этотъ листъ дошелъ до него и посылаю оный къ вамъ для любопытства и для вашего мнѣнія".

Уже одна эта выписка служитъ иллюстраціею новыхъ вѣяній и служебныхъ отношеній той эпохи; я могъ бы этимъ и ограничиться, но перепишу это любопытное письмо до конца, изъ котораго видно будетъ, какъ мало въ ту пору были знакомы съ строевыми уставами, отчего чуть не у каждаго полка существовалъ свой собственный. „Теперь у меня есть къ вамъ просьба: насъ

все пугаютъ смотромъ государя; у насъ плохо знаютъ мелкія штуки парадныя, какъ то: какъ держать шпаги, гдѣ стоять унтеръ-офицерамъ во взводахъ и полувзводахъ, гдѣ стоять барабанщикамъ и прочее. Не можете ли вы мнѣ прислать на 3 или 4 дня офицера, который все это твердо узналъ въ Варшавѣ и моимъ полкамъ бы это показалъ. Вы бы меня весьма тѣмъ одолжили; чѣмъ скорѣе пришлете его, тѣмъ лучше. Прощайте, любезный Сергѣй Ивановичъ, вѣрьте истинной моей къ вамъ привязанности".

II

Генералъ М. Е. Храповицкій.

Главнымъ двигателемъ всякаго дѣла, если только оно дѣйствительно было либеральнымъ, былъ всегда самъ Александръ I. Можно себѣ представить, какъ горячо онъ принималъ къ сердцу обученіе стрѣльбѣ и достиженіе возможной ея мѣткости, какъ бы угадывая, что этой части обученія суждено сдѣлаться краеугольнымъ камнемъ и будущихъ войнъ, и будущаго положенія русскаго солдата. О томъ, какъ это обученіе велось въ гвардіи, подъ личнымъ надзоромъ самого государя, виднѣе будетъ изъ писемъ къ моему отцу, тогда уже бригадному генералу, его начальника дивизіи, Матвѣя Евграфовича Храповицкаго, будущаго генералъ-адъютанта императора Николая Павловича. При Александрѣ I-мъ онъ командовалъ Измайловскимъ полкомъ, былъ человѣкомъ очень добрымъ и ревностнымъ служакой, а, какъ онъ смотрѣлъ на службу, лучше всего рисуетъ собственноручное, довольно неграмотное письмо его отъ 15-го марта 1822 года.

„Милостивый государь, Сергѣй Ивановичъ! Уничиженіе паче гордости, говоритъ русская пословица; зачѣмъ приписывать мнѣ то, что ревностная служба ваша вамъ доставила, и я увѣренъ, что предстоящій смотръ докажетъ справедливость моего заключенія на счетъ вашей части. Не видалъ 1-й бригады давно, но сердечно радуюсь, что вы идете за 2-ю, а не предъ оной, ибо это будетъ дессертъ, особенно зная, сколько приготовлялось вещей для украшенія полковъ, а теперь надѣюсь, что приготовленія сіи еще пріумножатся. Вы умѣете подстрекнуть вашихъ подчиненныхъ, а они щекотливы и на семъ я основываю мою надежду. Одно, ради Бога, чтобы приготовили болѣе людей къ смотру, а для сихъ—денегъ на хорошія щи и добрую кашицу, которую надобно варить во все время слѣдованья на смотръ, дабы поддержать людей; а подъ симъ предлогомъ мы ихъ болѣе будемъ имѣть вмѣстѣ, не распространяясь по дурнымъ по урожаю квартирамъ и на каждой дневкѣ можно будетъ сдѣлать такую проволочку, которая будетъ весьма полезна. Я говорю сіе съ опыта: я велъ гвардейскій отрядъ изъ Москвы, имѣя приказаніе непремѣнно перещеголять оставшихся въ Петербургѣ. Мы не оставили ни одного больнаго, не было умершихъ, а про бѣглыхъ мы и понятія не имѣли и мы сдѣлали 24000 руб. экономіи на 6 баталіоновъ".

Относительно цѣльной стрѣльбы, вотъ что писалъ генералъ Храповицкій отъ 18-го октября, должно быть, того же 1822 года: „Я полагаю удобнѣе будетъ заниматься цѣльною стрѣльбою изъ избъ, какъ на сіе даже и воля г-на главнокомандующаго была; то прикажите, чтобы непремѣнно было исполняемо. Я былъ здѣсь въ Петербургѣ свидѣтелемъ стрѣлянія въ цѣль: 1-я дивизія

(рѣчь идетъ о гвардіи) была безъ ранцевъ; 2-я, какъ слѣдовало, весь корпусъ поголовно; и въ общемъ счетѣ третья пуля попала въ черныя и бѣлыя полосы; судите, сколько мы отъ гвардіи назади!..... ибо у насъ и застрѣльщики хуже стрѣляютъ. Я прошу васъ о семъ разсказать нашимъ полковымъ командирамъ. А гвардейскіе егеря—только третья пуля мимо".

Генералъ Маевскій отвѣчалъ: „Пальба, пока что, идетъ на открытомъ воздухѣ, а когда похолоднѣетъ, то попробуемъ стрѣлять изъ избъ; но для сего надо строить свои, а граждане не дадутъ; примѣромъ сему служитъ временный дивизіонный лазаретъ. Не спорю, что въ гвардіи стрѣляютъ хорошо; я поручусь вамъ и за своихъ; надобно только ввести пальбу въ одну моду съ церемоніальнымъ маршемъ, а иначе она всегда будетъ въ настоящемъ печальномъ положеніи и никто подвинуть ее не въ состояніи".

Но замѣчаній стараго боеваго солдата не послушали: церемоніальный маршъ, входя все болѣе и болѣе въ моду, заглушилъ обученіе стрѣльбѣ и одиночную выправку; обращали вниманіе только на стройныя, красивыя движенія массами и одновременно шло прогрессивное пониженіе умственнаго уровня. Такъ пришли мы къ севастопольскому погрому.

III.

Александръ I въ Таганрогѣ.

Кромѣ выше приведенныхъ писемъ, имѣющихъ служебный отпечатокъ, мы помѣщаемъ и выдержку изъ совершенно частной переписки генерала Маевскаго съ задушевнымъ другомъ его, тогдашнимъ таганрогскимъ градоначальникомъ, Александромъ Ивановичемъ Дунаевымъ. Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ имѣютъ несомнѣнный историческій интересъ, какъ свидѣтельство очевидца о пребываніи императорской четы въ Таганрогѣ, послѣднихъ дняхъ жизни и кончинѣ Александра I; другія имѣютъ интересъ минуты.

12-го сентября 1825 г.

„Сейчасъ пріѣхалъ ко мнѣ Василій Алексѣевичъ Сысоевъ [1]); онъ въ 60 верстахъ живетъ отъ меня и, узнавши что я пишу къ тебѣ письмо, проситъ меня побранить тебя за молчаніе, но я сказалъ ему, чтобы онъ бранилъ самъ, а я сдѣлать этого никакъ не смѣю.

Мы 13-го ч. ожидаемъ царя, а 23-го—царицу и теперь въ Таганрогѣ моемъ столько хлопотъ, сколько и отъ сотворенія міра въ немъ не бывало; между тѣмъ я долженъ тебѣ сказать, любезный другъ, что занятій у меня во всякое время больше, чѣмъ могутъ имѣть два губернатора вмѣстѣ и я каждый день, исключая праздниковъ, и то не всегда, занимаюсь отъ 7 ч. утра до 3 пополудни, ибо, кромѣ трехъ городовъ [2]) и трехъ деревень, кои составляютъ мою команду, я и начальникъ таможеннаго округа, а здѣсь дѣлъ по таможнѣ и карантину бездна. Однако же я надѣюсь скоро разбогатѣть свободными часами и буду тебѣ писать, но только, чуръ, не браниться".

---

[1]) Тогдашній наказной атаманъ Черноморскаго войска, жившій въ Екатеринодарѣ. Письмо его и къ нему А. П. Ермолова см. въ концѣ.

[2]) Т. е. Таганрогъ, Маріуполь и Нахичевань. Н. М.

14-го октября 1825 г.

„Теперь нѣсколько словъ о моей должности; правда, что я занимаюсь 18 ч. въ сутки, подобно тебѣ, но охотно согласился бы заниматься и 20 часовъ дѣломъ по порядку службы, нежели разбирать просителей, смотрѣть на бѣдствія, ими терпимыя, и нерѣдко встрѣчаться съ затрудненіями рѣшать тяжбу двухъ бѣднѣйшихъ семействъ, злою судьбою поссоренныхъ. Согласись теперь, другъ мой, что мои занятія безпрестанны, скучны и утомительны, а еще болѣе теперь, ибо пребываніемъ Государя всѣ рѣшенія весьма ускоряются. Совсѣмъ тѣмъ, сколько ни тягостна теперишняя должность моя, я остаюсь съ избыткомъ награжденъ милостивою благосклонностью государя.

Два раза государь удостоилъ меня своимъ посѣщеніемъ; моя жена представлялась ихъ величествамъ; нѣсколько разъ я и жена моя были приглашены къ столу государя и каждое воскресенье бываемъ въ придворной церкви у обѣдни. А такія милости монарха поощряютъ меня на службу и заставляютъ не щадить и самой моей жизни, чтобы только содѣлаться достойнымъ всѣхъ порученій монарха.

О милостяхъ графа (т. е. М. С. Воронцова) говорить тебѣ нечего: онъ любитъ меня, какъ друга; кн. Волконскій, генер. Дибичъ и Лонгиновъ отлично ко мнѣ расположены. Государь доволенъ климатомъ, полюбилъ городъ и городовой садъ и на улучшеніе его отпущено мнѣ изъ кабинета 11 т. рубл. единовременно, а для ежегоднаго содержанія его опредѣлено по 6 т. рубл. въ годъ. Не знаю, что будетъ дальше, на придворномъ паркетѣ скользко, а до апрѣля мѣсяца еще далеко.

Я имѣю щастіе видѣть царя каждый день и каждый день удостоиваюсь принимать его благодарность за чистоту и устройство въ городѣ. Я не боюсь со стороны моей честности, безкорыстія и неутомимой дѣятельности моей; но боюсь клеветы и зависти.

Теперь я пишу тебѣ по случаю отсутствія государя императора: 11-го числа царь отъѣхалъ чрезъ Новочеркасскъ въ Азовъ и 15-го будетъ въ Таганрогѣ; 20-го выѣзжаетъ въ Крымъ и 4-го ноября опять въ Таганрогъ на всю зиму. Мы ожидаемъ графа Аракчеева и Чернышева; буду писать тебѣ еще при досугѣ“.

19-го ноября 1825 г.

„Прежде, нежели ты получишь письмо сіе, я думаю ты уже узнаешь о нещастіи, постигшемъ наше отечество; ты знаешь, кого мы лишились и какой цѣны стоитъ наша утрата. Неумолимая смерть 14 дней сряду томила и похитила у насъ обоготворяемаго всѣми монарха нашего и, наконецъ, 19-го числа въ 10 часовъ дня на 50-й минутѣ съ жестокимъ усиліемъ и къ жестокой нашей общей горести, ангельская душа монарха отлетѣла въ вѣчность. Не буду говорить тебѣ объ отчаяніи окружавшихъ его, о рыданіи жителей всего города Таганрога, ты самъ можешь легко вообразить себѣ по слуху только— путь, по которому благочестивѣйшій монархъ нашъ приближался ко гробу. 5-го числа въ 9 часовъ вечера императоръ изволилъ въѣхать въ Таганрогъ; городъ былъ освѣщенъ и государь отъ самой заставы до дворца изволилъ

ѣхать шагомъ; у дворца я встрѣтилъ государя, подалъ рапортъ; онъ взялъ меня за руку и ввелъ къ себѣ въ кабинетъ. Здѣсь онъ весьма милостиво сообщилъ мнѣ свои замѣчанія о Маріуполѣ и сказалъ мнѣ, что онъ немного не здоровъ и приказалъ мнѣ оставить его до 7-го числа. Государь не хотѣлъ принимать лекарства, а 7-го числа ему сдѣлалось хуже, лихорадка его перешла въ горячку, но лекарствъ все никакихъ не принималъ, кромѣ наружныхъ; 12-го числа пріобщился святыхъ таинъ, въ городѣ начались молебны о здравіи царя и отъ сего времени ему съ каждымъ днемъ дѣлалось тяжелѣе, а 19-го числа въ присутствіи императрицы онъ переселился изъ здѣшняго ничтожнаго міра въ лучшій.

Помолись, любезнѣйшій другъ, за ангельскую душу монарха и пролей слезы въ дань сердечнаго твоего сокрушенія. О другъ мой! цѣлаго вѣка нашего не достанетъ достойно оплакать монарха, монарха, который былъ не только отцемъ, но и истиннымъ другомъ подданныхъ своихъ. Но горесть наша не возвратитъ намъ драгоцѣннаго нашего монарха, и такъ, утѣшимся мыслію, что тамъ, за предѣлами гроба, увидимъ и обнимемъ колѣна обожаемаго монарха нашего, монарха, который, царствуя, находилъ единственное щастіе свое въ благополучіи подданныхъ; оставимъ же всѣ печальныя и безполезныя воспоминанія сіи; душа моя разстроена, сердце растерзано и вздохи не вмѣщаются въ груди моей; но мы всѣ умремъ. Прости. Твой вѣчный другъ, А. Дунаевъ.

P. S. Мы ожидаемъ великихъ князей; это будетъ послѣдняя картина для Таганрога; скажи о прежнемъ временщикѣ [1]), что ты знаешь".

12-го декабря 1825 года.

„Наконецъ, любезнѣйшій другъ, Сергѣй Ивановичъ, драгоцѣнные останки обожаемаго нами монарха перенесены изъ дворца въ греческій Іерусалимскій монастырь 11 декабря. Нашъ ангелъ, наша императрица, до сихъ поръ не видитъ еще никакихъ утѣшеній изъ Петербурга, но около 17-го числа сего мѣсяца мы ожидаемъ пріѣзда графини Строгоновой; она женщина умная и имѣетъ, кажется, щастіе носить имя друга императрицы.

Въ Таганрогѣ новостей никакихъ нѣтъ и для твоего любопытства посылаю къ тебѣ печатный листокъ, изъ котораго ты увидишь весь порядокъ нашего церемоніала, при выносѣ тѣла императора бывшій".

4-го марта 1826 г

„Давно, очень давно, какъ я не писалъ къ тебѣ, любезнѣйшій другъ Сергѣй Ивановичъ; не забвеніе, не лѣнь и не недосуги тому виною, но положеніе, тѣснившее душу мою и раздиравшее сердце мое, заставляло меня не приниматься за перо.

Послѣ всеобщаго нещастія, поразившаго любезное отечество, я стремился

---

[1]) Т е. графъ Аракчеевъ, подъ начальствомъ котораго служилъ въ это время генералъ Маевскій, бывшій тогда отряднымъ командиромъ Старорускаго военнаго поселенія. Н. М.

къ тому только, чтобы пребываніе императрицы въ Таганрогѣ было спокойно. Вскорѣ послѣ того, моя жена заболѣла воспалительною горячкою; таганрогскіе медики принялись, было, за работу, но въ первые три дня, вмѣсто облегченія, болѣзнь усилилась. Благодѣтельная мать наша царица узнала о болѣзни моей жены и въ ту же минуту удостоила приказаніемъ своего лейбъ-медика принять надзоръ за болящею. Отъ сего времени ея величество каждое утро и вечеръ присылала узнать о положеніи здоровья моей жены. Какая безпримѣрная, какая неслыханная добродѣтель великой нашей монархини, заботы ея о подданныхъ поставляютъ ее выше царя-человѣка.

Цѣлые 15 дней я переходилъ отъ отчаянія къ слабой надеждѣ и, благодаря Бога и попеченіямъ монархини, здоровье друга моего возстановилось и она начинала уже оставлять постель, когда всѣ дѣти мои, одинъ подлѣ другаго, начали хворать горячкою. Обстоятельство сіе, обременяя меня новыми безпокойствами, продлило и самую болѣзнь жены моей. Между тѣмъ лейбъ-медикъ по приказанію императрицы, употреблялъ всѣ способы и искусство свое увѣнчалъ желаннымъ успѣхомъ; теперь у насъ въ домѣ все по прежнему и сегодня жена моя получила позволеніе принести личную благодарность монархинѣ

Описавъ тебѣ причины крушенія моего сердца, я скажу нѣсколько словъ о моей должности, которую я теперь довольно постигнулъ и которую я теперь нахожу довольно пріятною и спокойною; нѣтъ лестныхъ надеждъ и выгодъ, но для человѣка съ такими умѣренными желаніями, какъ я, уголокъ этотъ имѣетъ свои прелести: уединеніе, которое я всегда любилъ, здѣсь свободно наслаждаться имъ можно. Совсѣмъ тѣмъ, я служу здѣсь только до тѣхъ поръ, пока графъ (Воронцовъ) будетъ служить; въ противномъ случаѣ не останусь и минуты.

14-го числа нынѣшняго мѣсяца ея величество императрица изволитъ оставить Таганрогъ и будетъ пребываніе свое имѣть въ Калугѣ, а въ маѣ мѣсяцѣ посѣтитъ подмосковную князя Петра Михайловича (Волконскаго), гдѣ изволитъ остаться до коронаціи. Вотъ тебѣ, другъ мой, всѣ наши новости, печали и радости; пиши ко мнѣ, будь здоровъ и люби твоего вѣрнаго и вѣчнаго друга, А. Дунаева“.

19-го мая 1826 г.

„...Блаженной памяти императрица Елизавета Алексѣевна, оставляя Таганрогъ 22-го апрѣля (1826 г.) весьма въ лестныхъ выраженіяхъ изволила изъявлять мнѣ лично свою благодарность за службу и пожаловала мнѣ золотую табакерку, осыпанную бриліантами съ своимъ вензелемъ. Нынче я удостоился получить отъ государя императора орденъ св Анны I-го класса; впослѣдствіи мои дѣла обѣщаютъ существеннѣйшаго награжденія...“

3-го сентября 1826 г.

„...Мнѣ надо знать, видѣть и счесть что на корабляхъ пришло и ушло; слѣдствіемъ-то сего я долженъ быть три мѣсяца сряду почти по 10 часовъ въ день въ присутствіи на биржѣ и слѣдствіемъ-то сего я въ нынѣшнюю навигацію открылъ утаваемой отъ правительства пошлины милліонъ триста тысячъ. Обстоятельство сіе доведено уже до свѣдѣнія императора и я надѣюсь, что безкорыстіе мое не обойдется безъ должнаго вознагражденія, ибо таможня

сія въ продолженіи 20 лѣтъ похитила болѣе 40 милліоновъ государственныхъ доходовъ, а на берегъ таганрогскій ежегодно вывозили контрабанды на 900,000 рублей. Нынче все мною обрѣзано, прекращено и все предъ правительствомъ приведено въ извѣстность и при всѣхъ сихъ моихъ дѣйствіяхъ я не сдѣлалъ ни одного человѣка нещастнымъ: я открылъ всѣ бывшія злоупотребленія, открылъ мѣста, участвовавшія въ этомъ, но не обвинилъ ни одного лица тѣхъ мѣстъ и симъ средствомъ достигъ желаемой мною цѣли. Вотъ, другъ мой, какіе труды занимали меня въ нынѣшнее лѣто".

IV.

Наказной атаманъ Сысоевъ.

20-го сентября 1823 г. Г. Екатеринодаръ.

„Любезный другъ Сергѣй Ивановичъ! Много прошло времени, какъ я не имѣю удовольствія читать твои строки и не понимаю, что за гордость въ тебя вселилась; хотя и я нѣсколько неправъ, однако же все не такъ, какъ ты: вольно тебѣ молчать на два письма мои, въ семъ году отправленныя и отказываться отъ пріятной для меня переписки —Я бы теперь имѣлъ право расчитаться съ тобою иначе, но извѣстившись отъ Александра Ивановича (Дунаева), что ты, занимаясь своими поселенными легіонами, вступилъ на поприще ораторское и сочиняешь огромные прожекты, въ сей разъ прощаю тебя, а далѣе, хотя бы чрезъ сіе ремесло сдѣлался и Платономъ, поступлю посвойски Да правда ли, что ты не отказался-бы, какъ увѣряетъ А. И., рыцарствовать на одномъ со мною полѣ. Если это не бездѣлка, то, пожалуй, не мудрено тебѣ сдѣлаться и Катономъ, особенно при теперешнихъ военныхъ съ Персіею обстоятельствахъ, но всего вѣроятнѣе, по крайней мѣрѣ можно было бы ближе 6 лѣтъ поздравить тебя генералъ-лейтенантомъ, котораго по расчоту Александры (sic) ты долженъ ожидать. Онъ и мнѣ предрёкъ, будто бы я близокъ къ нему, но фортуна еще не успѣла открыть мнѣ тайны сей, потому что теперь она отозвана въ столицу и тамъ задержана на заставѣ, какъ слышно, до тѣхъ поръ, пока отдадутъ ей всѣ визиты. Я думаю, она скоро будетъ путешествовать моремъ прямо въ Таганрогъ съ хорошими для нашего безпристрастнаго корабельнаго надзирателя вѣстями. Смотри, не упусти случая побесѣдовать, вкинь нѣсколько словъ и за меня.

Шутки въ сторону, и я тебѣ, другъ мой, признаюсь откровенно, что мое непреоборимое желаніе было и есть потрусить за бороду персидскаго шаха; но бѣда, Алексѣй Петровичъ (Ермоловъ) отказалъ мнѣ невозможностью последовать туда, которую ты увидишь изъ прилагаемаго здѣсь его письма. Персіяне много выиграли, что видно въ выпискѣ, у сего слѣдующей, а теперь, слухи носятся, что много и стѣснены.

Новости сіи я пересылаю изъ Черноморіи, куда я завлеченъ силою высочайшей воли для командованія здѣшнимъ войскомъ. Моя обязанность охранять границы отъ закубанцевъ, которые теперь еще не бушуютъ.

Теперь, я думаю, ты понялъ что я въ столичномъ городѣ Екатеринодарѣ; слѣдовательно оправдаешь себя предо мною своимъ длиннымъ повѣствованіемъ о всѣхъ вашихъ и доходящихъ до васъ свѣдѣніяхъ по разнымъ предметамъ.

Желая тебѣ здоровья, щастья и долгоденствія, пребуду навсегда твоимъ— всепокорнѣйшимъ слугою — Василій Сысоевъ І-й".

V.

А. П. Ермоловъ — В. А. Сысоеву.

26-го августа 1826 года. Тифлисъ.

„Прошу славнаго атамана войска Черноморскаго, почтеннаго Василья Алексѣевича, поспѣшить прислать сюда два конныхъ полка черноморскихъ казаковъ и хорошихъ между ними стрѣлковъ, каковые были въ послѣднюю войну съ французами въ полку Плахова.

Пришли ихъ прямѣйшимъ трактомъ, на прямикъ чрезъ Кабарду. Тамъ хорошіе подножные корма и всякаго рода приволья. Внуши имъ, что они здѣсь нужны и чтобы шли поспѣшно.

Жаль мнѣ, любезный, старый мой сослуживецъ, что нельзя взять тебя отъ твоего мѣста, ибо ты имѣешь его по собственному выбору государя. Если бы зависѣло отъ моего произвола, конечно, на Дону никому не далъ бы я предпочтенія, ибо опыты лучшія удостовѣренія, а мы лѣтъ 20 знакомы и служивали вмѣстѣ.

Лучше бы тебѣ быть здѣсь, а къ Черноморцамъ другаго. По моему мнѣнію приличествовало бы Екиму Екимовичу. Ты можешь написать къ барону Дибичу и, быть можетъ, не откажутъ. Я радъ буду душевно.

Скажи генералу Удому, когда будетъ проходить, чтобы шолъ скорѣе. Поспѣшнѣе высылай своихъ. Прощай. Душевно любящій, Ермоловъ".

Сообщ. **Н. С. Маевскій.**

КНЯЗЬ А. Н. ГОЛИЦЫНЪ И АРХИМАНДРИТЪ ФОТІЙ

въ 1822—1825 гг. [1]).

IX [2]).

С.-Петербургъ. Воскресенье.

Отче Фотіе! Увѣдомьте меня о графини Орловой, здѣсь ли она или уѣхала въ Павловское. Ежели здѣсь, то нельзя ли къ ней завтра часовъ въ двѣнадцать—ежели нѣтъ, то я просилъ бы ваше высокопреподобіе ко мнѣ завтра на Каменный островъ въ семь часовъ пополудни. Вы мнѣ сказывали, что вы были у графа Чернышева на Каменномъ островѣ, то къ нему съ моста налѣво, а ко мнѣ направо, въ оранжереи дворцовой; я живу подлѣ мраморныхъ воротъ, которыя ведутъ къ дворцу. Я имѣю жажду васъ видѣть и получить благословеніе, прошу меня увѣдомить. Ежели впрочемъ завтра вамъ не время, я могу другой день выбрать и съ вами спишусь.

P. S. Я сейчасъ изъ Царскаго Села пріѣхалъ.

X [3]).

Царское село.

Высокопреподобный отче Фотіе. Прошу сегодня, яко въ день вашего ангела, благословенія и молитвъ за меня грѣшнаго у Престола благодати. Да Спаситель нашъ сладчайшій омоетъ грѣхи мои кровію Своею безцѣнною.

---

[1]) См. „Русск. Стар.“ изд. 1882 г., т. XXXIII, мартъ, стр. 765—780.

[2]) Письмо не датировано, но несомнѣнно относится къ 1822 г. и повидимому слѣдуетъ въ хронологическомъ порядкѣ непосредственно за предъидущимъ.

[3]) Время написанія письма въ рукописи не обозначено, но судя по упоминанію въ письмѣ о томъ, что оно писано въ день ангела Фотія, нужно думать, что оно относится къ 9 августа. Въ 1-й рук. это письмо значится подъ № 8. Н. Б.

Молитвы ваши должны быть доходны, ибо онѣ идутъ изъ чистаго и жарваго сердца, любовію пылающаго ко Господу и да возжетъ Господь нашъ Іисусъ христосъ искру сей любви и въ моемъ искаженномъ сердцѣ, заросшемъ плевелами и загроможденномъ суетами міра и проч.

Поручая себя любви вашей ко мнѣ грѣшному и въ ожиданіи дня успенія пресвятыя Богородицы, чтобъ присутствовать и тѣломъ, и душею, и духомъ при священнослуженіи, вами совершаемомъ и при жертвоприношеніи божественнаго Агнца, вами приносимаго за всѣхъ и вся. Хорошо бы сей день проводить у дщери вашей духовной, которой я писалъ и сіе предлагалъ. Целуя вашу руку, пребуду на всегда всѣмъ сердцемъ во Господѣ вамъ преданнымъ. Князь Александръ Голицынъ.

XI.

Преподобный отецъ Фотій, коего духъ мой возлюбилъ при первомъ воззрѣніи, и съ тѣхъ поръ истинно ни къ кому не имѣлъ я такого влеченія, какъ къ вамъ. Я не могу привыкнуть къ мысли, что такъ скоро долженъ съ вами буду разстаться; но я надѣюсь, что Господь васъ привлечетъ сюда какимъ ни есть дѣломъ [1]).

Увѣдомьте меня писали ли вы къ графини, она при мнѣ васъ просила, чтобъ вы не уѣзжали ее не увѣдомя, а она удобно можетъ уѣхать изъ Павловска на сіи дни; ибо императрица говѣетъ, и думаю, что никого не принимаетъ, у ней же, т. е. императрицы, братъ умеръ. Какой будетъ отвѣтъ, прошу меня увѣдомить—я нахожу у графини самой лучшій способъ съ вами видѣться долго и ловко. Намъ же много бы нужно поговорить. Я прошу васъ о томъ сокровищѣ, или огражденіи для всякаго къ царствію, которое вы желаете, но боитесь мнѣ прочесть: аще и смущусь, то съ помощію молитвъ и любви вашей надѣюсь отъ Господа получить исправленіе и очищеніе чрезъ истину, которую вы мнѣ передадите. Смущеніе таковое во мнѣ можетъ быть произойдетъ отъ самолюбія, но его-то и надобно искоренять, и какъ дикое мясо вырѣзывать, хотя бы и за живое задѣть, у врача небеснаго много есть чѣмъ залѣчить сію боль.

Духъ вамъ глаголетъ, что скорби и хулы многи васъ ожидаютъ, хотя вамъ какъ герою Христову оныя и обычно, но тѣмъ, кто васъ любитъ, тѣмъ будетъ сіе крестомъ большимъ. Господь пошлетъ вамъ силы побѣдить сіи искушенія и пошлетъ вамъ еще болѣе полноты Своея благодати, а мы, по-

---

[1]) Письмо это не датировано. Вѣроятно здѣсь намекается на близкій отъѣздъ Фотія въ Юрьевъ монастырь, куда онъ былъ назначенъ архимандритомъ. Если такъ, то письмо относится къ августу 1822 г. Н. Б.

тающіеся отъ крупицъ, падающихъ съ трапезы, воспользуемся вашимъ преизбыткомъ, и да возгорится въ сердцахъ нашихъ искра любви ко Господу, чтобъ совсѣмъ Ему предаться, чтобъ Онъ нами завладѣлъ и творилъ бы въ насъ волю Свою святую. О, какъ бы я желалъ свою собственную волю Ему такъ отдать, чтобъ она была бы не моя, а Его и совсѣмъ бы поглощена была въ Его волѣ. Но всѣ эти желанія временами, а тамъ поглядишь, то опять принимаюсь за своеволіе.

Итакъ, я надѣюсь, что ежели графиня пріѣдетъ, то въ среду съ 12 часовъ полудня (пробуду) у нее до тѣхъ поръ, пока вы меня прогоните; ежели же у меня, то прошу на Каменный островъ васъ въ 6 часовъ пополудни въ среду. Прошу благословенія, молитвъ и цѣлованія вашего, а я цѣлую вашу руку, пребываю навсегда вамъ преданный слуга.

P. S. Письмо, мною вамъ возвращенное, вы пишете, что не могли переписать за немощью; да я не съ тѣмъ къ вамъ послалъ, чтобъ вы сами переписали, а ежели можно, то вѣрному человѣку, кто у васъ обыкновенно переписываетъ, но ежели нельзя сего, то прошу мнѣ возвратить оное, я уже разберу съ помощію Божіей.

Вамъ довольно другихъ тягостей нести, а я не хотѣлъ бы васъ отягощать понапрасно, такое длинное письмо переписывать.

Кн. А. Голицынъ.

XII [1]).

30 августа, въ 12 часу вечера.

Послѣ моей вечерней молитвы пишу къ тебѣ, преподобный отче Фотіе! чтобъ сказать нѣчто отъ тѣхъ чувствъ, кои изліялись изъ моего сердца въ сей вечерней молитвѣ предъ Сладчайшимъ Іисусомъ Господомъ нашимъ.

Я Его благодарилъ за все то, что Онъ послалъ мнѣ чрезъ тебя. Какъ любовно ты меня принялъ, накормилъ меня хлѣбомъ святымъ, научилъ меня, украсилъ выю мою знаменіемъ креста изъ злата чиста, удѣлилъ мнѣ ризы Спасителевой для облегченія меня недостойнаго, главу мою елеемъ помазалъ, облобызалъ ее, благословилъ и псалмопѣніемъ наградилъ меня.

Миръ Господень рекъ мнѣ и онъ подѣйствовалъ внутри меня и Христа посреди насъ призвалъ и въ писаніи твоемъ всѣ дѣйствія сіи запечатлѣлъ любовью, которое я прочелъ по возвращеніи моемъ изъ лавры. Благодарю еще за все, что мнѣ сдѣлалъ, какъ сегодня, такъ во все время здѣшняго пребыванія съ начала нашего знакомства. Грустно мнѣ, когда помышляю, что намѣреніе твое на годъ въ обитель отправиться; но воля Господня, когда призоветъ, то не воспротивишься—да будетъ Его воля, и къ отсутствіи об-

---

[1]) Въ 1-й рук. № 9.

щеніе можно духовно имѣть въ Господѣ и я надѣюсь, что не забудете меня никогда, и что я имѣю крестъ за меня памятникомъ на васъ. Прошу благословенія и писанія, когда что на сердце придетъ. Пребывая на всегда всѣмъ сердцемъ во Господѣ вамъ преданнымъ слугою князь Александръ Голицынъ.

P. S. Помышляю я о тѣхъ цвѣтахъ розовыхъ, кои велѣли вы мнѣ отдать царю; скажите мнѣ отъ васъ ли я долженъ ихъ дать и что сказать, ибо я видя какую молитву надъ ними произнесли и какъ мнѣ отдали, такъ что важность ихъ назначенія я принялъ символомъ великимъ и къ вамъ о томъ писалъ—то я боюсь, что отдавъ царю, онъ ихъ можетъ недовольно уважить, то и прошу наставленія. Я вамъ надоѣлъ: все къ вамъ пишу, но ежели недосужно, то изъ обители напишите отвѣтъ.

XIII [1]).

Высокопреподобный отче Фотіе, благослови. Пріѣхалъ изъ Царскаго Села вмѣсто того, чтобъ писать по взятой пріятной сердцу моему привычкѣ къ графинѣ, когда бы увидѣться съ прелюбезнымъ отцемъ Фотіемъ; надобно было писать, чтобъ узнать здѣсь ли вы или уже уѣхали и только что я написалъ къ митрополиту о семъ, то скоро получилъ и отъ графини присылку двухъ горшковъ цвѣтовъ отъ васъ. И по отъѣздѣ вашемъ получилъ награжденіе цвѣтами, надѣюсь, что и царствіе Божіе процвѣтетъ такъ во мнѣ молитвами вашими и плоды порѳстутъ. Сегодня же въ день св. Захарія и св. Елизаветы [2]) получилъ отъ васъ писаніе драгоцѣнное, буду молить Господа, да поможетъ мнѣ въ пути, Имъ назначенномъ мнѣ. Толкованіе о имени моемъ важно, и по званію моему какой отвѣтъ должно отдать! но надежда моя единственно на Господа нашего Іисуса Христа. Онъ меня не оставитъ бѣднаго и слабаго слугу, подкрѣпитъ Своею силою и Своимъ богатствомъ. Увѣдомьте меня, ежели можно, о явленіи благодати на мнѣ грѣшномъ во время ли пребыванія вашего въ Петербургѣ? или уже по пріѣздѣ въ Юрьевъ монастырь и ежели здѣсь, то во снѣ или въ моемъ присутствіи. Ежели ли же не нужно мнѣ сего знать, то простите мой вопросъ. Я только вамъ скажу, что послѣднее ваше свиданіе у графини было мнѣ чрезвычайно примѣчательно по всему, а особливо по чтенію житія Аркадія и Іоанна, кое останется навсегда въ моемъ сердцѣ. Во время же нашей послѣдней бесѣды у графини примѣчательное происшествіе было въ моей домовой церкви, которую, какъ я вамъ сказывалъ, передѣлываютъ, и

---

[1]) Въ 1-й рукоп. № 10.

[2]) Изъ этихъ словъ видно, что письмо писано 5 сентября. Въ рукописи письмо не имѣетъ даты. Н. В.

окошки были отворены; мой камердинеръ случился въ домѣ въ сей день: вдругъ влетѣли три голубя и летали въ олтарѣ только, а не въ церкви; мнѣ жаль, что ихъ не оставили, но мальчикъ, увидѣвъ сіе, захотѣлъ ихъ ловить, и они улетѣли. Увѣдомьте каково здоровье ваше и какъ вы нашли монастырь. При семъ посылаю по желанію вашему псалтырь. Благодарю за порученную тайну, коя для меня одного останется. Поручая себя молитвамъ вашимъ, надѣюсь, что Христосъ посредѣ насъ есть и будетъ. Аминь. Покорнѣйшій слуга вашего высокопреподобія князь Александръ Голицынъ.

P. S. Слово въ великій четвертокъ, которое вы мнѣ дали въ Александровъ день, кѣмъ было говорено? благословеніе крестомъ и прочее, что происходило въ Александровъ день между вами и мною, такія имѣло послѣдствія, что не только миръ я ощущалъ въ себѣ, но и чистота помысловъ продолжалась нѣсколько дней; однимъ словомъ дѣйствительно я ощутилъ благословеніе Господне рукою вашею. Да Господь воздастъ вамъ по своей великой милости; мнѣ нечѣмъ васъ возблагодарить,—кромѣ того, что въ сердцѣ моемъ вы жить будете навсегда. Аминь.

XIV [1]).

17 сентября. С.-Петербургъ.

Высокопреподобне отче Фотіе! въ сей день празднованія Софіи, Вѣры, Надежды и Любви пожелалось мнѣ бесѣдовать съ вами и попросить благословенія вашего. Во время пребыванія вашего здѣсь желалъ я, чтобъ жертва безкровная Спасителя нашего вами была принесена въ храмѣ, находящемся подъ однимъ кровомъ съ моимъ жилищемъ; но никакъ не могъ онъ быть оконченъ, и надежда моя остается впредь на любовь вашу ко мнѣ, что не откажетесь совершить сію жертву, когда Господь благословитъ вамъ сюда пріѣхать. Мнѣ обѣщали кончить работы въ церкви къ 1-му сентября, но никакъ не могли прежде 12-го числа, и такъ я въ сей день переѣхалъ въ мой домъ къ всенощной, а на другой въ праздникъ обновленія храма обновленъ и наружный мой храмъ. Прошу васъ помолиться о мнѣ грѣшномъ, да вѣра моя оживится,—надежда моя да не усомнится, что любовь Спасителя за насъ умершаго такъ водворится въ мое бѣдное сердце, что и внутренній мой храмъ обновится и украсится изъ единаго милосердія Господа. Сего желаетъ душа моя и сердце вопіетъ о семъ иногда, а я желалъ бы завсегда. Послѣ освященія церкви, я прочелъ въ четіи минеи описаніе обновленія храма въ той день празднуемое и мнѣ было чтеніе сіе утѣшительно. Также мнѣ примѣчательны были слова священника моего по окончаніи литургіи,

---

1) Въ 1-й рукоп. № 11.

давая мнѣ просфору онъ сказалъ: благословить тя Господь отъ Сіона и узриши благая Іерусалима—слова, которыя и ваше высокопреподобіе мнѣ говорили, а потомъ онъ сказалъ что-то о Корнилѣ сотникѣ, но я не разслушалъ,—потомъ 14-ое число, день воздвиженія Честнаго Креста. Графиня Орлова слушала у меня божественную литургію, а послѣ я у ней обѣдалъ и она хотѣла васъ увѣдомить, какъ мы провели время. Истинно мы съ вами соединены были духомъ въ Господѣ и все время провели въ чтеніи и разговорѣ о васъ съ воспоминаніями. Благодарю за сообщеніе открывшееся вамъ кафизм. 12 въ присланномъ отъ меня псалтырѣ, прошу Господа, да начертаетъ онъ слова оныя въ сердцѣ моемъ, какъ вы то желаете. Вы мнѣ позволили вопрошать васъ о всемъ, то и прошу васъ изъяснить мнѣ нѣкоторые стихи въ главѣ 5-ой посланія 1-го святаго Іоанна Богослова стихъ 8 и 9, какъ оной принимать. Засимъ поручая себя молитвамъ вашимъ, пребуду навсегда съ истиннымъ почтеніемъ и сердечною преданностью вашего высокопреподобія покорнѣйшій слуга князь Александръ Голицынъ.

P. S. Съ митрополитомъ я имѣлъ разговоръ, нахожу, что онъ предобрый,—и между нами сказать, вы ему о семъ не пишите: онъ имѣлъ на сердцѣ нѣкую тягость по дѣламъ его службы и по объясненію моему съ нимъ съ Божіею помощію я его успокоилъ нѣсколько, а надѣюсь, что совсѣмъ чрезъ нѣкоторое время.

XV [1].

2 октября. С. Петербургъ.

Высокопреподобный отче Фотіе! Многолюбезно-назидательныя писанія ваши обрадовали сердце мое къ вамъ, влекомое самимъ Господомъ—я не имѣю время довольно и боюсь васъ отвлекать отъ должности, а можетъ и отъ духовнаго вашего занятія; безъ того я хотя бы ежедневно могъ писать, судя по желанію сообщаться съ вами.

Вы пишете о трехъ голубяхъ истинно ли то было? и увѣряю въ томъ, ибо мой камердинеръ человѣкъ христіанскихъ правилъ и ни за что не солжетъ; желаніе ваше по сему случаю принимаю за благословеніе и при помощи молитвъ вашихъ надѣюсь на Того, Кто всемогущъ, милосердъ къ грѣшникамъ и никого не презираетъ, кто проситъ у Него сихъ крылъ голубиныхъ. Сердце чисто созижди во мнѣ, Господи и духъ правъ обнови во утробѣ моей,—тогда, какъ бы ни тяжелъ я былъ подъ бременемъ грѣховнымъ, то крилѣ Имъ данныя подымутъ и понесутъ, а кровь Его безцѣнная

[1]) Въ 1-й рукоп. № 12.

омоетъ нечистоту мою. Вы же мнѣ выпросите ризу спасенія, чтобъ въ чертогъ пустили и на брачной вечери накормили. Ваши молитвы конечно то·дѣлаютъ, что я къ вамъ пишу теперь и орошаясь слезами жажду такъ спасенія, что все бы, кажется, бросилъ, чтобъ полетѣть на крылахъ сихъ,—но много еще нужно Господу меня обработывать,—бѣденъ бо и неключимъ несказанно на духовномъ поприщѣ. Молитесь за меня, Христа ради, Господь васъ вознаградитъ за то....

Недаромъ мнѣ хотѣлось къ вамъ писать въ день Софіи, какое драгоцѣнное письмо отъ васъ получилъ въ отвѣтъ; желаю отъ всего сердца, чтобъ выполнилось по оному со мною. Сія Софія ко мнѣ милостива и давно ищетъ меня сблизить съ дщерьми своими, но я не имѣю довольно постоянства и вѣрности, хотя полюбилъ ихъ. Постепенность, которую вы научаете въ сихъ трехъ дщеряхъ прекрасна и какъ за любовь прежде вѣры не должно браться, надо мной сдѣлало большое дѣйствіе. Сонъ вашъ о служеніи въ церкви подъ кровомъ моимъ да сбудется на яву! когда Господу то угодно будетъ—готовъ ждать сего съ терпѣніемъ, ибо онъ все устрояетъ въ свое время, только желаю, что ежели подлинно вы совершать будете, когда божественныя тайны въ моемъ явномъ храмѣ, чтобъ успѣли и меня напитать тѣмъ, чѣмъ вы спѣшили себя причастить, чтобъ не обратилось все въ огнь (любви). Весь сонъ чрезвычайно примѣчателенъ. Но что меня порадовало въ слѣдъ за оньмъ: вы посылаете мнѣ миръ и молите Господа, да дастъ Онъ вамъ совершить въ моей внутренней церкви служеніе слова и дѣла Божія, тайну любви совершать и вечерею тайною меня питать, и что Христосъ посреди насъ есть и будетъ; а я всему сему реку отъ полноты сердца: Аминь. Аминь. Аминь.

О государѣ мы имѣемъ извѣстія отъ 14-го и когда получимъ послѣ 15-го или 17-го не премину васъ увѣдомить; а частныя извѣстія отъ 16-го, гдѣ говоритъ, что государь слава Богу здоровъ. Извѣстія объ отъѣздѣ изъ Вѣны еще нѣтъ, только все считаютъ, что ни въ Римъ, ни въ Неаполь не поѣдетъ, а только въ Верону для конгресса, которой городъ итальянскій подъ владѣніемъ Австрійскимъ.

11-го числа сего мѣсяца ѣду въ Гатчино къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, она меня звала на освященіе церкви въ гошпиталѣ, и думаю тамъ дня три проживу.

Графинѣ Орловой читалъ я ваше письмо о Софіи и трехъ ея дщеряхъ; она была въ восхищеніи и покуда я читалъ, она восклицала: ахъ, отецъ! отецъ!—какъ онъ милъ, и такъ какъ вы желали, чтобъ она съ сего письма имѣла копію, то и выпросила у меня тотчасъ. Какая у ней прекрасная душа! да поможетъ ей Господь продолжать свой путь къ горнему Іерусалиму и имѣя такихъ путеводителей куда она не дойдетъ.

Много я васъ безпокою длиннымъ своимъ письмомъ, но истинно хотѣ-

лось съ вами побесѣдовать и чувствую сладость, хотя по заочно заниматься съ вами. Поручая себя молитвамъ вашимъ, и прошу благословенія, пребуду навсегда съ совершеннымъ почтеніемъ и любовію во Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ.

Вашего высокопреподобія преданный всѣмъ сердцемъ князь Александръ Голицынъ.

P. S. Вчерашній день праздникъ Покрова Пресвятыя Богородицы для меня примѣчателенъ. Въ сей день въ 1812 году, когда французы еще владѣли Москвою, освящался храмъ подъ кровомъ моимъ находящійся и посвящался Святой Троицѣ.

Вчера минуло сему 10 лѣтъ, какъ я имѣю счастіе жить подъ однимъ кровомъ съ жертвенникомъ, гдѣ приносится безкровная жертва Спасителя и за меня грѣшнаго. умершаго, какъ и за весь міръ. Я возблагодарилъ Господа отъ всея души и духа моего и просилъ, да проникнетъ Онъ въ мой внутренній храмъ и да созиждятся тамъ стѣны Іерусалимскія для принесенія въ жертву Ему благоугодную всесожженіе воли моея и да царствуетъ на мѣсто ея воля святая Его во вѣки. Аминь.

XVI [1]).

17 октября С. Петербургъ.

Высокопреподобный отецъ Фотій. Хотя давно не имѣю ни строчки отъ васъ и думаю, что надоѣлъ вамъ моими письмами; но истинно не могу оставить себя, чтобъ не писать къ вамъ, хотя короткое письмо. Я бы желалъ знать причину сего молчанія и тогда бы былъ спокоенъ; ежели оное происходитъ не отъ неудовольствія какого на меня, то я ожидалъ бы съ терпѣніемъ. Иногда думаю я не чувствуетъ ли духомъ отецъ Фотій, что я не въ порядкѣ. Молюсь, прошу, и недоумѣваю.

Ежели же сіе происходитъ отъ духовнаго вашего расположенія, требующаго нѣкотораго покоя внутренняго и отдаленія отъ наружной дѣятельности, то не только терпѣливо ожидалъ бы того времени, когда Господь благословитъ васъ на переписку со мною; но и благодарилъ Господа, что вы съ Нимъ бесѣдуете и Имъ исполняетесь и когда наполнитеоь, то и намъ прольется то, что черезъ край!—Были бы сосуды наши готовы для принятія и чисты, и просты.

И такъ, хотя два слова для успокоенія многолюбящаго васъ и просящаго благословенія грѣшнаго.

P. S. Графиню я просилъ и увѣренъ, что вы уже имѣете свѣденіе, что государь слава Богу здоровъ,—послѣднее извѣстіе отъ 1-го октября съ дороги въ Верону; въ декабрѣ будетъ назадъ, а я писемъ отъ него совсѣмъ не получаю.

---

[1]) Въ 1-й рукоп. № 13.

XVII [1].

31 октября. С. Петербургъ.

Отче Фотіе! Послѣ молчанія вашего получены мной письма отъ васъ, въ томъ числѣ и послѣднее отъ 26 октября, такъ какъ и писаніе ваше къ графини Орловой отъ того же числа совершенно меня успокоили. Я вижу что то было искушеніе, ибо молчаніе сіе не долженъ бы я ни въ какомъ случаѣ относить къ перемѣнѣ вашей ко мнѣ, ибо слуги Божіи и любящіи Его какъ вы не перемѣняются, какъ мірскіе люди, которые по прихотямъ или видамъ собственныхъ интересовъ сводятъ знакомства и ихъ разрываютъ и правду сказать, я не въ васъ сомнѣвался, но казалось мнѣ, что аки бы я можетъ не въ порядкѣ и что вы чувствуя по духу оное, не хотите со мной сообщаться и тутъ ошибочное было мое разсужденіе, ибо я увѣренъ, что въ семъ послѣднемъ случаѣ любовь ваша ко мнѣ во Господѣ еще болѣе побудила бы васъ ко мнѣ писать. Однимъ словомъ, то было частью искушенія, а частью натуральная любовь моя къ вамъ, но недостаточно была очищена въ то время любовью о Господѣ, которая умѣряетъ порывы сердца нашего не порядочные, успокоиваетъ сердце наше и просвѣщаетъ свѣтомъ своимъ. Итакъ, я по милости Божіей, успокоенъ и увѣренъ въ васъ болѣе, чѣмъ въ себѣ, ибо ежели Господь меня не поддержитъ, то я могу къ вамъ перемѣниться, а о васъ я увѣренъ, что вы уже утверждены во Господѣ, и ежели бы я перемѣнился, то вы выведете меня изъ заблужденія. На вопросъ вашъ: хочу ли я, чтобъ вы писали два раза въ недѣлю и что воды достаточно въ монастырѣ вашемъ будетъ, чтобъ меня поить, развѣ время не достанетъ, скажу вамъ, что я не желалъ теперь, чтобъ вы непремѣнно всякую почту писали, а прошу писать тогда только, когда у васъ будетъ побужденіе. Воды, конечно, у васъ много, но и сосудовъ для принятія оной у васъ много же; слѣдовательно, я думаю, что полезнѣе для меня тогда отъ васъ оную получать, когда вы въ сердцѣ почувствуете, что надобно меня напоить,—а я буду просить Господа, чтобъ Онъ всегда, когда нужно, тогда бы мнѣ посылалъ черезъ васъ, а ежели угодно Ему заставить меня и пожаждать, то чтобъ послалъ терпѣніе. Все что о слезахъ вы мнѣ писали очень было мнѣ усладительно, такъ какъ и о водѣ возлитой на жертву и сожегшей оную; о! коли бы сія вода возлитая на жертвенникъ сердца моего сожгла бы ветхаго человѣка моего и обновила меня въ нову тварь; надѣюсь на Господа, на молитвы святыхъ Его,—Онъ спасетъ меня благодатію Своею для славы Своея и изъ любви неизрѣченныя:

---

[1]) Въ 1-й рукоп. № 14.

Ему все возможно, хотя мнѣ и трудно сіе кажется. Я молю Его: да умножитъ вѣру мою и сдѣлаетъ ее живою, да надежду мою сдѣлаетъ несомнѣнною, а любовь мою да очиститъ и да поглотитъ Своею любовію. Совѣтъ данный голубямъ и гнѣзды да вьютъ тамъ, гдѣ Богу угодно будетъ и насколько времени передамъ имъ во всей чистотѣ. За молитву вашу о мнѣ грѣшномъ благодарю и слѣдствіе оной запечатлѣваю въ сердцѣ моемъ. Теперь [1]) разскажу вамъ одно происшествіе, которое мнѣ чувствительно и умилительно было. Я не знаю извѣстно ли вамъ, что бурята, народъ идолопоклоническій, у насъ въ Сибири, нѣсколько лѣтъ тому назадъ услышавъ, что библейское общество переводитъ священное писаніе на разные языки, собрало чрезъ родоначальника своего 12,000 рублей и прислало къ намъ оные, чтобъ мы перевели на ихъ языкъ слово Божіе и имъ доставили. Мы не знали какъ къ сему приступить, что у нихъ за языкъ и кому поручить. Наконецъ прислали они къ намъ двухъ бурятъ, чтобъ ихъ научить по русски и потомъ, чтобъ они перевели имъ библію. Бурята сія успѣли въ русскомъ языкѣ и одинъ изъ нихъ отправился во-свояси и Иркутскимъ преосвященнымъ окрещенъ. Оставался здѣсь другой чрезвычайно хорошаго сердца человѣкъ. Онъ перевелъ Евангелиста Матвѣя и началъ чувствовать отдаленіе къ идоламъ, которые онъ привезъ, потомъ перевелъ св. Іоанна и уже четвертый годъ, что онъ сердцемъ началъ любить Спасителя, крещеніе же не могъ получить по разнымъ препятствіямъ, какъ вдругъ открылась въ немъ пресильная чахотка и докторъ объявилъ, что онъ двухъ недѣль не проживетъ. Я тотчасъ написалъ къ преосвященнѣйшему митрополиту, описавъ все, что съ нимъ происходило, учить его и время уже не доставало, да и выученъ уже онъ былъ Господомъ. Митрополитъ назначилъ священника, чтобъ его крестить въ постелѣ, ибо онъ слабъ былъ, что не могъ встать; съ онымъ я былъ отцемъ крестнымъ его, и когда я къ нему вошелъ, спросилъ: какое имя хочетъ? онъ отвѣчалъ мнѣ, чтобъ я ему выбралъ имя, итакъ я предложилъ ему Іоанна, на что онъ охотно согласился. По окрещеніи былъ онъ пріобщенъ Святыхъ тайнъ и въ четвертый день послѣ того онъ скончался. Я былъ у него наканунѣ и принесъ ему крестъ деревянный, освященный на гробѣ Господнемъ и лежавшій 40 дней на Голгофѣ. Я ему объ этомъ разсказавъ, отдалъ; онъ схватилъ крестъ и не выпускалъ изъ рукъ, державъ его крѣпко до самой кончины. Я спросилъ: радъ ли ты, что сподобилъ тебя Господь принять въ Свою церковь? онъ слабымъ голосомъ отвѣчалъ: я таю сердцемъ. Чудное сіе было зрѣлище на одрѣ смертномъ, лежащій идолопоклонникъ—отрекающійся отъ идоловъ, а на

---

[1]) Эта часть письма (до конца) напечатана въ Чтеніяхъ Московъ. Общ. И. и Древностей 1868 г. книга III. Н. В.

стѣнѣ у него образъ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, коему онъ поклонялся и вѣровалъ,—благовѣщенія образъ и 4 Евангелиста. Помолитесь о душѣ сего новокрещеннаго Іоанна, да приметъ Господь его въ обители Его вѣчной.

Прощайте, отецъ преподобный и будьте увѣрены, что у меня въ сердцѣ впечатлились ваши слова: что Христосъ посреди насъ есть и будетъ. Аминь. Аминь. Аминь.

Кн. А. Голицынъ.

XVIII [1]).

21 ноября. С. Петербургъ.

Преподобне отче Фотіе! Давно не писалъ я къ вамъ, были недосуги да и пребываніе у васъ чада вашего духовнаго и многолюбезнаго [2]) остановило меня писать къ вамъ. не хотя мѣшать вашимъ бесѣдамъ духовнымъ. Я увѣренъ. что и графиня рада была, что я не отвлекалъ васъ и не отнималъ время для нее драгоцѣннаго, такъ какъ она на долгое время разстается. Между тѣмъ получилъ отвѣтъ вашъ отъ 16 ноября на послѣднее мое письмо о смерти крестившагося бурята. Какъ письмо ваше для меня важно и точка ваша зрѣнія на смерть примѣчательна. буду помнить послѣдняя моя четыре: судъ, смерть, адъ и царствіе небесное молитвами вашими; я прочиталъ со вниманіемъ ваше письмо и вѣрно, что такъ бываетъ, какъ вы пишете, но такъ какъ всякъ человѣкъ идя къ одной цѣли, но всякъ разными способами, которые составляютъ его путь, то я обратился на свою жизнь прошедшую и какими способами Господь привлекалъ меня къ себѣ и что внутри сердца моего теперь происходитъ относительно кончины дней моихъ временной сей жизни. Все сіи размышленія захотѣлъ я кратко исторически вамъ описать, какъ со мною происходило до нынѣ. Въ молодости первой, когда я пустился въ міръ, какъ конь необузданный, я былъ здоровъ, веселъ, любилъ міръ для своего сластолюбія и только цѣлью имѣлъ себя какъ бы день провести въ новыхъ утѣхахъ и сластяхъ, когда о кончинѣ своей я не помышлялъ, истинно думая, что такъ до онаго долго, что почти считалъ, что оное никогда не будетъ: хотя я видалъ всякій день и моложе меня умирающихъ;—ослѣпленіе! ничто иное. Наконецъ я началъ находить, что я счастья совершеннаго не нашелъ и желалъ богатства и чести. Потомъ разныя со мной были перемѣны, о которыхъ отчасти я вамъ разсказывалъ. какъ Господь меня сталъ привлекать и наконецъ сердце мое по благодати Его возлюбило и тутъ начались пожертвованія лю-

---

[1]) Въ 1-й рукоп № 15.

[2]) Рѣчь идетъ о посѣщеніи Фотія въ Сковород монастырѣ графини Орловой.

бимыхъ вещей, ибо безъ того я не могъ бы оставить все то, что мнѣ было мило въ мірѣ, ежели-бы Господь Своими милостями не привлекалъ меня искать въ духовныхъ наслажденіяхъ то, что надобно было оставлять изъ мірскихъ наслажденій. Въ семъ состояніи я боялся умереть, думая, что долгая жизнь лучше очиститъ душу и спастися удобнѣе, имѣя долгое время предъ собою. Потомъ пришла эпоха искушеній разныхъ, какъ въ духовныхъ вещахъ, такъ и плотскихъ и большія борьбы съ сильными лицами. Я вамъ тоже о семъ говорилъ и наконецъ вамъ извѣстно, что въ теченіи нынѣшняго года мнѣ очень тяжело было отъ разныхъ состояній людей; теперь нѣсколько успокоивается сія буря съ окончаніемъ сего года, и въ сіи тяжкія времена я вамъ по истинѣ скажу чувство, которое я въ себѣ ощущалъ,—я все желалъ удалиться отъ дѣлъ и Господу сіе не угодно; что я по всему видѣлъ и такъ я предался Его воли, но въ отношеніи къ смерти я дивлюсь чувству моему—знаю и чувствую: я великій грѣшникъ и знаю, что грѣшникамъ смерть люта,—но совсѣмъ тѣмъ надежда моя столь велика на Спасителя, что я увѣренъ, что онъ спасетъ меня непремѣнно, и какъ Онъ всемогущъ, можетъ въ одно мгновеніе переобразить меня духомъ Своимъ, то я не только боялся, но были со мною времена въ нынѣшнемъ году, что я желалъ умереть, только бы на сіе воля была Господня. Сіе случалось со мною и въ бесѣдахъ съ вами бывшихъ иногда, когда вы о царствіи или любви Божіей говорили,—въ дни причащенія и въ другія умилительныя минуты—я не знаю, когда на опытѣ поставленъ буду Господомъ, когда придетъ смерть; какъ-то я ее приму; но о семъ непрестанно молюсь и васъ прошу молитвами своими не оставить о послѣднихъ дняхъ моихъ, чтобъ Господь далъ мнѣ христіанскую кончину, чтобъ я съ радостію сему вѣстнику сказалъ: отверзи мнѣ дверь во имя Іисуса Христа въ царствіи Его. Но боюсь я смерти для другихъ, признаюсь и прошу о тѣхъ, коихъ я считаю, что полезны для дѣла Божія, но все съ тѣмъ, что ежели на то воля Божія.

А вы пишете въ послѣднемъ вашемъ письмѣ, что Господу никто не нуженъ такъ, чтобъ замѣнить его не было кѣмъ.

Конечно правда, но я себѣ позволяю молиться за слугъ Божіихъ; Господь сдѣлаетъ только то, что должно, а проститъ, что я къ Нему прибѣгаю, какъ къ отцу Царю и Богу, и сказываю ему, что сердце мое желаетъ не для меня одного, но для дѣла Божія, моей души или ближнихъ моихъ.

Вы говорите: время бѣжитъ и Фотій не коснитъ туда же идти, куда твой Іоаннъ пошелъ и вы думаете, что я не стану молить о вашей жизни для вертограда Господня, но Его святая воля конечно; однако бываютъ случаи, что и грѣшная молитва иногда доходитъ къ Господу въ соединеніи съ другими святыми душами, кои молитву сію возносятъ и она умножаетъ, хотя на каплю, массу молитвъ сихъ. Господь милосердъ; Онъ васъ оставитъ

въ сей юдоли плачевной, чтобъ многихъ утѣшить, исцѣлить и руку подать помощи утопающимъ въ мірѣ семъ. Полно уже говорить о смерти, я прошу меня увѣдомить графиня Орлова не забыла ли вамъ сказать, что мнѣ отъ роду 49-й годъ истекаетъ, что всякія семь лѣтъ бываетъ въ жизни перемѣна въ человѣкѣ физическая или духовная, а сей годъ 7-ю семь и какъ вы знаете довольно былъ тяжелъ, то я желаю и прошу Господа сподобить меня причаститься святыхъ и животворящихъ таинъ 8-го будущаго декабря —день моего рожденія и въ который я вступаю въ 50-й годъ; я просилъ графиню, и она обѣщала мнѣ не забыть вамъ разсказать все вышеписанное и просить васъ, чтобъ вы въ сей день соединились со мной въ духѣ и принесли обо мнѣ моленіе къ Спасителю нашему Господу Іисусу Христу, да благословитъ онъ меня быть Ему вѣрнымъ да умножитъ Онъ мою вѣру и сдѣлаетъ ее живою, да умножитъ надежду и сдѣлаетъ ее не сомнѣнною, да умножитъ мою молитву, любовь и сдѣлаетъ ее чистѣйшую,—да созиждетъ во мнѣ сердце чисто и смиренно и да будетъ воля Его святая во мнѣ царствовать во вѣки вѣковъ. Аминь.

Прошу васъ 8-го декабря, ежели Господь пошлетъ вамъ молитву о мнѣ грѣшномъ, написать мнѣ въ сей день, хотя бы былъ не почтовый, вы пошлете его въ свое время, но я желалъ, чтобъ имѣть отъ того дня вашу бесѣду къ сердцу моему, которое васъ въ Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ любитъ безмѣрно. Прошу благословенія вашего, пребывая навсегда вашему высокопреподобію преданный душевно слуга князь Александръ Голицынъ.

P. S. Я увѣренъ, что вы желаете знать о государѣ, итакъ я васъ увѣдомляю, что онъ слава Богу здоровъ, я отъ него имѣю письмо отъ 28 октября, о возвращеніи однако ничего не пишетъ. Надо ожидать, что съ первымъ курьеромъ не узнаемъ ли что; мы все надѣемся, что въ декабрѣ.

Я обращусь еще къ предмету, о которомъ въ письмѣ моемъ писалъ, то есть о людяхъ, кои слабы здоровьемъ и о коихъ я молюсь. Владыко Серафимъ въ томъ числѣ по человѣческому соображенію, кажется теперь его жизнь нужна, какже за него не молиться, а Господь сдѣлаетъ по волѣ Своей, но не можетъ Ему быть противна молитва таковая, когда предавая въ Его волю и себя и тѣхъ, коихъ любимъ, просимъ о нихъ. Я истинно Серафима митрополита люблю во Господѣ—также прошу васъ помолиться за Василія Михайловича Попова, онъ все очень болѣнъ, у него [1]) мокроты кинулись въ руки и всѣ покрыты ранами были, теперь оттягиваютъ шпанскими мухами на другое мѣсто выше локтя, чтобъ сдѣлать фонтенель;—нѣсколько дней ему получше, худо спалъ ночи и аппетиту нѣтъ; помолитесь за него, Христа ради, душа его прекрасная, любящая Господа,

[1]) Слово не разобрано.

и у меня нѣтъ человѣка способнѣе по дѣламъ до духовности касающимся, когда нужно, что написать, и какъ онъ трудолюбивъ. Письмо ваше о смерти по желанію вашему самъ спишу и пошлю графинѣ,—еще желаю узнать благословите ли вы мнѣ писать въ письмахъ графинѣ, называя ее сестрою о Господѣ,—я думаю вы видѣли мое къ ней писаніе изъ Гатчины брата Іоанна къ Аркадію,—но мнѣ какъ-то трудно къ ней писать церемоніально: ваше сіятельство и проч.; но я желаю, чтобъ вы сіе рѣшили и увѣдомили ее и меня. ежели же вы найдете, что сіе не нужно, то чтобъ между нами осталось. Знакомство мое съ нею было совсѣмъ не мірское: я ее зналъ давно и признаюсь, что я не искалъ съ нею сблизиться, особливо, когда была она и я помоложе; всѣ бы сказали, что ищу ей быть женихомъ,—нынѣ же знакомство мое было точно духовное и такъ чистосердечное, что я какъ бы вѣкъ съ нею въ связи родственной былъ и истинно люблю ее какъ сестру. Прощайте отецъ Фотій, преподобнѣйшій и прелюбезнѣйшій; вы мнѣ сказали, какъ обыкновенно въ вашихъ письмахъ: Христосъ посреди насъ есть и будетъ, а я вамъ отъ всего сердца отвѣчаю: Аминь. Аминь. Аминь.

XIX [1]).

1 декабря. С. Петербургъ.

Приношу мое сердечное благодареніе высокопреподобный отче Фотій! за продолженіе посланія вашего о смерти. Добро помнить о ней и ваше поученіе глубоко впечатлѣлось во мнѣ; молите Господа, да поможетъ мнѣ Онъ премилосердный искупитель созрѣть къ жизни вѣчной и да (будетъ) смерть мнѣ въ радость и вратами къ тихому пристанищу послѣ суетъ міра сего.

Въ письмѣ послѣднемъ вашемъ примѣчателенъ мнѣ былъ сонъ вашъ съ 22-го на 23 число ноября, какъ существо сна, такъ и самое число, ибо 22 число по утро въ молитвѣ моей утренней часу въ 7-мъ утра, когда я углубился въ оной и сердечно молился, вдругъ пришло мнѣ чувство спросить у васъ: знаете ли вы по гречески говорить. Въ ту минуту я совсѣмъ и не думалъ о васъ, ибо вамъ я долженъ сказать, что я по окончаніи молитвы своей приношу молитву о васъ, извѣстную вамъ съ тремя земными поклонами, но въ то время я еще за васъ не молился, какъ получилъ сіе чувство,—то во исполненіе онаго прошу написать мнѣ знаете ли вы греческій языкъ?

Вслѣдствіе онаго и другое было чувство, которое кажется должно теперь помолчать; время и Господь укажетъ какой развязки быть.

За симъ прося благословенія и низко кланяясь, лобызаю руку вашу, пребывая навсегда васъ сердечно любящій князь Александръ Голицынъ.

---

[1]) Въ 1-й рукоп. № 16.

XX [1]).

10 декабря. С. Петербургъ.

Благодареніе Господу за вся, яже посылаетъ по милости своей и за писаніе ваше, преподобный отче Фотіе! начинающееся сими словами: святое святымъ!... получа оное, я ощутилъ въ сердцѣ своемъ многое!.. чувствовалъ я, что оно писано живымъ духомъ и сколь я не достоенъ и грѣшенъ. Однако надѣясь на неизрѣченное милосердіе Божіе, отвѣчалъ вамъ въ сердцѣ моемъ: Единъ Святъ, Единъ Господь Іисусъ Христосъ,—а Онъ за меня умеръ, чтобъ меня искупить, очистить и освятить, итакъ прибѣгнуъ къ нему просилъ помилованія и надѣялся, что не отвергнетъ Онъ меня окаяннаго. Теперь вамъ разскажу, что со мною происходило, ибо я замѣчалъ, что всякій разъ, какъ я причащаюсь святымъ тайнамъ, дѣйствія бываютъ со мною различныя: по большей части чувствую умиленіе, слезы, иногда радость, а иногда болѣзнь въ главѣ и всемъ тѣлѣ до причащенія, а потомъ облегченіе тотчасъ, какъ удостоиваюсь принять тѣло и кровь Господню, нынѣ-же вотъ что случилось: по обыкновенію на канунѣ исповѣдывался я и по милости Божіей довольно чувствуя грѣховность мою вообще, но нечастно, и во исповѣданіи моемъ болѣе чувствовалъ я болѣзнь грѣха вообще и просилъ врача душъ и тѣлесъ нашихъ, чтобъ онъ далъ мнѣ отвращеніе отъ всякаго грѣха и исцѣлилъ,—потомъ принялся я за чтеніе всѣхъ тѣхъ словъ Ефрема Сирина, которыя вы мнѣ назначили для чтенія 7-го декабря и нашелъ ихъ совершенно сообразными съ душевною моею нуждою и благодарю васъ за сей совѣтъ, читалъ я до 12 часовъ пополуночи, потомъ помолясь легъ спать,—8-ое декабря —вставъ, чувствовалъ я какую-то тягость тѣлесную, а въ сердцѣ расположеніе къ молитвѣ; итакъ во время приготовленія и чтенія правила погружался я точно глубоко въ сердцѣ моемъ, но не чувствовалъ того трезвѣнія духа, которое люблю я имѣть—искушеніе ли то было отъ врага или отъ плоти, я не знаю, но грустно мнѣ было, что казалось мнѣ, я не съ тѣмъ чувствомъ умиленія приступалъ къ Божественной Вечери, какъ бы я желалъ. Наконецъ, приступивъ къ причащенію чувствовалъ свое недостоинство и немного слезы показались на глазахъ; но по причащеніи ощутилъ большой миръ и тишину внутри меня—радости явной не ощущалъ, но хорошо мнѣ было и покойно. Возвратясь въ свою комнату, благодарилъ я Господа и минута смущенія прошла, отчего я такъ мало плакалъ при семъ дѣйствіи и потомъ не такъ радовался, какъ прежде,—боялся не прогнѣвалъ ли чѣмъ Господа. Но тотчасъ сіе прошло и

[1]) Въ 1-й рукоп № 17.

я, предавъ все въ Его святую волю, просилъ Его да дастъ мнѣ вкусить Его почаще и видѣть сколько Онъ благъ, и коимъ образомъ Ему угодно. Сію тишину я и до сихъ поръ по милости Божіей нѣсколько чувствую и увѣренъ, что ваши молитвы не оставляли меня въ сіи дни, какъ и всегда; но въ Николинъ день что-то я ощущалъ васъ къ себѣ очень близкимъ. Въ воображеніи моемъ образъ вашъ мнѣ ясно обозначался въ сей день и какъ бы въ той шапочкѣ, въ которой я иногда васъ видалъ, въ малой, совсѣмъ по головѣ сдѣланной, въ которой я васъ два раза видѣлъ только. Годъ 49-й моей жизни, благодареніе Господу, прошелъ; онъ мнѣ тяжелъ былъ, потому что не дѣлалъ я по части народнаго просвѣщенія, для служенія Господу было не удачно;—духъ міра бралъ верхъ, разумъ хотѣлъ сидѣть на престолѣ, на которомъ я хотѣлъ, чтобъ царствовалъ Христосъ—вездѣ неудачи, гоненія христіанъ,—между христіанами раздѣленіе вмѣсто согласія, котораго мнѣ желалось. Но съ лѣта нынѣшняго началась перемѣна и я чувствовалъ какъ бы облегченіе, и что Господь молитву услышалъ тѣхъ, кои за меня оную приносили изъ чистыхъ своихъ сердецъ. Но мнѣ нужно было потерпѣть нѣсколько, ибо Господь всегда меня привлекалъ къ себѣ милостями, а пора была посмотрѣть, вѣренъ ли буду при гоненіяхъ. Все спасеніе мое было въ теченіи сего года, что я исполняю волю Господню! Помолитесь, да пошлетъ Онъ мнѣ въ теченіе нынѣшняго года благодать свою для узнанія Его воли въ служеніи моемъ и для спасенія души моея. Потомъ получилъ я писаніе ваше отъ 7-го декабря, въ коемъ отвѣчаете мнѣ о греческомъ языкѣ; будьте увѣрены, что я никакихъ предположеній не имѣлъ, а на молитвѣ стоя, вдругъ приходитъ мнѣ чувство о васъ, и умѣете ли вы по гречески говорить. Я не знаю къ чему это, но я къ вамъ просто написалъ, что со мною случилось. Я не знаю, что Господу изъ васъ угодно сдѣлать, да продлитъ Господь вѣкъ вашъ и да сохранитъ ту связь духовную, которую я почувствовалъ при первомъ свиданіи моемъ съ вами въ храмѣ новоосвящаемомъ и посвященномъ Святому Духу [1]). Предположеній же моихъ собственныхъ я не смѣю дѣлать, особливо о орудіяхъ Божіихъ и ежели бы что представилось, то вамъ сообщилъ бы. По порученію вашему писаніе о смерти [2]) я переписалъ своею рукою и на нынѣшней почтѣ къ графинѣ **Орловой** посылаю, а продолженіе онаго писанія не успѣлъ списать и пошлю послѣ сестрѣ моей о Господѣ.

---

[1]) Первое знакомство Голицына съ Фотіемъ произошло при освященіи Духовской церкви въ Александро-Невской лаврѣ въ маѣ 1822 года.

[2]) Обширный трактатъ Фотія, доселѣ остающійся въ рукописяхъ (между прочимъ въ одной изъ тѣхъ, изъ которыхъ мы заимствуемъ настоящія письма). Это самое крупное и наиболѣе замѣчательное изъ всѣхъ сочиненій Фотія. О немъ упоминаетъ кн. А. Н. Голицынъ выше въ письмѣ XIX-мъ.

Н. В.

О государѣ мы имѣемъ пріятное извѣстіе, что онъ въ первыхъ числахъ января будетъ въ Петербургѣ, не заѣзжая въ Вѣну, и что онъ слава Богу здоровъ.

Поручая себя молитвамъ вашимъ и прося благословенія, есмь сердечно васъ любящій князь Александръ Голицынъ.

P. S. Пишете вы, что не рѣдко меня видите въ нощи и что объ одномъ случаѣ постараетесь написать; напишите, я желаю сердечно онаго.

Вы пишете: помню ли слова ваши? Все помню и подаянія за царя ежедневныя исполняются и прочія порученія. Самъ я не всякій день имѣю время выходить пѣшкомъ, то у меня есть вѣрный человѣкъ, любящій нищую братію: онъ сіе исполняетъ и поручаетъ молиться за царя. Я же сверхъ того, когда выхожу, то съ своей стороны дѣлаю. Въ день моего рожденія три горшка цвѣтовъ мнѣ присланы отъ неизвѣстнаго; я подумалъ: не отъ васъ ли кому поручено? впрочемъ не знаю;—два горшка бѣлыхъ и одинъ красныхъ цвѣтовъ; кто бы то ни былъ—благодарю за вспоминаніе. Прощайте, Христосъ посреди насъ... Слава Богу.

P. S. Хотя я помню ваши слова, какъ я выше написалъ, но чтобъ вѣрнѣе знать, прошу мнѣ написать, что вы мнѣ говорили объ искушеніяхъ.

Вы мнѣ совѣтовали взывать: сердце чисто созижди во мнѣ Боже и проч... отъ тайныхъ моихъ очисти мя—грѣхъ юности моей и проч., потомъ загнутые листы въ малой псалтырѣ, которую вы мнѣ дали.

XXI [1]).

25 декабря. С. Петербургъ.

Въ послѣднемъ посланіи вашемъ, высокопреподобный отецъ Фотій, отъ 8-го декабря, не могли вы мнѣ ничего написать какъ: Христосъ посреди насъ есть и будетъ; чего же больше? сіе есть едино на потребу,—благодареніе Господу и вамъ, что въ день моего рожденія вамъ ничего не послано въ сердце, какъ «Христосъ посреди насъ есть и будетъ», и сіе чувство вы имѣли въ радости. Благодареніе Господу за ваше писаніе, за ваше слово, за ваше желаніе, за ваше цѣлованіе.

Во взаимность вамъ сердце мое речетъ вамъ «аминь» на писаніе ваше, и речетъ оно сіе въ день рождества Спасителя нашего и Господа, царя царей и Господа Господей, сладчайшаго Іисуса Христа, милосерднаго Искупителя,—речетъ: да будетъ по глаголу и молитвамъ вашимъ: Христосъ посреди насъ нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь,—слава въ вышнихъ Богу и на

---

[1]) Въ 1-й рук. № 18.

земли миръ. О! желаетъ мое сердце сего мира, которое воспѣли ангели и которое дается только симъ Словомъ, воплотившимся и рождшимся въ яслѣхъ для нашего спасенія. Радость я ощущалъ большую и истинно какъ бы сердце играло вчера, какъ на всенощной стали пѣть радостными гласы то, что поется въ славу рождества Богочеловѣка, и, наконецъ, пришедъ къ себѣ не могъ я лечь до полуночи, въ сей часъ помолился я и поклонился я сему смиреннорождшемуся Младенцу, а сердце мое въ радостномъ чувствѣ соединялось съ вами и съ отсутствующимъ царемъ нашимъ. Какъ желалъ я ему, чтобъ сей Божественный Младенецъ въ немъ воцарился бы и царствовалъ чрезъ него надъ нами и надъ всѣми языками для славы Божіей и спасенія человѣковъ.

Сегодня же по обычаю вставши въ 6-ть часовъ и помолясь первымъ долгомъ и влеченіемъ сердца побужденъ былъ къ вамъ писать и просить благословенія вашего. Я увѣренъ, что въ сей день вы совершаете безкровную жертву на олтарѣ Божіемъ; то и я не буду забытъ. Крестъ вашъ мнѣ то свидѣтельствуетъ—и можетъ частица за меня вынута будетъ и руками вашими ввержется въ кровь Спасителя по окончаніи литургіи и омоетъ меня грѣшнаго и окаяннаго раба неключимаго.

Пріятно мнѣ писать къ вамъ всегда, а въ такіе дни ощущаю я особенное удовольствіе и ощущая радость сего великаго дня, представляю себѣ, что же чувствуетъ сердце столь пламенно-любящее Спасителя, какъ ваше: я истинно желалъ бы любить Его единаго, но сіе есть особая благодать отъ Господа и нужна чистота сердца особенная. Господи! сердце чисто созижди во мнѣ и Духъ правый обнови во утробѣ моей. Аминь.

Поручая себя молитвамъ, пребываю сердечно любящій во Господѣ васъ. Князь Александръ Голицынъ.

С. Петербургъ, въ день Рождества Спасителя нашего Господа Іисуса Христа.

P. S. Радъ я былъ, что случаемъ подписки на искупленіе грековъ вы меня еще возлюбили; а что вы спрашиваете: можете ли вы отъ себя вещами жертвовать! конечно, можете, и всѣ къ тому приглашаются; да благословитъ Господь сей сборъ для избавленія единовѣрцевъ отъ плѣна, гдѣ ихъ турчать желаютъ.

Сообщ. **Н. И. Варсовъ**.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЛЕРМОНТОВЪ

ВЪ ПЕРЕВОДѢ ФРАНЦУЗСКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ:

1842—1875.

Матеріяловъ для библіографіи переводовъ, на иностранные языки, сочиненій Лермонтова, не особенно много. Вотъ что имѣется по этому предмету, по настоящее время: 1) Въ Catalogue de la section des Russica, 2 vol. 1873 [1]); въ первомъ томѣ, на стр. 718—719, подъ рубрикой Лермонтова, съ № 642—662, 21 заглавіе и три ссылки на другія рубрики, и кромѣ того нѣсколько книгъ пріобрѣтено публичной библіотекой послѣ 1873 г.; 2) Въ каталогахъ книгопродавцевъ Базунова и Исакова, составленныхъ В. И. Межовымъ 75 заглавій переводовъ и статей періодическихъ изданій, содержащихъ рецензіи на переводы; 3) Въ справочномъ словарѣ, Г. Н. Геннади т. II, стр. 235—238, до 37 заглавій переводовъ и статей; 4) Въ весьма подробной русской библіографіи о Лермонтовѣ, составленной П. А. Ефремовымъ, приложенной къ изданію сочиненій Лермонтова 1873 г. (т. I, стр. 382—394), единственная до сего времени, указывается лишь на 8 статей и замѣтокъ о переводахъ, въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ; собственно о переводахъ на стр. 392, упомянуто только общими словами; 5) Въ Catalogue général de la littérature Française, O. Lorenz, VI vol. 1867—1877, въ III и VI том. только 6 заглавій подъ именемъ Лермонтова. Вотъ и все—причемъ слѣдуетъ принять во вниманіе, что заглавія книгъ въ Catalogue des Russica, въ библіографіяхъ В. И. Межова и Г. Н. Геннади повторяются и они только незначительно по-

---

[1]) Пора бы напечатать дополненіе къ этому каталогу: за восемь лѣтъ матеріала должно быть понакопилось. В. Ш.

полняютъ другъ друга. Составивъ очеркъ: «Пушкинъ въ переводѣ французскихъ писателей» (Древн. и Нов. Россія 1880 г.) мы признавали полезнымъ составленіе подобнаго же очерка и о Лермонтовѣ, и въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ производили розысканія по библіографіи переводовъ сочиненій Лермонтова, и въ настоящее время имѣемъ до 140 заглавій переводовъ и статей; эта значительная коллекція дала намъ возможность составить предлагаемый очеркъ; признавая собранные матеріалы достаточными, мы не можемъ однако ручаться въ томъ, что въ него попало все, но во всякомъ случаѣ позволяемъ себѣ надѣяться, что пропусковъ немного; о переводахъ сочиненій Лермонтова, на французскій языкъ, у насъ ничего не напечатано, кромѣ нѣсколькихъ рецензій, разбросанныхъ въ журналахъ, то и полагаемъ, что таковой очеркъ не лишенъ будетъ интереса. Предлагаемый очеркъ раздѣленъ на четыре главы: въ первой перечислены переводы мелкихъ стихотвореній; во второй — поэмъ; въ третьей—прозы, т. е. «Героя нашего времени»; въ четвертой—біографическія и критическія статьи.

При сравненіи переводовъ, мы держались послѣдняго изданія сочиненій Лермонтова 1880 г., вышедшаго подъ редакціей П. А. Ефремова, и всѣ ссылки на это изданіе обозначены (т. стр.) т. е. томъ такой-то, страница такая-то: для отличія ссылокъ на французскіе переводы—(ч. стр.) т. е. часть и страница такая-то, или если переводъ въ одной книгѣ, то просто (стр.).

Нѣкоторыя изъ французскихъ изданій содержатъ матеріалы по двумъ или по тремъ отдѣламъ настоящаго очерка, а потому полное заглавіе книги изложено только при первомъ упоминаніи, а далѣе—при повтореніи—приводится только сокращенное заглавіе книги.

Въ концѣ очерка приложенъ алфавитный, нумерованный указатель всѣхъ заглавій книгъ, и другой, алфавитный же, именъ переводчиковъ, причемъ возлѣ именъ переводчиковъ сдѣлана ссылка на нумера перваго списка, т. е. заглавій книгъ и періодическихъ изданій, въ которые помѣщены были переводы или статьи; для отличія періодическія изданія нумерованы римскими цифрами.

Лермонтову болѣе посчастливило, чѣмъ Пушкину, въ отношеніи переводовъ и статей о немъ; о второмъ поэтѣ переводчики, за немногими исключеніями, писали вирши или передѣлывали его произведенія по своему, такъ что они дѣлались почти неузнаваемы. Между переводами твореній Лермонтова, попадается очень не много плохихъ, а большею частью точные и изящно написанные—но по французскому обычаю, а иногда и по требованіямъ французскаго стихосложенія, съ добавленіями отъ себя переводчиковъ;—что же касается

до статей о Лермонтовѣ, то они большею частью, очень сочувственны и толково написаны. Мы не можемъ здѣсь не отмѣтить довольно страннаго явленія: до конца пятидесятыхъ годовъ наша литература, въ писаніяхъ своихъ о Лермонтовѣ, ограничивалась болѣе или менѣе заурядными или тенденціозными рецензіями его сочиненій и не было ни одной сколько нибудь основательной объ немъ статьи, за исключеніемъ конечно двухъ изъ ряду вонъ выходящихъ оцѣнокъ таланта Лермонтова, написанныхъ Бѣлинскимъ въ 1840 и 1841 г. (въ «Отечеств. Зап.»); но эти двѣ статьи собственно только разборы: «Героя нашего времени» и стихотвореній изданія 1840 г. Съ конца пятидесятыхъ годовъ начинаютъ появляться біографическія замѣтки и кое-что въ родѣ оцѣнки поэта (изд. сочиненій 1860 г.) и только въ 1873 году къ изданію сочиненій, подъ редакціей П. А. Ефремова, приложено вполнѣ обстоятельное изслѣдованіе о нашемъ поэтѣ А. Н. Пыпина, которое и по настоящее время остается самой капитальной и единственной достойной оцѣнкой незабвеннаго поэта. Между тѣмъ во французской публицистикѣ мы находимъ, что уже въ 1845 г. явилась въ «Иллюстраціи» хотя и незначительная по объему, но талантливо написанная характеристика поэта; А. Дюма, въ своихъ впечатлѣніяхъ на Кавказѣ, много пишетъ о Лермонтовѣ и приводитъ краткую біографію, написанную графиней Растопчиной; за тѣмъ въ 1855 году въ Revue des deux mondes помѣщено весьма обстоятельное изслѣдованіе г. Сенъ-Рене Тайландье, въ которой, за недостаткомъ біографическихъ свѣдѣній, авторъ старается, и мѣстами удачно, обрисовать личность поэта, выводами изъ его произведеній; въ 1861 г. въ Revue Britannique помѣщено другое изслѣдованіе о Лермонтовѣ, г. Ксаверія Мармье; и наконецъ г. Пеланъ изъ Анжера, въ предисловіи къ своимъ переводамъ изъ Лермонтова, помѣстилъ не лишенную достоинствъ біографію и характеристику поэта. Другая еще странность о Лермонтовѣ; никого кажется изъ нашихъ поэтовъ не называли подражателемъ другихъ поэтовъ, особенно свои, менѣе иностранные писатели, какъ Лермонтова, (даже Бенедиктова, Шевыревъ, въ Москвитянинѣ), а между тѣмъ Лермонтовъ (кромѣ юношескихъ произведеній) былъ вездѣ Лермонтовъ. Бѣлинскій въ 1841 году заключилъ свою рецензію стихотвореній М. Ю. Лермонтова изданія 1840 г. слѣдующими словами: «И мы видимъ уже начало истиннаго (не шуточнаго) примиренія всѣхъ вкусовъ и всѣхъ литературныхъ партій надъ сочиненіями Лермонтова,—и уже недалеко то время, когда имя его въ литературѣ сдѣлается народнымъ именемъ, и гармоническіе звуки его поэзіи будутъ слышимы въ повседневномъ разговорѣ толпы, между толками ея о житейскихъ заботахъ....» Бѣлин-

скій только ошибся во времени, и недалекое отошло до шестидесятыхъ годовъ, когда русская литература стала болѣе серьозно заниматься Лермонтовымъ,—но со взглядами иностранцевъ на Лермонтова мы до сего времени очень мало знакомы (кромѣ развѣ Ф. Боденштедта и еще Фарнгагена фонъ-Энзе), и вотъ главная цѣль, кромѣ библіографической, побудившая насъ взяться за предлагаемый трудъ.

В. К. Шульцъ.

1882 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Переводы стихотвореній Лермонтова.

1) «Отечественныя Записки» 1842 г. Т. XXV, отдѣлъ библіографическихъ и журнальныхъ извѣстій (хроника), на стр. 61, 62, помѣщено извѣстіе, что въ скоромъ времени должна выйти книга: Morceaux choisis de la poèsie Russe, traduits par M. M., (избранныя пьесы изъ русской поэзіи), причемъ приведены три образца переводовъ: Пушкина — «Эхо», Жуковскаго — «Море» и стихотвореніе Лермонтова: Послѣднее Новоселье.

Рецензентъ «Отечественныхъ Записокъ» говоритъ, что переводы замѣчательно хороши и передаютъ вѣрно и характеристически звуки и образы русскихъ поэтовъ на французскій языкъ; что весьма рѣдко, прибавимъ мы, вслѣдствіе чего и рѣшаемся привести цѣликомъ переводъ М. М.—Послѣдняго Новоселья (Т. I, стр. 208).

Le dernier domicile.

Tandis que maintenant la France applaudissante
S'empresse à la rencontre des cendres du héros,
Expiré dans les fers au milieu des tourmentes,
Sous le verrou de ses bourreaux —
Tandis que l'univers de louanges fragiles
Applaudit a cet acte d'un répentir tardif,
Qu'en oubliant le passé, la foule imbécile
S'ennorgueillit contente d'elle même—pensif,
Plein d'indignation, et triste à la fois,
Voyant la vanité dorée de ces festins,
Que je voudrais lui dire — à ce peuple roi:
Tu es un peuple misérable et vain!
Oh! tu es misérable et vain, car emporté
Par ton doute puéril, ta sotte raillerie,
Tu as pétri dans la fange la gloire, la beauté,

Le génie, la foi, le bien de ta patrie!
Tu te fis de la gloire un hochet bon à tout,
De la liberté une hache du bourreau —
Et en frappais aveugle, en abattant partout
Les croyances de tes pères, sur leurs propres tombeaux!
Tu périssais... et voila qu'il parut,
Portant au large front la marque du doigt divin,
Et d'uno voix unanime comme chef étant élu
Il absorba votre destin...
Il vous a relevès, vous, qui alliez choir
Et le monde étonné, ébahi, admirait
L'auréole éclatante de force et de gloire
Dont il vous entourait!
Impassible, rendant la gloire envieuse,
Père de ses vieux soldats — il était seul partout,
Sous les murs de Vienne, dans l'Egypte sablonneuse
Et dans les neiges de Moscou...
Et vous, que faisiez vous, pendant qu'il combattait
Qu'il périssait superbe, ferme et résolu?
Vous tachiez d'ébranler le joug qui vous pesait
Et que vous mêmes aviez voulu!
Dans les derniers combats, au milieu des détresses,
Sans comprendre la honte dans vos coeurs follets
Vous le trahites, comme une maitresse,
Vous le vendites — comme des valets!
Jetant de lui même du haut de sa grandeur
Sa couronne brisée et au destin soumis —
Il confia son fils aimé à votre honneur —
Et vous vendites ce fils aux ennemis.
Alors on enleva aux soldats sanglottans
Le héros détroné, on leva la voile
Et seul sur un rocher aride et écumant
Il s'éteignit en étoile!
Il s'éteignit par la soif de vengeance rongé —
Et comme un soldat couvert du manteau militaire,
Il fut enterré dans un sol étranger
Par des mains mercenaires!

* * *

Des années s'écoulèrent, et le peuple folatre
S'écrie: rendez nous les cendres du héros!
Ce n'est qu'au milieu d'une ville qui l'idolatre
Qu'il dormira en plein repos!
Et il revint dans son pays aimé
Et comme autrefois la foule bourdonne autour...
Et descend avec pompe son corps embaumé
Dans un sépulcre tout d'or et de velours,
Et emportant ailleurs son extase nonchalante,
Riant aux grands éclats et content de soi

Le peuple imbécile qui le tremblait (?) [1]) vivant
Foule en passant son corps froid.
Et je m'indigne à l'idée que les hommes stupides
Ont troublé le saint calme de l'illustre martyr
Qui n'attendait tant d'annèes sur son rocher aride
Qu'un dernier lit pour s'endormir.
Et si son ombre errante, quittant les sphères sublimes
S'arrète sur la ville pour voir son cercueil —
Oh! quelle colére légitime
Viendra gonfler tout son orgueil!
Oh! comme il regrettera les tropiques brulans,
Et son ile lointaine, et sa prison cruelle —
Où l'océan — comme lui indomptable et grand
Etait placé en sentinelle.

Дѣйствительно переводъ, по возможности и на сколько позволяетъ французскій языкъ и стихъ, близокъ къ подлиннику, но есть мѣста, переданныя очень слабо, впрочемъ общее впечатлѣніе удовлетворительное. Г. Геннади въ статьѣ: Переводы сочиненій Пушкина («Библіографическія Записки» 1859 г. № 2, столб. 54 и 55), приводя извѣстіе объ этихъ переводахъ изъ «Отечественныхъ Записокъ», прибавляетъ отъ себя, что имя переводчика ему неизвѣстно, и что онъ не помнитъ появлялась-ли брошюра подъ упомянутымъ заглавіемъ; подозрѣваетъ однако, что подъ буквами М. М. скрыто имя г-жи Moreau de la Meltière,—и тутъ-же приводитъ переводъ Пушкинскаго стихотворенія: «Эхо».

2) Les poètes Russes, traduits en vers Français, par le prince Elim Mestschersky, Paris 1846, Amyot, 2 тома, въ 8 д. л., I — стран. XCVI и 287, II—стран. 399. Русскіе поэты, переведенные французскими стихами княземъ Э. Мещерскимъ. Посмертное изданіе.

Сначала краткое предисловіе, въ которомъ исчислены сочиненія и переводы князя Мещерскаго, потомъ напечатаны стихотворенія французскихъ литераторовъ въ честь и въ память князя Мещерскаго; далѣе приводится текстъ рѣчи, произнесенной княземъ Мещерскимъ, въ Марсельскомъ Атенеѣ, въ засѣданіи 30 іюня 1830 года; засимъ на 14 страницахъ краткія замѣтки (notices) о 43 русскихъ поэтахъ, по нѣсколько строкъ на каждаго; наконецъ въ обоихъ томахъ помѣщены переводы 49 русскихъ поэтовъ, начиная съ Ломоносова, послѣдними стихотворенія Теплякова; въ числѣ ихъ одно стихотвореніе Лермонтова, (ч. II, стр. 235—238) Le poète d'aujourd'hui. Поэту (т. I, стр. 156).

---

[1]) Полагаемъ такъ: qui tremblait, lui vivant. В. Ш.

Не совсѣмъ удачно сдѣланъ переводъ, въ особенности вторая часть стихотворенія слаба и растянута собственными вставками переводчика; напр.

Онъ взятъ за Терекомъ отважнымъ казакомъ,
 На хладномъ трупѣ господина,
И долго онъ лежалъ, заброшенный потомъ,
 Въ походной лавкѣ армянина.

Mais au bord du Terek un Kasak l'enleva
 Sur le froid cadavre du maître;
Après un long duel ou le Tscherkess trouva
 Le bras Russe bien dur peut-être,
Puis un armenien, un vil marchand forain
 Cota d'un regard apathique
Le taux commercial de ce fer souverain
 Et le jeta dans sa boutique (стр. 236).

Первая строфа, начала второй части стихотворенія, вовсе не далась князю Мещерскому:

Въ нашъ вѣкъ изнѣженный не такъ-ли ты, поэтъ,
 Свое утратилъ назначенье,
На злато промѣнявъ ту власть, которой свѣтъ
 Внималъ въ нѣмомъ благоговѣньи?

Ainsi, poète, ainsi dans ce siècle énervé
 Tu manques à ta destinée,
Echangeant contre l'or le bandeau réservé
 A la tête découronnée.

Первые два стиха и половина третьяго переведены вѣрно, но вторая половина третьяго и четвертый стихъ такая безсмыслица, что даже и обратно перевести трудно, но на всякой случай вотъ ихъ буквальный переводъ: Промѣнялъ на золото завѣсу предоставленную (сбереженную) для развѣнчанной главы.

Въ концѣ второй части книги есть примѣчаніе издателя переводовъ князя Мещерскаго, въ которомъ объясняется, что такъ какъ князь Мещерскій не нашелъ удобнымъ помѣстить въ своей книгѣ, въ числѣ русскихъ поэтовъ, знаменитаго баснописца Крылова, то этотъ пробѣлъ пополненъ и помѣщены двѣ лучшія басни Крылова въ переводѣ г.г. А. Суме (Soumet) и Э. Дешанъ; кромѣ того прибавлены переводы того же г. Э. Дешанъ, трехъ стихотвореній Мятлева и прекрасное и любопытное лирическое стихотвореніе Лермонтова:—Le vaisseau fantôme (ч. 2 стр. 387—391). Воздушный корабль (т. I, стр. 189).

Переводъ, на сколько позволяетъ французскій языкъ, довольно вѣрный, но по требованію французскаго языка явились нѣкоторыя измѣненія въ расположеніи строфъ и стиховъ; у Лермонтова 18 строфъ, по четыре стиха каждая, въ переводѣ только 17 строфъ—7 и 8 строфы: «Изъ гроба тогда императоръ» и т. д. слиты въ одну; въ 12 строфахъ сохранено четырестишіе; 6 и 7 строфы, имѣютъ по шести стиховъ, 8, 11 и 16 строфы—по 5 стиховъ.

Вотъ для примѣра довольно удачно переведенныя первыя двѣ строфы:

По синимъ волнамъ океана,
Лишь звѣзды блеснутъ въ небесахъ, и т. д.

Sitôt qu'au firmament scintillent les étoiles [1]),
On aperçoit de loin voguer à pleines voiles,
Sur les flots bleu de l'Océan,
Un navire aux longs mâts, que nul vent ne balance,
Dont tous les agrès font silence,
Et dont chaque canon béant,
Sans un seul artilleur de garde,
Pointé vers l'horizon, reste morne et regarde.

Переводъ Г. Дешанъ перепечатанъ нѣсколько разъ.

3) Въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1852 г. 1 ноября № 246 въ фельетонѣ разсматривается переводъ стихотвореній Лермонтова Боденштедтомъ и какъ образецъ приведенъ небольшой отрывокъ изъ «Хаджи-Абрека» по русски и по нѣмецки; тутъ же, какъ образчикъ хорошаго перевода стихотворенія Лермонтова на французскій языкъ, напечатанъ «Воздушный Корабль» въ переводѣ г Эмиля Дешанъ [2]), причемъ фельетонистъ замѣчаетъ, что хотя переводъ очень близокъ къ подлиннику и хорошо написанъ и даже превосходитъ переводъ «Хаджи-Абрека» Боденштедта, но что французскій переводчикъ, какъ видно, не могъ не прибавить своего и приводитъ за симъ слѣдующую заключительную строфу сочиненія г. Дешанъ:

Ainsi, lorsque son corps frémit sous les barreaux
Du sépulcre Anglais qui l'enferme,
L'ame visible du héros
Doit errer, pour un temps dont Dieu connait le terme,

---

[1]) Варіантъ: Le firmament reluit de toutes ses étoiles. — Quel est là bas, là bas voguant à pleines voiles.

[2]) Г. Эмиль Дешанъ, кромѣ стихотворенія Лермонтова „Воздушный корабль", перевелъ еще съ русскаго, одну басню Крылова: „Оселъ и соловей" и три стихотворенія Мятлева (напечатанныя въ книгѣ князя Мещерскаго: Les poëtes Russes) и одно стихотвореніе графини Растопчиной (см. Собраніе сочиненій Эмиль Дешанъ, ч. 2, стр. 182, 183). В. Ш.

Cherchant ses vieux soldats, son fils, ses généraux,
Jusqu'à ce que, monté pour ne plus redescendre,
Purifié de pleurs, en pleurs, Napoléon,
De ses aieux, César, Charlemagne, Alexandre
Aille habiter en paix l'éternel Panthéon!

т. е.: и такъ, въ то время когда его трупъ содрагается подъ запоромъ англійской могилы, его замкнувшей, видимая душа героя должна скитаться, на время, срокъ которому извѣстенъ Богу, отыскивая своихъ старыхъ солдатъ, своего сына, своихъ генераловъ, до тѣхъ поръ пока, поднявшись, чтобы болѣе не опускаться, очищенный отъ плача до плача, Наполеонъ, къ своимъ предкамъ, Кесарю, Карлу Великому и Александру, поселится въ мирѣ въ ихъ вѣчномъ Пантеонѣ.

Въ перепечаткѣ этого стихотворенія въ книгѣ князя Мещерскаго «Les poètes Russes», этой заключительной строфы нѣтъ; равнымъ образомъ и въ перепечаткѣ этого же перевода въ статьѣ о Лермонтовѣ г. Сенъ-Рене Тайландье въ «Revue des deux mondes» 1855 г. 1-го февраля, а также и въ книгѣ Allemagne et Russie, въ которую вошла эта статья изъ Revue des deux mondes, и въ брошюрѣ г. Frout de Fontpertuis: Etudes de littérature étrangère, — 1859 г.; наконецъ переводъ этого стихотворенія вошелъ въ полное собраніе сочиненій Эмиля Дешанъ ч. 2, Poèsies стр. 121—123, съ заключительною строфою, прибавленною г. Дешанъ. Oeuvres complètes de Emile Deschamps, Paris 1872, A. Lemerre éditeur in 8°, 6 vol.

Въ переводахъ стихотворенія «Воздушный Корабль», помѣщенныхъ въ книгѣ князя Мещерскаго, въ статьѣ г. Сенъ-Рене Тайландье и въ полномъ собраніи сочиненій г. Э. Дешанъ, есть разница,— нѣсколько стиховъ передѣланы, но эти поправки въ общемъ особаго значенія не имѣютъ. Мы выше въ выноскѣ указали, для примѣра, на одинъ изъ такихъ варіантовъ.

Такимъ образомъ нами только не опредѣлено гдѣ напечатанъ впервые переводъ стихотворенія «Воздушный Корабль» г. Дешанъ, и откуда заимствовалъ фельетонистъ «С.-Петербургскихъ вѣдомостей» 1852 г., № 246, свою перепечатку, такъ какъ кромѣ 2 тома полнаго собранія сочиненій Э. Дешана, нигдѣ не оказалось вышеприведенной дополнительной строфы.

4) Въ Пантеонѣ 1853 г. № 3, отдѣлъ IV, общественная жизнь, «Петербургскій вѣстникъ», стран. 60—62, помѣщенъ, рядомъ съ подлинникомъ, другой переводъ стихотворенія «Воздушный Корабль» г. Перро, или лучше сказать сдѣланный, по заявленію Пантеона, учениками г. Перро, подъ его руководствомъ. «Хотя и тутъ не обходится безъ промаховъ, сказано въ Пантеонѣ, напр. вся 6-я строфа,

и попадаются нѣсколько слабыхъ стиховъ, какъ напр. послѣдній стихъ заключительной строфы, не передающій мысли подлинника, но мы предпочитаемъ этотъ переводъ переводу г. Дешанъ». Нельзя не присоединиться къ этому заключенію, такъ какъ большею частію переводъ замѣчательно близокъ къ подлиннику и сохраненъ размѣръ стиховъ Лермонтова; вотъ этотъ переводъ:

Le vaisseau fantôme.

Aux pâles reflets des étoiles
Sur les flots de l'Océan bleu
Un vaisseau vogue à toutes voiles,
Il vogue à la garde de Dieu.

* * *

Les flammes aux mâts sont muettes,
Les mâts sont immobiles, morts,
Et les canons passent leurs têtes
En silence par les sabords.

* * *

On n'entend point le capitaine
On ne voit point les matelots;
Sans crainte il dresse son antenne
A travers les vents et les flots.

* * *

Sur la mer une ile se hausse
Un roc sur les flots en fureur:
Dans cet ile est une fosse
Et dans la fosse un empereur.

* * *

Là, sans les honneurs de la guerre,
Les ennemis qu'il à vaincu,
L'ont mis sous une lourde pierre
Pour qu'il ne se relevât plus.

* * *

A l'heure où ce roi sans royaume
Mourut de la plus triste mort,
A minuit le vaisseau fantôme
Tous les ans s'approche du bord.

* * *

Lors s'éveillant avec la brise
L'Empereur surgit du tombeau:
Il porte sa capote grise,
Il porte son petit chapeau.

* * *

Les bras croisés sur la poitrine
Et le front penché tristement,
Sur le gouvernail il s'incline,
Et s'éloigne rapidement.

* * *

Il gouverne droit sur la France.
C'est là qu'est son trône éclatant,
Son héritier, son espérance,
Sa vieile garde qui l'attend.

* * *

Il marche tout droit à la grève
Il appelle ses grenadiers,
D'une voix menaçante et brève
Il appelle leurs officiers.

* * *

Mais ses grenadiers intrépides
Dorment sous les vagues du Rhin
Sous les sables des Pyramides
Et sous les neiges du Kremlin.

* * *

Ses généraux n'ont pu l'entendre:
Les uns sont morts dans les combats,
D'autres ont survécu pour vendre
Leurs sabres et leurs vieux soldats.

* * *

Il marche à grands pas sur la côte
Du pied il frappe le gravier
Il appelle encore à voix haute
Il appelle son héritier.

* * *

Son fils, sa dernière espérance,
Son dernier réve dans ses fers,
A lui, Napoléon, la France,
Mais à l'enfant—roi l'univers.

* * *

Mais son fils à la fleur de l'age
S'est endormi dans un linceuil,
Et, l'attendant sur le rivage,
L'Empereur reste longtemps seul.

* * *

Il reste seul, jusqu'à l'aurore,
Il respire péniblement;
Sur le sable qui les dévore
Ses larmes tombent lentement.

* * *

Puis remontant sur son navire,
Le front retombant sur son sein,
Lentement de bord il revire
Et part en agitant la main.

Въ этомъ переводѣ также только 17 строфъ, пропущена десятая строфа. Въ Пантеонѣ 1853 г. № 1, IV отдѣлъ общественная жизнь, «Петербургскій Вѣстникъ», стран. 60, объяснено: что Jules-Joseph Perrault—лекторъ французской словесности въ императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, а прежде былъ лекторомъ той же словесности въ Ярославскомъ Демидовскомъ лицеѣ.

Г. Перро много писалъ и переводилъ съ русскаго, но сколько намъ извѣстно ничего не печаталъ.

5) «Revue des deux mondes», т. VI, 1 Avril 1854, въ статьѣ г. Cyprien Robert: La poèsie slave au XIX siècle, помѣщенъ плохой переводъ прозой небольшаго отрывка изъ «Пѣсни про царя Ивана Васильевича, молодаго опричника и удалаго купца Калашникова». (Т. I, стр. 88).

6) «L'Athenaeum Français» 1855, 30 Juin, № 26, стр. 546, въ статьѣ г. Сазонова по поводу книги: Le Décaméron Russe par M. P. Douhaire, кромѣ разбора этой книги, помѣщенъ и краткій очеркъ современной русской литературы, причемъ г. Сазоновымъ переведены: одно стихотвореніе Пушкина («Три ключа») и два стихотворенія Лермонтова:

1) Les sons mystèrieux.

Есть рѣчи—значенье (Т. I, стр. 204).

2) Le Poète.

Поэту (Т. I, стр. 156).

Первое стихотвореніе переведено чѣмъ-то въ родѣ бѣлыхъ стиховъ, второе прозой и вѣрнѣе перваго, которое частью приводимъ для образца:

Les sons mystérieux.

Il y a des paroles: le sens en est
Obscure ou vulgaire;
Mais les entendre sans être ému
Cela est impossible.

* * *

Le son en est plein
De l'ardeur du désir,
Des larmes de la séparation,
Du frémissement de la rencontre и т. д.

Сазоновъ перевелъ стихотвореніе подстрочно, но не избѣгъ ошибокъ, напр. слово ничтожность означаетъ insignifiance, nullité, а не vulgaire, т. е. простой, низкій, (вслѣдствіе трудности перевода этого слова, у насъ вошло въ употребленіе переводить его вулгарность). Вторая и третья строфы переданы не совсѣмъ вѣрно. Второе стихотвореніе переведено хотя и прозой, но и въ немъ встрѣчаются неточности, напр. 1-я строфа 4-й стихъ: Наслѣдье браннаго востока — переведено: Tradition des guerriers de l'orient. т. е. Преданіе воиновъ востока, вмѣсто: L'héritage guerrier de l'Orient; въ 5-мъ стихѣ слово наѣздникъ переведено chevalier, вмѣсто cavalier, и т. д.

7) «Revue des deux mondes», 1855, 1 Février, стр. 502—534: Poètes et romanciers de la Russie: Le poète du Caucase, Michel Lermontoff, par Saint-René Taillandier, т. е. Поэты и романисты Россіи:

Поэтъ Кавказа, Михаилъ Лермонтовъ. Статья эта вошла также (стр. 269—324) въ особый сборникъ изданный г. Тайландье, подъ заглавіемъ: Allemagne et Russie, études historiques et littéraires, par M. Saint-René Taillandier, Paris 1856, Michel Lévy frères стр. 391.

Въ статьѣ этой, кромѣ вышеупомянутаго перевода, въ стихахъ г. Дешана, стихотворенія «Воздушный корабль», съ нѣкоторыми измѣненіями въ редакціи, противу первоначальной, помѣщенной въ книгѣ князя Мещерскаго, переведены прозой слѣдующія стихотворенія Лермонтова:

1) Совершенно фантастически написанный якобы переводъ стихотворенія «На смерть Пушкина» (т. I, стр. 81). Это какая-то компиляція, со многими прибавками переводчика, но энергично написана; переводъ изъ Боденштедта съ неточнаго списка.

2) Сокращенно и болѣе нежели своими словами переложеніе «Дары Терека». (Т. I, стр. 149).

3) Хорошій переводъ «Казачьей колыбельной пѣсни» (т. I, стр. 182) съ незначительными прикрасами переводчика.

4) Сокращенный переводъ стихотворенія «Родина» (т. I. стр. 207) съ дополненіями переводчика.

5) Краткій пересказъ въ извлеченіи «Послѣдняго Новоселья».

6) Полный переводъ: «Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодаго опричника и удалаго купца Калашникова» (т. I, стр. 88).

Переводъ прекрасный и вѣрный, но съ небольшими пропусками; болѣе значительные слѣдующіе: въ I главѣ четыре стиха:

Когда всходитъ мѣсяцъ—звѣзды радуются,
Что свѣтлѣй имъ гулять по поднебесью;
А которая въ тучку прячется—
Та стремглавъ на землю падаетъ... (стр. 90).

И во второй главѣ, два стиха:

Злаго пса-ворчуна зубастаго
На желѣзную цѣпь привязываетъ. (стр. 93).

Мѣстами есть еще незначительныя сокращенія. Слѣдуетъ однако объяснить, что г. Тайландье переводилъ съ нѣмецкаго перевода сочиненій Лермонтова, г. Ф. Боденштедта 1852 года.

8) Le prisonnier du Caucase, poème traduit du Russe de Pouchkine, par Eugène de Porry, Marseille 1858, брошюра въ 16 д. л. 46 стр.; «Кавказской плѣнникъ», поэма переведенная съ русскаго изъ Пушкина, Евгеніемъ де Порри. Въ концѣ брошюры (стр. 33—46) приложеніе (appendice): Le chant d'une mère cosaque, romance composée par le poète Russe Lermontof, élève de Pouchkine, т. е. пѣснь «Казацкой матери», романсъ, сочиненный русскимъ поэтомъ Лермон-

товымъ, воспитанникомъ Пушкина, все это длинное заглавіе означаетъ просто: «Казачья колыбельная пѣсня» (т. I, стр. 182). У Лермонтова въ пѣснѣ шесть строфъ, у г. де Порри восемь; переводъ сдѣланъ стихами, но совершенно произвольный и г. де Порри прибавилъ отъ себя двѣ строфы. Вотъ какъ напр. г. де Порри перевелъ вторую строфу, всего болѣе близко передающую мысль поэта:

По камнямъ струится Терекъ,
Плещетъ мутный валъ;
Злой чеченъ ползетъ на берегъ,
Точитъ свой кинжалъ;
Но отецъ твой—старый воинъ,
Закаленъ въ бою;
Спи, малютка, будь спокоенъ,
Баюшки-баю.

Le Circassien, près du rivage,
Nous lance un farouche regard;
Chamil, brandissant un poignard,
Excite sa horde sauvage!...
Au doux murmure de mon chant
Endors-toi, gracieux enfant.

т. е. черкесъ, возлѣ берега, бросаетъ на насъ грозный (дикій) взглядъ, Шамиль, размахивая кинжаломъ, возбуждаетъ свою дикую орду, подъ сладкій шепотъ моей пѣсни, усни милое дитя. Что же въ этомъ французскомъ переводѣ осталось Лермонтова?

9) Etudes de littérature étrangère, par Adalbert Frout de Fontpertuis, chef de division à la prefecture de la Haute-Loire. Au Puys. 1859, chez Jaquet-Chauve, стр. 29 и 117, Очерки иностранной литературы г. А. Фроутъ де Фонпертюи 1859.

Въ этой весьма плохой книжонкѣ, въ концѣ перепечатанъ переводъ стихотворенія «Воздушный корабль», изъ книги г. Сенъ-Рене Тайландье Allemagne et Russie, причемъ г. Фроутъ приписываетъ этотъ переводъ г. Тайландье, между тѣмъ какъ послѣдній въ своей статьѣ заявляетъ, что переводъ сдѣланъ Эмилемъ Дешанъ и благодаритъ его за сообщеніе.

10) Le Démon, légende Orientale, par Lermontow, traduction de T. Anossow; Paris, 1860, въ 8 д. л. стр. 79. «Демонъ», восточная легенда, Лермонтова, переводъ Т. Аносовой, на стр. 79, переводъ стихами: Dédicace, т. е. Посвященіе къ поэмѣ Демонъ (Я кончилъ—и въ груди невольное сомнѣніе—Т. II, стр. 255, 256) довольно посредственный переводъ.

11) «Revue Britannique» 1861. Septembre № 9, стр. 33—52. Статья: Littérature Russe. Michel Lermontoff, т. е. Русская литература, Михаилъ Лермонтовъ, подписано X. M. (Xavier Marmier) изъ National

Review. Статья эта перепечатана въ сборникѣ разныхъ статей г. Марье, изданномъ въ 1862 году подъ заглавіемъ: Voyages et Littérature, par X. Marmier, Paris, Morizot, въ 8 д. л. стр. 414, т. е. Путешествія и литература. Статья о Лермонтовѣ на стран. 364—392, пропущена въ оглавленіи книги.

Марье перевелъ стихами три стихотворенія Лермонтова:

1) Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю, (т. I, стр. 253).

2) Они любили другъ друга, такъ долго и нѣжно (изъ Гейне, т. I, стр. 247).

3) Благодарность, (т. I, стр. 194). Actions de grâces.

Вотъ что Марье говоритъ по поводу выбора имъ для перевода этихъ трехъ стихотвореній: Мы попробуемъ перевести, въ строгой ихъ сжатости, три изъ его маленькихъ лирическихъ пьесъ, показывающихъ, въ нѣсколькихъ строфахъ, сколько было холодной скорби въ этомъ обманутомъ духѣ, въ этомъ сердцѣ изгнанника.

Въ переводѣ перваго стихотворенія, пожалуй, что общая мысль поэта проведена, но въ частности въ первыхъ двухъ строфахъ все переиначено, и далеко не то, что выразилъ Лермонтовъ, за то третья строфа передана болѣе удачно:

De celle qui charma les jours que je regrette
Je cherche danx tes traits les doux traits tant aimés,
Dans ta voix les accents de cette voix muette
Et dans tes yeux, ses yeux à tout jamais fermés. (Стр. 39).

Я говорю съ подругой юныхъ дней,
Въ твоихъ чертахъ ищу черты другія,
Въ устахъ живыхъ—уста давно нѣмыя,
Въ глазахъ—огонь угаснувшихъ очей.

Второе восьмистишіе Лермонтова изъ Гейне передѣлано въ четыре французскихъ куплетца, причемъ совершенно не понята основная мысль поэта, и оттого стихотвореніе утратило данное ему поэтомъ значеніе. Сами по себѣ французскіе куплетцы—вышли не дурные.

Третье стихотвореніе какъ переводъ на французскій языкъ рѣдкость,—русское восьмистишіе переведено на французскій языкъ, такимъ же числомъ французскихъ стиховъ; при этомъ любопытно однако сравнить то, что г. Марье, вѣроятно, при всемъ своемъ желаніи, не могъ вмѣстить въ свой переводъ, и то, что имъ отъ себя прибавлено. Пропущенное подчеркнуто въ подлинникѣ, въ переводѣ же подчеркнуто то, что г. Марье прибавилъ отъ себя.

Actions de grâces

Je te rends grâces, ô Seigneur!
Du tableau varié d'un monde plein de charmes,
Du feu des passions et du vide du coeur
Du poison des baisers, de l'âcreté des larmes,

* * *

De la haine qui tue et de l'amour qui ment,
De mes rêves trompeurs perdus dans les espaces
De tout enfin mon Dieu? Puissé-je seulement
Ne pas longtemps te rendre grâces!

Благодарность.

За все, за все тебя благодарю я;
За тайныя мученія страстей,
За горечь слезъ, отраву поцѣлуя,
За месть враговъ и клевету друзей;
За жаръ души, растраченной въ пустынѣ,
За все, чѣмъ я обманутъ въ жизни былъ...
Устрой лишь такъ, чтобы тебя отнынѣ
Недолго я еще благодарилъ.

Такимъ образомъ изъ восьми стиховъ только четыре съ половиной переданы вѣрно, остальные три съ половиной замѣнены четырьмя съ половиною стиховъ сочиненія г. Мармье.

12) Impressions de voyage.—Le Caucase,—par Alexandre Dumas, Paris, Michel Lévy frères, 3 vol, 8 д. л. I—стр. 308, II—стр. 303, III—стр. 292.—Путевыя впечатлѣнія, А. Дюма (отца), Кавказъ.

Говорить подробно о Путевыхъ впечатлѣніяхъ на Кавказѣ А. Дюма-отца нѣтъ особенной надобности; онѣ въ томъ же родѣ, какъ и всѣ другія его, такъ называемыя, путевыя впечатлѣнія по разнымъ странамъ; онѣ всѣмъ и каждому читающему французскую беллетристику болѣе или менѣе извѣстны; изящно, весело и остроумно написанныя, эти дорожныя записки испещрены описаніями проѣзжаемыхъ мѣстностей, разсказами о разныхъ историческихъ событіяхъ выхваченныхъ отовсюду, безъ разбора, въ которыхъ истина до того смѣшана съ вымысломъ, что безъ всякаго сомнѣнія читателю, незнакомому съ дѣломъ, трудно разобраться въ этой путаницѣ, и даже самому несвѣдущему читателю иногда невольно должно придти въ голову: «экъ его куда занесло!» Читаются эти путевыя впечатлѣнія легко, наблюдательности много, и могъ бы кажется А. Дюма, при его несомнѣнномъ и громадномъ талантѣ, написать что нибудь дѣльное; пропустите сквозь сито эти три тома о Кавказѣ, и останется почти ничего или очень мало;—за то собственное я не забыто, и это я играетъ въ этихъ книгахъ большую роль.

Проѣзжая Кавказъ, такъ очаровательно и многоразлично воспѣтый Лермонтовымъ, конечно Дюма не могъ о немъ забыть, и, дѣйствительно, онъ часто о немъ вспоминаетъ, и между прочимъ перевелъ восемь его лирическихъ стихотвореній (ч. 2, стр. 259—267). При поэтическомъ дарованіи Дюма переводы вышли не только очень изящные, но и основныя мысли поэта большею частью удачно схвачены, но, къ сожалѣнію, А. Дюма не могъ избѣжать соблазна улуч-

шенія Лермонтова, дополняя своими фантазіями поэтическія произведенія нашего поэта. Вотъ способъ, который Дюма, какъ онъ самъ разсказываетъ, употреблялъ, для полученія хорошихъ переводовъ; поймаетъ онъ кого нибудь, на пароходѣ на Волгѣ, или въ городахъ, гдѣ останавливался по дорогѣ, который хорошо владѣетъ французскимъ языкомъ, онъ тотчасъ проситъ сдѣлать ему подстрочный, слово въ слово, переводъ стихотворенія, а затѣмъ принимается самъ за работу и передѣлываетъ подстрочный переводъ на французскіе стихи; когда они готовы, онъ прочитываетъ ихъ переводившему и окончательно исправляетъ по сдѣланнымъ замѣчаніямъ и переводъ готовъ. Въ виду того, что переводы Дюма хороши, мы приводимъ ихъ вполнѣ, и тѣмъ болѣе, что сочиненіе Дюма о Кавказѣ не имѣетъ свободнаго обращенія въ нашей книжной торговлѣ.

А. Дюма перевелъ слѣдующія восемь стихотвореній Лермонтова, всѣ во второй части путевыхъ впечатлѣній:

1. La pensée	стр.	259, 260.	— Дума. (Т. I стр 108).
2. La dispute	„	261—264.	— Споръ. (Т. I стр. 243).
3. Le rocher qui pleure	„	264, 265.	— Утесъ. (Т. I стр. 246)
4. Les nuages	„	265.	— Тучи. (Т. I стр. 195).
5. Le blessé	„	266.	— Неизвѣстное.
6. Boutade	„	266.	— Моя мольба. (Т. II стр. 95).
7. Gornaia-Verchina	„	266.	— Изъ Гете (Т I стр. 194).
8. Les mercis	„	267.	— Благодарность. (Т. I стр. 194).

1) «Начнемъ, говоритъ А. Дюма, съ пьесы, озаглавленной La pensée, жалоба, въ которой Лермонтовъ оцѣниваетъ, можетъ быть, нѣсколько мизантропически свое поколѣніе:

La Pensée.

Oh! que, des yeux, je suis tristement sur sa route
Ce siècle, à l'avenir ou vide ou ténébreux;
Sous le poids écrasant du savoir et du doute
Il viellit inactif et cependant fiévreux.

* * *

Nous pourrions, éclairés des fautes de nos pères,
Nous faire des radeaux de nos vaisseaux brisés;
Mais, comme un repas pris aux fêtes étrangères,
La vie est insipide à nos palais blasés.

* * *

Athlètes énervés avant d'entrer en lutte,
Le bien comme le mal nous trouve indifférents
Nous voyons s'accomplir les grandeurs et les chutes
Sans plaindre les proscrits, sans hair les tyrans.

* * *

C'est ainsi qu'un fruit maigre éclos dans une serre,
Pour les yeux sans attraits, pour le goût sans saveur,
Rongé secrétement d'un invisible ulcère,
Meurt de viellasse, alors qu'il devrait être en fleur.

* * *

Nous avons, par les longs frottement de l'étude,
Usé le velouté de nos illusions,
Et notre coeur a pris cette triste habitude
De se moquer de tout, même des passions.

* * *

Notre main touche à peine à la coupe remplie
Où la bonté des dieux versa la volupté,
Qu'un impuissant dèsir, changeant le vin en lie,
En place de l'amour boit la satiété.

* * *

La poèsie est morte et l'art est un fantôme;
Admirer est stupide, et, si dans notre coeur
D'enthousiasme encor vit un dernier atome,
Vite il faut l'étouffer sous un rire moqueur.

* * *

Jusqu'au bout de nos dents ce rire monte à peine;
Nos pleurs sont desséchés avant d'atteindre aux yeux;
Nous ne connaissons plus ni l'amour ni la haine,
Robustes sentiments morts avec nos aïeux.

* * *

Nous craignons d'imprimer nos traces dans l'histoire,
Nous raillons ces grands noms qui laissaient un grand deuil,
Et nous hâtons nos pas vers un tombeau sans gloire.
En jetant sur la vie un dédaigneux coup d'oeil.

* * *

En foule taciturne et bientôt effaceé,
Nous traversons le monde, où nous n'avons planté
Ni travail fructueux, ni fertile pensèe,
Qui fasse une moisson pour la postérité.

* * *

Mais aussi dans la tombe, inutile refuge,
Nous fuirons l'avenir... Sévère historien,
Il nous condamnera comme poëte et juge;
Il nous méprisera comme homme et citoyen.

Отдѣлите то, что слѣдуетъ приписать слабости перевода, замѣчаетъ Дюма, и окажется, что ни Байронъ, ни А. де Мюссе ничего столь горькаго не написали

Сообщ **В. К. Шульцъ.**

[Продолженіе слѣдуетъ].

РОССІЯ И ПОЛЬША

въ 1814—1831 гг.

Костюшко.—Александръ I.— Цесаревичъ Константинъ.—Николай I.

ГЕНЕРАЛЪ КОСТЮШКО ИМПЕРАТОРУ ПАВЛУ [1]).

Парижъ, 4-го августа 1798 г.

[Переводъ]. Ваше Величество. Пользуюсь первыми минутами свободы, которую я вкушаю подъ охраною законовъ величайшей и великодушнѣйшей націи въ мірѣ, чтобы возвратить вамъ подарокъ, который мнимая доброта ваша и вѣроломное поведеніе вашихъ министровъ заставили меня принять. Будьте увѣрены В. В., что я согласился на это единственно изъ глубокой привязанности къ моимъ соотечественникамъ, къ товарищамъ моимъ по несчастью и въ надеждѣ, что мнѣ удастся быть можетъ послужить еще моей родинѣ. Да, съ удовольствіемъ говорю и повторяю вамъ, государь, мнѣ показалось, что вы были тронуты моимъ отчаяннымъ положеніемъ; но министры ваши и приверженцы ихъ поступили со мною совершенно противно вашему желанію; поэтому если бы они посмѣли приписать лично моей волѣ тотъ поступокъ, который они вынудили меня сдѣлать, то я обнаружу передъ вами и передъ всѣми людьми, дорожащими честью, ихъ насиліе, жестокость и коварство, и ихъ однихъ, государь, придется вамъ винить въ этомъ случаѣ въ томъ, что злодѣянія ихъ будутъ обнаружены. Примите В. В. и пр. I. Костюшко.

---

[1]) Письмо это помѣщаемъ въ настоящей серіи документовъ только по нѣкоторой связи его съ послѣдующими письмами Костюшко къ преемнику Павла I,—императору Александру I. Ред.

Sire. Je profite des premiers instants de la liberté dont je jouis sous les loix protectrices de la plus grande et la plus généreuse nation pour vous renvoyer le présent que l'apparence de votre bonté et la conduite atroce de vos ministres m'ont forcé d'accepter. Si je m'y suis preté, Sire, ne l'attribuez qu'à la force irrésistible de l'attachement que je porte à mes compatriotes, compagnons de mes malheurs et à l'espoir de servir encore peut-être ma patrie. Oui, je vous le répéte, sire, et j'aime à vous le déclarer, votre coeur m'a paru touché de ma situation désastreuse; mais vos ministres et leurs satellites n'ont pas agi à mon égard conformément à vos voeux; aussi s'ils osaient atfribuer à la determination de ma volonté libre une démarche, qu'ils m'ont contraint de faire, je devoilerais devant vous et devant tous les hommes qui connaissent le prix de l'honneur, leurs violences et leur perfidie, et c'est à eux seuls, sire, que vous devez vous en prendre de la publication de leur forfait.

Agréez, Sire, etc. I. K.

ГЕНЕРАЛЪ КОСТЮШКО—АЛЕКСАНДРУ I.

Бервиль, близь Фонтенебло, 9-го апрѣля 1814 г.

[Переводъ]. Государь! Я осмѣливаюсь обратиться изъ моего скромнаго убѣжища съ просьбою къ великому монарху, великому полководцу и въ особенности къ защитнику всего человѣчества, качество, единственное въ своемъ родѣ; ибо мнѣ извѣстно все величіе его души. Да, государь, мнѣ хорошо знакома ваша доброта, ваша щедрость и великодушіе. Я прошу у васъ трехъ милостей, первую: даровать полякамъ всеобщую амнистію, безо всякихъ ограниченій, такъ чтобы крестьяне, разсѣянные за границей, считались свободными, если они возвратятся къ своимъ очагамъ. Вторую: чтобы Ваше Величество провозгласили себя королемъ польскимъ съ свободной конституціей, подходящей къ англійской конституціи; учредили бы въ Польшѣ народную школу для крестьянъ, гдѣ воспитанники содержались бы на счетъ правительства, и уничтожили бы по прошествіи десяти лѣтъ крѣпостное право, съ надѣломъ крестьянъ землею. Если мои просьбы будутъ уважены, то, не смотря на свою болѣзнь, я отправлюсь лично съ тѣмъ, чтобы повергнуться къ стопамъ В. В., поблагодарить Васъ и чтобы первому воздать Вамъ должный почетъ, какъ моему монарху. Если бы мои ничтожныя способности могли еще принести малѣйшую пользу, то я не медля отправился бы отсюда съ тѣмъ, чтобы присоединиться къ моимъ соотече-

ственникамъ, и съ честью и преданностью служить моей родинѣ и моему монарху.

Третья просьба моя, государь, хотя имѣетъ вполнѣ частный характеръ, но тѣмъ не менѣе весьма живо интересуетъ меня; вотъ уже 14 лѣтъ, какъ я живу въ почтенномъ домѣ г. Цельтнера, родомъ швейцарца, бывшаго нѣкогда швейцарскимъ посломъ во Франціи. Я многимъ обязанъ ему, но мы оба бѣдны, а онъ обремененъ многочисленной семьей; поэтому я убѣдительно прошу дать ему приличное мѣсто (place honorable) при новомъ французскомъ правительствѣ, или въ Польшѣ; онъ человѣкъ образованный и я ручаюсь за его неподкупную честность.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ имѣю честь быть В. В. покорнѣйшій слуга Костюшко.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I—КОСТЮШКѢ.

Парижъ, 3-го мая 1814 г.

[Переводъ]. Съ особымъ удовольствіемъ, генералъ, отвѣчаю на ваше письмо. Самыя сокровенныя желанія мои исполнились и съ помощью Всевышняго я надѣюсь осуществить возрожденіе храброй и почтенной націи, къ которой вы принадлежите.

Я далъ въ этомъ торжественную клятву и благосостояніе польскаго народа всегда было предметомъ моихъ заботъ. Однѣ лишь политическія обстоятельства послужили преградою къ осуществленію моихъ намѣреній. Нынѣ препятствія эти уже не существуютъ, онѣ устранены страшною, но въ то же время и славною двухлѣтнею войною. Пройдетъ еще нѣсколько времени и при мудромъ управленіи поляки будутъ снова имѣть отечество и имя, и мнѣ будетъ отрадно доказать имъ, что человѣкъ, котораго они считаютъ своимъ врагомъ, забывъ прошедшее, осуществитъ всѣ ихъ желанія.

Какъ отрадно было бы мнѣ, генералъ, имѣть васъ помощникомъ при этихъ благотворныхъ трудахъ. Ваше имя, вашъ характеръ, ваши способности будутъ мнѣ лучшею поддержкою. Примите, генералъ, увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи. Александръ.

ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТЪ ЧЕРНЫШЕВЪ—АЛЕКСАНДРУ I.

Вѣна, 4-го (16) апрѣля 1815 г.

[Переводъ съ франц.]. Государь! Намъ предстоитъ новая война, которая вовлечетъ въ большія издержки, какъ бы блистателенъ ни былъ ея исходъ; не буду говорить о потерѣ людей, такъ какъ всѣ они почтутъ за счастье умереть за такое дѣло, важность котораго понята

и прочувствована всѣми; но сомнѣнія, могущія легко возникнуть въ томъ случаѣ, если англичане захотятъ или будутъ въ состояніи принести, какъ въ прошломъ, большія денежныя жертвы, новый титулъ, который Ваше Императорское Величество собираетесь принять, и, наконецъ, дальнѣйшее отсутствіе Ваше изъ Россіи, настоятельно требуемое событіями,—вотъ пункты, которые Вашему Величеству чрезвычайно необходимо выяснить Вашимъ подданнымъ, чтобы они не оставались въ неизвѣстности, парализующей всегда болѣе или менѣе дѣйствія народа. Привыкши, государь, дѣйствовать во всемъ, касающемся службы, съ усердіемъ, вслѣдствіе котораго я могъ бы подъ часъ казаться слишкомъ смѣлымъ, если бы меня не поощряла къ тому благосклонная снисходительность Вашего Величества, я осмѣливаюсь изложить предъ Вами нѣкоторыя мысли, касающіяся главнымъ образомъ того новаго положенія, въ какомъ будетъ находиться обширная имперія Вашего Величества.

Пруссія, менѣе истощенная войною, нежели Россія, пріобрѣтя по постановленіямъ конгреса землю, составлявшую давно уже мечту всякаго пруссака, выказываетъ въ настоящее время такую же энергію, какъ въ то время, когда дѣло шло о ея освобожденіи. Положеніе Россіи въ этомъ отношеніи не столь благопріятное: Вашему Императорскому Величеству не безъизвѣстны предразсудки, существовавшіе всегда у насъ относительно образованія польскаго королевства, и пріобрѣтеніе большей части Варшавскаго герцогства, пріобрѣтеніе въ сущности весьма важное, можетъ далеко не имѣть подобнаго значенія въ глазахъ многихъ русскихъ людей. Пруссія не была жертвою погрома, не имѣющаго себѣ подобнаго въ исторіи, и представляетъ сверхъ того на ограниченномъ пространствѣ массу народонаселенія и частныхъ владѣній.

Пруссія, въ которой администрація опирается на прочныхъ началахъ, выработанныхъ сто лѣтъ тому назадъ, не столь нуждается для своего существованія въ непосредственномъ присутствіи ея монарха; въ Россіи же вся энергія и сила государства обусловливается волею и дарованіемъ ея правителя. Изъ этого сравненія вытекаетъ, государь, что если отъ Россіи желаютъ такой же энергіи въ 1815 г., какую она проявила въ 1812 г., то, по моему мнѣнію, необходимо, чтобы Ваше Величество, не теряя времени, обнародовали въ ней ваши великодушныя намѣренія, которыя могутъ вызвать сочувствіе народа и главное, государь, разсѣять всякое опасеніе въ томъ, что конституція, даруемая Вашимъ Величествомъ Польшѣ, является какъ бы знакомъ предпочтенія;—подобнаго же опасенія со стороны народа, который такъ дорожитъ отеческимъ расположеніемъ своего монарха

и при томъ монарха, столь горячо любимаго имъ, можетъ само по себѣ вызвать нѣчто въ родѣ разочарованія. Когда этотъ вопросъ будетъ разъясненъ достаточно яснымъ и утѣшительнымъ образомъ, прежде нежели его успѣютъ исказить толки, дошедшіе до общества косвеннымъ путемъ, было бы также не безполезно, государь, успокоить вашихъ подданныхъ относительно продолжительнаго отсутствія Вашего Императорскаго Величества и касательно продленія того способа управленія, которое не можетъ быть продолжительно и не лишено злоупотребленій, потому что управленіе это временное. Тогда, государь, Россія будетъ стремиться къ одной цѣли съ вашими войсками и военная слава не истомитъ ее, такъ какъ она не будетъ имѣть ни малѣйшаго повода къ боязни и будетъ видѣть цѣль и награду за приносимыя ею жертвы.

Такъ какъ время Вашего Императорскаго Величества драгоцѣннѣе теперь, чѣмъ когда либо, то я не буду вдаваться въ дальнѣйшія подробности касательно необходимости всѣхъ этихъ мѣръ, внушаемыхъ самыми важными соображеніями, и я ограничусь принесеніемъ В. В. глубочайшей признательности моей за все могущее способствовать выполненію Вашихъ великодушныхъ и благодѣтельныхъ плановъ для всѣхъ вообще и для каждаго въ частности. Съ чувствомъ глубочайшаго почтенія, государь, честь имѣю быть В. И. В. вѣрноподданный А. Чернышевъ.

КОСТЮШКО—АЛЕКСАНДРУ I.

Вѣна 13-го іюня 1815 г.

[Переводъ]. Государь, князь Чарторыйскій сообщилъ мнѣ о всѣхъ благодѣяніяхъ, которыя Ваше Императорское и Королевское Величество пріуготовляете для польскаго народа. Никакія слова не могутъ выразить моей благодарности и удивленія; одна лишь забота тревожитъ меня еще, отравляя мою радость: я уроженецъ Литвы, государь, и мнѣ остается жить не долго, а между тѣмъ будущее моей родины и многихъ частей моего отечества покрыто еще мракомъ неизвѣстности. Я не забылъ тѣхъ великодушныхъ обѣщаній, которыя Ваше Императорское и Королевское Величество соблаговолили лично высказать по этому поводу мнѣ и нѣкоторымъ изъ моихъ соотечественниковъ, и я никогда не осмѣлюсь усомниться въ дѣйствительности этихъ священныхъ словъ, но мысль, напуганная столь продолжительными несчастіями, жаждетъ постоянно быть вновь успокоенной.

Повинуясь моему личному чувству, я готовъ посвятить остатокъ дней моихъ службѣ Вашего Императорскаго и Королевскаго Величества; однако, государь, будьте моимъ руководителемъ въ этомъ рѣшительномъ для меня шагѣ и соблаговолите своимъ благосклоннымъ отвѣтомъ извѣстить меня, одобряете ли вы мое рѣшеніе; это слово съ вашей стороны осуществитъ единственное теперь желаніе мое и я могу тогда сойти въ могилу съ утѣшительнымъ убѣжденіемъ, что всѣ ваши польскіе подданные будутъ пользоваться вашими благодѣяніями. Подобная увѣренность, сознаюсь, чрезвычайно увеличила бы мои силы и мою энергію къ дѣлу. Я не осмѣлюсь никогда, государь, торопить выполненіе вашихъ великихъ предначертаній; я свято буду хранить эти мысли въ тайнѣ и лишь съ именнаго разрѣшенія В. В. воспользуюсь этой священной тайной.

Тутъ я буду ожидать вашихъ повелѣній, въ отвѣтъ на мою покорнѣйшую просьбу; она будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ единственной и послѣдней просьбою, которую я осмѣливаюсь еще повергнуть къ стопамъ Вашего Императорскаго и Королевскаго Величества съ такимъ непоколебимымъ довѣріемъ, которое можетъ сравняться лишь съ великодушіемъ и несравненной добротою Вашего Величества.

І. Костюшко.

КОСТЮШКО—АЛЕКСАНДРУ I.

[Переводъ]. Прежде чѣмъ возвратиться въ деревню, позвольте мнѣ, государь, повергнуть къ стопамъ Вашего Величества всю признательность, на какую способно человѣческое сердце, за Ваши великодушныя и великія намѣренія относительно моей родины. Если я могу вступить въ свое отечество съ именемъ поляка, то я отдамъ себя въ полное распоряженіе Вашего Величества, и никто не превзойдетъ всѣхъ насъ въ преданности и вѣрности нашему монарху. Наши желанія, государь, выгодны для обѣихъ націй, и для ихъ взаимной безопасности; одинъ и тотъ же духъ побуждалъ бы ихъ любить нашего общаго монарха, ибо тамъ, гдѣ существуетъ равенство, исчезаетъ всякій личный интересъ и всѣ стремятся лишь любить монарха и жить въ мирѣ. Иначе Польша будетъ постояннымъ источникомъ раздора и сосѣднія державы всегда найдутъ въ ней почву для возбужденія волненій.

ЗАМѢТКА ГЕНЕРАЛА КОСТЮШКО.

Безъ числа.

[Переводъ]. Королевство Польское начиналось бы отъ Двины и до Днѣпра, имѣло бы либеральную конституцію, подобно англійской, съ обезпеченной свободой собственности и вѣроисповѣданія. Слѣдуетъ позаботиться о начальномъ образованіи крестьянъ и черезъ 20 лѣтъ уничтожить крѣпостное право съ надѣломъ крестьянъ землею. Въ арміи сохранить голубой съ малиновымъ мундиръ и бывшіе національные эполеты. Всѣ гражданскія должности замѣстить поляками.

ГЕНЕРАЛЪ КОСТЮШКО—АЛЕКСАНДРУ I.

Berville près de Fontainebleau. 9 Avril 1814.

Sire. Si de mon obscure retraite j'ose adresser ma prière à un grand monarque, grand capitaine et surtout protecteur de l'humanité entière, chose unique! c'est que je connais sa grande âme. Oui, Sire, votre bonté, votre générosité et votre magnanimité m'est bien connue.

Je vous demande trois grâces, la première est d'accorder une amnistie générale aux Polonais sans aucune restriction, et que les paysans dispersés dans les pays etrangers soient regardés libres s'ils rentrent dans leurs foyers. La seconde que V. M. se proclame Roi de Pologne avec une constitution libre approchant de celle d'Angleterre, d'y etablir une école d'instruction pour les paysans dont l'entretien des élèves aux dépens du gouvernement, d'abolir leur servitude au bout de dix ans et qu'ils jouissent de leurs possessions en propriété. Si mes prières sont exaucées j'irai personellement quoique malade, me jeter aux pieds de V. M. pour La remercier et Lui rendre hommage le premier comme à mon souverain. Si mes faibles talents pouvaient encore être de quelque utilité, je partirais à l'instant pour joindre mes concitoyens, servir ma patrie et mon Souverain avec honneur et fidélité.

Ma troisième prière, Sire, quoique particulière, interesse beaucoup mon coeur et ma sensibilité; j'habite depuis 14 ans dans la maison respectable de Mr. Zeltner, Suisse de nation, jadis Ambassadeur de son pays en France. Je lui dois mille obligations, mais nous sommes pauvres tous les deux et il a une nombreuse famille,

je reclame pour lui une place honorable soit dans le nouveau gouvernement francais, soit en Pologne; il est instruit et je réponds de sa probité à toute epreuve.

Je suis avec un profond respect de V. M. le plus soumis serviteur J. K.

АЛЕКСАНДРЪ I—КОСТЮШКѢ.

Paris, le 3 Mai 1814.

J'éprouve une grande satisfaction général à répondre à Votre lettre. Mes voeux les plus chers sont accomplis, avec l'aide du Tout-Puissant, j'espère réaliser la régénération de la brave et respectable nation à laquelle Vous appartenez. J'en ai pris l'engagement solennel et de tout temps son bien être a occupé mes pensées. Les circonstances politiques seules ont mis des entraves à l'exécution de mes desseins. Ces obstacles n'existent plus. Deux années d'une lutte terrible mais glorieuse, les ont applanis. Un peu de temps encore avec une marche sage, et les Polonais recouvreront leur patrie, leur nom et j'aurai la jouissance de les convaincre qu'oubliant le passé, celui qu'ils croyaient leur ennemi, sera celui qui réalisera leurs voeux.

Combien il me sera satisfaisant, général, de Vous voir mon aide dans ces travaux salutaires; votre nom. votre caractère, vos talents seront mes meilleurs appuis. Recevez, général, l'assurance de toute mon estime. Alexandre.

КОСТЮШКО—АЛЕКСАНДРУ I.

Вѣна, 13-го іюня 1815 г.

Sire, le Prince Czartoryski m'a developpé tous les bienfaits que V. M. I. et R. prépare pour la nation Polonaise. Les expressions ne peuvent répondre aux sentiments de reconnaissance et d'admiration; une seule inquiétude trouble encore mon coeur et ma joie. Je suis né Lithuanien, Sire, et je n'ai que peu d'années à vivre, néanmoins le voile d'un avenir incertain couvre encore les destinées de ma contrée natale et de tant d'autres parties de ma patrie. Je n'oublie point les magnanimes promesses que V. M. I. et R. a daigné me faire verbalement à cet egard, ainsi qu'à plusieurs de mes compatriotes, mon coeur ne me permettra jamais de douter de

l'effet de ces paroles sacrées, mais la pensée intimidée par de si longs malheurs ne cesse à chaque fois de désirer à être de nouveau rassurée.

N'écoutant que l'impulsion de mes sentiments, je suis venu devouer le reste de mon existence au service de V. M. I. et R., toutefois, Sire, soyez mon arbitre dans cette conjoncture décisive pour ma conscience, et par un seul mot de bienveillante reponse, daignez dire que Vous approuvez ma determination; ce mot remplira l'unique voeu qui me reste à former, celui de descendre au tombeau avec la consolante certitude que tous vos sujets Polonais seront appelés à bénir vos bienfaits. Cette certitude, je l'avoue, augmenterait à l'infini mes efforts et l'energie de mon zèle. Je noserais jamais, Sire, presser l'execution de Vos grands projets; j'en garderai saintement la pensée pour ma propre conscience et ce ne serait que sur une autorisation expresse que je ferais usage de ce dépot sacré.

J'attendrais ici Vos ordres sur mon humble prière, c'est la seule, c'est la dernière que j'ose encore mettre aux pieds de V. M. I. et R. avec un sentiment de confiance inébranlable qui ne peut être mesuré que par Votre magnanimité et par Votre incomparable bonté. I. K.

КОСТЮШКО—АЛЕКСАНДРУ I.

Avant que de retourner à la campagne, permettez moi, Sire, de mettre aux pieds de V. M. toute ma reconnaissance dont le coeur humain est súsceptible, pour les intentions si généreuses, grandes et sublimes en faveur de mon pays. Si je peux entrer dans ma patrie avec le nom Polonais, je serai aux ordres de V. M. et personne ne pourra nous surpasser tous en fidélité, attachement et dévouement pour Notre Souverain. Les voeux que nous formons, Sire, sont avantageux pour les deux nations et leur sûreté réciproque, le même esprit nous animerait alors de chérir notre commun Souverain, car où il y a egalité, tout interêt cesse, hormis celui de l'aimer et de vivre en paix. Autrement la Pologne sera une source intarissable de discorde, et les Puissances voisines y trouveront à leur volonté, un aliment prêt à fomenter des factions.

ЗАМѢТКА КОСТЮШКИ.

Note sans date.

Depuis Dwina et Dniéper commencerait le Royaume de Pologne avec une constitution libérale comme celle de l'Angleterre— il aurait une liberté, une sûreté personelle de la proprieté et du

culte. On etablira une instruction primaire pour les paysans et dans 20 ans on abolirait l'asservissement et ils jouiront de leurs possessions en proprieté. A l'armée l'uniforme bleu et cramoisi sera conservé avec les epaulettes ci devant notionales. Tous les postes civils seront occupés par les nationaux.

Событія въ Варшавѣ въ 1816 г.

Разсказъ Эрдберга.

Могилевъ, 21-го мая 1816 г.

[Переводъ съ нѣмецкаго.] Въ половинѣ марта, на парадѣ, великій князь [цесаревичъ Константинъ] приказалъ двумъ офицерамъ 3-го полка взять оружіе и стать въ ряды. Офицеры исполнили это приказаніе безъ малѣйшаго признака неудовольствія и промаршировали два раза вокругъ Саксонской площади; вслѣдъ за тѣмъ великій князь приказалъ имъ отдать оружіе и занять свои прежнія мѣста.

Тотчасъ послѣ парада общество офицеровъ 3-го полка объявило, что они не могутъ служить съ этими двумя офицерами, считая ихъ разжалованными, такъ какъ подобнаго случая никогда еще не бывало въ войскѣ.

Принявъ это рѣшеніе, офицеры ожидали, что генералы войдутъ объ этомъ съ представленіемъ къ великому князю, съ тѣмъ, чтобы побудить его загладить свой необдуманный поступокъ. Но прождавъ напрасно подобнаго заявленія, капитанъ Виличко (Wilizek), адъютантъ генерала Красинскаго, явился въ совѣтъ, въ которомъ засѣдали генералы и сталъ упрекать ихъ въ томъ, что они думаютъ лишь о своихъ собственныхъ выгодахъ, отнюдь не заботясь объ интересахъ своего отечества и своихъ подчиненныхъ, что они держатъ себя противъ русскихъ съ такимъ же малодушіемъ и покорностью, какую они выказали и въ своихъ отношеніяхъ къ французамъ, и что будучи лишь капитаномъ онъ считаетъ однако своимъ долгомъ дѣйствовать такъ, какъ подобало бы дѣйствовать генераламъ, если бы они были честными людьми. Генералъ Красинскій, возмущенный этими неприличными выраженіями, арестовалъ капитана Виличко, присудивъ его къ домашнему аресту. Лишь только разнеслась объ этомъ вѣсть, какъ многіе офицеры собрались къ своему «защитнику», какъ они называли Виличко, и тутъ они дали другъ другу слово умереть за родину и за товарища, если съ ними не перемѣнятъ обращенія·

Въ теченіи трехъ дней лишили себя жизни два брата Трембинскіе, Германъ и Бржезинскій. За ними послѣдовалъ Виличко, написавшій предварительно великому князю и генералу Красинскому. Я читалъ копіи съ обѣихъ писемъ, но не могу вполнѣ ручаться, что онѣ были доставлены (kann aber nicht dafür bürgen, das sie nicht wären), хотя послѣдствія доказали все ихъ значеніе.

Письмо, написанное къ великому князю, было приблизительно слѣдующаго содержанія: «Если бы я послѣдовалъ первому внушенію моего чувства, то я сошелъ бы въ могилу не одинъ. Но такъ какъ ни одинъ полякъ не запятналъ еще себя преступленіемъ противъ членовъ семейства своего монарха, то я оставилъ эту мысль, чтобы не сдѣлать родину мою еще несчастнѣе. Я считаю долгомъ предупредить васъ, чтобы вы не доводили моихъ соотечественниковъ до отчаянія, которое легко можетъ довести кого либо изъ нихъ до преступленія, отъ коего я отказался по зрѣломъ обсужденіи. Всякій полякъ дорожитъ честью болѣе жизни и не переноситъ оскорбленія ея. Нѣсколько товарищей уже лишили себя жизни; я слѣдую за ними и увѣряю васъ, что многіе еще послѣдуютъ моему примѣру. Разрѣшите перевезти мое тѣло въ имѣнье генерала Красинскаго, который не откажетъ мнѣ въ мѣстѣ для погребенія». Почти такого же содержанія было и письмо къ генералу Красинскому, лишь съ нѣкоторыми дополненіями, касающимися семейныхъ обстоятельствъ. По приказанію генерала Красинскаго, тѣло капитана Виличко было набальзамировано и отвезено въ его помѣстье. Послѣ него застрѣлились еще два офицера.

Эти самоубійства, слѣдовавшія одно за другимъ, чрезвычайно встревожили великаго князя. Онъ навелъ точныя справки и тогда узналъ наконецъ настоящую причину, которую онъ едва ли подозрѣвалъ. Желая успокоить встревоженные умы, онъ поручилъ своему генералъ-адьютанту, генералу Тулинскому, извиниться въ присутствіи всего полка въ его опрометчивости передъ тѣми двумя офицерами, которые должны были встать подъ ружье Когда онъ спросилъ ихъ, довольны ли они этимъ, то одинъ изъ нихъ по фамиліи Шуцкій (Szucki) отвѣчалъ, что это теперь дѣло общества офицеровъ, а не ихъ. Тогда генералъ обратился къ обществу офицеровъ, которые разумѣется были успокоены этимъ и единогласно согласились считать этотъ фактъ несовершившимся Затѣмъ генералъ Тулинскій обратился снова къ Шуцкому съ вопросомъ удовлетворенъ ли онъ теперь? «Нѣтъ! отвѣчалъ тотъ; общество офицеровъ разумѣется должно быть удовлетворено объясненіемъ великаго князя, такъ какъ онъ своимъ заявленіемъ смываетъ оскорбленіе, нанесенное имъ офицерскому

званію. Но для моей личной чести этого мало и я прошу для себя лично удовлетворенія». Взволнованный генералъ вскричалъ: «ужъ не хотите ли выйти на поединокъ съ великимъ княземъ?»—«Да, разумѣется», отвѣчалъ Шуцкій.—«Вы арестованы, сказалъ генералъ, г. адъютантъ, примите отъ него шпагу, онъ подвергается домашнему аресту».

— «И такъ и мой часъ насталъ, и я послѣдую за моими честными товарищами, но къ сожалѣнію умру не удовлетвореннымъ», сказалъ Шуцкій.—Когда онъ былъ уведенъ, офицеры обступили генерала Тулинскаго, говоря, что по ихъ мнѣнію генералъ или не понялъ великаго князя, или зашелъ слишкомъ далеко въ своемъ порученіи, задавъ капитану Шуцкому такіе вопросы, которые весьма естественно вызвали съ его стороны подобные отвѣты.

Чтобы предотвратить самоубійство со стороны Шуцкаго, къ нему былъ приставленъ офицеръ. Въ великій четвергъ (по старому стилю) офицеръ этотъ на минуту задремалъ. Шуцкій воспользовался этимъ и, снявъ съ себя галстухъ, повѣсился на немъ. Шумъ, произведенный имъ, разбудилъ офицера, который позвалъ на помощь, освободилъ его отъ петли и, по приказанію полковаго командира, препроводилъ его на гауптвахту.

Получивъ это извѣстіе, великій князь, въ сопровожденіи генерала Курутты, поспѣшилъ на гауптвахту, приказалъ позвать всѣхъ офицеровъ 3-го полка и обратился къ Шуцкому съ слѣдующими словами:

— «Вы объявили, что желаете стрѣляться со мною; генералъ Тулинскій арестовалъ васъ, исполнивъ тѣмъ самымъ мое порученіе совершенно иначе, чѣмъ я того желалъ. Я явился сюда съ тѣмъ, чтобы исполнить ваше желаніе; смотрите на меня не какъ на брата вашего монарха, и генерала, а какъ на товарища, который очень сожалѣетъ, что оскорбилъ такого хорошаго офицера. Всѣ мои дѣла приведены въ порядокъ и генералу Куруттѣ поручено на случай моей смерти распорядиться всѣмъ тѣмъ, что я желалъ бы еще устроить».

Шуцкій, тронутый снисхожденіемъ великаго князя, сталъ увѣрять его, что онъ теперь болѣе, нежели удовлетворенъ и что милость, оказанная ему великимъ княземъ, составляетъ для него полное удовлетвореніе. Но такъ какъ великій князь непремѣнно хотѣлъ поединка, то противъ этого возстали наконецъ самъ Шуцкій и всѣ офицеры.

— «Ну, если вы этимъ удовлетворены, то обнимите же меня, сказалъ великій князь, и докажите тѣмъ, что вы мнѣ другъ; только обнимемтесь по русскому обычаю, поцѣловавшись въ губы», что и было исполнено. «Но въ доказательство того, что вы мой другъ, вы

должны не оставлять службы, чтобы я имѣлъ случай доказать вамъ мое расположеніе».

— «Я не могу этого обѣщать, сказалъ Шуцкій, ибо семейныя обстоятельства вынуждаютъ меня выйти въ отставку; но я прослужу еще годъ, чтобы доказать вашему высочеству, что я не имѣю никакихъ заднихъ мыслей».

Не довольствуясь удовлетвореніемъ, даннымъ имъ въ присутствіи всѣхъ офицеровъ, великій князь явился на слѣдующій день на полковой смотръ, еще разъ попросилъ у Шуцкаго извиненія и обнялъ его передъ всѣмъ полкомъ.

За четыре дня до этого событія, именно въ первый день католической пасхи, повѣсился одинъ полякъ-фельдфебель. Русскіе, проходившіе мимо, посмѣялись надъ нимъ, назвавъ его за это дуракомъ. Слова эти услыхали въ свою очередь поляки и такъ какъ они были выпивши, то дѣло дошло до драки; обѣ партіи были подкрѣплены земляками, наконецъ потекла кровь. Одинъ подполковникъ-полякъ пришелъ съ баталіономъ на помощь своимъ и съ обѣихъ сторонъ было убито нѣсколько человѣкъ. Получивъ объ этомъ извѣстіе, великій князь поспѣшилъ на мѣсто происшествія и своимъ присутствіемъ остановилъ драку, оставшуюся безъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Подполковникъ былъ арестованъ.

Своимъ поступкомъ съ капитаномъ Шуцкимъ великій князь заслужилъ въ высшей степени любовь всѣхъ поляковъ. Между ними возстановилось совершенное спокойствіе и всякій старается доказать чѣмъ-нибудь великому князю свою преданность. Въ то время, какъ я уѣхалъ, генералъ Тулинскій утратилъ уже свое значеніе, чѣмъ поляки, повидимому, были весьма довольны.

Событіе, описанное мною здѣсь, было предметомъ городскихъ толковъ и многіе офицеры 3-го полка увѣряли меня, что все это произошло именно такъ, какъ я здѣсь описалъ. Фонъ-Эрдбергъ (v. Erdberg).

ЗАПИСКА О ВТОРОМЪ ПОЛЬСКОМЪ СЕЙМѢ 1820 г.

Варшава, 1-го (13) октября 1820 г.

[Переводъ съ франц.]. Рѣчь Его Императорскаго и Королевскаго Величества воодушевила, такъ сказать, всѣхъ слушателей. Лишь только Его Величество оставилъ залу сейма, какъ со всѣхъ сторонъ послышались упреки членамъ палаты земскихъ депутатовъ, ибо извѣстно, что они вотировали за отмѣну проектовъ, представленныхъ этой палатѣ.

Одни говорили: «Видите, Его Величество не одобряетъ дѣйствій палаты». Другіе: «Ну что, не говорили ли мы, что надобно узнать въ точности, каковы намѣренія короля?» Наконецъ иные говорили: «Кажется, намъ придется долго дожидаться третьяго сейма».

Въ рѣчи Его Величества, полной громкихъ фразъ (grandes phrases), замѣтили, между прочимъ, слѣдующія слова: «Предоставляю рѣшить вашей совѣсти и вашимъ соотечественникамъ, оправдали ли вы довѣріе, возложенное на васъ».

Говорили о пріемѣ, оказанномъ наканунѣ Его Императорскимъ и Королевскимъ Величествомъ депутаціи отъ палаты депутатовъ. Говорятъ, что Е. В. выразилъ свое неудовольствіе по поводу дѣйствій палаты, высказавъ, что онъ даровалъ либеральную конституцію и право свободной подачи голосовъ не для того, чтобы они старались уменьшить его власть.

Повторяли и другія фразы, а именно, что Его Величеству извѣстно, что не какія-либо дурныя намѣренія, а скорѣе слабость характера была причиною того, что бо̀льшая часть членовъ палаты поддались вліянію нѣкоторыхъ господъ, желавшихъ отличиться и заслужить рукоплесканія публики (de la galerie).

Вообще всѣ недовольны и поражены результатомъ сейма.

ПРОЕКТЪ АДРЕСА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО, СОБСТВЕННОРУЧНО ПИСАННЫЙ ИМПЕРАТОРОМЪ АЛЕКСАНДРОМЪ I.

(Относится, вѣроятно, къ сейму 1825 г.).

[Переводъ]. Государь, представители Вашего польскаго королевства, движимые неизмѣнной преданностью ихъ къ особѣ В. В. и къ своему отечеству, взвѣсивъ по возможности зрѣло всѣ неудобства, выяснившіяся во время послѣднихъ двухъ сеймовъ, осмѣливаются покорнѣйше просить Ваше Величество дозволить имъ почтительнѣйше представить на Ваше усмотрѣніе нѣкоторыя соображенія о полезныхъ измѣненіяхъ, какія слѣдовало бы сдѣлать въ конституціонной хартіи, а равно и въ органическихъ уставахъ (statuts organiques), коими они обязаны великодушію Вашего Величества.

Они осмѣливаются, государь, предложить Вамъ эти измѣненія съ единственной цѣлью устранить изъ этого труда, на которомъ, благодаря благодѣяніямъ Вашимъ, основаны драгоцѣнныя для ихъ отечества льготы, все, что могло бы поощрить развитіе того демагогическаго духа, который сталъ въ наше время самымъ дѣятельнымъ оружіемъ въ рукахъ недоброжелателей. Они вполнѣ убѣждены, что

осмѣлившись представить Вашему Величеству эти предложенія, они дѣйствуютъ въ этомъ случаѣ какъ граждане, по истинѣ преданные отечеству и его правамъ, такъ какъ они умоляютъ Васъ, государь, вычеркнуть изъ его уставовъ все то, что могло бы поколебать ихъ прочность, замѣнивъ ихъ въ то же время такими постановленіями, которыя не только подтвердятъ либеральные принципы, послужившіе основаніемъ хартіи и органическимъ статутамъ, но будутъ также имѣть цѣлью упрочить еще болѣе общественное спокойствіе, а слѣдовательно, и благосостояніе народа.

Если Ваше Величество, взвѣсивъ все сказанное со свойственною Вамъ мудростью, найдете причины, побудившія насъ почтительнѣйше представить эти предложенія на усмотрѣніе Ваше, достойными Вашего одобренія, то Вамъ одному, государь, какъ законодателю Польши, подобаетъ придать имъ силу закона, провозгласивъ ихъ съ высоты Вашего престола.

О правилахъ засѣданій сейма, въ девяти статьяхъ.

[Собственноручная записка императора Александра I].

[Переводъ]. 1) Пренія должны происходить съ тою же торжественностью, какая соблюдается въ судахъ.

2) Личности строго воспрещаются.

3) Также всякія колкости, брань и шумъ.

4) Надзоръ за соблюденіемъ вышеупомянутыхъ статей возлагается на президента сената и на маршала сейма.

5) Всякій членъ, отклонившійся въ своей рѣчи отъ этихъ правилъ, будетъ немедленно прерванъ и призванъ къ порядку предсѣдателемъ той палаты, къ которой онъ принадлежитъ.

6) Членъ, подвергшійся замѣчанію три раза, лишается слова на все время засѣданія.

7) Членъ, подвергшійся замѣчанію въ трехъ засѣданіяхъ, исключается изъ членовъ и долженъ быть замѣщенъ по представленію, сдѣланному въ обычной формѣ и по новому выбору въ палатѣ, какъ это дѣлается въ случаѣ смерти кого либо изъ членовъ.

8) Члены, выключенные изъ какой либо палаты, не могутъ быть избраны вновь, исключая того случая, если поступятъ впослѣдствіи на государственную службу и своимъ усердіемъ докажутъ свое искреннее сожалѣніе за свой опрометчивый поступокъ.

9) Для того, чтобы они могли быть избраны вновь, правительство должно дать имъ разрѣшеніе явиться въ числѣ кандидатовъ на выборы въ воеводства

Записка о второмъ Польскомъ сеймѣ 1820 г.

Варшава, 1 (13) октября 1820 г.

Le discours de S. M. l'Empereur et Roi a electrisé pour ainsi dire tous les auditeurs. A peine S. M. a-t-elle quitté la salle de la diète, que commencèrent les reproches de toutes parts aux Membres de la chambre des Nonces que l'on connait qu'ils ont voté pour le rejet des projets qui furent présentés à cette chambre.

Les uns disaient: „He bien, voyez Vous que S. M. désaprouve le procédé de la chambre". D'autres: „He bien, n'avons nous pas dit qu'il faut bien nous assurer quelle est l'intention du Roi?" Enfin on disait: „Il parait que nous attendrons longtemps la troisièms diète."

On a remarqué dans le discours de S. M. plein de grandes phrases entre autre celle: „Je laisse à juger à votre conscience et a vos concitoyens si vous avez repondu à la confiance mise en vous".

On a répété la manière avec laquelle a été reçu hier par S. M. l'Emp. et Roi la députation de la chambre des nonces. On a dit que S. M. a témoigné son mécontentement sur les procédés de la chambre, que s'il a donné la constitution libérale et le droit de votes librement que ce n'est point pour qu'on cherche à resserer son pouvoir.

On a aussi répété d'autres phrases, nottement celle que S. M. sait bien que ce n'est point par mauvaise intention, mais par une faiblesse de caractère qu'une grande partie des membres de la chambre s'est laissé guider et conduire par quelques messieurs qui voulaient se distinguer et se faire applaudir par la galèrie.

Tout le monde en général est mécontent et consterné par le résultat de cette Diète.

Проэктъ адреса представителей Царства Польскаго, собственноручно писанный императоромъ Александромъ I-мъ.

(Относится, вѣроятно, къ сейму 1825 года).

Sire. Les Représentants de Votre Royaume de Pologne animés par leur inaltérable dévouement à la personne de V. M. ainsi que par leur attachement inviolable à leur Patrie, après avoir murement pesé les différents inconvénients qui se sont fait sentir pen-

dant la durée des deux dernières diètes, osent dans leur soumission demander la permission de V. M. de lui soumettre très respectueusement quelques idées d'amendements salutaires à faire dans la charte constitutionelle, ainsi que dans les statuts organiques, ouvrage qu'ils doivent à la magnanimité de V. M.

Ils osent vous les proposer, Sire, dans le but unique, d'écarter de cet ouvrage, sur lequel reposent graces à vos bienfaits les précieuses libertés de leur Patrie—tout ce qui pourrait encourager cet esprit démagogique, devenu de nos jours l'instrument le plus actif des malveillants. Ils portent dans leur coeur la conviction, qu'en osant soumettre à V. M. ces propositions, ils agissent en Citoyens vraimant attachés à leur Patrie et à ses libertés, puisqu'ils vous supplient, Sire, d'effacer de ses instutions tout ce qui peut en miner la stabilité, et le remplacer en même temps par des reglements qui loin de refuser les principes liberaux qui ont servi de base à la charte et aux statuts organiques n'ont d'autre but que d'assurer davantage la tranquilité publique, et conséquement le bien être national.

Si V. M. après avoir pesé dans sa sagesse trouve les raisons qui nous ont porté à lui soumettre humblement ces propositions dignes de sa sanction, c'est à Vous seul, Sire, qu'il appartient comme au législateur de la Pologne de leur donner force de lois en les promulgant du haut de Son trone.

О правилахъ засѣданій сейма, въ девяти статьяхъ.

Собственноручная записка императора Александра I-го.

1) Les discussions doivent porter la gravité des Tribunaux judiciaires.

2) Toute personalité est sévérement défendue.

3) Toute aigreur ou diatribe, tout bruit ou tapage.

4) Le Président du Senat et le Maréchal de la Diète sont chargés de l'exécution des articles ci dessus.

5) Tout membre qui s'en ecarterait dans son discour, sera sur le champ interrompu dans son discour et rappelé à l'ordre par celui qui préside la chambre à laquelle il se trouve appartenir.

6) Un membre qui aura été trois fois repris perd la parole pour le reste de la séance.

7) Un membre qui aura été repris dans trois séances cesse

d'être membre et doit être remplacé par une présentation d'après les regles ordinaires et dans la chambre par une nouvelle election, comme cela se pratique dans les cas de morts.

8) Ceux qui seront exclus de l'une des chambres ne peuvent plus être réelus, à moins qu'ayant été employés par le Gouvernement dans quelque place administrative ils lui aient donné des preuves de zèle et de regrets de s'être mis dans le cas précité.

9) Pour qu'ils puissent être réclus il faut que le Gouvernement leur donne une autorisation de pouvoir se présenter au nombre des candidats dans les elections des Palatinats.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ въ 1816—1828 гг.

Цесаревичъ—генералу Сипягину.

Варшава, 27-го февраля 1816 г.

Николай Мартьяновичъ. Получивъ извѣщеніе ваше, что Г. И. приказать изволилъ прислать сюда трехъ подпрапорщиковъ л.-гв. Литовскаго полка для узнанія порядку военной службы, я съ трепетомъ ихъ ожидаю и выведу весь Варшавскій гарнизонъ, чтобы палъ ницъ лицомъ передъ ними, ибо не смѣю и помыслить этого, чтобы ихъ здѣсь выучить, а развѣ у нихъ будемъ учиться, такъ какъ они были подъ мудрымъ начальствомъ и обучены у совершенныхъ знатоковъ е. с. графа Милорадовича и его превосходительства генерала Потемкина

На увѣдомленіе ваше, что у васъ приготовляются большіе парады и что надѣетесь, что моя старуха конная гвардія не отстанетъ отъ прочихъ, скажу по пословицѣ, что я тащуся на кауромъ за милостію, и такъ далѣе.

Бога ради избавьте по дальше меня отъ вашего комитета сочиненія воинскаго устава. Я отъ двухъ вещей бѣжалъ сюда изъ Петербурга за полторы тысячи верстъ: 1-й въ Мраморномъ дворцѣ пріемнаго зала и знаменной комнаты, а 2-е вашего комитета; боюсь поклоновъ и шарканіевъ и сочиненіе устава такъ, что если мнѣ сюда объ немъ будете писать, то я дальше еще за полторы тысячи верстъ убѣгу.

Будьте здоровы, сего вамъ желаетъ съ дружбою истинно васъ уважающій Константинъ.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ — г.-л. Курутѣ.

Мыза Стрѣльна, 11-го іюля 1816 г.

Дмитрій Дмитріевичъ! Скажу вамъ, что я слава Богу здоровъ, былъ вчерась въ Царскомъ Селѣ у Г. И. и пробывъ съ 7 часовъ вечера до 11, все съ Государемъ гуляли по саду и обо многомъ толковали; и вы, хотя весьма коротко знаете царскосельскій садъ, но право не узнали бы его теперь, такъ государь изволилъ его нынѣ хорошо отдѣлать. Государь изволитъ быть такъ милостивъ и ласковъ со мною, что я не могу даже нахвалится, свыше моихъ заслугъ...

Я нашелъ конную гвардію такъ и сякъ довольно изрядную и при первой съ нею встрѣчи на смотру арестовалъ нѣсколько офицеровъ; она стала для меня совсѣмъ какъ новая, даже почти никого изъ людей не знаю, которые ѣздятъ на флангахъ и большой части офицеровъ. Лошади въ конной гвардіи содержаны хорошо и въ конюшняхъ весьма чисто, сѣдлаютъ худо, но надѣюсь поправить и на дняхъ начну заниматься старухою, чтобы въ петергофскіе праздники не ударить мнѣ съ нею лицемъ въ грязь. Та бѣда, что столько разныхъ даютъ приказаній въ перемѣнахъ отъ имени Г. И., что во всемъ перепутываютъ; напротивъ сего государь самъ изволилъ мнѣ сказать, что многого совсѣмъ не приказывалъ; государю только угодно, чтобы кавалерія строилась изъ густыхъ колонъ какъ пѣхота, а тутъ было совсѣмъ кавалерію хотѣли обратить въ пѣхоту...... Въ Стрѣльнѣ я нашелъ все въ порядкѣ и чистотѣ.... Ожидая вашихъ эстафетовъ, что то будетъ отъ васъ новинкаго, считаю излишнимъ вамъ повторить увѣреніе въ моемъ къ вамъ дружескомъ, искреннемъ всегда душевномъ расположеніи, въ чемъ вы вѣрно сами не можете ни мало сомнѣваться, желаю только вамъ здоровья и всякаго благополучія.

Цесаревичъ Константинъ — генералу Сипягину.

Варшава, 3-го марта 1818 г.

Николай Мартьяновичъ. Письмо ваше минувшаго февраля отъ 20-го числа съ нынѣшней эстафетой я получилъ, за которое васъ весьма благодарю, увѣдомляя васъ, что Е. И. В. изволилъ къ намъ прибыть точно въ назначенной день, какъ я къ вамъ писалъ, но только весьма поздно: въ половинѣ пятаго часа уже утра на 1 е число марта и мы всю ту ночь не спали; а я по увѣдомленію посланнаго отъ меня на встрѣчу фельдъегеря о скоромъ прибытіи Е. И. В., со

втораго часа ночи поѣхалъ въ замокъ и тамъ дожидалъ ежеминутно Г. И.—Е. И. В. особенно весьма милостиво изволилъ меня принять и князь Петръ Михайловичъ Волконскій пересказывалъ мнѣ, что Е. И. В. во время путешествія своего сюда, въѣзжая еще въ расположеніе отдѣльнаго Литовскаго корпуса 27-й пѣхотной дивизіи, изволилъ сказать: «вотъ уже видны войска, подъ начальствомъ брата находящіяся». Я въ полной мѣрѣ чувствую сію милость Е. И. В., но при семъ случаѣ скажу: это значитъ по ногамъ какъ бы бичикомъ подхлестывать для того, чтобъ болѣе еще подпрыгивать [1]. Я таковой милостивый отзывъ ко мнѣ Е. И. В. съ благоговѣніемъ пріемлю, и готовъ сколько моихъ силъ достанетъ трудиться.

На другой день прибытія сюда Е. И. В., т. е. 1-го числа марта, разводъ былъ л.-гв. Литовскаго полка 1-го баталіона и польскихъ войскъ 2-го пѣхотнаго полка обѣихъ баталіоновъ. Е. И. В. симъ разводомъ изволилъ быть весьма довольнымъ, изволилъ объявить благодарность и изволилъ сказать: «вотъ я такого шагу не могу о сю пору еще добиться». Послѣ развода были представлены Г. И. всѣ военные генералы, штабъ и оберъ-офицеры. 2-го марта былъ разводъ л.-гв. польскаго гренадерскаго полка 1-го баталіона и обоихъ баталіоновъ польскаго-же 6-го пѣхотнаго полка. Г. И. изволилъ быть разводомъ весьма доволенъ и также изволилъ объявить благодарность.

Сколько могъ собрать вамъ на первый разъ новостей нашихъ, вотъ онѣ всѣ тутъ, а что будетъ далѣе, я васъ буду увѣдомлять, а затѣмъ весь къ вамъ всегда съ дружбою расположен. Константинъ.

Варшава, 10-го марта 1818 г.

Николай Мартьяновичъ! Письмо ваше ко мнѣ отъ 27-го февраля съ послѣднимъ эстафетомъ я получилъ, за которое вамъ весьма благодаренъ.

Высочайшее присутствіе здѣсь Г. И. насъ день ото дня восхищаетъ, и нѣтъ дня, въ который бы Е. И. В. не изволилъ изъявлять своего удовольствія... но особенно... еще вамъ скажу, что въ минувшую пятницу, по католическому закону страстной недѣли, разводъ былъ безъ барабановъ и музыки; шли по взводно и по рядямъ скорымъ и тихимъ шагомъ весьма хорошо, а объ кавалерійскомъ вводѣ

[1] Подобныя выраженія часто встрѣчаются въ перепискѣ Цесаревича Константина Павловича, напр. письмо его къ Новосильцеву:

Стрѣльна, 11-го іюля 1816 г.

„Государь изволитъ особенною своею ко мнѣ ласкою какъ будто бичемъ погонять, чтобы я болѣе еще старался хлопотать".

(„Рус. Старина", 1872 г. томъ V).

польскаго гвардейскаго конно-егерскаго полка Е. И. В. изволилъ сказать: «C'est l'idéal de la cavalerie».

Весьма бы желалъ и впредь сообщать вамъ такія же пріятныя новости—въ полной мѣрѣ будучи увѣренъ, что вы принимаете въ оныхъ участіе—если бы мы были такъ счастливы, чтобы и далѣе все такъ было хорошо; но по крайней мѣрѣ по сіе время Богъ милуетъ и худаго еще ничего не случилось.

Всегда съ истинною дружбою къ вамъ расположенный Константинъ.

ГРАФЪ АРАКЧЕЕВЪ—ЦЕСАРЕВИЧУ КОНСТАНТИНУ ПАВЛОВИЧУ.

Грузино, 15-го октября 1820 г.

В. и. в—ство всемилостивѣйшій государь! Позвольте обезпокоить в и. в. симъ моимъ письмомъ, дабы изъявить чувства моей безпредѣльной и душевной благодарности за всѣ Ваши, оказанныя мнѣ, милости во время моего пребыванія въ Варшавѣ, которыя останутся во всю мою жизнь въ душѣ моей незабвенны.

Я ежедневно молю Бога о сохраненіи Вашего здоровья, которое нужно для нашего отечества, ибо в вы—ство, всемилостивѣйшему нашему Государю Императору усердною Вашею службою, дѣлается первѣйшимъ Его помощникомъ, такъ что всякій изъ насъ вѣрноподданный долженъ у Васъ оному учиться и перенимать.

По дозволенію в и. в—ства, осмѣливаюсь послать книгу, содержащую въ себѣ рисунки мундировъ бывшихъ въ арміи во время блаженныя памяти покойнаго Императора Павла Петровича, Вашего Родителя и моего милостиваго отца и благодѣтеля.

Я всегда почитаю себя счастливымъ, когда в. и. в—ство осчастливливаете меня какими Вашими приказаніями, которыя я съ душевнымъ удовольствіемъ исполняю. В. и. в—ства вѣрноподданный графъ Аракчеевъ.

ЦЕСАРЕВИЧЪ КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ—ГРАФУ АРАКЧЕЕВУ.

Варшава, 7-го (19) ноября 1820 г.

Спѣшу принесть в. с. искреннюю мою благодарность за почтенное письмо ваше отъ 15-го октября, которое сегодня имѣлъ честь получить; равномѣрно и за чувства в. с. ко мнѣ, будучи увѣрены, что я ихъ въ полной мѣрѣ принимаю и цѣнить умѣю. Лестное мнѣніе в. с. на образъ служенія моего, пріемлю особеннымъ знакомъ вашей ко мнѣ дружбы. Исполнять свой долгъ съ преданностію къ Вы-

сочайшей особѣ Вс—го нашего Г. И., есть для меня священною обязанностію, отъ которой никогда и ни въ какомъ случаѣ не отступлю, покуда силы мои дозволятъ. Благодарность и преданность моя къ нему останется со мною по гробъ. В. с. чувства сіи понимать изволите, доказавъ во многихъ случаяхъ оные, а потому излагаю ихъ предъ вами съ чистосердечностію. Снисхожденіе в. с. къ трудамъ моимъ, въ здѣшнемъ краю, пріемлю какъ новый опытъ вашего усердія ко мнѣ. Книгу-рисунокъ имѣлъ я честь при письмѣ в. с. получить, за которую весьма благодарю и въ скоромъ времени возвращу. У насъ, слава Богу, все смирно и служба идетъ по старому. Рекрутскій наборъ начался, а съ онымъ новые труды и работа; дай Богъ успѣху!—въ отставку вышло до 3,000 человѣкъ

Позвольте старому вашему подчиненному въ концѣ письма его просить в. с. принять увѣреніе его въ истинномъ къ вамъ почтеніи, уваженіи и дружбѣ, съ которою останусь навсегда в. с. усерднѣйшій Константинъ Цесаревичъ.

Варшава, 1-го (13) февраля 1821 г.

Графъ Алексѣй Андреевичъ! Съ послѣднимъ фельдъегеремъ изъ Лейбаха, имѣлъ я честь получить почтенное письмо в. с., пущенное изъ С.-Петербурга отъ 31-го прошлаго декабря, за которое, равномѣрно какъ и за печатныя копіи высочайшихъ рескриптовъ покойнаго Государя Императора, спѣшу принести в. с. искреннюю мою благодарность и признательность. Читалъ я сіи рескрипты съ любопытствомъ, и чтеніе сіе перенесло меня за 20 лѣтъ назадъ, представя тѣ времена какъ бы настоящими [1]). Позвольте мнѣ в. с. просить васъ принять отъ меня взаимное поздравленіе съ наступившимъ Новымъ Годомъ и пожелать вамъ отъ души всѣхъ счастій и благополучій, оставаясь увѣренъ, что в. с. не сумнѣваетесь въ моемъ къ вамъ расположеніи и въ искренности моихъ желаній.

У насъ здѣсь слава Всевышнему все спокойно и благополучно. Усердіе въ войскѣ и стараніе угодить Государю всеобщее. Что же касается до политическихъ мыслей большаго свѣта, объ томъ я умалчиваю; в. с., поживъ съ нами, его видѣли сами. Дай Боже мнѣ обмануться; но мѣры нужны самыя дѣятельныя, чтобъ прекратить зло въ самомъ его началѣ и корнѣ. Въ протчемъ мнѣ сдается, что сіе

---

[1]) Рескрипты императора Павла Петровича къ Алексѣю Андреевичу Аракчееву напечатаны въ „Русской Старинѣ" изд. 1873 г. т. VII, стр. 477—490. Это перепечатка весьма рѣдкой брошюры, изданной самимъ Аракчеевымъ въ 1821 году въ іюнѣ мѣсяцѣ. Ред.

зараженіе умовъ есть генеральное и замѣчено не только здѣсь, но и повсюду. Прошу в. с. принять въ концѣ письма сего увѣреніе искренняго моего къ вамъ почтенія и уваженія, съ которымъ есть навсегда вашъ усерднѣйшій Константинъ Цесаревичъ.

Варшава, 11-го февраля 1821 г

Графъ Алексѣй Андреевичъ! Видя изъ письма в. с. къ г.-л. Курутѣ, что вамъ угодно имѣть такой же станокъ для литографіи, какой изволили видѣть въ Главномъ Штабѣ Е. И. В. отъ меня доставленный, я, находя всякій случай, въ которомъ могу сдѣлать угодное в. с., для меня пріятнымъ, приказалъ сдѣлать здѣсь точно таковой же станокъ, который по изготовленіи и будетъ немедленно отправленъ къ в. с. Пользуясь симъ случаемъ, прошу в. с. принять увѣреніе всегдашняго моего къ вамъ особеннаго почтенія и уваженія.

ГРАФЪ АРАКЧЕЕВЪ—ЦЕСАРЕВИЧУ КОНСТАНТИНУ.

С.-Петербургъ, 31-го января 1822 г

В. И. В! Милостивый Вашъ подарокъ, литографической станокъ, мною полученъ, и онъ на всю мою жизнь будетъ мнѣ напоминать милостивое Ваше вниманіе къ старому слугѣ покойнаго Вашего родителя. Примите сію истинную благодарность отъ вѣрнопреданнаго вашего высочества преданнаго. В—го и. вы—ства вѣрноподданный графъ Аракчеевъ.

ЦЕСАРЕВИЧЪ КОНСТАНТИНЪ—ѲЕДОРУ ПЕТРОВИЧУ ОПОЧИНИНУ.

Варшава, 6-го февраля 1825 г.

По слухамъ, какъ здѣсь носится, будетъ у насъ собраніе вкупѣ князей Людстихъ (т. е. Сеймъ), а какъ вы хотѣли оной видѣть и обѣщались для того пріѣхать, то потому неугодно ли вамъ будетъ пожаловать сюда, чтобы по совершеніи вмѣстѣ на страстной недѣлѣ христіанскихъ требъ, ожидать совокупно и нашествіе князей здѣсь Людстихъ—на что, во ожиданіи вашего увѣдомленія, есмь всегда съ дружбою къ вамъ расположенной. Константинъ.

КНЯЗЬ ВОЛКОНСКІЙ—ЦЕСАРЕВИЧУ КОНСТАНТИНУ ПАВЛОВИЧУ.

Парижъ, 24-го мая (5 іюня) 1825 г.

В. и. выс—тво! По возвращеніи моемъ изъ Реймса имѣлъ счастіе получить въ одно время три всемилостивѣйшіе рескрипта в. и. выс—тва, одинъ отъ 17-го марта съ приложеніемъ правилъ о движеніяхъ фурштатскаго баталіона, другіе два отъ 23-го и 29-го апрѣля съ журналами о происходящемъ въ Варшавѣ по военной части.

Упадая къ стопамъ в. и. выс—тва, не нахожу словъ къ изъясненію моей наичувствительнѣйшей благодарности за таковую отличную милость, и воспоминаніе обо мнѣ во время столь многочисленныхъ занятій Вашихъ, особенно во время Высочайшаго присутствія Е. И. Величества въ Варшавѣ. Сей новый опытъ всемилостивѣйшаго благоволенія в. и. выс—тва никогда не изгладится изъ памяти моей, и всячески буду стараться заслужить оный.

Усмотрѣвъ изъ журнала, что ея свѣтлость княгиня Ловичская получила орденъ св. Екатерины 1-й степени, осмѣливаюсь принесть всеусерднѣйшее мое поздравленіе, какъ в. и. выс—тву, такъ и ея сіятельству.

Касательно изъявленныхъ Высочайшихъ Е. И. В. благоволеній за отличное устройство предводительствуемыхъ в. и. выс—твомъ войскъ, я напередъ былъ увѣренъ, что Г. И. изволятъ быть оными совершенно доволенъ, потому что нѣтъ нигдѣ подобной точности во всѣхъ отношеніяхъ, какъ въ сихъ войскахъ, доведеніе коихъ до таковой степени совершенства единственно принадлежитъ, безъ всякой лести, трудамъ неусыпнымъ и искусству в. и. высочества.

Позвольте при семъ случаѣ донести в. и. выс—тву, вкратцѣ о происходившемъ въ Реймсѣ.

16-го (28) мая Е. В. король французскій имѣлъ тріумфальный въѣздъ въ Реймсъ въ богатой бронзовой каретѣ, заложенной 8-ю лошадьми, предшествуемый пятью отрядами изъ пяти ротъ гренадеровъ, и послѣдуемый эскадронами гвардіи кирасировъ, конныхъ гренадеровъ, конныхъ егерей, гусаровъ, улановъ и gendarmerie d'élite, каждыхъ по одному эскадрону. Пѣхота разставлена была шпалеромъ отъ тріумфальныхъ воротъ по улицамъ до собора, и состояла изъ 16-ти баталіоновъ гвардейскихъ и линейныхъ полковъ, по одному баталіону изъ каждаго полка. Въ кавалеріи было не по 16, но только по 9 рядовъ, а въ пѣхотѣ: въ гвардіи не по 36, но по 20, въ линейныхъ полкахъ не по 29, но по 19 и 18 рядовъ во взводѣ. Вой-

ска гвардейскія были одѣты чисто и довольно ровно, линейныя же посредственно, а болѣе худо. Во время марша вообще всѣ равнялись весьма дурно, взводы находили одинъ на другой и останавливались. Въ гусарахъ послѣдніе скакали въ карьеръ, чтобы догнать переднихъ. Въ артиллеріи орудія, лафеты, принадлежность и упряжь не были вычищены, и даже грязны.

Первой батареи орудія были поставлены столь близко къ шоссе, что лошади кареты Е. В. испугались выстрѣловъ и несли весьма долго, такъ что съ трудомъ могли удержать эскортомъ лошадей; другая карета, ѣхавшая въ слѣдъ за королевскою, была опрокинута, и сидѣвшіе въ оной камеръ юнкеры Duc de Damas, Duc d'Aumont, генералъ Curial и гофмаршалъ графъ Коссэ—были всѣ ушиблены, Damas и Curial довольно опасно.

Е. В., пересѣвъ подъ городомъ въ парадную карету, изволилъ пріѣхать прямо въ соборъ, гдѣ былъ встрѣченъ духовенствомъ и слушалъ вечерню. Соборъ былъ убранъ великолѣпно и съ большимъ вкусомъ въ готическомъ видѣ. Посреди церкви поставленъ былъ на возвышеніи тронъ подъ тріумфальной аркою въ греческомъ вкусѣ.

17-го (29) по утру, въ 7 часовъ съ половиною, король изволилъ придти съ церемоніей въ соборъ. Потомъ началась служба мѵропомазанія и коронованія, послѣ того обѣдня. Церемонія была великолѣпна, съ большимъ порядкомъ, и продолжалась до половины двѣнадцатаго часа. По возвращеніи изъ собора король изволилъ кушать на тронѣ, въ той же залѣ за другими столами обѣдали всѣхъ дворовъ послы, депутація перовъ и нижней камеры, имѣя всѣ шляпы на головахъ.

18-го (30) по утру, въ 10 часовъ, было поздравленіе королю отъ дипломатическаго корпуса и разныхъ сословій королевства. По полудни, въ часъ, была вечерняя въ соборѣ, послѣ которой былъ пріемъ кавалеровъ ордена св. Духа.

19-го (1 іюня) по утру король изволилъ ѣздить верхомъ въ церковь св. Реми и въ лагерь, гдѣ былъ смотръ войскамъ, кои проходили церемоніальнымъ маршемъ, потомъ Е. В. ѣздилъ на загородное гулянье, гдѣ подносимы были королю разныя произведенія фабрикъ, находящихся въ Шампаніи.

20-го (2) Е. В. возвратился ночевать въ Компьенъ, откуда изволилъ прибыть въ Парижъ 25-го (6) и будетъ имѣть тріумфальный въѣздъ прямо въ Notre Dame.

Потомъ начнутся разныя празднества и будутъ продолжаться до 23-го іюня, послѣ коихъ я надѣюсь отсюда отправиться, и остановлюсь нѣсколько времени у водъ въ Бадъ-Баденѣ. Потомъ надѣюсь имѣть счастіе въ Варшавѣ лично принесть в. и. выс—тву мою наи-

чувствительнѣйшую благодарность за всѣ Ваши милости ко мнѣ, въ числѣ коихъ осмѣливаюсь испрашивать еще одну, позвольте мнѣ остановиться въ Варшавѣ во дворцѣ въ прежнихъ комнатахъ, или въ другихъ какихъ угодно будетъ мнѣ назначить.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ имѣю счастіе быть в. и. высочества, всепреданнѣйшій слуга князь Петръ Волконской.

ГРАФЪ АРАКЧЕЕВЪ—ЦЕСАРЕВИЧУ КОНСТАНТИНУ ПАВЛОВИЧУ.

С.-Петербургъ 9-го апрѣля 1826 г.

В. и. выс—тво, всем. г—рь цесаревичъ. Получа при письмѣ вашемъ отъ 25-го марта воинскаго устава пѣшей артиллерійской службы второй томъ съ планами къ оному принадлежащими, я изъ онаго увидѣлъ, что в. и. выс—ство помните обо мнѣ, убитомъ старикѣ, бывшемъ вѣрномъ слугѣ родителя и Августѣйшему брату вашему.

Я принимаю сію вашу милость продолженіемъ ко мнѣ милостей моего отца и Благодѣтеля въ Бозѣ почивающаго Благословеннаго Александра Павловича, который находясь нынѣ, по праведной своей жизни у престола Славы Божіей, упросилъ Господа Бога вложить сію милостивую мысль в. им. выс—тву, чѣмъ самымъ облегчили хотя нѣсколько страждущую мою душу, находящуюся нынѣ въ такомъ положеніи, что ни днемъ ни ничью не имѣетъ покою.

Всѣ пользующіе меня врачи, единогласно объявили мнѣ одно средство испытать Карльсбатскія воды, куда я въ первыхъ числахъ наступающаго мая намѣренъ отправиться.

Продолжайте, всемилостивѣйшій г—рь, ко мнѣ несчастному вашу милость, которую я нѣкогда при жизни моего отца и Благодѣтеля Александра Павловича пользовался отъ в. и. выс—тва.

Съ глубочайшимъ душевнымъ высокопочитаніемъ останусь до конца моей жизни, в. и выс—тва вѣрноподданный слуга графъ Аракчеевъ [1]).

---

[1]) 9-го же апрѣля графъ Аракчеевъ во всеподданнѣйшемъ письмѣ испрашивалъ заграничный отпускъ. Письмо это было напечатано въ Чт. въ Импер. Общ. Ист и Др. Рос. 1871 г. Въ немъ графъ Аракчеевъ доносилъ Государю, что онъ оставляетъ наличныхъ денегъ въ военныхъ поселеніяхъ болѣе 32 милліоновъ рублей. Словами: „Всемірный Судія, грядущее время и потомство изречетъ всему справедливый приговоръ“, оканчиваетъ графъ свое оправдательное посланіе. Ред.

ЦЕСАРЕВИЧЪ КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ – ГРАФУ АРАКЧЕЕВУ.

Варшава, 23 го апрѣля 1826 г.

Я имѣлъ честь получить почтеннѣйшее письмо в. с. отъ 9-го сего апрѣля и обращаясь съ истинною моею за оное благодарностію и за изъясненныя чувства ко мнѣ, въ которыхъ я никогда не сомнѣвался, съ моей же стороны скажу, что мы оба съ вами служили блаженной памяти Государю батюшкѣ и Государю Императору Александру Павловичу Благодѣтелямъ нашимъ и пользовались милостію и довѣренностію ихъ, и оба уже такъ стары, чтобы могли перемѣниться, слѣдовательно остается только просить васъ быть въ полной мѣрѣ увѣреннымъ во всегдашнемъ моемъ къ вамъ особенномъ почтеніи и уваженіи.

Отмѣтка Государя Императора Николая Павловича: «Покорнѣйше благодарить».

ЦЕСАРЕВИЧЪ КОНСТАНТИНЪ—ГЕН.-АД. БАР. ДИБИЧУ.

Varsovie le 19 Juin (1 Juillet) 1826.

Mon cher Général, comformément au contenu de Votre lettre du 5 Juin, j'adresse à S. M. I. & R., mes notes sur les Généraux de l'armée Royale Polonaise. Ces notes redigées dans la forme de celles que Vous avez vues dans le temps, sont entièrement neuves et analogues à l'opinion que depuis 12 ans j'ai été à portée de recueillir sur le compte de chacun d'eux; les anciennes étaient pour la plupart devenues sans application par les mutations et changements survenus dans l'intervalle.—J'inclus ici ce travail et vous prie de le présenter à S. M. I. & R.

Croyez, mon cher général, à l'ancien et invariable attachement que je vous porte. Constantin.

ЦЕСАРЕВИЧЪ КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ—ГЕН.-АДЪЮТ. БАРОНУ ДИБИЧУ.

Варшава, 19-го іюня (1-го іюля) 1826 г.

[Переводъ]. Любезный генералъ, согласно содержанію письма вашего отъ 5-го іюня, я представляю его императорскому и королевскому величеству мои замѣтки о генералахъ польской королевской арміи. Замѣтки эти составлены по образцу тѣхъ, которыя вы нѣкогда видѣли; онѣ составлены заново по тѣмъ мнѣніямъ, какія я

составилъ себѣ въ послѣдніе 12-ть лѣтъ, о каждомъ изъ нихъ; прежнія замѣтки сдѣлались по бо̀льшей части непримѣнимы вслѣдствіе тѣхъ перемѣнъ и измѣненій, какія произошли въ этотъ промежутокъ времени. Прилагаю при семъ этотъ отчетъ и прошу васъ представить оный его императорскому и королевскому величеству.

Будьте увѣрены, любезный генералъ, въ моемъ всегдашнемъ расположеніи къ вамъ. Константинъ.

Примѣчаніе: На верху отмѣтка императора Николая: «Покорнѣйше благодарить».

ЗАМѢТКИ О ГЕНЕРАЛАХЪ ВСѢХЪ ЧИНОВЪ, СЛУЖАЩИХЪ ВЪ ПОЛЬСКО-КОРОЛЕВСКОЙ АРМІИ, ПО ПОРЯДКУ СПИСКА.

19-го іюня (1-го іюля) 1826 г.

[Переводъ съ французскаго]. Заіончекъ, генералъ отъ инфантеріи, намѣстникъ королевства. Старикъ достойный и почтенный во всѣхъ отношеніяхъ; онъ старъ и разбитъ и вѣроятно не проживетъ долго; смерть его была бы настоящей потерей для государства и его трудно было бы замѣнить; человѣкъ преданный, онъ имѣлъ одну мысль исполнить волю покойнаго императора.

Рожнецкій, дивизіонный генералъ, начальникъ кавалеріи. Ревностный, умный, весьма способный, строгій на службѣ, добросовѣстный исполнитель даваемыхъ ему приказаній. Онъ создалъ и поддерживаетъ польскую кавалерію и жандармовъ. Сверхъ того человѣкъ весьма умный, свѣдущій и незамѣнимый по части свѣдѣній, доставляемыхъ высшей полицейской властью, которыя неоднократно доводились мною до свѣдѣнія покойнаго императора, и всегда оказывались согласными съ строжайшей правдою. Свѣдѣнія, доставленныя имъ, открыли глаза покойнаго императора на демагогическіе происки въ Швейцаріи и Германіи. Я воспользовался бы его услугами на войнѣ съ большимъ довѣріемъ [1]).

---

[1]) Разсказывалъ намъ покойный членъ Государ. Совѣта П. А. Мухановъ, близко знавшій Рожнецкаго, что тотъ весьма экономно относился къ передаваемымъ ему отъ правительства деньгамъ на оплату сыщиковъ. Имъ, Рожнецкимъ, установлена была такса за извѣстнаго рода сообщенія: при чемъ за тѣ извѣстія, о которыхъ у него уже были нѣкоторыя свѣдѣнія, платилось скудно. Является бывало еврей-шпіонъ и докладываетъ Рожнецкому по видимому совершенное новое свѣдѣніе; но у генерала за замаскированнымъ отверстіемъ сидѣлъ обыкновенно въ сосѣдней комнатѣ—секретарь, который моментально записывалъ показаніе шпіона и тотъ, при получкѣ въ тотъ же день гонорара, — узнавалъ, что онъ, шпегъ, имѣетъ право только на гонораръ низшей таксы, такъ какъ извѣстіе его не оказывалось совершенно свѣжимъ, перваго, по новизнѣ своей, достоинства. Ред.

Красинскій, Исидоръ, дивизіонный генералъ, командующій второй пѣхотной дивизіей.

Не отличается особенными способностями и познаніями; человѣкъ честный и прекрасный дивизіонный командиръ; весьма ревностный къ службѣ, всегда старающійся быть исполнительнымъ; при хорошемъ начальникѣ штаба онъ будетъ хорошъ по службѣ. Чрезвычайно храбрый на войнѣ, дѣйствуя всегда съ отвагою, онъ всегда на мѣстѣ и исполняетъ въ точности данныя ему приказанія.

Гауке, дивизіонный генералъ, начальникъ артиллеріи и инженернаго корпуса, исполняющій должность военнаго министра и главный квартирмейстеръ. Моя правая рука во всѣхъ отношеніяхъ; преданный, честный, умный, строгій и заботящійся лишь о пользѣ службы. Онъ заслужилъ во всѣхъ отношеніяхъ уваженіе Его Величества, покойнаго императора. Служа постоянно при штабахъ, онъ былъ всегда по службѣ на хорошемъ счету. Покойный государь самъ, безъ всякаго посторонняго намека, обратилъ на него вниманіе, расчитывая замѣстить имъ намѣстника, въ случаѣ кончины послѣдняго.

Красинскій, Викентій, графъ, дивизіонный генералъ, командующій резервнымъ корпусомъ. Умный, свѣдущій; весьма усердный, очень хорошъ на войнѣ; его услугами часто пользовался Наполеонъ; онъ весьма способенъ къ маневрамъ, и скоро усваиваетъ ихъ цѣль и общій планъ. Впрочемъ онъ мотъ, подъ часъ довольно сумасбродный, чрезвычайно кичится званіемъ корпуснаго командира; съумѣлъ заслужить довѣріе подчиненныхъ. Изъ генераловъ, я не желалъ бы имѣть лучше его.

Потоцкій, Станиславъ, дивизіонный генералъ, начальникъ 1-й пѣхотной дивизіи. Прекрасный офицеръ, въ военное и въ мирное время; онъ заботится много о своихъ солдатахъ и хорошо знаетъ свою дивизію. Человѣкъ способный, старательный, ревностный, но, къ несчастію, подчиняется женѣ, которая держитъ его въ рукахъ и много позволяетъ себѣ. Самъ же онъ порядочный болтунъ; впрочемъ годенъ на всякую должность.

Аксамитовскій, бригадный генералъ, состоящій по арміи Половина тѣла отнята у него параличемъ; это человѣкъ ничтожный, пользующійся относительно честности весьма сомнительной репутаціей. Онъ никогда не служилъ при мнѣ.

Бѣганскій (Bieganskу) бригадный генералъ. Начальникъ коммисаріата. Отличается по службѣ большою честностью; знакомъ со своей частью до малѣйшихъ подробностей.

Жолтовскій, бригадный генералъ, начальникъ 1-й бригады и 2-й пѣхотной дивизіи. Не отличается особеннымъ умомъ и позна-

ніями, прекрасный фронтовой офицеръ и весьма храбрый на войнѣ, въ которой онъ безпрестанно участвовалъ. Порядокъ въ его бригадѣ не оставляетъ желать ничего лучшаго.

Коссецкій, бригадный генералъ, conseiller secrètaire d'Etat. Служилъ весьма недолго подъ непосредственнымъ моимъ начальствомъ, при новомъ управленіи; однако и до меня доходили всегда лестные отзывы о его военныхъ заслугахъ. Что же касается исполненія имъ обязанностей по государственному совѣту, при намѣстникѣ, то въ этомъ отношеніи объ немъ долженъ представить вашему императорскому и королевскому величеству отчетъ самъ намѣстникъ.

Грабовскій, Степанъ, графъ, бригадный генералъ, министръ-статсъ-секретарь. Я былъ постоянно доволенъ этимъ генераломъ, когда онъ служилъ подъ моимъ начальствомъ въ качествѣ начальника бригады и затѣмъ въ чинѣ статскаго совѣтника былъ директоромъ военной коммисіи. Трудно представить себѣ въ человѣкѣ соединеніе болѣе драгоцѣнныхъ качествъ. Въ настоящее время ваше императорское и королевское величество имѣете возможность сами оцѣнить его по заслугамъ. Покойный императоръ, которому я предложилъ назначить его на мѣсто графа Соболевскаго, часто высказывалъ мнѣ свое удовольствіе по поводу этого выбора.

Вейсенгофъ, бригадный генералъ, начальникъ уланской дивизіи. Человѣкъ умный, съ познаніями, прекрасный офицеръ. Дивизія его находилась всегда въ такомъ порядкѣ, который не оставлялъ желать ничего лучшаго. Весьма храбрый на войнѣ и прекрасный офицеръ въ мирное время, онъ отлично знаетъ свою дивизію. Онъ вездѣ на своемъ мѣстѣ.

Сѣравскій (Sierawski), бригадный генералъ, состоитъ по арміи. Хорошій честный человѣкъ, но слабый характеромъ, что вынудило меня лишить командованія надъ отдѣльными частями, которыя ввѣрялись ему. На войнѣ онъ дѣйствовалъ удачно. Его можно употреблять въ военное время для формированья резервовъ; на эту должность онъ былъ предназначенъ покойнымъ императоромъ.

Раутенштраухъ, бригадный генералъ, дежурный генералъ, Conseiller d'Etat, главный директоръ военной коммисіи. Соединяетъ въ себѣ всѣ качества и познанія, которыя дѣлаютъ военнаго человѣка пригоднымъ къ канцелярской и къ фронтовой службѣ. Генералъ этотъ способенъ обнять всю сущность дѣла и въ тоже время въ состояніи войти въ мельчайшія его подробности; поэтому въ какой бы части его не употребили, нѣтъ той должности, въ которой онъ не могъ бы служить съ отличіемъ. Политика, администрація, ничто

не чуждо ему. Словомъ. это человѣкъ замѣчательно способный и безупречнаго характера.

Круковецкій. бригадный генералъ, начальникъ 2-й бригады 1-й пѣхотной дивизіи. Человѣкъ въ высшей степени вѣтренный во всѣхъ отношеніяхъ. Прекрасный фронтовый и военный офицеръ, весьма способный. Онъ въ состояніи забыться каждую минуту, если ему дана будетъ воля; его необходимо держать въ рукахъ и не спускать ему ни малѣйшей бездѣлицы. Онъ можетъ быть весьма полезенъ, если его будутъ держать строго;но при малѣйшемъ снисхожденіи онъ можетъ сдѣлаться вреднымъ; человѣкъ хвастливый, пускается съ офицерами во всевозможные неумѣстные разговоры. Вспыльчивъ до крайности, онъ не помнитъ себя во время гнѣва; охотникъ до ссоръ; и такъ повторяю, что его можетъ сдержать лишь боязнь строгаго взысканія, если вмѣстѣ съ тѣмъ съ нимъ обращаются съ величайшимъ хладнокровіемъ. Бригада его, одна изъ лучшихъ въ арміи, содержится въ такомъ порядкѣ, который не оставляетъ ничего желать, тѣмъ болѣе, что ему содѣйствуютъ въ этомъ случаѣ полковые командиры.

Клицкій, бригадный генералъ. начальникъ дивизіи конныхъ егерей. Дивизія его содержится въ порядкѣ, заслуживающемъ величайшей похвалы. Прекрасный офицеръ въ военное и въ мирное время. Покойный принцъ Евгеній Богарне обязанъ ему бо̀льшей частью своей славы во время войны 1812 г. Это человѣкъ вполнѣ достойный, храбрый и благородный. но, къ несчастью, болѣзненный. Ему можно поставить въ упрекъ лишь слишкомъ большую снисходительность къ подчиненнымъ, доходящую иногда до слабости; это происходитъ оттого, что онъ считаетъ людей такими, какими они должны быть, а не такими, каковы они есть. Онъ превосходенъ на маневрахъ и замѣчательно уменъ.

Курнатовскій, бригадный генералъ, начальникъ 2-й бригады конно-гвардейской дивизіи. Это олицетворенное усердіе, честность, преданность, желаніе сдѣлать все какъ можно лучше, однимъ словомъ, служа со мною двѣнадцать лѣтъ, онъ былъ всегда одинаково хорошъ по службѣ. Заслуживъ похвалу или получивъ выговоръ за какую нибудь оплошность по службѣ. случившуюся въ ввѣренной ему части, онъ никогда не терялъ отъ этого энергіи, а напротивъ дѣйствовалъ по видимому еще съ бо̀льшимъ усердіемъ. Одаренный рѣдкимъ духомъ субординаціи, онъ съумѣлъ заслужить любовь и уваженіе своихъ начальниковъ и подчиненныхъ. Бригада его содержится въ полнѣйшемъ порядкѣ и Гродненскій гвардейскій гусарскій полкъ, принадлежащій къ этой бригадѣ, обязанъ ему своимъ положеніемъ.

Цыхотскій (Cichocki) бригадный генералъ, начальникъ 3-й бригады 1-й пѣхотной дивизіи, человѣкъ храбрый, достойный и честный; онъ получилъ весьма серьезную рану въ голову, вслѣдствіе чего почти совсѣмъ оглохъ. Это генералъ весьма усердный, искренно желающій исполнять свои обязанности какъ можно лучше, но не одаренъ особенными способностями. Бригада его содержится въ примѣрномъ порядкѣ и можетъ считаться одною изъ лучшихъ въ арміи.

Пшебендовскій, (Przebendowski) бригадный генералъ, начальникъ 1-й бригады 1-й конно-егерской дивизіи. Порядочный хвастунъ и болтунъ; хорошъ на войнѣ, знаетъ службу довольно хорошо, усерденъ, но не особенно способенъ отъ природы. Бригада его находится въ довольно удовлетворительномъ порядкѣ.

Редель, бригадный генералъ, начальникъ пѣшей артиллеріи. Прекрасный офицеръ, выказавшій себя съ хорошей стороны во время войны. Хорошо знаетъ свою часть, очень старателенъ, желаетъ всегда исполнить все какъ можно лучше; ничего не упускаетъ изъ вида. Такъ какъ онъ хворалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, то онъ не могъ тогда проявить такой дѣятельности, какъ послѣ своего выздоровленія. Обѣ бригады пѣшей артиллеріи, состоящія подъ его командой, находятся въ прекрасномъ положеніи.

Маллетскій (Malletski), бригадный генералъ, начальникъ инженеровъ. Человѣкъ съ большими достоинствами по своей части, рѣдкаго ума, примѣрной честности; это настоящій подарокъ, сдѣланный Польшѣ покойнымъ императоромъ французовъ; видно, что это былъ его выборъ; кромѣ того онъ замѣчателенъ спокойнымъ характеромъ и невозмутимымъ хладнокровіемъ; никогда не вмѣшивается въ дѣла, не касающіяся его части.

Потоцкій, Антонъ, бригадный генералъ, начальникъ 2-й бригады дивизіи конныхъ егерей. Не отличается ни способностями, ни умомъ; впрочемъ онъ исполняетъ свои обязанности, не заслуживая замѣчаній. Бригада его въ прекрасномъ состояніи, такъ какъ ему дѣятельно помогаютъ полковые командиры.

Жимирскій (Zymirski) бригадный генералъ; начальникъ 1-й бригады гвардейской пѣхотной дивизіи. Лучшій изъ моихъ пѣхотныхъ офицеровъ. Въ теченіи двѣнадцати лѣтъ, которыя онъ служитъ подъ моимъ начальствомъ, онъ былъ моей правой рукою въ исполненіи всѣхъ приказаній, отданныхъ ему мною; его строгость и разборчивость въ дѣйствіяхъ могутъ назваться примѣрными. Его полкъ, а равно и саперы содержатся въ совершенномъ порядкѣ, точно также какъ и его бригада. Онъ одаренъ рѣдкимъ умомъ и способностью;

заслужилъ уваженіе начальства и подчиненныхъ и можетъ служить примѣромъ умѣнья поддерживать дисциплину среди офицеровъ.

Новицкій, бригадный генералъ, главный секретарь военной коммисіи. Весьма свѣдущій по своей части; работаетъ хорошо, но вмѣстѣ съ тѣмъ настоящая кумушка въ мужскомъ платьѣ.

Блумеръ, бригадный генералъ, начальникъ 2-й бригады 2-ой пѣхотной дивизіи. Прекрасный офицеръ въ военное и мирное время. При Тарутинѣ, бывши въ чинѣ полковника, онъ спасъ остатки арміи[1]), явившись съ прикрытіемъ и остановивъ преслѣдованіе. Человѣкъ весьма честный, надежный; онъ назначался мною неоднократно въ весьма трудныхъ и щекотливыхъ случаяхъ въ судъ, на слѣдствія и въ военные совѣты и всегда дѣйствовалъ честно, осмотрительно и искусно, не щадя никого, не исключая самаго себя, всегда равнодушный къ тому, что называютъ обыкновенно общественнымъ мнѣніемъ. Генералъ этотъ пользуется полнымъ моимъ довѣріемъ; порядокъ, въ какомъ содержится его бригада, не оставляетъ желать ничего лучшаго.

Гельгудъ (Gielgud) бригадный генералъ, начальникъ 1-й бригады 1-ой пѣхотной дивизіи. Весьма старательный, но не особенно опытный, онъ никогда не участвовалъ въ сраженіяхъ, такъ какъ въ самомъ началѣ своей службы, въ концѣ 1812 и началѣ 1813 гг., ему пришлось сидѣть въ Модлинѣ. Весьма усердный и всегда старается быть исправнымъ. Его бригада одна изъ лучшихъ въ арміи.

Сухоржевскій (Suchorzewski) бригадный генералъ. Начальникъ 1-й бригады уланской дивизіи. Превосходнѣйшій офицеръ въ военное и мирное время, много разъ участвовалъ въ сраженіяхъ и всегда съ отличіемъ. Этотъ кавалерійскій офицеръ заботится о пользѣ службы, не упуская и малѣйшихъ подробностей; это олицетворенное усердіе и желаніе быть всегда исправнымъ. Бригада его безспорно лучшая во всей кавалеріи.

Принцъ Адамъ Виртембергскій, бригадный генералъ, начальникъ 2-й бригады уланской дивизіи. Олицетворенное усердіе, старательность и преданность; всегда при исполненіи своихъ обязанностей и отличный въ бою. Рѣдкій примѣръ, чтобы Германскій принцъ, не тщеславясь своимъ родомъ и званіемъ, служилъ бы какъ послѣдній разночинецъ, какъ будто отъ этого зависитъ его состояніе. Бригада его въ наилучшемъ порядкѣ.

Моравскій, бригадный генералъ, начальникъ 3-й бригады 2-й пѣхотной дивизіи. Весьма старательный, усердный, старающійся всегда быть исправнымъ, съ честью участвовавшій въ войнѣ, немного

---

[1]) Конечно французской „великой“ арміи. Ред.

неопытенъ для маневровъ; вообще человѣкъ вполнѣ благородный, надежный и честный; онъ годенъ на всякое дѣло. Бригада его очень хороша.

Бонтанъ (Bontemps) бригадный генералъ, начальникъ матеріальной части артиллеріи (comand. le matériel d'artillerie). Чрезвычайно умный и проницательный офицеръ; хорошо знакомый съ научной, теоретической и практической частью артиллеріи, смѣло рѣшающій всякіе вопросы. Съ этими военными качествами онъ соединяетъ чрезвычайную обходительность и доступность. Онъ былъ избранъ покойнымъ императоромъ французовъ, пославшимъ его въ Польшу. По артиллеріи это моя правая рука. Онъ всегда умѣлъ заслужить величайшее довѣріе начальства.

Даревскій, бригадный генералъ, главный директоръ военной коммисіи. Весьма честный человѣкъ, чрезвычайно умный и дѣятельный; онъ часто бывалъ въ дѣлѣ и также нерѣдко занималъ канцелярскія должности, всюду заслуживъ полное одобреніе своего начальства. «Константинъ».

ЦЕСАРЕВИЧЪ КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ — ГЕН.-АДЪЮТ. БАР. РОЗЕНУ.

12-го апрѣля 1828 г.

......«Объ образованныхъ такъ называемыхъ офицерахъ не могу умолчать, чтобы не сказать со всею откровенностію мое заключеніе, что я гораздо лучше желаю имѣть подъ своимъ начальствомъ, какъ говорится, черныхъ офицеровъ, нежели мнимо-образованныхъ бунтовщиковъ, чему служатъ явнымъ доказательствомъ бывшія извѣстныя происшествія въ 1825 и 1826 годахъ и 14-е декабря, ибо исключая немногихъ, нѣтъ почти полка 1-й и 2-й арміи, гдѣ бы не оказались возмутители и въ самой гвардіи, не говоря уже о прежней исторіи Семеновскаго полка; въ одномъ кавалергардскомъ полку нашлось 13 бунтовщиковъ, бывшихъ 14-го декабря во фронтѣ; какъ напротивъ того, несмотря на то, что 8-я артиллерійская бригада, гдѣ оказалось большое число возмутителей, расположена была въ срединѣ 25-й дивизіи, но Литовскій корпусъ остался чистъ и неприкосновененъ ни къ какому нареканію, тогда какъ прочіе посрамили своими дѣяніями Россійскую армію; ежели же случилось происшествіе въ Литовскомъ піонерномъ баталіонѣ, то сіе произошло отъ пришельцовъ изъ 2-й арміи образованныхъ гг. Игельстрома, Вегелина и прочихъ собратій, которые по близкому расположенію успѣли вовлечь въ свои пагубныя дѣянія и двухъ неопытныхъ офицеровъ изъ Гренадерскихъ полковъ. Впрочемъ даже сами извѣстные графъ Мошинскій и Швейковскій отозвались, да и Бестужевъ-Рюминъ показалъ,

что они опасались дотронуться до Литовскаго корпуса, зная какой существуетъ въ ономъ духъ, въ чемъ конечно я долженъ отдать полную справедливость не только однимъ гг. начальникамъ частей, которые успѣли сохранить между своими подчиненными надлежащій порядокъ, но и всѣмъ гг. офицерамъ за ихъ приверженность и вѣрность своему Государю. Къ сему еще присовокупляю, что когда я прежде имѣлъ подъ своимъ начальствомъ конную гвардію, у меня по большей части были, какъ говорится, черные офицеры и все было въ порядкѣ; а послѣ меня, когда явились въ оной мнимообразованные, то и тамъ трое попались въ число бунтовщиковъ. Слѣдовательно, что полезнѣе для правительства имѣть ли такихъ офицеровъ, какъ Литовскаго корпуса, или нынѣшняго образованія вольнодумцевъ»?

Примѣчаніе. Поводомъ этой profession de foi цесаревича Константина Павловича послужило письмо ген.-адъют. бар. Розена графу Курутѣ, (отъ 6 го апрѣля 1828 г.), въ которомъ между прочимъ сказано, что „теперь весьма мало добромыслящей и хорошей старинной шляхты отдаютъ своихъ дѣтей въ службу, а поступаютъ въ оную по большей части токмо такіе, которые не находятъ инаго способа къ пропитанію, слѣдственно безъ малѣйшаго образованія, частію безграмотные даже на природномъ языкѣ своемъ, а нѣкоторые и съ дурными качествами; сіи послѣдніе, получивъ первый офицерскій чинъ, вынуждаются полковыми командирами, а иногда товарищами своими, преждевременно оставить службу, а прочіе дослужа до поручиковъ, передъ производствомъ въ штабсъ-капитаны, чувствуя свои неспособности, а также часто вынужденные начальствомъ выходятъ въ отставку и переводятся въ гарнизонъ“.

ЦЕСАРЕВИЧЪ КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ—КНЯЗЮ П. М. ВОЛКОНСКОМУ.

Варшава, 20-го апрѣля 1828 г.

Почтеннѣйшій и любезнѣйшій князь Петръ Михайловичъ. Я имѣлъ удовольствіе получить письмо в. с. отъ 11-го сего апрѣля, при которомъ препроводили ко мнѣ маршруты Е. И. В. Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны въ Одессу, за доставленіе котораго весьма васъ благодарю, присовокупляя къ сему, что увидѣвъ сію голубую книжку, такую точно какъ бывало вы ко мнѣ присылали о путешествіяхъ блаженной памяти нашего общаго съ вами благодѣтеля Г. И. Александра Павловича, я не могъ безъ сокрушенія сердца равнодушно о семъ вспоминать.

За поздравленіе меня съ наступающимъ днемъ рожденія остаюсь вамъ также весьма благодарнымъ, и мы оба съ женою въ вполной мѣрѣ умѣемъ цѣнить искренность вашу къ намъ, въ которой съ нашей стороны просимъ быть совершенно удостовѣрены.

И затѣмъ почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ примите повтореніе увѣренія совершеннаго моего къ вамъ особеннаго почтенія, уваженія и дружбы.

НИКОЛАЙ I — ФЕЛЬДМАРШАЛУ ГРАФУ САКЕНУ.

Москва, 29-го октября 1831 г.

[Переводъ.] Любезный фельдмаршалъ! Миновало время тяжкихъ испытаній и критическая эпоха въ нашей исторіи замѣнилась безсмертнымъ воспоминаніемъ о новой славѣ, заслуженной нашими храбрыми войсками. Хотя въ виду вашихъ преклонныхъ лѣтъ, любезный фельдмаршалъ, вы не были призваны на поле брани пожать новые лавры, но за то своими мудрыми распоряженіями, своею неусыпною дѣятельностью, вы съумѣли подавить возмущеніе, угрожавшее большой опасностью арьергарду нашей арміи; съ такою же заботливостью отнеслись вы и ко всѣмъ прочимъ, ввѣреннымъ вамъ дѣламъ.

Поэтому васъ вѣроятно не удивитъ, что не имѣя возможности высказать вамъ все это лично, я желаю по крайней мѣрѣ письменно высказать вамъ мою искреннюю и живѣйшую признательность; примите ее во имя отечества, которому мы оба служимъ и которому вы оказали въ этомъ случаѣ одну изъ немаловажныхъ услугъ, ознаменовавшихъ вашу многолѣтнюю, славную карьеру.

Будьте увѣрены въ искренности чувствъ, побудившихъ меня написать вамъ эти строки, и въ неизмѣнномъ уваженіи и расположеніи, съ какимъ пребываю къ вамъ благосклонный Николай.

Москва, 29-го октября 1831 г.

Mon cher Maréchal! Une époque de peinibles épreuves, une époque critique vient de passer; elle est remplacée par des souvenirs immortels d'une nouvelle gloire, acquise par nos braves armées.

Si votre age, mon cher Maréchal, ne vous a pas appelé sur les champs de bataille, pour cueillir de nouveaux lauriers, vos sages dispositions et votre constante activité a su arrèter le feu de la rebellion, qui menaçait si gravement les derrières de notre armée; partout, dans tout ce qui fut confié à vos soins, vous avez su porter la même sollicitude.

Vous ne serez donc point surpris, si privé du plaisir de vous le dire de vive voix, je le fais par ecrit dans ce moment; je désire vous persuader de ma vive et sincère reconnaissance; recevez la, au nom de la patrie, que nous servons et à laquelle le service présement rendu, n'est pas le moindre de votre longue et glorieuse carrière.

Croyez à la sincérité du motif, qui me dicte ces lignes, ainsi qu'à l'inaltérable estime et amitié, que vous porte

Votre sincèrement affectionné Nicolas.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

СПИСОКЪ СЪ УКАЗА ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАИЛОВИЧА.

18-го мая 1651 года.

Извѣстно, что князь А. С. Меншиковъ весьма заботливо собиралъ и въ большомъ порядкѣ хранилъ въ подлинникахъ и въ копіяхъ множество драгоцѣнныхъ историческихъ документовъ; было не мало и такъ называемыхъ курьезовъ; къ числу ихъ принадлежитъ печатаемый здѣсь списокъ яко бы съ указа царя Алексѣя. Онъ уже былъ напечатанъ (по другой копіи и съ большими варіантами) въ „Русской Старинѣ“ изд 1871 г., томъ III, стр 393, но мы его помѣщаемъ вновь какъ потому, что покойный кн. Меншиковъ придавалъ ему значеніе документа достовѣрнаго, такъ и потому, чтобы вызвать отзывъ знатоковъ нашей старины—не встрѣчалъ-ли кто этотъ указъ въ спискѣ XVII-го вѣка? Ред.

Учали на Москву приходити разные Еретики и Нѣмцы, и просити нашея царскія службы, и мы собра Архіепископы, Архиреи, Архимандриты и Іереи на думу, и положили со думными людьми ихъ б...киныхъ дѣтинцъ, нѣмцовъ, на воеводство не посылать, и къ воеводствамъ не опредѣлять; а быти имъ б...инымъ дѣтищамъ, нѣмцамъ, точію въ Москвѣ и записываться по черной сотнѣ и въ службу нашу царскую и ступати по нуждѣ въ ратную.

Дѣло о стихахъ на генерала Рота.

I.

Всеподд. рапортъ цесаревича Константина Павловича.

Варшава. 6-го января 1824 г.

Когда высочайшимъ В. И. В. приказомъ, отданнымъ въ 26-й день сентября прошлаго 1823 года, командующій 3-мъ пѣх. кор. г. л. Ротъ 1 утвержденъ былъ командиромъ онаго корпуса, въ то время данъ былъ для него въ г. Житомирѣ балъ и на оной вышли тамъ стихи, которые получилъ я чрезъ имѣющіеся у меня средства

Сіи стихи, по дерзкому и злому ихъ смыслу, какъ заслуживаютъ, чтобы на нихъ обращено было особенное вниманіе, то осмѣливаюсь всеподд представить оные на высочайшее В. И. В. благосоизволеніе.

О балъ достойный поношенья!
Безчестіе гусаръ, ихъ вѣчно униженье,
Кому дается онъ? чей вензель весь въ огняхъ?
Товоль, кто васъ ругалъ еще на этихъ дняхъ?
Кто дѣйствій вашихъ всѣхъ былъ мстительный содѣтель,
Кому по слуху лишь знакома добродѣтель.
Кто имя славное дивизіи помрачилъ.
Тово-ли наконецъ, кто князя васъ лишилъ;
Безхарактерные!... и вы ему забыли
И трауръ горестной на радость премѣнили.

II.

Стихи эти подняли цѣлую бурю, заскрипѣли перья въ Петербургѣ, Могилевѣ и Варшавѣ.

18-го января 1824 года и. д. нач. гл. ш. г. а. бар. Дибичъ обратился съ нижеслѣдующимъ рапортомъ къ цесаревичу Константину Павловичу.

«Г. И. съ признательнѣйшею благодарностію читалъ рапортъ в. и. высочества, при которомъ изволили доставить Е. В. появившіеся въ г. Житомирѣ пасквильные стихи на счетъ г. л. Рота».

«По сему случаю нынѣ же объявлено главнокомандующему 1-ю арміею высочайшее повелѣніе, о порученіи военной полиціи узнать секретнымъ образомъ, кто былъ сочинителемъ означенныхъ стиховъ. Но не менѣе того Г. И. желаетъ, дабы ваше имп. высочество и съ своей стороны взяли возможныя мѣры для открытія секретнымъ образомъ сочинителя сихъ стиховъ».

III.

Рапортъ ген.-ад. бар. Дибича—гр. Сакену.

18-го января 1824.

До свѣдѣнія Г. И. дошло, что въ г. Житомирѣ во время бала, который данъ былъ по случаю утвержденія г. л. Рота корпуснымъ командиромъ, появились стихи.... которые по своему содержанію показываютъ дерзость и злобу сочинителя въ высокой степени.

Е. И. В. угодно, чтобы в. с. поручили военному ген.-полицмейстеру стараться всевозможными способами узнать секретнымъ образомъ, кто былъ сочинителемъ сихъ стиховъ.

IV.

Графъ Сакенъ — ген.-ад. бар. Дибичу.

17-го февраля 1824 г.

...«Военный ген. полицм. отправилъ жандармскаго полка поручика Полонскаго въ Житомиръ для скрытнаго развѣдыванія о сочинителѣ извѣстныхъ вамъ стиховъ, причемъ я поручилъ г. л. Роту, доставить ему всевозможныя къ тому пособія».

«Изъ отзывовъ, полученныхъ отъ г. л Рота и поручика Полонскаго видно, что упоминаемый... балъ, дѣйствительно данъ былъ офицерами 3-й гусарской дивизіи только не въ Житомирѣ, а въ Бердичевѣ; но о существованіи тѣхъ стиховъ, ни въ Житомирѣ, ни въ расположеніи дивизіи, совершенно никакихъ нѣтъ слуховъ и самъ г. л. Ротъ, до полученія моего предписанія, свѣдѣнія о томъ не имѣлъ. За симъ поручикъ Полонскій и самъ возвратился нынѣ въ Могилевъ, безъ всякаго въ развѣдываніи своемъ успѣха».

Нижеслѣдующій рапортъ цесаревича г. а. Дибичу отъ 2-го апрѣля 1824 г. прекратилъ наконецъ все это «дѣло»:

...«Во исполненіе Высочайшей Е. И. В. воли, я поручилъ командиру 25-й пѣхотной дивизіи г. м. Гогелю 2, употребить всемѣрное стараніе къ открытію секретнѣйшимъ образомъ упомянутаго сочинителя, и нынѣ получилъ отъ него донесеніе, что при самыхъ дѣятельнѣйшихъ мѣрахъ, принятыхъ посредствомъ партикулярныхъ людей и нарочно посланнаго чиновника, достовѣрное открытіе сочинителя совершенно невозможно, тѣмъ болѣе, что по случаю нахожденія въ Бердичевѣ адъютанта генералъ-полиціймейстера 1-й арміи генерала отъ инфантеріи Эртеля, присланнаго также для узнанія о семъ, принята самая строгая осторожность. Кромѣ того, говорятъ, что г. л. Ротъ просилъ начальство о прекращеніи по сему предмету дальнѣйшихъ розысканій».

Резолюція императора Николая по поводу обиды, нанесенной г.-м. К—лю [1]).

Въ 1826 году командиръ резервной батарейной № 5 роты 12-й артиллерійской бригады подполковникъ Гинцель находился подъ судомъ за дерзость противъ г.-м. К......ля, заключающуюся въ томъ, что во время объясненій по службѣ съ этимъ генераломъ послѣ слова его «молчать», сказалъ: «видно васъ, г. К......ель, мало по р... били».

[1]) Впослѣдствіи графа и главноуправляющаго путями сообщенія.

Аудиторіатскій департаментъ, представляя на Высочайшее благоусмотрѣніе такой, въ высшей степени неприличный поступокъ сего офицера, равно долговременную, отличную и безпорочную, до означеннаго случая, службу его, бытность въ походахъ и сраженіяхъ и полученныя имъ на войнѣ раны, полагалъ: Гинцеля, по лишеніи всѣхъ чиновъ и орденовъ, написать въ рядовые до выслуги.

По этому дѣлу послѣдовала нижеслѣдующая собственноручная резолюція императора Николая I:

«Подполковника Гинцеля посадить на два года въ крѣпость и въ уваженіе прежней хорошей службы и полученныхъ ранъ, вмѣсто разжалованья, отставить отъ службы».

Николай.

Марта 23 дня 1826 года.

Примѣръ сочувственнаго отношенія императора Александра I-го къ нуждамъ своихъ сослуживцевъ.

Графъ Дибичъ — графу Аракчееву.

С.-Петербургъ, 6-го ноября 1827 г.

Г.-м. Берхманъ, изъясняя, что въ 1824 году блаженныя памяти Г. И. Александръ Павловичъ всемилостивѣйше соизволилъ ему пожаловать на уплату долговъ 49,000 р., что монаршее соизволеніе о семъ объявлено Е. В. изустно г.-м. Паткулю и что онъ Берхманъ въ счетъ оныхъ получилъ въ 1824 г. чрезъ сего же генерала только 15,000 р.,—проситъ о выдачѣ ему достальныхъ 34,000 р. въ довершеніе изліянной на него милости въ Бозѣ почивающимъ Г. И.

Г.-м. Паткуль въ удостовѣреніе сего представилъ мнѣ записку слѣдующаго содержанія: «1824 года въ ноябрѣ мѣсяцѣ блаженныя памяти Г. И. изволивъ потребовать его г.-м. Паткуля къ себѣ, спрашивалъ о причинѣ просимаго г.-м. Берхманомъ увольненія отъ службы; на что онъ отвѣчалъ, что полагаетъ причиною разстроенное его состояніе; посему Е. В. угодно было приказать ему г.-м. Паткулю подробно отъ него узнать, и что если сія только причина, то Государь радъ ему помочь. Г.-м. Берхманъ показалъ въ то время долгу по разнымъ мѣстамъ наиболѣе его тѣснившія 49,000 р., о чемъ онъ Паткуль имѣлъ счастіе доложить Г. И. и Е. В. угодно было сію сумму уплатить въ три срока, а именно: первый въ ономъ же 1824 году въ декабрѣ мѣсяцѣ, на основаніи чего и доставлено къ нему г.-м. Паткулю въ Царское Село чрезъ камердинера Федорова 15,000

рублей для врученія г.-м. Берхману, съ тѣмъ, что достальная выдача 34,000 р. послѣдуетъ въ 1825 и 1826 годахъ въ декабрѣ мѣсяцѣ, о каковомъ Высочайшемъ назначеніи извѣстенъ былъ и г. генералъ графъ Аракчеевъ; притомъ Е. В. угодно было, чтобы сіе оставалось въ тайнѣ».

Прежде доклада Г. И., я имѣю честь обстоятельство сіе довести до свѣдѣнія в. с. и покорнѣйше прошу васъ, м. г., почтить меня по оному вашимъ отзывомъ, пребывая затѣмъ и пр.

Графъ Аракчеевъ отвѣчалъ 11-го ноября: «Пожалованное покойнымъ Г. И. Александромъ Благословеннымъ вспоможеніе г. м. Берхману мнѣ извѣстно было изъ разговоровъ покойнаго Г. И. объ ономъ со мною, о чемъ и. ч. увѣдомить в. с.».

Графъ Дибичъ и его сношенія какъ начальника главнаго штаба Е. И. В. съ Александромъ I и Николаемъ I.

Въ бытность съ 1823 года генералъ-адъютанта барона, а впослѣдствіи графа И. И. Дибича начальникомъ главнаго штаба, онъ постоянно представлялъ, по разнымъ текущимъ вопросамъ службы; краткія всеподданнѣйшія докладныя записки, на обыкновенномъ листѣ почтовой бумаги, загнутомъ на половину; съ боку Г. И. писалъ собственноручно карандашемъ резолюціи, и отсылалъ обратно своему «Major Général», какъ тогда величали Дибича. Такимъ образомъ начальникъ Главнаго Штаба находился, независимо отъ частыхъ личныхъ докладовъ, въ ежедневныхъ непрерывающихся письменныхъ сообщеніяхъ съ Государемъ.

Содержаніе докладныхъ записокъ самое разнообразное; онѣ касаются представляющихся, разводовъ, высочайшихъ приказовъ, отправленія фельдъегерей, приглашеній къ высочайшему обѣденному столу. Многія изъ этихъ записокъ не лишены историческаго интереса; на ряду же съ таковыми встрѣчается также напр. донесеніе о томъ, что придворный истопникъ Павелъ Соболевъ, ловя рыбу, утонулъ (1824 г.). Кромѣ того, Государь лично отъ себя передавалъ графу Дибичу, въ короткихъ записочкахъ, различныя приказанія по военной части (по гарнизонной службѣ, формѣ одежды и пр.) и сообщалъ о предстоящихъ поѣздкахъ, работахъ и пр. [1]).

[1]) Приведемъ для примѣра двѣ записочки императора Николая:

1) „Вели, любезный Иванъ Ивановичъ, прислать сейчасъ инвалида изъ поселеній, что полы краситъ, къ Виламову. Матушка объ томъ мнѣ пишетъ".

2) „Я ѣду завтра въ 7 часовъ въ Кронштадтъ на цѣлый день; если у

Записки и повелѣнія императора Александра I.

«Генералъ-адъютанту князю Меньшикову состоять по министерству иностранныхъ дѣлъ».

Апр. 1823.

Къ приказу 6-го декабря 1823 г.

«Приготовьте приказъ сего вечера о поступленіи корпуса офицеровъ гвардіи Семеновскаго полку по прежнему на правахъ старой гвардіи. и пришлите его ко мнѣ, какъ скоро готовъ будетъ, дабы можно было завтра отдать его».

Всеподданнѣйшія записки г.-а. бар. Дибича.

«Не угодно-ли будетъ В. И. В. назначить пароль на 6-е ноября».

Высочайшая резолюція:

— «Пароль Таганрогъ».

7-го ноября 1825 г.

«Завтрашняго числа по случаю табельнаго праздника тезоименитства Е. И. В. Михаила Павловича, разводъ назначенъ въ шарфахъ и бѣлыхъ панталонахъ».

«Г.-а. Чернышевъ, прибывшій сего числа изъ Новочеркаска, испрашиваетъ позволеніе можетъ ли быть завтра къ обѣднѣ во дворецъ, равно и супруга его, безъ вторичнаго представленія».

— «Могутъ» [1]).

3-го марта 1826 г.

«Полученное отъ генерала графа Аракчеева письмо имѣю честь представить при семъ В. И. В., испрашивая высочайше повелѣніе на счетъ позволенія быть ему въ Чесмѣ!» [2]).

— «Можно позволить и я прикажу».

тебя есть готовая работа, то я тебя возьму съ собой: а чтобъ тебѣ не терять времени, то можешь взять съ собой кого хочешь, съ тѣмъ, чтобъ работать на яхтѣ, покуда я буду свое дѣло дѣлать".

[1]) Это была послѣдняя резолюція императора Александра I. Первое письмо г. а. Дибича, посланное въ Варшаву къ начальнику штаба цесаревича генералу Курутѣ, о болѣзни Государя, помѣчено 12-мъ ноябремъ 1825 г.

[2]) Въ день прибытія тѣла императора Александра I изъ Царскаго Села.

29 го августа 1826 г.

«Г.-а. Бенкендорфъ спрашиваетъ меня, для увѣдомленій чужестранцовъ, изволите ли В. В. быть завтра къ разводу? Я осмѣливаюсь спросить о семъ высочайшее повелѣніе».

— «Я не буду завтра къ разводу, дабы не праздновать въ первый разъ тотъ день, въ который я разстался на всегда съ государемъ».

«Я не желаю, чтобы завтра ко мнѣ пріѣзжали съ поздравленіями».

Записка императора Николая — г.-а. Дибичу.

8-го сентября 1827 года.

«Богъ даровалъ мнѣ сына Константина, любезный Иванъ Ивановичъ. Вели внести его въ сегодняшній приказъ такъ: назначается: Е. И. В. Великій Князь Константинъ Николаевичъ въ Л.-Г Измайловскій полкъ».

Всеподданнѣйшая записка графа Дибича.

3 го февраля 1828 г.

«По случаю усилившагося у меня кашля, докторъ меня пользующій желаетъ, чтобы я завтра не выѣзжалъ и по сему воспользуюсь всемилостивѣйшимъ позволеніемъ на завтрашній день; надѣюсь, что послѣ завтра мнѣ столько будетъ легче, чтобы быть съ утреннимъ докладомъ».

— «Настоятельно прошу любезный Иванъ Ивановичъ сидѣть дома, доколь не выздровишъ совершенно».

Изъ военно-медицинскихъ нравовъ 1828 года.

Рапортъ князю А. С. Меншикову отъ коммисіи военнаго суда, учрежденнаго въ крѣпости Анапѣ.

23-го октября 1828 г. № 52.

Коммисія сія отъ 17-го прошедшаго сентября за № 34 рапортомъ испрашивала вашего предписанія, дѣйствительно ли подсудимый въ сей коммисіи Таманскаго гарнизоннаго полка младшій фельдшеръ Иванъ Васильевъ жаловался в. св. на г. лѣкаря Шпрингера, въ

истязаніи его, Васильева, какъ въ лагеряхъ и въ самомъ дѣйствіи противъ непріятеля ежедневно наказаніемъ палками, розгами и рукою по щекамъ и оглушивалъ по ухамъ, на защищеніи его какое было учинено распоряженіе, каковаго не имѣя до нынѣ въ полученіи, осмѣливается почтеннѣйше ожидать въ непродолжительномъ времени.

Резолюція князя А. С. Меншикова: «получено въ Николаевѣ [1]) 12-го ноября 1828 г. Отвѣчать коммисіи, что перваго отношенія я не получилъ, что фельдшеръ Васильевъ на ш.-л. Шпрингера жалобы не приносилъ, а ежели бы и принесъ, то былъ бы за прошеніе не по командѣ тогда же наказанъ».

Высочайшій выговоръ г.-а. Закревскому 1828 года.

5-го августа 1828 г.

Графъ Дибичъ представилъ всеподданнѣйшую записку объ отзывѣ, послѣдовавшемъ къ графу П. А. Толстому [2]) со стороны министра внутреннихъ дѣлъ ген. ад. Закревскаго, что онъ не принимаетъ сношеній съ нимъ помощника начальника штаба, по военнымъ поселеніямъ, а требуетъ, чтобы въ этомъ случаѣ былъ соблюдаемъ порядокъ, начертанный въ общемъ учрежденіи министерствъ, по которому министры сносятся съ одними только главноначальствующими лицами, а не съ подчиненными ихъ.

Для скорѣйшаго теченія дѣлъ, графъ Дибичъ, съ своей стороны, полагалъ сношенія по главному штабу военныхъ поселеній оставить и на будущее время, въ томъ самомъ порядкѣ, который введенъ былъ на основаніи высочайше утвержденной 23-го апрѣля 1819 г. записки графа Аракчеева, относительно сношеній со всѣми министрами.

Императоръ Николай на этомъ докладѣ написалъ слѣдующую собственноручную резолюцію:

— «Поручить графу Толстому, призвавъ къ себѣ, объявить ему, что я съ удивленіемъ и съ крайнимъ неудовольствіемъ узналъ странную прихоть [3]) его, и что я подтверждаю и впредь не отступать отъ данныхъ главному штабу правилъ.

20-го августа 1828 г.
Одесса.

---

[1]) Кн. Меншиковъ лѣчился въ Николаевѣ отъ раны, полученной имъ при осадѣ кр. Варны.

[2]) Графъ Толстой въ время отсутствія императора Николая въ Турціи былъ назначенъ въ С.-Петербургѣ главнокомандующимъ.

[3]) Три раза подчеркнуто Государемъ

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ.

Въ предписаніи генералъ-губернатора Восточной Сибири на имя Иркутскаго гражданскаго губернатора отъ перваго сентября 1826 г. за № 842, относительно женъ государственныхъ преступниковъ, сужденныхъ верховнымъ уголовнымъ судомъ, между прочимъ изложено слѣдующее:

По необдуманной рѣшимости могли послѣдовать за ними ихъ жены, не знающія существующихъ о ссыльно-каторжныхъ постановленій.

Высочайшая резолюція: «Все справедливо, но всѣ выраженія необходимости и проч. перемѣнить на неизвѣстность мѣстныхъ обстоятельствъ».

Прикажите внушить крѣпостнымъ людямъ, которые прибудутъ съ съ женами осужденныхъ, что соединеніе съ мужьями лишаетъ ихъ права имѣть при себѣ крѣпостныхъ слугъ и что могутъ они просить о возвращеніи ихъ изъ Сибири.

Высочайшая резолюція: «Это совершенно воспрещаю; бунтовать людей не должно, достаточно объявить женамъ, что по положенію онѣ не могутъ брать съ собой людей своихъ какъ съ добровольнаго ихъ согласія».

Изъ исторіи священнаго союза.

1830.

Изъ всѣхъ членовъ священнаго союза, одна Россія съ невозмутимымъ самоотверженіемъ стояла 40 лѣтъ на стражѣ ненарушимости легитимизма и словомъ, и дѣломъ. Помѣщенное ниже предписаніе графа Чернышева 1830 г. служитъ тому доказательствомъ. Едва ли архивы: австрійскій или прусскій того времени могутъ выступить съ подобнымъ документомъ:

ГРАФЪ ЧЕРНЫШЕВЪ — КРОНШТАДТСКОМУ ВОЕННОМУ ГУБЕРНАТОРУ ВИЦЕ-АДМИРАЛУ РОЖНОВУ.

Спб. 5-го августа 1830 г.

По случаю возникшаго во Франціи мятежа и перемѣны существовавшаго правительства, Г. И. высочайше повелѣть соизволилъ, ни подъ какимъ видомъ не дозволить кораблямъ сей націи, плавающимъ подъ флагомъ трехъ цвѣтнымъ, а не бѣлымъ, входа въ Кронштадтскій портъ, но если бы они усиливались войти въ оный, то останавливать ихъ дѣйствіемъ оружія.

Е. И. В. равномѣрно благоугодно, чтобы всякій корабль французскій изъ остающихся нынѣ въ кронштадтскомъ портѣ, который бы перемѣнилъ бѣлый флагъ на трехъ цвѣтный, немедленно былъ висланъ въ море.

Сообщая в. пр. высочайшую волю сію къ непремѣнному и строгому исполненію, и. ч. присовокупить, что я вмѣстѣ съ симъ увѣдомляю объ оной г. начальника морскаго штаба Е.И.В.

7-го августа 1830 г. вице-адмиралъ Рожновъ отвѣчалъ: «Я надлежащія къ строгому исполненію на брандвахты какъ дальней, такъ и внутренней ввѣреннаго мнѣ порта, командирамъ предписаніе далъ, и увѣдомилъ Кронштадтскую таможню».

Екатерина II и крестьяне.

(Поправка къ книгѣ „Графъ Киселевъ").

Помѣщаемъ здѣсь одну существенную поправку въ прекрасномъ во всѣхъ отношеніяхъ трудѣ А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго „Графъ Киселевъ и его время". Излагая вкратцѣ исторію крестьянскаго вопроса въ Россіи и коснувшись заботъ императрицы Екатерины II, авторъ говоритъ: „Указъ 1790 г., 2-го марта, былъ данъ на имя генералъ губернатора Кашкина, относился къ раздѣленію государственныхъ крестьянъ на волости, и, какъ историческій памятникъ, важенъ въ томъ отношеніи, что въ немъ есть ссылки на предположенія самой государыни о сельскомъ устройствѣ. Въ чемъ состояли эти „предположенія", равно какъ и „высочайшіе экономическіе пункты", на которыхъ было основано учрежденіе 1787 г. („Учрежденіе сельскаго порядка въ казенныхъ селеніяхъ екатеринославскаго намѣстничества"), намъ неизвѣстно" и т. д. (т. II, 31). Между тѣмъ, свѣдѣнія объ этомъ, а равно и самый проектъ сельскаго положенія Екатерины, вполнѣ соотвѣтствующій высочайшимъ экономическимъ пунктамъ, который притомъ въ свое время былъ сообщенъ графомъ Нессельроде на разсмотрѣніе графу Киселеву, напечатаны были еще въ 1877 г. В. И. Вешняковымъ въ „Сборникѣ русскаго историческаго общества", т. XX (стр. 447—499).

В. И.

Александрійскій гусарскій полкъ.

1829 г.

Въ весьма интересныхъ Запискахъ принца Евгенія Виртембергскаго, окончаніе которыхъ помѣщено въ „Русской Старинѣ" изд. 1881 г., сентябрь, говорится о взятіи, подъ Шумлою, редутовъ спѣшанными гусарами. Авторъ говоритъ, что это были гусары Александровскаго полка и что командовали въ этомъ дѣлѣ Ностицъ или Мадатовъ. Александровскаго гусарскаго полка нѣтъ въ нашей арміи, а есть Александрійскій, который взятіе редутовъ, подъ Шумлою, считаетъ однимъ изъ славнѣйшихъ эпизодовъ своей славной исторіи.

Отрядомъ, въ составъ котораго входилъ въ этотъ день (31-го мая 1829 г.) Александрійскій полкъ, командовалъ князь Мадатовъ.

А. А. Вяземитиновъ.

В. И. Назимовъ.

Въ февральской книгѣ „Русской Старины" изд. 1882 г. напечатано письмо покойнаго Владиміра Ивановича Назимова, бывшаго въ 1850-хъ г. попечителемъ Московскаго учебнаго округа къ бывшему министру народнаго просвѣщенія А. С. Норову о разрѣшеніи изданія „Русской Бесѣды", въ 1855 году, доставленное М. Н. Похвисневымъ.

Въ качествѣ постояннаго читателя „Русской Старины", а также въ качествѣ человѣка, который очень хорошо помнитъ бывшаго своего начальника, т. е. Владиміра Ивановича Назимова, я позволяю себѣ сказать, что есть еще люди, которые скажутъ, что Владиміръ Ивановичъ самъ не только не могъ написать ничего подобнаго, но даже очень часто говорилъ такія вещи, которыя, не въ осужденіе ему будь сказано, не обличали въ немъ той правильности теченія мысли, которая видна въ напечатанномъ письмѣ. Ясно, что это письмо было только подписано Владиміромъ Ивановичемъ. Спрашивается: для чего же прямо не сказать: кто же написалъ это письмо? для исторіи гораздо важнѣе это, чѣмъ то,—что письмо подписано В. И. Назимовымъ?

Сколько мнѣ помнится, М. Н. Похвисневъ былъ въ 1855 г. правителемъ канцеляріи г. Назимова. Если это письмо написалъ онъ самъ и подалъ его подписать его превосходительству В. И. Назимову, то для чего же скрываться? для чего же приписывать Назимову то, что ясно не могло быть имъ написано? Девизъ „Русской Старины" истина, она дороже всего, и вотъ почему я написалъ этотъ запросъ. **Н. Щеховской.**

1882 г. 10 февраля.

Смоленской губерніи г. Красный.

Отвѣтъ редакціи. Письмо В. И. Назимова мы напечатали со списка, рукою писаря переписаннаго, но съ поправками самого В. И. Назимова. Навѣрное можемъ сказать, что этотъ весьма интересный документъ составленъ бывшимъ въ 1855 г. правителемъ канцеляріи попечителя Московскаго учебнаго округа, М. Н. Похвисневымъ, но по порученію В. И. Назимова и имъ просмотрѣнъ и подписанъ. Многіе изъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей не сами составляютъ тѣ акты, подъ которыми являются ихъ подписи; но слѣдуетъ ли изъ этого, что документы эти принадлежатъ не ихъ почину, не вытекаютъ изъ ихъ мысли и не согласны съ ихъ собственными убѣжденіями и взглядами? В. И. Назимовъ совершенно правильно и ясно, хотя и не вполнѣ литературно, излагалъ свои мысли по русски; вообще-же это былъ человѣкъ съ умомъ прямымъ и положительнымъ, притомъ одинъ изъ честнѣйшихъ, добрѣйшихъ и гуманнѣйшихъ людей своего времени. Эти черты въ его характерѣ высоко цѣнилъ покойный императоръ Александръ II; прекраснымъ качествамъ Назимова отдавали справедливость — Гоголь, Грановскій, Погодинъ, Соловьевъ и многіе другіе. Затѣмъ мы ни на минуту не сомнѣваемся, что добрыя мысли, которыми полно заинтересовавшее г. Щеховскаго письмо, вполнѣ принадлежали тому лицу, которое письмо это подписало, т. е. Владиміру Ивановичу Назимову.

Ред.

И. М. Синельниковъ [1]).

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1882 годъ, кн. 1, стр. 79 азбучнаго указателя къ запискамъ Порошина заявлено недоумѣніе Н. П. Барсукова: какой это былъ „Синельниковъ“, о которомъ (въ его время), „говорили вездѣ крайне дурно“.

По мѣрѣ имѣющихся подъ рукою достовѣрныхъ свѣдѣній постараюсь сообщить Н. П. Барсукову о Синельниковѣ слѣдующее.

Иванъ Максимовичъ Синельниковъ сталъ извѣстнымъ на югѣ Россіи съ 1778 года, когда генералъ Александръ Васильевичъ Суворовъ занимался выводомъ христіанъ изъ Крыма къ Азовскому морю. Синельниковъ занимался перевозкою и продовольствіемъ переселенцовъ, за которыя былъ рекомендованъ Суворовымъ графу Г. А. Потемкину [2]), а имъ былъ въ 1783 году повышенъ чиномъ бригадира, съ порученіемъ надзора за соляными и питейными сборами, собираемыми на устроеніе Таврической области. Въ 1785 году, съ производствомъ въ чинъ генералъ-маіора, опредѣленъ, по ходатайству Потемкина, правителемъ Екатеринославской губерніи, которую Синельниковъ привелъ въ желанное устройство, причемъ пріобрѣлъ общественное расположеніе. Ему же давались порученія: по устройству черноморскаго флота и по продовольствію арміи, осаждавшей Очаковъ. Зависть и клевета шли отъ недовольныхъ подрядчиковъ, безсовѣстно обиравшихъ казну [3]). Отправясь въ очаковскую армію съ отчетами къ фельдмаршалу, когда онъ обозрѣвалъ очаковскія укрѣпленія, сопровождавшій Синельниковъ 23-го іюля былъ убитъ пушечнымъ ядромъ. Тѣло его было перевезено въ Херсонъ, и погребено въ оградѣ крѣпостной церкви Св. Екатерины, совмѣстно съ прочими убитыми при очаковской осадѣ и другихъ мѣстахъ [4]). По распоряженію свѣтлѣйшаго Г. А. Потемкина-Таврическаго, сынъ убіеннаго поставилъ надъ могилою каменный обелискъ, доселѣ существующій. Ивановъ Максимовичемъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, отъ Екатеринослава въ 19-ти верстахъ, основано большое село Синельниково.

Н. Н. Мурзакевичъ.

Одесса.

---

[1]) См. его письма въ томѣ Записокъ одесскаго общества исторіи и древностей, т. IX, стр. 260—282.

[2]) Архивъ князя Воронцова, М. 18, т. XXIV, стр. 295, № 23. Главнымъ сборщикомъ при соляныхъ Перекопскихъ озерахъ былъ надворный совѣтникъ Свербѣевъ. Записокъ т. IX, стр. 266.

[3]) Отзывъ князя Потемкина Фалѣеву: «Копогени (въ Бессарабіи) 3-го іюня 1790 г. Лучше въ десятеро заплачу, нежели отдамъ жиду такому поставщику. Пора отстать отъ мошенниковъ-подрядчиковъ, кои истощили суммы, и все недостатками подчивали. Чрезъ нихъ разворовано много». Записокъ т II, стр. 673.

[4]) Генералъ-маіоровъ барона Меллеръ-Закомельскаго, Ивана Максимовича Синельникова, князя Сергія Абрамовича Волконскаго, полковниковъ: Петра Семеновича Максимовича, Ивана Петровича Горича-большого, Николая Ивановича Корсакова (строителя Херсонской крѣпости), Дмитрія Петровича Мартынова. Убитаго при Килiѣ генерала-артиллеріи барона Ивана Ивановича Меллеръ-Закомельскаго; умершихъ въ Молдавіи — принца Александра Виртембергъ-Штудгардскаго (брата императрицы Маріи Ѳеодоровны), молдавскаго господаря Эммануила Россети. Записокъ т. IX, стр. 393 и 394. **Н. М.**

превосходными трудами, заслуживающими видного мѣста въ библіотекѣ каждаго просвѣщеннаго русскаго человѣка. Н. В. Гербель подарилъ читающей публикѣ изданія стихотвореній Шевченки, «Слова о полку Игоревѣ» въ переложеніи на русскій языкъ, собр. сочиненій Е. П. Гребенки, сборники: «Поэзія славянъ». «Русскіе поэты», полныя собранія переведенныхъ на русскій языкъ сочиненій: Шекспира, Шиллера, Гёте, Байрона и Гофмана. Говоримъ, что Н. В. Гербель «подарилъ» эти изданія публикѣ потому, что при ихъ изящной внѣшности онѣ, по своей стоимости, доступны даже людямъ и небогатаго состоянія. Второе изданіе сборника Н. В. Гербеля, посвященнаго исторіи лицея князя Безбородко въ Нѣжинѣ—безукоризненно изящное по внѣшности, помимо исторіи этого высшаго учебнаго заведенія южной Россіи, заключаетъ въ себѣ біографіи его основателей, попечителей, профессоровъ и бывшихъ воспитанниковъ, составившихъ себѣ имя на литературномъ и иныхъ поприщахъ общественной дѣятельности. Изъ русскихъ писателей, бывшихъ питомцевъ лицея, кромѣ незабвеннаго Гоголя, читатель найдетъ въ сборникѣ біографіи: А. С. Афанасьева-Чужбинскаго, К. М. Базили, Е. П. Гребенки, Н. В. Кукольника, В. И. Любичъ-Романовича, Н. Я. Макарова, Н. Я. Прокоповича, П. Г. Рѣдкина (нынѣ членъ Государ. Совѣта), Н. М. Сементовскаго и др. Представителемъ инженернаго искусства является Д. И. Журавскій; наконецъ и самъ составитель сборника Н. В. Гербель, по всей справедливости, заслуживаетъ мѣсто въ ряду талантливыхъ однокашниковъ, дѣтей одной alma mater, какъ за свои предъидущіе литературные и издательскіе труды, такъ и за добросовѣстное, безукоризненно полное составленіе исторіи лицея. Второй отдѣлъ книги составленъ почти исключительно имъ однимъ и заключаетъ въ себѣ: 1) списки сочиненій литераторовъ бывшихъ лицеистовъ; 2) шуточныя произведенія нѣжинскихъ студентовъ,—3 и 4) списки студентамъ и должностнымъ лицамъ. Къ книгѣ, кромѣ вида нѣжинскаго лицея, приложены порядочно литографированные (Брокгаузомъ) портреты: Александра и Ильи Безбородко, графа А. Г. Кушелева-Безбородко, Н. В. Гербеля, Н. В. Гоголя, Е. П. Гребенки, Д. И. Журавскаго, Н. В. Кукольника и П. Г. Рѣдкина.

Häusser. Исторія реформаціи. Подъ редакціею Виктора Михайловскаго. Изданіе Н. И. Мамонтова. Москва и Петербургъ 1882 г. LXXXIII+274 стр. въ 8 д. л. Цѣна 5 р., съ пересылкою 5 р. 50 коп.

Предметъ труда Гейссера—великій нравственный переворотъ въ бытіи человѣчества, стоившій Западной Европѣ, въ теченіе двухъ вѣковъ, потоковъ крови—никогда не утратитъ интереса въ глазахъ каждаго мыслящаго человѣка. Почтенному труду Гейссера редакторъ перевода предпослалъ обстоятельный очеркъ дѣятельности предшественниковъ Лютера и первыхъ попытокъ къ сверженію папскаго ига, отъ временъ Филиппа Красиваго, короля Французскаго (1302), до Иглавскаго сейма (1436).

Самая исторія Гейссера, раздѣленная на тринадцать главъ повѣствуетъ о возрожденіи и постепенномъ распространеніи реформаціи въ Германіи, Швеціи, Даніи и Англіи; затѣмъ о кальвинизмѣ и важнѣйшихъ политическихъ событіяхъ XVI и XVII вѣковъ, тѣсно связанныхъ съ движеніемъ религіознымъ (возстаніе Нидерландовъ при Филиппѣ II, религіозныя войны во Франціи, тридцатилѣтняя война, революція въ Англіи и протекторатъ Кромвеля). Почтенный трудъ Гейссера принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ явленій въ современной исторической литературѣ и переводъ ея можно назвать, по всей справедливости, цѣннымъ вкладомъ въ нашу историческую словесность. Пріятно было-бы думать, что чтеніе исторіи Гейссера побудитъ кого-либо изъ нашихъ ученыхъ въ дополненіе ея составить исторію религіозныхъ движеній въ Россіи, напр. со времени появленія ереси «стригольниковъ». Матеріаловъ въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ настолько накопилось въ печати и сыраго, и обработаннаго, что автору не предстояло-бы особенно трудныхъ, приготовительныхъ работъ и изысканій, а между тѣмъ, какая благодарная почва для историка, какое широкое поприще для мыслителя.

Издатель-редакторъ **М. И. Семевскій**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

Годъ тринадцатый. МАЙ. 1882 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Михаила Александровича **Бестужева**, род. 1800 † 1871 г. Гравировалъ Г. И. Грачевъ, ученикъ Академика Л. А. Сѣрякова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, № 90—1.

1882.

V-я книга „Русской Старины" вышла 1-го мая 1882 г.

М. Н. Петровъ. Изъ всемірной исторіи очерки. Изданіе 2-е, просмотрѣнное и дополненное. Харьковъ, 1882.—437 стр. въ 8 д. л. Цѣна 2 руб. 50 к. съ пересылкою 2 р. 75 коп.

Появленіе книги профессора М. Н. Петрова вторымъ изданіемъ свидѣтельствуетъ о ея успѣхѣ. Историческія личности, о которыхъ разсказываетъ авторъ, какъ о представителяхъ главнѣйшихъ эпохъ въ жизни народовъ — постоянно возбуждаютъ живѣйшее любопытство въ каждомъ любознательномъ читателѣ. Изъ одиннадцати очерковъ нѣтъ ни одного, который не привлекъ бы его вниманія; въ этомъ легко убѣдиться изъ ихъ перечня. 1) Евангеліе въ исторіи; 2) Германикъ—сцены по Тациту; 3) Мохаммедъ—происхожденіе ислама; 4) Ульрихъ фонъ Лихтенштейнъ—рыцарское служеніе женщинъ въ средніе вѣка; 5) Жанна д'Аркъ—историко-психологическій опытъ; 6) Людовикъ XI—общеисторическая характеристика; 7) Савонарола; 8) Томасъ Мюнцеръ—великая крестьянская война; 9) Эразмъ Роттердамскій—начальная эпоха гуманизма; 10) Филиппъ II—паденіе арагонской конституціи; 11) Петръ Великій—юбилейная рѣчь. Въ послѣдней строгій критикъ найдетъ можетъ быть избытокъ риторики и нѣкоторую страстность, не совсѣмъ умѣстную при оцѣнкѣ историческаго дѣятеля. Возгласы Ѳеофана Прокоповича и Ломоносова—очень эффектные, и для своего времени приличные—не совсѣмъ умѣстны въ нашъ вѣкъ даже и въ рѣчахъ юбилейныхъ.

И. Иванюковъ. Паденіе крѣпостнаго права въ Россіи. Спб 1882.—404 стр. въ 8 д. л. Цѣна 3 руб. съ пересылкою 3 руб. 50 коп.

Отдѣльное изданіе сочиненія, печатавшагося въ «Отечественныхъ Запискахъ». Нельзя не отнестись сочувственно къ его появленію, такъ какъ великая эра освобожденія крестьянъ, сдѣлавшаяся нынѣ достояніемъ исторіи, требующая тщательной и всесторонней обработки, только что начинаетъ запасаться своею литературою, покуда еще небогатою. Изъ оглавленія книги г. Иванюкова явствуетъ, что онъ слѣдитъ, шагъ за шагомъ, за развитіемъ великой идеи освобожденія, отъ перваго момента озаренія ею разума и сердца покойнаго Императора Александра II до обнародованія манифеста 19 февраля 1861 г.

Матеріалы для родословія Леонтьевыхъ и Петрово-Соловыхъ. Казань. 1881. 47 страницъ безъ оборота въ 8 д. л. и родословная таблица.

При бѣдности отечественной генеалогической литературы—«всякое даяніе благо»—а это изящное изданіе довольно цѣнная лепта. Составителю брошюры Дмитрію Николаевичу Леонтьеву послужила, въ числѣ другихъ матеріаловъ, и «Русская Родословная книга», изданная нашею редакціею. На изданіе свое составитель смотритъ, какъ на корректуру, прося у «сородичей» сообщенія документовъ и свѣдѣній для дополненій. Плотная, проклеенная бумага даетъ возможность вписывать таковыя въ самый печатный текстъ. Надо надѣяться, что воззваніе г. Леонтьева не останется безъ отвѣта, а примѣръ его найдетъ подражателей въ средѣ представителей нашихъ старинныхъ дворянскихъ фамилій.

Ф. Орловъ. Очеркъ исторіи С.-Петербургскаго Гренадерскаго короля Фридриха Вильгельма III полка [1726—1880). Спб. 1881. XII+VI+809 стр. въ б. 8 д. л.

Составитель представляетъ полную исторію полка—отъ Петра I до 1880 г. Въ приложеніи списки шефовъ, командировъ полка, боевой его формуляръ (съ 1736 по 1878), роспись знаменъ и знаковъ отличій, штаты, перемѣны въ обмундированіи, мѣстъ квартированій; именные списки офицеровъ, заслужившихъ особенныя отличія, убитыхъ и умершихъ отъ ранъ и нынѣ состоящихъ на службѣ. Хотя авторъ и называетъ свой добросовѣстный, съ любовью исполненный трудъ только «посильною лептою», но книга составлена вполнѣ обстоятельно и хорошо. Лѣтописи полка «молодой гвардіи», не менѣе «старой»—обилуютъ замѣчательными страницами, которыя, безспорно, должны войдти въ составъ исторіи нашего доблестнаго воинства. Изданіе изящно.

Историческіе матеріалы. Изъ архива Кіевскаго губернскаго правленія. Выпускъ I-й. Издалъ редакторъ неоффиціальной части Кіевскихъ губернскихъ

МИХАИЛЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ БЕСТУЖЕВЪ

† 21 июня 1871 г. въ москвѣ.

приложение къ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» изд. 1882 г.

ЗАПИСКИ ГУСТАВА ФОНЪ-ШТРАНДМАНА

1742—1803.

Переводъ съ нѣмецкой подлинной рукописи.

Генералъ-отъ-инфантеріи Густавъ Эрнестъ фонъ-Штрандманъ оставилъ по себѣ весьма обширный собственноручно имъ писанный дневникъ, обнимающій періодъ времени съ января 1769 по октябрь мѣсяцъ 1800 года.

Содержаніемъ этого дневника служатъ современные автору походы, военныя кампаніи, описанія разныхъ мѣстностей и городовъ, нравовъ и обычаевъ и характеристики лицъ, съ которыми автору приходилось имѣть служебныя, общественныя или дружескія отношенія, и, кромѣ описанія походовъ на Азовъ, подъ Бендеры, къ Очакову и Крымъ, дневникъ генерала фонъ-Штрандмана интересенъ еще и потому, что занимаетъ въ себѣ подробный, обстоятельнѣйшій разсказъ объ управленіи Сибирскимъ краемъ въ царствованія императрицы Екатерины II и императора Павла I.

Внукъ Густава Эрнеста фонъ-Штрандмана—свиты его императорскаго величества генералъ-маіоръ Николай Карловичъ фонъ-Штрандманъ привелъ въ настоящее время дневникъ въ систематическій порядокъ и, приступая къ его печатанію, находитъ не лишнимъ сообщить объ авторѣ онаго нѣсколько біографическихъ свѣдѣній.

Густавъ Эрнестъ фонъ-Штрандманъ изъ дворянъ Лифляндской губ., родился 2-го декабря 1742 году, въ селѣ Сертусѣ. Получивъ первоначальное домашнее воспитаніе, поступилъ 15-го марта 1757 г. въ Шляхетный сухопутный кадетскій корпусъ; въ 1761 г. 10-го апрѣля произведенъ въ капралы и въ томъ же году 18-го мая въ подпрапорщики. Въ 1762 году 6-го марта выпущенъ изъ корпуса капитаномъ въ Вологодскій пѣхотный полкъ, при чемъ былъ удостоенъ нижеслѣдующаго именнаго патента императрицы Екатерины II на пергаментѣ

„Божіею милостіею мы, Екатерина вторая, императрица и самодержица всероссійская и прочая, и прочая, и прочая.

„Извѣстно и вѣдомо да будетъ каждому, что Шляхетнаго сухопутнаго кадетскаго корпуса подпрапорщикъ Густавъ Эрнестъ Штрандманъ, тысяща седмь сотъ шестьдесятъ втораго года марта шестаго дня, въ штабъ къ генералъ-фельдмаршалу въ флигель-адъютанты чина капитанскаго пожалованъ, а послѣ того капитаномъ переименованъ, но на тотъ чинъ патента ему по нынѣ было не дано, того ради мы симъ жалуемъ и учреждаемъ, повелѣвая всѣмъ нашимъ подданнымъ помянутаго капитана надлежащимъ образомъ признавать и почитать: напротивъ чего и мы надѣемся, что онъ въ семъ ему всемилостивѣйше пожалованномъ чинѣ, такъ вѣрно и прилежно поступать будетъ, какъ то вѣрному и доброму офицеру надлежитъ. Во свидѣтельство того мы сіе нашей государственной военной коллегіею подписать и государственною печатью укрѣпить повелѣли".

„Данъ въ Санктъ-Петербургѣ лѣта 1766 ноября 29-го дня.

Въ 1763, 1764 и 1765 годахъ капитанъ фонъ-Штрандманъ находился въ Польшѣ, а со 2-го января 1769 года начинается его дневникъ.

Н. К. Ш.

1769 г.

Маршрутъ нашего вологодскаго полка, какъ онъ шелъ въ Азовъ въ 1769 году, а именно въ ту войну съ Турціей, которая началась за годъ предъ тѣмъ, съ прибавленіемъ нѣсколькихъ извѣстій о тѣхъ мѣстностяхъ и селеніяхъ, чрезъ которыя полкъ проходилъ.

Нашъ полкъ выступилъ 2-го января, имѣя приказаніе направиться въ крѣпость Дмитровъ-Ростовскій. Я служилъ во 2-й гренадерской ротѣ этого полка, въ чинѣ капитана. Въ нашемъ полку, сверхъ усиленнаго комплекта солдатъ, находилось еще 200 человѣкъ сверхъкомплектныхъ. Полковой штабъ состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ: полковника Началина, поручика Григорія Дѣденева, премьеръ-маіора Врангеля и секундъ-маіора Дмитрія Жеребцова. Такъ какъ я немного замѣшкался, то мнѣ пришлось выѣхать 15-го числа этого мѣсяца вмѣстѣ съ нашими капитанами Боксъ и Юрвицкимъ. Мы проѣхали чрезъ города Тулу, Дѣдилово, Богородскъ и догнали полкъ въ Ефремовѣ. Эти три послѣднія селенія, оффиціально изображающія собою города, въ дѣйствительности являлись самыми скверными деревнями, какія я когда либо видѣлъ. По недостатку бревенъ, всѣ дома построены изъ плетеныхъ прутьевъ, обмазаны глиной, при томъ они низки, малы и крыты соломою. Недостатокъ лѣсовъ, на 100 слишкомъ верстъ въ окружности, столь великъ, что жители не могутъ

топить печей даже хворостомъ и постоянно употребляютъ для этого солому. Не смотря на непривлекательность и не совсѣмъ опрятную жизнь, всѣ крестьяне отъ Тулы до Воронежа весьма зажиточны. Земля въ этой мѣстности, пожалуй, самая плодородная по всей Россіи и черна какъ уголь. Исключая нѣсколькихъ горъ, тутъ ѣдешь почти постоянно по полямъ, которыя такъ гладки и велики, что и конца имъ не видно. Извѣстно, что главное богатство крестьянина состоитъ въ скотѣ, лошадяхъ и зерновыхъ хлѣбахъ; а потому можно сказать, что всѣ здѣшніе крестьяне въ этомъ отношеніи очень богаты.

Отъ Москвы до Ефремова двѣсти слишкомъ верстъ. Съ Ефремова мы пошли съ нашимъ полкомъ вправо, чтобы не проходить по такъ называемой Ефремовской степи, простирающейся на 45 верстъ, такъ какъ съ 18-го января до 1-го февраля непрерывно стояли ужасные морозы. Это совершенно гладкая, безлѣсная и даже безкустарная степь, и не будь здѣсь большая дорога обозначена съ обѣихъ сторонъ прутьями или турами, сплетенными изъ соломы и разставленными другъ отъ друга на разстояніи отъ 8 до 10 сажень, то путешественникъ хоть не ѣзди, потому что даже при самой ничтожной мятели, большая дорога исчезаетъ.

26-го января прибыли мы въ г. Елецъ, который находится въ 380 верстахъ отъ Москвы Этотъ городъ, какъ почти всѣ русскіе города, выстроенъ дурно. Здѣсь догналъ свой полкъ нашъ командиръ, пріѣхавшій изъ Москвы съ нѣсколькими офицерами. Фуражъ въ Елецѣ былъ необыкновенно дешевъ, четверикъ овса стоилъ на рынкѣ 5 коп., сѣно дороже, а именно 4 или 5 коп. за пудъ. Вообще мы нашли, что крестьяне продавали четверикъ овса за ту же цѣну, какъ и за пудъ сѣна.

Отъ Елеца до Воронежа 130 верстъ. Здѣсь разселены однодворцы, почти тѣ же крестьяне, но съ тою разницею, что они владѣютъ родовыми землями, а иногда даже и крѣпостными. Эти однодворцы, наполняющіе собою Воронежскую губернію, отличные люди, очень спокойнаго и гостепріимнаго нрава, но очень лѣнивы. Послѣдній наборъ, въ старые полки, состоялъ только изъ крестьянъ этихъ мѣстностей и изъ однодворцевъ. Въ прежніе времена однодворцы, почти на половину, были, собственно говоря, дворяне, пользовавшіеся, наравнѣ съ остальными русскими дворянами, одинаковыми правами и привиллегіями, которыя они почему-то утратили въ предшествовавшія царствованія, такъ что нынѣ должны платить подушныя подати, наравнѣ съ остальными крестьянами.

1-го февраля прибыли мы съ нашимъ полкомъ въ Воронежъ. Губернаторомъ здѣсь былъ Алексѣй Михаиловичъ Масловъ, генералъ-

лейтенантъ и кавалеръ св. Анны. Городъ лежитъ на рѣкѣ Воронежѣ, довольно великъ и посредственно выстроенъ; много каменныхъ домовъ, больше чѣмъ въ Новгородѣ; кромѣ того тутъ есть не мало богатыхъ купцовъ, которые живутъ настолько замкнуто, что даже днемъ не выходятъ изъ своихъ домовъ. Самый городъ весь построенъ на горахъ; берега рѣки круты и высоки. Въ лавкахъ, за исключеніемъ хорошаго вина, можно получить все, что угодно. Полевыя войска здѣсь не стоятъ, по крайней мѣрѣ жители удостовѣряли меня, что уже болѣе двадцати лѣтъ не видали такого рода войскъ. А между тѣмъ полкъ могъ бы здѣсь расквартироваться съ большимъ удобствомъ. Четверть ржи мы покупали за 1 р. 40 коп., что, по сравненію съ прежними цѣнами, необыкновенно дорого, и это потому, что устройство большихъ продовольственныхъ магазиновъ въ Бахмутѣ и Изюмѣ, для потребностей нынѣшней войны, сильно подняло цѣны на всѣ подобные продукты.

3-го февраля полкъ выступилъ изъ Воронежа. Чѣмъ дальше мы шли, тѣмъ менѣе было снѣгу, который кое-гдѣ еще держался, только вслѣдствіе постоянныхъ морозовъ. Изрѣдка встрѣчались лѣса, исключительно дубовые. Березовыхъ деревьевъ здѣсь совсѣмъ не видать, по крайней мѣрѣ, жители увѣряли, что береза у нихъ вовсе не водится. За то мы видѣли повсюду большое селитренное производство, эксплуатируемое казною.

6-го прибыли въ Рыбинъ [1]), первый казацкій городъ, населенный преимущественно казаками же. Постройки въ немъ лучше, чѣмъ въ другихъ небольшихъ городахъ, по крайней мѣрѣ нѣтъ курныхъ хатъ и попадается не мало каменныхъ домовъ, построенныхъ довольно правильно. Рыбинское купечество богато и ведетъ оживленную торговлю съ жителями пограничныхъ крѣпостей.

8-го мы продолжали походъ и, пройдя 45 верстъ степью, дошли до деревни Ерошевки. На всемъ пути не было ни одного селенія. На полпути людямъ дали вареной капусты и хлѣба, который нашъ полковникъ велѣлъ привезти изъ сосѣднихъ деревень. Эта дорога была очень холмиста. Въ Ерошевкѣ есть церковь и 95 домовъ, населенныхъ исключительно казаками.

10-го февраля сдѣлали семидесяти-верстный переходъ черезъ большую степь до большаго казацкаго села Новобѣлаго. Полкъ выступилъ въ 3 часа утра и тѣмъ не менѣе не могъ прибыть въ назван-

---

[1]) Городъ Рыбинъ находится въ Украйнѣ; далѣе въ 10-ти верстахъ граница Украйны и начинается земля казаковъ, причисленныхъ къ Бѣлгородской губерніи Г. Ш.

ное село раньше 7 часовъ вечера; а такъ какъ въ этотъ же день выпалъ сильный снѣгъ, отчего скверная дорога сдѣлалась еще хуже, то наши люди необычайно страдали. Приблизительно на полпути находился небольшой скотный дворъ съ хуторомъ изъ трехъ хатъ. Подобныхъ хуторовъ не мало разсѣяно въ этой степи, и всѣ они имѣютъ между собою сношенія, въ случаѣ если покажется волкъ или какой-нибудь другой хищный звѣрь; тогда хозяева сгоняютъ со степи къ хуторамъ свои конскіе табуны, кромѣ жеребцовъ, которые нападаютъ на звѣря и топчутъ его до смерти копытами. Здѣсь можно увидѣть верблюдовъ, мѣстнаго приплода, которыхъ очень много у калмыковъ.

17-го прошли мы двадцать верстъ до Митякины, лежащей при впаденіи въ Донецъ рѣчки Деркулъ. Мы шли по этой послѣдней рѣкѣ отъ Новаго Деркула. Донецъ имѣетъ здѣсь отъ 6 до 8 саженъ ширины и лѣтомъ, говорятъ, до того мелокъ, что по немъ могутъ плавать только плоты или паромы. Здѣсь нагнали свой первый баталіонъ и застали два казачьихъ полка.

18-го прошли чрезъ Гундорово въ Каменскій.

19-го до Калитвенской станціи, а 20-го прошли мы 33 версты до Калитвы, отсюда полковникъ пошелъ впередъ съ нѣсколькими офицерами въ крѣпость святаго Дмитрія. Калитва лежитъ на рѣкѣ Донцѣ, чрезъ который мы переправились за день передъ тѣмъ и на берегахъ котораго видѣли множество калмыцкихъ кибитокъ. Бо̀льшая часть поселившихся здѣсь калмыковъ жила прежде на Дону. Но такъ какъ они въ предъидущую войну совершили много грабежей и убійствъ, оправдываясь тѣмъ, что это сдѣлали не они, а враги, то въ предупрежденіе такихъ поступковъ, ихъ поселили сѣвернѣе въ землѣ донскихъ казаковъ.

21-го мы вновь переправлялись два раза чрезъ Донецъ, и въ послѣдній разъ съ трудомъ, такъ какъ по срединѣ его были большія полыньи. Вообще эта рѣка образуетъ много изгибовъ, и наконецъ поворачиваетъ влѣво и впадаетъ въ Донъ. Мы въ этотъ день совершили усиленный переходъ въ 60 верстъ и притомъ чрезъ совершенно голую степь. Приблизительно на полпути нашли мы развалившуюся землянку, гдѣ живутъ два казака, завѣдывающіе почтой. Снѣгу становилось замѣтно менѣе. Нигдѣ не было видно ни одного дерева, развѣ только подлѣ Донца, по берегамъ котораго растетъ непрерывный дубовый лѣсъ. Селеніе, куда мы прибыли, называлось Кунжючекъ.

23-го прибылъ въ Раздоръ генералъ-лейтенантъ Вернесъ, который долженъ былъ командовать нами въ Дмитріѣ и въ тотъ же день пошелъ далѣе.

25-го пришли мы въ Черкаскъ. Это резиденція атамана донскихъ казаковъ, котораго зовутъ Данилой Степановичемъ Ефремовымъ Городъ, какъ и всѣ украинскіе города, дурно выстроенъ, лежитъ на Дону и совсѣмъ не укрѣпленъ, если не считать небольшой редутъ съ нѣсколькими орудіями, который находится въ нѣкоторомъ разстояніи у рѣки.

Только въ это военное время приказалъ господинъ Ефремовъ, который дѣйствительный бригадиръ при арміи, окружить городъ крѣпкими палисадами и помѣстить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пушки. Раньше, чѣмъ мы дошли до Черкаска, осмотрѣлъ я отстоящую отъ него на пять верстъ крѣпость Св. Анны, которая лежитъ недалеко отъ Дона въ очень низкой и потому нездоровой мѣстности. Это правильный шестиугольникъ, имѣющій четыре равелина, съ сухимъ рвомъ, крытыми путями и гласисомъ. Бастіоны, фланги и куртины до сихъ поръ въ довольно хорошемъ состояніи. Впрочемъ, крѣпость совершенно пуста, такъ какъ всѣ ея постройки были перенесены въ Св. Дмитрія.

26-го прибыли мы, наконецъ, благополучно въ крѣпость Св. Дмитрія Ростовскаго. Она лежитъ совсѣмъ у Дона и состоитъ изъ 12-ти бастіоновъ, которые соединены вмѣсто куртинъ паллисадами и помѣщены такимъ образомъ, что линія паллисадъ образуетъ прямой уголъ. Нѣсколько недѣль послѣ нашего прихода начали сооружать вокругъ крѣпости настоящій ровъ, крытый путь и гласисъ, что должно было быть окончено въ этомъ году, такъ какъ этою работою ежедневно занимались 3,000 человѣкъ.

По обѣимъ сторонамъ крѣпости, на берегу, на разстояніи пушечнаго выстрѣла, выстроены большія предмѣстья, въ одномъ изъ которыхъ, по направленію къ Азову, былъ помѣщенъ весь нашъ полкъ. Въ крѣпости нѣсколько хорошихъ казармъ, выстроенныхъ для штабныхъ офицеровъ, гдѣ и былъ расквартированъ весь нашъ штабъ. Командиромъ былъ генералъ-маіоръ Потаповъ. Остальные дома очень дурны и на весь городъ существуетъ нѣсколько лавокъ. Во всей этой мѣстности, на сто верстъ кругомъ, нельзя найти дровъ [1]), которые поэтому здѣсь очень дороги. За небольшую вязанку, и то съ трудомъ добываемую, платили мы отъ рубля до 1 р. 20 коп. Вслѣдствіе недостатка дровъ для варки и топки употребляютъ тростникъ въ палецъ толщиною и три аршина вышиною, который растетъ на берегу Дона; все же вязанка его стоила отъ 20 до 24 коп. Зато рыба очень

---

[1]) Лѣсъ можно найти уже въ Таганрогѣ, а именно за 100 верстъ отсюда, также за 60 верстъ отъ Дмитрія по дорогѣ въ Бахмутъ. Г. Ш.

дешева. Лучшаго осетра, въ которомъ нашли болѣе 20 фун. икры, покупали мы за 1 р. или 1 р. 20 коп.; стерлядь, болѣе чѣмъ въ полтора аршина, за 5 до 8 коп., и 1 фун. икры—за 3 до 4 коп. Кромѣ того, ловятъ одну рыбу, называемую таранью, и вытаскиваютъ ее за одинъ разъ въ количествѣ болѣе 20,000 штукъ, причемъ стоимость одной тысячи отъ 10 до 15 коп. Тарань вредна для здоровья, причиняя по большей части лихорадку. Вдоль Дона, въ этой мѣстности, встрѣчается много хуторовъ и загоновъ для скота, пустынное поле, которое тянется на разстояніи нѣсколькихъ сотъ верстъ.

Только 20-го марта у насъ была отличная погода и такъ тепло, что днемъ можно было оставлять окна открытыми впродолженіи нѣсколькихъ часовъ, что и побудило генерала Вернеса приказать намъ выступить въ лагери 4-го апрѣля; хотя это было очень рано, но мы не чувствовали ни малѣйшаго неудобства. Съ 1-го апрѣля трава уже настолько выросла, что можно было пасти лошадей.

Такъ какъ были получены извѣстія о нападеніи татаръ около Бахмута, вслѣдствіе чего и мы могли ожидать ихъ посѣщенія даже и въ предмѣстьѣ, въ верстѣ отъ крѣпости, гдѣ насъ расквартировали, то кромѣ обычныхъ пикетовъ, роты должны были выходить по очереди въ караулъ на поле, что и продолжалось до 25-го марта, когда были получены извѣстія успокоительныя.

10-го въ нашемъ лагерѣ съ большимъ торжествомъ освѣщали вновь полученныя знамена. Полковникъ, преклонивъ колѣно, принималъ ихъ въ церкви, одно за другимъ, отъ генерала Вернеса и передавалъ штабъ-офицерамъ, которые, въ свою очередь тоже преклонивъ колѣна, вручали ихъ прапорщикамъ, а тѣ—знаменщикамъ (юнкерамъ). Старшій капитанъ, стоявшій предъ папертью съ гренадерскою ротою, принималъ знамена изъ церкви и относилъ ихъ къ полку, который былъ выстроенъ для парада съ должной церемоніей.

11-го апрѣля выступили мы изъ Дмитрія и пройдя въ теченіи дня около 12 верстъ остановились на ночлегъ на берегу Донца,—такъ называется рукавъ Дона, впадающій въ Азовскій заливъ.

12-го перешли съ трудомъ чрезъ Донецъ, и потому не могли сдѣлать болѣе 14 верстъ.

13-го дана дневка и совершена переправа полковаго обоза чрезъ Донъ, а 14-го переправились и мы.

Для переправы имѣлось только одно судно, а рѣка необычайно разлилась, и потому нашъ полкъ дошелъ до указаннаго ему лагеря подъ Азовымъ только послѣ полудня. Лагерь былъ расположенъ на Кубанской сторонѣ, совсѣмъ подлѣ гласиса, имѣя правый флангъ на высотѣ до 40 саженъ вышины, находящейся у берега Дона, а лѣвый

флангъ, т. е. моя гренадерская рота, находился въ 20 шагахъ отъ старыхъ земляныхъ укрѣпленій. Такъ какъ на мѣстѣ нашего лагеря нѣкогда стоялъ старый турецкій городъ, то мѣстность была очень кочковата и не ровна.

Азовъ слишкомъ извѣстенъ въ историческомъ отношеніи, и потому нѣтъ надобности распространяться о его прежнихъ владѣтеляхъ. Я только замѣчу, что эта крѣпость была взята въ 1736 году по приказанію генерала Ласси, и взорвана въ 1739 г. по условію Бѣлградскаго мира, послѣ чего Азовъ сдѣланъ пограничнымъ городомъ между Россіей и Турціей. По этому же трактату былъ покинутъ русскими и Таганрогъ, съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы обоими городами впредь не владѣло ни то, ни другое государство.

Азовъ пострадалъ болѣе Таганрога; въ немъ не нашли мы цѣлымъ ни одного верка, ни одного полеваго укрѣпленія; бо̀льшая часть рвовъ была засыпана землею; вслѣдствіе взрывавшихся снарядовъ, крытый путь и гласисъ изрыты минами. Хорошія стѣны, защищавшія городъ по берегу Дона, совершенно въ развалинахъ; каменные дома разрушены; однимъ словомъ, видъ этой крѣпости, которую я увидѣлъ въ первый разъ въ мартѣ, былъ ужасенъ.

Уже въ мартѣ мѣсяцѣ былъ посланъ баталіонъ Ростовскаго полка, состоявшій изъ 500 человѣкъ, подъ командою маіора Ильина, для занятія этой крѣпости. И когда прибыли сюда рабочіе, назначенные въ числѣ 3,000 человѣкъ, то они принялись за дѣло съ большимъ усердіемъ. Сперва назначили работникамъ уроки по общему росписанію; но развитіе болѣзней, сократившихъ въ нѣсколько недѣль число рабочихъ до половины, заставило уменьшить уроки; а затѣмъ состоялся указъ, чтобы вмѣсто трехъ коп. поденной платы имъ выдавать по пяти копѣекъ. Изъ этихъ бѣдныхъ крестьянъ, уходъ за которыми во время ихъ болѣзни былъ очень плохъ, умерло болѣе 500 человѣкъ. и случалось такъ, что въ день умирало отъ 12 до 13 человѣкъ. Господствующими видами болѣзней были кровавый поносъ и злокачественная горячка. Въ нашемъ полку умерло до сентября мѣсяца 150 солдатъ и подпоручикъ Тенишевъ изъ первой мушкатерской роты.

Мы нашли въ цвѣту уже всѣ плодовыя деревья, изъ которыхъ многія въ дикомъ состояніи ростутъ около Азова, и въ концѣ мая у насъ были уже спѣлыя вишни. Здѣсь одолѣвали насъ не только знойные дни, стоявшіе до сентября, но и отвратительныя змѣи, которыхъ убивали ежедневно сотнями. Особенный зной стоялъ въ іюлѣ, и я замѣтилъ, что самая жаркая пора дня продолжалась отъ часу до шести пополудни. Отъ 10 часовъ утра до 2-хъ пополудни здѣсь

нерѣдко налетали сильные вихри, которые могли бы благодѣтельнымъ образомъ освѣжить людей, если бы не были уже слишкомъ сильны; часто бывали у насъ и сильныя грозы, которыя по большей части приходили съ Азовскаго залива, и часто сопровождались необычайно крупнымъ градомъ.

Генералъ-лейтенантъ Вернесъ, стоявшій лагеремъ на нашемъ правомъ флангѣ, получилъ извѣстіе, что турецкій флотъ плыветъ къ Азову и Таганрогу, и поэтому рѣшили устроить батарею на Каланчѣ, одномъ изъ широкихъ рукавовъ Дона. Я былъ командированъ туда съ 50 работниками, двумя каменьщиками и нѣсколькими солдатами, чтобъ на заранѣе выбранномъ мѣстѣ построить редутъ на семь орудій. Укрѣпленіе было окончено къ 10 іюня, когда и отправили къ нему команду и пушки.

14-го іюня прибыли къ Азову построенные въ Воронежѣ два парома и пять большихъ лодокъ; изъ числа назначенныхъ сюда семи паромовъ и 60 лодокъ, пять паромовъ сѣли на мель въ 100 верстахъ отсюда, вслѣдствіе мелководья. На каждомъ паромѣ было по 44 пушки, изъ которыхъ половина 24-фунтовыя, а остальныя 18-фунтовыя, а на каждой лодкѣ по 8-ми фалконетовъ и по одной 3-фунтовой пушкѣ, стоявшей на носу. Одинъ паромъ стоялъ на Каланчѣ, не далеко отъ моего редута, а другой подлѣ Азова. Три лодки были распредѣлены для сторожевой службы въ различныхъ мѣстахъ при устьѣ Дона. Вицъ-адмиралъ и кавалеръ св. Анны Алексѣй Наумовичъ Синявинъ, начальникъ назначенной сюда флотиліи, прибылъ и выбралъ своей главной квартирой Дмитрій-Ростовскій. Три казачьихъ полка, въ которыхъ было по 500 человѣкъ, были размѣщены по Кубанскому берегу на протяженіи 12-ти верстъ, по рѣкѣ Качальникъ, откуда эти посты должны были ежедневно высылать большіе и малые патрули. Малые посылаются отъ одного форпоста къ другому, большіе же, состоявшіе изъ старшины и шести казаковъ, доходили до рѣки Ейское, находящейся въ 150 верстахъ отсюда. На движеніе такихъ патрулей туда и обратно полагалось четыре дня, и такъ какъ каждый день непремѣнно выступалъ новый патруль, то свѣдѣнія изъ этого раіона шли безостановочно. Первый патруль шелъ по Азовскому заливу до Ейска, затѣмъ 20 или 30 верстъ вдоль по этой рѣкѣ и возвращался домой уже прямо черезъ степь. Другой патруль, выступавшій на слѣдующій день, шелъ сначала черезъ степь къ Ейское, затѣмъ къ устью этой рѣки и возвращался по берегу Азовскаго залива. Кромѣ того, для увѣренности, что патрули исполняютъ свое назначеніе и осматриваютъ мѣстность у Ейскъ, каждый изъ нихъ долженъ былъ взять въ извѣстномъ мѣстѣ палочку, оставленную тамъ

предшествовавшимъ патрулемъ и положить на то же мѣсто новую палочку для слѣдующаго патруля. По возвращеніи, патруль предъявлялъ палочку полковому командиру.

Изъ настоящихъ Донскихъ казаковъ, здѣсь находилось только два полка, именно люди атамана Ефремова; третій же полкъ, стоявшій обыкновенно въ Ростовѣ и сформированный въ прошлую войну, послѣ взятія Азова, состоялъ изъ Азовскихъ казаковъ.

23-го апрѣля генеральсъ-адъютантъ капитанъ Дистерловъ отправился съ 60 казаками за 150 верстъ до Ейска и возвратился 1 мая, ничего не сдѣлавъ и не видавъ ни одного непріятеля, но за то привелъ своему генералу дикаго жеребца.

22-го іюня былъ вновь посланъ эсаулъ Бѣляевъ съ сотнею казаковъ по Кубани. Онъ дошелъ до перваго непріятельскаго города Анапы, который лежитъ на рѣкѣ Кубань приблизительно въ разстояніи 200 верстъ отъ Азова, и такъ какъ турки открыли по нимъ артиллерійскій огонь стоявшихъ на морѣ судовъ, то Бѣляевъ принужденъ былъ отступить.

Въ среднихъ числахъ августа мѣсяца получили мы извѣстіе, что непріятельскій флотъ, который долженъ былъ спустить десантъ въ Азовѣ и Таганрогѣ, дѣйствительно прибылъ въ Кафу, но что десантный отрядъ взбунтовался, убилъ своего командира, все бросилъ и разошелся.

Между тѣмъ, работы около Азова продолжались съ тою же поспѣшностью, такъ что гласисъ и палисады были совсѣмъ уже готовы въ срединѣ сентября; всѣ бастіоны находились въ отличномъ состояніи, а изъ четырехъ равелиновъ были уже выстроены три. Вологодскій полкъ съ однимъ знаменемъ занималъ караулы въ крѣпости, гдѣ было поставлено болѣе 110 орудій различнаго калибра. Вообще для Азова и Таганрога предполагалось 300 орудій.

Въ октябрѣ всѣ крѣпостныя сооруженія были приведены въ довольно хорошее состояніе и все вообще было приспособлено къ сильной оборонѣ.

2-го октября прибылъ курьеръ отъ графа Румянцева, который привезъ приказъ о моемъ повышеніи. Я былъ назначенъ секунд-маіоромъ въ Елецкій полкъ, и потому, приведя все въ порядокъ по моей части, уѣхалъ верхомъ въ Ростовъ.

Не могу пройти молчаніемъ слѣдующаго явленія, замѣчательнаго въ Азовѣ. Во время сильныхъ ночныхъ грозъ на остріяхъ у часовыхъ, стоявшихъ по высокимъ бастіонамъ, замѣтенъ былъ огонь, который, не вредя штыкамъ, оставался на нихъ часто впродолженіи цѣлаго часа. Когда ружье уклоняли отъ вертикальнаго положенія, то этотъ

огонь погасалъ скорѣе, а если часовые держали ружье такъ, что концы штыковъ были обращены къ землѣ, то огня на нихъ никогда не появлялось. Но всего любопытнѣе то, что ничего подобнаго не замѣчали часовые, ни въ Ростовѣ, ни въ Таганрогѣ, хотя эти города находятся отъ Азова всего на разстояніи 30 верстъ.

15-го октября поѣхалъ я въ Ростовъ и направился прямо чрезъ степь въ Бахмутъ, сдѣлавъ по 20-е число, день прибытія моего въ Бахмутъ, всего 230 верстъ; на всемъ этомъ пути не было ни деревень, ни хуторовъ, за исключеніемъ Гусарской слободы, и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчались землянки, покинутыя жителями, бѣжавшими изъ боязни нападенія татаръ.

Во все продолженіе моего пути, стояли необычайные морозы. Изъ Ростова до Бахмута есть еще другая дорога, проложенная по заселенной мѣстности, а именно чрезъ хутора Донскихъ казаковъ, но эта дорога въ 500 слишкомъ верстъ и потому я рѣшился выбрать хотя и менѣе удобный, за то кратчайшій путь.

Въ Бахмутѣ узналъ я, что вся вторая армія уже возвращается на зимнія квартиры и здѣсь же встрѣтилъ генералъ-лейтенанта Берга и генералъ-маіора Романіуса. Первый, сдѣлавъ со своимъ корпусомъ неудачную попытку вторженія въ Крымъ, расположился уже на зимнихъ квартирахъ въ Бахмутѣ.

4-го ноября выѣхалъ я изъ Бахмута съ премьер-маіоромъ Врангелемъ, который былъ переведенъ въ Черниговскій полкъ, и 15-го прибыли мы въ деревню Тарановку [1]), гдѣ долженъ былъ расквартироваться Елецкій полкъ, еще не прибывшій на мѣсто.

18-го маіоръ Врангель продолжалъ свой путь въ Полтаву.

Елецкій полкъ [2]), прибывшій нѣсколько дней спустя, расположился на зимнихъ квартирахъ, которыя, противъ нашего ожиданія, оказались покойны и хотя, согласно различнымъ извѣстіямъ, у насъ опасались сильнаго вторженія татаръ, тѣмъ не менѣе все прошло благополучно. Графъ Панинъ, расположившійся съ нѣсколькими полками въ Харьковѣ, въ виду этого ожидаемаго вторженія, принялъ такія разумныя мѣры, далъ такое отличное положеніе своему кордону (пограничной стражѣ) внѣ боевой линіи и расположилъ всѣ полки такъ, что татары не смѣли насъ тревожить. По его генеральному приказу всѣ деревни, на случай нападенія, были укрѣплены

[1]) Тарановка лежитъ въ 50 верстахъ отъ Харькова въ 25 отъ Алексѣевской крѣпости и въ 120 верстахъ отъ Полтавы.

[2]) Полковникомъ Елецкаго полка былъ Корретъ, подполковникомъ Пуфсонъ и премьер-маіоромъ Бельвицъ; всѣ три женаты. Г. Ш.

рвами и паллисадами, а чтобы имѣть вѣрные и быстрыя свѣдѣнія о вторженіи непріятеля, около деревень и посреди нихъ были сооружены на возвышенностяхъ маяки (или соломенныя вышки отъ 8 до 10 аршинъ вышиною) такъ, чтобы съ одной были видны другія. Доказательствомъ тому, что форпосты были хорошо расположены, можетъ служить слѣдующее: въ ноябрѣ мѣсяцѣ вторглась въ мѣстность около Бахмута небольшая шайка татаръ въ 500 человѣкъ. Отрядъ изъ 200 казаковъ, которые были поставлены приблизительно въ 70-ти верстахъ впереди линіи нашего расположенія, замѣтивъ, пустился въ погоню, сдѣлалъ внезапное нападеніе, совершенно разбилъ татаръ и освободилъ четырехъ плѣнныхъ русскихъ крестьянъ, да кромѣ того взялъ съ бою 150 лошадей. Вообще кордонъ форпостовъ былъ раздѣленъ на множество треугольниковъ; въ каждомъ изъ нихъ одинъ уголъ или форпостъ заходилъ впередъ за линію направленія на 40, 50 или 60 верстъ. Громадная польза, достигаемая при таковомъ расположеніи форпостовъ, состояла въ томъ, что въ какомъ бы мѣстѣ ни прорвался непріятель, на него всегда можно было напасть съ фланга или тыла.

1770 г.

25-го февраля 1770 года, послѣ того, какъ графъ возвратилъ мнѣ мое шестимѣсячное старшинство, былъ я переведенъ въ Воронежскій полкъ премьер-маіоромъ, гдѣ полковникомъ былъ Жербининъ, переведенный въ январѣ изъ гвардіи; подполковникомъ Михельсонъ, который служилъ со мною въ Вологодскомъ полку, а секунд-маіоромъ Елагинъ. Воронежскій полкъ стоялъ тогда въ Харьковѣ.

Мое же старшинство, какъ премьер-маіора, получилъ я 1-го января 1770 года.

4-го марта получилъ я отъ генерала Ренненкампфа приказъ переправить чрезъ Днѣпръ у Кременчуга тяжелый обозъ пяти полковъ, а именно Ростовскихъ карабинеръ, Сумскихъ гусаръ, затѣмъ Воронежскаго, 2-го Гренадерскаго и Черниговскаго, и принять надъ этими обозами команду въ томъ мѣстѣ, гдѣ они 5-го будутъ снаряжены своими полками.

Выѣхавъ 5-го числа изъ Харькова, я пріѣхалъ 20-го въ Кременчугъ; Днѣпръ былъ въ полномъ разливѣ, который широко, со всѣхъ сторонъ, подступилъ къ городу и окружилъ его. Поэтому надо было переправляться чрезъ рѣку за версту до ея нормальнаго берега и плыть на разстояніи 6-ти верстъ. Для этой цѣли доставлены были

сначала 15, а потомъ 18 судовъ, которые поддерживали сообщеніе все время пока строился мостъ. Такимъ способомъ переправились полки Брянскихъ, Курскихъ, Ратскихъ, Ямбургскихъ и половина полка Ростовскихъ карабинеръ; хотя суда были очень большія, но во время бури на нихъ нельзя было переправляться. Графъ, прибывшій 7-го съ различными волонтерами (добровольцами), переѣхалъ 9-го въ лодкѣ.

Наконецъ, 11-го къ вечеру, былъ оконченъ столь ожидаемый и желаемый мостъ, стоившій, какъ говорятъ, болѣе 8,000 рублей и состоявшій изъ 190 трехсаженныхъ плотовъ, закрѣпленныхъ якорями.

Всѣ войска и обозы, переходя чрезъ рѣку, имѣли видъ потока.

13-го перешелъ я по мосту съ тяжелымъ обозомъ восьми полковъ, такъ какъ къ прежнему прибавился обозъ еще четырехъ полковъ. Въ этотъ день была сильная буря; однако я перешелъ счастливо. Рендеву (rendez-vous) всѣхъ полковъ долженъ былъ быть въ Выськѣ, лежащемъ въ 120 верстахъ отъ Кременчуга.

14-го мая вышелъ я изъ Крюкова, деревни, лежащей у Днѣпровскаго моста, и 20-го достигъ Млеки. Такъ какъ крѣпость св. Елизаветы находится только въ четырехъ верстахъ влѣво отъ этого послѣдняго селенія, то я поѣхалъ туда верхомъ и осмотрѣлъ ее. Крѣпость слабо защищена, вокругъ сухой ровъ; она лежитъ на возвышенности и служитъ обсерваціоннымъ пунктомъ лежащему внизу въ равнинѣ предмѣстью, которое также отчасти защищено небольшими земляными укрѣпленіями противъ внезапнаго нападенія.

23-го прибылъ къ Выськѣ, гдѣ встрѣтился съ графомъ и нѣсколькими полками. Обозы различныхъ полковъ были отосланы въ свои полки, такъ что съ 25-го числа я продолжалъ свой путь въ Добренки только съ обозами нашего Черниговскаго полка и резервныхъ ротъ.

28-го прибылъ въ Добренки. Деревня эта, какъ и всѣ поселенія, начиная отъ Елизаветво (Елизаветграда) населена молдаванами, бѣжавшими въ прошломъ году въ числѣ 3,000 семействъ изъ Молдавіи въ Россію и разселенными правительствомъ въ этой мѣстности; она лежитъ на рѣчкѣ Сѣдневкѣ, отдѣляющей Польшу отъ нашей новой Сербіи и впадающей около Орла въ Бугъ.

1-го іюня выступилъ я изъ Добренки съ находившимся подъ моей командой тяжелымъ обозомъ и прибылъ на слѣдующій день въ Орелъ, отстоящій отъ Добренки на 40 верстъ. Эта населенная прежде деревня лежитъ на Бугѣ при впаденіи въ него Сѣдневки. При сліяніи обѣихъ этихъ рѣкъ (изъ которыхъ Бугъ шириною въ 37 саженъ) начали съ большою поспѣшностью сооружать шанецъ Екатерину.

7-го прибылъ графъ Панинъ съ арміей и занялъ позицію на

Бугѣ. Армія эта состояла изъ слѣдующихъ пѣхотныхъ полковъ: 2-го гренадерскаго, Черниговскаго, Воронежскаго, Владимірскаго, Брянскаго, Бѣлевскаго, Курскаго, Ратскаго, Тамбовскаго, затѣмъ изъ отряда егерей въ 1,200 человѣкъ; кавалерійскихъ: Ямбургскаго, Ростовскаго, Псковскаго карабинерныхъ, Борисоглѣбскихъ драгунъ, Сумскихъ, Изюмскихъ и Черныхъ гусаръ, изъ нѣсколькихъ егерскихъ и казачьихъ полковъ. Въ тотъ же день прибыли сюда 5,000 запорожскихъ казаковъ, которые тотчасъ переправились чрезъ выстроенный на Бугѣ понтонный мостъ и съ 16 маленькими пушками были посланы подъ командою Прозоровскаго на Очаковскую сторону. Съ нимъ пошелъ и Борисоглѣбскій драгунскій полкъ.

8-го числа я, по приказанію графа, вновь явился въ полкъ.

Въ тотъ же день выступила армія; выстроившись въ 3 колонны, она дефилировала чрезъ Бугъ по понтонамъ и расположилась лагеремъ на турецкой границѣ, въ 8 верстахъ отъ этой рѣки, постоянно маневрируя и стрѣляя.

11-го армія переправилась чрезъ рѣчку Кодину, слѣдовательно вошли въ Польшу и расположились лагеремъ при опустошенномъ польскомъ селеніи; тутъ со всѣхъ полковъ была собрана особая команда для укрѣпленія лагеря.

На слѣдующій день мы узнали, что на командированный впередъ отрядъ изъ егерей и конницы напали татары. Съ нашей стороны было убито 15 гусаръ и недоставало много лошадей, а именно 24, которыхъ графъ Панинъ велѣлъ раздѣлить между потерпѣвшими офицерами и нижними чинами. Полковникъ Браунъ чуть не былъ взятъ въ плѣнъ.

13-го и 14-го продолжалось дальнѣйшее движеніе арміи и съ 18-го числа всѣ полки уже имѣли при себѣ провіанту на три мѣсяца, для чего у каждаго пѣхотнаго полка имѣлось 145 повозокъ, 540 быковъ и 40 лошадей. Кавалерія же получила все въ уменьшенной на половину пропорціи, противъ пѣхоты.

Со втораго перехода полковникъ Фелькерзамъ пошелъ со своимъ отрядомъ егерей влѣво отъ Буга на Балту, для наблюденій за непріятелемъ съ Очаковской стороны, а вправо къ Днѣстру, приблизительно параллельно съ нами, двинулся генералъ Елемптъ съ 5 пѣхотными и 2 кавалерійскими полками.

22-го мы достигли Балты, куда прибылъ и генералъ Елемптъ съ 3 пѣхотными полками, а именно: Орловскимъ, Козловскимъ и Сѣвскимъ, и съ 17 двѣнадцати-фунтовыми орудіями. Для прикрытія осадной артиллеріи, которая слѣдовала за нимъ и пошла по другой дорогѣ вправо, былъ откомандированъ Елецкій полкъ, а для при-

крытія нашего тяжелаго обоза—Тамбовскій. Стародубскій полкъ генералъ Елемптъ послалъ къ генералъ-маіору Бурніану, который въ прошлую зиму построилъ мостъ чрезъ Днѣстръ въ Сорокахъ, и съ которымъ намъ приказано было соединиться не спѣша. Полковникъ Фелькерзамъ подвинулся съ находившимся подъ его командою отрядомъ егерей въ Илью, куда были отряжены для его подкрѣпленія нѣсколько гренадерскихъ ротъ и эскадроновъ резервнаго корпуса.

24-го пришли мы въ Бырзу и узнали, что князь Прозоровскій находится недалеко отъ Очакова и что часть его запорожцевъ привели въ безпорядокъ непріятельскій пикетъ. взявъ при этомъ въ плѣнъ 3-хъ человѣкъ и 5,000 овецъ.

26-го числа пришли въ Дубово. гдѣ 28-го отпраздновали этотъ праздничный день молебствіемъ и троекратнымъ бѣглымъ огнемъ по всей арміи—послѣ чего мы выступили и, пройдя 16 верстъ, достигли до Днѣстра, при впаденіи въ него Ягорлыка.

Отъ Буга до Днѣстра армія не шла ни разу болѣе чѣмъ въ четыре колонны, а при встрѣчавшихся длинныхъ дефилеяхъ и въ двѣ колонны. Эти колонны въ пѣхотѣ постоянно образовывали длинныя карре, причемъ каждая шла слѣдующимъ образомъ: сперва гусары, а за ними карабинеры по полу-эскадронамъ; затѣмъ отставшія гренадерскія роты и ежедневные пикеты отъ пѣхотныхъ полковъ, предъ которыми находилось по орудію отъ каждаго пѣхотнаго полка, бывшаго въ составѣ колонны, затѣмъ часть полевой артиллеріи, а за нею длинное карре пѣхоты, имѣя во главѣ своей только два взвода. Обозы шли внутри карре, имѣя съ обѣихъ сторонъ около себя полевую и полковую артиллерію. Тѣ же обозы, которые не умѣщались въ карре, шли позади его и прикрывались пѣхотнымъ арріергардомъ. Впрочемъ, во время похода насъ постоянно прикрывали спереди и съ фланговъ большія части казаковъ, шедшія въ разстояніи одной или двухъ верстъ отъ колонны.

28-го іюня вечеромъ были посланы на ту сторону Днѣстра 300 казаковъ, чтобы развѣдать. нѣтъ ли вблизи непріятеля; а 29-го, послѣ утренней зори, вторая рота скрытно перешла по наведенному ночью понтонному мосту, въ 90 саженъ въ ширину. Въ тотъ же день переправился прибывшій изъ Владычика генералъ Сорицъ съ полками Черныхъ и Желтыхъ гусаръ. Гусарскій разъѣздъ былъ посланъ въ Бендеры и такъ какъ командовавшій имъ поручикъ не встрѣтилъ (врага) до самаго города, то и разрядилъ пистолетъ о стѣну.

30-го утромъ прибылъ тяжелый обозъ, осадная артиллерія, отряженная къ намъ изъ Кіева, и полки Старооскольскій, Тамбовскій и Елецкій. Эта артиллерія состояла изъ 18-ти и 24-хъ фунтовыхъ,

14-ти и 18-ти фунтовыхъ пушекъ, изъ 8-ми и 5-ти пудовыхъ и 20-ти полупудовыхъ мортиръ.

1-го іюля, въ то время, какъ полки переходили чрезъ Днѣстръ, генералъ-маіоръ Каменскій получилъ приказаніе оставаться со слѣдующими полками по сю сторону рѣки, для того чтобы, идя по берегу Днѣстра, параллельно арміи, приблизиться къ крѣпости Бендеръ. Для этой цѣли были предназначены пѣхотные полки: Воронежскій и Бѣлевскій, а изъ кавалерійскихъ: Ямбургскій, Изюмскій, четыре Донскихъ казачьихъ и 2 эскадрона Желтыхъ гусаръ. Съ этимъ отрядомъ прошли мы 1 іюля 5 верстъ внизъ по теченію Днѣстра, а 2-го числа присоединился къ намъ отрядъ артиллеріи, именно 4-ре 12-ти фунтовыя пушки, 4-ре 20-ти фунтовыя и 4-е 5-ти пудовыя мортиры. Армія на той сторонѣ Днѣстра подвинулась впередъ.

4-го прошли мы 13 верстъ и соединились съ отрядомъ егерей и 4-мя ротами гренадеръ, которымъ отрядомъ командовалъ полковникъ Фелькерзамъ.

Остававшаяся гренадерская рота нашего и таковая же Бѣлевскаго полковъ присоединились къ этимъ 4-мъ гренадерскимъ ротамъ и подъ командою подполковника Репнина, дошли 6-го до рѣчки Ташлыка.

6-го же были посланы впередъ 3 маленькіе отряда по 50 и 60 человѣкъ и когда они увидѣли непріятельскій авангардъ, то для подкрѣпленія ихъ былъ отряженъ гусарскій маіоръ Дедевитнъ съ казачьимъ полкомъ, который на другой день атаковалъ непріятельскую конницу, состоявшую изъ 1,000 чел., обратилъ ее въ полнѣйшее бѣгство и преслѣдовалъ до мѣста, лежащаго въ двухъ верстахъ отъ Бендеръ, причемъ у непріятеля убито 40 и взято въ плѣнъ 9 чел. Въ дѣлахъ особенно отличились гусарскій поручикъ Вирккевичъ, пѣхотный поручикъ Валувьевъ (Валуевъ?) волонтеръ и прапорщикъ гвардіи Нолькенъ, и сержантъ Воронежскаго полка Пыкичевъ; последній былъ произведенъ въ прапорщики. У насъ былъ убитъ одинъ казакъ и 3 ранены.

9-го, пройдя 15 верстъ, расположились лагеремъ такъ, что Днѣстръ пришелся у насъ въ тылу. Здѣсь узнали, что армія одержала побѣду надъ непріятельскимъ авангардомъ: посланный впередъ отрядъ, подъ командою генералъ-маіора Щербатова, напалъ на 4.000 турокъ, разбилъ ихъ и прогналъ за рѣку Быкъ. 200 турокъ было убито, около 50 взято въ плѣнъ. Съ нашей стороны убиты Ростовскаго карабинернаго полка поручикъ и 6 солдатъ, да 20 человѣкъ ранено.

13-го прошли мы 25 верстъ для того, чтобы избѣжать Тиника и заняли прекрасную позицію на возвышенности, съ которой увидѣли Бендеры. Днѣстръ остался вправо отъ насъ. На слѣдующій день въ

два часа пополудни умеръ въ нашемъ полку сверхкомплектный премьер-маіоръ Мосгеймсъ (сынъ знаменитаго ученаго протестанскаго теолога и историка съ 1694—1755 г.). Армія графа Панина стояла противъ насъ на другомъ берегу, и 14 перешла чрезъ Бугъ.

15-го мы прошли 15 верстъ и уже были отъ Бендеръ въ разстояніи пушечнаго выстрѣла, когда по насъ открыли артиллерійскій огонь изъ крѣпости. Къ счастію ядра не попадали. Точно также армія дошла до Бендеръ и расположилась лагеремъ на большой возвышенности. Во время ея похода произошла большая стычка нашей кавалеріи съ 3 или 4 тысячами непріятельскихъ всадниковъ. Но при помощи нашихъ резервныхъ гренадерскихъ ротъ турки были отбиты послѣ трехчасоваго боя. Съ непріятельской стороны было убито до 150 человѣкъ, съ нашей же около 12. Въ тотъ же день графъ отпустилъ всѣхъ плѣнныхъ турокъ, которые возвратились въ крѣпость и принесли съ собою письмо отъ графа къ коменданту съ извѣстіемъ о побѣдѣ, одержанной 6-го іюня надъ турками румянцевскою арміею. Поэтому 16-го, по случаю этой побѣды, былъ отслуженъ молебенъ, сопровождаемый выстрѣлами изъ всѣхъ пушекъ и троекратнымъ бѣглымъ огнемъ. Какъ этотъ, такъ и слѣдующіе дни были употреблены на укрѣпленіе нашего лагеря на обоихъ берегахъ. Въ арміи графа лагерь былъ раздѣленъ на нѣсколько квартиръ, которыя на случай нападенія съ фронта были укрѣплены редутами, а сзади волчьими ямами.

19-го отправились съ нашей стороны на рекогносцировку партіи казаковъ, возвратились 20-го и привели намъ около 500 штукъ рогатаго скота, который былъ раздѣленъ между частями нашего отряда. Пожитки, находимые въ опустошенныхъ деревняхъ, согласно изданному за нѣсколько времени передъ тѣмъ строгому приказу графа Панина, велѣно было сжигать, равно какъ не брать у непріятеля ни платья, ни какихъ либо вещей и ничего не снимать съ мертвыхъ, вслѣдствіе свирѣпствовавшей въ Бендерахъ чумы.

20-го я былъ командированъ въ качествѣ дежурнаго маіора къ нашимъ батареямъ. Онѣ находились на обоихъ берегахъ и были окончены 21-го. Траншея на другомъ берегу была начата за нѣсколько дней передъ тѣмъ и первая параллель окончена около этого же времени.

21-го въ 3 часа пополудни, по данному сигналу, открыли огонь со всѣхъ батарей и стрѣляли особенно изъ бомбардъ. Съ нашей стороны болѣе всего бросали ночью бомбы въ городъ. Непріятели тоже отвѣчали намъ и постоянно палили изъ пушекъ и бомбардъ.

22-го у насъ опять праздновали вышеописаннымъ образомъ одержанную графомъ Румянцевымъ надъ турками блестящую побѣду, послѣ которой намъ досталось 135 пушекъ и весь лагерь.

24-го турки сдѣлали было вылазку и напали на наши апроши, вторая параллель которой была уже окончена, но были отбиты и потеряли 50 человѣкъ; на слѣдующій день графъ отдалъ строгій приказъ впредь безъ всякаго различія примѣрно наказывать всѣхъ тѣхъ, которые оставляютъ свой постъ. Поручикъ Орловскаго полка, который отбилъ турокъ, былъ произведенъ въ капитаны, а солдаты получили по 25 коп.

Два дня спустя турки вновь попытались потревожить ночной вылазкой нашихъ рабочихъ, но командированныя для прикрытія послѣднихъ гренадерскія роты оборонялись на этотъ разъ лучше, чѣмъ прежде, и быстро прогнали непріятеля.

Въ то время, какъ по окончаніи второй параллели, начата была третья, и всѣ батареи помѣщены во вторую, прибыли въ нашъ лагерь депутаты отъ Буджакскихъ татаръ съ письмомъ отъ своихъ правителей, въ которомъ тѣ извѣщали, что они съ двумя ордами, состоящими изъ 4,000 годныхъ для войны людей, отдаются подъ покровительство русской императрицы. Къ несчастію для татаръ, нашъ генералъ Каменскій уже послалъ кавалерійскій отрядъ въ 1000 человѣкъ, чтобы напасть на ихъ ближайшее селеніе, находившееся отъ насъ въ 60 или 80 верстахъ. Вышеупомянутый маіоръ Дедевитнъ былъ опять назначенъ командиромъ этого отряда. Онъ и нѣсколько добровольцевъ, а именно ротмистръ Шредеръ, гвардейскій поручикъ Нолькенъ и другіе исполнили данное имъ порученіе такъ хорошо, что изрубили около 1,500 сопротивлявшихся татаръ и опустошили ихъ деревни и кибитки. Казаки совершали при этомъ самыя отвратительныя жестокости и умерщвляли всѣхъ встрѣчныхъ, не исключая дѣтей и женщинъ. На возвратномъ пути они дорого поплатились за всѣ звѣрства, которыя совершили безъ вѣдома командировъ: ибо татары, живущіе на большомъ пространствѣ кругомъ, напали на нихъ въ числѣ 8,000 человѣкъ и гнали ихъ 15 верстъ. При этомъ нашъ отрядъ потерялъ 48 карабинеровъ, 55 гусаръ, 180 казаковъ и всю добычу, состоявшую изъ 1,000 лошадей, 10,000 штукъ скота и 130 верблюдовъ.

31-го я былъ отряженъ съ 4-ми гренадерскими ротами, а именно 2-мя Воронежскими и 2-мя Бѣлевскими, на другую сторону, къ корпусу, которымъ командовалъ полковникъ Нейманъ. Сперва я былъ помѣ-

щенъ на лѣвомъ флангѣ, а чрезъ 2 дня переведенъ къ резервнымъ ротамъ, въ квартиры графа Панина.

Въ то время какъ, около 1 августа, у насъ были заняты окончаніемъ третьей параллели, турки съ 2,000 человѣкъ сдѣлали необыкновенно яростную вылазку и напали на войско, прикрывавшее эту траншею. Начальникомъ траншеи былъ въ этотъ день генералъ-маіоръ Лебель, имѣвшій подъ командою 6 гренадерскихъ ротъ и одинъ пѣхотный полкъ. Турки начали одновременно на правый зигзагъ за третью параллелью, на средину и на лѣвый зигзагъ. Здѣсь они встрѣтили надлежащій отпоръ со стороны двухъ Владимірскихъ гренадерскихъ ротъ, командуемыхъ секунд-маіоромъ Шепелевымъ. Однако же они прорвали центръ и правый флангъ, и перебили множество народу, такъ что изъ 3 ротъ 2-го гренадерскаго полка осталось всего 100 человѣкъ. 9-я рота потеряла всѣхъ офицеровъ, между прочимъ и храбраго капитана Вебера. Въ этой ротѣ осталось всего 19 человѣкъ. Между тѣмъ на поле битвы поспѣшили всѣ резервныя роты. Генералъ Лебель, соединивъ часть этихъ ротъ съ остававшимся у него войскомъ, повелъ ихъ впередъ и оттѣснилъ турокъ до прикрытаго пути, гдѣ вдругъ остановился, по своей неосторожности, и былъ смертельно раненъ; умеръ онъ чрезъ два часа. Полковникъ Цеймарнъ, подполковникъ Меллинъ, который командовалъ тамъ же, какъ и я, баталіономъ гренадеръ, маіоръ Жеребцовъ и много офицеровъ резервнаго корпуса были ранены. Я со своими 4 ротами не попалъ въ бой; ибо когда я пришелъ въ предмѣстье и хотѣлъ присоединиться къ остальнымъ гренадерскимъ ротамъ, то замѣтилъ, что онѣ уже оттѣснили непріятеля за прикрытый путь и возвращались назадъ, поэтому и я отошелъ съ ними ко 2-й параллели. Мы потеряли въ этомъ несчастномъ бою, кромѣ одного генерала и многихъ офицеровъ, еще 200 солдатъ, которые были убиты турками самымъ звѣрскимъ образомъ. Вообще въ это несчастное утро были убиты: 1 генералъ, 1 капитанъ, 4 субалтерн-офицера, 180 унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ; ранено: 3 штабныхъ офицера, 4 капитана, 8 субалтернофицеровъ и 472 унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ, изъ которыхъ многіе умерли на другой день. Причинами этого грустнаго событія было во первыхъ то, что командовавшій въ центрѣ и на правомъ флангѣ штабъ-офицеръ не сдѣлалъ ни какихъ распоряженій для защиты; во вторыхъ, что фланги нашей третьей параллели еще не были прикрыты редутами или маленькими укрытыми пушками; и наконецъ въ особенности то, что офицеры, командовавшіе на правомъ флангѣ, почти всѣ убитые или раненые, были столь не догадливы, что оста-

лись ожидать непріятеля у праваго зигзага, гдѣ и были перебиты большая часть нашихъ, вмѣсто того, чтобы выбѣжать впередъ встрѣтить атакующаго предъ зигзагомъ въ сомкнутомъ фронтѣ. Эта громадная потеря послужила намъ въ пользу: въ слѣдующія двѣ ночи турки вновь дѣлали вылазки, но были отбиты, благодаря хорошей диспозиціи. Послѣ вышеизложеннаго несчастія, я былъ оставленъ со своими 4 ротами въ третьей параллели, и вечеромъ, когда мы смѣнялись вновь прибывшимъ прикрытіемъ, турки сдѣлали новую вылазку, но были отбиты. Трупы, частью русскіе, частью турецкіе, оставленные между третью параллелью и прикрытымъ путемъ города, лежали не зарытыми до 3 августа. Непрерывный огонь, особенно ружейный, мѣшалъ и намъ, и непріятелямъ исполнить свое намѣреніе. Наконецъ турки осмѣлились выйти среди бѣлаго дня и похоронили своихъ мертвыхъ. Наши тоже воспользовались этимъ случаемъ, и, выйдя изъ траншей, стали хоронить своихъ убитыхъ. Вышедшіе турки даже начали говорить съ нашими по русски и тогда, чрезъ присланнаго отъ нихъ валаха, мы уговорились съ пашей, что будемъ взаимно подавать трубный сигналъ для прекращенія перестрѣлки, на время уборки и похоронъ убитыхъ.

4-го и 5-го ночью турки сдѣлали три вылазки, но были отбиты. Между тѣмъ у насъ начали сооружать большую батарею въ третьей параллели и работу продолжали даже днемъ, не смотря на большую потерю въ людяхъ. Начатая въ третьей параллели мина подвинулась на 5 саженъ, и такъ какъ отъ двухъ плѣнныхъ турокъ мы узнали, что непріятель уже пять дней подводитъ подъ насъ мину, въ направленіи отъ прикрытаго пути къ срединѣ нашей третьей параллели, для взрыва нашей брешъ-батареи, то сейчасъ же и съ нашей стороны начали подводить контр-мину. Поставленные на флангахъ третьей параллели полковые 8-ми фунтовые единороги и размѣщенныя въ различныхъ пунктахъ траншеи гранатныя мортиры, которыя въ числѣ 40, цѣлую ночь метали гранаты въ прикрытый путь, оказывали отличное дѣйствіе при вылазкахъ непріятеля.

6-го утромъ былъ раненъ въ голову храбрый премьер-маіоръ Колтборнъ, датскій волонтеръ. Съ начала осады у насъ было убито и ранено болѣе 1,500 человѣкъ.

7-го явился я въ траншею и былъ смѣненъ 9-го утромъ. Генералъ Каменскій, добровольно принявшій на себя обязанность траншейнаго начальника, съ маіорами Паленаръ, Бухвостовымъ и Цисеровымъ, безсмѣнно, по собственной охотѣ, пребывавшими въ траншеяхъ, сдѣлалъ нѣсколько вполнѣ сообразныхъ распоряженій и

приготовленій. По его приказанію, прибывшая изъ лагеря смѣна проводила первую ночь во второй, а вторую въ третьей параллели. Это прикрытіе состояло ежедневно изъ 10 ротъ гренадеровъ и 12 ротъ мушкатеровъ, которыя находились подъ командою траншейнаго генерала, двухъ полковниковъ, двухъ подполковниковъ и 4 маіоровъ. Число работниковъ не всегда было одинаково: иногда 700, 800, 1000, а иногда и 1500 человѣкъ.

9-го утромъ были ввезены на брешъ-батарею 13 большихъ пушекъ, съ 10-го—18 на лѣвомъ флангѣ третьей параллели помѣщена еще батарея изъ 3 большихъ пушекъ, и съ 9-го же непріятель сильно началъ палить съ противоположныхъ бастіоновъ.

Съ 7-го до 11-го не было вылазокъ. Однако 100 непріятельскихъ пѣхотинцевъ, переправясь въ лодкахъ, пытались напасть на наши батареи, но были отбиты съ большимъ урономъ.

9-го привели съ форпостовъ перехваченнаго турка, котораго паша отправилъ съ письмомъ къ визирю. Въ этомъ письмѣ онъ извѣщалъ визиря, что если не будетъ поддержанъ его арміею, то крѣпость, которая уже цѣлый годъ осаждается русскими, должна будетъ наконецъ сдаться; при этомъ пересылалась и копія съ письма, которое графъ написалъ бендерскому пашѣ [1]).

10-го перебѣжали къ намъ два турка, которые разсказали, что у нихъ убили помощника паши со всею его свитою, за предложеніе сдать крѣпость и за одно перебили всѣхъ христіанъ до 200 человѣкъ.

Съ 10-го до 15-го не произошло ничего важнаго, за исключеніемъ развѣ того, что изъ трехъ мѣстъ третьей параллели, ради предосторожности, мы начали подводить наши собственныя мины съ сапами. Эти три сапы направлялись сообразно съ продолженіемъ нашихъ минъ, подвигавшихся въ каждыя сутки впередъ приблизительно на двѣ сажени. На лѣвомъ флангѣ большой брешъ-батареи устроили еще одну батарею изъ 5 большихъ пушекъ, которая начала дѣйствовать съ 12-го. Между тѣмъ непріятель не переставалъ стрѣлять изъ ружей съ прикрытаго пути и въ особенности бомбардировать нашу третью параллель, такъ что мы каждую ночь насчитывали отъ 120 до 130 бомбъ. Мы теряли много людей: не проходило сутокъ, чтобъ въ нашей арміи не было убито и ранено 40, 50 и болѣе человѣкъ. И такъ какъ во второй и третьей параллеляхъ находились

---

[1]) Въ этомъ письмѣ графъ извѣщалъ пашу, что такъ какъ армія визиря разбита, то ему нечего надѣяться на подкрѣпленіе. Г. Ш.

44 роты, для прикрытія рабочихъ, то солдаты проводили 4 или 5 ночей по очереди, то на караулѣ, то въ траншеѣ, то на работѣ и затѣмъ только одну ночь спали дома. Нашимъ гренадерскимъ ротамъ было нѣсколько легче; тѣмъ не менѣе и онѣ проводили двѣ ночи въ траншеѣ и одну дома. Словомъ сказать, трудъ и усталость были чрезвычайно велики.

Съ 12-го до 18-го не произошло ничего важнаго. Мое мѣсто съ полковникомъ Вассерманомъ находилось на правомъ крылѣ второй параллели въ редутѣ.

18-го утромъ, за часъ до смѣны, непріятель взорвалъ мины, надъ которыми онъ трудился столько времени. Но такъ какъ обѣ онѣ были подведены невѣрно, а именно одна въ нѣсколькихъ саженяхъ предъ лѣвымъ зигзагомъ, а другая между лѣвой и средней сапой, ближе къ 3 параллели, то взрывъ не причинилъ никакого вреда, кромѣ того, что кто-то былъ легко контуженъ, комкомъ земли. Начиная съ 14-го часто перепадали дожди, и въ траншеяхъ сдѣлалось такъ грязно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ грязь доходила до колѣнъ. Для предотвращенія этого неудобства, пришлось прокладывать особые рвы. Съ 29-го погода вновь стала лучше; между тѣмъ наши три мины подвигались все болѣе впередъ, такъ что 29-го были уже подъ прикрытымъ путемъ и въ ней заряжены всѣ три камеры. Непріятель, узнавъ о нашихъ минахъ, старался уничтожить ихъ множествомъ контрминъ, которыя и взорвалъ 29-го, около 8-ми часовъ утра; съ минуту спустя сдѣлалъ сильное нападеніе на выходящіе изъ третьей параллели зигзаги, разрушилъ туры, и атаковалъ поставленныя на зигзагахъ роты. Все это дѣло продолжалось менѣе получаса, такъ какъ турки, потерявъ 200 человѣкъ, были отбиты. Особенно отличились въ этомъ дѣлѣ наша 2-я Воронежская рота и Брянскіе гренадеры. У насъ убито 46 человѣкъ и ранено 76. Одинъ инженеръ-капитанъ, одинъ прапорщикъ и много рядовыхъ были засыпаны непріятельскою миною, которая къ счастію достигла только не большой части средняго зигзага. Между убитыми турками находился янычарскій ага, сабля котораго, украшенная бриллiантами, была вручена графу Панину. Въ этомъ дѣлѣ между прочимъ убиты маіоръ Сонцовъ и поручикъ нашей 2-й гренадерской роты Глазовъ—оба весьма храбрые офицеры, и потому о нихъ очень сожалѣли. Въ числѣ особенно отличившихся находился инженеръ-сержантъ Евксевинъ, который въ одномъ зигзагѣ командовалъ гренадерами, и отбилъ непріятеля отъ своего угла. За это онъ произведенъ въ прапорщики.

1-го сентября была окончена наша лѣвая мина, и такъ какъ

опасались, чтобы непріятель не нашелъ ее, пока будутъ подводиться двѣ другія, то ночью ее взорвали, вслѣдствіе чего часть гласиса и оконечность плац-дарма съ нѣсколькими паллисадами взлетѣли на воздухъ. Не смотря на прямое приказаніе графа непремѣнно отозвать на зарѣ отряженныя (на Antomirn der Mine) двѣ гренадерскія роты, въ случаѣ если ложементъ не будетъ оконченъ,—траншейный генералъ Олсуфіевъ имѣлъ неосторожность, по требованію инженернаго генерала Гербеля, но только не отозвать ихъ, но и послать среди бѣлаго дня подкрѣпленіе изъ 6 ротъ, которыя должны были стрѣлять по гребню гласиса безъ прикрытія; эта несчастная перестрѣлка продолжалась до восьми часовъ и стоила намъ потери множества гренадеръ. Подполковникъ и оберъ-квартирмейстеръ Роячковъ, который командовалъ двумя гренадерскими ротами у нашей взорванной мины, умеръ чрезъ два дня отъ ранъ. Кромѣ того были убиты инженеръ капитанъ Батевниковъ, капитанъ Курскихъ гренадеръ Потуловъ, два поручика и около 60 гренадеръ, ранено-же много офицеровъ и болѣе 200 солдатъ. Я не могу умолчать еще объ одной глупости. Генералъ Гербель приказалъ свезти на гласисъ двѣ пушки, и такъ какъ ихъ невозможно было увезти назадъ, то и пришлось ихъ оставить въ пользу непріятеля.

3-го взорвана наша правая мина, дѣйствіе которой было сильнѣе, чѣмъ лѣвой.

Обѣ эти мины были устроены одинаково, и состояли каждая изъ трехъ камеръ, при зарядѣ на каждую камеру въ 1,200 фун. пороха. Непріятель тотчасъ бросился на мѣсто взрыва, такъ что офицеръ, который былъ посланъ къ минѣ съ 20-ю унтеръ-офицерами, тотчасъ отступилъ. Рѣшили, что неблагоразумно приказывать гренадерамъ вытѣснить непріятеля и дѣло это поручили артиллеріи, которая на слѣдующій день совершенно снесла эту мину и вполнѣ разрушила ложементъ турокъ. Между тѣмъ мы продолжали наши сапы въ трехъ мѣстахъ, чтобы съ обоихъ концовъ дойти до (Antomirn) минъ, и хотя намъ это стоило большихъ потерь, все-же работали день и ночь до 10-го сентября, когда наконецъ были окончены сапы.

9-го открыли непріятельскую галлерею и старались ее разрушить, чего и достигли 10-го; находясь въ этотъ день въ траншеѣ, я былъ свидѣтелемъ сильнаго нападенія, сдѣланнаго турками на нашихъ рабочихъ на зарѣ 11-го числа. Они упорно и сильно принимались атаковать насъ пять разъ, но въ концѣ концевъ были благополучно отбиты. Воронежскій гренадеръ захватилъ при этомъ турецкое знамя; графъ подарилъ ему 20 рублей. У насъ были убиты

2 офицера и 27 солдатъ, а 63 ранены. Турки, говорятъ, потеряли болѣе 400 чел.

12-го получили мы извѣстіе, что генералъ Прозоровскій разбилъ отрядъ турокъ, выступившихъ изъ Очакова, причемъ у нихъ легло 5,000 человѣкъ и взято въ плѣнъ 90. По случаю этой побѣды, а въ особенности по случаю побѣды, одержанной нашимъ флотомъ въ Архипелагѣ, у насъ въ лагерѣ устроился праздникъ, сопровождавшійся стрѣльбою изъ ружей и тяжелыхъ орудій.

15-го все уже было устроено къ тому, чтобы взорвать послѣднюю мину, заряженную 400 пудами пороха, овладѣть прикрытымъ путемъ и расположиться вокругъ него. Для этого были отряжены на правую сторону полковникъ Васерманъ съ 8 гренадерскими ротами, въ средину передъ миной полковникъ Миллеръ съ 6 гренадерскими ротами, а на лѣвую сторону полковникъ Корфъ съ 8-ю гренадерскими ротами. Кромѣ того были отряжены въ резервъ полковникъ карабинеровъ Панинъ съ 8 ротами мушкатеръ, полковникъ Протасовъ съ такимъ же числомъ мушкатерскихъ ротъ и на каждомъ флангѣ по 260 егерей.

Всѣмъ было приказано, какъ только овладѣютъ прикрытымъ путемъ и найдутъ возможнымъ перейти чрезъ главный сухой ровъ, тотчасъ взяться за штурмовыя лѣстницы (которыхъ было изготовлено большое количество) и начать штурмъ. Веденіе правой атаки было поручено генералу Каменскому, лѣвую велъ генералъ-маіоръ Пушкинъ, а среднюю – бывшій въ этотъ день траншейнымъ генераломъ Ст. Маркъ.

Въ 10 часовъ вечера съ ужаснымъ трескомъ былъ взорванъ «Globe de compression» и гренадерскія роты, ожидавшія этого сигнала во второй параллели, въ то же мгновеніе бросились на прикрытый путь и кололи всѣхъ, кто имъ попадался. Гренадерскія роты, отряженныя къ средней атакѣ, непрерывнымъ огнемъ, обращеннымъ на главный валъ, защищали ложементъ, устраиваемый предъ прикрытымъ путемъ, а именно на гребнѣ гласиса, для чего были отряжены 510 рабочихъ. Мы не встрѣтили сопротивленія на прикрытомъ пути, куда были принесены лѣстницы и поставлены въ ровъ, глубиною въ 3 сажени. Непріятель старался непрерывнымъ огнемъ препятствовать намъ лѣзть по лѣстницамъ, но это ни къ чему не вело; храбрость нашихъ гренадеръ, а въ особенности ихъ отчаянное ожесточеніе противъ непріятеля, помогли имъ перейти чрезъ ровъ, въ центрѣ атаки, слѣдовательно приблизительно передъ нашей миной. Ихъ шествіе было похоже на теченіе потока, и по этому каналу всѣ проникли въ

крѣпость, такъ что наши войска были въ ней уже около часа пополуночи. Такъ какъ онѣ сильно пострадали и въ особенности порѣдѣлъ отрядъ, состоявшій подъ командою подполковника Репнина (въ этотъ день находился въ траншеѣ), который однимъ изъ первыхъ взошелъ на валъ, то были отряжены въ крѣпость съ 4 гренадерскими ротами и маіоръ Бухвостовъ съ 4 ротами мушкатеровъ, чтобы отнять у турокъ послѣдніе бастіоны. Кромѣ того отряды, остававшіеся въ лагерѣ, подъ командою генералъ-лейтенантовъ Ренненкампфа и Елмпта, отправились въ 8 часовъ къ первой и второй параллели, чтобы въ случаѣ нужды подкрѣпить остальное войско. Такъ какъ крѣпостныя ворота еще не были взорваны, то я проникъ въ крѣпость по лѣстницамъ и по приказанію генерала Каменскаго пошелъ атаковать послѣдній изъ оставшихся у турокъ бастіоновъ. Это былъ крайній бастіонъ съ правой стороны у рѣки. Наступленіе мое не мало задерживалъ непрерывный огонь турокъ изъ оконъ и дверей домовъ, такъ что когда около 100 турокъ яростно напали на гренадеръ, они въ величайшемъ безпорядкѣ отступили приблизительно на 200 шаговъ. Но наконецъ мнѣ удалось опять ихъ выстроить, люди начали стрѣлять и подвигались впередъ, подъ защитою огня одной пушки, которую мы нашли въ крѣпости. Такимъ образомъ, мои гренадеры привели въ безпорядокъ турокъ, защищавшихся еще на улицахъ и взяли съ боя вышеупомянутый бастіонъ. Оставивъ тамъ часть своего отряда, я съ остальною частію бросился за убѣгавшимъ непріятелемъ, который спѣшилъ укрыться въ замкѣ. Тутъ вновь начался ружейный огонь. Между отступавшими въ замокъ были сераскиръ, ага янычаръ, и много пашей; турки стрѣляли чрезъ гребень стѣны и перебили у меня много народу. Тѣ-же, что собрались предъ замковымъ рвомъ, послѣ непродолжительнаго сопротивленія, были перебиты, за исключеніемъ нѣсколькихъ человѣкъ, которыхъ я съ трудомъ спасъ отъ ярости рядовыхъ. Наконецъ, въ 9 часовъ, турки выставили въ замкѣ бѣлый флагъ, бросали оружіе черезъ стѣну и просили позволенія сдаться на капитуляцію. Я запретилъ нашимъ стрѣлять и самъ пошелъ въ замокъ, чтобы переговорить съ сераскиромъ. Послѣ получаса переговоровъ, веденныхъ мною чрезъ посредство Мустафы-паши, который хорошо говорилъ по нѣмецки, я выбралъ нѣсколько депутатовъ и отправилъ ихъ къ генералу Каменскому, который тотчасъ прибылъ сюда самъ и принудилъ непріятеля къ быстрой капитуляціи. Турки требовали свободнаго пропуска за Дунай; но на это Каменскій не согла-

сился; послѣ этого они были окончательно обезоружены и посланы къ графу.

Въ то время какъ наши войска были заняты въ городѣ, сотня турецкой конницы сдѣлала вылазку и старалась спастись бѣгствомъ въ Бѣлгородъ; но они были настигнуты нашею легкою кавалеріей и почти всѣ перебиты, такъ что нѣсколько дней вся дорога на протяженіи 30 верстъ была усѣяна турецкими голыми трупами.

Около 9 часовъ перестрѣлка прекратилась повсюду. Во время штурма, нѣкоторыя изъ нашихъ бомбъ попали въ турецкіе пороховые погреба и произвели сильный взрывъ и пожаръ, который въ первое время послѣ штурма намъ некогда было потушить, и потому онъ принялъ такіе размѣры, что на слѣдующую ночь взлетѣлъ на воздухъ еще пороховой погребъ, вслѣдствіе чего не только погибло 37 солдатъ и около 400 турокъ, но сгорѣлъ еще и весь городъ, такъ что кромѣ замка, въ Бендерахъ не осталось ни одного дома. Вслѣдствіе неосторожности нашихъ солдатъ загорѣлось и предмѣстье. Однимъ словомъ, этотъ старый и прекрасный городъ, который много разъ видѣлъ непріятеля у своихъ стѣнъ, въ три дня превратился въ пепелъ. Несчастные жители, спасавшіеся въ погребахъ, вышли наконецъ оттуда и сдались, но все-же многіе изъ нихъ сгорѣли. Имущество и всѣ пожитки обывателей достались рядовымъ, а казнѣ тяжелыя орудія, аммуниція и 50,000 пудовъ сухарей. Въ крѣпости найдено было 250 пушекъ различнаго калибра, 25 мортиръ, кромѣ того громадное количество пороху съ аммуниціею. Мы взяли въ плѣнъ около 8,000 турокъ, способныхъ носить оружіе, а съ женщинами и дѣтьми за 14,000. Всѣ эти плѣнные были отправлены въ Кіевъ. Во время штурма турки потеряли 4,000 человѣкъ отъ ужаснаго артиллерійскаго и ружейнаго огня, продолжавшагося на валу 5 часовъ и затѣмъ еще въ городѣ 7 часовъ. Наши потери были слѣдующія: убито 5 штабъ-офицеровъ, а именно полковникъ Тамбовскаго полка Миллеръ, подполковникъ Сазоновъ, премьер-маіоры Бальвицъ и Симбулатовъ и секунд-маіоръ Федотовъ. Баронъ Штейнъ, кавалеръ нѣмецкаго ордена, служившій у насъ волонтеромъ, замѣчательно умный и храбрый, остался тоже на полѣ сраженія. Кромѣ того были убиты 19 оберъ-офицеровъ и 686 унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ. Ранено 98 штабъ-и оберъ-офицеровъ, между ними полковникъ Вассерманъ, полковникъ Корфъ [1]), бригадиръ

[1]) Умеръ 27-го отъ своей раны. Ему прострѣлили обѣ щеки и языкъ
Г. Ш

Ларіоновъ, отставной полковникъ и волонтеръ Алдуевскій, подполковники Михельсонъ и Репнинъ; 1,154 унтеръ-офицера и рядовыхъ тяжело ранены, а 715 легко. И такъ всего раненыхъ и убитыхъ было 2,555 человѣкъ Изъ тяжело раненыхъ вскорѣ многіе умерли.

Впрочемъ, по точному исчисленію, во время двухмѣсячной упорной осады въ нашей арміи было убитыхъ и раненыхъ болѣе 4,000 человѣкъ; между ними 254 убитыхъ и раненыхъ штабъ-и оберъ-офицеровъ.

Послѣ взятія крѣпости Бендеръ, войскамъ было приказано снести параллели и зигзаги и сравнять ихъ съ землею. Полковникъ Корретъ, со своимъ Елецкимъ полкомъ и Тамбовскимъ, пополненными изъ другихъ полковъ, остался въ крѣпости, такъ какъ былъ назначенъ ея комендантомъ. Начали готовиться къ возвращенію на зимнія квартиры. Но мы не должны были возвращаться до взятія крѣпости Аккермана или Бѣлгорода. Бригадиръ Игельштремъ, отдѣлившись отъ первой арміи, уже двѣ недѣли осаждалъ ее. Между тѣмъ турки упорно оборонялись. Для того, чтобы принудить ихъ скорѣе къ сдачѣ, приказано было генералъ-маіору Каменскому идти подъ Бѣлгородъ съ полками Воронежскимъ, Бѣлевскимъ, баталіономъ Старооскольскаго полка и 2 полками пикинеровъ. Резервныя гренадерскія роты были отпущены къ своимъ полкамъ и поэтому я явился въ свой полкъ.

22-го выступили мы изъ Бендеръ и 26-го числа, на походѣ, казакъ привезъ намъ приказъ отъ генерала Каменскаго, не идти далѣе, а на слѣдующій день выступить въ обратный путь, такъ какъ крѣпость Аккерманъ уже сдалась бригадиру Игельштрому. Мы были уже почти въ виду Бѣлгорода, не далѣе какъ въ 20 верстахъ, но никого изъ насъ туда не отпускали, не смотря на многія просьбы.

Мы выступили въ обратный путь 27-го, а 2-го октября благополучно вернулись къ Бендерамъ, гдѣ нашли крѣпостную сторожевую башню въ самомъ лучшемъ состояніи. Во время нашего отсутствія графъ Панинъ велѣлъ поправить мѣста, поврежденныя бомбардировками.

8-го октября всѣ войска выступили на зимнія квартиры. Мы слышали, что отъ первой арміи были отряжены въ Браиловъ 8 пѣхотныхъ полковъ, для осады этой крѣпости, а потому и часть осадной артиллеріи была послана изъ Бендеръ подъ Браиловъ.

11-го пришли мы въ Балту, гдѣ оставленъ маіоръ Муфель, съ частью своего егерскаго отряда, 4 пѣхотными ротами, 3 казачьими

полками и 8 орудіями, для поддержанія непрерывнаго сообщенія между Бендерами и Екатерининскимъ шанцемъ. Ему же надлежало постоянно высылать партіи по направленію къ Очакову, который лежитъ приблизительно въ 100 верстахъ отъ Балты. Провіантъ подвозился къ Муфелю съ Буга, а фуражъ изъ ближайшихъ къ границѣ польскихъ деревень, верстъ за 10, за 15. Шли нѣсколько дней форсированнымъ маршемъ, а 17-го прибыли на лѣвый берегъ Буга, противъ Екатерининскаго шанца. Съ тѣхъ поръ какъ мы выступили изъ Бендеръ, стояли довольно ясные дни. Лошади сильно страдали отъ недостатка крѣпкаго корма, такъ что во время этого перехода пало нѣсколько сотенъ. Турецкіе плѣнные, сопровождаемые особымъ отрядомъ, находились постоянно въ нѣсколькихъ переходахъ впереди насъ. Они шли въ Переяславль. Бендерскій сераскиръ былъ довѣренъ наблюденію полковника и бывшаго волонтера Нащокина, который долженъ былъ отвезти его въ Петербургъ.

Екатерининскій шанецъ лежитъ, какъ я уже сказалъ, подлѣ существовавшаго нѣкогда села Орла. Мы нашли его въ довольно хорошемъ состояніи для обороны. Онъ представляетъ правильный шестиугольникъ, который довольно выгодно расположенъ на Бугѣ, служа обсерваціоннымъ пунктомъ для всей окружной мѣстности. Въ 50 верстахъ лежитъ на Бугѣ другой шанецъ. Обѣ эти маленькія крѣпости хотя довольно сильны, но не могутъ вмѣстить въ себѣ болѣе 6,000 человѣкъ.

Отъ Буга армія шла уже по дивизіямъ, и 19-го наша дивизія, выступивъ подъ командою генерала Елампта, пришла 22-го въ Гусарское село. Такимъ образомъ наша лагерная жизнь продолжалась съ 16-го апрѣля по 22 октября.

2-го ноября прибыли въ Кременчугъ и 6-го—мы благополучно прибыли въ Голту на зимнія квартиры.

Пока мы стояли на зимнихъ квартирахъ, командующій нашей арміей графъ Панинъ вышелъ въ отставку, отчасти изъ недовольства на то, что его не произвели въ фельдмаршалы, какъ графа Румянцева, отчасти изъ досады, что государыня и кригсколлегія не утвердили всѣхъ производствъ и награжденій георгіевскими крестами офицеровъ, которыхъ онъ представлялъ, уменьшивъ ихъ на 35 изъ ста, отчасти же вслѣдствіе недуговъ, и особенно подагры, которою онъ страдалъ. Извѣстно, что всѣ дѣльные офицеры сожалѣли объ отставкѣ графа Панина. Онъ былъ истиннымъ другомъ честныхъ офицеровъ и, по свойственному ему безкорыстію и великодушію, щедро награждалъ малѣйшія заслуги своихъ подчиненныхъ, иногда даже и болѣе того,

чѣмъ они заслуживали. Но такъ какъ, ни въ какой арміи, всѣ офицеры заразъ не могутъ быть произведены, то нѣкоторыхъ изъ нихъ графъ Панинъ представлялъ къ орденамъ, и эти-то представленія его на половину не были утверждены, что и послужило въ средѣ офицеровъ причиною нѣкотораго недовольства графомъ Панинымъ. Замѣчательно, что хотя графъ Панинъ былъ гораздо снисходительнѣе съ солдатами, чѣмъ графъ Румянцовъ, но его любили гораздо менѣе послѣдняго, можно сказать, даже вовсе не любили и все это только потому, что онъ никогда не разговаривалъ съ нижними чинами. Не дѣлалъ же онъ этого по своему суровому и сдержанному характеру, стараясь пріобрѣсти любовь солдатъ и вообще всѣхъ людей только справедливостью и честностью, и считая всякое другое средство къ пріобрѣтенію любви безполезнымъ и даже подлымъ. Хотя его свѣдѣнія въ военномъ искуствѣ и фортификаціи были ограничены, все же онъ зналъ эти науки гораздо лучше всѣхъ остальныхъ генераловъ, находившихся подъ его командою. За то онъ былъ необыкновенно прилеженъ, добръ, предпріимчивъ, справедливъ и крайне безкорыстенъ и что самое главное—честный человѣкъ; во время всей кампаніи, насколько я знаю, онъ не сдѣлалъ ни одного человѣка несчастнымъ, и я всегда буду вспоминать о немъ съ уваженіемъ и благодарностью. Самый счастливый и важный для меня день, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, заключался въ томъ, что 24-го я получилъ Георгія 4 степени, который былъ врученъ мнѣ собственноручно графомъ Панинымъ, съ приложеніемъ нижеслѣдующаго рескрипта государыни на мое имя.

„Нашему премьеръ-маіору Штрандману“.

„Отличное мужество, оказанное вами при штурмованіи Бендерской крѣпости, на которую первые вы были вступившими по лѣстницамъ на мѣста побитыхъ и раненыхъ, и храбрость, съ которою предводительствовали ваши команды отнимая у непріятеля бастіоны, батареи и улицы, учиняютъ васъ достойнымъ къ полученію отличной чести и нашей монаршей милости по узаконенному отъ насъ статуту военнаго ордена Святаго Великомученика и побѣдоносца Георгія; а потому мы васъ въ четвертый классъ сего ордена всемилостивѣйше жалуемъ и знакъ онаго здѣсь включая повелѣваемъ вамъ на себя возложить и носить въ петлицѣ по установленію нашему“.

„Сія ваша заслуга увѣряетъ насъ, что вы симъ монаршимъ поощреніемъ наипаче почтитесь и впредь ратнымъ образомъ усугублять ваши военныя достоинства. Данъ въ Санктпетербургѣ ноября 1-го дня 1770 года“ „Екатерина“.

Одновременно получилъ я изъ кригсъ-коммисіи и орденскій статутъ. Вообще, Георгія получили 36 человѣкъ; генералъ-маіоръ Камен-

скій и генералъ-маіоръ графъ Пушкинъ 3-й степени, а 3 капитана 4-ой степени [1]).

18-го прибылъ въ Полтаву нашъ новый главнокомандующій генералъ-аншефъ князь Долгорукій, съ женою и двумя дочерьми, и принялъ армію отъ генералъ-лейтенанта Берга, который послѣ отставки генерала Панина 4 недѣли командовалъ арміей.

[Продолженіе слѣдуетъ]

Сообщ. Н. К. фонъ-Штрандманъ.

---

[1]) Каждую треть мы аккуратно получали нашу пенсію.

Г. Ш.

ИМПЕРАТРИЦА МАРІЯ ӨЕОДОРОВНА,

МАТЕРІАЛЫ КЪ ЕЯ ЖИЗНЕОПИСАНІЮ.

Собственноручныя ея замѣтки [1]).

21-го января 1827 г.

1.

Je donne à mon très cher Fils, l'Empereur Nicolas:

Le ducat qui se trouve dans ma bourse, avec l'inscription: „Wohl dem der an seinen Kindern Freude erlebt". Je le tiens de ma mère, qui l'avait reçu de la sienne. Il était destiné à son frère Alexandre: mon Testament exprimait ce qui suit: „Je le donne à mon fils, comme un témoignage de ma tendresse et de ma reconnaissance du bonheur qu'il répand sur mes jours et de celui que j'éprouve de le voir au comble de la gloire, tant par ses triomphes militaires que moraux. L'année 1812 en m'occupant de mon testament, je formai le voeu, exprimé en ces mots: Je demande à Dieu de voir se développer tous les jours de plus en plus toutes les bonnes et grandes qualités qui se trouvent dans l'âme de mon fils; de lui faire supporter l'épreuve du malheur avec dignité et fermeté, de le voir se sentir fort avec Dieu, triompher de ses ennemis et élever sa nation au comble de la gloire, de l'en voir aimé et bénit et de l'entendre proclamer le Libérateur des peuples opprimés. Le Ciel a exaucé mes voeux et accompli mon pressentiment. J'espère dans la bonté divine qu'elle daignera de même accomplir ceux qui me restent à former, de voir l'Empereur atteindre de plus en plus le but de son travail, celui de faire régner la justice et l'amour du bien dans toutes les parties de l'administration, de voir

---

[1]) Печатаемый здѣсь документъ, драгоцѣнный для жизнеописанія и характеристики прекрасной личности Императрицы Маріи Өеодоровны († 1828 г.), полученъ нами въ копіи отъ покойнаго Николая Андреевича Шторха.

Ред.

son peuple dans la prospérité et l'abondance, et aussi heureux que son coeur le désire, et qu'enfin le beau surnom de „Благословенный“ que son peuple lui a donné passe de siècle en siècle. Voilà la bénédiction attachée à ce ducat, qui lui sera précieux sous ce rapport, et il le gardera comme pièce de famille.

Dieu veuille porter sur la tête sacrée de mon fils Nicolas toutes les bénédictions que je donnais à son frère; qu'il achève l'oeuvre commencé par l'Empereur Alexandre, et que le bonheur, la prospérité, la moralité de son peuple soit l'objet constant de ses soins, de ses veilles et alors aussi il sera le Béni de Dieu, comme il l'est journellement par moi et le Bien-aimé de ses peuples.

La croix en agathe arborisé, qui se trouve à côté de mon lit, avec les cheveux de feue ma digne et respectable mère.

Une bague avec le chiffre et les cheveux de feu l'Empereur son Père.

Le portrait de feu l'Empereur son Père, qui est toujours sur ma table, afin qu'il l'ait aussi toujours près de lui.

Une boîte de nacre de perles, héritage de feue la Reine Mère de Prusse et qui se trouve à Pawlowsk. Je désire qu'il la conserve comme pièce de famille à l'hermitage.

L'étui de mathématique en or, qui m'a constamment servi, que je tiens de feu l'Empereur Paul et que ce souvenir lui rendra cher.

Le grand dessin d'Anne, la Sainte Famille de Battoni.

Ma table à écrire debout, qui est dans mon grand cabinet en ville et dont je me servais fréquemment.

Un des serre-papiers de malachite qui sont sur ma table.

Je désirerais que mon Fils conserve l'encrier d'argent, dont je me sers tous les jours, qui a été fourni par le garde-meuble.

Le portrait de feue l'Impératrice Cathérine, le premier que j'ai reçu.

Le portrait de feu l'Empereur Paul, le premier que j'ai reçu.

Le portrait de Pierre le Grand, qui se trouve dans mon cabinet de toilette en ville.

Le portrait de feu l'Empereur Paul, comme enfant, tenant l'estampe de Pierre le Grand.

La bague avec le portrait en camée de Pierre le Grand.

Les portraits de mon Père et de ma Mère, qui se trouvent dans mon cabinet de toilette en ville.

Les bustes de mes parents, qui se trouvent dans mon grand cabinet en ville, pour Gatchina.

Toute la collection de miniatures, qui est dans le cabinet de toilette en ville.

Le portrait dessiné du général Lambsdorff,

Une petite bague noire avec l'oeil de la Providence et l'inscription: «Veille sur mon sort».

Le portrait de l'Empereur Alexandre, peint par Isabey, qui est toujours attaché à ma table.

Celui de sa soeur Olga, commencé à l'huile et qui n'a pû être achevé à cause de sa mort.

Toute ma collection de portraits peints par Isabey, à l'exception de celui de l'Empereur Alexandre, que je donne à Constantin, l'Empereur Nicolas reçevant celui qui est sur ma table.

Le buste de Sa femme.

Le portrait du Prince Guillaume d'Orange, qui est dans le cabinet de toilette en ville.

Le grand tableau représentant ses deux frères aînés, comme enfants, Alexandre coupant le noeud gordien et Constantin tenant l'étendart de la foi. Ce tableau est à Gatchina.

Un étui de mathématique en argent, dont je me suis toujours servie.

Une montre d'or qui se trouve sur ma table dans mon cabinet de travail, qui m'ayant été donnée par feu mon cher Alexandre, ne me quittait jamais.

Les beaux dessins d'Anne, l'assomption de la S-te Vierge et la S-te Cécile, qui se trouvent à Gatchina.

Les quatre Robert, le grand Vernet, le Luca Giordano, qui sont à Pawlowsk, de même que le Duc qui s'y trouve dans mon petit cabinet, doivent retourner à Gatchina où ils appartiennent.

Tous les portraits de famille qui se trouvent dans mon cabinet de toilette en ville, et dont je n'ai pas autrement disposé, restent à Nicolas, et s'il y a les doubles, il donnera ceux-ci à Michel.

Ma Bibliothèque de Gatchina formée par moi.

Des boutons de chemise avec des devises, donnés à feu l'Empereur Paul.

Des boutons de chemise avec mes cheveux, qui ont appartenu à feu l'Empereur Son Père.

Un souvenir avec flacons. Je le tiens de ma Mère et m'en suis beaucoup servie. Ma pouvre Benkendorff, à laquelle il était destiné, n'éxistant plus, je le donne à mon cher Nicolas.

Le portrait de sa femme en camée.

L'étui à cure-dent, qui a servi de premier joujou à l'Empereur Alexandre, ainsi qu'à ses frères et soeurs.

Un anneau que je tiens de feu mes Parents, avec l'inscription: „Je te bénis".

son peuple dans la prospérité et l'abondance, et aussi heureux que son coeur le désire, et qu'enfin le beau surnom de „Благословенный" que son peuple lui a donné passe de siècle en siècle. Voilà la bénédiction attachée à ce ducat, qui lui sera précieux sous ce rapport, et il le gardera comme pièce de famille.

Dieu veuille porter sur la tête sacrée de mon fils Nicolas toutes les bénédictions que je donnais à son frère; qu'il achève l'oeuvre commencé par l'Empereur Alexandre, et que le bonheur, la prospérité, la moralité de son peuple soit l'objet constant de ses soins, de ses veilles et alors aussi il sera le Béni de Dieu, comme il l'est journellement par moi et le Bien-aimé de ses peuples.

La croix en agathe arborisé, qui se trouve à côté de mon lit, avec les cheveux de feue ma digne et respectable mère.

Une bague avec le chiffre et les cheveux de feu l'Empereur son Père.

Le portrait de feu l'Empereur son Père, qui est toujours sur ma table, afin qu'il l'ait aussi toujours près de lui.

Une boîte de nacre de perles, héritage de feue la Reine Mère de Prusse et qui se trouve à Pawlowsk. Je désire qu'il la conserve comme pièce de famille à l'hermitage.

L'étui de mathématique en or. qui m'a constamment servi, que je tiens de feu l'Empereur Paul et que ce souvenir lui rendra cher.

Le grand dessin d'Anne, la Sainte Famille de Battoni.

Ma table à écrire debout, qui est dans mon grand cabinet en ville et dont je me servais fréquemment.

Un des serre-papiers de malachite qui sont sur ma table.

Je désirerais que mon Fils conserve l'encrier d'argent, dont je me sers tous les jours. qui a été fourni par le garde-meuble.

Le portrait de feue l'Impératrice Cathérine, le premier que j'ai reçu.

Le portrait de feu l'Empereur Paul, le premier que j'ai reçu.

Le portrait de Pierre le Grand, qui se trouve dans mon cabinet de toilette en ville.

Le portrait de feu l'Empereur Paul, comme enfant, tenant l'estampe de Pierre le Grand.

La bague avec le portrait en camée de Pierre le Grand.

Les portraits de mon Père et de ma Mère, qui se trouvent dans mon cabinet de toilette en ville.

Les bustes de mes parents, qui se trouvent dans mon grand cabinet en ville, pour Gatchina.

Toute la collection de miniatures, qui est dans le cabinet de toilette en ville.

Le portrait dessiné du général Lambsdorff.

Une petite bague noire avec l'oeil de la Providence et l'inscription: «Veille sur mon sort».

Le portrait de l'Empereur Alexandre, peint par Isabey, qui est toujours attaché à ma table.

Celui de sa soeur Olga, commencé à l'huile et qui n'a pû être achevé à cause de sa mort.

Toute ma collection de portraits peints par Isabey, à l'exception de celui de l'Empereur Alexandre, que je donne à Constantin, l'Empereur Nicolas reçevant celui qui est sur ma table.

Le buste de Sa femme.

Le portrait du Prince Guillaume d'Orange, qui est dans le cabinet de toilette en ville.

Le grand tableau représentant ses deux frères aînés, comme enfants, Alexandre coupant le noeud gordien et Constantin tenant l'étendart de la foi. Ce tableau est à Gatchina.

Un étui de mathématique en argent, dont je me suis toujours servie.

Une montre d'or qui se trouve sur ma table dans mon cabinet de travail, qui m'ayant été donnée par feu mon cher Alexandre, ne me quittait jamais.

Les beaux dessins d'Anne, l'assomption de la S-te Vierge et la S-te Cécile, qui se trouvent à Gatchina.

Les quatre Robert, le grand Vernet, le Luca Giordano, qui sont à Pawlowsk, de même que le Duc qui s'y trouve dans mon petit cabinet, doivent rétourner à Gatchina où ils appartiennent.

Tous les portraits de famille qui se trouvent dans mon cabinet de toilette en ville, et dont je n'ai pas autrement disposé, restent à Nicolas, et s'il y a les doubles, il donnera ceux-ci à Michel.

Ma Bibliothèque de Gatchina formée par moi.

Des boutons de chemise avec des devises, donnés à feu l'Empereur Paul.

Des boutons de chemise avec mes cheveux, qui ont appartenu à feu l'Empereur Son Père.

Un souvenir avec flacons. Je le tiens de ma Mère et m'en suis beaucoup servie. Ma pouvre Benkendorff, à laquelle il était destiné, n'éxistant plus, je le donne à mon cher Nicolas.

Le portrait de sa femme en camée.

L'étui à cure-dent, qui a servi de premier joujou à l'Empereur Alexandre, ainsi qu'à ses frères et soeurs.

Un anneau que je tiens de feu mes Parents, avec l'inscription: „Je te bénis".

Une bonbonnière de verre bleu en forme de globe, avec l'inscription: „Le monde est Votre captif", pour l'hermitage comme pièce de famille, me venant par ma Mère de l'héritage de feue la Reine-Mère.

Le cachet de feu l'Empereur Alexandre.

La boîte en miniatures, représentant l'arrivée de feue la Grande-Duchesse Nathalie, pour l'hermitage.

2.

Je donne à ma chère Belle-Fille l'Impératrice Alexandrine:

Ma plaque et ma croix de l'Ordre de S-te Cathérine.

La belle pierre de rubis-balais que je tiens des bontés de feu l'Empereur Paul, pour rester toujours à la couronne comme legs que je lui fais, mais à l'usage de l'Impératrice, tout comme

Mes belles boucles d'oreilles en diamants qui resteront également après Elle à la Couronne, comme legs que je lui fais.

Une caisse à ouvrage, parfaitement travaillée en ivoire, qui se trouve à Pawlowsk.

Un étui d'aiguilles à tambour en jaspe blanc.

Le médaillon de feu l'Empereur Paul sur un fond noir.

La petite boîte de bois pétrifié de feue ma Soeur l'Archiduchesse, qui se trouve à Pawlowsk.

Le portrait de feu l'Empereur Alexandre, gravé par moi.

Un anneau avec un diamant en coeur, avec l'inscription: „Un seul me suffit", que je tiens de ma Mère.

Une cassette à écrire avec des ustensiles en nacre de perles et or.

Mes deux belles bagues de diamants bleue et rose, achetées de mes propres fonds pour son usage; après son décès elles retombent à la couronne, comme un legs que je lui fais.

La belle aigue-marine que je tiens de mon fils Alexandre et qui après son décès retournera aussi à la couronne, comme legs que je lui fais.

Le portrait de feue la Reine de Prusse, la Mère, que j'ai dans ma cassette.

Un bracelet en or et malachite et une chaîne de Venise que je tiens du Roi, son Père, après le décès de feue la Reine.

Un bracelet en or avec des cheveux du général Lambsdorf.

Mon petit breguet, que j'ai de mes fils et qu'Alexandre aimait beaucoup.

Un anneau avec l'oeil de la Providence en turquoise, que j'ai con-

stamment porté, réuni à présent à deux autres, qui ont aussi leur destination.

Une bonbonnière d'ambre avec trois pièces d'ambre, dont l'une avec une araignée.

Un médaillon carré avec les cheveux de feue la Grande-Duchesse Alexandrine et l'inscription: «Souvenir de ma chère Fille Alex. Pawl.».

Des ciseaux, aiguilles à enfiler, étui et médaillons avec des cheveux, le tout en or, reçu de feue la Reine de Prusse.

Des bracelets en or avec deux mains jointes, reçus de mes fils.

Un étui carré en nacre de perles.

Une chaîne et médaillon en fer, portrait de feue la Reine de Prusse.

Un flacon dans un étui de corne de cerf, qui m'a beaucoup servi.

Ma bible allemande, dans laquelle je lis tous les jours, le soir.

Mes deux livres allemands, reliés en noir, qui me servent de préparation pour la communion, l'un écrit de ma main, l'autre que je tiens de ma Mère. Elle partagera avec mes filles Marie, Anne et Hélène mes autres livres de dévotion, et si mes fils en désirent, ils en choisiront aussi.

Une cassette que j'ai de ma petite-fille Alexandrine de Meklenbourg.

Une cassette ornée de médaillon de fonte avec les portraits en bas-relief de la famille de Prusse.

Les portraits de mes petits-enfants de Weimar, placés sur un serre-papiers.

Les portraits de mes arrière-petits enfants de Meklembourg.

Le support de ma montre en nacre de perles, qui est sur ma table.

Un éventail en écaille, côté d'or.

Le serré-papiers avec le portrait de mon petit-fils Alexandre, son fils.

Mon album avec la vue de Krasnoé-Selo.

Mon beau bracelet en pierres de couleurs doubles, formant les noms de mes enfants, pour passer ensuite à la couronne, comme legs que je lui fais.

3.

Je donne à leur fils, mon Petit-fils Alexandre:

Le second diamant de mon collier, comme bague de promesse pour sa promise future, pour servir toujours à cet usage pour l'aîné de sa famille.

(Приписка): Je donne à mon petit-fils Alexandre la S-te Cécile que je tiens de l'amitié de son père depuis le 14 Octobre 1827. Je dé-

sire qu'il en fasse cadeau en mon nom à Son Epouse le lendemain de ses noces et que ce soit un effet qui passe toujours à l'aîné de la famille pour la même occasion.

La bouilloire de vermeil avec sa table et ses tasses, qui se trouve à Pawlowsk.

L'étui de mathématique fait à Toula, qui est dans mon cabinet.

Un cachet à manche de nacre avec canif et plume.

(Приписка): Je donne le troisième grand diamant de mon collier au petit Constantin comme bague de promesse pour sa promise future, pour servir toujours à cet usage pour l'aîné de sa famille.

Une des montres de feu l'Emp. Alexandre qui se trouve sur ma table dans mon cabinet vert.

Le buste du Roi son Grand-père qui se trouve à Pawlowsk.

Je donne à ma petite-fille Marie:

Un coulant de topaze.

Une garniture de turquoises.

Une aiguière en vermeil qui se trouve à Pawlowsk dans ma chambre à coucher.

Les marques de l'Ordre de S-te Cathérine de feue la Grande-Duchesse Alexandrine.

Un collier avec des perles et boucles d'oreilles à la chinoise achetés à Weimar.

Des boucles-d'oreille en brillant.

Un des serre-papiers de ma table.

Une épingle de chrysolithe.

Un bracelet, des boucles d'oreille et huit épingles en perles de Finlande, reçus de l'Empereur Alexandre et avec de petites turquoises, ainsi qu'une boîte avec des perles de Finlande.

Un portefeuille jaune à soufflet avec une mosaïque.

Je donne à ma petite-fille Olga:

Un bracelet avec les cheveux de son frère et son nom en pierres de couleur.

(Приписка): Je donne à ma petite fille Olga le bracelet avec le portrait d'Odine, que je tiens de Sa Mère.

Un coulant d'une topaze d'orient jaune.

Des boucles d'oreille en brillant, à tire-bouchon.

Un collier ou chaîne en camées et cornalines.

Une paire de bracelets en turquoises et or tressé.

Un bracelet de trois turquoises et chaînettes en turquoises, qui me vient de ses parents.

Une large ceinture en turquoises, brillant et or tressé, avec inscription: «Souvenir d'amitié», en pierres de couleur, que j'ai de ses parents.

Un éventail en éméraudes, turquoises, brillant et or.

Les marques de l'Ordre de S-te Cathérine de feue la Grande-Duchesse Hélène.

Un collier en perles avec un petit fermoir en chaton.

Une épingle avec une perle que j'ai de Sa Mère.

Je donne â ma petite-fille Alexandrine:

(Приписка): Je donne à ma petite-fille Alexandrine le bracelet avec le portrait d'Olga que je tiens de Sa Mère.

Un coulant et des boucles d'oreille d'aigue marines.

Une S-te Cécile en turquoises que l'Impératrice, Sa Mère, m'a donnée pour ma fête.

Un collier et boucles d'oreille de chrysoprases.

Des boucles d'oreille de trois poires en brillants.

Une chrysoprase.

Un serpent en collier.

Un bracelet en grenats, perles et or, de Sa Mère.

Une ép'ngle avec une petite pensée en émail.

Les sept cachets à devises, arrangés en forme de roue.

4

Je donne à mon cher fils, le Grand-Duc Constantin, comme souvenir:

L'image qui est à côté de mon lit et qui appartenait à son Père.

(Приписка): Je donne encore à mon cher Constantin la toilette de feu notre cher Alexandre. Après son décès elle retournera à mon fils Nicolas pour rester toujours à l'aîné de la famille.

L'anneau avec les cheveux de feu l'Empereur son Père qu'on ôtera de mon doigt après ma mort et que je donne à mon cher fils Constantin, comme une dernière bénédiction et comme un des objets les plus précieux pour moi. Il le transmettra après sa mort à l'aîné de ses frères.

Le portrait en émail de feu l'Empereur son Père, qui est à côté de mon lit, pour le placer toujours à côté du mien dans son appartement.

La bague bleue avec le camée de feu mon mari.

La plus grande pierre de mon collier en diamants, pour orner un de ses sabres. Elle restera comme fidéicommis, qui à son décès revient à son frère Nicolas, pour la couronne.

Un buste de feu l'Empereur Alexandre en bronze dorée, dernier cadeau qu'il m'a fait après son départ pour Taganrog et qu'il m'a fait remettre par l'Impératrice Elisabeth.

Le portrait en pied de feu l'Empereur Alexandre qui est toujours à côté de ma table.

(Приписка): L'epée de feu l'Empereur Alexandre, qui après son décès doit revenir à Gatchina pour y être placée à côté de celle de Pierre le Grand.

Ajouté cet article ce 27 Novembre 1827.

La montre que feu l'Empereur Alexandre portait toujours et que j'ai prise après la mort de l'Impératrice, posée sur ma table à écrire.

L'album vert que j'ai de feue ma chère Cathérine, avec le plan de l'intérieur du château de Stoutgardt et des nótes sur mon séjour écrites de Sa main.

Ma table à écrire debout, qui est à Pawlowsk.

Les tableaux sur porcelaine représentant la bataille de Culm et l'entrée de Paris.

Un serre-papiers en bois, en forme de livre.

Le dessin d'Anne du S-t. Jean de Morillas.

Deux vases de porcelaine, pris de Pawlowsk.

La table en mosaïque que l'Empereur Nicolas m'a donnée qui est à Pawlowsk.

Un portrait en émail de feu l'Empereur Paul, qui m'accompagne toujours dans mes voyages.

Un petit portrait de feu mon cher Alexandre, que j'ai placé à côté de mon lit et qui m'accompagne partout.

Une lorgnette en or et nacre de perles.

Le tableau en miniature de notre chère Catherine représentée dans son cabinet, qui est dans mon petit cabinet en ville, de même que:

Le dessin de son cabinet qui est à Gatchina.

Le lit de feu l'Empereur Son Père, qui se trouve partout où je suis, de même que son habit, ses bottes, son linge, son épée, sa canne, son chapeau et l'image peint par moi et placée à Pawlow k à côté de son lit. Il rec'amera tous ces objets de mon valet de chambre Grimm. Après son décès cela retourne à Gatchina.

La cassette noire sur laquelle j écris tous les jours.

La lorgnette de feu l'Empereur Alexandre.

Un étui de mathématique de feu l'Empereur Paul, dont je le prie de se servir souvent.

Une écritoire de Moscou
Une sonnette de Moscou } qui sont dans mon Cabinet à Pawlowsk.

Je donne à ma chère Belle-Fille, Son Epouse, la Princesse de Lowiez:

Une paire de boucles d'oreille en diamants, à deux perles.

Un portrait du Grand-Duc Constantin.

Une cassette en moiré métallique à odeur.

Une montre en perles, en coquille.

Un bon déjeûner de Pawlowsk.

5.

Je donne à mon cher Fils le Grand-Duc Michel:

Ma plaque et ma croix de l'Ordre de S-te André en diamants, que j'ai de feu l'Empereur Paul et que je le prie de conserver toujours dans sa famille.

(Приписка): Je donne à mon cher Michel une montre d'or de la toilette de feu l'Emp. qui est attachée à une girandole de ma toilette.

Ma Bibliothèque de Pawlowsk et ma collection d'estampes et d'empreintes de camées, qui se trouvent à Pawlowsk restent à Michel de même que le médaillon.

Un portrait de feu l'Empereur Son Père, en miniature.

Le portrait de feu l'Empereur Alexandre en fouraschka, qui est à Gatchina.

Un étui à cure-dent de feu son Père.

Le portrait de feu l'Empereur Paul, peint en ourlet.

Un ruban de montre avec des camées en papier, de feu son Père.

Mon petit cachet avec le chiffre M. dont je me sers habituellement et qui pourra lui servir également; il se trouve à ma montre. Les autres cachets avec mon chiffre sont à partager entre lui, ma fille Marie et mes petites-filles Marie Nicolaewna et Marie Michailowna.

Un des serre-papiers en malachite, qui sont sur ma table.

6.

Je donne à ma chère Belle-Fille, la Grande-Duchesse Hélène:

La croix de l'Ordre de S-te Cathérine, retournée après la mort de ma Mère et que feu l'Empereur Paul avait eu la bonté de me dire, que je devais conserver, qui doit toujours rester à la femme de l'aîné de la Maison.

Mon grand bouquet de diamants qui doit toujours rester à la famille comme legs.

Une lorgnette en or et en chrysoprase.

Un éventail en ivoire.

Le portrait du Grand-Duc Michel, qui se trouve dans mon cabinet en ville.

Celui du feu Roi, mon frère et son Grand-Père qui s'y trouve de même.

Celui de la Reine actuelle de Wurtemberg.

La cassette qui est à côté de ma table en ville, où je mets mes lettres.

Le portrait des mes petites-filles de Wurtemberg.

7.

Je donne à leur fille, ma Petite-Fille Marie Michailowna:

Un coulant d'une jacynthe:

Un collier en serpent.

Un bracelet en or et émail de sa Mère.

Une croix en perles.

Une boucle de ceinture en perles.

De petites boucles-d'oreille en perles d'Ecosse.

Un flacon que j'ai de ma fille Cathérine avec bouchon en or et turquoises.

(Приписка): Je donne à ma Petite-fille Cathérine Michailowna. Un bracelet en turquoise, perles et brillants, que j'ai reçu de sa Mère, de même qu'un bracelet du cornaline et me propose de faire l'acquisition d'un fermoir pour Elle.

Une paire de boucles d'oreille longues en malachites.

Je donne à ma Petite-Fille Elisabeth Michailowna.

Mon second coulant de jacynthe entouré de diamants.

Une montre en turquoises et perles, reçue de Son Père.

Un de mes plus jolies portefeuilles et cassettes à ouvrage, à choix.

Une cassette à odeur que m'a donnée la Reine de Wurtemberg.

Un portefeuille rouge à soufflet, avec un dessin représentant l'amour.

8.

Je donne à mon Petit-fils Paul de Meklembourg, fils de ma fille, la Grande-Duchesse Hélène, comme souvenir:

Une bague d'une émeraude, montée maintenant en coulant, mais qu'on remettra en bague.

Une bombonnière de verre avec une gerbe en cire, reçue d'Hélène.

Une paire de vases en porcelaine, à prendre de Pawlowsk.

Je donne à ma Petite-fille Alexandrine, son Epouse, le beau camée représentant Ariadne, entouré de diamants.

Un des dessins de feue ma chère Hélène, qui se trouvent à Pawlowsk et

Six épis en aigue-marines.

Je donne à mon arrière-petit-fils Frédéric-François:

Une bague avec mon portrait qu'on fera faire.

(Приписка): Ajoutés ces articles ce 27 Novemb. 1827.

Je donne à mon arrière-petite-fille Louise-Marie:

Un fermoir en turquoises et brillants.

Je donne à ma Petite-fille Marie de Meklembourg Princesse de Saxe-Hildburghausen, comme souvenir:

Le bracelet à cheveux de ma fille Hélène avec un fermoir en chaton.

Le collier de cheveux, composé de ceux de son Père, de sa Mère, d'Alexandrine et de Joseph, avec leurs chiffres et l'entourage en diamants.

Je lui donne ma plus belle pelisse.

Un coulant de topaze et diamants.

Je donne à Son mari, le Prince George de Hildburghausen, comme souvenir:

Une bague avec mon portrait qu'on fera faire.

Je donne à leur fils, mon arrière petit-fils:

Une bague avec mon portrait qu'on fera faire.

Mon Petit-fils Paul et ma Petite-Fille Marie recevront encore chacun un des portraits de leur défunte Mère, qui se trouve dans mon cabinet de toilette en ville, de même que chacun une copie de mon portrait peint par Kugelchen. La part qui leur revient du produit de mes diamants, leur est assurée par mon testament.

9.

Je donne à ma chère Fille la Grande-Duchesse Marie, comme souvenir, outre la part qui lui revient en diamants.

(Приписка): Je donne à ma chère Fille Marie la Bible de feu l'Empereur: Notre Ange y a tracé de Sa main les passages qui l'ont frappé davantage.

27 Nov. 1827.

Le médaillon avec le portrait de feu l'Empereur, Son Père, gravé par moi, que je porte tous les jours, de même que la chaîne en cheveux de tous mes Enfants et de feu l'Empereur Paul.

Un anneau avec les cheveux de feu mon cher Empereur, entouré de diamants. Ces deux cadeaux lui seront chers.

Un anneau avec une péridot, que je porte constamment, depuis que j'en ai fait l'acquisition à Weimar, parce que la pierre fait la lettre initiale du nom de feu l'Empereur Paul: réuni à une petite tête donnée par Anne et un oeil de la Providence, dont la destination est séparée.

Des boucles d'oreille en or avec des cheveux de feu l'Empereur Paul.

Mon bracelet avec les cheveux et les lettres initiales de tous mes petits-enfants et avec l'oeil de la Providence: je la lui donne comme pièce d'affection.

Le bracelet que je me suis fait faire après le voyage, avec l'oeil de la Providence, les initiales des noms de mes petits-enfants en pierres de couleur, une pensée avec la lettre A, chiffre de feu notre cher Ange, l'année 1818 et une germandrée. Elle le portera comme souvenir de l'époque heureuse où je me suis trouvée chez elle, bonheur que je dois à la tendresse du meilleur des fils.

L'album avec les écrits de ma Mère.

Mon beau rubis, acheté de mes fonds en 1806.

Ma belle améthyste.

Une petite toilette de voyage en argent que j'affectionne beaucoup, parce que je l'ai apportée avec moi en Russie et qui m'a accompagnée de nouveau dans les pays étrangers.

Un ducat qui m'a été envoyé par ma Mère avec l'inscription: «Wohl dem der an seinen Kindern Freude erlebt». C'est un homme de Montbeliard qui le lui a apporté après la naissance de feue ma fille Olga. Je le donne à ma bien chère Marie, qui dans toutes les épreuves de sa vie, s'est toujours montrée digne de tout mon amour et a captivé l'estime générale. Je me plaîs à lui répéter encore à cette occasion la douce assurance de tout mon amour, de tout mon contentement, de toute ma tendresse. Je suis fâchée de n'avoir que deux de ces ducats; j'aurais désiré pouvoir en donner à chacun de mes enfants; tous m'étant également chers et toutes mes bénédictions reposant sur eux.

Ma cassette verte dont je me sers journellement pendant 40 ans et qui par ce souvenir lui sera chère.

Un porte-crayon noir avec pointe et bouton en or et brillants.

Une boîte à cure-dents de bois de sandale, que j'ai de feue ma Mère.

Une bague noire avec l'inscription: «à la plus aimée» entourée de diamants, que je tiens de ma Mère.

Un anneau en émail bleu clair avec l'inscription: «Unis pour jamais».

Sept anneaux réunis par trois brillants.

Un anneau de marcassite, que j'ai porté depuis mon enfance jusqu'a ce qu'il fut rompu. Je l'avais reçu de feue Madame de Borck, ma gouvernante.

Le médaillon gravé avec les portraits de ses frères.

Une corbeille en or qui se trouve à Pawlowsk.

Une petite boîte d'agathe avec un dé en or et un bec en diamants, comme pièce de famille, qui me vient de l'héritage de feue la Reine-Mère de Prusse.

Les portraits de mes quatre défuntes filles, qui se trouvent à côté de mon lit.

Ma table à écrire qui se trouve dans mon petit cabinet et qui me sert souvent.

Un bracelet en or avec le portrait de feu l'Empereur Paul, gravé sur un saphir, que je porte tous les jours, lorsque je ne suis pas habillée.

Mes boucles d'oreille de nuit en tout petits diamants, que je tiens de feue ma Mère et que j'ai beaucoup porté comme enfant.

Le portrait de ses frères, entouré de philigrane, qui se trouve à côté de mon lit.

Un éventail en écaille qui me vient d'Alexandrine.

Une bague avec le portrait de feue l'Impératrice Cathérine.

Un bracelet de pierres de couleur, formant le nom de George et de Cathérine.

Un bracelet en or avec les cheveux de notre bonne Princesse Lieven.

Une chaîne de cheveux de ma chère Alexandrine et bracelet de même.

Mes tout premiers anneaux d'oreille.

Une petite boîte à fond d'Agathe ou de jaspe de ma Mère, qui nous a servi de joujou à nous tous.

Un porte-crayon plat en or de feu son Père.

Un flacon entouré de paille, qui m'a toujours servi et que je tiens de ma Mère.

Une bréloque donnée par ma Mère le jour de notre séparation. Elle y a tracé quelques mots.

Un bracelet avec les cheveux de ma Mère.

Un éventail qui me vient de ma Mère, qui a écrit sur une de ses côtes.

Un médaillon avec les cheveux de ma Mère, un coeur avec son chiffre et l'inscription: «Ich lebe, traure nicht» et de l'autre côté: «Tod ist Leben, Trennung und Vereinigung, Unglück und Glück».

Une bague avec des cheveux et un coeur en perles, avec la devise: «il est à toi». Bague qui a appartenue à ma Mère et que je donne à Marie et lui répète la devise.

La collection de cristaux à aigrettes de l'Onéga.

Le portrait de la Princesse Lieven par Benner.

Une bague à fond bleu, entouré de brillants, et l'inscription: «à la plus aimée», que je tiens de feu mon cher Empereur Paul et dont j'ai fait un fermoir pour un bracelet de perles.

Un éventail en or, avec le nom de Marie en diamants, lègué par feue l'Impératrice d'Autriche.

Un éventail à côtes d'ivoire et or.

Un camée de Pierre I, entouré de petits diamants.

Un flacon dans un étui de chagrin vert que j'ai de feue ma Mère.

Le livre ou album avec une reliure faite de tableaux en bas-relief de fonte, que j'ai de la Landgrave de Hombourg.

Ma tasse dont je me suis toujours servie.

Uu éventail côté en or avec des pensées, que la Grande-Duchesse de Hesse m'a donné à Francfort au nom du Grand-Duc son époux.

Je donne encore à Marie un étui avec deux cuillères en vermeil, qui ont appartenu à feu notre Ange.

Je donne à ses Enfants, mes petites-filles de Weimar:

Mes deux éventails en pierres de couleur.

Mes pelleteries seront partagées entre elles.

Je donne en particulier à ma petite-fille Marie de Weimar:

Une bague avec la silhouette de sa mère, entourée de roses.

Une jacynthe, montée avec deux ancres en diamant.

Un bracelet de cheveux et de quatre pierres de couleur, formant les noms de Charles, Marie, George et Cathérine.

Un bracelet avec le portrait de mon fils l'Empereur Alexandre, gravé en intaglio sur une améthyste, que je tiens de Marie.

La montre à boussole avec le chiffre M. que je tiens de ma Mère.

Les boucles d'oreille à deux perles.

Une chaîne en anneaux, tressée d'or.

Un petit portefeuille en nacre de perles.

Une montre à turquoises.

Un éventail à côtes d'ivoire et d'or.

Une ceinture en or tressé avec une améthyste, que j'ai de sa mère.

A son promis le Prince Charles de Russie:

Une bague avec mon portrait qu'on fera faire.

Je donne en particulier à ma petite fille Auguste de Weimar:

Le grand coulant de jacynthe.

Le bracelet avec le portrait de sa mère.

Un coeur en philigrane avec diamants et perles.

Des boucles d'oreille en topaze jacynthe, entourés de diamants.

Une croix de topaze et brillant et une opale, reçue de sa mère.

Un médaillon en lozange avec une cornaline, reçu de même de sa mère.

Un éventail à côtes d'ivoire, garnies en perles avec deux diamants.

Une de mes cassetes d'ouvrage.

Un de mes jolis portefeuilles.

Je donne à mon petit-fils Charles de Weimar:

La bague avec trois opales.

Le portrait de sa mère avec le voile blanc, que j'aime beaucoup.

Le portrait de son grand-père le Grand-Duc de Weimar, à cheval.

Deux beaux vases de porcelaine avec les peintures de Schiffler qui sont à Pawlowsk.

Je donne à mon cher beau-fils, le Grand-Duc héréditaire de Saxe-Weimar, comme souvenir d'affection:

Une bague d'une aiguemarine jaune.

Deux grands vases de verre bleu, qui se trouvent dans mon cabinet de toilette à Pawlowsk.

Un de mes jolis portefeuilles, et

Un serre-papiers d'une de mes tables.

10.

Je donne aux enfants de ma fille Cathérine, à mes chers petit-fils d'Oldenbourg:

A l'aîné Alexandre:

Une bague d'un rubis violet.

Le portrait de sa mère, peint par Kiprensky.

Une bonbonnière d'or émaillée avec des arbres.

Un serre-papiers de jaspe blanc.

Au cadet Pierre:

Une bague d'une topaze orientale, entourée de diamants et montée en corbeille.

Le portrait de son Père, peint par Kiprensky.

Un petit portefeuille en malachite avec le portrait de George.

Je donne à ma chère petite-fille Marie de Wurtemberg:

Une agraffe de peridot, entourée de diamants.

Une petite bague double à émail, qui s'ouvre, avec les cheveux de sa Mère.

Un éventail que sa Mère m'avait donnée pour mon dernier jour de nom, en pierres de couleur, travaillée à Stoutgardt.

Un anneau que Cathérine m'avait donné avec les cheveux des deux petites.

Le portrait en miniature de sa Mère, qui est dans ma cassette.

Un miroir de toilette donné par sa Mère.

Les deux portraits de mon beau-fils, le Roi de Wurtemberg et de ma nièce Cathérine de Montfort, comme enfants, qui sont à Gatchina.

Un petit nécessaire à bronze dorée.

Une garniture de coraux, cadeau de Cathérine.

Un collier et boucles d'oreille en cornaline blanche.

Une épingle en forme de plume avec les cheveux de sa Mère et de ses tantes.

Je donne à ma chère petite-fille Sophie de Wurtemberg:

Un coulant de chrysolite.

Un nécessaire en nacre de perles fait à Stoutgardt, que j'ai reçu de sa Mère.

Une corbeille avec 4 flacons pour des odeurs, donnée par sa Mère.

Un portrait de son Père, comme enfant, qui se trouve dans mon cabinet en ville.

Un attache avec les lettres N. C. L. S., que je tiens de feue ma Mère.

Un anneau avec les noms de ses parents en pierres de couleur.

Un cachet en forme de roue avec le nom de sa Mère en pierre de couleurs.

Je donne à mon cher beau-fils, le Roi de Wurtemberg:

Une bague avec les cheveux de feu mes Parents et l'inscription: «Papa, Maman».

Un des dessins de feue ma Mère. Les autres dessins d'Elle sont à partager entre mes enfants.

Un grand vase de porcelaine rose qui se trouve à Pawlowsk.

Une bague avec la silhouette du feu Roi, mon frère.

Un portrait de la Reine, son épouse, qui se trouve dans mon cabinet.

Un couvert de vermeil, couvert de feue ma bonne Mère, qui m'a été envoyé après sa mort. Je le donne à mon beau-fils pour l'usage de sa femme, mais il restera toujours à la Maison.

Le portrait du Roi, son père, en miniature.

Un des serre-papiers, qui se trouvent sur une de mes tables.

11.

Je donne à ma chère Fille Anne, comme souvenir, outre la part qui lui revient en diamants:

Une bague avec le portrait de son Père en camée.

Ma grande chrysolite, entourée de diamants.

Le bracelet en pierres de couleur simples, formant les noms de mes enfants.

Un médaillon entouré de diamants, avec un camée en papier, ouvrage de feue l'Impératrice Cathérine (maintenant sans diamants, qui sont à remettre et entourent présentement un grenat).

Un médaillon avec une turquoise, mise à présent dans un collier.

Deux bracelets en fils de petites perles, avec les portraits de ses deux frères aînés.

Le médaillon avec le portrait de feue l'Impératrice que j'ai gravé, auquel on peut adopter des diamants à volonté.

Un bracelet en rubis, turquoises et or, avec les cheveux du Prince Frédéric-Henri d Orange, que j'ai d'Elle.

Un bracelet en rubis, turquoises et or, avec les cheveux des jeunes Princes aînés, ses enfants.

Un bracelet en turquoises et or et les lettres (G.) (A.) (G. A.) (A.) (F. H.) que je tiens d'Elle et de Guillaume.

Un médaillon avec le portrait en cire de feu l'Empereur Paul, fait d'après la pierre, que j'ai gravée.

Un médaillon avec la pâte du portrait de mon fils l'Empereur Alexandre, gravé par moi.

Le premier portrait du Prince d'Orange qu'elle a reçu et qui est dans ma cassette.

Un bracelet en germandrées de turquoises et médaillon avec les cheveux de ses enfants.

La bague avec le portrait de ma Fille Olga, servant de bracelet.

Les portraits de ses frères Nicolas et Michel et le sien, réunis dans un tableau qui se trouve dans mon cabinet.

Les deux dessins de mes fils Nicolas et Michel, qui sont dans mon cabinet lilas à Gatchina.

Un anneau avec les cheveux de ma Mère et de mes deux Tantes.

Un petit anneau en or, avec l'inscription sur fond noir: «unis pour jamais», que j'ai encore apporté avec moi.

Un anneau avec un soupir d'une améthyste claire.

Une bague avec les cheveux de mes Parents et les quatre lettres

A. F. T. S. Amitié, Fidèlité, Tendresse et Souvenir, arrangé présentement en bracelet.

Un éventail en côtes de nacre et or.

Ma table à écrire, qui est dans mon grand cabinet en ville.

Une épingle avec le portrait en camée de feu l'Empereur Paul sur fond bleu, maintenant en bracelet.

Un parasol avec une lorgnette, monté en or et orné de pierres de couleur, qui me vient de la Reine des Pays-bas.

Je donne à mes chers Petits-Fils:

A l'aîné, Guillaume:

Une bague d'une agathe, entourée de diamants, que j'ai reçu de feu l'Empereur Paul.

. Deux vases de porcelaine de la fabrique d'ici, à prendre à Pawlowsk.

Une petite statue en bronze de feu l'Empereur Alexandre, qui se trouve dans mes chambres à Gàtchina.

Au second, Alexandre:

Les bustes de son Père et de sa Mère, qui se trouvent dans ma chambre de toilette.

Deux vases de porcelaines de la fabrique d'ici, à prendre de Pawlowsk.

Un de mes portefeuilles ou caisse à mettre les lettres.

Au troisième, Fréderic-Henri.

Un des portraits de sa Mère.

Un petite statue en bronze de feu l'Empereur, qui se trouve dans mon cabinet à Gatchina.

Un petit étui de mathématique, fait à Kolpina, qui est sur ma table.

Je donne à ma chère Petite-fille Sophie-Marie.

Une chaîne d'améthystes taillés en grains.

Un bracelet d'or et turquoises.

Un coulant de chrysolithe.

Une montre en perles que j'ai de sa Mère.

Je donne à mon cher Beau-fils, le Prince Guillaume d'Orange, à ce frère chéri de mon Alexandre, au meilleur et au plus tendre des fils que je chéris avec tout l'abandon de la tendresse maternelle:

La bague avec le portrait de feu l'Empereur Alexandre, gravé sur un saphir, que je porte constamment.

L'anneau avec la médaille et l'inscription: «l'Ange est au Ciel», que je porte constamment.

La garniture de chéminée en malachite, qui se trouve dans mon cabinet arrondi à Pawlowsk.

Une pendule en malachite qui est à Pawlowsk.

Un cure-dent en or, qui me vient de ma Mère.

Comme souvenir d'affection, on lui fera faire un anneau avec mes cheveux, comme aussi au Grand-Duc héréditaire de Saxe-Weimar, au roi de Wurtemberg et au cher archiduc Joseph.

12.

Je donne à Nicolas, Constantin et Michel les trois dessins faits par feu mon cher Empereur Paul, du temps de son enfance; c'est un don qui leur sera précieux, de même deux dessins de ma Mère, l'un à Marie et l'autre à la Grande-Duchesse Hélène.

Je donne outre cela à chacune de mes deux filles, Marie et Anne, un des grands portraits de feu l'Empereur, leur Père, qui se trouvent dans mon cabinet de toilette.

Je donne mes voiles de dentelles et mes dentelles non portées, à mes deux filles, ma belle robe de dentelles à traîne, à ma petite-fille de Saxe-Hildbourghausen et les deux robes rondes à mes deux petites-filles Marie et Auguste de Weimar. Mes filles partageront mes plumes de héron.

Chacun de mes enfants se choisira un de mes dessins ou un des tableaux peints par moi, qui sont à Pawlowsk et se partageront mes cachets particuliers et ceux de feu mon mari.

13.

Je donne à ma chère Belle-soeur, la Reine douairière de Wurtemberg:

Le buste en marbre du feu Roi, mon frère, qui est à Pawlowsk.

Une bague avec des cheveux, reçue de mon frère.

Une autre bague reçue de mon frère, avec les cheveux de ses enfants.

Un médaillon en camée, représentat une gloire avec entourage de diamants.

Un joli déjeûner de Pawlowsk.

14.

Je donne à ma nièce Cathérine, qui m'interesse d'autant plus dans ce moment, qu'elle est malheureuse:

Un coulant de grénat, qu'on entourera de diamants, afin qu'il soit de la valeur de dix mille roubles.

Un des portraits de son Père.

15.

Je donne à mes frères, mes belles-soeurs, mes neveux et nièces, comme souvenir d'affection:

1. A ma Belle-soeur Louise.

Un fermoir d'une jacynthe.

Un portefeuille blanc brodé en or avec le portrait de feu mon frère Louis.

Une cassette noire pour l'ouvrage.

Un joli déjeûner d'une de mes Maisons de Pawlowsk.

Un de mes portefeuilles.

Le portrait de la Reine, sa fille, qui est dans mon cabinet.

A ses filles, mes nièces:

A l'aînée, l'Archi-Duchesse Marie:

Un collier de petites perles avec un médaillon de jade, entouré de diamants.

Un bracelet que j'ai de sa Mère.

Le portrait en miniature de sa Mère.

A la Seconde, la Princesse Amélie de Saxe-Hildbourghausen:

Un fermoir d'une chrysoprase, entouré de diamants.

A la troisième, Pauline, Reine du Wurtemberg:

Un fermoir d'une aigue-marine.

A la quatrième, Elisabeth:

Un coulant d'une aigue-marine de Sibérie.

A ses deux fils Adam et Alexandre:

Deux bagues en pierres de couleur.

2. A ma Belle-soeur Eugène:

Mes bracelets en or, perles et diamants à porter autour du bras, que j'ai fait faire de l'héritage qui m'est revenu de feue ma Mère: après sa mort ils passeront à sa petite fille, future épouse de son petit-fils, pour rester comme fidéicommis pour l'aîné de sa branche.

Une pélisse de zibéline.

Le portrait de mon neveu Eugène.

Une chaîne de diverses agathes, reçue de ma Mère.

A son fils, mon Neveu Eugène:

Une bague d'un rubis rond.

Une bague avec mon portrait, toute simple qu'on fera faire.

Les portraits de mon Père et de ma Mère, enrichis de diamants et grenats, qui se trouvent à côté de mon lit.

Une vieille montre de ma Mère.

Un médaillon avec le portrait de mon Père et le chiffre F. E. en diamants entouré de cheveux.

Un souvenir avec des cheveux et le chiffre F. A. reçu de mon frère Ferdinand.

Une bague avec la silhouette de mon Père, qui a appartenu à Maman.

Une bague avec les cheveux de mon frère Ferdinand.

Une bague avec le portrait de ma Mère, entourée de brillants sur un fond de verre bleu.

Uue cassette avec les portraits de toute sa famille.

A sa fille, ma petite-Nièce Marie:

Un collier en or avec un médaillon oval d'une cornaline, entourée de perles et d'émail bleu.

Des boucles-d'oreilles en cristaux à aigrettes de l'Onéga.

Un petit coulant à deux perles:

A son fils mon petit-Neveu Eugène:

Une bague avec mes cheveux, entourée de diamants, à faire.

A sa Soeur, ma Nièce de Hohenlohe-Ochringen:

Un coulant d'aigue-marine et une boucle de ceinture en turquoises et brillants.

3. A mon frère Guillaume:

Une bague avec mon portrait, qu'on fera faire pour lui.

Une bague d'un oeil de chat.

Une bonbonnière de corne, de feue ma Mère.

Une bague de feue ma Mère, avec le chiffre A. F.

Une petite cuillère en or avec un manche de nacre de perles, de feue ma Mère.

Un médaillon avec le portrait de feuu ma Mère.

Unc lorgnette avec deux chiffres F. et A.

Un médaillon avec les cheveux de ma soeur Elisabeth.

Une bague à l'antique.

4. A mon frère Ferdinand:

Une bague avec mon portrait qu'on fera faire pour lui.

Une bague avec un bouquet de germandrées que je tiens de ma Mère.

Une bague avec le chiffre F. sur un fond bleu qu'il m'a donné.

Une bague avec l'inscription: «par le plus tendre», que je tiens également de lui.

Un talisman avec une inscription grecque, que j'ai aussi reçu de lui, de même qu'une bague avec son chiffre, entouré de perles.

Deux badines avec son chiffre en diamants.

Une breloque en forme de petit coffre, qui a appartenue à feu ma Mère.

Un petit médaillon avec des cheveux et l'inscription sur fond bleu: «Souvenir d'amitié», qui a appartenu à feue ma Mère.

Une bague à l'antique.

A ma belle-soeur, son épouse:

Un anneau avec des cheveux, un diamant en coeur et l'inscription «Souvenir du bien-aimé», anneau de feue ma Mère, qu'elle avait reçu de mon frère Ferdinand.

Une boucle de ceinture en eméraudes et brillants.

5. A mon frère Alexandre:

Une bague avec mon portrait qu'on fera faire pour lui.

Le portrait de mon frère Charles.

Une bague avec les cheveux de mon frère Charles.

Une bague d'une cornaline.

Une grande bague avec le portrait en silhouette de mon Père.

Un anneau avec le chiffre du frère, de feue ma Mère G. P. W. et avec l'inscription sur émail bleu: «pour son souvenir», qu'Elle m'a donné encore à Treptow.

Une cassolette d'argent avec le chiffre D. qui a appartenu à feue ma Mère.

Une boîte avec le portrait de mon frère Guillaume.

Un portefeuille en maroquin avec le portrait de mon frère Ferdinand.

Une paire de vases de Pawlowsk.

Une bague à l'antique.

A sa fille, ma nièce Marie:

Des boucles-d'oreilles de rubis balais.

Un bracelet avec mon portrait, qu'on fera faire.

Une garniture de coquillages gravés.

Une tasse de vermeil qui se trouve dans ma chambre à coucher à Pawlowsk.

Un bracelet en or et fermoir en opal.

Mr. de Nowossiltzoff remettra à ma nièce le titre des épargnes que j'ai faites pour son trousseau, si Elle ne se marie pas avant ma mort: il se forme depuis la mort de sa Mère.

Un coulant de turquoises.

A mes neveux Alexandre et Ernest:

Des bagues avec mon chiffre et mes cheveux.

6. A mon Frère Henri:

Une bague avec mon portrait, qu'on fera faire pour lui.

Une bague avec le nom de Louise et une chaîne d'or de feue ma Mère.

Une bonbonnière d'ivoire avec un oiseau, qui a appartenu à feue ma Mère.

Deux couteaux à manche de nacre dans un étui vert, qui ont appartenu à feue ma Mère.

Une bague à l'antique.

16.

Je lègue à mon cher beau fils, l'Archiduc Joseph, que j'ai toujours aimé et chéri comme mon propre enfant et qui n'a cessé de me donner des preuves de son attachement filial et des sentiments qu'il conserve pour ma chère défunte fille, en témoignage de mon affection:

Une bague carrée d'un rubis.

Un portrait de moi, copié d'après celui de Kugelchen.

Une table avec l'ouvrage d'Alexandrine, qui est à Pawlowsk.

Un des beaux déjeûners en porcelaine qui se trouve dans ma chambre à coucher à Pawlowsk.

Une chaîne des cheveux de ma chère Alexandrine.

Une boîte de cure-dents en lapis que je tiens d'Elle.

Une bonbonnière en verre avec le dessous en cire, ouvrage d'Alexandrine.

Deux beaux vases de Pawlowsk.

Un portrait d'Alexandrine avec son enfant sur les bras, qui s'élance au Ciel.

Un de mes serre-papiers sur une de mes tables à écrire.

Un de mes jolis portefeuilles.

17.

Je lègue à mon cher beau-frère, le Grand-Duc de Holstein:

Une bague d'un diamant jaune.

Un anneau avec les cheveux de feue sa femme et l'inscription: «Nous la pleurerons toujours».

J'ai porté presque constamment jusqu'a l'user un anneau, composé de trois anneaux avec les cheveux de mes soeurs Frédérique, Elisabeth

et de mon frère Charles. On les séparera et donnera les anneaux avec les cheveux de mes soeurs Frédérique et Elisabeth à mon beau-frère de Holstein, parceque les deux soeurs s'aimaient tendrement et celui avec les cheveux de mon frère Charles à mon frère Alexandre.

Un anneau avec de petits diamants et germandrées.

Un anneau avec l'inscription: «Lien de la constance».

Un anneau d'or avec de petites rosettes au milieu, qui a appartenu à feue ma Mère.

Le tableau avec les portraits de mes neveux, ses fils, comme enfants, qui est à Gatchina.

Une copie de mon portrait, peint par Kugelchen.

Le portrait de mon neveu Auguste, peint par Kiprensky.

Les portraits de mes petits-fils Alexandre et Pierre d'Oldenburg, dessinés par Kiprensky.

Un médaillon avec les cheveux de ma soeur Erédérique et la dévise: «Sacrée à l'amitié».

Un porte-feuille avec le portrait de Cathérine.

Un anneau avec l'inscription sur émail noir: «Sie blühete kurz, sie wird wieder blühen», qui a appartenu à ma Mère, qui l'a beaucoup porté.

Un serre-papiers en marbre avec un lévrier en bronze.

Une paire de vases de Pawlowsk.

Je donne à son fils, mon neveu Auguste, comme souvenir d'affection:

Une bague avec les cheveux de son Père et de feue sa Mère que je tiens d'eux.

Une bague avec mon portrait, à faire.

Un anneau avec les cheveux de mon petit-fils Pierre d'Oldenbourg, couverts d'un diamant.

Un anneau en or qu'on ouvre, avec émail noir étoilé.

Une boîte à cure-dents en or, que je tiens de son Père.

Un médaillon avec les cheveux de sa Mère.

A ma nièce, son épouse:

Ses boucles-d'oreilles en turquoises et brillants.

Un éventail de ma Soeur, sur lequel elle a écrit, de même que le Duc.

18.

Je donne à ma cousine, la Princesse Radziwill:

Un médaillon entouré de perles avec des cheveux et une peinture où on voit le chiffre F. L. M. qui me vient de ma tante.

Une bague avec le portrait de son père, mon oncle Ferdinand.

Une bague avec les cheveux de ma tante de Hesse.

Un médaillon en filigrane avec une tête de Méduse.

Un beau déjeûner en porcelaine de ma chambre à coucher de Pawlowsk.

Un anneau avec des cheveux et le chiffre P., anneau de feue ma Mère, avec les cheveux de ma tante de Hesse.

Un médaillon avec les cheveux de mon oncle et de ma tante.

Un souvenir émaillé avec le chiffre A. A. qui me vient de ma grande tante, la vieille Duchesse de Brunswic.

Un fermoir en chrysolithe, entouré de diamants.

Je donne à ma nièce Elise Radziwill:

Une boucle de ceinture en chrysolithe.

19.

Je lègue à notre digne et chère Princesse de Lieven, comme souvenir de mes sentiments pour elle:

Mon portrait peint par Kugelchen.

Un solitaire de mon collier.

Un anneau en émail avec l'inscription: «L'amitié vous le donne».

Le médaillon de mes enfants.

Un flacon d'or émaillé en rouge.

Un couteau en or avec manche de nacre.

Une canne avec le portrait intaglio de feue l'Impératrice Cathérine.

Un étui d'ivoire chinois.

Une boîte en agathe, ovale.

Un serre-papiers.

Tous les bustes en plâtre de mes enfants, qui se trouvent dans mon grand cabinet.

Une tasse de vermeil.

20.

Je donne à ma bonne amie Mademoiselle de Nélidoff:

Un bracelet avec mes cheveux, qu'on fera faire, avec un fermoir en diamants, à prendre de mes chatons.

Un autre bracelet avec mon portrait qu'on fera faire aussi.

Un des serre-papiers qui se trouvent sur ma table.

Un médaillon carré en or, entouré de perles fines, dans lequel on mettra de mes cheveux.

Un anneau large avec des cheveux et l'inscription: «qu'il te rappelle un ami», de mon frère Ferdinand.

Un anneau avec l'inscription: «Souvenir d'amitié».

Un souvenir avec des médaillons, d'un côté des pensées, de l'autre le chiffre F. A. formé avec des roses, que je tiens de mon frère Ferdinand.

Un camée, tête de Jupiter.

Le chiffre de feu l'Empereur Alexandre A. I. sur un médaillon émaillé avec une chaîne surmonté d'un casque et de l'autre côté l'inscription: „Государь и Отечество".

Un collier en camées de fer.

Un souvenir, venant de la Duchesse de la Valière.

Une bonbonnière avec le dessus en ivoire et l'inscription: «Sacrés à l'amitié».

Un anneau large à émail bleu avec un rosier et l'inscription: «L'épine souvent est un charme de plus».

Un souvenir en laque chinois.

Une lorgnette en or et émail bleu, que j'ai beaucoup porté.

21.

Je lègue aux enfants de feue mon amie Benkendorff:

A chacune de filles un bracelet avec mon portrait qu'on fera faire.

En outre: à l'aînée la Princesse Dorothée Liewen:

Un médaillon en cheveux, entouré de perles avec des bouquets, qui me vient de sa mère.

Une bague avec un coeur et l'inscription: «fidèle» et

Une bague, une F. en brillants, toutes deux de sa mère.

A la cadette, Marie de Schewitch:

Une bague avec une gerbe de cheveux.

Un petit anneau en perles et améthystes, tous deux cadeaux de sa mère.

Au fils Alexandre:

Une bréloque en forme de vase, avec un F. dans l'intérieur, reçue de feue sa mère.

Une bonbonnière avec les cheveux de sa défunte mère.

Un anneau avec le nom de Tille dans cinq coeurs.

Au fils Constantin:

Une bague en cornaline, entouré de diamants, que sa mère a porté j squ'au jour de sa mort.

Une bonbonnière d'ivoire avec une silhouette.

Une boîte d'ivoire doublée d'écaille avec un médaillon, reçue de sa défunte mère.

22.

(Article rayé, de legs à M-lle Divoff):

(Приписка): J'ai eu le malheur de perdre M-lle Divoff ce printemps le 11. Févr.

Un petit portefeuille en maroquin rouge avec un médaillon en devise en rebus: L. C. ma et une pensée à donner à M-lle de Nélidoff.

(Приписка): Deux bracelets entourés de perles avec des dessins et inscriptions à donner à M-me Kotchetoff.

et à Mad-me Kotchetoff:

Un bracelet avec mon chiffre, entouré de diamants, à faire, et mes chevaux de selle.

(Mademoiselle de Lounine rayée) Princesse Radziwill, Dalhein l'aînée (Tchibatcheff rayée) recevront des fermoirs, comme toutes les autres dames qui pourraient se trouver auprès de moi à ma mort.

(Приписка): Mademoiselle de Lounine et Tchibatcheff se marient; la Tchibatcheff a déjà reçue mon cadeau et la Lounine le recevra.

«27 Novembre 1827».

23.

Je lègue de même comme témoignage de ma sincère affection à Madame de Plestchéieff:

Un bracelet avec mon portrait entouré de diamants, à faire.

Un anneau avec mes cheveux et l'inscription: „Amitié", à faire.

Un anneau large émaillé avec l'inscription: „à moi".

Je donne à Madame de Hoven, un bracelet avec mon chiffre, à faire.

24.

Je lègue à ma chère Communauté ma plus belle image.

Le beau buste en marbre que j'ai de feu notre cher Empereur Alexandre, qui se trouve dans mon cabinet.

Ses livres qui se trouvent toujours dans les armoires de ma Bibliothèque du Palais d'hiver, composés la plupart de Dictionnaires.

Toute ma collection de musique.

Ma Harpe.

Un clavecin de Pawlowsk, s'entend le meilleur.

Je lègue à ma bonne, digne, respectable Adlerberg, dont je suis des plus contente:

Un bracelet avec mon portrait, à faire.

Un souvenir en or.

Une de mes cassettes, qui se trouvent sur ma table, soit ici, soit à Gatchina.

25.

Je lègue à chacun des Instituts suivants: de S-te Cathérine à Pétersbourg et à Moscou, d'Alexandre, de Harkoff et des Orphélines militaires, une de mes images et une copie de mon portrait peint par Kugelchen; mes soies, canevas et dessins de broderies sont à partager entre la Communauté, les deux Instituts de S-te Cathérine et celui d'Alexandre.

Je donne de même une de mes images à chacune des deux Ecoles de filles de soldats.

Je donne à Madame Krempien, comme témoignages d'affection et de contentement de son service, un bracelet avec mon chiffre, à faire. J'espère que j'aurai à me louer du choix que j'en ai fait.

A Madame de Pewtzoff, supérieure de l'institut de S-te Cathérine de Moscou, un bracelet avec mon chiffre, à faire. J'espère que j'aurai à me louer du choix que j'en ai fait.

A Madame Mélart, Inspectrice de l'Institut d'Alexandre à Moscou, une bague avec mon chiffre, à faire.

A Madame la Générale Stawitzky, Directrice de l'Institut des Orphélines militaires, un bracelet avec mon chiffre, à faire.

A Madame de Litinsky, Directrice de l'Institut de Harkoff, une bague avec mon chiffre, à faire.

A Madame Naymanovsky, Directrice de l'Institut Marie, un bracelet avec une malachite, à faire.

26.

Je donne à chacune des Maisons des Enfants trouvés, une de mes images et mon portrait, ainsi qu'une image à chacun des hôpitaux des pauvres, à celui de Paul à Moscou, à l'hôpital Galitzin, aux deux Ecoles de Commerce, aux deux Maison des veuves.

Je donne à mon Institut Marie une de mes images et une copie de mon portrait, peint par Kugelchen; je lègue à l'Institut des sourds-muets une image et mon tour.

27.

On prendra de ma garderobe mes habits riches pour les partager entre les églises de la forteresse, des Instituts d'ici et à Moscou, des hôpitaux des pauvres d'ici et à Moscou, de ceux de Paul et de Galitzin.

28.

Je lègue à Madame de Graevnitz, comme à ma pensionnaire, mon éléve et veuve d'un homme qui m'a si bien servi, un médaillon avec mon chiffre, à faire.

29.

Je donne à notre bon, digne général Comte de Lambsdorff, comme souvenir d'amitié et de reconnaissance, un des solitaires de mon collier, mon portrait peint à l'huile, l'anneau en or que mes fils m'ont donné et que j'ai toujours porté pendant leur absence; ma canne avec le pommeau en or et chiffre, que j'ai depuis plus de 30 ans et qui sous ce rapport lui fera plaisir; un souvenir en nacre et or; une canne toute d'ambre.

30.

Je donne à mon bon vieux Nélédinsky, sécrétaire d'état de feu l'Empereur Paul: une boîte avec mon portrait et avec l'inscription „Souvenir d'amité"; une boîte avec les 6 portraits de mes enfants, dessinés par moi; j'avais donné cette boîte à feue l'Impératrice Cathérine et l'ai redemandée après sa mort; un portefeuille de maroquin rouge avec un portrait de feu l'Empereur Paul, en miniature; le bas-relief, portrait du C-te Panin, qui est à Pawlowsk; un anneau d'or avec les cheveux du C-te Panin, son chiffre et la date de sa mort, du 31 Mars 1783; une canne que j'avais de ce bon vieillard.

31.

Le général Klinger, ayant été spécialement chargé de l'administration économique de la Communauté et de l'Institut de S-te Cathérine, je ne saurais assez reconnaître tout le zèle avec lequel il l'a soigné et je me fais un plaisir de lui laisser un souvenir de la justice, que je lui rends, en lui léguant une boîte avec mon portrait, à faire, et une somme de dix mille roubles, qu'il a si généreusement payée à l'Institut de S-te Cathérine, pour reparer l'erreur d'un employé.

Au général Arsénieff, qui soigne l'Institut des orphélines militairse et qui a la complaisance de s'occuper de celui de Marie, une boîte avec mon chiffre, à faire.

A Mr. de Wilson, qui non seulement rend des services si essentiels à la fabrique d'Alexandrowsk, mais qui s'est rendu utile et à Pawlowsk et à Gatchina: une boîte avec mon chiffre, à faire.

32.

Je donne à Mr. de Toutolmin, comme souivenir de reconnaissance des sentiments d'attachement qu'il m'a toujours témoigné: une bague avec mon portrait qu'on fera faire et le portrait du C-te Panin qui se trouve dans ma chambre.

33.

Je donne à Mr. Suthoff, Directeur de mon Institut des sages-femmes, une belle bague et le remercie de son zèle.

34.

Je donne au général Frédérici une boîte avec mon portrait. Je suis persuadée que mon fils Michel en sera tout aussi content que je le suis, ne pouvant assez me louer de son zèle.

Je donne au bon Rittmeister, en souvenir de ses longs et fidèles services, une boîte avec mon chiffre Je donne au colonel Stenger une boîte avec mon chiffre, en le remerciant de son zèle et le recommandant aux bontés de l'Empereur.

35.

En témoignant ma sincère reconnaissance au grand-écuyer Mr. de Mouchanoff de tout son zèle et de ses services, je me fais un plaisir de lui en laisser un souvenir et lui donne une belle boîte avec mon portrait.

36.

Je donne à mon vieux Albedyl, en le remerciant de ses soins, une belle boîte avec mon portrait et mes cheveux, de même qu'une boîte à portrait au Prince Gagarin et une boîte à portrait au Prince Nicolas Dolgorouky, en les remerciant de leur zèle, dont je ne puis que me louer infiniment.

(Приписка): Je donne de même une boîte avec mon portrait au C-te Wielhorsky, attaché de même à ma personne depuis ce printemps.

27 Novembre 1827.

Au Kammerfourier Kryloff, qui est un vieux serviteur, une belle bague.

Aux écuyers Wassilieff et Wolkoff, des bagues et les recommande aux bontés de l'Empereur comme de bien bons sujets.

Quoique notre Cour n'ait pas été séparée, je prie l'Empereur, mon très cher Fils, de vouloir bien gratifier les personnes qui ont été employés à mon service pour la table et l'office, de même que la livrée des chambres de parade de mon côté et l'écurie.

37.

Je donne comme souvenir:

A Mr. de Willamow une belle boîte avec mon portrait, à faire; une montre entourée de perles que j'ai beaucoup portée; une bonbonnière à émail bleu; un cachet en bréloque; un couteau à deux lames et manche de vermeil; une médaille à cadre noir, avec l'éffigie de feu l'Empereur Alexandre; un médaillon avec un dessin allégorique à la plume; un porte-crayon en or; une canne à pommeau d'ambre; une bonbonnière avec un dessin au crayon.

A M-r de Novossiltzoff, une boîte avec mon portrait, à faire; une bague d'un grenat, un couteau à deux lames et manche de nacre; un souvenir d'ivoire; un porte-crayon d'or avec une plume; un crayon en or dont je me sers toujours et qu'il m'a donné; un cachet en bréloque et une canne à pommeau d'ambre.

A M-r de Meyendorff, qui ne fait que d'entrer chez moi, une bague avec mon chiffre.

38.

Je donne à Mr. Rühl une boîte avec mon chiffre; un étui a cure-dents en or, orné de germandrées; une montre qui a toujours été sur ma table de toilette; un étui rouge avec un nécessaire.

39.

Je donne à M-r de Storch une boîte avec mon chiffre en diamants; à M-r Adelung une boîte avec mon chiffre en or; à mon bibliothécaire Uttecht une gratification de trois mille cinq cent roubles; à Anton Iwanoff, une gratification de mille cinq cent roubles.

40.

Je donne à Mr. le général d'Ouchakoff, qui a toujours eu la complaisance de monter à cheval avec moi, une belle boîte avec mon portrait.

41.

Je donne à Monsieur le Prince Serge Galitzin, qui s'est toujours chargé de distribuer mes aumônes, une belle boîte avec mon portrait et le remercie de son attachement, lui recommandant avec confiance les Instituts et la Maison des Enfants trouvés.

42.

Je donne les portraits du Prince Alexandre Kourakin à Mademoiselle de Nélidoff et à M-r de Toutolmin; celui du grand chambellan Prince Galitzin à l'hôpital Paul à Moscou, celui du Prince Dmitri Galitzin à l'hôpital Galitzin à Moscou; celui de M-r de Zagraesky à M-me son épouse.

Je lègue à mes valets de chambre, femmes de chambre etc. etc. les objets ci dessous marqués:

Aux valets de chambre:

à Schalin: une bague; un étui rond en porte-crayon.

à Grimm: une bague; un étui d'ambre en forme de noix; une boîte à cure-dent d'écaille; une bonbonnière d'ambre en forme d'oeuf; une petite montre toute en or; un anneau avec l'effigie de feu l'Empereur Alexandre en petite médaille; une montre d'or avec le chiffre en caractères russes II. M.

à Matwey Pétroff: Une bague; un couteau à une lame et manche de nacre; une bonbonnière de corne avec ornement en or; une bonbonnière en verre et ivoire; une montre toute en or, avec une aiguille en serpent; une chaîne de montre émailliée avec un petit cachet.

à Keyser: une bague.

à Jaroslawtzoff: une bague.

à Safonoff: une bague.

au vieux Prehn: une bague.

Aux femmes de chambre:

à la Pilnikoff: Des boucles d'oreilles d'or en cerceaux; un anneau d'or avec cinq petites rosettes sur émail bleu et blanc; plusieurs chaînes de montre et bracelets en grains de différentes espèces; une chaîne de Venise; un médaillon d'or pour y mettre des cheveux avec le chiffre M. F. en émail bleu; des boucles d'oreilles en cheveux en forme de petits globes; une petite bréloque en forme de coeur avec l'inscription: „Je t'aime"; des ciseaux à manche d'or; un grand médaillon d'une aventurine; un médaillon en cornaline avec un crucifix gravé en relief; une chaîne d'or avec des lozanges; mon lavoir d'argent doré, une bague.

à la Jacowleff: Des boucles d'oreilles de cornaline; un anneau avec un petit intaglio; une bonbonnière d'ivoire et verre avec un dessin; une petite bréloque en médaillon avec un dessin; un petit étui et nécessaire en forme de noix; une branche de cerises émailliées avec une montre dans l'une; une chaîne avec un carquois; trois épis en or; des chandeliers d'argent achetés par moi, en forme de sphinxe; deux chaînes d'or; ma jatte d'argent dorée pour la bouche; une bague.

à la Brisgaloff aînée: Une petite breloque à crochet; des ciseaux à manche d'or; des boucles d'oreilles en cornaline; une agraffe de ceinture en or; une bague.

à la Brisgaloff cadette: Un médaillon avec l'image de S-te Nicandre; des boucles d'oreilles en serpent; un petit flacon d'or émaillié; une bague.

à la Tchernicheff: Un anneau avec un flacon en cornaline; un anneau avec une turquoise; une bague.

à la Iwanoff: Une petite breloque en urne pour odeur; un anneau avec une turquoise, une bague.

à la Jaroslawtzeff: Une petite boîte à odeur d'agathe; une bague.

Aux quatre femmes de chambre:

Pilnikoff, Jakowleff, les deux Brisgaloffs: quatre navettes, 4 peignes en or, perles, camées et cornaline; à toutes les six une garniture de Wedgewood, à partager entre elles, quatre boucles d'oreilles en grenats et trois en perles noires.

A ma Kammerfrau Madame Kennedi.

Un étui rond en nacre et or; un médaillon avec un ouvrage en ivoire dans un étui de velours vert; un anneau avec une turquoise; une petite boîte à odeur et une sonnette d'argent doré; une bague.

Aux filles de garderobe:

à la Strotzky: Une épingle ave un medaillon bleu et acier; une bague.

à la Cristopoff: une épingle avec une flèche en or; une bague.

Toute la garniture noire de composition à partager entre:

la Ditz, et une bague.

la Konowaloff, de même.

la Woronoff, de même.

Daria Wassiliewa et Victoroff.

Au fourrier de mes chambres, Alexeieff, une bague.

Signé: Marie.

St. Pétersbourg, ce 21 Janvier 1827.

Императрица Марія Өеодоровна.

21-го января 1827 г

I.

(Переводъ). Возлюбленному сыну моему императору Николаю оставляю: червонецъ, лежащій въ моемъ кошелькѣ, съ надписью: «Wohl dem der an seinen Kindern Freude erlebt". Я получила его отъ моей матери, которой въ свою очередь онъ достался отъ ея матери. Червонецъ этотъ предназначался его брату Александру и въ моемъ завѣщаніи говорилось слѣдующее: «Оставляю его моему сыну въ знакъ моей любви, въ благодарность за счастіе, доставляемое имъ мнѣ, и въ знакъ моей радости, что онъ достигнулъ высшей степени славы какъ своими военными побѣдами, такъ и своимъ нравственнымъ превосходствомъ». Въ 1812 г., когда я писала свое завѣщаніе, то въ немъ было высказано слѣдующее пожеланіе: «Молю Господа Бога, чтобы съ каждымъ днемъ крѣпли и развивались Имъ высокія и прекрасныя качества, коими Онъ надѣлилъ моего сына; чтобы Онъ даровалъ ему силу съ твердостью и достоинствомъ перенести ниспосланное ему испытаніе и горе; чтобы онъ, надѣясь на Божью помощь, не падалъ духомъ, побѣдилъ бы своихъ враговъ и прославилъ бы свою державу, такъ что народъ любилъ бы и благословлялъ его, называя своего государя Освободителемъ угнетенныхъ народовъ. Господь услышалъ мою мольбу и предчувствіе мое сбылось. Надѣюсь также на милосердіе Божье, что онъ исполнитъ и теперешнюю молитву мою, даруетъ императору силу привести его трудъ къ желаемой цѣли, чтобы во всѣхъ частяхъ администраціи водворилось правосудіе и любовь къ добру, чтобы народъ его благоденствовалъ и былъ бы такъ счастливъ, какъ того желаетъ его монархъ, и чтобы наконецъ прекрасное прозвище «Благословенный», данное ему народомъ, осталось за нимъ во вѣки. Вотъ пожеланія, связанныя съ этимъ червонцемъ, который

поэтому долженъ быть для него дорогъ и который онъ долженъ беречь какъ фамильную вещь».

Дай Богъ, чтобы на священную особу императора Николая перешли всѣ тѣ благословенія, которыя я ниспосылала на его брата, дай Богъ ему окончить дѣло, начатое императоромъ Александромъ, и чтобы онъ неусыпно заботился о счастіи, благоденствіи и нравственности своего народа, тогда онъ будетъ благословенъ Господомъ точно также, какъ и я благословляю его ежедневно, и будетъ любимъ своимъ народомъ.

Агатовый крестъ съ изображеніемъ деревъ, съ волосами почтенной и уважаемой покойной матери моей, висящій возлѣ моей кровати.

Кольцо съ вензелемъ и волосами покойнаго отца его, императора Павла.

Портретъ покойнаго отца его, императора Павла, стоящій постоянно на моемъ столѣ; я желала бы, чтобы онъ находился также всегда возлѣ него.

Перламутровый ящикъ, доставшійся мнѣ въ наслѣдство отъ вдовствующей королевы Прусской и находящійся въ Павловскѣ. Я желаю, чтобы ящикъ этотъ, какъ вещь фамильная, хранился въ эрмитажѣ.

Золотую готовальню, бывшую у меня постоянно въ употребленіи и полученную мною отъ покойнаго императора Павла; надѣюсь, что эта память будетъ ему дорога.

Большой рисунокъ Анны: Святое семейство Баттони.

Мое бюро, стоящее въ моемъ большомъ кабинетѣ въ городѣ, на которомъ я часто писала.

Одинъ изъ малахитовыхъ прессъ-папье, стоящихъ на моемъ столѣ.

Я желала бы, чтобы серебряная чернильница, употребляемая мною ежедневно и взятая изъ кладовой, осталась у моего сына.

Первый полученный мною портретъ покойной императрицы Екатерины.

Первый полученный мною портретъ покойнаго императора Павла.

Портретъ Петра Великаго, находящійся въ моей уборной въ городѣ.

Портретъ покойнаго императора Павла въ дѣтскомъ возрастѣ съ эстампомъ Петра Великаго.

Кольцо съ камнемъ, на которомъ вырѣзанъ портретъ Петра Великаго.

Портреты моего отца и матери, находящіеся въ моей уборной въ городѣ.

Бюсты моихъ родителей, стоящіе въ моемъ большомъ кабинетѣ въ городѣ; прошу отправить ихъ въ Гатчино.

Всю коллекцію миніатюръ, находящуюся въ моей уборной въ городѣ.

Писанный портретъ генерала Ламсдорфа.

Маленькое черное кольцо съ всевидящимъ окомъ и надписью: «Veille sur mon sort».

Портретъ императора Александра, писанный Изабеемъ (Isabey), находящійся постоянно на моемъ столѣ.

Портретъ сестры его Ольги, начатый масляными красками и неоконченный за ея смертью.

Всю мою коллекцію портретовъ, писанныхъ Изабеемъ, за исключеніемъ портрета императора Александра, который я оставляю Константину, такъ какъ императоръ Николай получитъ портретъ, стоящій на моемъ столѣ.

Бюстъ его супруги.

Портретъ принца Вильгельма Оранскаго, находящійся въ моей уборной въ городѣ.

Большую картину, изображающую его старшихъ братьевъ дѣтьми; Александръ разрубаетъ Гордіевъ узелъ, а Константинъ держитъ знамя вѣры. Картина эта находится въ Гатчинѣ.

Серебряная готовальня, которую я постоянно употребляла.

Золотые часы, находящіеся на столѣ въ моей уборной; они были подарены мнѣ возлюбленнымъ моимъ покойнымъ Александромъ и я никогда не разставалась съ ними.

Прекрасные рисунки Анны: Успѣніе Пресвятой Богородицы и смерть св. Сициліи, находящіеся въ Гатчино.

Четыре картины Робера, большая картина Верне и Луки Джіордано, находящіяся въ Павловскѣ, равно какъ и картина ле-Дюка, висящая тамъ же въ моемъ маленькомъ кабинетѣ, должны быть возвращены въ Гатчино, которой онѣ принадлежатъ.

Всѣ фамильные портреты, находящіеся въ моей уборной въ городѣ, которые я не предназначаю никому особенно, остаются Николаю, а копіи съ нихъ, если таковыя имѣются, прошу его отдать Михаилу.

Мою гатчинскую библіотеку, составленную мною.

Запонки къ рубашкѣ, съ девизами, подаренныя покойному императору Павлу.

Запонки къ рубашкѣ, съ моими волосами, принадлежавшія покойному отцу его императору Павлу.

Сувениръ съ флаконами (un souvenir avec flacons). Я получила его отъ моей матери и много употребляла его. Такъ какъ моя бѣд-

ная Бенкендорфъ, которой онъ предназначался, умерла, то я оставляю его моему дорогому Николаю.

Каме съ портретомъ его жены.

Футляръ съ зубочисткой, бывшій первой игрушкою императора Александра и его братьевъ и сестеръ.

Кольцо съ надписью «Je te bénis», полученное мною отъ покойныхъ моихъ родителей.

Голубую стеклянную бомбоньерку, въ видѣ глобуса, съ надписью: «Le monde est Votre captif»; ее слѣдуетъ хранить въ эрмитажѣ, какъ фамильную вещицу, полученную мною отъ матери по наслѣдству отъ вдовствующей королевы.

Печать покойнаго императора Александра.

Ящикъ съ миніатюрами, изображающими пріѣздъ покойной великой княгини Наталіи; онъ долженъ храниться въ эрмитажѣ.

II.

Возлюбленной невѣсткѣ моей, императрицѣ Александрѣ Өедоровнѣ, оставляю:

Мою орденскую звѣзду и крестъ св. Екатерины.

Прекрасный баласъ (блѣдный рубинъ), полученный мною отъ покойнаго императора Павла, я завѣщаю казнѣ, но предоставляю императрицѣ право пользоваться имъ, равно какъ и моими

Прекрасными бриліантовыми сережками, которыя послѣ нея перейдутъ, по моему завѣщанію, къ казнѣ.

Прекрасной работы шкатулку изъ слоновой кости, находящуюся въ Павловскѣ.

Игольникъ съ тамбуромъ изъ бѣлой яшмы.

Медаліонъ покойнаго императора Павла на черномъ фонѣ.

Маленькую шкатулку изъ окаменѣлаго дерева, принадлежавшую покойной сестрѣ моей, эрцгерцогинѣ, и находящуюся въ Павловскѣ.

Портретъ покойнаго императора Александра, гравированный мною.

Кольцо съ сердцемъ изъ бриліантовъ съ надписью: «Un seul me suffit», полученное мною отъ матери.

Шкатулка для письменныхъ приборовъ съ перламутровыми и золотыми принадлежностями.

Мои два прекрасные кольца, голубое и розовое, съ бриліантами, купленныя мною на собственныя деньги для ея употребленія; по смерти ея онѣ перейдутъ, по моему завѣщанію, въ казну.

Прелестный аквамаринъ, полученный мною отъ моего сына Але-

ксандра и который послѣ ея смерти поступитъ также, по моему завѣщанію, въ казну.

Портретъ покойной вдовствующей королевы прусской, лежащій въ моей шкатулкѣ.

Золотой браслетъ съ малахитомъ и венеціанскую цѣпочку, полученную мною отъ отца ея, короля Прусскаго, послѣ кончины покойной королевы.

Золотой браслетъ съ волосами генерала Ламсдорфа.

Мой маленькій брегетъ, подаренный мнѣ сыновьями, который очень нравился Александру.

Кольцо съ всевидящимъ окомъ изъ бирюзы, которое я постоянно носила; оно соединено въ настоящее время съ двумя другими кольцами, которыя также имѣютъ свое назначеніе.

Бомбоньерку изъ янтаря, съ тремя кусками янтаря; одинъ изъ нихъ съ паукомъ.

Четыреугольный медальонъ съ волосами покойной великой княгини Александры Павловны и съ надписью: «Souvenir de ma chère fille Alex. Pawl.».

Золотые ножницы, продѣвалки, игольникъ и медальоны съ волосами, полученные отъ покойной королевы прусской.

Золотые браслеты съ двумя сложенными руками, полученные мною отъ сыновей.

Четыреугольный перламутровый игольникъ.

Желѣзная цѣпь и медальонъ съ портретомъ покойной королевы прусской.

Флаконъ въ футлярѣ, сдѣланномъ изъ оленьяго рога, который я часто употребляла.

Мою нѣмецкую библію, которую я читаю каждый вечеръ.

Мои двѣ нѣмецкія книги въ черномъ переплетѣ, которыя я читаю, приготовляясь къ причастью; одна изъ нихъ написана моею рукою, а другую я получила отъ матери.

Прочія мои молитвенныя книги прошу ее раздѣлить съ моими дочерьми Маріей, Анною и Еленой; нѣкоторыя изъ нихъ могутъ взять, по желанію, мои сыновья.

Шкатулку, подаренную мнѣ моею внучкою Александрою Мекленбургскою.

Шкатулку, украшенную чугунными медальонами, съ барельефными изображеніями прусскаго королевскаго семейства.

Портреты моихъ внучатъ, принцевъ Веймарскихъ, оправленные въ прессъ-папье.

Портреты моихъ правнучатъ гер. Мекленбургскихъ.

Перламутровая подставка подъ часы, стоящая на моемъ столѣ.

Черепаховый вѣеръ, въ золотой оправѣ.

Пресъ-папье съ портретомъ его сына, а моего внука Александра.

Мой альбомъ съ видомъ Краснаго Села.

Мой прекрасный браслетъ съ двумя цвѣтными камнями, изображающими имена моихъ дѣтей; браслетъ этотъ долженъ перейти впослѣдствіи, по моему завѣщанію, въ казну.

III.

Сыну ихъ, моему внуку Александру, оставляю:

Второй бриліантъ изъ моего ожерелья для кольца, въ подарокъ его будущей невѣстѣ, съ тѣмъ чтобы оно переходило всегда къ старшему въ его родѣ, для употребленія въ подобномъ же случаѣ.

Противъ этого мѣста, рукою императрицы Маріи Ѳеодоровны, написано: „оставляю внуку моему Александру образъ св. Сициліи (la St. Sicile), подаренный мнѣ его отцомъ 14-го октября 1827 г. Я желаю, чтобы онъ подарилъ его отъ моего имени своей супругѣ на другой день ихъ свадьбы и чтобы онъ переходилъ всегда къ старшему въ его родѣ и употреблялся въ подобныхъ же случаяхъ".

Перламутровый самоваръ съ принадлежащими къ нему столомъ и чашками, находящіеся въ Павловскѣ.

Готовальню тульской работы, находящуюся въ моемъ кабинетѣ.

Печать съ перламутровой ручкой, съ перочиннымъ ножикомъ и перомъ.

Замѣтка на полѣ, рукою императрицы Маріи Ѳеодоровны: „Третій большой бриліантъ изъ моего ожерелья оставляю Константину на кольцо, въ подарокъ его будущей невѣстѣ, и желаю, чтобы оно переходило къ старшему въ его родѣ и употреблялось въ подобныхъ случаяхъ".

„Одни изъ часовъ покойнаго императора Александра, находящіеся на столѣ въ моемъ зеленомъ кабинетѣ".

Бюстъ дѣда его, короля Прусскаго, находящійся въ Павловскѣ.

Внучкѣ моей Маріи оставляю:

Топазовую привѣску къ ожерелью.

Бирюзовый уборъ.

Кружку изъ гіацинта, находящуюся въ моей спальнѣ въ Павловскѣ.

Орденскіе знаки св. Екатерины, принадлежавшіе покойной великой княжнѣ Александрѣ.

Жемчужное ожерелье и серьги въ китайскомъ вкусѣ, купленныя въ Веймарѣ.

Бриліантовыя серьги.

Одинъ изъ прессъ-папье съ моего стола.

Булавку изъ хризолита.

Браслетъ, серьги и восемь булавокъ изъ финляндскаго жемчуга съ небольшими бирюзовыми камнями, полученные отъ императора Александра, и ящичекъ съ финляндскимъ жемчугомъ.

Желтый портфель (un portefeuille à soufflet) съ мозаичнымъ украшеніемъ.

Оставляю моей внучкѣ Ольгѣ:

Браслетъ съ волосами ея брата и съ изображеніемъ его имени, сдѣланнымъ изъ цвѣтныхъ камней.

Приписка на полѣ собственною рукою императрицы Маріи Ѳеодоровны: „Оставляю внучкѣ моей Ольгѣ браслетъ съ изображеніемъ Одина, подаренный мнѣ ея матерью".

Привѣску къ ожерелью изъ восточнаго жолтаго топаза.

Бриліантовыя серьги грушевидной формы (à tire-bouchon).

Ожерелье или цѣпь изъ каме и сердолика.

Два браслета изъ золотой проволоки (or tressé) и бирюзы.

Браслетъ съ тремя бирюзами и бирюзовыми цѣпочками, полученный мною отъ ея родителей.

Широкій поясъ изъ золотой проволоки съ бирюзою и бриліантами и съ надписью: «Souvenir d'amitié», сдѣланною изъ цвѣтныхъ камней; поясъ этотъ я получила отъ ея родителей.

Золотой вѣеръ съ изумрудами, бирюзою и бриліантами.

Орденскіе знаки св. Екатерины, покойной великой княгини Елены Павловны.

Жемчужное ожерелье съ оправленнымъ бриліантомъ въ видѣ небольшаго фермуара.

Булавку съ жемчужиной, подаренную мнѣ ея матерью.

Внучкѣ моей Александрѣ оставляю:

Привѣску къ ожерелью и серьги изъ аквамарина.

Приписка на полѣ собственною рукою императрицы: „Оставляю внучкѣ моей Александрѣ браслетъ съ портретомъ Ольги, подаренный мнѣ ея матерью".

Образъ св. Сициліи съ бирюзою, подаренный мнѣ въ день ангела матерью ея, императрицею Александрою Ѳеодоровною.

Ожерелье и серьги изъ хризопраза.

Бриліантовыя серьги въ видѣ трехъ грушъ.

Хризопразъ.

Ожерелье въ видѣ змѣи.

Золотой браслетъ ея матери съ гранатами и жемчугомъ.

Булавки съ анютиными глазками изъ эмали.

Семь печатей съ девизами, связанныя въ видѣ колеса.

IV.

Возлюбленному сыну моему, великому князю Константину, оставляю на память:

Образъ, принадлежавшій его отцу и висящій возлѣ моей кровати.

Противъ этого мѣста рукою императрицы на полѣ приписано: „Оставляю еще любезному моему Константину туалетъ нашего любезнаго покойнаго Александра. Послѣ его смерти онъ долженъ перейти къ моему сыну Николаю и передаваться всегда по наслѣдству старшему въ его родѣ“.

Кольцо съ волосами покойнаго отца его, императора Павла, которое снимутъ съ моей руки послѣ моей смерти и которое я дарю любезному сыну моему Константину въ знакъ моего послѣдняго благословенія и какъ одинъ изъ наиболѣе цѣнныхъ для меня предметовъ. Прошу его оставить это кольцо послѣ смерти старшему изъ его братьевъ.

Портретъ покойнаго отца его, императора Павла, сдѣланный изъ эмали и висящій возлѣ моей кровати; я желаю, чтобы этотъ портретъ всегда висѣлъ въ его комнатѣ рядомъ съ моимъ.

Голубое кольцо съ камнемъ, изображающимъ покойнаго мужа моего.

Самый большой камень изъ моего бриліантоваго ожерелья, для украшенія одной изъ его сабель. Онъ будетъ принадлежать ему по сдѣланному мною временному завѣщанію, а послѣ его смерти долженъ перейти къ его брату Николаю въ казну.

Бронзовый вызолоченный бюстъ покойнаго императора Александра; это былъ его послѣдній подарокъ, сдѣланный мнѣ послѣ отъѣзда его въ Таганрогъ и переданный мнѣ императрицею Елизаветою.

Портретъ, во весь ростъ, покойнаго императора Александра, висящій всегда возлѣ моей постели.

Саблю покойнаго императора Александра, которая послѣ его смерти должна быть перевезена въ Гатчино и повѣшена тамъ рядомъ съ саблей Петра Великаго.

„27 ноября 1827 г.“.

Часы, которые постоянно носилъ покойный императоръ Александръ и которые я взяла послѣ смерти императрицы; они лежатъ на моемъ письменномъ столѣ.

Зеленый альбомъ, подаренный мнѣ моей любезной Катей, съ планомъ внутренности Штутгардтскаго дворца и съ замѣтками о моемъ пребываніи тамъ, написанными ея рукою.

Мое бюро, находящееся въ Павловскѣ.

Картины, писанныя на фарфорѣ и изображающія битву при Кульмѣ и вступленіе въ Парижъ.

Деревянное пресъ-папье въ видѣ книги.

Рисунокъ Анны, изображающій св. Іоанна, съ картины Мурилло (le dessin d'Anne du St. Jean de Morillas).

Двѣ фарфоровыя вазы, взятыя изъ Павловска.

Мозаичный столъ, подаренный мнѣ императоромъ Николаемъ и находящійся въ Павловскѣ.

Эмалевый портретъ покойнаго императора Павла, который я всегда беру съ собою въ дорогу.

Небольшой портретъ моего дорогаго покойнаго Александра, висящій возлѣ моей кровати и который я всюду вожу съ собою.

Золотую лорнетку съ перламутромъ.

Миніатюрный портретъ нашей дорогой Екатерины, изображенной въ ея кабинетѣ и висящій въ моемъ маленькомъ городскомъ кабинетѣ, равно какъ и рисунокъ ея кабинета въ Гатчинѣ.

Постель покойнаго отца его, императора Павла, которую я всюду вожу съ собою, а равно его одежду, сапоги, бѣлье, его шпагу, трость, шляпу и его портретъ, написанный мною и висящій возлѣ его кровати въ Павловскѣ.

Всѣ эти вещи передастъ ему мой камердинеръ Гримъ. Послѣ его смерти всѣ эти вещи должны быть возвращены въ Гатчино.

Черную шкатулку, на которой я пишу всякій день.

Лорнетка покойнаго императора Александра; готовальня покойнаго императора Павла, которую я прошу его употреблять часто.

Чернильницу, купленную въ Москвѣ, } находящіяся въ моемъ ка-
Сонетку изъ Москвы, } бинетѣ въ Павловскѣ.

Супругѣ его, моей любезной невѣсткѣ, княгинѣ Ловичъ оставляю

Бриллiантовыя серьги съ двумя жемчужинами.

Портретъ великаго князя Константина.

Ящикъ изъ металлической объяри для духовъ.

Часы съ жемчугомъ. (Une montre en perles, en coquille).

Хорошій приборъ для завтрака изъ Павловска.

V.

Любезному сыну моему, великому князю **Михаилу** оставляю:

Мой орденскій знакъ и бриллiантовый крестъ Андрея Первозваннаго, полученные мною отъ покойнаго императора Павла; эти двѣ вещи прошу его сохранить въ своемъ семействѣ.

Противъ этого мѣста на полѣ, рукою императрицы написано: „Оставляю любезному сыну моему Михаилу золотые часы съ туалета покойнаго императора, привязанные къ одной изъ жирандолей моего туалета".

Моя павловская библіотека и моя колекція эстамповъ и отпечатковъ съ камней, находящіеся въ Павловскѣ я оставляю Михаилу вмѣстѣ съ медаліономъ.

Миніатюрный портретъ покойнаго отца его, императора Павла.

Портретъ покойнаго императора Александра въ фуражкѣ, находящійся въ Гатчинѣ.

Футляръ съ зубочисткою его покойнаго отца.

Портретъ покойнаго императора Павла, писанный en ourlet.

Цѣпочку къ часамъ съ бумажными камеями, принадлежавшую его отцу.

Мою маленькую печать съ вензелемъ М., которую я часто употребляю и которая пригодится и ему; она виситъ при моихъ часахъ. Остальныя печати съ моимъ вензелемъ прошу раздѣлить между нимъ, моей дочерью Маріею и моими внуками Маріею Николаевной и Маріею Михаиловной.

Одинъ изъ малахитовыхъ пресъ-папье, находящихся на моемъ столѣ.

VI.

Любезной невѣсткѣ моей, великой княгинѣ **Еленѣ**, оставляю:

Орденскій крестъ св. Екатерины, возвращенный послѣ смерти моей матери, который императоръ Павелъ соблаговолилъ подарить мнѣ; я желаю, чтобы этотъ крестъ всегда переходилъ къ супругѣ старшаго члена ихъ дома.

Мой большой бриллiантовый букетъ, согласно моему завѣщанію, долженъ всегда оставаться въ ихъ семействѣ.

Золотой лорнетъ съ хризопразомъ.

Вѣеръ изъ слоновой кости.

Портретъ великаго князя Михаила, висящій въ моемъ кабинетѣ въ городѣ.

Портретъ покойнаго короля моего брата и его дѣда, находящійся тамъ же.

Портретъ нынѣ царствующей королевы Виртембергской.

Шкатулку, стоящую возлѣ моего стола въ городѣ, въ которую я прячу мои письма.

Портретъ моихъ внучекъ принц. Виртембергскихъ.

VII.

Дочери ихъ, моей внучкѣ, Маріи Михайловнѣ оставляю:

Привѣску къ ожерелью съ гіацинтомъ (un coulant d'une jacynthe).

Ожерелье въ видѣ змѣи.

Золотой браслетъ съ эмалью, полученный отъ ея матери.

Крестъ съ жемчугомъ.

Пряжку къ поясу съ жемчугомъ.

Маленькія серьги изъ шотландскаго жемчуга.

Флаконъ, подаренный мнѣ моей дочерью Екатериною, съ золотою пробкою, украшенною бирюзою.

Противъ этого мѣста на полѣ, рукою императрицы, написано: „Внучкѣ моей Екатеринѣ Михайловнѣ оставляю: Браслетъ съ бирюзою, жемчугомъ и брилліантами, подаренный мнѣ ея матерью, и сердоликовый браслетъ. Кромѣ того я думаю пріобрѣсти для нея фермуаръ.

Продолговатыя серьги изъ малахита".

Внучкѣ моей Елизаветѣ Михайловнѣ оставляю:

Мою вторую привѣску къ ожерелью съ гіацинтомъ (coulant de jacynthe), осыпанную брилліантами.

Часы съ бирюзою и жемчугомъ, полученные отъ ея отца.

Одинъ изъ самыхъ красивыхъ моихъ портфелей и рабочихъ шкатулокъ, по выбору.

Шкатулку для духовъ, подаренную мнѣ королевой Виртембергской.

Красный портфель (porte-feuille à soufflet) съ рисункомъ, изображающимъ амура.

VIII.

Внуку моему принцу Павлу Мекленбургскому, сыну дочери моей великой княгини Елены Павловны, оставляю на память:

Кольцо съ изумрудомъ, который отдѣланъ въ настоящее время въ видѣ привѣски, но который я прошу вставить въ кольцо.

Стеклянную бомбоньерку, съ изображеніемъ снопа, сдѣланнымъ изъ воска, подаренную мнѣ Еленой.

Двѣ фарфоровыя вазы изъ Павловска.

Супругѣ его, моей внучкѣ Александрѣ, оставляю прекрасный камей, изображающій Аріадну, осыпанный бриліантами.

Одинъ изъ рисунковъ моей любезной покойной Елены, находящійся въ Павловскѣ и

Шесть колосьевъ изъ аквамарина.

Правнуку моему, Фридриху-Франциску оставляю:

Перстень съ моимъ портретомъ, который прошу заказать.

„27 ноября 1827 г.".

Правнучкѣ моей, Луизѣ-Маріи оставляю:

Фермуаръ съ бирюзою и брилліантами.

Внучкѣ моей Маріи Мекленбургской, принцессѣ Саксенъ-Гильдбурггаузенъ, оставляю на память:

Браслетъ съ волосами моей дочери Елены и съ оправленнымъ алмазомъ въ видѣ фермуара.

Волосяное ожерелье изъ волосъ ея отца, матери, Александры и Іосифа, съ ихъ вензелями, осыпанный брилліантами.

Оставляю ей мою лучшую шубу.

Привѣску къ ожерелью изъ топаза и брилліантовъ.

Супругу ея, принцу Георгію Гильдбурггаузенъ, оставляю на память:

Перстень съ моимъ портретомъ, который прошу заказать.

Сыну ихъ, моему внуку, оставляю:

Кольцо съ моимъ портретомъ, которое прошу заказать.

Кромѣ того мой внукъ Павелъ и внучка моя Марія получатъ портреты ихъ покойной матери, висящіе въ моей уборной въ городѣ, а равно каждый изъ нихъ получитъ копію съ моего портрета, писаннаго Кюгельхеномъ.

Деньги, приходящіяся имъ отъ продажи моихъ брилліантовъ, обезпечены за ними моимъ завѣщаніемъ.

IX.

Любезной дочери моей, великой княгинѣ Маріи Павловнѣ, кромѣ бриліантовъ, приходящихся ей, оставляю на память:

Противъ этого мѣста на полѣ, рукою императрицы, написано: „Оставляю любезной дочери моей Маріи библію покойнаго императора. Нашъ ангелъ отмѣчалъ въ ней собственноручно тѣ мѣста, которыя болѣе всего поразили его. „27 нояб. 1827".

Медаліонъ съ портретомъ покойнаго отца ея, императора Павла, гравированный мною, который я ношу ежедневно, а равно и цѣпочку изъ волосъ всѣхъ моихъ дѣтей и покойнаго императора Павла.

Кольцо, осыпанное бриліантами, съ волосами любезнаго моего покойнаго императора. Надѣюсь, что оба эти подарка будутъ ей дороги.

Кольцо съ желто-зеленымъ изумрудомъ, которое я постоянно ношу съ тѣхъ поръ, какъ купила его въ Веймарѣ, такъ какъ камень изображаетъ вензель покойнаго императора Павла, въ соединеніи съ маленькой головкой, подаренной Анной и всевидящимъ окомъ, которыя имѣютъ иное назначеніе.

Золотыя серьги съ волосами покойнаго императора Павла.

Мой браслетъ съ волосами и съ вензелями всѣхъ моихъ внучатъ и съ всевидящимъ окомъ; эту вещь я дарю ей въ знакъ моего особаго расположенія.

Браслетъ, заказанный мною послѣ поѣздки, съ всевидящимъ окомъ, съ вензелями моихъ внучатъ, сдѣланными изъ цвѣтныхъ камней, съ Анютиными глазками, съ буквою А, изображающею вензель незабвеннаго ангела нашего, съ вырѣзаннымъ на ней 1818 г. и съ дубровникомъ (une germandrée). Она будетъ носить его въ память того счастливаго времени, когда я была у ней, обязанная этимъ счастіемъ любви лучшаго изъ сыновей.

Альбомъ, писанный рукою моей матери.

Мой прелестный рубинъ, купленный въ 1806 г. на мои собственныя деньги.

Мой прекрасный аметистъ.

Небольшой серебряный дорожный нессесеръ для туалета, который я очень люблю, такъ какъ я привезла его съ собою въ Россію и ѣздила съ нимъ впослѣдствіи не разъ за границу.

Червонецъ, присланный мнѣ матерью, съ надписью: „Wohl dem der an seinen Kindern Freude erlebt". Червонецъ этотъ принесъ ей одинъ человѣкъ изъ Монбельяра послѣ рожденія покойной дочери моей Ольги. Я дарю его моей любезной Маріи, оказавшейся во всѣхъ

случаяхъ жизни достойной моей любви и заслужившей всеобщее уваженіе, и пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы высказать ей еще разъ какъ я люблю ее и какъ я довольна ею. Я очень сожалѣю, что у меня есть только два такіе червонца; я бы желала дать, по одному, каждому изъ моихъ дѣтей, такъ какъ всѣ они одинаково дороги для меня и всѣхъ ихъ я одинаково благословляю.

Мою зеленую шкатулку, которую я употребляю ежедневно вотъ уже 40 лѣтъ и которая по этой памяти будетъ ей дорога.

Черный рейсфедеръ, съ золотымъ наконечникомъ и пуговкою, осыпанный бриллiантами.

Шкатулочка съ зубочистками изъ сандальнаго дерева, полученная мною отъ покойной матери моей.

Черное кольцо съ надписью: „à la plus aimée", осыпанное бриллiантами, полученное мною отъ матери моей.

Кольцо со свѣтло-голубой эмалью и съ надписью „Unis pour jamais".

Семь колецъ, связанныхъ тремя бриллiантами.

Кольцо изъ марказита, которое я носила съ дѣтства до сихъ поръ, пока оно не сломалось. Я получила его въ подарокъ отъ моей покойной гувернантки, г-жи Боркъ.

Медальонъ съ гравированными портретами ея братьевъ.

Золотую корзинку, находящуюся въ Павловскѣ.

Небольшой агатовый ящичекъ съ золотымъ наперсткомъ и бриллiантами (un bec en diaments); это фамильная вещица, полученная мною по наслѣдству отъ покойной вдовствующей королевы прусской.

Портреты четырехъ покойныхъ дочерей моихъ, висящіе возлѣ моей кровати.

Мой письменный столъ, стоящій въ моемъ маленькомъ кабинетѣ, на которомъ я часто занимаюсь.

Золотой браслетъ съ портретомъ покойнаго императора Павла, гравированнымъ на сафирѣ; я ношу его каждый день, когда я не въ парадномъ туалетѣ.

Мои ночныя серьги съ маленькими бриллiантами, подаренныя мнѣ матерью и которыя я часто носила въ дѣтствѣ.

Портретъ ея братьевъ, въ филиграновой рамкѣ, висящій возлѣ моей кровати.

Черепаховый вѣеръ, подаренный мнѣ Александрою.

Кольцо съ портретомъ покойной императрицы Екатерины.

Браслетъ съ цвѣтными каменьями, изображающими имена Георга и Екатерины.

Золотой браслетъ съ волосами нашей доброй княгини Ливенъ.

Волосяная цѣпочка изъ волосъ моей дорогой Александры и таковой же браслетъ.

Первыя мои серьги.

Маленькій ящичекъ съ агатовымъ или яшмовымъ дномъ, принадлежавшій моей матери и служившій намъ всѣмъ игрушкою.

Плосскій золотой рейсфедеръ ея покойнаго отца.

Флаконъ въ соломенномъ переплетѣ, который я получила отъ матери и постоянно употребляла.

Брелокъ, подаренный моей матерью въ день нашей разлуки. На немъ начертано ея рукою нѣсколько словъ.

Браслетъ съ волосами моей матери.

Вѣеръ, подаренный мнѣ матерью; на ребрѣ его написано ея рукою нѣсколько словъ.

Медальонъ съ волосами моей матери; сердце съ ея вензелемъ и съ надписью: „Ich lebe, traure nicht“, а съ другой стороны: „Tod ist „Leben, Trennung und Vereinigung, Unglück und Glück“.

Кольцо съ волосами и сердце съ жемчугомъ и девизомъ: «il est à toi». Кольцо это принадлежало моей матери и я дарю его Маріи, повторяя этотъ девизъ.

Коллекція кристалловъ (cristaux à aigrettes), привезенныхъ съ Онеги.

Портретъ княгини Ливенъ, писанный Беннеромъ.

Кольцо съ голубымъ фономъ, осыпанное бриллiантами, съ надписью: „à la plus aimée“, полученное мною отъ любезнаго моего покойнаго императора Павла; я сдѣлала изъ него фэрмуаръ къ браслету съ жемчугомъ.

Золотой вѣеръ съ именемъ „Марія“, сдѣланнымъ изъ брилліантовъ, оставленный мнѣ по завѣщанію покойною императрицею Австрійскою.

Вѣеръ съ отдѣлкою изъ слоновой кости и золота.

Каме съ портретомъ Петра I, осыпанный розами.

Флаконъ въ зеленомъ шагреневомъ футлярѣ, полученный мною отъ покойной матери моэй.

Книгу или альбомъ въ переплетѣ, сдѣланномъ изъ барельефныхъ чугунныхъ картинъ, полученную мною отъ ландграфини Гамбургской.

Мою чашку, изъ которой я постоянно пила.

Вѣеръ въ золотой оправѣ съ анютиными глазками, подаренный мнѣ въ Франкфуртѣ великой герцогиней Гессенской, отъ имени супруга ея великаго герцога Гессенскаго.

Оставляю также Маріи футляръ съ двумя перламутровыми ложками, принадлежавшими покойному нашему ангелу.

Дѣтямъ ея, моимъ внучкамъ, принцессамъ Веймарскимъ оставляю:

Мои два вѣера изъ цвѣтныхъ камней.

Прошу подѣлить имъ мои мѣховыя вещи.

Моей внучкѣ Маріи Веймарской оставляю особенно:

Кольцо съ силуетомъ ея матери, осыпанное розами.

Гіацинтъ (une jacynthe), оправленный съ двумя бриліантовыми якорями.

Волосяной браслетъ съ четырьмя цвѣтными камнями, изображающими имена Карла, Маріи, Георга и Екатерины.

Браслетъ съ портретомъ сына моего, императора Александра, гравированнымъ (gravé en intaglio) на аметистѣ, и подаренный мнѣ Маріей.

Часы съ компасомъ и вензелемъ М., полученные мною отъ матери.

Серьги съ двумя жемчужинами.

Цѣпочку, составленную изъ колецъ, сплетенныхъ изъ золотой проволки.

Маленькій перламутровый портфель.

Часы съ бирюзою.

Вѣеръ, оправленный слоновой костью и золотомъ.

Золотой поясъ (en or tressé) съ аметистомъ, полученный мною отъ матери.

Жениху ея, принцу Карлу Прусскому:

Перстень съ моимъ портретомъ, который прошу заказать.

Внучкѣ моей Августинѣ Веймарской оставляю:

Большую привѣску къ ожерелью (grand coulant de jacynthe).

Браслетъ съ портретомъ ея матери.

Сердце изъ филиграна съ бриліантами и жемчугомъ.

Серьги съ топазомъ (en topaze jacynthe), осыпанныя бриліантами.

Крестъ съ топазомъ, бриліантами и опаломъ, подаренный ея матерью.

Медаліонъ, составленный изъ косоугольниковъ, съ сердоликомъ, полученный также отъ ея матери.

Вѣеръ, оправленный въ слоновую кость съ жемчугомъ и двумя бриліантами.

Одну изъ моихъ рабочихъ шкатулокъ.

Одинъ изъ моихъ хорошенькихъ портфелей.

Внуку моему Карлу Веймарскому оставляю:

Перстень съ тремя опалами.

Портретъ его матери въ бѣломъ вуалѣ, который я очень люблю.

Портретъ дѣда его, великаго герцога Веймарскаго, верхомъ.

Двѣ прекрасныя фарфоровыя вазы, расписанныя Шиффлеромъ и находящіяся въ Павловскѣ.

Любезному зятю моему, наслѣдному герцогу Саксенъ-Веймарскому, оставляю въ знакъ моего расположенія на память:

Перстень съ желтымъ аквамариномъ.

Двѣ большія вазы изъ голубаго стекла, находящіяся въ моей уборной въ Павловскѣ.

Одинъ изъ моихъ красивыхъ портфелей и

Прессъ-папье съ одного изъ моихъ столовъ.

X.

Дѣтямъ моей дочери Екатерины, моимъ любезнымъ внучатамъ принцамъ Ольденбургскимъ, оставляю:

Старшему, Александру:

Перстень съ рубиномъ лиловой воды.

Портретъ его матери, писанный Кипренскимъ.

Золотую бомбоньерку съ эмалью, изображающею деревья.

Пресъ-папье изъ бѣлой яшмы.

Младшему, Петру:

Перстень съ восточнымъ топазомъ, осыпанный бриліантами, оправленный (en corbeill).

Портретъ его отца, писанный Кипренскимъ.

Небольшой малахитовый портфель съ портретомъ Георгія.

Любезной внучкѣ моей, принцессѣ Маріи Виртембергской:

Аграфъ съ желтозеленымъ изумрудомъ, осыпанный бриліантами.

Маленькое двойное кольцо съ эмалью, съ медаліономъ, въ которомъ находятся волоса ея матери.

Вѣеръ изъ цвѣтныхъ камней, подаренный мнѣ ея матерью въ мои послѣднія имянины.

Кольцо, подаренное мнѣ Екатериной, съ волосами обѣихъ малютокъ.

Миніатюрный портретъ ея матери, лежащій у меня въ шкатулкѣ.

Туалетное зеркало, подаренное ея матерью.

Портреты моего зятя, короля Виртембергскаго, и моей племянницы Екатерины Монфоръ, дѣтьми; оба портрета находятся въ Гатчинѣ.

Небольшой бронзовый вызолоченный нессесеръ

Кораловый уборъ, подаренный Екатериною.

Ожерелье и серьги изъ бѣлаго сердолика.

Булавка въ видѣ пера, съ волосами ея матери и тетокъ.

Любезной внучкѣ моей принцессѣ Софіи Виртембергской оставляю:

Привѣску къ ожерелью съ хризолитомъ.

Перламутровый нессесеръ штутгардской работы, подаренный мнѣ матерью.

Корзину съ 4 флаконами для духовъ, подарокъ ея матери.

Портретъ ея отца, ребенкомъ, висящій въ моемъ кабинетѣ въ городѣ.

Ожерелье (un attache) съ вензелями N. C. L. J., подаренное мнѣ покойной матерью моей.

Кольцо съ цвѣтными камнями, изображающими имена ея родителей.

Печать въ видѣ колеса, съ именемъ ея матери, сдѣланнымъ изъ цвѣтныхъ камней.

Любезному зятю моему, королю Виртембергскому, оставляю:

Кольцо съ волосами покойныхъ родителей моихъ и съ надписью: „Papa, maman“.

Одинъ изъ рисунковъ покойной матери моей. Прочіе ея рисунки прошу подѣлить моимъ дѣтямъ.

Большую вазу изъ розоваго фарфора, находящуюся въ Павловскѣ.

Кольцо съ силуетомъ покойнаго брата моего, короля Виртембергскаго.

Портретъ супруги его, королевы Виртембергской, находящійся въ моемъ кабинетѣ.

Серебряный вызолоченный приборъ, принадлежавшій моей покойной матери, присланный мнѣ послѣ ея смерти. Дарю его моему зятю съ тѣмъ, чтобы его употребляла его супруга, но чтобы онъ оставался всегда въ его родѣ.

Миніатюрный портретъ отца его, короля Виртембергскаго.

Одинъ изъ пресъ-папье съ одного изъ моихъ столовъ.

XI.

Любезной дочери моей Аннѣ, кромѣ приходящихся на ея долю брилліантовъ, оставляю:

Кольцо, съ портретомъ ея отца, въ видѣ каме.

Мой большой хризолитъ, осыпанный бриліантами.

Браслетъ съ простыми цвѣтными камнями, изображающими имена моихъ дѣтей.

Медаліонъ, осыпанный бриліантами, съ бумажнымъ камо, работы покойной императрицы Екатерины (въ настоящее время онъ безъ бриліантовъ, которые оправлены теперь съ гранатомъ и которые слѣдуетъ снова вставить).

Медаліонъ съ бирюзою, вставленною теперь въ ожерелье.

Два браслета изъ нитокъ мелкаго жемчуга, съ портретами ея двухъ старшихъ братьевъ.

Медаліонъ съ портретомъ покойной императрицы, гравированнымъ мною, который можно, по желанію, украсить бриліантами.

Золотой браслетъ съ рубиномъ и бирюзою и съ волосами принца Фридриха-Генриха Оранскаго, подаренный мнѣ ею.

Золотой браслетъ съ рубиномъ и бирюзою, съ волосами ея дѣтей, старшихъ принцевъ.

Золотой браслетъ съ бирюзою и съ буквами (G. A.) (G. A.) (A.). (F. H.) подаренный мнѣ ею и Вильгельмомъ.

Медаліонъ съ портретомъ покойнаго императора Павла, сдѣланнымъ изъ воска по камню, гравированному мною.

Медаліонъ съ оттискомъ (avec la pâte) портрета сына моего, императора Александра, гравированнаго мною.

Первый портретъ принца Оранскаго, полученный ею и находящійся въ моей шкатулкѣ.

Браслетъ съ цвѣткомъ изъ бирюзы и съ медаліономъ, съ волосами ея дѣтей.

Кольцо съ портретомъ дочери моей Ольги, служащее браслетомъ.

Портреты ея братьевъ Николая и Михаила и ея собственный портретъ, составляющіе одну картину, висящую въ моемъ кабинетѣ.

Два рисунка моихъ сыновей Николая и Михаила, находящіеся въ моемъ лиловомъ кабинетѣ въ Гатчино.

Кольцо съ волосами моей матери и моихъ двухъ тетокъ.

Небольшое золотое кольцо, съ надписью на черномъ фонѣ: «unis pour jamais», привезенное мною съ собой въ Россію.

Кольцо съ свѣтлымъ аметистомъ (avec un soupir d'une améthyste claire).

Кольцо съ волосами моихъ родителей и съ четырьмя буквами: A. F. T. S. Amitié, Fidelité, Tendresse et Souvenir (дружба, вѣрность, любовь и память); оно оправлено въ настоящее время въ браслетъ.

Вѣеръ въ оправѣ изъ золота и слоновой кости.

Мой письменный столъ, стоящій въ моемъ большомъ кабинетѣ въ городѣ.

Булавка съ портретомъ покойнаго императора Павла, сдѣланнымъ

въ видѣ каме на голубомъ фонѣ; она оправлена въ настоящее время въ браслетъ.

Зонтикъ съ лорнеткой, оправленной въ золото и украшенной цвѣтными камнями; онъ подаренъ мнѣ королевою Нидерландской.

Любезнымъ внучатамъ моимъ оставляю:

Старшему, Вильгельму:

Кольцо съ агатомъ, осыпанное бриліантами и подаренное мнѣ покойнымъ императоромъ Павломъ.

Двѣ фарфоровыя вазы здѣшней фабрики, находящіяся въ Павловскѣ.

Маленькую бронзовую статую покойнаго императора Александра, находящуюся въ моихъ комнатахъ въ Гатчино.

Второму, Александру:

Бюсты его отца и матери, находящіеся въ моей уборной.

Двѣ фарфоровыя вазы здѣшней фабрики, находящіяся въ Павловскѣ.

Одинъ изъ моихъ портфелей или ящиковъ для писемъ.

Третьему, Фридриху-Генриху:

Одинъ изъ портретовъ его матери.

Небольшую бронзовую статую покойнаго императора, находящуюся въ моемъ кабинетѣ въ Гатчино.

Небольшую готовальню, сдѣланную въ Колпино и стоящую на моемъ столѣ.

Любезной внучкѣ моей Софіи-Маріи оставляю:

Цѣпочку изъ аметистовыхъ бусъ.

Золотую браслетку съ бирюзою.

Привѣску къ ожерелью изъ хризолита.

Часы съ жемчугомъ, подаренные мнѣ ея матерью.

Оставляю любезному зятю моему принцу Вильгельму Оранскому, любимому брату Александра, лучшему и преданнѣйшему сыну, котораго я люблю со всею искренностью материнской любви:

Кольцо съ портретомъ покойнаго императора Александра, гравированнымъ на сафирѣ, которое я ношу постоянно.

Кольцо съ медалью и надписью: „l'Ange est au Ciel", которое я ношу постоянно.

Малахитовый уборъ къ камину, находящійся въ моемъ кругломъ кабинетѣ въ Павловскѣ.

Малахитовые стѣнные часы, находящіеся въ Павловскѣ.

Золотую зубочистку, подаренную мнѣ матерью.

На память отъ любящей его матери прошу сдѣлать ему кольцо

съ моими волосами, равно какъ и наслѣдному герцогу Саксенъ-Веймарскому, королю Виртембергскому и любезному моему эрцгерцогу Іосифу.

XII.

Николаю, Константину и Михаилу оставляю три рисунка, сдѣланные въ дѣтствѣ покойнымъ императоромъ Павломъ; надѣюсь, что они будутъ дорожить этимъ подаркомъ; также оставляю два рисунка моей матери, одинъ—Маріи, а другой великой княжнѣ Еленѣ.

Кромѣ того обѣимъ дочерямъ моимъ, Маріи и Аннѣ, оставляю по большому портрету покойнаго отца ихъ, императора Павла, висящіе въ моей уборной.

Оставляю моимъ двумъ дочерямъ мои кружевныя вуали и неношенныя кружева; внучкѣ моей принцессѣ Саксенъ-Гильдбурггаузенъ—мое прекрасное кружевное платье со шлейфомъ, а два короткія платья моимъ внучкамъ Маріи и Августѣ Веймарскимъ. Прошу дочерей моихъ подѣлить между собою мои перья цапли.

Предоставляю каждому изъ моихъ дѣтей выбрать себѣ одинъ изъ моихъ рисунковъ или картину, писанную мною, изъ тѣхъ, которыя находятся въ Павловскѣ; а также предоставляю имъ подѣлить между собою мои печати и собственныя печати покойнаго мужа моего.

XIII.

Любезной невѣсткѣ, вдовствующей королевѣ Виртембергской, оставляю:

Мраморный бюстъ покойнаго брата моего, короля Виртембергскаго, находящійся въ Павловскѣ.

Кольцо съ волосами, подаренное мнѣ братомъ.

Другое кольцо, подаренное мнѣ также братомъ, съ волосами его дѣтей.

Медаліонъ въ видѣ каме, изображающей славу, осыпанный бриліантами.

Красивый приборъ для завтрака изъ Павловска.

XIV.

Племянницѣ моей Екатеринѣ, которою я интересуюсь въ настоящее время въ особенности, такъ какъ она несчастлива, оставляю:

Привѣску къ ожерелью съ гранатами, которую прошу осыпать бриліантами такъ, чтобы цѣнность ея доходила до десяти тысячъ рублей.

Одинъ изъ портретовъ ея отца.

XV.

Моимъ братьямъ, невѣсткамъ, племянникамъ и племянницамъ оставляю на память:

1. Моей невѣсткѣ Луизѣ:

Фермуаръ съ гіацинтомъ.

Бѣлый портфель, шитый золотомъ, съ портретомъ покойнаго брата моего Людовика.

Черную рабочую шкатулку.

Красивый приборъ для завтрака изъ одного изъ моихъ Павловскихъ домиковъ.

Одинъ изъ моихъ портфелей.

Портретъ дочери ея, королевы, висящій въ моемъ кабинетѣ.

Дочерямъ ея, моимъ племянницамъ:

Старшей, эрцгерцогинѣ Маріи:

Ожерелье изъ мелкаго жемчуга съ медаліономъ изъ нефрита, осыпаннымъ бриліантами.

Браслетъ, подаренный мнѣ ея матерью.

Миніатюрный портретъ ея матери.

Второй, принцессѣ Амаліи Саксенъ-Гильдбурггаузенъ:
Фермуаръ съ хризопразомъ, осыпанный бриліантами.

Третьей, Полинѣ, королевѣ Виртембергской:
Фермуаръ съ аквамариномъ.

Четвертой, Елизаветѣ:
Привѣску къ ожерелью изъ сибирскаго аквамарина.

Двумъ сыновьямъ ея Адаму и Александру:
Два перстня съ цвѣтными камнями.

2. Невѣсткѣ моей Евгеніи.

Мои золотые браслеты, съ жемчугомъ и бриліантами, которые носятся выше локтя и сдѣланные изъ золотыхъ вещей, полученныхъ мною въ наслѣдство послѣ покойной матери; послѣ ея смерти они перейдутъ къ ея внучкѣ, будущей супругѣ ея внука, и должны переходить всегда къ старшему въ ея родѣ.

Соболью шубу.

Портретъ племянника моего Евгенія.

Цѣпочку съ разными агатами, полученную мною отъ матери.

Сыну ея, моему племяннику Евгенію:

Перстень съ круглымъ рубиномъ.

Совершенно простое кольцо съ моимъ портретомъ, которое я прошу заказать.

Портреты моего отца и матери, украшенные бриліантами и гранатами, висящіе возлѣ моей кровати.

Старые часы моей матери.

Медаліонъ съ портретомъ моего отца и вензелемъ F. E. изъ бриліантовъ, окруженнымъ волосами.

Записную книжку (un souvenir) съ волосами и вензелемъ F. A., подаренную мнѣ моимъ братомъ Фердинандомъ.

Кольцо съ силуэтомъ моего отца, принадлежавшее мамашѣ.

Кольцо съ волосами моего брата Фердинанда.

Кольцо съ портретомъ моей матери, на голубомъ стеклянномъ фонѣ, осыпанное бриліантами.

Шкатулку съ портретами всей ея семьи.

Дочери ея, моей внучкѣ Маріи:

Золотое ожерелье съ овальнымъ медаліономъ, съ сердоликомъ, окруженнымъ жемчугомъ и голубою эмалью.

Серьги изъ Онежскаго хрусталя (en cristaux à aigrettes de l'Onéga).

Небольшую подвѣску къ ожерелью съ двумя жемчужинами.

Сыну ея, моему двоюродному внуку Евгенію:

Кольцо съ моими волосами, осыпанное бриліантами; оно еще не сдѣлано.

Сестрѣ ея, моей племянницѣ принцессѣ Гогенлоге-Охрингенъ:

Привѣску къ ожерелью съ аквамариномъ и пряжку къ поясу съ бирюзою и бриліантами.

3. Брату моему Вильгельму.

Кольцо съ моимъ портретомъ, которое прошу заказать для него.

Кольцо съ кошачьимъ глазомъ.

Роговую бомбоньерку моей покойной матери.

Кольцо моей покойной матери съ вензелемъ A. F.

Маленькую золотую ложку съ перламутровой ручкою, принадлежавшую моей покойной матери.

Медаліонъ съ портретомъ моей покойной матери.

Лорнетку съ двумя вензелями F. и A.

Медаліонъ съ волосами сестры моей Елизаветы.

Кольцо въ старинномъ вкусѣ.

4. Брату моему Фердинанду.

Перстень съ моимъ портретомъ, который я прошу заказать для него.

Кольцо съ букетомъ (un bouquet de germandrées), подаренное мнѣ матерью.

Кольцо съ вензелемъ F. на голубомъ фонѣ, подаренное мнѣ имъ.

Кольцо съ надписью: «par le plus tendre», полученное также отъ него.

Талисманъ съ греческой надписью, полученный также отъ него, равно какъ и кольцо съ его вензелемъ, осыпанное жемчугомъ.

Двѣ тросточки съ его вензелемъ изъ бриліантовъ.

Брелокъ въ видѣ сундучка, принадлежавшій моей покойной матери.

Небольшой медаліонъ съ волосами и съ надписью, сдѣланною на голубомъ фонѣ: «Souvenir d'amitié» принадлежавшій моей покойной матери.

Кольцо въ старинномъ вкусѣ.

Супругѣ его, моей невѣсткѣ:

Кольцо съ волосами, бриліантовымъ сердечкомъ и съ надписью: «Souvenir du bien-aimé», полученное моей покойной матерью отъ моего брата Фердинанда.

Поясную пряжку съ изумрудомъ и бриліантами.

5) Брату моему Александру:

Кольцо съ моимъ портретомъ, которое я прошу заказать для него.

Портретъ моего брата Карла.

Кольцо съ волосами моего брата Карла.

Сердоликовое кольцо.

Большое кольцо съ силуэтомъ моего отца.

Кольцо съ вензелемъ брата покойной матери моей и съ надписью на голубой эмали: «pour son souvenir», подаренное мнѣ матерью еще въ Трептовѣ.

Серебряную курильницу съ вензелемъ Д., принадлежавшую покойной моей матери.

Шкатулку съ портретомъ брата моего Вильгельма.

Сафьяновый портфель съ портретомъ моего брата Фердинанда.

Двѣ вазы изъ Павловска.

Кольцо въ старинномъ вкусѣ.

Дочери его, моей племянницѣ Маріи:

Серьги съ блѣднымъ рубиномъ.

Браслетъ съ моимъ портретомъ, который прошу заказать.

Уборъ изъ пестрыхъ раковинъ.

Золотую вызолоченную чашку, находящуюся въ моей спальнѣ въ Павловскѣ.

Золотой браслетъ и фермуаръ съ опаломъ.

Г. Новосильцевъ сообщитъ моей племянницѣ цифру сбереженій, сдѣланныхъ мною для ея приданаго, если она не выйдетъ замужъ до моей смерти; я начала откладывать эти деньги со смерти ея любезной матери.

Привѣску къ ожерелью съ бирюзою.

Моимъ племянникамъ Александру и Эрнесту:

Кольцо съ моимъ вензелемъ и моими волосами.

6) Моему брату Генриху:

Кольцо съ моимъ портретомъ, которое прошу заказать для него.

Кольцо съ именемъ Луизы и золотую цѣпочку моей покойной матери.

Бомбоньерку изъ слоновой кости съ птицей, принадлежавшую моей покойной матери.

Два ножа съ перламутровыми ручками въ зеленомъ футлярѣ, принадлежавшіе моей покойной матери.

Кольцо въ старинномъ вкусѣ.

XVI.

Любезному зятю моему, эрцгерцогу Іосифу, котораго я всегда любила какъ моего собственнаго сына и который постоянно доказывалъ свою сыновнюю преданность и свою любовь къ моей покойной дочери, оставляю на память въ знакъ моей любви:

Кольцо съ рубиномъ.

Мой портретъ, копія съ портрета, писаннаго Кугельхеномъ.

Столъ съ работою Александры, находящійся въ Павловскѣ.

Одинъ изъ красивыхъ фарфоровыхъ приборовъ для завтрака, находящійся въ моей спальнѣ въ Павловскѣ.

Цѣпочка изъ волосъ моей любезной Александры

Ящичекъ для зубочистки изъ лазурика, подаренный ею.

Стеклянную бомбоньерку съ восковымъ дномъ, работы Александры

Двѣ прекрасныя вазы изъ Павловска.

Портретъ Александры съ ребенкомъ на рукахъ, стремящимся къ небу.

Одинъ изъ пресъ-папье съ одного изъ моихъ письменныхъ столовъ.

Одинъ изъ моихъ красивыхъ портфелей.

XVII.

Любезному зятю моему, великому герцогу Голштейнскому, оставляю:

Кольцо съ бриліантомъ желтой воды.

Перстень съ волосами его покойной жены и съ надписью: «Nous la pleurerons toujours».

Я носила постоянно, до сноса, одно кольцо, состоящее изъ трехъ отдѣльныхъ колецъ, связанныхъ вмѣстѣ съ волосами сестеръ моихъ Фредерики, Елизаветы и брата моего Карла. Прошу ихъ раздѣлить отдать кольца съ волосами моихъ сестеръ Фредерики и Елизаветы зятю моему герцогу Голштейнскому, такъ какъ сестры были чрезвычайно дружны, а кольцо съ волосами моего брата Карла брату моему Александру.

Перстень съ мелкими бриліантами и съ цвѣткомъ (germandrée).

Кольцо съ надписью: «Lien de la constance».

Золотое кольцо съ мелкими розами, принадлежавшее моей покойной матери.

Картину съ портретами сыновей его, моихъ племянниковъ, дѣтьми; она находится въ Гатчинѣ.

Копію съ моего портрета, писаннаго Кугельхеномъ.

Портретъ племянника моего Августа, писанный Кипренскимъ.

Портреты моихъ внуковъ принцевъ Александра и Петра Ольденбургскихъ, писанные Кипренскимъ. Медаліонъ съ волосами моей сестры Фредерики и съ девизомъ: «Sacrée à l'amitié».

Портфель съ портретомъ Екатерины.

Кольцо съ надписью на черной эмали: «Sie blühete kurz, sie wird wieder blühen», принадлежавшее моей матери, которая часто носила его.

Мраморное прессъ-папье съ бронзовой левреткой.

Двѣ вазы изъ Павловска.

Сыну его, моему племяннику Августу, оставляю на память:

Кольцо съ волосами ея отца и покойной его матери, полученное мною отъ нихъ.

Кольцо съ моимъ портретомъ, которое нужно сдѣлать.

Кольцо съ волосами моего внука, принца Петра Ольденбургскаго, прикрытыми бриліантами.

Золотое кольцо съ медаліономъ и съ черной эмалью звѣздами.

Золотую шкатулочку для зубочистки, подаренную его отцомъ.

Медаліонъ съ волосами его матери.

Супругѣ его, моей племянницѣ, оставляю:

Серьги съ бирюзою и бриліантами.

Вѣеръ моей сестры, на которомъ есть надписи ея рукою и рукою ле-Дюкъ.

XVIII.

Двоюродной сестрѣ моей, княгинѣ Радзивилъ оставляю:

Медаліонъ, осыпанный жемчугомъ, съ волосами и съ рисункомъ, на которомъ выдѣляется вензель F. L. M., подаренный мнѣ теткою.

Кольцо съ портретомъ отца ея, моего дяди Фердинанда.

Кольцо съ волосами моей тетки принцессы Гессенской.

Медаліонъ изъ филиграна съ головою Медузы.

Прекрасный фарфоровый приборъ для завтрака изъ моей спальни въ Павловскѣ.

Кольцо съ волосами и съ вензелемъ P., принадлежавшее моей матери; въ немъ волосы моей тетки принц. Гессенской.

Медаліонъ съ волосами моего дяди и моей тетки.

Эмалированная записная книжка съ вензелемъ А. А., подаренная мнѣ моей двоюродной бабушкой (grand'tante), старой герцогиней Браунштейгской.

Фермуаръ съ хризолитомъ, осыпанный бриліантами.

Племянницѣ моей Елизаветѣ Радзивилъ оставляю:

Пряжку къ поясу съ хризолитомъ.

XIX.

Достойной и любимой нашей княгинѣ Ливенъ оставляю въ память моего расположенія къ ней:

Мой портретъ, писанный Кугельхеномъ.

Солитеръ изъ моего ожерелья.

Кольцо съ эмалью и съ надписью: «L'amitié vous le donne».

Медаліонъ моихъ дѣтей.

Золотой флаконъ съ красной эмалью.

Золотой ножъ съ перламутровой ручкой.

Тросточку съ портретомъ покойной императрицы Екатерины.

Ларчикъ изъ слоновой кости китайской работы.

Овальную шкатулку изъ агата.

Пресъ-папье.

Всѣ гипсовые бюсты моихъ дѣтей, стоящіе въ моемъ большомъ кабинетѣ.

Серебряную вызолоченную чашку.

XX.

Другу моему, M-lle Нелидовой, оставляю:

Браслетъ съ волосами, который прошу заказать съ бриліантовымъ фермуаромъ; бриліанты взять изъ моихъ.

Другой браслетъ съ моимъ портретомъ, который также нужно будетъ заказать.

Одинъ изъ пресъ-папье съ моего стола.

Четыреугольный золотой медаліонъ, осыпанный мелкимъ жемчугомъ, въ который прошу вставить мои волосы.

Широкое кольцо съ волосами и съ надписью: «qu'il te rappelle un ami», подаренное мнѣ моимъ братомъ Фердинандомъ.

Кольцо съ надписью: «souvenir d'amitié».

Записную книжку съ медаліонами; съ одной стороны Анютины глазки, а съ другой вензель F. A., составленный изъ розъ; книжка эта подарена мнѣ братомъ Фердинандомъ.

Каме съ головою Юпитера.

Вензель покойнаго императора Александра «А. I.» на эмалированномъ медаліонѣ съ цѣпочкою; надъ нимъ каска, а съ другой стороны надпись: «Государь и Отечество».

Ожерелье изъ желѣзныхъ каме.

Сувениръ, подаренный герцогиней Ля-Вальеръ.

Бомбоньерку съ крышкой изъ слоновой кости и съ надписью: «sacrés à l'amitié».

Широкое кольцо съ голубой эмалью, и на ней розовый кустикъ съ надписью: «L'épine souvent est un charme de plus».

Сувениръ изъ китайской красной камеди.

Золотую лорнетку съ голубой эмалью, которую я часто носила.

XXI.

Дѣтямъ моего покойнаго друга г-жи Бенкендорфъ оставляю:

Каждой дочери браслетъ съ моимъ портретомъ, который я прошу заказать.

Кромѣ того, старшей, княгинѣ Доротеѣ Ливенъ:

Медаліонъ съ волосами, осыпанный жемчугомъ съ букетами, полученный мною отъ ея матери.

Кольцо съ сердцемъ и съ надписью: «fidèle» и кольцо съ F. изъ бриліантовъ, оба подаренныя ея матерью.

Младшей, Маріи Шевичъ:

Кольцо съ снопомъ, сдѣланнымъ изъ волосъ.

Небольшое кольцо съ жемчугомъ и аметистами, оба подаренныя ея матерью.

Сыну Александру:

Брелокъ въ видѣ вазы, съ буквою F. внутри, полученный отъ его покойной матери.

Бомбоньерку съ волосами его покойной матери.

Кольцо съ именемъ «Tille» въ пяти сердцахъ.

Сыну Константину:

Кольцо съ сердоликомъ, осыпанное бриліантами, которое мать его носила до смерти.

Бомбоньерка слоновой кости съ силуэтомъ.

Шкатулочку изъ слоновой кости съ черепахой внутри и съ медаліономъ, полученную отъ его покойной матери.

XXII.

(Зачеркнута статья о вещахъ, завѣщанныхъ M-lle Дивовой).

Противъ этого мѣста на полѣ, рукою императрицы, написано: «Я имѣла несчастье лишиться M-lle Дивовой весною 11 февр. сего (т. е. 1827) года».

Небольшой портфель, изъ краснаго сафьяна съ медаліономъ, съ девизомъ и ребусомъ: L. C. ma и съ анютиными глазками.

Тутъ на полѣ приписка: „отдать M-lle Нелидовой".

Два браслета, осыпанные жемчугомъ съ рисунками и надписями.

Приписка на полѣ: „отдать г-жѣ Кочетовой".

и г-жѣ Кочетовой:

Браслетъ съ моимъ вензелемъ, осыпанный бриліантами, который придется заказать, и моихъ верховыхъ лошадей.

(M-lle Лунина зачеркнуто) княгиня Радзивилъ, Дальгеймъ (Чихачева зачеркнуто) получатъ фермуары, точно также какъ и всѣ прочія дамы, которыя будутъ находиться при мнѣ въ то время, какъ я умру.

Приписка на полѣ, рукою императрицы: „M lle Лунина и Чихачева выходятъ за мужъ; Чихачева получила уже отъ меня подарокъ, а Лунина также получитъ слѣдуемое ей".

„27 ноября 1827 г."

XXIII.

Въ знакъ моего искренняго расположенія оставляю также г-жѣ Плещеевой:

Браслетъ съ моимъ портретомъ, осыпанный бриліантами, который нужно заказать.

Кольцо съ моими волосами и съ надписью «Amitié»; его также нужно заказать.

Широкое кольцо съ эмалью и съ надписью: «à moi».

Г-жѣ Говенъ оставляю браслетъ съ моимъ вензелемъ, который также нужно заказать.

XXIV.

Дорогой моей общинѣ (Смольному институту) завѣщаю мой лучшій образъ. Прекрасный мраморный бюстъ нашего любезнаго покойнаго императора Александра, стоящій въ моемъ кабинетѣ.

Книги, находящіяся всегда въ шкапахъ моей библіотеки въ зимнемъ дворцѣ, и состоящія по большей части изъ лексиконовъ.

Всю мою коллекцію нотъ.

Мою арфу.

Фортепіаны изъ Павловска, разумѣется лучшія.

Моей доброй, достойной и почтенной Адлербергъ, которою я весьма довольна, оставляю:

Браслетъ съ моимъ портретомъ, который нужно заказать.

Золотой сувениръ.

Одну изъ моихъ шкатулочекъ, стоящихъ на моемъ столѣ здѣсь или въ Гатчинѣ.

XXV.

Каждому изъ нижепоименованныхъ институтовъ:

Св. Екатерины въ Петербургѣ и Москвѣ, Александровскому, Харьковскому и Сиротскому (des orphelines militaires) оставляю: одинъ изъ моихъ образовъ и копію съ моего портрета, писаннаго Кугельхеномъ; мои шелка, канву и рисунки для вышиванья, прошу подѣлить общинѣ, обоимъ Екатерининскимъ и Александровскому институту.

Оставляю также по образу обѣимъ школамъ солдатскихъ дѣтей.

Г-жѣ Кремпиной, въ знакъ моего расположенія и въ признатель-

ность за ея хорошую службу оставляю браслетъ съ моимъ вензелемъ, который нужно будетъ заказать.

Г-жѣ Пѣвцовой, начальницѣ Московскаго Екатерининскаго института, браслетъ съ моимъ вензелемъ, который придется заказать. Надѣюсь, что я останусь довольна моимъ выборомъ.

Г-жѣ Мелартъ, инспектрисѣ московскаго Александровскаго института, оставляю кольцо съ моимъ вензелемъ; его придется заказать.

Генеральшѣ Ставицкой, директрисѣ Сиротскаго института, браслетъ съ моимъ вензелемъ; его также нужно заказать.

Г-жѣ Литинской, директрисѣ Харьковскаго института, кольцо съ моимъ вензелемъ, которое нужно заказать.

Г-жѣ Наймановской, директрисѣ Маріинскаго института, браслетъ съ малахитомъ, который прошу заказать.

XXVI.

Каждому изъ воспитательныхъ домовъ оставляю одинъ изъ моихъ образовъ и мой портретъ, а равно по образу каждой изъ городскихъ больницъ (à chacun des hopitaux des pauvres), Павловскому госпиталю въ Москвѣ, Голицынскому госпиталю, обѣимъ коммерческимъ школамъ и обоимъ вдовьимъ домамъ.

Моему Маріинскому институту оставляю одинъ изъ моихъ образовъ и копію съ моего портрета, писаннаго Кугельхеномъ; институту глухо-нѣмыхъ завѣщаю образъ и мой токарный станокъ.

XXVII.

Самыя дорогія платья изъ моего гардероба прошу раздѣлить между церквами: крѣпостной, здѣшнихъ и московскихъ институтовъ, здѣшнихъ и московскихъ городскихъ больницъ, Павловскаго и Голицынскаго госпиталей.

XXVIII.

Г-жѣ Гревеницъ, какъ моей пансіонеркѣ, моей воспитанницѣ и вдовѣ человѣка, служившаго мнѣ такъ прекрасно, оставляю медаліонъ съ моимъ вензелемъ, который нужно будетъ заказать.

XXIX.

Нашему доброму, достойному генералу графу Ламсдорфу оставляю, въ знакъ моего расположенія и моей признательности, одинъ изъ солитеровъ изъ моего ожерелья, мой портретъ, писанный масляными красками, золотое кольцо, подаренное мнѣ сыновьями, которое я всегда носила во время ихъ отсутствія; мою трость съ золотымъ набалдашникомъ и съ вензелемъ, которая находится у меня болѣе 30 лѣтъ и поэтому будетъ ему пріятнымъ подаркомъ; записную книжку въ золотой оправѣ съ перламутромъ; тросточку изъ цѣлаго янтаря.

XXX.

Моему доброму старичку Нелединскому, статсъ-секретарю покойнаго императора Павла, оставляю: шкатулку съ моимъ портретомъ и съ надписью: «Souvenir d'amitié»; шкатулку съ 6 портретами моихъ дѣтей, писанными мною; эта шкатулка была подарена мною покойной императрицѣ Екатеринѣ, но послѣ смерти государыни я потребовала ее обратно; красный сафьяный портфель съ миніатюрнымъ портретомъ покойнаго императора Павла; барельефъ съ портретомъ гр. Панина, находящійся въ Павловскѣ; золотой перстень съ волосами гр. Панина, его вензелемъ и съ вырѣзаннымъ на немъ числомъ его кончины, 31 марта 1783 г.; трость, подаренную мнѣ этимъ добрымъ старичкомъ.

XXXI.

Не могу достаточно нахвалиться усердіемъ генерала Клингера, которому было ввѣрено главное завѣдываніе хозяйственной частью въ общинѣ и въ Екатерининскомъ институтѣ и поэтому съ особеннымъ удовольствіемъ завѣщаю ему, въ знакъ моего благоволенія, шкатулку съ моимъ портретомъ, которую прошу заказать, и десять тысячъ рублей, которые онъ внесъ такъ великодушно въ кассу Екатерининскаго института, чтобы загладить промахъ, сдѣланный однимъ изъ чиновниковъ.

Генералу Арсеньеву, завѣдующему дѣлами Сиротскаго института и такъ обязательно взявшему на себя и дѣла по Маріинскому институту, оставляю шкатулку съ моимъ вензелемъ, которую нужно заказать.

Г. Вильсону, оказавшему столь важныя услуги не только Александровскому заводу, но бывшему не разъ полезнымъ также въ Павловскѣ и въ Гатчинѣ, оставляю шкатулку съ моимъ вензелемъ, которую прошу заказать.

XXXII.

Г. Тутолмину, въ знакъ моей признательности за его всегдашнюю преданность, оставляю: перстень съ моимъ портретомъ, который нужно будетъ заказать, и портретъ гр. Панина, висящій въ моей комнатѣ.

XXXIII.

Г. Сутгофу, директору моего повивальнаго института, оставляю красивый перстень и благодарю его за усердную службу.

XXXIV.

Генералу Фредерици оставляю шкатулку съ моимъ портретомъ. Я убѣждена, что сынъ мой Михаилъ будетъ также доволенъ имъ, какъ и я; я же не могу достаточно нахвалиться его усердіемъ.

Доброму Ритмейстеру, на память его многолѣтней и вѣрной службы, оставляю шкатулку съ моимъ вензелемъ. Полковнику Штенгеру оставляю шкатулку съ моимъ вензелемъ; благодарю его за усердную службу и прошу императора не оставить его своими милостями.

XXXV.

Въ знакъ моей искренней признательности за усердную службу и заслугу оберъ-шталмейстера Муханова, съ особеннымъ удовольствіемъ оставляю ему на память прекрасную шкатулку съ моимъ портретомъ.

XXXVI.

Старику Албедилю, въ признательность за его попеченія, оставляю прекрасную шкатулку съ моимъ портретомъ и волосами; также оставляю шкатулку съ портретомъ князю Гагарину и шкатулку съ портретомъ князю Николаю Долгорукову и благодарю ихъ за усердную службу, которой я не могу достаточно нахвалиться.

Противъ этого мѣста на полѣ, рукою императрицы написано: «Оставляю также шкатулку съ моимъ портретомъ гр. Віелгорскому, состоящему при мнѣ съ весны. Этотъ пунктъ прибавленъ 27 ноября 1827 г.».

Камеръ-фурьеру Крылову, служившему мнѣ много лѣтъ, оставляю прекрасный перстень.

Шталмейстерамъ [Петру] Васильеву и Волкову оставляю перстни и прошу императора не оставить ихъ своими милостями, какъ прекрасныхъ людей.

Хотя нашъ дворъ не былъ раздѣленъ, но я прошу любезнаго сына моего, императора Николая, наградить лицъ, служившихъ мнѣ при столѣ и въ буфетной, а равно и лакеевъ, состоявшихъ при моихъ парадныхъ комнатахъ и при конюшнѣ.

XXXVII.

Оставляю на память:

Г. Виламову прекрасную шкатулку съ моимъ портретомъ, которую прошу заказать; часы, осыпанные жемчугомъ. которые я часто носила; бомбоньерку съ голубой эмалью; печать въ видѣ брелоки; ножъ съ двумя лезвеями и серебряной вызолоченной ручкой; медаль въ черной рамкѣ, съ изображеніемъ головы покойнаго императора Александра; медаліонъ съ аллегорическимъ рисункомъ, сдѣланнымъ перомъ; золотой рейсъ-федеръ; трость съ янтарнымъ набалдашникомъ; бомбоньерку съ рисункомъ, сдѣланнымъ карандашемъ.

Г. Новосильцеву: шкатулку съ моимъ портретомъ, которую прошу заказать; кольцо съ гранатомъ, ножъ съ двумя лезвеями и перламутровой ручкой; записную книжку изъ слоновой кости; золотой рейсфедеръ съ перомъ; золотой карандашъ, подаренный имъ, который я постоянно употребляю; печать въ видѣ брелока и трость съ янтарнымъ набалдашникомъ.

Г. Мейендорфу, поступившему ко мнѣ недавно, кольцо съ моимъ вензелемъ.

XXXVIII.

Г. Рюлю оставляю шкатулку съ моимъ вензелемъ; золотой футляръ для зубочистки, украшенный цвѣткомъ (de germandrées); часы, лежавшіе постоянно на моемъ туалетѣ; красный футляръ съ нессесеромъ.

XXXIX.

Г. Шторху оставляю шкатулку съ моимъ вензелемъ изъ бриліантовъ; г. Аделунгу шкатулку съ моимъ золотымъ вензелемъ; моему библіотекарю Утрехту вознагражденіе въ размѣрѣ 3500 рублей; Антону Иванову вознагражденіе въ размѣрѣ 1500 рублей.

XL.

Генералу Ушакову, который весьма обязательно ѣздилъ постоянно со мною верхомъ, оставляю прекрасную шкатулку съ моимъ портретомъ.

XLI.

Князю Сергѣю Голицыну, раздававшему постоянно милостыню отъ моего имени, оставляю прекрасную шкатулку съ моимъ портретомъ; благодарю его за преданность и съ совершеннымъ довѣріемъ поручаю ему позаботиться объ институтахъ и о воспитательномъ домѣ

XLII.

Портреты князя Александра Куракина оставляю M-elle Нелидовой и Тутолмину; портретъ оберъ-камергера князя Голицына Павловскому госпиталю въ Москвѣ; портретъ князя Дмитрія Голицына голицынскому госпиталю въ Москвѣ; портретъ Загряжскаго—его супругѣ.

Моимъ лакеямъ, горничнымъ и пр. завѣщаю слѣдующія вещи:

Лакеямъ:

Шалину: кольцо; круглый футляръ съ рейсфедеромъ.

Гримму: кольцо; янтарный футляръ въ видѣ орѣха; черепаховый ящичекъ для зубочистки; янтарную бомбоньерку въ видѣ яйца; маленькіе золотые часы; кольцо съ изображеніемъ головы покойнаго императора Александра, въ видѣ небольшой медали; золотые часы съ вензелемъ русскими буквами П. М.

Матвею Петрову: кольцо; ножъ съ перламутровымъ лезвіемъ и черенкомъ; роговую бомбоньерку съ золотыми украшеніями; стеклянную бомбоньерку съ слоновой костью; золотые часы съ змѣевидной стрѣлкой; цѣпочку къ часамъ съ эмалью и съ маленькой печатью.

Кейзеру: кольцо.

Ярославцеву: кольцо.

Сафонову: кольцо.

Старому Прену: кольцо.

Горничнымъ:

Пильниковой—золотыя серьги въ видѣ обручей; золотое кольцо съ пятью розами на голубой бѣлой эмали; нѣсколько цѣпочекъ къ часамъ и браслеты изъ различныхъ бусъ; венеціанскую цѣпочку; золотой медаліонъ для волосъ съ вензелемъ M. F. изъ голубой эмали; волосяныя серьги въ видѣ маленькихъ шариковъ; небольшой брелокъ въ видѣ сердца съ надписью: «Je t'aime»; ножницы съ золотой ручкой; большой медаліонъ съ авантюриномъ, медаліонъ съ сердоликомъ, съ выпуклымъ рѣзнымъ распятіемъ; золотую цѣпочку, составленную изъ косоугольничковъ; мой серебряный вызолоченный умывальникъ; кольцо.

Яковлевой: сердоликовыя серьги; кольцо; (un anneau avec un petit intaglio); бомбоньерку изъ слоновой кости и стекла съ рисункомъ; небольшой брелокъ въ видѣ медаліона съ рисункомъ; маленькій футляръ и нессесеръ въ видѣ орѣха; вѣтку вишень изъ эмали съ часами въ одной изъ нихъ; цѣпочку съ колчаномъ; три золотыхъ колоса; серебряные подсвѣчники, купленные мною, въ видѣ сфинкса; двѣ золотыя цѣпочки; мою серебряную полоскательницу для зубовъ; кольцо.

Старшей Брызгаловой: маленькій брелокъ съ крючкомъ; ножницы съ золотой ручкой; сердоликовыя серьги, золотую пряжку къ поясу; кольцо.

Младшей Брызгаловой: медальонъ съ образомъ св. Никандры; серьги въ видѣ змѣи; маленькій золотой флаконъ съ эмалью; кольцо.

Чернышевой: кольцо съ флакономъ изъ сердолика; кольцо съ бирюзою; кольцо.

Ивановой: маленькій брелокъ въ видѣ урны для духовъ; кольцо съ бирюзою; кольцо.

Ярославцевой: маленькій агатовый ящичекъ для духовъ; кольцо.

Четыремъ горничнымъ:

Пильниковой, Яковлевой, обѣимъ Брызгаловымъ—4 ладанницы (navette), 4 золотые гребня съ жемчугомъ, камеемъ и сердоликомъ; всѣмъ шестерымъ раздѣлить уборъ (garniture de Wedgewood), четыре пары серегъ съ гранатами и три пары съ черным̀ъ жемчугомъ.

Моей камеръ-фрау, г-жѣ Кеннеди:

Круглый золотой футляръ съ перламутромъ; медаліонъ съ отдѣлкой изъ слоновой кости въ зеленомъ бархатномъ футлярѣ; кольцо съ бирюзой; маленькій ящичекъ для духовъ и серебряную вызолоченную сонетку; кольцо.

Дѣвицамъ, смотрѣвшимъ за моимъ гардеробомъ:

Строцкой: булавку съ медаліономъ голубаго и стальнаго цвѣта, кольцо.

Кристоповой: золотую булавку со стрѣлою; кольцо.

Весь черный уборъ изъ композиціи прошу раздѣлить между:

Дицъ, которой дать еще кольцо.

Коноваловой—тоже.

Вороновой—тоже.

Дарьѣ Васильевой и Викторовой.

Моему камеръ-фурьеру Алексѣеву—кольцо.

Марія.

С.-Петербургъ 21 января 1827 г.

ЗАПИСКИ СЕНАТОРА Я. А. СОЛОВЬЕВА О КРЕСТЬЯНСКОМЪ ДѢЛѢ.

Глава пятая [1]).

[Продолженіе].

Записка подъ литерою А о несвоевременности освобожденія крестьянъ и о гибельныхъ послѣдствіяхъ этой реформы.—Нижегородское дѣло.—Случай съ Серно-Соловьевичемъ.

Кромѣ частныхъ дѣйствій, направленныхъ въ ущербъ интересамъ крестьянскаго дѣла, кромѣ агитаціи, по поводу того или другаго распоряженія министерства внутреннихъ дѣлъ, противники освобожденія крестьянъ не теряли еще надежды остановить весь ходъ дѣла; ничѣмъ инымъ нельзя объяснить появленія одной записки представленной Государю лѣтомъ 1858 года. Шефъ жандармовъ препроводилъ эту записку министрамъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ, съ тѣмъ, чтобы первымъ изъ нихъ эта записка была внесена на обсужденіе главнаго комитета по крестьянскому дѣлу. Въ моихъ бумагахъ сохранился черновой, составленный мной, разборъ этой записки и копія отношенія къ государственному секретарю (отъ 28-го іюля 1858 г.), подписанная Ланскимъ и скрѣпленная мною. Въ означенной запискѣ, помѣченной лит. А, неизвѣстный мнѣ до сихъ поръ (1875 г.). авторъ доказывалъ несвоевременность освобожденія крестьянъ. Я приведу какъ содержаніе записки и разборъ ее, такъ и заключеніе министра внутреннихъ дѣлъ.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г., томъ XXVII, февраль, стр. 319—362; изд. 1881 г, томъ XXX, мартъ, стр. 211—264; апрѣль, стр. 721—756; томъ XXXI, май, стр. 1—32; изд. 1882 г., томъ XXXIII, январь, стр 227—258; мартъ, стр. 561—596.

Записка эта начинается главнымъ вопросомъ: Чего слѣдуетъ желать отъ предпринятаго устройства быта помѣщичьихъ крестьянъ? Затѣмъ вопросъ этотъ тутъ же подраздѣлялся на три слѣдующіе:

1) Умноженія ли народнаго богатства?

2) Упроченія ли благосостоянія рабочаго класса? и

3) Ограниченія ли злоупотребленія помѣщичьей власти?

Разбирая каждый изъ этихъ вопросовъ порознь, авторъ доказывалъ въ заключеніи, что предпринятая мѣра не поведетъ къ положительному и благопріятному рѣшенію ни одного изъ нихъ. Напротивъ того, что мѣра эта опасна для государства и, по мнѣнію составителя записки, въ ней „таится глубоко задуманный планъ демократической революціи въ Россіи".

Такое заключеніе опиралось на слѣдующихъ данныхъ: а) на сравненіи помѣщичьихъ крестьянъ съ государственными, б) на низкой степени развитія вообще русскихъ крестьянъ и в) на примѣрахъ иностранныхъ государствъ.

„Для бо́льшей части русскихъ крестьянъ,—сказано было въ запискѣ,—свобода не есть еще нравственное достоинство человѣка, а возможность ничего не дѣлать, ничего не платить, никому не повиноваться, удовлетворять своимъ наклонностямъ, однимъ словомъ тоже самое, что для дѣтей: для нихъ полная свобода было бы бросить книги, прогнать учителей, и прекрасныя свойства души скоро бы исказились отъ страстей, ничѣмъ не обуздываемыхъ".

Сравненіе помѣщичьихъ и удѣльныхъ крестьянъ съ государственными укрѣпляло автора въ этомъ мнѣніи.

По мнѣнію его, положеніе помѣщичьихъ крестьянъ было несравненно лучше государственныхъ, а удѣльныхъ крестьянъ онъ считалъ самыми счастливыми въ мірѣ.

„Казенный крестьянинъ",—разсуждалъ авторъ,—„пользуется теоретическимъ благоденствіемъ, а удѣльный практическимъ. Первый проклинаетъ свое положеніе, а второй благословляетъ. Въ удѣльныхъ имѣніяхъ, для поддерживанія благоденствія, должно прибѣгать къ мѣрамъ строгости, въ чемъ убѣждаютъ стѣны самихъ приказовъ, обитыхъ объявленіями о сдѣланныхъ крестьянамъ частныхъ наказаніяхъ. Несчастное же начальство государственныхъ крестьянъ, лишенное всякой возможности противиться злу, не-

сетъ невинно лишь укоризны худаго управленія". Нравственность помѣщичьихъ крестьянъ выше чѣмъ государственныхъ. По отчету министра внутреннихъ дѣлъ, за 1856 годъ, въ сословіи помѣщичьихъ крестьянъ, въ числѣ 20 милліоновъ обоего пола, было 5,724 преступленія; между тѣмъ, какъ у государственныхъ крестьянъ, въ числѣ 18 милліоновъ, 8,430 преступныхъ случаевъ. Въ запискѣ приведено, что, кромѣ обезпеченія собственнаго благосостоянія, помѣщичьи крестьяне производятъ, посредствомъ обязательнаго труда, 288,750,000 рублей серебромъ ежегодной прибыли государству. „Въ этотъ счетъ не входитъ заводская и фабричная промышленность помѣщиковъ, которую трудно опредѣлить и которая простирается на нѣсколько милліоновъ. По увѣренію нашихъ экономистовъ, трудъ государственныхъ крестьянъ, какъ свободный, долженъ бы приносить вдвое противъ труда обязательнаго, а именно 411,750,000 р. с. ежегодной государственной прибыли; между тѣмъ, какъ они, въ общей сложности губерній, какъ земледѣльческіе производители, едва обезпечиваютъ собственное свое существованіе, и тѣмъ доставляютъ государству, по выводамъ тѣхъ же экономистовъ, чистаго ежегоднаго убытка 411,750,000 руб. сер., распоряжаясь безплодно и безсмысленно 73,084,120 десятинами государственой земли". По тому же отчету министерства внутреннихъ дѣлъ за 1856 годъ, изъ общей суммы податной недоимки: на государственныхъ крестьянахъ числилось двѣ трети(?) (6,161,000 р. с.), а на помѣщичьихъ одна только четверть, (2,360,000 р. с.). Вмѣстѣ съ этимъ составитель записки указывалъ на примѣры другихъ Европейскихъ государствъ. По его мнѣнію, Англія для насъ въ настоящемъ дѣлѣ можетъ служить самымъ лучшимъ образцомъ. Тамъ крѣпостное состояніе уничтожилось само собой. „Рабочій классъ, не имѣя никакой поземельной собственности, по необходимости вынужденъ къ двойному производительному труду, поэтому Англія увеличила свои богатства". Между тѣмъ какъ Франція, руководимая книжнымъ ученіемъ, при поспѣшномъ рыцарскомъ отреченіи дворянства отъ своихъ правъ, переходила изъ одной революціи въ другую. Авторъ указываетъ также на Пруссію, Австрію и наши Остзейскія провинціи, гдѣ освобожденіе крестьянъ производилось постепенно въ теченіи продолжительнаго времени и противопоставлялъ имъ нѣкоторыя изъ австрійскихъ владѣній, именно Галицію и Венгрію, гдѣ, по его

мнѣнію, это дѣло началось позднѣе, окончено произвольно и поспѣшно, помѣщики и крестьяне одинаково раззорены".

Послѣ этого краткаго изложенія содержанія записки подъ лит. А, въ представленіи министра внутреннихъ дѣлъ подробно были разобраны основанія приведенныхъ выводовъ. Я привожу этотъ разборъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ представленъ.

„То, что составитель записки говоритъ о низкомъ образованіи крестьянъ, которые поэтому не въ состояніи воспользоваться свободой, говорилось вездѣ при освобожденіи крестьянъ, но нигдѣ не оправдалось на дѣлѣ. Вездѣ, напротивъ того, крестьяне, съ упроченіемъ своего быта, изъ лѣнивыхъ сдѣлались прилежными, изъ людей, готовыхъ къ нарушенію общественнаго порядка, сдѣлались самыми преданными тому правительству, которое чрезъ освобожденіе крестьянъ обезпечивало прочное государственное устройство. Самый антагонизмъ, неизбѣжно существующій между крестьянами и ихъ господами, замѣнился взаимнымъ довѣріемъ двухъ сословій, гдѣ это довѣріе не было поколеблено ошибочными распоряженіями при самомъ освобожденіи крестьянъ. Сравненіе крѣпостныхъ съ дѣтьми никогда не можетъ имѣть мѣста. При воспитаніи первыхъ, родителей руководятъ любовь и самоотверженіе. При надзорѣ за крѣпостными можетъ быть человѣколюбіе, но не можетъ быть безкорыстной любви и тѣмъ болѣе самоотверженія, потому что въ основѣ помѣщичьихъ отношеній къ крѣпостнымъ лежитъ матеріальная выгода первыхъ. Дѣти, по достиженіи извѣстнаго возраста, видятъ конецъ своего воспитанія, на которое родители тратили деньги, не требуя отъ нихъ за то вознагражденія. Крѣпостные умираютъ крѣпостными, постоянно работая въ пользу помѣщиковъ. Наконецъ, пока существуетъ крѣпостное состояніе, народное образованіе невозможно. Не говоря уже о другихъ причинахъ, для развитаго человѣка крѣпостное право невыносимо, и потому заботиться объ образованіи крестьянъ безъ освобожденія ихъ значитъ вести государство къ неизбѣжной революціи".

„Сравненіе помѣщичьихъ крестьянъ съ удѣльными и государственными собственно относится до министра государственныхъ имуществъ и президента департамента удѣловъ, на заключеніе котораго [1]) препровождена копія съ настоящей записки. Здѣсь

[1]) Т. е. Муравьева: въ лицѣ его были соединены тогда обѣ должности

можно только упомянуть о невѣрности цифръ, приведенныхъ въ запискѣ. Во первыхъ, въ число 288,750,000 авторъ включилъ: 60 милліоновъ, сумму, на которую отправляется за границу разнаго рода земледѣльческихъ произведеній. Въ числѣ этихъ произведеній: хлѣбъ, ленъ, пенька, льняное и конопляное сѣмя. масло изъ этого сѣмени, сало, кожи и т. п., отпускаются, не одними помѣщиками, но и государственными крестьянами, и едва ли по нѣкоторымъ статьямъ послѣдними не болѣе, чѣмъ первыми. Всѣмъ извѣстно, что крестьяне Вологодской, Ярославской, Владимірской и даже бѣдной Псковской губерніи приготовляютъ льняныя произведенія для отправленія въ чужіе края. Разведеніе пеньки, для той же цѣли, въ значительной степени распространено между государственными крестьянами Орловской, Черниговской, Калужской, Смоленской и другихъ губерній. Сало и кожи доставляются для чужихъ краевъ также, между прочимъ, государственными крестьянами степныхъ губерній. Въ этихъ же губерніяхъ нѣсколько крестьянъ снимаютъ огромныя пространства оброчныхъ земель для выдѣлыванія на нихъ хлѣба на продажу какъ внутреннюю, такъ и заграничную. Они же работаютъ на хлѣбныхъ запашкахъ купцовъ. Изъ нихъ наконецъ вышла бо̀льшая часть купцовъ, ведущихъ торгъ этими произведеніями".

„Въ подтвержденіе своихъ доводовъ, авторъ указываетъ на примѣръ Англіи, Франціи, Пруссіи и Австріи. Англія служитъ для него доказательствомъ, что крестьяне могутъ освободиться постепенно и незамѣтно, однимъ только естественнымъ ходомъ историческихъ событій; а освобожденіе ихъ безъ земли пріучитъ ихъ къ труду. Франція, по его мнѣнію, увлеклась теоріями и впала въ революцію.—Въ Пруссіи и Австріи освобожденіе происходило постепенно, начиная съ прошедшаго столѣтія, а въ Венгріи и въ Галиціи, гдѣ освобожденіе производилось поспѣшно, и крестьяне и помѣщики раззорены".

„Въ Англіи, при господствующей тамъ гласности, ничего не маскируется. Сами лорды и государственные люди Англіи въ сильныхъ выраженіяхъ, въ присутствіи государственныхъ палатъ, указываютъ на неправильное развитіе народнаго богатства, отъ котораго они не ожидаютъ ничего хорошаго. Въ 1844 году лордъ Джонъ Россель говорилъ въ палатѣ депутатовъ: „Народное неудовольствіе, какъ въ земледѣльческихъ, такъ и въ промышленныхъ

округахъ, признается всѣми за несомнѣнный фактъ. При тщательномъ разсмотрѣніи вопроса, нельзя не признать, что довольство въ рабочемъ классѣ народа возрастаетъ не въ той степени, какъ въ другихъ сословіяхъ".—Лордъ Станлей не ограничился этимъ: онъ указалъ на причину зла въ одномъ изъ засѣданій палаты лордовъ. Вотъ его собственныя слова:

„Опасность для страны въ настоящее время заключается въ сосредоточеніи поземельной собственности въ однѣхъ рукахъ, соединенной съ чрезмѣрной неуравнительностію въ ея распредѣленіи".

„Реформа въ законахъ о хлѣбной торговли уменшила зло и спасла Англію отъ революціи, но не прекратила его. Описывая могущество и силу въ настоящее время Англіи, сами англичане прибавляютъ къ этому:

„Все это факты; но не менѣе фактъ и то, что рядомъ съ этими великими и благотворными перемѣнами постоянно разростается громада самаго отвратительнаго нищенства, далеко превосходящая все то, о чемъ дошли до насъ достовѣрныя извѣстія отъ прежняго времени". Поэтому нельзя не повѣрить одному новѣйшему французскому ученому, который, путешествуя по Англіи, замѣтилъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ демократическое и почти революціонное направленіе. Англійскіе путешественники единогласно свидѣтельствуютъ, что положеніе рабочаго класса на материкѣ несравненно лучше, нежели не только въ Ирландіи, но даже въ Англіи и Шотландіи. Они при этомъ сами дѣлаютъ вопросъ: „Отчего бѣднымъ классамъ народа въ Англіи жить хуже, чѣмъ на материкѣ?" И сами же отвѣчаютъ на него: „Мы размножили", пишутъ англійскіе пушешественники,—„число лицъ, зависящихъ отъ задѣльной платы, отъ найма; государства Европы размножили классъ людей, зависящихъ отъ производительности собственныхъ крестьянскихъ участковъ".

Въ настоящее время общій голосъ слышится изъ Англіи, „что глубокое всеобщее опасеніе объемлетъ съ нѣкоторыхъ поръ всю Англію и что ни распространеніе торговли, ни усовершенствованіе мануфактурной системы не избавятъ англичанъ отъ самыхъ зловѣщихъ опасеній, какія только могутъ угрожать обветшалому и крайне искуственному общественному быту".

„Послѣ этого, кажется, Англія не можетъ служить образцомъ въ дѣлѣ устройства крестьянскаго быта. Не можетъ служить

также и Францiя, не по своей поспѣшности, не по рыцарскимъ чувствамъ французскаго дворянства, какъ говоритъ составитель записки, а по своей медленности, по своимъ притѣсненiямъ крестьянскаго сословiя и, наконецъ, по своей безразсудной упрямой привязанности къ возмутительнымъ феодальнымъ правамъ. Трудно отыскать начало личнаго освобожденiя крестьянъ во Францiи, оно совершилось тамъ давно. Крестьянамъ уступлена была и земля; но дворяне сохранили за собой неправильное вознагражденiе за землю, временное или непрерывное, и множество феодальныхъ обременительныхъ и унизительныхъ для крестьянъ повинностей. Всякое радостное событiе въ дворянскомъ семействѣ подавало поводъ къ сбору съ свободныхъ лицъ, живущихъ на прежде бывшихъ господскихъ земляхъ. Дворяне удерживали за собой право молоть хлѣбъ, бить скотъ, содержать племенныхъ быковъ, выжимать виноградъ, и за все это собирали деньги. Извѣстная часть урожая поступала также въ пользу владѣльца. Дворяне же собирали пошлину за мѣру при продажѣ хлѣба, и за проѣздъ по извѣстнымъ дорогамъ. Но однимъ изъ наибольшихъ бѣдствiй, которыя тяготѣли на земледѣльческомъ классѣ, было право охоты, исключительно принадлежавшее дворянамъ. Кореннымъ правиломъ признавалось, что крестьяне не имѣютъ права: „присвоить себѣ звѣря въ лѣсу, рыбу въ водѣ, птицу въ воздухѣ“. Крестьяне не только не имѣли права убивать дичь для своей нищи; но подъ страхомъ жестокаго наказанiя, они лишены были права защищать свои поля, огороды, сады и виноградники отъ нападенiя птицъ и звѣрей. Они не имѣли права жаловаться на уничтоженiе результатовъ своихъ трудовъ дворянскими охотами. Страсть дворянъ къ разведенiю кроликовъ и голубей, противъ которой ничего не могли сдѣлать королевскiя повелѣнiя, довершали бѣдствiя народа. Но этого мало. Дворяне не только угнетали, но и унижали народъ. Они оставляли за собой такъ называемыя почетныя повинности. Тамъ, напримѣръ, въ однѣхъ мѣстахъ крестьяне обязаны были въ извѣстное время пѣть подъ окнами господина забавныя пѣсни, въ другихъ цѣловать замокъ господскаго дома, получать пощечины и т. п.“.

„Составитель записки упоминаетъ, что дворянство во Францiи уничтожило себя въ знаменитую ночь пожертвованiй (la nuit des sacrifices), въ которую въ 1789 году, были отмѣнены всѣ дво-

рянскія феодальныя привилегіи. Другія повинности крестьянамъ предоставлялось выкупить. Но пожертвованія эти были уже поздніе; въ это время во многихъ мѣстахъ Франціи вспыхнуло уже возмущеніе во всей своей силѣ. То, что могло принести несомнѣнную пользу въ началѣ столѣтія, сдѣлалось безполезнымъ въ концѣ".

„Если Англія и Франція дѣйствительно не могутъ служить для насъ образцомъ въ дѣлѣ устройства крестьянскаго быта, то обѣ эти страны должны послужить для насъ примѣромъ чего намъ надобно остерегаться. Но Австрія и Пруссія могутъ служить для насъ и тѣмъ, и другимъ. Правда, что законы объ ограниченіи крѣпостнаго права и въ томъ и другомъ изъ этихъ государствъ начали издаваться во второй половинѣ прошедшаго столѣтія; но они оставались мертвой буквой, такъ что дѣйствительное освобожденіе началось: въ Пруссіи съ 1808, а въ Австріи съ 1848 года. Неполный успѣхъ освобожденія въ Австріи, и преимущественно въ Галиціи и Венгріи, произошелъ отъ того, что тамъ правительство и дворянство слишкомъ медлили дѣломъ освобожденія крестьянъ и довели его до революціи. Въ Галиціи и Венгріи, сверхъ того, были національныя и политическія причины, породившія особенное нерасположеніе крестьянъ къ прежнимъ своимъ господамъ,—нерасположеніе, которое до сихъ поръ не прекращается. Въ Венгріи, хотя крестьяне сдѣлались лично свободными съ 1791 года, но лишены были права, наравнѣ со всѣми не дворянами, пріобрѣтать недвижимую собственность. Право это они пріобрѣли не прежде 1836 года".

Препровождая къ государственному секретарю записку подъ литерой А и сдѣланныя мной замѣчанія на нее, министръ внутреннихъ дѣлъ писалъ:

„Составитель записки объявляетъ себя противникомъ предпринятой нынѣ мѣры устройства быта помѣщичьихъ крестьянъ. Происхожденіе ея онъ приписываетъ тайному глубоко задуманному плану демократической революціи въ Россіи. Прекращеніе крѣпостной зависимости онъ считаетъ безполезнымъ для крестьянъ и вреднымъ для государства, указывая на низкую степень развитія русскаго крестьянина, сравнивая помѣщичьихъ крестьянъ съ государственными и ссылаясь на примѣры иностранныхъ государствъ, и потому онъ совѣтуетъ какъ можно болѣе за-

медлить ходъ дѣла и, вмѣсто прочнаго устройства быта крестьянъ, приготовить только свѣдѣнія для инвентарей".

„Я нахожу не нужнымъ опровергать мнѣніе, что принятая нынѣ мѣра устройства крестьянскаго быта есть слѣдствіе задуманнаго плана демократической революціи въ Россіи. Всѣмъ извѣстно, что мысль объ освобожденіи крестьянъ не оставляла двухъ покойныхъ императоровъ. Благости и мудрости нынѣ царствующаго государя императора Россія обязана, что этому великому государственному дѣлу положено прочное основаніе. Своевременность настоящихъ мѣропріятій не подлежитъ никакому сомнѣнію. Этого требуетъ человѣколюбіе, необходимость развитія матеріальныхъ и нравственныхъ силъ государства и польза самаго дворянскаго сословія. А потому слѣдуетъ не замедлять хода дѣла, а твердо и неуклонно идти по пути, указанному священной волей его величества. Препятствія, которыя неизбѣжны въ такомъ трудномъ дѣлѣ, должны не ослаблять. а усиливать твердость правительства".

„Всѣ примѣры. которые составитель записки приводитъ какъ изъ русскаго быта, такъ и изъ жизни иностранныхъ государствъ, искажены и превратно перетолкованы. Примѣры иностранныхъ государствъ указываютъ намъ, что вездѣ, гдѣ крестьянскій вопросъ не былъ остановленъ въ своемъ развитіи, онъ разрѣшался спокойно и приводилъ къ усиленію государственнаго могущества и народнаго благосостоянія".

„Потому я полагалъ бы полученную мною отъ генералъ-адъютанта Долгорукова записку подъ лит. А оставить безъ всякихъ послѣдствій".

Она дѣйствительно и осталась безъ всякихъ послѣдствій; едва ли она была разсмотрѣна въ главномъ комитетѣ, по крайней мѣрѣ, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ не было никакихъ слѣдовъ этого разсмотрѣнія. Ланской, прежде внесенія своего мнѣнія въ главный комитетъ, докладывалъ о немъ предварительно Государю, какъ онъ это дѣлалъ иногда, также какъ и всѣ вообще министры.

Трудно повѣрить, чтобы такая записка, какъ подъ лит. А, требовала серьезнаго и подробнаго опроверженія. Но въ это время невниманіе къ подобному заявленію съ нашей стороны было бы

принято за слабость, за наше пораженіе; въ то время много было людей, которые думали или хотѣли думать, а главное хотѣли заставить другихъ думать, что въ этой запискѣ изложены были неопровержимые доводы, а самая записка преисполнена ученостію и верхъ литературнаго искусства. Въ настоящее время, нѣтъ никакой существенной надобности опровергать приведенныя въ запискѣ лит. А свѣдѣнія и сдѣланные изъ нихъ выводы; но я не могу удержаться, чтобы не противупоставить имъ современныя же, но болѣе достовѣрныя данныя о государственныхъ и удѣльныхъ крестьянахъ, сообщенныя мнѣ моими тогдашними корреспондентами изъ Владиміра и Самары.

По мнѣнію составителя записки, положеніе помѣщичьихъ крестьянъ было несравненно лучше государственныхъ. Выше было приведено, что владимірскіе помѣщики были другаго мнѣнія: одно изъ владимірскихъ уѣздныхъ дворянскихъ собраній внесло въ свой протоколъ заявленіе, что помѣщичьи крестьяне завидуютъ казеннымъ, потому что положеніе послѣднихъ гораздо лучше первыхъ.

Удѣльныхъ крестьянъ авторъ считаетъ самыми счастливыми въ мірѣ. По его отзыву „государственный крестьянинъ проклинаетъ свое положеніе, а удѣльный благословляетъ". Въ какой степени это было справедливо—можно видѣть изъ слѣдующей выписки изъ письма ко мнѣ изъ Самары (Протопопова [1]), отъ 5-го сентября 1858 г.): „Не могу умолчать объ интересномъ здѣсь событіи. Удѣльные крестьяне, узнавъ, что имъ разрѣшается свободный переходъ въ другія сословія, составили повсемѣстно приговоры о причисленіи ихъ цѣлыми селеніями въ государственные крестьяне. Они согласны остаться на тѣхъ же мѣстахъ, при тѣхъ же оброкахъ, но желаютъ только начальство имѣть не въ „приказахъ", а въ „сельскихъ и волостныхъ правленіяхъ", и даже быть подъ окружными начальниками и палатами, а не подъ приказами и конторами. Если же остаться на этихъ условіяхъ имъ здѣсь нельзя, то пусть переселятъ ихъ куда-нибудь, только бы имъ поступить на новомъ мѣстѣ въ государственные крестьяне.

---

[1]) Отъ того самаго, который писалъ мнѣ изъ Смоленска. Я. С.

Монжосъ (управляющій удѣльной конторой) поскакалъ на мѣсто, но что сдѣлаетъ—неизвѣстно".

Другой мой корреспондентъ (Наржимской [1]) въ письмѣ черезъ два мѣсяца позже (12-го ноября) писалъ: „Надняхъ разнесся здѣсь слухъ, что Монжосъ уволенъ отъ службы по случаю изъявленія желанія многими отдѣльными лицами и даже цѣлыми селеніями удѣльныхъ крестьянъ перейти въ государственные крестьяне, что весьма не понравилось Михаилу Николаевичу" (Муравьеву, президенту департамента удѣловъ и министру государственныхъ имуществъ). Эти извѣстія краснорѣчивѣе и убѣдительнѣе всѣхъ возможныхъ опроверженій.

То большинство, отголоскомъ котораго была и записка подъ лит. А и послѣдствіями вліянія котораго были правительственныя мѣры первой половины 1858 года, и то меньшинство, которое сочувствовало дѣлу и представителемъ котораго въ правительственныхъ сферахъ было одно министерство внутреннихъ дѣлъ, проявились впослѣдствіи въ губернскихъ комитетахъ. Но въ описываемое теперь время, т. е. лѣтомъ 1858 года, губернская комитетская дѣятельность была въ самомъ началѣ. Бо̀льшая часть комитетовъ не была еще открыта, а въ открытыхъ подвинулись въ своихъ работахъ только три первые: петербургскій, нижегородскій и московскій. Я не упоминаю здѣсь о комитетахъ западныхъ губерній; характеръ ихъ дѣятельности былъ тотъ же самый, какой обнаружило западное дворянство при отзывахъ его на призывъ правительства. Изъ трехъ же первыхъ упомянутыхъ великорусскихъ комитетовъ: въ двухъ не замедлили проявиться два противоположныя направленія и первое крупное столкновеніе большинства и меньшинства обнаружилось въ нижегородскомъ комитетѣ, вмѣстѣ съ покушеніемъ большинства допустить явное отступленіе отъ коренныхъ началъ освобожденія крестьянъ, обнародованныхъ вмѣстѣ съ рескриптами. Послѣднее стремленіе про-

---

[1]) Наржимской началъ службу у меня по кадастру и по переходѣ моемъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, по моей рекомендаціи, назначенъ старшимъ совѣтникомъ палаты государственныхъ имуществъ въ Самарѣ. Потомъ былъ дѣлопроизводителемъ земскаго отдѣла, вице-директоромъ и директоромъ въ министерствѣ финансовъ. Сильно скомпрометированный въ послѣднее польское возстаніе, онъ лишился мѣста и теперь, 1875 г., членъ совѣта министерства финансовъ. Я. С.

явилось и въ московскомъ комитетѣ; но объ этомъ я скажу при описаніи путешествія Государя по губерніямъ, а теперь перейду къ нижегородскому случаю. Извѣстіе объ этомъ послѣднемъ случаѣ было получено нами незадолго до отъѣзда Государя изъ Петербурга, слѣдовательно, въ то тяжелое, безпомощное для министерства внутреннихъ дѣлъ время, которое началось со времени изданія программы, предположенія о генералъ-губернаторахъ и опубликованія началъ уѣздныхъ учрежденій. Въ нижегородскомъ комитетѣ по устройству крестьянскаго быта возникъ вопросъ о выкупѣ личности крѣпостныхъ людей. Большинство, руководимое однимъ изъ своихъ сочленовъ,—бывшимъ секретаремъ дворянства, Пятовымъ, было за личный выкупъ; меньшинство, къ которому принадлежалъ предсѣдатель комитета губернскій предводитель Болтинъ, было противъ. Меньшинство, не желая присутствовать при постановленіи, которое оно считало незаконнымъ, отказалось принять участіе въ этомъ рѣшеніи и удалилось изъ засѣданія. По выходѣ изъ засѣданія Болтина, комитетъ остался безъ предсѣдателя. Большинство самопроизвольно поручило предсѣдательство Пятову и начало продолжать занятія комитета. Губернаторъ (Александръ Николаевичъ Муравьевъ) прислалъ къ министру внутреннихъ дѣлъ своего адъютанта съ подробнымъ описаніемъ случившагося, испрашивая разрѣшеніе, какъ онъ долженъ поступить. Минута была рѣшительная. С. С. Ланской, несмотря на свою обычную храбрость, колебался: доложить ли прямо Государю, непосредственно, испрашивая высочайшее повелѣніе, или вести дѣло чрезъ Главный Комитетъ.

Послѣ нѣкотораго колебанія, онъ рѣшился на первое. Въ заготовленномъ мной, по его распоряженію, всеподданнѣйшемъ докладѣ, онъ испрашивалъ: 1) отстранить всякое сужденіе о выкупѣ личности; 2) всѣ постановленія комитета подъ предсѣдательствомъ Пятова считать недѣйствительными; 3) членамъ, участвующимъ въ этихъ постановленіяхъ, сдѣлать выговоръ, а Пятова вовсе исключить изъ членовъ комитета, пригласивъ на его мѣсто кандидата, и 4) предписать губернатору вновь открыть комитетъ въ законномъ его составѣ.

Несмотря на выбранную нами дорогу, мы могли не достичь цѣли: государь могъ приказать внести этотъ самый докладъ въ главный комитетъ и тогда Богъ знаетъ, чтобы изъ этого вышло

Все это дѣло оставалось въ строжайшемъ секретѣ между Сергѣемъ Степановичемъ и мной, изъ опасенія, чтобъ насъ не предупредила противная сторона, представивъ государю дѣло въ превратномъ видѣ. Я съ замираніемъ сердца ожидалъ послѣдствій доклада. Царская фамилія въ это время жила въ Петергофѣ, день доклада Ланскаго приходился наканунѣ 27-го іюля (1858 г.),—дня рожденія императрицы. Государь оставилъ Ланскаго на 27-е іюля; императрица въ то время особенно была къ нему милостива. Какъ бы то ни было, но С. С., по возвращеніи изъ Петергофа, съ величайшимъ торжествомъ передалъ мнѣ докладъ, съ собственноручной резолюціей государя объ утвержденіи, съ тѣмъ, чтобы самый докладъ съ резолюціей былъ сообщенъ въ главный комитетъ „для свѣдѣнія". Я помню, что, ѣхавши съ дачи министра въ городъ, я заѣхалъ по дорогѣ къ Н. А. Милютину, который встрѣтилъ меня словами: „Вѣрно что-нибудь хорошее случилось, вы имѣете такой веселый видъ?" Вообще я всю жизнь свою не умѣлъ и до сихъ поръ (1875 г.) не умѣю скрывать свои внутреннія ощущенія, поэтому во все время крестьянскаго дѣла, люди, часто видѣвшіе меня, узнавали о благопріятномъ или неблагопріятномъ положеніи дѣла по выраженію моего лица.

Это высочайшее повелѣніе имѣло громадную важность; раздраженіе и злоба ретроградной партіи равнялись степени этой важности.

Негодованіе это тѣмъ было сильнѣе, чѣмъ неожиданнѣе былъ нанесенный ударъ. Коноводы реакціонной партіи считали министерство (министра?) внутреннихъ дѣлъ погибшимъ; они никакъ не воображали, чтобы министръ рѣшился на что-нибудь безъ ихъ разрѣшенія. А еслибы и рѣшился войти съ всеподданнѣйшимъ докладомъ непосредственно отъ себя, то государь приказалъ бы передать этотъ докладъ въ главный комитетъ.

Вскорѣ послѣ высочайшаго повелѣнія по нижегородскому дѣлу, М. Н. Муравьевъ уѣзжалъ изъ Петербурга въ обычную свою поѣздку по губерніямъ. Такъ какъ онъ любилъ всѣ многолюдные пріемы, то обыкновенно у него бывали прощальные выходы, на которые собирались высшіе чиновники въ мундирахъ. Я, какъ служившій, кромѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, и въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, отправился на этотъ выходъ. Онъ, обойдя всѣхъ, ко мнѣ подошелъ къ послѣднему и, по его

раздражительной натурѣ, не могъ удержаться, чтобы не сказать мнѣ, съ нѣкоторой злобой, проглядывавшей и во взглядѣ и въ тонѣ голоса: „вы“, (т. е. министерство внутреннихъ дѣлъ), „испросили высочайшее повелѣніе по нижегородскому дѣлу“? Послѣ утвердидительнаго съ моей стороны отвѣта, онъ продолжалъ: „Мнѣ кажется, что нижегородскій губернаторъ“ (его родной братъ) „въ этомъ дѣлѣ былъ неправъ“. Не понимая въ чемъ можно было признать неправымъ губернатора, который дѣйствовалъ въ смыслѣ обнародованныхъ правительствомъ началъ крестьянскаго дѣла, я тѣмъ не менѣе признавалъ неудобнымъ спорить съ Муравьевымъ объ этомъ и потому отвѣтилъ ему: Министерство внутреннихъ дѣлъ находило, что по существу предмета губернаторъ правъ; если-же онъ и не совсѣмъ правъ въ подробностяхъ, то заслуживаетъ полнаго снисхожденія по его горячей любви къ крестьянскому дѣлу. - Муравьевъ, кажется, принялъ мой отвѣтъ за намекъ на его двусмысленную дѣятельность, чего у меня и въ помышленіи не было; онъ отошелъ отъ меня, съ видимымъ озлобленіемъ, не сказавъ ни слова.

Растерявшійся А. И. Левшинъ, едва ли вполнѣ сознавая самъ, сдѣлался отголоскомъ оппозиціонной правительству партіи. Онъ мнѣ писалъ: „Дѣлу нижегородскому данъ былъ въ министерствѣ ходъ слишкомъ поспѣшный, и потому онъ привелъ къ мѣрамъ неправильнымъ. Хотѣли ударить по лошади, а попали по оглоблямъ. Подробности увидите изъ неофиціальнаго доклада, мной вчера отданнаго министру [1]). Онъ хотѣлъ поддержать Муравьева, но это такая личность, которая, подобно всѣмъ Муравьевымъ, сама себя поддерживаетъ болѣе, чѣмъ должно. Счастливымъ себя считаю, что словесными дипломатическими докладами мнѣ удалось въ государѣ уменьшить предубѣжденіе противъ членовъ нижегородскаго комитета, несправедливо обиженныхъ“.

Муравьевъ (М. Н.) не сказалъ мнѣ въ чемъ онъ считалъ своего брата неправымъ, содержанія доклада, о которомъ мнѣ писалъ Левшинъ, я не помню, но едва ли ошибусь, если скажу, что главный обвинительный пунктъ противъ А. Н. Муравьева заключался въ его произвольныхъ дѣйствіяхъ; скорѣе обвине-

---

[1]) Письмо было изъ Москвы, гдѣ былъ Государь, куда пріѣзжалъ изъ Петербурга и С. С. Ланской. Я. С.

ніе состояло въ томъ, что вмѣсто того, чтобы устроить дѣло на мѣстѣ, онъ донесъ о немъ въ Петербургъ. Вѣроятно, поддерживая предсѣдателя и меньшинство, губернаторъ не разрѣшалъ обсужденія вопроса о выкупѣ личности. Отъ этого произошелъ расколъ [1]). Консервативная партія—вѣроятно говорила, что губернаторъ долженъ былъ допустить разногласіе, и потомъ, не вмѣшиваясь въ ходъ занятій комитета, согласиться съ меньшинствомъ и протестовать противъ постановленія большинства.

Изъ этого вытекаетъ прямое обвиненіе министерства внутреннихъ дѣлъ, которое вмѣсто того, чтобы направить дѣло на законный путь, одобрило дѣйствія губернатора и испросило репрессивныя мѣры съ стѣсненіемъ свободы выраженія мнѣній [2]). Но главная причина различія взглядовъ на нижегородское дѣло представителей консервативной партіи съ министерствомъ внутрен-

---

[1]) Далѣе въ подлинникѣ зачеркнуто: „Произвольныя дѣйствія его, вѣроятно, заключались въ томъ, что онъ объявилъ комитету, что онъ не допуститъ обсужденія въ комитетѣ вопроса о выкупѣ личности, и когда предсѣдатель и меньшинство, согласные съ губернаторомъ, уклонились отъ засѣданій комитета, онъ безъ сомнѣнія требовалъ прекращенія занятій комитета до разрѣшенія возникшаго недоразумѣнія въ Петербургѣ".

[2]) Далѣе въ подлинникѣ зачеркнуто: „При нормальномъ положеніи вещей все это такъ; но это бываетъ, какъ намъ показываетъ исторія, при политическихъ переворотахъ, къ которымъ, конечно, принадлежитъ наше крестьянское дѣло. При борьбѣ партій, которыя борятся во имя двухъ противоположныхъ началъ: стараго обрекаемаго на смерть и новаго еще не созданнаго, но (находящагося уже въ зародышѣ) уже провозглашеннаго въ видѣ неполныхъ началъ, одна партія не хочетъ признавать того, что будетъ и не желаетъ, чтобы оно было, и потому опирается на старые законы; другая сторона, опираясь на начала новой жизни, не хочетъ, чтобы эти новыя начала развивались по правиламъ стараго отживающаго свой вѣкъ порядка. При такой дилеммѣ всякій юристъ станетъ въ безвыходное затрудненіе; а на практикѣ выходитъ такъ: кто сильнѣе, энергичнѣе, рѣшительнѣе и искуснѣе, тотъ и одерживаетъ верхъ. Были публицисты-радикалы, которые пытались революціонныя движенія подчинить юридической законности, а наше крестьянское дѣло и послѣдующія за нимъ реформы справедливо называютъ мирной революціей, — революціей сверху, а не снизу, — но попытки, учиненныя путемъ публицистики, такъ и остались ни кѣмъ непризнанными попытками. Теперь наше правительство весьма гуманно возбудило вопросъ о смягченіи ужасовъ войны положительными правилами; но ему возражаютъ: съ одной стороны, что надо хлопотать не о созданіи правилъ для зла, а о прекращеніи самаго зла; а съ другой, что война, при нынѣшнемъ развитіи общества, есть неизбѣжное зло, которое нельзя подчинить никакимъ законамъ, потому что она есть зло, но зло неминуемое"..... Я. С.

нихъ дѣлъ состояла въ слѣдующемъ. Изъ исторіи изложенія петербургскаго дополнительнаго отношенія и програмы было видно, что консерваторы старались вопросъ о выкупѣ личности сдѣлать открытымъ и потому они не желали, чтобы онъ подвергся формальному обсужденію въ губернскихъ комитетахъ; затѣмъ они были увѣрены, что дѣло будетъ внесено въ главный комитетъ, гдѣ они могли обдѣлать такъ, какъ признали бы для себя удобнымъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ понимало планы консерваторовъ, и потому, признавая вопросъ рѣшеннымъ окончательно, оно поторопилось рѣшительнымъ ударомъ прекратить всѣ колебанія относительно выкупа личности,—одного изъ самыхъ главныхъ вопросовъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Я выше уже говорилъ, что трудностію разрѣшенія этого вопроса хотѣли запутать и остановить дальнѣйшее движеніе дѣла.

Но если губернаторъ отступилъ отъ законнаго порядка, то, съ своей стороны, большинство дѣйствовало неправильно и съ тѣмъ отсутствіемъ политическаго такта, которымъ постоянно отличалось оппозиціонное большинство въ крестьянскомъ дѣлѣ. Во-первыхъ, оно своею нетерпимостію раздражило несогласное съ нимъ меньшинство и тѣмъ не удержало его въ составѣ комитета; во-вторыхъ, совершенно незаконно, въ формѣ революціоннаго протеста, выбрало предсѣдателя, тогда какъ, по закону, въ случаѣ отсутствія губернскаго предводителя, исполняетъ всѣ его обязанности предводитель уѣзда губернскаго города; въ-третьихъ, несмотря на протестъ представителя власти, сдѣлало постановленіе о выкупѣ личности. Взамѣнъ всего этого, если уже большинство не съумѣло или не могло удержать предсѣдателя и меньшинство въ составѣ комитета, ему слѣдовало бы, не позволяя себѣ неправильнаго выбора предсѣдателя и не касаясь вовсе спорнаго вопроса по существу, ходатайствовать о возстановленіи нарушенныхъ губернаторомъ: и общихъ правъ коллегіальнаго учрежденія, и свободы выраженія мнѣній. Словомъ, оппозиція сдѣлала ошибку; странно было бы, еслибы правительство стало хлопотать объ исправленіи этой ошибки, а не воспользовалось ею для того, чтобы направить дѣло по той дорогѣ, по которой оно желало его вести, чего не желала допустить ожесточенная противъ правительства оппозиція. Правительство то и сдѣлало; и оно было совершенно право и съ исторической, и съ нравственной стороны. Тутъ не было употреблено никакого

пріема второй французской имперіи. Губернаторъ дѣйствовалъ совершенно свободно: онъ не имѣлъ никакихъ указаній на этотъ случай и министерство узнало о немъ какъ о совершившемся фактѣ. Вообще подобные пріемы никогда не употреблялись по крестьянскому дѣлу.

Ошибка Левшина заключалась въ томъ, что онъ совершенно неправильно взглянулъ на характеръ крестьянскаго дѣла. Напрасно авторъ изданныхъ въ Берлинѣ „Матеріаловъ“ по крестьянскому дѣлу отыскиваетъ причину оппозиціоннаго направленія Левшина въ его раздраженіи противъ Ланскаго. Левшинъ дѣйствовалъ по убѣжденію, хотя и ложному. Онъ [1]) чистосердечно былъ убѣжденъ, что крестьянское дѣло могло быть рѣшено самимъ дворянствомъ, что дворянству при этомъ не слѣдовало бы дѣлать непріятностей, а обращаться къ нему съ одними только любезностями. Конечно, можно было бы вести дѣло и такъ; но изъ этого не вышло бы освобожденія крестьянъ; но онъ (былъ не безпристрастенъ), сросшійся съ помѣщичьимъ бытомъ и самъ богатый помѣщикъ, былъ небезпристрастенъ въ крестьянскомъ дѣлѣ, и потому не могъ этого понять. Когда онъ увидалъ, что министерство, къ которому онъ принадлежитъ и въ которомъ онъ думалъ быть руководителемъ начатаго преобразованія, принимаетъ энергическія и рѣшительныя мѣры и что большинство дворянства (раздражается) негодуетъ на подобный способъ дѣйствія, онъ еще болѣе убѣдился въ своемъ мнѣніи, что слѣдовало бы дѣйствовать совершенно иначе. Онъ простеръ свою любезность къ дворянству до того, что разбирая въ Нижнемъ-Новгородѣ споры между большинствомъ и меньшинствомъ губернскаго комитета, онъ высказался за трехдневную барщину; между тѣмъ, какъ былъ уже составленъ журналъ комитета о двухдневной работѣ. Услыхавъ такое мнѣніе товарища министра, комитетъ перерѣшилъ свое прежнее постановленіе, сославшись на мнѣніе, по этому предмету, товарища министра.

Но такъ дѣйствовать было невозможно; при такомъ способѣ дѣйствія нельзя было довести дѣла до безпристрастнаго разрѣшенія, а можетъ быть и до какого бы то ни было конца. Крестьянъ-

---

[1]) Послѣ этого слова въ подлинникѣ зачеркнуто: „воспитанникъ воронцовской школы, послѣдователь круглыхъ фразъ и мягкихъ формъ“... Я. С.

янское дѣло затрогивало не только матеріальные интересы дворянства, но его политическія права, его общественное положеніе какъ самаго привиллегированнаго сословія, его бытъ, его всѣ привычки, словомъ производило радикальный переворотъ во всей дворянской обстановкѣ. Странно было бы думать, чтобы большинство дворянства не только согласилось, но и само наложило на себя руки. Нельзя было думать не только объ этомъ, но даже о томъ, чтобы дворянство уступило требованіямъ правительства безъ борьбы. Надо благословлять Бога, что борьба эта была не такъ сильна, чтобы помѣшать возможно безпристрастному окончанію дѣла. Сила противной крестьянскому дѣлу партіи была бы гораздо значительнѣе и могла бы совершенно опрокинуть дѣло, если бы оно началось не при самодержавной власти (во время полнаго его значенія). Она одна только могла миролюбиво справиться съ владѣльцами крѣпостныхъ людей; противоположный примѣръ мы видѣли недавно въ Америкѣ, гдѣ уничтоженіе рабства повело за собой междуусобную войну. Самодержавному правительству нужно было имѣть только нравственную опору. Оно имѣло эту опору: и въ общественномъ мнѣніи Европы, и въ собственныхъ своихъ интелигентныхъ сферахъ и, что главное, въ меньшинствѣ самаго дворянства, которое правительство обязано было поддерживать всѣми зависящими отъ него способами противъ большинства, которое преслѣдовало своихъ членовъ, сочувствующихъ крестьянскому дѣлу, какъ людей, измѣнившихъ интересамъ своего сословія.

Словомъ, съ выходомъ перваго рескрипта, началась положительная борьба стараго порядка съ провозглашенными новыми началами. Явились двѣ стороны: консерваторовъ и прогресистовъ. Правительство не могло не быть на сторонѣ послѣднихъ, такъ какъ оно само было причиной возникшей борьбы. Слѣдовательно оно волей неволей должно было считать консервативное большинство дворянства непріятельскимъ лагеремъ. Поэтому миролюбивыя уступки должны были уступить мѣсто мѣрамъ энергическимъ и рѣшительнымъ. Всякая уступка была бы признана за слабость; а если она при томъ касалась существа дѣла, то нанесла бы вредъ самому дѣлу. За малыми уступками потребовались бы большія; если бы онѣ были дѣлаемы, то можно бы испортить и даже остановить все дѣло; если же послѣ малыхъ уступокъ по-

слѣдовалъ бы отказъ въ бо́льшихъ, то раздраженіе было бы гораздо сильнѣе и дѣйствительнѣе. Сильнѣе потому, что начали бы упрекать правительство въ измѣненіи направленія; дѣйствительнѣе потому, что правительство, дѣлая уступки, потеряло бы свою обаятельную силу.

Вотъ въ чемъ состояла программа дѣйствій министерства внутреннихъ дѣлъ; напрасно его обвиняютъ въ какомъ-то систематическомъ преслѣдованіи дворянства, въ желаніи его разорить, въ злорадствѣ ко всякимъ бѣдствіямъ помѣщиковъ и т. п. Что касается до меня лично, то я дѣйствовалъ всегда по глубокому убѣжденію, что освобожденіе крестьянъ необходимо, чтобы поднять нравственный и умственный уровень высшаго сословія, которое осуждалось на застой крѣпостнымъ состояніемъ. Крѣпостное состояніе связывало дворянъ по рукамъ и по ногамъ, и тѣмъ лишало его возможности идти безпрепятственно къ дальнѣйшему своему развитію. Я былъ глубоко убѣжденъ, что дальнѣйшее существованіе крѣпостнаго права повело бы за собой разложеніе всего государственнаго и общественнаго нашего строя. Машина была слишкомъ стара и испорчена; сознаніе въ ея непригодности было общее; средствъ и матеріаловъ къ ея исправленію не было. Тѣ, которые употреблялись при Екатеринѣ, Александрѣ I и Николаѣ, уже не годились, а новыхъ, кромѣ освобожденія крестьянъ, нельзя было придумать. Этимъ объясняется неуспѣхъ крѣпостной оппозиціи. Я очень благодаренъ нѣкоторымъ личностямъ изъ противуположнаго лагеря, которыя, не раздѣляя исповѣдуемыхъ мной началъ, видѣли во мнѣ человѣка, дѣйствующаго по чистосердечному убѣжденію и чуждаго преслѣдованію личныхъ своихъ интересовъ; другіе же, болѣе ожесточенные, (считали меня за) заблуждающагося фанатика.

Но какъ бы то ни было, министерство въ нижегородскомъ дѣлѣ дѣйствовало согласно своей программѣ. Воспользовавшись ошибкой противной крестьянскому дѣлу стороны, оно хотѣло показать крѣпостному большинству, что правительство его не боится, что оно не допуститъ коренныхъ отступленій отъ обнародованныхъ началъ, хотя бы эти отступленія поддерживались большинствомъ, и что оно не намѣрено дѣлать уступокъ оппозиціонному большинству, а будетъ опираться на свою власть и на сочувствующее видамъ правительства меньшинство помѣщиковъ. Все это

было достигнуто: большинство получило выговоръ; представитель его (Пятовъ) былъ исключенъ изъ членовъ комитета; правда, онъ былъ возвращенъ, но не по праву, а по всемилостивѣйшему прощенію, нарушенное начало было возстановлено. Въ этомъ заключалась польза дѣла въ дисциплинарномъ отношеніи; члены комитета должны были убѣдиться, что, несмотря на подстрекательство ихъ людьми высокопоставленными и на обѣщаемую поддержку, они за нарушенія (законовъ) отвѣчаютъ и передъ закономъ и предъ властію. Съ другой стороны послѣдствія всеподданнѣйшаго доклада по нижегородскому дѣлу убѣдили какъ самое министерство внутреннихъ дѣлъ, такъ и вообще людей, сочувствующихъ крестьянскому дѣлу; что надежда крѣпостниковъ на обратный поворотъ дѣла существовала въ ихъ собственномъ воображеніи; но что государь остается твердымъ въ принятомъ имъ намѣреніи, что̀ онъ, вслѣдъ за симъ, во время своего путешествія по губерніямъ, доказалъ еще съ большей ясностію.

Все это ободрило и оживило упадающій духъ защитниковъ освобожденія.

Но, кромѣ этой, такъ сказать формальной стороны, нижегородское дѣло принесло громадную пользу по существу предмета. Вопросъ о выкупѣ личности былъ спорнымъ пунктомъ: защитники освобожденія были убѣждены, что онъ былъ рѣшенъ отрицательно при изданіи перваго рескрипта; противники желали думать, что подобнаго рѣшенія не было. Поэтому представители реакціоннаго направленія, при изданіи послѣдующихъ рескриптовъ и при составленіи программы, старались включить, какъ необходимое условіе освобожденія, выкупъ личности. Чрезъ это, смотря по ходу дѣла, они надѣялись достигнуть одного изъ двухъ: или затормозить дѣло, отложивъ окончательное разрѣшеніе его на неопредѣленное время, или включить въ условіе освобожденія выкупъ личности, сдѣлать невозможнымъ, по финансовымъ разсчетамъ, не только выкупъ всѣхъ угодій, но даже и усадебной осѣдлости. Во второмъ случаѣ послѣдствія подобнаго освобожденія крестьянъ могли бы быть слѣдующія: помѣщики, получивши деньги за личный выкупъ крестьянъ, были бы освобождены отъ всѣхъ обязанностей, которыя возложены были на нихъ крѣпостнымъ правомъ, а на дѣлѣ сохранили бы всѣ существенныя права, которыми они пользовались при крѣпостномъ состояніи. Взамѣнъ этого, крестьяне,

будучи лично свободны, поставлены были бы въ худшее положеніе, чѣмъ прежде. Словомъ, совершилось бы остзейское освобожденіе, съ денежнымъ вознагражденіемъ владѣльцевъ, котораго не получили нѣмецкіе помѣщики. Нижегородское высочайшее повелѣніе разрушило всѣ иллюзіи о безземельномъ освобожденіи, съ денежнымъ вознагражденіемъ, и окончательно уничтожило искусно придуманный планъ къ достиженію этой цѣли, который проводился съ послѣдовательностію и постоянствомъ [1]).

Объяснено было, съ утвержденія главнаго комитета и государя, что такое рѣшеніе, устанавливавшее личный выкупъ, не можетъ быть допущено, какъ отвергнутое въ другихъ комитетахъ.

Если были фанатики въ реакціонной партіи, въ родѣ Пятова и многихъ другихъ, то явились такія же личности и между людьми прогресивнаго направленія. Я хочу разсказать объ одномъ случаѣ, бывшемъ также лѣтомъ 1858 г., до отъѣзда государя изъ Петербурга. Этотъ случай я привожу не потому, что онъ имѣетъ какую либо важность, а какъ доказательство, что государь и не думалъ отступать отъ началъ предпринятаго имъ преобразованія и отдавать дѣло въ руки реакціонной партіи.

Въ государственной канцеляріи служилъ и занимался кресть-

---

[1]) Далѣе въ подлинникѣ зачеркнуто: „Окончательное рѣшеніе вопроса о личномъ выкупѣ дало министерству возможность сообщить во всѣ губерніи, гдѣ возникалъ этотъ вопросъ впослѣдствіи, высочайшее повелѣніе, состоявшееся по нижегородской губерніи.

„Это обыкновенно дѣлалось въ формѣ предписанія, отъ министра къ губернатору, въ которомъ говорилось: „Изъ представленной вашимъ превосходительствомъ отчетной вѣдомости о занятіяхъ комитета по устройству дѣла крестьянъ оказывается, что комитетъ опредѣлилъ войти въ разсмотрѣніе вопроса о личномъ выкупѣ. Посему считаю долгомъ просить васъ обратить вниманіе комитета, что нѣкоторые члены одного губернскаго комитета подали особое мнѣніе о выкупѣ личности крѣпостныхъ людей; но его императорское величество соизволилъ повелѣть: „это мнѣніе отвергнуть. ибо въ немъ выразилось явное побужденіе къ превратному толкованію высочайше одобренныхъ началъ устройства быта крестьянъ".

„Подобныя разъясненія даны были начальникамъ нѣкоторыхъ губерній, какихъ именно—у меня не сохранилось свѣдѣній,—извѣстно только, что всѣ предложенія послѣдовали въ ноябрѣ и декабрѣ 1858 г. Въ это же время обнаружилась въ одномъ изъ комитетовъ,—также не помню въ какомъ,— попытка большинства членовъ „къ выкупу усадебной осѣдлости присоединить выкупъ крѣпостнаго права". Я. С.

янскимъ дѣломъ по главному комитету одинъ молодой человѣкъ Серно-Соловьевичъ,—человѣкъ не безъ способностей, но не установившійся энтузіастъ. Онъ пришелъ въ негодованіе отъ всѣхъ искаженій дѣла, которыя дѣлались Муравьевымъ и компаніей. Онъ составилъ записку, въ которой высказывалъ мысль, что члены главнаго комитета весьма мало сочувствуютъ крестьянскому дѣлу. Съ этой запиской онъ отправился въ Царское Село, гдѣ жилъ тогда государь, и дождавшись выхода его изъ дворца, лично подалъ ему свою записку. Государь написалъ на ней одобрительный отзывъ и поручилъ князю Орлову благодарить составителя. Князь Орловъ призвалъ къ себѣ Серно-Соловьевича и, объявляя ему высочайшее повелѣніе, обнялъ его; но тѣмъ не менѣе онъ не могъ уже служить въ государственной канцеляріи. Ланской взялъ его къ себѣ и помѣстилъ у меня въ земскомъ отдѣлѣ. Изъ земскаго отдѣла онъ былъ командированъ въ Калугу, гдѣ былъ секретаремъ комитета по устройству быта крестьянъ. По возвращеніи изъ Калуги онъ недолго оставался на службѣ. Выходя въ отставку, онъ объявилъ мнѣ, что не можетъ продолжать службу, видя повсюду реакціонное направленіе. Потомъ онъ, кажется, былъ замѣшанъ въ какомъ-то политическомъ дѣлѣ, эмигрировалъ и умеръ за границей. Сколько силъ у насъ разстрачивается отъ недостатка выдержки и отъ чрезмѣрнаго развитія самолюбія и самонадѣянности!

Нижегородское дѣло было видимой гранью, съ которой пассивное положеніе министерства внутреннихъ дѣлъ обращается въ активное, оборонительное его положеніе въ наступательное. Рядъ мѣръ, распоряженій и законодательныхъ работъ, которыя большей частію послѣдовали по почину министерства внутреннихъ дѣлъ и утверждены согласно его предположеніямъ, составятъ предметъ послѣдующаго изложенія, а теперь я перейду къ путешествію государя по губерніямъ.

VI.

Путешествіе Государя по губерніямъ и рѣчи его къ дворянамъ.—Вологда.— Тверь.—Ярославль —Кострома —Нижній Новгородъ.—Владиміръ.—Москва.— Смоленскъ.—Минскъ.—Вильна.—Ковна.—Послѣдствія путешествія Государя. Милостивое расположеніе Государя къ С. С. Ланскому.

Два высочайшія повелѣнія, одно по Нижегородской губерніи о невыкупѣ личности и другое по Владимірской о дѣлѣ Кошанскаго, могли быть приписаны докладамъ министра внутреннихъ дѣлъ. Слѣдовательно реакціонная партія могла надѣяться, что съ устраненіемъ Ланскаго, чего она такъ усердно добивалась, измѣнится и направленіе дѣла. Но, послѣ путешествія государя, она должна была убѣдиться, что если Ланской остается на мѣстѣ, то единственно потому, что онъ сочувствовалъ намѣреніямъ государя и помогалъ, а не противодѣйствовалъ ему.

Государь въ началѣ лѣта сдѣлалъ кратковременную поѣздку въ Вологду; а потомъ осенью онъ посѣтилъ 10 губерній, не считая тѣхъ, по которымъ онъ или только проѣзжалъ, но не останавливался, или хотя и останавливался, но которыхъ крестьянское дѣло не касалось, т. е. губерній Царства Польскаго.

Въ это второе свое путешествіе онъ выѣхалъ изъ Петербурга 10-го августа и возвратился въ Царское Село 20-го сентября 1858 г.

Въ путешествіи по губерніямъ: Тверской, Московской, Костромской, Ярославской, Нижегородской и Владимірской ему сопутствовала императрица. Изъ Москвы государь проѣхалъ чрезъ Смоленскъ, Минскъ, Вильну и Ковну въ Варшаву, откуда возвратился прямо въ Царское Село.

Хотя государь вездѣ смотрѣлъ войска, но видимо главная цѣль его путешествія было крестьянское дѣло. Вѣроятно онъ желалъ на мѣстѣ убѣдиться въ степени тѣхъ трудностей, которыя приближенные къ нему люди представляли непреодолимыми, а Муравьевъ и Бутковъ, въ то же лѣто ѣздившіе по Россіи, распространяли слухи, что крестьянское дѣло не можетъ скоро рѣшиться, и тѣмъ подстрекали губернскіе комитеты къ недѣятельности. Государь не могъ не видѣть противодѣйствія со стороны лицъ, его окружающихъ; Муравьеву и Буткову онъ сдѣлалъ личное внушеніе. При такомъ положеніи дѣла весьма естественно,

что онъ лично хотѣлъ передать дворянству свой взглядъ на дѣло, обнадежить помѣщиковъ, что онъ значительныхъ жертвъ отъ нихъ не требуетъ и одинъ разъ навсегда вселить въ нихъ убѣжденіе, что скорое окончаніе крестьянскаго дѣла рѣшено имъ безвозвратно. Путешествіе императрицы во время поѣздки по кореннымъ русскимъ губерніямъ, съ посѣщеніемъ не только московскихъ святынь, но Троицко-Сергіевской лавры, Ростова, Ипатьевскаго монастыря—царственной колыбели дома Романовыхъ—и нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ, чтимыхъ въ народѣ, придавали этому путешествію видъ богомолья и напоминали походы по монастырямъ прежнихъ царей. Вѣроятно императрица желала, чтобы государь вмѣстѣ съ ней побывалъ у Троицы для того, чтобы испросить въ началѣ столь важнаго и труднаго дѣла благословеніе Божія у гроба преподобнаго Сергія, къ помощи котораго такъ часто прибѣгали первые цари изъ дома Романовыхъ.

Всѣ слова, съ которыми государь обращался къ дворянамъ, были проникнуты милостивыми выраженіями довѣрія къ дворянству и желанія показать, что онъ не одинъ, а вмѣстѣ съ ними, освобождаетъ крестьянъ. Но въ то же время онъ съ твердостію указывалъ, что не отступитъ отъ принятыхъ имъ началъ устройства крестьянскаго быта.

Въ Вологду государь пріѣхалъ 15-го іюня. Онъ сначала сказалъ одному губернскому предводителю (Бочрикову?):

— „Вологодское дворянство всегда отличалось своей преданностію къ престолу, а потому я вполнѣ увѣренъ, что и въ настоящее время, въ общемъ дѣлѣ, оно по мѣрѣ силъ будетъ споспѣшествовать исполненію моихъ предначертаній“.

Затѣмъ, при общемъ представленіи, Государь обратился къ дворянамъ съ тѣми же словами, какія онъ сказалъ губернскому предводителю, прибавивъ къ нимъ:

— „Господа, я надѣюсь, что вы совершенно сочувствуете моимъ желаніямъ и будете способствовать общей пользѣ по крестьянскому дѣлу и затѣмъ улучшите бытъ крестьянъ вашихъ, нераздѣльно съ общей выгодой“.

На другой день (11-го августа) пріѣзда Государя въ Тверь, когда представлялись ему дворяне, онъ сказалъ имъ:

— „Господа. Я очень счастливъ, что имѣю случай выразить мою благодарность тверскому дворянству, которое уже неоднократно

доказало мнѣ свою преданность и готовность, вмѣстѣ съ другими губерніями, всегда содѣйствовать общему благу. Вы это доказали во время послѣдней войны, при составленіи ополченія, и мнѣ памятны жертвы дворянъ. Теперь я вамъ поручилъ дѣло, важное для меня и для васъ,—дѣло крестьянъ. Надѣюсь, что вы оправдаете мое довѣріе. Лицамъ, изъ среды вашей избраннымъ, поручено заняться этимъ важнымъ дѣломъ; обсудите его, обдумайте зрѣло, изыщите средства, какъ лучше устроить новое положеніе для крестьянъ, устройте, примѣняясь къ мѣстности, такъ чтобы было безобидно для нихъ и для васъ, на тѣхъ главныхъ основаніяхъ, которыя указаны въ моихъ рескриптахъ. Вы знаете, какъ ваше благосостояніе мнѣ близко къ сердцу; надѣюсь, что вамъ также дороги интересы вашихъ крестьянъ, поэтому я увѣренъ, что вы будете стараться устроить такъ, чтобы было безобидно для васъ и для нихъ. Я увѣренъ, что могу быть покоенъ: вы меня поддержите и въ настоящемъ дѣлѣ. Когда ваши занятія кончатся, тогда положенія комитета поступятъ чрезъ министерство на мое утвержденіе. Я уже приказалъ сдѣлать распоряженіе, чтобы изъ вашихъ же членовъ было избрано двое депутатовъ для присутствія и общаго обсужденія въ Петербургѣ, при разсмотрѣніи положеній всѣхъ губерній, въ главномъ комитетѣ. Въ дѣйствіяхъ намъ разойтись нельзя;—наша цѣль одна—общая польза Россіи. Я оставляю васъ въ полной увѣренности, что вы оправдаете мои ожиданія и мое къ вамъ довѣріе,—убѣжденъ, что вы мнѣ будете содѣйствовать, но не препятствовать".

По дорогѣ изъ Твери въ Ярославль государь, вмѣстѣ съ императрицею, проѣхалъ мимо Москвы на Сергіевскій посадъ, куда императрица прибыла прежде государя за полсутки и тамъ ночевала.

Въ Ростовѣ они обѣдали, а вечеромъ 13-го августа пріѣхали въ Ярославль, гдѣ также представлялись государю дворяне и гдѣ онъ также произнесъ рѣчь къ дворянамъ; но слова его, кажется, не были записаны, по крайней мѣрѣ списка ихъ у меня не оказалось.

Августа 15-го государь и императрица прибыли въ Кострому. Ипатіевскій монастырь съ святыней чудотворной иконы Ѳедоровской Божей матери,—сопутствуемые которой московскіе послы

упросили юнаго Михаила Θеодоровича принять московской престолъ,—должно быть произвели на Государя сильное впечатлѣніе. Рѣчь его къ Костромскимъ дворянамъ, хотя была короче, но задушевнѣе Тверской. Въ Тверской онъ сказалъ, что благосостояніе дворянъ близко его сердцу, а здѣсь весь крестьянскій вопросъ онъ назвалъ „близкимъ его сердцу“. Государь, обращаясь къ костромскимъ дворянамъ, произнесъ:

— „Господа. Костромская губернія, по историческимъ воспоминаніямъ, близка семьѣ моей и мы считаемъ ее родной; поэтому-то мнѣ особенно пріятно находиться среди васъ, послѣ прошествія 20 лѣтъ. Вчерашній пріемъ тронулъ меня. Благодарю васъ за готовность, съ какою вы встрѣтили желаніе мое улучшить бытъ крестьянъ. Этотъ близкій сердцу моему вопросъ слишкомъ важенъ для будущности Россіи. Надѣюсь, что вы въ этомъ, такъ сказать, жизненномъ вопросѣ оправдаете вполнѣ мои ожиданія, примѣненіемъ главныхъ началъ, выраженныхъ въ моихъ рескриптахъ, къ мѣстнымъ условіямъ; покончите его, при помощи Божіей, безъ обиды какъ для себя, такъ и для крестьянъ. Для объясненій вашихъ выводовъ, я позволяю вамъ избрать изъ среды себя двухъ депутатовъ, которые должны будутъ, по окончаніи работъ комитета здѣсь на мѣстѣ, прибыть въ Петербургъ, для окончательнаго пересмотра предположеній вашихъ. Надѣюсь, что вы оправдаете мое къ вамъ довѣріе. Еще благодарю васъ, господа, за оказанное вами усердіе въ прошедшую войну, за службу вашу и за ваши пожертвованія“.

Я помню, что костромская рѣчь произвела особенно пріятное впечатлѣніе на насъ, защитниковъ освобожденія крестьянъ съ землей.

Въ Нижній-Новгородъ и государь, и императрица пріѣхали 18-го августа и пробыли здѣсь четыре дня. Это было время нижегородской ярмарки. Прошло только три недѣли со времени воспослѣдованія высочайшаго повелѣнія объ уничтоженіи постановленія о выкупѣ личности неправильно образовавшагося нижегородскаго комитета и объ открытіи его вновь, въ законномъ составѣ, съ удаленіемъ вовсе изъ комитета Пятова. Этотъ случай, какъ я сказалъ, произвелъ страшное волненіе какъ во всей реакціонной партіи, такъ и въ ея предводителяхъ, изъ которыхъ нѣкоторые были вмѣстѣ съ государемъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Тамъ же

былъ товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ А. И. Левшинъ, который писалъ мнѣ въ томъ же письмѣ, мѣста изъ котораго я приводилъ уже выше, что онъ, „считаетъ себя счастливымъ, что словесными дипломатическими докладами ему удалось въ государѣ уменьшить предубѣжденіе противъ членовъ нижегородскаго комитета, несправедливо обиженныхъ". По странно складывающимся у насъ обстоятельствамъ, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, которому поручено было крестьянское дѣло, является орудіемъ и отголоскомъ враждующей этому дѣлу партіи.

Дипломатическіе ли доклады Левшина или собственныя соображенія самаго Государя, но какъ бы то ни было, онъ въ своей рѣчи къ нижегородскимъ дворянамъ весьма слабо коснулся пререканій, бывшихъ въ нижегородскомъ комитетѣ, и вовсе не упомянулъ о неправильномъ постановленіи о выкупѣ личности, сказавъ только, чтобы они не отступали отъ началъ, изложенныхъ въ рескриптѣ. Но крѣпостная партія желала достигнуть не того. Она желала: получить разрѣшеніе о выкупѣ личности, хотѣла возвращенія Пятова и смѣны губернатора Муравьева. Она достигла только одного, возвращенія въ комитетъ Пятова. Слова Государя въ Нижнемъ-Новгородѣ состояли въ слѣдующемъ:

— „Господа. Я радъ, что могу лично благодарить васъ за усердіе, которымъ нижегородское дворянство всегда отличалось. Гдѣ отечество призывало, тамъ оно было изъ первыхъ. И въ минувшую тяжкую войну, вы откликнулись первыми и поступали добросовѣстно; ополченіе ваше было изъ лучшихъ. И нынѣ благодарю васъ за то, что вы первые отозвались на мой призывъ въ важномъ дѣлѣ улучшенія крестьянскаго быта [1]). Поэтому самому я хотѣлъ васъ отличить и принялъ депутатовъ вашихъ генерала: Шереметева и Потемкина. Я поручилъ имъ благодарить васъ и передать вамъ мои виды и желанія; не сомнѣваюсь, что они это исполнили. Вы знаете цѣль мою,—общее благо; ваше дѣло согласить въ этомъ важномъ дѣлѣ частныя выгоды свои съ общей пользой. Но я слышу съ сожалѣніемъ, что между вами возникли личности, а личности всякое дѣло портятъ; это жаль, устраните ихъ; я

[1]) Нижегородскій рескриптъ былъ третій, (первый—Виленскій, второй—Петербургскій); Государь вѣроятно хотѣлъ сказать: первые изъ внутреннихъ губерній. Я. С.

надѣюсь на васъ, надѣюсь, что ихъ болѣе не будетъ и тогда общее дѣло это пойдетъ. Я знаю, что вы трудились усердно, что уже многое вами сдѣлано; идите впередъ. Сегодня оканчивается срокъ вашихъ занятій, но знаю, что трудъ вашъ еще не готовъ. Я согласенъ продлить этотъ срокъ до 1-го октября; но къ октябрю вы окончите, въ этомъ я не сомнѣваюсь, не такъ ли господа? Я полагаюсь на васъ, я вѣрю вамъ, вы меня не обманете.... Путь указанъ, не отступайте отъ началъ, изложенныхъ въ моемъ рескриптѣ и въ данной вамъ программѣ. Трудъ вашъ будетъ разсмотрѣнъ въ главномъ комитетѣ, но я дозволилъ вамъ представить его чрезъ двухъ избранныхъ вами членовъ, которымъ вы поручите объяснить выводы свои въ той мѣрѣ, какъ это будетъ согласоваться съ общимъ благомъ. Господа, дѣлайте такъ, чтобъ было бы вамъ хорошо и другимъ не худо; думайте о себѣ, думайте и о другихъ. Я вамъ вѣрю и надѣюсь, что вы оправдаете мое къ вамъ довѣріе. Исполнивъ и окончивъ трудъ этотъ добросовѣстно, вы мнѣ еще разъ докажете вашу любовь и преданность, и то безкорыстное стремленіе свое къ общему благу, которымъ нижегородцы всегда отличались. Считаю себя счастливымъ, что послѣ 21 года послѣдняго моего здѣсь пребыванія, опять нахожусь нынѣ посреди васъ“.

Надо думать, что Государь въ своей рѣчи смягчилъ непріятныя воспоминанія о послѣднемъ времени въ виду той заслуги, которую оказало нижегородское дворянство въ самомъ началѣ крестьянскаго дѣла. Оно первое, безъ всякихъ настояній свыше, отозвалось на призывъ государя къ освобожденію крестьянъ. Заслуга его въ этомъ случаѣ несомнѣнная.

Государь, по докладу Ланскаго, разрѣшилъ напечатать произнесенныя имъ рѣчи въ Твери, Костромѣ и Нижнемъ-Новгородѣ. Слова эти прочитала вся Россія. Вліяніе ихъ было громадное. Государь во всеуслышаніе всей Россіи говорилъ, что крестьянское дѣло близко его сердцу, что онъ убѣжденъ, что дворяне будутъ ему содѣйствовать въ этомъ дѣлѣ, а не препятствовать; что онъ увѣренъ, что они его не обманутъ и что не будутъ отступать отъ началъ, изложенныхъ въ рескриптахъ.

Въ предводителяхъ реакціонной партіи слова государя должны были сильно поколебать вѣру въ свою силу, въ которую они

такъ крѣпко вѣрили во время работъ по составленію программы и началъ уѣзднаго управленія.

Такимъ образомъ все, что прежде приписывалось докладамъ министра внутреннихъ дѣлъ, вся Россія слышала изъ устъ самаго Государя. Вся Россія узнала, что не вслѣдствіе министерскаго доклада послѣдовали высочайшія повелѣнія объ освобожденіи крестьянъ, а вслѣдствіе предварительныхъ высочайшихъ повелѣній составлялись доклады министра. Предводители крѣпостной партіи должны были окончательно отказаться отъ мысли остановить дѣло; у нихъ хотя и оставалась надежда испортить дѣло, но не въ той уже степени, какъ прежде.

На мысль крѣпостниковъ слова Государя имѣли отрезвляющее дѣйствіе. Они убѣдились, что освобожденіе крестьянъ рѣшено уже окончательно; слѣдовательно, открытое упорное противодѣйствіе невозможно. Изъ этихъ массъ начали выдѣляться люди, хотя въ душѣ не сочувствующіе дѣлу, но честолюбивые, также какъ люди, хотя сочувствующіе, но робкіе. Слова Государя и тѣмъ и другимъ указали дорогу, по которой они должны идти.

Не менѣе важно значеніе государевыхъ рѣчей для защитниковъ освобожденія крестьянъ съ землей, которыхъ крѣпостники всѣми силами старались выставить людьми опасными и причислять къ несуществующему сонму революціонеровъ, съ тѣмъ, чтобы, при малѣйшей съ ихъ стороны неосторожности, устранить отъ дѣла, а если представится возможность, то сослать или засадить въ крѣпость.

Слова Государя подняли упадающій духъ людей истинно либеральныхъ въ крестьянскомъ дѣлѣ. Люди либеральные, но робкіе, и люди, хотя и не либеральные, но честолюбивые, о которыхъ я сейчасъ упомянулъ, примкнули къ защитникамъ освобожденія и тѣмъ увеличили ряды эманципаторовъ. Съ этого времени можно считать начало образованія той партіи, которая помогла Государю совершить предпринятое имъ преобразованіе.

Изъ Нижняго-Новгорода Государь прибылъ во Владиміръ. Здѣсь было дѣло Кошанскаго, по которому только лишь состоялось высочайшее повелѣніе, такъ непріятно подѣйствовавшее на крѣпостную партію. Государь вспомнилъ это дѣло въ своей рѣчи

къ владимірскимъ дворянамъ, прибавивъ при этомъ: „надѣюсь, что вы оправдаете мое довѣріе, что слова мои не останутся втунѣ". Слова эти не понравились большинству дворянъ, ни лицамъ, окружающимъ Государя, что способствовало той поднявшейся бурѣ, о которой я разсказалъ выше.

Изъ Владиміра государь и императрица прибыли въ Москву 25-го августа и оставались тамъ до 31-го включительно, слѣдовательно въ Москвѣ праздновались и день коронаціи, и 30-е августа.

На Москву, какъ не разъ упоминалось мной, было обращено вниманіе всей Россіи; отъ нея ожидали обороны дворянскихъ правъ и матеріальныхъ интересовъ. На ея силу надѣялись.

Въ члены тамошняго комитета наше крупное землевладѣніе, защищавшее освобожденіе крестьянъ,—по примѣру Англіи, – безъ земли, выслало такихъ своихъ представителей, каковы были князь А. С. Меншиковъ и графъ С. Г. Строгоновъ. Оба они не могли равнодушно говорить ни объ освобожденіи крестьянъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно предполагалось, ни о лицахъ, участвовавшихъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Этимъ ревностнымъ защитникамъ англійскихъ началъ тогда и въ голову еще не приходило, чтобы дѣло могло разрѣшиться предоставленіемъ крестьянамъ земли въ собственность. Странная судьба нашихъ защитниковъ иностранныхъ порядковъ! Наши аристократы приходили въ негодованіе за то, что Государь не послушался ихъ и не освободилъ крестьянъ на основаніи англійскихъ началъ, а нашъ Государь, во время пребыванія его въ минувшемъ (1874) году въ Лондонѣ, былъ предметомъ самыхъ торжественныхъ и самыхъ популярныхъ овацій именно за то, что онъ освободилъ крестьянъ съ землей.

Московскій комитетъ открывалъ походъ противъ усадебной осѣдлости и въ одномъ изъ своихъ журналовъ постановилъ считать подъ „усадебной осѣдлостію" однѣ только крестьянскія строенія. Государь принялъ московское дворянство въ послѣдній день пребыванія своего въ Москвѣ. При этомъ пріемѣ онъ сказалъ довольно длинную, глубоко прочувствованную и энергическую рѣчь слѣдующаго содержанія:

— „Мнѣ, господа, пріятно, когда я имѣю возможность благодарить дворянство, но противъ совѣсти говорить не въ моемъ ха-

рактерѣ. Я всегда говорю правду и, къ сожалѣнію, благодарить васъ теперь не могу. Вы помните, когда я, два года тому назадъ, въ этой самой комнатѣ говорилъ вамъ о томъ, что рано или поздно надобно приступить къ измѣненію крѣпостнаго права и что надобно, чтобы оно началось лучше сверху, нежели снизу. Мои слова были перетолкованы. Послѣ того, я объ этомъ долго думалъ, и, помолясь Богу, рѣшился приступить къ дѣлу. Когда вслѣдствіе вызова петербургской и литовскихъ губерній, даны мной рескрипты, я, признаюсь, ожидалъ, что московское дворянство первое отзовется, но отозвалось нижегородское, а Московская гунернія—не первая, не вторая, даже и не третья. Это мнѣ было прискорбно, потому что я горжусь тѣмъ, что родился въ Москвѣ, всегда ее любилъ, когда былъ наслѣдникомъ, люблю ее теперь, какъ родную. Я далъ вамъ начала и отъ нихъ никакъ не отступлю (здѣсь государь повторилъ главныя основанія, изложенныя въ рескриптахъ). Я люблю дворянство, считаю его первой опорой престола. Я желаю общаго блага, но не желаю, чтобы оно было бы въ ущербъ вамъ; всегда готовъ стоять за васъ, но вы, для своей же пользы, должны стараться, чтобы вышло благо для крестьянъ. Помните, что на Московскую губернію смотритъ вся Россія. Я готовъ всегда сдѣлать для васъ все, что могу, дайте же мнѣ возможность стоять за васъ. Понимаете ли, господа? Я слышалъ, что комитетъ много уже сдѣлалъ, я читалъ извлеченія изъ его занятій, многое мнѣ кажется хорошо, одно я замѣтилъ, что написано объ усадьбахъ. Я подъ усадебной осѣдлостію понимаю не однѣ строенія, но и всю землю. Еще разъ повторяю, господа, дѣлайте такъ, чтобъ я могъ за васъ стоять. Этимъ вы оправдаете мою къ вамъ довѣренность“.

Рѣчь эта, какъ и слѣдовало ожидать, произвела на московскихъ дворянъ сильное впечатлѣніе. Едва ли не сейчасъ, послѣ этой рѣчи, князь А. С. Меншиковъ и графъ С. Г. Строгоновъ оставили московскій комитетъ, по крайней мѣрѣ, въ спискѣ членовъ всѣхъ губернскихъ комитетовъ, приложенномъ къ „Сборнику правительственныхъ распоряженій по крестьянскому дѣлу“, внесены по Серпуховскому и Клинскому уѣздамъ другія лица съ отмѣткой: „на мѣсто генералъ-адъютантовъ графа Строгонова и князя Менши-

кова". Нѣтъ никакого сомнѣнія, что слова Государя произвели немалое впечатлѣніе и на московскаго генералъ-губернатора графа Закревскаго, который, какъ носились слухи, совѣтовалъ московскому дворянству не торопиться представленіемъ адреса. Рѣчь эта была записана безъ всякаго измѣненія, сейчасъ послѣ ея произнесенія, но она долго, мѣсяцъ или два, не доходила до Петербурга. Вѣроятно графъ Закревскій не желалъ ея гласности [1]); но замѣчательно, что министръ внутреннихъ дѣлъ, не получая текста словъ государя ни отъ генералъ-губернатора, ни отъ губернатора, получилъ ея отъ одного изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ той партіи, противъ которой были направлены слова государя—отъ князя А. С. Меншикова. С. С. Ланской, смѣясь, разсказывалъ мнѣ это странное стеченіе обстоятельствъ.

Сейчасъ по полученіи, Ланской переписалъ московскую рѣчь Государя своей рукой на листѣ почтовой бумаги и не дождавшись личнаго доклада (государь жилъ въ это время въ Гатчинѣ), отправилъ къ нему, испрашивая разрѣшенія о напечатаніи въ газетахъ. Государь, сдѣлавъ двѣ или три незначительныя поправки, возвратилъ свою рѣчь министру съ разрѣшеніемъ о напечатаніи. Утвержденный Государемъ списокъ его рѣчи немедленно былъ присланъ ко мнѣ для исполненія послѣдовавшаго разрѣшенія о напечатаніи. Въ этомъ спискѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ Государь говорилъ что̀ онъ разумѣетъ подъ усадебной осѣдлостію, было написано: „не однѣ строенія, но и всю землю", тогда какъ о выкупѣ всей земли не позволялось даже разсуждать. Прочитавъ это, я изумился, но понялъ, что Государь хотѣлъ сказать: и всю „усадебную землю". Я сію же минуту отправился къ Ланскому изъ города на дачу; объяснилъ ему въ чемъ дѣло, и онъ тутъ же своей рукой сверху строки прибавилъ прилагательное, пропущенное Государемъ.

Изъ этого образчика моей дѣятельности можно видѣть: какъ справедливы столь усердно распространяемыя изъ противнаго лагеря подозрѣнія противъ меня, что будто бы я имѣю затаенную демократическую злобу къ помѣщикамъ и къ дворянству вообще.

---

[1]) И. В. Селивановъ въ своихъ Запискахъ напечаталъ эту рѣчь въ „Русской Старинѣ" изд. 1881 г. томъ XXX (августъ) стр. 545.

Съ формальной стороны, я былъ бы совершенно правъ: въ моихъ рукахъ былъ текстъ рѣчи, переписанный рукой министра, собственноручно исправленный Государемъ и разрѣшенный имъ къ напечатанію. Можно себѣ представить: какой бы поднялся шумъ, если бы слова Государя показались бы въ томъ видѣ, въ какомъ я ихъ получилъ. Онѣ могли бы дойти и до крестьянъ и могли бы имѣть весьма неблагопріятныя послѣдствія. Слова эти какъ будто были пророческими о томъ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса, которое въ настоящее время (въ 1875 г.) почти осуществилось; нынѣ болѣе трехъ четвертей крестьянскаго населенія сдѣлалось собственниками той земли, на которой они жили и которую они воздѣлывали.

Если прежде напечатанныя и прежде прочитанныя всей Россіей слова, сказанныя Государемъ въ Твери, Костромѣ и Нижнемъ-Новгородѣ, имѣли огромное вліяніе на ходъ крестьянскаго дѣла, то московская рѣчь укрѣпила это вліяніе, поразивъ оппозицію въ самомъ ея корнѣ, а главное—отнявъ всякую надежду на успѣхъ попытокъ къ безземельному освобожденію крестьянъ. Сверхъ того, изъ московской рѣчи враги освобожденія увидѣли, что они ведутъ борьбу ни съ Ланскимъ, ни съ демократами-эманципаторами — съ подобными противниками они конечно справились бы; они ясно могли понять, что Государь самъ стоитъ во главѣ начавшагося движенія. Люди благоразумные, оставшись при своихъ отживавшихъ вѣкъ понятіяхъ, признали борьбу съ такимъ противникомъ не по силамъ. Не мало людей послѣдовали примѣру князя Меншикова и графа Строгонова. Остались въ числѣ явно дѣйствовавшихъ лицъ одни только фанатики въ родѣ Безобразовыхъ, Бланковъ, Минина (?), князя Гагарина (воронежскаго), Шидловскаго и другихъ, съ которыми мы встрѣтимся еще не разъ.

Это было вторымъ важнымъ шагомъ въ крестьянскомъ дѣлѣ: первымъ было устраненіе выкупа личности. До какой степени важно значеніе московской рѣчи, можно видѣть изъ частнаго письма Ю. Ѳ. Самарина къ Н. А. Милютину: „Сдѣлайте милость, писалъ Самаринъ до напечатанія рѣчи въ газетахъ, внушите вашему министру, чтобы онъ хотя конфиденціально сообщилъ нашему губернскому предводителю копію съ рѣчи, произнесенной Государемъ въ Москвѣ; они считаютъ ее подложной,

вѣрятъ всякимъ ложнымъ слухамъ и не хотятъ убѣдиться въ твердомъ намѣреніи правительства".

Изъ Москвы Государь доѣхалъ вмѣстѣ съ императрицею до Бородина, на поляхъ котораго сооруженъ Тучковой, рожденной Нарышкиной, въ память убитаго подъ Бородинымъ ея мужа, женскій монастырь. Изъ Бородина Государь отправился одинъ и посѣтилъ Смоленскъ, Минскъ, Вильну и Ковну.

Въ Смоленскъ онъ прибылъ 2 сентября; при пріемѣ на другой день онъ обратился къ смоленскимъ дворянамъ съ слѣдующими словами:

— „Мнѣ пріятно, господа, находиться среди васъ и лично благодарить дворянство смоленское за преданность престолу и отечеству, которую оно неоднократно доказывало какъ прежде, такъ и въ 1812 году, и въ послѣднюю войну. Мнѣ пріятно благодарить васъ за готовность, выраженную вами въ крестьянскомъ дѣлѣ. Мои предмѣстники, и въ особенности покойный родитель мой, всегда оказывали вниманіе смоленскому дворянству: вы имѣете документъ его благоволенія къ вамъ, который былъ писанъ за нѣсколько дней до его смерти; можно сказать онъ и на смертномъ одрѣ думалъ о васъ (говоря это, Государь казался разстроганъ и на глазахъ его были слезы). Одна изъ вашихъ дамъ поднесла матери моей образъ для благословенія меня, когда я имѣлъ честь командовать войсками, защищавшими столицу. Этотъ образъ всегда при мнѣ, и служитъ, такъ сказать, новой связью, которая еще крѣпче соединяетъ меня съ вами. Теперь вы собраны по крестьянскому дѣлу. Это необходимо для благосостоянія вашего, крестьянъ вашихъ и всей Россіи. Займитесь имъ дѣльно и на указанныхъ въ моемъ рескриптѣ началахъ, обдѣлайте это дѣло такъ, чтобы оно было безобидно для васъ и для крестьянъ вашихъ. Я увѣренъ: вы не обманете моихъ ожиданій и оправдаете мою къ вамъ довѣренность".

Въ рѣчи смоленскому дворянству, Государь видимо хотѣлъ смягчить жесткость, хотя и вполнѣ справедливую, въ обращеніи его къ московскимъ дворянамъ, — на случай, если бы недруги крестьянскаго дѣла, которыхъ было такъ много, стали распространять мнѣніе, что жесткость эта относится не къ однимъ московскимъ, а ко всѣмъ дворянамъ.

Ласковое обращеніе его съ дворянами сѣверо-западныхъ губерній, о чемъ я сейчасъ буду говорить, основывалось на двухъ причинахъ. Во первыхъ, въ то время Государь, и едва ли не всѣ его окружающіе, думали, что наша политика относительно западныхъ губерній должна быть измѣнена, и вмѣсто строгихъ мѣръ прошедшаго царствованія правительство должно руководиться снисходительностію, кротостію и признаніемъ за поляками нѣкоторыхъ національныхъ правъ. Общественное мнѣніе того времени было также за это направленіе. Въ то время никому въ голову не приходило, что въ западныхъ губерніяхъ большинство населенія русское. Во вторыхъ, поляки-помѣщики желали поддержать это направленіе не для того, чтобы дойти до примиренія, а для того, чтобы показать какъ они цѣнятъ слова Государя, что если они прежде возмущались и составляли заговоры, то виной этого были не они, а само правительство. Они не щадили издержекъ на приготовленія къ пріему Государя; въ числѣ проявленій ихъ вѣрноподданническихъ чувствъ была великолѣпная охота, устроенная около Вильны. Такова всегдашняя политика поляковъ, такова она и теперь (1875 г.); дай Богъ, чтобы мы вновь не были увлечены обаятельной ея силой во вредъ нашимъ кореннымъ интересамъ и во вредъ народныхъ массъ, преданныхъ правительству.

У меня не сохранилось того, что говорилъ Государь въ Минскѣ, гдѣ онъ былъ 4 и 5 сентября. Въ моей памяти сохранился только одинъ эпизодъ изъ его пребыванія въ Минскѣ. Въ числѣ членовъ минскаго комитета, между прочими, былъ выбранъ русскій помѣщикъ М. И. Пущинъ (впослѣдствіи бобруйскій комендантъ—нынѣ умершій). Государь это замѣтилъ и гдѣ-то, разговаривая съ нимъ однимъ, сказалъ ему, что это дѣлаетъ ему честь. На это Пущинъ отвѣчалъ: „нѣтъ, Государь, они (т. е. помѣщики-поляки) выбрали меня, потому что я былъ декабристомъ“.

Въ Вильнѣ Государь пробылъ 6 и 7 сентября. Собравшимся туда дворянамъ онъ сказалъ:

— „Господа, очень радъ, что лично могу благодарить васъ за живое участіе, которое вы принимали во время послѣдней войны, а равно и за радушіе, оказанное вами моей гвардіи. Но это для васъ не ново. Я самъ былъ свидѣтелемъ въ 1849 году, какъ вы принимали гвардію. Благодарю васъ за сердечный радушный

пріемъ. Весьма радъ видѣть васъ собравшимися здѣсь и быть между вами. Благодарю васъ за участіе, принимаемое вами въ дѣлѣ улучшенія быта крестьянъ. Вы первые показали примѣръ и вся имперія за вами послѣдовала. Я увѣренъ, что вы отвѣтите ожиданіямъ правительства и будете всегда и во всемъ помогать мнѣ. Еще разъ благодарю васъ за пріемъ и повторяю, что мнѣ пріятно видѣть себя окруженнымъ вами. Я надѣюсь на васъ".

Изъ Ковны, куда Государь пріѣхалъ 8 и выѣхалъ 9 сентября, ко мнѣ писалъ о пребываніи тамъ Государя ковенскій губернаторъ Хоминскій (съ 1862 г. до сихъ поръ, т. е. до 1875, вологодскій), полякъ—виленскій помѣщикъ,—назначенный губернаторомъ по господствовавшему тогда неправильному мнѣнію, что въ губерніи западныя и въ Царство Польское слѣдуетъ назначать губернаторами преданныхъ правительству поляковъ. Хоминскій дѣйствительно и можетъ быть искренно былъ преданъ правительству; но онъ не могъ оставаться преданнымъ среди поляковъ помѣщиковъ и самъ просилъ о переводѣ. Вскорѣ послѣ отъѣзда государя Хоминскій сообщилъ мнѣ: „здѣшній комитетъ послѣ отказа по первому предложенію (комитетъ просилъ о выкупѣ части земельнаго надѣла) опустилъ руки и упалъ духомъ, но пребываніе Государя всѣхъ оживило и какъ ни противна всѣмъ усадьба, члены комитета и дворянство тронуты до глубины души ласковымъ пріемомъ Государя, исполняютъ его волю и дѣло подвигается. Въ особенности нынѣ съ утра до вечера члены толкуютъ и пишутъ и къ 15-му будущаго ноября окончатъ, кажется, навѣрно".

Резюмируя въ краткихъ словахъ послѣдствія путешествія Государя по губерніямъ, нельзя не замѣтить, что послѣдствія эти были благопріятны для крестьянскаго дѣла въ трояномъ отношеніи. Во первыхъ, дѣло выиграно по существу безповоротнымъ рѣшеніемъ о невыкупѣ личности и о томъ, что̀ слѣдуетъ считать усадебной осѣдлостію; такое рѣшеніе значительно подвинуло дѣло о выкупѣ не одной усадебной земли, но и всѣхъ вообще угодій. Во вторыхъ, число защитниковъ освобожденія увеличилось, и противная партія ослабѣла какъ потому, что число лицъ, принадлежавшихъ къ ней, уменьшилось, такъ и потому, что тѣ, которые остались: или уклонялись выходить на сцену, или хотя

и дѣйствовали, но безъ вѣры на успѣхъ. Энергія оставалась за одними только фанатиками, но и тѣ должны были значительно умѣрить свои требованія. Въ третьихъ, поѣздка Государя произвела на него самое благопріятное для крестьянскаго дѣла вліяніе. Онъ не могъ не убѣдиться, что дворянская оппозиція не такъ сильна и упорна, какъ ее старались ему представить; что среди дворянства есть горячіе поборники освобожденія, и что наконецъ преданность массъ къ нему и благодарность какъ къ Царю-Освободителю не имѣетъ предѣловъ. Очевидцы путешествія Государя разсказывали, что энтузіазмъ народа, при видѣ Государя, былъ громадный повсемѣстно.

Проявленіе укрѣпившагося въ Государѣ направленія въ крестьянскомъ дѣлѣ не заставило себя дожидаться.

Единственнымъ сочувствующимъ дѣлу непосредственнымъ сотрудникомъ государя въ то время былъ С. С. Ланской; по его личнымъ докладамъ разрѣшились дѣла нижегородское и владимірское; онъ же докладывалъ Государю въ Москвѣ о работахъ московскаго комитета и о неправильномъ толкованіи понятія объ усадебной осѣдлости. Незадолго до втораго отъѣзда Государя изъ Петербурга, Ланской едва не потерялъ свое министерское мѣсто по вопросу объ учрежденіи временныхъ генералъ-губернаторствъ; по возвращеніи же Государя изъ путешествія, при первомъ свиданіи его съ Ланскимъ, Государь сказалъ Ланскому:

— „Мы съ вами начали крестьянское дѣло и пойдемъ до конца рука объ руку".

Это передавалъ мнѣ самъ Сергѣй Степановичъ, возвратившись отъ Государя въ самомъ счастливомъ расположеніи духа [1]).

Я. А. Соловьевъ.

---

[1]) Далѣе въ подлинникѣ зачеркнуто: „Повсемѣстное открытіе губернскихъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу было явленіемъ у насъ до тѣхъ поръ небывалымъ. Дворянскія собранія занимались только выборами, которые не требовали словесныхъ обсужденій; другіе предметы занятій этихъ собраній составляли незначительныя исключенія и касались только нуждъ мѣстнаго дворянства. Съ открытіемъ губернскихъ комитетовъ въ первый разъ на обсужденіе выбранныхъ коллегіальныхъ собраній передавался вопросъ государственной важности. Надо было учиться говорить, учиться молчать и слушать, когда другіе говорили; надо было защищать свое собственное мнѣніе, доказывая его, а не требуя безпремѣннаго (?) принятія; надо было, опровергая

чужія мнѣнія, не оскорблять напрасно самолюбій и противупоставлять чужимъ мыслямъ свои собственныя, ясно выраженныя; нельзя было не помнить, что защищая св и собственныя права на свободу выраженія мнѣній, слѣдовало уважать тѣ же самыя права другихъ; наконецъ, необходимо было учиться письменно излагать свои мнѣнія. Все это для Россіи, до тѣхъ поръ не говорящей и не пишущей, трудно было усвоить при первомъ приступѣ къ работѣ по такому дѣлу, которое затрогивало матеріальные интересы, разрушало вѣковыя преданія и привычки, уничтожало политическія права того самаго сословія, представителямъ котораго столь жгучій вопросъ отданъ былъ на обсужденіе. При такомъ положеніи дѣла страсти не могли не разъиграться; а при неопытности членовъ, при неумѣніи руководить дебатами со стороны предсѣдателей, губернскихъ предводителей дворянства, избиравшихся въ эту должность не по уму, не по способностямъ, очень часто единственно по ихъ достаточному состоянію, и при недостаткѣ писаннаго и еще важнѣе обычнаго укоренившагося времени регламента засѣданій.—выступившія наружу страсти и самолюбіе не встрѣчали для себя ни препонъ къ крайнему ихъ проявленію, ни началъ, направляющихъ ихъ къ цѣли скорѣйшаго разрѣшенія я заданной задачи.

Выше я подробно указалъ какъ послѣдовательность представленія адресовъ, такъ и открытія губернскихъ комитетовъ. Изъ приведенныхъ мной свѣдѣній видно, что въ первую половину 1858 г было открыто 8 комитетовъ, а во вторую 35, въ томъ числѣ одна общая коммисія; затѣмъ въ первые мѣсяцы слѣдующаго года (до 19 апрѣля) открыли свои дѣйствія остальные 5 комитетовъ, въ томъ числѣ одна общая коммисія. Поэтому вторая половина 1858 года и начало 1859 года отличались особенной почти повсемѣстной дѣятельностію по крестьянскому дѣлу въ губерніяхъ. Въ 48 губернскихъ комитетахъ и коммисіяхъ участвовали до 1377 человѣкъ. Немудрено, что при такомъ многолюдствѣ, при разнообразіи умственныхъ и нравственныхъ качествъ, при разной степени образованія, при неодинаковомъ общественномъ положеніи и при возбуждающемъ страсти самомъ свойствѣ дѣла, пререканія, столкновенія и недоразумѣнія были неизбѣжны.

Съ легкой руки нижегородскаго комитета, пререканія, болѣе или менѣе серьезныя, обнаружились въ комитетахъ: казанскомъ, симбирскомъ, самарскомъ, саратовскомъ, тамбовскомъ, рязанскомъ, тульскомъ, калужскомъ и другихъ Возникшія въ комитетахъ пререканія стали переходить въ тѣ дворянскія собранія“, очередной срокъ созыва. ..

Я. А. Соловьевъ.

КНЯЗЬ А. Н. ГОЛИЦЫНЪ И АРХИМАНДРИТЪ ФОТІЙ

въ 1822—1825 гг. [1]).

XXII [2]).

1-го января. С. Петербургъ.

Долгомъ сердца моего считаю, высокопреподобнѣйшій отецъ Фотій, въ первый день года просить благословенія вашего.

Я молю Господа да продолжитъ онъ жизнь вашу для пользы церкви и душъ ищущихъ спасенія; а себѣ же продолженіе вашего расположенія ко мнѣ, въ которомъ не сомнѣваюсь. Христосъ посреди насъ есть и будетъ,— слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ. Поручаю себя молитвамъ вашимъ, есмь навсегда преданный сердцемъ къ вамъ князь Александръ Голицынъ.

XXIII [3]).

9 генваря. С. Петербургъ.

Написалъ къ вамъ, высокопреподобный отецъ Фотій, поздравленіе, имѣлъ радость послѣ получить и отъ васъ письмо съ благословеніемъ на новое лѣто, съ желаніями для моего прохожденія въ отечество наше небесное. Да приведетъ Господь меня къ сему тихому пристанищу во время имъ назначенное, ибо помня часъ смертный по вашему указанію, хотя иногда и хотѣлось бы отойти ко Господу, но помышляя какъ туда надобно придти и какую одежду имѣть, чтобъ быть приняту на брачный пиръ агнца; тогда предавалъ (себя) совершенно въ волю Божію и надѣясь на Спасителя, который столь ко мнѣ милосердъ,—что вѣрно спасетъ меня и сердце (чистое)

---

[1]) См. „Русск. Стар.“ изд. 1882 г., т. XXXIII, мартъ, стр. 765—780; т. XXXIV, апрѣль. стр 205 220.

[2]) Въ 1-й рук. № 19.

[3]) Въ 1-й рукоп. № 20.

созиждетъ во мнѣ и Духомъ святымъ обновитъ меня во время благопотребно,—надѣюсь на молитвы Пречистыя Богородицы и всѣхъ святыхъ и безплотныхъ силъ, представительство Ангела моего Хранителя въ теченіи жизни моей и въ часъ смерти, что Господь не возметъ прежде чѣмъ не спасетъ, надѣясь и на молитвы ваши и прошу еще молиться за меня, чтобъ Господь меня взялъ, когда готово сердце мое принять будетъ Господа и облечься въ него въ ризу спасенія,—ежели то будетъ сегодня, то я желаю умереть, ежели 50 лѣтъ не будетъ, то готовъ ждать онаго 50 лѣтъ; хотя 50 лѣтъ жить еще было бы мнѣ тягостно по теперешнему состоянію души моей. Услыши Господи желанія ваши для меня на новый годъ, хотя бы половину того исполнить Богъ привелъ, радъ бы я былъ; я охотно вамъ пишу о происшествіяхъ благочестивыхъ, здѣсь случающихся. За день до новаго года скончалась въ Петербургѣ штатсъ-дама Нарышкина Марія Алексѣевна, жена Александра Львовича; смерть ея была примѣчательна. Въ семъ домѣ о смерти и поминать не смѣли—богатство, пышность и роскошь всякаго рода царствовала—усопшая занемогла еще въ августѣ мѣсяцѣ и предузнавъ, что болѣзнь ея къ смерти, 23-го сентября написала объ ономъ и оное (писаніе) распечатано по ея смерти; бывъ всегда не терпѣлива, переносила съ терпѣніемъ сію болѣзнь, которая наконецъ сдѣлалась мучительна, но со страданіями Господь послалъ ей такое терпѣніе, что всѣ окружающіе ее не узнавали; наконецъ въ послѣдніе дни ея жизни исповѣдывалась она предъ священникомъ, такъ что онъ вышедъ отъ нее весь въ слезахъ сказалъ, что онъ не видывалъ такого покаянія и по причащеніи она безпрестанно говорила о ничтожности здѣшней жизни и о блаженствѣ, съ которымъ она идетъ въ вѣчность, однимъ словомъ, покуда она была въ памяти ничего болѣе не дѣлала, какъ молилась, проповѣдывала окружающимъ ея постель: мужу, дѣтямъ, роднымъ, также и слугамъ своимъ какъ угождать Богу должно; всѣхъ благословила и каждому открывала свои къ нему внутреннія расположенія, прося и прощенія. Сія кончина многихъ удивила, ибо по ея знатности и дворъ и весь Петербургъ могъ узнать, что перемѣна такая въ ней сдѣлалась, и я слышалъ отъ многихъ, что нѣсколько обратились на помышленіе о своемъ спасеніи.

Государя мы ждемъ скоро, я отъ него получилъ письмо отъ 25-го декабря, а 1-го января онъ долженъ быть въ Варшаву. Онъ, слава Богу, здоровъ и сюда будетъ въ половинѣ нынѣшняго мѣсяца. Да благословитъ Господь его пріѣздъ сюда, помолитесь за всѣ его начинанія для блага общаго.

Получилъ я письмо отъ чады вашей духовной; она охотно приняла мое братство и благодарила очень за списанное мною письмо ваше ко мнѣ о смерти. Совѣстится, что меня сіе затруднило и проситъ, что тѣ письма, коихъ вы хотите, чтобъ я далъ ей списокъ, чтобъ ей посылать въ оригиналѣ,

а что она сама спишетъ и возвратитъ мнѣ оригиналъ. Какъ вы думаете, такъ я и сдѣлаю, ибо теперь надобно къ ней или послать, или списать о волѣ Божіей, которое вы хотѣли, чтобъ она имѣла копію. Я буду ждать по сему обстоятельству вашего отвѣта. Въ разсужденіи сна вашего съ 17-го на 18-ое число мнѣ оный примѣчателенъ, ибо когда я вамъ писалъ о моемъ чувствѣ, котораго сей сонъ есть послѣдствіемъ,—то чувство сіе пришло мнѣ въ сердце, когда совершенно въ него оглубился и былъ въ молитвѣ молчанія. Я ни о чемъ не думалъ, а весь былъ собранъ въ себя, вдругъ чувствую: отецъ Фотій или чтобъ вѣрнѣе сказать: Фотій умѣетъ по гречески, я такъ далекъ былъ отъ сей мысли въ ту минуту, какъ и отъ всего,—я видѣлъ себя, яко грѣшникъ предстоящій предъ Спасителемъ, хотя милосердымъ, но и правосуднымъ судьею.

Теперь вы видите, что въ Синодѣ вамъ дѣлается чрезъ архіереевъ тоже испытаніе, которое и азъ грѣшный вамъ сдѣлалъ, и можетъ быть я въ отношеніи къ вамъ былъ какъ ослица пророчествовавшая, но у Господа всякій можетъ быть орудіемъ и камни заговорятъ, коли твари умолкнутъ. Въ семъ происшествіи я вспомнилъ, что въ писаніи священномъ сказано о Пресвятой Богородицѣ, что она видя исполненіе пророчествъ древнихъ о ней и Мессіи, отъ нея рождшемся, слагала всѣ происшествія и глаголы въ сердцѣ своемъ пречистомъ и ожидала воли Божіей; то я осмѣливаюсь и къ вамъ приложить оное. Слагайте преподобнѣйшій отецъ все сіе въ сердцѣ вашемъ и Господь разовьетъ все въ свое время и укажетъ вамъ волю Свою, которая да будетъ препрославлена во вѣки вѣковъ. Аминь.

За симъ поручая себя святымъ вашимъ молитвамъ и испрашивая благословенія пребуду навсегда преданнымъ сердечно слугою князь Александръ Голицынъ.

XXIV [1]).

16 Генваря. С. Петербургъ.

Высокопреподобный отче Фотіе. Благодарю васъ сердечно за присланное слово, произнесенное въ день Богоявленія Господня; вы спрашиваете какъ оно мнѣ покажется, я думаю, что отвѣтъ вы должны знать напередъ, ибо увѣрены сколько я люблю читать и слушать ваше проповѣданіе и вкушать хлѣбцы ваши духовные. Письма ваши всѣ для меня суть хлѣбомъ духовнымъ и пищею сытною для духа и души моей, и аппетитъ къ сей пищи не только не проходитъ, но всякій разъ по принятіи оной и по подкрѣпленіи ею получаю опять гладъ къ ней и жажду къ источнику жизни, ко-

---

[1]) Въ 1-й рук. № 21.

торый почерпаете вы столь глубоко, что нельзя не просить васъ, ибо почерпала у меня еще нѣтъ такого, какъ у васъ и силъ нѣтъ тянуть изъ кладезя воду, а пить ее хочется. Надѣясь, что пивши оную почаще Господь пошлетъ силъ поболѣе и неключимость моя излѣчится. О коль сладко и нужно брашно и питіе духовное, а мы все ищемъ питать себя міромъ и плоть, и кровь свою утучнять: Господи, избави меня отъ суеты человѣческія и подаждь мнѣ помощь, да спасуся. Надѣюсь, люблю и прошу всѣхъ молитвенниковъ да мнѣ помогутъ.

Какое письмо ваше отъ 31-го декабря!!! Какія желанія, и какія благословенія и какія предостереженія вы мнѣ посылаете для Новаго года и какъ пламенно писано сіе письмо, какое желаніе и пареніе ваше къ лѣту Христову вѣчному. Вы пишете между прочимъ, чтобъ блюсти змія, который ищетъ уязвить въ пяту; точно, ваша правда, что недовольно блюдусь, но не отъ самонадѣянія, а истинно въ надеждѣ на Ангела моего Хранителя и на самаго Господа нашего Спасителя Іисуса Христа. Но буду Его-же молить, чтобъ далъ мнѣ опасенія больше въ сіи времена столь обманчивыя, и гдѣ сатана, кажется, дѣлаетъ послѣднія усилія, чтобъ сохранить свои вліянія надъ людьми; сатана старъ сталъ и ухищренія его часъ отъ часу тоньше, но Господь милостивъ и правосуденъ, побѣдитъ его и воцарится на вѣки. Дай-то Господи, что хотя бы зародышъ во мнѣ былъ вѣры; когда Онъ придетъ, чтобъ не быть отвергнуту; хочется спастись. Поручая себя молитвамъ вашимъ и прося благословенія; навсегда пребуду вамъ преданный сердцемъ вашего высокопреподобія покорнѣйшій слуга князь Александръ Голицынъ.

P. S. Государя мы ждемъ послѣ-завтра, но наугадъ, ибо онъ не писалъ, когда будетъ; помолитесь о его пріѣздѣ, да будетъ онъ благословенъ и да грядетъ во имя Господне и да благословитъ онъ Господа и да прославитъ имя Его въ царствѣ своемъ.

XXV [1].

23 Генваря. С. Петербургъ

Высокопреподобный отецъ Фотій. Писаніе ваше отъ 14 января имѣлъ удовольствіе получить, въ коемъ пишете мнѣ о старцѣ Зосимѣ, я его знаю и онъ меня любитъ. Въ первый разъ, что онъ со мной познакомился, желалъ онъ въ моей домашней церкви предъ престоломъ обѣщать мнѣ любовь и союзъ. Онъ человѣкъ очень любовный ко Господу и потому и къ ближнему; постараюсь не задержать его, но когда дѣло идетъ о имѣніи и деньгахъ, то не отъ меня одного зависитъ: вопервыхъ, отъ доклада государю, потомъ велятъ сноситься съ министромъ финансовъ, который не скоро

[1] Въ 1-й рукоп. № 22.

отвѣчаетъ, особливо о деньгахъ,—итакъ съ моей стороны будьте увѣрены, что я съ помощію Божіей буду все дѣлать, чтобы скорѣе его отправить. Со старцемъ Василискомъ я знакомъ черезъ Зосиму, онъ за меня молится и всегда обо мнѣ помнитъ. Слава Господу Богу, что вы знаете въ мірѣ рабовъ Божіихъ, о! да умножатся они, и ежели бы возможно, чтобъ всѣ пожелали рабами быть такого великаго Господа, каковъ есть нашъ Господь, куда какъ-бы счастливы были всѣ, но счастія такого общаго видно надобно не на сей землѣ искать, а на земли новой и подъ небомъ новымъ — только бы способнымъ сдѣлаться къ оному.

Въ числѣ архипастырей въ семъ самомъ писаніи вы поименовываете тѣхъ же самыхъ, о коихъ прежде писали мнѣ записочку, я желаю спросить васъ о Евгеніи Кіевскомъ [1]), знаете ли вы его лично или по чьимъ словамъ? Я вамъ откровенно скажу, что я въ немъ нахожу какую-то холодность къ паствѣ его, когда онъ былъ въ другихъ епархіяхъ,—я говорю о душахъ и о спасеніи ввѣренной паствы; потомъ всѣ ученые свѣтскіе его очень любятъ и въ его здѣсь пребываніе безпрестанно онъ съ ними былъ, а нѣкоторые изъ нихъ вольнодумцы. Самъ его я видѣлъ не часто, хотя я съ своей стороны и былъ у него и нѣсколько разъ; видъ его находилъ почтеннымъ, въ разговорахъ основателенъ, а говорилъ болѣе объ устройствѣ и экономіи епаршеской, но не распространялся со мною о духовныхъ матеріяхъ и былъ со мною генерально скрытенъ. Въ Кіевѣ теперь онъ дѣйствуетъ хорошо въ отношеніи приведенія въ порядокъ разстройства лавры, которая при Серапіонѣ [2]) была въ жалкомъ положеніи. Вотъ я вамъ сказалъ, что мнѣ въ немъ казалось; я бы желалъ знать коротко ли вы его знаете и ежели имѣете вѣрныя объ немъ свѣдѣнія, я очень радъ буду ошибиться, ибо я много не желаю, какъ отыскивать людей для служенія церкви Господней. Ничего нѣтъ сего важнѣе, что хочешь устроивай и пиши, ежели нѣтъ исполнителей боящихся Бога и любящихъ Его, ничего добра не будетъ.

Получилъ картины и прошу васъ узнать, ежели можно, откуда онѣ, въ Новгородѣ ли напечатаны, или присланы откуда. Цензура гражданская должна и за печатными картинами смотрѣть, но она не разумѣетъ, что противно св. писанію нарисовано. Впрочемъ я вамъ скажу какъ сіе дѣлается, иногда могутъ быть и умыслы невѣрующихъ, но въ примѣръ я возьму изображеніе тайной вечери. Оригиналъ сей картины, кажется, въ Миланѣ славнымъ живописцемъ написанъ на стѣнѣ въ одномъ Римскаго исповѣда-

---

[1]) Знаменитый ученый іерархъ Евгеній Болховитиновъ, въ то время Кіевскій митрополитъ.

[2]) Предшественникъ Евгенія по Кіевской митрополіи (1803—1822), по фамиліи Александровскій. Н. В.

вмя монастырѣ, съ сей картины и списывали и печатали, какъ произведеніе славнаго художника и не смотрѣли на несогласность изображенія со священнымъ писаніемъ и я видѣлъ сіе изображеніе списанное во многихъ нашихъ церквахъ и въ разныхъ домахъ и сіе изображеніе не нынѣшняго времени, а очень давнишнее. Я понимаю, что для васъ, яко живочувствующему святыню Господню, ничто не можетъ быть равнодушно, что не въ истинѣ; но въ мірѣ такъ отдалились отъ истины, что сего не чувствуютъ и остановить сего трудно, ибо тотчасъ скажутъ, что правительство нѣсколько сотъ лѣтъ терпѣло сіи картины и даже есть въ церквахъ, то какое право я имѣю сіе запретить.

Я видѣлъ въ сей картинѣ все, что на столѣ изображено вы помарали, ибо тутъ именно того нѣтъ, что необходимо нужно для тайной вечери—хлѣба и чаши, а поставлено все то, что къ ней не принадлежитъ, а принадлежитъ къ ужину, послѣ котораго тайна началась.

Ревность дома Господня снѣдаетъ васъ, преподобный, и она конечно производитъ и произведетъ плоды.

Государь пріѣхалъ 21-го числа сего мѣсяца, слава Богу въ вожделѣнномъ здравіи и я нашелъ его ко мнѣ не перемѣнившимся, милостивъ и любезенъ. Я видѣлъ его въ минуту его пріѣзда во дворецъ и при встрѣчѣ, когда онъ меня целовалъ, я противъ своего обыкновенія, чтобъ спросить о здоровьѣ, или тому подобное сказалъ ему: «да благословитъ Господь пришествіе ваше», итакъ какъ я недолго съ нимъ могъ быть, то и не успѣлъ еще привѣтствіе ваше ему сказать, но при первомъ случаѣ, ежели Господу то угодно будетъ.

Митрополитъ Серафимъ вчера, т. е. на другой день пріѣзда государева у него былъ послѣ обѣда, но я еще не видалъ митрополита; а о вашемъ монастырѣ попечемся при помощи Божіей съ владыкою и надѣюсь, что Господь благословитъ.

Хочу я спросить у васъ объ одномъ дѣлѣ, ежели вы объ ономъ неизвѣстны, то, какъ членъ консисторіи Новгородской, можете справиться: не было-ли тамъ дѣла о тѣлѣ Корнилія Паданскаго, бывшаго келейникомъ у Святаго Александра Свирскаго, моего патрона; сказываютъ, что его гробъ запечатанъ въ лодейнопольскомъ уѣздѣ, а отъ него были чудеса. Впрочемъ, ежели правда, что запечатанъ, то, конечно, было какое нибудь слѣдствіе и производство по консисторіи.

Прощайте, благословите и помолитесь, да Христосъ посреди насъ здѣсь, какъ Онъ между вами и мною во вѣки вѣковъ. Аминь.

Вашего высокопреподобія покорнѣйшій и преданнѣйшій слуга князь Александръ Голицынъ.

P. S. Вы знайте и впередъ, что я безтолковъ, когда надобно отгадать и я не знаю отчего считалъ, что вы писали про мужчину,—а женщина сія,

о которой пишете, никогда не могла быть со мною въ гармоніи; я чувствовалъ какую-то къ ней сухость, а притомъ и рѣзкость ея мнѣ была не къ сердцу—я не находилъ въ ней любви, которая единственно меня притягиваетъ; моѐ сердце столь долго было холодно, ибо я себя единственно любилъ, хотя и теперь еще много, но Спаситель искру зажегъ, пронзилъ меня къ нему любовію и прошу Его и всѣхъ о мнѣ молящихся, чтобы любовь моя была къ Нему пламенная и вѣра живая, а надежда несомнѣнная.

Вы просите, вымолите мнѣ сего у Спасителя и Господа нашего Іисуса Христа царя нашего премилосерднаго,—да святится Имя Его во вѣки вѣковъ. Аминь.'

XXVI [1]).

26 Генваря.

Высокопреподобный отецъ Фотій. Желая содѣйствовать къ улучшенію дохода вашей обители я вчера говорилъ съ преосвященнымъ митрополитомъ Серафимомъ, какимъ образомъ лучше къ сему приступить. Онъ велѣлъ мнѣ къ вамъ написать, чтобъ вы къ нему отнеслись формально, изъяснивъ нужды монастыря столь знатнаго, не имѣющаго угодія и прочее, и просите его о помощи; такъ какъ мельницъ и рыбныхъ ловель въ Новгородской губерніи получить невозможно, просите ежегоднаго вспоможенія денежнаго, тогда митрополитъ ко мнѣ напишетъ, а я доложу государю и ежели Господу угодно будетъ, то земной царь не откажетъ. Желаю хотя крайнимъ и послѣднимъ быть орудіемъ для спокойствія будущаго братіи обители вашей.

Митрополитъ былъ у государя на другой день его пріѣзда, очень доволенъ былъ пріемомъ его величества; я былъ тому радъ, ибо истинно уважаю добрую душу нашего архипастыря; мнѣ кажется и онъ продолжаетъ ко мнѣ быть благорасположеннымъ. Чадо ваше духовное, а моя сестра о Господѣ писала ко мнѣ и довольна была получа копію моею рукою писанную вашего ко мнѣ писанія о смерти, только желаетъ, чтобъ вамъ Богъ продлилъ жизнь и чтобъ смерть васъ не касалась,—и я присовокуплю: развѣ не довольно того, что вы умираете всякій день разными образы; въ сей смерти вы найдете жизнь и сообщите, ежели Господу угодно и другимъ по мѣрѣ и возможности принимающихъ.

Вы мнѣ еще не отвѣчали: можно ли мнѣ посылать оригинальныя ваши письма къ графинѣ Орловой съ тѣмъ, чтобъ она, списавъ, мнѣ возвращала и то только тѣ, которыя вы напишете, что ей можно послать? Напримѣръ, письмо, начинающееся: «Святая святымъ», писанное предъ моимъ

---

[1]) Въ 1-й рукоп. № 23.

причащеніемъ, оно не велико, ежели позволите, я бы могъ его и списать для нее—удивительное сіе писаніе и меня оно восхитило. Оканчивая мое письмо, хочу вамъ сказать, что у меня сдѣлалось какое-то особенное чувство къ моему Ангелу Хранителю, и именно отъ словъ священнаго писанія, гдѣ сказано, что Ангели хранители дѣтей видятъ выну лице Божіе. Сіи слова только разъ мнѣ читанныя, вдругъ меня потрясли, я подумалъ о себѣ какъ я далекъ отъ того, чтобъ быть предъ Господомъ какъ дитя и какъ, и сколько я своего Ангела Хранителя преогорчаю; итакъ я сталъ его просить, чтобъ онъ меня простилъ и чтобъ помогъ мнѣ спастись и быть чище сердцемъ, приблизилъ меня къ дѣтскому состоянію; такъ онъ мнѣ милъ сталъ, я вообразилъ: какая его красота должна быть, чистота и атмосфера моя должна быть ему противна, ибо нечиста. Я вамъ пишу то, что во мнѣ происходитъ, простите мнѣ и благословите благословеніемъ Господнимъ, да спасусь и да исполняю Его святую волю вашего высокопреподобія преданный сердцемъ Александръ Голицынъ.

Я вамъ пишу не дождавшись почты, ежели что отъ васъ получу, то на будущей почтѣ буду отвѣчать.

XXVII [1]).

2 Февраля. С. Петербургъ.

Высокопреподобне отче Фотіе! Да подкрѣпитъ васъ Господь во всѣхъ испытаніяхъ, кои вы прошли съ 21 января, и по письму вашему послѣднему вижу, что истинно подкрѣпляетъ сильною Своею мышцею: не смѣю изслѣдовать въ премудрости Божіей для коихъ причинъ съ вами послѣдовали таковыя потери, но въ томъ я увѣренъ, что Господь васъ любитъ и что все сіе происшествіе для человѣчества можетъ и вашего тяжелое, а для любящихъ васъ и очень трогающія поведутъ васъ къ какому нибудь высшему воспитанію. Господь богатъ въ милостяхъ Своихъ и пошлетъ вамъ сторицею. Жертва потери отца вознаградится Отцемъ Небеснымъ и ежели захочетъ Онъ, то конечно можетъ сказать вамъ тѣмъ способомъ, коимъ Онъ одинъ знаетъ: сыне мой. Всѣмъ позволилъ онъ призывать Его въ молитвѣ: Отче нашъ, но рѣдкимъ можетъ онъ отвѣтствовать на оную: сыне мой... Сего счастія желаетъ вамъ любящее васъ мое сердце. Да усладитъ Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ всю горечь, которую врагъ хотѣлъ вамъ дать вкусить, но не успѣлъ—я не удивляюсь его столь сильному на васъ наступленію и помню какъ рѣчи ваши въ столицѣ, такъ и въ писаніи.

---

[1]) Въ 1-й рукоп. № 24.

Видно въ вашей внутренней крѣпости часовне не дреманнымъ окомъ стоятъ на стражѣ, что врагъ дѣлаетъ нападенія на наружное достояніе. Для меня примѣчательно постепенныя извѣстія о бѣдахъ, кои къ вамъ приходили и подобились испытаніямъ Іова,—я не знаю извѣстны ли вы, что въ тотъ день, какъ съ вами все сіе происходило, т. е. 21 января государь возвратился и сего числа прибылъ въ зимній дворецъ около полудня и кажется ровно въ 12 часовъ. Какъ мнѣ удостовѣрительно, что вы въ мирѣ! когда вы мнѣ препосылаете оной чрезъ послѣднее писаніе ваше и какъ любезно и разнообразно мнѣ оной желаете. Да сохранитъ Господь сей миръ во мнѣ и съ вами и со всѣми любящими Господа благословеніемъ и молитвами вашими.

Увѣдомьте меня каково здоровье ваше, не простудились ли вы, такъ какъ все сіе время холодно, я немного простудился и кашляю.

Поручая себя молитвамъ вашимъ и испрашивая благословенія есмь вашему высокопреподобію преданный всѣмъ сердцемъ во Господѣ слуга князь Александръ Голицынъ.

P. S. Поздравляю васъ съ сегодняшнимъ праздникомъ; вѣрно вы совершаете божественную литургію, и меня надѣюсь не забудете.

XXVIII [1]).

С. Петербургъ. 2 Марта.

Высокопреподобный отче Фотіе! давно не наслаждался я чтеніемъ вашего писанія; надѣюсь можетъ быть съ сегодняшнею почтою получу; но увѣренъ будучи, что вы уже въ Юрьевѣ, спѣшу начать нашу переписку столь для меня назидательную и по сердцу моему необходимую; желаю очень знать нѣсколько о вашемъ путешествіи и какъ здоровье ваше послѣ дороги, думаю, трудной и испорченной погодой. Я по милости Божіей слава Богу здоровъ и готовлюсь первую недѣлю поста говѣть; на дѣло сіе прошу молитвъ вашихъ и благословенія, чтобъ Господь сподобилъ меня не осужденно причаститься Божественнаго тѣла и крови Его Святой,—да оживлюсь и предамся совсѣмъ Его воли. Хочется спастись, а худо подвигаюсь впередъ,—путь далекъ для неключимыхъ рабовъ. Прибѣгаю къ вамъ, да молитвы ваши послужатъ мнѣ крыльями перелетѣть то, что лѣнюсь пройти путемъ. Сегодня канунъ важному для меня дню: годъ минетъ завтра, что я тонулъ на Невѣ, ежели помните, я вамъ разсказывалъ, что ледъ проломлялся два раза подо мной и уже по поясъ былъ въ водѣ. Ежели живъ буду завтра, то намѣренъ въ своей церкви отслужить божественную литургію и отпѣть

[1]) Въ 1-й рукоп. № 25.

молебенъ благодарный Спасителю и поблагодарить моего Ангела Хранителя. Не помню писалъ ли къ вамъ о чувствѣ, которое я имѣлъ къ Ангелу Хранителю, ежели нѣтъ, то напишите и я вамъ на первой почтѣ сообщу; для меня примѣчательно.

Поручаю еще себя молитвамъ вашимъ, а особливо въ субботу первой недѣли поста часовъ въ 9-ть утра, пребывая съ чувствами, кои вамъ извѣстны. Преданный слуга князь Александръ Голицынъ.

XXIX [1]).

С. Петербургъ. 6 Марта.

Высокопреподобный отче Фотіе! изъ письма вашего видѣлъ, что и въ Москвѣ любовь ваша ко мнѣ не оставалась въ бездѣйствіи; за все сіе воздаю Господу нашему Іисусу Христу, ибо Онъ въ васъ меня любитъ и любитъ прямо Божески изъ милосердія, потому что я неключимый рабъ и великій грѣшникъ. Сколько Онъ долготерпѣливъ и многомилостивъ съ тѣхъ поръ, какъ Онъ меня призываетъ, давно бы я долженъ бѣжать, летѣть къ Нему, а я ползу и не знаю подвигаюсь ли. На Него надѣюсь—Ему вѣрю, Его люблю не столько сколько желаю, но молюсь и ожидаю.

Чудесное писаніе ваше послѣднее изъ Юрьева: вы мнѣ велите прочесть писаніе ваше отъ 24 сентября, удивило меня какъ вы помните, что тогда писано, ибо пишете не перечитывая. Конечно Господь вамъ сіе указалъ и подлинно чудесно, какое сновидѣніе въ ономъ писано. Когда я получилъ сіе письмо, я что-то принялъ оное въ духовномъ все смыслѣ, но по совершеніи видно, что тутъ предсказанъ былъ огонь и вещественный, подъ коимъ Господь и таинственно дѣйствовалъ. Вы видѣли, что совершали двѣ литургіи, что подлинно и было. Но въ видѣніи показано было, что вы одни служили и даже безъ діакона—и тутъ вы стояли на клиросѣ одни и можетъ вы истинно совершали литургію предъ Господомъ и призывали Святаго Духа и святымъ тайнамъ пріобщались, хотя явно служилъ іеромонахъ. Я осмѣливаюсь такъ толковать ваше видѣніе и при томъ Господь испытуя любовь вашу къ Нему, хотя дозволилъ врагу пакости дѣять наружно какъ надъ Іовомъ, но внутрь васъ не зналъ онъ, что происходитъ, діаволъ радовался, что помѣшалъ вамъ совершить литургію, ибо вы какъ пѣвецъ стояли внѣ олтаря, но Господь Іисусъ Христосъ есть тотъ олтарь, на которомъ (приноситъ) всесожженія и жертвы никто помѣшать не можетъ. Въ сей часъ искушенія огненнаго мнѣ кажется, что служеніе наружное въ олтарѣ соединилось со служеніемъ внутренняго вашего храма и любовь ваша ко Господу

[1]) Въ 1-й рукоп. № 26.

пылала сильнѣе пламени наружнаго, а молитвы и пѣнія ваши составили лѣствицу видѣнную Іаковомъ, по коей ангели сходили въ васъ и выходили изъ васъ ко Господу. Все письмо 24 сентября меня проникло разными образами, описаніе Софіи и дщери ея мнѣ было утѣшительно прочесть—бракъ съ сими дщерями и примѣчательно мнѣ, что бракъ съ Вѣрою прежде Любви совѣтуете—сравненіе съ Ліею, которая не столь красива, но отъ которой Христосъ рождается. Какое богатство благодати во всемъ начертаніи семъ и да поможетъ мнѣ Господь болѣе и болѣе вкусить плодовъ ученія сей любообильной матери Софіи, чтобъ ею быть обручену симъ единственнымъ невѣстамъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ одна страдалица, теперь уже умершая, мнѣ подарила кольцо, которое я давно ношу, на которомъ написано: Вѣра, надежда и любовь.

Въ семъ же письмѣ отвѣчаете на желаніе мое совершить божественную литургію въ храмѣ моемъ, однимъ словомъ, я пораженъ былъ чтеніемъ симъ, благодареніе Господу и въ Немъ васъ.

Прибавлю еще о милосердіи Божіемъ ко мнѣ—кажется вы извѣстны, что прошлаго года я тонулъ на Невѣ 3-го марта: ледъ подо мною два раза проломился и я былъ въ водѣ по поясъ. Нынѣ 3-го марта я просилъ моего священника отслужить въ сей день благодарственный молебенъ Спасителю послѣ литургіи. По утру вставъ въ 6 часовъ по обыкновенію пошелъ молиться Богу, въ сей молитвѣ благодаря за спасеніе меня отъ внезапной смерти, хваля Господа изчислялъ свои грѣхи предъ Нимъ особливо, одинъ грѣхъ богохуленія, именно на лицо Спасителя, которое я произнесъ и на св. Богослова Іоанна тому лѣтъ 20 назадъ, въ коемъ я каялся священнику и былъ разрѣшенъ; но сей грѣхъ мнѣ представился въ сію минуту молитвы какъ сравненіе моего богохульства съ милосердіемъ и долготерпѣніемъ Божіимъ, и наконецъ, хотя и разрѣшенъ я былъ, но желалъ, чтобъ кровію Спасителя сіе дѣйствіе мое какъ бы изглажено было изъ дѣлъ жизни моей; помолясь, пришелъ въ свой кабинетъ, гдѣ обыкновенно всякое утро читаю сряду по главѣ священнаго писанія и въ то утро слѣдовало мнѣ читать XII главу святаго Матѳея, и когда я пришелъ къ стиху 31 и 32 я пораженъ былъ разрѣшеніемъ сихъ стиховъ и, падъ на колѣна, благодарилъ Господа и просилъ Его, чтобъ Онъ сердце мое очистилъ и грѣхъ юности моей не помянулъ.

Поспѣшаю вамъ передать, что со мною случилось и еще повторяя просьбу о молитвѣ вашей въ будущую субботу приготовляясь къ причащенію, чтобъ Господь принялъ меня за Свою трапезу не яко Іуду; но яко разбойника исповѣдующа да помянетъ меня въ царствѣ своемъ Божественномъ нынѣ, присно и во вѣки вѣковъ. Аминь. Благослови! усерднаго своего слугу Александра Голицына.

P. S. Прошлаго года тонулъ я 3-го марта, а 6-го прошла тогда Нева— но сегодня еще и признаковъ нѣтъ.

XXX [1]).

С. Петербургъ. 14 Марта.

Въ письмѣ вашемъ, высокопреподобный отецъ Фотій, 8-го марта вы мнѣ отвѣчаете на мое письмо послѣднее, въ которомъ я перечитавъ письмо ваше 24 сентября о видѣніи вашемъ сожженія огнемъ даровъ святыхъ, приносимыхъ вами на Божественной литургіи, написалъ какъ мнѣ на сердцѣ пришло истолковать сіе видѣніе и по волѣ вашей вамъ сообщилъ и въ концѣ письма помѣстилъ, что я недоволенъ собою, будучи званъ Господомъ столько лѣтъ, а я не бѣгу, не лечу, а ползу. Признаюсь вамъ, что я сіе письмо написавъ, не перечиталъ, для того такъ написалось; но видно таково мое состояніе духовное и что вамъ далъ поводъ написать мнѣ прекрасное посланіе, чтобъ не летать и не бѣгать, а брести или ползти смиренно, притомъ и духъ священнаго писанія книгъ ветхаго завѣта и новаго съ ихъ цѣлію изложили кратко и глубоко.

Моя же мысль была другое объяснить, я разумѣлъ время, а не дѣйствіе, ибо Господь давно зоветъ, а я ползу, то есть медлю совсѣмъ ему отдаться, къ Нему обратиться и чтобъ воля Его святая во мнѣ дѣйствовала, но я не такъ объяснилъ, а сіе нужно было я вижу, чтобъ проповѣдь услышать, а не летаніемъ въ мудрованіяхъ,—лѣстницу же Іакова не помню какъ я ее помѣстилъ, но желаніе мое было отнести ее къ вашему видѣнію и къ тому, что вы одни стояли на клиросѣ, а служеніе въ храмѣ сердца вашего исполнялось, то и сія лѣстница казалось мнѣ въ храмъ сей низводила ангеловъ.

Какъ-бы то ни было письмо ваше мнѣ очень назидательно было, хотя вы мнѣ ничего не сказали о моемъ немоществованіи въ разсужденіи сна вашего о огнѣ. Теперь вамъ скажу, что вы получили отъ меня съ симъ вмѣстѣ оффиціальное письмо съ посылкою въ Юрьевъ монастырь креста перламутромъ украшеннаго и очень большаго. Государь императоръ получилъ сей крестъ въ даръ отъ одного архимандрита Парфенія молдаванской націи и бывшаго нѣкогда въ Нижегородской епархіи настоятелемъ монастыря и потомъ по отставкѣ ходившаго въ Іерусалимъ на поклоненіе, и сей крестъ онъ оттуда привезъ вмѣстѣ съ образомъ, перламутровымъ также. Его величество по принятіи сего креста самъ своимъ собственнымъ движеніемъ сказалъ: пошли сей крестъ въ тотъ монастырь, гдѣ архимандритъ Фотій, и скажи ему отъ меня, что хотя во снѣ онъ видѣлъ, что я къ нему нетакъ ласковъ, (говорилъ императоръ) но наяву не таковъ и посылаю къ

---

[1]) Въ 1-й рукоп. № 27.

нему крестъ въ знакъ онаго. Я порадовался, что государь такъ продолжаетъ къ вамъ быть расположенъ и мнѣ показалось примѣчательно, что превеликій крестъ посылается государю, а онъ посылаетъ его въ вашъ монастырь какъ-бы для того, чтобъ молитвами вашими помогли оной ему нести, ежели угодно Господу, возложить оной на милаго сердцу нашему царя. Я увѣренъ, что вы много за него молитесь и Господь услышитъ васъ. Крестъ къ вамъ посылаемый длиненъ и для того какъ онъ складной, то и разложенъ на части, которыя нужно будетъ, я думаю, клеемъ утвердить, фигуру его на другой сторонѣ я напишу, чтобъ удобнѣе его собрать. Митрополита я увѣдомилъ, что къ вамъ послалъ крестъ, но вамъ должно будетъ формально репортовать ему, какъ вы то и сами знаете. Получилъ я письмо отъ чада вашего милаго изъ Москвы, а моей о Господѣ сестры, предоброе писаніе! какое смиреніе и чистота души и какъ довольна вашимъ пребываніемъ въ Москвѣ,—внѣ себя отъ радости. Надобно бы ей нынѣшнимъ лѣтомъ сюда пріѣхать; ежели то Господу угодно будетъ, и вамъ тогда бы можно сюда побывать. Я покрайней мѣрѣ желалъ бы сего для себя, ибо лѣтомъ дворъ за городомъ и я половину недѣли здѣсь живя, свободнѣе могъ бы съ вами видѣться, чѣмъ зимой или осенью. Да будетъ во всемъ воля Божія, а я пишу только сердечное свое желаніе.

Московская ваша поѣздка конечно для многихъ была тамъ полезна, но и сатана, которому сіе не нравилось съ того много козней надѣлалъ пустыхъ лжи, которыми хотѣлъ и меня можетъ поколебать, но Господь ко мнѣ милостивъ и показалъ что то было вражіе наущеніе. Я не пишу что, ибо пересказы только дѣлаютъ продолженіе сихъ козней, что врагу можешь еще къ чему послужить, а я такія пустыя слухи всегда мимо ушей пускаю, чтобъ внутрь меня не входили.

Поручая себя молитвамъ вашимъ и прося благословенія пребуду на всегда вашъ вѣрный слуга и братъ о Господѣ князь Александръ Голицынъ.

XXXI [1]).

24—27 Марта. С. Петербургъ.

Высокопреподобне отче Фотіе, моли Бога о мнѣ грѣшномъ. Въ сей день чувствую нужду сообщеніе съ вами имѣть духомъ и оттого и на письмѣ излагаю мои чувства, хотя сегодня и не могу послать на почту. Сей день заря великаго таинственнаго дня, дня воплощенія Господня и спасенія нашего исполняетъ сердце мое радостью и любовью къ зачатію младенца Інсуса въ чревѣ преблагословенной Дѣвы Маріи, и влечетъ излить сію радость въ сердце того, кто преисполненъ будучи вѣры живой, любитъ Господа

---

[1]) Въ 1-й рук. № 28.

всѣмъ сердцемъ своимъ, умирая міру и плоти—да! къ вамъ влекусь сегодня писать, надѣясь, что и вы въ такой день вспомните о мнѣ; помолитесь и поручите меня Покрову Пресвятыя Богородицы и собору Архангела Гавріила да вліяніемъ сихъ безплотныхъ силъ сердце мое приготовится къ принятію дѣйствія Духа Святаго. Сердце чисто созижди во мнѣ Боже и Духъ правъ обнови во утробѣ моей! Но сколько смертей еще нужно проходить, чтобъ сердце такъ очистилось, чтобъ Духъ святый зачалъ во мнѣ новую тварь. Ветхій человѣкъ еще жить хощетъ, а мнѣ сильно хочется ему смерти; но что мнѣ невозможно, Богу все возможно и для того надѣюсь и терплю свои недостатки, предавая ихъ врачу душъ нашихъ, тотъ да уврачуетъ ихъ и здравымъ меня сдѣлаетъ.

Получилъ я письмо ваше въ отвѣтъ на мое о московскихъ вѣстяхъ. Истинно благо вамъ, что міръ много лжи на васъ возглаголалъ, и такія лжи, что кто немного васъ бы зналъ тотчасъ удостовѣрился бы, что тутъ клевета. Я же не только повѣрить и усумниться, но тотчасъ отвергъ какія совсѣмъ нелѣпое [1]) ибо сердце мое, что мнѣ сказало съ первой минуты свиданія моего съ вами въ олтарѣ новоосвященнаго Храма Святому Духу, то я въ продолженіе всего времени до нынѣ вижу подтвержденіе въ дѣлѣ, словѣ и писаніи вашемъ—только я увѣряю васъ поистинѣ, что не отъ духовныхъ лицъ я получилъ сіе извѣстіе, а отъ мірскихъ. Впрочемъ оставимъ сіи сплетни и болѣе не буду уже о нихъ говорить.

О времени же нынѣшнемъ, что пишете мнѣ, очень примѣчательно, но только я съ вами въ томъ не соглашусь, что вы пишете такъ: о. Фотій, что ты живешь во времена лютыя, трудныя къ спасенію и прочее, но я скажу: слава Господу, что такіе люди живутъ въ сіи времена для тѣхъ, кои ищутъ спасеніе; молитвы ихъ нужны, имъ трудно, но они симъ спасаются и другимъ помогаютъ спастися, облегчаютъ, утѣшаютъ, кресты безъ того слабымъ неудобь носимы бы были.

То что вы мнѣ поручаете царю сказать, я отодралъ отъ письма вашего, чтобъ ему показать при случаѣ. Онъ знаетъ объ вашемъ пожарѣ въ самое то время, какъ оный случился [2]); царица мать—не знаю, ибо она со мною объ васъ давно не говорила.

То что вы мнѣ пишете о зломъ намѣреніи противъ васъ въ Петербургѣ меня очень огорчило; кажется въ лаврѣ должно было положиться, что подобнаго не можетъ случиться; я очень содрогнулся, но Государь не выдастъ

---

[1]) Фраза, очевидно, испорчена переписчикомъ. Смыслъ ея ясенъ.

[2]) Рѣчь идетъ о пожарѣ, бывшемъ въ Юрьевскомъ монастырѣ, послѣ котораго Фотій получилъ обильныя приношенія на возстановленіе обители.

Н. В.

васъ, я въ томъ увѣренъ. Какое я предоброе и любезное письмо получилъ отъ сестры своея духовной изъ Москвы и какъ она описываетъ мнѣ свое счастіе во время пребыванія вашего въ домѣ ея. Засимъ поручая себя молитвамъ вашимъ и прося благословенія пребуду навсегда преданный во Христѣ Іисусѣ всѣмъ сердцемъ вашъ вѣрный слуга князь Александръ Голицынъ. С. Петербургъ, день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы 1823 года.

P. S. Такъ какъ мое письмо писано было въ день благовѣщенія, то сегодня посылая оное на почту, еще слова два скажу—благословенія прошу и вамъ пожелаю да Господь возвеселитъ сердце ваше преизобилующею благодатью такъ, чтобъ потоки живыя воды и до меня и до всѣхъ тѣхъ, коимъ жажда бываетъ пить оныя чрезъ потокъ вашъ болѣе и болѣе проливались.

Духъ времени такъ мнѣ тяжелъ, ежели-бы не было прохлады временемъ отъ потоковъ воды живыя чрезъ избранныхъ Божіихъ посылаемыхъ, то задохнуться можно. Истину рѣдко встрѣчаешь, а по большей части ея личину и борьба страшная отъ чадъ тьмы съ чадами ищущими свѣта и желающими угодить Господу.

Гоненіе вездѣ на все то, гдѣ живая вѣра открывается, хотя бы въ загадкахъ только; врагъ не хочетъ, чтобъ сердца обращались къ Господу, чтобы тамъ созидались стѣны Іерусалимскія, боится онъ сего строенія и поклоненія Іисусу Христу духомъ и истиною.

Сердце чисто созижди во мнѣ и Духъ правый обнови во утробѣ моей. Поручаю себя молитвамъ вашимъ и цалую вашу руку.

XXXII.

Высокопреподобный отче Фотіе, успокоился я и усладился получа ваши три письма, два вдругъ, а одно послѣ; истинно было мнѣ какъ искушеніе, я молчаніе ваше мнѣ было тяжело въ отношеніи томъ, какъ я къ вамъ писалъ. Съ другой стороны боялся требовать отъ васъ частаго писанія, чтобы не утрудить васъ. Дѣлъ много явныхъ по монастырю, а потомъ занятіе въ духѣ и разсудкомъ, мнѣ казалось, что перемѣны я не долженъ отъ васъ ожидать, когда и словомъ и на письмѣ имѣю отъ васъ удостовѣреніе, что Христосъ посреди насъ есть и будетъ. Но сердце мое жажду имѣло какую-то бесѣдовать съ вами на письмѣ.

И какія [1]) отъ васъ я получилъ о волѣ Божіей! Какое помазаніе! и хотя и не чистъ мой сосудъ, но капля канутая въ Юрьевѣ принята онымъ, и надѣюсь, что молитвами вашими сія капля, полученная изъ источника

[1]) Т. е. письма.

воды живыя, увеличится и наполнитъ и очиститъ сосудъ мой. Сердце чисто созижди во мнѣ Боже и духъ правъ обнови во утробѣ моей. Чаду вашему духовному читалъ я ваши письма, и мы радовались и уязвлялись любовію, какъ тотъ младенецъ братъ вашъ, о которомъ вы писали, когда матерь ваша кормила его отъ сосцевъ своихъ. Графиня меня утѣшала, когда я печаленъ былъ, не получая долго вашихъ писемъ и увѣряла меня, что отъ дѣлъ или причинъ до меня не касающихся было сіе молчаніе, а когда увидѣла сіи три письма, то и позавидовала не много, покуда не увидѣла, что и объ ней было написано, и ей велѣно удѣлять. Я люблю съ нею перечитывать ваши посланія, и мы восхищаемся вмѣстѣ. Она очень желаетъ ѣхать и разныя препятствія останавливаютъ ее; скоро надѣется выѣхать и я надѣюсь, что когда она будетъ у васъ, то вѣрно я забытъ не буду, и въ духѣ буду вамъ соприсутственъ. Послѣднія извѣстія о Государѣ получены 14 октября съ пути его въ Верону, всякій день ждемъ уже изъ Вероны; по послѣднимъ извѣстіямъ императрицы, кои получили, здоровъ. Позвольте попросить вашихъ молитвъ о Василіи Михайловичѣ Поповѣ [1]): онъ очень болѣнъ, хотя вчера ему немного было лучше. Лишайныя мокроты въ рукахъ и на ладони раны, притомъ слабость и немного меланхоліи. Истинно мнѣ жаль сего человѣка, правая онъ моя рука; на него положиться можно, сердце имѣетъ простое, Господа любитъ, а такихъ людей при способностяхъ къ дѣлу трудно въ нынѣшнемъ вѣкѣ найти. Помолитесь, Христа ради, да сохранитъ Господь Его жизнь для дѣла его Святаго, ежели только сіе не противно воли Господней. Да будетъ Его Святая воля во всемъ какъ въ насъ, такъ и внѣ насъ, и да будетъ благословенно имя Отца, Сына и Святаго Духа и препрославленно по всей земли какъ на небеси, аминь. Благослови владыко! искреннаго любящаго васъ....

P. S. О нуждахъ Юрьева монастыря поговорю съ митрополитомъ, но надобно оставить до возвращенія государя [2]).

Сообщ. **Н. И. Барсовъ**

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Директоръ департамента министерства народнаго просвѣщенія при Голицынѣ, ближайшій сотрудникъ его по переводу и изданію мистическихъ сочиненій.

[2]) Изъ содержанія письма видно, что оно писано въ 1823 г. На монастырь Юрьевскій Голицынъ выхлопоталъ впослѣдствіи отъ казны 4.000 р ежегодно. Сопоставляя содержаніе этого письма съ письмомъ XXXIII-мъ, нужно думать, что оно писано между 27 марта и 6 апрѣля 1823 г.

Н. В.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ ВЪ ЕГО ПИСЬМАХЪ

1827—1845 гг.

XVIII [1]).

Москва. 1842 г. августа 26 го.

Я получилъ, наконецъ, любезнѣйшій Константинъ Степановичъ, милое письмо ваше отъ 22-го августа и спѣшу благодарить васъ отъ всего сердца, за всѣ ваши дружескія хлопоты. Я увѣренъ былъ, что съ вашей стороны не было ни малѣйшаго нерадѣнія въ доставленіи мнѣ того, что слѣдовало послать ко мнѣ; но какъ могли затеряться на пути отъ Фонтанки въ почтамтъ такія кипы книгъ! Если 18-го сентября 1841 г. все сіе отправлено было, какъ вами сказано, къ почтъ-директору, то какъ-же не отыскаться имъ?—За 6 недѣль предъ симъ, я получилъ въ Берлинѣ нѣсколько старыхъ писемъ и журналовъ—Народнаго Просвѣщенія, Внутреннихъ Дѣлъ и Современникъ за 1841 и 1842 годы, но ни одного тома, ни 3-го тома полнаго собранія русскихъ лѣтписей, ни 1, 2 и 3 тома актовъ историческихъ, ни 1 тома актовъ, на языкахъ иностранныхъ, ни 2 и 3 русскихъ медалей, ни указателя къ юридическ. актамъ! Гдѣ же все это осталось?

Вчера князь А. Н. сказалъ мнѣ, что бы я оставилъ розысканіе о семъ до пріѣзда сюда Г. С. Попова, но на всякій случай заготовилъ у сего отношеніе къ Ѳ. И. Прянишникову, которое прошу васъ, если заблагоразсудите, ему доставить, запечатавъ и надписавъ на его имя.

Если же книги отыщутся, то благоволите хранить ихъ у себя, а

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1881 г. томъ XXXI (іюнь), стр. 187—206; томъ XXXII, (октябрь), стр. 337—350. Изд 1882 г., т. XXXIV, (апрѣль), стр. 177—194.

я напишу куда и какъ ихъ отправить. Многія слѣдуютъ въ Парижъ и въ Германію, напр. къ Гумбольдту въ Берлинъ, и пр. и для сего не нужно будетъ ихъ присылать сюда. Я сдѣлаю имъ разсыльную роспись и, списавшись съ канцеляріею министерства иностранныхъ дѣлъ, увѣдомлю васъ что куда послать. Но для сего нужно прежде все отыскать и сдѣлать реэстръ отысканному.

Вчера получилъ я рескриптъ отъ короля прусскаго съ благодарностію за доставленіе ему 1-го тома Римскихъ актовъ: печатается-ли 2-й?

Здѣсь я ежедневно у кн. А. Н., а иногда и два раза въ день. Ему, кажется, не лучше, но онъ не перестаетъ надѣяться; дождется государя и отправится въ Крымъ.

Пересылайте впредь журналъ просвѣщенія сюда. Не знаю когда удастся побывать въ Петербургѣ?

Читали-ли: De l'église Romaine en Russie? Пожалуйста еще разъ похлопочите объ отысканіи книгъ.

Весь вашъ на вѣки—Тургеневъ.

Въ письмахъ моихъ къ кн. Вяземскому я упомянулъ раза два о нелѣпостяхъ Полеваго, на меня направленныхъ: если заблагоразсудите отвѣчать лжецу-самохвалу, то можете взять сіи письма отъ г. Плетнева, коему они даны были, съ другими, кн. Вяземскимъ. Право—безстыдная такая ложь и досадно такое равнодушіе журналистовъ къ клеветѣ товарища на добросовѣстваго сборника! (87).

Кто же писалъ отвѣтъ Полевому? Я ничего не читалъ. Нельзя-ли прислать?

Поздравляю съ новой духовной Академіей! (88). Присылайте ваши церковныя новинки: хотя «Могилу», на кот. возвращаетесь.

Его Прев-ству Константину Степановичу Сербиновичу, г. директору канцеляріи г. Оберъ-Прокурора Св. Правит. Синода.—На Щукиномъ дворѣ, въ С.-Петербургѣ.

Примѣч. 87. Рецензія эта была помѣщена въ «Русск. Вѣстн.» 1842 г., т. V, критика, стр. 109—113; въ ней мы, между прочимъ, читаемъ: «осмѣлимся сказать, мы имѣли честь внушить почтенному А. И. Тургеневу первоначальную мысль его обширнаго предпріятія, и даже составили ему планъ, по которому совершилъ онъ подвигъ, принесшій ему столько чести и извѣстности. Намъ остается въ награду сознаніе полезнаго дѣла, которое успѣлъ онъ совершить; мысль, что тутъ, какъ говоритъ пчела Дмитріева, «и моего, хоть капля, меду есть»: награда достаточная».

88. Казанская духовная академія первоначально была открыта въ 1797 году и существовала до 1818 года. Въ этомъ году она была обращена въ семинарію. Въ 1842 году послѣдовало открытіе нынѣшней Казанской духовной академіи (Благовѣщенскій. «Истор. старой Казанск. дух. акад. Казань. 1876 г., стр. 5).

Н. П. Барсуковъ.

XIX.

Москва, 1842 г. декабря 14.

Письмо ваше, отъ 7 дек., любезнѣйшій Константинъ Степановичъ, глубоко меня тронуло, хотя я и издавна привыкъ къ доказательствамъ вашего ко мнѣ дружескаго расположенія. Я конечно неупотреблю онаго во зло, для того только, чтобы не отвлечь васъ отъ полезной для другихъ дѣятельности; но теперь для приведенія къ концу дѣла о книгахъ, бывшихъ въ почтамтѣ, и для оправданія моего, почему я настаивалъ о числѣ ящиковъ и содержащихся въ оныхъ книгахъ, я препровождаю къ вамъ не только копію съ письма ко мнѣ, въ сентябрѣ писаннаго Ѳед. Иван., но и пакетъ, въ коемъ оно, вмѣстѣ съ двумя тюками было прислано, въ доказательство, что послано было не 4, а два тюка, и что всего было 8, кои остановлены, вѣроятно, въ слѣдствіе письма моего къ Ѳедору Ивановичу въ томъ же сентябрѣ. Прилагаю еще разъ и копію съ реэстра доставленныхъ отъ министерства просвѣщенія книгъ и реэстръ тѣмъ, кои я получилъ въ означенныхъ двухъ тюкахъ. Прикажите сравнить присланное и и полученное съ недостающимъ.

Обдумавъ куда и что послать изъ сихъ книгъ и какія изъ оныхъ оставить въ Петербургѣ для препровожденія сюда или для принятія мною лично въ С.-Петербургѣ, я васъ увѣдомлю, а между тѣмъ прошу хранить то, что уже у васъ находится, или снова получено будетъ, какъ напр. экземпляры 2-го тома моихъ актовъ, одинъ экземпл. коихъ однакоже во всякомъ случаѣ прошу прислать сюда, немедленно по выходѣ онаго.

Отчеты св. синода получилъ и благодарилъ васъ, и чрезъ васъ и графа. Надеждою впредь получать акты археогр. коммисіи очень обрадованъ. Когда буду сбираться въ чужіе края, то устрою, сколько могу, отправленіе пакетовъ въ чужіе края.

Копію съ письма епископа Краковскаго къ св. Бернарду съ нетерпѣніемъ ожидаю: оно не длинно и находится, кажется, въ спискахъ Альбертрандія. Я писалъ вамъ о семъ подробно.

Съ любопытствомъ также ожидаю статьи Б. М. Ѳедорова о Петрѣ I, изъ моихъ актовъ составленной (89); но не знаю изъ тѣхъ-ли только бумагъ Б. М. составилъ оную, которыя я ему въ 1840 г. отдалъ, или и изъ другихъ, составленныхъ мною и, кажется, оставшихся у гр. Нессельроде или въ Археогр. коммисію препровожденныхъ. Сихъ послѣднихъ о Петрѣ I было очень много и въ нихъ новаго также очень много и доселѣ неизвѣстнаго о Петрѣ I. Я самъ

сбирался издавать ихъ. Попросите Бор. Мих. увѣдомить меня поскорѣе, какими бумагами онъ занимался и упомянуть въ статьѣ, откуда онъ получилъ оныя.

Кто сообщилъ свѣдѣніе о путешествіи моемъ въ календарь 1843 года? Я очень за это благодаренъ, хотя еще и не читалъ сей статьи въ календарѣ (90).

Sémeur—присылать непремѣнно буду. Желалъ бы его и теперь уже получать и вамъ доставлять; но въ Парижѣ нѣтъ у меня корреспондента, который бы могъ исполнить это порученіе;—хотя я и писалъ и пишу еще разъ о высылкѣ ко мнѣ «Сѣятеля»—если и здѣсь получу, то доставлю, и выберу изъ нѣкоторыхъ старыхъ васъ и вашего (лучшаго въ Россіи) журнала достойное.

Поблагодарите Ѳед. Иван. Прянишникова за новое предложеніе пересылать ко мнѣ что можно; я желалъ бы не обременять его старыми хлопотами, но право не знаю какъ иначе выручить все; что было препровождено ко мнѣ. Принимаю впрочемъ съ искреннимъ чувствомъ признательности его обязательное предложеніе.

Будетъ ли отвѣтъ безъимянному эксъ-статскому совѣтнику и кавалеру трехъ орденовъ?—Получили-ли три новыя книги о Россіи, изъ коихъ одна уже вышла въ Юрьевѣ, другія выходили и уже оглашены были въ Аугсбургской газетѣ: «Slavinisme»,—Mystères de la Russie и пр. и пр.—Читали-ли la Russie et la France?

Слѣдите-ли вы статьи, печатаемыя въ Аугсбургской газетѣ? Это лучшій Европейскій отголосокъ, хотя и не всегда въ одинъ голосъ съ нами. Нѣтъ важнаго вопроса, политическаго, философскаго, религіознаго или просто литературнаго, на который бы не откликнулась эта газета: съ нею и съ «Сѣятелемъ» можно не умереть съ духовнаго голода.

Простите, любезнѣйшій Константинъ Степановичъ, люблю васъ по прежнему и благодарю васъ за прежнее, настоящее и за будущее отъ всего сердца. Весь вашъ—А. Тургеневъ.

Примѣч. 89. Въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ 1843 (№ 1, 3) и 1844. (№ 1) было напечатано Б. М. Ѳедоровымъ «Обозрѣніе извѣстій о Россіи въ вѣкъ Петра Великаго и въ царств. Екатерины I», извлеченныхъ тайн. сов. А. И. Тургеневымъ изъ разныхъ актовъ и донесеній французскихъ посланниковъ и агентовъ при Русскомъ Дворѣ».—

Примѣч. 90. Въ Академическомъ «Мѣсяцесловѣ на 1843» былъ помѣщенъ Хронологическій «Обзоръ важнѣйшихъ путешествій, совершенныхъ въ Россіи или изъ Россіи», предпринятыхъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ», тамъ на стр. 226 сказано и объ археографическихъ путешествіяхъ А. И. Тургенева по Западной Европѣ.

Н. П. Барсуковъ.

XX.

Парижъ, 1843 г. сентября (октября) 5.

Я писалъ къ вамъ недѣли три назадъ о полученіи 6-ти пакетовъ съ книгами археогр. ком. и съ журналами, и просилъ о продолженіи отправленія оныхъ.—Съ тѣхъ поръ все хвораю и проживаю половину недѣли на дачѣ: отъ того и не могъ еще ничего сообщить вамъ изъ книжныхъ новинокъ, да и оказіи рѣдки и берутъ только пакеты съ письмами и рѣдко съ брошюрами.

Вчера узналъ я, что въ началѣ прошлаго года, графъ Нессельроде сообщилъ нашему посланнику въ Гагѣ барону Мальтицу о высочайшемъ повелѣніи снестись съ голландскимъ правительствомъ о позволеніи списать въ Гагскомъ архивѣ всѣ тѣ акты, коихъ реэстръ за три года предъ симъ сообщилъ я кн. А. Н. Голицыну, для представленія государю императору; и что не только разрѣшеніе короля нидерландскаго на сіе послѣдовало, на что всѣ сіи копіи тамъ уже сдѣланы и доставлены нашей миссіи въ Гагѣ; что гр. Нессельроде поручилъ секретарямъ сей миссіи гг. Беку и барону Николаи, перевести сіи документы на русскій, и что уже они представили. 1-й около 700 страницъ русскаго перевода, 2-й около 250 стр. въ министерство иностранныхъ дѣлъ; и продолжаютъ оба заниматься переводомъ остальныхъ бумагъ, коихъ огромныя массы! переводчикъ увѣрялъ меня, что онъ еще не дошелъ и до Петра I; но что и въ бумагахъ, относящихся до царствованія Михаила Θеодоровича, много любопытнаго и примѣчательнаго напр. до мира при Столбовѣ и пр.

Переводчики надѣются въ теченіе одного года кончить главный трудъ свой; но я полагаю, что не худо было бы, если бы археогр. коммисія вытребовала нынѣ же отъ гр. Блудова или отъ гр. Нессельроде присланные уже изъ Гаги переводы и, просмотрѣвъ оные, приступила къ печатанію, ибо судя по каталогу и по словамъ одного изъ переводчиковъ, бумаги сіи имѣютъ важное историческое достоинство. У насъ же мало документовъ изъ Голландіи.

Моя бы выгода была въ томъ, что сіе дѣло не залежалось бы въ Петербургѣ, и я прошу васъ заранѣе упомянуть о семъ, тамъ гдѣ нужно будетъ, дабы моя поѣздка, нарочно для сего въ Голландію предпринятая, не осталась безъ пользы для исторіи русской; а то Полевой и о ней скажетъ, что я по его указанію попалъ въ Гагскій архивъ (91).

Ожидаю вашего письма, журналовъ и археографическихъ изданій. Не могу писать болѣе, ибо сидѣть труднѣе, чѣмъ ходить для меня.

Поклонъ Борису Михайловичу и дружеское привѣтствіе всѣмъ вашимъ. На вѣкъ вамъ преданный А. Тургеневъ.

Его превосходительству Константину Степановичу Сербиновичу.

Примѣчаніе 91. Часть этихъ документовъ издана самимъ А. Х. Бекомъ въ 1878 году, въ „Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества" (т. XXIV). Н. П. Барсуковъ.

XXI.

К. С. Сербиновичу.

Парижъ, 1844 г. 25 Марта.

Вчера получилъ я три пакета съ русскимъ курьеромъ, въ первомъ—нѣсколько №№ вашего журнала (до генварьскаго включительно), который уже почти весь просмотрѣлъ; второй—съ двумя экземплярами медалей Александра и Николая; и третій—съ «Журналомъ Министерства Внутреннихъ дѣлъ». Какъ ни досадно было, что ни строчки отъ васъ, но не менѣе благодарность за постоянную вашу память обо мнѣ для меня утѣшительна и радуетъ мое сердце. Благодарю и за 5 экземп. выписокъ Б. М., и его за трудъ; надѣюсь и остальные экземпляры также получить: будетъ ли продолженіе? Въ замѣнъ посылаю статью въ архи-римскомъ журналѣ «Univ. Cath.» о 1-й части и два № «Сѣятеля» о 2-й (а первый вы уже имѣете). Католику можно бы отвѣчать, но это ваше православное дѣло.

Здѣсь пренія между унив. и іезуитами—во всей силѣ. У меня много книгъ и книжекъ о семъ предметѣ, и особенно Genin и Montalambert, и Равиньянъ примѣчательны; но послать ничего невозможно, отъ меня ничего не принимаютъ, потому что посылать можно только на имя министра, а я ни съ однимъ не знакомъ. Если вы выхлопочете, чтобы я могъ надписать пакетъ для васъ на имя кого изъ министровъ или оберъ-прокурора, я полагаю, что и онъ въ сей же категоріи, то я пришлю къ вамъ многое. Многое бы годилось вамъ для журнала, напр.: изъ книги «Les Jésuites et l'université» par Genin, 1844 г. 8°. Хотя послѣдняя глава о нравственности іезуитской такъ пахабна, что и въ «Charivari» бы не годилась. Я только заглядываю въ эти пренія, но читаю совсѣмъ иное, а именно: Шеллинга (92) и библію! Вчера минуло полгода, какъ я здѣсь и все еще боленъ, едва переступаю въ комнатѣ и никого не вижу, кромѣ посѣщающихъ меня. Нѣсколько легче стало, но боль въ боку и въ ногѣ продолжается. Вотъ уже 7 шпанскихъ мухъ....

Желалъ бы въ маѣ хотя столько оправиться, чтобы ѣхать къ

водамъ, или жить въ Франкфуртѣ съ Жуковскимъ! Но и это еще въ рукѣ Божіей!

Я писалъ къ вамъ, чрезъ Булгакова, нѣсколько строкъ, желая знать, чего могу ожидать—изъ прежде посыланныхъ мнѣ актовъ Археогр. Ком. и проч. не залежалось ли многое въ канцеляріи вице-канцлера?

Поблагодарите Старчевскаго за статью, но я бы желалъ кое-что оговорить въ примѣчаніи: нѣкоторые изъ актовъ на англійскомъ языкѣ пріобрѣтены не мною, а списаны другомъ моимъ, покойнымъ Андрѣемъ Сергѣевичемъ Кайсаровымъ, бывшимъ штабс-капитаномъ и профессоромъ русскаго языка въ Дерптскомъ университетѣ. Мы нѣкогда путешествовали вмѣстѣ, учились вмѣстѣ въ Гетингенскомъ университетѣ, объѣхали славянскія земли—и разстались: онъ остался въ чужихъ краяхъ, въ Англіи отыскивалъ русскую старину и списалъ нѣсколько актовъ, кои мнѣ достались, а я передалъ ихъ вамъ. Желалъ бы передать и еще кое-что изъ его бумагъ, относящихся до славянскихъ древностей. Я желалъ бы, чтобы хоть въ примѣчаніи сказано было, что я воспользовался и его собраніемъ, впрочемъ не многочисленнымъ, но—suum cuique. Онъ былъ одинъ изъ первыхъ славянофиловъ и мы вмѣстѣ учились у Шлецера, работали для его «Нестора», вмѣстѣ жили и собирали рукописи славянскія и книги—въ Карловцѣ—(въ Сарміи Славянской) у митрополита всего Славяно-Сербскаго и Валахійскаго народа—главы всего православнаго духовенства въ Венгріи—Стефана Стратиміровича отъ Кульпикъ (von Kulpin), коему Шлецеръ посвятилъ одну часть своего Нестора: онъ же издалъ и славянскую миѳологію на нѣмецкомъ, которую нѣмецъ Аллеръ перевелъ и напечаталъ на русскомъ. Пожалуйста упомяните о немъ и оправдайте меня въ завладѣніи чужаго труда.

Андрей Кайсаровъ, коего опредѣлили, послѣ Глинки и до Воейкова, профессоромъ Русской словесности въ Дерптѣ, въ 1812 г. закипѣлъ патріотизмомъ, пожелалъ издавать русскіе бюллетени при главной квартирѣ, и призванъ туда кн. Смоленскимъ, съ тяжелыми летучими станками, но—тогда было не до пера, а до меча, и эксъ-штабс-капитанъ-профессоръ явился къ брату своему Николаю Кайсарову (нынѣ генералъ-отъ-инфантеріи) въ отрядъ—и при первой встрѣчѣ съ непріятелемъ — пороховый ящикъ взорвало и онъ взлетѣлъ съ нимъ на воздухъ. Онъ же авторъ латинской диссертаціи «pro gradu doctoris въ Гетингенѣ», De manumittendis per Russiam servis, которую я поднесъ, чрезъ Н. Н. Новосильцова, Императору Александру и получилъ, для Кайсарова, бриліантовый

перстень за поднесенную диссертацію. Вотъ вамъ черты для біографіи Кайсарова. Бросьте нѣсколько цвѣтковъ—на могилу его! Ахъ! нѣтъ—онъ взлетѣлъ на воздухъ; но авось—съ нимъ и не вся ученая и патріотическая жизнь его.

При первой оказіи пришлю къ вамъ переведенную недавно брошюру Бадера (послѣднее его сочиненіе) sur le Catholicisme d'Orient et d'Occident, гдѣ и письмо Шевырева перепечатано. Вы должны бы были познакомить съ нею и русскую духовную публику: она вся въ пользу нашей церкви, хотя писана католикомъ, но не папистомъ. Я посылаю ее сегодня въ Москву, чрезъ кн. П. А. Вяземскаго; взгляните, но отошлите: вамъ пришлю другую. Другаго экземпляра въ Парижѣ нѣтъ, ибо она напечатана въ Нейшателѣ; я велѣлъ выписать. Многое выпущено изъ нѣмецкаго оригинала; но главное—и для французовъ, и для безпристрастныхъ—сохранено. Переводъ хорошъ и съ предисловіемъ.

На дняхъ выйдетъ опроверженіе Кюстина (94) русскимъ, но только въ отвѣтъ на Кюстиновы бредни о нашей церкви и на Польшу; пришлите, если выдетъ. Я доставилъ автору вашъ рапортъ объ Уніи, изъ коего онъ почерпнетъ главные факты; и еще одному—долженъ доставить о томъ же,—для опроверженія книги Шмита о греческой церкви! Но вы пишете по русски, а сей послѣдній не читаетъ по русски; я указалъ ему на нѣмецкій переводъ вашего рапорта въ Allgemeine Zeitung v. Augsburg.

Пожалуйста переводите и присылайте все, что имѣете—о церкви нашей. Нельзя же вступаться за то, чего не знаешь; а кто насъ знаетъ здѣсь? и кто въ этомъ виноватъ? Если бы я не прикованъ былъ къ постелѣ—и пишу лежа—я бы ратоборствовалъ теперь иначе въ центрѣ всѣхъ животрепещущихъ вопросовъ и состязаній—церковно-учебно-духовно-политическихъ. Совѣтывалъ бы вамъ изъ рукописей Шелинга (Die Philosophie der Offenbarung) перевести отрывокъ о 3-хъ церквахъ: Петра, Іакова, Павла, и Іоанна въ Паулусѣ—который бездѣльнически отчасти перепечаталъ Шелинга,—неполно и не совсѣмъ вѣрно изложено ученіе Шелинга, хотя понятіе о немъ имѣть и изъ Паулуса—не-христя можно.

Поклонитесь Б. М. Ѳедорову и облобызайте другъ друга за меня, а у милой хозяюшки поцѣлуйте ручку. Въ тѣхъ ли же клѣткахъ вы живете? Никто ко мнѣ не пишетъ—обрадуйте грамоткою.

К. С. Сербиновичу.

Изъ книги Jenin вы бы подробно могли узнать о положеніи здѣшняго духовенства и особенно объ отношеніяхъ его къ епархіальному

начальству и архіереевъ къ папѣ. Ультрамонтанизмъ изображенъ во всей его наготѣ, требованія приходскаго священства во многомъ справедливы, вліяніе іезуитовъ и вообще монашескихъ орденовъ, здѣсь возникающихъ, доказано фактами и университетъ,—хоть не совсѣмъ правъ, но дѣйствуетъ согласно съ пользою низшаго духовенства, ибо опасается сопротивленія епископовъ, кои держатъ въ рабствѣ своихъ приходскихъ. Jenin—хотя и профессоръ въ Страсбургѣ, но редакторъ республиканскаго журнала: «le National». Онъ все кадитъ и Вильменю, и самъ онъ не очень мнѣ нравится—духомъ своимъ; но дѣло его правое, и онъ пугаетъ ультрамонтанизмомъ не по пустому: «Non falsis terraribus implet». Въ концѣ онъ уже упоминаетъ и о книгахъ: Монталамбера, Равиньяка и пр. Сей послѣдній началъ свои конференціи въ Notre-Dame, за два воскресенья. Буду высылать ихъ въ Москву, l'Univers ихъ печатаетъ. Я переписалъ всего Лакордера, всего 8 конференцій.—Вы видѣли въ «Сѣятелѣ» замѣчанія, какъ доминиканецъ перемѣнилъ всю систему свою—отъ Ліона до Парижа: о немъ можно à la lettre сказать: «за умъ взялся»; ибо прежде и здѣсь и въ Ліонѣ—разуму и мѣста не было въ его психологическихъ теоріяхъ, а теперь—иное дѣло!—Равиньянъ, en qualité de Jésuite, est plus conséquent. Онъ началъ съ разума въ первой конференціи.

Не можете-ли вы увѣдомить меня обстоятельнѣе о книгѣ или о бумагахъ Лейбница, кои печатаетъ какой-то профессоръ, почерпнувъ оныя изъ Московскаго архива. Я видѣлъ это въ вашемъ журналѣ, въ числѣ готовящихся книгъ. Меня это очень интересуетъ, ибо я списалъ или мнѣ подарилъ Малиновскій большую тетрадь бумагъ Лейбница, переписанныхъ въ Московскомъ архивѣ. Я давалъ ихъ просматривать Гумбольду и профессору Галскому — Эрдману, издателю и біографу Лейбница. Я бы самъ желалъ издать то, что имѣю: все у меня изъ рукъ выбираютъ (95); да и издатели Котошихина не упомянули, что я, вмѣстѣ съ Соловьевымъ, нашелъ его, а представилъ о немъ и прежде его, Государю, и по моему представленію Котошихина и напечатать велѣно немедленно [1]). Получилъ и 1-ю проповѣдь Равиньяна, но долженъ послать въ Москву.

Князю Вяземскому.

5-го марта, утро.

Я отдалъ вчера письмо и особый пакетъ съ письмами и брошюрами на твое имя кн. Кочубею (чрезъ кн. Волконскаго), а такъ какъ онъ ѣдетъ завтра, то вотъ и еще письмо, съ книжкою и съ

[1]) См. примѣч. 56.

«Сѣятелемъ» два №, для К. С. Сербиновича; отошли ему вмѣсто d'André—Раневаль, а Андре въ Туринъ; а l'Univers, съ конференціею Равиньяна въ Москву.

Примѣчанія. 92) Въ бытность свою въ Москвѣ въ 1842 году, А. И. Тургеневъ говорилъ юнымъ Московскимъ философамъ, что „всѣ порядочные люди приняли сторону Шеллинга и что Гегель похороненъ" („Русск. Арх." 1880 т. II, стр. 283).

93) Старчевскій написалъ рецензію на „Historica Russiae Monumenta" („Журн. Мин. Нар. Просв." ч. XLI, VI, стр. 16).

94) Въ 1843 году, была издана въ Парижѣ и напечатана въ Брюсселѣ, въ четырехъ частяхъ извѣстная книга маркиза де Кюстина подъ заглавіемъ: „La Russie en 1839". Эпиграфомъ для своей книги авторъ избралъ слѣдующія слова изъ поученія Владиміра Мономаха: „Чтите гость, откуду же къ вамъ придетъ, или простъ, или добръ, или голъ, аще не можете даромъ, брашномъ и питьемъ: ти бо мимоходячи прославить человѣка по всѣмъ землямъ, любо добрымъ, любо злымъ". Жуковскій писалъ къ Булгакову: „читалъ ли ты собаку Кюстина? Вѣрно читалъ". („Русск. Арх." 1868, стр. 1447).

95) Въ 1843 году Посссельтъ издалъ книгу подъ заглавіемъ „Peter der Grosse und Leibnitz. Dorpat und Moscau". 8°.

Н. П. Барсуковъ.

XXII.

Champrosay. 1844 г. Октября 1-го (13-го).

Я нашелъ въ Парижѣ и письмо ваше, любезнѣйшій Константинъ Степановичъ, и пакетъ съ выходами (96) и съ двумя № вашего наставительнаго и любопытнаго журнала; о письмѣ я зналъ, но не читалъ его прежде; иначе бы давно поблагодарилъ васъ за сердечное изъявленіе сокровенныхъ чувствъ вашихъ и за бесѣду о высшихъ благахъ міра сего, коихъ мы, для нашего возрожденія духовнаго и душевнаго, безпрестанно лишаемся, да—лучшихъ и истинныхъ удостоимся, хотя и не здѣсь....

Жаль, что я не могъ отвѣчать вамъ на это письмо изъ моихъ Вильбадскихъ, Гейдельбергскихъ и Кисингенскихъ уединеній: сердце тогда было на просторѣ и билось согласно съ вашимъ; полно грустію и тоскою—по другомъ мірѣ и по отшедшихъ въ него: и здѣсь тоже, да уже не такъ!....

Я писалъ къ вамъ нѣсколько словъ изъ Гейдельберга, съ попутчикомъ, коего поручалъ вамъ, и изъ Франкфурта съ гр. Протасовымъ, съ коимъ говорилъ о васъ какъ думалъ и чувствовалъ: съ тѣхъ поръ я здѣсь,—лѣчусь по предписанію Хеліуса, но не съ большимъ успѣхомъ; боль едва-ли уменьшилась, сила ходить слабо

возвращается, приближеніе сырой осени и зимы страшитъ меня; одна надежда на нѣмецкихъ докторовъ и на богемскія или нѣмецкія воды будущимъ лѣтомъ снова оживляетъ меня. Надѣялся послать къ вамъ двѣ или три книжки, самъ былъ въ посольствѣ, но приняли только пакетъ съ письмами и съ № Sémeur, коего опять рекомендую и вашему—свыше просвѣщенному, и другому граждански просвѣщенному министерству. Почти въ каждомъ № статья полезная или любопытная и всегда ученіе (doctrine) здравое; также всѣ главные европейскіе вопросы, qui palpitent de l'interêt du moment et même de l'avenir; въ немъ объясняется изъ высшей религіозной—христіанской точки зрѣнія. Я посылаю его въ Москву, но только когда оказіи случаются, а вамъ бы должно было, для собственнаго чтенія, и для редакціи журнала, получать его благовременно и акуратно. Устройте это: если нельзя, то я хотя изрѣдка буду высылать вамъ примѣчательнѣйшія статьи онаго. Grandpierre (проповѣдникъ христіанскій du culte nonsalarié, протестантъ) издалъ толкованіе на Pentateuque: хвалятъ очень.

Vinet, Лозанскій Вильменъ, и проповѣдникъ, лекціи (литографированныя) о литературѣ французской, 19-го столѣтія,—большею частію о Шатобріанѣ и M-me Stahl; перваго строго, но справедливо разбираетъ; о самыхъ новѣйшихъ литературныхъ явленіяхъ, такъ какъ и о Наполеонской эпохѣ—кратко, хотя и дѣльно важнѣйшее; хотя и не новое явленіе два новыя изданія Паскаля: Кузеня и Famlet: послѣднее въ двухъ частяхъ съ портретомъ, и лучшее; но и Кузень нуженъ для полнаго взгляда на Паскаля, въ его ресторированной формѣ! Не должно упускать изъ вида и перваго, стариннаго Портрояльскаго изданія. Этихъ 3-хъ достаточно.

M-me la princesse Belgioso, отцвѣтающая красавица, sans peur, mais non sans reproches—осмѣлившаяся издать книгу въ 4-хъ частяхъ, о развитіи догмата католическаго, недавно издала другую: переводъ Вико (Канта Италіи), съ примѣчательнымъ предисловіемъ, въ коемъ помѣстила и его біографію. Хотя послѣднее выбрано и изъ аутобіографіи самаго Вико, но увѣряетъ, что и M-me Belgioso дополнила ее любопытными указаніями и объясненіями. Ея поступокъ съ историкомъ слѣпцомъ Тьеремъ (Тьери), лучше книгъ ея, и она можетъ съ бо̀льшею справедливостію нежели Вольтеръ, сказать о себѣ: «J'ai fait un peu de bien, c'est mon meilleur ouvrage». Тьерсъ (Тьери) недавно овдовѣлъ, и лишился въ женѣ ангела-хранителя и секретаря и чтеца своего: Belgioso наняла дачу и предложила ему жить подлѣ нея и ухаживаетъ за нимъ безкорыстно: en tout bien et etc. «Honni soit qui mal y pense».

Я читаю «Москвитянина» и очень доволенъ статьею Стурдзы: О Христіанской философіи. Такъ бы и профессоры ваши должны писать и не умничать ни въ слогѣ, ни въ полумысляхъ своихъ, коихъ одна темнота напоминаетъ худшую сторону нѣмецкихъ школъ, на кои они нападаютъ ихъ же оружіемъ, и морочатъ насъ своею терминологіею, подъ коею скрываются или пошлыя истины, или клевета на Европу, или просто—безтолочь! Sapienti sat. Но и въ нихъ замѣченъ прогрессъ, (ихъ же выраженіе). Эксъ-профессоръ Погодинъ, фаворитъ вашего добраго графа П. (Протасова), уже не разсказываетъ намъ за какую цѣну купилъ онъ панталоны у носячаго въ Парижѣ (97)! И на Европу замѣтилъ я менѣе нападокъ въ «Москвитянинѣ», даже и у тѣхъ, кои сами научились писать у европейцевъ.

Впрочемъ я съ благодарностію читаю здѣсь Москвитянинъ, въ немъ много любопытныхъ статей, хотя все еще, какъ говаривалъ балагуръ Нарышкинъ объ умномъ и просвѣщенномъ въ его время архимандритѣ—послѣ московскій митрополитъ—Платонѣ: «уменъ, уменъ, а всё и отъ него тёшкой пахнетъ». Отъ «Москвитянина» также иногда несетъ козьимъ болотомъ, но за все спасибо и большое; я право сердечно люблю издателей, напр.: Шевырева, хотя иногда и швыряю въ нихъ камнями, но надѣюсь не попадая и безвредно.

Я теперь не въ Парижѣ и не имѣю здѣсь вашей записки о книгахъ, высланныхъ и еще у васъ хранящихся; желалъ бы имѣть два или три экземпл. моихъ актовъ римскихъ, и по одному всего, что вновь выходитъ; остальное сберегите подъ моимъ адресомъ, или отошлите сестрицѣ Нефед. въ Москву, для храненія. Если выздоровлю, хотя слегка, то пріѣду лѣтомъ въ Россію. Скажите Б. М. Ѳедорову мой сердечный поклонъ и что его выписки о Петрѣ I и пр. Русскіе здѣсь просятъ у меня. Вы только 5 экз. 4-й тетрадки прислали: нельзя-ли болѣе, да хотя по 1-й и первыхъ; будетъ ли 5-я?

Поцѣлуйте ручки нѣжно и почтительно у вашего милаго ангела. Поблагодарите издателей Археограф. Ком., а болѣе себя самихъ.

Весь вашъ на вѣки А. Тургеневъ.

Я былъ два раза въ L'acheul—и спорилъ съ послушникомъ Иваномъ-Ксаверіемъ; но объ этомъ болѣе послѣ (98); не онъ во всемъ виноватъ, а мы, т. е. вы, я, Фил. [1]) Мур. (Муравьевъ) и весь летаргизмъ нашего православія: опять: sapienti sat. Дайте волю думать и вѣрить (не дѣйствуя въ отношеніи къ другимъ) и вы со-

[1]) См. примѣч. 69.

храните многихъ отступниковъ: образумятся, просвѣтятся и останутся въ лонѣ матери-церкви, или христіанства: sapienti sat.

Отвѣчайте на статью въ Дебатахъ 11-го окт. (3-го дня) о попѣ Домбровскомъ, высѣченномъ кнутомъ 150 ударами! и на 147-мъ умершемъ! Она возбудила здѣсь негодованіе въ лучшихъ умахъ и въ добрыхъ сердцахъ: я едва успокоилъ Рекамье и Шатобріана, объяснивъ имъ, что и при милосердой монархинѣ Елисаветѣ Петровнѣ, уничтожившей смертную казнь—не болѣе 101 удара за смертоубійство, а что нынѣ гораздо менѣе, что священство совсѣмъ не подвержено тѣлесному наказанію, наравнѣ съ дворянствомъ, что эта статья явная клевета, и проч. Изъ учтивости повѣрили мнѣ, но не совсѣмъ. Огласите истину, или объясните фактъ; мы не вправѣ пренебрегать и клеветою, особливо когда дѣйствуемъ на умы самые безпристрастные. Чѣмъ опровергать быль и небылицу Кюстина [1]), лучше бы уничтожать такіе поклепы, опровергать словомъ и дѣломъ.

Поклонитесь отъ меня графу. Познакомьте нашу или вашу публику съ превосходной книгой Шлейермахера (изъ его „Litterarischer Nachlass) Die christliche Sitte Jonaz—омъ, изданіе 1843 г. 706 страницъ текста и 192 стр. Beilage.

Это сокровищница и для православія, міра христіанскаго. Изъ сей книги (конца нѣтъ).

Примѣч. 96. «Выходы государей царей и великихъ князей Михаила Өеодоровича, Алексѣя Михаиловича, Өеодора Алексѣевича», изданные въ 1844 году, въ Москвѣ П. М. Строевымъ.

97. Чрезъ Шевырева, Погодинъ пользовался расположеніемъ графа Протасова. Въ 1844 году, Погодинъ оставилъ университетъ и въ томъ же году издалъ свой «Дорожный Дневникъ», въ которомъ дѣйствительно, между прочимъ, мы находимъ и подобныя свѣдѣнія: Въ Парижѣ «сюртуки теперь почти куртки съ короткими рукавами, извольте же нарядиться такимъ шутомъ. Да совѣстно будетъ вспомнить о своихъ студентахъ (II, стр. 12) «Надѣваю короткій сюртучекъ и пускаюсь во вся тяжкая! Ха, ха, ха! что сказали бы мои Московскіе пріятели, услышавъ это рѣшеніе»! (II, стр. 24—25) „Купилъ на бульварѣ лѣтнее платье, и съ поспѣшностью, которая всегда обходится мнѣ дорого: мнѣ сперва скучно было примѣривать много, потомъ совѣстно не купить примѣривши, наконецъ стыдно подать слишкомъ малую цѣну въ сравненіи съ запрошенною. Скучно, совѣстно и стыдно, и того: я купилъ дурное платье, не впору и дорого. Бульварные продавцы, какъ узналъ я послѣ, родные братья нашимъ площаднымъ, не смотря на свою цивилизацію" (II, стр. 117—118).

98. Рѣчь идетъ о князѣ Иванѣ Сергѣевичѣ Гагаринѣ, поступившемъ въ Орденъ Іезуитовъ. Въ одномъ письмѣ его мы читаемъ: „Въ 1843 году я

---

[1]) См. примѣч. 94.

оставилъ свѣтъ и поступилъ въ новиціатъ ордена іезуитовъ въ Ахеоланскую обитель, гдѣ и оставался до сентября 1845 года. Въ Ахеоланской обители меня навѣстилъ А. И. Тургеневъ, мы долго съ нимъ разговаривали про былое время" („Русск. Арх." 1865, стр. 1034). «Русская Литература», пишетъ И. С. Аксаковъ, «обязана вѣчною благодарностью князю И. С. Гагарину: онъ не только первый умѣлъ оцѣнить поэтическій даръ Тютчева, но и обратилъ его въ дѣйствительное достояніе Россіи. Безъ его усилій, безъ его посредства, едва ли бы когда эти перлы Русской поэзіи увидѣли свѣтъ въ Русской печати; онъ первый познакомилъ съ ними князя Вяземскаго и Жуковскаго, а впослѣдствіи и Пушкина» (ibid. 1879. II, стр. 118).

Н. П. Барсуковъ.

Въ сентябрѣ 1878 г. мы имѣли удовольствіе посѣтить И. С. Гагарина въ Парижѣ, на Севрской улицѣ, въ іезуитскомъ монастырѣ. Мы встрѣтили въ немъ весьма живаго, умнаго старика, весьма живо интересующагося всѣмъ, что относится до Россіи. Вмѣстѣ съ достопочтеннымъ русскимъ ученымъ Мартыновымъ (также братомъ іезуитскаго ордена) онъ основалъ Кирилло-Меѳодіевскій музей—особый отдѣлъ славяно-русскихъ книгъ въ громаднѣйшей библіотекѣ отцевъ іезуитовъ. Ред.

XXIII.

Парижъ. 1844 г. 8-го ноября (окт.).

Вы знаете, что Жуковскій переводитъ Одиссею—и уже 10-ю пѣснь кончилъ; вы можете полагать, что переводъ хорошъ, а я смѣю увѣрить васъ, что онъ превосходный и едва ли не лучше Фосова; о другихъ и говорить нечего!—Этотъ переводъ намѣренъ онъ издать въ двухъ изданіяхъ: одно, съ греческимъ текстомъ для юношества и для училищъ, другое—безъ текста, для всей публики; въ первомъ будутъ нѣкоторые стихи выпущены et pour cause. Этотъ переводъ долженъ служить наслѣдствомъ для дѣтей его, вѣрнымъ кускомъ хлѣба—потомству Жуковскаго.

Желая обезпечить вѣрное и выгодное изданіе Одиссеи, я полагалъ бы, что свѣтское и духовное народное просвѣщеніе можетъ принять переводъ сей, какъ книгу классическую и ввести ее въ духовныя и гражданскія училища, и конечно Жуковскаго переводъ Одиссеи болѣе этого заслуживаетъ, чѣмъ безполезная Русская Исторія Погодина, обогатившая автора разборомъ по училищамъ (99). Спрашиваю васъ: какимъ средствомъ можно упрочить Жуковскому эту надежду или исполненіе оной? Графъ Протасовъ любитъ и уважаетъ самъ Жуковскаго. Посовѣтуйтесь съ нимъ и провѣдайте въ министерствѣ просвѣщенія, какъ это тамъ дѣлается и увѣдомьте меня или самаго Жуковскаго поскорѣе, хотя дѣло и не къ спѣху.

Я все хвораю, но менѣе страдаю. Отъ васъ ни слова, а получилъ

только царскіе выходы [1]) и два № журнала просвѣщенія; нѣтъ-ли новыхъ изданій Археогр. Ком? Читаю много. Послать ничего нельзя; едва укладываю брошюрки для Москвы и то окоротивъ ихъ въ три погибели.

Имѣете-ли англинскаго Кюстина? Revelations of Russia? Совѣтую выписать и отвѣтъ въ статьѣ «New 4-ly and foreign Review».—Любопытно,—послать не смѣю и не могу, первой особенно.

Для чего вы ни слова о брошюрѣ Стурдзы на франц. Pensées religieuses и пр., въ Яссахъ напечатанной.

Обнимаю васъ дружески и прошу не забывать меня въ молитвахъ да и въ письмахъ вашихъ, и поклониться гр. Протасову.—Весь вашъ А. Т.

Борису Михайловичу усердный поклонъ. Будетъ-ли 5-я тетрадка выписокъ изъ моихъ бумагъ?

Да пожалуйста пришлите хотя два экз. еще Римскихъ актовъ моихъ; они у васъ залежались или въ канцеляріи гр. Нессельроде.

Его прев-ству Константину Степановичу Сербиновичу.

Примѣч. 99. „Начертаніе Русской Исторіи для гимназій“. М. 1835 г. Этотъ учебникъ Погодинъ написалъ по порученію графа С. С. Уварова и по свидѣтельству самаго автора, «долженъ былъ его представить въ скорѣйшемъ времени. Вслѣдствіи чего онъ могъ обработать согласно съ своимъ планомъ только древнѣйшую часть, предполагая продолжать исправленіе по частямъ при всякомъ новомъ изданіи. Во второмъ изданіи, которое послѣдовало чрезъ годъ, онъ обработалъ литературу Русской Исторіи. Дальнѣйшее исправленіе остановилось вслѣдствіе принятія для гимназическаго курса Исторіи Устрялова». («Біогр. Слов. Моск. Универс.», II. стр. 253).

Н. П. Барсуковъ.

XXIV.

К. С. Сербиновичу.

Москва. 19 сентября.

Письмо и записку вашу получилъ, любезный К. С., и буду отвѣчать послѣ подробно. Теперь же прошу приказать навѣдаться, какіе остались для меня пакеты непосланными въ канцеляріи Нессельроде и когда послѣдніе посланы. Я писалъ въ Парижъ, чтобы меня увѣдомили какіе именно тамъ томы и какихъ именно изданій, и напишу къ вамъ какіе у меня здѣсь. Кажется нѣкоторыхъ частей не достаетъ въ нѣкоторыхъ изданіяхъ.

[1]) См. примѣч. 96.

Могу-ли надѣяться получить два или три экземп. моихъ римскихъ актовъ: всѣ просятъ въ Германіи, даже Д-ръ Шенлейнъ, для Бамбуга, а достать нельзя. Кошихина также у меня нѣтъ. Кто позволилъ Языкову напечатать (100) Лирія? Это моя собственность и копія не была дана ему въ собственность.

Нельзя-ли выслать сюда то, что хранится у Нессельроде, но конечно лучше бы было, если бы послали прямо въ Парижъ à Paris № 14 Rue neuve du Luxembourg.

Жаль, что мы не видались здѣсь и что вы не присутствовали при открытіи памятника К. Не можете-ли вы доставить мнѣ рисунокъ съ онаго? Я только знаю его по слухамъ, и описанія не читалъ нигдѣ, и желалъ бы имѣть понятіе объ идеѣ памятника, о барельефахъ. Были-ли рисунки—(101)?

Весь вашъ—Тургеневъ.

Нѣтъ-ли чего новаго по церковно-духовной части, и журнала просвѣщенія давно не получаю.—

На оборотѣ: князю П. А. Вяземскому.

Примѣч. 100. Записки Дюка Лирійскаго были изданы Д. И. Языковымъ въ 1845 году. Этимъ опредѣляется и время написанія письма А. И. Тургенева. Французская рукопись, съ которой Языковъ сдѣлалъ свой переводъ, принадлежитъ теперь К. Н. Бестужеву-Рюмину: это тетрадь въ 4-ку въ 164 нумерованныхъ страницъ, писанная почеркомъ 20-хъ годовъ текущаго столѣтія, по опредѣленію Д. А. Корсакова. («Воцареніе императрицы Анны Іоанновны» Каз. 1880, стр. XXXIV).

Примѣч. 101. Рѣчь идетъ о памятникѣ Карамзину, который былъ открытъ въ Симбирскѣ въ 1845 году. По вызову Симбирскаго дворянства М. П. Погодинъ написалъ похвальное слово Карамзину, которое произнесено было ораторомъ при открытіи памятника. На это же событіе Н. М. Языковъ написалъ стихотвореніе и посвятилъ его А. И. Тургеневу. Слѣдующіе стихи изъ него вспомнились И. С. Аксакову при открытіи памятника Пушкину въ Москвѣ:

.... Слава времени, когда—
И мирный гражданинъ, подвижникъ незабвенный
На полѣ книжнаго труда,
Вѣнчанный славою, и гордый воевода,
Герой счастливый на войнѣ,—
Стоитъ торжественно передъ лицемъ народа
Уже на ровной вышинѣ!

Подробности объ открытіи памятника Карамзину находятся въ письмѣ М. П. Погодина къ М. А. Дмитріеву («Москв.» 1845. № 9).

Н. П. Барсуковъ.

XXV.

Москва, 1845. 13 октября.

Податель сего Александръ Николаевичъ Поповъ, извѣстный, вѣроятно, и вамъ, нѣкоторыми прекрасными статьями о философіи, о русской исторіи, и проч., отправляется на службу въ Петербургъ. Зная васъ и по тѣмъ, кои любятъ и почитаютъ васъ, и по изданію журнала Просвѣщенія, онъ желаетъ лично съ вами познакомиться. Я и самъ намѣренъ былъ ему предложить тоже, ибо увѣренъ, что вамъ и рѣдко образованный умъ г. Попова, и благородный характеръ его, и необыкновенныя знанія его, будутъ находкою для вашего досуга, какъ и для самой дѣятельности въ высшемъ кругу нашей словесности учебной и ученой. Мнѣ случалось называть его здѣсь вторымъ Сербиновичемъ, и когда вы узнаете покороче г. Попова, вы убѣдитесь, что и эта похвала не была слишкомъ преувеличенною, но заслуженною (102).

На сихъ дняхъ г. Поповъ читалъ намъ превосходную книгу—статью свою о Шлецерѣ; причитавшись и наслушавшись здѣсь, да и во многихъ Петербургскихъ журналахъ и книжкахъ, русскаго слова, я чистосердечно убѣдился, что никто изъ нашихъ молодыхъ писателей такъ правильно и отчетливо, такъ хорошо не пишетъ. Съ изученіемъ великаго историка-критика, его вліянія на тогдашній германскій міръ и на всю сѣверную и особенно русскую исторію, г. Поповъ соединяетъ ясный, свѣтлый умъ, здравое сужденіе, образованное начитанностію классическихъ авторовъ и новѣйшихъ лучшихъ критиковъ въ исторіи. Я ожидаю съ нетерпѣніемъ появленія въ свѣтъ этой превосходной диссертаціи и увѣренъ, что и въ Германіи, въ отечествѣ Шлецера, и у его уцѣлѣвшихъ немногихъ учениковъ и у многочисленныхъ почитателей, она найдетъ одобрителей, и останется, и послѣ панегирика біографическаго Герена о Шлецерѣ, однимъ изъ блестящихъ и не скоро увядаемыхъ цвѣтковъ на гробѣ свѣтоносца во тьмѣ нашей древней отечественной исторіи (103). Вы раздѣлите со мною сіе мнѣніе о трудѣ г. Попова, когда прочтете его и мнѣніе мое объ авторѣ, когда съ нимъ познакомитесь. Постарайтесь только побѣдить его скромность; онъ добрый Москвичъ—разумѣю подъ нимъ и русскаго—и ѣдетъ въ Петербургъ съ сжатымъ сердцемъ; но люди, ему подобные, при необыкновенныхъ способностяхъ и трудолюбіи, находятъ—если не счастіе, то миръ свѣтлой души и подъ чужимъ небомъ. Отогрѣйте его въ вашемъ гостепріимномъ и свѣтозарномъ пріютѣ.

Я писалъ къ вамъ прежде чрезъ кн. Вяземскаго и поручилъ

на сихъ дняхъ старому моему сослуживцу стат. сов. Ивану Петровичу Черняеву, отправляющемуся отъ сюда, послѣ завтра, въ Петербургъ, побывать у васъ и съ позволенія вашего сдѣлать опись содержанію пакетовъ у васъ, для меня хранящихся,—(я уже имѣю записку вашу о нихъ)—и распечатать тѣ пакеты, кои отданы въ канцелярію гр. Нессельроде—на что даю ему особенную довѣренность, и по исчисленіи всего, что въ нихъ находится, увѣдомить о томъ меня, и прислать реэстръ, по коему бы я могъ отмѣтить то, что нужно оставить въ Петербургѣ, для отправленія на мое имя за границу и что̀ прислать сюда. Онъ, чрезъ сына своего, служащаго при Синявинѣ, въ Азіатскомъ Департаментѣ, похлопочетъ и о скорѣйшемъ отправленіи тѣхъ изъ пакетовъ, кои, по отмѣткѣ моей, возвратитъ онъ въ канцелярію гр. Нессельроде.

Пожалуйста не откажитесь приказать показать ему мои книги, у васъ оставшіяся, и позвольте ему быть моимъ у васъ представителемъ и хлопотуномъ по сему дѣлу. Да не забудьте дополнить чего недостаетъ; всего нужнѣе для меня—Римскіе акты, ибо вездѣ ихъ требуютъ, а нигдѣ нѣтъ. И журнала вашего давно не получалъ.

Что дѣлаетъ нашъ добрый Борисъ Михайловичъ Ѳедоровъ? Не откликнется ли онъ на мой дружескій привѣтъ письмомъ о себѣ, о Русской Словесности, о его участіи въ оной, о его планахъ и пр.?—Познакомьте и его съ Поповымъ.

Я все страдаю и едва передвигаю ноги отъ задышки и ревматизма; но желалъ бы, по дѣламъ, заглянуть и въ Петербургъ, до отъѣзда къ водамъ, откуда, неизлѣченный, возвратился. Страшусь вашего холода и не столько нравственно-сердечнаго, сколько физическаго. Напомните обо мнѣ всѣмъ вашимъ милымъ ближнимъ.

Андрей Карамзинъ былъ опасно боленъ и еще продолжается нервическая слабость, его изнуряющая; 4-го дня пріѣхалъ къ нему братъ Александръ изъ деревни и охраняетъ его братними о немъ попеченіями. Ему нуженъ покой; бываю у него почти ежедневно, но видѣлъ въ болѣзни только два раза; посѣтители вредны ему; ему нуженъ покой совершенный.

Что дѣлаетъ наша церковная словесность? Нѣтъ-ли новаго отчета? новыхъ конспектовъ по богословію? Поклонитесь отъ меня графу Н. А. и скажите ему, что полезно бы было опровергнуть поклепы, на васъ высказанные въ журналахъ—о Ковно и проч.—А иначе скажутъ, хотя не совсѣмъ справедливо:

«А Васька слушаетъ—да ѣстъ!»

Обнимаю васъ мысленно и прошу принять увѣреніе въ искреннемъ, старинномъ почитаніи и привязанности—Тургеневъ.

Читали-ли «Диссертацію Соловьева», [1]) вступившаго здѣсь на каѳедру Погодина, объ отношеніяхъ Москвы къ Новгороду? Примѣчательное явленіе въ нашей безотрадной литературѣ, хотя автора и упрекаютъ въ излишнемъ молчаніи о Карамзинѣ. О семъ трудѣ нужно бы вамъ упомянуть въ вашемъ критическомъ обзорѣ русскихъ произведеній. Жаль, что 300 экземпл., авторомъ напечатанныхъ, уже разошлись; но у васъ все подъ рукою.—Говорили-ли въ журналѣ о новой церкви въ Германіи? «Novus ab integro nascitur ordo! хотя и нѣтъ еще Меланхтона, а только Лютерчики, какъ прыщи по всему германскому тѣлу; но чѣмъ слабѣе орудія, тѣмъ сильнѣе проявляется необходимость—и spontaneité цѣли, къ которой стремятся: «сила Божія въ немощахъ совершится». Плевелы раціонализма отдѣлятся отъ зерна горчишна и отъ питательнаго прозябенія.—И созрѣетъ плодъ во время свое; даже и на Гегелевой и Штраусовой почвѣ: духъ идѣже хощетъ—дышетъ.

Его Прев-ству Константину Степановичу Сербиновичу, г. директору канцеляріи г. оберъ-прокурора св. синода въ Спб.

Примѣчаніе 102. Александръ Николаевичъ Поповъ скончался въ Петербургѣ 16 ноября 1877 г. Смерть застала его надъ большимъ трудомъ о „12-мъ годѣ", которому онъ предался въ послѣдніе годы своей жизни. Рядъ обширныхъ очерковъ изъ этого превосходнаго и въ высшей степени интереснаго труда былъ имъ напечатанъ въ „Русскомъ Архивѣ" и въ „Русской Старинѣ" изд 1877 года томы XVIII, XIX и XX.

103. Сочиненіе А. Н. Попова подъ заглавіемъ: „Шлецеръ разсужденіе о Русской Исторіографіи" было напечатано въ „Московскомъ Сборникѣ" на 1847 годъ (стр. 397—483) тогда, когда А. И. Тургенева уже не было въ живыхъ. Въ августѣ 1845 г., онъ пріѣхалъ въ Москву и былъ по обыкновенію очень веселъ и шутливъ, являлся во всѣхъ собраніяхъ. 30 ноября въ пятницу былъ на балѣ у князя А. Г. Щербатова; 1 декабря въ субботу слушалъ первую публичную лекцію Т. Н. Грановскаго; 2-го, въ воскресенье, провелъ полдня въ пересыльномъ замкѣ на Воробьевыхъ горахъ; и наконецъ въ день смерти въ понедѣльникъ, 3-го декабря, все утро писалъ письма въ Парижъ, отвезъ ихъ въ почтамтъ, а въ шестомъ часу послѣ обѣда скончался въ тѣсномъ, загроможденномъ портфелями и книгами мезонинѣ небольшаго дома двоюродной сестры своей А. И. Нефедьевой. Погребеніе совершалось 7-го декабря въ приходской церкви Св. Власія. Высокопреосвященный Филаретъ митрополитъ Московскій отдалъ ему послѣдній долгъ. „Съ какою глубокою думою во взорахъ", пишетъ очевидецъ Погодинъ, „нашъ досточтимый Архипастырь бросилъ послѣднюю горсть земли на закрывшіяся вѣжды". „Моск. Вѣдом". 1845 № 148. Жуковскій горько оплакивалъ кончину А. И. Тургенева: „Вотъ и еще одинъ дорогой товарищъ жизни меня оставилъ, и онъ изъ всѣхъ былъ самый давнишній. По старшинству лѣтъ надлежало бы мнѣ пойти впе-

[1]) Сергѣя Михайловича.

редъ", (Русск. Арх." 1868, стр. 1456). Когда Булгаковъ доставилъ Жуковскому статью Погодина о Тургеневѣ, то Жуковскій писалъ: „Благодарю тебя, мой милый, за доставленіе статьи Погодина. Въ ней есть хорошее, потому что она написана съ доброжелательствомъ и убѣжденіемъ. Но она, какъ все, что пишетъ Погодинъ, аляповата. Въ Погодинѣ нѣтъ никакого такту. Я бы желалъ, чтобы Вяземскій написалъ о нашемъ добромъ отшедшемъ. Погодинъ не умѣлъ описать ума его: на это у него нѣтъ чутья. Никто кромѣ Вяземскаго не можетъ его выразить вѣрно и сходно" („Сочиненія Жуковскаго". Изд. 1878 г. VI, стр 566).

Это желаніе друга своего князь П. А. Вяземскій исполнилъ только въ 1875 году и въ „Русскомъ Архивѣ" (стр. 57—71) начерталъ намъ чудный образъ Тургенева, въ которомъ, по желанію Жуковскаго, „неуловимая физіогномія ума Тургенева и весь чистый фиміамъ его души сбережены вполнѣ для его любившихъ, для современниковъ и для потомства". (Жуковскій. VI, стр 566).—

Н. П. Барсуковъ.

18 декабря 1880 г.
С. Петербургъ

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ПОПОВЪ.

† 16-го ноября 1877 г.

Восторженный отзывъ А. И. Тургенева (см. выше, стр. 459) объ А. Н. Поповѣ вполнѣ справедливъ. Это былъ замѣчательный ученый и писатель-историкъ. Съ обширною начитанностію онъ соединялъ замѣчательное трудолюбіе; впрочемъ говорилъ еще лучше, нежели писалъ: бесѣда его была поистинѣ увлекательна. Мы знали А. Н. съ 1860 года, часто встрѣчая его у общаго съ нимъ друга нашего А. Ѳ. Гильфердинга, столь безвременно скончавшагося въ 1872 г.

Съ самаго начала изданія «Русской Старины» А. Н. Поповъ относился къ этому журналу съ большимъ сочувствіемъ. Самая программа журнала и первое объявленіе объ этомъ изданіи были написаны нами въ ноябрѣ 1869 года, по совѣщаніи съ А. Н. Поповымъ. Лучшія главы изъ блестящаго во всѣхъ отношеніяхъ труда Попова о 1812 годѣ напечатаны имъ въ «Русской Старинѣ».

Съ глубокою скорбію вспоминаю я о моемъ послѣднемъ свиданіи съ А. Н. Возвратившись изъ деревни въ октябрѣ 1877 г., я въ концѣ этого мѣсяца пошелъ къ нему провести вечеръ. А. Н. много лѣтъ жилъ на Николаевской улицѣ, домъ Губина, въ полнѣйшемъ уединеніи съ своимъ камердинеромъ. А. Н. отдыхалъ, по обычаю, на диванѣ; слуга его разбудилъ и онъ, вскочивъ, съ привѣтливою улыбкою встрѣтилъ меня и сѣлъ за свой письменный столъ. Я усѣлся противъ, предвкушая удовольствіе продолжительной и, какъ всегда, интересной его бесѣды. Къ величайшему моему изумленію, А. Н. молчалъ, улыбка исчезла съ его губъ, лицо подернулось глубокою скорбію и выраженіемъ тяжкаго страданія. Я, ничего не подозрѣвая, заводилъ рѣчь то о томъ, то о другомъ, но предо мной сидѣла безгласная фигура со сложенными на груди руками, съ глазами, полными жизни, но совершенно безмолвная. Нѣсколько минутъ я объяснялъ себѣ молчаніе А. Н. тѣмъ, что онъ былъ внезапно разбуженъ отъ глубокаго послѣобѣденнаго сна. Но прошла четверть часа, показавшаяся мнѣ цѣлымъ часомъ, а я не слыхалъ отъ хозяина еще ни одного слова. Человѣкъ принесъ, какъ теперь помню, послѣдній № «Нивы». А. Н. съ самою серьезною миною обратился къ журналу и сталъ разрѣзать ножемъ свернутые листы; послѣ новыхъ вопросовъ, онъ откинулся внезапно на спинку креселъ и проговорилъ какимъ-то удушливымъ голосомъ: «вотъ что мнѣ нужно!»—и указалъ рукой на лежащій на столѣ ножъ и на свое горло. Тутъ

только мгновенно я понялъ, что предо мною сидитъ пораженный тяжкимъ недугомъ человѣкъ. Я отодвинулъ ножъ, сталъ успокоивать А. Н. и, выйдя, подъ какимъ-то предлогомъ, въ сосѣднюю комнату, узналъ отъ его камердинера, что съ А. Н. «вотъ уже недѣля какъ что-то неладно». Его поразилъ ударъ, почти отнявшій языкъ.

Достойно вниманія, что приближеніе удара А. Н. самъ предчувствовалъ, сказавши однажды, не задолго до болѣзни, А. Ѳ. Бычкову: «странное дѣло, я чувствую, что все болѣе и болѣе теряю способность мыслить и говорить; голова видимо отказывается служить мнѣ».

На другой день послѣ моего посѣщенія, больной слегъ окончательно, а затѣмъ пріѣхала къ нему, послѣ многихъ лѣтъ разлуки, его жена, при которой онъ и скончался 16-го ноября 1877 г., послѣ двухъ недѣль совершенно безсознательнаго состоянія.

Тогда же нами были выпущены въ свѣтъ отдѣльные оттиски его прекраснаго труда подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

На память отъ А. Н. Попова.
† 16-го ноября 1877 года.

Отечественная война.
1812 г.
Отъ Малоярославца до Березны.
Историческое изслѣдованіе
Александра Николаевича Попова.
Оттиски изъ „Русской Старины“.
Спб. 8 д. 269 стр.

Все количество этого отдѣльнаго изданія было доставлено нами вдовѣ покойнаго и мы недоумѣваемъ: какъ это изданіе цѣликомъ, и въ томъ же ноябрѣ мѣсяцѣ, могло попасть на толкучій рынокъ въ Петербургѣ? Любопытно бы знать — болѣе ли посчастливилось обширному собранію рукописей покойнаго? гдѣ и у кого онѣ? берегутъ-ли ихъ и явятся-ли онѣ въ свѣтъ? А ихъ было много, и А. Н. Поповъ всегда съ удовольствіемъ показывалъ намъ толстыя тетради, уже приготовленныя имъ частью вчернѣ, частью уже въ перебѣленныя, различныхъ монографій, преимущественно изъ эпохи Александра Павловича.

Искренно желаемъ, чтобы равнодушіе или неуваженіе къ памяти писателя и ученаго не истребили-бы плоды трудовъ А. Н. Попова,— писателя, вызывавшаго къ своему уму и дарованіямъ—еще въ 1845 году—восторженныя похвалы столь замѣчательнаго человѣка, какимъ былъ Александръ Ивановичъ Тургеневъ.

Ред.

ВОСПОМИНАНІЯ АЛЕКСАНДРА ФИЛИПОВИЧА ФРОЛОВА

ПО ПОВОДУ СТАТЕЙ Д. И. ЗАВАЛИШИНА.

Слѣдуя постоянному, руководящему насъ многіе годы, правилу при изданіи „Русской Старины“,—правилу сохраненія самаго строгаго безпристрастія, мы даемъ мѣсто на страницахъ нашего журнала статьѣ Александра Филиповича Фролова (декабриста), статьѣ, вызванной Записками Д. И. Завалишина.

Будущій историкъ занятія и заселенія Амура и Амурскаго края, а равно изслѣдователь устройства и быта крайне интересной артели декабристовъ, людей весьма просвѣщенныхъ, сложившейся въ Читинскомъ и Петровскомъ острогахъ, взвѣситъ разсказы и свидѣтельства тѣхъ и другихъ лицъ, и съумѣетъ разобраться въ противорѣчивыхъ показаніяхъ лицъ, слишкомъ много на себѣ вынесшихъ, чтобы быть въ состояніи вполнѣ безпристрастно и спокойно говорить о событіяхъ, въ коихъ они сами принимали живое, непосредственное участіе, и о лицахъ, съ которыми они были въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ.

Въ общемъ тонѣ А. Ф. Фролова слышится упрекъ редакціи „Русской Старины“ за помѣщеніе статей Д. И. Завалишина. Но упрекъ этотъ несправедливъ. По общему свидѣтельству самихъ же декабристовъ, многократно появлявшихся въ ихъ печатныхъ запискахъ, на страницахъ „Русской Старины“, Д. И. Завалишинъ человѣкъ слишкомъ не дюжинный даже въ ихъ просвѣщенномъ кругу; затѣмъ г. Завалишинъ, послѣ высылки изъ Читы въ Москву, ознаменовалъ себя многолѣтнимъ участіемъ въ различныхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ Москвы и въ особенности въ святомъ дѣлѣ основанія, упроченія и развитія школъ въ этомъ городѣ. Короче сказать, мы имѣли и имѣемъ основаніе выслушать этого общественнаго дѣятеля и человѣка несомнѣнно съ весьма обширнымъ образованіемъ, дѣятеля много работавшаго, а въ весьма важномъ вопросѣ объ Амурѣ оказавшаго своими разоблаченіями и пользу государству. Не надо забывать также и того, что дѣятельность эта была среди условій не только неблагопріятныхъ, но просто опасныхъ для Дмитрія Иринарховича Завалишина.

За всѣмъ тѣмъ, давая мѣсто на страницахъ „Русской Старины“ сказаніямъ Д. И. Завалишина, мы отнюдь не брали и не беремъ на себя защиту того, что имъ сказано.

Ред.

I.

Въ 9-й и 10-й книгахъ «Русской Старины» изд. 1881 года появились двѣ статьи Д. И. Завалишина подъ заглавіемъ, одна: объ Амурскомъ дѣлѣ; другая: о Декабристахъ въ Читѣ и Петровскомъ заводѣ.

Обѣ статьи писаны въ видѣ обвинительнаго акта, не безпристрастнаго противъ лицъ, память которыхъ многіе чтутъ и которая не мнѣ одному дорога, но и всѣмъ тѣмъ, которые ихъ уважали и любили.

Всѣ, кого знаемъ, прочитавши эти статьи, были того убѣжденія, что нельзя оставить ихъ безъ возраженія; но товарищи мои признали этотъ трудъ безполезнымъ на томъ основаніи, что опроверженіе П. Н. Свистуновымъ статьи г. Максимова въ 1870 году не помѣшало автору, по истеченіи 11 лѣтъ, выставить снова всѣ опровергнутые факты съ придачею новыхъ свѣдѣній, столь же неправдоподобныхъ. Не смотря на это, я, питая глубокое уваженіе къ памяти умершихъ товарищей моихъ и съ признательностью вспоминая прожитую свою молодость посреди людей честныхъ и добрыхъ, рѣшился, сколько Богъ дастъ силы, выступить поборникомъ правды противъ сильнаго и искуснаго противника, хотя и предвижу, что навлеку на себя такой же гнѣвъ, какъ и первый его возражатель. Но въ мои лѣта, когда готовишься покинуть здѣшній міръ, людская злоба не смущаетъ.

Не предрѣшая вопроса о дѣйствительности передаваемыхъ фактовъ и о правдивости всего повѣствуемаго, замѣчу только, что вѣроятно всякаго читателя поразитъ безпощадное осужденіе всѣхъ упоминаемыхъ авторомъ лицъ при снисхожденіи къ самому себѣ, не надѣливши притомъ кого-либо единымъ словомъ ни похвалы, ни признательности, не говорю уже дружбы или любви; а гдѣ нѣтъ любви къ ближнему, тамъ не бываетъ ни правды, ни справедливости, въ чемъ сознается самъ авторъ, почитающій себя христіаниномъ.

Начну съ разбора статьи объ Амурскомъ дѣлѣ.

II.

Не пользуясь достаточнымъ количествомъ свѣдѣній о принятыхъ администраціею мѣрахъ для заселенія Амурскаго края, равно и о встрѣтившихся затрудненіяхъ и препятствіяхъ при такой трудной задачѣ, какъ колонизація дикаго и отдаленнаго края, не имѣя при томъ возможности судить о цѣлесообразности и крайней необходимости

распоряженій главныхъ дѣятелей, предоставляю болѣе свѣдущимъ людямъ защиту столь жестоко обвиняемой администраціи; а потому ограничусь изслѣдованіемъ того, въ какой мѣрѣ выставленныя обвиненія подтверждаются доказательствами и насколько передаваемые факты согласуются между собою и съ извѣстными мнѣ данными.

Нѣтъ сомнѣнія, что при такомъ колоссальномъ предпріятіи, не имѣющемъ прецедента и требующемъ неотложнаго осуществленія, при отсутствіи всякаго опыта въ дѣлѣ небываломъ, логично слѣдуетъ допустить неизбѣжныя ошибки, промахи, недоразумѣнія, перечисляя которые, авторъ приписываетъ ихъ не только отсутствію предусмотрительности и сообразительности со стороны главнаго начальника края, но и преслѣдованію имъ личныхъ цѣлей. Бѣдствія, постигшія, по словамъ автора, и Забайкальское населеніе, и войско, и Амурскихъ переселенцевъ, выставлены въ ужасающихъ размѣрахъ и описаны самыми мрачными красками. Но ни одно изъ гибельныхъ послѣдствій необдуманныхъ мѣропріятій не подтверждается приложенными якобы документами, на которые неотступно ссылается авторъ. Я назвалъ принятыя мѣры необдуманными; но, по мнѣнію автора, ихъ слѣдуетъ считать въ высшей мѣрѣ преступными, потому что, по его увѣренію, онѣ принимаемы были изъ личныхъ видовъ, что повторяется имъ при всякой выставляемой неудачѣ. Спрашивается, въ правѣ-ли мы обвинять кого-бы то ни было въ такомъ гнусномъ побужденіи, особенно когда описываются бѣдствія, постигшія нѣсколько десятковъ тысячъ людей? Не грѣшно ли вторгаться въ тайникъ чужой совѣсти, доступный лишь одному Сердцевѣдцу? Для осужденія предъ общественнымъ мнѣніемъ главнаго дѣятеля въ Амурской экспедиціи и въ заселеніи пріобрѣтеннаго края, не достаточно ли было приписать всѣ неудачи его неосмотрительности, не посягая на его честь и нравственное достоинство. Всѣ выставленные факты ни какими документами не подтверждаются....

При разборѣ нескончаемой вереницы упрековъ, обращенныхъ къ главному начальнику края, ясно обнаруживается задача, какую поставилъ себѣ авторъ: во что бы то ни было и безъ всякаго основанія осуждать его, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда не отъ него исходили принятыя административныя мѣры. Такъ на стр. 80 указано на переселеніе крестьянъ изъ Россіи въ Тобольскую и Томскую губерніи, при чемъ замѣчается, что «не подумали ни малѣйшей части изъ нихъ направить въ Забайкальскій край»; а на 93 стр. осуждается призваніе крестьянъ изъ Россіи на Амуръ, которые, истощивъ всѣ средства на пути, съ самаго Красноярска стали побираться милостынею.

Ставится въ укоръ начальнику края (80) взятіе въ рекруты трехъ тысячъ хлѣбопашцевъ въ промежутокъ съ 1853—1856, т. е. во время Крымской войны. Спрашивается, могло-ли Иркутское начальство ослушаться предписанія, исходящаго отъ высшей власти?

(Стр. 84) Н. Н. Муравьевъ, «по враждѣ будто бы къ министру финансовъ Вронченко», (указаніе на побужденіе не голословное ли обвиненіе?) взялся доставить до ста пудовъ золота вмѣсто добываемыхъ дотолѣ 28 пуд., и съ Нерчинскихъ рудниковъ перевелъ ссыльнокаторжныхъ на Карійскіе рудники, гдѣ за три первые года добыто въ средней сложности по 70 пуд., а на Шахтаминскомъ золотомъ пріискѣ добыто болѣе 100 пудовъ.

Осуждаемая мѣра доставила казнѣ значительную прибыль, хотя авторъ распространяется на счетъ убытковъ, понесенныхъ ссыльнокаторжными, (при томъ неизбѣжныхъ при всякомъ переселеніи), съ намѣреніемъ уменьшить заслугу Муравьева, равно и о томъ, что золотые пріиски много повредили сельскому хозяйству въ Сибири.

Извѣстно, что съ открытія золотыхъ пріисковъ въ 1830-хъ годахъ стали пустѣть цѣлыя деревни въ Сибири. Несомнѣнно, что золотой промыселъ, обогатившій десятокъ другой капиталистовъ, ознакомилъ Сибирь съ голодомъ, о которомъ прежде и слуха не было; но немыслимо ставить это въ укоръ Н. Н. Муравьеву.

Онъ же виноватъ въ томъ, что не довольствовался для Амурской экспедиціи двумя гарнизонными батальонами, составлявшими всю вооруженную силу на пространствѣ нѣсколькихъ тысячъ верстъ. Не имѣя возможности получить войско изъ Россіи, по неволѣ пришлось ему составить его изъ рекрутъ, собранныхъ на мѣстѣ; а что предпринятое пріобрѣтеніе при-амурскаго края не нуждалось въ войскѣ, и что оно было сформировано изъ пустого тщеславія, для доставленія Н. Н. Муравьеву званія корпуснаго командира (стр. 84) - на это требуются доказательства, которыхъ въ документахъ не нахожу.

При томъ, нельзя пройти молчаніемъ рѣзкое противорѣчіе, обнаруживающееся между многими высказываемыми упреками: то войско формируется изъ пустого тщеславія, слѣдовательно безъ настоятельной нужды, то, при угрожавшей впослѣдствіи опасности столкновенія съ Китаемъ, Забайкальскій край и Амуръ и Приморская область оказались въ беззащитномъ положеніи по недостатку войска (стр. 100).

Авторъ ставитъ также въ вину Николаю Николаевичу Муравьеву несогласіе его или нерѣшимость на завоеваніе южныхъ портовъ, которые г. Невельской считалъ необходимымъ пріобрѣтеніемъ. Можно предполагать, что Н. Н. Муравьевъ отклонялъ новый захватъ Нижне-Уссурійскаго края, или по неимѣнію на то наличныхъ средствъ,

или по отсутствію разрѣшенія высшаго правительства, для котораго враждебные замыслы противъ Китая кабинетовъ англійскаго и французскаго не были тайной, и вѣроятно уже тогда предвидѣлся, вслѣдствіе превосходства европейскаго оружія надъ азіятскимъ, счастливый исходъ кампаніи, доставившій намъ однимъ дипломатическимъ путемъ уступку южныхъ портовъ безъ боя и безъ затратъ.

Пріобрѣтеніе Нижнеуссурійскаго края, выставляемое какъ настоятельная потребность, послужило поводомъ къ новому обвиненію Н. Н. Муравьева. Пришлось ему бросить Николаевскъ на устьѣ Амура и перевести морскія учрежденія и мѣстопребываніе военнаго губернатора въ Владивостокъ (стр. 97). Но была ли возможность избѣгнуть этого перемѣщенія? Мы ее не видимъ, и авторъ на нее не указываетъ. При распространеніи всякаго владѣнія естественно передвигается мѣстопребываніе правителя. Неоспоримость такой банальной аксіомы не разъ подтвердилась въ исторіи русскаго государства.

Совершилось столь вождѣленное занятіе нами южныхъ портовъ, помимо участія Н. Н. Муравьева. До того винили его въ бездѣйствіи, въ безпечности, а по пріобрѣтеніи Уссурійскаго края, онъ оказался опять виноватымъ въ томъ, что занятіе этихъ портовъ никакой не доставило пользы краю, а обращеніе ихъ въ porto franco для поощренія торговли причинило лишь вредъ всему Забайкальскому краю (страница 99).

О достовѣрности выставленныхъ фактовъ къ осужденію Н. Н. Муравьева доказательствъ, къ сожалѣнію, никакихъ не представлено, хотя извѣстно намъ, что многіе изъ нихъ опровергнуты были въ появившейся въ 1858 году статьѣ Романова; но предположивъ даже, что всѣ эти факты достовѣрны и даже, что они истекаютъ изъ ошибочныхъ и необдуманныхъ распоряженій главнаго правителя, необходимо, чтобы отвѣтственность за нихъ всецѣло на него возложить; необходимо, говорю,—выставить въ параллель имъ тѣ мѣропріятія, какія слѣдовало бы принять, равно и удобоисполнимость ихъ.

При этомъ сопоставленіи, неопровержимо выяснилась бы виновность правителя, и этотъ способъ доказательства не затруднилъ бы автора, судя по тому, что дѣльные и благіе совѣты, подаваемые имъ, о которыхъ онъ такъ часто поминаетъ, заключали въ себѣ именно то цѣлесообразное направленіе, отъ котораго уклонились распорядители. Къ сожалѣнію, ни одного изъ такихъ полезныхъ совѣтовъ не сообщаетъ авторъ читателю, а стоило бы ему только высказать одно изъ тѣхъ предостереженій, отъ него исходившихъ, какими пренебрегли властьимѣющіе въ ущербъ и всему краю, и затѣянному предпріятію, чтобы убѣдить читателя въ виновности главнаго распорядителя Амур-

скаго края. Ему не понадобилось бы тогда прибѣгать къ странному способу обвиненія—приписывать всѣ ошибки правителя преступному преслѣдованію личныхъ цѣлей.

Когда Д. И. Завалишинъ говоритъ, будто, М. С. Корсакову (стр. 90): «Михаилъ Семеновичъ, что вы надѣлали, зачѣмъ вы обманули людей?» и т. д., тутъ бы слѣдовало прибавить: «мой совѣтъ, которому вы не послѣдовали, заключался въ томъ-то»; а о совѣтѣ не упоминается, а порицается лишь неисправимо совершившійся фактъ. Такого рода сотрудничество въ амурскомъ дѣлѣ доступно было всякому забайкальскому жителю и свидѣтельствуетъ лишь о благодушіи и снисходительности губернатора въ сношеніяхъ своихъ съ поселенцемъ, находившимся подъ его надзоромъ

На стр. 95 читаемъ: «допустить, чтобъ и это такъ продолжалось (гибельныя неудачи) было нельзя, и вотъ почему, когда всѣ увѣщанія остались тщетными, Д. И. Завалишинъ рѣшился раскрыть въ печати настоящее положеніе дѣлъ на Амурѣ».

Дальше говорится (ст. 97): «М. С. Корсаковъ происками своими и навѣтами добился удаленія Д. И. Завалишина изъ Читы въ Россію, чѣмъ лишилъ себя полезнаго совѣтника и честнаго дѣятеля».

При ограниченіи свободы устнаго и печатнаго слова, искони введеннымъ у насъ повсюду, нельзя не дивиться кротости и благодушію правителя, облеченнаго обширною властію, при тяжелой отвѣтственности передъ высшимъ правительствомъ, дозволившаго простому поселенцу осуждать безпощадно изустно и печатно всѣ его мѣропріятія и тѣмъ подрывать его авторитетъ во всемъ ввѣренномъ ему краѣ. Ни одинъ ни генералъ-губернаторъ, ни даже губернаторъ, не допустилъ бы того и далеко не выказалъ бы такого долготерпѣнія, какъ М. С. Корсаковъ.

На той же страницѣ говорится: «послѣ поданнаго Д. И. З. примѣра, начали и другіе доставлять объ Амурѣ правдивыя свѣдѣнія, хотя и не подверглись тѣмъ прискорбнымъ послѣдствіямъ, которымъ подвергся онъ».

Изъ этихъ словъ слѣдуетъ заключить, что едва ли за статьи его удалили изъ Сибири, тѣмъ болѣе, что этой мѣрой не отнималась у него возможность печатать статьи объ Амурѣ съ 1858 до 1881 года въ продолженіи 23 лѣтъ, чѣмъ онъ и пользуется по сію пору. Къ тому же первая статья Д. И. Завалишина появилась въ «Морскомъ Сборникѣ» въ 1858 году, а онъ былъ высланъ изъ Сибири въ Россію въ 1864 г. Наконецъ, почему же возвращеніе изъ ссылки на родину считается авторомъ прискорбнымъ послѣдствіемъ, тогда какъ милостивый манифестъ великодушнаго Царя-Освободителя, провозгласившаго

амнистію въ 1856 году, былъ встрѣченъ съ радостью и съ чувствомъ признательности и любви всѣми сосланными декабристами. Г. Завалишинъ не оставлялъ въ Сибири ни жены, ни дѣтей, а въ Россіи ожидала его родная сестра, почтенная Екатерина Иринарховна, о коей сестры Н. А. и М. А. Бестужевыхъ отзываются съ величайшею похвалою, сказывая, что она, не сходясь съ братомъ ни въ воззрѣніяхъ, ни въ чувствахъ, съ прискорбіемъ вынуждена была разстаться съ нимъ.

Обратимся къ разбору писемъ, выставленныхъ въ качествѣ документовъ и помѣщенныхъ Д. И. Завалишинымъ въ октябрьской книгѣ «Русской Старины» изд. 1881 года.

III

Изъ насчитанныхъ мною болѣе 50-ти писемъ—8 только касаются амурскаго вопроса (стр. 388). Г. Тиль, находившійся при ревизорѣ сенаторѣ Толстомъ—благодаритъ за сообщенныя свѣдѣнія о краѣ и по разрѣшенію амурскаго вопроса (стр. 389). Г. Стадлеръ сообщаетъ, что генералъ-губернаторъ благодаритъ за свѣдѣнія касательно закупки хлѣба (ст. 396). Читинскій губ., уволенный отъ должности по распоряженію ген.-губернатора, въ письмѣ къ сестрѣ автора осуждаетъ дѣйствія Н. Н. Муравьева и порицаетъ его личность. Свидѣтельство его нельзя считать безпристрастнымъ. Онъ напоминаетъ о запискѣ, посланной авторомъ сенатору Толстому о пріобрѣтеніи устьевъ Амура, а вслѣдъ затѣмъ посланной ген.-губернатору (стр. 399). Полковникъ Савичъ проклинаетъ житье на Амурѣ и неодобрительно отзывается о начальствѣ (стр. 412). М. А. Бестужевъ сообщаетъ о бесѣдѣ, состоявшейся у ген.-губернатора, въ которой М. А. Б. отстаивалъ необходимость пріобрѣтенія южныхъ портовъ, на которое не рѣшался еще ген.-губернаторъ (стр. 417). Ген.-адъютантъ Сколковъ, лично ознакомившись съ положеніемъ края, убѣждается въ справедливости сказаннаго о немъ авторомъ статей. Письмо это свидѣтельствуетъ о томъ, что г. Сколковъ нашелъ положеніе края неудовлетворительнымъ, но нисколько не подтверждаетъ рѣзкихъ обвиненій авторомъ Н. Н. Муравьева.

Кромѣ писемъ, указывается на свидѣтельство г. Сгибнева въ статьѣ, помѣщенной имъ въ «Древней и Новой Россіи», содержаніе коей не сообщается (стр. 301).

Выставлено также личное мнѣніе какого-то англичанина Равенштейна, которое нельзя нисколько признать документомъ.

29 писемъ не имѣютъ никакого отношенія къ Амурскому вопросу.

Чтобъ убѣдиться, какъ мало представляетъ интереса для читателей содержаніе ихъ, стоитъ взять любое изъ нихъ на выдержку.

Такой-то проситъ объ отводѣ мѣста для постройки лавки или дома (стр. 391). Нерчинскій исправникъ пишетъ: «Ген.-губернаторъ очень доволенъ вами (стр. 389). Совѣтникъ Щаповъ проситъ возвращенія своей записки о лѣсахъ (стр. 391). Жена градоначальника Ребиндера проситъ прислать врача, чтобы помочь мужу, котораго разбили лошади по выѣздѣ изъ Читы (393). Калугина благодаритъ за предложеніе принять на его попеченіе двухъ сиротъ (393). Дѣло похвальное, но какъ не вспомнилъ авторъ евангельскаго стиха: «Егда убо твориши милостыню, не воструби предъ собою, яко же лицемѣры творятъ». Е. А. Бестужева благодаритъ за гостепріимство, оказанное брату ея Михаилу. Есть письма, содержаніе коихъ вовсе не выставлено. Значится только: «Мой добрый Дмитрій Иринарховичъ» (394). Въ другомъ: «Будьте мнѣ благодѣтелемъ» (394). Два письма М. К. Кюхельбекера и Ив. Ив. Пущина (394): удивляются нерасположенію къ нему ген.-губернатора послѣ похвальнаго его отзыва о немъ. Ѳ. Н. Львовъ, удаленный изъ Иркутска ген.-губернаторомъ, осуждаетъ направленіе, данное дѣлу о дуэли (404). Ѳ. В. Чижовъ предлагаетъ автору вознагражденіе за помѣщенныя статьи въ его журналѣ (407). Адмиралъ Матюшкинъ отсылаетъ ему статью, непринятую къ напечатанію въ «Морскомъ Сборникѣ» (408). Поэтъ В. К. Кюхельбекеръ осыпаетъ автора комплиментами (388).

Изъ шестнадцати хвалебныхъ писемъ, по случаю напечатанныхъ статей объ Амурѣ, надо замѣтить 6 писемъ генерала П. К. Менькова, издателя «Русскаго Инвалида» и «Военнаго Сборника». Въ нихъ говорится о запискѣ г. Будагосскаго, поданной военному министру о состояніи Амурскаго края, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ г. Завалишинымъ. Записка сообщена была Корсакову для прочтенія и отвѣта. Надо полагать, что министръ призналъ оправдательное поясненіе Корсакова удовлетворительнымъ и что записка, составленная Будагосскимъ, не повредила Корсакову во мнѣніи ни министра, ни высшаго правительства, сохранившихъ за нимъ управленіе обширнаго края.

Ни одного изъ этихъ писемъ нельзя признать документомъ, подтверждающимъ выставленные факты, осуждающіе графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго и М. С. Корсакова, заслужившихъ общее уваженіе и любовь многихъ.

Затѣмъ слѣдуютъ поясненія автора, приложенныя къ письмамъ (387): Уѣздный учитель Мордвиновъ пользовался его наставленіями

и находился подъ вліяніемъ его примѣра (389). Командиръ казачьяго баталіона получалъ отъ автора наставленія, какъ онъ долженъ дѣйствовать для пользы службы и проч. (390). Н. А. Бестужевъ убѣжденъ былъ, что никакія личныя отношенія не могутъ заставить Д. И. Завалишина уклониться отъ справедливости (391). «Онъ безвозмездно исправлялъ должность офицера генеральнаго штаба по съемкамъ и составленію карты путей сообщенія, по составленію плана города; землемѣра по распланировкѣ города и отвода земель; архитектора по постройкѣ казенныхъ зданій; медика, по надзору за тифозными госпиталями, по пособію жителямъ собственными лекарствами; совѣтника, мироваго посредника, учителя и проч.» (392). Военный губернаторъ во время своихъ отлучекъ поручалъ Д. И. Завалишину главный надзоръ и распоряженіе по управленію; ему предоставлено было получать всѣ бумаги и письма, адресованныя въ руки губернатора; ему же оставлялись и всѣ важныя дѣла для высылки куда потребуется» (393). «Всѣ, кто имѣлъ какую нужду въ помощи, въ содѣйствіи, въ ходатайствѣ обращались къ автору» (397). «Корсаковъ, замѣнившій Запольскаго, просилъ Завалишина оказывать ему такое же содѣйствіе, какъ и его предшественнику, и не исполнилъ распоряженія ген.-губернатора о перемѣщеніи автора изъ Читы въ Минусинскъ» (400). Былъ ли ему признателенъ г. Завалишинъ? Авторъ сознаетъ, «что полковникъ Савичъ былъ въ правѣ назвать предпринятое имъ раскрытіе правды святымъ дѣломъ и подвигомъ». На страницѣ 418 значится: «покойный митрополитъ Филаретъ и архіепископъ Леонидъ совѣтовались съ г. Завалишинымъ по сибирскимъ и другимъ дѣламъ, какъ имѣются тому письменныя свидѣтельства». Жаль, что онѣ не приложены къ документамъ.

Возвращаясь къ письмамъ съ похвальными отзывами, слѣдуетъ приписать эти похвалы разнороднымъ причинамъ. О дальной восточной окраинѣ много интересовалась читающая публика и жадно и безъ разбора глотала доходившія до нея оттуда вѣсти, что подтверждается письмами двухъ журнальныхъ редакторовъ. Къ тому же рѣзкая и страстная критика, особенно касательно дѣйствій высокопоставленнаго лица, приходится людямъ болѣе по сердцу, чѣмъ докучливый панегирикъ; цѣнилось также и литературное достоинство статей; но злорадство, высказывающееся во многихъ похвальныхъ отзывахъ, наводитъ на мысль, что обличительныя статьи автора одобрялись не безпристрастными читателями. Извѣстно, что лицу, пользующемуся широкою властью, трудно избѣгнуть недовольства и вражды, тѣмъ болѣе, что графъ Амурскій строго преслѣдовалъ лихоимство и казнокрадство, закоренѣлыя у насъ язвы, также и недобросовѣстное испол-

неніе должности, не разбирая мелкій ли чиновникъ или губернаторъ признавался ненадежнымъ. Если къ этому прибавить, что онъ пользовался довѣріемъ и особой милостью императора Николая и быстро достигъ высокаго поста, то безошибочно предположить можно, что онъ тѣмъ возбудилъ и недоброжелательство и зависть тѣхъ, которыхъ опередилъ на служебномъ ристалищѣ. Не мало также одобрителей доставила автору кажущаяся отвага, съ которою простой поселенецъ выступаетъ поборникомъ правды въ состязаніе съ могучимъ правителемъ края. Но кто имѣлъ случай удостовѣриться въ рѣдкой терпимости, добродушіи и мягкосердіи того правителя, тотъ особеннаго подвига не признаетъ въ этой борьбѣ.

Обратимся къ разсказу самаго автора. Графъ Амурскій приказалъ будто перевезти его на поселеніе въ Минусинскій округъ, прозванный Сибирской Италіею, и мѣстный губернаторъ предписаніе оставилъ безъ исполненія. Тутъ слѣдуетъ заключить одно изъ двухъ: или со стороны ген.-губернатора было лишь угрожающее предостереженіе, или ходатайство Корсакова объ оставленіи автора въ Читѣ было уважено генералъ губернаторомъ.

Такъ ли поступаютъ у насъ обыкновенно ген.-губернаторы? Напримѣръ кн. П. Д. Горчаковъ выслалъ почтеннаго и уважаемаго (барона) В. И. Штейнгейля изъ губернскаго города Тобольска, гдѣ онъ обзавелся хозяйствомъ, въ жалкій уѣздный городъ Тару за то только, что дошло до его свѣдѣнія, будто В. И. Штейнгейль, уступивъ просьбѣ губернатора Ладыженскаго, неопровержимо отстаивалъ мнѣніе губернатора по какому-то уголовному дѣлу, не согласное со взглядомъ по этому предмету, изложеннымъ заранѣе княземъ Горчаковымъ.

IV.

Многіе изъ нашихъ товарищей, не знавшіе лично графа Амурскаго, столько о немъ слышали лестныхъ отзывовъ отъ генерала Ѳ. Д. Казимирскаго, высоко цѣнившаго какъ умственныя, такъ и душевныя его качества, равно отъ нашихъ товарищей, долго проживших въ Иркутскѣ, также и отъ поселенцевъ нашихъ города Ялуторовска, гдѣ онъ проѣздомъ въ Петербургъ и обратно всегда нѣсколько часовъ останавливался и съ ними бесѣдовалъ; знаютъ его какъ умнаго и очень добраго человѣка.

Ялуторовскую колонію составляли тогда: М. И. Муравьевъ-Апостолъ, И. Д. Якушкинъ, Ив. Ив. Пущинъ, Е. П. Оболенскій, Н. В. Басаргинъ и В. К. Тизенгаузенъ.

Николай Николаевичъ останавливался всегда у И. И. Пущина и просилъ оповѣстить своихъ товарищей о его прибытіи, желая въ кругу ихъ провести нѣсколько досужныхъ часовъ. Тутъ онъ разъ отозвался съ похвалою о Д. И. Завалишинѣ, свѣдѣніями коего о забайкальскомъ краѣ пришлось ему воспользоваться. Причина, заставившая впослѣдствіи гр. Муравьева-Амурскаго не довѣрять болѣе г. Завалишину, безъ сомнѣнія, послѣднему извѣстна.

Чтобъ убѣдиться насколько обхожденіе съ политическими ссыльными было гуманнѣе и мягче въ восточной Сибири, чѣмъ въ западной, стоитъ вспомнить о горькой судьбѣ, доставшейся въ удѣлъ Достоевскому и Дурову, сосланнымъ въ Омскъ по дѣлу Петрашевскаго, гдѣ они много лѣтъ несказанно томились въ арестантской ротѣ, прозванной «мертвымъ домомъ» въ повѣсти страдальца-поэта, когда въ то же время Петрашевскій съ товарищами жили на свободѣ въ Иркутскѣ.

Як. Дм. Казимирскій разсказывалъ въ Ялуторовскѣ, что онъ сидѣлъ у ген.-губернатора, когда доложили о прибытіи въ Иркутскъ Петрашевскаго съ товарищами. Николай Николаевичъ тотчасъ же просилъ генерала Казимирскаго навѣстить ихъ и освѣдомиться не нуждаются ли они въ чемъ. Они объявили, что ни въ чемъ не нуждаются; но когда Як. Дм. сталъ настаивать и, замѣтивъ, что продолжительное заключеніе и затѣмъ слѣдованіе ихъ по этапамъ вдоль всей Сибири подвергли ихъ многимъ лишеніямъ, спросилъ ихъ не пожелаютъ ли они чего?—Ник. Александр. Спѣшневъ († 1882 г.) поблагодаривъ его за милостивое къ нимъ вниманіе, признался, что бутылка лафиту доставила бы ему большое удовольствіе. Узнавъ объ этомъ, Николай Николаевичъ приказалъ немедленно отнести имъ нѣсколько сохранившихся у него бутылокъ этого вина. М. А. Бестужевъ упоминаетъ въ своихъ запискахъ о доносѣ губернатора Пятницкаго на Н. Н. Муравьева по случаю дружескихъ отношеній его къ декабристамъ. Пятницкій думалъ ему мстить за то, что Н. Н., по весьма уважительнымъ причинамъ, удалилъ его отъ управленія губерніею, чему подвергся также и г. Зоринъ, котораго для пользы службы не пощадилъ, хотя послѣдній былъ ему товарищемъ по Пажескому корпусу. Государь показалъ доносъ Н. Н. Муравьеву, потребовавъ у него объясненія. Н. Н., засвидѣтельствовавъ о безупречномъ поведеніи декабристовъ, доложилъ царю, что онъ считалъ, по совѣсти, долгомъ облегчить тягостное ихъ положеніе; на что государь сказалъ ему: «спасибо, ты меня понялъ». И когда затѣмъ государь повелѣлъ выключить г. Пятницкаго изъ службы за злостный доносъ, Николай Николаевичъ вымолилъ у царя сохраненіе за нимъ права на полученіе пенсіи.

Въ тѣхъ же Запискахъ М. А. Бестужева («Рус. Стар.» 1881 г.)

мы видимъ, что онъ, братъ его Николай и другіе декабристы, съ разрѣшенія ген.-губернатора, свободно разъѣзжали по всей Восточной Сибири и проживали по долгу то въ Иркутскѣ, то въ Кяхтѣ, то въ другихъ городахъ, тогда какъ въ Западной Сибири М. И. Муравьевъ-Апостолъ годъ цѣлый не могъ выпросить дозволенія съѣздить въ Тобольскъ, для излеченія отъ болѣзни. Удалось наконецъ г. Толстому, адъютанту князя, бывшему случайно очевидцемъ страшнаго приступа мучительнаго недуга, разжалобить ген.-губернатора и добиться его согласія на поѣздку М. И. Муравьева въ Тобольскъ. При этомъ нельзя сказать, чтобъ князь П. Д. Горчаковъ былъ злой человѣкъ; но онъ, какъ истый чиновникъ, берегъ себя и страшился всякой отвѣтственности. Разъ, двѣ изъ нашихъ дамъ Н. Д. Фонъ-Визина и Ж. А. Муравьева, проживавшія въ Тобольскѣ, вздумали провѣдать товарищей нашихъ въ Ялуторовскѣ. Узнавъ объ этой отлучкѣ, ген.-губернаторъ счелъ долгомъ извѣстить о ней III-е отдѣленіе, изъ котораго послѣдовало строгое внушеніе путешественницамъ.

Всѣ эти факты привожу въ доказательство тому, какъ мало оправдывается ненависть противъ Н. Н. Муравьева, высказавшаяся въ разбираемой статьѣ. Да позволитъ мнѣ Д. И. Завалишинъ, глубоко изучившій библію при переводѣ ея на русскій языкъ, напомнить ему слова св. Іоанна евангелиста: «Всякъ ненавидяй брата своего человѣкоубійца есть». Посл. I, гл. 3, стр. 15.

При чтеніи разбираемой статьи безпощадно и такъ опрометчиво порицаются всѣ распоряженія, касающіяся пріобрѣтенія и заселенія при-Амурскаго края, при томъ же нисколько не знакомящей читателя ни съ ходомъ этого историческаго событія, ни съ представившимися препятствіями, ни съ бывшими па лицо средствами для преодолѣнія ихъ, ни съ планомъ, какого слѣдовало бы держаться, для избѣжанія описываемыхъ неудачъ,—естественно возникаетъ вопросъ: что могло побудить автора къ составленію такого страннаго обвинительнаго акта противъ лицъ, или удалившихся отъ общественнаго поприща, или сошедшихъ уже въ могилу, тѣмъ болѣе, что объ этомъ предметѣ, по его же увѣренію (стр. 405), «писано имъ было огромное число статей для поясненія Амурскаго дѣла», такъ что настоящая статья ни что иное, какъ извлеченіе изъ предъидущихъ и не сообщаетъ ничего новаго. Автора побудило, будто бы, къ печатанію этой статьи (стр. 75) желаніе ознакомить публику съ неизвѣстными ей важными документами и доставить при томъ нѣкоторыя указанія, полезныя для настоящаго времени. Но, ни документовъ не оказалось на лицо, какъ мы въ томъ убѣдились, ни указаній полезныхъ не отыскали въ огульномъ осужденіи всего совершившагося предпріятія.

И такъ, что же могло побудить автора къ напечатанію статьи? Неужели одна злоба противъ человѣка, который не только не причинилъ ему зла, но которому онъ многимъ обязанъ. Еслибъ графъ Амурскій не отозвался бы съ похвалой о немъ Читинскому губернатору г. Запольскому, при открытіи новой области и не посовѣтовалъ бы ему сблизиться съ авторомъ, чтобы воспользоваться свѣдѣніями старожила о ввѣряемомъ ему краѣ, ему не пришлось бы разыгрывать такую видную административную роль въ губерніи, столь льстившую его самолюбію. Когда бы г. Завалишинъ не сталъ пріобрѣтеннымъ довѣріемъ кичиться и высказывать передъ всѣми какою силою пользуется у губернатора и тѣмъ не возбудилъ бы неудовольствія мѣстныхъ чиновниковъ, жалобы коихъ дошли до Иркутска, а келейно бы употребилъ вліяніе свое на пользу края, тогда и г. Запольскій сохранилъ бы свое мѣсто и его не подумали бы удалить изъ Читы. Со смѣною г. Запольскаго и назначеніемъ вмѣсто его М. С. Корсакова, прекратилась административная дѣятельность г. Завалишина и вмѣстѣ съ тѣмъ почетъ, какимъ онъ пользовался между читинскими обывателями, и вотъ чего онъ не можетъ простить графу Амурскому, даже по истеченіи тридцати лѣтъ, находясь самъ въ преклонныхъ лѣтахъ и какъ бы на порогѣ загробной жизни. Грустное явленіе, да вразумитъ и помилуетъ его Господь! Для графа же Амурскаго, сошедшаго въ могилу, пробилъ часъ вѣчности; все земное уже чуждо ему, до него не достигаетъ ни злоба, ни слава мірская, но земное его поприще не пройдетъ безслѣдно. Противъ его враговъ за него заступится признательное потомство, чему порукой служитъ открытая нынѣ подписка на сооруженіе памятника въ городѣ Благовѣщенскѣ, въ ознаменованіе оказанной имъ великой заслуги отечеству.

V.

Перейду къ разбору статьи Д. И. Завалишина подъ заглавіемъ: «Декабристы въ Читѣ и Петровскомъ».

Пока общество, мечтая о благѣ отечества и не щадя себя, стремилось къ недосягаемой его цѣли, подвергаясь при томъ всѣмъ случайностямъ опаснаго и тернистаго пути, тутъ была еще своя доля поэзіи, какъ и во всякомъ отважномъ, хотя и неразумномъ порывѣ юношеской души; но, съ опущеніемъ занавѣса, послѣ завершившейся кровавой драмы, наступилъ періодъ обыденной прозы. Тюрьма положила конецъ всему прошлому и открыла для насъ новую жизнь. Пришлось учиться терпѣнію, распознать свою немощь, отогнать отъ себя всѣ

призраки, волнующіе душу, и приняться за какой либо трудъ, способный оказать пользу или самому себѣ, или кому либо изъ ближнихъ. Многіе, признавъ суету мірскую, обратились къ изученію божественнаго откровенія, сдѣлались истинными христіанами, откинувъ всякую гордыню и со смиреніемъ и любовію покорились волѣ Божіей, пославшей испытаніе имъ на благо.

Не одного также читателя возмутило порицаніе (?) авторомъ товарищей по заключенію, съ которыми онъ провелъ 12 лѣтъ и на которыхъ старается набросить тѣнь (?), вопреки вышедшихъ въ свѣтъ записокъ нѣкоторыхъ соузниковъ. Не такъ бы слѣдовало отнестись къ обществу, которому авторъ многимъ обязанъ и, кажется, кромѣ благодарности не долженъ бы питать другого чувства. Наконецъ поразитъ всякаго исчисленіе громадныхъ умственныхъ его трудовъ: изученіе 13 языковъ [1]), кромѣ латинскаго и греческаго, и даже еврейскаго со всѣми его нарѣчіями [2]), переводъ библіи съ еврейскаго, изученіе въ подлинникахъ отцовъ церкви и греческихъ богослужебныхъ книгъ. При чемъ авторъ не оставляетъ занятій высшей математикой, астрономіей, механикой и проч.; считаетъ своею обязанностію неослабно заниматься для пріобрѣтенія все бòльшихъ и бòльшихъ знаній по всѣмъ частямъ. Мало того, успѣваетъ еще удѣлять время на дѣла общественныя: онъ созидаетъ, онъ руководитъ, онъ направляетъ, онъ наблюдаетъ и проч.

Все это не могло не привести нѣкоторыхъ къ сомнѣнію, а въ болѣе опытныхъ возбудило подозрѣніе въ возможности и дѣйствительности повѣствуемыхъ авторомъ чудесъ. Но для тѣхъ, кто провелъ съ нимъ многіе годы подъ одной кровлей каземата и имѣлъ случай ближе изучить его характеръ, многое, необъяснимое въ разсказѣ о такихъ гигантскихъ подвигахъ, становится яснымъ и логично послѣдовательнымъ.

Чтобы дать и читателю ключъ къ пониманію и оцѣнкѣ всего чудеснаго, постараюсь познакомить его съ авторомъ и его нравственною личностью. Матеріаломъ для этого послужатъ официальные документы, записки товарищей, личныя заявленія живыхъ и наконецъ мои собственныя девятилѣтнія наблюденія.

Еще ребенкомъ Д. И. Завалишинъ, читая Священное писаніе, имѣлъ таинственныя откровенія, назначавшія его для возстановленія

---

[1]) Записки барона А. Е. Розена (стр. 231). Свѣдѣнія заимствованы конечно на вѣру.

[2]) Письмо П. А. Муханова „Русск. Стар.“ 1881 г. кн. X. стр. 426.

Я. Ф.

истины [1]). Въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ авторъ кончаетъ курсъ 16-ти лѣтнимъ юношей; изъ этого можно заключить, что природа щедро наградила его способностями и счастливою памятью. Объ успѣшномъ окончаніи курса свидѣтельствуетъ заявленіе автора, что его пригласили для чтенія лекцій въ высшемъ классѣ только что оставленнаго корпуса, по весьма серьезнымъ предметамъ: высшей математикѣ, астрономіи, механикѣ и теоріи высшаго морскаго искусства [2]).

Это заявленіе впрочемъ нѣсколько сомнительно. Товарищъ автора А. П. Бѣляевъ, окончившій курсъ Морского корпуса годомъ позже,—лекцій его не слушалъ. Слѣдовательно въ 1820 году авторъ не могъ быть преподавателемъ, а крейсеръ подъ начальствомъ капитана Лазарева (впослѣдствіи знаменитаго адмирала и творца Черноморскаго флота) въ этомъ же году ушолъ въ кругосвѣтное плаваніе. Въ числѣ другихъ способныхъ офицеровъ назначенъ былъ на этотъ крейсеръ и мичманъ Завалишинъ.

Бывшія въ малолѣтствѣ таинственныя откровенія, успѣхи въ школѣ и очень ранніе по службѣ, вскружили голову молодому человѣку, развивъ до послѣдней степени самонадѣянность, и безъ того свойственную этому возрасту. Несбыточныя фантазіи возникаютъ одна за другой въ его воспаленномъ воображеніи. Онъ не довольствуется скромной ролью наблюдателя и не пользуется путешествіемъ для пріобрѣтенія положительныхъ знаній. Свои фантазіи онъ приводитъ въ исполненіе, замысливъ учредить орденъ: «Возстановленія».

«Сперва, говоритъ онъ, я полагалъ цѣлію одно торжество истинъ вѣры; послѣ, бывъ въ Англіи и Калифорніи, присоединилъ къ сему и виды политическіе, хотѣлъ произвести въ Испаніи контръ-революцію безъ войны; хотѣлъ также, для основанія республиканскихъ правительствъ внѣ Европы, стараться вывезти изъ сей части свѣта тѣхъ людей безпокойнаго ума, которые желаютъ перемѣнъ и смятеній [3]).

Судьба послѣднихъ двухъ скромныхъ проектовъ молодаго мичмана неизвѣстна. Статуты же таинственнаго Вселенскаго Ордена возстановленія были написаны на подобіе Мальтійскихъ и авторъ просилъ разрѣшенія по начальству представить ихъ лично Императору Александру I. Разрѣшеніе прибыть въ Петербургъ послѣдовало. Этотъ первый успѣхъ осуществленія замысловъ и былъ причиною погибели автора. Изъ Охотска, черезъ Сибирь, молодой мичманъ спѣшитъ въ

---

[1]) Донесеніе Слѣд. Комм. 1826 г., Собственноручное показаніе Д. И. Завалишина, стр. 34.

[2]) Въ числѣ документовъ письма не находимъ.

[3]) Донесеніе Слѣдственной Коммисіи. Собственноручное показаніе Д. И. Завалишина. Я. Ф.

Петербургъ съ своимъ проектомъ, долженствующимъ переработать человѣчество. Поднесенъ проектъ Александру I, который выслушиваетъ его, хвалитъ составителя за усердіе, но плана не принимаетъ, «что меня крайне огорчило» [1]). Этотъ первый ударъ самолюбію былъ причиною крутого поворота его на опасный путь.

Зная о существованіи тайныхъ противуправительственныхъ обществъ, молодой огорченный мичманъ начинаетъ искать сближенія съ членами ихъ. Передѣлываетъ статуты своего не принятаго Государемъ ордена въ духѣ противуположномъ и выдаетъ ихъ какъ уставъ существующаго «Ордена Возстановленія», членами котораго состоятъ, по его словамъ, важнѣйшіе люди разныхъ государствъ, стремящіеся къ преобразованію всѣхъ правительствъ въ Европѣ и Америкѣ. Говоритъ противуправительственныя рѣчи и пишетъ стихи на Государя. Употребляетъ всѣ усилія. чтобы навербовать рыцарей въ свой орденъ, но увлекаетъ только двухъ братьевъ А. П. и П. П. Бѣляевыхъ. Собственноручное показаніе его имѣетъ нѣсколько другой характеръ, почему я его и выпишу изъ донесенія слѣдственной коммисіи 1826 г. Это тѣмъ болѣе необходимо, что показанія писались въ казематѣ, куда доставлялись вопросные пункты, бумага и письменныя принадлежности. Полное одиночество и возможность писать отвѣты неопредѣленное время позволяли писать строго обдумавши (?!) отвѣтъ и взвѣсивши каждое слово (?!). Вотъ какъ говоритъ Д. И. Завалишинъ: «Вскорѣ затѣмъ, (т. е. по представленіи плана ордена Александру I), имѣвъ несчастіе войти въ связь съ симъ коварнымъ злодѣемъ Рылѣевымъ, я узналъ, что есть тайное общество, враждебное правительству, и рѣшился было донести о томъ, но Государь былъ въ Варшавѣ, а я, по глупой гордости, хотѣлъ все открыть ему безъ посредниковъ. Между тѣмъ старался извѣдать болѣе о тайномъ обществѣ черезъ другихъ, и для сего дозволилъ себѣ несогласныя съ моими чувствами и видами слова, обратившіяся нынѣ къ моей погибели. Я говорилъ, что орденъ Возстановленія существуетъ, показывалъ статуты, не тѣ, которые представлялъ покойному Государю, а другіе и въ другомъ духѣ, мною же нарочно для сего сочиненные. Но, обманывая другихъ, самъ сдѣлался жертвою обмана; мой собственный образъ мыслей началъ измѣняться, сердце тускнѣло, а я не замѣчалъ въ немъ пятенъ, наконецъ сталъ увѣрять себя и повѣрилъ, что намѣренія Рылѣева могли быть чистыя, что во всякомъ случаѣ позорно быть доносителемъ».

За 14-мъ декабря слѣдуютъ аресты. Въ концѣ 20-хъ чиселъ им-

---

[1]) Собственноручное показаніе Д. И Завалишина. Дон. Слѣд. Комм
Я. Ф.

ператоръ Николай захотѣлъ осмотрѣть Морской музей, которымъ завѣдывалъ капитанъ лейтенантъ Н. А. Бестужевъ, въ то время уже заключенный въ Петропавловскую крѣпость. Нужно было назначить кого либо изъ офицеровъ, который бы съумѣлъ дать Государю нужныя объясненія. Выборъ палъ на лейтенанта Д. И. Завалишина, какъ человѣка знающаго и бойкаго. Отвѣтами онъ очень понравился Государю, который, оставляя музей, приказалъ обратить на него вниманіе и имѣть въ виду какъ надежнаго офицера. Всѣ товарищи и сослуживцы уже поздравляли его съ блестящей карьерой и флигель-адъютантскими вензелями въ ближайшемъ будущемъ. Но судьба рѣшила иначе; черезъ нѣсколько дней, а можетъ быть и часовъ, тяжелая дверь каземата отдѣлила его навсегда отъ карьеры и почестей. Разсказывая объ этомъ дорогою въ Сибирь, Д. И. Завалишинъ съ горечью прибавилъ: «и съ этой высоты такъ низко пасть!», при чемъ онъ указалъ на свои ноги, закованныя въ кандалы.

Во время производства слѣдствія положеніе Д. И. Завалишина оказалось весьма неловкимъ. Выдавая себя передъ коммисіей и въ своихъ письменныхъ показаніяхъ приверженцемъ правительства, дѣйствовавшимъ въ его интересахъ, очными ставками изобличался въ самомъ крайнемъ республиканскомъ направленіи.

Въ Читинскомъ казематѣ собрались наконецъ всѣ осужденные и разговорами о слѣдствіи, допросахъ и очныхъ ставкахъ выяснили все дѣло. Степень участія и роль каждаго при допросахъ сдѣлались извѣстны. Д. И. Завалишинъ, имѣвшій объ обществѣ только смутное понятіе, долженъ былъ стать особнякомъ и въ началѣ, понятно, что нѣкоторые его остерегались. Лучшимъ доказательствомъ не принадлежности его къ обществу и очень малаго знакомства съ членами, а тѣмъ болѣе съ К. Ѳ. Рылѣевымъ, служитъ то, что послѣ 14-го не только члены, но и имѣвшіе какое либо съ ними сношеніе — были арестованы, а Д. И. Завалишинъ оставался на свободѣ и едва не попалъ въ флигель-адъютанты и только случайное неосторожное показаніе одного изъ морскихъ офицеровъ Дивова привело его передъ слѣдственною коммисіею, гдѣ раскрылась его дѣятельность, какъ основателя особаго тайнаго общества. Цѣль, съ которою были передѣланы статуты ордена, не могла, конечно, внушить довѣрія къ нему.

Да иначе и быть не могло. Въ средѣ людей, быть можетъ слишкомъ увлекшихся, но горячо любившихъ свое отечество, преслѣдовавшихъ лишь одну цѣль—общее благо, людей, гордившихся своими цѣпями и судьбой, онъ не могъ, не долженъ былъ чувствовать себя въ своемъ кругу. Цѣпи для него были позорны, положеніе свое онъ

называетъ паденіемъ. Но, несчастіе уравниваетъ всѣхъ. Поэтому къ его положенію относились снисходительно и съ сожалѣніемъ. Его не чуждались, но онъ себя внутренно сознавалъ чужимъ посреди насъ. Этимъ-то снисхожденіемъ и сознаніемъ нравственнаго превосходства товарищей онъ тяготился цѣлые 12 лѣтъ. Это естественно должно было развить въ немъ озлобленіе.......

А. Ф. Фроловъ.

ЛЕРМОНТОВЪ

ВЪ ПЕРЕВОДѢ ФРАНЦУЗСКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ:

1842—1875.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

II [1]).

«Вотъ стихотвореніе совершенно въ другомъ родѣ, говоритъ Дюма, и затѣмъ объясняетъ заключающуюся въ стихотвореніи «Споръ» аллегорію и заключаетъ слѣдующими словами: здѣсь поэтъ нашелъ возможнымъ быть одновременно насмѣшливымъ и великимъ (возвышеннымъ); насмѣшливость и величіе—два качества, почти всегда несовмѣстныя».—Переводъ хорошъ, мысль поэта проведена вѣрно, отъ начала до конца, но довольно много прибавлено своего переводчикомъ, а кое что и пропущено.

Мы не помѣщаемъ здѣсь текста этого перевода, такъ какъ онъ уже былъ напечатанъ въ «Русской Старинѣ» 1871 г. т. IV стр. 697—699, по рукописи, сообщенной редакціи княземъ А. А. Суворовымъ-Рымникскимъ, и мы о ней подробно поговоримъ ниже.

3) Въ послѣдующихъ трехъ или четырехъ стихотвореніяхъ, говоритъ Дюма, поэтъ будетъ только меланхоличенъ; всѣ онѣ написаны незадолго до его смерти. Графиня Ростопчина намъ разсказывала, что онъ имѣлъ о смерти предчувствіе; это предчувствіе его мы будемъ находить почти въ каждомъ стихотвореніи.

Le rocher qui pleure.

Un nuage dormait sur le sein d'un rocher.
Le soir, il avait pris sa poitrine pour gîte;
Le vent en fut jaloux et vint l'en arracher.
„Adieu, dit le nuage, il faut que je te quitte,

* * *

---

1) См. „Русскую Старину“ изд. 1882 г., томъ XXXIV. апрѣль, стр. 223—240.

„J'aurais voulu pourtant demeurer près de toi,
Mais nul de son destin ici-bas n'est le maître!
Adieu, mon bon rocher, pense souvent à moi,
Qui ne repasserai jamais ici peut-être...“

* * *

Sans sourire et sans pleurs, jusque-là dans les cieux
L'égoiste géant levait son crâne aride;
Mais, de ce jour, on vit sous son front soucieux
Une larme briller dans le creux d'une ride.

Въ этомъ переводѣ Дюма сфантазировалъ, прибавилъ отъ себя всю вторую строфу (у Лермонтова двѣ строфы, по четыре стиха каждая) и измѣнилъ по своему два послѣднихъ стиха первой строфы, — такимъ образомъ стихотворенiе совершенно утратило основную мысль поэта.

4) Les nuages.

Nuages qui, voguant sous le ciel solitaire,
Dans les steppes d'azur passez silencieux;
Ainsi que moi, qui suis un proscrit de la terre,
Etes-vous les proscrits des cieux?

* * *

Qui vous chasse du nord? Vers le sud qui vous mène?
Est-ce l'orgueil d'un Dieu, la colère d'un roi?
Coupables, d'un forfait subissez-vous la peine?
Etes-vous martyrs comme moi?

* * *

Non; vous êtes partis un jour de la prairie,
Ouvrant votre aile blanche à l'élément subtil,
Et, libres dans les cieux, n'ayant pas de patrie,
Vous n'avez pas non plus d'exil.

Это одинъ изъ лучшихъ переводовъ А. Дюма и очень близокъ къ подлиннику.

6) Boutade.

Dieu nous garde, dans sa pitié,
Des moustiques et des vestales,
D'une trop fidèle amitié,
Et des vielles sentimentales.

Переводъ этой бездѣлки тоже довольно вѣренъ.

7) Gornaia-Verchina.

La montagne s'endort dans le ciel obscurci,
Les vallons sont muets et trempés de rosée,
La poussière s'éteint sur la route embrasée,
La feuille est immobile et le vent adouci.
— Attends encore un peu, tu dormiras aussi.

Стихи эти такъ популярны въ Россіи, говоритъ Дюма, что находятся на всѣхъ фортепьянахъ, и что вѣроятно не найдется молодой дѣвушки или молодаго человѣка, который не зналъ бы ихъ наизусть. Эти стихи, какъ кажется, воспоминаніе Гете или Гейне.

Согласно послѣднему стиху, поэтъ на самомъ дѣлѣ скоро уснулъ; но какъ будто эта желанная смерть не шла къ нему довольно скоро, иногда онъ ее вызывалъ, подобно древнимъ рыцарямъ, которые, уставши отъ бездѣйствія, трубили въ рогъ, вызывая противника. Вотъ одинъ изъ этихъ вызововъ, подъ заглавіемъ Les mercis, но ее можно назвать les Ziasphèmes (богохульство).

8) Les mercis.

Eh bien, soit, je te rends grâce pour toute chose,
O Dieu! qu'en mon erreur je tremble d'accuser:
Pour l'impure limaçon qui rampe sur la rose,
Pour le poison amer qui coule du baiser;
Je te rends grâce aussi pour la trempe de l'arme
Dont l'assassin dans l'ombre atteint son ennemi;
Je te rends grâce encore pour la sanglante larme
Que tire de nos yeux l'abandon d'un ami;
Grâce, enfin, pour la vie, énigmatique aurore
Que le monde maudit de Werther à Didon;
Mais tâche que ma voix n'ait pas longtemps encore
A te remercier de ce terrible don! —

Желаніе богохульника исполнилось: восемь дней спустя онъ былъ убитъ, и нашли это стихотвореніе, между другими бумагами, на его столѣ, послѣ его смерти.

Какъ трагично это заключеніе Дюма—но какъ оно невѣрно: стихотвореніе «Благодарность» написано въ 1840 году, а роковая дуэль произошла 1841 года. И что за переводъ — Лермонтова остались только первый, седьмой и восьмой стихъ—остальное все чисто сочиненіе Дюма,—у Лермонтова восемь стиховъ, у Дюма двѣнадцать.—И зачѣмъ Дюма позволилъ себѣ такую клевету на русскаго поэта; стихотвореніе это, дѣйствительно, что-то въ родѣ вызова смерти, преисполнено горечи и меланхоліи, но богохульства въ немъ и тѣни нѣтъ, но Дюма нуженъ былъ эфектъ и онъ сочинилъ свою трагическую, но совершенно невѣрную, развязку.—И что за вздоръ Дюма втиснулъ въ свой такъ называемый переводъ; вмѣсто высоко-поэтическихъ словъ поэта, къ чему тутъ Вертеръ и Дидона, улитка и роза и т. д. и т. д.

У Дюма есть еще переводъ и восьмаго стихотворенія, но не смотря на самый тщательный просмотръ полнаго собранія сочиненій Лер-

монтова изд. 1880 г., подлинникъ нами не найденъ; равно нѣтъ его и въ числѣ восемнадцати стихотвореній переводовъ Боденштедта, подлинники которыхъ утрачены, и которыя обратно переведены на русскій языкъ гг. Г. С. Чириковымъ и П. А. Висковатовымъ («Русская Старина» 1873 г. т. 7, стр. 394—402; 1879 г. т. 26, стр. 353—358). Вотъ что по поводу этого стихотворенія говоритъ Дюма: мы списали изъ альбома слѣдующее стихотвореніе, которое не находится въ сочиненіяхъ Лермонтова. Можетъ быть оно было въ числѣ отправленныхъ имъ, въ послѣдній разъ, сочиненій, которыя были затеряны курьеромъ [1]).

5) Le blessé.

Voyez vous ce blessé qui se tord sur la terre?
Il va mourir ici, près du bois solitaire,
Sans que de sa souffrance un seul coeur ait pitié;
Mais ce qui doublement fait saigner la blessure,
Ce qui lui fait au coeur la plus âpre morsure,
C'est qu'en se souvenant, il se sent oublié.

Въ этомъ стихотвореніи какъ будто вѣетъ Лермонтовымъ, въ особенности заключительный стихъ, но можно ли ручаться за Дюма, или же можетъ быть онъ такъ его передѣлалъ, что оно неузнаваемо, въ родѣ того, что онъ сдѣлалъ съ стихотвореніемъ «Благодарность». Вотъ подстрочный буквальный переводъ его: Видите ли этого раненаго, который корчится на землѣ; онъ умретъ здѣсь, возлѣ уединеннаго лѣса, безъ того, чтобы къ его мученіямъ какое либо сердце имѣло состраданіе; но что вдвойнѣ усиливаетъ истеченіе крови изъ его раны, что производитъ въ его сердцѣ самое горькое страданіе (укушеніе), это то, что помня, онъ чувствуетъ себя забытымъ.— Предоставляемъ на судъ болѣе свѣдущихъ рѣшить вопросъ, дѣйствительно ли это свихотвореніе Лермонтова—но при этомъ слѣдуетъ упомянуть, что всѣ переводы—стихотвореній Пушкина и Лермонтова—Дюма сдѣланы съ подлинниковъ. Какимъ способомъ онъ переводилъ— уже нами объяснено выше.

13) Impressions de Voyage en Russie par Alexandre Dumas, 1865 Michel Lèvy frères, 4 vol въ 8 д. л. 4 ч.—1 ч. стр. 304; 2 ч. стр. 340; 3 ч. стр. 309; 4 ч. стр. 271. Путевыя впечатлѣнія въ Россіи, А. Дюма.

Въ третьей части Дюма перевелъ слѣдующія три стихотворенія:

1. Le sommet des montagnes стр. 212. — Изъ Гете, Горныя вершины (Т. I, стр. 194).
2. La pensée. „ 213. — Дума (Т. I, стр. 108).
3. Les dons du Terek. „ 242. — Дары Терека (Т. I, стр. 149).

[1]) Это свѣдѣніе заимствовано Дюма изъ біографическаго очерка жизни Лермонтова, составленнаго графиней Ростопчиной. (См. въ концѣ біографическія статьи). В. Ш.

О переводѣ первыхъ двухъ стихотвореній нами уже сказано было выше: онѣ перепечатаны: первое—слово въ слово, а второе съ двумя незначительными редакціонными поправками. Вотъ переводъ третьяго: Les dons du Terek.

Les dons du Terek.

Mugissant, furieux, sauvage,
Roulant ses rochers de granit,
Le Terek descend tout en nage
Des monts où l'aigle fait son nid.
Sa sueur jaillit en écume;
Mais quand sur la plaine qui fume,
Il s'est, rusé Circassien,
Répandu comme une onde honnête,
Présentant son humble requête
Il dit au vieux lac Caspien:

* * *

„O vieillard! partage ton onde
Et reçois mon flot éperdu.
Assez longtemps j'ai, par le monde
Erré comme un enfant perdu.
Il est temps qu'enfin je me range
Il que d'existence je change.
Prés du mont Kasbek je suis né;
Je viens des cimes inconnues,
Enfant allaité par les nues,
A l'orage prédestiné!

* * *

„J'ai grandi, faisant, dans ma course,
Autant que je l'ai pu, le mal.
A peine sortant de ma source,
J'ai dévasté le Darial.
En rocs arrachés à leur base,
Je t'amène tout le Caucase..."
Mais, bercé du bruit de ses flots,
Occupé de quelque merveille,
Le vieillard fit la sourde oreille;
Et Terek reprit en ces mots:

* * *

«Je comprends, tu ris de l'audace
Que j'ai d'offrir si peu... Pardon,
Laissons mes rochers à leur place;
Je veux te faire un plus beau don:
C'est le plus brave des Tcherkesses.
La mort, arrêtant ses prouesses,
A pris le hardi cavalier

Au moment où, dans sa colére,
Pour mieux frapper son adversaire,
Il se dressait sur l'étrier.

* * *

«Il a son harnais de bataille
Qui vaut à lui seul un trésor,
Une riche cotte de maille,
Des brassards damasquinés d'or;
Ses cartouches pleines de poudre,
Dont chacune lançait la foudre,
Sont d'argent pur de Téhéran;
Son Kandjiar est une flamme,
Et porte gravé sur sa lame
Un verset entier du Coran.

* * *

«Son oeil semble, ouvert et farouche,
En face regarder la mort;
Un sang vermeil rougit sa bouche
Sous sa moustache qu'elle mord.
Sa tresse, humide de rosée,
Descend de sa tête rasée
Sous son papak de laine noir. .“
Mais Caspis sur la mer se penche,
Muet, mirant sa barbe blanche
Dans son gigantesque miroir.

* * *

Terek alors: «Ecoute, père,
Je vais te faire un don sans prix,
Et, cette fois enfin, j'espère,
Tu seras content, vieux Caspis!
J'ai soustrait aux regards du monde
Et je t'apporte, sur mon onde,
Le corps plein de suavité
D'une Cosaque jeune et belle,
Qui, pour la mort, garda, rebelle,
La fleur de sa virginité.

* * *

„Sa chevelure déroulée
A les tons du blé qui mûrit;
Son épaule pâle est hâlée;
Sa bouche tristement sourit;
De même qu'un nuage voile
Parfois la splendeur de l'étoile,
Sur son front la pâleur descend,
Et, de son cou sur sa poitrine,
Comme une larme purpurine,
Coule un faible filet de sang!. .“

* * *

Le fleuve se tait. Froide et blanche,
Alors, sur le flot mugissant,
La Cosaque, aux yeux de pervenche,
Apparait en se balançant.
Sa natte tombe écheveiée
Sur sa gorge à demi voilée,
Réseau d'or sur un marbre pur,
Où la mort, artiste suprême,
De sa main décharnée et blême,
Des veines dessina l'azur!

* * *

En la voyant, Caspis sur l'onde
Se dresse le front ruisselant,
Et sous son arcade profonde
Son oeil s'allume étincelant.
Il étend les deux bras vers elle,
Et, sur sa poitrine immortelle,
Presse le suave contour,
L'entraine dans l'humide espace...
Et la vague sur tous deux passe
Avec un murmure d'amour!

Эта поэзія, говоритъ Дюма, очевидно для насъ что-то странное и незнакомое; она содержитъ въ себѣ что-то дикое, трудно проникающее въ наши города; она удивила въ Россіи и имѣла тамъ большой успѣхъ. Мой переводъ занялъ часть ночи. По мѣрѣ того какъ княгиня перелагала на французскій языкъ, я перелагалъ въ стихи.

У Лермонтова стихотвореніе раздѣлено на неравномѣрныя строфы, по числу стиховъ; семь—по четыре, одно въ восемь, два по двѣнадцати и одно въ шестнадцать стиховъ,—всего одиннадцать строфъ и семьдесять шесть стиховъ.—У Дюма десять строфъ, по десяти стиховъ въ каждой, т. е. всего сто стиховъ.—Переводъ очень вѣренъ и Дюма передалъ вполнѣ мысль поэта, однако конецъ стихотворенія, т. е. послѣдніе строфы утратили на французскомъ языкѣ много своего поражающаго величія, которое, какъ ни талантливъ былъ Дюма, но онъ не въ силахъ былъ передать на своемъ бѣдномъ и не поэтическомъ языкѣ.

Вотъ все, что Дюма перевелъ изъ Лермонтова; остается только сожалѣть, что онъ не взялся за переводъ поэмы—Демонъ; его переводы какъ изъ Пушкина, такъ и изъ Лермонтова—все же хороши, и если онъ иногда фантазируетъ и прибавляетъ своего, конечно, для украшенія, но за то передаетъ въ прекрасной поэтической формѣ и благозвучными стихами. Мы оставляемъ для отдѣла біографическихъ статей очеркъ характеристики Лермонтова, написанный Дюма, и переводъ біографіи поэта, сообщенный Дюма графиней Ростопчиной.

14) Chefs-d'oeuvres poétiques de Lermontoff, le poète du Caucase, traduits du Russe, en vers Français, par P. Pelan d'Angers, Paris 1866, Armand Le Chevalier, I v. въ 8 д. л. стр. XXVIII и 197. Образцовыя поэтическія произведенія Лермонтова, поэта Кавказа, переведенныя съ русскаго французскими стихами, П. Пеланъ изъ Анжера и т. д.

Оглавленіе: Посвященіе (Е. И. В. принцу П. Г. Ольденбургскому). Предисловіе.—Mater Dolorosa (стихи г. Пеланъ по случаю кончины Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича). — Демонъ. — Хаджи Абрекъ.—Мцыри.— Ангелъ смерти.—Переводъ десяти мелкихъ стихотвореній.—Объясненіе неизвѣстныхъ словъ.

Въ предисловіи краткая біографія Лермонтова, нѣсколько выписокъ, для характеристики поэта, изъ Боденштедта, Бѣлинскаго и Сенъ-Рене Таландье.—Вотъ что говоритъ г. Пеланъ: въ концѣ XVIII вѣка является новая философская система: во всемъ сомнѣваются. Байронъ ее закрѣпилъ. — Россія, послушная воспитанница запада, принимаетъ эту систему. Жуковскій первый понялъ, какое пагубное вліяніе эти идеи должны были имѣть на слабые умы.— Чтобы отвратить грозу, онъ пожелалъ сопоставить этой философіи средніе вѣка, вызванные имъ изъ могилы. Но эти баллады не могли служить отвѣтомъ на поднятый вопросъ; средніе вѣка съ его турнирами, замками и рыцарями разбойниками сдѣлались невозможными. Пушкинъ также былъ вовлеченъ въ этотъ міръ тоски и печали, отъ котораго отлетѣли вѣра и надежда, но онъ скоро освободился отъ байроновскаго вліянія, и сталъ бороться съ философіей съ глубокою вѣрою истаго русскаго. Лермонтовъ, подобно Пушкину, сначала вдохновлялся поэзіей Байрона и заплатилъ свою дань этой грустной музѣ, каждая нота которой изливалась рыданіями. Чтобы въ томъ убѣдиться, стоитъ только прочитать стихотвореніе: «И скучно и грустно». Но пребываніе на Кавказѣ повліяло на талантъ Лермонтова.—Далѣе г. Пеланъ объясняетъ какое вліяніе имѣла на поэта кавказская природа и переходитъ къ описанію поэмы Демонъ, выписывая притомъ нѣкоторыя мѣста изъ разбора этой поэмы г. Вапро и изъ статьи г. Сенъ-Рене Таландье. При этомъ г. Пеланъ объясняетъ, что чтеніе статьи послѣдняго писателя: «Поэтъ Кавказа» вдохнуло въ него желаніе переводить Лермонтова, за что онъ искренно благодаренъ г. Таландье. За симъ г. Пеланъ переводитъ прозой два изъ посвященій къ поэмѣ Демонъ: 1) Я кончилъ—и въ груди невольное сомнѣніе (т. II, стр. 255); и 2) Тебѣ, Кавказъ, суровый царь земли (т. I, стр. 198). Оба перевода замѣчательны своею вѣрностію и подстрочною точностію.—Далѣе г. Пеланъ кратко

разбираетъ переведенныя имъ стихотворенія и поэмы, при чемъ сознается, что поэма «Ангелъ смерти» далась ему при переводѣ всего труднѣе, такъ какъ текстъ иногда теменъ и трудно уловима мысль поэта.

Кончая предисловіе, г. Пеланъ говоритъ: взявшись за эту трудную работу,—я говорю трудную, такъ какъ Лермонтовъ считается даже русскими литераторами почти непереводимымъ—я хотѣлъ уплатить Россіи le pain et le sel (хлѣбъ-соль) великодушнаго гостепріимства—и уже Россія наградила меня за мои труды.

Г. Пеланъ былъ, какъ думать надо, преподавателемъ французскаго языка въ московскомъ екатерининскомъ институтѣ. Въ 1865 г., при посѣщеніи института принцемъ Ольденбургскимъ, онъ былъ представленъ начальницею института Е. В., при чемъ она доложила, что г. Пеланъ имѣетъ рукопись переводовъ въ стихахъ избранныхъ сочиненій Лермонтова, но потерявъ послѣ банкротства банкира плоды пятнадцати-лѣтнихъ трудовъ, онъ не имѣетъ средствъ издать свои переводы.—Принцъ исходатайствовалъ у Е. В. Государыни Императрицы пособіе, которое дало возможность г. Пелану напечатать свою рукопись. Переводамъ предшествуетъ элегія, какъ самъ г. Пеланъ называетъ свое сочиненіе, написанная по случаю кончины наслѣдника цесаревича и озаглавленная: Mater Dolorosa, prière à la Vierge-Marie, затѣмъ идутъ переводы поэмъ, о которыхъ будетъ сказано въ послѣдующей главѣ, а въ заключеніе: Pièces diverses, т. е. различныя стихотворенія; всѣхъ ихъ десять:

1. Le rameau de Palestine.	стр. 169.	Вѣтка Палестины.	Т.	I,	стр.	83.
2. L'ange.	„ 173.	Ангелъ.	„	„	„	1.
3. La voile.	„ 175.	Парусъ.	„	„	„	74.
4. Prière.	„ 177.	Молитва.	„	„	„	105.
5. * * *	„ 179.	Когда волнуется желтѣющая нива.	„	„	„	106.
6. La prière.	„ 181.	Молитва.	„	„	„	146.
7. Ennui et tristesse.	„ 183.	И скучно и грустно.	„	„	„	192.
8. A un enfant.	„ 185.	Ребенку.	„	„	„	192.
9. Les dons du Térek.	„ 189.	Дары Терека.	„	„	„	149.
10. Les trois palmiers.	„ 193.	Три пальмы.	„	„	„	147.

На послѣдней страницѣ книги (Glossaire) объясненіе нѣкоторыхъ названій мѣстностей и словъ; напр. Терекъ, Казбекъ, Дарьялъ, аулъ, сакля, башлыкъ и проч.

Изъ приведеннаго списка видно что, г. Пеланъ перевелъ немного изъ мелкихъ стихотвореній Лермонтова, но за то выбралъ почти все лучшее и перевелъ—хорошо, трудно было бы желать лучшаго и данное ему пособіе послужило къ ознакомленію читающей Франціи дѣй-

ствительно съ твореніями Лермонтова. Ни одинъ изъ переводчиковъ Пушкина и Лермонтова не дошелъ даже и близко до такого совершенства въ точности. Переводы не сдѣланы слово въ слово, даже мѣстами есть и незначительные пропуски, попадаются двѣ-три ошибки, но вездѣ мысль поэта вѣрно схвачена и вѣрно проведена. Въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ измѣненъ размѣръ стиха, но французскій языкъ рѣдко дозволяетъ сохранять размѣры русскаго стиха. Слабѣе всѣхъ переведены: Ребенку и Дары Терека; эти стихотворенія и не легко переводить, особенно второе, остальныя почти безукоризненны. Можемъ указать лишь на слѣдующія неточности: «Вѣтка Палестины», въ четвертой строфѣ пропущенъ или, лучше сказать, не помѣстился четвертый стихъ: Широколиственной главой.—Стихотвореніе 2—«Ангелъ», строфа третья:

Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
Для міра печали и слезъ.

Переведено:

Il portait radieux dans ses bras caressants,
Une jeune âme au monde—à la douleur et aux larmes.

Не совсѣмъ точно передана мысль поэта: душу младую, для міра печали и слезъ, вѣрнѣе было бы: Une jeune âme, pour le monde de douleur et de larmes. Стихотвореніе 4, «Молитва»,—вторая строфа:

Но я вручить хочу дѣву невинную,
Теплой заступницѣ міра холоднаго.

Confier une vierge innocente à la Mère
D'un monde tout de glace,—à toi, à toi tout amour.

Переводъ совсѣмъ не вѣренъ и не передаетъ мысли поэта о заступницѣ міра холоднаго.

Такимъ образомъ въ переводѣ восьми стихотвореній, только три замѣчанія, на которыя слѣдуетъ обратить вниманіе; мы подробно не станемъ разбирать «Дары Терека» и «Ребенку», хотя и эти переводы не дурно сдѣланы, но въ нихъ, такъ сказать, стушевано слишкомъ много стиховъ и попадаются ошибки въ родѣ слѣдующей: трупъ казачки молодой (Дары Терека) переведено: fière enfant du Greben... c'est une jeune femme, т. е. гордое дитя Гребенское... это молодая женщина; въ переводѣ не видно, чтобы это былъ трупъ и т. д. Но въ мірѣ совершенства нѣтъ, а тѣмъ болѣе въ переводахъ, да еще стихами, а все же нельзя отказать г. Пеланъ въ мастерской передачѣ, на сколько возможно, прелестныхъ стихотвореній Лермонтова. Не возможно привезти здѣсь всѣ переводы г. Пелана, а потому ограничимся четырьмя цѣльными стихотвореніями, и хотя по одной или по двѣ строфы изъ остальныхъ:

La voile.

Une voile apparaît et blanche et solitaire
Sur la mer azurée, en un lointain brumeux.
Que va-t-elle chercher vers la rive étrangère?
Qu'a-t-elle abandonné sur le sol des aïeux?

* * *

Le vent siffle,—le flot vient jouer autour d'Elle,
Et le mât, en criant, s'incline avec lenteur...
Mais ce n'est pas, hélas! le bonheur qu'Elle appelle;
La vague, en s'éloignant, ne fuit pas le bonheur!...

* * *

Sous Elle un flot d'azur; — dans le ciel sans nuage
Un rayon de soleil qui vient dorer les eaux:
Mais Elle — frémissant — soupire après l'orage,
Comme si dans l'orage existait le repos!...

La prière.

Aux jours de désespoir où la vie est amère,
Où l'on succombe à la douleur,
Il est une divine, une seule prière
Qu'alors je répète par coeur.

* * *

Il existe une force et sainte et bienfaisante
Dans ses accents religieux,
Et puis en eux respire une beauté puissante
Un charme tout mystérieux.

* * *

Il semble qu'un fardeau se soulève de l'ame;
Le doute au loin s'est envolé;
La foi dans notre coeur fait rayonner sa flamme,
On pleure — et l'on est consolé...

Ennui et tristesse.

Tristesse, ennui! — personne, et personne à qui tendre
La main, lorsque dans l'âme éclôt un sombre jour!
Désirer!... A quoi bon? Pour vainement attendre!
Et nos jours — les meilleurs — s'envolent sans retour.

* * *

Aimer!... Qui?... Pour un temps ça ne vaut pas la peine,
Et l'amour éternel est un rêve insensé...
Veut-on descendre en soi! — Le passé, — chose vaine...
La joie et les douleurs, tout y dort effacé...

* * *

Qu'est-ce les passions?...—Leur douce maladie
Disparait tôt ou tard, quand parle la raison.
Et lorsque froidement on regarde la vie,
La vie est quelque chose et stupide et bouffon.

Quand je vois les épis mollement onduler,
Et la verte forêt s'agiter sous la brise,
Et la prune vermeille a mes yeux se voiler
Sous l'ombre qui la favorise;

* * *

Lorsque le soir, ou bien aux rayons du matin,
L'humble muguet couvert de perles odorantes
D'un salut amical penche sur mon chemin
Ses blanches corolles tremblantes;

* * *

Lorsque la source—au fond du ravin ténébreux
Serpente et, m'emplissant de vagues rêveries,
Semble me raconter un fait mystérieux
Qu'on raconte dans sa patrie;

* * *

Le calme alors succède au trouble de mon coeur,
De mon front soucieux disparait l'ombre noire,
Je crois qu'il est encore içi-bas du bonheur:
Mon Dieu m'apparait dans sa gloire.

L'ange (послѣдняя строфа).

Elle languit longtemps, la jeune âme, içi-bas,
D'un étrange désir sans cesse poursuivie:
Nos chants décolorés ne lui remplaçaient pas
Des célestes accords la sublime harmonie.

Prière (послѣдняя строфа).

Dans les bruits du matin ou la nuit en silence,
Quand pour elle viendra le moment des adieux,
Fais descendre d'en haut vers son lit de souffrance
Ton ange le plus pur pour la conduire aux cieux.

A un enfant (конецъ стихотворенія).

Oh! rappelle-toi bien, t'a-t-elle appris, enfant.
A prier pour quelqu'un? et soudain pâlissant,
Sa voix murmurait-elle un nom à ton oreille,
Un nom que dans ton coeur nul écho ne réveille
Et qui dort maintenant dans un oubli profond?
Ne t'en souviens jamais!... Qu'est-ce un nom? Un vain son.
Oh! puisse-t-il pour toi rester toujours mystère!
Si tu l'apprends un jour par un hasard contraire,
Songe au temps où ta mère aidait tes faibles pas;
Et ce nom, mon enfant, ah! ne le maudit pas!

Les dons du Térek (послѣднія двѣ строфы)

„Seul dans la Stanitsa, près du fleuve écumant,
„Un guerrier du Grében ne pleure pas sur elle:
„Il a pris son cheval et, s'élançant en selle,
„Il a courru dans l'ombre affronter le poignard
„Du Tchetchène ennemi,—farouche montagnard".
Le Térek frémissant rentre dans le silence...
Et soudain apparaît, au loin, sur l'onde immense
—La tresse ruisselante,—éclatant de blancheur
Un front qui sur les flots balance sa pâleur.

* * *

Splendide de grandeur, forte comme l'orage,
Alors la mer se lève.—Une teinte sauvage
Rougit le sombre azur qui colore ses yeux;
Elle bondit de joie, et son sein amoureux
Avec un doux murmure, une étreinte puissante,
Reçoit en s'entr'ouvrant, la vague mugissante.

Les trois palmiers (послѣдняя строфа).

Alentour aujourd'hui tout est morne et sauvage...
La source n'entend plus murmurer le feuillage;
Plus d'ombre: le Prophète est sourd à ses accents;
Les sables sur ses bords groupent leurs flots brûlants,
Et,—sombre misanthrope,—avec des cris de joie
Près d'elle le milan vient déchirer sa proie.

Для полнаго безпристрастія въ выборѣ отрывковъ изъ шести стихотвореній, мы помѣстили заключительныя строфы каждаго изъ нихъ.

15) Въ «Русской Старинѣ» 1871, т. IV, № 12, стран. 697—699, былъ помѣщенъ переводъ А. Дюма стихотворенія «Споръ»; рукопись была сообщена редакціи княземъ А. А. Суворовымъ-Рымникскимъ, найденной въ бумагахъ владимірскаго помѣщика Николая Викторовича Шимановскаго. Переводъ стихотворенія посвященъ А. П. Ермолову, при которомъ г. Шимановскій, въ одно время съ княземъ А. А. Суворовымъ, служилъ на Кавказѣ; при переводѣ было слѣдующее письмо: Mon général. Voulez vous permettre a un poête Français, qui entend depuis deux mois tous les échos du Caucase répéter votre nom. de vous envoyer des vers de Lermontoff, traduits par lui, ou se trouve votre glorieux nom. Depuis que le canon de Borodino a fait connâitre à la France le nom de Yermoloff, j'ai toujours eu le plus grand respect et la plus profonde admiration pour ce nom.

Переводъ письма. Генералъ.—Дозволите-ли французскому поэту, который вотъ уже два мѣсяца слышитъ какъ каждое эхо Кавказа повторяетъ ваше имя, послать вамъ стихи Лермонтова, имъ переведенные, въ которыхъ упоминается ваше славное имя. Съ тѣхъ поръ какъ пушки Бородина ознакомили Францію съ именемъ Ермолова, я всегда имѣлъ самое высокое уваженіе и самое глубокое почитаніе къ этому имени.—

Мы вторично упоминаемъ объ этомъ переводѣ, такъ какъ, при сравненіи, оказалась нѣкоторая разница между поднесеннымъ А. П. Ермолову и напечатаннымъ въ путевыхъ впечатлѣніяхъ на Кавказѣ. Во первыхъ, разныя заглавія—въ «Старинѣ»: Causerie entre deux montagnes, т. е. Бесѣда между двумя горами; въ путевыхъ впечатлѣніяхъ вѣрное заглавіе: La dispute (Споръ.). 2-ое Въ «Старинѣ» стихотвореніе напечатано сплошь; въ le Caucase оно раздѣлено на 21 строфу по четыре стиха въ каждой, у Лермонтова же на пять строфъ; Дюма отдѣлилъ чертой первую отъ второй и вторую отъ третьей строфы подлинника, а остальные, слилъ въ одну, и 3-ья сдѣлано нѣсколько редакціонныхъ исправленій,—но при этомъ оказывается, что въ «Русской Старинѣ» вкрались нѣкоторыя неточности, происшедшія вѣроятно отъ неразборчивости почерка оригинала, а можетъ быть отъ неисправной корректуры.

16) Oeuvres complêtes de Emile Deschamps, Paris 1872, Alphonse Lemerre, въ 8 д. л. 6 vol. Первыя два: Poésie (поэзія). Вторыя два: Prose (проза) и два послѣднія: Théatre (театръ). Полныя сочиненія Эмиля Дешанъ.

Во второмъ томѣ и второй части поэзіи, на стран. 121—123, помѣщенъ переводъ стихотворенія «Воздушный корабль» съ дополнительной строфой сочиненія Э. Дешанъ, о которомъ говорено выше при разсмотрѣніи книги князя Мещерскаго: Les poètes Russes.

17). Histoire de la littérature contemporaine en Russie, par C. Courrière, Paris 1875, Charpentier, въ 8 д. л. 1 vol. стр. VIII и 442. Исторія современной литературы въ Россіи, г. Курьеръ. Во второй части: Littérature moderne (новая литература) въ первомъ періодѣ: Chapitre III, стр. 132—139. Lermontoff (1815—1841) ses poésies, ses romans.—Глава III. Лермонтовъ (1815—1841) его поэзія, его романы.

Объ этой книгѣ нами подробно сказано въ статьѣ: Пушкинъ въ переводѣ французскихъ писателей. («Древняя и Новая Россія» 1880 г. № 12). Въ главѣ о Лермонтовѣ переведено одно стихотвореніе подстрочно, прозой (стр. 136, 137) «Дума»: Печально я гляжу на наше поколѣніе, (т. I стр. 108); переводъ сдѣланъ довольно небрежно и мѣстами мысли поэта не вѣрно поняты; напр. совсѣмъ пропущенъ въ третьей строфѣ пятый стихъ: И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно, а также въ 4-ой строфѣ часть пятаго стиха: съ строгостью судьи и гражданина. А вотъ какія невѣрности находятся въ переводѣ: въ первой строфѣ: Его грядущее—иль пусто, иль темно, переведено: tout est vide ou fatigué! т. е. все пусто или уставши! въ 3-ей строфѣ: Невѣріемъ осмѣянныхъ страстей, переведено: sous le masque de l'incrédulité, т. е. подъ маской невѣрія и т. д. Переводъ сдѣланъ прозой, а потому можно бы, кажется, безъ пропусковъ и передѣлокъ, отъ которыхъ теряется общій смыслъ стихотворенія, а «Дума» такого рода вещь, въ которой каждое слово на мѣстѣ.

Всѣ намъ извѣстные переводы мелкихъ стихотвореній Лермонтова, впрочемъ ихъ не особенно много, большею частію сдѣланы стихами и удовлетворительно, особенно если сравнивать ихъ съ переводами, сдѣланными съ твореній Пушкина.

Переведены.	Стихами.	Прозой.	Отрывки.
Дары Терека	2	1	—
Воздушный Корабль	2	—	—
Благодарность	2	—	—
Поэту	1	1	—
Дума	1	1	—
Казачья колыбельная пѣсня	1	1	—
Послѣднее Новоселье	1	—	1
Посвященіе къ поэмѣ Демонъ: Я кончилъ и въ груди невольное сомнѣніе	1	1	—

	Стихами.	Прозой.	Отрывки.
Пѣсня про царя Ивана Васильевича и т. д.	—	1	1
По одному переводу, стихами: Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю.—Они любили другъ друга —Споръ.—Утесъ —Тучи.—Моя мольба.—Изъ Гете.—Вѣтка Палестины —Ангелъ.—Парусъ.—Молитва (Въ минуту жизни трудную).—Когда волнуется желтѣющая нива.—Молитва (Я, Матерь Божія).—И скучно и грустно.—Ребенку.—Три Пальмы.—Неизвѣстное . .	17	—	—
Прозой: На смерть Пушкина.—Есть рѣчи — значенье.—Родина.—Посвященіе къ поэмѣ Демонъ: Тебѣ Кавказъ, суровый царь земли .	—	4	—
30 стихотвореній.—Всего . . .	28	10	2

Переводчики:

Г. Аносова 1. Э. Дешанъ 1. А. Дюма 9. Курьеръ 1. М. М. 1. Мармье 3. Князь Мещерскій 1. Пеланъ изъ Анжера 12. Перо 1. Порри 1. Роберъ 1. Сазоновъ 2. Сенъ-Рене-Таландье 6 Всего 40 переводовъ.

В. К. Шульцъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

ПЕРВЫЕ ГОДЫ ИНТЕНДАНТСТВА

ВЪ ПЕТЕРБУРГСКОМЪ ВОЕННОМЪ ОКРУГѢ

1864—1866.

Я былъ первымъ интендантомъ петербургскаго военнаго округа; я предназначался въ главные интенданты, называвшагося тогда генералъ-интендантомъ; случайно попалъ, временно, въ окружные интенданты; упорно боролся со старымъ режимомъ, и вмѣсто назначенія главнымъ интендантомъ, былъ поставленъ, на скромную, сравнительно, должность—начальника пѣхотной дивизіи.

Въ предлагаемой статьѣ интересъ представляетъ не лицо дѣйствовавшее, но сочетаніе разныхъ обстоятельствъ, разныхъ вліяній и побужденій....

В. Д. Кренке.

I.

Какъ я попалъ въ интенданты.

I.

30 лѣтъ служилъ я въ саперахъ, отъ прапорщика до генерала, прошелъ всѣ офицерскія должности, былъ обучающимъ нижнихъ чиновъ въ классахъ, былъ въ образцовомъ пѣхотномъ полку, завѣдывалъ фронтовою учебною командою, былъ баталіоннымъ адъютантомъ и казначеемъ, завѣдывалъ юнкерскою командой, командовалъ ротою, баталіономъ и достигъ высшей должности бригаднаго командира, на которой успѣлъ уже заслужить довѣріе своихъ подчиненныхъ, какъ весною 1864 года былъ оторванъ

отъ своей специальности, Дмитріемъ Алексѣевичемъ Милютинымъ, на совершенно чуждое мнѣ интендантское поприще.

До того времени я представлялся Д. А. Милютину, какъ военному министру, два раза, при пріѣздѣ изъ Кіева, осенью 1861 и весною 1862 года; оба раза представленіе было минутное; при одномъ изъ этихъ представленій ген. Милютинъ напомнилъ мнѣ, что и прежде встрѣчался со мной у бывшаго военнаго министра кн. Долгорукова, когда я былъ у Долгорукова съ докладомъ по дѣламъ Выборга въ 1855 году, но признаюсь, я смутно помнилъ ту встрѣчу съ ген. Милютинымъ.

1-го іюня 1862 года, совершенно неожиданно получилъ я отъ ген. Милютина циркулярное письмо, отъ 14-го мая, № 4412, слѣдующаго содержанія:

„М. г. В. Д.! Я имѣлъ счастіе всеподданнѣйше доводить до свѣдѣнія государя императора соображенія мои о нѣкоторыхъ улучшеніяхъ по военной части, вызываемыхъ недостатками настоящей нашей административной организаціи.

„Одобривъ, въ главныхъ чертахъ, мои предположенія, его величество высочайше повелѣть соизволилъ: неотлагательно приступить къ составленію подробныхъ соображеній, заключающихъ въ себѣ развитіе, изложенныхъ въ предварительныхъ моихъ предположеніяхъ, главныхъ началъ.

„Существенно важный недостатокъ нашей военной администраціи заключается въ крайнемъ сосредоточеніи управленія въ министерствѣ и недостаточности мѣстнаго административнаго надзора.

„Единственнымъ средствомъ къ устраненію этого недостатка представляется устройство мѣстныхъ военныхъ управленій, на подобіе существующихъ уже на Кавказѣ, въ Оренбургскомъ краѣ и Сибири, съ тѣмъ, чтобы и остальное пространство имперіи раздѣлить на нѣсколько военныхъ округовъ, въ управленіяхъ которыхъ, вмѣстѣ съ лежащимъ нынѣ на главнокомандующихъ и корпусныхъ командирахъ высшимъ командованіемъ войсками, соединить и высшій мѣстный надзоръ по разнымъ отраслямъ военной администраціи. На обязанности же министерства останется при семъ преимущественно только общее направленіе дѣйствій къ единству и закону.

„Въ этомъ смыслѣ составлена прилагаемая при семъ программа главныхъ основаній введенія у насъ окружной системы военнаго управленія. Препровождая эту программу къ вашему превосходительству, имѣю честь покорнѣйше просить васъ, милостивый государь, въ особое мнѣ одолженіе, доставить соображенія ваши по сему предмету, буде возможно, не позже 1-го августа сего (1862) года.

„При этомъ покорнѣйше прошу васъ не ограничиваясь одними замѣчаніями на изложенное въ этой программѣ, сообщить мнѣ и собственныя ваши соображенія, касательно приведенія въ исполненіе главныхъ основаній предполагаемаго административнаго устройства.

„Высказанныя такимъ образомъ съ разныхъ сторонъ замѣчанія послужатъ военному министерству матеріаломъ для составленія проекта объ устрой-

ствѣ военно-окружныхъ управленій, на твердыхъ и всесторонне обсужденныхъ основаніяхъ.

„Примите, милостивый государь, увѣреніе въ истинномъ моемъ почтеніи и преданности Д Милютинъ“.

Письмо это сильно польстило моему самолюбію. Д. А. Милютинъ былъ высоко чтимъ въ войскахъ, всѣ военные радовались назначенію военнымъ министромъ такого молодого, образованнаго и энергичнаго человѣка, на мѣсто слѣпаго старика Сухозанета; признаюсь откровенно, самолюбію моему льстило и то обстоятельство, что изъ 12 генераловъ, тогда въ Кіевѣ находившихся, я одинъ получилъ такое письмо. Конечно, г. Милютинъ тогда очень мало зналъ меня и я былъ ему рекомендованъ тогдашнимъ директоромъ канцеляріи военнаго министерства Константиномъ Петровичемъ ф. Кауфманомъ; въ этомъ убѣждало меня и то, что вслѣдъ за письмомъ отъ г. Милютина, я получилъ письмо отъ Кауфмана съ препровожденіемъ огромнаго тома трудовъ комитета генерала Лауница объ улучшеніи хозяйства въ войскахъ вообще и о продовольствіи войскъ въ особенности, при чемъ Кауфманъ просилъ замѣчанія на труды комитета Лауница, вмѣстѣ съ замѣчаніями на программу устройства военно-окружныхъ управленій, выслать прямо на имя военнаго министра.

Задача, данная мнѣ, была слишкомъ сложна и слишкомъ серьозна; къ 1-му августа я никакъ не могъ съ нею справиться, тѣмъ болѣе, что при лагерномъ сборѣ бригады, я всецѣло посвящалъ себя саперной службѣ и только съ окончанія лагеря, съ половины сентября, усердно занялся даннымъ мнѣ порученіемъ. 2-го ноября представилъ г. Милютину свои замѣчанія, которыя составили нѣсколько тетрадей, слишкомъ на 20 писарскихъ листовъ, и былъ удивленъ необыкновенно скорымъ отвѣтомъ. Отъ 25-го ноября Кауфманъ писалъ мнѣ, что получивъ отъ Д. А. Милютина записочку по предмету замѣчаній моихъ о довольствіи войскъ и по предположенію моему объ устройствѣ инженерныхъ войскъ, считаетъ за лучшее препроводить эту записочку въ оригиналѣ, съ увѣренностью, что она доставитъ мнѣ большое удовольствіе, потому что оцѣнка труда такимъ человѣкомъ, какъ Д. А. Милютинъ, каждому должна быть лестна и пріятна.

Записочка г. Милютина, на кусочкѣ синенькой бумажкѣ, заключалась въ слѣдующемъ:

„Искренно благодаренъ генералъ-маіору Кренке за его дѣльныя мнѣнія. Замѣчанія на проектъ о довольствіи войскъ, заслуживаютъ особаго вниманія; многія изъ нихъ весьма замѣчательны. Прошу передать эту записку Кренке дежурному генералу.

„Предположенія объ устройствѣ саперныхъ войскъ весьма нравятся мнѣ; полагалъ бы предварительно представить для прочтенія Е. И. В. Великому Князю Николаю Николаевичу, а потомъ предъявить комитету объ организаціи войскъ.

„Прошу васъ, Константинъ Петровичъ, передать г. м. Кренке полную мою благодарность. Д. Милютинъ“.

Замѣчанія мои должно быть дѣйствительно хорошо зарекомендовали меня въ глазахъ г. Милютина, потому что въ слѣдъ за тѣмъ Кауфманъ писалъ мнѣ, что имѣется въ виду поставить меня во главѣ одного изъ учрежденій военнаго министерства и это устроилось бы очень легко, еслибы я согласился на первое время принять второстепенную должность и было бы лучше всего, еслибы я эту же зиму, (съ 1862 на 1863 годъ,) побывалъ въ Петербургѣ, тогда все выяснилось бы.

Хотя Кауфманъ и зналъ, что по нѣкоторымъ особымъ причинамъ, я желалъ перебраться въ Петербургъ; но все таки, на такое неопредѣленное предложеніе, я могъ отвѣчать только уклончиво; уклонился я и отъ пріѣзда въ Петербургъ; а когда въ февралѣ 1863 года, Великій Князь и военный министръ вызывали меня въ Петербургъ, для присутствованія въ особомъ комитетѣ, учрежденномъ при военномъ министерствѣ, то кіевское начальство, въ виду начавшагося польскаго движенія, не отпустило меня, и вообще 1863-й годъ, по случаю польскаго мятежа, былъ потерянъ для реформъ Д. А. Милютина; онѣ оживились въ самомъ началѣ 1864 года.

Какъ ни нравились ген. Милютину мои предположенія о довольствіи войскъ, но они не привились; творецъ положенія объ интендантствѣ, старый коммисаріатскій чиновникъ Ѳедоръ Герасимовичъ Устряловъ, отстоялъ свои коммисаріатскіе порядки. Д. А. Милютинъ былъ безсиленъ въ борьбѣ съ Устряловымъ по предмету коммисаріатской отчетности, а мнѣніе Устрялова не согласовалось съ моимъ: я предполагалъ упростить отчетность въ войскахъ и въ управленіяхъ, а Устряловъ отстаивалъ старинныя, сложныя коммисаріатскія табели.

Изъ множества предложеній моихъ о хозяйствѣ въ войскахъ, приведу одно, которое болѣе нравилось Милютину и о непринятіи котораго, я болѣе всего сожалѣлъ. Я писалъ въ замѣчаніяхъ своихъ 2-го октября 1862 года:

По вещевому довольствію войскъ полагалъ бы оставить срочную систему, но на такихъ основаніяхъ, чтобы войска не обязаны были составлять и представлять въ интендантство требованія на вещи, именно:

Привести въ положительную норму штаты войскъ, коммисаріатскій годъ сравнять съ человѣческимъ годомъ, т. е. считать съ 1-го января, а не съ 1-го іюля.

Положимъ, что въ отдѣльной командѣ, по штату, положено 1.200 человѣкъ.

Положимъ, что сроки вещей останутся тѣ же, какъ нынѣ состоятъ, т. е. мундиръ на 2 года, шинель на 3 года, сапоговъ 2 пары въ годъ, 3 рубахи въ годъ, ременная аммуниція на 10 лѣтъ и т. д.

Тогда въ эту команду окружное интендантство ежегодно отпускаетъ: мундировъ 600; шинелей 400; сапоговъ 2,400 паръ; рубахъ 3,600; ременной аммуниціи 120 и т. д.

Разсчетъ долженъ быть сдѣланъ на каждую отдѣльную команду и на каждаго человѣка, или на единицу, т. е. на одного человѣка въ годъ нужно: $1/2$ мундира, $1/3$ шинели, 2 пары сапоговъ, 3 рубахи, $1/10$ аммуниціи и т. д.

Вещевое довольствіе вносить въ бюджетъ военнаго министерства и отпускать въ войска, всегда по штатному числу людей, а разсчетъ съ войсками вести только по числу людей, по мѣсячнымъ рапортамъ.

Положимъ, что въ январѣ былъ сверхъ комплектъ или + 2, а въ февралѣ недоставало до штата 5 чел. или — 5, что въ мартѣ — 1, въ апрѣлѣ + 6, въ маѣ — 9 и т. д. и что по среднему годовому счету людей, въ командѣ, состоящей изъ 1,200 чел., оказывается — 7, тогда эта команда должна показать къ зачету всѣхъ вещей на 7 единицъ, или на 7 человѣкъ.

Командующіе войсками въ округахъ, начальники дивизій и лица, имъ соотвѣтствующія, должны наблюдать, чтобы въ войскахъ никогда не было людей сверхъ комплекта, и если предвидится прибыль людей по рекрутскому набору, или по другимъ случаямъ, то благовременно увольнять во временный или безсрочный отпускъ, людей, старшихъ сроковъ службы.

Зачетныя вещи, ежегодно освѣжаемыя, хранить или при самыхъ войскахъ, когда они имѣютъ постоянныя квартиры, или въ окружныхъ складахъ, если войска подвижныя.

Такимъ образомъ, отъ некомплекта людей въ мирное время, безъ всякихъ особыхъ расходовъ для казны, можетъ образоваться запасъ вещей на случай приведенія войскъ на военное положеніе.

Повѣрка полковаго хозяйства по вещевому довольствію будетъ заключаться въ повѣркѣ мѣсячныхъ рапортовъ или въ повѣркѣ счета людей; затѣмъ въ повѣркѣ количества зачетныхъ вещей и въ удостовѣреніи освѣжаются ли онѣ.

Должно быть узаконено, что всѣ предметы одежды нижнихъ чиновъ обращаются въ ихъ личную собственность: для состоящихъ на службѣ, по минованіи полнаго срока, назначеннаго для носки вещей, а для нижнихъ чиновъ, убывающихъ изъ командъ по какому бы то ни было случаю, предметы одежды обращаются въ ихъ собственность, по минованіи $3/4$ срока носки. При этомъ долженъ быть приложенъ списокъ всѣмъ предметамъ одежды, съ обозначеніемъ сроковъ, напримѣръ:

Предметы	Полные сроки для состоящихъ на службѣ.	Сокращенные сроки для убывающихъ по какому бы то ни было случаю.
Мундиръ съ суконными шароварами .	2 года	$1\frac{1}{2}$ года.
Лѣтнія шаровары.	1 годъ	9 мѣсяцевъ.
Шинель	3 года	$2\frac{1}{4}$ года.

и т. д.

Съ принятіемъ этой мѣры уже не нужно будетъ составлять арматурные списки на нижнихъ чиновъ, переводимыхъ изъ одной штатной команды въ другую; полковая табель не будетъ измѣняться отъ переводовъ нижнихъ чиновъ и обмундированіе рекрутъ не составитъ особаго отдѣла интендантскаго довольствія. Когда штаты войскъ будутъ приведены въ положительную норму, то интендантство должно отпускать въ полки и въ отдѣльныя команды всѣ предметы довольствія по штатному числу войскъ и для интендантства уже будетъ все давно, на кого сошьется мундиръ, на рекрута или на стараго солдата, на Петра или на Павла.

По прибытіи въ полкъ рекруты тотчасъ получаютъ готовую обмундировку изъ числа остающейся одежды отъ убылыхъ, у которыхъ одежда не выслужила срока и этой одежды въ полку всегда будетъ болѣе того, чѣмъ можетъ поступить рекрутъ, потому что убывающій солдатъ беретъ одежду съ собою только тогда, когда она прослужила $\frac{3}{4}$ срока. Постройка же новой одежды на рекрутъ пойдетъ обычнымъ порядкомъ, какъ и на старослужащихъ.

Это положеніе было развито многими подробностями, которыя здѣсь не привожу.

Главное основаніе представленія моего по предмету организаціи инженерныхъ войскъ заключалось въ приданіи бо̀льшаго значенія саперной ротѣ, чтобы саперная рота не стояла на одной параллели съ пѣхотною ротою, чтобы командиры саперныхъ ротъ были уравнены съ командирами артиллерійскихъ батарей. И это положеніе, заручившись одобреніемъ Д. А. Милютина, я отстоялъ бы, если бы могъ лично явиться въ комитетъ по организаціи войскъ, въ февралѣ 1863 года.

II.

Польскій мятежъ не уменьшилъ моихъ занятій по командованію саперной бригадой; время, утраченное на поѣздки въ уѣзды, наверстывалось въ слѣдующіе дни усиленнымъ трудомъ. Къ зимѣ на 1864 годъ я почти забылъ о предложеніи мнѣ какого то неопредѣленнаго поста въ министерствѣ и со 2-го января, по обычаю, объѣзжалъ бригаду, производя поголовный, полугодовой экзаменъ въ грамотѣ. 19-го января возвратился въ Кіевъ, довольный успѣхами во всѣхъ саперныхъ школахъ и засталъ пись-

мо К. П. Кауфмана отъ 9-го января, въ которомъ ген. Кауфманъ говорилъ:

„Департаменты коммисаріатскій и провіантскій будутъ слиты въ одно учрежденіе, подъ названіемъ главнаго интендатскаго управленія; ни одинъ изъ нынѣшнихъ директоровъ департаментовъ, Устряловъ и генералъ Данзасъ, по многимъ соображеніямъ, не можетъ быть начальникомъ новаго учрежденія или генералъ-интендантомъ военнаго министерства и военный министръ предлагаетъ вамъ этотъ постъ. Но чтобы вы могли сказать послѣднее слово по этому предмету, необходимо высказать подробно предположеніе Дмитрія Алексѣевича: тайный совѣтникъ Устряловъ есть составитель всѣхъ положеній объ округахъ; онъ основательно знаетъ коммисаріатскую часть и во многомъ знакомъ и съ провіантскою частью, а потому Д. А. желаетъ, чтобы Устряловъ и слилъ оба учрежденія въ одно, чтобы онъ и далъ ходъ новому дѣлу, другими словами, Милютинъ полагаетъ назначить на первое время Устрялова генералъ-интендантомъ, но только на нѣсколько мѣсяцевъ, а васъ назначить помощникомъ къ Устрялову. Но чтобы вы были гарантированы, что не засидитесь въ званіи помощника, долженъ вамъ сказать, что военный министръ, по многимъ причинамъ, не признаетъ Устрялова соотвѣтствующимъ званію генералъ интенданта, и что при самомъ назначеніи его на эту должность, ему будетъ объявлено, что его назначаютъ только временно, на нѣсколько мѣсяцевъ, и что вы предназначаетесь на эту должность, и это не будетъ сдѣлано секретно, напротивъ: этому придана будетъ огласка. Д. А. убѣжденъ, что Устряловъ на первое время необходимъ; онъ, хотя и подъ личнымъ руководствомъ Милютина, но всетаки онъ, Устряловъ, написалъ всѣ положенія объ окружной системѣ; онъ знаетъ всѣ толки, всѣ мнѣнія, всѣ пренія по этому предмету, да и вамъ будетъ полезно на первое время присматриваться къ дѣлу. До полученія вашего отвѣта Устрялову ничего не будетъ сообщено объ этой комбинаціи и понятно, что до окончательнаго рѣшенія дѣла, все это должно оставаться въ тайнѣ; самое рѣшеніе вѣроятно послѣдуетъ къ маю, и въ случаѣ вашего согласія, къ 1-му мая вамъ придется проститься съ Кіевомъ“.

Не торопился я отвѣтомъ, и помнится, что коротко отвѣчалъ по телеграфу: „принимаю предложеніе на условленныхъ гарантіяхъ“. Сильно тосковалъ я при мысли, что скоро долженъ буду разстаться съ своими милыми саперами. Не разстался бы я съ ними и никогда бы не далъ согласіе на такое все таки неопредѣленное назначеніе, если бы не особыя обстоятельства, о которыхъ еще не настало время говорить.

Въ концѣ января я получилъ, въ секретномъ конвертѣ отъ военнаго министра, копію со всеподданнѣйшаго отчета о дѣйствіяхъ военнаго министерства за 1863 годъ. Тогда, не знаю почему, это писалось секретно, не знаю какъ нынѣ это дѣлается. Въ томъ отчетѣ между прочимъ говорилось о подготовительныхъ работахъ къ предстоящей реформѣ по хозяйству войскъ. По по-

воду этого отчета, я чрезъ ген. Кауфмана представилъ министру записку слѣдующаго содержанія:

„Реформы въ хозяйствѣ войскъ должны дѣлаться по указаніямъ, по видамъ высшихъ административныхъ учрежденій въ государствѣ. Но когда эти указанія даны, или выяснились, то исполненіе должно начинаться съ нисшихъ, исполнительныхъ инстанцій. Интенданство можно раздѣлить на 3 отдѣла, или инстанціи: высшая—главное интендантское управленіе; среднія—окружныя интендантства и нисшія—хозяйство въ войскахъ, въ госпиталяхъ, провіантскіе магазины и вещевые склады.

„Полагаю, что реформа должна начинаться съ нисшихъ инстанцій, дѣйствуя здѣсь по видамъ высшаго управленія. Подробности въ высшемъ управленіи должны основываться на удобопримѣнимости этихъ подробностей въ нисшихъ инстанціяхъ, иначе трудъ будетъ только канцелярный, мало полезный для дѣла.

„Прежде всего должно быть обращено вниманіе на хозяйство войскъ и на упрощеніе отчетности по хозяйству войскъ. Это необходимо, во первыхъ потому, что чѣмъ проще отчетность, тѣмъ болѣе обращается вниманіе на самое дѣло, тѣмъ виднѣе злоупотребленія, тѣмъ легче фактическій контроль; во вторыхъ, хозяйствомъ войскъ часто завѣдуютъ молодые, совершенно неопытные люди; они люди и честные и съ самыми благими намѣреніями, но мало знакомые не только съ военнымъ хозяйствомъ, но и съ порядкомъ службы и съ жизнью войскъ; и въ третьихъ, военная отчетность должна примѣняться къ жизни войскъ, какъ къ осѣдлой, такъ и къ подвижной, походной, она должна вся, безусловно умѣщаться въ денежномъ ящикѣ. Затѣмъ необходимо устроить отчетность и уменьшить письменныя занятія смотрителей провіантскихъ магазиновъ и вещевыхъ складовъ. Хозяйство госпиталей должно быть согласовано съ хозяйствомъ войскъ.

„Окружные интенданства, какъ органы, или отдѣлы главнаго интендантскаго управленія, должны вмѣщать въ себя всѣ подвѣдомственныя имъ нисшія инстанціи.

„Повторяю, администрація пойдетъ правильно тогда только, когда исполнительныя инстанціи будутъ просто организованы; когда отъ нихъ будетъ требуемо только возможное. Часто случалось, что то, что выше считалось очень простымъ, возможнымъ,

на дѣлѣ выходило неисполнимымъ, не примѣнимымъ. Оттого то многіе изъ нашихъ законоположеній оставались мертвою буквою.

„Интендантство должно постоянно имѣть въ виду, что оно существуетъ для арміи, а не армія для интендантства. Интендантство должно какъ бы душею слиться съ арміей, должно пользоваться и должно заслужить неограниченное довѣріе арміи. Эти условія особенно необходимы въ то время, когда дѣлается реформа въ хозяйствѣ арміи и я боюсь, чтобы первое обаяніе не было потеряно, когда во главѣ учрежденія станетъ чиновникъ, а не военный генералъ.

„Лично готовъ подчиниться тому, кому будетъ указано и свято исполню свой долгъ; но позволилъ себѣ высказать эти слова. только потому, что всею душей желаю блага для арміи и для казны и желаю, чтобы новое учрежденіе на дѣлѣ оправдало общія ожиданія отъ него".

При многихъ, впослѣдствіи, личныхъ бесѣдахъ со мной, ни г. Милютинъ, ни г. Кауфманъ, ни разу не сказали ни одного слова, по поводу этой записки.

Рѣшившись идти на интендантскую службу, я очень серьозно относился къ ней и въ началѣ февраля писалъ ген. Кауфману, что февраль, мартъ и апрѣль самые льготные мѣсяцы для командира саперной бригады, и я желалъ бы воспользоваться ими, чтобы хоть нѣсколько подготовить себя къ интендантской службѣ; законы и постановленія по коммисаріатской и провіантской частямъ, конечно, могу перечитать, но мнѣ хотѣлось бы по ближе ознакомиться съ внутреннимъ бытомъ этихъ вѣдомствъ и лучшимъ средствомъ для того признаю ревизію Кіевской коммисаріатской коммисіи съ подвѣдомыми ей заведеніями и всѣхъ Кіевскихъ провіантскихъ учрежденій. И вотъ 20-го февраля командующій войсками Кіевскаго округа генералъ-адъютантъ Анненковъ сообщилъ мнѣ, что военный министръ поручилъ мнѣ ревизовать Кіевскую коммисаріатскую коммисію съ подвѣдомыми ей заведеніями и всѣ Кіевскія провіантскія учрежденія. Ревизія продолжалась два мѣсяца, съ 21-го февраля по 21-е апрѣля; она не принесла никакой пользы коммисаріатскому или провіантскому дѣлу, но была очень и очень полезна лично для меня. Бумаги по ревизіи у меня были въ большомъ порядкѣ; они составили особое дѣло, кто то въ Петербургѣ очень интересовался прочесть

это дѣло и я рѣшительно не помню кому я далъ его для прочтенія, но оно не возвращено мнѣ.

Кое что помню изъ донесеній своихъ по этой ревизіи: хвалилъ тогдашняго управляющаго кіевской коммисаріатской коммисіи генералъ-маіора Брискорна; находилъ, что онъ былъ полнымъ хозяиномъ своего дѣла. Говорилъ, что дѣлопроизводство по кіевской коммисаріатской коммисіи далеко въ лучшемъ порядкѣ, чѣмъ въ кіевскомъ провіантскомъ вѣдомствѣ.

Что коммисаріатскіе склады или сорты содержатся въ порядкѣ; что я не имѣлъ возможности повѣрить наличность вещей по отчетности, но и при самой строгой повѣркѣ качества вещей, не много пришлось бы забраковать холста, сукна и сапожнаго товара; много изъ этихъ предметовъ было далеко выше образцовъ.

Что случайно встрѣтивъ прибывшій изъ Петербурга коммисаріатскій транспортъ, я повѣрилъ дѣйствительный вѣсъ тюковъ съ показаннымъ по накладной и оказалось, что вѣсъ по накладной, сколько помнится, на 150 пудовъ превышалъ дѣйствительный вѣсъ тюковъ и это было въ сырую погоду, когда обвязочныя рогожи и веревки были совершенно мокры и, слѣдовательно, лишняго вѣса по накладной показано было не на 150 пудовъ, а можетъ быть на 200 пудовъ.

Что вся мука до того сыра, что подвергается страшному горѣнію; она очень крупнаго помола и съ хрустомъ, или съ пескомъ.

Что заготовленіе провіантскихъ мѣшковъ и отчетность по этому предмету дѣло темное.

Что заготовительныя провіантскія цѣны на муку, крупу и фуражъ значительно выше существующихъ торговыхъ цѣнъ.

Что и войска показываютъ цѣны на фуражъ значительно выше торговыхъ цѣнъ. По этому пункту бывшій провіантскій департаментъ сдѣлалъ замѣчаніе, что и самъ ревизоръ, по званію командира саперной бригады, показывалъ цѣны не ниже цѣнъ другихъ войскъ.

21 апрѣля я вновь получилъ письмо военнаго министра, отъ 11 апрѣля 1864 г., такого содержанія:

„М. г. В. Д.! Во ввѣренномъ мнѣ министерствѣ, согласно указаніямъ его императорскаго величества, составленъ проектъ положенія о военно-окружныхъ управленіяхъ.

„Въ настоящее время разсмотрѣніе сего проекта приближается къ окончанію, и я надѣюсь, что къ 1-му числу будущаго мая мѣсяца оно будетъ внесено на обсужденіе военнаго совѣта.

„Признавая чрезвычайно важнымъ, при окончательномъ разсмотрѣніи сего проекта, имѣть въ виду сужденіе о немъ тѣхъ лицъ, которымъ вполнѣ извѣстны условія и требованія военной администраціи, я имѣю честь препроводить при семъ къ вашему превосходительству проектъ сего положенія, съ покорнѣйшею просьбою доставить ваши, по оному, замѣчанія, если вы таковыя признаете нужнымъ сдѣлать къ вышеозначенному сроку.

„Примите увѣреніе въ почтеніи и преданности. Д. Милютинъ“.

Выставляю числа отправки и полученія письма для согласованія со срокомъ, къ которому требовался отвѣтъ. Возможно ли,

въ нѣсколько дней пересмотрѣть внимательно всѣ томы положеній и написать свои замѣчанія человѣку, не стоящему близко къ дѣлу. Ясно, что эти письма разсылались только для того, чтобы имѣть право сказать, что всѣ положенія по военно-окружной системѣ были всесторонне разсмотрѣны и обсужены.

Полтора года назадъ я представилъ много замѣчаній на программу положенія о военно-окружныхъ управленіяхъ; теперь представилъ еще болѣе замѣчаній на проекты положеній, но они не вошли въ самое положеніе; думаю, что та же участь послѣдовала и съ замѣчаніями другихъ лицъ изъ арміи, можетъ быть и потому, что всѣ замѣчанія запоздали къ сроку.

Изъ замѣчаній своихъ приведу нѣсколько, о непринятіи которыхъ и теперь сожалѣю:

Членами военно-окружныхъ совѣтовъ состоятъ только начальники военно-окружныхъ отдѣловъ, т. е. окружные начальники штаба, артиллеріи, инженеровъ, мѣстныхъ войскъ; интендантъ, медицинскій инспекторъ; я предлагалъ ввести еще фронтовой элементъ, назначать по очереди, одного или двухъ начальниковъ дивизій или другихъ генераловъ изъ фронта, находящихся въ томъ городѣ, гдѣ собирается совѣтъ. Члены совѣта заблаговременно извѣщаются о предметахъ совѣщанія и каждому члену должно быть предоставлено право брать съ собою одного изъ подчиненныхъ ему лицъ, не ниже штабъ-офицерскаго чина, спеціалиста по тому предмету, который подлежитъ обсужденію и этотъ штабъ-офицеръ долженъ имѣть право голоса наравнѣ со всѣми членами совѣта. Эта мѣра принесетъ дѣйствительную пользу совѣщаніямъ и дастъ возможность главному начальнику въ округѣ знакомиться съ дѣльнѣйшими штабъ-офицерами.

Высочайшіе приказы, приказы военнаго министра, циркуляры главнаго штаба и другихъ главныхъ управленій, объявляемые въ военной газетѣ, должны быть исполняемы, какъ бы объявленные въ приказѣ по полку или по отдѣльной командѣ.

Положительнымъ закономъ должно опредѣлить какія срочныя донесенія, кому и когда, войска обязаны представлять и затѣмъ ни одинъ начальникъ, даже главный начальникъ въ округѣ, не имѣетъ права обременять войска новыми срочными донесеніями.

На начальника госпиталя возложены такія многосложныя обязанности, что для добросовѣстнаго исполненія ихъ, онъ долженъ жить въ госпиталѣ, долженъ вникать и глубоко вникать во весь процессъ госпитальной жизни и нѣтъ физической возможности исполнить это, занимая въ то же время другую должность, наприм., быть губернскимъ воинскимъ начальникомъ, командиромъ полка и проч. Госпитали не должны быть отчуждаемы отъ арміи, напротивъ, они должны слиться съ арміей и лучшее средство для того поставить начальника госпиталя на права командира полка или отдѣльнаго начальника, чтобы всѣ медики и всѣ госпитальные чины были подчинены начальнику госпиталя, какъ полковые медики. Всѣ помощники начальника госпиталя должны быть военные офицеры и для производства въ штабъ-офи-

церы, должны возвращаться въ строй, командовать ротами. Начальникомъ госпиталя долженъ быть назначаемъ только штабъ-офицеръ изъ строя; послѣ командованія госпиталемъ онъ опять можетъ служить въ строю и командовать полкомъ. Начальникъ большаго госпиталя, по производствѣ въ генералы, долженъ получать мѣсто въ арміи наравнѣ съ полковымъ командиромъ, производимымъ въ генералы. Тогда въ мирное время будутъ подготовляться кандидаты для командованія госпиталями въ военное время. Въ военное время пополнить некомплектъ строевыхъ офицеровъ гораздо легче, чѣмъ набрать хорошихъ начальниковъ госпиталей.

Также говорилъ и о формированіи госпитальной прислуги.

27 апрѣля 1864 года состоялся высочайшій приказъ объ отчисленіи меня отъ командованія Саперной бригадой съ зачисленіемъ по инженерному корпусу и съ назначеніемъ состоять при военномъ министрѣ.

III.

14 мая 1864 г. я съ семействомъ переѣхалъ въ Петербургъ; 15 мая былъ у г. Кауфмана; онъ подтвердилъ мнѣ то, что писалъ 9 января, сказавъ, что г. Милютинъ, для приданія гласности о предстоящемъ мнѣ назначеніи, письменно заявилъ о томъ, что Устряловъ будетъ генералъ-интендантомъ только временно, не долѣе какъ до 17 апрѣля 1865 года и этотъ документъ хранится въ дѣлахъ министерства. При этомъ Кауфманъ сказалъ, что слитіе департаментовъ коммисаріатскаго и провіантскаго въ главное интендантское управленіе послѣдуетъ не ранѣе августа мѣсяца, тогда будутъ объявлены и всѣ назначенія.

У ген. Кауфмана тогда былъ заведенъ модный пріемъ; онъ принималъ всѣхъ по очереди, по тому порядку, какъ каждый являлся въ пріемную, не отличая генерала отъ унтеръ-офицера, уволеннаго съ чиномъ 14 класса; и я былъ поставленъ въ общую очередь всѣхъ просителей и прождалъ въ пріемной своей очереди съ 10 до $11^1/_2$ часовъ.

16 мая представлялся военному министру. Д. А. Милютинъ былъ очень занятъ, повидимому куда-то торопился, но по обычаю былъ простъ, любезенъ, очарователенъ, только мнѣ не понравились слова его, которыми онъ просилъ меня поближе сойтиться съ Устряловымъ. Зачѣмъ было это говорить, если сближеніе возможно, то оно сдѣлалось бы само собой, или г. Милютинъ предвидѣлъ, что сближеніе будетъ невозможнымъ.

Тяжело, очень тяжело было для меня первое представленіе Устрялову, 17 мая 1864 г.; можетъ быть было и малодушно съ моей стороны, но говорю правду, самолюбіе мое страдало, какъ строеваго генерала, обязаннаго представляться чиновнику, своему будущему начальнику. До этого представленія я никогда не видѣлъ Устрялова; но въ Кіевѣ, черезъ генерала Брискорна, собралъ уже много свѣдѣній о продѣлкахъ Устрялова на его длинномъ коммисаріатскомъ поприщѣ; я хорошо зналъ, что Устряловъ, собираясь быть генералъ-интендантомъ, еще не кончилъ поставку сапожнаго товара; что онъ былъ поставщикъ подъ чужою фирмой и было много непозволительныхъ сдѣлокъ съ Болховскими кожевенными заводчиками. Не знаю, слышали ли объ этомъ г. Милютинъ и г. Кауфманъ, но я имъ не говорилъ, чтобы не подумали, что я подкапываюсь подъ Устрялова. При первой встрѣчѣ Устряловъ показался мнѣ типомъ старой коммисаріатской крысы. Приведу буквально первый разговоръ мой съ Устряловымъ; этотъ разговоръ имѣлъ значеніе, какъ скоро обнаружится.

„Имѣю честь рекомендоваться генералъ-маіоръ Кренке“.

— „Ахъ! Викторъ Даниловичъ!“—говоритъ Устряловъ —какъ я радъ, что наконецъ-то Богъ привелъ намъ свидѣться; я давно такъ много слышалъ о васъ, со всѣхъ, со всѣхъ сторонъ“—и мы усѣлись на диванѣ.

Я говорю: „Вамъ, Ѳедоръ Герасимовичъ, хорошо извѣстны, какъ и мнѣ, всѣ комбинаціи о предстоящихъ назначеніяхъ и потому полагаю лучше всего прямо приступить къ дѣлу“.

— „Да, конечно“, протяжно говоритъ Устряловъ — „лучше всего сразу высказаться откровенно, чтобы послѣ не было недоразумѣній“.

Я продолжаю: „Съ августа мѣсяца я долженъ буду поступить къ вамъ въ школу; у васъ будетъ ученикъ если и не способный, то очень усердный, ретивый. Полагаю, что вашъ личный интересъ долженъ состоять въ томъ, чтобы я скорѣе и основательнѣе освоился съ дѣломъ и потому прямо говорю, что приму временное званіе вашего помощника только съ тѣмъ условіемъ, чтобы я велъ дѣла главнаго интендантскаго управленія, чтобы всѣ дѣла исходили отъ меня одного, чтобы ни одинъ чиновникъ не смѣлъ обращаться прямо къ вамъ помимо меня, а я уже буду

вамъ докладывать и въ подлежащихъ случаяхъ спрашивать вашего разрѣшенія".

Устряловъ, какъ бы приподнимаясь съ дивана, говоритъ:

— „Все это такъ ново для меня, что я вдругъ ничего не могу сказать, но вѣдь время еще есть, мы еще увидимся, постараюсь все устроить такъ, чтобы всѣ были довольны". И я откланялся.

18 мая, въ понедѣльникъ, въ пріемный день, представлялся я Великому Князю Николаю Николаевичу. Его Высочество сказалъ мнѣ большую любезность:

— „Ты меня поддѣлъ въ расплохъ; я рѣшительно не знаю кого назначить въ Кіевъ вмѣсто тебя; но какъ тебя назначаютъ на такой высокій постъ, гдѣ дѣйствительно долженъ быть такой энергическій человѣкъ, какъ ты, то съ моей стороны было бы преступленіемъ задерживать тебя; но мнѣ всетаки очень прискорбно, что ты ужъ не со мной въ инженерномъ корпусѣ".

Наконецъ 20 мая представлялся Государю въ Царскомъ Селѣ и Государь сказалъ мнѣ: „Надѣюсь, что и на новомъ поприщѣ ты будешь также хорошо вести дѣло, какъ было до сего времени".

Къ 6 іюня устроившись окончательно въ квартирѣ, я серьезно думалъ о предстоящемъ мнѣ дѣлѣ. Я желалъ вполнѣ удовлетворить всѣмъ потребностямъ арміи; я готовился давать отчетъ въ ежегодномъ расходованіи ста милліоновъ русскихъ денегъ и отчетъ не только офиціальный или служебный, но отчетъ передъ своею совѣстью и гласный передъ Россіей.

Пользуясь свободнымъ временемъ до августа, для лучшаго ознакомленія съ дѣломъ и чинами коммисаріатскаго и провіантскаго вѣдомствъ, я, черезъ посредство К. П. Кауфмана, просилъ разрѣшенія ревизовать С.-Петербургскую коммисаріатскую коммисію и провіантскія учрежденія въ С.-Петербургской и Псковской губерніяхъ. Но наученный опытомъ перваго представленія г. Кауфману, прежде чѣмъ идти къ нему, запискою спросилъ, когда могу видѣть его. Записочками дѣйствовалъ и Д. А. Милютинъ...

Военный министръ отъ 9 іюня предписалъ мнѣ ревизовать эти учрежденія и 11 іюня я приступилъ къ дѣлу.

Управляющимъ Петербургскою коммисаріатскою коммисіею былъ генералъ-маіоръ Мазараки; можетъ быть я и ошибаюсь,

но мнѣ казалось, что онъ легко относился къ своимъ обязанностямъ и дѣла коммисаріатскаго вовсе не понималъ; онъ почиталъ Устрялова всемогущимъ, съ какимъ-то благоговѣніемъ произносилъ имя Устрялова. Въ разговорѣ со мной Мазараки путался и невольно проговаривался; напримѣръ онъ проговорился, что Устряловъ приказалъ ему со вниманіемъ слушать всѣ мои замѣчанія, особенно о сапожномъ товарѣ и обо всемъ слышанномъ въ тотъ же день доводить до свѣдѣнія его, Устрялова. Тогдашній оберъ-провіантмейстеръ Петербургской и Псковской губерній полковникъ Устиновъ былъ любезный, свѣтскій человѣкъ, но дѣла также не понималъ, не вникалъ и очень мало зналъ, что творилось у него въ дистанціи.

Когда ревизія была въ полномъ ходу, К. П. Кауфманъ зашелъ ко мнѣ, около 25 іюня и не заставъ меня дома, оставилъ записочку, что ему очень нужно видѣться со мной; я отправился къ нему и узналъ интересныя вещи: Устряловъ заявилъ г. Милютину, что не можетъ принять на себя званіе генералъ-интенданта, если я буду его помощникомъ; Устряловъ выразился оригинально: „Кренке и не смотритъ такъ, чтобы ему быть помощникомъ; онъ можетъ дѣйствовать только самостоятельно“. Тогда г. Милютинъ придумалъ такую комбинацію: нисколько не отступая отъ перваго предположенія, чтобы я въ скоромъ времени былъ генералъ-интендантомъ, предложить мнѣ временно должность Петербургскаго окружнаго интенданта; г. Милютинъ уже говорилъ объ этомъ съ Великимъ Княземъ и Его Высочество отозвался, что такимъ назначеніемъ онъ лично очень доволенъ, но не знаетъ, приметъ ли Кренке это мѣсто, не будетъ ли Кренке оскорбленъ?

К. П. Кауфманъ при этомъ сказалъ: „Я съ своей стороны ничего не говорю, ни за, ни противъ, рѣшайте сами, но рѣшайте скорѣе. потому что Дмитрій Алексѣевичъ просилъ дать ему отвѣтъ сегодня же“.

Я просилъ Константина Петровича передать г. Милютину мой отвѣтъ, по возможности буквально: ни на должность помощника генералъ-интенданта, ни на должность окружнаго интенданта, я ни за что не промѣнялъ бы своего мѣста командира Саперной бригады и если бы по какимъ либо обстоятельствамъ не могъ бы командовать бригадою, то скорѣе вышелъ бы въ отставку, нежели безусловно принялъ бы одну изъ этихъ должно-

стей, и если рѣшился занять временно должность помощника, то только потому, что слишкомъ серьезно смотрю на званіе генералъ-интенданта и хотѣлъ принять это званіе съ увѣренностью, что буду на своемъ мѣстѣ, что съ перваго же дня буду дѣйствовать самостоятельно. Но въ сущности, отвѣтственная должность интенданта мнѣ болѣе по сердцу, чѣмъ безцвѣтная должность помощника, кто бы ни былъ генералъ-интендантъ, не говоря уже объ Устряловѣ,—и потому принимаю должность окружнаго интенданта, если только это не означаетъ отвода, или уклоненія отъ того назначенія, для котораго я оторванъ отъ саперной службы.

К. П. Кауфманъ обѣщалъ буквально передать мои слова г. Милютину, а относительно послѣдняго замѣчанія моего сказалъ, что перемѣны во взглядѣ министра на назначеніе меня генералъ-интендантомъ нѣтъ и быть не можетъ, и въ доказательство привелъ послѣднее рѣшеніе г. Милютина, чтобы квартира, заготовляемая для генералъ-интенданта, была отдана мнѣ, а не Устрялову.

Казалось, что все обстояло благополучно, но еще до приказа о назначеніи меня окружнымъ интендантомъ, слышалъ я три отзыва:

Великій Князь, при представленіи ему, кажется 27 іюля. громко сказалъ, что очень радъ, что я опять буду служить при немъ и шопотомъ прибавилъ: „боюсь только, чтобы тебя не надули“.

Около того же времени встрѣтился со мной генералъ Леонтьевъ, тогда директоръ Николаевской академіи генеральнаго штаба, съ которымъ я былъ друженъ и съ которымъ, при каждомъ удобномъ случаѣ, велъ откровенную бесѣду. Леонтьевъ спросилъ меня: правда ли, что Устряловъ сказалъ г. Милютину, что вы не годитесь въ помощники, что вы слишкомъ самостоятельны въ своихъ дѣйствіяхъ? я отвѣчалъ, что это правда. Леонтьевъ говоритъ: „ну, теперь убѣждаюсь, что Устряловъ умный человѣкъ; онъ разгадалъ Д. А. Милютина и васъ поразилъ въ самое сердце; повѣрьте мнѣ, что вы не будете генералъ-интендантомъ, я хорошо знаю г. Милютина; Д. А. Милютинъ не выноситъ (?) самостоятельныхъ людей“.

Кажется во дворцѣ же Великаго Князя, 27 іюля, г. Кауфманъ сказалъ мнѣ, что нѣсколько дней собирался предупредить меня, чтобы я не расчитывалъ на казенную квартиру. Устряловъ, узнавъ

что мнѣ готовится квартира, сталъ просить квартиру и для себя; г. Милютинъ, не желая дать квартиру Устрялову, призналъ, что и мнѣ неудобно дать квартиру до назначенія генералъ-интендантомъ.

Тогда уже отъ друзей и близкихъ знакомыхъ стали доходить до меня городскіе толки обо мнѣ, но это были только цвѣтки тѣхъ толковъ, которые посыпались нѣсколько позже. Не придавая имъ никакого значенія, я усердно занимался ревизіей; она продолжалась съ 11 іюня по 6 августа; я хорошо ознакомился съ дѣлопроизводствомъ Петербургской коммисаріатской коммисіи и Петербургскаго оберъ-провіантмейстера; осмотрѣлъ всѣ коммисаріатскіе склады, всѣ 7 петербургскіе провіантскіе магазины два загородныхъ, Красносельскій и Петергофскій и 5 псковскихъ: во Псковѣ, Островѣ, Опочкѣ, Новоржевѣ и Порховѣ. Ревизіею этою я убѣдился, что нравственная сторона коммисаріатскихъ и провіантскихъ чиновъ стояла очень низко,—и въ Петербургѣ ниже, чѣмъ въ Кіевѣ, только наружная оболочка въ Петербургѣ была благовиднѣе.

О результатѣ ревизіи, 9 августа, донесъ министру, и уже отъ Устрялова, отъ 1 сентября, получилъ бумагу, въ которой говорилось, что министръ, по прочтеніи записокъ моихъ, о ревизіи упраздненныхъ С.-Петербургской коммисаріатской коммисіи и провіантскихъ дистанцій Петербургской и Псковской, положилъ слѣдующую резолюцію: „Генералъ-маіору Кренке нынѣ самому предстоитъ исправить тѣ недостатки, которые обнаружилъ онъ своею ревизіею. Но предположенія о нововведеніяхъ и перемѣнахъ въ существующихъ постановленіяхъ, должны быть ведены особымъ порядкомъ, независимо отъ ревизіи“.

Съ послѣдними словами этой резолюціи не могу согласиться; мнѣ кажется, что ревизоръ, указывая недостатки или опущенія, долженъ сказать и мнѣніе свое о средствахъ къ исправленію ихъ и къ предупрежденію на будущее время. Все донесеніе мое о результатѣ ревизіи было очень коротко и г. Милютинъ долженъ бы былъ обратить вниманіе на нѣкоторыя существенныя мои замѣчанія, наприм.:

Въ разныхъ отдѣлахъ коммисаріатской коммисіи было ровно сто огромныхъ шнуровыхъ книгъ, цѣликомъ перешедшихъ и въ интендантство; во всѣхъ этихъ 100 книгахъ было 5226 графъ и столько же было книгъ бухгалтерскихъ, съ тѣми же 5226 гра-

33*

фами, но только графы въ бухгалтерскихъ книгахъ были расположены не въ одинаковомъ порядкѣ со шнуровыми книгами.

Это вѣроятно было сдѣлано умышленно Устряловымъ или его предшественниками, чтобы затруднить контроль или ревизію, и въ этомъ отношеніи Устряловъ достигъ цѣли; я дѣйствительно былъ крайне затрудненъ сличеніемъ бухгалтерскихъ книгъ со шнуровыми.

Или, я говорилъ, что госпитали страшно обременены срочными донесеніями. Одинъ С.-Петербургскій № 1 госпиталь, ежемѣсячно представлялъ въ коммисію срочныхъ донесеній на 240 листахъ и такія же донесенія представлялись въ коммисаріатскій департаментъ. Прямымъ слѣдствіемъ такой переписки было то, что срочныя донесенія большею частью не просматривались и выборка изъ нихъ необходимыхъ свѣдѣній была очень затруднительна. Въ доказательство приводилъ фактъ: въ 1863 году, при приведеніи госпитальныхъ кадровъ на военное положеніе, департаменту необходимы были точныя свѣдѣнія о состояніи кадровъ и имѣя у себя всѣ данныя, онъ, вмѣсто выборки ихъ изъ послѣднихъ госпитательныхъ мѣсячныхъ рапортовъ, потребовалъ эти свѣдѣнія отъ коммисіи; а коммисія, въ свою очередь, поступила по примѣру департамента и вновь потребовала свѣдѣнія отъ госпиталей.

При ревизіи склада съ сапожнымъ товаромъ, чиновникъ Петербургской коммисіи, надв. сов. Ив. Григ. Бѣлопольскій просилъ моей защиты и разсказалъ интересную исторію: онъ былъ командированъ принимать сапожный товаръ отъ Болховскихъ кожевенныхъ заводчиковъ, подряда Устрялова; товаръ былъ очень плохъ; Бѣлопольскій, не рѣшившись принять его, привезъ въ коммисію нѣсколько штукъ того товара, чтобы узнать какую денежную накладку потребуютъ за такой товаръ; въ складѣ назначили огромную накладку; Бѣлопольскій передалъ объ этомъ Болховскимъ заводчикамъ, заводчики несогласились дать такую большую накладку и сообщили о томъ Устрялову. Бѣлопольскій получилъ письмо отъ чиновника департамента, въ которомъ, именемъ Устрялова, грозятъ ему судомъ, или удаленіемъ отъ службы, если онъ позволитъ себѣ такія страшныя вымогательства отъ заводчиковъ. Бѣлопольскій отвѣчалъ, что онъ объявилъ только ту накладку, которую съ него требуютъ въ складѣ. Ему предписываютъ при-

нимать снисходительно, но Бѣлопольскій не рѣшился на свой страхъ принять такого дурнаго товара. Тогда Устряловъ формальнымъ предписаніемъ на имя Мазараки, объявилъ Бѣлопольскому, чтобы въ теченіи кажется двухнедѣльнаго срока подалъ въ отставку, иначе будетъ уволенъ безъ прошенія. Бѣлопольскій, обремененный большимъ семействомъ, жилъ службою и понятно, былъ въ отчаянномъ положеніи отъ такого рѣшенія Устрялова. Бѣлопольскаго я близко не зналъ, но по наружности онъ вселялъ къ себѣ полное довѣріе, да и факты были на лицо. Я послалъ Устрялову частное письмо, въ которомъ говорилъ, что какъ ревизоръ, имѣю право войти во всѣ подробности дѣла Бѣлопольскаго, но не хочу касаться этихъ дрязгъ въ умирающемъ вѣдомствѣ и только требую, чтобы Бѣлопольскій былъ оставленъ на службѣ. Устряловъ исполнилъ.

Мнѣ извѣстно было, что въ то время между г. Кауфманомъ и г. Милютинымъ существовали такія отношенія, что все сказанное одному, по крайней мѣрѣ по интендантской части, было извѣстно и другому. Въ одной изъ бесѣдъ съ г. Кауфманомъ я спрашивалъ: хорошо ли извѣстны ему и г. Милютину Устряловскія коммисаріатскія продѣлки? К. П. Кауфманъ отвѣчалъ: „трудно ручаться, чтобы мы ужь все знали, но знаемъ очень много“. На запросъ мой, какъ они смотрятъ на прошлое Устрялова, въ виду предстоящаго ему будущаго? г. Кауфманъ отвѣчалъ, что Устрялову уже не разъ намекалось о томъ, и онъ при каждомъ удобномъ случаѣ заявлялъ, что составляя положеніе объ интендантскомъ вѣдомствѣ, онъ навсегда забудетъ, что самъ былъ и никогда уже болѣе не будетъ коммисаріатскимъ чиновникомъ. И я умолчалъ о случаѣ съ Бѣлопольскимъ, по своему исключительному положенію, не желалъ бросить тѣнь, что подкапываюсь подъ Устрялова.

II.

Я — окружный интендантъ.

I.

Высочайшимъ приказомъ, въ 10-й день августа 1864 года, я назначенъ интендантомъ петербургскаго военнаго округа; начались обычныя представленія и формированіе интендантскаго управленія.

При представленіяхъ замѣчательны были слова великаго князя

Николаевича и великой княгини Александры Петровны. Его высочество сказалъ:

— Ты поймешь, что я для тебя только согласился имѣть временнаго интенданта, на нѣсколько мѣсяцевъ, но, однако, имѣй въ виду, что Устряловъ уже интригуетъ противъ тебя.

Ея высочество, съ особою теплотою и задушевностью, сказала: „не могу безъ сокрушенія смотрѣть на васъ, зачѣмъ вы пошли въ этотъ омутъ, оставивъ милую саперную службу“.

Я отвѣчалъ: „если меня признали способнымъ занять одинъ изъ важнѣйшихъ постовъ по государственному хозяйству и если я самъ сознаю въ себѣ силы для того, то отказаться было бы даже не по-русски“.

Ея высочество на это сказала: „да, но на этихъ постахъ, чѣмъ честнѣе и энергичнѣе человѣкъ, тѣмъ болѣе бываетъ интригъ противъ него и ему мѣшаютъ сдѣлать то, что онъ желалъ бы сдѣлать“.

Представленіе Устрялову было очень удачно, я не засталъ его дома.

Военный министръ при этомъ представленіи просилъ только скорѣе открыть дѣйствіе интендантства; великій князь желалъ того же и я очень желалъ, для примѣра другимъ округамъ, чтобы петербургское интендантство скорѣе сформировалось; но все-таки ранѣе 15-го сентября 1864 г. не могъ открыть дѣйствій интендантства.

Съ ходатайствомъ о зачисленіи въ интендантство новыхъ лицъ, уже по моему избранію, я могъ войти только послѣ 10-го августа; этихъ лицъ было 21, приказы о зачисленіи ихъ въ интендантство, стали выходить съ 29-го августа и послѣдній приказъ, о назначеніи полковника **Губина**, нынѣшняго окружнаго интенданта, главнымъ смотрителемъ интендантскаго склада, послѣдовалъ только 8-го сентября. Прежде чѣмъ открыть дѣйствіе интендантства, надобно же было новымъ лицамъ принять интендантскій складъ, принять дѣла, казначею провѣрить денежныя суммы по сложнымъ и многочисленнымъ документамъ; всѣ лица, назначенныя въ интендантство, работали усердно; чиновники, оставленные въ интендантствѣ изъ прежней коммисаріатской коммисіи, желали показать, что они достойны сдѣланнаго имъ предпочтенія предъ бывшими ихъ товарищами; ретивы были и вновь назначенныя лица.

При формированіи интенданства, я часто вспоминалъ слова

великой княгини, что попалъ въ омутъ. Буду говорить какъ было дѣло.

При петербургской коммисаріатской коммисіи состояло очень много сверхштатныхъ чиновъ; они приняты были на службу въ 1863 году, въ виду предполагавшагося приведенія арміи на военное положеніе и оставались такъ до упраздненія коммисаріатской коммисіи; почти всѣ они поступили изъ отставки; многіе изъ нихъ нѣсколько разъ были увольняемы изъ коммисаріата и вновь зачисляемы. При учрежденіи интендантства послѣдовало такое распоряженіе: всѣ чины коммисаріатскаго и провіантскаго вѣдомствъ, которые не могутъ быть назначены въ интендантство, тотчасъ должны быть отчислены за штатъ на общемъ основаніи; тѣхъ же чиновъ, о которыхъ еще не выяснились взгляды, будутъ ли они оставлены въ интендантствѣ или нѣтъ, или которые на нѣкоторое время могутъ быть полезны — оставить временно при интендантствѣ и увольнять постепенно, съ тѣмъ, чтобы по возможности, къ 1-му января 1865 года, въ интендантствѣ не было сверхкомплекта.

Съ чиновниками бывшаго провіантскаго вѣдомства не было никакихъ затрудненій; всѣ смотрители провіантскихъ магазиновъ оставлены временно на своихъ мѣстахъ, а чиновники, состоявшіе при управленіи петербургскаго оберъ-провіантмейстера полковника Устинова, по случаю назначенія Устинова интендантомъ финляндскаго округа—всѣ и поступили къ нему въ Финляндію. Но съ чинами коммисаріатскими было много хлопотъ.

Всѣхъ чиновниковъ при петербургской коммисаріатской коммисіи, за исключеніемъ госпитальныхъ, совершенно отошедшихъ отъ интендантства, было 153; изъ нихъ 33 зачислены въ интендантство и 69 признаны безусловно не могущими поступить въ интендантство и предназначены къ немедленному отчисленію за штатъ; затѣмъ участь остальныхъ 51 человѣка не могла быть вдругъ рѣшена.

По первому штату въ интендантствѣ съ интендантскимъ складомъ должно было состоять 74 чиновника; въ то число поступило: изъ бывшей коммисіи 33 и вновь избрано мною 21, всего 54, недоставало 20 человѣкъ. Этихъ-то 20 человѣкъ и предполагалось выбрать изъ оставшихся 51 человѣка.

Тотчасъ составлены были списки: 33 чел., зачисленнымъ въ интендантство; 69 чел., подлежащимъ немедленному увольненію и

51 чел., которыхъ участь еще не рѣшена. Эти списки объявлены были во всеобщее свѣдѣніе.

И вотъ началось мое мученіе отъ 69 и 51 чел. Они просто осаждали меня съ ранняго утра до поздняго вечера; не смотря на билетикъ, прибитый у дверей моихъ, что принимаю по служебнымъ дѣламъ съ 8 до 9½ часовъ утра, эти чиновники и жены ихъ, узнавъ, что я рано встаю, являлись ко мнѣ въ 7, въ 6 и даже въ 5 часовъ утра. Они не были просителями, въ полномъ смыслѣ этого слова, желающими лично устроиться, нѣтъ, они являлись обличителями минувшихъ злоупотребленій и преступныхъ дѣлъ; у нихъ большею частью выражалась досада на предпочтеніе, сдѣланное другимъ передъ ними; я не помню фамилій ихъ, да онѣ меня и не интересовали; не все могъ записывать, что каждый говорилъ; въ общемъ было возмутительно, но въ частности было много интереснаго. Напримѣръ:

Одинъ говорилъ: Я ничего не прошу для себя, я найду себѣ хлѣбъ и безъ службы, но мнѣ обидно, ваше превосходительсво, что я попалъ въ списокъ 69-ти, а NN въ списокъ 51-го; я признаю, я былъ виноватъ; дѣйствительно, будучи коммисаромъ госпиталя, я, принявъ изъ коммисіи большую партію новой оловянной посуды, перемѣнилъ ее у подрядчика на бракъ, за значительную денежную накладку; но вѣдь объ этомъ зналъ только одинъ NN, а дошло ли до вашего превосходительства, что этотъ NN, когда его назначили сопровождать большой транспортъ съ сапожнымъ товаромъ, заключилъ съ подрядчикомъ вотъ какую сдѣлочку: 6 возовъ съ самымъ лучшимъ товаромъ оставилъ на постояломъ дворѣ, а взялъ тамъ подготовленные 6 такихъ же возовъ съ бракованнымъ товаромъ.

Одинъ говорилъ: Меня зачислили въ списокъ 69-ти, пусть такъ; я былъ мошенникъ, дѣйствительно я былъ командированъ для присутствованія при сожженіи бѣлья послѣ холерныхъ больныхъ и вмѣсто показанныхъ тысячъ сожженныхъ штукъ, сожгли нѣсколько сотенъ рванаго бѣлья, а все остальное зачислили въ тотъ же госпиталь вмѣсто новаго бѣлья; но вѣдь управляющій коммисіей, зная, что я бѣдный человѣкъ, командируя меня, самъ сказалъ, что даетъ мнѣ такую командировку, на которой я могу поправить свои дѣла; а вотъ ММ, попавшій въ списокъ 51-го, честнымъ словомъ заявлялъ въ коммисіи, что взялъ съ подряд-

чика только по 1/4 коп. съ каждой подошвы и подметки, а я знаю навѣрное, что онъ взялъ по 1/2 коп.

Одинъ говорилъ: Я знаю, что меня обвинили передъ вашимъ превосходительствомъ въ томъ, что я бралъ большую накладку съ холста, отъ 75 к. до 1 рубля на 1,000 аршинъ; но что же мнѣ было дѣлать, когда главный смотритель далъ мнѣ мѣсто сортоваго только съ условіемъ, чтобы я отъ каждой тысячи аршинъ платилъ бы ему лично по 25 коп.

Одинъ съ отчаяніемъ говорилъ: ваше превосходительство, я навѣрное знаю, что меня очернилъ РР, попавшій въ списокъ 33-хъ; а знаете ли, ваше превосходительство, что онъ еще недавно нѣсколько тысячъ старыхъ рогожъ спустилъ за новыя?

Одна жена говорила: насъ обидѣли, ваше превосходительство, мы бѣдные люди, за что же зачислили насъ въ какіе-то 69, и мать моя всегда говорила мужу, что онъ не умѣетъ наживать деньги, вотъ въ какомъ платьишкѣ я хожу, ей-Богу нѣтъ лучше; а вотъ жена ДД, который, говорятъ, попалъ въ 51, посмотрите въ какихъ бархатахъ щеголяетъ! откуда это берется, жалованье они получали не больше нашего.

Одна жена выражала страшное огорченіе, что въ ея имянины не на что было приготовить пирога; а вотъ такой-то СС, попавшій въ списокъ 33, въ имянины жены устроилъ пиръ рублей въ 200.

Одна жена явилась утромъ часовъ въ 6, въ бальномъ платьѣ, совершенно декольте. На запросъ мой, что означаетъ такой нарядъ, она отвѣчала, что совершенно обносилась, хотѣла продать это платье, чтобы купить простенькое, но ей сказали, что ужъ другія ѣздили ко мнѣ, она боялась запоздать; что она пришла пѣшкомъ съ Петербургской стороны. На замѣчаніе мое, что она не въ такомъ же видѣ шла по улицѣ, она отвѣчала, что накидку оставила въ передней. Я просилъ ее надѣть сперва накидку и потомъ объяснить свое дѣло. Она разсказывала витіевато, что живетъ съ мужемъ бѣдно, но очень дружно, что они не знаютъ за что попали въ немилость, а вотъ такіе-то, называя двухъ по именамъ, постоянно кутятъ, а попали въ число 51-го; а этотъ, то же сказавъ фамилію, еще вчерашнюю ночь всю прокутилъ, а попалъ въ число 33-хъ.

Изъ многихъ женщинъ, только одна, мужъ которой попалъ въ число 51-го, держала себя съ большимъ достоинствомъ; она

была беременна въ послѣднемъ періодѣ и говорила: „ваше превосходительство, умоляю васъ, какъ женщина, какъ мать, носящая первенца подъ сердцемъ, сжальтесь надо мной, оставьте мужа на службѣ; я не знаю его достоинствъ, какъ служащаго и скажу прямо, если онъ и будетъ уволенъ отъ службы, то мы не останемся безъ хлѣба: и онъ и я съумѣемъ заработать деньги; но у меня много родныхъ и знакомыхъ и самолюбіе мое будетъ жестоко оскорблено, если при новыхъ порядкахъ, о которыхъ теперь такъ много говорятъ въ городѣ, мужъ мой будетъ уволенъ отъ службы".

И я буду говорить вамъ откровенно, отвѣчалъ я: мужъ вашъ попалъ въ списокъ 51-го, безъ всякой посторонней рекомендаціи, по личному моему указанію; во время ревизіи коммисіи я обращался къ нему со многими вопросами и ни на одинъ вопросъ не получилъ удовлетворительнаго отвѣта; но уважая вашу просьбу, оставлю его въ интендантствѣ, только на годъ, а затѣмъ все будетъ зависѣть отъ него самаго.

Всѣхъ чиновъ, подлежавшихъ увольненію, перебывало у меня до 80-ти. Самое замѣчательное объясненіе было съ бывшимъ главнымъ смотрителемъ складовъ маіоромъ княземъ Друцкимъ-Соколинскимъ. Онъ явился ко мнѣ въ сильномъ возбужденіи, говорилъ высокопарно, очевидно, приготовивъ рѣчь свою; рѣчь его врѣзалась въ памяти моей, онъ говорилъ: „я осмѣлился явиться къ вашему превосходительству, чтобы покаяться передъ вами, какъ передъ духовною святынею, какъ передъ свѣтиломъ нашимъ. До сего времени я былъ великимъ коммисаріатскимъ грѣшникомъ, скажу прямо, я былъ средоточіемъ здѣшнихъ прегрѣшеній; въ званіи главнаго смотрителя, я при двухъ послѣднихъ управляющихъ коммисіей былъ, дѣйствительнымъ управляющимъ; ничто не дѣлалось безъ моего согласія, даже безъ моего разрѣшенія; я собиралъ со всего жатву и приносилъ плоды. Прежнихъ документовъ у меня не осталось, я боялся сохранять ихъ, чтобы они не попали въ руки при внезапномъ обыскѣ и описи бумагъ моихъ; я, какъ грѣшникъ, всегда боялся этого, но съ февраля 1863 г. по сентябрь 1864 г., за 20 мѣсяцовъ, въ представляемой вѣдомости изложенъ самый вѣрный отчетъ о доходахъ коммисаріатскихъ и о распредѣленіи этихъ доходовъ:

1863 г.	Сборъ. руб.	коп.	Плата въ департаментъ. руб.	коп.	Чистый доходъ: руб.	коп.
Февраль	2.181	70³/₄	242	70	1,940	³/₄
Мартъ	3,353	29	712	30¹/₂	2,640	98¹/₂
Апрѣль	3,264	93	1,044	12	2,220	81
Май	4,742	29	416	26	4,326	3
Іюнь	5.046	51¹/₂	109	75	4,936	76¹/₂
Іюль	6,807	43	355	59	6.451	84
Августъ	8 240	4³/₄	1,371	81¹/₂	6,868	23¹/₄
Сентябрь	7,009	77¹/₂	652	—	6.357	77¹/₂
Октябрь	7,327	28	1,283	8	6,042	34
Ноябрь	7,943	94	1,299	60	6,644	34
Декабрь	5,218	94¹/₂	938	87¹/₂	4,280	7
1864 г.						
Январь	6,773	86³/₄	2,758	35¹/₄	4,015	51
Февраль	6,318	54	2,674	4	3,644	50
Мартъ	4.055	5³/₄	3,240	30	814	75³/₄
Апрѣль	1,218	67¹/₄	792	2	426	65¹/₄
Май	2,444	20¹/₂	718	98	1,725	22¹/₂
Іюнь	1.163	83	311	18¹/₂	852	64¹/₂
Іюль	2,028	18¹/₂	648	6¹/₂	1,380	12
Августъ	2,496	96	510	48	1,986	48
Сентябрь	2,383	85	683	33	1,700	52
Итого	104.018	81¹/₂	20,764	9¹/₂	83,254	72

Въ примѣчаніяхъ къ этой вѣдомости значилось: большіе взносы въ департаментъ въ январѣ, февралѣ и мартѣ 1864 г. были по случаю ожидаемой награды къ Пасхѣ, или къ 17-му апрѣля, управлявшимъ коммисіей.

Изъ денегъ, вносимыхъ въ департаментъ, половина шла директору Устрялову, а другая половина дѣлилась между чиновниками.

Изъ чистой прибыли 10%, или 8,325 р. удерживалъ въ свою пользу главный смотритель и 5 т. распредѣлялись между чиновниками, по указанію управляющаго, такъ что управляющій получилъ въ личную свою пользу, въ 20 мѣсяцевъ, 70 т. рублей; но князь Друцкой полагалъ, что изъ этихъ 70 т. придется потратить 10—15 тысячъ на покупку недостающихъ или забракованныхъ вещей при сдачѣ склада.

Князь Друцкой говорилъ, что усиленному доходу помогло то обстоятельство, что по событіямъ 1863 года, поставка вещей была нѣсколько увеличена; что онъ навѣрное не знаетъ, какъ дѣлалось въ другихъ коммисіяхъ, но въ петербургской нѣсколько лѣтъ существовала постоянная такса съ подрядчиковъ, въ пользу

управляющаго коммисіей: съ 1,000 аршинъ холста 2 р. 50 к.; со штуки мягкаго сапожнаго товара 2 к.; съ подошвы и подметки по 1/2 к.; съ аршина сукна 3 к.; съ металлическихъ и другихъ вещей по 3%.

Выслушавъ князя Друцкаго я сказалъ ему, что вѣрю его раскаянію и убѣжденъ, что на будущее время онъ будетъ служить иначе но все-таки не могу принять его теперь же въ интендантство; да и ему самому полезно побыть нѣкоторое время не у дѣлъ, чтобы успокоиться отъ треволненій.

При формированіи интендантскаго управленія чаще всѣхъ сходился со мной секретарь, штабсъ-капитанъ Викторъ Ивановичъ Бунинъ, тогда молодой офицеръ, кончившій курсъ въ академіи генеральнаго штаба. Это была превосходная личность и вѣрно навсегда останется таковою, онъ и нынѣ служитъ въ интендантствѣ полковникомъ. Бо̀льшую часть разсказовъ, слышанныхъ мною отъ заштатныхъ чиновниковъ, я передавалъ Бунину, онъ навѣрное многое помнитъ лучше меня и помнитъ фамиліи чиновниковъ.

Въ это время я получилъ десятка два писемъ отъ высокопоставленныхъ лицъ, съ ходатайствами за чиновниковъ, увольняемыхъ за штатъ, въ томъ числѣ было 5 писемъ отъ князя Суворова, тогдашняго с.-петербургскаго генералъ-губернатора, и ни одно ходатайство не могло быть удовлетворено.

Князь Друцкой въ сущности не сообщилъ мнѣ ничего новаго; приблизительно я зналъ и всѣ цифры, да и кто же ихъ не зналъ; въ публикѣ ихъ еще преувеличивали, но я берегъ записку Друцкаго, какъ полуофиціальный документъ, который, однако, никому не предъявлялъ.

Кромѣ меня, во всѣхъ округахъ интендантами были назначены управлявшіе коммисаріатскими коммисіями, получавшими въ годъ, кромѣ жалованья, по меньшей мѣрѣ по 20 тысячъ и во главѣ надъ ними поставлена была коммисаріатская душа, привыкшая каждый годъ собирать со всѣхъ ихъ, по меньшей мѣрѣ, 50 т. Удивительно: полагали, что съ перемѣною названія лицъ, перемѣнятся и дѣйствія ихъ!

В. Д. Кренке.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ АРКАДІЕВИЧЪ СУВОРОВЪ.

V [1]).

Воспоминанія профессора И. Е. Андреевскаго.

Что вызвало въ 1861 г. университетскіе безпорядки, заарестованіе 500 студентовъ и затѣмъ закрытіе университета?

Причины этихъ явленій, во всякомъ случаѣ печальныхъ по многимъ невыгоднымъ послѣдствіямъ, стали создаваться гораздо ранѣе 1861 г. Историкъ С.-Петербургскаго университета, покойный профессоръ В. В. Григорьевъ, не бывшій очевидцемъ этихъ событій и, вѣроятно, за поспѣшностію работы, не посовѣщавшійся съ ихъ свидѣтелями, удѣлилъ въ своемъ изслѣдованіи [2]) только одну страничку (314) съ нѣсколькими примѣчаніями, мало разъяснившую дѣло. Фактическую сторону этого событія стремился представить съ возможною точностію В. Д. Спасовичъ [3]). Не находя умѣстнымъ разбирать здѣсь самыхъ причинъ этого явленія со всею подробностію, какой оно конечно заслуживаетъ, я могу, въ подтвержденіе высказаннаго уже г. Спасовичемъ и въ пополненіе сообщаемыхъ имъ указаній, засвидѣтельствовать, что тутъ дѣйствовали причины трояжаго рода: вытекавшія изъ самаго склада университета, изъ явленій, нарождавшихся въ самомъ обществѣ и изъ метода дѣятельности полицейскихъ властей.

---

[1]) См. „Русская Старина“, изд. 1882, томъ XXXIII, книга III, мартъ, стр. 828—838.

[2]) Импер. Спб. университетъ въ теченіи первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія. Историч. записка, составл. В. В. Григорьевымъ. Спб. 1870.

[3]) Въ статьѣ, „Пятидесятилѣтіе Петерб. университета“, въ сборникѣ его изслѣдованій, изданномъ въ 1872 г., подъ заглавіемъ: „За много лѣтъ“.

Уже въ 1856 году въ университетѣ создались существенныя перемѣны. Съ удаленіемъ отъ должности попечителя, дѣйствовавшаго все послѣднее десятилѣтіе царствованія императора Николая I, М. Н. Мусина-Пушкина и назначеніемъ на его мѣсто князя Г. А. Щербатова, должны были родиться весьма существенныя измѣненія. Честный служака, добрый въ душѣ, по своему сильно любившій университетъ, по своему понимавшій и высокія его задачи, но воспитавшій въ себѣ чрезвычайно грубыя формы отношеній къ подчиненнымъ, величественный Мусинъ-Пушкинъ, руководясь уставомъ 1835 г. и значительно его пополняя своими распоряженіями, почиталъ себя полнымъ и безъапелляціоннымъ начальникомъ студентовъ, ревниво охраняя ихъ отъ всякаго другаго вліянія и только по необходимости допуская профессоровъ къ ихъ обученію и экзаменованію. Поддержкѣ такихъ его воззрѣній на необходимость начальствованія надъ студентами содѣйствовало и небольшое число студентовъ: хотя количество ихъ всегда превышало назначенную въ 1849 г. цифру 300, но въ общемъ число ихъ всегда было менѣе тысячи. Рѣзкая перемѣна получилась отъ назначенія въ 1856 г. преемникомъ ему кн. Г. А. Щербатова, представлявшаго полную противоположность своему предшественнику. Исполненный отмѣнной вѣжливости, несомнѣнно желавшій процвѣтанія университету, онъ однако давно лелѣялъ въ душѣ желаніе полной его реформы. Въ необходимости таковой онъ вполнѣ убѣдился, когда, за ослабленіемъ требованія объ ограниченіи числа студентовъ, двери университета гостепріимно распахнулись и масса молодежи, давно ждавшая переступить порогъ этого святилища наукъ, хлынула въ него живою и сильною волной. Уставъ оставался дѣйствующимъ и имъ коллегія профессоровъ совершенно устранялась отъ наблюденія за студентами: оно всецѣло лежало на попечителѣ и подчиненной ему инспекціи. Попечитель мечталъ о созданіи студенческой корпораціи, и весьма многіе сочувствовали его мечтѣ. Онъ самъ сталъ созывать студентовъ на совѣщанія съ нимъ; сначала студенты шли неохотно на такія совѣщанія, скоро получившія названіе сходокъ. Потомъ эти сходки, напротивъ, стали получать развитіе по поводу трехъ обстоятельствъ: во первыхъ, нашли удобнымъ отобрать отъ инспектора (Фицтума-ф.-Экстето) распоряженіе концертами, такъ какъ выручка отъ нихъ должна итти въ пользу бѣдныхъ студентовъ, и этимъ пожелали распоряжаться сами студенты; во вторыхъ, затѣялось изданіе студенческаго сборника; въ третьихъ, устройство библіотеки и кассы для бѣдныхъ студентовъ. Для всѣхъ этихъ дѣлъ требовались распорядители, которыхъ надобно было избирать, а для возможности избранія нужны были уже фактически и установленныя

попечителемъ сходки. Всѣ эти цѣли, по поводу которыхъ создавались сходки, сами по себѣ были весьма высокія, къ нимъ весьма сочувственно относились и профессора. Самый безпристрастный наблюдатель развитія студенчества въ концѣ 1850-хъ годовъ выведетъ два положенія: первое, что стремленія къ достиженію этихъ высокихъ, товарищески-добрыхъ цѣлей значительно подняло студенчество, сталъ проявляться почти незамѣтный до тѣхъ поръ корпоративный духъ, стали создаваться стойкіе характеры, крѣпнуть убѣжденія. Этимъ недолгимъ періодомъ можно было бы воспользоваться, чтобы помочь образоваться правильнымъ студенческимъ обществамъ, корпораціямъ,—но этого не случилось. Второе, столь же несомнѣнное положеніе—что эти безформенныя, неорганизованныя сходки пожирали напрасно много золотаго времени, мѣшали занятіямъ, къ которымъ дѣйствительно стремилось большинство университетской молодежи. Это сдѣлалось особенно чувствительно когда преемникъ кн. Щербатова, не раздѣлилъ его политики содѣйствовать созданію элементовъ студенческой корпораціи, но, дѣйствуя правда весьма мягко, выражалъ свое неодобреніе развивающимся сходкамъ. Такъ какъ коллегія профессоровъ, согласно дѣйствовавшему тогда уставу 1835 г., никакой власти не имѣла, ограничена была исключительно учебными занятіями, а справляться съ порядкомъ и начальствовать надъ студентами долженъ былъ попечитель съ инспекціею, то уже въ теченіе 1860 г. ему пришлось испытывать немало затрудненій, хотя еще всѣ хлопоты были дѣломъ совершенно домашнимъ, въ которое полиція еще вовсе не вторгалась.

Между тѣмъ, въ теченіе этого пятилѣтія (съ 1856 по 1861 г.), когда по этимъ внутреннимъ чисто причинамъ измѣнялся складъ студенчества вообще и студентовъ Петербургскаго университета въ особенности, происходили сильныя перемѣны и во всемъ интеллигентномъ русскомъ обществѣ. Новое царствованіе пробудило цѣлую массу новыхъ стремленій и надеждъ. Крымская война вызвала критику и анализъ неустройствъ и слабости. Начали помышлять о глубокихъ реформахъ. Созванные комитеты для работъ по освобожденію крестьянъ были вопросомъ дня: масса восторженныхъ реформаторовъ сталкивалась и съ недовольными, крѣпостники пророчествовали о распаденіи Россіи; начавшія разгараться въ Царствѣ Польскомъ надежды на лучшее будущее создавали и въ русскомъ обществѣ критиковъ существующаго; печать, особенно повременная, проснулась и захлебывалась въ массѣ ежедневно ставившихся все новыхъ и важныхъ вопросовъ; цензура потеряла совершенно почву; никто не зналъ о чемъ можно и о чемъ нельзя говорить; что казалось разъясненнымъ недо-

статочно, то договаривалось и толковалось въ чрезвычайно распространившемся «Колоколѣ» изд. А. И. Герцена. Все это живое, дѣйствовавшее, надѣявшееся, исполнявшееся энергіи неотразимо вліяло на молодежь вообще и университетскую въ особенности. Къ этому моменту относится и рѣзкая перемѣна во всемъ складѣ подроставшаго женскаго поколѣнія — реформа внутренняя общественная, создавшаяся отъ множества причинъ, накопившихся въ прошедшее время. Не совсѣмъ приглядная со стороны внѣшней, она заключала въ своемъ существѣ два глубокія основанія: стремленія молодаго женскаго поколѣнія пріобрѣтать свѣдѣнія и желаніе поставить дальнѣйшую свою жизнь на иныя экономическія основы, объявивъ непримиримую войну роскоши и находя чарующую красоту въ образованіи и простотѣ. Это явленіе опять имѣло немалое значеніе для учащейся молодежи, особенно когда въ 1861 г., въ университетскихъ аудиторіяхъ стали являться стремившіяся къ пріобрѣтію знаній дѣвушки.

Безпристрастно наблюдавшіе этотъ новый складъ университетскаго студенчества могутъ констатировать, что ничего дурнаго или преступнаго не было; напротивъ, что возникало много высокаго и свѣтлаго; но какъ броженіе умовъ было весьма сильное, то отсутствіе какой либо организаціи въ массѣ молодежи, значительно превысившей тысячу человѣкъ, среди которыхъ дѣйствовало множество посторонныхъ, вовсе не принадлежавшихъ къ учащимся, не могло не вызывать безпорядковъ. Особенно замѣтными они сдѣлались въ началѣ 1861 г., когда Россія праздновала величайшій изъ историческихъ актовъ—актъ освобожденія крѣпостныхъ. Всѣ, и студенты и попечитель, чувствовали потребность выйти изъ такихъ невозможныхъ условій. И тогда впервые, въ мартѣ 1861 г., попечитель обратился къ профессорамъ, и то не къ цѣлому совѣту университета, а написалъ письмо къ профессору К. Д. Кавелину, пользовавшемуся большою популярностію въ университетѣ, предоставивъ ему составить проектъ правилъ, которыми бы упорядочилась студенческая община. Образовалась маленькая коммисія изъ 4-хъ профессоровъ, пригласившая и 8 выборныхъ депутатовъ отъ студентовъ. Эта коммисія добросовѣстно трудилась, создала проектъ правилъ, на основаніи которыхъ можетъ устроиться студенческая корпорація. Депутатамъ эти правила казались чрезмѣрно строгими, но все таки они съ ними согласились и надѣялись выполнить. Но этотъ проектъ не пошелъ далѣе попечителя, такъ какъ въ то же время правительство рѣшило поставить новыя начала, утвержденныя 31-го мая 1861 г., по утвержденіи которыхъ министръ народнаго просвѣщенія Е. П. Ковалевскій оставилъ свой постъ, а за нимъ вышелъ изъ

попечителей и И. Д. Деляновъ. Эти начала 31-го мая провели то положеніе, которое осуществить въ тотъ моментъ было чрезвычайно трудно, а именно, что ни о какой организаціи студенческой корпораціи не можетъ быть рѣчи; форменная одежда студентовъ уничтожена и внѣ зданія университета они подчиняются общей полиціи; всякія сходки воспрещены; освобожденіе отъ платы за слушаніе лекцій должно быть ограничено двумя студентами, на каждую изъ губерній, входящихъ въ составъ округа.

Понятно, что эти правила ставились совершенно въ разрѣзъ съ ожиданіями и надеждами молодежи. Не думая подвергать эти правила критикѣ, можно съ увѣренностію сказать, что выполнить ихъ, и то конечно не безъ затрудненій, могли бы только умѣлыя, опытныя руки. Между тѣмъ, за уходомъ министра и попечителя, явились совершенно новые люди, незнакомые ни съ персоналомъ университетской коллегіи, ни съ положеніемъ студентовъ. Министромъ былъ назначенъ гр. Путятинъ, попечителемъ генералъ Филипсонъ. Безъ всякаго сомнѣнія, тотъ и другой желали наилучшимъ и наиудобнѣйшимъ способомъ привести новыя начала въ исполненіе, но затрудненіе явилось отъ совершеннаго незнакомства съ почвою. Родилось воззрѣніе, которое потомъ долго (до Суворова) и поддерживалось, будто студенты—бунтари, противники правительственныхъ интересовъ. Между тѣмъ въ 1861 г. дѣло студенческое было чисто внутреннее, никакой политической окраски не имѣвшее. Только черезъ годъ, въ мартѣ 1862 г., когда появились первыя прокламаціи, въ студенчество была пущена политическая пропаганда.

Между тѣмъ этому воззрѣнію содѣйствовала и полиція, получившая съ мая 1861 г. функцію вести надзоръ за студентами внѣ университетскаго зданія. Лѣтомъ никакого надзора вести не пришлось: студенты стали съѣзжаться къ сентябрю, а начало лекцій было отложено до 17-го сентября. Между тѣмъ новыя начала, утвержденныя 31-го мая, и новые руководители внушали всѣмъ опасеніе, какъ откроется учебный годъ. Прозорливая полиція завела уже 14-го августа (въ канцеляріи оберъ-полиціймейстера) дѣло о безпорядкахъ въ университетѣ.

Особая коммисія отъ совѣта университета въ теченіе лѣта работала надъ составленіемъ правилъ, которыя повелѣно было основать на началахъ 31-го мая. Опытная и знавшая положеніе дѣлъ, она предположила въ этихъ правилахъ такія приспособленія, которыя не ставили бы ихъ прямо въ разрѣзъ съ ожиданіями молодежи, и проектированныя правила изложила въ особой книжкѣ, матрикулѣ, которая должна была быть выдана каждому студенту. Но съ этими пра-

вилами не согласилось министерство: потребовало нѣкоторыхъ перемѣнъ. Въ переговорахъ прошло много времени, напечатать ихъ не успѣли къ моменту открытія лекцій, съ чѣмъ вообще запоздали, и по распоряженію попечителя лекціи открылись 18-го сентября, безъ правилъ. По старымъ порядкамъ, студенты стали составлять сходки. Попечитель въ концѣ недѣли распорядился запереть всѣ пустыя аудиторіи, въ которыхъ могли собрать сходку. Въ субботу, найдя всѣ пустыя аудиторіи запертыми, студенты попробовали собраться въ большой залѣ, дверь въ которую, хотя была заперта, но отъ напора легко открылась, при чемъ одно стекло этой двери разбилось. Это—моментъ, сочинившій всѣ послѣдующія явленія. На другой день министръ (принимавшій въ этотъ день представлявшихся ему профессоровъ) приказалъ временно прекратить лекціи до напечатанія новыхъ правилъ. Ничего незнавшіе объ этомъ студенты явились въ понедѣльникъ, какъ обыкновенно, на лекціи, но всѣ входныя двери оказались запертыми. Выставленное на главной входной двери объявленіе объ этомъ скоро исчезло; прибывавшіе вновь ничего не могли себѣ объяснить; порѣшили тутъ же отправиться за разъясненіемъ къ попечителю, и всѣ гурьбою, хотя чинно, пошли въ Колокольную улицу, гдѣ жилъ попечитель. Попечитель же въ то время былъ въ университетѣ и узнавъ, что вся толпа студентовъ отправилась къ нему, поспѣшилъ домой и засталъ въ Колокольной нетолько толпу студентовъ, но и полицію съ ротою стрѣлковаго баталіона, требовавшую, чтобы толпа разошлась. Попечитель разъяснилъ причину недоразумѣнія и не находя удобнымъ объясняться съ толпою въ Колокольной, повелъ студентовъ по Невскому къ университету, около котораго уже была полиція. Попечитель, не находя возможности объясняться со всѣми, просилъ выбрать трехъ депутатовъ, которымъ изложилъ причину прекращенія лекцій, указалъ, что будутъ выданы матрикулы и что лекціи начнутся черезъ недѣлю, 2-го октября. Студенты разошлись. Ночью полиція нашла необходимымъ заарестовать до 30 студентовъ, направивъ свой выборъ на тѣхъ, которые въ теченіе 1861 г. были избираемы въ распорядители по дѣламъ кассы, библіотеки, изданія сборника и т. д. Эти аресты значительно ухудшили дѣло, тѣмъ болѣе, что попечитель чрезвычайно затруднялся методомъ, какъ роздать поспѣвшія уже правила, напечатанныя въ матрикулахъ. Послѣ разныхъ плановъ, остановились на разсылкѣ ихъ по почтѣ тѣмъ изъ студентовъ, которые до назначеннаго и объявленнаго въ газетахъ срока подадутъ по городской же почтѣ прошеніе о выдачѣ имъ матрикулы; неподавшіе до этого срока не будутъ считаться студентами. Это возбудило, ко-

нечно, разладъ между студентами: треть изъ нихъ (до 500 человѣкъ) послали прошенія и имъ были доставлены матрикулы. Въ разныхъ мѣстахъ въ городѣ собирались студенты на совѣщанія, брать или не брать матрикулы; многія изъ такихъ совѣщаній накрывала полиція, заарестовывала и отправляла въ крѣпость, въ которую въ эти первые дни было помѣщено уже около ста студентовъ. Между тѣмъ для взявшихъ матрикулы положено было возобновить лекціи 11-го октября. Профессора явились читать лекціи, но студентовъ почти не было. Стала разъигрываться внутри студенчества понятная трагедія: взявшіе матрикулы съѣдались укоромъ совѣсти, что лишили $^2/_3$ своихъ товарищей возможности быть студентами. 12-го октября возлѣ параднаго входа въ университетъ стояла большая толпа прежнихъ студентовъ—нематрикулистовъ, которыхъ не пускали въ дверь, такъ какъ требовалось предъявить матрикулу. Большинство объясняло, что нужно войти на минуту, въ библіотеку, въ кабинетъ и пр., но безъ матрикулы никого не пропускали. Приходившіе съ матрикулами не хотѣли быть счастливцами сравнительно съ прежними товарищами, тоже не входили, а нѣкоторые рвали свои матрикулы. Скоро полиція привела войско, оцѣпили всю толпу, загнали чрезъ ворота (выходящія на биржу) въ университетскій дворъ, и оттуда повели въ крѣпость. Многіе студенты, подходившіе въ тотъ моментъ къ университету, и видя, какъ арестуютъ ихъ товарищей, по ихъ мнѣнію неповинныхъ, ходатайствовали, чтобы и ихъ присоединили къ заарестованнымъ; ихъ ходатайство уважили, включили въ цѣпь и всѣхъ отвели въ крѣпость, гдѣ уже заключено было болѣе 80 студентовъ. Размѣстить въ крѣпости оказалось невозможнымъ; сдѣлали разборъ; всѣхъ, у которыхъ оказались матрикулы, освободили, остальныхъ заключили въ крѣпости, изъ коихъ 320 на другой день отправлены въ Кронштадтъ, гдѣ и заключены въ Николаевскомъ госпиталѣ. По распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ назначены были двѣ слѣдственныя коммисіи: одна для разслѣдованія проступковъ студентовъ, заключенныхъ въ крѣпости, другая—по отношенію къ заключеннымъ въ Кронштадтѣ. Послѣдняя, подъ предсѣдательствомъ тайнаго совѣтника Н. И. Пущина, отправилась туда 24-го октября. Я былъ назначенъ въ эту коммисію депутатомъ отъ Университета. Здѣсь не мѣсто говорить о работахъ этой коммисіи, вполнѣ убѣдившейся, что все дѣло не представляло большой важности и не заключало въ себѣ ничего политическаго. Можетъ быть мнѣ удастся впослѣдствіи, на страницахъ «Русской Старины», ближе коснуться всей этой исторіи, между прочимъ, и для того, чтобы обрисовать замѣчательную личность Н. И. Пущина,—личность, по благород-

ству характера и возвышенности помысловъ, не часто встрѣчаемую на свѣтѣ.

Слѣдственная Кронштадтская коммисія къ концу ноября 1861 г. окончила свои работы, признавъ, что проступокъ заключенныхъ предусмотрѣнъ 1280 ст. Улож. (изд. 1857) и влечетъ за собою арестъ на время отъ 3 до 7 дней.

Пока дѣйствовали слѣдственныя коммисіи, въ обществѣ, въ городѣ ходили разные слухи, возбуждались безпокойства, слышалось участіе къ заключеннымъ, высказывались сѣтованія о разрушающемся университетѣ. Недоумѣвали, куда это все идетъ, можно ли найти какія нибудь средства для успокоенія...

Но 4-го ноября данъ былъ Высочайшій приказъ о назначеніи князя А. А. Суворова Петербургскимъ генералъ-губернаторомъ: 7-го ноября онъ вступилъ въ должность. Какъ слышно было, новый генералъ-губернаторъ 7-го ноября ѣздилъ въ крѣпость, чтобы увидѣть заключенныхъ студентовъ; тамъ онъ обратился къ нимъ съ такимъ оригинальнымъ и вмѣстѣ теплымъ словомъ (благодаря ихъ, между прочимъ, что они нашумѣли и тѣмъ самымъ содѣйствовали его переводу въ Петербургъ и что онъ понимаетъ энергію молодости и уважаетъ горячія молодыя головки); тотчасъ почувствовался коренной переломъ въ пріемахъ администраціи, повѣяло другимъ воздухомъ, вдругъ стало легче, спокойнѣе...

Я не видѣлъ новаго свѣтлѣйшаго генералъ-губернатора до 7-го декабря. Какъ и всѣ, знакомился съ его біографіею, съ его прошедшимъ. Различно толковалось обстоятельство быстраго возвышенія его въ молодости тотчасъ вслѣдъ за грозившею ему опасностію. Дѣйствительность этого факта не подлежитъ сомнѣнію. Съ біографіею кн. Суворова можно было тогда ознакомиться по весьма сочувственной ему статьѣ, помѣщенной въ Рижскомъ альманахѣ за 1859 г. [1]). Обстоятельства его юности конечно повліяли и на складъ его характера и на методы его дѣятельности, какъ генералъ-губернатора.

Внукъ знаменитаго русскаго полководца, Александръ Аркадіевичъ лишился отца еще въ дѣтствѣ: на седьмомъ году. Весною 1811 г. отецъ его,—любопытное совпаденіе историческихъ данныхъ—утонулъ въ той самой рѣкѣ Рымникѣ, на берегахъ которой его отецъ, знаменитый полководецъ, одержалъ блистательную побѣду, давшую фамиліи Суворовыхъ присоединеніе громкаго титула Рымникскихъ. Онъ утонулъ, желая спасти утопавшаго своего кучера, но переломилъ себѣ при этомъ руку и не могъ выплыть. Малютка Суворовъ (на

---

[1]) Rigascher Almanach, für 1859 г. 18 страницъ, съ прилож. его портрета.

8-мъ году) былъ помѣщенъ матерью (рожденною Нарышкиною) въ существовавшій тогда въ Петербургѣ іезуитскій пансіонъ, гдѣ онъ отлично учился и пробылъ три года. Дядя его, Кириллъ Александровичъ Нарышкинъ, опасаясь вреднаго вліянія іезуитскаго ордена на воспріимчиваго мальчика, взялъ его оттуда и думалъ воспитывать у себя дома, для чего и пригласилъ къ нему наилучшихъ преподавателей. Но мать его, отправившаяся во Флоренцію, желала имѣть сына поближе къ себѣ. Это было причиною переѣзда его первоначально въ Италію и помѣщенія его затѣмъ (на 13-мъ году) въ учебное заведеніе Гофвиль, возлѣ Берна въ Швейцаріи, гремѣвшее славою въ Европѣ и вполнѣ заслуженною, такъ какъ эту школу велъ знаменитый въ исторіи педагогіи Фелленбергъ. Суворовъ пробылъ тутъ пять лѣтъ, и пріобрѣлъ отличное образованіе: онъ и въ старости поражалъ нетолько глубокимъ знаніемъ многихъ языковъ, но исторіи и естеств. наукъ. Послѣ того Суворовъ занимался въ Парижѣ и въ 1822 г. сдѣлался студентомъ Геттингенскаго университета. Въ 1824 г. вернулся въ Петербургъ и 12 декабря 1824 г. вступилъ юнкеромъ въ Конно-гвардейскій полкъ. Отлично образованный, пылкій, исполненный любви къ человѣчеству и весьма либеральныхъ воззрѣній онъ скоро дѣлается любимцемъ полка и вступаетъ въ близкую дружбу съ корнетомъ, кн. А. И. Одоевскимъ. Эта дружба и была причиною заподозрѣнія кн. Суворова въ обществѣ декабристовъ. О томъ, какъ это разъяснилось, разсказываютъ двояко. Одни говорятъ почти тоже, что высказалъ въ третьей книгѣ «Русской Старины» изд. 1882 г. А. И. Веригинъ, именно, «что будто бы вечеромъ 14-го декабря самъ князь Суворовъ, движимый упрекомъ совѣсти, добровольно явился къ Государю и съ полнымъ чувствомъ раскаянія принесъ повинную голову», (стр. 829). Но разсказываютъ это обстоятельство и нѣсколько иначе. Я слышалъ объ этомъ отъ покойнаго князя Витгенштейна, бывшаго адъютантомъ у кн. Суворова,—разсказъ, весьма схожій съ тѣмъ, который помѣщенъ въ біографіи князя въ Рижскомъ альманахѣ. Именно, Суворовъ не самъ явился къ Государю съ повинною, такъ какъ онъ ни въ чемъ виноватъ не былъ, кромѣ дружбы съ кн. А. И. Одоевскимъ. Напротивъ, вечеромъ 22-го декабря онъ былъ заарестованъ и приведенъ на гауптвахту Зимняго Дворца. Утромъ его потребовалъ къ себѣ Государь. Когда онъ проходилъ чрезъ залу, наполненую сановниками, всѣ съ негодованіемъ отъ него отвертывались. Государь въ кабинетѣ встрѣтилъ Суворова такимъ укоромъ: «развѣ ты забылъ, Суворовъ, какое имя ты носишь»? Когда кн. Суворовъ, прямо смотря въ глаза Императору, съ сознаніемъ полной невинности высказалъ, что онъ ничѣмъ не заслу-

жилъ гнѣва Его Величества, заплакалъ и сталъ утирать глаза платкомъ, Государь вырвалъ у него платокъ, сказавъ: «это добрыя слезы, и я буду хранить этотъ платокъ, какъ свидѣтельство, что внукъ знаменитаго Суворова не можетъ быть измѣнникомъ». Этотъ разсказъ, кажется, ближе къ истинѣ. Съ этого дня и началось расположеніе государя Николая Павловича къ кн. Суворову, не прерывавшееся до самой кончины государя. 1-го января уже онъ произведенъ въ офицеры, былъ при государѣ во время коронаціи, и потомъ началъ свою боевую карьеру на Кавказѣ и потомъ въ Турецкой кампаніи. Его военная дѣятельность довольно извѣстна. Не будемъ слѣдить за нею, замѣтивъ только общимъ образомъ, что она содѣйствовала сложиться вполнѣ его характеру, открытому и честному, такъ много обезпечившему для кн. Суворова успѣховъ на поприщѣ генералъ-губернатора.

Я впервые встрѣтился съ нимъ 7-го декабря 1861 г., по слѣдующему поводу.

Студенты, заключенные въ Кронштадтѣ, которыхъ я въ качествѣ депутата отъ университета былъ защитникомъ въ слѣдственной коммиссіи, были освобождены 6-го декабря, и при освобожденіи были обязаны подпискою такого рода: что не могутъ пребывать въ Петербургѣ долѣе 24-хъ часовъ, если не представятъ за себя поручителей, и если не надѣнутъ платья, которое бы не отличало ихъ отъ другихъ гражданъ. Большинство освобожденныхъ, не имѣя въ Петербургѣ ни родителей, ни родственниковъ, которые могли бы ихъ взять на поруки, не имѣя и денегъ, чтобы обзавестись платьемъ (большинство было въ высокихъ сапогахъ и простыхъ тулупахъ) — всѣ, въ числѣ болѣе 200, пришли ко мнѣ 7-го декабря около 12 часовъ утра. Понявъ затруднительность ихъ положенія, я предложилъ имъ отправиться вмѣстѣ со мною къ новому генералъ-губернатору, котораго, хотя я не зналъ, но отъ котораго, по слухамъ, можно ожидать справедливости. Я предполагалъ просить прежде всего отсрочки, по крайней мѣрѣ, на недѣлю для выполненія этой подписки. Я предложилъ раздѣлиться на нѣсколько партій, чтобы не идти гурьбою по улицѣ, и составивъ предварительно имянной списокъ, уговорился быть въ канцеляріи генералъ-губернатора въ 2 часа. Я явился ровно къ двумъ часамъ вмѣстѣ со всѣми студентами; объяснилъ адъютанту, въ чемъ дѣло и просилъ доложить его свѣтлости. Не прошло и двухъ минутъ, какъ вышелъ кн. Суворовъ въ полномъ блестящемъ мундирѣ. Я представился ему и сталъ объяснять въ чемъ дѣло. Онъ былъ весьма удивленъ, что отъ студентовъ взяли такую подписку, что онъ этого вовсе не зналъ, но если подписка ими дана, то ее нужно выполнить.

Обратился къ студентамъ съ весьма теплымъ словомъ, въ которомъ хотѣлъ разъяснить, что вся ихъ каша заварена безъ него, что ему нужно расхлебывать, что онъ постарается это сдѣлать, потому что онъ любитъ молодежь, и вѣритъ ей. Впечатлѣніе произвелъ на студентовъ самое выгодное. Затѣмъ обратясь ко мнѣ сказалъ: «приказывайте а я буду исполнять». Я изложилъ ему, что въ 24 часа студентамъ нельзя найти поручителей, что у нихъ знакомыхъ теперь не только мало, но у нѣкоторыхъ и совсѣмъ нѣтъ.

«Ну, это не такъ трудно, какъ вы думаете, г. прокуроръ», обратился онъ къ находившемуся тутъ губернскому прокурору, теперь уже умершему, Ю. Г. Богуславскому, «какая отвѣтственность возлагается по закону на поручителей»? Впослѣдствіи объяснялъ мнѣ кн. Суворовъ, что онъ ежедневно находится въ большомъ затрудненіи отъ незнанія законовъ; масса просителей является ежедневно, всѣхъ хочется удовлетворить, а не знаешь въ правѣ ли по законамъ,—потому онъ пригласилъ губернскаго прокурора, который, по мнѣнію Суворова, долженъ знать всѣ законы, всегда присутствовать при пріемѣ просителей, и прежде какого либо обѣщанія онъ всегда обращался къ прокурору за справкою о законѣ. Ю. Г. Богуславскій, коротко мнѣ знакомый (готовясь къ магистерскому экзамену, я для ознакомленія съ практикою судобною и административною состоялъ болѣе года на службѣ въ его прокурорской камерѣ), человѣкъ весьма умный отъ природы и добрый, хотя не былъ свѣдущимъ юристомъ, но полезные совѣты всегда могъ предложить кн. Суворову, который весьма его цѣнилъ и уважалъ [1]). Прокуроръ ему отвѣтилъ, что отъ меня онъ точнѣе это можетъ узнать. Когда я ему сообщалъ, что теперь по закону поручитель въ подобныхъ случаяхъ никакой юридической отвѣтственности не подлежитъ, Суворовъ спросилъ, есть ли у меня списокъ всѣхъ этихъ студентовъ, и получивъ отъ меня списокъ, сталъ по списку тотчасъ отчеркивать: первыхъ тридцать предложилъ мнѣ взять на поруки, пятьдесятъ взялъ самъ, двадцать пять записалъ на прокурора, столько же на своего правителя канцеляріи. Однимъ словомъ въ полчаса времени поручители были устроены. Далѣе, онъ самъ пошелъ на встрѣчу моимъ вопросамъ и ходатайствамъ. «Хорошо», говоритъ онъ, «поручители теперь имѣются, но какъ они будутъ знать, гдѣ найти своихъ друзей-студентовъ. Нельзя ли, чтобъ они выбрали своихъ старостъ или депутатовъ, съ которыми можно было бы сноситься?» Я въ шутку замѣтилъ, что за это желаніе имѣть своихъ депутатовъ, т. е.

[1]) Въ „Русской Старинѣ" были помѣщены разсказы и замѣтки прокурора Ю. Г. Богуславскаго, см изд. 1879 г., томъ XXVI, стр. 103—124; 231—240; 545—561.

корпорацію, они и попали въ крѣпость, но что дѣйствительно безъ депутатовъ и поручителямъ будетъ очень трудно. Онъ объ этомъ дѣлѣ сталъ говорить съ студентами, и они ему объяснили, что у нихъ уже имѣются выборные старосты или депутаты, безъ которыхъ и въ тюрьмѣ имъ нельзя было обойтись, и теперь тѣ же самые могутъ остаться депутатами. Онъ тотчасъ же ихъ всѣхъ утвердилъ депутатами, прося, чтобы они собирались у меня, и что онъ съ ними будетъ сноситься чрезъ мое посредство. Относительно другаго пункта подписки, онъ попросилъ, чтобъ я вечеромъ ему представилъ записку, какъ относительно ихъ одежды, такъ и относительно другихъ вопросовъ, которые окажутся неотложными. Такихъ вопросовъ дѣйствительно и явилось немало. Прежде всего, у большинства студентовъ, потерявшихъ вслѣдствіе заарестованія всѣ связи и средства къ жизни, уроки, корректуры и пр., не было возможности преобрѣсти платье, которое требовалось данною ими подпиской. Въ тотъ же вечеръ я представилъ кн. Суворову мои предположенія, какъ обезпечить такую массу выбитыхъ изъ обычной колеи молодыхъ людей. На другой день онъ нашелъ нужнымъ устроить особое совѣщаніе изъ нѣкоторыхъ чиновъ своей канцеляріи, въ которое, кромѣ меня, пригласилъ и профессора К. Д. Кавелина. Послѣдній имѣлъ съ нимъ отдѣльную бесѣду и многое разъяснилъ изъ существенныхъ потребностей. Оказалось, что многіе изъ студентовъ пожелали отправиться на родину, нѣкоторые думали поступить въ другіе университеты, такъ какъ петербургскій 20-го декабря былъ закрытъ. Потребовались и значительныя денежныя средства и самое теплое отношеніе администраціи по этому дѣлу. Кн. Суворовъ исходатайствовалъ (посредствомъ отпуска изъ III-го отдѣленія) значительную сумму, которая распредѣлялась такимъ образомъ: избранный имъ чиновникъ его канцеляріи выдавалъ пособіе, размѣръ котораго я долженъ былъ выставить въ особомъ свидѣтельствѣ на основаніи тѣхъ справокъ и того рѣшенія, которые сообщали мнѣ депутаты, избранные студентами.

Хлопотъ по этому дѣлу было не мало. Мнѣ всякій день приходилось видѣться съ кн. Суворовымъ и я не могу не засвидѣтельствовать, что относиться постоянно такъ радушно къ интересамъ молодаго поколѣнія могъ только сановникъ, дѣйствительно любившій родину.

Послѣ того, какъ университетъ былъ закрытъ 20-го декабря, матрикулированные студенты опять смѣшались съ прежними своими товарищами, не пожелавшими брать матрикулъ. Всѣ они очутились въ одинаково незавидномъ положеніи: безъ лекцій. Общее было желаніе устроить какимъ-нибудь способомъ продолженіе университетскихъ лекцій. У депутатовъ-студентовъ возникла мысль, нельзя ли устроить

вольный университетъ, и эта мысль скоро осуществилась въ видѣ цѣлаго ряда публичныхъ лекцій, открытію которыхъ много посодѣйствовалъ опять князь Суворовъ. Главное ходатайство со стороны депутатовъ было направлено къ нему. Онъ совершенно соглашался съ тѣмъ, что такой значительной массѣ молодыхъ людей, бывшихъ студентовъ, оставаться безъ лекцій будетъ пагубно, и помогъ осуществить созданный депутатами проектъ. Именно они получили согласіе отъ городскаго головы. Н. И. Погребова, дать въ распоряженіе студентовъ-депутатовъ обѣ большія залы Городской Думы, если генералъ-губернаторъ это разрѣшитъ, и разрѣшеніе было получено. Къ этимъ двумъ заламъ присоединилась третья, предоставленная въ распоряженіе студентовъ директоромъ училища св. Петра, профессоромъ Штейнманомъ. Студенты-депутаты пригласили профессоровъ университета (больше половины всего наличнаго числа) и нѣкоторыхъ преподавателей, не бывшихъ до того времени профессорами унивеститета: гг. Сѣченова, Годолина, Калиновскаго, Лохвицкаго. Изъявившіе на чтеніе лекцій согласіе представили программы, которыя были разсмотрѣны въ министерствѣ народнаго просвѣщенія и всѣ одобрѣны: уже дѣйствовалъ новый министръ народнаго просвѣщенія А. В. Головнинъ. Вся совокупность этихъ публичныхъ лекцій («вольнаго университета», какъ тогда говорилось), читавшихся за плату, шедшую въ пользу недостаточныхъ студентовъ, имѣла прямую связь съ обыкновенными университетскими курсами и имѣла въ виду возможность открытія экзаменовъ въ университетѣ, чего желалъ новый министръ. Успѣхъ этихъ публичныхъ лекцій чрезвычайно радовалъ кн. Суворова: онъ часто требовалъ къ себѣ студентовъ-распорядителей, чтобы разспросить о всѣхъ подробностяхъ и удалять встрѣчающіяся затрудненія. Извѣстно, что этимъ лекціямъ не суждено было продолжаться долго: начались съ февраля и прекратились 7-го марта 1862 г. Прекратились по такому поводу: профессора, согласившіеся читать лекціи, поставили одно условіе: студенты-распорядители должны отвѣтствовать за порядокъ, почему къ каждому профессору и приставленъ былъ студентъ-распорядитель, всѣмъ завѣдывавшій относительно администраціи на лекціи. 6-го марта студенты-распорядители подали заявленіе профессорамъ, что они болѣе за порядокъ отвѣтствовать не могутъ, вслѣдствіе чего профессора отказались продолжать чтеніе лекцій, за исключеніемъ Н. И. Костомарова, желавшаго не смотря на это, продолжать начатыя лекціи; но шумъ, помѣшавшій продолжать эту лекцію въ его думской аудиторіи, засвидѣтельствовалъ, что безъ ручательства студента-распорядителя за порядокъ, трудно вести такой родъ публичныхъ лекцій. Лекціи тогда прекратились, къ боль-

шому огорченію князя Суворова и всѣхъ дѣйствительно желавшихъ успѣха молодежи.

Съ марта 1862 г. вообще положеніе дѣлъ много стало измѣняться къ худшему. Разыгравшійся ли польскій вопросъ, начавшіе ли создаваться собственные агитаторы, мутившіе общественное спокойствіе и разсылавшіе разнаго рода прокламаціи, но все въ совокупности дѣлало положеніе общественное весьма смутнымъ, для многихъ невыносимымъ. Въ эти тяжелые мѣсяцы, закончившіеся лѣтними сильными пожарами, и достоинъ особаго вниманія методъ дѣятельности кн. Суворова, какъ генералъ-губернатора,—методъ, основанный на принципѣ успокоенія. Сознавая конечно, что появляются враги общественнаго порядка и власти, и содѣйствуя всѣми зависѣвшими отъ него средствами, чтобы предать бунтарей въ руки правосудія, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не соглашался на принятіе мѣръ, которыя, будучи недѣйствительными для захвата виновныхъ, могли бы стѣснять жизнь остальнаго населенія, ни въ чемъ неповиннаго. Много было дѣлаемо нареканій тогда на кн. Суворова за его слабость и снисходительность, но дальнѣйшая исторія послѣдующихъ грустныхъ годовъ, когда нельзя было усумниться въ энергіи распорядителей, проводившихъ самыя стѣснительныя, тяжкія мѣры для спокойнаго населенія, оказавшіяся совершенно безполезными для достиженія цѣли,—ярко выступаетъ въ защиту гуманной, справедливой политики кн. Суворова.

Тяжелы воспоминанія о лѣтнихъ мѣсяцахъ 1862 года, когда страшныя пожарища въ городѣ, очевидно производимыя поджогами, лишили спокойствія населеніе. Чья преступная рука зажгла въ Духовъ день Апраксинъ дворъ, пустившая въ нищету тысячи небогатыхъ торговцевъ? чьи руки поджигали городъ въ разныхъ мѣстахъ, въ слѣдующіе за этимъ пожарищемъ дни и недѣли? Какія побужденія были къ такимъ подвигамъ? Какихъ цѣлей думали достигнуть? Вотъ вопросы, которые всѣми ставились тогда, какъ ставятся и теперь потому что и до сихъ поръ причины этихъ пожаровъ остались не разслѣдованными. Какъ тогда, такъ и теперь, существуютъ предположенія, что дѣйствовала шайка корыстныхъ поджигателей, начавшихъ поджоги Апраксина двора съ корыстною цѣлію и что будто бы, воспользовавшись такими поджогами, и политическіе агитаторы начали дѣлать поджоги, для увеличенія общественнаго безпокойства и смуты. Но это только предположенія, а не доказанные факты. Тогда, какъ извѣстно, въ Петербургѣ была устроена особая коммисія для изслѣдованія поджоговъ, подъ предсѣдательствомъ сенатора Жданова, посланнаго потомъ и для изслѣдованія поджоговъ въ городѣ Симбирскѣ, возвращаясь откуда Ждановъ и окончилъ жизнь. Для изобли-

чаемыхъ въ поджогахъ, назначено было тогда особое судопроизводство военнаго суда и для поджигателей объявлена смертная казнь и утвержденіе смертныхъ приговоровъ возложено было на генералъ-губернатора. Дѣятельность кн. Суворова, которую мнѣ пришлось близко видѣть, исполнена была огмѣнной энергіи и вмѣстѣ съ тѣмъ достоинства. Онъ лично распоряжался въ установленіи полицейскаго наряда для соблюденія карауловъ и осторожности въ каждомъ домѣ, и это мало по малу и привело къ уничтоженію поджоговъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сохранялъ замѣчательную твердость, которою дѣйствовалъ и на другихъ, относительно огражденія крайней подозрительности и обуявшаго всѣхъ паническаго страха. Такъ какъ со всѣхъ сторонъ твердили, что это—политическіе поджоги, то Ждановской коммиссіи указывалось именно къ открытію этого приложить всѣ старанія и всѣ обширныя политическія средства. И князь Суворовъ нѣсколько дней находился подъ сильнымъ давленіемъ этой мысли, что это — политическіе поджоги. Вспоминаю не лишенную интереса съ нимъ бесѣду. Однажды рано утромъ, часовъ въ восемь, я тянулся на извощикѣ по Каменноостровскому проспекту изъ Лѣснаго института, гдѣ жилъ на дачѣ, съ цѣлію поспѣть къ 9 часамъ въ городъ на экзаменъ. Вдругъ слышу сзади сильный крикъ: «стой, стой». Оборачиваюсь и вижу жандармовъ, конвоирующихъ карету кн. Суворова, который, поспѣшая въ городъ, увидѣлъ меня и велѣлъ жандармамъ догнать и остановить. Пригласивъ меня пересѣсть къ нему въ карету, на что я согласился, заключивъ предварительно договоръ, чтобы онъ завезъ меня къ мѣсту, гдѣ мнѣ нужно отправлять экзаменъ и не заговоривъ (что было, какъ извѣстно, въ его обычаѣ) меня долѣе 9 часовъ, времени начало экзамена. Чрезвычайно озабоченный, даже взволнованный, князь Суворовъ мнѣ говорилъ: «вы знаете, какъ я люблю и всегда защищаю молодежь, но посмотрите на чтоже это похоже, вѣдь весь городъ въ пламени?» Я съ ужасомъ его спрашиваю, развѣ захваченъ кто-либо изъ нашей молодежи въ такомъ гнусномъ дѣлѣ?—«Да нѣтъ, какъ можно захватить, когда это политическій поджогъ, но всѣ говорятъ объ этомъ, и что, если это правда»?

Я ему отвѣчалъ: «знаете ли, ваша свѣтлость, мнѣ положительно извѣстно, потому что многіе говорятъ, что черезъ нѣсколько дней будетъ въ Петербургѣ наводненіе и что его сдѣлаютъ наши студенты».

— «Ну вотъ вы всегда шутите, и въ такомъ важномъ дѣлѣ, и критикуете нашего брата, а чтобы вы сдѣлали?»

Я сталъ ему доказывать, почему я любуюсь на его дѣятельность, какъ генералъ-губернатора, что онъ предпринялъ все, что въ его власти, для того, чтобы укараулить и уличить поджигателя, и ули-

ченный такимъ образомъ долженъ подвергнуться самой строгой казни, установленной закономъ; но разводить подозрѣнія и клеймить именемъ тяжкихъ преступниковъ людей, вовсе неповинныхъ, не только несправедливо, но и въ политическомъ отношеніи опасно.

Между тѣмъ, какъ въ подобныхъ обстоятельствахъ легко, по подозрѣнію, обвинить невиннаго, доказываетъ любопытный весьма случай, поставившій вскорѣ затѣмъ кн. Суворова въ великое затрудненіе, изъ котораго онъ вышелъ однако побѣдителемъ, и самая побѣда эта можетъ занять въ его біографіи весьма блестящее мѣсто.

Во время этихъ пожарищъ, въ одно злосчастное утро, по деревянному мосту чрезъ рѣчку Таракановку (Нарвской части) проходитъ господинъ, прилично одѣтый; зажигаетъ на срединѣ моста спичку, чтобы закурить папиросу, папироса не закуривается, онъ бросаетъ спичку, и едва перешелъ мостъ, какъ мостъ загорается; его схватываетъ городовой, онъ даетъ ему пять или десять р., чтобы тотъ его отпустилъ, тотъ на это не согласился, и онъ попадаетъ въ военно-судную коммисію. Онъ оказывается коллежскимъ или надворнымъ совѣтникомъ К. Его допрашиваютъ. На вопросъ, для чего онъ попалъ на этотъ мостъ, и откуда шелъ, онъ отказывается отвѣчать. Утверждая при томъ, что не повиненъ въ поджогѣ моста, объясняетъ, что предлагалъ городовому деньги, чтобы не быть привлеченнымъ къ судебному разбирательству, на которомъ онъ ничего разъяснить не можетъ. Экспертиза относительно причины загорѣвшагося моста, тотчасъ потушеннаго, ничего яснаго не представила. Военный судъ присудилъ его къ смертной казни, и приговоръ былъ представленъ кн. Суворову на утвержденіе. Существенною уликою казалось суду запирательство подозрѣваемаго относительно объясненія, гдѣ онъ былъ и по какой причинѣ попалъ на мостъ. Казалось, что здѣсь и кроется весь узелъ опасной политической шайки, принявшейся за поджоги. Какъ-то вечеромъ, довольно поздно, я получилъ приглашеніе отъ кн. Суворова навѣстить его, какъ оказалось, для совѣщанія по этому дѣлу. Я засталъ князя, обыкновенно спокойнаго, въ чрезвычайномъ волненіи: онъ не могъ сидѣть, все ходилъ, закидалъ меня цѣлою массою мотивовъ, по которымъ онъ ни за что не подпишетъ этого смертнаго приговора. Сказавъ, что уже онъ переслалъ этотъ приговоръ на предварительное заключеніе двухъ коронныхъ юристовъ, какъ онъ выражался, военнаго и морскаго генералъ-аудиторовъ, гг. Философова и Глѣбова, онъ просилъ меня вдуматься въ рѣшеніе и откровенно высказать мнѣніе. Мои мысли совпали съ его воззрѣніями: мнѣ казалось, что преступленіе вовсе не доказано; что въ рукахъ правительства, путемъ наблюденія за подсудимымъ, есть

много средствъ удостовѣриться, принадлежитъ ли К* къ какому либо обществу заговорщиковъ и т. д., что подписать по такому рѣшенію смертный приговоръ—такой актъ, который никогда не дозволитъ примириться съ своею совѣстью. На другой день я узналъ, что мнѣніе г. Глѣбова совпадало съ воззрѣніями кн. Суворова, не подписавшаго приговора. Сколько нареканій, сколько насмѣшекъ пришлось по этому поводу выслушать кн. Суворову! А лѣтъ чрезъ тринадцать послѣ того, кажется въ 1875 г., явился къ нему-же этотъ бывшій подсудимый, послѣ того за уничтоженіемъ пожарныхъ страховъ скоро и вовсе освобожденный, и добродушно разсказалъ причину своего упорнаго молчанія на судѣ тринадцать лѣтъ тому назадъ: «теперь уже умерла, говорилъ онъ, та дама, имени которой я не позволилъ себѣ компрометировать на судѣ, а во всемъ этомъ поджогѣ я былъ совершенно невиненъ». Долго не могъ говорить объ этомъ кн. Суворовъ безъ слезъ, замѣчая: «всѣ мои выходки и плохія способности должны мнѣ простить за это дѣло: я не загубилъ невиннаго человѣка!»

Не ограничиваясь мѣрами наблюденій и преслѣдованій относительно поджигателей, кн. Суворовъ позаботился тогда и объ оказаніи дѣйствительной помощи потерпѣвшимъ отъ пожаровъ. Его ходатайству торговцы Апраксина двора были обязаны полученіемъ дозволенія открыть торгъ на Семеновскомъ плацу, а потомъ и постройкою новаго Александровскаго рынка, одна линія котораго (по Вознесенскому проспекту), въ увѣковѣченіе его памяти, получила наименованіе Суворовской. Не буду говорить здѣсь о всѣхъ хлопотахъ кн. Суворова по этому довольно трудному дѣлу, представлявшему много препятствій, равно какъ и о заботахъ его по возвышенію одной части Галерной гавани, получившей названіе Суворовскаго квартала: объ этомъ, вѣроятно, скажутъ лица, точнѣе меня эти дѣла знающія, сносившіяся по достиженію этихъ важныхъ для города предпріятій съ самимъ Суворовымъ.

Не удивителвно, что популярность князя Суворова росла съ каждымъ днемъ: тысячи нуждающихся и угнетаемыхъ находили у него защиту и покровительство. Небогатые и тѣснимые болѣе другихъ въ состояніи цѣнить администратора, воспитавшаго въ себѣ уваженіе къ личности, и жившаго великимъ принципомъ любви къ человѣку.

Заключу мои воспоминанія грустнымъ моментомъ 1866 г. Когда совершилось страшное покушеніе 4-го апрѣля, поразившее ужасомъ цѣлую Россію, рѣшили весьма скоро преобразовать весь строй управленія исполнительной полиціи въ Петербургѣ, съ уничтоженіемъ вмѣстѣ съ тѣмъ должности генералъ-губернатора. Толки объ этомъ

ходили уже въ городѣ черезъ нѣсколько дней послѣ грустнаго событія; не зналъ объ этомъ только князь А. А. Суворовъ.

Если не измѣняетъ мнѣ память, кн. Суворову объявилъ объ этомъ самъ государь, 15-го апрѣля 1866 г., въ пятницу, въ Царскомъ селѣ. Въ тотъ день, съ утреннимъ поѣздомъ мнѣ случилось ѣхать въ Царское вмѣстѣ съ княземъ Суворовымъ; онъ былъ, хотя грустенъ, но вполнѣ спокоенъ, очевидно не подозрѣвая рѣшенія. Въ два часа я возвращался назадъ, возвращался и князь Суворовъ, блѣдный, неузнаваемый. Здѣсь повторилась сцена, живо напомнившая прежній эпизодъ его жизни, 22 декабря 1825 г.: блестящее общество, собравшееся къ поѣзду, прямо отъ него отворачивалось; онъ быстро прошелъ къ вагону (какъ генералъ-губернаторъ, онъ не бралъ никогда билета), но кондукторъ загородилъ ему входъ, потребовавъ билетъ; не выдержалъ хладнокровія князь Суворовъ: «и ты, анаѳема, туда же!» сказалъ онъ кондуктору, и обратившись къ рядомъ стоявшему офицеру, просилъ взять ему въ кассѣ билетъ.

Кому изъ любившихъ Россію и государя не отравило существованія покушеніе 4-го апрѣля 1866 г., какими грустными послѣдствіями не сопровождалось оно на всемъ ходѣ дальнѣйшаго политическаго развитія и примѣненія великихъ реформъ 1860-хъ годовъ,—но каково было пережить это время князю А. А. Суворову!

И. Е. Андреевскій.

ПАМЯТИ Θ. Θ. ЭВАЛЬДА.

† 3-го октября 1879 г.

ВОПРОСЪ

О

НАЧАЛЬНЫХЪ НАРОДНЫХЪ УЧИЛИЩАХЪ

ВЪ

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМѢ.

---

10 марта 1882 г.

[Посвящается памяти Өедора Өедоровича Эвальда].

ВОПРОСЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУМѢ

О НАЧАЛЬНЫХЪ УЧИЛИЩАХЪ.

10-го марта 1882 г.

Память Ө. Ө. Эвальда [† 3 октября 1879 г.], сочлена нашего по Училищной Коммисіи при С.-Петербургской Городской Думѣ, дорога всѣмъ, кто только интересуется вопросомъ о народномъ образованіи въ С.-Петербургѣ; его просвѣщенной энергіи и преданности этому дѣлу Петербургъ много обязанъ въ дѣлѣ учрежденія, упроченія и устройства нѣсколькихъ десятковъ — первыхъ по времени, городскихъ школъ, Думою на городскія средства учрежденныхъ.

Въ XI-й книгѣ „Русской Старины" изд. 1880 г. по случаю годовщины кончины Ө. Ө. Эвальда—мы почтили память этого достойнаго общественнаго дѣятеля сообщеніемъ данныхъ какъ о его заслугахъ народному образованію, такъ—и о состояніи городскихъ школъ къ тому времени.

Памяти Ө. Ө. Эвальда посвящаемъ настоящій сборникъ данныхъ по тому же, при жизни его столь дорогому его сердцу, вопросу,—за истекшій второй годъ послѣ его кончины.

Ред.

I.

НАЧАЛЬНЫЯ ГОРОДСКІЯ УЧИЛИЩА ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ

въ 1881 году.

А. Число училищъ:

Для мальчиковъ . . 67
Для дѣвочекъ . . 38

Училища эти распредѣляются по частямъ города слѣдующимъ образомъ:

	Муж.		Жен.
Адмиралтейская часть	2	—	1
Казанская	4	—	3
Спасская	6	—	2
Коломенская	5	—	2
Нарвская	7	—	5
Московская	12	—	5
Александро-Невская	8	—	5
Литейная	4	—	2
Рождественская	6	—	3
Васильевская	4	—	3
Петербургская	4	—	4
Выборгская, (съ охтенскимъ участкомъ)	4	—	3

Общее число училищъ для дѣтей обоего пола сто пять—105.

Въ томъ числѣ два училища, содержимыя на средства Гласнаго Думы—Франца Карловича Санъ-Галли.

Воскресныхъ школъ: 8, изъ нихъ мужскихъ 7 и женскихъ 1.

Б. Учащихся обоего пола въ декабрѣ 1880 г. было въ 90 училищахъ 3,974, т. е. 44 среднимъ числомъ на каждое училище.

Въ декабрѣ 1881 г. учащихся было въ 105 училищахъ 4,866, т. е. среднимъ числомъ на каждое училище по 46.

Плата за обученіе два руб. въ годъ. Отъ этой платы освобождаются, по заявленіямъ о бѣдности, провѣреннымъ учащими и членами коммиссій.

В. Учащіе въ начальныхъ городскихъ училищахъ:

Учителей 25, учительницъ 80.

Всѣ эти лица получили образованіе:

Въ высшихъ педагогическихъ курсахъ	37
Въ учительской земской школѣ и другихъ учительскихъ семинаріяхъ	60
Въ учительскомъ институтѣ	2
Въ мужскихъ гимназіяхъ	2
Въ женскихъ гимназіяхъ	1
Въ институтахъ: педагогическомъ	1
„ „ технологическомъ	1
Въ Духовной семинаріи	1

Запасныхъ учительницъ 3 съ аттестатомъ земской учительской школы.

Кандидатовъ на вакансіи учащихъ 123, изъ нихъ мужчинъ 35, женщинъ 88. Всѣ они получили спеціальное педагогическое образованіе и имѣли практическую дѣятельность въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Г. Содержаніе начальныхъ городскихъ училищъ въ 1881 г.

Ассигновано по постановленіямъ Думы:

а) На содержаніе училищъ . . . . 192,590 р.

[На каждое училище: жалованье учителю 600 р., наемъ квартиры 600 р., отопленіе 120 р., прислуга 120 р., учебныя принадлежности и библіотека 100 р., ремонтъ мебели 100 р., мелкіе расходы (полотеръ, дворникъ и пр.)—50 р].

б) Жалованье двумъ экспертамъ при Училищной Коммиссіи.	4,000 р.
в) Канцелярія Коммиссіи, типографскіе расходы и пр.	5,944 р.
г) Жалованье двумъ запаснымъ учительницамъ .	1,000 р.
д) Содержаніе и устройство библіотеки при Училищной Коммиссіи	1,200 р.
е) Санитарный надзоръ и врачебная помощь въ училищахъ	3,500 р.
ж) Екстраординарныя нужды училищъ	5,000 р.
	213,234 р.

Д. Личный составъ Училищной Городской Коммиссіи:

Ѳ. П. Базилевскій, Н. А. Варгунинъ, В. И. Иваньковъ, І. С. Китнеръ, А. А. Краевскій [предсѣдатель], Н. В. Лашкинъ, Г. В. Лермонтовъ, В. И. Лихачевъ, М. П. Митковъ, А. Н. Неустроевъ, П. А. Потѣхинъ, В. А. Ратьковъ-Рожновъ, М. И. Семевскій, гр. Н. Е. Сиверсъ и гр. П. Ю. Сюзоръ.

Эксперты по учебной части: А. Я. Гердъ и І. И. Паульсонъ.

Дѣлопроизводитель М. А. Берманъ.

Окончившихъ курсъ въ 1880—1881 учебномъ году: 262 мальчика и 84 дѣвочки, всего 346.

II.

10-го марта 1882 г. въ С.-Петербургской Городской Думѣ разсматривался докладъ Училищной Коммисіи, испрашивавшей разрѣшеніе Думы на ассигнованіе кредита на учрежденіе двадцати новыхъ начальныхъ городскихъ училищъ.

Докладъ этотъ вызвалъ продолжительныя пренія.

Гласный М. П. Михельсонъ сказалъ: «Если я скажу нѣсколько словъ, то, конечно, не съ тѣмъ, чтобы возражать противъ открытія школъ; я полагаю нѣтъ ни одного среди насъ, который бы не желалъ постепеннаго открытія городскихъ школъ, чтобы всѣ желающіе учиться могли найти школу; я только имѣю возразить противъ нѣкоторыхъ данныхъ, которыя теперь сообщены. Финансовая коммисія имѣла въ виду открыть не 20, а только 6 школъ и тогда же сказала, что послѣ, когда статистическія данныя будутъ извѣстны и окажется нужнымъ еще открыть школы, то коммисія не встрѣтитъ къ этому препятствія. Между тѣмъ, послѣ этого получается заявленіе Училищной коммисіи о томъ, чтобъ еще открыть 20 школъ. Мотивами къ этому приводятся статистическія свѣдѣнія, изъ которыхъ, хотя и не совсѣмъ опредѣленно, видно, что 17 т. дѣтей отъ 7 до 16 лѣтняго возраста нигдѣ не обучаются; но, по моему, эта цифра еще не означаетъ, чтобы 17 т. дѣтей нуждались въ школахъ, потому что у насъ школьный возрастъ считается отъ 7 до 11, а не до 16 лѣтъ. Затѣмъ, въ числѣ этихъ дѣтей есть, конечно, не мало такихъ, которыя желаютъ получить образованіе не въ нашихъ, а въ другихъ школахъ; такъ что контингентъ дѣтей, которыя, можетъ быть, желаютъ получить образованіе въ нашихъ школахъ, далеко не 17 т. Если уже основываться на чемъ въ этомъ отношеніи, то скорѣе на числѣ отказовъ въ пріемѣ дѣтей въ городскія училища за неимѣніемъ въ оныхъ мѣстъ. Если многимъ отказываютъ, ясно, что многія желаютъ учиться, но негдѣ. Но я обращу вниманіе Думы на то, на сколько число отказовъ можетъ служить поводомъ къ открытію новыхъ училищъ. Число отказовъ очень пугаетъ публику. Такъ, о больныхъ, напримѣръ, говорятъ: столько-то получили отказовъ; но это не значитъ, чтобы дѣйствительно было столько отказовъ, потому что если больнаго привезутъ въ одну больницу,—его не принимаютъ; дѣлаютъ помѣтку объ отказѣ, затѣмъ этого же больнаго везутъ въ другую больницу; тамъ тоже получается отказъ; дѣлается отмѣтка, больнаго везутъ въ 3-ю, 4-ю больницу и т. д., такимъ образомъ одинъ больной представляетъ собою три, четыре отказа. Въ школѣ слу-

чается это еще болѣе, потому что у насъ школъ не 10, а болѣе 100. Представьте то же самое: ученикъ является въ нѣсколько школъ и получаетъ отказъ, между тѣмъ этихъ учениковъ въ каждой школѣ записываютъ, слѣдовательно, одинъ ученикъ изображаетъ собою до 10 и 12 отказовъ. Такимъ образомъ, если намъ заявляютъ, что было 1200 отказовъ, то это значитъ, что отказовъ въ дѣйствительности было можетъ быть 100, 200, 300, положимъ 400, наконецъ 500, а никакъ не 1200. Теперь если положимъ на каждую школу 50 учениковъ, то, имѣя въ виду 500 отказовъ, намъ придется всего только 10 новыхъ школъ открыть; слѣдовательно, намъ нѣтъ никакой надобности разомъ открывать 20 школъ. Это было бы хорошо, если бы у насъ было обязательное обученіе, тогда конечно надо, чтобы было, школъ столько, чтобы онѣ могли принять всѣхъ желающихъ учиться; но такъ какъ у насъ нѣтъ подобнаго обязательнаго обученія, то мы должны устраивать школъ столько, насколько приблизительно можемъ расчитывать, что онѣ будутъ заняты. Въ виду этого, я полагаю, на первый разъ, что нисколько не повредитъ дѣлу учебному ограничиться числомъ 10 школъ; на слѣдующій годъ можно сдѣлать то же самое. Затѣмъ, если намъ приводятъ то, что въ нынѣшнемъ году у насъ имѣется до 300 т. лишняго дохода, то вѣдь это фиктивная сумма. Но допустимъ, что эта цифра вѣрная, то имѣйте въ виду, что если разъ школу открыли, то ее уже нельзя въ слѣдующемъ году закрыть, а между тѣмъ можетъ случиться, что этихъ излишнихъ суммъ дохода у насъ не будетъ и тогда мы будемъ крайне стѣснены. Мы должны дѣйствовать съ осторожностью, тѣмъ болѣе, что у насъ есть много школъ, которыя не имѣютъ надлежащаго числа учениковъ. Такимъ образомъ 10 новыхъ школъ будетъ вполнѣ достаточно для успѣшнаго веденія школьнаго дѣла; затѣмъ уже въ будущемъ году Училищная коммисія опять представитъ объ открытіи новыхъ школъ, зная, что ко всякому ея представленію въ этомъ родѣ гласные отнесутся весьма сочувственно».

Гласный М. Ив. Семевскій сказалъ: «Въ виду важности разсматриваемаго нынѣ вопроса объ увеличеніи числа начальныхъ училищъ въ Спб., я попрошу у гг. гласныхъ вниманія на нѣсколько минутъ. Въ дѣлѣ, каково настоящее, требующее заботъ, трудовъ и сопряженнаго съ издержками, необходимо полное уясненіе и установленіе цѣли, къ которой должно стремиться общественное управленіе Петербурга при учрежденіи и развитіи школъ для народнаго образованія.

Цѣль эта — предоставить возможность всему дѣтскому

населенію столицы, школьнаго возраста (отъ 7 до 13 лѣтъ), нынѣ не посѣщающему школы, явиться подъ сѣнь начальныхъ училищъ, когда явится законъ правительства объ обязательномъ обученіи.

Цѣль эта, достигаемая постепенно, въ разныхъ городахъ и государствахъ Европы и, между прочимъ, въ Англіи, гдѣ по округамъ уже введенъ законъ обязательнаго обученія,—указана и у насъ правительствомъ, хотя пока только какъ предположеніе; она была указана въ октябрѣ 1875 года, когда вопросъ объ обязательномъ обученіи былъ переданъ министерствомъ народнаго просвѣщенія на заключеніе Петербургской Городской Думы. Многіе изъ гласныхъ Думы, конечно, помнятъ, что вслѣдствіе этого предложенія въ 1876 году была учреждена особая коммисія, которая обязана была посредствомъ статистическихъ изысканій выяснить количество дѣтскаго населенія въ Петербургѣ, состоящаго въ школьномъ возрастѣ, отъ 7 до 13 лѣтъ, и не посѣщающаго училища. Былъ ассигнованъ даже кредитъ, на напечатаніе потребнаго количества бланокъ для этой работы, но вскорѣ начавшіеся выборы новаго состава Думы въ 1877 году, а затѣмъ передача Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія начальныхъ школъ (16) въ ближайшее завѣдываніе общественнаго управленія столицы и послѣдовавшая затѣмъ энергическая дѣятельность учрежденной Думою училищной коммисіи по устройству, упроченію и весьма значительному увеличенію числа школъ, отложило это дѣло на нѣкоторое время. Теперь, благодаря четырехъ лѣтней заботливости Думы о развитіи начальнаго образованія въ Петербургѣ, мы имѣемъ 105 школъ, считая въ томъ числѣ и двѣ школы, учрежденныя однимъ изъ почтенныхъ нашихъ гласныхъ на свое иждивеніе; благодаря Думѣ и притекшему на помощь ей правительству, мы имѣемъ громадный статистическій матеріалъ, собранный при производствѣ однодневной переписи населенія столицы. Матеріалъ этотъ еще не разработанъ и разработка его потребуетъ не менѣе года времени; но уже теперь выясняется, по приблизительной выборкѣ данныхъ, относящихся до нѣсколькихъ частей города, что дѣтей школьнаго возраста въ Петербургѣ, считая отъ 7 до 16 лѣтъ, не посѣщающихъ училища, не менѣе 17,000 и изъ нихъ уже конечно нѣсколько тысячъ дѣтей возраста отъ 7 до 13 лѣтъ, и это тѣмъ болѣе вѣрно, что въ одномъ первомъ участкѣ С.-Петербургской части, какъ видно изъ ходатайства предъ Думою домовладѣльцевъ того участка (отъ 11-го февраля 1882 г.) объ открытіи у нихъ училищъ, находится 603 мальчика и 388 дѣвочекъ, вовсе не посѣщающихъ школы.

Въ виду этого представляется весьма важный вопросъ: продолжать ли намъ идти по тому же пути возможно быстраго увеличенія числа школъ, по которому шли наши предмѣстники, гласные прежняго состава Думы, открывшіе въ теченіи четырехъ лѣтъ, въ среднемъ выводѣ, по 26 училищъ въ годъ; и на каковомъ пути мы, какъ это дѣлается очевиднымъ, все болѣе и болѣе вызываемъ сочувствіе населенія Петербурга?

Мой отвѣтъ на этотъ вопросъ ясенъ для каждаго изъ здѣсь присутствующихъ.

Общественное управленіе столицы должно идти неуклонно по этому пути и своею энергическою на немъ дѣятельностью, т. е. возможно быстрымъ увеличеніемъ числа училищъ, вполнѣ соотвѣтственно числу нуждающагося въ немъ дѣтскаго населенія столицы, ускорить появленіе со стороны правительства столь давно желаннаго и благаго закона о введеніи обязательнаго обученія въ Петербургѣ.

На этомъ пути не можетъ и не должно быть остановки; не можетъ и не должно быть перерыва.

И, между прочимъ, вотъ почему. Каждая отсрочка или даже вялое отношеніе къ школамъ, выражаемое въ учрежденіи въ теченіи года немногихъ училищъ, когда настоитъ крайняя надобность въ открытіи десятковъ ихъ, лишаетъ низшіе, бѣднѣйшіе классы петербургскихъ жителей, не только грамотности, лишеніе само по себѣ уже крайне тяжкое, но и самыхъ ближайшихъ вашихъ, гг. гласные, заботъ о нравственномъ воспитаніи дѣтей, даже лишаетъ заботъ о сохраненіи здоровья дѣтей наибѣднѣйшихъ классовъ населенія.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое училища, Петербургской Думою учрежденныя и ею содержимыя?

Это не только вполнѣ хорошія школы грамотности, благодаря нынѣшнему отличному составу учителей и учительницъ, души свои полагающихъ въ дѣло; это не только, повторяю, школы начальнаго обученія, но и то, могу сказать, священное мѣсто, въ которомъ ребенокъ, взятый нерѣдко изъ логовищъ и трущобъ Петербурга, встрѣчаетъ заботы по развитію его нравственной природы; здѣсь же онъ встрѣчаетъ и самую предупредительную заботу о его здоровьи. Здѣсь, подлѣ учителя или учительницы стоитъ женщина-врачъ, Думою приглашенная; здѣсь является возможность предотвратить зараждающуюся въ ребенкѣ болѣзнь, безвозмездно получить средства и лекарства для уврачеванія. Подлѣ Училищной Коммисіи, Думою учрежденной, бокъ-о-бокъ стоитъ Общество для пособія бѣднымъ учащимся въ начальныхъ школахъ города Петербурга. Поэтому мате-

ріальная, вопіющая нужда ребенка устраняется своевременно оказаннымъ ему пособіемъ. Вотъ каково положеніе дѣтей, имѣющихъ счастіе быть принятыми въ школы, заботливостью и вниманіемъ С.-Петербургской Думы учрежденныя и учреждаемыя.

И неужели, въ виду столь святаго дѣла, ею исполняемаго, возможна пріостановка, перерывъ, или хотя бы только крайне медленный ходъ въ дѣлѣ увеличенія числа народныхъ въ Петербургѣ училищъ?

Пріостановка не возможна; да и сама Дума оградила себя отъ таковой пріостановки, единогласно утвердивъ въ 1879 году предложеніе тогдашней финансовой коммисіи, о ежегодномъ внесеніи въ смѣту, на открытіе новыхъ училищъ особаго кредита и Думою тогда же, въ 1879 году, при утвержденіи бюджета даны средства на четыре новыя школы; въ 1880 году въ бюджетъ Петербурга внесены и Думою утверждены 8 училищъ; въ 1881 внесено и утверждено въ бюджетѣ Петербурга кредитъ на 12 новыхъ школъ и ни одинъ голосъ въ прошломъ году, ни въ составѣ бюджетной коммисіи, ни въ составѣ Думы, не поднялся противъ этихъ цифръ: при этомъ, независимо отъ упоминаемаго мною числа увеличенія школъ при утвержденіи смѣтъ, Дума въ теченіе каждаго изъ протекшихъ четырехъ годовъ учреждала еще по нѣсколько школъ, такъ что всего, въ среднемъ выводѣ, открыто ею до 26 училищъ въ годъ.

Въ разсматриваемую смѣту на 1882-й годъ, городская управа внесла только двѣ школы и лишь въ виду производимой тогда (въ декабрѣ 1881 г.) переписи населенія, когда ожидалось выясненіе цифры дѣтскаго населенія столицы, непосѣщающаго школы, число предположенныхъ управою двухъ школъ оставлено бюджетною коммиссіею безъ измѣненія. Но вотъ предъ нами и наименьшее число—17,000 (отъ 13 до 16 л.), какое представляется, по выводу статистическаго при Думѣ отдѣла, число дѣтскаго населенія, пребывающаго въ Петербургѣ въ безграмотности; возраста же отъ 7 до 13 лѣтъ является въ этой суммѣ нѣсколько тысячь. Отсюда неоспоримо то положеніе, что мы, покрайней мѣрѣ, не должны идти тише по тому пути въ открытіи школъ, по которому шла Дума прежняго состава [1]).

[1]) Одинъ изъ Гласныхъ Думы и постоянный съ 1878 г. сочленъ нашъ по бюджетной Коммисіи—Н. В. Латкинъ, горячо поддерживая мысль о необходимости наивозможно быстраго увеличенія числа училищъ въ С.-Петербургѣ, для достиженія соотвѣтствія въ ихъ числѣ съ количествомъ дѣтей въ столицѣ, не посѣщающихъ школы—доказываетъ, на основаніи статистическихъ данныхъ, что къ 105 школамъ, Думою содержимымъ нынѣ, надо будетъ прибавить только 125 новыхъ училищъ и тогда вполнѣ можетъ явиться законъ объ обязательномъ обученіи. (См „Голосъ“ 1882 г. 24-го февраля № 50).

Намъ предлагаетъ училищная коммисія открыть нынѣ 20 новыхъ училищъ и эту цифру я вполнѣ поддерживаю.

Если кто замѣтитъ, что въ нынѣшнихъ 105 школахъ не во всѣхъ есть полные комплекты учащихся, то я долгомъ считаю заявить, что такой не большой недочетъ встрѣчается лишь въ школахъ не многихъ, и только недавно открытыхъ. А до какой степени быстро увеличивается приливъ учащихся и въ эти школы, свидѣтельствомъ тому служатъ многіе примѣры. Въ одной изъ школъ на Офицерской улицѣ, ввѣреннаго мнѣ отдѣла, въ 1879 году, при ея открытіи, было всего 13 дѣтей; въ 1880 году ихъ оказалось 32, а уже съ 1881 г.—дѣтей насчитывается въ этой школѣ болѣе 50, именно 52; затѣмъ начинаются отказы и отказы въ пріемѣ, доходящіе къ 1 ноября текущаго учебнаго года (1881—1882 гг.) въ городскихъ школахъ, какъ видно изъ доклада, всего до 1200 дѣтей.

Въ среднемъ выводѣ въ настоящій моментъ, при включеніи въ общій выводъ и школъ недавно открытыхъ, учится въ училищахъ по 46 дѣтей [1]). Кто сколько нибудь знаетъ тяжкій трудъ, какой предстоитъ учителю, съ самымъ разнообразнымъ составомъ начальной школы, когда предъ нимъ находятся дѣти отъ 7 до 13 лѣтъ, всѣхъ степеней развитія, отъ полной безграмотности до неумѣнья почти говорить, тотъ согласится съ нами, что бо́льшей цифры дѣтей въ училищахъ, безъ вреда для школьнаго дѣла, и желать невозможно.

Могутъ сказать намъ здѣсь, что развитіе школьнаго дѣла со стороны Думы парализируетъ частный починъ въ этомъ дѣлѣ. Но общественному управленію смотрѣть на это не зачѣмъ и не для чего; оно должно исполнять свою обязанность: оно даетъ почти даровое образованіе, взимая лишь, и то съ достаточныхъ, по 2 р. въ годъ за ребенка. При такой полной почти безплатности даваемаго въ городскихъ школахъ образованія, уже конечно, никакой частный починъ состязаться съ дѣятельностью общественнаго управленія не можетъ.

Гораздо важнѣе тѣ указанія, которыя дѣлаютъ нѣкоторые изъ нашихъ гласныхъ, что издержки школьнаго дѣла тяжело ложатся на нашъ бюджетъ; что расходъ на училища долженъ идти въ равновѣсіи съ удовлетвореніемъ прочихъ потребностей города. Но на это можно отвѣтить, что издержки на общественное образованіе, городомъ Петербургомъ предоставляемыя, почти только начались съ 1877 года и даже

---

[1]) Въ декабрѣ 1880 г. въ 98 училищахъ, Думою содержимыхъ, было—3974 учащихся, т. е. 44 среднимъ числомъ на школу; а въ декабрѣ 1881, въ 105 училищахъ—4866 учащихся, т. е. уже по 46 учащихся на каждую школу.

М. С.

въ настоящее время не достигаютъ и двадцать пятой части общей суммы бюджета С-Петербурга; что невольное равнодушіе городскаго общественнаго управленія до 1877 г. къ святому дѣлу введенія и упроченію въ столицѣ начальнаго образованія, продолжавшееся многіе десятки лѣтъ, должно быть сколько нибудь возмѣщено теперь болѣе усиленною дѣятельностію и пожертвованіемъ. Что средства наши и теперь не только не хуже предыдущихъ годовъ, но замѣтно улучшаются по мѣрѣ болѣе внимательнаго отношенія къ источникамъ городскихъ доходовъ, при болѣе заботливомъ уясненіи нашихъ правъ и обязанностей по отношенію къ охраненію городскаго имущества, зачастую доселѣ остававшагося или въ неизвѣстности, или въ пользованіи лицъ и учрежденій, правъ на него не имѣющихъ, это очевидно для каждаго изъ здѣсь присутствующихъ. Наконецъ, никто не можетъ здѣсь сказать, что въ ходатайствѣ объ учрежденіи въ 1882-мъ году 20 школъ, содержаніе которыхъ въ теченіи послѣднихъ пяти мѣсяцевъ смѣтнаго года, съ августа по декабрь, не потребуетъ болѣе 10,000 тысячъ руб., кромѣ единовременнаго расхода (10,000 руб.) на ихъ устройство, испрашивались бы какія либо суммы, непосильныя съ нашими средствами.

Въ заключеніе скажу, что чѣмъ усерднѣе мы будемъ открывать и упрочивать школы народнаго образованія, тѣмъ болѣе сохранимъ мы средствъ на борьбу съ нищенствомъ и порокомъ, т. е. на поддержку тюремъ и разныхъ исправительныхъ заведеній; тѣмъ болѣе оправдаемъ мы надежды и довѣріе правительства, предоставившаго общественнымъ управленіямъ городскимъ и земскимъ, заботы о святомъ дѣлѣ начальнаго образованія».

А. А. Краевскій: «Я хотѣлъ возразить гласному Михельсону относительно фиктивности отказовъ, — они вовсе не фиктивны: если къ 1-му ноября 1882 г. отказовъ было 1200, то они были дѣйствительно потому, что школы были переполнены. Обыкновенно здравая логика требуетъ, чтобы въ училищѣ съ однимъ учителемъ было не болѣе 40 учащихся. Это число принято и въ Германіи; а между тѣмъ у насъ въ декабрѣ 1881 г. средняя цифра учащихся была 46. Такимъ образомъ, замѣчаніе о томъ, что отказы были фиктивные въ томъ отношеніи, будто одному и тому же ученику, желающему попасть въ школу, были дѣланы отказы въ одной, другой, третьей школѣ и что такимъ образомъ одно лицо двоилось, троилось и даже учетверялось—совершенная неправда».

Гласный М. И. Михельсонъ съ чрезвычайною горячностью заявилъ, что опроверженіе гласнаго Краевскаго голословно, а все, что

сказалъ гласный Семевскій, давно ему, Михельсону, извѣстно и онъ, Михельсонъ, «никогда не позволитъ себѣ говорить противъ школъ, противъ образованія, но также не будетъ говорить, что открытіемъ школъ мы будемъ противодѣйствовать наполненію тюремъ».

Ц. А. Кавосъ: Но вѣдь это правда!»

Гласный М. И. Михельсонъ: «А я говорю, что это не ново; затѣмъ намъ ставятъ вопросъ: угодно-ли Думѣ, въ новомъ своемъ составѣ, идти тѣмъ же путемъ, которымъ шли прежніе гласные; т. е. такъ какъ прежняя Дума, въ теченіи 5 лѣтъ, открыла 100 училищъ, т. е. по 20 въ годъ, то угодно-ли тѣмъ же порядкомъ открывать школы и новой Думѣ? на это я скажу, что если черезъ 10—20 лѣтъ гласнымъ скажутъ, угодно ли продолжать также дѣйствовать, какъ дѣйствовали предшественники, открывая въ годъ по 20 школъ, то они, конечно, отвѣтятъ: «нѣтъ, не угодно; потому что на все есть свое время, что въ этомъ уже нѣтъ такой надобности, что мы съ каждымъ днемъ будемъ открывать все меньше и меньше школъ. Я полагаю, мы отлично будемъ дѣйствовать, если будемъ не по 20, а только по 10 школъ открывать и такимъ образомъ мы пойдемъ впередъ, нисколько не раззоряя нашей городской казны, которая требуетъ, чтобы средства употреблялись равномѣрно на удовлетвореніе разныхъ городскихъ нуждъ, а не на одну какую-нибудь отрасль»?

Гласный Ф. К. Санъ-Галли: «Совершенно вѣрно сказалъ М. И. Семевскій, что образованіе противодѣйствуетъ нищенству и преступленіямъ. Совершенно правильно сказалъ М. И. Михельсонъ, что это старая истина, но вотъ потому-то, что эту истину долженъ каждый знать, мы и должны открывать побольше и побольше школъ. Вѣдь если мы и откроемъ излишнее число школъ, то лучше ошибиться въ ту сторону, чтобы открыть больше, а не меньше; въ этомъ дѣлѣ какая-нибудь тысяча другая рублей для города почти ничего не значатъ; между тѣмъ для насъ имѣетъ большое значеніе, если множество дѣтей безграмотныхъ бѣгаютъ безъ дѣла и потомъ попадаютъ въ тюрьмы, какъ сказалъ М. И. Семевскій. Когда я путешествовалъ по Америкѣ, то видѣлъ, что тамъ желѣзныя дороги, газъ, школы имѣются вездѣ; а у насъ даже школъ не хватаетъ. И кто же не желаетъ учреждать въ достаточномъ числѣ эти школы! Тотъ, кто постоянно говоритъ, что онъ опытный въ дѣлѣ народнаго образованія человѣкъ. Дѣйствительно, г. Михельсонъ былъ инспекторомъ народнаго просвѣщенія при попечителѣ С.-Петербургскаго учебнаго округа, и онъ долженъ знать, что въ то время, когда онъ служилъ въ этомъ

званіи и учебный округъ завѣдывалъ школами—Петербургъ имѣлъ только 16 школъ; между тѣмъ Дума, принявъ въ свое вѣдѣніе начальное образованіе, въ короткое время, эти 16 школъ превратила въ 100, которыя всѣ и переполнены! У насъ, среднимъ числомъ, приходится на школу 46 учениковъ; между тѣмъ по комплекту должно быть только 40 въ каждой школѣ. Г. Михельсонъ говоритъ, что число отказовъ считать нечего, потому что одному и тому же ученику приходилось получать отказы въ нѣсколькихъ школахъ; но я долженъ сказать, что у насъ есть мѣстности, въ которыхъ школъ вовсе нѣтъ и въ которыхъ ученикамъ, поэтому, не зачѣмъ было справляться будутъ ли приняты они въ училище или нѣтъ; а если бы въ этихъ мѣстностяхъ были школы, то можетъ быть число отказовъ дошло бы до 4-хъ тысячъ. Когда я открылъ 2 школы въ моей мѣстности, гдѣ до того времени не было ни одной школы, то черезъ какую-нибудь недѣлю обѣ школы были наполнены и приходилось дѣлать отказы; поэтому намъ скупиться на учрежденіе новыхъ училищъ нечего. Дума всегда относилась къ этому дѣлу сочувственно и это дѣло есть такое наше дѣтище, которымъ мы должны дорожить и развивать его все болѣе и болѣе для противодѣйствія всякому злу, которое въ городѣ у насъ существуетъ; поэтому надо всецѣло утвердить предложеніе училищной коммисіи».

Гласный Н. В. Латкинъ сказалъ: «Гг. гласные! Чтобы вы сказали, если бы услышали, что у насъ существуетъ въ Россіи городъ съ 25,000 жителей, въ которомъ нѣтъ ни одной начальной школы? чтобы вы сказали, услышавъ, что существуетъ городъ съ 40,000 жителей, въ которомъ также не существуетъ ни одного начальнаго училища? Вы удивились бы такой неслыханной вещи! У насъ же, здѣсь въ столицѣ, можно сказать въ центрѣ ея, такіе города существуютъ. Въ 3-мъ участкѣ Литейной части, на 25,000 жителей нѣтъ ни одного городскаго начальнаго училища, а въ четвертомъ полицейскомъ участкѣ также Литейной части, гдѣ хотя на 20,000 жителей и существуетъ одна начальная школа, но находясь на границѣ съ Рождественской частью, на 4-й участокъ Литейной части никакого существеннаго вліянія не имѣетъ. Вся западная и средняя часть этого участка лишена школъ. Тоже и на Петербургской сторонѣ, гдѣ на 70,000 жителей всего четыре начальныя школы. Между тѣмъ, въ 3-мъ полицейскомъ участкѣ неграмотныхъ дѣтей школьнаго возраста около 400; въ 4-мъ участкѣ почти столько же; а во всей Литейной части до 1,600 дѣтей обоего пола. Здѣсь говорятъ, что частныя начальныя школы могутъ доставлять дѣтямъ обученіе; но обученіе это не для тѣхъ дѣтей, ко-

торыя ходятъ въ наши школы. Тамъ за обученіе грамотѣ взимаютъ отъ 2 р. 50 к. до 3 р. въ мѣсяцъ, а наши дѣти съ трудомъ уплачиваютъ и тѣ жалкіе два рубля за годъ, которые взимаютъ въ нашихъ школахъ; даже тѣ, которые и платятъ эти деньги, не въ состояніи иногда купить книгъ и тетрадокъ. Въ частныя школы дѣти бѣдныхъ и недостаточныхъ родителей не пойдутъ. Говорятъ, что отказовъ у насъ въ школахъ не столько, сколько сказано въ докладѣ училищной коммисіи; я могу удостовѣрить, что въ моемъ Литейномъ попечительствѣ было до 400 отказовъ; было бы и болѣе, если бы не сказано было: болѣе не приводить дѣтей въ школы. Можно сказать до зарѣзу надобно въ Литейной части въ будущемъ году четыре новыя школы; вѣроятно столько же надо и на Петербургской сторонѣ, и стòитъ ли г. ворить о 20 училищахъ, когда намъ надо имѣть нынѣ же, по настоящему, 125 начальныхъ школъ! У насъ въ городѣ такая масса дѣтей школьнаго возраста неграмотныхъ и необучающихся, о чемъ, вѣроятно, многіе изъ васъ прочли въ «Голосѣ» въ моей статьѣ и что 125 школъ есть только еще очень скромная цифра,—почему я настаиваю передъ Думой утвердить докладъ коммисіи и дать ей просимые ею деньги на 20 новыхъ начальныхъ училищъ, тѣмъ болѣе, что и финансовая коммисія, которой я членомъ, вовсе не потому отказала въ учрежденіи 6 начальныхъ школъ, что не желала дать на нихъ денегъ, а потому лишь только, что дожидалась результата народной переписи, чтобы сказать болѣе вѣрную цифру, а по переписи оказалось, что намъ надо не 20, а сто двадцать пять школъ».

Гласный П. В. Жуковскій: «Если бы можно было удовлетворить всѣ 17 т. дѣтей и помѣстить ихъ въ школы разомъ, конечно, я первый сказалъ-бы: сдѣлаемте, у насъ есть на это средства, это есть нашъ долгъ удовлетворить этой потребности; но, мнѣ кажется, въ такомъ дѣлѣ, какъ дѣло народнаго образованія, какъ и во всякомъ другомъ, лежащемъ на обязанности городскаго управленія, требуется извѣстная постепенность: дѣло, которое было въ застоѣ въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, нельзя устроить разомъ. Едва ли возможно, такъ сказать, по мановенію волшебнаго жезла, сдѣлать, чтобы весь городъ разомъ покрылся сѣтью училищъ и чтобы эта часть процвѣла. Мнѣ кажется, кто идетъ не такъ поспѣшно, но вѣрно, тотъ скорѣе достигнетъ цѣли. Мнѣ могутъ возразить, что только 25-я часть нашего бюджета употребляется на народное образованіе, тогда какъ другіе европейскіе города употребляютъ на это гораздо большій %; но за то они гораздо богаче насъ. Мнѣ кажется, соображать удовлетвореніе потребности съ своими финансовыми средствами есть первая

обязанность города. Имѣйте въ виду, что независимо отъ первоначальнаго образованія, у насъ разработывается вопросъ объ учрежденіи новаго типа средних учебныхъ заведеній. Такимъ образомъ, если вы 20 школъ разрѣшите, въ такомъ случаѣ остановитесь же на одной этой мысли и совершенно откажитесь отъ учрежденія среднихъ учебныхъ заведеній. Между тѣмъ я могу точно также доказать необходимость и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, и высшихъ техническихъ, слѣдовательно. гдѣ же предѣлъ? Говорятъ, всего нужно 125 школъ. Н. В. Латкинъ говоритъ, что Литейная часть особенно нуждается въ школахъ; это вѣрно, но мнѣ кажется распространеніе дароваго образованія охлаждаетъ до нѣкоторой степени иниціативу частныхъ лицъ. Ф. К. Санъ-Гали говоритъ, что во время путешествія по Америкѣ онъ видѣлъ массу школъ, что каждая мѣстность имѣетъ свои школы, свои госпитали, желѣзныя дороги и проч., это правда. Вы и въ Англіи видите массу школъ, но тамъ вы видите починъ не городскаго управленія, а частныхъ лицъ; тамъ правительство и муниципалитетъ приходятъ лишь на помощь частнымъ лицамъ въ этомъ дѣлѣ, мы же хотимъ вынести всю тяжесть на своихъ плечахъ».

Гласный В. И. Лихачевъ: «Мнѣ кажется ясно, что для города съ населеніемъ 800 т. даже 125 школъ, предполагаемыхъ къ открытію, въ будущемъ мало, объ этомъ и спорить нечего. Говорятъ, что школы составляютъ одну изъ потребностей городскаго населенія, которыя должны быть удовлетворяемы всѣ одинаково. Я согласенъ, и въ Думѣ была вѣрно выражена мысль, что первый признакъ общины, которая организуется человѣческимъ образомъ, есть церковь, школа и больница. Церковь въ нашихъ рукахъ не находится; больницы до сихъ поръ къ намъ не поступили; при томъ есть огромная разница между больничнымъ и школьнымъ дѣломъ. Городская школа до настоящаго времени есть единственное дѣло, порученное городскому управленію, и притомъ школа начальная. Не среднія учебныя заведенія должны содержать городъ и земство, а начальныя школы въ потребномъ количествѣ. Было бы странно говорить, что мы исполнили свою обязанность, заведя столько-то школъ, когда кругомъ видимъ массу безграмотнаго люда. Обязанность города прежде всего дать обывателямъ возможность быть христіаниномъ и гражданиномъ, а для этого надо умѣть читать, а чтобы выучиться читать—нужны школы. С.-Петербургская городская дума принялась за это дѣло (съ 1877 г.) горячо, ни разу не отказывала въ назначеніи средствъ для распространенія школъ, и я глубоко убѣжденъ, что и сегодня состоится такой же приговоръ по вопросу, въ настоящемъ засѣданіи окончательно исчерпанному».

Предсѣдатель собранія, городской голова И. И. Глазуновъ предложилъ собранію вопросъ: угодно ли согласиться съ докладомъ управы и училищной коммисіи объ открытіи въ нынѣшнемъ же 1882 году, въ дополненіе къ существующимъ уже ста пяти городскимъ училищамъ и независимо отъ двухъ таковыхъ же школъ, предположенныхъ недавно Думою къ открытію [1]), учредить еще двадцать новыхъ училищъ и ассигновать на это потребную сумму?

С.-Петербургская дума единогласно отвѣчала утвердительно.

III.

Въ виду того глубокаго сочувствія, съ которымъ С.-Петербургская Городская Дума и въ новомъ своемъ составѣ, обновившемся въ 1881 году, какъ видно изъ предъидущаго изложенія бывшихъ въ ней преній и ея рѣшенія, относится къ дѣлу народнаго образованія, является возможнымъ, въ близкомъ будущемъ, внести въ нее слѣдующее предложеніе:

Гласный С.-Петербургской Городской Думы—М. И. Семевскій, исходя изъ того основнаго положенія, что число городскихъ училищъ въ С.-Петербургѣ должно быть, въ наивозможно ближайшемъ будущемъ, доведено до той цифры, которая бы вполнѣ соотвѣтствовала количеству дѣтей школьнаго возраста отъ 7 до 13 лѣтъ, нынѣ не посѣщающихъ никакихъ училищъ, предлагаетъ:

I. Поручить Училищной при Думѣ Коммиссіи выработать, вмѣстѣ съ завѣдывающимъ Статистическимъ Отдѣломъ, соображенія: сколько именно въ каждой части города должно быть училищъ, дабы достигалась вышеуказанная цѣль? и

II. Поручить той же Училищной Коммиссіи, вмѣстѣ съ Городскою Управою, обсудить: сколько именно городъ могъ бы расходывать ежегодно на открытіе возможно бо̀льшаго числа новыхъ училищъ, съ цѣлью дать тѣмъ возможность правительству въ скорѣйшемъ времени ввести законъ обязательнаго въ С.-Петербургѣ обученія.

---

[1]) Два училища учреждены въ память А. П. Заблоцкаго. (См. „Русскую Старину“ изд. 1882 г., февраль, стр. 558.

IV.

Въ апрѣлѣ 1881 г. учреждено „Общество для пособія бѣднымъ учащимся въ городскихъ начальныхъ училищахъ“; къ концу года состояло въ немъ 344 членовъ; общество владѣло капиталомъ свыше 10,000 р., выдало пособій на сумму 896 р. 40 к. и въ теченіе года удовлетворяло бѣдняковъ пожертвованными вещами. Дабы ознакомить многочисленныхъ читателей „Русской Старины“ съ тѣми нуждами, удовлетворенію которыхъ должно служить новое „Общество“, мы считаемъ вполнѣ здѣсь умѣстнымъ привести выдержку изъ отчета за 1881-й годъ.

Ред.

Отчетъ общества для пособія бѣднымъ учащимся въ городскихъ начальныхъ училищахъ, за вторую половину 1881 года.

Этотъ отчетъ обрисовалъ страшную бѣдность нѣкоторыхъ учащихся.

Первое общее собраніе общества призвало правленіе къ дѣятельности 5-го апрѣля, прошлаго года. 16-го же апрѣля, правленіе избрало изъ своей среды предсѣдателемъ барона П. Л. Корфа, товарищемъ предсѣдателя М. П. Миткова, казначеемъ А. Д. Воденикова и секретаремъ М. А. Бермана [1]) По пріемѣ дѣлъ и капитала отъ учредителей, правленіе нашло, что къ тому времени всѣхъ членовъ общества было 302; изъ нихъ 28 почотныхъ, 22 пожизненныхъ и 252 дѣйствительныхъ. Капитала было 9,791 руб. Согласно устава общества, отчислены въ неприкосновенный капиталъ всѣ вносы почотныхъ и пожизненныхъ членовъ и 10% изъ годичныхъ вносовъ дѣйствительныхъ членовъ, и весь неприкосновенный капиталъ обращонъ въ процентныя бумаги и внесенъ въ государственный банкъ на храненіе

Вскорѣ по открытіи правленія, наступили каникулы въ городскихъ училищахъ и дѣйствія правленія прекратились до осени. Осенью, какъ только установились занятія въ училищахъ, правленіе увѣдомило учащихъ, что они могутъ ходатайствовать о наиболѣе нуждающихся въ пособіи, причомъ, въ виду ограниченности средствъ общества, правленіе вынуждено было значительно съузить програму своихъ дѣйствій и предупредить учащихъ что на полученіе пособій могутъ разсчитывать только: а) круглыя сироты; б) дѣти, родители или воспитатели которыхъ совершенно неспособны къ работѣ по болѣзни или по преклонности лѣтъ; в) дѣти, родители или воспитатели кото-

---

[1]) Правленіе, кромѣ поименованныхъ лицъ, имѣетъ въ своемъ составѣ: г-жу Лихачеву, гласныхъ Думы: М. И. Семевскаго и А. Н. Неустрова, профес. В. И. Модестова, учителя А. Ѳ. Кузьмина и друг.

рыхъ потеряли мѣсто или заработокъ по болѣзни; г) пострадавшіе отъ пожара или другихъ случайныхъ причинъ и д) особенно нуждающіеся въ теплой одеждѣ и обуви.

Снабженіе книгами и учебными пособіями правленіе отъ себя отстранило, такъ какъ книги и учебныя пособія выдаются городскою училищною коммисіей бѣднѣйшимъ дѣтямъ насчотъ суммъ, асигнуемыхъ думою. Просьбъ о снабженіи платьемъ, бѣльемъ и обувью подано было 167, удовлетворено ходатайствъ 134, на сумму 896 р. 40 к., и тремъ дѣтямъ вещами; отказано было 33-мъ дѣтямъ. Сверхъ того, о положеніи многихъ дѣтей, заявившихъ о своихъ нуждахъ, собираются дополнительныя свѣдѣнія. Правленіе отказывало въ пособіи не потому, что эти дѣти имѣютъ достаточныя средства, а единственно только по той причинѣ, что, по недостатку средствъ, пособія выдавались бѣднѣйшимъ изъ бѣдныхъ. А какова бѣдность учениковъ, видно изъ слѣдующихъ примѣровъ:

1) „Обращаюсь въ общество для пособія учащимся оказать помощь ученикамъ коломенскаго 5-го мужского городского училища, Николаю и Александру, такъ какъ родители ихъ находятся въ крайней бѣдности. Отецъ, дворянинъ, числится на службѣ, но жалованья не получаетъ, находится въ послѣднемъ градусѣ чахотки, вслѣдствіе чего заработывать содержаніе для семьи не можетъ. Содержитъ всю семью жена его, заработывая поденно шитьемъ, но работу имѣетъ не ежедневно. Семья состоитъ изъ пяти человѣкъ, включая сюда трехъ дѣтей, изъ которыхъ двое приняты на городской счотъ въ 5-е коломенское мужское городское училище. Въ началѣ учебнаго года оба ученика ходили въ училище въ старыхъ башмакахъ своей матери, надѣвая ихъ по очереди, такъ что, когда приходилъ въ училище одинъ братъ, другой оставался дома; съ наступленіемъ же холодовъ, обувь оказалась настолько неудовлетворительною, что посѣщать училище дѣти не могли, такъ какъ пальцы ногъ торчали изъ башмаковъ и дѣти рисковали потерять здоровье. Сверхъ того, не имѣя теплой верхней одежды, оба ученика ходили въ училище въ холодныхъ короткихъ пальто".

2) 4-го петербургскаго мужского училища: „Отецъ учащагося лежитъ уже второй годъ, разбитый параличомъ; мать, кромѣ этого сына, осталась еще съ четырьмя дѣтьми на рукахъ, малъ-мала-меньше, вслѣдствіе чего не можетъ взяться ни за какую работу. Василій (имя ученика), мальчикъ, восьми лѣтъ, получилъ мѣсто при выдачѣ билетовъ на мытнинской пароходной пристани, заработываетъ 10 руб. въ мѣсяцъ и, кромѣ этихъ грошей, доставляемыхъ семьѣ восьмилѣтнимъ работникомъ, они ничего не имѣютъ. Ребенокъ нуждается во всемъ: и въ одеждѣ, и въ обуви, а главное—въ обученіи, котораго онъ лишился вотъ уже четвертый мѣсяцъ. Учиться онъ желаетъ сильно и плачетъ, что отсталъ отъ товарищей; еслибъ можно было платить семьѣ хоть сколько-нибудь, чтобъ только его не эксплуатировали за эти два года, то это было бы всего лучше. Въ крайнемъ случаѣ, даже и теплая одежда, крѣпкая обувь и т. д. будутъ для него благодѣяніемъ".

3) 4-го петербургскаго женскаго: „Александра—дочь солдата. Отецъ ея, столяръ, содержалъ семью, состоящую изъ жены и четырехъ дѣтей: дочери 11-ти лѣтъ, сына 10-ти, второго сына семи лѣтъ и третьяго по третьему году. До настоящаго времени я ничего не знала о положеніи этой семьи—дѣвочка аккуратно вносила деньги за ученье—но мать ея пришла надняхъ съ просьбой освободить дочь и сына отъ уплаты за ученіе и разсказала о своемъ несча-

сти. Событіе 1-го марта такъ сильно повліяло на ея мужа, что онъ потерялъ разсудокъ—помѣшался на мысли спасать всѣхъ отъ убійствъ и подкоповъ. Съ августа онъ помѣщонъ въ „пріютъ душевнобольныхъ". Семья осталась безъ средствъ къ существованію: мать дѣлаетъ папиросныя гильзы, старшій сынъ и дочь, по возвращеніи изъ школы, помогаютъ ей въ этомъ трудѣ; но заработка ихъ не хватаетъ на содержаніе всей семьи".

4) 1-го петербургскаго женскаго: „Отецъ одной изъ учащихся служитъ писаремъ въ синодѣ, получаетъ 25 руб. въ мѣсяцъ, бо́льшая часть которыхъ удерживается для уплаты долга, сдѣланнаго до поступленія на службу, когда онъ не имѣлъ никакого заработка. Теперь семья ужасно бѣдствуетъ. Зайдя къ нимъ, я застала ужасную сцену: умирающаго ребенка и всю семью въ слезахъ, безъ копейки денегъ"!

Всѣмъ четыремъ пособіе было оказано.

Пособія выдавались не свыше 10 р. на каждаго изъ просящихъ; одному, въ видѣ исключенія, выдано 12 р.; но и при такомъ незначительномъ размѣрѣ пособій правленіе боялось, что наличныхъ средствъ будетъ недостаточно, а потому обратилось, чрезъ посредство газетъ, за помощью къ обществу, въ той надеждѣ, что въ средѣ столичнаго населенія найдутся благотворители, которые не откажутся помочь бѣднымъ дѣтямъ снабженіемъ ихъ платьемъ и обувью, хотя бы и не новыми. До настоящаго времени поступили пожертвованія вещами отъ четырехъ лицъ для пяти дѣтей. Сверхъ того, для увеличенія средствъ общества правленіе предполагаетъ устроить въ скоромъ времени концертъ.

Въ настоящее время почетныхъ членовъ 33, пожизненныхъ 27, дѣйствительныхъ 284; всего 344.

По приходорасходной книгѣ значится на приходѣ 11,740 р. 74 к., въ расходѣ 896 р. 40 к., въ остаткѣ 10,844 р. 34 к., изъ которыхъ въ процентныхъ бумагахъ 3-го восточнаго займа на 10,000 р. н.; городскаго кредитнаго общества на 100 р. н. и наличными 744 р. 34 коп.

Замѣтки къ статьѣ «Орденъ возстановленія».

I.

Торопясь съ выправкою корректуры статьи объ „Орденѣ Возстановленія“, чтобы отослать ее, согласно данному мною обѣщанію, на другой же день, я не могъ въ скорости отыскать одного документа, чтобъ сдѣлать полную выписку изъ него, содержащую свидѣтельство Лазарева обо мнѣ, и сослался въ примѣчаніи, что оно напечатано въ „Древ. и Нов. Россіи“. Между тѣмъ, и потому что не всѣ читали этотъ журналъ, и потому что не всякій захочетъ и отыскивать его, необходимо было бы привести упомянутое свидѣтельство и для читателей „Русс. Старины“, такъ какъ оно составляетъ важное свидѣтельство того, какъ я относился и къ служебнымъ обязанностямъ, не будучи никогда тѣмъ лже-либераломъ, которые либеральничаютъ языкомъ, и ничего не исполняютъ изъ своихъ обязанностей. Поэтому, если это возможно, я желалъ бы, чтобъ въ примѣчаніи, содержащемъ обличеніе какого-то В. И. въ „Русс. Архивѣ“, который свидѣтельство Лазарева обо мнѣ отнесъ умышленно къ П. С. Нахимову, послѣ словъ, что это свидѣтельство напечатано въ „Др. и Нов. Россіи“, прибавить слѣдующее:

„Считаемъ впрочемъ не лишнимъ привести это свидѣтельство и здѣсь; вотъ что писалъ мнѣ многолѣтній сослуживецъ Лазарева, адмиралъ А. П. Арбузовъ, которому, какъ онъ пишетъ, лично удавалось слышать что онъ, Лазаревъ, говаривалъ о васъ, что сохранилось свѣжо въ памяти: „Жаль Дмитрія Иринарховича Завалишина, поѣхалъ далеко въ Сибирь. Пылкая голова, огнедышащая натура. Я ему предсказывалъ этотъ путь. Я любилъ его; онъ былъ всегда быстрѣйшій исполнитель, славный мичманъ! Безъ искательства и униженія; служилъ безукоризненно честно въ должности ревизора, и выторговывалъ для матросъ каждую копейку. Голова его была полна реформъ и я предостерегалъ его отъ увлеченія, зная, что онъ душею былъ чистъ и любилъ море“!

Да! Лазаревъ лучше, нежели кто либо зналъ до какой степени я былъ чистъ отъ всякихъ личныхъ побужденій и цѣлей! Объ этомъ, о важной заслугѣ моей относительно самаго Лазарева, можетъ быть будетъ разсказано въ другомъ мѣстѣ.

II.

Желательно было бы исправить опечатку въ моей статьѣ, затемняющую смыслъ.

Въ январской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1882 г., въ статьѣ объ „Орденѣ возстановленія“ напечатано на стр. 61 на строкѣ 23:

Напечатано: „Остановиться на той или другой ступени къ произволу“.
Слѣдуетъ сказать: „по произволу“.

Д. И. Завалишинъ.

Поэма А. И. Одоевскаго: „Василько".

[Изъ письма А. П. Бѣляева къ Ред.].

Москва 20-го февраля 1882 г.

«Многоуважаемый Михаилъ Ивановичъ! Какъ я радъ былъ увидѣть на страницахъ «Русской Старины» поэму А. И. Одоевскаго, сочиненную имъ еще въ Читѣ и переписанную Иваномъ Ивановичемъ Пущинымъ. Хотя это произведеніе не выдающееся, но за то ярко изображаетъ старину русскую и отличается несомнѣнно красотой языка, вполнѣ простаго, лѣтописнаго. Содержаніе поэмы, конечно, не богато увлекательнымъ интересомъ: это простая картина эпохи, и только въ послѣдней, то-есть четвертой, пѣсни выдается одинъ эпизодъ, нѣсколько интересный. Третія пѣсня должно быть выпала какъ нибудь изъ моихъ бумагъ при переѣздахъ съ квартиры на квартиру, потому что до сихъ поръ не нашелъ ее. Въ ней заговоръ Давида о погубленіи Василько, разговоръ съ Святополкомъ, вступленіе Василько съ дружиной въ Кіевъ, посѣщеніе имъ храма, раздача милостыни, наконецъ явленіе его во дворецъ къ Святополку и по клеветѣ Давида, напугавшаго Святополка, его арестованіе и отправленіе за городъ, гдѣ въ какой то теплушкѣ совершается ослѣпленіе. Мнѣ тѣмъ болѣе досадна эта потеря, что другаго списка поэмы «Василько» не было и, значитъ, она пропала безвозвратно».

«Съ истиннымъ уваженіемъ остаюсь душевно преданнымъ вамъ Александръ Бѣляевъ».

Портретъ М. А. Бестужева.

† 1871 г.

Приложенный при этой книгѣ портретъ Михаила Александровича Бестужева исполненъ съ акварели, писанной его талантливымъ братомъ Николаемъ въ бытность въ Сибири, въ Петровскѣ. Подлинникъ сообщенъ намъ ихъ сестрами М. А. и О. А. Бестужевыми.

Михаилъ Александровичъ—одинъ изъ пяти братьевъ Бестужевыхъ и въ ихъ числѣ знаменитаго романиста Александра Бестужева (Марлинскаго), человѣкъ весьма даровитый, преимущественно къ техническимъ производствамъ, сообщилъ намъ весьма интересныя Записки, многія главы изъ которыхъ были напечатаны въ „Русской Старинѣ" изд. 1870, 1871 и 1881 гг.

Ред.

ОПЕЧАТКИ.

Въ мартовской книгѣ «Русской Старины» сказано на стр. 7?4, что В. К. Марія Михайловна скончалась въ Вѣнѣ, а на стр. 799, что она скончалась въ Канѣ (вѣроятно думалось въ Каннѣ).

На стр. 602 «Dalambert» читай «d'Alambert».

Рига. И. Рудницкій.

РѢЧЬ В. И. СЕМЕВСКАГО,

произнесенная имъ въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ предъ диспутомъ на степень магистра русской исторіи.

17-го февраля 1882 г.

Милостивыя государыни и милостивые государи! Въ настоящемъ публичномъ засѣданіи историко-филологическаго факультета мнѣ предстоитъ защищать первый томъ моего изслѣдованія о крестьянахъ при Екатеринѣ II, представленный мною какъ диссертація на степень магистра русской исторіи. Не смотря на то, что отрывки изъ моего труда печатались въ теченіе послѣднихъ лѣтъ во многихъ повременныхъ изданіяхъ, я не смѣю разсчитывать на знакомство съ ними большинства здѣсь присутствующихъ и потому принужденъ нѣсколько утомить ваше вниманіе изложеніемъ общаго плана моего изслѣдованія. Если я не съумѣю дать вамъ почувствовать важность и интересность избранной мною темы, то, прошу васъ, объясните это не свойствомъ самаго предмета, а слабостію моихъ ораторскихъ способностей, для которыхъ архивныя и кабинетныя занятія были слишкомъ плохою школою.

Сравнительно съ нынѣшнимъ, почти совершенно однороднымъ составомъ крестьянскаго населенія, въ прошломъ столѣтіи крестьянское сословіе состояло изъ весьма разнообразныхъ элементовъ; главнѣйшими изъ нихъ были: крестьяне государственные, или такъ называемые черносошные, однодворцы, дворцовые, государевы и конюшенные, крестьяне духовнаго вѣдомства, приписанные къ фабрикамъ и заводамъ, поссессіонные и, наконецъ, крѣпостные. Скажемъ по нѣскольку словъ о положеніи каждаго

изъ этихъ разрядовъ крестьянъ, не касаясь болѣе мелкихъ группъ.

При изученіи положенія совершенно свободныхъ государственныхъ или черносошныхъ крестьянъ, населявшихъ весь сѣверъ европейской Россіи и Сибирь, должно обращать главное вниманіе на поземельныя отношенія. Отсутствіе передѣловъ пахотныхъ земель и право отчуждать поземельные участки приводило здѣсь къ сильному развитію имущественнаго неравенства. Въ крестьянскую общину внѣдрялись лица, ей совершенно постороннія, такъ называемые „деревенскіе владѣльцы“ изъ купцовъ, мѣщанъ, духовенства и приказныхъ служителей, которые путемъ покупки или заклада пріобрѣтали отъ крестьянъ значительные земельные участки и такимъ образомъ уменьшали и безъ того небольшое количество земель, удобныхъ для обработки. Къ числу „деревенскихъ владѣльцевъ“ изъ другихъ сословій присоединялись и разбогатѣвшіе крестьяне, такъ называемые міроѣды или міросособы. Съ другой стороны въ крестьянской общинѣ являлось не мало людей совершенно безземельныхъ, которыхъ нужда заставляла иной разъ переселяться на земли „деревенскихъ владѣльцевъ“ и дѣлаться тамъ половниками, находившимися отъ своихъ хозяевъ въ такой зависимости, что тѣ подвергали ихъ даже тѣлесному наказанію [1]). Единственнымъ выходомъ изъ такого положенія могло быть: запрещеніе отчужденія земельныхъ участковъ и введеніе передѣловъ земли; первое и было постановлено правительствомъ при Екатеринѣ, о необходимости второй мѣры заявляли и нѣкоторые администраторы, и крестьяне въ наказахъ ихъ депутатамъ въ коммисію уложенія.

Другой отдѣлъ совершенно свободныхъ государственныхъ крестьянъ — однодворцы, потомки прежнихъ служилыхъ людей, населяли центральную Россію. Существованіе у нихъ подворнаго, участковаго землевладѣнія приводило къ еще болѣе печальнымъ результатамъ, чѣмъ отсутствіе передѣловъ земли у черносошныхъ крестьянъ сѣверной Россіи. Если въ нѣкоторыхъ черносошныхъ волостяхъ восьмая, шестая часть, даже четверть крестьянъ ока-

---

[1]) Въ Сибири крестьяне были иногда въ такой кабалѣ у тамошнихъ міроѣдовъ, что тѣ распоряжались по своему усмотрѣнію цѣлою волостію, наказывали крестьянъ и даже отдавали ихъ въ рекруты. В. С.

зываются безземельными, то неблагопріятное положеніе одной волости вознаграждается болѣе выгодными отношеніями въ другихъ волостяхъ. Между тѣмъ среди однодворцевъ мы видимъ такое печальное явленіе, что около четверти ихъ въ Курской губерніи были людьми совершенно безземельными. Кромѣ того, раздробленіе и черезполосица земельныхъ участковъ вызывали у однодворцевъ постоянные споры и тяжбы, доставившіе имъ совершенно заслуженное названіе сутягъ и ябедниковъ, а съ другой стороны это полное отсутствіе согласія между ними дѣлало ихъ совершенно беззащитными отъ насилій людей постороннихъ и давало возможность сосѣднимъ помѣщикамъ произвольно захватывать однодворческія земли. И здѣсь необходимо было запретить отчужденіе земельныхъ участковъ, и здѣсь чувствовалась полезность введенія передѣловъ земли.

Гораздо благопріятнѣе было положеніе собственно дворцовыхъ крестьянъ. Ко времени вступленія на престолъ императрицы Екатерины II, натуральныя повинности у нихъ были замѣнены денежнымъ оброкомъ, одинаковымъ съ тѣмъ, какой платили въ казну государственные крестьяне; кромѣ того, они пользовались весьма значительными надѣлами: одной пахотной земли у нихъ было въ различныхъ губерніяхъ Россіи отъ 2 до 6 десятинъ на душу, и при томъ гораздо лучшаго качества, чѣмъ у черносошныхъ такъ какъ дворцовые крестьяне населяли болѣе центральныя губерніи. У крестьянъ государевыхъ и конюшенныхъ еще существовала барщина; но и тѣхъ, и другихъ было немного.

Тяжелѣе было положеніе крестьянъ духовныхъ вотчинъ, численность которыхъ, при общемъ количествѣ сельскаго населенія въ Великороссіи и Сибири въ 7 слишкомъ милліоновъ, доходила въ началѣ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія почти до одного милліона душъ м. п. Около трехъ четвертей всего этого количества принадлежало монастырямъ, въ томъ числѣ одна Троицко-Сергіевская лавра владѣла 106,000 душъ м. п. Въ духовныхъ вотчинахъ не существовало такого строгаго раздѣленія на барщинныя и оброчныя, какое мы находимъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ; хотя мѣстами духовные крестьяне и состояли на одномъ оброкѣ, но по большей части они несли въ пользу своихъ властей и натуральныя, и денежныя повинности, иной разъ весьма обременительныя. Къ тому же монастырскія власти и ихъ приказщики под-

вергали иногда крестьянъ тяжелымъ истязаніямъ, брали съ нихъ взятки, подъ вліяніемъ лихоимства сдавали въ рекруты не тѣхъ людей, за которыми была очередь. Все это вызывало неудовольствіе крестьянъ, усилившееся со времени совершеннаго устраненія контроля свѣтскихъ властей надъ духовными вотчинами въ царствованіе императрицы Елизаветы. Съ 1752 по 1764 г. мы видимъ цѣлый рядъ волненій духовныхъ крестьянъ, которыя сдѣлались особенно частыми съ 1762 г., со времени отмѣны императрицею Екатериною II указа Петра III объ отобраніи въ казну духовныхъ имѣній. Тутъ мы видимъ одновременно волненія въ 11 губерніяхъ Великороссіи въ одной или нѣсколькихъ духовныхъ вотчинахъ. По свидѣтельству самой императрицы Екатерины, въ это время волновалось около 100,000 духовныхъ крестьянъ. Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что эти волненія отличались довольно мирнымъ характеромъ: крестьяне убирали въ свою пользу хлѣбъ съ монастырскихъ запашекъ, скашивали монастырское сѣно, вылавливали рыбу въ прудахъ, но рѣдко вымѣщали свое неудовольствіе на духовныхъ властяхъ и ихъ приказчикахъ, всячески угнетавшихъ крестьянъ.

Изъ всѣхъ разрядовъ сельскаго населенія въ самомъ тяжеломъ положеніи, не исключая даже и крѣпостныхъ, находилась особая группа государственныхъ крестьянъ, приписанная для отработыванія податей къ заводамъ, преимущественно горнымъ. Безпристрастные свидѣтели—академики, искрестившіе въ началѣ царствованія Екатерины II всю Россію и Сибирь, самыми мрачными красками рисуютъ ихъ экономическій бытъ. Не смотря на то, что они оставались людьми свободными, заводчики и ихъ приказчики могли подвергать ихъ тѣлеснымъ наказаніямъ, и они настолько широко пользовались своимъ правомъ, что напримѣръ на двухъ уральскихъ заводахъ Никиты Демидова было въ теченіи одного года подвергнуто тѣлеснымъ истязаніямъ около ста человѣкъ. Кромѣ того, эти крестьяне принуждены были проходить на заводы огромныя, почти невѣроятныя разстоянія (до 600 верстъ въ одинъ конецъ), не получая никакого вознагражденія за время, употребляемое ими на путешествіе. За свой трудъ на заводахъ они получали плату по весьма низкой оцѣнкѣ, установленной еще въ царствованіе императора Петра В. Жалобы крестьянъ на всевозможныя злоупотребленія заводчиковъ оставлялись горнымъ на-

чальствомъ безъ всякихъ послѣдствій. Естественно, что такое ужасное положеніе и здѣсь должно было вызвать волненія, тѣмъ болѣе сильныя, что горнозаводскіе крестьяне жили не такъ разсѣянно по всей Россіи, какъ крестьяне духовныхъ вотчинъ, а группировались преимущественно въ нынѣшнихъ губерніяхъ Казанской, Пермской, Уфимской и Оренбургской. Дѣйствительно съ 1760 по 1764 г. волненіе охватываетъ почти все горнозаводское населеніе пріуральскаго края и крестьяне иногда въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ оказывали энергическое сопротивленіе правительственнымъ отрядамъ. Въ концѣ концевъ волненіе было усмирено кн. Вяземскимъ и А. И. Бибиковымъ и многіе крестьяне подверглись суровымъ наказаніямъ, но это народное движеніе принесло свои плоды. Изучая подлинное слѣдственное дѣло со всѣми жалобами крестьянъ на вопіющія злоупотребленія заводскаго начальства, мы начинаемъ понимать, почему манифесты Пугачева читались съ такимъ восторгомъ уральскимъ населеніемъ, которое поставило значительный контингентъ для его полчищъ, почему здѣсь на заводахъ отливались для него пушки, почему горные рабочіе съ распростертыми объятіями встрѣчали самого Пугачева и его генераловъ.

Особую группу крестьянъ составляли такъ называемые поссессіонные, т. е. составлявшіе неотъемлемую принадлежность фабрикъ и заводовъ. Этотъ разрядъ крестьянъ образовался въ царствованіе императора Петра В., дозволившаго, для развитія промышленности, и лицамъ недворянскаго происхожденія покупать населенныя имѣнія къ фабрикамъ и заводамъ. Кромѣ купленныхъ людей, въ составъ поссессіонныхъ вошли такъ называемые „вѣчноотданные"—разные гулящіе люди, незаконнорожденные, бѣглые, иногда солдатскіе дѣти и затѣмъ казенные мастеровые, отданные съ казенныхъ фабрикъ для обученія мастерствамъ остальныхъ рабочихъ. Къ сожалѣнію, въ XVIII в. правительственныя учрежденія иногда смѣшивали этихъ крестьянъ съ крѣпостными, тогда какъ между тѣми и другими было существенное различіе: 1) поссессіонныхъ крестьянъ нельзя было продавать отдѣльно отъ фабрикъ или даже переводить съ одной фабрики на другую; 2) они могли принадлежать и купцамъ; 3) лишь извѣстную часть ихъ можно было употреблять на работу; 4) они могли жаловаться на притѣсненія фабрикантовъ; 5) они могли выдавать замужъ сво-

ихъ дочерей за людей постороннихъ, безъ уплаты выводныхъ денегъ, не спрашивая согласія фабриканта. Недостаточное различеніе въ XVIII в. крестьянъ поссессіонныхъ и крѣпостныхъ приводило къ тому, что первымъ приходилось иной разъ вести упорную борьбу противъ заводчиковъ, пытавшихся нарушить ихъ права.

Прежде чѣмъ перейдти къ характеристикѣ быта крѣпостныхъ крестьянъ во второй половинѣ XVIII в., посмотримъ, что сдѣлано было въ царствованіе императрицы Екатерины II для измѣненія быта всѣхъ перечисленныхъ нами разрядовъ сельскаго населенія. Крестьянамъ черносошнымъ и однодворцамъ было запрещено отчуждать свои поземельные участки не только людямъ постороннимъ, но и между собою (у однодворцевъ впрочемъ это запрещеніе касалось лишь тѣхъ земель, на которыхъ они были положены въ подушный окладъ); однодворцы были окончательно уравнены въ отбываніи натуральныхъ и денежныхъ повинностей съ крестьянами государственными, наконецъ, всѣ свободные крестьяне получили весьма важное право — отправить своихъ депутатовъ въ коммисію для составленія новаго уложенія. У значительной части конюшенныхъ крестьянъ барщина была замѣнена денежнымъ оброкомъ. Относительно приписныхъ горнозаводскихъ крестьянъ не было принято мѣръ, радикально измѣнявшихъ ихъ бытъ, но всетаки ихъ положеніе было нѣсколько облегчено. Тотчасъ послѣ усмиренія волненія 1760—64 гг., правила, введенныя кн. Вяземскимъ, упорядочили отправленіе работъ, и были установлены выборныя власти надъ рабочими. Вскорѣ послѣ того была возвышена плата за трудъ и опредѣлено небольшое вознагражденіе за время, употребляемое ими на путешествіе. Затѣмъ съ 1779 г. имъ стали платить вдвое болѣе того, сколько зачиталось имъ въ счетъ взноса податей въ началѣ царствованія императрицы Екатерины II. Бытъ горнозаводскихъ крестьянъ былъ радикально измѣненъ лишь въ царствованіе императора Александра I, когда посредствомъ набора изъ нихъ была выдѣлена небольшая группа постоянныхъ заводскихъ рабочихъ, вошедшихъ въ составъ поссессіонныхъ, а остальные по прежнему сдѣлались совершенно свободными государственными крестьянами.

Изъ всѣхъ мѣръ, принятыхъ императрицей Екатериною относительно сельскаго населенія Россіи, несомнѣнно самая важная пала на долю крестьянъ духовныхъ вотчинъ. Убѣдившись изъ

цѣлаго ряда волненій, послѣдовавшихъ за отмѣною указа Петра III объ отобраніи въ казну духовныхъ имѣній, что прежній порядокъ долѣе существовать не можетъ, императрица въ 1764 г. издала знаменитый указъ о секуляризаціи духовныхъ имѣній. Мѣра эта была въ высшей степени полезна для крестьянъ: избавившись отъ притѣсненій со стороны духовныхъ властей, они вмѣстѣ съ тѣмъ получили весьма значительные земельные надѣлы. Всѣ пашни, обработываемыя прежде крестьянами на своихъ владѣльцевъ, перешли теперь къ нимъ; имъ же досталось и огромное количество угодій, такъ какъ только земли, отстоявшія далѣе 20 верстъ отъ селеній, велѣно было взять въ казну для отдачи въ аренду, за монастырями же оставлено лишь ничтожное количество земель. Правда, въ губерніяхъ, столь густо населенныхъ, какъ Тульская и Калужская, крестьяне получили лишь по 5 и 6 десятинъ на душу, но въ 6 губерніяхъ они имѣли во время генеральнаго межеванія отъ 7 до 10 дес., въ Псковской болѣе 10, въ Орловской 15, въ Нижегородской и Костромской по 20, въ Петербургской 28, въ Нижегородской даже 34 дес. на одну ревизскую душу. Относительно размѣра государственныхъ повинностей эти крестьяне, получившіе названіе экономическихъ, очень скоро сравнялись съ остальными свободными крестьянами. Императрицу Екатерину обвиняли въ томъ, что она отобрала въ казну духовныя вотчины лишь съ цѣлію раздать ихъ своимъ приближеннымъ. Это совершенно несправедливо. Дѣйствительно, раздача населенныхъ имѣній при Екатеринѣ II приняла громадные размѣры, такъ что всего, по нашимъ вычисленіямъ, было роздано въ то время болѣе 800,000 д. обоего пола, но раздача производилась преимущественно въ губерніяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, отчасти въ Малороссіи и Остзейскомъ краѣ, и въ небольшомъ количествѣ изъ дворцовыхъ и государевыхъ вотчинъ. Было только три случая пожалованія крестьянъ бывшихъ духовныхъ вотчинъ Орловымъ, но одновременно соотвѣтственное количество душъ было причислено изъ дворцоваго въ экономическое вѣдомство. Императрица Екатерина какъ будто предвидѣла возможность того упрека, который ей дѣлали впослѣдствіи, и оставляла неприкосновенными экономическія имѣнія. Въ этомъ отношеніи она держалась гораздо болѣе разумной политики, чѣмъ императоръ Павелъ, начавшій въ значительномъ количествѣ раз-

давать экономическія вотчины, и императоръ Николай, при которомъ болѣе 300,000 душъ государственныхъ крестьянъ, а въ томъ числѣ, конечно, не мало и бывшихъ экономическихъ, было обращено въ удѣльное вѣдомство и дальнѣйшее переименованіе было остановлено лишь энергическимъ протестомъ гр. Киселева. Нужно замѣтить также, что Екатерина не согласилась на одну, крайне гибельную для крестьянъ, мѣру, которую предлагали нѣкоторые дворяне. Со времени секуляризаціи духовныхъ имѣній нѣкоторые члены нашего высшаго сословія стали кричать объ упадкѣ земледѣлія среди экономическихъ крестьянъ, о томъ, что результатомъ этого будетъ сильное увеличеніе цѣнъ на хлѣбъ и т. п.. Какъ рѣшительное средство противъ этого зла рекомендовалась отдача въ аренду или даже продажа дворянамъ всѣхъ экономическихъ крестьянъ. Къ счастію эти предложенія не были исполнены. Однимъ словомъ слѣдуетъ признать, что если въ настоящее время мы имѣемъ не на однѣхъ сѣверныхъ окраинахъ Россіи значительное число государственныхъ крестьянъ, владѣющихъ относительно большими земельными надѣлами, то этимъ мы обязаны разумнымъ и благопріятнымъ для крестьянъ мѣрамъ Екатерины II при секуляризаціи духовныхъ имѣній.

Подробно указавъ на то, что было сдѣлано при Екатеринѣ II на пользу некрѣпостныхъ крестьянъ, мы должны однако напомнить, что ихъ денежныя государственныя повинности въ то время чрезвычайно возросли (оброчный сборъ былъ увеличенъ въ три раза), а весьма частые рекрутскіе наборы отвлекли массу людей отъ производительнаго труда.

Относительно поссессіонныхъ крестьянъ не было принято въ это время никакихъ новыхъ существенныхъ мѣръ. Императрица Екатерина лишь подтвердила указъ Петра III, запретившій впредь покупать населенныя имѣнія къ фабрикамъ и заводамъ; затѣмъ въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ борьба поссессіонныхъ мастеровыхъ противъ закрѣпощенія оканчивалась или пріобрѣтеніемъ фабрики въ казну, или установленіемъ, подъ давленіемъ администраціи, договора между рабочими и фабрикантомъ, настолько гарантировавшаго права первыхъ, что ему могли бы позавидовать и современные рабочіе.

Переходимъ къ характеристикѣ положенія при Екатеринѣ II крестьянъ крѣпостныхъ, которые составляли болѣе половины

(53%) всего сельскаго населенія Великороссіи и Сибири. Мы полагаемъ, что настало наконецъ время для совершенно безпристрастнаго, объективнаго отношенія къ крѣпостному праву, и потому укажемъ и свѣтлыя, и мрачныя стороны въ положеніи помѣщичьихъ крестьянъ. Прежде всего крайне благопріятнымъ для нашихъ крѣпостныхъ обстоятельствомъ мы считаемъ весьма значительное развитіе оброчной системы, такъ какъ помѣщичьи крестьяне, состоявшіе на оброкѣ, значительно приближались по своему быту къ крестьянамъ государственнымъ. По нашимъ вычисленіямъ, основаннымъ на результатахъ генеральнаго межеванія, оброчная система преобладала въ нечерноземной полосѣ Великороссіи, напротивъ того въ черноземной—большинство имѣній состояло на барщинѣ, въ среднемъ же выводѣ было почти одинаковое количество оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ (44% первыхъ и 56% вторыхъ). Это развитіе оброчной системы представляетъ значительное преимущество нашихъ крѣпостныхъ сравнительно съ крѣпостнымъ населеніемъ Остзейскаго края, Польши и Германіи. Вторымъ, весьма благопріятнымъ для нихъ обстоятельствомъ была обширность земельныхъ надѣловъ; въ оброчныхъ вотчинахъ крестьяне, по свидѣтельству современниковъ, обыкновенно пользовались всею помѣщичьею землею, такъ что тамъ на одну душу приходилось отъ 5 до 30 дес. Въ среднемъ выводѣ количество земли, находившееся въ пользованіи крѣпостныхъ крестьянъ, было приблизительно въ 3½ раза болѣе земельнаго надѣла бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ въ настоящее время. Весьма важно также, что хотя помѣщикъ могъ совершенно лишить своихъ крѣпостныхъ земли и обратить ихъ въ такъ называемыхъ мѣсячниковъ, подобные случаи составляли явленіе совершенно исключительное. Существованіе поземельной общины съ передѣлами земли, обыкновенно по тягламъ, устанавливало въ извѣстной степени имущественное равенство и устраняло возможность тѣхъ печальныхъ явленій, съ которыми мы встрѣтились при изученіи быта государственныхъ черносошныхъ крестьянъ. Но рядомъ съ этими свѣтлыми сторонами быта крѣпостныхъ мы находимъ много самыхъ мрачныхъ явленій: крѣпостной былъ совершенно беззащитенъ какъ относительно своей личности, такъ и въ имущественномъ отношеніи. Помѣщикъ могъ оторвать крестьянина отъ земли и сдѣлать его своимъ дворовымъ, могъ пересе-

лить его въ другую вотчину, могъ продать его отдѣльно отъ земли и по одиночкѣ. Дѣйствительно, мы видимъ, что торговля рекрутами принимаетъ, не смотря на нѣкоторыя ограничительныя постановленія, самые постыдные размѣры; дѣвушки, по свидѣтельству путешественниковъ, толпами выводятся для продажи на рынокъ. Помѣщикъ могъ налагать на своихъ крестьянъ какія угодно повинности; впрочемъ и въ этомъ отношеніи положеніе оброчныхъ, хотя они платили помѣщику оброка вдвое-втрое болѣе, чѣмъ государственные крестьяне въ казну, было благопріятнѣе барщинныхъ, обыкновенно отдававшихъ господину половину своего рабочаго времени. Помѣщикъ могъ подвергать своихъ крѣпостныхъ всевозможнымъ наказаніямъ; въ царствованіе императрицы Елизаветы имъ даже было разрѣшено отправлять своихъ людей на поселеніе въ Сибирь, и это повело къ страшнымъ злоупотребленіямъ: помѣщики отправляли въ ссылку старыхъ и увѣчныхъ для того только, чтобы получить за нихъ зачетную рекрутскую квитанцію. Даже въ такомъ интимномъ дѣлѣ, какъ женитьба, крестьянинъ зависѣлъ отъ барскаго произвола; впрочемъ и тутъ оброчные были въ болѣе выгодномъ положеніи: имъ обыкновенно предоставлялось вступать въ бракъ по своему усмотрѣнію, лишь бы только брачная повинность была исполнена до извѣстнаго времени; въ противномъ случаѣ одни помѣщики своею властію составляли брачныя пары, другіе налагали на холостыхъ и дѣвушекъ ежегодный значительный сборъ до вступленія ихъ въ бракъ.—Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что фактическое положеніе большинства крѣпостныхъ было лучше, чѣмъ можно было бы ожидать въ виду ихъ юридическаго безправія, и крестьяне обыкновенно безпрепятственно пользовались своимъ имуществомъ (нѣкоторые изъ нихъ даже пріобрѣтали на имя барина значительное число холоповъ).

Между тѣмъ какъ мы могли указать не мало мѣръ, принятыхъ въ царствованіе императрицы Екатерины II на пользу некрѣпостнаго населенія Россіи, для улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ и ослабленія крѣпостнаго права не было сдѣлано почти ничего. Было запрещено продавать людей за 3 мѣсяца до рекрутскаго набора, но это не прекратило торговли рекрутами; было временно пріостановлено дозволеніе ссылать своихъ людей

на поселеніе, но скоро это право было вновь возвращено помѣщикамъ; прекращено было закрѣпощеніе незаконнорожденныхъ. военноплѣнныхъ, уничтожено правило „по рабѣ холопъ“, нѣсколько ограничено правило „по холопу раба“; было запрещено разлучать семьи при продажѣ съ аукціону. Мѣры эти тѣмъ болѣе ничтожны, что рядомъ съ ними шли указы, еще болѣе ухудшавшіе положеніе крѣпостныхъ, какъ то: разрѣшеніе помѣщикамъ отдавать своихъ людей въ каторжную работу и брать назадъ по своему желанію и окончательное запрещеніе крѣпостнымъ жаловаться на помѣщиковъ.—А между тѣмъ въ то время уже была сознана потребность ограниченія помѣщичьей власти. Мы назовемъ тѣ мѣры, которыя высказывались не какимъ нибудь отдѣльнымъ лицомъ, а такія, которыя мы встрѣчаемъ въ нѣсколькихъ проэктахъ по крестьянскому вопросу, поданныхъ въ вольное экономическое общество, въ коммиссію для составленія новаго уложенія и проч. Лица, желавшія улучшенія быта крѣпостныхъ, требовали точнаго опредѣленія закономъ ихъ повинностей, дозволенія крестьянамъ жаловаться на помѣщика, запрещенія разлучать семьи при продажѣ, дозволенія выкупаться на свободу за опредѣленную плату, предоставленія крестьянамъ права собственности на движимое имущество, предоставленія имъ наслѣдственнаго пользованія своими земельными надѣлами подъ условіемъ исправнаго отбыванія повинностей въ пользу помѣщика. Мы не обвиняемъ императрицу Екатерину въ томъ, что она не уничтожила совершенно крѣпостнаго права: подобная мѣра была бы вовсе не желательна, такъ какъ въ то время не назрѣла мысль о необходимости освобожденія крестьянъ съ землею, но необходимо было ограничить власть помѣщиковъ, а между тѣмъ ни одна изъ предложенныхъ въ этомъ направленіи мѣръ не была осуществлена. Тѣмъ не менѣе за императрицею Екатериною остается та заслуга, что она бросила въ общество мысль о необходимости улучшенія быта крѣпостныхъ, и эта мысль черезъ сто лѣтъ принесла свои плоды.

Въ то время, когда освободительныя стремленія все болѣе назрѣвали въ обществѣ, фактическое положеніе крестьянъ дѣлалось все болѣе и болѣе печальнымъ. Бытъ крѣпостныхъ крестьянъ въ половинѣ XIX вѣка не былъ еще подвергнутъ подробному научному изученію, но все таки свидѣтельства современниковъ да-

ютъ намъ возможность опредѣлить, въ какомъ направленіи шло его измѣненіе. Прежде всего нерѣдкая замѣна чистой оброчной системы—смѣшанною, при которой въ одной вотчинѣ были и барщинные, и оброчные крестьяне, должна была вообще неблагопріятно отразиться на положеніи крѣпостныхъ и въ частности уменьшить ихъ земельные надѣлы. Въ барщинныхъ вотчинахъ господскія запашки все увеличивались, а вмѣстѣ съ тѣмъ должно было уменьшиться количество крестьянской пашни. Съ развитіемъ фабричной промышленности въ помѣщичьихъ имѣніяхъ увеличился самый тяжелый видъ барщиннаго труда—работа на фабрикахъ и заводахъ. Къ тому же помѣщики пользовались трудомъ своихъ крѣпостныхъ не только на собственныхъ фабрикахъ, но и отдавали ихъ въ наемъ заводчикамъ изъ купцовъ за извѣстную плату. Мы видѣли, что въ прошломъ столѣтіи полное обезземеленіе крестьянъ было явленіемъ совершенно исключительнымъ; напротивъ того въ половинѣ XIX в. помѣщики стали все чаще и чаще обращать своихъ крѣпостныхъ въ такъ называемыхъ мѣсячниковъ, т. е. безземельныхъ батраковъ; рядомъ съ этимъ число дворовыхъ со времени 8 ревизіи (въ 30-хъ годахъ) до 10-й—(въ концѣ 50-хъ) возросло съ 4 почти до 7% всего крѣпостнаго населенія въ Россіи. Наконецъ стало развиваться, вмѣсто прежняго патріархальнаго, совершенно хищническое отношеніе къ своимъ вотчинамъ: помѣщики-спекулянты пріобрѣтали имѣнія, продаваемыя съ аукціону, и затѣмъ спѣшили всевозможными средствами выручить затраченныя деньги: они продавали крестьянъ на свозъ, вымогали большіе оброки истязаніями и угрозою отдачи въ рекруты, отпускали на волю за громадный выкупъ и т. п. Такое ухудшеніе быта крѣпостныхъ должно было все болѣе увеличивать ихъ недовольство. Дѣйствительно мы видимъ, что поджоги помѣщичьихъ имѣній, убійства владѣльцевъ, крестьянскія волненія становятся все чаще и чаще. Наконецъ, по свидѣтельству Ю. Ѳ. Самарина, крестьяне начинаютъ подвергать помѣщиковъ тѣлесному наказанію. Надо было найдти выходъ изъ такого положенія, по меньшей мѣрѣ неудобнаго для обѣихъ сторонъ. Благодаря гуманитарному вліянію литературы, все болѣе и болѣе распространялась мысль о необходимости уничтоженія крѣпостнаго права, а съ другой стороны люди прозорливые начи-

нали понимать, что экономическая зависимость можетъ связывать крѣпче юридической.

Наконецъ насталъ день 19-е февраля, принесшій народу великое счастіе свободы, но было бы неправдой сказать, что это чувство было безъ примѣси горя. Наблюдательный англичанинъ, посвятившій нѣсколько лѣтъ на изученіе нашего внутренняго быта, на вопросъ, „лучше ли стало жить послѣ освобожденія", получалъ типическій отвѣтъ: „какъ вамъ сказать: и лучше, и хуже". Мы знаемъ, почему стало „лучше": потому, что уничтоженъ помѣщичій произволъ, „хуже", потому что отрѣзано значительное количество земли, находившейся въ пользованіи крестьянъ, а за остальную приходится тяжело расплачиваться. Обременительность выкупныхъ платежей признана самимъ правительствомъ; недостаточность земельныхъ надѣловъ вызываетъ необходимость серьезныхъ мѣръ для организаціи переселеній. Крестьянинъ, сидящій на однодесятинномъ, такъ называемомъ нищенскомъ надѣлѣ, крестьянинъ безлошадный, крестьянинъ совершенно безземельный—все это явленія, почти вовсе неизвѣстныя помѣщичьей вотчинѣ прошлаго столѣтія.

Итакъ тяжелое положеніе крестьянъ требуетъ серіозныхъ мѣръ для улучшенія ихъ быта. Что же должны дѣлать мы, не призванные вязать и рѣшить? Мы прежде всего должны изучать народный бытъ, указывать мѣры, нужныя для подъема народнаго благосостоянія. Необходимость изученія современнаго народнаго быта сознана въ значительной степени, и въ этомъ направленіи предпринимаются весьма почтенные труды. На мнѣ, какъ на историкѣ, лежитъ обязанность указать, что не менѣе необходимо изученіе и прошлой народной жизни. Какъ мало сдѣлано въ этомъ отношеніи, видно уже изъ того, что мнѣ пришлось употребить десять лѣтъ самаго усидчиваго труда на изученіе одной эпохи въ исторіи крестьянъ. У нашего народа есть прекрасный обычай созывать помочи въ тяжелую страдную пору; позвольте же и мнѣ кликнуть кличъ о помощи въ моей тяжелой работѣ. Стоитъ только сознать, что изученіе прошлаго не менѣе необходимо, чѣмъ знакомство съ настоящимъ; что настоящее правильно понимается только при яркомъ свѣтѣ исторіи, что лишь при строгомъ критическомъ отношеніи къ прошлому и настоящему

создается хорошее будущее—стоитъ это понять, и, мы увѣрены, найдутся сомоотверженные работники, готовые положить свою жизнь на изученіе прошлаго народнаго быта,—безъ этой вѣры, для меня лично, не стоило бы работать, не стоило бы даже жить; для успѣха же этихъ работъ пожелаемъ одного—полной свободы научнаго изслѣдованія!

Василій Ив. Семевскій.

17-го февраля 1882
Москва

ДИСПУТЪ В. И. СЕМЕВСКАГО

въ Московскомъ университетѣ.

Настоящій рефератъ, самый подробный и обстоятельный изъ всѣхъ, помѣщенныхъ въ газетахъ, былъ напечатанъ въ газетѣ „Русскія Вѣдомости" 1882 г., № 65; оттуда мы его и перепечатываемъ, считая таковую перепечатку особенно умѣстною вслѣдъ за сообщенною выше рѣчью молодого ученаго, магистра Русской Исторіи, В. И. Семевскаго. Ред.

17-го февраля въ актовой залѣ университета В. И. Семевскій защищалъ диссертацію на степень магистра русской исторіи. Г. Семевскій уже давно извѣстенъ въ нашей литературѣ многочисленными изслѣдованіями по исторіи крестьянъ въ XVIII вѣкѣ, помѣщавшимися въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Эти изслѣдованія, обыкновенно основанныя на самостоятельной разработкѣ архивныхъ свѣдѣній, имѣли то важное преимущество сравнительно съ предшествующими трудами по исторіи крестьянъ, что сосредоточивались главнымъ образомъ на бытовой, особенно экономической, сторонѣ крестьянской жизни. Представленная авторомъ диссертація «Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II-й» сводитъ въ одно цѣлое часть прежнихъ изслѣдованій автора, конечно въ значительно переработанномъ и дополненномъ видѣ. Въ обширномъ томѣ, г. Семевскій излагаетъ исторію двухъ разрядовъ крестьянъ, крѣпостныхъ въ Великороссіи и такъ называемыхъ поссессіонныхъ. Подобно прежнимъ работамъ, диссертація съ особенной подробностью рисуетъ экономическую обстановку крестьянина XVIII вѣка. Въ отдѣлѣ о крѣпостныхъ крестьянахъ г. Семевскій знакомитъ читателей съ распредѣленіемъ крѣпостныхъ — оброчныхъ и барщинныхъ, съ количествомъ земли, находившейся въ пользованіи крестьянъ, съ размѣрами повинностей, съ порядками тогдашней земельной общины, съ положеніемъ класса дворовыхъ, съ отношеніями помѣщиковъ къ крестьянамъ. Этотъ отдѣлъ заканчивается интересными свѣдѣніями о побѣгахъ и волненіяхъ крѣпостныхъ крестьянъ. Подобная же программа проведена и въ той части книги, которая касается поссессіонныхъ крестьянъ. Кромѣ исторіи прикрѣпленія крестьянъ къ фабрикамъ и заводамъ и ихъ борьбы противъ закрѣпощенія, г. Семевскій разсматриваетъ въ этомъ отдѣлѣ отношеніе фабрикантовъ къ крѣпостнымъ рабочимъ, лежавшія на рабочихъ повинности, количество дней и часовъ ихъ труда, ихъ бытовую обстановку.

Литературная извѣстность В. И. Семевскаго и высокій интересъ его

изслѣдованія привлекли на диспутъ огромную массу посѣтителей; обширная актовая зала была почти биткомъ наполнена слушателями. Засѣданіе началось въ 2 часа вступительнымъ словомъ диспутанта. Въ небольшой, превосходно произнесенной рѣчи, г. Семевскій познакомилъ слушателей съ главными результатами своихъ десятилѣтнихъ работъ по исторіи крестьянъ.... (Рѣчь его см. въ этой же книгѣ «Русской Старины» стр. 565—578).

Первымъ оппонентомъ былъ проф. Н. А. Поповъ. Г. Поповъ началъ съ критики отзывовъ г. Семевскаго о предшествующей литературѣ по исторіи крестьянъ. Г. Семевскій, по мнѣнію оппонента, недостаточно оцѣнилъ заслуги покойнаго С. М. Соловьева. Приведя въ своемъ введеніи безъ оговорокъ отзывъ К. Аксакова по поводу седьмаго тома «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ», онъ какъ будто соглашается съ выраженнымъ въ отзывѣ рѣзкимъ мнѣніемъ, что «въ исторіи Россіи читатель не найдетъ земли и народа». Для оцѣнки такого отзыва прежде всего нужно имѣть въ виду, что онъ былъ написанъ въ періодъ самой острой борьбы между такъ называемыми славянофилами и западниками, и естественно отразилъ на себѣ воззрѣнія извѣстнаго литературнаго кружка. С. М. Соловьевъ, занимаясь русской исторіей въ ея цѣломъ, конечно, не могъ съ монографической подробностью останавливаться на отдѣльныхъ сторонахъ народнаго быта; но несправедливо было бы утверждать, что эти стороны вовсе были упущены имъ изъ виду. Въ очеркахъ внутренняго быта, которыми заключалось въ «Исторіи Россіи» изложеніе каждаго періода, находится множество свѣдѣній по всѣмъ главнымъ отраслямъ народной жизни, въ томъ числѣ и по исторіи крестьянъ.

Г. Семевскій замѣтилъ на это, что ученое достоинство автора «Исторіи Россіи» не нуждается въ новыхъ доказательствахъ; если въ введеніи онъ не касался этого труда, то единственно потому, что собственно для исторіи крестьянъ въ XVIII вѣкѣ онъ даетъ немного.

Другое замѣчаніе г. Попова касалось историческихъ сравненій, къ которымъ нерѣдко прибѣгаетъ г. Семевскій для оцѣнки положенія русскихъ крестьянъ. Охотно привлекая для своихъ сопоставленій западно-европейскихъ крестьянъ, судьба которыхъ существенно отличалась отъ нашихъ, магистрантъ почти не пользуется свѣдѣніями о крестьянскомъ бытѣ въ Польшѣ, тогда какъ здѣсь онъ могъ бы найдти цѣлый рядъ весьма поучительныхъ аналогій.

Отвѣтъ г. Семевскаго заключался въ указаніи на то, что предметомъ его труда было изученіе исторіи собственно русскихъ крестьянъ, а не сравнительно историческое изслѣдованіе положенія сельскихъ классовъ въ разныхъ странахъ. Ссылки на другія страны приводятся

въ его книгѣ единственно для иллюстраціи выводовъ, построенныхъ на изученіи фактовъ русской жизни; въ этихъ видахъ, насколько было нужно для его цѣлей, онъ воспользовался въ III главѣ книги и исторіею Польши.

Въ своемъ послѣднемъ возраженіи Н. А. Поповъ указалъ на то, что у г. Семевскаго недостаточно выясненъ вопросъ о происхожденіи дворовыхъ людей. Нѣкоторыя мѣста диссертаціи даютъ право предположить, что, по мнѣнію автора, этотъ классъ образовался единственно изъ крестьянъ, оторванныхъ отъ земли; между тѣмъ, кромѣ этого источника, классъ дворовыхъ издавна вербовался изъ потомковъ кабальныхъ людей и приписныхъ по ревизіямъ.

Г. Семевскій отвѣтилъ, что онъ не касался въ своей книгѣ исторіи происхожденія класса дворовыхъ; во второй же половинѣ XVIII вѣка способы пополненія этого класса, указанные г. Поповымъ, не имѣли значенія. Притомъ какимъ бы способомъ ни образовались дворовые, характернымъ ихъ признакомъ всегда оставалось то, что они были оторваны отъ земли.

Второй оффиціальный оппонентъ, проф. В. О. Ключевскій, первое свое возраженіе направилъ противъ опредѣленія крѣпостныхъ крестьянъ, принятаго въ диссертаціи. Г. Семевскій причисляетъ къ разряду крѣпостныхъ однихъ помѣщичьихъ крестьянъ; а между тѣмъ, по мнѣнію г. Ключевскаго, есть всѣ основанія относить къ этой категоріи также крестьянъ, приписанныхъ къ церквамъ и монастырямъ, равно какъ къ фабрикамъ и заводамъ. Тѣ признаки, которыми авторъ отличаетъ поссессіонныхъ крестьянъ отъ крѣпостныхъ, не существенны. Такъ, покупать крѣпостныхъ купцы могли и до образованія класса поссессіонныхъ крестьянъ; право жалобы на притѣсненія владѣльцевъ принадлежало не однимъ поссессіоннымъ, но и помѣщичьимъ крестьянамъ. Если на этомъ основаніи причислить церковныхъ и поссессіонныхъ крестьянъ къ классу крѣпостныхъ, то численность этого класса въ Россіи во второй половинѣ XVIII вѣка будетъ не въ 45 проц. всего населенія, какъ полагаетъ авторъ, а гораздо больше, такъ что благопріятное для Россіи сравненіе съ Западною Европою должно будетъ сильно измѣниться.

Въ отвѣтъ на это возраженіе г. Семевскій указалъ на важныя различія, какія провелъ самъ законъ между поссессіонными и крѣпостными крестьянами. Поссессіонные крестьяне были прикрѣплены не къ лицу владѣльца, а къ фабрикѣ, и не могли быть продаваемы отдѣльно отъ послѣдней, или переводимы съ одной фабрики на другую; права фабрикантовъ по отношенію къ поссессіоннымъ крестьянамъ были по закону гораздо болѣе ограничены, нежели права по-

мѣщиковъ относительно крѣпостныхъ. Поссессіоннымъ крестьянамъ по закону предоставлялось право жалобы на притѣсненія фабрикантовъ, послѣдствіемъ которыхъ могло быть отобраніе приписанныхъ рабочихъ въ казну; тогда какъ помѣщичьимъ крѣпостнымъ указомъ 27-го августа 1767 года было формально запрещено подавать челобитныя на своихъ владѣльцевъ, и за нарушеніе этого указа установлены строгія наказанія. На основаніи всѣхъ этихъ отличій г. Семевскій считалъ себя въ полномъ правѣ выдѣлить поссессіонныхъ крестьянъ въ особый классъ и не включать ихъ въ счетъ крѣпостнаго населенія Россіи. Подобнымъ же образомъ существованіе крупныхъ юридическихъ различій въ правахъ церквей и монастырей надъ приписанными къ нимъ крестьянами сравнительно съ правами помѣщиковъ на ихъ крѣпостныхъ, далѣе секуляризація церковныхъ вотчинъ въ началѣ царствованія Екатерины II послужили основаніемъ для исключенія церковныхъ крестьянъ изъ категоріи крѣпостныхъ.

Продолжая свои возраженія, г. Ключевскій оспаривалъ мнѣніе автора диссертаціи о неподвижности процента крѣпостнаго населенія въ длинный періодъ, протекшій между 2-й и 4-й ревизіями (1742—1781 г.). Изъ цифръ, приводимыхъ г. Семевскимъ, выходитъ, что крѣпостные крестьяне, какъ по 2-й, такъ и по 3-й и 4-й ревизіямъ, составляли 53% всего сельскаго населенія. Эти цифры могутъ приводить къ заключенію, что крѣпостное право не росло въ Россіи въ XVIII в.; тогда какъ эта кажущаяся неподвижность просто объясняется тѣмъ, что въ періодъ между 3-й и 4-й ревизіями крѣпостные крестьяне изъ Великороссіи усиленно переводились помѣщиками во вновь пріобрѣтенныя окрайныя мѣстности. Это объясненіе упущено авторомъ изъ виду.

Г. Семевскій отвѣтилъ, что цифры, приведенныя въ его книгѣ, и вытекающій изъ нихъ выводъ, относятся не къ цѣлой Россіи, а къ однимъ великороссійскимъ губерніямъ. Что же касается до вліянія колонизаціи, то оно не могло быть значительно въ эпоху до 4-й ревизіи, такъ какъ заселеніе Новороссіи, повлекшее особенно крупныя передвиженія крѣпостныхъ крестьянъ, началось лишь къ концу царствованія Екатерины II.

Дальнѣйшія замѣчанія г. Ключевскаго относились къ вопросу объ относительномъ распространеніи оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ въ Великороссіи. Г. Семевскій на основаніи разработки огромнаго архивнаго матеріала, преимущественно «экономическихъ примѣчаній» къ документамъ генеральнаго межеванія, пришелъ къ выводу, что въ нечерноземныхъ губерніяхъ Великороссіи въ разсматриваемый имъ періодъ преобладали оброчные крестьяне (55%), а въ черноземныхъ

барщинные (74%); въ среднемъ же выводѣ для цѣлой Великороссіи оброчныхъ было 44%, а барщинныхъ 56% всего числа крѣпостныхъ. Такой выводъ противорѣчитъ свидѣтельствамъ императрицы Екатерины II и Шторха, по которымъ въ большинствѣ имѣній крестьяне были отпущены на оброкъ. Такъ какъ трудно предположить, что современники, и притомъ столь компетентные, могли такъ сильно ошибаться относительно близко знакомаго имъ явленія, то г. Ключевскій счелъ нужнымъ подвергнуть внимательному анализу выкладки г. Семевскаго, и выводитъ, что выводы его, по крайней мѣрѣ относительно нѣкоторыхъ губерній черноземной полосы, основаны на недостаточномъ количествѣ данныхъ. Такъ, по Курской губерніи г. Семевскій имѣлъ въ своемъ распоряженіи свѣдѣнія лишь о 39%, по Пензенской о 57% всѣхъ крѣпостныхъ крестьянъ. Если бы свѣдѣнія объ остальныхъ помѣщичьихъ крестьянахъ были разработаны, то распредѣленіе крѣпостныхъ между оброчными и барщинными, по всей вѣроятности, оказалось бы ближе подходящимъ къ приведенному выше показанію современниковъ.

Диспутантъ возразилъ, что онъ воспользовался всѣмъ, что можно было извлечь изъ документовъ генеральнаго межеванія; онъ распредѣлилъ $3^1/_2$ милліона изъ $4^1/_2$ милліоновъ человѣкъ, т. е. 73% всего крѣпостнаго населенія...

Въ заключеніе проф. Ключевскій высказалъ гипотезу, объясняющую приводимыя въ диссертаціи цифры крѣпостныхъ крестьянъ въ разныхъ губерніяхъ. Онъ полагалъ, что эти цифры находятся въ связи съ условіями военной защиты стараго Московскаго государства. Крѣпостныхъ всего больше въ губерніяхъ, которыя составляли окраины Московскаго государства, и потому постоянно нуждались въ защитѣ. Такъ какъ помѣстья и вотчины давались государями преимущественно въ видахъ обезпеченія военной службы, то неудивительно, что на окраинахъ, составлявшихъ военный оплотъ государства, помѣстья раздавались особенно щедрою рукою, вслѣдствіе чего тамъ и образовывалось большее скопленіе крѣпостныхъ.

Послѣ оффиціальныхъ оппонентовъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній проф. А. И. Чупровъ. Одинъ изъ важнѣйшихъ выводовъ въ книгѣ г. Семевскаго состоитъ въ томъ, что въ XVIII вѣкѣ помѣщичьи крестьяне имѣли въ своемъ пользованіи втрое больше земли, чѣмъ теперь (11 десятинъ противъ $3^1/_2$ дес. въ настоящее время). Этотъ выводъ основанъ относительно оброчныхъ крестьянъ на томъ предположеніи, что они пользовались всею землею, находившеюся въ имѣніи. Между тѣмъ это предположеніе, весьма существенное для вѣрности вывода, основано только на свидѣтельствахъ двухъ современ-

никовъ, Шторха и Елагина. Что же касается барщинныхъ крестьянъ, то для вычисленія количества земли, находившейся въ ихъ пользованіи, допущенъ въ сочиненіи пріемъ, съ которымъ едва ли можно согласиться. Г. Семевскій, на основаніи свидѣтельства Татищева и Болтина о томъ, что крестьяне пахали господской пашни по $1^1/_2$ десятины на душу, принимаетъ эту норму для всѣхъ барщинныхъ крестьянъ во всѣхъ губерніяхъ, вычитая разсчитанную по этой нормѣ помѣщичью запашку изъ общей площади барщиннаго имѣнія. Онъ считаетъ остатокъ находившимся въ пользованіи крестьянъ. Г. Чупровъ находилъ, что такой разсчетъ, будучи вѣренъ относительно губерній, о которыхъ имѣлись свидѣтельства, не могъ быть распространенъ на всѣ великороссійскія губерніи уже вслѣдствіе различія господствующихъ въ нихъ земледѣльческихъ системъ. Трудно предположить, чтобы помѣщичья запашка, по разсчету на душу, имѣла одну и ту же величину въ Тульской губерніи при трехпольной системѣ съ удобреніемъ, въ Воронежской при залежной системѣ, и въ Вологодской при огневомъ хозяйствѣ.

Въ отвѣтъ на слова г. Чупрова, диспутантъ указалъ на то, что свидѣтельства Шторха и Елагина относительно оброчныхъ крестьянъ весьма авторитетны, такъ какъ оба эти лица были близко знакомы съ господствовавшимъ тогда хозяйствомъ; притомъ эти свидѣтельства совпадаютъ съ цѣлымъ рядомъ позднѣйшихъ показаній, по которымъ оброчные пользовались всею помѣщичьею землею. По вопросу о нормѣ господской запашки въ барщинныхъ имѣніяхъ г. Семевскій не отрицалъ возможности вліянія различныхъ земледѣльческихъ системъ на величину запашки, но по свойству имѣющихся историческихъ матеріаловъ признавалъ невозможнымъ опредѣлить это вліяніе. Поэтому онъ вынужденъ былъ основать свой разсчетъ на тѣхъ, хотя немногихъ, но положительныхъ данныхъ, которыя ему удалось отыскать въ источникахъ.

Диспутъ затянулся до 6 часовъ и окончился чтеніемъ факультетскаго отзыва о диссертаціи. Провозглашеніе Василія Ивановича Семевскаго магистромъ Русской исторіи было привѣтствовано публикой дружными рукоплесканіями, которыя возобновлялись нѣсколько разъ и прекратились только съ выходомъ г. Семевскаго изъ зала засѣданія.

вѣдомостей. А. А. Кіевъ. 1882. 211 стр. въ м. 8 д. л. Цѣна 50 коп.

По сознанію составителя — «болѣе искусный ловецъ архивный» могъ-бы найдти въ грудахъ тлѣющихъ старыхъ дѣлъ много любопытнаго; онъ печаталъ «скудныя крупицы историческаго матеріала» въ виду того, что скоро вся масса бумагъ придетъ въ совершенную негодность. Въ 16-ти главахъ напечатано нѣсколько интересныхъ документовъ, относящихся исключительно до Кіева. Они въ разное время были напечатаны въ губернскихъ вѣдомостяхъ, а потому и могли ускользнуть отъ изысканій историка. Надѣемся, что печатаніе не ограничится однимъ первымъ выпускомъ, что было-бы прискорбно.

А. А. Титовъ. Охранный каталогъ славяно-русскихъ рукописей. Выпускъ первый. Ростовъ. 1881. II+214+11 въ 16 д. л.

Этотъ каталогъ, отпечатанный въ 100 экземплярахъ, есть подготовительное пособіе къ ученому описанію рукописей, которое современемъ желаетъ издать собиратель. Всѣхъ манускриптовъ и старопечатныхъ книгъ въ каталогѣ показано 828, изъ нихъ многіе принадлежали покойному О. М. Бодянскому. Самая драгоцѣнная рукопись въ собраніи «Греко-латино славянскій лексиконъ» Епифанія Славинецкаго (№№ 67 и 68—2 тома на 1320 листахъ), знаменитаго «дидаскала» XVII вѣка, бывшаго справщика книгъ печатнаго двора.

Балетъ, его исторія и мѣсто въ ряду изящныхъ искусствъ. Балетомана. Спб. IV+280 стр. въ 8 д. л.

Вполнѣ оправдывая свой псевдонимъ, авторъ отнесся къ предмету своей книги не только какъ страстный любитель, но и знатокъ хореографіи. Мы тѣмъ охотнѣе даемъ мѣсто исторіи балета въ исторической библіографіи, что эта отрасль изящныхъ искусствъ имѣла въ Россіи вліяніе на развитіе и успѣхи театра вообще. Изъ девяти главъ своей исторіи, первыя четыре авторъ посвятилъ всестороннему изслѣдованію балета. Столь серьезныя воззрѣнія на предметъ, въ глазахъ многихъ строгихъ аристарховъ—ничтожный и малозначущій, изобличаетъ въ авторѣ, прежде всего близкое изученіе литературы хореографическаго искусства. Иностранная библіографія обилуетъ спеціальными сочиненіями о предметахъ несравненно ничтожнѣе хореографіи—но тамошніе рецензенты относятся и къ этого рода произведеніямъ съ должнымъ вниманіемъ. Бриллья Саваренъ писалъ о кухнѣ, но его Physiologie du goût признана сочиненіемъ образцовымъ и не одними гастрономами. Во второй половинѣ историческій интересъ книги Балетомана не оспоримъ. Въ трехъ послѣднихъ главахъ изложена исторія балета въ Россіи съ 1736 по 1881 годъ. Умѣвъ воспользоваться всѣми матеріалами, довынѣ напечатанными о русскомъ балетѣ (въ особенности Записками П. А. и А. М. Каратыгиныхъ), авторъ, не утомляя вниманія читателя, легкимъ разговорнымъ языкомъ повѣствуетъ о началѣ, постепенномъ развитіи и совершенствованіи балета, приводя массу анекдотовъ и біографическихъ свѣдѣній о балетмейстерахъ, танцовщикахъ и балеринахъ, какъ восхищавшихъ прадѣдовъ, такъ и восхищающихъ правнуковъ. Изданіе весьма изящно.

Н. Макаровъ. Мои семидесятилѣтнія воспоминанія и съ тѣмъ вмѣстѣ моя полная предсмертная исповѣдь. Часть первая. Спб. 1881. XII+195. стр. Часть вторая 150+59 стр. Часть третья 235 стр. въ 8 д. л.

Воспоминанія эти, писанныя и прозою и стихами, на русскомъ и на французскомъ языкахъ, при нѣкоторой излишней «разговорчивости» почтеннаго автора, имѣютъ мѣстами несомнѣнный интересъ; авторъ, родившійся въ 1810 году, проживалъ попеременно въ провинціи и въ столицахъ, служилъ въ военной службѣ—и, наконецъ, лично знавалъ многихъ замѣчательныхъ людей различныхъ сферъ общественной дѣятельности въ царствованія Александра I и Николая Павловича. Полнѣйшая беззавѣтная откровенность воспоминаній служитъ порукою за ихъ правдивость. Интересу чтенія иногда вредитъ избытокъ субъективности разсказовъ, доходящій до злоупотребленія мѣстоимѣнія *я*. Недостатокъ, впрочемъ, вполнѣ извинительный преклонному возрасту автора; повторяемъ книга интересна.

Издатель-редакторъ **М. И. Семевскій**.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ тринадцатый. ІЮНЬ. 1882 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. **Указатель личныхъ именъ** въ XXXIII и XXXIV томахъ «Русской Старины» изд. 1882 г. II. Портретъ **Дмитрія Прокофьевича Трощинскаго** († 1829 г.) Гравировалъ И. И. Матюшинъ, ученикъ Академика Л. А. Сѣрякова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, № 90—1.

1882.

VI-я книга „Русской Старины" вышла 1-го іюня 1882 г.

А. А. Навроцкій. Картины минувшаго. Стихотворенія и драматическіе отрывки. Спб. 1881. 328 стр. въ 8 д. л. Цѣна 2 руб.

Шестнадцать стихотвореній А. А. Навроцкаго посвящены народнымъ преданіямъ изъ далекой старины, а четыре отрывка изъ драматическихъ произведеній посвящены эпохамъ Боярщины, Стеньки Разина, Царевны Софіи, Петра Великаго. Стихотворенія—подобіе «думъ» К. Ѳ. Рылѣева и хотя написаны гладкимъ, изящнымъ стихомъ, но нѣсколько уступаютъ «думамъ» въ теплотѣ и страстности. Драматическіе отрывки свидѣтельствуютъ о дарованіи автора и знаніи имъ сценальныхъ условій—но Шуйскіе, Разинъ, Софья и «европейцы» Петровской эпохи говорятъ одинаковымъ языкомъ — чистымъ, русскимъ, правда!—но языкомъ нашего времени. Въ немъ нѣтъ приправы, колорита и оттѣнковъ русской рѣчи XVI, XVII вѣковъ и начала XVIII. Изъ стихотвореній г. Навроцкаго «Памяти Царя-Освободителя» написано особенно искренно тепло и прочувствовано. Изданіе весьма красиво и, по внѣшнему изяществу, недорого. **К.**

Архивъ князя Воронцова, книга XXIV. М. II. 2 р.

Настоящій томъ имѣетъ смѣшанный характеръ, такъ какъ въ него вошли матеріалы самаго разнообразнаго содержанія; но они имѣютъ большой интересъ по тѣмъ вопросамъ, которыхъ они касаются. Здѣсь можно найти и оффиціальныя записки, и частную переписку, и болѣе или менѣе любопытныя черты нравовъ. Изъ болѣе крупныхъ и заслуживающихъ вниманія матеріаловъ назовемъ записку объ управленіи Россіею, гр. А. И. Остермана; автобіограф. записку Бирона съ отвѣтомъ на нее; записку канцлера Б. Рюмина по дѣлу Лестока; письмо Волкова о русской торговлѣ при Елисаветѣ; двѣ записки объ Индіи; автобіографич. бумаги В. В. Пассека. Рядомъ съ ними находимъ свѣдѣнія о полякахъ при дворѣ импер. Елисаветы; о сношенія Россіи съ Франціей при Елисаветѣ, о чемъ, кстати замѣтимъ, недавно появилась отдѣльная монографія въ Парижѣ, по документамъ французскихъ архивовъ; о родителяхъ Екатерины II; о Дашковой; первомъ русскомъ санскритологѣ Лебедевѣ; о первыхъ сношеніяхъ съ Японіей; о Радищевѣ и Голиковѣ; объ отношеніяхъ Суворова къ Потемкину; письмо Костюшки къ импер. Павлу и друг.

Семейство Разумовскихъ. Т. III. Свѣтлѣйшій князь Андрей Кирилловичъ. Ч. I. 530.

Весь интересъ настоящаго тома сосредоточивается, главнымъ образомъ, на дипломатической исторіи второй половины царств. Екатерины II и царств. Павла I и Александра I. Отправляя важныя дипломатическія порученія, въ качествѣ представителя Россіи, въ Неаполѣ, Копенгагенѣ, Стокгольмѣ и Вѣнѣ, кн. А. К. Разумовскому пришлось быть участникомъ въ такихъ событіяхъ, имѣющихъ общеисторическій интересъ, какъ сближеніе Россіи съ Австріею и Пруссіей, по вопросу объ окончательномъ раздѣлѣ Польши, и образованіе коалиціи противъ Франціи еще при Екатеринѣ II, а затѣмъ походъ Суворова въ Италію и Швейцарію; политика Тугута; очеркъ внѣшней политики Россіи въ началѣ царств. Александра I.

Главное достоинство этого тома, какъ и предъидущихъ, заключается въ массѣ интересныхъ матеріаловъ, сообщенныхъ авторомъ изъ семейныхъ и правительственныхъ архивовъ, которые для исторіи дипломатіи въ этотъ періодъ представляютъ незамѣнимый источникъ. Въ настоящемъ томѣ авторъ воспользовался архивомъ Разумовскаго, бумагами архивовъ берлинскаго и парижской національной библіотеки; но особенную важность имѣютъ депеши и рескрипты до 1800 года, почерпнутые имъ изъ Московскаго архива минист. иностранныхъ дѣлъ и помѣщаемые, какъ и другіе матеріалы, въ весьма обширныхъ извлеченіяхъ.

Въ ряду другихъ эпизодовъ, описанныхъ авторомъ, заслуживаетъ вниманія разсказъ о политическихъ замыслахъ въ пользу вел. князя Павла Петровича, совпадающихъ съ его первымъ бракомъ, и отношеніяхъ стараго и молодаго дворовъ, вызванныхъ этими интригами. Для освѣщенія ихъ авторъ воспользовался парижскимъ архивомъ, такъ какъ гр. А. К. Разумовскій стоялъ въ это время въ особенно близкихъ отношеніяхъ къ членамъ французскаго посольства въ Петербургѣ, которые не были чужды самой интриги. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти матеріалы дополняютъ намъ характеристику первой супруги вел. кн. Павла Петровича (22—60 стр.). За эти планы молодой гр. А. К. Разумов-

ДМИТРІЙ ПРОКОФЬЕВИЧЪ ТРОЩИНСКІЙ,

ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ТАЙНЫЙ СОВѢТНИКЪ. СЕНАТОРЪ

р 1754 † 1829 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» изд. 1882 г.

ЗАПИСКИ Д. И. РОСТИСЛАВОВА,

ПРОФЕССОРА СПБ. ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

† 18-го февраля 1877 г.

Глава XV [1]).

О томъ, гдѣ, кто и какъ насъ учили и надзирали за нами въ Касимовскомъ приходскомъ духовномъ училищѣ.

Приступая къ описанію моего ученія въ этомъ училищѣ, нужнымъ нахожу предварительно немного поговорить объ училищномъ домѣ. Онъ расположенъ былъ на углу обширной площади и одной изъ улицъ, имѣлъ довольно обширный дворъ, обстроенный почти со всѣхъ сторонъ большимъ, главнымъ, такъ сказать, корпусомъ, двумя флигелями, конюшнею, каретнымъ сараемъ, банею, ледниками и пр. По носившимся тогда слухамъ, онъ прежде принадлежалъ покойному священнику Успенской церкви и будто бы нашимъ смотрителемъ, при помощи какого-то мошенничества, отнятъ былъ у жены покойника, жившей по сосѣдству съ училищемъ въ домикѣ, на дворъ котораго отъ насъ была калитка, показывавшая. что оба дома принадлежали нѣкогда одному хозяину. Слухъ этотъ подтверждался снисходительностію, которую выказывалъ нашъ смотритель къ сосѣдкѣ-попадьѣ. Онъ, какъ увидимъ послѣ, былъ человѣкъ гордый, самолюбивый, пользовался большимъ уваженіемъ и, по русской поговоркѣ, никому не поз-

---

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1880 г., томъ XVII, стр. 1—38; 545—572; 681—704; т. XXVIII, стр. 35—68; 179—218; 385—408; изд. 1882 г., т. XXXIII, стр. 67—86; 657—672.

волялъ ступать себѣ на ногу. А между тѣмъ старуха-попадья, встрѣтится ли съ нимъ, увидитъ ли его на крыльцѣ своего домика на училищномъ дворѣ, принималась громко называть его разбойникомъ, грабителемъ, мошенникомъ, напоминала объ отнятіи у нея дома; это мы слыхали иногда цѣлымъ училищемъ и достоуважаемый отецъ протоіерей смиренно переносилъ всѣ эти ругательства.

Большой домъ занятъ былъ квартирою смотрителя; каждый флигель состоялъ, если просто выразиться, изъ двухъ избъ, отдѣлявшихся другъ отъ друга большими сѣнями съ однимъ или двумя чуланами. Въ одномъ флигелѣ помѣщались высшее и низшее отдѣленія, а въ другомъ приходское училище и кухня. Аудиторіи наши не отличались изящною отдѣлкою. Въ каждой изъ нихъ близь самой двери стояла голландская кирпичная печь, даже никогда не бѣлившаяся; на стѣнѣ, противоположной съ дверью, висѣла плохенькая зачернѣвшая икона, подъ которою гвоздочками прибиты были списокъ учениковъ класса и перечень праздниковъ, въ которые не должно быть ученья. Ко всѣмъ стѣнамъ придѣланы были лавки, какія обыкновенно находятся въ деревенскихъ избахъ, такъ что сами учители сиживали не на стулѣ, а на лавкѣ. Передъ ними стоялъ, разумѣется, столикъ, а для учениковъ вдоль двухъ продольныхъ сторонъ избы находились столы, но не той формы, какая принята для учебныхъ заведеній, а столы изъ трехъ скрѣпленныхъ между собою толстыхъ досокъ и утвержденныхъ на четырехъ толстыхъ ножкахъ; все это было самой простой, грубой работы. Одна часть учениковъ сидѣла на лавкѣ вдоль стѣны, а другая на скамьѣ, стоявшей по другую сторону стола; послѣдніе спиною къ срединѣ класса и къ учителю. Случалось впрочемъ, что скамьи иногда не было; тогда нѣкоторымъ нужно было стоять. Случалось также, что для половины или значительной части учениковъ не доставало и столовъ, тогда они сидѣли на лавкахъ, а если нужно было что нибудь писать, то становились на колѣна на полъ и, обратившись лицомъ къ лавкѣ, клали на нее бумагу.

Нечистота въ нашихъ аудиторіяхъ доходила чуть ни до самаго крайняго предѣла. Я даже не припомню, чтобы полы въ нихъ хоть когда нибудь мыли. Между тѣмъ каждый изъ насъ на своихъ ногахъ приносилъ въ классъ или пыль, или снѣгъ,

или уже готовую грязь; все это, разумѣется, оставалось главнымъ образомъ на полу, утаптывалось нашими ногами, постепенно наслоивалось, и составляло, такъ сказать, особую покрышку сверхъ полу, на которой по мѣстамъ возвышались затвердѣвшіе бугорки изъ грязи. Если же время было сырое, то составлялась болѣе или менѣе густая грязь, полъ дѣлался скользкимъ, такъ что, разыгравшись, мы падали прямо въ классическую грязь, которую съ полу ни смыть, ни даже соскрести не было возможности. По лавкамъ и столамъ мы ходили тѣми же самыми ногами, которыя и на улицахъ и въ классѣ были загрязнены. Отъ этого, садясь на лавку или опираясь руками на столъ, бывало рискуешь замарать свое платье. Стѣны и потолокъ не были конечно столько же грязны, какъ полъ, но и не могли назваться чистыми. На нихъ ложилось множество пыли; но у насъ прибавлялся къ ней новый элементъ. Когда классы были холодны и мы нагрѣвали ихъ своимъ дыханіемъ, то водяные пары на потолкѣ и стѣнахъ осаживались мало по малу и составляли капли. Часть этихъ капель съ потолка падала на насъ, а другая оставалась тамъ, и, смѣшавшись съ пылью, составляла особаго рода мастику, которая, просохнувъ, покрывала потолокъ. На стѣнахъ происходило тоже самое, съ тѣмъ только различіемъ, что капли не падали на насъ, а соединившись между собою текли внизъ, отчего стѣны разрисовывались затѣйливыми іероглифами.

Описаніе мое прилагается ко всѣмъ классамъ, но приходское училище имѣло еще нѣкоторыя особыя качества. Здѣсь дверь плохо притворялась и была съ порядочными щелями; наружный холодный воздухъ, втекая чрезъ нихъ и смѣшавшись съ менѣе холоднымъ комнатнымъ, производилъ близь двери нѣчто въ родѣ тумана. Полъ былъ еще чернѣе, нежели въ прочихъ классахъ отъ кухни, имѣвшей общія сѣни съ классомъ. Кромѣ того, нѣкоторыя половыя доски въ классѣ по мѣстамъ сгнили и проломились, такъ что чрезъ составившіяся отверстія мы могли спускаться въ подполье. Классы не имѣли каменнаго фундамента и нижнія бревна ихъ лежали на столбахъ въ порядочномъ разстояніи отъ земли. На зиму они обваливались, такъ называемыми завальнями, но лѣтомъ завальни отбрасывались и такимъ образомъ оставалось свободное пространство, чрезъ которое открывалась дорога въ подполье. Отъ этого въ приходскомъ училищѣ можно было, спустив-

шись сквозь отверстіе въ полу въ подполье, выдти на площадь и послѣ прогулки возвратиться тою же дорогою въ классъ.

Въ этой-то аудиторіи помѣщались и первый и второй классъ приходскаго училища, хотя каждый изъ нихъ долженъ былъ существовать отдѣльно отъ другаго и имѣть особаго учителя. Но въ нашемъ училищѣ было не одно это отступленіе относительно учителей. По уставу ихъ должно бы быть шесть: два въ высшемъ, два въ низшемъ отдѣленіяхъ уѣзднаго училища и два въ приходскихъ классахъ; между тѣмъ какъ всего было только три учителя и четвертый смотритель, который впрочемъ считался преподавателемъ одной географіи. Такая экономія въ учителяхъ не вліяла на экономію въ деньгахъ; жалованье, слѣдовавшее шести учителямъ, раздѣлялось между тремя и смотрителемъ.

Описавши классическія комнаты, теперь приступлю къ описанію людей, которые въ нихъ временно помѣщались; начну съ должностныхъ лицъ, которые раздѣлялись на два разряда: низшій и высшій. Къ первому принадлежали авдиторы, цензора или старшіе и дневальные изъ учениковъ, а ко второму смотритель и учителя.

Въ то время, какъ я поступилъ въ приходское училище, на оба его класса было только два авдитора: Соловьевъ и Веселкинъ. Обязанность ихъ состояла въ томъ, чтобы узнать каково приготовлены мальчиками уроки; это выражалось техническимъ словомъ слушать или прослушать, слушаться или прослушаться. Хорошая или дурная подготовка урока отмѣчалась въ нотатѣ. Это была тетрадка въ листъ или два: на первой ея страницѣ красовались крупными буквами слова: нотата учениковъ такого-то отдѣленія или класса за такой-то мѣсяцъ или треть; авдиторъ такой-то и такой-то. На слѣдующихъ страницахъ писались имена и фамиліи учениковъ; и противъ каждаго изъ нихъ на двухъ страницахъ квадратики, въ которыхъ авдиторъ отмѣчалъ степень знанія или незнанія уроковъ учениковъ. Въ приходскомъ училищѣ мы латинскаго языка вовсе не знали, и только къ концу втораго года насъ учили читать по латыни и еще начаткамъ грамматики, а между тѣмъ, по заведенному издавна обыкновенію, отмѣтки дѣлались начальными буквами латинскихъ словъ, которыя мы произносили по своему. Знаки эти и слова были слѣдующія: sc — sciens (знающій), ns — ne-

sciens (ничего не знающій), nt — non totum (знающій часть урока), nr — non recitabat (отказался или не успѣлъ прослушаться), er — errans (не твердо знающій); кромѣ того, были еще отмѣтки: ag—aegrotus (боленъ), ab—absens (не пришолъ въ классъ по лѣности, или по неизвѣстной какой-либо причинѣ). Но мы эти слова произносили: ссіенсъ, нессіенсъ, нонтотъ, нонресценсъ, ѣрансъ, ѣгеръ; только одинъ absens былъ выговариваемъ правильно.

Авдиторы, будучи такими-же мальчиками, какъ и прочіе ученики-дѣти, не имѣли никакого педагогическаго такта. Для нихъ знать урокъ тоже значило, что прочитать его слово въ слово, безъ всякихъ опущеній и прибавленій; прочитавшій такимъ образомъ былъ ссіенсъ. Но если мальчикъ что-либо пропуститъ, прибавитъ, замѣнитъ одно слово другимъ совершенно съ нимъ сходнымъ, напр. вмѣсто итакъ, скажетъ слѣдовательно, или есть вмѣсто находится; если въ перечнѣ словъ, помѣщенныхъ въ какомъ-либо правилѣ или исключеніи изъ него, перестановитъ ихъ, напр. вмѣсто шея, верея, прочитаетъ: верея, шея, то уже онъ ѣрансъ. Авдитору можно было даже знающаго записать незнающимъ, потому что учителя большею частію считали необходимымъ имѣть къ нимъ довѣріе и поддерживать ихъ авторитетъ. Если бы ученикъ, который записанъ нонтотъ, ѣрансъ, нессіенсъ, и прочиталъ хорошо учителю урокъ, то авдиторъ въ свое оправданіе говаривалъ: да онъ послѣ уже выучилъ, а когда я слушалъ его, онъ не зналъ; и оправданіе это принималось безъ аппеляціи, но отмѣтка въ нотатѣ оставалась неизмѣненною и если подобные случаи повторятся на недѣлѣ раза три, то ученикъ будетъ все-таки лѣнивымъ и его не только поставятъ на колѣни, но даже и высѣкутъ. Съ другой стороны, если учитель, прослушивая самъ учениковъ, найдетъ, что какой-либо ссіенсъ не знаетъ урока, тогда и авдитору достанется; можетъ быть иногда ученика и простятъ или легко накажутъ, но большею частію велятъ высѣчь; а авдитора почти всегда сѣкали на славу, только не тѣ ученики, которые у него слушались, а другіе; да и учитель, опасаясь, чтобы не было пристрастія, строго самъ слѣдилъ за сѣченьемъ и при малѣйшемъ послабленіи покрикивалъ на сѣкущаго; иные же учителя сами бирали въ руки лозу и стегали ею чиновнаго ученика. Авдиторы, понимая и свои права и опасности,

имъ грозящія, были не только чрезвычайно придирчивы, но и требовали отъ своихъ подчиненныхъ вознагражденія за свои труды. Принесешь-ли въ классъ ломоть хлѣба, пышку или купишь калачь, грѣчушникъ и пр., надобно непремѣнно подѣлиться съ авдиторомъ; онъ и самъ подойдетъ и попроситъ, но лучше уже подойти къ нему и угостить его безъ просьбы. Иначе услышишь:

— Эй смотри, братъ; ты знать меня не хочешь; припомню тебѣ.

Если же кто ничего изъ снѣденнаго не носитъ въ классъ, то ему напомнятъ о его невнимательности къ начальству:

— Ты, братъ, давно уже мнѣ ничего не давалъ, вотъ я поддѣну тебя; узнаешь меня.

А то, не говоря ни слова, начнетъ писать ѳрансъ, нонтотъ, хотя бы мальчикъ и зналъ урокъ, и въ этомъ случаѣ, какъ я уже сказалъ, послѣдствія бывали непріятныя. Чтобы отомстить за невниманіе къ себѣ, авдиторы употребляли и экстренныя средства. Обыкновенно положено было слушать только прежде, нежели звонокъ пробьетъ. Теперь авдиторъ подходящему мальчику говоритъ:

— Погоди, я сейчасъ тебя прослушаю.

А между тѣмъ время уходитъ и вотъ зазвенѣлъ колокольчикъ, — тогда и пишется нонресценсъ. Въ другихъ случаяхъ, когда мальчикъ задумался, заигрался, или занялся зубреніемъ урока, авдиторъ подбѣгаетъ къ нему сзади, беретъ его за плечи и говоритъ:

— Ну, читай скорѣе, читай, вотъ скоро звонокъ.

Мальчикъ отъ неожиданности не вдругъ припомнитъ первыя слова урока, остановится на минуту, а авдиторъ, обратившись къ окружающимъ, скажетъ:

— Вотъ, братцы, смотрите, ничего не знаетъ,—и пишетъ нессіенсъ.

По всѣмъ этимъ причинамъ мы, бывало, прихаживали какъ можно ранѣе въ классъ, за часъ, даже за полтора часа до срока, чтобы успѣть прослушаться, а потомъ до самаго нельзя боялись и старались всѣми средствами умилостивить авдитора; а онъ, понимая свою важность, могъ тиранствовать надъ нами.

Другая начальственная должность въ каждомъ изъ классовъ духовныхъ училищъ была должность цензора или старшаго. Для

нея избирался самый лучшій, первый ученикъ, но иногда не лучшій, но за то здоровый и сильный молодецъ. Это былъ нѣчто въ родѣ гувернера, или помощника инспектора. До звонка ученики большею частію мало сидѣли на своихъ мѣстахъ, а ходили по свободнымъ мѣстамъ класса, бѣгали по партамъ; слушались у авдитора, играли, шумѣли и пр. Впрочемъ и тутъ придирчививый и осторожный старшій имѣлъ право усмирять слишкомъ уже разрѣзвившихся своихъ сотоварищей. Но вмѣстѣ съ звонкомъ, возвѣщавшимъ казенное начало класса, власть цензора являлась во всей уже силѣ. Заслышавъ его, онъ важно и громко кричитъ:

— Эй вы, по мѣстамъ! Что же не садитесь? Въ записку запишу.

Запискою назывался небольшой клочекъ бумаги, въ которую вписывались имена и фамиліи тѣхъ учениковъ, которые оказались виновными въ какомъ-либо проступкѣ, напр.: шумѣли, подрались, убѣгали изъ класса, оказали неповиновеніе старшему, и пр. Начинались обыкновенно они крупными словами: ученики такого-то класса, потомъ писались имена и фамиліи учениковъ, а внизу описывался ихъ проступокъ; напр. относительно шумѣвшихъ писали такъ: сіи ученики шумѣли, или очень громко шумѣли. Если же кто-либо отличался особенною шаловливостію или повторилъ свой проступокъ, то подъ его фамиліей проводилась черта, или двѣ и три,—это называлось подчеркнуть. Ученики, заслышавъ грозное: запишу въ записку, старались поскорѣе занять свои мѣста. Старшій въ это время большею частію стоялъ на своемъ мѣстѣ или похаживалъ по классу, посматривалъ на всѣхъ, на того прикрикнетъ, другому пригрозитъ, а случалось и потреплетъ за волосы или сдѣлаетъ какую-либо другую ручную расправу. Когда уже все утихнетъ, старшій все таки посматриваетъ на своихъ подчиненныхъ; при строгой дисциплинѣ считалось преступленіемъ не только шептать съ сосѣдомъ, но даже минами и жестами переговаривать съ кѣмъ-либо, даже повертываться на своемъ мѣстѣ.

— Эй ты, что ты тамъ вертишься, или шепчешь; вотъ я тебя сейчасъ въ записку.

Послѣ звонка никто изъ учениковъ не смѣлъ выходить изъ класса безъ дозволенія цензора, который слѣдилъ, чтобы отпросившійся

отпросился въ свое время. Даже и при учителѣ надзоръ старшаго не прерывался; замѣтивъ какую-либо неисправность или неприличіе, онъ сейчасъ о томъ докладывалъ учителю. Нами командовалъ сначала Соловьевъ, а потомъ Добромысловъ; они случайно соединяли оба качества, необходимыя для старшихъ, т. е. превосходили насъ по успѣхамъ, по росту и силѣ.

Авдиторы и цензоры избирались на неопредѣленное время и увольнялись отъ своихъ должностей по какимъ-либо причинамъ, которыя показывали ихъ неспособность. Кромѣ этихъ двухъ аристократическихъ должностей, была третья—плебейская, которую исправляли по очереди всѣ ученики, кромѣ высшихъ должностныхъ лицъ; это должность дневальнаго. Онъ обязанъ былъ запирать классъ и держать ключь у себя въ то время, когда ученики не сидѣли въ классахъ. Поэтому утромъ и послѣ обѣда онъ долженъ былъ приходить въ училище ранѣе всѣхъ, чтобы ученикамъ не приходилось стоять въ сѣняхъ или на дворѣ. Отступленіе отъ этого закона, особенно очень значительное, влекло за собою не только неудовольствіе отъ товарищей, но и наказаніе отъ учителя. Затѣмъ съ вечера, или по утру, но во всякомъ случаѣ ранѣе прихода учителя дневальный обязанъ былъ заготовить достаточное количество розогъ. Въ благоустроенныхъ, такъ сказать, училищахъ, но очень немногихъ, розги запасались служителями преимущественно на кухнѣ, соблюдались у нихъ и забирались въ классъ, смотря по надобности, и потомъ опять относились къ служителямъ, которыхъ усмотрѣнію предоставлялось обсудить, можно ли было ихъ еще назначить для новаго употребленія. У насъ все лежало на дневальномъ и если онъ не приготовлялъ розогъ, понадѣявшись на то, что учитель никого не высѣчетъ, или розги окажутся въ недостаточномъ количествѣ или съ качествами, несоотвѣтственными ихъ спеціальному назначенію, тогда дневальный былъ почти всегда наказываемъ и очень больно.

Розги же у насъ большею частію состояли изъ гибкихъ, не очень тонкихъ, но и не толстыхъ ветловыхъ или березовыхъ прутьевъ; отдѣльно по одному ихъ не употребляли для сѣченья, развѣ только иногда ветловый, но уже довольно толстый прутъ, и то для маленькихъ мальчиковъ, шолъ за лозу; обыкновенно же связывали пучокъ изъ нѣсколькихъ, никакъ не менѣе 3-хъ. Догадливые учители приказывали связывать пучки только вверху—на концѣ, гдѣ

ихъ брали въ руку. Это дѣлалось съ особою цѣлью. Когда нужно было сѣчь, то лозу расправляли, т. е. на нижнемъ концѣ ея, который долженъ былъ падать на тѣло, раздвигали прутья такъ, чтобы каждый по возможности отдѣлялся отъ другаго, чтобы всякій, такъ сказать, самостоятельно дѣйствовалъ, не ослабляя удара своего сосѣда. Связывать надобно было крѣпко, чтобы при самомъ сильномъ размахѣ ни одинъ прутъ не отдѣлялся отъ пучка, иначе съ дневальнымъ могла случиться непріятность за небрежность.

Послѣ звонка, возвѣщавшаго начало класса, дневальный отправлялся къ учителю съ докладомъ о томъ, приносилъ иногда оттуда какія-либо книги, нужныя для учителя во время класса, или ученическія тетради, бывшія на разсмотрѣніи у учителя. Иногда въ экстренномъ какомъ-либо случаѣ получалъ приказъ приготовить какъ можно лучше и побольше розогъ,—ну тогда, бывало, у всѣхъ мурашки бѣгаютъ по тѣлу. Далѣе онъ обязывался, когда это было удобно, но, разумѣется до прихода учителя, выместь классъ. Ни щетокъ, ни метелъ, ни вѣниковъ казенныхъ у насъ не полагалось. Поэтому наши дневальные иногда брали какой-либо вѣникъ у своей хозяйки, и имъ подметали классъ, т. е. соръ съ незанятыхъ учебными столами мѣстъ сметали подъ нихъ, отчего у насъ подъ лавками иногда накоплялась не только пыль, а груды песку, обломковъ розогъ и пр. За недостаткомъ вѣника отправлялъ его обязанность кушакъ или полы платья ученика; нѣкоторые даже снимали съ себя тулупъ, халатъ или сибирку и ими выметали классъ. Впрочемъ у насъ на зиму не рѣдко запасались нами же самими голики или метлы, изъ длинныхъ березовыхъ прутьевъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ служили матеріаломъ и для розогъ. Наконецъ дневальные же обязывались въ зимнее время не только истопить печь въ классѣ, но и нарубить дровъ для этого. Начальство и здѣсь не давало ни топора, ни кочерги; мы ихъ приносили съ квартиръ. Занятый столь многими обязанностями, дневальный долженъ былъ получать за то хоть какое-либо вознагражденіе. Оно почти вездѣ состояло въ томъ, что онъ уже не прочитывалъ урока предъ авдиторомъ, отличался въ нотатѣ только дневальнымъ, во многихъ мѣстахъ стоялъ или сидѣлъ поближе къ двери или къ тому мѣсту, гдѣ хранились розги и производились экзекуціи, чтобы тотчасъ по востребованію быть на готовѣ. Тамъ, гдѣ дневальный

исправлялъ должность экзекутора, ученики, ожидавшіе, что ихъ въ тотъ день высѣкутъ, старались задобривать его и упрашивали, чтобы онъ былъ поснисходительнѣе къ нимъ.

Выше классическихъ старшихъ и авдиторовъ была, кромѣ учителей, еще очень важная начальственная особа для всего училища, именно старшій высшаго отдѣленія. Онъ былъ старшимъ не только своего класса, но и всего училища,—нѣчто въ родѣ помощника инспектора. Онъ имѣлъ право входить въ каждый классъ въ отсутствіе учителя и принимать мѣры къ прекращенію безпорядковъ, т. е. оттаскать за волосы, надавать пощечинъ, подзатыльниковъ и пр. или донести смотрителю и инспектору; смотрѣлъ, чтобы всѣ мы ходили въ церковь въ воскресенье и праздничные дни къ заутренѣ и обѣднѣ, и вели тамъ себя благоговѣйно; былъ нашимъ предводителемъ и командиромъ, когда мы отправлялись за травами, о чемъ будетъ сказано въ другой главѣ, и пр. и пр.; повторю опять—чѣмъ-то въ родѣ помощника инспектора, хотя въ случаѣ неисправности, сѣкли его также, какъ и прочихъ, едва ли даже не больнѣе.

Высшее наше начальство,—учителя въ приходскомъ нашемъ училищѣ,—сосредоточивалось въ одномъ лицѣ, соборномъ священникѣ Михаилѣ Яковлевичѣ Миртовѣ. Ростомъ онъ былъ чрезвычайно малъ, развѣ вершкомъ болѣе двухъ аршинъ; не зная слова: карликъ, мы его звали капсюкомъ. Это былъ почти типъ учителей духовныхъ училищъ того времени. О разъясненіи уроковъ онъ почти вовсе не заботился. Лекціи его по русской грамматикѣ и катехизису ограничивались только словами: выучить отъ такого-то до такого-то слова, или выучить еще два стиха, два-три примѣра, остальную полстраницу и т. п. Я рѣшительно не помню, чтобы онъ когда-либо хоть что-нибудь по этимъ предметамъ изъяснялъ. Если дѣло касалось ариѳметики, то онъ обыкновенно спрашивалъ: — Не знаетъ ли кто впередъ? И если кто-либо отвѣчалъ: я знаю, то Михаилъ Яковлевичъ заставлялъ его на доскѣ дѣлать одинъ или два примѣра, помѣщенные въ ариѳметикѣ Куминскаго. Но такъ какъ импровизированный математикъ подвергался опасности быть высѣченнымъ, если плохо дѣлалъ задачку, то и охотниковъ временно принимать на себя эту должность было немного. И потому Михаилъ Яковлевичъ большую часть ариѳметическихъ лекцій ограни-

чивалъ словами: выучите правило, напр. умноженія, и о томъ какъ дѣлать умноженіе, спросите низшеклассныхъ или высшеклассныхъ. Когда онъ приказывалъ намъ дѣлать грамматическіе разборы, то и тутъ разсматривалъ онъ только одну или двѣ тетрадки,—разумѣется старшаго или авдиторовъ и потомъ уже имъ поручалъ находить ошибки въ прочихъ разборахъ. Но относительно обученія нотному пѣнію и письму Михаилъ Яковлевичъ отступалъ отъ описанныхъ педагогическихъ пріемовъ, можетъ быть, потому что онъ хорошо зналъ церковное пѣніе и писалъ очень хорошимъ почеркомъ. Каждый урокъ изъ нотнаго пѣнія онъ въ классѣ напередъ пропѣвалъ одинъ или вмѣстѣ съ нами. Тетрадки же наши съ чистописаніемъ разсматривалъ самъ всѣ безъ исключенія, давалъ рекомендацію, исправлялъ иныя буквы, назначалъ, сколько страницъ нужно было написать къ слѣдующему классу, означая это написанными словами: къ N числу, потомъ починивалъ иногда перья тѣмъ, которые говорили, что они не могутъ ихъ починивать, и вмѣсто прописей, которыхъ у насъ не было, давалъ каждому изъ насъ списокъ, т. е. имъ самимъ исписанную страницу, которая должна была служить образчикомъ. Наконецъ иногда заставлялъ мальчика писать при себѣ и даже водилъ его рукою; только это было для насъ скорѣе вредно, нежели полезно; мы такъ боялись Михаила Яковлевича, что когда онъ заставлялъ насъ при себѣ писать, то у насъ дрожали руки и мы не только дурно писали, но и препятствовали ему хорошо водить нашу руку; часто этотъ педагогическій опытъ оканчивался таскою, оплеухою, или розгою за непонятливость.

Исправительныя мѣры въ Касимовскомъ училищѣ были тѣ же самыя, какія въ то время употреблялись въ низшей и высшей степени во всѣхъ почти училищахъ, съ нѣкоторыми развѣ отступленіями. Самою слабою исправительною мѣрою, даже не наказаніемъ, считалось, если учитель подеретъ за волосы или за ухо, употребляя для этого только большой и указательный палецъ своей руки. Михаилъ Яковлевичъ особенно любилъ драть, или щипать насъ за волосы. Довольно щедръ онъ былъ на оплеухи, подзатыльники и вообще удары въ голову: они намъ казались почувствительнѣе пощечинъ, которыя нарумянивали наши лица лучше всякихъ косметическихъ средствъ. Бывали по временамъ таски или трепки, когда г. педагогъ,

взявши всѣми пальцами одной или обѣихъ рукъ за волосы, сообщалъ головѣ нашей разностороннее движеніе, которое иногда передавалось всему тѣлу, такъ что наказываемый не устаивалъ на ногахъ и все его тѣло, касаясь пола только пальцами ногъ, переносилось изъ одной стороны въ другую; въ этомъ случаѣ, при особенномъ усердіи наказывающаго, иногда бывало закружится голова и потеряется сознаніе. Но странно, что и на такія даже таски, когда не досчитывалось на головѣ много волосъ, мы смотрѣли не очень серьезно, и ставили ихъ ниже многихъ другихъ наказаній, вѣроятно потому, что они скоро оканчивались и не требовали никакихъ подготовленій.

Къ настоящимъ наказаніямъ принадлежало, по нашему мнѣнію, стояніе столбомъ или на колѣнахъ какъ на своемъ мѣстѣ, такъ и на срединѣ (такъ называли мы мѣсто, не занятое учебными столами), или у печки, у дыры. Эта мѣра была у насъ въ самомъ обширномъ употребленіи; рѣдкій классъ не стояло столбомъ или на колѣнахъ нѣсколько учениковъ; дѣло доходило иногда до пятой части и болѣе; хоть и очень рѣдко, а ставимы были и всѣ. Стоя на мѣстѣ, можно было опереться на столъ, наклониться и положить руки на скамью. Но на срединѣ другое уже дѣло. Тамъ надобно было стоять и на ногахъ, и на колѣнахъ прямо, чуть не въ вытяжку; а если кто, стоя на колѣнахъ, присаживался на свои пятки, и это узнавалъ учитель, то немедленно доставалось той части тѣла, которая, забывъ училищную дисциплину, опускалась и касалась пятокъ. На срединѣ, обыкновенно ближе къ двери, иногда набиралось такъ много народу, что вошедшему не легко было пробраться сквозь стоящихъ, и, какъ мы говорили, сидящихъ на колѣнахъ. Кромѣ виновныхъ, которые туда посланы были самимъ учителемъ, тутъ стояли всѣ, явившіеся въ первый разъ послѣ болѣзни, послѣ какой либо отлучки вонъ изъ училища, напр. даже въ церковь во время именинъ своихъ и пр.; всѣ должны были стоять и ждать, пока учитель или самъ собою или по докладу старшаго не догадается спросить: что ты стоишь? и, получивъ удовлетворительный отвѣтъ, не позволитъ сѣсть на мѣсто. Отъ этого иногда приходилось быть высѣченнымъ, какъ мы выражались, по-напрасну. Къ стоящимъ на срединѣ Михаилъ Яковлевичъ былъ строже, нежели къ сидящимъ на своихъ мѣстахъ; послѣднихъ ставилъ столбомъ или

на колѣни за такой проступокъ, за который первыхъ непремѣнно сѣкъ. И вотъ частенько только что за выздоровѣвшимъ или возвратившимся изъ дома или пришедшимъ именинникомъ замѣчалась какая либо неисправность и проступокъ. Учитель, полагая, что виновный уже за что-то въ наказаніе стоитъ на срединѣ, тотчасъ приказываетъ его высѣчь; разумѣется это живо исполняется. По робости и застѣнчивости многіе боялись, по поговоркѣ, и ротъ разинуть, ложились и терпѣли; но за то другіе посмѣлѣе, особенно старшій и авдиторы, докладывали учителю:

— Вѣдь онъ стоитъ тамъ по такой-то причинѣ;—и дѣйствительно большею частію наказаніе розгами замѣнялось чѣмъ-либо другимъ. Замѣчательно, что выздоровѣвшаго больнаго сейчасъ же выручали изъ бѣды; но объ именинникѣ и пріѣхавшемъ изъ дома мало заботились. Всѣмъ очень нравилось, если именинника высѣкутъ. Это считалось предзнаменованіемъ, что его цѣлый годъ часто, пречасто станутъ сѣчь.

— Вотъ-те именинникъ! съ именинами поздравляемъ,—говорятъ бывало наказанному по выходѣ учителя. О причинѣ, почему всѣмъ нравилось, когда сѣкли только что пріѣхавшаго изъ дома, будущіе мои читатели едва ли догадаются. Вслѣдствіе какого-то дикаго настроенія ученикамъ особенно пріятно было, когда подвергался розгамъ давно не сѣченный, у котораго никакихъ нѣтъ рубцовъ и другихъ багровыхъ или синихъ знаковъ на извѣстной части тѣла; всѣ, кому можно было видѣть, съ какимъ-то отвратительнымъ злорадствомъ смотрѣли, какъ на обнаженное, совершенно чистое, бѣлое или слегка зарумяненное тѣло падала лоза и рисовала на немъ красные и синіе рубцы, а экзекуторъ, бывало, съ удовольствіемъ говаривалъ:

— Ухъ какъ любо было сѣчь его; ни пятнышка не было, ну ужъ я за то разрисовалъ ему!

Потомъ еще нравилось, когда наказываемый одѣтъ былъ въ чистое бѣлье, которое ручалось почти всегда за то, что тѣло вымыто хорошо. При такомъ дикомъ и отвратительномъ настроеніи, что же удивительнаго, если нравилось, чтобы высѣкли только что возвратившагося изъ дома? Вѣдь его, разумѣется, при отправленіи въ дорогу, мать вымыла отлично въ банѣ, надѣла на него лучшую рубаху и подштанники;—вѣдь вѣрно его дома и не сѣкли. Ну какъ же не порадоваться, что такого нѣжоночку тотчасъ срав-

няютъ съ прочими, у которыхъ и бѣлье зачернилось, и извѣстную часть тѣла поразрисовали? По тѣмъ же самымъ побужденіямъ весьма нравилось, когда приходилось сѣчь того, кто былъ въ банѣ въ тотъ же самый день. Непріятно даже вспоминать, что когда бывало доложатъ учителю о томъ, что высѣченный есть именинникъ, или только что возвратился изъ отцовскаго дома, то всѣ обыкновенно принимались смѣяться; самъ учитель улыбался и потомъ прибавлялъ:

— Ну, ничего, пройдетъ, зачту когда-нибудь тебѣ это послѣ.

Кромѣ того, по забывчивости или намѣренно, учитель продерживалъ иныхъ на колѣнахъ на срединѣ не только цѣлый классъ, или день, а недѣлю, даже мѣсяцъ. И такъ какъ становились на колѣни не со времени прихода учителя, а съ самаго начала класса, тотчасъ послѣ звонка,—за чѣмъ строго слѣдилъ старшій, то почти всякій ужасно утомлялся къ концу класса; а отъ нѣсколько дневнаго, недѣльнаго, особено мѣсячнаго стоянья на колѣнахъ протиралось бѣлье и появлялись синяки, тѣмъ болѣе, что иногда требовалось изъ подъ колѣнъ даже полы платья вынуть. Тутъ уже, по моему мнѣнію, лучше бы высѣчь, нежели держать на колѣнахъ; впрочемъ иногда и сѣкли, но все-таки оставляли на колѣнахъ, но у другихъ учителей было уже принято, чтобы высѣченный, если онъ до того стоялъ столбомъ, или на колѣнахъ, уже садился на свое мѣсто. Не было ли тутъ адскаго разсчета, чтобы наказанный сидѣлъ на той части, на которой, можетъ быть, отъ послѣдствій сѣченья трудно сидѣть прямо? Пожалуй возможно.

Было у насъ еще наказаніе, которое можно назвать спеціальнымъ, потому что ему подвергали почти только за проступки по части письменности. Оно называлось па̀лями (именительный падежъ единственнаго числа — па̀ля). Для этого брали не широкую досчечку въ $^1/_2$ или $^3/_4$ аршина длины; на одномъ концѣ выдѣлывали кругъ въ вершокъ въ діаметрѣ, такъ чтобы одна поверхность имѣла небольшую выпуклость; остальная часть досчечки обдѣлывалась въ видѣ рукоятки. Когда нужно было дать палю ученику, то онъ вытягивалъ свою которую либо руку ладонью вверхъ, а учитель, держась за конецъ черенка, съ большею или меньшею силою, ударялъ выпуклостію кружка въ средину ладони; самый ударъ назывался тоже палею. Но у насъ вмѣсто пали

употреблялась толстая, широкая и довольно длинная линейка; Михаилъ Яковлевичъ бралъ одинъ конецъ ея въ свою руку, а другимъ съ полнаго размаха ударялъ по пальцамъ и ладони руки. Педагогъ наказывалъ палями преимущественно въ томъ случаѣ, когда былъ дурно написанъ заданный урокъ по части чистописанія; онъ, вѣроятно, полагалъ, что такъ какъ для письма употребляется правая рука, то ее и надобно наказывать за неисправности по этой части; впрочемъ, позволялось намъ подставлять и лѣвую руку подъ линейку, когда давалъ не одинъ ударъ. Да и дѣйствительно болѣе двухъ ударовъ къ ряду вынести почти было невозможно, но ихъ иногда отпускалось по три и по четыре; отъ большаго количества паль на ладонѣ и пальцахъ появлялась такая опухоль, что уже вовсе нельзя было ничего писать. Если мальчикъ, по чувству инстинктивнаго самосохраненія, особенно при второмъ и такъ далѣе ударѣ, отстранялъ свою руку и такимъ образомъ размахъ пропадалъ даромъ, то приказывалось вновь подставить руку, и если и послѣ того она отодвигалась, то уже приходилось отплачивать за то другой части тѣла подъ розгою. Употреблялись нами и другія средства для ослабленія силы удара. Между нами было убѣжденіе и, кажется, основательное, что сильно разгоряченная ладонь бываетъ не такъ чувствительна къ ударамъ; поэтому мы, ожидая палю, старались натирать ладонь свою объ одежду, особенно суконную. Иногда поддерживали правую руку лѣвою (что не запрещалось); мы предъ самымъ ударомъ старались на начало кисти надвигать кончикъ рукава: чрезъ это ударъ ослаблялся. Но увы! за тотъ и другой маневръ, если они были подмѣчены, наказаніе увеличивалось или замѣнялось другимъ болѣе чувствительнымъ.

Но самымъ грознымъ для насъ наказаніемъ были, разумѣется, розги, на которыя Михаилъ Яковлевичъ былъ весьма щедръ. Печальная процедура начиналась обыкновенно словомъ: лозу, которое произносилось г. педагогомъ. Разумѣется у тѣхъ, которые тотчасъ же послѣ этого должны были подвергнуться наказанію, или, по своимъ разсчетамъ, ожидали его въ теченіи того-жъ класса, голова печально опускалась внизъ и появлялись иногда заранѣе слезы; прочіе же ученики не только были спокойны, но даже какъ будто довольны предстоящею сценою. Едва только произносилось слово: лозу, какъ тишина въ классѣ нарушалась,

показывалось какое-то воодушевленіе; сидящіе на скамьѣ къ срединѣ класса поворачивались назадъ, сидящіе на лавкѣ приподнимались съ мѣстъ, чтобы видѣть наказаніе во всѣхъ подробностяхъ. Но послѣднимъ рѣдко удавалось это; и потому они завидовали первымъ, которые любили даже похваливаться своею привиллегіею...

— Намъ все прекрасно видно, говаривали они, не то что вамъ.

Если виновный сидѣлъ еще на мѣстѣ, то ему давали самый свободный выходъ. Если онъ медлилъ отправляться на лобное мѣсто, то ему говорили:

— Ступай, ступай, что-жъ ты нейдешь?—а то и подталкивали его.

Для экзекуціи требовалось не менѣе трехъ человѣкъ, одинъ сѣкъ, а двое держали, но число это увеличивалось, когда сѣкли, какъ мы выражались, въ двѣ лозы, и наказываемаго не надѣялись удержать двое; тутъ иногда требовалось 6—7 человѣкъ; двое сѣкли, двое держали за ноги, двое за руки, одинъ опускался надъ головою. Должность экзекутора собственно лежала, какъ я уже сказалъ, на дневальномъ; но слабосильные не только отъ нея увольнялись, а даже и не были къ ней допускаемы. Но затѣмъ много было аматеровъ сѣченья, которые бирали лозу въ руки не въ свое только дневальство, даже вступая въ споръ другъ съ другомъ и съ дневальнымъ. Кромѣ того, было нѣсколько уже, такъ сказать, экспертовъ-экзекуторовъ, которые вызывались самимъ Михаиломъ Яковлевичемъ, когда ему хотѣлось высѣчь кого-нибудь особенно больно. У насъ въ приходскомъ училищѣ къ такимъ молодцамъ принадлежали Евсей Петровъ, братъ мой Ваня и особенно Иванъ Смирновъ, котораго мы звали палачомъ и чрезвычайно боялись. Обязанность держать наказываемаго ни на кого не возлагалась исключительно, но исполнять ее было слишкомъ много охотниковъ или лучше соперниковъ; вмѣсто двухъ являлся къ услугамъ хоть цѣлый десятокъ. Если держали только двое, то человѣка два-три стояли тутъ же на готовѣ, чтобы помочь тѣмъ въ случаѣ надобности; даже присаживались на полъ у головы и ногъ; и если наказываемый начиналъ вырываться изъ рукъ держателей, тотчасъ оказывалось послѣднимъ пособіе.

При такомъ усердіи неудивительно, что осужденному не уда-

валось на срединѣ сдѣлать 3—4 шага, какъ уже являлось около него требуемое количество исполнителей наказанія. Если онъ шелъ медленно, или рѣшался на какое-либо сопротивленіе, или старался испросить прощеніе, то его подхватывали подъ руки, подталкивали сзади, наклоняли за голову, даже валяли подъ ножку, и не проходило 5—10 секундъ, какъ онъ уже лежалъ растянутый на полу; одинъ держатель сидѣлъ у него на головѣ, а другой на ногахъ. Тогда съ быстротою начинали обнажать ту часть тѣла, которая въ дѣтяхъ должна отвѣчать за всѣ шалости головы, и рукъ, и ногъ, сама въ нихъ нисколько не участвуя; шутники, разумѣется, уже не дѣти, ее называли педагогическою частію тѣла. Сидѣвшій на ногахъ откидывалъ подолъ платья и рубахи къ сидѣвшему на головѣ, и тотчасъ же снималъ инекспрессибли, какъ выражаются англичанки; сидѣвшій надъ головою заворачивалъ платье и рубаху на спину; имъ помогалъ и экзекуторъ, котораго мы звали секуторомъ. Иной, ожидая наказанія, затягивалъ инекспрессибли такъ крѣпко, что ихъ снять становилось трудно, или даже невозможно; тогда принимались за работу и оба держателя и секуторъ; кто хватался за нихъ снизу, кто сверху, кто съ боковъ, а если усилія не удавались, то пускали въ ходъ ножичекъ. Во всякомъ случаѣ педагогическая часть тѣла обнажалась, но не одна. Чтобы вся лоза или какая-либо часть ея, съ намѣренія или безъ намѣренія секутора, не попала на платье и бѣлье, то инекспрессибли спускались до колѣнъ, а платье и рубаха поднимались почти до пояса какъ снизу, такъ и сверху; такимъ образомъ у виновнаго пробѣгала дрожь по тѣлу не только отъ ожидаемаго наказанія, но и отъ того, что значительная часть его тѣла отъ колѣнъ до пупа, а иногда и груди, касалась холоднаго пола. Послѣ того держатели брали мѣры, чтобы наказываемый не вывернулся у нихъ; сидѣвшій на ногахъ упирался обѣими руками въ колѣна наказываемому, а своими колѣнами сжималъ лапы ногъ, или даже придавливалъ ихъ сверху. Сидѣвшій на головѣ руками упирался въ спину, а ногами плотно сжималъ плечи. Въ экстренныхъ случаяхъ двое держали ноги, раздѣляя ихъ, такъ сказать, по одной, и каждый доставшуюся ему часть придавливалъ къ полу колѣнами и руками съ боку; другіе двое растягивали руки крестомъ и на

нихъ также усаживались, какъ тѣ на ногахъ; пятый иногда у головы становился на колѣни, положивъ ее между ими, а руками упирался въ плечи или спину наказываемаго, и особенно заботясь о томъ, чтобы платье или рубаха не спустились и не прикрывали тѣхъ частей, на которыя падала лоза; тутъ не было возможности не только вывернуться, но и повернуться, даже пошевельнуться какою-либо частію тѣла; только головѣ давали небольшой просторъ для удобства при дыханіи.

Когда всѣ приготовленія оканчивались, то для начинанія экзекуціи нужно было еще дожидаться особеннаго знака, который выражался Михайломъ Яковлевичемъ или киваньемъ головы, или словомъ: ну. Но еще прежде этого расположенный, какъ мы говорили, на полу имѣлъ уже удовольствіе ощущать прикосновеніе лозы. Секуторъ, въ ожиданіи приказа начать свою работу, примѣривался, такъ сказать, къ ней, клалъ лозу на обнаженную часть тѣла; и если былъ золъ на лежавшаго, то водилъ легонько ею по тѣлу, — это называлось у насъ пощекотать. Конечно, такое щекотанье не производило боли, но, между тѣмъ, отъ него пробѣгала бывало невольная дрожь по всему тѣлу и замирало сердце. Томленье это большею частію быстро смѣнялось другимъ уже физически болѣзненнымъ чувствомъ отъ лозы, но нерѣдко продолжалось не мало времени, даже долго. Иногда почтенный педагогъ бывалъ чѣмъ-либо занятъ за своимъ столикомъ, разсматривалъ чье-либо письмо, чинилъ перо, писалъ списокъ, или кого-либо допрашивалъ; поэтому не произносилъ своего ну, и не кивалъ головою; тогда совсѣмъ уже приготовленный къ сѣченью, съ лежавшею уже на его обнаженномъ тѣлѣ лозою, лежи и ощущай, какъ эта лоза щекочетъ его. Иногда, какъ виновный ужъ совсѣмъ былъ приготовленъ и оставалось сказать ну, или кивнуть головою, вдругъ кто-нибудь вызывалъ Михаила Яковлевича въ сѣни. Если, отворивши дверь, Михаилъ Яковлевичъ при взглядѣ на посѣтителя догадывался, что ему придется не мало времени съ нимъ потолковать, то, обратившись, говаривалъ: пустите пока.— Пускали, но такъ сказать, на половину; лоза снималась съ тѣла, держатели слѣзали съ ногъ и плечъ, но присаживались на полу же; виновный вставалъ тоже, но не смѣлъ надѣть подштанниковъ, ни опустить рубахи и платья, а садился

тоже на полъ голымъ своимъ тѣломъ. Платье и рубаха иногда сами собою опускались; но держатель у головы почти всегда старался предотвратить это или запустивши часть подола рубахи за галстухъ виновнаго, или даже поддерживая ее своею рукою; а если виновный былъ нелюбимымъ человѣкомъ, поповскимъ сыномъ или баричемъ (ниже объяснимъ это слово), то платье и рубаха заворачивались даже на голову и нерѣдко закрывали ее;—это называлось надѣть чепчикъ, или шапку, или клобукъ монашенки. Иногда-жъ Михаилъ Яковлевичъ уходилъ за дверь, не приказывая пустить; хорошо, если онъ скоро возвращался, тогда томиться еще не долго было. Но иногда онъ заговаривался нѣсколько минутъ, даже болѣе четверти часа; и просто только лежать совсѣмъ подготовленнымъ къ сѣченью не очень было пріятно, но тутъ еще являлись разные аксессуары. Если лежавшій былъ поповскій сынъ, баричъ, или не любимъ старшимъ, секуторомъ и держателями, то начинались шуточки. Секуторъ учащалъ щекотанье, или поднимая и опуская лозу, какъ бы примѣрно сѣкъ, только безъ боли; держателямъ тоже не хотѣлось оставаться безъ дѣла; поглаживали по обнаженнымъ частямъ руками, легонько пощипывали ихъ, даже, гадко сказать, плевали на нихъ и потомъ размазывали слюну; — это называлось наводить лоскъ; посмѣлѣе же держатель легонько похлопывалъ ладонью по обнаженному мягкому тѣлу, или натиралъ ихъ рукою,—это называлось порумянить ж—у; много дѣлали и другихъ глупостей; публика, разумѣется, хихикала, смотря на эти гадости. Но вотъ дверь вновь отворяется, входитъ Михаилъ Яковлевичъ; замѣтивъ, что виновный во все время лежалъ на полу, онъ съ улыбкою приговаривалъ:

— А, лежалъ все,—отдохнулъ,—ну-ка за дѣло.

Если же мальчикъ сидѣлъ на полу, то держатели торопливо клали и растягивали его на полу.

Когда, такъ или иначе, скоро или медленно, наконецъ произносилось ну, или кивала голова,—то лоза быстро упадала на тѣло. Секутору, даже если бы онъ желалъ щадить наказываемаго, опасно было дѣлать это. Михаилъ Яковлевичъ рѣдко не слѣдилъ своими глазами за экзекуціей, иногда подходилъ къ лежавшему на полу, или усаживался вблизи него на скамьѣ. При-

томъ и безъ того сейчасъ бы сдѣлалось ему извѣстнымъ, если бы секуторъ ударилъ не сильно, или лоза и даже кончикъ ея коснулись платья или пола; изъ желанья отличиться кто-нибудь изъ державшихъ наказываемаго или имѣвшихъ возможность видѣть, куда падаетъ лоза, доложилъ бы немедленно о томъ Михаилу Яковлевичу; кромѣ того всѣ мы по одному звуку умѣли уже различать на платье или на обнаженное тѣло падала лоза. Если случалось первое, то начиналось довольно громкое шептанье: по рубахѣ, по рубахѣ ударилъ. За всякое снисхожденіе секуторъ почти всегда подвергался розгамъ, которыя иногда бралъ въ руки уже самъ Михаилъ Яковлевичъ, или приказывалъ взять заслуженному секутору. Такимъ образомъ всякій по чувству самосохраненія не могъ сѣчь не больно, и бо́льшая часть считала обязанностію угодить Михаилу Яковлевичу и работала руками съ полнымъ усердіемъ. И потому рѣдкій ударъ не производилъ на тѣлѣ знака, даже издали замѣтнаго. Полосы, производимыя ветловыми прутьями, у насъ извѣстны были подъ названіемъ лентъ, отъ березовыхъ прутьевъ назывались кумачными узорами, отдѣльныя капли крови, показывавшіяся на тѣлѣ, красными блестками или звѣздочками. Были у насъ молодцы, особенно Евсей Петровъ, которые, наказывая лозою изъ одного крѣпкаго ветловаго прута, такъ вели дѣло, что ленты располагались въ порядкѣ параллельно другъ другу и по нимъ можно было сосчитать число данныхъ ударовъ, если только ихъ было 10—15. Еслибъ на обнаженномъ тѣлѣ наказываемаго былъ вередъ или чесоточный чирей, то секуторъ непремѣнно постарается направить въ средину его самый сильный ударъ и разсѣчь его пополамъ; это считалось молодечествомъ, а между тѣмъ ощущалась боль ужасная, отъ которой даже слабый мальчикъ вырывался изъ рукъ держателей, если напередъ не противопоставляли сильнаго противодѣйствія.

Слишкомъ рѣдко случалось, чтобы наказываемый получилъ 5—6 ударовъ; это почти не считалось наказаньемъ.

— Эко великое дѣло, говорили такъ наказанному, ты не успѣлъ лечь и вскрикнуть, какъ уже пришлось встать.

Большею частію отпускалось по 10—15 ударовъ; это уже считалось наказаніемъ; тутъ нарисовывалось и лентъ и узоровъ

уже порядочное количество на педагогической части. Но за важныя провинности, какъ мы говаривали, напр. за нотное пѣніе, за то, что въ запискѣ былъ кто-либо подчеркнутъ разъ или два, за открытое неповиновеніе, за грубость старшему или авдитору, за продолжительное незнаніе уроковъ и пр. и пр., число ударовъ возвышалось до 20—50; тогда уже отдѣльныхъ лентъ и и узоровъ нельзя было отличить другъ отъ друга; все сливалось между собою; появлялись черныя пятна при употребленіи ветловыхъ прутьевъ, а при лозѣ изъ березовыхъ прутьевъ не только звѣздочки, но и полоски, ручейки, какъ мы говаривали, крови. Но Боже сохрани попасться въ важнѣйшихъ преступленіяхъ, напр. избить кого-нибудь до крови, хотя бы она пошла только изъ носу отъ одного удара, даже не очень сильнаго,—или разругать и особенно ударить старшаго, или авдитора, скрываться или убѣгать отъ наказанія, такъ что нужно было отыскивать или ловить бунтовщика и пр., ну тогда уже не жди никакого милосердія; число ударовъ доходило до 100 и болѣе; розги не одинъ разъ замѣнялись свѣжими; секуторъ не могъ давать болѣе 30—40 ударовъ и уступалъ мѣсто другому; тутъ вся педагогическая часть съ ближайшими частями поясницы и ногъ чернѣли или покрывались кровью, брызги отъ которой въ большомъ количествѣ падали на бѣлье наказываемаго и на полъ, и даже на держателей. Такія сѣченья составляли нѣчто въ родѣ эпохи въ нашей училищной жизни; объ нихъ мы долго говорили и помнили. Но никого при мнѣ въ приходскомъ такъ больно не высѣкли, какъ моего брата Ваню и ученика Карамышева. Близъ нашей квартиры былъ домъ Троицкой попадьи, гдѣ квартировало множество семинаристовъ; мы вмѣстѣ съ ними по вечерамъ игрывали за дворами своихъ квартиръ. Ваня, какъ порядочный озорникъ, однажды поссорился съ Карамышевымъ и, не надѣясь съ нимъ сладить, ударилъ его по лицу попавшеюся палкою, отчего на лѣвой щекѣ показались и долго оставались багровыя полосы. На слѣдующій день Ваня увеличилъ свою виновность споромъ со старшимъ, шумомъ, такъ что его записали въ записку и подчеркнули. За все это такъ высѣкли, что у него знаки оставались на тѣлѣ недѣли три. Карамышевъ былъ сынъ дьячка, но чрезвычайно красивый мальчикъ, кроткій характеромъ и вовсе не забіяка, хотя и былъ очень си-

ленъ и рослъ для своихъ лѣтъ; любилъ въ классѣ до звонка побѣгать, порѣзвиться, повозиться, какъ мы говаривали. Однажды, схватившись съ однимъ изъ малосильныхъ мальчиковъ, онъ безъ всякаго злаго намѣренія, по одной неосторожности, ударилъ его лицомъ объ острый край скамейки; отъ этого сдѣлалась на щекѣ довольно глубокая и длинная рана, изъ которой кровь полилась ручьемъ, такъ что на полу составились даже большія кровавыя пятна; ихъ, разумѣется, сберегли, какъ матеріальныя доказательства преступленія. Карамышевъ перепугался, сталъ просить и умаливать обиженнаго и старшаго, клялся всѣми святыми, что онъ сдѣлалъ это невзначай, т. е. ненамѣренно, неожиданно, хотѣлъ было стереть кровавыя на полу пятна, но ему не позволили. Старшій приставилъ къ нему караулъ и когда онъ захотѣлъ выйти на дворъ для нужды, то часовые провожали его, держась за платье. Между тѣмъ Ваня, помня какъ его изъ-за Карамышева высѣкли, вызвался съ кѣмъ-то другимъ сбѣгать за лучшими розгами, и вскорѣ принесли, кажется, три или четыре пучка березовыхъ самыхъ гибкихъ и жидкихъ прутьевъ. Ваня, показавши ихъ Карамышеву, говорилъ:

— Вотъ теперь попробуй-ка самъ, каково лежать подъ лозами.

Жалко было смотрѣть на красавца Карамышева, свѣжаго, полнаго, румянаго мальчика, заливавшагося слезами. Наконецъ явился и Михаилъ Яковлевичъ; ему подана была записка, въ которой было описано преступленіе Карамышева словами: избилъ до многой крови, и потомъ указано на вещественныя доказательства, на лице избитаго и на кровавыя пятна на полу. Судъ былъ кратокъ. Прочитавъ записку, посмотрѣвъ на вещественныя доказательства и выслушавъ словесное объясненіе старшаго, Михаилъ Яковлевичъ вовсе не обратилъ вниманія на оправданіе Карамышева, схватилъ его за волосы, далъ ему порядочную таску и потомъ, поваливши на полъ, закричалъ: лозу. Разумѣется и секуторы и держатели были на готовѣ; четыре человѣка сѣли на руки и ноги; обнажили тѣло до самыхъ колѣнъ, а на спинѣ выше пояса; Михаилъ Яковлевичъ сѣлъ вблизи на скамьѣ и далъ знакъ. Ваня былъ первымъ сѣкуторомъ; за нимъ слѣдовалъ другой, третій (Петровъ и Смирновъ); тутъ дѣйствительно на

Карамышевѣ исполнилось Моисеево законодательство: кровь за кровь; мнѣ очень было жалко его, какъ моего пріятеля.

Михаилъ Яковлевичъ при экзекуціи никогда напередъ не назначалъ числа ударовъ, кромѣ тѣхъ, впрочемъ весьма рѣдкихъ, случаевъ, когда онъ за недосугомъ поручалъ ее исполнить старшему. Обыкновенно же наблюдая самъ за дѣйствіемъ розогъ, Михаилъ Яковлевичъ останавливалъ сѣченье словомъ: будетъ. Тогда секуторъ, иногда остановленный уже на полуразмахѣ, оборачивался и относилъ лозу на мѣсто; держатели вставали и отрясали приставшую къ ихъ платью пыль съ пола; приподнимался медленно, или быстро вскакивалъ наказанный. Если наказаніе было не сильно, не отшибало, какъ мы говаривали, памяти; то онъ отправлялся на мѣсто, приводя въ надлежащій порядокъ свое платье, продолжая плакать, а иногда всхлыпывать, или утирая свои слезы; а потомъ минутъ черезъ десять уже старался самъ посмотрѣть какъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ онъ сейчасъ былъ растянутъ на полу, другаго сѣкли. Но часто наказаніе отшибало память у наказаннаго; тогда онъ, приподнявшись, въ полузабытьи, шолъ къ небольшимъ свободнымъ частямъ лавокъ около двери и печки, становился колѣнами на полъ, и положивъ руки на лавку, а на нихъ и голову, долго еще тутъ плакалъ и собирался съ силами. Но въ этихъ случаяхъ происходили сцены, которыя, повидимому, должны бы пробуждать сожалѣніе и непріятное чувство, а между тѣмъ всегда производили общій смѣхъ. Обезпамятѣвшій отъ боли мальчикъ, вставши съ лобнаго мѣста, забывалъ надѣть на себя инекспрессибли; бѣда бы еще небольшая; но лѣтомъ мы ходили безъ обуви; поэтому инекспрессибли, и безъ того уже снятые до колѣнъ, совершенно спадали съ ногъ, когда наказанный дѣлалъ нѣсколько шаговъ, или запутывали его ноги, а иногда, оставшись на одной только ногѣ, тащились за нимъ. Къ этому нерѣдко присоединялось новое обстоятельство; подолъ платья заворачивался на плечи наказываемаго; въ экстренныхъ же случаяхъ подолъ рубахи запускался за галстухъ, чтобы чрезъ это ни рубаха, ни платье, во время сѣченья, отъ сильныхъ движеній наказываемаго не спускались на тѣ части тѣла, которыя должны быть обнаженными. Въ такихъ-то случаяхъ, если обезпамятѣвшій наказанный не поправлялъ своего платья, то задъ его, начиная

съ пояса до колѣнъ, оставался обнаженнымъ, какъ во время сѣченья; присоедините сюда когда на босоногомъ спадали совсѣмъ или до пятокъ инекспрессибли. Въ этомъ безобразномъ видѣ бѣдняга присѣдалъ къ лавкѣ у двери, оставляя обнаженною бо̀льшую часть своего тѣла. Иногда же останавливался самъ собою или услышавъ крикъ: подними портки, спусти рубаху; но рубаха, задѣтая за галстухъ, не вдругъ слушалась его; инекспрессибли иногда совсѣмъ свалились и спутались ужъ; надобно было наклониться за ними и расправить ихъ, а тутъ еще оставалась не опущенная рубаха. И повѣрьте, почти всегда поднимался въ такихъ случаяхъ общій хохотъ; рѣдко кто либо помогалъ несчастному привести все въ порядокъ, а иногда у лавки онъ долго оставался въ такомъ отвратительномъ положеніи; и развѣ по приказанію Михаила Яковлевича кто нибудь спускалъ его платье съ плечъ. Слишкомъ же жестоко наказанный не доходилъ до лавки, а ложился у печки на полу и по полчасу и часу оставался въ этомъ положеніи отдыхая, какъ выражались, послѣ бани.

Въ Касимовскомъ училищѣ лоза прикладывалась только къ педагогической части тѣла. Но во многихъ духовныхъ училищахъ она замѣняла иногда пали. Учитель, скучая довольно продолжительною подготовкою къ сѣченью, или полагая, что изъ за 5—10 ударовъ не зачѣмъ класть виновнаго на полъ, обнажать его и проч., приказывалъ ему вытянуть руку и ладонь, какъ это дѣлалось для пали, или даже всю часть руки до самаго локтя; и потомъ или самъ учитель, или дневальный и секуторъ отпускалъ нѣсколько ударовъ по ладони, или по всей рукѣ до локтя. Боль, особенно въ послѣднемъ случаѣ, была также сильна, какъ и при сѣченіи, но ученики соглашались лучше ее выдерживать, нежели сѣченье, потому что число ударовъ было не болѣе 5—10, для розги брался только одинъ ветловый прутъ, при наказаніи никто не держалъ, не обнажалось такихъ частей, которыя изъ приличія всегда закрываются, а послѣ наказанія все живо поправлялось, а иногда и нечего было поправлять; наказанье это даже и не называлось сѣченьемъ.

Чтобы уже составить полное понятіе о педагогической дѣятельности Михаила Яковлевича и едва ли не большей части тогдашнихъ учителей духовныхъ училищъ, съ нѣкоторыми, разу-

мѣется, измѣненіями, опишу нашъ учебный день. Относительно Михаила Яковлевича учебные дни раздѣлялись на два рода: когда онъ служилъ, или не служилъ поздней обѣдни. Въ первомъ случаѣ онъ приходилъ поранѣе, но не надолго, а потомъ отправлялся въ соборъ для совершенія литургіи, а намъ приказывалъ заняться чтеніемъ. Занятіе это состояло въ томъ, что каждый изъ насъ приносилъ съ собою какую-либо книгу, большею частію напечатанную церковными буквами, и читалъ ее. Чтобы какой нибудь молодецъ не водилъ по строкамъ книги глазами, а самъ мысленно леталъ за облаками, намъ приказывалось читать вслухъ и громко, а старшій, стоя на мѣстѣ, или похаживая по классу, зорко смотрѣлъ не остановился ли кто, не сидитъ ли кто нибудь не читая; впрочемъ развѣ рѣдкій сосѣдъ, замѣтивъ то же самое, не доложитъ старшему: „а вотъ такой-то вовсе не читаетъ". Виновный тотчасъ вносился въ записку, въ которой за именами и фамиліями виновныхъ слѣдовали слова: сіи ученики не читали. Въ обоихъ классахъ приходскаго училища бывало въ одинъ годъ до 40, а въ другой до 55—60 человѣкъ; поэтому можно представить весь шумъ, который мы производили, читая всѣ вмѣстѣ, при томъ громко; въ лѣтнее время при открытыхъ оконныхъ рамахъ шумъ этотъ разносился далеко по цѣлой площади и сосѣднимъ съ нею улицамъ. Если же Михаилъ Яковлевичъ не служилъ обѣдни, то приходилъ попозже, почти къ концу девятаго часу; звонокъ былъ обыкновенно въ восемь часовъ.

Когда онъ входилъ въ классъ, то мы всѣ, разумѣется, вставали съ своихъ мѣстъ; старшій читалъ вслухъ молитву: Царю Небесный, и мы кивали своими головами и крестились; потомъ мы кланялись Михаилу Яковлевичу, который почти никогда намъ не отвѣчалъ никакимъ привѣтствіемъ. Положивъ трость на лавку, а шапку или шляпу на столикъ, онъ приказывалъ намъ садиться, подходилъ къ старшему и бралъ у него нотату и записку, если кто-нибудь былъ виновенъ въ чемъ-либо, кромѣ незнанія урока. Сначала разсматривалась записка и внесенные въ нее почти всегда тотчасъ же вызывались на средину къ столу. Шумѣвшій или шумачъ, какъ мы говаривали, если оказывался знающимъ урокъ, не былъ подчеркнутъ и не стоялъ уже на колѣнахъ, или столбомъ, осуждался на которое либо изъ этихъ наказаній, или на

лишеніе обѣда; въ противномъ случаѣ оставался у столика въ ожиданіи болѣе чувствительнаго наказанія. Не читавшіе чтенія почти всегда осуждались подъ розги. Если при разсмотрѣніи нотаты оказывался кто-либо франсъ или нонтотъ, то его ставили на колѣна па мѣстѣ или у печки, смотря потому, въ первый или во второй и пр. разъ онъ былъ такъ записанъ; нессіенсъ же и особенно нонресценсъ большею частію осуждался на сѣченье или лишался обѣда. Такимъ образомъ виновные одинъ за другимъ поднимались съ своихъ мѣстъ и если Михаилъ Яковлевичъ, выслушавъ отвѣтъ на вопросъ: почему ты не знаешь урока, или не слушался — не приказывалъ садиться на мѣсто, или становиться на колѣна, то это было вѣрнымъ признакомъ того, что неисправнаго высѣкутъ. Когда же наконецъ получены объясненія и отъ незнающихъ, и отъ записанныхъ въ запискѣ, то произносилось грозное лозу; стоявшіе у столика кучею отправлялись къ лобному мѣсту, туда же одинъ за другимъ выходили изъ-за партъ тѣ, которые не получили позволенія сѣсть послѣ своихъ объясненій. Иной шолъ молча, другой утиралъ показавшіяся слезы, тотъ говорилъ: простите, Михаилъ Яковлевичъ и пр. И вотъ соберутся всѣ они у двери и печки нерѣдко въ числѣ 5—15 человѣкъ, обратившись къ образу, и смотрятъ, какъ одного изъ нихъ положили, раздѣли и сѣкутъ уже. Съ этимъ покончили, держатели въ такомъ случаѣ не встаютъ съ полу, а присаживаются на немъ на колѣнахъ и ждутъ, когда другой между ими растянется, садятся на него, раздѣваютъ, а секуторъ отсчитываетъ одинъ за другимъ удары. Замѣтивъ, что лоза уже сдѣлалась плоховатая, онъ беретъ новую. Такимъ образомъ сначала около получаса у насъ проходило въ допросахъ виновнымъ и въ сѣченьѣ ихъ; только и слышны были умаливанья, пискъ, визгъ, крикъ, свистъ розги, слова: ей-Богу не буду, помилуйте, буду стараться, не стану лѣниться; ой, ой, ой, больно, ей-Богу больно и пр. Но иногда расправа длилась гораздо болѣе часа, напр. въ томъ случаѣ, когда она отдѣльно производилась надъ каждымъ, и особенно когда незнающіе доказывали, что они знаютъ, что ихъ записали незнающими напрасно и пр., Михаилъ Яковлевичъ тогда самъ принимался слушать. Если дѣйствительно ученикъ оказывался знающимъ, то сѣченье, или другое

наказанье отлагалось; въ противномъ же случаѣ усиливалось зато, что осмѣлился виновный клеветать на авдитора; тутъ вмѣсто стоянья на колѣнахъ приходилось лечь на полъ, вмѣсто 5—10 получить 20 и болѣе самыхъ горячихъ ударовъ. По окончаніи расправы, начавшейся по случаю разсмотрѣнія нотаты и записки, Михаилъ Яковлевичъ принимался слушать знающихъ;—прочолъ,—дѣло сходило благополучно; а если не прочелъ, то и ему и авдитору доставалось. Много тратилось времени на ариѳметику. Судя потому, какъ она у насъ преподавалась, можно уже ожидать, что ученики долго не могли усвоить себѣ умѣнья хоть механически разрѣшать ариѳметическія задачи. Иногда одну задачу дѣлали часъ и болѣе нѣсколько человѣкъ и все таки не могли ее кончить. Чтобы писать на доскѣ цифры, мы становились на лавку; Михаилъ Яковлевичъ бывало стоитъ тоже тутъ, кричитъ, бранится, называетъ лѣнтяемъ, мерзавцемъ, пощиплетъ за ухо, за волосы, дастъ подзатыльникъ, потомъ заставитъ прочитать правило,—его часто прочитываетъ мальчикъ слово въ слово, какъ нельзя тверже, и все-таки задачка впередъ не подвигается; тогда раздается грозное: лозу; иногда въ азартѣ самъ Михаилъ Яковлевичъ стащитъ виновнаго съ лавки, задастъ ему трепку и отдастъ въ руки держателямъ и секутору. Ступаетъ на лавку новый математикъ,—и его тоже подъ лозу. Особенно же ариѳметика страшна была для тѣхъ, которые почему либо стояли у двери, потому что ихъ болѣе всего Михаилъ Яковлевичъ заставлялъ дѣлать задачки и сѣкъ за неудовлетворительное рѣшеніе ихъ. Наконецъ дотягивали дѣло до 12 часовъ, билъ звонокъ, надобно было выходить изъ класса; читали: Достойно есть, но тутъ иногда старшій, авдиторъ, или даже какой нибудь плебей, замѣтивъ, что кто либо изъ заслужившихъ наказаніе еще не наказанъ, говорилъ:

— Михаилъ Яковлевичъ! Что-же дѣлать съ такимъ-то, или такимъ-то; они не знали урока; не оставить ли ихъ безъ обѣда?

Резолюція почти всегда была: ну, безъ обѣда.

Въ послѣобѣденные классы Михаилъ Яковлевичъ почти только и занимался письмами, т. е. разсматриваніемъ нашихъ тетрадокъ, въ которыхъ мы, по его приказанію, писали къ этому классу одну или двѣ страницы, да еще рѣшеніемъ участи тѣхъ, которые, будучи оставлены безъ обѣда, все-таки не выучили

урока; ихъ въ такомъ случаѣ уже большею частію сѣкли. Чистописаніе и нотное пѣніе, какъ я уже сказалъ, были любимыми предметами Михаила Яковлевича; поэтому за нихъ онъ взыскивалъ гораздо строже, нежели за прочіе учебные предметы. Чтобъ кто нибудь не ускользнулъ отъ осмотра его тетради, обыкновенно подходили вереницею къ учительскому столику, въ томъ именно порядкѣ, въ какомъ сидѣли по лавкамъ и скамьямъ; тутъ и стоявшіе у двери и печки сходили съ своихъ мѣстъ и вступали въ рядъ. Каждый по очереди съ поклономъ подавалъ тетрадку Михаилу Яковлевичу, который, нашедши письмо удовлетворительнымъ, отдавалъ въ руки или молча, или съ словами и даже надписью: не худо, хорошо и пр., а если письмо находилъ дурнымъ, то бралъ въ руку линейку и давалъ одну или нѣсколько паль. За письмо рѣдко сѣкли кого-нибудь изъ насъ; но если кто терялъ свой списокъ, или не написывалъ назначеннаго числа страницъ, то непремѣнно розги. Не желая исписать данное число страницъ, мы прибѣгали къ слѣдующему плутовству. Я уже сказалъ, что Михаилъ Яковлевичъ отмѣчалъ задаваемый урокъ на бѣлыхъ страницахъ словами: къ числу такому-то, напр. къ 11-му, 13-му и пр. Мы теперь и переправляли 11-е на 17-е, 13-е на 15-е и пр., т. е. письмо старое, разсмотрѣнное уже за нѣсколько дней, показывали за вновь написанное и если была письменная рекомендація, то смѣльчаки рѣшались ее выскабливать. Иногда предъидущій мѣсяцъ шолъ за послѣдующій. Но если кто-нибудь былъ уличаемъ въ этомъ плутовствѣ, то наказывался безъ всякаго милосердія; а между тѣмъ все таки отъ времени до времени мы рѣшались на эти штуки, которыя частенько сходили съ рукъ. Нотнымъ пѣніемъ Михаилъ Яковлевичъ, какъ знатокъ его, любилъ заниматься съ особеннымъ усердіемъ; не смотря на то, слишкомъ немногіе изъ насъ были искусными пѣвчими, притомъ преимущественно тѣ, которые выучены были дома отцами. Приписывая это не своей безтолковой методѣ, а нашей лѣни, Михаилъ Яковлевичъ постоянно насъ наказывалъ. Ни одного класса нотнаго пѣнія, если только былъ урокъ къ нему, не проходило безъ того, чтобы половина или двѣ трети не стояли на колѣнахъ; иногда же изъ всего класса сидѣли, какъ надобно,

только 4—5 человѣкъ, а все прочее стояло на колѣнахъ. Разумѣется, не забывались и розги, но имъ преимущественно подвергались тѣ ученики, которые по другимъ предметамъ оказывали хорошіе успѣхи, такъ что третій нашъ ученикъ Феофанъ Смирновъ часто наказывался только почти за одно нотное пѣніе.

Самымъ страшнымъ днемъ для насъ была суббота. По какому-то древному обычаю намъ къ субботѣ нужно было приготовить всѣ уроки, выученные нами въ теченіи всей недѣли; совокупность ихъ называлась субботивою. Если въ каждый день было немалое количество незнающихъ, то сколько жъ ихъ набиралось, когда нужно было слушаться, по нашему выраженію, изъ цѣлой субботивы. Тутъ даже и тѣ, которые знали по частямъ всѣ уроки въ теченіи недѣли, могли оказаться ѣрансами, или нонтотами. Но такіе получали прощеніе, развѣ заставляли ихъ постоять немного столбомъ. Могъ также надѣяться на снисхожденіе и тотъ, кто кромѣ субботивы не зналъ въ теченіи недѣли одного или двухъ уроковъ. Но если кто-нибудь въ теченіи недѣли записанъ былъ незнающимъ урока не менѣе 3—4 разъ, и особенно если за то не былъ еще высѣченъ, а только стоялъ на колѣнахъ, то ему почти навѣрнякъ грозила лоза, хотя бы даже онъ и зналъ субботиву. Поэтому къ субботѣ приготовлялся богатый запасъ розогъ и чуть ни весь классъ проходилъ въ томъ, что одного за другимъ выкликали; кто зналъ всѣ уроки и субботиву, тому спасибо и похвала. Потомъ начинался допросъ прочимъ:

— Ты вотъ сколько не зналъ уроковъ,—почему это?—Ну-ка читай.

Читалъ и получалъ выговоръ и другое легкое наказаніе, или осуждался на сѣченье. Виновныхъ иногда набиралось такъ много, что это самое спасало если не всѣхъ, то многихъ отъ розги.

— Эка, сколько васъ мерзавцевъ? бывало говаривалъ Михаилъ Яковлевичъ.

Но отъ розги въ субботу спасались въ такихъ случаяхъ преимущественно худшіе ученики, которыхъ въ теченіи недѣли уже сѣкли, притомъ иногда не одинъ разъ, именно за незнаніе урока. Но тѣхъ, которые не лежали подъ лозою и значитъ были исправнѣе предъидущихъ, за субботиву сѣкали. Хоть рѣдко, а случа-

лось въ этотъ день до половины, даже до двухъ третей учениковъ вертѣлись и кричали подъ лозою. И мы хотя по неволѣ, а дѣйствительно исполняли въ буквальномъ смыслѣ начало пятой заповѣди изъ Моисеева десятисловія т. е. помнили день субботній. Такъ какъ въ этотъ день бывала большею частію баня на квартирахъ, то мы другъ про друга и про себя говаривали: нынѣ было у тебя, или у меня двѣ бани. И дѣйствительно иному менѣе жарко было даже на банномъ полкѣ, нежели на полу въ классѣ.

Д. И. Ростиславовъ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

АМВРОСІЙ ПРОТАСОВЪ, АРХІЕПИСКОПЪ ТВЕРСКОЙ.

• 1762—1831 гг.

I.

Преосвященный **Амвросій Протасовъ** принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ проповѣдниковъ не только царствованія Александра I, но и вообще всего настоящаго столѣтія. Его малоизвѣстность, при всѣхъ его рѣдкихъ ораторскихъ талантахъ, зависѣла главнымъ образомъ отъ неособенно счастливой карьеры, какая выпала на его долю. Онъ не былъ, какъ чаще случается въ мірѣ, столько счастливъ, сколько заслуживалъ по своему таланту.—Впрочемъ, преосвященный самъ не хотѣлъ заботиться о славѣ своего имени и даже весьма часто сознательно дѣйствовалъ наперекоръ собственной извѣстности.

Преосвященный Амвросій, въ мірѣ называвшійся Алексѣемъ Протасовымъ, родился въ 1762 году въ г. Боровскѣ Московской губерніи (нынѣ Калужской). Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ Перервинской семинаріи, а потомъ въ Троицкой Сергіевой, гдѣ онъ при своихъ счастливыхъ природныхъ дарованіяхъ заявилъ себя блестящими успѣхами по всѣмъ предметамъ обученія. Особенно ему легко досталось знаніе греческаго и латинскаго языковъ, на которыхъ онъ, еще будучи въ семинаріи, писалъ стихи съ необыкновенною легкостію и искусствомъ. Дальнѣйшее свое образованіе Протасовъ получилъ въ Московской славяно-греко-латинской академіи. Здѣсь обширныя способности Протасова обратили на него вниманіе извѣстнаго современнаго покровителя духовнаго просвѣщенія, московскаго

митрополита Платона. Знаменитый іерархъ старался покровительствовать молодому даровитому ученику. Въ славяно-греко-латинской академіи Протасовъ дополнилъ свое образованіе изученіемъ новѣйшихъ языковъ—особенно французскаго и нѣмецкаго. Знаніе французскаго языка дало ему возможность обстоятельно ознакомиться съ французской богословской литературой, особенно съ французскими проповѣдниками. Въ 1790 году Протасовъ окончилъ курсъ академіи. Покровитель его митрополитъ Платонъ оставилъ его при той же академіи учителемъ сначала поэзіи, а потомъ краснорѣчія и исторіи. Въ 1794 году Протасовъ, по совѣту и вліянію своего покровителя м. Платона, принялъ монашество съ именемъ Амвросія и одновременно получилъ новое назначеніе на существовавшую тогда должность проповѣдника въ академіи, а вмѣстѣ съ нею соединилъ и должности учителя философіи и префекта академіи. Должность проповѣдника, самая почетнѣйшая въ академіи, доставила ему первый случай заявить свой природный даръ краснорѣчія и тѣмъ остановить на себѣ вниманіе общества. За ревностное прохожденіе возложенныхъ должностей Амвросій, 9 января 1799 года, былъ произведенъ св. синодомъ въ санъ архимандрита Троицкой Сергіевой пустыни (петербургской епархіи) и одновременно съ тѣмъ вызванъ былъ на чреду священнослуженія и проповѣданія слова Божія въ С.-Петербургѣ. Здѣсь на него возложено было кромѣ того преподаваніе богословія въ Петербургской александровской академіи. Въ Петербургѣ Амвросія оцѣнили скоро и въ томъ же самомъ 1799 году онъ получилъ высокое назначеніе на должность ректора Петербургской академіи. Какъ проповѣдникъ, Амвросій получилъ въ первый разъ извѣстность въ Петербургѣ въ 1799 году, когда онъ, 13 апрѣля, выступилъ съ надгробною рѣчью при отпѣваніи въ лаврѣ свѣтлѣйшаго князя Александра Андреевича Безбородки [1]). Въ 1800 году, вмѣстѣ съ ректорствомъ въ академіи, Амвросій получилъ званіе намѣстника Невской лавры и настоятеля первокласснаго Новгородскаго Юрьева монастыря. Въ 1801 году Амвросій высочайше награжденъ былъ орденомъ Анны второй степени, а въ концѣ 1803 года онъ уже получилъ назначеніе на епархі-

[1]) Рукопись „Лѣтопись Александровской лавры". В. Ж.

альную каѳедру въ Тулу. 14 февраля 1804 года преосвященный Амвросій явился въ свой епархіальный городъ и привѣтствовалъ свою паству блестящею рѣчью, которая послужила для него счастливымъ началомъ для его двѣнадцати-лѣтней проповѣднической дѣятельности въ Тулѣ, получившей громадную извѣстность не только въ Россіи, но даже и заграницей. Дѣятельность Амвросія въ Тулѣ—это самое золотое время какъ его собственной жизни, такъ и въ частности его проповѣднической дѣятельности. Амвросія, не смотря на то, что онъ умеръ архіепископомъ Тверскимъ, чаще всего въ литературѣ называютъ епископомъ Тульскимъ и Бѣлевскимъ, потому что большую и самую лучшую часть своихъ проповѣдей онъ дѣйствительно произнесъ въ Тулѣ. Да это и понятно. Онъ явился сюда въ полномъ разцвѣтѣ физическихъ силъ (ему было тогда не болѣе сорока лѣтъ отъ роду) и съ выработанными пріемами уже довольно развитаго проповѣдническаго и ораторскаго таланта.

Особенно громкую и, можно сказать, европейскую извѣстность получило Слово епископа Амвросія на случай присяги судей въ Тульской губерніи, сказанное имъ въ Спасопреображенской церкви 11 января 1815 года [1]). Въ немъ знаменитый проповѣдникъ въ мастерскомъ, ораторскомъ изображеніи обличалъ мѣстныхъ правительственныхъ лицъ въ недѣятельности и нравственной распущенности. Въ свое время эту проповѣдь многіе знали наизусть, ее изучили на память даже люди свѣтскіе. Въ Тулѣ, равно какъ и въ другихъ мѣстахъ, долгое время и послѣ Амвросія любили повторять колкія и рѣзкія обличительныя выраженія изъ его Слова на избраніе судей. Текстъ, часто повторяющійся въ этомъ словѣ,—«ввергохъ злато во огнь и изліяся телецъ» (Исх. XXXII, 24), въ то время сдѣлался извѣстнымъ во многихъ краяхъ Россіи и ходилъ какъ пословица, примѣнявшаяся къ лицамъ, неоправдавшимъ собою довѣрія правительства. Слово Амвросія на выборъ судей въ Тулѣ было переведено и на иностранные языки, напр. французскій. А въ Россіи оно получило всеобщую извѣстность отчасти и по тому вниманію, какое оказалъ ей императоръ Александръ. На просьбу

---

[1]) Слова и рѣчи Амвросія, бывшаго епископа Тульскаго и Бѣлевскаго. С.-Петербургъ 1856 г. Изданіе В. А. Терскова. 268—278.

одного изъ вновь опредѣленныхъ губернаторовъ снабдить его инструкціею, императоръ Александръ далъ ему, вмѣсто инструкціи, Слово преосвященнаго Амвросія [1]). По другой народной молвѣ, дѣло представлялось нѣсколько иначе. По разсказамъ другихъ современниковъ, преосвященный Амвросій весь обличительный смыслъ своего Слова главнымъ образомъ направлялъ противъ самаго начальника Тульской губерніи,—человѣка дѣйствительно за свои нравственные недостатки не отвѣчавшаго своему высокому положенію. Губернаторъ увидѣлъ въ Словѣ епископа изображеніе или по крайней мѣрѣ очень прозрачные намеки на себя самаго и сильно оскорбился на архіерея. Въ порывѣ своего негодованія противъ архіерея, онъ рѣшился принести на него жалобу самому императору и въ подтвержденіе ея представилъ даже одинъ изъ печатныхъ экземпляровъ Слова. Императоръ, прочитавши Слово Амвросія, отослалъ его обратно тульскому губернатору и приказалъ ему руководствоваться имъ въ своей дѣятельности какъ начальнику губерніи. — Слово Амвросія на судей въ свое время заслужило удивленіе современниковъ. Оно появлялось въ печати даже въ такихъ чисто свѣтскихъ журналахъ, какъ «Вѣстникъ Европы» [2]). Его ставятъ и до сихъ поръ образцомъ русскаго церковнаго краснорѣчія (Избранныя поученія двѣнадцати архипастырей Русской церкви. Москва. 1860 г.) и даже въ свѣтской литературѣ (Галаховъ. Русская христоматія, часть I.) оно признается классическимъ произведеніемъ русской словесности. Дѣйствительно, помимо своихъ ораторскихъ достоинствъ и силы обличительнаго тона, Слово Амвросія на судей любопытно и въ историческомъ отношеніи, какъ картина нравовъ тогдашней гражданской администраціи, какъ нравственная характеристика русскаго аристократическаго общества первой четверти XIX вѣка. Поэтому я считаю неизлишнимъ представить изъ получившаго громадную классическую извѣстность Слова преосвященнаго Амвросія одно болѣе характерное мѣсто:

«Въ свѣтѣ больше занимаются наружностію,—такъ между прочимъ разсуждаетъ Амвросій въ своемъ словѣ,—тѣми знаме-

[1]) Бантышъ-Каменскій: Словарь достопамятныхъ людей Русской земли, часть I, 39.

[2]) 1816 годъ № 1.

нитыми отличіями, кои ослѣпляютъ очи; тѣми блестящими украшеніями, кои привлекаютъ взоры; тѣми очаровательными величаніями, кои поражаютъ воображеніе; мечтами величія, нежели исполненіемъ долга, чести и добродѣтели».

«Что слышимъ мы? Чтобъ поддержать свое мѣсто, чтобъ сдѣлать значительнымъ свой чинъ, чтобъ гремѣть своимъ именемъ, чтобы быть чиноначальникомъ по сердцу свѣта, надлежитъ имѣть, говорятъ, пышный столъ, избранными яствами уставленный, надлежитъ имѣть великолѣпную колесницу, надлежитъ облачаться въ блестящую златомъ одежду, надлежитъ быть украшену отличіями, привлекающими взоры народные, надлежитъ окружать себя ласкателями раболѣпными, кои бы непрестанно воскуряли кадило самоугодію, надлежитъ обиловать сребромъ и златомъ, надлежитъ богатѣть, роскошествовать, веселиться!—А добродѣтель? О! вооруженному мечомъ власти не нуженъ утлый посохъ добродѣтели! А попеченіе о благѣ сущихъ подъ рукою нашею? О! когда ими заниматься тамъ, гдѣ все призываетъ къ удовольствію, къ забавамъ, къ разсѣянности! Довольно исполнить и обязанности свѣта, быть во всѣхъ собраніяхъ, предсѣдать за всѣми столами, не опускать ни одной игры, сдѣлать всѣмъ знаемымъ посѣщеніе! А дѣла служенія общественнаго? О! ихъ можно утверждать именемъ власти, и—не читавши! А творить судъ и милость? Можно, когда сіе входитъ въ разсчетъ власти, выгодъ жизни или уваженія свѣта»!

«Но обиженные вопіютъ о правосудіи? Пусть вопіютъ они; вопли ихъ можно заглушить силою власти! Но притѣсненные неправдою проливаютъ слезы горести, страданія,—слезы, отъ коихъ каменная душа должна растаять, яко воскъ? Пусть проливаютъ они слезы, яко воду, только бъ намъ было весело, говорятъ въ свѣтѣ. Но прозорливое правительство объиметъ наконецъ неправды твои, и востребуетъ отчета въ дѣлахъ власти твоея? Пусть требуетъ оно; можно все выставить глазамъ правительства въ привлекательныхъ краскахъ, можно всему дать иной видъ, можно и неправду украсить цвѣтами правды! Но совѣсть, яко стражъ, недремлющій на стражѣ своей, будетъ угрызать душу твою? О! совѣсть есть страшилище простодушныхъ, а не приставникъ дѣламъ нашимъ... [1])».

[1]) Слово на случай присяги избранныхъ по Тульской губерніи судей—272.

Это характеристика начальствующихъ лицъ. А вотъ положеніе ихъ подчиненныхъ:

«Ты утопаешь въ утѣхахъ, мы утопаемъ въ слезахъ,—такія слова влагаетъ проповѣдникъ въ уста людей подчиненныхъ, съ которыми они обращаются къ своимъ властителямъ, — ты пресыщаешься, мы гибнемъ гладомъ; вѣтръ разсѣянія восхищаетъ тебя отъ предмета къ предмету, отъ забавъ къ забавамъ, отъ суеты къ суетѣ, и сей вѣтръ разсѣянія твоего есть для насъ буря зельная, потопляющая насъ въ волнахъ бѣдъ и страданій! У тебя то столы, то собранія, то веселія, то праздность; а намъ столы твои стоятъ послѣднихъ крупицъ нашихъ; а веселія твои наполняютъ чашу жизни нашей и плачемъ, и стенаніемъ! Ты празденъ, а приставники, поставленные тобою или тобою управляемые, не праздны; они бдятъ, неусыпно бдятъ, еже восхитити нищаго, обогатиться на счетъ безпомощнаго, умножить сокровища свои користію неправедною»! [1]).

1815 годъ въ проповѣднической дѣятельности Амвросія можетъ быть названъ самымъ замѣчательнымъ въ его жизни, когда его имя было у всѣхъ на устахъ, когда его словами восхищалась бо́льшая часть Россіи. Слово Амвросія на новый 1815 годъ точно такъ же, какъ и слово на судей, производило поражающее впечатлѣніе блескомъ своего краснорѣчія. Мысль слова, очень сама по себѣ обыкновенная, мысль о скоротечности человѣческой жизни и ничтожествѣ и неустойчивости всѣхъ земныхъ благъ, воплощена въ немъ въ такого рода образы и картины, которые производили на всѣхъ потрясающее впечатлѣніе. Изображеніе непрочности здоровья, молодости, красоты, богатства, почести и т. д., всегда находящихъ себѣ послѣдній пріютъ во гробѣ, дѣйствительно поразительно и непремѣнно должно было глубоко западать въ каждаго слушателя. И безпорно первое впечатлѣніе Слова было таково, что оно приводило въ трепетъ слушателей. Въ Словѣ особенно часто повторялось одно сильное и многозначительное для человѣка выраженіе,—выраженіе «надлежитъ умереть». Среди блестящихъ и яркихъ картинъ земнаго непостоянства проповѣдникъ каждую свою новую

[1]) Тамъ же—273 стр.

мысль, каждую новую тираду одинаково начинаетъ съ магическаго восклицанія: «надлежитъ умерсть!» Эти два слова, являвшіяся какъ бы неизбѣжной эпитафіей для каждаго человѣка, дѣйствовали на слушателей, какъ грозные и могучіе раскаты грома. Слово на новый 1815 годъ замѣчательно по своему началу, которое отличается поэтическимъ вдохновеніемъ и скорѣе можетъ быть приписано самому восторженному поэту, чѣмъ проповѣднику-моралисту. «Мы входимъ, братіе, вѣщалъ проповѣдникъ, въ поприще новаго лѣта! Гдѣ жъ годъ протекшій? Пролетѣлъ, какъ молнія, на крылахъ времени скоротечнаго, и скрылся въ вѣчности. Протекъ, какъ быстрый потокъ, и погрузился въ необозримомъ морѣ вѣковъ. Пронесся, яко быстрый орелъ въ воздухѣ, и воспарилъ въ предверіе престола Вѣчнаго. Сокрылся отъ насъ, яко знаемый нашъ, во страну далекую; но—не уничтожился» [1]). Съ рѣдкимъ поэтическимъ вдохновеніемъ описываетъ проповѣдникъ и призрачныя преимущества юношескаго возраста, который одинаково склоняется предъ неумолимымъ рокомъ смерти: «ты, цвѣтущій въ веснѣ лѣтъ юноша! пріятный румянецъ играетъ на ланитахъ твоихъ, удовольствія жизни улыбаются тебѣ на всѣхъ путяхъ жизни: ты спѣшишь утѣшаться! играй, веселый юноша! но время летитъ, и—старость наконецъ положитъ печать свою на челѣ твоемъ. Веселись! — но жизнь течетъ, какъ рѣка быстрая, и крѣпкій составъ твой обветшаетъ наконецъ яко риза, и—время убѣлитъ главу твою, и—тяжесть лѣтъ слячетъ выю твою. Среди утра жизни ты не зришь заката дней твоихъ, и жизнь кажется тебѣ безконечною... Но едва успѣемъ обозрѣть окрестъ себя, какъ неожиданно ударяемъ ногою нашею о прагъ гроба.... Но ктожъ дастъ и тебѣ, цвѣтущій, яко красная весна, юноша,—говорилъ далѣе проповѣдникъ,—право рещи, что ты не прежде старца снидешь во страну мертвыхъ? Можетъ быть рука художника изсѣкаетъ уже камень, который покрыть тебя долженствуетъ! Можетъ быть смертный колоколъ готовъ ударить часъ твой: можетъ быть елико, елико мало, и погребальный свѣтильникъ для тебя возгорится»! [2]).

---

[1]) Слово Амвросія на новый 1815 годъ, стр. 194—195.
[2]) Тамъ же—стр. 196 и 198.

Преосвященный Амвросій счастливый годъ своей проповѣднической дѣятельности ознаменовалъ еще третьею блестящею проповѣдью, сказанною имъ въ день Успенія Божіей Матери. То была проповѣдь о вѣчности, которая по своему характеру напоминала болѣе вдохновенную пѣснь поэта, воспѣвающаго въ ней красоты міра и величіе Творца его. Слово о вѣчности не мало имѣетъ сходнаго съ извѣстной одой нашего знаменитаго поэта Державина, подъ названіемъ «Богъ». Особенно это нужно сказать относительно опредѣленія вѣчности: «Вѣчность,—такъ говорилъ ораторъ,—слово непостижимое для ума ограниченнаго: точію умъ вѣчный можетъ объять все пространство ея! Я поставляю вѣки на вѣки, я слагаю тысящи на тысящи лѣтъ, я считаю времена и лѣта всего сотвореннаго подъ солнцемъ; и все еще не вѣчность. Это неизмѣримое море, котораго предѣловъ не объемлетъ око смертное; это бездна, которую не проницаетъ взоръ сотворенный. Когда обветшаетъ и свіется небо, яко риза; когда солнце померкнетъ, яко угль угасшій; когда прейдетъ земля; когда время, утрудившись въ полетѣ своемъ, престанетъ и падетъ предъ престоломъ Вѣчнаго, сотворшаго время: все сіе не составитъ и единыя капли въ необъемлемомъ океанѣ вѣчности. Она есть начало безъ конца, пространство безъ предѣловъ, время безъ времени, жизнь безъ смерти. Тамъ тысящи лѣтъ—день единъ, и день единъ—тысячи лѣтъ. Тамъ едино мгновеніе есть вѣчность, и вѣчность—едино мгновеніе. Тамъ протекутъ вѣки; и она тожде будетъ, и лѣта ея не оскудѣютъ!» [1]).Слово о вѣчности, какъ образецъ замѣчательнаго краснорѣчія, помѣщено было въ свое время въ собраніи образцовыхъ произведеній русскихъ писателей [2]).

Въ 1814 году преосвященному Амвросію представился случай сказать одно краткое глубоко-прочувствованное привѣтствіе цѣлымъ десяткамъ новобрачныхъ. Случай былъ такого рода. Въ Тулѣ проживалъ одинъ изъ богатѣйшихъ московскихъ купцовъ Ѳ. В. Ливенцовъ, который, желая ознаменовать благотвореніемъ счастливое окончаніе войны Россіи съ Франціей, положилъ вы-

---

[1]) Слово Амвросія въ день успенія пресв. Богородицы, стр. 29.

[2]) Изд. 1821 и 1822 года. Слово на успеніе Б. М. напечатано также въ христоматіи Пенинскаго.

дать на собственныя средства въ замужество сорокъ самыхъ бѣднѣйшихъ дѣвицъ г. Тулы изъ мѣщанскаго сословія. Но бѣдныхъ дѣвицъ оказалось шестьдесятъ семь и онѣ всѣ были выданы замужъ, благодаря щедрой благотворительности купца Ливенцова. Для того, чтобы больше придать торжественности такому рѣдкому и своеобразному виду благотворенія, гражданское начальство, по предварительному соглашенію съ духовнымъ, постановило всѣ шестьдесятъ семь паръ повѣнчать въ одинъ день. Днемъ вѣнчанія избранъ былъ день св. Иліи пророка, 20-го іюля 1814 года. Желающіе брачиться разбиты были на четыре группы и повѣнчаны были почти одновременно въ четырехъ городскихъ церквахъ. Преосвященный Амвросій рѣшился самъ лично ознаменовать такое рѣдкое событіе въ общественной жизни города Тулы и приказалъ всѣмъ повѣнчаннымъ парамъ немедленно послѣ вѣнчанія собраться въ каѳедральный соборъ, гдѣ онъ и привѣтствовалъ ихъ ораторскимъ словомъ.

Преосвященный Амвросій не мало своихъ проповѣдей посвятилъ и обсужденію тогдашнихъ военныхъ и политическихъ событій, вызванныхъ нашествіемъ французовъ на Россію. Ревностные пастырскіе труды преосвященнаго, особенно способствовавшіе образованію пасомыхъ въ бѣдственныя для нашего отечества времена войны съ Франціей, постоянно удостоивались вниманія высшаго начальства. Во время своего архипастырства въ Тулѣ преосвященный Амвросій высочайше пожалованъ былъ орденомъ св. Анны 1-й степени (въ 1806 году) и св. Владиміра 2-ой степени большого креста (въ 1814 году).

II.

4-го февраля 1816 года св. синодъ, въ видахъ іерархическаго возвышенія Амвросія, возвелъ его въ санъ архіепископа и предоставилъ ему въ управленіе одну изъ обширнѣйшихъ епархій въ Россіи, именно Казанскую и Симбирскую. Казань, новое мѣсто служенія Амвросія, стояла во всѣхъ отношеніяхъ выше Тулы. Одно уже то, что это былъ городъ университетскій, весьма много возвышало его въ ряду другихъ губернскихъ городовъ. Но лично для Амвросія переводъ въ Казань не былъ

особенно счастливъ и не оправдалъ на себѣ тѣхъ надеждъ, какія возлагалъ на него преосвященный. Казанская епархія оказалась очень распущенною: казанское духовенство отличалось грубостью и невѣжествомъ, епархіальная администрація страдала отъ систематическаго взяточничества. Преосвященный Амвросій рѣшился ввести порядокъ во всѣхъ частяхъ епархіальнаго управленія и обратился къ мѣрамъ строгости. Это не понравилось нѣкоторымъ членамъ высшаго казанскаго духовенства, особенно членамъ консисторіи, развившимъ въ себѣ, при слабости прежнихъ представителей епархіальной власти, склонность къ самому широкому произволу. Рѣшительныя мѣры новаго архіерея сильно раздражали нѣкоторыхъ консисторіаловъ, искусившихся во всевозможныхъ кляузахъ. На Амвросія полетѣли въ Петербургъ доносы за доносами, наполненные самыми безсовѣстными и безцеремонными хитросплетеніями относительно образа дѣйствій казанскаго архіепископа. Синодъ почти по каждому доносу требовалъ отъ преосвященнаго Амвросія подробныхъ объясненій. Амвросій на всѣ запросы отвѣчалъ съ достоинствомъ, отписывался и отписывался. А доносы между тѣмъ не прекращались и все летѣли и летѣли въ синодъ. Наконецъ св. синодъ рѣшился назначить ревизію казанской епархіи и ревизоромъ ея назначилъ присутствующаго въ синодѣ архіепископа Іону [1]), какъ оказалось послѣ, личнаго недоброжелателя Амвросія. Не смотря на всѣ свои старанія очернить казанскаго архіепископа, Іона въ его дѣятельности не могъ найти ничего предосудительнаго и долженъ былъ возвратиться въ Петербургъ ни съ чѣмъ. Когда же въ синодѣ поднятъ былъ вопросъ о результатахъ произведенной имъ ревизіи казанскаго епархіальнаго управленія, то онъ далъ синоду очень наивное и совершенно неудовлетворительное объясненіе, открыто заявивъ, что у него похитили всѣ документы, относящіеся до произведенной имъ ревизіи. Какъ бы то ни было, но послѣ подобнаго рода событій преосвященный Амвросій значительно утратилъ въ глазахъ высшаго духовнаго управленія свой авторитетъ и ува-

---

[1]) Это былъ Іона Павинскій, архіепископъ Тверской и членъ синода, какъ извѣстно послѣ Амвросія самъ сдѣлавшійся въ 1826 году казанскимъ архіепископомъ. Іона умеръ въ 1833 году.

женіе, для поднятія котораго онъ не хотѣлъ прибѣгать ни къ какимъ мѣрамъ, что впрочемъ было совершенно въ духѣ его независимаго характера. Однако непріятности, съ какими ему пришлось встрѣтиться въ Казани, оказали въ высшей степени неблагопріятное дѣйствіе на общій характеръ его дѣятельности въ этомъ городѣ, особенно на его проповѣдничество.

Извѣстно, что въ августѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ 1824 года государь Александръ Павловичъ предпринималъ длинную поѣздку по Россіи, и между прочимъ посѣтилъ нѣкоторые приволжскіе города, какъ наприм. г. Симбирскъ. Преосвященный Амвросій для встрѣчи государя выѣхалъ въ Симбирскъ и 5-го сентября привѣтствовалъ его въ Симбирскомъ-Троицкомъ соборѣ краткою рѣчью. Чрезъ два дня (7-го сентября) преосвященный въ томъ же соборѣ напутствовалъ государя новою рѣчью, не смотря на свою краткость произведшую сильное впечатлѣніе на всѣхъ. Во время пребыванія императора въ Симбирскѣ преосвященный Амвросій очень понравился государю Александру Павловичу, который не замедлилъ выразить ему свое расположеніе пожалованіемъ ему, въ томъ же 1824 году, ордена св. Александра Невскаго [1]). Но то было и послѣднею наградою для Амвросія, вслѣдъ за которою ему пришлось испить, какъ это было видно раньше, горькую чашу многихъ огорченій и непріятностей.

Въ Казани преосвященный Амвросій сталъ во главѣ просвѣщенія того захолустнаго края. Онъ взялъ на себя руководство мѣстнымъ отдѣломъ библейскаго общества и заботился о разширеніи его полезной дѣятельности. Какъ непремѣнный членъ отдѣла, онъ, помимо ординарной дѣятельности, сдѣлалъ предложеніе главному комитету библейскаго общества въ Петербургѣ о необходимости перевода св. писанія на одинъ изъ инородческихъ языковъ, именно на мордовскій, и указывалъ даже для этого средства — это участіе въ переводѣ знающихъ мордовскій языкъ священниковъ собственной епархіи, при чемъ онъ самъ на себя бралъ трудъ окончательнаго редактированія и разсмотрѣнія перевода. Кромѣ того, преосвященный каждое

---

[1]) Расположеніе Александра I къ Амвросію такъ осязательно высказывалось въ Симбирскѣ, что народная молва назначала его даже въ митрополита. Воспоминанія Панаева. „Вѣстникъ Европы“ 1867 г., т. IV. 119.

событіе въ жизни мѣстнаго библейскаго отдѣла непремѣнно отличалъ своими рѣчами. 20-го января 1818 года онъ говорилъ рѣчь при открытіи казанскаго комитета библейскаго общества; то же самое онъ дѣлалъ и при каждогодныхъ генеральныхъ собраніяхъ казанскаго отдѣленія библейскаго общества. Нѣкоторыя изъ рѣчей Амвросія, говоренныхъ имъ въ библейскомъ отдѣлѣ, настолько оказались превосходными, что прославили его имя не только въ Россіи, но и заграницей..

Особенно громкую извѣстность получила рѣчь преосвященнаго Амвросія, сказанная имъ въ генеральномъ собраніи казанскаго отдѣленія россійскаго библейскаго общества 5-го февраля 1822 года и трактовавшая о пользѣ чтенія св. писанія. Она была переведена на иностранные языки и, между прочимъ, на французскій. Эта рѣчь Амвросія подробно по частямъ разбиралась въ свѣтскихъ парижскихъ журналахъ и французы отзывались о ней какъ объ одномъ изъ замѣчательныхъ произведеній современнаго краснорѣчія. Имя Амвросія, какъ оратора, стало извѣстно и Западной Европѣ; объ немъ съ уваженіемъ отзывались даже въ заграничной періодической печати.

Преосвященный Амвросій отличался самымъ всестороннимъ образованіемъ. Кромѣ древнихъ языковъ, онъ зналъ и нѣкоторые изъ новѣйшихъ и отлично владѣлъ французскимъ языкомъ. Произведенія древнихъ классическихъ писателей [1]), равно какъ и творенія всѣхъ отцовъ древней вселенской церкви ему извѣстны были въ совершенствѣ. Кромѣ того, не было науки, въ области которой онъ не имѣлъ бы обширныхъ свѣдѣній. Амвросій считался хорошимъ знатокомъ исторіи, географіи, естествознанія, статистики и др. Въ бытность его въ Казани въ степени своей учености Амвросій могъ поспорить съ самыми извѣстными профессорами университета. Амвросій, любя науку, посѣщалъ и мѣстное святилище ея—казанскій университетъ. Онъ находился притомъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ попечителемъ казанскаго учебнаго округа, столь извѣстнымъ Магницкимъ. Тогда казанскій университетъ весьма часто встрѣчалъ въ своихъ стѣнахъ представителя мѣстной церкви. Амвросій не

[1]) Извѣстна латинская грамматика Амвросія, долгое время считавшаяся классическою.

только аккуратно посѣщалъ всѣ годичные экзамены въ университетѣ, но даже весьма часто бывалъ и на третныхъ экзаменахъ. Амвросій не любилъ сидѣть молчаливымъ свидѣтелемъ. Сначала онъ обыкновенно прерывалъ экзаменующагося, поясняя самъ помимо профессора то, что было сказано, выражено не точно или неудовлетворительно, потомъ все больше и больше входилъ въ разговоръ, воодушевлялся, начиналъ говорить по тому или другому возбужденному вопросу уже одинъ, иногда говорилъ по часу и по полутора часа. Тогда въ экзаменаціонной залѣ все умолкало и присутствующіе съ благоговѣніемъ внимали рѣчи ученаго архіерея и съ замираніемъ сердца ловили, всѣ до послѣдняго, его слова. Нѣкоторые изъ тогдашнихъ студентовъ университета, подъ вліяніемъ увлеченія рѣчью архіерея, называли его рѣчь ангельскою, а его мысли божественными. И замѣчательно,—это говорили молодые свѣтскіе люди, всегда съ предубѣжденіемъ относящіеся ко всему духовенству. Въ присутствіи на университетскихъ экзаменахъ ученаго и всесторонне образованнаго Амвросія профессора иногда чувствовали себя не совсѣмъ въ хорошемъ положеніи. Они стѣснялись, боясь быть скомпрометированными въ своихъ научныхъ доводахъ архіереемъ. Былъ такой довольно забавный случай. Въ 1821 году возвратился въ Казань изъ кругосвѣтнаго путешествія профессоръ астрономіи Симоновъ (впослѣдствіи ректоръ университета). Между прибывшимъ путешественникомъ и Амвросіемъ завязался очень оживленный разговоръ и оказалось, что преосвященный Амвросій зналъ всѣ страны, гдѣ былъ Симоновъ, гораздо лучше и основательнѣе, чѣмъ этотъ путешественникъ.. При такой глубокой и разнообразной учености длинныя разсужденія Амвросія на экзаменахъ не только не утомляли слушателей, но казались для нихъ въ высшей степени увлекательными и интересными. Только одно дѣйствовало не особенно пріятно въ ученыхъ бесѣдахъ архіепископа: онъ часто въ порывѣ увлеченія не могъ удерживаться отъ колкости въ выраженіяхъ, которая выработалась въ его характерѣ, какъ результатъ, какъ слѣдствіе его служебной карьеры, не особенно блестящей,—сравнительно съ тою, какой онъ заслуживалъ по своимъ талантамъ. Но казанцы хорошо понимали характеръ своего владыки и многое извиняли ему.

Въ Казани всегда находился многочисленный кружокъ почитателей Амвросія и его таланта. Члены кружка по временамъ собирались у преосвященнаго и здѣсь въ интимномъ обществѣ друзей иногда подолгу текла рѣчь краснорѣчиваго архіерея. Въ числѣ почитателей Амвросія находились и студенты университета. Директоръ университета, отобравъ иногда нѣсколько человѣкъ изъ старшихъ студентовъ, отправлялся съ ними къ архіепископу. Подобныя поѣздки чаще всего предпринимались въ день имянинъ Амвросія. Почитатели казанскаго архіепископа собирались къ нему то въ городской архіерейскій домъ, но нерѣдко являлись они и въ лѣтней резиденціи казанскихъ архіепископовъ, въ живописномъ и роскошно обстроенномъ «Іерусалимѣ». Такъ назывался казанскій загородный архіепископскій домъ, расположенный не подалеку отъ озера Кабанъ и основанный любимцемъ Екатерины II, архіепископомъ казанскимъ Амвросіемъ Подобѣдовымъ, который при щедромъ пособіи императрицы построилъ тамъ себѣ настоящій дворецъ и жилъ въ немъ съ роскошью католическаго прелата, задавая пиры чуть ни для всей казанской знати. Въ тѣнистомъ обширномъ саду знаменитаго Іерусалима Амвросій иногда велъ бесѣды съ своими поклонниками и увлекалъ ихъ силою своего краснорѣчія. Чаще предметъ его разговоровъ вращался около религіозныхъ вопросовъ. Какое сильное, глубокое впечатлѣніе производили на собесѣдниковъ Амвросія его рѣчи, объ этомъ можно судить на основаніи нѣкоторыхъ сохранившихся до настоящаго времени отзывовъ. Такъ одинъ изъ почитателей преосвященнаго Амвросія, выслушавъ живое краснорѣчивое описаніе имъ творенія Богомъ міра, оказался въ восторгѣ отъ него, не смотря на то, что предметъ былъ слишкомъ извѣстный и обыкновенный. «Всю сію картину (міротворенія), сообщаетъ этотъ современникъ, онъ (Амвросій) представилъ въ такомъ величественномъ видѣ, изобразилъ ее такъ осязательно, живо и ярко, что, казалось, видѣли Бога... Мы изумлены были величію картины его (Амвросія) и въ немъ самомъ видѣли что-то божественное. Никогда я никакого сочиненія не читывалъ съ такимъ восторгомъ, съ какимъ его слушалъ. Какъ жалко, что слова сіи безпримѣрныя исчезли въ воздухѣ и произнесены въ уединенной комнатѣ, а не въ услышаніе всего міра!» — «Въ памяти моей

навсегда остались,—такъ сообщаетъ въ своихъ запискахъ одинъ изъ современниковъ Амвросія, бывшій въ его время студентомъ казанскаго университета и въ числѣ другихъ посѣщавшій архіепископа,—двѣ бесѣды преосвященнаго Амвросія. Разъ онъ говорилъ о провидѣніи, которое все видитъ въ мірѣ и въ человѣкѣ, и которое иногда открывало самыя тайныя преступленія. До сихъ поръ, къ чему бы я ни приступалъ, я боюсь Бога и вижу, какъ Онъ на меня смотритъ, потому что вотъ и теперь предо мною живо стоитъ то, что говорилъ Амвросій»...

III.

Въ бытность свою въ Казани, гдѣ онъ вынесъ не мало непріятностей и разошелся почти со всѣмъ духовенствомъ, преосвященный Амвросій значительно измѣнился. Въ Тулѣ главною стихіею его жизни была проповѣдь, которую тамъ цѣнили по достоинству высоко и предъ нимъ благоговѣли всѣ, какъ предъ геніальною личностью, предъ знаменитостью. Въ Казани было не то. Дрязги житейскія и интриги не давали покоя архіепископу. Онъ былъ постоянно въ худомъ расположеніи духа, а потому и говорилъ проповѣди рѣдко, по крайней мѣрѣ, сравнительно съ Тулою. Онъ не хотѣлъ во всемъ блескѣ развернуться со своимъ проповѣдническимъ талантомъ предъ обществомъ, которое его не цѣнило и которое отравляло его спокойствіе мелочами и интригами своей частной жизни. Вмѣсто общественной публичной проповѣди, Амвросій сосредоточился самъ въ себѣ и былъ краснорѣчивъ и увлекателенъ болѣе всего въ стѣнахъ своего кабинета и архіерейской гостиной, въ кругу избранныхъ лицъ и излюбленнаго общества. Здѣсь вдохновенная, необыкновенно убѣдительная и пріятная рѣчь его часто лилась живымъ неудержимымъ потокомъ, самъ Амвросій тогда весь обращался въ воодушевленіе. Въ такіе часы его замѣчательный и иногда долгое время сдерживаемый ораторскій талантъ прорывался съ силою бушующаго потока и приводилъ въ восторгъ и изумленіе кружокъ его гостей. Отсюда происходило то, что въ частной бесѣдѣ, въ кабинетномъ разговорѣ, Амвросій, по крайней мѣрѣ такъ было въ Казани, казался выше и пріятнѣе, чѣмъ даже въ проповѣди. Поэтому совершенно правъ одинъ изъ

хорошо знавшихъ преосвященнаго, который однажды выразился объ Амвросіѣ: «потомки наши, читая однѣ проповѣди его, не будутъ въ половину знать, что̀ былъ вдохновенный Амвросій».—» То отзывы свѣтскихъ людей. Изъ духовныхъ писателей очень оригинальный и вѣрный взглядъ на проповѣди Амвросія высказалъ знаменитый Платонъ, митрополитъ московскій, самъ принадлежащій къ числу извѣстныхъ проповѣдниковъ своего времени: «Если бы я писалъ такъ, какъ онъ (Амвросій), то вся Россія сходилась бы меня слушать», такъ однажды сказалъ съ свойственнымъ ему добродушіемъ Платонъ, разумѣя здѣсь съ одной стороны свой неподражаемый даръ произношенія и даръ необыкновеннаго краснорѣчія Амвросія съ другой [1]).

Одна изъ причинъ обаятельнаго вліянія проповѣдей Амвросія заключалась въ самомъ ихъ внутреннемъ характерѣ. Амвросій отказался отъ рабства старымъ риторическимъ требованіямъ, не писалъ по риторическимъ хріямъ и фигурамъ, а предоставлялъ себѣ полную свободу въ формѣ изложенія. Проповѣди его отличаются вдохновеніемъ самаго первостатейнаго поэта, обилуютъ картинами, которыя нерѣдко просто поражаютъ живостью и рельефностью своихъ красокъ. Но главное достоинство проповѣдей Амвросія скрывалось въ его чувствѣ. Его слово было всегда плодомъ одного его сердца, изліяніемъ пламеннаго, ревнующаго по вѣрѣ чувства. Соединеніе глубокаго чувства съ поэтическимъ талантомъ — составляетъ самое главное достоинство проповѣдей Амвросія, которое всегда увлекало умъ и сердце слушателей и всегда придавало особенную силу и трогательность его рѣчи.

Амвросій, прекрасно владѣвшій французскимъ языкомъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ подражалъ французскимъ проповѣдникамъ и по ихъ примѣру заботился о блескѣ и рельефности картинъ. Болѣе другихъ онъ имѣлъ сходство съ Массиньеномъ, но отличался отъ него тѣмъ, что у Массиньена за картиною наказаній всегда обыкновенно слѣдовала картина милосердія Божія, а преосвященный Амвросій, напротивъ, оставляетъ своего слушателя съ одною мыслію о карѣ, о наказаніи Божіемъ и

---

[1]) Начертаніе жизни митрополита Платона. Снегирева, часть II, стр. 71.

вселяетъ въ его сердце боязнь и ужасъ за свою загробную участь.

Любимыми предметами для проповѣдей Амвросія служили: мысли о будущей жизни, о вѣчности, о скоротечности земной человѣческой жизни и призрачности всѣхъ земныхъ благъ и отличій. Вотъ, напримѣръ, въ какихъ живыхъ чертахъ описываетъ Амвросій внутреннее состояніе человѣка, все время служившаго міру и его удовольствіямъ и теперь готовящагося къ смерти: «Взираетъ поклонникъ разума на міръ, исчезающій въ очахъ его. Онъ говоритъ: и такъ завѣса опускается и мраки смерти сокрываютъ отъ очей моихъ вся красная міра сего. Земля, ты теряешься во взорахъ моихъ! Лучезарное солнце, ты въ послѣдній разъ озаряешь зѣницы мои! Природа! мрачный покровъ закрываетъ отъ меня навсегда красоты твои! Жизнь скоротечная! ты уже на закатѣ своемъ! Гдѣ радости, украшавшія дни мои?—исчезли, какъ сонъ утренній. Гдѣ удовольствія, которыя растворяли чашу жизни моей веселіемъ?—лежатъ непримѣтны въ нѣдрахъ времени протекшаго. Гдѣ времена златыя, кои провелъ я на лонѣ блаженства и забавъ?—они протекли, яко рѣка, пролетѣли, какъ молнія, на крилахъ времени, и никогда не возвратятся ко мнѣ. Титла мои знаменитыя, вы уже для меня не существуете; вы украсите гробъ мой; но сердце, прилегшее къ персямъ земнымъ, не утѣшится вами! Богатства мои, для которыхъ перенесъ я толико трудовъ, толико безпокойства, вы перейдете въ руки чуждыя! Ближніи мои, къ которымъ привязано сердце мое столь нѣжными узами, я разлучаюсь съ вами навсегда, навсегда! Можетъ быть, теплая слеза ваша падетъ на гробъ мой; но хладная персть не согрѣется отъ нея! Можетъ быть, томный вздохъ вашъ будетъ воззывать меня паки изъ нѣдръ земли, но неумолимая смерть не возвращаетъ добычъ своихъ» [1]).

Тонъ проповѣдей Амвросія въ значительной степени изображаетъ на себѣ внутренній міръ его души. Невзгоды, вынесенныя имъ во вторую половину его жизни, сильно сказались на его характерѣ, который сдѣлался меланхоличнымъ, мрачнымъ.

---

[1]) Слова и рѣчи преосвященнаго Амвросія. Стр. 43, 252.

Тоже самое иногда отражалось и въ его проповѣдяхъ, въ которыхъ онъ, напримѣръ, нерѣдко проводитъ слишкомъ аскетическіе взгляды на міръ и высказываетъ слишкомъ мало вѣры въ нравственныя силы человѣка. «Что есть человѣкъ, такъ говорилъ Амвросій въ своей рѣчи при вступленіи на тверскую паству. Человѣкъ—это слѣпецъ, который ищетъ свѣта и, между тѣмъ, добровольно возлагаетъ на очи свои завѣсу мрака; это рабъ страстей, который воздыхаетъ подъ оковами ихъ и непрестанно лобызаетъ оковы сіи; хвалится смысломъ и разумомъ предъ безсловесными, а между тѣмъ, поставленный въ чести сей, прилагается часто, какъ говоритъ слово Божіе, скотомъ несмысленнымъ и уподобляется имъ, носитъ въ груди своей скрижали закона естественнаго и въ пылу страстей сокрушаетъ скрижали сіи предъ кумиромъ порока, изваяннымъ растлѣніемъ его сердца; чувствуетъ, что сотворенъ онъ для добродѣтели, для святыни, и приноситъ кадило пороку; любитъ добро и отрѣваетъ оное; ненавидитъ злое и лобызаетъ его» [1]).

Преосвященный Амвросій, какъ проповѣдникъ, имѣлъ и недостатки. Его внѣшность не соотвѣтствовала внутреннимъ достоинствамъ и высотѣ его таланта. Онъ отличался маленькимъ ростомъ, былъ толстъ, имѣлъ далеко некрасивое лицо и, главное, имѣлъ слабый голосъ. Невыгодное впечатлѣніе, получаемое отъ его физіономіи, сглаживалось только его живыми, свидѣтельствовавшими объ его глубокомъ умѣ, глазами. Заранѣе написанныя проповѣди онъ читалъ въ церкви по тетради и чтеніе его отличалось монотонностью, однообразіемъ. Слабость голоса лишала его дара отличной декламаціи. Когда преосвященный Амвросій говорилъ проповѣдь безъ приготовленія, экспромтомъ, тогда рѣчь его была живая, увлекательная, лицо воодушевлялось и получало болѣе симпатичный и пріятный видъ. Другой недостатокъ заключался въ языкѣ проповѣдей, который казался для того времени довольно устарѣлымъ и много содержалъ въ себѣ славянскихъ оборотовъ. Впрочемъ это былъ общій недостатокъ всѣхъ нашихъ проповѣдниковъ того времени, которые считали чуть ни за грѣхъ говорить живымъ, общепо-

---

[1]) Слова и рѣчи преосвященнаго Амвросія. Стр. 247.

нятнымъ языкомъ. Бо́льшая часть проповѣдей того времени нуждается въ переводѣ на современный языкъ. Впрочемъ, относительно проповѣдей Амвросія нужно сказать, что онѣ, не смотря на присутствіе въ нихъ старыхъ славянскихъ оборотовъ рѣчи, отличаются сравнительною простотою и доступностью. Это объясняется отчасти тѣмъ, что Амвросій не любилъ писать длинными періодами, а выражался въ большинствѣ случаевъ коротко, отрывочно. Строгіе критики могутъ подмѣтить еще одинъ недостатокъ въ произведеніяхъ преосвященнаго Амвросія. Дѣйствительно, картинность и живость словъ Амвросія иногда не находятся въ гармоніи съ логическою послѣдовательностію. Вмѣсто того, чтобы развить мысль логически, отчетливо, онъ достаточнымъ иногда считаетъ облечь ее въ картины, но здѣсь оказывается, что одно не вполнѣ доказано, другое оставлено безъ поддержки; иное выражено слишкомъ рѣзко, другое — слабо [1]).

Въ заключеніе своего очерка о проповѣднической дѣятельности архіепископа Амвросія, я приведу отзывъ о ней одного изъ хорошо извѣстныхъ его современниковъ. «Проповѣди преосвященнаго Амвросія, пишетъ этотъ современникъ, необыкновенны, достойны Бога, Котораго онъ восхваляетъ, неимовѣрны для человѣка. Какую ни разверните вы проповѣдь, вездѣ онъ великъ. Возьмите на успеніе Божіей Матери (о вѣчности): какія мысли глубокія, какая возвышенность для души; онъ такъ изображаетъ ее, что душа, кажется, разливается и дѣлается безпредѣльною и отъ изумленія останавливается. Это Державина ода «Богъ»! Возьмите на скоротечность всего земнаго (на Новый Годъ 1815-й): кто не почувствуетъ ничтожности земной, кто не содрогнется отъ столь живительныхъ и разительныхъ противоположностей славы міра съ ничтожествомъ ея? Или когда онъ говоритъ о гибели нечестивыхъ: кто не ужаснется грѣховъ своихъ и не дастъ себѣ (хотя мгновенно) рѣшительнаго обѣщанія не только исправиться, но даже совсѣмъ отрѣшиться міра? Описываетъ ли онъ смерть христіанина—надобно содрогаться;

---

[1]) Филаретъ черниговскій. Обзоръ русской духовной литературы. 1863 г., изданіе 2-е, стр. 220—221.

описываетъ великолѣпіе міра Божія: какое величіе, какое славословіе Господу! Наконецъ, негодуетъ ли онъ (въ словѣ на избраніе судей), тогда никто съ нимъ не сравнится. Это пророкъ ветхозавѣтный, который ничего не щадитъ. Это Державина ода: «Вельможа». Въ другихъ проповѣдяхъ его слышатся стоны, какъ въ одѣ на смерть Мещерскаго. Я видѣлъ его, я слышалъ его и въ бесѣдѣ, и говорящаго проповѣди. Никогда не забуду сего счастія. Когда еще былъ я студентомъ, онъ часто навѣщалъ университетъ. Съ отеческою нѣжностью онъ экзаменовалъ насъ, но не надолго: возбужденный какимъ-нибудь предметомъ, онъ приходилъ въ состояніе божественности, лицо его оживлялось, глаза блистали необыкновеннымъ свѣтомъ, онъ забывалъ и говорилъ о Богѣ съ такимъ усладительнымъ, необыкновеннымъ краснорѣчіемъ, что, не смотря на нашу молодость, которая не любитъ заниматься подобными предметами, мы пожирали слова его, боялись, что перестанетъ говорить и забывали гдѣ мы: мы, казалось, видѣли самаго Бога, въ трепетѣ благоговѣли и чувствовали что-то небесное. А онъ! Въ немъ, кажется, самъ Богъ дѣйствовалъ. Это не человѣкъ, это существо высшее. Нѣтъ, не слыхивалъ я подобнаго краснорѣчія! Не видывалъ, кто-бы могъ производить надъ слушателями подобныя впечатлѣнія!... Въ Россіи совсѣмъ не знаютъ Амвросія. Ни одного намека не удалось мнѣ читать о проповѣдяхъ его. Амвросія или не знаютъ, или считаютъ проповѣдникомъ хорошимъ, но не настолько важнымъ, каковъ онъ на самомъ дѣлѣ. Но, не смотря на мою неизвѣстность, по собственному чувству скажу, что Амвросій первый изъ русскихъ проповѣдниковъ, какіе когда-либо были. Не унижаю другихъ іерарховъ нашихъ, чтобы возвысить Амвросія, но смѣло отдаю ему первое между ними мѣсто. Во многихъ изъ нихъ много богословской учености, ума, но ни въ одномъ нѣтъ столько генія, чувствованія. Непонятно, какимъ образомъ русскіе, которые имѣютъ столь великія творенія,—и не восхищаются ими. Ихъ (русскихъ) можно сравнить съ тѣми жалкими греками, которые жили во время Омира и не знали, что онъ первый поэтъ,—съ тѣми англичанами, современниками Мильтона, которые не знали его «Потеряннаго Рая». Проповѣди Амвросія не только безъ всякаго спору первыя на русскомъ, но и во всемъ ученомъ мірѣ единственныя. Умъ не-

обыкновенный! Но что всего дороже—чувство. Это не тѣ чувствованія, которыя описываются умомъ, наблюдающимъ сердце человѣческое; это чувствованія, истекающія изъ самаго сердца. Русскіе могутъ хвалиться и стать наравнѣ со всѣми народами и всѣхъ временъ: побѣдами полководцевъ, одами Державина, баснями Крылова, исторіей Карамзина и проповѣдями Амвросія».

Представленный отзывъ объ Амвросіѣ, конечно, отзывается нѣкоторыми преувеличеніями, но въ немъ есть весьма значительная доля правды. На основаніи этого отзыва можно судить о томъ, какъ высоко смотрѣли современники на проповѣдническій талантъ преосвященнаго Амвросія.

Преосвященный Амвросій по своему характеру не былъ способенъ ни къ заискиванію передъ высшими, ни къ потворству своимъ подчиненнымъ. Строгое служеніе правдѣ составляло его призваніе. Прямодушіе его отклоняло отъ него всякое покровительство, а колкость и рѣзкость его характера нерѣдко прямо наживали ему враговъ. Да и самъ онъ не особенно заботился о своей популярности, особенно это нужно сказать относительно Казани, которой онъ вообще не любилъ и не жаловалъ. Амвросій, живя въ Казани, считалъ себя обиженнымъ и загнаннымъ человѣкомъ. Дѣйствительно, его обходили и повышеніями, и наградами. Однако онъ не скорбѣлъ объ этомъ, всегда казался спокойнымъ, но на лицѣ его все-таки замѣчались слѣды грусти, печали, а его унылый, какъ бы сквозь слезы, голосъ, особенно когда онъ говорилъ поученія, напоминалъ его слушателямъ о томъ, какъ много перенесъ горя и обидъ ихъ знаменитый архипастырь.

IV.

6-го ноября 1826 года преосвященный Амвросій былъ перемѣщенъ на Тверскую, хотя и древнюю, но низшую епархію. Переводъ въ Тверь былъ послѣднею чашею горя, испитою Амвросіемъ, такъ какъ этотъ переводъ состоялся для него какъ наказаніе, которое онъ понесъ по слѣдующему обстоятельству. При вступленіи на престолъ императора Николая Павловича, извѣстный М. Л. Магницкій немедленно былъ высланъ изъ Петербурга, какъ человѣкъ дерзкій и безпокойный, и сосланъ

подъ надзоръ въ Казань. Казанскій губернаторъ, баронъ Розенъ, въ донесеніи отъ 11 октября 1826 году нижегородскому, казанскому, симбирскому, саратовскому и пензенскому генералъ-губернатору, генералу Бахметову, сообщая о связяхъ Магницкаго съ ничтожными и безпокойными людьми, каковы бывшій прокуроръ Херувимовъ, чиновники Губовъ и Уманецъ, присовокуплялъ: «не могу также скрыть отъ вашего высокопревосходительства, что Магницкій съ епархіальнымъ архіереемъ находится въ хорошихъ связяхъ, часто у него бываетъ, просиживая иногда и до полуночи». Бахметевъ сообщилъ объ этомъ начальнику главнаго штаба графу Дибичу, вслѣдствіе чего, по Высочайшему повелѣнію, объявленному Дибичемъ 23 ноября 1826 г., Магницкій былъ переведенъ въ Ревель. Очень вѣроятно, что Дибичъ о содержаніи донесенія казанскаго губернатора сообщилъ синодальному оберъ-прокурору, послѣдствіемъ чего и былъ переводъ Амвросія на Тверскую низшую епархію [1]).

Въ Тверь преосвященный Амвросій прибылъ 15-го декабря 1826 года и управлялъ тверской епархіей около четырехъ съ половиною лѣтъ. Умеръ онъ отъ эпидеміи. Лѣтомъ 1831 года въ Твери открылась холера. Болѣзнь уносила много жертвъ. Императоръ Николай Павловичъ, всегда являвшійся лично раздѣлять бѣдствія своего народа, самъ пріѣхалъ въ Тверь. Преосвященный Амвросій встрѣтилъ героя-государя въ соборѣ и говорилъ ему привѣтственную рѣчь. Страшныя опустошенія, производимыя холерою, при слабой помощи и ограниченности медицинскихъ средствъ, привели народъ въ панику. Всѣ обратились къ помощи Неба. Преосвященный Амвросій, по желанію своей бѣдствующей паствы и по собственному усердію къ вѣрѣ, прибѣгнулъ къ покровительству патрона мѣстнаго города св. Михаила Ярославича, князя тверскаго, открылъ крестный ходъ и носилъ во время его мощи св. князя вокругъ всего города. Это было 24-го іюня. Жаръ стоялъ невыносимый. Преосвященный подъ тяжестью архіерейскихъ облаченій утомился до изнеможенія. Для возстановленія своихъ силъ онъ разоблачился и вынужденъ былъ отдыхать на открытомъ мѣстѣ (за рѣкою Тьма-

---

[1]) Воспоминанія В. И. Панаева «Вѣстникъ Европы» 1867 года. Томъ IV, 120.

кою, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь проходитъ городской валъ, устроенный для предупрежденія наводненій). Вслѣдъ затѣмъ въ немъ открылись признаки холеры, которая перешла въ нервную горячку и на осьмой день утромъ 1-го іюля прекратила жизнь знаменитаго тверскаго архіепископа. Амвросій умеръ на 69 году отъ рожденія. Тѣло его погребено въ Желтиковѣ (въ двухъ трехъ верстахъ отъ Твери) монастырѣ, и что всего страннѣе и удивительнѣе, не въ самой церкви, а на общемъ монастырскомъ кладбищѣ, близъ главнаго храма, по правую сторону алтаря. Такое отступленіе отъ общаго правила, по которому всѣхъ архіеревъ погребаютъ непремѣнно въ самыхъ соборахъ и церквахъ, можно объяснить развѣ характеромъ болѣзни, которая принадлежитъ къ числу заразительныхъ. Разсказываютъ, что самый гробъ преосвященнаго былъ засыпанъ глубокимъ слоемъ извѣсти. Долгое время могила архіепископа оставалась безъ надгробнаго памятника. Въ настоящее время надъ могилою архіепископа Амвросія устроенъ скромный, въ видѣ небольшаго обелиска, памятникъ изъ темнаго гранита съ краткимъ указаніемъ погребеннаго лица и года его смерти. Особыя обстоятельства смерти преосвященнаго Амвросія послужили поводомъ къ тому, что въ Твери нѣкоторое время ходила поговорка о томъ, что «тверской губернаторъ.... уморилъ Амвросія крестными ходами».

Изъ частной жизни преосвященнаго Амвросія сохранилось извѣстнымъ очень немногое. Извѣстно, напримѣръ, что онъ отличался строго монашескою жизнію и всегда обнаруживалъ строгую умѣренность во всемъ. Столъ его состоялъ изъ самыхъ простыхъ блюдъ, каковы супъ съ грибами, сухая рыба и даже рѣдька съ квасомъ. Однажды Амвросій случайно узналъ, что у его келейниковъ готовили вафли. Призвавъ къ себѣ одного изъ нихъ, онъ шутя сказалъ ему: «спросите у повара архіерейскаго, что онъ готовилъ своему владыкѣ». Оказалось, что къ обѣду архіерея въ тотъ день были приготовлены супъ съ грибами и гречневая каша. Бо́льшая часть средствъ, какія приходилось получать Амвросію по службѣ, шли на милостыню, которую онъ раздавалъ щедрою рукою и при томъ не самъ, а чрезъ особыхъ довѣренныхъ лицъ. Часто его шкатулка до того пустѣла, что въ ней не оставалось даже и пяти рублей.

При жизни преосвященнаго Амвросія какъ въ Тулѣ, такъ

равно въ Казани и наконецъ въ Твери, всегда находилось много почитателей его проповѣдническаго таланта. Между почитателями его встрѣчались такія лица, которыя собирали какъ проповѣди его, такъ и всѣ случаи болѣе или менѣе касающіеся какъ его общественной дѣятельности, такъ и частной жизни. Въ числѣ такихъ почитателей были и духовныя, и свѣтскія лица. Во время архипастырства Амвросія въ Казани, настоятель Раифской казанской пустыни архимандритъ Амвросій предпринялъ составленіе біографіи архіепископа Амвросія и уже, какъ ходили настойчивые слухи, успѣлъ закончить ее. Дѣло остановилось на печатаніи. Архимандритъ Амвросій, какъ почитатель и поклонникъ архіепископа Амвросія, конечно свою любовь и привязанность къ нему обнаружилъ и въ составленной имъ біографіи. Автору біографіи, конечно, приходилось имѣть дѣло съ явленіями и событіями, происходившими въ Казани, и такимъ образомъ нужно было касаться и современныхъ гражданскихъ властей и духовныхъ особъ г. Казани, съ которыми въ свое время боролся архіепископъ во имя правды и своего долга. Поэтому, біографъ Амвросія, какъ человѣкъ не особенно высокаго ранга, опасался подъ своимъ собственнымъ именемъ издавать свой трудъ, въ которомъ обнаруживались многія несправедливыя дѣйствія нѣкоторыхъ сильныхъ гражданскихъ и духовныхъ особъ, изъ которыхъ иныя находились еще въ живыхъ и сильно могли повредить архимандриту Амвросію. Опасенія о. Амвросія шли еще дальше. Въ числѣ присутствующихъ въ св. синодѣ находился и ревизоръ преосвященнаго Амвросія, личный врагъ и недоброжелатель его, архіепископъ Іона. Архимандритъ Амвросій за свой панегирикъ соименному себѣ архіепископу и отъ синода опасался нажить себѣ неблаговоленіе. Для того, чтобы приготовленный трудъ не пропалъ даромъ, о. Амвросій поступилъ очень благоразумно, передавъ его, для изданія, другому лицу, также почитателю архіепископа Амвросія. Это было въ въ 1846 году. Кто такой былъ получившій трудъ о. Амвросія, и какая судьба постигла этотъ самый трудъ, остается совершенно неизвѣстнымъ.

Въ бытность Амвросія архіепископомъ въ Казани, родной племянникъ его Александръ Сергѣевичъ Протасовъ, бывшій адъюнктъ-профессоромъ въ Казанскомъ университетѣ, велъ по-

дробныя записки о своемъ знаменитомъ дядѣ. Но онъ въ 1830 году скоропостижно умеръ въ Казани отъ холеры, и оставшіяся послѣ него бумаги, въ томъ числѣ несомнѣнно и записки объ архіепископѣ Амвросіѣ, отосланы были въ Москву къ одному изъ его племянниковъ, оставшихся послѣ его родного брата, бывшаго священникомъ въ Рогожской части. Преосвященный Амвросій такъ холодно и не сочувственно относился къ Казани, что не хотѣлъ оставить никакихъ своихъ бумагъ даже и племяннику своему, профессору университета, а всѣ ихъ забралъ съ собою въ Тверь. Тамъ застигнутый неожиданно смертью, Амвросій не успѣлъ распорядиться своими бумагами и что съ ними сдѣлалось въ Твери—неизвѣстно. Очень вѣроятно, что и онѣ отправлены были въ Москву къ его внучатнымъ племянникамъ.

Въ Казани, въ числѣ почитателей Амвросія, находились и женщины. Извѣстно имя Марьи Ивановны Юшковой, которая занималась тщательнымъ собираніемъ проповѣдей Амвросія.

При жизни Амвросія проповѣди его печатались въ современныхъ свѣтскихъ журналахъ, напримѣръ въ «Вѣстникѣ Европы», въ «Сынѣ Отечества», въ «Казанскомъ Вѣстникѣ» и др. Въ Тулѣ проповѣди его весьма часто печатались въ губернской типографіи, въ видѣ отдѣльныхъ брошюръ, подобно издающейся въ настоящее время отдѣльными выпусками «каѳедрѣ Исакіевскаго собора». Изъ духовныхъ журналовъ проповѣдей Амвросія много напечатано въ христіанскомъ чтеніи, когда оно находилось подъ редакціею ректора С.-Петербургской академіи епископа Аѳанасія (впослѣдствіи епископа Саратовскаго), а въ болѣе ближайшее къ намъ время въ «Душеполезномъ чтеніи». Болѣе всего Амвросій говорилъ проповѣдей въ Тулѣ. Въ Казани, по свидѣтельству современниковъ, онъ проповѣдывалъ не болѣе двадцати-тридцати разъ въ теченіи своего здѣсь десятилѣтняго архипастырства. Это отъ того, что онъ не любилъ Казани и не съ охотою печаталъ здѣсь свои проповѣди по непріятнымъ отношеніямъ съ губернскимъ начальствомъ и даже съ бо́льшею частью духовенства. Не смотря на многочисленныя къ нему обращенія, Амвросій въ Казани почти никому не давалъ списывать своихъ проповѣдей, отзываясь, что, по его не разборчивому почерку, все исказятъ. Дѣйствительно, преосвященный Амвросій писалъ очень связно и скоро, другія рѣчи

даже карандашемъ. Впрочемъ, другіе указываютъ болѣе глубокія причины нежеланія Амвросія видѣть въ печати свои проповѣди, а отсюда являются и другія причины малоизвѣстности послѣднихъ. «Одною изъ причинъ неизвѣстности проповѣдей преосвященнаго Амвросія, такъ писалъ одинъ изъ его современниковъ, должно полагать собственное его смиреніе. Онъ смиренъ и не искателенъ. Можетъ быть, онъ считаетъ неприличнымъ сану монашескому издать свои сочиненія, считая сіи данію грѣху—честолюбію; или, привыкнувъ считать себя предъ Богомъ ничтожнымъ рабомъ Его, онъ, по глубокому смиренію, считаетъ свои сочиненія ничтожными; или наконецъ потому, что великимъ умомъ своимъ и знаніемъ откровенія постигнувши все величіе Божіе, столько пораженъ имъ, что свои изображенія Его предъ Нимъ считаетъ не достаточными. Такъ для него, но не для насъ»...

Въ 1856 году П. А. Терсковъ издалъ въ С.-Петербургѣ слова и рѣчи архіепископа Амвросія, гдѣ общее число проповѣдей не восходитъ выше сорока. Это число, можно сказать, составляетъ ничтожную часть того, что оставилъ послѣ себя Амвросій. Изданію Терскова предшествуетъ біографія Амвросія, которая представляетъ изъ себя почти простую перепечатку формулярнаго его списка. При изданіи находится портретъ преосвященнаго и снимокъ съ почерка его руки.

В. И. Жмакинъ.

ДМИТРІЙ ПРОКОФЬЕВИЧЪ ТРОЩИНСКІЙ.

1754—1829.

I.

Къ числу особенно даровитыхъ русскихъ служилыхъ людей, подвизавшихся на гражданскомъ поприщѣ и дошедшихъ до высшихъ государственныхъ должностей прямымъ путемъ добросовѣстнаго и энергическаго труда, принадлежитъ скончавшійся въ 1829 году дѣйствительный тайный совѣтникъ Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій. Безъ связей, безъ громкаго имени, онъ съумѣлъ поставить себя въ близкія отношенія къ престолу, удержать за собою это положеніе въ продолженіи трехъ царствованій и, главное—сохранилъ при этомъ славу человѣка вполнѣ честнаго, прямодушнаго и безкорыстнаго.

Фамилія Трощинскихъ принадлежитъ малороссійскому дворянству; предки ихъ, еще въ XVI столѣтіи, перешли въ Запорожскую Сѣчь, а затѣмъ состояли въ гетманскомъ казачествѣ. Первый изъ нихъ, коего имя сохранилось въ семейной хроникѣ, былъ Матвѣй Трощинскій, который въ царствованіе Петра Великаго атаманствовалъ на Запорожьѣ и погибъ, благодаря своему близкому родству съ Мазепой; заподозрѣнный въ сообщничествѣ съ измѣнившимъ царю гетманомъ, онъ былъ схваченъ и умеръ въ заключеніи, а имѣніе его конфисковано.

Вдова его, съ малолѣтнимъ сыномъ Иваномъ, переселилась въ Полтавскую губернію, гдѣ Иванъ Матвѣевичъ, дослужившись впослѣдствіи до чина полковаго писаря, пріобрѣлъ себѣ хуторъ, составлявшій часть мѣстечка Ярески, Миргородскаго повѣта.

Одинъ изъ сыновей его, Иванъ, постригся въ монахи, подъ именемъ Амфилохія, и былъ впослѣдствіи архимандритомъ въ Кіевѣ, а затѣмъ епископомъ переяславскимъ; другой-же сынъ, Прокофій, состоя въ званіи войсковаго товарища, женился и устроилъ въ пріобрѣтенномъ отцемъ его имѣніи полную господскую усадьбу. Эта-то усадьба и была мѣстомъ рожденія его четырехъ сыновей, изъ которыхъ одному суждено было потомъ играть столь видную роль въ государственной дѣятельности и прославить неизвѣстную дотолѣ фамилію Трощинскихъ.

По примѣру предковъ своихъ, Прокофій Ивановичъ отправилъ старшаго своего сына Андрея на Запорожье, гдѣ послѣдній и состоялъ нѣкоторое время сотникомъ. Туда же предназначались и остальные сыновья: Ефимъ, Демьянъ и Дмитрій; но судьба рѣшила иначе. Сѣчь Запорожская, въ эту эпоху, уже доживала свои послѣдніе дни; Андрей вернулся на родину. Онъ и братья его Ефимъ и Демьянъ переженились на сосѣднихъ помѣщицахъ, обзавелись собственнымъ хозяйствомъ и удовольствовались скромною, неизвѣстною долею.

Иною дорогою пошелъ младшій сынъ, Дмитрій Прокофьевичъ, родившійся въ 1754 году. Рано уже стали въ немъ обнаруживаться выдающіяся способности и влеченіе къ наукамъ, соединенныя съ характеромъ возвышеннымъ и благороднымъ Эти качества обратили на него особое вниманіе роднаго дяди его, архимандрита Амфилохія; благодаря настояніямъ послѣдняго, юный Дмитрій помѣщенъ былъ въ Кіевскую духовную академію, бывшую въ то время разсадникомъ образованія южной Россіи [1]).

---

[1]) Упомянемъ здѣсь вкратцѣ о тѣхъ лицахъ, имена которыхъ будутъ встрѣчаться въ дальнѣйшемъ ходѣ этого біографическаго очерка и которыя были связаны болѣе или менѣе близкимъ родствомъ съ Дмитріемъ Прокофьевичемъ

Самъ онъ, не имѣвъ, повидимому, возможности жениться на любимой имъ дѣвушкѣ изъ очень хорошей фамиліи, оставался всю свою жизнь холостымъ, но имѣлъ внѣбрачную дочь Надежду, вышедшую замужъ за уланскаго офицера князя Ивана Хилкова; плодомъ этого брака была дочь Прасковья, выданная за барона Станислава Карловича Остенъ-Сакена.

Братъ Дмитрія Прокофьевича, Андрей, женатъ былъ на помѣщицѣ Аннѣ Матвѣевнѣ Косяровской (родной теткѣ Маріи Ивановны Гоголь-Яновской, матери нашего геніальнаго писателя). Единственный сынъ ихъ Андрей Андреевичъ служилъ въ военной службѣ, участвовалъ [illegible]

Окончивъ блистательно курсъ наукъ, Дмитрій Прокофьевичъ поступилъ въ гражданскую службу. Патентъ на первый чинъ (полковаго писаря) данъ былъ ему изъ Малороссійской коллегіи 21-го іюня 1773 года; но служебную дѣятельность свою онъ, вѣроятно, началъ нѣсколько ранѣе, поступивъ для занятія письменными дѣлами въ штабъ корпуса, занимавшаго Молдавію, — такъ какъ еще въ маѣ того-же года онъ писалъ матери своей изъ Яссъ:

„Нечаянной случай завелъ меня въ Молдавское Княжество, а недовѣдомая судьба опредѣлила мнѣ, въ столичномъ онаго городѣ Яссахъ, и надолго жилище. Разлучивъ съ кровными, удаливъ отъ друзей и оставя между иноязычными, ни пріятности дружбы ощущать не умѣющими, ниже свойства благодарности не знающими. Въ такомъ-то обществѣ, милостивая родительница, долженъ я теперь провождать дни жизни моей. При всемъ однако томъ, щасливѣйшимъ себя почту, если не буду забвенъ вами. Основаніе моего здѣсь пребыванія откроетъ списокъ, кой у сего препровождаю. Есть и всегда пребуду, по долгу, съ неограниченною преданностію, вашъ всепослушнѣйшій сынъ и нижайшій слуга Дмитрій Трощинскій.—Яссы. Маія 8-го, 1773 г.“.

Должно полагать, что уже съ этого времени онъ обратилъ на себя вниманіе находившагося тогда въ Молдавіи генералъ-аншефа князя Николая Васильевича Репнина, который, будучи назначенъ (въ 1775 г.), чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ въ Константинополь, взялъ Дмитрія Прокофьевича къ себѣ въ секретари.

Съ этихъ поръ и до начала 2-й турецкой войны Д. П. Трощинскій уже не разлучался съ кн. Репнинымъ, управлявшимъ,

---

ваннымъ имъ милиціоннымъ баталіономъ (впослѣдствіи переформированнымъ въ л.-гв. Финляндскій полкъ) въ войнѣ 1807 г. и, въ чинѣ генералъ-маіора, вышелъ въ отставку, въ 1811 году. Онъ былъ женатъ на Ольгѣ Дмитріевнѣ Кудрявцевой (мать коей считалась дочерью послѣдняго польскаго короля Станислава Понятовскаго и оставила по себѣ любопытныя записки, имѣющія быть помѣщенными въ „Русской Старинѣ“). Дѣтей у нихъ было трое: Анна, Софія и сынъ Дмитрій (живущій понынѣ).

Ефимъ Прокофьевичъ имѣлъ одного сына, Ивана Ефимовича, который (уже въ чинѣ генералъ-лейтенанта) устраивалъ Новомиргородскія военныя поселенія, и дочь Прасковью, вышедшую замужъ за полковника Карла фонъ-Шлихтинга.

по возвращеніи въ Россію, различными губерніями и намѣстничествами. Завѣдуя канцеляріею этого замѣчательнаго по способностямъ вельможи, онъ усовершенствовался въ письмоводствѣ и пріобрѣлъ опытность и особое искусство въ дѣлахъ. Здѣсь же дослужился онъ до чина коллежскаго совѣтника, пожалованнаго ему 12 февраля 1786 года.

Незадолго передъ началомъ второй войны съ Турціею, въ 1787 г., императрица Екатерина II, сопровождаемая блестящею свитою военныхъ и гражданскихъ сановниковъ, посѣтила — какъ извѣстно — вновь пріобрѣтенный Новороссійскій край. Это путешествіе было зарею счастія для Дмитрія Прокофьевича. При остановкѣ государыни въ Кіевѣ, онъ, въ числѣ прочихъ лицъ, былъ представленъ ей и, въ это же время, кн. Репнинъ передалъ его — какъ чиновника надежнаго и опытнаго — графу Безбородкѣ.

Даровитость и усердіе его скоро были оцѣнены и новымъ начальникомъ, такъ какъ, по прошествіи недолгаго времени, онъ награжденъ былъ чиномъ статскаго совѣтника (1790 г. 8 сентября), назначенъ членомъ главнаго почтоваго управленія и возведенъ императрицею въ званіе статсъ-секретаря (1793 г.). Послѣдняя награда послужила началомъ его сближенія съ царственными лицами.

Отъ проницательнаго взгляда Екатерины II не могли ускользнуть выдающіяся достоинства Д. П. Трощинскаго; онъ пользовался ея особенною довѣренностію и награждаемъ былъ щедрою рукою. Кромѣ пожалованнаго ему ордена св. Владиміра 2-й ст. (1794 г. 22 сентября) и производства въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника (4-го ноября 1796 г., т. е. за два дня до кончины Екатерины), онъ получилъ отъ императрицы такой подарокъ, который его—бѣднаго чиновника—сразу сдѣлалъ весьма состоятельнымъ человѣкомъ. О пожалованіи этого подарка сохранился въ семьѣ Трощинскихъ слѣдующій разсказъ:

„Статсъ-секретарь Трощинскій, сидя однажды въ кабинетѣ императрицы Екатерины, занимался составленіемъ какой-то важной бумаги; въ комнатѣ царствовала глубокая тишина; вдругъ государыня прервала молчаніе:

— Слушай, Трощинскій, вѣдь я о сю пору не знаю, какое у тебя есть состояніе.

— У меня, отвѣчалъ онъ, есть небольшое имѣньице въ Малороссіи.

— Сколько же ты получаешь дохода съ этого имѣнія?

— Да я, ваше величество, никакого съ него дохода не получаю, потому что все отдалъ роднымъ.

— Такъ чѣмъ же ты живешь? допрашивала удивленная государыня.

— Милостями в. в—ства, отвѣчалъ Дмитрій Прокофьевичъ.

Императрица замолчала и оба они снова принялись за работу. Нѣсколько минутъ спустя, государыня приказала подать себѣ планы западныхъ губерній.

— Выбирай себѣ что нибудь, сказала она Трощинскому.

Взволнованный этою неожиданностію, онъ, бросивъ взглядъ на карту, указалъ на мѣстечко Кагорлыкъ [1]). Государыня ничего не сказала, но приказала ему сѣсть и писать подъ ея диктовку: „Не Кагорлыкъ, а все Кагорлыкское староство, да еще староство Вербовецкое и Хрептьевское, Подольской губерніи“ [2]).

Легко себѣ представить, съ какимъ чувствомъ Трощинскій упалъ на колѣни передъ августѣйшей благодѣтельницей“.

Поощряемый подобными знаками высочайшаго вниманія, Дмитрій Прокофьевичъ, конечно, прилагалъ всѣ свои силы и усердіе къ исполненію возлагаемыхъ на него порученій; но ставъ близкимъ человѣкомъ къ императрицѣ Екатеринѣ уже въ послѣдніе годы ея царствованія, онъ не долго могъ пользоваться ея милостями. Съ восшествіемъ на престолъ императора Павла, звѣзда Трощинскаго однако не закатилась — подобно многимъ другимъ. Возвышенный не въ силу тѣхъ условій, которыя многихъ лицъ возводили тогда изъ ничтожества на высшія ступени власти и почета, Дмитрій Прокофьевичъ не лишился довѣрія къ себѣ и въ новое царствованіе и назначенъ былъ въ число почетныхъ лицъ, сопровождавшихъ государя на коронацію, въ Москву. Вотъ какъ, между прочимъ, описываетъ онъ (въ письмѣ къ одной, близкой ему особѣ) торжественный въѣздъ въ первопрестольную столицу:

....„Въ прошедшую суботу имѣли мы торжественный въѣздъ въ Москву. Невозможно изобразить той картины, которую составляли зрители, по обѣ стороны улицы, на амфитеатрахъ, увѣшенныхъ

---

[1]) Кіевской губерніи, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Днѣпровской пристани Ржищевъ.

[2]) Кагорлыкское староство пожаловано было Д. П. Трощинскому 8 августа 1795 г.

коврами и разными матеріями. Изъ оконъ домовъ также спущены были шолковыя и золотыя матеріи, пребогатыя; а нѣкоторые домы съ парчей убиты были готелясами (?). Словомъ сказать, превеликолѣпной праздникъ москвичи представили. Мы проѣзжали черезъ семь тріумфальныхъ воротъ, изъ коихъ при каждомъ стояло то дворянство, то купечество съ дарами. Я ѣхалъ съ Обресковымъ въ парадной каретѣ, — той самой, что князь Зубовъ подъ качелями и въ другихъ публичныхъ выѣздахъ изволилъ величаться. Вотъ суета суетствъ! думалъ-ли онъ когда, что меня въ сей каретѣ повезутъ съ такою пышностью! По обѣ стороны кареты шло нѣсколько придворныхъ лакеевъ въ богатой ливреѣ. Шествіе продолжалось семь часовъ и многіе отъ сей церемоніи занемогли, а я только простудился и кашляю пребезмѣрно, такъ что всю грудь разбило. Государь, пріѣхавши въ свою квартиру, былъ чрезвычайно доволенъ домомъ графа Ал. Андр.; подобнаго богатства и отдѣлки никто во всей Европѣ не видывалъ. Государь въ тотъ-же вечеръ пожаловалъ графу свой портретъ, который онъ и носитъ на голубомъ бантѣ, и весьма ему сія прикраса пристала. На другой день былъ во дворцѣ куртагъ, на которомъ представлялись дамы и мужчины 6-го класса, т. е. полковничьяго чина. Удивительно какъ много нарядныхъ женщинъ, богато одѣтыхъ, и такъ-то много, что куртагъ продолжался три часа, а еще многіе пріѣзжали и не могли попасть, за тѣснотою, во дворецъ. Я бы никогда не кончилъ письма моего, ежели-бъ все то описывать, что здѣсь происходитъ. Скоро наступитъ день коронаціи, для которой государь переѣзжаетъ въ Кремлевскій дворецъ. Тутъ-то будетъ множество милостей; можетъ быть и мы забыты не будемъ"....

Д. П. Трощинскій не былъ обманутъ въ своихъ ожиданіяхъ. Императоръ Павелъ, въ самый день вѣнчанія на царство, собственноручно возложилъ на него командорскіе знаки ордена св. Анны 1-й степени и затѣмъ, почти ежегодно, удостоивалъ его новыми наградами, или знаками своего довѣрія и расположенія. Въ 1797 г. Дмитрій Прокофьевичъ произведенъ въ чинъ тайнаго совѣтника (25 августа), въ 1799 г. (8 апрѣля) пожалованъ ему орденъ св. Александра Невскаго, а въ 1800 г. (10 ноября)—командорственный крестъ св. Іоанна Іерусалимскаго; кромѣ того, при сохраненіи званія статсъ-секретаря, онъ наименованъ сена-

торомъ и присутствующимъ въ совѣтахъ, учрежденныхъ при Воспитательномъ обществѣ благородныхъ дѣвицъ и училищѣ св. Екатерины. Этими почетными наградами не ограничились щедроты императора Павла; по примѣру своей державной матери, онъ одарилъ Трощинскаго и „вещественными“ благами — и притомъ, въ размѣрахъ чрезвычайно широкихъ. Семейная хроника Трощинскихъ гласитъ, будто проявленіе этой царской милости вызвано было слѣдующею совершенно необычайною выходкою Дмитрія Прокофьевича:

„Однажды, пріѣхавъ въ сенатъ, онъ увидалъ подписанный государемъ указъ о какомъ-то новомъ, особенно тягостномъ налогѣ. Живо представивъ себѣ, какой ропотъ будетъ этимъ вызванъ противъ горячо любимаго имъ монарха, онъ не могъ удержать порыва своихъ чувствъ, разорвалъ указъ царскій и уѣхалъ домой. Здѣсь онъ приказалъ уложить всѣ свои драгоцѣнности въ карету, одѣлся въ дорожное платье и сталъ ожидать приказа отправляться въ Сибирь. Приказа этого, однако, не послѣдовало; а вмѣсто того явился посланный изъ дворца звать Трощинскаго къ государю. Подобный вызовъ, послѣ вышеописаннаго поступка, не предвѣщалъ ничего хорошаго, но—дѣлать нечего—надо было предстать передъ очи грознаго царя. Трощинскій, хотя и блѣдный, но твердою походкою вошелъ къ нему въ кабинетъ.

— Что ты сдѣлалъ?... что ты сдѣлалъ? грозно закричалъ на него государь.

Дмитрій Прокофьевичъ упалъ на колѣни и, въ краткихъ словахъ, объяснилъ причину своего поступка.

Государь успокоился, приказалъ ему встать и, обнимая его горячо, сказалъ, со слезами на глазахъ: „Дай мнѣ Богъ побольше такихъ людей, какъ ты!“

И въ память этого событія пожаловалъ ему мѣст. Верхнюю Тишанку и село Искорецъ, съ 30 т. десятинъ земли и 2 т. душъ Воронежской губерніи (25 апрѣля 1797 г.).

Приведенное здѣсь преданіе до того напоминаетъ разсказъ объ извѣстномъ поступкѣ князя Якова Долгорукова при Петрѣ Великомъ, что невольно возбуждаетъ сомнѣніе и наводитъ на мысль, что кто нибудь изъ многочисленныхъ почитателей Д. П. Трощинскаго, желая еще болѣе возвысить добрую славу, которою онъ пользовался, приписалъ ему и этотъ подвигъ гражданскаго

мужества. Фактъ, подобный выше разсказанному, былъ бы явленіемъ слишкомъ выдающимся, — особенно при такомъ государѣ, каковъ былъ Павелъ, и о немъ конечно сохранились бы свидѣтельства другихъ, безпристрастныхъ современниковъ; между тѣмъ, таковыя свидѣтельства намъ неизвѣстны.

Сомнѣніе, выраженное нами, отнюдь не клонится къ умаленію гражданскихъ заслугъ и личныхъ достоинствъ Д. П. Трощинскаго, а равно и пользы, которую онъ приносилъ на службѣ отечеству, горячо и искренне имъ любимому. Польза эта была вполнѣ оцѣнена и преемникомъ Павла: императоръ Александръ I-й, вступивъ на престолъ назначилъ его членомъ государственнаго совѣта и главнымъ директоромъ почтъ, а 15-го сентября 1801 г. произвелъ въ дѣйствительные тайные совѣтники и, черезъ годъ вслѣдъ за симъ, наименовалъ министромъ удѣловъ. Помимо чиновъ и назначенія въ важныя государственныя должности, Дмитрій Прокофьевичъ пользовался въ это время и другими знаками монаршей благосклонности. Старшій племянникъ его, Андрей Андреевичъ Трощинскій, въ письмѣ къ матери своей (отъ 14 января 1804 г.), изъ Петербурга, пишетъ между прочимъ слѣдующее:

.... „Поспѣшаю при семъ сообщить вамъ пріятныя вѣсти, относящіяся къ общему нашему благодѣтелю. Онъ, по случаю совершившагося въ первый день новаго года торжественнаго обрученія великой княжны Маріи Павловны съ наслѣднымъ принцомъ Саксъ-Веймарскимъ, удостоился получить въ подарокъ (въ числѣ прочихъ знатнѣйшихъ придворныхъ чиновниковъ) отъ государя брильянтовый перстень, который цѣнятъ въ семь тысячъ, а отъ вдовствующей императрицы золотую, брильянтами осыпанную табакерку съ ея вензелевымъ именемъ, кою также оцѣниваютъ не менѣе какъ въ пять тысячъ рублей. Сверхъ того, минувшаго 12-го числа, государь повелѣлъ производить ему слѣдуемое по мѣсту министра удѣльнаго департамента жалованье, по 3000 р. въ годъ, съ выдачею ему и за прошедшіе полтора года. Дай Богъ, скажете вы, единогласно со мною и со всѣми, исполненными къ нему чувствами почтенія и благодарности, — чтобы сей знаменитой сотрудникъ на истинную пользу отечества впредь болѣе и болѣе еще пріобрѣталъ, по достоинству своему, монаршихъ вознагражденій...“

Не смотря на свои еще не старые года, Д. П. Трощинскій въ эту эпоху началъ уже чувствовать упадокъ здоровья. Непрерывно труженическая жизнь, которую онъ велъ въ продолженіи тридцати лѣтъ, требовала хотя бы временнаго отдыха. „...Благодѣтель нашъ (пишетъ тотъ же Андрей Андреевичъ къ матери своей), со стороны государственныхъ заботъ противъ прежняго болѣе обремененъ, отъ чего нерѣдко приключаются ему сильные болѣзненные припадки, и отъ чего и въ характерѣ своемъ, отъ природы горячемъ и вспыльчивомъ, теряетъ нѣкоторую пріятность. Д. П. часто вспоминаетъ о намѣреніи своемъ оставить службу, его изнуряющую, и о своей отчизнѣ, то есть любезной нашей Малороссіи, съ великою похвалою, относящеюся до выгодъ жизни, добронравія и простосердечія нашихъ обитателей; и тамъ, по его намѣренію, желаетъ онъ проводить остатокъ дней своихъ....“

Какъ ни прельщала стараго служаку мысль объ отдыхѣ и объ удаленіи на благодатную свою родину, онъ продолжалъ тянуть служебную лямку еще до половины 1806 года; но тутъ, вслѣдствіе сильнаго ослабленія здоровья, принужденъ былъ просить государя объ увольненіи отъ службы,—которое и было ему даровано 9-го іюня. Полезная дѣятельность его за послѣднее время признана была государемъ въ слѣдующемъ рескриптѣ на имя Трощинскаго (отъ 6 февраля 1806 года):

„Разсмотрѣвъ донесенія ваши о состояніи ввѣренныхъ вамъ департаментовъ, Удѣльнаго и Почтоваго, съ удовольствіемъ вижу, по первому изъ нихъ соблюденіе хозяйственной бережливости и пользы казенной во всѣхъ оборотахъ денежныхъ суммъ и капиталовъ, ему принадлежащихъ, рачительную дѣятельность въ управленіи подвѣдомыхъ оному крестьянъ, неусыпное попеченіе о ихъ благѣ, доброе устройство и полезные успѣхи въ заведеніяхъ, оному подчиненныхъ; а по второму знатное и въ прошломъ 1805 году приращеніе противу прежнихъ лѣтъ почтоваго дохода и неупустительную точность въ важномъ обращеніи суммъ, переходящихъ на почтѣ и простирающихся на многіе милліоны“.

Награжденный щедрымъ пенсіономъ, Д. П. Трощинскій отправился на родину, гдѣ Полтавское дворянство, гордясь подобнымъ представителемъ, избрало его въ губернскіе маршалы [1]).

---

[1]) Кромѣ прочихъ своихъ занятій по государственной службѣ, Трощин-

II.

Объ общественной дѣятельности его въ этомъ новомъ званіи у насъ не достаетъ свѣдѣній, но мы имѣемъ право думать, что она отличалась тѣмъ же умнымъ и добросовѣстнымъ отношеніемъ къ своимъ обязанностямъ, какимъ и прежняя его дѣятельность на поприщѣ государственной службы.

Восемь лѣтъ провелъ Дмитрій Прокофьевичъ на родинѣ, проживая, преимущественно, въ любимомъ своемъ селѣ Кибенцы (Миргородскаго уѣзда), въ кругу ближайшихъ родственниковъ. По миновании этого времени, когда замолкли громы войны, въ теченіи многихъ лѣтъ тревожившіе всю Европу, когда опять выступило на первый планъ занятіе внутреннимъ благоустройствомъ отечества—тогда вспомнили и о Дмитріѣ Прокофьевичѣ. Лѣтомъ 1814 года онъ вызванъ былъ въ Петербургъ (повидимому, въ качествѣ депутата отъ Полтавскаго дворянства) и принятъ тамъ весьма благосклонно,—о чемъ свидѣтельствуютъ нижеприводимыя мѣста изъ писемъ его къ своему племяннику Андрею Андреевичу.

(Августа 8). „Съ удовольствіемъ поспѣщаю извѣстить васъ, любезный другъ, что въ минувшую середу не только принятъ я былъ государемъ императоромъ на приватной аудіенціи, въ кабинетѣ его, весьма милостиво; но въ тотъ же день приглашенъ былъ къ столу его величества, въ маломъ числѣ избранныхъ. А вчера отправилъ и другую публичную аудіенцію, въ качествѣ уже депутата, и тоже удостоился особенныхъ знаковъ высочайшаго благоволенія“...

скій, въ началѣ царствованія Александра 1-го, предсѣдательствовалъ въ комитетѣ, разрабатывавшемъ проектъ инструкціи для межеванія Малороссійскихъ губерній. Проектъ этотъ, оконченный къ лѣту 1801 г., заслужилъ одобреніе государя, выраженное слѣдующимъ рескриптомъ:

„Дмитрій Прокофьевичъ. Разсмотрѣвъ проектъ инструкціи для межеванія Малороссійскихъ губерній, составленный въ комитетѣ, для сего учрежденномъ, и находя, что всѣ предложенія онаго основаны на истинныхъ видахъ благоустройства и общей пользы, пріятною обязанностію поставляю изъявить вамъ, яко первому члену сего комитета, мою особенную признательность, поручая вамъ засвидѣтельствовать оную и прочимъ членамъ, комитетъ сей составляющимъ, господамъ сенаторамъ: Алексѣеву, Неплюеву и Козадавлеву. Пребываю вамъ благосклонный“.

С. П. Б. Іюня 24, 1804 г.

(Августа 14)... „Въ Павловскѣ я принятъ былъ весьма милостиво, какъ государынею императрицею, такъ великими князьями и великою княжною. Приглашенъ пріѣзжать туда во всякое время, когда я захочу, и на сей конецъ не только назначены мнѣ во дворцѣ комнаты, но даже и придворный, для тамошнихъ разъѣздовъ, экипажъ. Теперь осталось токмо мнѣ сдѣлать церемоніальный визитъ государю цесаревичу, отъ коего сегодня получилъ позывъ въ Стрѣльну, въ будущій понедѣльникъ, послѣ чего кончатся всѣ публичныя мои представленія. Въ день бытности моей въ Павловскѣ изволилъ тамъ быть и государь императоръ, изъявлявшій и тутъ мнѣ особенное свое всемилостивѣйшее благоволеніе"...

(Августа 18)... „Вчера былъ въ Стрѣльнѣ и принятъ хозяиномъ съ отмѣнною ласкою и милостію. Его высочество изволилъ спрашивать и объ васъ"...

Не смотря на всѣ эти знаки вниманія и радушный пріемъ со стороны царственныхъ особъ, Д. П. Трощинскій не ожидалъ, какъ кажется, того высокаго назначенія, которое ему готовили; онъ разсчитывалъ вскорѣ вернуться въ деревню, чего требовалъ и его организмъ, отвыкшій отъ петербургскаго климата. „Вседневные мои выѣзды (пишетъ онъ Андрею Андреевичу, въ письмѣ отъ 8-го авг. 1814 г.), перемѣна во времени обѣдовъ и, вообще, въ образѣ здѣшней жизни разстраиваютъ весьма слабое мое здоровье, котораго поддерживаніе поручилъ я старому знакомому Ос. Кир. Каменецкому, человѣку весьма доброму и способному. Съ помощію его, а паче милосердаго Бога, надѣюсь я оправиться отъ моей слабости, дабы въ состояніи былъ скорѣе возвратиться къ вамъ, чего я отъ всей души моей желаю"...

Желанію Дмитрія Прокофьевича не суждено было осуществиться. Благосклонный пріемъ, оказанный ему всею царскою фамиліею, служилъ лишь преддверіемъ вступленію его на новую—важную и почетную—должность. Государь, давно уже знакомый съ талантами, трудолюбіемъ и добросовѣстностію Трощинскаго, назначилъ его министромъ юстиціи. Сколь ни отвѣтственна и ни многотрудна была эта новая должность,—особенно при тогдашнемъ, запутанномъ состояніи нашего законодательства—старый служака рѣшился посвятить ей остатокъ силъ своихъ и, съ свойственною ему энергію, принялся за дѣло, надолго отрывавшее его

отъ милой родины и многихъ милыхъ сердцу людей. „Жалѣйте обо мнѣ—пишетъ онъ Андрею Андреевичу (12 сент. 1814)—не пеняйте на меня, естьли случится пропустить почту, другую, а можетъ быть и нѣсколько, и въ молчаніи моемъ находите ту отраду, что занятія мои посвящаются долгу службы и пользѣ угнетаемыхъ, коихъ голосъ проникаетъ мою душу".

Пошатнувшееся здоровье Дмитрія Прокофьевича не соотвѣтствовало уже, однако, его рвенію къ труду. Кромѣ мучительныхъ геммороидальныхъ припадковъ и другихъ тѣлесныхъ недуговъ, онъ долженъ былъ страдать и нравственно, глядя на жившую съ нимъ въ Петербургѣ единственную дочь его княгиню Надежду Хилкову, крайне несчастливую въ брачной жизни и чахнувшую отъ изнурительной болѣзни. Не прошло и года со времени назначенія въ министры юстиціи, какъ уже нервы его совершенно разстроились, а состояніе духа сдѣлалось сильно угнетеннымъ. Любезный другъ и братъ—пишетъ кн. Хилкова Андрею Андреевичу, въ апрѣлѣ 1815 г.—вы не повѣрите, какъ всѣ праздники мнѣ грустно. Папенька видѣлъ что-то во снѣ и очень груститъ. Ежели взойдешь къ нему и негромко застучишь, то онъ пугается. Я не знаю право, что это значитъ и крайне боюсь за него. Онъ никого не принимаетъ и самъ никуда не выѣзжаетъ; такъ грустенъ, что ничто не можетъ его хотя немного разсѣять"...

Вопреки всѣмъ этимъ, физическимъ и нравственнымъ недугамъ, Трощинскій крѣпился и продолжалъ работать, пока схваченная имъ, въ апрѣлѣ 1816 года, сильная простуда окончательно не сложила его въ постель. Болѣзнь была не шуточная и вызвала искреннее участіе, какъ самаго императора, такъ и всей царской фамиліи. Пользовали его извѣстные въ то время доктора: Крейтонъ и Рожерсонъ, посѣщавшіе больнаго по два раза въ день, а старый пріятель-врачъ, Осипъ Кирилловичъ Каменецкій, почти не отходилъ отъ него. Благодаря этимъ ли усиліямъ людей науки, или благопріятной перемѣнѣ температуры, но Дмитрій Прокофьевичъ сталъ по немногу оправляться, окончательному же выздоровленію его, вѣроятно, не мало посодѣйствовалъ новый знакъ особаго высочайшаго вниманія, выразившагося въ посѣщеніи его самимъ императоромъ. Вотъ что пишетъ объ этомъ посѣщеніи находившійся тогда при Д. П. Трощинскомъ второй племянникъ его, Иванъ Ефимовичъ:

„Вчерашняго числа (19 мая), въ исходѣ втораго часу былъ у дядюшки императоръ и просидѣлъ съ четверть часа; совѣтовалъ, какъ за лучшее лѣкарство—успокоиться въ мысляхъ, пользоваться воздухомъ; нѣсколько разъ желалъ ему скорѣйшаго выздоровленія; потомъ шутилъ, что старикъ ничего не перемѣнился, но сталъ лучше; на счетъ медиковъ было сказано нѣсколько... Удивительно!—не позже, какъ часа черезъ два, какъ уже вездѣ было извѣстно посѣщеніе знаменитаго гостя"...

По совѣту докторовъ, Дмитрій Прокофьевичъ посвятилъ два лѣтніе мѣсяца отдохновенію на нанятой имъ дачѣ, но къ началу августа почувствовалъ себя снова довольно крѣпкимъ, чтобы приняться за дѣла. Передъ возвращеніемъ на занимаемый имъ высокій постъ, онъ удостоенъ былъ слѣдующимъ высочайшимъ рескриптомъ:

„Дмитрій Прокофьевичъ! По настоящемъ выздоровленіи вашемъ отъ болѣзни, я желаю, чтобы вы, скорѣе занявъ прежнее свое мѣсто, продолжали съ прежнею дѣятельностію отправлять должность вашу. Я въ полной къ вамъ довѣренности поручаю вамъ усугубить надзоръ, дабы дѣла, какъ въ правительствующемъ сенатѣ, такъ и во всѣхъ подчиненныхъ ему мѣстахъ имѣли успѣшнѣйшее теченіе, чтобъ законы и указы повсюду исполнялись неизмѣнно, чтобъ бѣдные и угнетаемые находили въ судахъ защиту и покровительство, чтобъ правосудіе не было помрачаемо ни пристрастіями къ лицамъ, ни мерзкимъ лихоимствомъ, Богу противнымъ и мнѣ ненавистнымъ, и чтобы обличаемые въ семъ гнусномъ порокѣ не терпимы были въ службѣ и преслѣдуемы всею строгостію законовъ: въ чемъ вы, по долгу званія вашего, неослабно наблюдать и о послѣдствіяхъ меня въ откровенности извѣщать не оставьте, донося равномѣрно и о тѣхъ отличныхъ чиновникахъ, которыхъ, за усердную и безпорочную службу найдете достойными особеннаго моего воздаянія.

Пребываю впрочемъ вамъ всегда благосклонный, Александръ".

5 августа 1816 г.

Репутація, которую стяжалъ себѣ Трощинскій, даетъ право думать, что онъ дѣйствовалъ совершенно въ духѣ вышеприведеннаго рескрипта. Недаромъ современники называли его „бичемъ справедливости" и „покровителемъ бѣдныхъ". Благосклонность къ нему высочайшихъ особъ не ослабѣвала. „Вы не повѣ-

рите (пишетъ кн. Хилкова Андрею Андреевичу Трощинскому)—какъ папеньку здѣсь всѣ ласкаютъ. Императрица не знаетъ какъ бы ему угодить и отличнѣе принять“ [1]).

Недолго, однако, пришлось Д. П. Трощинскому управлять министерствомъ юстиціи. Самые знаки особаго высочайшаго вниманія—къ тому же оказываемыя человѣку, вовсе не принадлежавшему къ высшей придворной аристократіи—должны были породить многихъ завистниковъ; а независимости своего характера

[1]) Живя въ Петербургѣ, съ отцемъ, княгиня Хилкова часто писала Андрею Трощинскому. Приведемъ здѣсь двѣ выдержки изъ наиболѣе интересныхъ ея писемъ:

(Изъ письма отъ 12 апрѣля 1815 г.)... „Проклятый Бонапартъ опять заварилъ кашу. Сколько надо потерять головъ, чтобы расхлебать ее!—Изъ штатской службы не велѣно принимать въ военную; наши молодые люди и такъ уже испортились Парижомъ, а теперь, какъ въ другой разъ побываютъ, такъ и Богъ знаетъ, что будетъ. Вы не повѣрите, любезный другъ, что нынѣче молодежь считаетъ за тягость быть въ порядочныхъ домахъ, а все таскаются по ресторaціямъ, т. е. по трактирамъ, бредютъ Парижомъ, обходятся съ дамами нахально и увѣряютъ, что нѣтъ ни одной, которая бы не согласилась на предложенія подлыя мущины, ежели только мущина приметъ на себя трудъ нѣсколько дней поволочиться за ней. И этому всему мы одолжены мерзкому Парижу. Правда, что есть и у насъ дамы, которыя тщеславются тѣмъ, что въ поведеніи не уступаютъ Парижскимъ“.

(Изъ письма отъ 29 янв. 1816)... „Вы мнѣ пишете, чтобъ я вамъ сказала о въѣздѣ государя и объ праздникахъ: но ничего нѣтъ замѣчательнаго. Государь пріѣхалъ сюда такъ, что никто не зналъ; праздниковъ никакихъ не было; но, по случаю свадьбы Екатерины Павловны и обрученія Анны Павловны—неминуемые церемоніальные обѣды и балы, которые совершенно замучили папеньку, хотя онъ и рѣдко ѣздитъ. Вотъ вамъ всѣ наши веселія. Государь страхъ какъ занимается военными, поминутно арестуетъ, такъ что они крехтятъ; а про штатскихъ забылъ, и еще не принимаетъ съ докладами министровъ, отговариваясь праздниками. Такъ какъ терпѣніе большая добродѣтель, то всѣ стараются ею вооружиться; а вѣдь терпѣніемъ можно царство небесное заслужить,—и такъ, государь хочетъ сдѣлать милость: спасти души министровъ. Признаюсь, что всѣ имѣютъ они нужду въ покаяніи; но кажется папеньку можно бы было выключить изъ сего числа. Но видно онъ рѣшился и спасеныхъ спасать. Ежели бы это письмо пошло по почтѣ, то я бы не рѣшилась писать такъ вольно. Еще было забыла: Аракчеевъ теперь у насъ: Мужичекъ вездѣ и нигдѣ;—вы, я думаю, читали эту повѣсть, или романъ? право забыла. Онъ управляетъ всѣмъ, рѣшаетъ, докладываетъ; министръ надъ министрами, а ни за что не отвѣчаетъ. Не правда ли, что это очень покойно?—Вотъ вамъ милый другъ, какія у насъ чудеса: ужъ и романы хотятъ превратиться въ истинныя повѣсти! Всѣ министры ѣздютъ къ нему съ поклономъ, исключая нашего“.

онъ обязанъ былъ пріобрѣтеніемъ многихъ и сильныхъ недоброжелателей и, во главѣ ихъ—Аракчеева, вліяніе коего на дѣла все болѣе и болѣе возрастало. Въ то время мало кто не низкопоклонничалъ передъ „полудержавнымъ" временщикомъ; Д. П. Трощинскій принадлежалъ къ числу сихъ рѣдкихъ исключеній, и это ему, конечно, отозвалось [1]). Можетъ быть, однако, онъ совладалъ бы и съ служебными дрязгами и съ физическими недугами, но послѣдовавшая въ лѣто 1817 года кончина единственной дочери его, княгини Надежды Дмитріевны Хилковой, окончательно подкосила старика. „Богомъ посланная горесть потерей Надежды Дмитріевны (пишетъ Иванъ Ефимовичъ Трощинскій двоюродному своему брату Андрею) чрезмѣрно разстроила нашего благодѣтеля; а зависть и недоброжелательство многихъ лицъ его званія заставили его рѣшиться просить увольненія"...

Чувствуя, что пѣсня его спѣта, Дмитрій Прокофьевичъ, 18-го августа 1817 г., написалъ государю:

„Старость и слабость здоровья моего часто препятствовали мнѣ исполнять съ соразмѣрнымъ вѣрноподданническому ревнію успѣхомъ, обязанности званія, вашимъ императорскимъ величествомъ на меня возложеннаго. Чувствительнѣйшая горесть, коею посѣтилъ меня Богъ, истощаетъ послѣднія силы мои. Благоволи всемилостивѣйшій государь снисходительно принять всенижайшую просьбу о увольненіи меня отъ должности, въ которой, по важности ея, за самомалѣйшее упущеніе подвергнуся я жесточайшимъ угрызеніямъ совѣсти, негодованію правдолюбиваго монарха и строжайшему суду всевышняго Судіи".

Вслѣдствіе этой просьбы, Д. П. Трощинскій, высочайшимъ указомъ отъ 25 августа 1817 года, уволенъ былъ въ отставку, съ пенсіономъ по 10 т. руб. въ годъ.

Симъ и закончилась служебная карьера этого замѣчательнаго русскаго человѣка. Затѣмъ—какъ обыкновенно бываетъ съ люд-

[1]) Княгиня Н. Д. Хилкова, въ письмѣ отъ 4 марта 1815 г. къ Андрею Андр. Трощинскому, говоритъ, между прочимъ, слѣдующее:

„На папенькино мнѣніе о законахъ есть возраженіе, но его не печатаютъ и никакъ нельзя достать; говорятъ, что ужасъ какъ глупо. Весь городъ негодуетъ на сочинителей; а изъ нихъ главный—молодой Салтыковъ и, кажется, Алексѣевъ тутъ же помогалъ. Хотя унизить папеньку, тѣмъ болѣе его возвысили»...

ми, обреченными къ переходу отъ кипучей дѣятельности къ совершенной праздности — началось медленное угасаніе. Дмитрій Прокофьевичъ не тотчасъ, однако, по выходѣ въ отставку уѣхалъ къ себѣ въ имѣніе, а оставался въ Петербургѣ еще около пяти лѣтъ; какъ видно, онъ уже втянулся въ столичную жизнь и не вдругъ могъ рѣшиться окончательно уйти въ деревенское захолустье, тѣмъ болѣе, что о хозяйственныхъ занятіяхъ, повидимому, имѣлъ весьма слабое понятіе и потому онѣ не могли интересовать его.

Въ 1822 году онъ удалился въ свои любимые Кибенцы. Тамъ постигла его тихая кончина, 26 февраля 1829 года, на 76 году отъ рожденія. За шесть дней до смерти онъ пріобщился св. таинъ, на другой день объявилъ собственноручное свое духовное завѣщаніе, черезъ два дня соборованъ елеемъ, и съ того времени просилъ священника попеременно читать отходныя молитвы и Евангеліе. Зрѣніе, слухъ, память и совершенное присутствіе разсудка онъ сохранилъ до самой кончины.

Состояніе, оставленное имъ, было весьма значительно: около 70 т. десятинъ земли и болѣе 6-ти тыс. душъ крестьянъ (большею частію высочайше пожалованныхъ), домà въ Петербургѣ и Кіевѣ; движимость его цѣнили въ 1 милліонъ р. сер. Значительнѣйшая часть сихъ богатствъ завѣщана имъ была старшему племяннику, Андрею Андреевичу.

III.

О служебной дѣятельности Дмитрія Прокофьевича Трощинскаго мы не могли сообщить бòльшихъ подробностей, такъ какъ всѣ бумаги, ея касавшіяся, пересланы были племянникомъ его государю Николаю Павловичу, еще въ 1833 году. И. В. Лопухинъ, въ запискахъ своихъ, отзывается о Трощинскомъ, какъ о министрѣ, отличною твердостію и рѣдкимъ въ дѣлахъ государственныхъ искусствомъ одаренномъ. По тому, что выше сего изложено,—по размѣрамъ наградъ и знаковъ высочайшаго вниманія можно заключить, что помянутый отзывъ едва ли преувеличенъ.

Относительно личныхъ качествъ Дмитрія Прокофьевича, какъ

человѣка, мы нашли много указаній въ семейномъ архивѣ Трощинскихъ, заключающемъ обширную частную переписку. Человѣкъ этотъ далеко не принадлежалъ къ разряду сухихъ карьеристовъ, которые, вознесясь на высоту почестей и богатства, сплошь и рядомъ начинаютъ чуждаться тѣхъ, которые прежде имъ были близки, но которыхъ судьба оставила приниженными и бѣдными. „Благодѣтель нашъ (пишетъ Андрей Трощинскій своей матери), со стороны доброты души его и сердца, а равно и расположенія къ роднымъ своимъ и пріятелямъ, такъ же непремѣненъ. какъ былъ и прежде; къ гордости же, или къ чувствованію къ кому либо презрѣнія онъ отнюдь не наклоненъ“.

Щедрою рукою разсыпалъ Дмитрій Прокофьевичъ тѣ земныя блага, которыя достались ему, цѣною тридцатилѣтней, трудовой жизни. Всѣ родственники, дальніе и близкіе, пользовались его участіемъ и помощію, согласно нуждамъ каждаго, и не изъ одной только угодливости могли называть его благодѣтелемъ. Но не на нихъ лишь однихъ изливались его благодѣянія: каждый бѣднякъ, каждый несчастливецъ, заслуживавшій вниманія, имѣлъ доступъ къ его любвеобильному сердцу и находилъ въ немъ поддержку.

Не говоря уже о родныхъ племянникахъ Дмитрія Прокофьевича, которыхъ онъ воспитывалъ, какъ собственныхъ дѣтей,— болѣе десяти пансіонеровъ содержалось на его счетъ въ разныхъ училищахъ. Въ числѣ дѣтей, пользовавшихся его особеннымъ покровительствомъ, находился и будущее свѣтило нашей словесности, геніальный Николай Васильевичъ Гоголь, родители котораго были люди весьма бѣдные. „Къ Василію Афанасьевичу (пишетъ Андрей Тр. своей матери, 23 марта 1822 г.) я также посылаю теперь изрядной подарокъ, чрезъ ходатайство Дмитрія Прокофьевича молодымъ графомъ Кушелевымъ-Безбородко ему дѣлаемый,—включеніемъ его сына Никоши въ число воспитанниковъ, содержимыхъ въ Нѣжинской гимназіи на его иждивеніи; и слѣдовательно, на будущее время Василій Афанасьевичъ освобождается отъ платежа въ оную гимназію, за своего сына, въ годъ по 1200 рублей. Онъ съ прошедшей масляницы не успѣлъ составить и подать Дмитрію Прокофьевичу записки, по коей должно было просить кн. Безбородко о помѣщеніи его сына на гимназіяльное содержаніе, а между тѣмъ и безъ оной записки Дмитрій Прокофьевичъ успѣлъ удовлетворить въ томъ его писаніе.

Вотъ черта, изображающая благодѣтельное къ нему Дмитрія Прокофьевича расположеніе. Сей подарокъ вѣрно лучше всякихъ лѣкарствъ пособитъ Василію Афанасьевичу въ облегченіи его припадковъ"...

Помощь эта, дѣйствительно, оказана была весьма своевременно. Отецъ Гоголя, тяжко страдавшій грыжею, былъ почти лишенъ возможности работать, а сестра—сильно больна. Удрученная горемъ и работами, мать въ теплыхъ выраженіяхъ благодарила Д. П. Трощинскаго: „Почтеннѣйшій благодѣтель мой—писала она—покуда мужъ въ силахъ будетъ принести вамъ чувствительную благодарность за оказанное вами намъ столь великое благотвореніе, ходатайствомъ вашимъ объ опредѣленіи нашего сына въ число воспитанниковъ Нѣжинской гимназіи,—пріимите, безпримѣрный благодѣтель, отъ меня таковую благодарность въ семъ слабомъ выраженіи, омоченномъ слезами, проистекающими отъ чувствъ моего сердца, исполненнаго безпредѣльной къ вамъ преданности и совершеннѣйшаго почтенія, каковое свидѣтельствуя вамъ отъ всего нашего семейства, имѣю честь быть вашей всепокорнѣйшей слугой—Марья Гоголь Яновская".

Мы привели здѣсь эти два письма потому, что все касающееся нашего великаго писателя должно быть дорого сердцу русскаго человѣка, и не можемъ при этомъ не обратиться съ благодарностію къ памяти Д. П. Трощинскаго, содѣйствію котораго Гоголь былъ обязанъ своимъ образованіемъ.

Дмитрій Прокофьевичъ, при безграничной добротѣ сердца, имѣлъ характеръ пылкій, энергическій; умъ, жаждущій познаній, и вкусъ ко всему изящному и рѣдкому. Послѣ него осталась значительная коллекція старинныхъ монетъ и медалей, обширная библіотека въ нѣсколько тысячъ томовъ, коллекція оружія и табатерокъ, много разныхъ произведеній искусства и картины великихъ мастеровъ; замѣчательныя рѣдкости, какъ напр. бюро королевы Маріи Антуанеты и ей же принадлежавшіе великолѣпные фарфоровые часы и подсвѣчники, и т. п.

Окончательно переселившись въ Кибенцы, Д. П. Трощинскій предался тихой семейной жизни, теченіе которой, впрочемъ, нерѣдко нарушалось пріѣздомъ гостей, всегда радушно встрѣчаемыхъ хлѣбосольнымъ и тароватымъ хозяиномъ. Постоянною сожительницею его была внучка, княжна Прасковья Ивановна Хилкова,

съ ея штатомъ воспитателей; у него же оставались и малолѣтнія дѣти Андрея Андреевича, (который самъ, съ женою, долженъ былъ больше проживать въ Кагорлыкѣ, по хозяйственнымъ дѣламъ); часто также наѣзжала въ Кибенцы и подолгу гащивала тамъ Марья Ивановна Гоголь, носившая названіе „бѣлянки" (вѣроятно, валѣдствіе бѣлизны ея замѣчательно красиваго лица) и пользовавшаяся особенною любовью почти всѣхъ членовъ семейства Трощинскихъ. Въ домашнихъ привычкахъ своихъ, Дмитрій Прокофьевичъ придерживался старины; онъ былъ глубоко религіозенъ, и церковные праздники и посты чествовались въ домѣ его по издавна установившимся въ Малороссіи обычаямъ; такъ напр. въ Рождественскій сочельникъ былъ всегда постный ужинъ, на которомъ предлагались пшеничная кутья и узваръ, а въ углу, возлѣ иконъ, ставились снопы ржи и пшеницы. Подобные же ужины (только безъ кутьи и пшеницы) предлагались въ Крещенскій сочельникъ и великій четвергъ. Въ продолженіи всей четыредесятницы подавалось постное кушанье; а на первой недѣлѣ оной, Дмитрій Прокофьевичъ самъ иногда читывалъ канонъ св. Андрея Критскаго, при чемъ служба продолжалась около 4-хъ часовъ и присутствующимъ приходилось класть болѣе сотни земныхъ поклоновъ. Пасху праздновали особенно торжественно и приготовляли массу различныхъ явствъ, которыя цѣлую недѣлю не сходили со стола. Храмовой праздникъ въ Кибенцахъ и имянины членовъ семьи чествовались всегда очень парадно: съѣзжались всѣ родные и пріятели, званные и незванные; устраивались домашніе спектакли, танцы и т. п. О характерѣ этихъ празднествъ могутъ дать понятіе слѣдующія письма:

„Приближается 26-е число октября—день рожденія и имянинъ его высокопревосходительства (такъ пишетъ одинъ изъ гостей, нѣкто Антонъ К—скій); уже вижу большія приготовленія: тамъ суетятся учтивые дворецкіе, чтобы заготовить квартиры для большихъ баровъ; здѣсь толпа избалованныхъ офиціялистовъ чистятъ люстры, канделабры, фонари, и бѣгъ часовъ сокращаютъ смѣшными разговорами; тутъ зрятся, въ облакахъ пыли, подобно привидѣніямъ, длинные лакеи, которыхъ вся работа состоитъ въ томъ, чтобъ чистить полъ щетками; далѣе отдается звукъ пробной музыки, чтобъ лучше приготовиться къ танцамъ".

„Къ вечеру общество стало многочисленнѣе и вся гостинная

занята была особами разнаго рода... Всѣ флигеля и даже многія крестьянскія хаты были заняты, или приготовлены для гостей".

„На другой день, прежде восхода солнца я уже былъ одѣтъ. Спѣшу во дворецъ къ его высокопревосходительству, ибо стукъ экипажей и ржаніе лошадей возвѣстили, что первоклассная знать пріѣхала. ....Дошедши до огромнаго крыльца, едва могъ протиснуться сквозь толпу обшитыхъ галунами лакеевъ; ... скидываю галоши и смиренно вхожу въ лакейскую. Сапожный громъ спѣсивыхъ модниковъ и брязканіе шпоръ наряженныхъ въ парадные мундиры военныхъ куколъ, почти оглушили меня. Пройдя наполненную уже залу, взошолъ наконецъ въ великолѣпную, увѣшанную дорогими картинами и уставленную золоченой, покрытой малиновымъ штофомъ мебелью, гостиную...."

„Спустя нѣсколько времени, Дмитрій Прокофьевичъ вышелъ и принялъ поздравленія отъ всѣхъ; затѣмъ всѣ гости пошли въ придворную церковь и, выслушавъ литургію и трогательную рѣчь преосвященнаго пастыря, возвратились обратно въ гостинную; иные изъ нихъ прохаживались въ портретной, другіе въ бильярдной, а прочіе, развалившись спѣсиво въ креслахъ, съ нетерпѣніемъ ожидали обѣда".

„Но вотъ, избалованный камердинеръ доложилъ, что столъ накрытъ. Первостепенныя дамы шли съ лучшими кавалерами, попарно; обѣдъ былъ роскошный, шампанское лилось рѣкою, венгерское наполняло длинные бокалы, янтарный виноградъ таялъ во рту и услаждалъ вкусъ; однихъ вареніевъ было 30 сортовъ; во время обѣда, пѣвчіе пѣли концерты".

„Когда подали шампанское, то князь Николай Григорьевичъ Репнинъ всталъ, съ бокаломъ въ рукахъ, и сказалъ громкимъ голосомъ: „Господа, выпьемте за здоровье почтеннаго мужа, который оказалъ много пользы нашему отечеству!" Вслѣдъ за нимъ всѣ встали и съ замѣтною радостію на лицахъ всѣ пили за здоровье имянинника".

„Обѣдъ, начавшійся въ 4-мъ часу, окончился въ 6-ть. Всѣ гости разошлись, или лучше сказать, разбрелись лѣниво по комнатамъ, а дамы пошли переодѣваться".

„Наступилъ вечеръ; всѣ комнаты освѣщены великолѣпными люстрами, оркестръ помѣщается на хорахъ. Князь Репнинъ открылъ балъ польскимъ, съ молоденькою и прелестною генераль-

шею Трощинскою [1]), которая была одѣта въ бѣломъ крепововъ платьѣ съ цвѣтами. За польскимъ наступилъ вальсъ, экосезъ и другіе танцы, продолжавшіеся до 4-хъ часовъ утра. Княгиня Хилкова много танцовала съ молодымъ полковникомъ, барономъ Сакеномъ [2]); также отличались: генералъ Бехлеръ, генералъ Ушаковъ, графъ Бутурлинъ, но лучше всѣхъ Бибиковъ. Всѣхъ гостей было 110 душъ, а лошадей, которыя всѣ были на господскомъ кормѣ, было болѣе 200. На третій день всѣ разъѣхались, кромѣ самыхъ близкихъ друзей, оставшихся на болѣе продолжительное время".

Другое письмо—отъ вышеназванной генеральши Трощинской къ ея родителямъ (Кудрявцевымъ):

„...Опишу вамъ день здѣшняго храмоваго праздника, св. Архангела Михаила, въ который дяденька пригласилъ къ себѣ на обѣдъ живущихъ здѣсь, мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ, коихъ собралось къ обѣду больше 20 душъ; а для крестьянъ своихъ и прочихъ прихожанъ былъ приготовленъ завтракъ около самаго дома. Мы всѣ ѣздили въ приходскую церковь къ обѣднѣ, которую служилъ Миргородскій благочинный съ семью священниками, изъ которыхъ одинъ говорилъ своего сочиненія, очень хорошее поучительное слово".

„Дяденька въ сей день принарядился въ ордена свои, со звѣздами; за столомъ пѣли пѣвчіе и мы пили шампанское за здоровье вел. кн. Михаила Павловича, за всѣхъ россійскихъ кавалеровъ и, наконецъ, за всѣхъ здѣшнихъ помѣщиковъ".

„Дяденька чрезвычайно какъ всѣхъ обласкалъ, особливо одного старичка, самаго бѣднѣйшаго здѣшняго помѣщика, имѣющаго только шесть душъ, которому онъ мнѣ велѣлъ, за закуской, поднести водки и самъ ввелъ его въ комнату и посадилъ на стулѣ. Въ сей день, почтеннѣйшій нашъ старичокъ уподобился сущему ангелу: онъ былъ веселъ и ласковъ ко всѣмъ.... Обѣдъ нашъ окончился въ 4 часа, послѣ коего дяденька пошелъ немного отдохнуть, а мы съ своими гостями пошли къ себѣ и я имъ немного поиграла на арфѣ. Вечеръ же мы провели въ танцахъ".

Хлѣбосольный хозяинъ, вообще, любилъ общество и, при

[1]) Жена Андрея Андреевича.
[2]) Будущій мужъ ея.

отсутствіи гостей, становился мраченъ. Въ такіе дни, проживавшіе при немъ родственники старались чѣмъ бы то ни было развлекать скучающаго старика. Обычнымъ развлеченіемъ служили прогулки, послѣобѣденная игра въ бостонъ, а иногда и дурачества какого-то Романа Ивановича, исправлявшаго въ домѣ Трощинскаго роль шута (шуты, въ то время, считались непремѣнною принадлежностію обстановки богатыхъ баръ). Кромѣ того, разныя мелкія домашнія событія, чѣмъ нибудь нарушавшія однообразіе деревенской жизни, служили предлогомъ для увеселеній и развлеченій. „...Того же дня, въ вечеру вѣнчался поваръ Василій (такъ пишетъ М. И. Гоголь-Яновская женѣ Андрея Андреевича, въ Кагорлыкъ), и въ домѣ былъ балъ; Дмитрій Прокофьевичъ самъ открылъ оній съ молодой, а я съ молодымъ. Потомъ всѣ танцовали здѣшнія дѣвицы и люди разніе танцы, малороссійскіе и русскіе. Болѣе всѣхъ отличался Сашка со Орькой. Дмитрій Прокофьевичъ очень много смѣялся и оборотясь ко мнѣ сказалъ: можно ли на нашихъ балахъ имѣть столько удовольствій, какъ мы теперь имѣемъ? — 12-го, за обѣдомъ, Сашка просилъ позволенія танцовать, въ вечеру, балетъ съ Орькой; ему позволили — и опять былъ балъ. Въ балетѣ онъ отличался чрезвычайно и, когда заиграла его сочиненія музыка, надъ которой онъ трудился нѣсколько дней и дѣлалъ репетицію нѣсколько разъ, то онъ выскочилъ изъ бухвета съ палочкой въ рукѣ, одѣтъ петиметромъ, и вдругъ палъ на колѣни предъ Орькой, дѣлалъ разніе странности, поднимался и опять падалъ, и кончилось тѣмъ, что онъ увелъ ее, при необыкновенномъ звукѣ музики, изъ столовой, сопровождаемъ аплодированіемъ.—Послѣ начались обыкновенніе танцы; Дм. Прокофьевичъ велѣлъ людямъ танцовать мазурку, и они танцовали ее въ карыкатурномъ видѣ. — Я забыла тебѣ написать мой милый другъ, что у насъ, скоро послѣ вашего выѣзду, играли дѣти на фортопіанны, въ столовой: прежде Маня, потомъ Шарлота; а тамъ Прасковья Ивановна, съ своимъ учителемъ давала концертъ; одинъ разъ былъ квартетъ...“

Должно, впрочемъ, полагать, что Д. П. Трощинскому не часто приходилось скучать безъ гостей. Добродушіе, щедрость и хлѣбосольство владѣтеля Кибенцовъ должны были постоянно привлекать въ его усадьбу окрестныхъ помѣщиковъ и чиновниковъ, прославлявшихъ его на всѣ лады, особенно въ бытность Дмитрія

Прокофьевича полтавскимъ губернскимъ предводителемъ. Изъ этой эпохи сохранились въ семейномъ архивѣ разныя стихотворенія Миргородскихъ Пиндаровъ, воспѣвавшихъ добродѣтели и славу своего соотечественника. Приведемъ здѣсь нѣкоторыя образщики этихъ поэтическихъ произведеній:

(1808 г.).

Дерзаю, съ музою моею,
Тебѣ, Димитрій, такъ взывать:
О ты! —чей мудрая царица
Умѣла геній проницать,
Ревла—и яркая денница
На горизонтъ вдругъ востекла;
Стоитъ она между звѣздами
Ясна, блистательна, свѣтла
Багряновидными лучами.—
Всегда довѣріе ея
Вездѣ тебя сопровождало:
Шипѣла ль злобная змѣя –
Въ ней жало съ ядомъ умирало
Ты прямой шествовалъ стезей,
Со славою, какъ другъ народа;
Нестрашна для судьбы твоей
Премѣнчива судьбы погода;
Лишь благомъ къ царству ты дышалъ,
При Савской [1]) будучи царицѣ;
За то Эолъ, кой все сражалъ [2]),
Главу вознесши во столицѣ,
Сѣдыя пощадѣлъ власы,
Россійскаго чтя Аристида
Которому свои вѣсы
Вручила мудрая Өемида;
Свирѣпость бурну укротилъ
И надъ тобой остановился,
Не Богъ вѣтровъ—то былъ Зефиръ.
Онъ мудростью твоей плѣнился.
Когда же тучи протекли
И послѣ тихи дни настали,
Ты зрѣлъ валившихся въ пыли,
Которы нѣкогда блистали,
Простеръ десницу къ нимъ свою
И падшихъ—съ кротостью возставилъ....
. . . .
. . . . ты теперь покой вкушаешь

---

[1]) Савская царица упоминается въ св. писаніи.
[2]) Намекъ на императора Павла.

Въ семействѣ нѣжный другъ, отецъ,
И счастіе тутъ обрѣтаешь
Гдѣ нѣтъ ни всякой суеты,
Ни шуму и смятеній міра;
Души твоей тутъ красоты
Поетъ моя смиренна лира.
Пѣснь искреннюю, въ день имянинъ,
Когда вниманьемъ удостоишь,
То тѣмъ, Россіи вѣрный сынъ,
Достоинство ея удвоишь!

Другая ода, написанная Семеномъ Капнистомъ, отличается особенно затѣйливымъ заголовкомъ; вензель Трощинскаго Т (твердо)вставлено въ Д (добро), съ слѣдующею подписью:

„То, что зришь здѣсь—онъ творитъ:
Твердо на Добрѣ стоитъ“.

Все это окружено эмблемою вѣчности: зміемъ, держащимъ конецъ хвоста въ пасти. Затѣмъ слѣдуютъ стихи, въ тогдашнемъ (1812 г.) вкусѣ:

.... Такъ, мужъ почтенный! совершая
Служенью царства трудный путь,
Ты, въ милой родинѣ желая
Отъ шумной славы отдохнуть,
Когда оставилъ градъ столичный —
Разстройство спутники обычны:
Корысть, самоуправство, развратъ,
Крамола, смуты и раздоры
Лишенной твердыя подпоры
Державѣ гибелью грозятъ.—
На цѣпь сихъ золъ, всемѣстно зримыхъ
Ты съ горестью негодовалъ;
Но взоръ отъ бѣдъ неотвратимыхъ,
Сжавъ сердце, отвратить желалъ
Въ родимый край уединяся
И пышнымъ титломъ не гордяся,
Отъ блеска скрылъ ты жизнь свою.
Не алча въ родинѣ быть славнымъ,
Но каждому являясь равнымъ,
Составилъ съ ней одну семью.—
Вдругъ буря брани заревѣла. .
. . . .
Въ бѣдахъ сихъ, съ царствомъ сострадая,
Ты вновь на поприще вступилъ;
Любовь отца къ птенцамъ являя,
Воскрыльемъ насъ своимъ покрылъ
Храня отъ пагубна навѣта,
Внушеньемъ опытна совѣта
Ты велъ насъ мудростью своей:

На истинну стезю наставилъ,
Противу козней щитъ поставилъ,
И—свѣтъ блеснулъ средь мрачныхъ дней.
Твоимъ усердьемъ оживленны,
Мы плугъ перековали въ мечъ:
Любовью къ родинѣ возженны,
На саму смерть готовы течь:
Отецъ копье вручаетъ сыну
И, въ вѣрну ополча дружину,
Противъ врага его стремитъ;
Сестра здѣсь брата вооружаетъ;
Тамъ мать дѣтей благословляетъ;
Съ весельемъ воинъ въ путь спѣшитъ... и т. д.

IV.

Деревенская жизнь, при всемъ ея привольѣ, не могла удовлетворять Дмитрія Прокофьевича, привыкшаго къ широкой, плодотворной дѣятельности, а теперь обреченнаго на совершенную праздность. Учиться хозяйничать было уже поздно; да къ тому же, всѣми имѣніями его давно уже завѣдывалъ старшій племянникъ Андрей Андреевичъ. Послѣдній трудился надъ этимъ до совершеннаго разстройства здоровья и хотя, вопреки мошенничествамъ разныхъ подчиненныхъ ему прикащиковъ и оффиціалистовъ, доходы съ имѣній были весьма велики, но—въ уровень съ широкою натурою и неистощимою благотворительностію ихъ обладателя они не всегда могли стоять. Дмитрій Прокофьевичъ, особенно живя въ Петербургѣ, нерѣдко оставался безъ денегъ и принужденъ бывалъ прибѣгать къ займамъ весьма почтенныхъ размѣровъ (иногда до нѣсколькихъ сотъ тысячъ рублей), которые, впрочемъ, всегда аккуратно уплачивались. Да и деревенскія затѣи, въ особенности, устройство жалованнаго Екатериною Кагорлыка, поглощали значительныя суммы; тамъ исправлялись старыя и возводились новыя зданія, устроивался одинъ изъ первыхъ въ Малороссіи винокуренныхъ заводовъ, дѣйствующихъ паровикомъ и т. п.

Изобразить полную картину жизни Дмитрія Прокофьевича Трощинскаго и точно опредѣлить характеръ его государственной дѣятельности, мы, по недостатку матеріала, не имѣли возможности; а потому, въ представленномъ нами очеркѣ встрѣчаются,

конечно, большіе пробѣлы. О пользѣ, приносимой имъ на службѣ отечеству, мы могли свидѣтельствовать, лишь указывая на тѣ исключительныя награды и знаки высочайшаго вниманія, которыхъ онъ удостоивался въ продолженіи трехъ, совершенно разнохарактерныхъ царствованій. О службѣ же обществу, въ званіи предводителя дворянства Полтавской губерніи, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Потому желательно было бы, чтобъ лица, имѣющія данныя для пополненія указанныхъ пробѣловъ, не оставляли ихъ подъ спудомъ. Къ точнымъ характеристикамъ достопамятныхъ людей своей земли—характеристикамъ, одинаково далекимъ, какъ отъ панегирика, такъ и отъ забрасыванія грязью — не слѣдуетъ относиться равнодушно. Намъ, въ предложенномъ здѣсь очеркѣ, приходилось руководствоваться такими свидѣтельствами, которыя, истекая отъ людей, стоявшихъ болѣе или менѣе близко къ Д. П. Трощинскому, или же вполнѣ ему преданныхъ,—нерѣдко имѣютъ тонъ слишкомъ панегирическій. Для точной оцѣнки этого человѣка, необходимо слѣдовало бы свидѣтельства эти сопоставить съ другими, имѣющими иную окраску.

Въ предшествовавшемъ біографическомъ очеркѣ часто встрѣчаются упоминанія о старшемъ племянникѣ Дмитрія Прокофьевича, Андреѣ Андреевичѣ Трощинскомъ. Хотя личность эта не представляетъ собою ничего особенно выдающагося, но въ оставшейся послѣ него обширной перепискѣ, есть нѣкоторыя интересныя мѣста, имѣющія связь съ событіями начала нынѣшняго столѣтія. Кромѣ того, заслуживаютъ вниманія и его отношенія къ семейству Гоголя, которое въ немъ, по смерти Д. П. Трощинскаго, находило постоянную поддержку. Изъ нѣкоторыхъ писемъ къ Андрею Андреевичу и женѣ его отъ Маріи Ивановны Гоголь мы приведемъ, ниже сего, извлеченія, имѣющія отношеніе къ ея знаменитому сыну.

Андрей Андреевичъ Трощинскій, родившійся въ 1774 г., былъ, по обычаю той эпохи, чуть ни въ колыбели записанъ солдатомъ въ гвардію; въ 1784 г. онъ уже пожалованъ сержантомъ, а въ 1792 г. выпущенъ въ армію капитаномъ, съ назначеніемъ во 2-й кадетскій корпусъ; вскорѣ послѣ того онъ былъ переведенъ въ артиллерію. Въ началѣ царствованія императора Павла, будучи уже подполковникомъ, онъ, своимъ знаніемъ службы, обратилъ на себя вниманіе взыскательнаго царя и получилъ отъ него коман-

дорственный крестъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. Затѣмъ онъ снова перешелъ во 2-й кадетскій корпусъ и начальствовалъ надъ нимъ до второй войны съ французами, въ царствованіе Александра I-го.

30-го ноября 1806 г. послѣдовалъ высочайшій манифестъ о наборѣ милиціи изъ принадлежащихъ императорской фамиліи вотчинъ. Ратники, поставленные удѣльными имѣніями въ окрестностяхъ Петербурга (бо́льшею частію чухны), должны были составить одинъ батальонъ, съ назначеніемъ при немъ полуроты полевой артиллеріи [1]). Сформировать этотъ батальонъ государь поручилъ цесаревичу Константину Павловичу, предоставивъ ему избрать, изъ состоявшихъ подъ его начальствомъ, 1-го и 2-го кадетскихъ корпусовъ и военно-сиротскаго дома, одного штабъ-офицера и необходимое число оберъ-офицеровъ. По особенному вниманію цесаревича къ А. А. Трощинскому, онъ назначенъ былъ командиромъ этого вновь-образуемаго батальона („чухонскаго", какъ выражался о немъ великій князь). Строевое образованіе ратниковъ, вопреки незнакомству большинства ихъ съ русскимъ языкомъ, пошло настолько успѣшно, что уже 9-го марта 1807 г. батальонъ могъ выступить въ походъ, въ Пруссію. Передъ выступленіемъ онаго А. А. Трощинскій, допущенный во внутренніе покои императрицы-матери, получилъ отъ нея перстень и благословеніе на счастливый путь.

Во время движенія къ границѣ, при проходѣ черезъ Митаву, всѣ офицеры милиціоннаго батальона представлялись, проживавшей тогда въ семъ городѣ, французской королевской фамиліи. Вотъ какъ описываетъ А. А. Трощинскій представленіе это, въ письмѣ своемъ къ дядѣ, отъ 23-го апрѣля:

. . . „Не могу оставить, также, въ молчаніи и того, что въ бытность мою здѣсь я, не столько по долгу, сколько изъ любопытства, представлялся со всѣми моими офицерами, въ первый день прошлаго праздника, къ мнимому королю французскому, который принялъ меня съ отличною вѣжливостію, оказалъ мнѣ

---

[1]) Изъ Ораніенбаумской вотчины государя императора взято 222 чел.; изъ Гатчинской и Красносельской вотчинъ императрицы Маріи Θеодоровны — 411 чел.; изъ Стрѣльнинской вотчины цесаревича Константина Павловича — 159; а всего 792 человѣка.

честь приглашеніемъ въ тотъ же день къ обѣденному столу, бывающему обыкновенно въ 4 часа пополудни. За $^1/_4$ часа предъ тѣмъ временемъ я представленъ былъ къ королевѣ (которой качествъ и наружнаго вида не стану вамъ описывать, предполагая, что вамъ о томъ давно уже лучше меня извѣстно), и потомъ, въ общемъ залѣ—къ герцогу Ангулемскому и его супругѣ, несчастной дочери покойнаго короля. Я чрезвычайно тронутъ былъ ея видомъ и привѣтливостію, при разговорахъ со мною. Мнѣ показалось, что всѣ несчастія, ею претерпѣнныя, остались запечатлѣнными на ея лицѣ, отмѣнно пріятной наружности, и что даже при самой улыбкѣ ея не изглаживаются черты глубокой меланколіи, соединенной съ нѣжною чувствительностію. Въ продолженіи стола и послѣ онаго, весь придворный штатъ, купно съ несчастнымъ семействомъ (кромѣ королевы), попеременно осыпали меня учтивостями и похвалами моей милиціи, объ устройствѣ коей имъ извѣстно уже было чрезъ великаго князя, который, какъ говорили мнѣ, иначе въ разговорахъ служащихъ въ оной не называлъ, какъ дѣтьми своими; почему и желали они, а наипаче Duc d'Angoulême, видѣть весь батальонъ, въ полномъ его видѣ, съ артиллеріею. Я, чрезъ день послѣ того, сдѣлалъ имъ это удовольствіе; но король самъ при осмотрѣ онаго не присутствовалъ, приславъ ко мнѣ сказать, что по нездоровью своему онъ быть не можетъ, принцесса же не только что избѣгаетъ такихъ военныхъ позорищъ, но даже не можетъ слышать и самой пріятнѣйшей музыки, а всякой барабанный бой, военная музыка и пальба приводятъ ее всегда въ содроганіе, какъ мнѣ о томъ сказывали...“

5-го мая, милиціонный батальонъ переправился черезъ Нѣманъ, а на слѣдующій день двинулся далѣе, на присоединеніе къ арміи; 24-го и 25-го онъ былъ при взятіи г. Гутштадта и при преслѣдованіи непріятеля до рѣки Пасарги; 29-го и 30-го участвовалъ въ сраженіи при Гейлсбергѣ, а 2-го іюня—при Фридландѣ. Черезъ двѣ недѣли послѣ этого несчастнаго для русскихъ побоища, за которое Андрей Трощинскій получилъ орденъ св. Георгія 4-й степ.,—онъ писалъ дядѣ своему Дмитрію Прокофьевичу, слѣдующее:

16-го іюня 1807 г., Юрбургъ.

„Я надѣюсь, что вы получили, почтеннѣйшій благодѣтель, отправленное къ вамъ отсюда, черезъ почту, на сихъ дняхъ, увѣ-

домленіе мое, по скорости и въ чужой квартирѣ хотя и дурно написанное, но послужившее удостовѣреніемъ, что какъ я, такъ и братъ мой Иванъ Ефимовичъ [1]) послѣ достопамятнѣйшаго кровопролитнѣйшаго сраженія, бывшаго во 2-й день сего мѣсяца при Фридландѣ, по благости Божіей остались живы. Братъ только получилъ въ ногу контузію ядромъ, поразившимъ насквозь его лошадь, а я остался ничѣмъ невредимъ, при всемъ томъ, что во весь тотъ день, съ 5 часовъ утра до 11 часовъ вечера находился подъ самыми непріятельскими, батарейными, а напослѣдокъ и подъ ружейными выстрѣлами. Я теперь смѣло могу сказать, что прошелъ сквозь огнь и воду; ибо при отступленіи войскъ, когда мосты чрезъ рѣку Алле, у Фридланда протекающую, были сожжены, довелось и мнѣ, на ряду съ прочими, въ одно время и вмѣстѣ съ кавалеріею, пѣхотою и артиллеріею, плыть черезъ оную рѣку. По счастію, что за нѣсколько червонцевъ удалось мнѣ достать къ тому лошадь; а безъ сего средства гибель въ глубинѣ рѣки была неминуемая. Многіе и тутъ пожертвовали своею жизнью. Послѣ таковой переправы, сопровождаемой сзади непріятельскими бомбами и бранскугелями, я долженъ былъ (не взирая на слабость здоровья и опухоль ногъ и лица, отъ пребыванія въ продолженіи 10 дней на бивакахъ) маршировать во всю ночь, нѣсколько миль пѣшкомъ, за неимѣніемъ своей лошади, каковой, какъ равно и вещей моихъ съ походнымъ моимъ экипажемъ, я не имѣлъ при себѣ, до самаго прибытія въ Юрбургъ; а между тѣмъ, кой какъ я путешествовалъ сюда черезъ Инстербургъ и, по требованію великаго князя, черезъ Тильзитъ. Изъ сего можете себѣ представить, до какой степени я былъ разслабленъ и изнуренъ, не имѣвши при себѣ, изъ принадлежащаго мнѣ, никого и ничего, кромѣ нѣсколько червонныхъ въ карманѣ, за которые ничего тогда нельзя было достать. При всемъ таковомъ страдательномъ положеніи моемъ, я тысящекратно почиталъ себя счастливымъ при видѣ въ пути многихъ тысячъ страдальцовъ нашихъ, израненныхъ, изувѣченныхъ, безъ всякихъ пособій, безъ дневнаго пропитанія и безъ надежды лучшаго состоянія, въ числѣ коихъ множество находилось и офицеровъ. Я безъ слезъ и содроганія и теперь не могу представить себѣ

---

[1]) Иванъ Ефимовичъ Трощинскій служилъ въ кавалеріи.

всего, тогда мною видѣннаго. Позорище, и здѣсь, не менѣе разительнѣйшее было. Въ 4 дни выпровожено отсюда далѣе до 13 тысячъ раненыхъ и больныхъ нижнихъ чиновъ, а такого же состоянія офицеровъ, сими же днями отпущено отсюда, по пашпортамъ, въ Россію болѣе 1000. Въ сіе время находится еще здѣсь до 4,000 больныхъ раненыхъ; въ томъ числѣ болѣе 100 офицеровъ. Всѣ относящіяся къ сему подробности—самыя разительнѣйшія для сострадательнаго сердца, тѣмъ мнѣ сдѣлались теперь извѣстнѣе, что начальствующій здѣсь по внутренней военной части, генералъ-маіоръ баронъ Марклоaвскій убѣдилъ меня вспомоществовать ему во всемъ, по его части, въ качествѣ дежурнаго при здѣшнихъ войскахъ. И такъ, вмѣсто отдохновенія и пользованія себя, я съ утра до ночи хлопочу съ несчастными, наипаче офицерами, не имѣющими почти дневнаго пропитанія. Маркловскій, однако-жъ, входитъ въ ихъ состояніе и вспомоществуетъ по возможности, въ ожиданіи, на неоднократныя его государю представленія, доставленія лучшихъ способовъ . . . .

. . . .

Пользуясь нѣкоторою свободою, хочу, къ любопытству вашему, сообщить нѣчто относительно послѣдне-бывшихъ, военныхъ происшествій. Послѣ славнаго и также кровопролитнѣйшаго гейльсбергскаго сраженія, въ которое дѣло не доходило до резервнаго корпуса нашего, непріятель, при всемъ своемъ пораженіи будучи въ превосходныхъ силахъ, ретируясь, двинулъ въ ту же ночь большую часть своихъ войскъ къ Фридланду, въ намѣреніи обойти нашъ правый флангъ, а остальными, подъ защитою сильныхъ батарей и выгоднаго въ лѣсахъ закрытія, обезпокоивалъ только, на другой день, наши войска, производя неоднократно фальшивыя атаки. Вслѣдствіе таковыхъ маневровъ, уже ночью 29-го числа, и наша вся армія слѣдовала къ Фридланду, въ параллель непріятельской, а напослѣдокъ, послѣ томительныхъ переходовъ, къ разсвѣту 2-го числа, обѣ арміи расположены были въ окрестностяхъ Фридланда. Непріятельская армія, по обыкновенной хитрости своей и искусству, скрывалась въ лѣсахъ, а наша, защищая Фридландъ, по мѣстоположенію довольно невыгодному, занимала поля и окрестные берега рѣки Алле. Въ 4 часа утра началась перепалка, а вслѣдъ за оною и дѣйствіе съ обѣихъ сторонъ батарей. Я съ батальономъ, въ сіе время, изъ центра резервнаго

корпуса, вслѣдствіе повелѣнія главнокомандующаго, отряженъ былъ на лѣвый флангъ, для прикрытія батарей отъ нечаяннаго непріятельскаго на оныя, изъ лѣсу, нападенія (гдѣ и находился въ продолженіи двухъ или трехъ часовъ, хотя безъ дѣйствія, но подъ непріятельскими выстрѣлами), до прибытія въ подкрѣпленіе нѣсколькихъ пѣхотныхъ и егерскихъ батальоновъ. Послѣ чего обращенъ я былъ въ прежнюю позицію. Къ полудню, усилившійся непріятель, прибытіемъ новаго къ нему сикурса, открылъ сильныя со всѣхъ сторонъ батареи и подъ защитою оныхъ начали изъ лѣсу выходить густыя непріятельскія колонны, каковыя обыкновенно заключаютъ въ себѣ отъ 2 до 3 тысячъ оруженосцевъ. Но подоспѣвшія къ сему времени нѣсколько нашихъ батарей, въ подкрѣпленіе прежнихъ, принудили непріятеля къ поспѣшному отступленію опять въ лѣсъ; однако-жъ, непріятельскія батареи, наиболѣе дѣйствуя навѣсными выстрѣлами, силою бросаемыхъ бомбъ и бранскугелей наносили, особенно несчастному нашему резервному гвардейскому корпусу большой вредъ. Въ продолженіи дня непріятель неоднократно покушался атаковать, но безъуспѣшно; а между тѣмъ, продолжалъ—сколько дѣйствіемъ изъ лѣсу навѣсными выстрѣлами изъ своихъ закрытыхъ батарей, столько и тиральерами безпокоить и ослаблять наши линіи. Къ вечеру тиральеры ихъ, къ правому нашему флангу еще болѣе усилились. Въ сіе-то время батальонъ мой по частямъ туда отряжаемъ былъ, въ подкрѣпленіе передней цѣпи стрѣлковъ и егерей; а когда, подъ непріятельскими выстрѣлами, съ остальною частію моего батальона я туда же прибылъ, то по не состоянію егерскихъ штабъ-офицеровъ, отъ командующаго онымъ флангомъ генерала ввѣрено мнѣ было командованіе и распоряженіе всей цѣпи стрѣлковъ, изъ рядовыхъ разныхъ полковъ составленныхъ.

„Между тѣмъ, непріятель, въ одиннадцати сильныхъ колоннахъ выстроился передъ лѣсомъ, не взирая на сильную съ нашей стороны канонаду; съ удивительнымъ порядкомъ и устройствомъ двинулся къ нашему центру впередъ, предшествуемъ будучи сильными батареями; въ надлежащей потомъ дистанціи открылъ и ружейный огонь, а напослѣдокъ дѣло дошло и до ручнаго бою,—что̀ происходило уже въ самыя сумерки, въ одиннадцатомъ часу вечера. Это изображало такую ужаснѣйшую картину, которую невозможно описать. Адское пламя огнестрѣль-

ныхъ орудій освѣщало кучу жертвъ, съ обѣихъ сторонъ пораженныхъ; а между тѣмъ повторяемыя съ обѣихъ сторонъ нападенія и отступленія войскъ показывали видъ волнующагося, пламеннаго моря. Напослѣдокъ повелѣно было всѣмъ войскамъ нашимъ отступать черезъ рѣку, за городъ, также весь въ пламени бывшій. И по истинѣ сіе сраженіе, продолжавшееся около 18 часовъ, уподоблялось болѣе съ ожесточеніемъ производимой бойнѣ, къ истребленію только рода человѣческаго, нежели сраженію по общему понятію, между просвѣщенными народами разумѣемому. Въ семъ жестокомъ и упорномъ сраженіи, потеря съ нашей стороны, ранеными и убитыми, велика, но со стороны непріятеля, конечно, несравненно было болѣе, не взирая на то, что войска наши принуждены были отступить. И такъ, и я, съ моей стороны, на поляхъ фридландскихъ исполнилъ долгъ, коимъ всѣ тамъ бывшіе обязаны были государю и отечеству . . . . . изъ всѣхъ, бывшихъ до меня въ передней линіи стрѣлковъ, штабъ-офицеровъ ни одинъ, кромѣ меня, не остался безъ пораженія. И дѣйствительно, въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ сряду, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ я находился, смерть или увѣчье каждую секунду казались неизбѣжными; ибо подобно сильному рою пчелъ, со всѣхъ сторонъ съ свистомъ жужжали пули, а напослѣдокъ посыпались и картечи.... Впрочемъ, испытавши всю тягость теперешняго служенія, не по трудамъ тѣлеснымъ, но по страданіямъ душевнымъ, имѣя дѣло съ такими начальниками, которые . . . . . . [1]), но лучше предоставлю о семъ изустно съ вами объясниться, когда Богъ дастъ мнѣ удовольственнѣйшій случай въ моей жизни опять съ вами увидѣться. Все то отвращаетъ меня теперь отъ службы на такомъ основаніи, какъ теперь нахожусь, и когда увижусь съ великимъ княземъ, то смотря по обстоятельствамъ, буду просить одной милости—о увольненіи меня въ Петербургъ, для поправленія разстроеннаго моего здоровья, и о неназначеніи меня никуда шефомъ полка,—какъ мнѣ здѣсь нѣкоторые проповѣдуютъ, что будто государю угодно меня въ сіе званіе помѣстить, по случаю открывшихся многихъ вакансій...“

Таковы были впечатлѣнія, вынесенныя Андреемъ Трощинскимъ (и, вѣроятно, не имъ однимъ) изъ этой злополучной войны,

---

[1]) Точки въ подлинникѣ.

къ ужасамъ которой присоединялось еще тяжкое сознаніе пораженія и полное разочарованіе въ способностяхъ своихъ начальниковъ. Желаніе покинуть опостывшую ему службу онъ, однако, еще не скоро могъ осуществить. По возвращеніи въ Петербургъ, ратники его батальона, оставшіеся цѣлыми и здоровыми, не были, вопреки общему ожиданію, отпущены домой [1]), но послужили ядромъ для составленія новаго резервнаго батальона, причисленнаго, за отличія въ минувшую войну, къ войскамъ лейбъ-гвардіи (22-го января 1808 г.) и затѣмъ, указомъ 8-го апрѣля, наименованнаго батальономъ Финляндской гвардіи [2]). А. А. Трощинскій (еще въ декабрѣ 1807 г., произведенный въ генералъ-маіоры) командовалъ онымъ до 1809 г. и, въ теченіи этого времени, по порученію Аракчеева, долженъ былъ, какъ человѣкъ, уже искусившійся въ дѣлѣ организаціи строевыхъ частей, формировать еще нѣсколько новыхъ батальоновъ, предназначавшихся къ отправленію въ Финляндію. Только въ декабрѣ 1811 г. удалось ему, по разстроенному здоровью, выйти въ отставку. Съ этихъ поръ онъ посвятилъ себя управленію обширными имѣніями дяди, значительнѣйшая часть которыхъ должна была перейти къ нему. Въ 1821 г. онъ женился на Ольгѣ Дмитріевнѣ Кудрявцевой (внучкѣ, по матери короля Станислава Понятовскаго). Бракъ этотъ былъ весьма счастливъ: молодая Трощинская заслужила привязанность всей семьи; сама же, повидимому, была въ особенно хорошихъ отношеніяхъ съ Марьей Ивановной Гоголь-Яновской. Послѣдняя часто переписывалась съ нею и съ мужемъ ея; переписка эта, съ которою мы имѣли случай подробно ознакомиться, имѣетъ совершенно интимный характеръ и, для постороннихъ, мало интересна. Приведемъ здѣсь изъ нея лишь нѣкоторыя мѣста, касающіяся сына Марьи Ивановны, которому суждено было обезсмертить фамилію Гоголь.

Изъ письма къ О. Д. Трощинской. 3-го сентября 1821 г. [3]).

„Возвратившійся изъ Нѣжина посланный нѣсколько успокоилъ

[1]) За исключеніемъ взятыхъ изъ вотчины императрицы Маріи Ѳеодоровны, которыхъ она пожелала отпустить въ первобытное состояніе: изъ прочихъ отпущены лишь неспособные къ службѣ, вслѣдствіе ранъ, или болѣзней.

[2]) Изъ него, въ 1811 г., сформированъ л.-гв. Финляндскій полкъ.

[3]) Всѣ письма М. И. Гоголь писаны съ хутора ея „Васильевка".

меня на счетъ моего Николиньки; онъ затосковалъ было, а теперь началъ привыкать и сдѣлался веселѣе...“

Изъ письма А. А. Трощинскому, 11-го мая 1826 г.

„Чувствительнѣйше благодарю васъ, любезнѣйшій братецъ, за доставленіе мнѣ, отъ сына моего, письма, хотя самаго безтолковаго; но слава Богу, что онъ живъ, и я надѣюсь, что въ другой разъ онъ не напишетъ мнѣ такихъ глупостей, получа отъ меня строгой и справедливой выговоръ. Что онъ не извинялся въ долгомъ молчаніи, то это оттого, что онъ вѣрно не одно письмо писалъ ко мнѣ, но я не получала; такъ же, какъ и онъ отъ меня изъ шести ни одного не получилъ—и 2 были съ деньгами, положенными ему отъ покойнаго отца его [1]): получать столько десятковъ рублей, сколько классовъ пройдетъ. Теперь онъ получаетъ 70 руб. въ годъ, полагая къ каждому празднику и къ масляной по 10 руб., но о которыхъ онъ пишетъ, что два раза онъ долженъ былъ получать, и не получалъ. Я не могу понять, гдѣ бы дѣваться тѣмъ письмамъ. А что онъ пустяки такіе пишетъ, то воображаетъ, что этимъ меня можетъ развеселить, зная, что дома я горюю, или хлопочу по хозяйству и не имѣю отрадной минуты...“

Изъ письма А. А. Трощинскому, 20-го декабря 1826 г.

. . . „Своихъ лошадей я посылаю въ Нѣжинъ, по обѣщанію моему, за Никошей. Въ эти праздники онъ всегда бываетъ дома. До октября я получала отъ него по нѣсколько писемъ въ мѣсяцъ, и во всѣхъ убѣдительно проситъ меня прислать за нимъ, и я рѣшилась ему, также и себѣ, сдѣлать сіе удовольствіе, а болѣе для того, чтобы узнать, что съ нимъ дѣлается. Знаю, что не лѣность и нерадѣніе сему причиною, а развѣ такъ сильно углубился въ науки, что и не помнитъ, какъ пролетѣлъ мѣсяцъ (что̀ съ нимъ случается), или нездоровъ. Когда же новый директоръ не позволитъ ученикамъ разъѣзжаться по домамъ, такъ какъ при старомъ было, то нужды нѣтъ, что лошади мои проѣздятся даромъ...“

[1]) Отецъ Гоголя умеръ весною 1825 г.

Изъ письма О. Дм—нѣ Трощинской, 11 марта 1827 г.

„Не нахожу словъ выразить мою благодарность тебѣ, мой ангелъ, за доставленіе мнѣ писемъ моего сына, въ которыхъ онъ всегда говоритъ о тебѣ и Андреѣ Андреевичѣ, что онъ никогда не забываетъ вашего къ нему вниманія, и досадуетъ, что не знаетъ чѣмъ доказать благодарность свою (собственныя его слова въ теперешнемъ письмѣ)... Николай описываетъ мнѣ, какъ весело онъ проводилъ масляную: играли въ театрѣ всѣ отмѣнно удачно; 2 французскія пьесы изъ Мольера и Флоріана, одну нѣмецкую изъ Коцебу, русскія: Недоросль, фонъ-Визина, Неудачный примиритель, Княжнина, Лукавинъ, Писарева и Береговое право, соч. Коцебу. Декораціи были отмѣнныя, освѣщеніе великолѣпное; посѣтителей много пріѣзжихъ и всѣ съ отличнымъ вкусомъ, и всѣ единогласно сказали, что ни одинъ изъ провинціальныхъ театровъ не можетъ сравниться съ ихъ. Это все онъ, хвастунишка, мнѣ описываетъ. Музыка состояла изъ своихъ 18-ти учениковъ; Вертнеръ, Россини, Вебера и другихъ были разыграны превосходно“...

Изъ письма А. А. Трощинскому, 23 ноября 1830 г.

...„Я получила отъ Никоши письмо отъ 10 октября, въ которомъ онъ извѣщаетъ меня о днѣ выѣзда вашего изъ С.-Петербурга и о грусти, съ которой разстался съ вами и отъ которой онъ въ совершенной бездѣйственности находится, ни за что не хочетъ приняться, все сдѣлалось ему тамъ чуждо... Онъ мнѣ 3 раза писалъ число денегъ, отъ васъ имъ полученныхъ: первый разъ 300 рублей и платье теплое и все, что было нужно ему; во второй разъ 150 руб.; третій — то, что слѣдовало отъ меня получить за 3 мѣсяца съ половиною — я полагаю, 280 или 300 рублей. О прочихъ вспомоществованіяхъ вашихъ не именовалъ числа денегъ, а писалъ всегда, что опять получилъ вновь отъ рѣдкаго благотворителя моего помощь; и заключилъ, что онъ цѣлый годъ отъ васъ однихъ получалъ содержаніе и не имѣлъ ни въ чемъ нужды; и прибавлялъ: „чтобы я дѣлалъ, не имѣя такого благодѣтеля? вы мнѣ, маменька, не высылаете денегъ; видно ваши обстоятельства слишкомъ трудны“. Я полагаю, что онъ, всякій

разъ, когда получалъ отъ васъ помощь, писалъ ко мнѣ, потому что почти въ каждомъ письмѣ хвалился мнѣ новыми, вашими ему милостями, а я не думаю, чтобы онъ что утаилъ отъ меня; и потому съ меня половину только проситъ изъ прежде назначаемой ему суммы за сей годъ,—чѣмъ много меня облегчилъ по вашей благотворительности; и на будущій годъ проситъ высылать половину, надѣясь съ новаго года прибавки жалованья; а на предбудущій годъ надѣется уже мнѣ помогать. Но я никакъ не надѣюсь на сіе обѣщаніе; только пріятно мнѣ его намѣреніе. Остающіеся за сей годъ 100 рублей я ему пошлю въ концѣ мѣсяца Я также вижу, что онъ не выучился еще разсчетливо жить. Главный его расходъ—на книги, для которыхъ онъ въ состояніи лишиться и пищи. Когда выйдетъ новая книга, по названію много обѣщающая, то онъ готовъ выписывать ее изъ чужихъ краевъ— что̀ онъ и дѣлалъ, будучи въ Нѣжинѣ, изъ выпрошенныхъ у меня для платья денегъ; послѣ признался мнѣ, что когда онъ начитаетъ о новой книгѣ, то дрожитъ, какъ бы ее выписать скорѣе — и за это получилъ отъ меня репримандъ. Я называю сію охоту страстью; хотя она и не постыдна, какъ карточная, но тоже можетъ раззорять. Теперь онъ меня увѣряетъ, что отъ всего отказался, видя недостаточное свое положеніе; а человѣкъ, который былъ при немъ въ Нѣжинѣ (родъ дядьки), говорилъ мнѣ, по секрету, что баринъ его не умѣетъ беречь денегъ и себя же обижаетъ,—говоря, что когда я дамъ ему денегъ по праздникамъ на конфеты, до которыхъ онъ большой охотникъ, то когда не успѣетъ еще купить и встрѣтится ему бѣдной, то такъ и старается, какъ бы увильнуть отъ меня и отдать ему свои деньги, думая, что я не видалъ, но я всегда такъ и слѣжу за нимъ и, когда другіе дѣти ѣдятъ лакомства, то я его спрашиваю: что же онъ не ѣстъ? то онъ мнѣ отвѣчаетъ, что уже съѣлъ; но обманываетъ меня, старика; и заключаетъ: не давайте ему денегъ; пропадутъ ни за что. Я уже ничего не говорила Никошѣ; онъ послѣ и самъ увидитъ, приходя въ разсудокъ болѣе, что надобно дѣлиться съ бѣдными благоразумно, не лишая и себя необходимаго; и онъ вѣрно теперь сдѣлался благоразумнѣе и осторожнѣе въ издержкахъ своихъ, претерпя иногда и нужду. Я васъ покорнѣйше прошу, благодѣтельный другъ, если вы удостоите иногда отвѣтами Николая моего письма, продолжать строгія ваши ему

поученія, чтобы онъ ни на минуту не выпускалъ изъ виду получавшія (ся) имъ изустныя отъ васъ наставленія; а я, съ своей стороны, буду продолжать ему свои морали; и тогда, съ помощію Божіею, можно ожидать, что онъ будетъ истинный христіанинъ и добрый гражданинъ"...

Изъ письма А. А. Трощинскому, 15 янв. 1831 г.

„Письмо, полученное мною отъ Николая моего, 20-го декабря отпущенное, совершенно успокоило меня на счетъ опасенія моего, о которомъ я къ вамъ писала, почтеннѣйшій братецъ. Холеры, благодаря Бога, въ С. Петербургѣ нѣтъ; сынъ мой продолжаетъ службу счастливо, его начинаютъ замѣчать съ хорошей стороны и любятъ, и онъ надѣется въ новомъ годѣ получить для себя больше выгодъ и не столько будетъ нуждаться"....

Изъ письма О. Д. Трощинской, 3 апр. 1831 г.

...„Отъ сына моего я очень рѣдко получаю письма, но за то, благодаря Бога, все пріятныя; и я не сѣтую на него за нечастое писаніе, во первыхъ потому, чтбы не мѣшать ему заниматься по должности, и такъ какъ онъ еще положилъ на себя занятіе въ Академіи художествъ, желая усовершенствоваться въ любимомъ своемъ искусствѣ, рисованіи; а во вторыхъ, что въ его состояніи немножко и накладно часто писать изъ С. Петербурга"...

Изъ письма А. А. Трощинскому, 8 октяб. 1831 г.

...„Сынъ мой посвящаетъ всю свою жизнь службѣ, стараясь быть намъ полезнымъ; но покуда я дождусь сего счастія, то много еще должна буду терять здоровья въ трудахъ... На дняхъ я получила отъ сына моего письмо, съ поздравленіемъ меня съ имянинами, и при ономъ посылаетъ мнѣ книгу своего сочиненія; пишетъ: она есть плодъ отдохновенія досужныхъ часовъ отъ трудовъ моихъ; она понравилась здѣсь всѣмъ, начиная отъ госуда-

рыни, надѣюсь, что и вамъ она принесетъ сколько нибудь удовольствія, и тогда я буду счастливъ. Книга сія подъ названіемъ Вечера на хуторѣ близь Диканьки; сочинителемъ подписалъ пасѣчника Рудаго Панько"...

Изъ письма О. Д. Трощинской. 20 октяб 1831.

..."Книгу сына моего при семъ посылаю и прошу васъ, при случаѣ, когда будете посылать въ Кибенцы, прислать мнѣ. Здѣсь всѣ просятъ ее прочесть. Николай мой все стремится быть полезнымъ для своего края и я нѣсколько понимаю его цѣль; въ сей книгѣ онъ коснулся ея; но въ продолженіи болѣе будетъ; и обыкновенно, въ такомъ родѣ, какъ онъ пишетъ, болѣе нравится публикѣ"....

Изъ письма О Д Трощинской, 24 марта 1835 г.

... "Мой сынъ старается утѣшать меня, какъ только можетъ. Благодарю Бога, на сихъ дняхъ я получила отъ него книги, Арабески, подъ собственнымъ уже его именемъ изданныя"...

Изъ письма А. А. Трощинскому, 4 іюня 1838 г.

..."Сынъ мой все еще въ Италіи; избѣгая жаровъ, выѣзжаетъ изъ Рима въ прекрасныя окрестности его. Я недавно получила отъ него письмо, въ которомъ онъ пишетъ, что тамъ проживала княгиня Волконская, съ которой душа его любила бесѣдовать; но по выѣздѣ ея, природа замѣняетъ ему все. Я писала ему, почему не пишетъ о монаршихъ ему милостяхъ, и я слышу только отъ другихъ? Не знаю, что онъ мнѣ напишетъ въ отвѣтъ. Недавно я слышала, что онъ писалъ къ г. Жуковскому, занять ему донегъ 3 тысячи рублей, что онъ ему скоро возвратитъ,—и въ такомъ смѣшномъ видѣ написалъ, что тотъ показывалъ многимъ изъ придворныхъ и наконецъ дошло до государя! Онъ изволилъ потребовать письмо, много смѣялся читая его и велѣлъ послать ему 4 тысячи рублей!—и притомъ сказалъ:" пусть

еще напишетъ такое письмо, и я еще ему пошлю денегъ". Не знаю, правда ли это; потому что отъ него я ничего о семъ не имѣю"...

Изъ письма А. А. Трощинскому, 7 апрѣля 1846 г.

..."Послѣ того, какъ я къ вамъ писала, получила отъ сына моего коротенькое письмо, въ которомъ онъ пишетъ, что все нездоровъ; и главная его болѣзнь, что онъ жестоко зябнетъ въ такомъ тепломъ климатѣ, въ Римѣ,—бѣгаетъ, а не ходитъ, чтобъ согрѣться, и никакъ не помогаетъ ничто; даже писать не можетъ—руки коченѣютъ отъ холода. Видно онъ изнурилъ себя большими трудами, въ которыхъ проводитъ жизнь. Нѣтъ счастья на землѣ!"...

Изъ письма А. А. Трощинскому, 1 января 1847 г

..."На сихъ дняхъ я получила убійственныя письма отъ моего сына; первое, отъ 14-го декабря пущенное, съ приложеніемъ завѣщанія своего, при отъѣздѣ въ Палестину, куда онъ намѣревался отправиться въ половинѣ настоящаго января; а другое, 19-го того же мѣсяца, гдѣ онъ отлагаетъ еще свою поѣздку и обѣщается написать, когда выѣдетъ. Онъ что-то издаетъ до отъѣзда своего, чтобъ могъ поклониться гробу Господню, такъ какъ онъ желаетъ; полагая выѣхать прежде, онъ издалъ какое-то сочиненіе, гдѣ есть и его исповѣдь, и воображаетъ, что я уже имѣю въ рукахъ его книги—одинъ экземпляръ вамъ, другой мнѣ и тѣмъ, кто молился о его выздоровленіи; но я о сю пору не имѣю этихъ книгъ. Онъ пишетъ, что онѣ пришлются изъ Петербурга и распоряжается такъ, какъ будто никогда не увидится съ нами. Завѣщаніе его раздираетъ мое сердце, тѣмъ болѣе, что онъ не пишетъ „на случай моей смерти", а просто, по его смерти что должно намъ дѣлать. Видно тяжкіе труды, которые онъ всегда несъ для пользы неимущихъ, изнурили бѣдное его здоровье. Онъ приготовилъ много, назначая печатать послѣ смерти. Я слышала, что въ бытность свою въ Римѣ, государь спросилъ моего сына, почему онъ не печатаетъ своихъ сочиненій, и онъ отвѣчалъ, что цензура не пропускаетъ, а (онъ) не желаетъ ничего перемѣнить;

и онъ ему сказалъ: „я буду твоимъ цензоромъ“; но онъ самъ никогда никому ничего такого не пишетъ въ такомъ родѣ. Я полагаю, онъ и попросилъ государя напечатать по смерти своей; и еще на этихъ дняхъ я слышала отъ того человѣка, который читалъ княжны Варвары Репниной письмо, писанное ей петербургскимъ профессоромъ, который получилъ отъ сына моего письмо, чтобъ не считали сочиненій прежнихъ за его, а что только по возвращеніи изъ Іерусалима онѣ будутъ издаваться“...

Изъ письма А. А. Трощинскому, 29 марта 1852 г., написаннаго вскорѣ послѣ извѣстія о смерти Н. В. Гоголя:

... „Горе меня снѣдаетъ, хотя я и стараюсь не показывать передъ дѣтьми моими, которыя и такъ неутѣшны: Аннинька горько плакала и слезы облегчали ее, но мы съ Олинькой не могли плакать и остаемся полубольныя. Получа это роковое извѣстіе пріѣхавши въ Полтаву, я не спала, не ѣла и не плакала нѣсколько дней, да и теперь не могу плакать, или, лучше сказать, душевно плачу, безъ слезъ, но остаюсь жить. Боже мой! чего не можетъ человѣкъ перенести!—Ко мнѣ начинаютъ писать изъ Москвы и разныхъ мѣстъ; прежде боялись отзываться, не будучи увѣрены, знаю ли я о моемъ несчастіи. Богъ и въ смерти прославилъ моего сына: онъ отошелъ въ лучшій міръ, какъ истинный христіанинъ; вся Москва плакала объ немъ, какъ одно семейство, и къ намъ они очень расположены, для того только, что мы его родные. Все бы это должно нѣсколько утѣшать, но скорбь матери невыносима. 10 мѣсяцей, какъ я его не вижу, и второй мѣсяцъ, какъ его нѣтъ на землѣ Иногда мнѣ покажется, что онъ за границей, или гдѣ нибудь въ отлучкѣ, и когда вспомню, что его нѣтъ, то точно, какъ варомъ обдастъ меня; или когда благодѣтельный сонъ иногда посѣтитъ меня, то какое ужасное пробужденіе!—Я не роптала на Бога, узнавъ о ударѣ, меня поразившемъ, а только умоляю Его, не отлучаться отъ моего сына ни на минуту, окружить его Своими ангелами и дать ему радости неизглаголанныя“....

Кромѣ этихъ писемъ М. И. Гоголь, въ семейномъ архивѣ Трощинскихъ сохранилось слѣдующее письмо, написанное сыномъ ея, въ 1850 году, одному изъ полтавскихъ дворянъ, Алек-

сѣю Михайловичу... (?) и касающееся Дмитрія Андреевича Трощинскаго:

„Думалъ было еще съ вами повидаться, добрѣйшій Алексѣй Михайловичъ, и не удалось. А между тѣмъ имѣю къ вамъ убѣдительнѣйшую просьбу. Дѣло вотъ въ чемъ: не слѣдуетъ намъ, Миргородскимъ дворянамъ, выпустить изъ нашего уѣзда молодаго Трощинскаго, котораго переманиваютъ въ Кіевскую губернію и съ которымъ совѣтую вамъ познакомиться, какъ съ юношей, подающимъ добрыя надежды. Говорю это не вслѣдствіе какихъ нибудь родственныхъ отношеній, но потому что это мнѣ въ самомъ дѣлѣ такъ кажется. Намъ такіе дворяне нужны. Употребите всѣ усилія, и сами собою, и чрезъ знакомыхъ, и чрезъ Лукьяновича [1])—словомъ: употребите всѣ добрыя движенія души вашей и всѣ отъ васъ зависящіе способы, что бы въ наступающіе выборы избрать его въ депутаты по Миргородскому уѣзду, или иную должность по выборамъ, ему приличную, не связанную съ большими хлопотами и разъѣздами, что бы ему имѣть возможность быть, хотя въ началѣ, при больномъ отцѣ. Не забудьте, что онъ, какъ бы то ни было, внукъ того знаменитаго мужа, которому много обязана Полтавская губернія; по крайней мѣрѣ въ трудное время 1812-го года, когда дворянству нужно было сильное представительство, онъ не отказался принять на себя званіе губернскаго предводителя, не смотря на то, что, находясь въ должности министра, обремененъ былъ кучею дѣлъ и обязанностей [2]). Поэтому самому и намъ уже слѣдуетъ споспѣшествовать всѣми мѣрами его внуку въ благородномъ желаніи служить по выборамъ.

„Во всякомъ случаѣ, наша общая польза и выгода въ томъ, если должности по выборамъ будутъ заняты нашими лучшими фамиліями. Переговорите обо всемъ этомъ съ Лукьяновичемъ, подумайте сами и дайте мнѣ отвѣтъ въ Одессу. Весь вашъ Н. Гоголь".

Въ заключеніе настоящаго очерка, редакція „Русской Ста-

[1]) Миргородскій предводитель.

[2]) Очевидная ошибка. Съ 1809 по 1814 г. Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій не состоялъ на государственной службѣ.

рины“ долгомъ считаетъ выразить глубочайшую благодарность внучатному племяннику Д. П. Трощинскаго—Дмитрію Андреевичу Трощинскому за весьма обязательное сообщеніе фамильныхъ бумагъ и превосходнаго портрета достопамятнаго его дѣда; а Софіи Цезаріевнѣ Лопацкой за ту любовь и вниманіе, съ какими приведены ею въ порядокъ и заботливо обставлены замѣтками помянутыя бумаги.

Изъ этихъ бумагъ нѣкоторыя представляютъ несомнѣнно общій, историческій интересъ, а потому и будутъ помѣщены на страницахъ „Русской Старины“.

КНЯЗЬ А. Н. ГОЛИЦЫНЪ И АРХИМАНДРИТЪ ФОТІЙ

въ 1822—1825 гг. [1]).

XXXIII [2]).

6 апрѣля. С.-Петербургъ.

Высокопреподобный отецъ Фотій, любезнѣйшій сердцу моему! что такъ долго не вижу писанія вашего? здоровы ли вы или можетъ занятія по постройкамъ мѣшаютъ. Я привыкъ часто получать пищу, вами приготовленную, то и голодаетъ душа моя, а ее надобно поддержать—мірскія суеты и занятія бумагами сушатъ оную, то и прошу не оставлять землю мою дурную воздѣлывать и отрывать въ ней источники живота, чтобъ она приближаясь къ днямъ страстей Господа нашего Іисуса Христа не столько суха была. Мнѣ хочется на страстной сей недѣли сподобиться причаститься Святымъ Таинамъ; помолитесь, да Господь очиститъ сердце мое и изведетъ изъ плѣна душу мою. Здоровье мое изрядно, но дѣла много. По отъѣздѣ директора департамента просвѣщенія еще болѣе на мнѣ легло: его послали доктора лѣчиться въ чужіе края; помолитесь за него, да Господь помилуетъ и исцѣлитъ его [3]). Спѣшу, чтобъ не опоздать на почту и для того коротко

---

[1]) См. „Русск. Стар." изд. 1882 г., т. XXXIII, мартъ, стр. 765—780; т. XXXIV, апрѣль, стр. 205—222; май, стр. 427—442.

[2]) Въ 1-й рук. № 29.

[3]) В. М. Поповъ былъ особенно любимъ Голицынымъ. Когда, послѣ отставки Голицына, и онъ долженъ былъ оставить министерство Нар. Просвѣщенія, то князь далъ ему видное мѣсто въ почтовомъ департаментѣ, завѣдываніе которымъ было поручено Голицыну. Отданный подъ судъ по дѣлу Госнера, несмотря на то, что обвиненіе противъ него въ Сенатѣ и въ Государственномъ Совѣтѣ велъ самъ новый министръ просвѣщенія, Шишковъ, Поповъ былъ оправданъ и дослужился до чина тайнаго совѣтника. Въ царствованіе Николая Павловича, вслѣдствіе дошедшихъ до Государя слуховъ объ истязаніяхъ, которымъ подвергалъ своихъ дочерей изъ побужденій хлыстов-

пишу, хотѣлось только о себѣ вамъ напомнить. Прося благословенія пребуду навсегда съ истиннымъ почтеніемъ и любовію вамъ преданный слуга князь Александръ Голицынъ.

XXXIV [1]).

С. Петербургъ. 13 апрѣля.

Христосъ посреди насъ есть и будетъ, сказалъ мнѣ отецъ Фотій много разъ, а я ему отъ всего сердца сказалъ: аминь, и тоже скажу и нынѣ.

Со всѣмъ тѣмъ не пишетъ ко мнѣ отецъ Фотій давно;—не знаю получу ли на сегодняшней почтѣ, желаю, ибо давно уже не имѣлъ сообщенія, къ которому ваше высокопреподобіе меня пріучило. Сегодня молясь поутру пожелало сердце мое послать къ вамъ одну изъ тѣхъ ваій, которыя мнѣ присланы были изъ Іерусалима и стоятъ въ моей молитвенной. Послѣ освященія моей домашней церкви всякій годъ къ вербной суботѣ кто нибудь приносилъ мнѣ таковую ваію—иногда богомолецъ, пришедшій назадъ изъ Іерусалима, иногда монахъ изъ Афонской горы,—иногда женщина, однимъ словомъ, у меня много было таковыхъ; желаю, чтобъ почта успѣла вамъ привезти сію ваію; въ субботу, въ воскресенье, кажется, можетъ поспѣть. Примите ее отъ меня въ любви, поздравляя ваше высокопреподобіе съ праздникомъ вшествія Господа нашего Іисуса Христа въ Іерусалимъ; помолитесь, чтобъ Онъ вошелъ и въ мое сердце, но не для того, чтобъ я Его распиналъ, но чтобъ Онъ кровію Своею меня очистилъ и Духъ правый обновилъ во утробѣ моей, ибо я приготовляюсь въ великій четвергъ приступить къ Божественной трапезѣ; помолитесь о мнѣ, въ сей день вѣроятно, вы священнодѣйствовать будете. Посылаю при семъ крестикъ Іерусалимскій. Благословенія испрашивая пребуду навсегда вамъ преданный сердцемъ князь Александръ Голицынъ.

P. S. Ежели ваія руки ваши замараетъ копотью, то оное оттого, что стоя нѣсколько лѣтъ въ моей молитвенной отъ ладону она такова, но сія копоть есть чистая, яко отъ ладона происшедшая.

Я думалъ, что вы нездоровы и посылалъ къ Портершѣ спросить не знаетъ ли чего она объ васъ, и она мнѣ сказала, что вы ей писали письмо, которое даже я и видѣлъ и сіе меня успокоило, но грустно мнѣ было, что я долженъ по городу сбирать объ васъ свѣдѣнія, а самъ не получаю.

скаго изувѣрства, Поповъ былъ уволенъ отъ службы и высланъ изъ столицы. (См. Сушкова Записки о Филаретѣ стр. 78; Записки Панаева въ „Вѣстн. Европы" 1867 г. кн. 4, стр. 85). Н. В.

[1]) Въ 1-й рукоп. № 30.

XXXV [1]).

19 апрѣля. С. Петербургъ.

Высокопреподобне отче Фотіе! Я благодарю Господа, что у меня съ вами есть духовное сношеніе, уже нѣсколько разъ сіе случалось. 13 числа нынѣшняго мѣсяца на молитвѣ пришло мнѣ чувство, что надобно къ вамъ послать вѣтвь Іерусалимскую, которую у нихъ употребляютъ вмѣсто нашихъ вербъ, и съ коими и Спасителя встрѣчали. Итакъ, я послалъ по почтѣ въ тотъ же день, думая, что ежели ко всенощной, то можетъ въ вербное воскресеніе получите; въ субботу же получаю отъ васъ письмо, именно о ваіяхъ вы ко мнѣ пишете; и потомъ получилъ еще письмо отъ 15-го о свидѣтельствѣ воскресенія чрезъ ваіи, но изъ сего письма не видно, чтобъ получили вы мою Іерусалимскую ваію, ибо шли уже служить Божественную литургію, а объ моей посылкѣ ни слова. Дорога не хороша и почты опаздываютъ. Нужнымъ считаю вамъ сообщить, что со мною происходило при окончаніи сего письма съ четвертой недѣли въ воскресенье и потомъ я званъ былъ на освященіе церквей, а одну митрополитъ Серафимъ освящалъ въ институтѣ слѣпыхъ и такъ подѣйствовалъ на меня, что я былъ очень тронутъ и чувствовалъ, что онъ былъ силенъ благодатью Божіею. Послѣ присутствія на сихъ освященіяхъ я прошенъ былъ въ отцы крестные къ тремъ лицамъ, принявшимъ наше православное исповѣданіе: къ одному лютеранину, потомъ къ жиду молодому, нѣмому и глухому въ институтѣ у императрицы Маріи Ѳеодоровны, а послѣ къ женщинѣ римскаго исповѣданія; мнѣ показалось сіе примѣчательнымъ; а страстную недѣлю говѣлъ и сегодня въ великій четвертокъ удостоился причаститься Божественнаго тѣла и крови Спасителя моего,—когда принялъ я сіе пречистое тѣло скверными устами моими, возвалъ сердцемъ моимъ къ Богу о царѣ и васъ, любезнѣйшій отецъ Фотій,—и молитва моя была къ Отцу, надѣясь на Сына Его единосущнаго, Который снизшелъ въ меня грѣшника и тѣломъ Своимъ и кровію во мнѣ пребывалъ и просилъ, чтобъ Онъ всегда меня не оставлялъ и оживлялъ для дѣла его Божественнаго и моего спасенія. Сестру мою духовную, а чадо ваше вспомянулъ тутъ же и радость мою съ вами раздѣлялъ. Усопшихъ родственниковъ помянулъ также. О коль Господь милосердъ ко мнѣ, такъ утѣшительно было на сердцѣ моемъ и покойно внутри меня; коль возлюбленна селенія Твоя Господи! днесь скончавается душа моя въ дворы Господни—умереть захотѣлось тутъ, но да будетъ воля Господня. Созрѣть хочется и исполнить волю Его. Я къ вамъ пишу въ радости и веселіи—желаю и вамъ сего во времени и въ вѣчности

[1]) Въ 1-й рукоп. № 31.

и да Господь исполнитъ васъ полнотою Духа Святаго, такъ чтобъ потоки благодати и на насъ грѣшныхъ и на всѣхъ ищущихъ спасенія пролились.

Когда получите мое письмо, то уже будетъ Свѣтлое Христово воскресенье, съ коимъ васъ поздравляю и прошу благословенія всѣмъ сердцемъ преданный князь Александръ Голицынъ.

P. S. Государю императору все прочелъ, что до него касалось, какъ то, что вы велѣли ему пересказать отъ васъ, такъ и то, что вы мнѣ о царѣ писали; государь принялъ все милостиво и благодаритъ за ваше благословеніе; ему пріятно было видѣть и чувства, коими вы преисполнены.

P. S. Я писалъ къ графинѣ Орловой и спрашивалъ ее: начала ли она сбираться сюда; я знаю, что она долго приготовляется къ дорогѣ; она было обѣщала сего лѣта, кажется, пріѣхать, а какъ она пріѣдетъ, то и вамъ надобно будетъ тогда пріѣхать. Я чрезъ то выиграю для себя, ибо нигдѣ не такъ способно и столько время можно имѣть, какъ у чады вашей любезной. Какое-то особенное благословеніе бывало въ ея домѣ: тишина и спокойствіе какъ въ иноческой обители.

XXXVI [1].

Христосъ воскресе! Высокопреподобный отецъ Фотій, да возрадуется душа ваша о Господѣ и возвеселится во вѣки!

Пѣнія сей недѣли, столь радостныя, слушавъ вчера у Божественной литургіи, мнѣ пришло на сердце, что чѣмъ началась сія радость: смертью Господа, надобно было Ему пострадать и умереть, а тамъ уже воскреснуть. Тоже и послѣдователямъ Его предлежитъ; сколько смертей надобно пройти, чтобъ достигнуть воскресенія. Человѣку трудно, но Богу все возможно, на него надѣюсь и на молитвы тѣхъ, кои любятъ меня о Господѣ и имѣютъ дерзновеніе молиться о грѣшникахъ. Въ семъ числѣ считаю я на васъ и прося благословенія пребуду на всегда вамъ всѣмъ сердцемъ преданнымъ въ Господѣ князь Александръ Голицынъ.

P. S. При семъ посылаю къ вамъ Кіевскую службу на день преславнаго воскресенія Господня и всея седмицы на память обо мнѣ. Прошу мнѣ истолковать, что вы разумѣете о директорѣ департамента просвѣщенія, это точно Василій Михайловичъ Поповъ, онъ поѣхалъ лечиться и, кажется, много я писалъ вамъ, что мнѣ больше хлопотъ безъ него, но въ вашемъ отвѣтѣ я не выразумѣлъ, что вы хотите сказать.

---

[1]) Въ 1-й рукоп. № 32.

XXXVII [1]).

1 мая. С. Петербургъ.

Во истину воскресе! воистину воскресе! Воистину воскресе! Коль радостно мнѣ привѣтствіе ваше преподобный отче Фотій! Коль любезно мнѣ цѣлованіе ваше о имени сладчайшаго Іисуса Христа воскресшаго, коль утѣшительно мнѣ было получить писаніе ваше, что помянули меня отъ души въ столь великій день на литургіи. Господь къ вамъ милостивъ и, конечно, всегда слышитъ молитву вашу; а въ сей радостный день воскресенія, гдѣ небеса и земля радуются и веселятся, кажется мнѣ, что Господь Богъ еще, коли сказать можно смѣть, еще милостивѣе принимаетъ молитвы церкви и слугъ, Его любящихъ и ликующихъ, молящихъ о спасеніи рода человѣческаго; благодарю васъ сердечно за воспоминаніе меня въ столь тягостное для тѣла вашего служеніе, ибо послѣ седмицы страстей, длинныхъ молитвъ, поста и потомъ утрени и литургіи, меня грѣшнаго не забыли и воскресшему Спасителю поручили.

Господь да воздастъ вамъ сторицею Своею милостію и да обогатитъ васъ изъ вѣчной Своей сокровищницы. Благодарю и за яйцо бѣлое съ цвѣтами, яко знаменіе мира; ваши цвѣты у меня сохраняются какъ бѣлые съ маленькими розовыми головками и два розана, на которые излились многія ваши чувства для меня прелюбезныя и кои я вспоминаю съ удовольствіемъ и благодарностью; изъ живыхъ цвѣтовъ двухъ горшковъ: одинъ, гдѣ былъ розанъ, пропалъ, а гортенсія, большой цвѣтокъ съ розовой шапкою, тотъ пустилъ новые всѣ листья и теперь готовится распускаться цвѣтъ.

Мнѣ жаль, что податель письма вашего съ яйцемъ г-нъ Павловъ меня не засталъ дома, но я надѣюсь, что заѣдетъ на другой разъ. Предоброму и пресладкому (какъ вы назвали его) владыкѣ нашему Серафиму сказалъ, что вы отъ трудовъ не успѣли ему написать; онъ васъ очень любитъ, слѣдовательно и извинитъ. Такъ какъ вы мнѣ о немъ написали, то хочу вамъ по секрету сказать, что съ души его свалился большой камень; только прошу, чтобъ сіе осталось между нами: Пермскіе раскольники просили себѣ поповъ православныхъ съ тѣмъ, чтобъ они архіереями отпускались не возбранно и чтобъ даже могли выбирать кого захотятъ. По гражданскому правительству придумана была мѣра къ сему та, чтобы архіереи подъ видомъ миссіонеровъ, по требованію губернаторовъ, посылали поповъ, а раскольники ихъ бы оставляли у себя для исправленія требъ, ибо имъ бѣглые попы надоѣли по ихъ разврату и потому что не увѣрены были ихъ у себя сохра-

---

[1]) Въ 1-й рукоп. № 33.

нить. Сіе возложено было на митрополита исполнить; онъ долженъ бы былъ и съ архіереемъ Пермскимъ снестись и наставленіе дать. Преосвященный Серафимъ, увидя, что изъ сего послѣдствія будутъ гибельны для православія, а торжество для раскольниковъ и что все основаніе мѣры сей должно было основаться на тайнѣ,—какъ же могло сіе тайною сохраниться, когда черезъ губернатора бы пошла сія переписка и 150,000 раскольниковъ въ Сибири могли ли сохранить тайны да и пожелали ли бы? напротивъ разглашать бы стали, что церковь согласилась на какой-то изворотъ. Наконецъ, я примѣтилъ, что митрополитъ грустить и мнѣ не открываетъ свое горе и въ одинъ день въ олтарѣ дворцовой церкви я къ нему приступилъ съ просьбою, чтобъ онъ мнѣ открылъ причину его огорченія и даже болѣзни, отъ того ему причинившейся. Онъ мнѣ тогда сказалъ, что онъ рѣшился ничего такого не дѣлать, что можетъ сдѣлать соблазнъ или вредъ церкви и что онъ лучше пойдетъ прочь, но не напишетъ къ архіерею Пермскому. Я его подкрѣпилъ въ его расположеніи, сказавъ ему, чтобъ онъ написалъ свое мнѣніе и что я покажу государю, увѣренъ будучи, что онъ согласится на его причины и избавитъ его отъ сего бремени. Такъ и случилось: государь внялъ его бумагѣ и все дѣло было кончено, а министру внутреннихъ дѣлъ велѣно было объявить раскольникамъ, что они коли хотятъ, то могутъ просить на единовѣрческихъ правилахъ церквей, но не иначе. Слѣдовательно, дѣло сіе кончилось гражданскимъ образомъ, а митрополитъ и въ виду не остался, но вы не можете представить какъ онъ радъ былъ, ибо онъ свою совѣсть бережетъ, чтобы не проступиться предъ Богомъ по занимаемому имъ высокому мѣсту; напишите мнѣ на сіе ваше мнѣніе.

Слухи о перемѣнахъ въ столицѣ дошли до васъ, но они до меня не касаются и состоятъ въ слѣдующемъ: министръ финансовъ просился въ отставку и уволенъ отъ министерства финансовъ; онъ оставленъ надъ кабинетомъ и министромъ удѣловъ. Министръ юстиціи, говорятъ, просился, то нѣтъ еще отвѣта. Князь Волконскій, начальникъ штаба, просился къ водамъ въ чужіе края и уволенъ до излѣченія, но онъ подлинно болѣнъ и возвратиться хочетъ въ сентябрѣ; его должность отправляетъ генералъ-адъютантъ Дибичъ. Министръ военный въ водяной и ѣдетъ въ водамъ, а мѣсто его занимаетъ генералъ комисаръ Татищевъ.

Мнѣ прибавилось болѣе дѣла отъ отъѣзда начальника главнаго штаба князя Волконскаго. Государь приказалъ мнѣ докладывать по придворнымъ вѣдомствамъ до его возвращенія; я хотя отговаривался, ибо истинно времени нѣтъ, но государь хотѣлъ непремѣнно и что только на время. Видно воля Божія, ибо я какъ ни желаю поменьше имѣть дѣла и охотно уступилъ бы большую половину своихъ дѣлъ, но напротивъ дѣлается. Я иногда думаю, что Господь что нибудь во мнѣ творитъ, да не хощетъ, чтобъ я то

видѣлъ и для того заставляетъ меня черную работу дѣлать; ибо я такъ ее называю противъ духовныхъ занятій, коими бы я желалъ болѣе предаться. Надѣюсь на Него премилосерднаго, что когда надобно будетъ, то можетъ и сниметъ бремя мірское, чтобъ болѣе Ему послужить. Отъ сестры моей о Господѣ получилъ письмо изъ Ростова; она и не думаетъ въ Петербургъ; говоритъ, что нынѣшнее лѣто вы благословили ее на житіе въ Островѣ, а на зиму будущую что Богъ дастъ. Какое доброе письмо она мнѣ пишетъ; я всегда съ особымъ чувствомъ отъ нее получаю писанія: чистота сердца и смиреніе необыкновенное!...

Я уже записался и вамъ надоѣлъ; прощайте и благословите преданнаго вамъ сердцемъ покорнѣйшаго слугу князь **Александръ Голицынъ**.

XXXVIII [1]).

Царское Село. 8 мая.

Высокопреподобне отче Фотіе! вчера уѣхавъ изъ С. Петербурга въ Царское Село, не знаю почта Новгородская привезла ли мнѣ отъ васъ письмо; но я имѣю нужду съ вами сообщиться сегодня, ибо хотя я всегда люблю васъ, но сего утра что-то сердце мое особенно съ вами соединено. Я читалъ маленькую псалтырь, которою вы меня благословили предъ отъѣздомъ своимъ въ лаврѣ августа 30-го дня, и такіе псалмы открылись мнѣ утѣшительные и милосердые, что взыгрался я сердцемъ своимъ и возлюбилъ васъ, прочтя надпись вашу на сей псалтырѣ: имъ же образомъ желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже. Съ симъ пѣніемъ святымъ цѣлуетъ тебя святымъ цѣлованіемъ о Христѣ Іисусѣ, чадо отца небеснаго навсегда убогій Фотій 1822 г. августа 30-го дня. И потомъ раскрылъ я псалтырь сію, начавъ письмо мое, чтобъ оттуда вамъ написать и открылось: Да возвеселятся и да возрадуются языцы, яко судиши людемъ правотою и языки на земли наставиши. Да исповѣдятся тебѣ людіе Боже, да исповѣдятся тебѣ людіе вси. Земля даде плодъ свой, благослови ны Боже, Боже нашъ. Благослови ны Боже и да убоятся Его вси концы земли. Аминь. Духъ псалтырный возбудилъ меня и писаніе изъ него почерпнулось, молите Господа да укрѣпитъ меня силою Своею и да завладѣетъ совершенно волею моею, чтобъ я послушенъ былъ Ему, какъ овца Его, что бы зналъ я гласъ Его и на Него бы бѣжалъ, а чтобъ иногда, какъ слабую и хромую овцу, и на рамена Свои пречистыя взялъ. Теперь пришло мнѣ въ голову какой сегодня день—св. Іоанна Богослова—праздникомъ праздникъ ученика Христова возлюбленнаго, которой весь лю-

---

[1]) Въ 1-й рукоп № 34.

бовь былъ и на персяхъ Спасителя удостоился лежать; въ сей день любовный духъ меня объемлетъ и заставляетъ къ вамъ писать. Царь нашъ слава Богу здоровъ. Прощайте и благословите вамъ преданнаго всѣмъ сердцемъ князь Александръ Голицынъ.

XXXIX [1]).

С. Петербургъ. 29 мая.

Высокопреподобный отче Фотіе! Давно не писалъ я къ вамъ, истинно оттого, что лѣтомъ болѣе хлопотъ; дѣлъ у меня прибавилось, какъ я васъ извѣщалъ, послѣ отъѣзда князя Петра Михайловича Волконскаго; придворныя дѣла ко мнѣ приступили до его возвращенія, т. е. бумажныя по всѣмъ частямъ дворскимъ, а къ тому переѣзды въ Царское Село, въ городъ съ Каменнаго Острова и обратно. Боюсь только, чтобъ суету сію не впустить въ сердце; молитвами вашими и тѣми, кои меня любятъ слуги Божіи, надѣюсь, что Господь поможетъ мнѣ.

Царю докладывалъ я въ прошедшую субботу и была у меня бумага о Юрьевскомъ монастырѣ, но до нее еще не доходило дѣло; я ему читалъ другія бумаги, какъ вдругъ онъ спросилъ,—что слышно объ архимандритѣ Фотіи? Я ему сказалъ, что я съ вами въ перепискѣ, а что вы теперь занимаетесь устроеніемъ погорѣвшія обители, и что я принесъ бумагу о испрошеніи милости для ея обители по представленію митрополита Серафима и потомъ когда прочелъ ему бумагу велѣлъ написать министру финансовъ, чтобъ съ будущаго 1824 года отпускалось на вѣчныя времена четыре тысячи рублей въ годъ Юрьеву монастырю. Я еще не успѣлъ написать къ митрополиту и васъ прошу къ нему не писать, что я васъ уже увѣдомилъ; ибо ему пріятно будетъ самому къ вамъ о семъ писать.

Возвращаю къ вамъ письмо прелюбезное моему сердцу господина, живущаго въ варвариномъ домѣ близь Казанской;—мнѣ жаль, что я съ нимъ не познакомился; какъ нарочно все послѣднее воскресенье передъ переѣздомъ загородъ я долженъ былъ слушать обѣдню во дворцѣ, а онъ былъ безъ меня; ибо я по воскресеньямъ всѣхъ принимаю; однако я постараюсь его отыскать и назначу ему время. Благословенія прошу и пребываю навсегда сердцемъ вамъ преданный слуга князь Александръ Голицынъ.

XL [2]).

Царское Село 8 іюня.

Высокопреподобный отецъ Фотій! Давно не имѣлъ я удовольствія и на-

---

[1]) Въ 1-й рукоп № 35.
[2]) Въ 1 й рукоп. № 36.

зиданія получать отъ васъ писемъ; занятія ваши и труды конечно тому причиною, и я также давно къ вамъ не писалъ за недосугами; но вы безъ моихъ писемъ можете обойтись, развѣ по любви вашей ко мнѣ пожелаете оныхъ, а я въ вашихъ писаніяхъ нахожу пищу духовную столь нужную для души, какъ яствы для тѣла. Сіи дни приготовляясь къ Троицыну дню и къ празднику Святаго Духа, въ который ежели Господь сподобитъ, желаю пріобщиться Святыхъ Таинъ, прошу васъ въ сіи дни попросить Милосердпаго Спасителя да отъ трапезы Своей святыя меня недостойнаго и грѣшнаго напитаетъ Своею кровію и тѣломъ оживитъ и любовь къ Нему единому направитъ.

Митрополитъ вѣрно вамъ далъ знать, что государь подписалъ уже указъ министру финансовъ, чтобъ съ 1824 года вѣчно отпускать по четыре тысячи на Юрьевъ монастырь; но и я долгомъ счелъ васъ о семъ извѣстить. Я государю сказалъ, что покуда вы въ Юрьевѣ монастырѣ, то недостатка по Божіей милости не будетъ, но для будущаго времени нужно сдѣлать нѣкоторый постоянный доходъ, такъ какъ монастырь по всѣмъ отношеніямъ знатный.

Поручая себя молитвамъ вашимъ и прося благословенія пребуду навсегда съ сердечною любовію о Господѣ вамъ преданный князь Александръ Голицынъ.

XLI.

Высокопреподобный отче Фотіе! Не видя изъ послѣдняго вашего письма, что вы отправляетесь въ Москву, я писалъ на прошедшей почтѣ къ вамъ въ Юрьевъ; вѣроятно письмо мое, ежели не возвратятъ назадъ, пошлется въ Москву; но вчера узналъ я отъ княгини Софіи Сергѣевны Мещерской, что вы уѣхали къ ней. Герардша пріѣхала изъ Москвы и сказала, что она заѣзжала въ Юрьевъ и не нашла васъ уже тамъ.

Надѣюсь, что и въ Москвѣ меня вспомните, хотя чадо духовное и займетъ васъ, но хотя коротенькое письмо напишите о здоровьи вашемъ и благополучно ли доѣхали до Москвы; также желаю знать къ которому времени будете обратно въ Юрьевъ, чтобъ я могъ такъ расположиться куда посылать мои письма. Послѣдній разъ, что я видѣлъ государя третьяго дня, я ему прочелъ то привѣтствіе и благословеніе, которое вы ему препосылаете; я отодралъ отъ письма и что до государя касалось ему прочелъ. Онъ велѣлъ очень благодарить васъ, а прежде того за день у меня спрашивалъ о васъ. Не смѣю болѣе васъ занимать собою, сестра моя о Господѣ чтобъ на меня не пѣняла, чего я не желаю, ибо люблю ее въ Господѣ очень.

Прося благословенія, пребуду на всегда вашего высокопреподобія усердный и преданный слуга [1]).

XLII.

Каменный островъ 16 іюня.

Высокопреподобный отче Фотіе! Поспѣшаю обрадовать васъ—отецъ Аполлосъ изъ Казани будетъ переведенъ въ Новогородскую семинарію въ инспекторы. Мы сегодня имѣли засѣданіе въ коммиссіи Духовныхъ училищъ и сіе положили, но еще журналъ не подписанъ. Я тайну канцелярскую выношу, но думаю, что не грѣхъ. Я очень радъ, что вы любимаго человѣка будете имѣть у себя часто, а и для него радъ, что онъ можетъ отъ васъ и чрезъ васъ получить. Господь все устроеетъ, Ему слава, честь и благодареніе.

Познакомился я наконецъ съ Павловымъ [2]), онъ былъ у меня и не заставалъ дома; потомъ былъ нездоровъ, наконецъ уже условясь во днѣ, я его просилъ пріѣхать на Каменный Островъ. Онъ мнѣ показался благочестивъ, и ежелибъ въ (немъ) и ничего другого не было, какъ любовь большая и уваженіе къ вамъ, то и сего для меня достаточно, чтобъ я его полюбилъ.

Письмо ваше тронуло меня несказанно и жаль васъ было человѣчески помышляя, но вы лучше знаете, что Богу угодно отъ васъ, и онъ конечно и пошлетъ силъ для перенесенія подвиговъ, которые Господь возложитъ на васъ. Опять что вы пишете о послѣднѣйшихъ изъ послѣднихъ временъ, въ коихъ мы живемъ, отдается мнѣ живо въ сердцѣ, и страшусь какъ мало мы думаемъ о семъ. Господи помоги, аще и воздремлю, только чтобъ елей былъ, когда вопль услышенъ будетъ, что Женихъ грядетъ; о семъ елеѣ надѣюсь, что и вы мнѣ молитвами своими достанете онаго прежде пришествія Жениха, и одежду хочется чистую получить и изъ грѣшника окаяннаго и блуднаго сдѣлаться дѣвой обновленною и невѣстою Жениху сему. Надежда меня не оставляетъ, вѣра подкрѣпляетъ и оживляетъ, а любви прошу отъ всего сердца моего; сердце чисто созижди во мнѣ Боже и духъ правъ обнови во утробѣ моей, отъ тайныхъ моихъ очисти и грѣхъ юности не по-

---

[1]) Письмо это писано въ 1823 г. Въ этомъ году Фотій ѣздилъ въ Москву къ графинѣ Аннѣ Алек. Орловой-Чесменской просить у ней денежнаго вспоможенія на возобновленіе Юрьева монастыря и получилъ 30,000 р. деньгами, кромѣ разныхъ драгоцѣнностей.

[2]) Одинъ изъ близкихъ друзей Фотія, чиновникъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ св. Синодѣ. Существуютъ письма къ нему Фотія, наиболѣе интимныя и наиболѣе простыя по изложенію. Мы ихъ помѣщаемъ вслѣдъ за симъ.

Н. В.

мяни. Господу Іисусу Христу все возможно, Онъ меня создалъ, то и возсозиждетъ, Онъ меня искупилъ безцѣнною кровію Своею, не ужели меня Онъ не услышитъ; а ежели и молитва не такъ чиста, то соединю ее со всѣми молитвами на небеси и на земли, она дойдетъ и Господь поможетъ мнѣ, и очиститъ и обмоетъ банею паки бытія. О коль пресладкое писаніе ваше было послѣднее, коль много въ немъ любви и помазанія. Елея у васъ много, сообщите мнѣ покуда время еще есть, да не пріидетъ Женихъ и не обрящетъ мя унывающа.

Господь посреди насъ есть и будетъ во вѣки вѣковъ, аминь.

Владыкѣ я сказалъ, такъ какъ и онъ мнѣ поручалъ васъ уговаривать, чтобъ себя берегли, какъ вы объѣдаетесь зеліемъ—онъ засмѣялся, и что за зеліе, я чаю какіе нибудь огурцы. Господь да питаетъ васъ брашномъ Своимъ. Пришлите и мнѣ просвирку при первой оказіи, вынятую во время вашего литургисанія. Прощайте, благословите.

P. S. Я не знаю, но хощу васъ спросить: просфора, изъ коей агнецъ вынимается для литургіи, дается ли когда мірянамъ и могутъ ли ее вкушать; ежели можно, то пришлите мнѣ оную, ежели нельзя, то пришлите такую, которую можно.

XLIII [1]).

Каменный Островъ. 21 іюля.

Высокопреподобный отче Фотіе! благодарю васъ за послѣднее писаніе, изъ коего вижу, что послужа Господу въ безмолвіи, постѣ и молитвѣ, тотчасъ вспомнили послѣ и о мнѣ многогрѣшномъ.

Ваше предпослѣднее письмо было мнѣ нѣкоторымъ урокомъ, я все не привыкну любить людей сердцу моему любезныхъ духовнымъ образомъ и въ Господѣ,—я долженъ уже увѣренъ быть въ васъ и что основаніе нашей связи есть Господь нашъ Іисусъ Христосъ; но не получая отъ васъ писемъ, мнѣ что-то грустно было и для того я вамъ мѣшалъ въ томъ безмолвіи, которое драгоцѣнно для тѣхъ счастливцевъ, которыхъ Господь къ сему призываетъ. Итакъ вы меня простите, видя мои побужденія, которыя съ помощію Божіей и молитвами вѣрныхъ слугъ Его очистятся отъ грубости своей и сдѣлаются духовные. Я такъ радъ былъ, получа то письмо, въ которомъ я ощущалъ по описанію вашему коль сладостное состояніе Господь вамъ послалъ за претерпѣніе разныхъ страданій, кои извѣстны одному Ему; только позвольте васъ при семъ попросить, чтобъ вы себя не столько

---

[1]) Въ 1-й рукоп. № 37.

изнуряли. Я вамъ пишу по словамъ владыки нашего и онъ скорбитъ, что вы плоть свою безъ милосердія ослабѣваете. Не осмѣлился бы я васъ уговаривать, чтобъ вы плоть вашу ублажали, ибо тогда вы мнѣ сказали бы: прочь отъ меня плотскій человѣкъ, не о горнемъ ты думаешь, но о земномъ; нѣтъ, не то я хочу сказать, и сохрани меня Господь, ибо хотя я не умѣю еще на дѣлѣ, но сердцемъ радуюсь о жизни отвлеченной отъ міра и суетъ его; но все въ мѣру, чтобъ не остановить теченіе жизни отнятіемъ нужной пищи, нужнаго сна и нѣкотораго отдохновенія тѣлу, изнуренному всячески; простите меня, еще разъ васъ прошу, но примите мою просьбу ради Христа, который есть и будетъ посреди насъ.

Царю я сказалъ, что вы за него молились, благодаря Господа за посланное Имъ чрезъ Царя нашего пособіе обители вашей; онъ очень былъ тѣмъ доволенъ и къ вамъ благорасположенъ. Сестра моя о Господѣ пишетъ мнѣ, что дубъ и вѣтви шлетъ мнѣ по почтѣ, но еще ихъ не получалъ; однако благодарю отъ всего сердца;—у меня было желаніе послать къ вамъ цвѣты, надъ коими по милости Господней поплакалъ я о грѣхахъ своихъ въ Троицынъ день, и остановился, думая, что по почтѣ не дойдутъ и букетъ сей оставилъ у себя подъ образами. Благослови владыко! а я мысленно цѣлуя вашу руку, пребуду навсегда вамъ преданный въ Господѣ усердный слуга князь Александръ Голицынъ.

P. S. О Аполлосѣ мы говорили съ владыкою и при нынѣшнихъ перемѣщеніяхъ совокупно будемъ стараться.

XLIV [1]).

Царское Село. 10 августа

Высокопреподобный отецъ Фотій! Не успѣлъ я получить ваше писаніе, чтобъ я не скорбѣлъ о неполученіи отъ васъ писемъ и чтобъ я потерпѣлъ, какъ получилъ отъ васъ пространное письмо, за которое благодарю какъ за все, что пишете, но когда не пишете я уже не стану пѣнять послѣ того, что вы мнѣ написали, что иногда въ молчаніи вы еще болѣе со мною соединяетесь и моленіемъ вашимъ польза мнѣ бываетъ болѣе, чѣмъ на письмѣ. Съ начала я пѣнялъ истинно по любви человѣческой, а васъ надобно любить въ Бозѣ какъ и всѣхъ и вся. О да будетъ Имя Господне благословенно, что Онъ мнѣ посылаетъ такихъ молитвенниковъ. Но влеченіе, которое я почувствовалъ съ перваго дня моего съ вами знакомства, доселѣ не измѣняясь, есть такого особаго рода, котораго у меня никогда ни съ кѣмъ до васъ не было. Я надѣюсь, что Господь Іисусъ Христосъ, который по-

[1]) Въ 1-й рукоп. № 38.

среди насъ есть и будетъ, еще часъ отъ часу очиститъ мою любовь къ вамъ и пошлетъ намъ единеніе твердое въ Немъ. Прочтя ваше письмо объ отступленіи отъ вѣры болѣзненно было моему сердцу и о себѣ и о братій моихъ христіанахъ; куда бы нужно, чтобъ пастыри наши думали и искали дѣлаться святыми, тогда Духъ Святый научилъ бы ихъ какъ и паству направлять на путь спасенія. Но сего (спасенія) слова нынѣ какъ бы боятся и что будто въ прежнія времена бывшіе святые пастыри должны быть на иконахъ написаны, а живые считаютъ себя все недостойными. Кто можетъ быть достоенъ? Но Господь ищетъ желающихъ и просящихъ принять Духъ Его святой для исполненія Его воли и спасенія міра. Скорбь ваша объ уменьшеніи вѣры есть уже молитва, авось Господь услышитъ ее и разогрѣетъ сердца пастырей охладѣвшихъ и овецъ заснувшихъ, имѣющихъ нужду въ пажити духовной, а ихъ кормятъ дурманомъ, отъ котораго сонъ и болѣзнь. Господи Іисусе Христе, помози мнѣ и всѣмъ. Письмо ваше связно написано, но я его прочелъ, нѣсколько словъ не разобралъ, но разберу впередъ перечитавъ, а духъ письма сообщился и принятъ съ сердечнымъ чувствомъ желанія да исправитъ все Господь. Единъ Онъ можетъ исправить, ибо человѣчески судя, кажется, какъ невозможно все вывихнулось изъ своихъ мѣстъ на выворотъ и о спасеніи душъ понятія такія холодныя и сухія, что все сіе разогрѣть и оплодотворить Единъ Духъ Святый можетъ. Но надобно его принять, а не отгонять. Куда трудно и въ дѣлахъ государственныхъ оставаться для спасенія; но вижу, что Господь меня не пускаетъ изъ нихъ выйти. Его воля свята и Онъ премудръ, можетъ сіи дѣла нужны мнѣ для очищенія и воспитанія моего. О да будетъ Его воля и да содѣлаюсь я чрезъ воспитаніе Его младенцемъ, способнымъ для царствія Его Небеснаго, молитвами вашими, коихъ прося, такъ какъ и благословенія, пребуду навсегда вамъ преданный сердечно во Господѣ покорнѣйшій слуга князь Александръ Голицынъ.

P. S. Меня удивляетъ, что вы ничего мнѣ не отвѣчали о переводѣ Аполлоса въ Новгородъ; я вамъ изъ Петергофа поспѣшилъ сообщить, думая, что васъ обрадую.

XLV [1]).

С. Петербургъ. 17 августа.

Высокопреподобный отче Фотій! Послѣднее дѣйствіе ваше вчера при врученіи мнѣ цвѣтовъ было для меня примѣчательно и проникнуло въ глубину моего сердца. Я поѣхалъ, сохраняя слова ваши, что вы произнесли

[1]) Въ 1-й рукоп. № 39.

надъ цвѣтами и наконецъ, помолясь, легъ уснуть. Во время ночи просыпаясь нѣсколько разъ и все о томъ цвѣтѣ, который графиня вамъ принесла, не то что размышлялъ, но мысль сія какъ стрѣла влетѣла въ меня въ то время, какъ я только что просыпался. И все мнѣ отдавалось въ сердце, что сей цвѣтъ и съ плодами, о коихъ вы молились, долженъ я сохранить и вручить Христу Спасителю, кого я возлюблю болѣе Господа моего, а вы велѣли отдать цвѣтъ сей тому, кого я полюблю больше всѣхъ. Вы рекли между прочимъ: цвѣтъ облагоухая мя,—сіе говорится въ акафистѣ Спасителю. Однимъ словомъ залогъ сей драгоцѣненъ мнѣ; вы велѣли отъ пыли его сохранить, желаю и буду просить Господа да ми поможетъ, и васъ да употребитъ сдуть пыль, ежели нападетъ моимъ несмотрѣніемъ. Я положилъ оба свертка съ цвѣтами въ шкафъ подъ образа; сего утра усмотрѣлъ я странное: хотя бумага была чистая, въ которую графиня положила цвѣты, но на томъ сверткѣ, гдѣ розаны лежали, вышло какъ бы начертаніе таковое по крайней мѣрѣ похоже на А. и подлѣ слѣдуетъ Г., какъ бы глаголю.

Мое сердце пылаетъ ко Господу; поддержите молитвами вашими сей огонекъ и да просвѣтитъ Спаситель нашъ свѣтомъ лица Своего и во свѣтѣ Его да пойду.

Благословенія вашего высокопреподобія прося и цалуя вашу руку пребуду навсегда вамъ преданный во Господѣ всѣмъ сердцемъ князь Александръ Голицынъ.

P. S. Сейчасъ поѣду въ Царское Село, а по возвращеніи просить буду свиданія нашего тройственнаго да Христосъ посреди насъ будетъ.

XLVI.

Каменный Островъ [1]).

Высокопреподобный отче Фотіе! благодарю васъ за писаніе ваше въ день вашего Ангела, а меня простите, что васъ не поздравилъ, и память немного причиною и суеты передъ отъѣздомъ государя. Мнѣ тоже пришлось къ вамъ писать въ день моего Ангела; впрочемъ всѣ дни для меня ровны и я васъ люблю и пишу охотно во всякое время, а не для праздниковъ. Писалъ я къ графинѣ, чтобъ она прислала бумаги списанныя, которыя вы хотѣли, исправя, мнѣ прислать.

Надѣюсь, что сестра моя духовная съ радостью то сдѣлаетъ. Я радъ буду ее видѣть здѣсь, только признаюсь, что желалъ бы лучше ее видѣть

[1]) Письмо безъ даты. Вѣроятно писано въ концѣ августа. Въ рукоп. № 1 оно стоитъ подъ № 40.

здѣсь лѣтомъ. У меня болѣе времени, чѣмъ зимою, но я надѣюсь, какъ пріѣдетъ, то проживетъ и лѣто. Приписку вашу царю показывалъ или лучше сказать послалъ въ слѣдъ за нимъ въ дорогу для напутствія и благословенія.

Благословите и меня, пребывающаго навсегда во Господѣ вамъ вѣрнаго слугу князь Александръ Голицынъ.

XLVII [1]).

11 сентября. Каменный Островъ.

Высокопреподобный отецъ Фотій! Давно не бесѣдовалъ я съ вами и не имѣлъ удовольствія получать отъ васъ пищи духовныя; но я не пѣняю, знаю, что не отъ недостатка источника, но отъ избытка иногда безмолвствуемъ, и что иногда молчаніе сіе мнѣ полезнѣе глаголанія. Да будетъ имя Господне благословенно за вся; Христосъ посреди насъ есть и будетъ, чего мнѣ больше? а во время благопотребно надѣюсь, что не оставите меня голодати и жаждати. Каково здоровье ваше? строеніе ваше идетъ ли къ концу и чрезъ то суетъ вамъ меньше будетъ. Я переѣзжаю въ городъ 13-го сего мѣсяца, ежели Господь благословитъ молитвами вашими; лѣто протекло скоро въ суетахъ и заботахъ; въ декабрѣ 12-го числа и 50 лѣтъ стукнетъ, а въ духовномъ возрастѣ сколько-то лѣтъ? Мало кажется куда бы хотѣлось въ младенчество попасть, а ветхій мой человѣкъ молиться не хочетъ, а все рости; только и надежда на молитвы любящихъ меня Христа ради. О царѣ нашемъ извѣстіе имѣли послѣднее изъ Серпухова: слава Богу здоровъ и въ Москвѣ былъ доволенъ, сегодня въ Могилевской онъ губерніи въ Нов. Быховѣ. Прощайте наилюбезнѣйшій; благословите меня грѣшнаго и много васъ любящаго. Князь Александръ Голицынъ.

XLVIII [2]).

С. Петербургъ. 25 сентября.

Благодарю сердечно васъ, высокопреподобный отецъ Фотій! за утѣшеніе и миръ, мнѣ препосланный вами въ послѣднемъ вашемъ письмѣ. Я совершенно успокоился на счетъ присланныхъ мнѣ образовъ и мысль совсѣмъ для меня новая, но вѣрная, ибо гдѣ по святому Евангелію не видно, чтобъ Господь сидѣлъ въ темницѣ и нѣкогда было по писанію о страстяхъ Его,— я точно такъ сдѣлаю, какъ вы мнѣ совѣтовали: оба образа отдамъ въ бѣднориходскую церковь. Тотъ же образъ, который я самъ заказалъ написать, представляетъ Господа не въ темницѣ, но довольно въ большомъ видѣ ниже

---

[1]) Въ 1-й рукоп. подъ № 41.

[2]) Въ 1-й рукоп. № 42.

пояса въ терновомъ вѣнцѣ, со связанными руками, съ поникшею главою и хотя не въ темницѣ, но я послѣдуя вашему совѣту и сей образъ отдалъ и именно той особѣ, по причинѣ которой я его велѣлъ списать; но надобно вамъ объяснить причину сего написанія мною образа: узналъ я, что Господь чудесно излѣчилъ одну дѣвицу и хотѣлъ я отъ самой исцѣлившей слышать повѣствованіе, и она мнѣ такъ разсказывала: дѣвица очень молодая, честная и живущая въ домѣ благочестивомъ въ отношеніи къ госпожѣ сего дома, которая дѣвицу сію по бѣдности взяла на воспитаніе. Дѣвица занемогла болѣзнію довольно чудною, лѣкаря не могли помочь, наконецъ сдѣлалась летаргія, въ которой лежала она кажется болѣе недѣли: ни пила, ни ѣла и глаза закрывши; вдругъ видитъ она у постели своей Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, лицо прекрасное, но въ страдательномъ видѣ съ поникшею главою и руки связанныя веревкою; Господь взглянулъ на нее такимъ взоромъ милосердымъ, что она никакъ описать не можетъ и видѣніе симъ кончилось. Когда дѣвица пришла въ обыкновенное состояніе, открыла глаза и сказала хозяйкѣ дома, что она видѣла и съ сего дня здоровье къ ней было возвращено; дѣвица пожелала написать образъ согласно ея видѣнію и разсказавъ живописцу, поручила написать оный; живописецъ, занятый другою работою, замедлилъ принесеніемъ сей картины, такъ что прошло послѣ того болѣе мѣсяца. Дѣвица опять занемогла, но другимъ образомъ: нога ея стала сохнуть, потомъ начала вести ей ногу, такъ что ее должно было положить въ постель и потомъ до того сведена была у нее нога, что пяткою касалась до лядвіи, нога вся высохла и дѣвица пришла въ большое разслабленіе, многіе самовидцы мнѣ то разсказывали. Въ одинъ день она, закрывъ глаза, говоритъ хозяйкѣ дома: подайте образъ—спрашиваютъ: какой? Она отвѣчаетъ только: подайте образъ,—все забыла, что она заказала образъ ея видѣнія—она повторяетъ только: подайте образъ; наконецъ по нѣсколькимъ вопросамъ она выговорила: тотъ образъ, который велѣла она написать—посылаютъ къ живописцу, но къ огорченію всѣхъ находятъ у живописца одну доску, но ничего еще не было написано, и онъ извинялся недосугами. Возвращается посланный съ симъ извѣстіемъ, ей сказываютъ, и она повторяетъ, что ежели образъ не будетъ къ вечеру, то она должна умереть: примѣчали въ ней, что во весь день кровь поднялась у ней въ голову, краснота въ лицѣ и волненіе крови необыкновенное. Что дѣлать? написать масляными красками какъ заказанъ былъ образъ не возможно въ нѣсколько часовъ: рѣшаются послать карету за живописцемъ, чтобъ его привесть въ домъ и заставить на приготовленной доскѣ написать хотя углемъ, ежели только онъ помнитъ, какъ она ему разсказывала о своемъ видѣніи. Привозятъ живописца, онъ сказалъ, что помнитъ, и что ежели угодно углемъ онъ сдѣлаетъ образъ скоро,—когда такимъ образомъ готовъ былъ образъ, его поставили въ постель болящей предъ ея глазами. Она

тотчасъ начала молиться и при всѣхъ присутствующихъ начала чувствовать облегченіе отъ волненія крови, которая начала опускаться изъ головы ея, потомъ нога начала отходить (при семъ нужно сказать, что такъ сведена нога была, что нельзя было полотно пропустить между ногой и лядвіи) по немногу и наконецъ совсѣмъ выпрямилась и дѣвица стала здорова: нога пришла въ такое же состояніе, какъ и другая тѣломъ,—сухость прошла и теперь совершенно здорова; я ее видѣлъ: цвѣтъ лица самой здоровый и ходитъ безъ устали. Я ее видѣлъ и слышалъ, какъ она все вышеописанное разсказывала съ большею простотою и чувствительностію; я ее спросилъ о чувствѣ, которое она должна была ощущать, видя Спасителя въ видѣніи и находила ли она какой образъ похожій на тотъ ликъ, который ей былъ показанъ,—она отвѣчала мнѣ, что въ вѣкъ не изгладится сей ликъ изъ ума ея и что она могла бы его нарисовать, ежели бы умѣла, но что ни одинъ ликъ изъ писанныхъ она не находитъ похожимъ и что почти не возможно по Божественности и красотѣ, но что немного похоже положенія тѣла и главы въ соборѣ Николы Морского. Я тотчасъ пожелалъ списать сей образъ по чувству любви—и человѣка любишь такъ желаешь его портретъ имѣть, а Господа моего, Котораго ликъ нерукотворенный желалъ бы въ сердцѣ и вокругъ себя видѣть въ изображеніяхъ и во всемъ, въ чемъ можно. Вотъ причина, что сей образъ написанъ не въ темницѣ; со всѣмъ тѣмъ, получа вашъ совѣтъ, я расположился отдать сей последне описанный мой образъ самой дѣвицѣ, отъ болѣзни исцѣлившейся, ей сіе будетъ пріятно. Забылъ еще вамъ сказать, что образъ, о которомъ я вамъ писалъ, что углемъ былъ обрисованъ, обложили серебрянными окладомъ и сохраненъ въ домѣ, а другой она написала съ того масляннымиа красками. Такъ какъ митрополитъ Серафимъ мнѣ сказалъ: кто ко мнѣ прислалъ два образа Спасителя въ темницѣ и хотѣлъ меня утѣшить тѣмъ, что человѣкъ сей не могъ быть значителенъ; то я митрополиту сказалъ, что вы ко мнѣ пишете въ отвѣтъ о томъ, что Спаситель никогда въ темницѣ не сидѣлъ,—сія мысль найдена имъ справедливою, но только онъ признался, что сіе ему никогда не приходило въ голову. Радуюсь, что отецъ Аполлосъ съ вами вмѣстѣ; попросите и его обо мнѣ помолиться, хотя и лично незнакомъ съ нимъ.

Прошу благословенія пребывая на всегда вамъ преданный сердцемъ князь Александръ Голицынъ.

P. S. Государь слава Богу здоровъ и ѣдетъ на свиданіе съ императоромъ австрійскимъ въ Буковину.

XLIX [1]).

6 ноября С. Петербургъ.

Благодареніе воздавъ Господу, ибо всякій даръ свыше есть сходяй, а благословеніе есть великій даръ, которое мнѣ посылается чрезъ васъ, отецъ высокопреподобный, ликомъ Спасителя нашего Іисуса Христа. Господинъ Павловъ привезъ мнѣ сей ликъ въ день воскресенья, на другой день пріѣзда царя въ день Іоанникія великаго 4-го ноября, который былъ въ ереси иконоборческой и потомъ сдѣлался по благодати Господней великимъ святымъ: ликъ Спасителя нерукотвореннаго очень искусно написанъ и милостивый взоръ изображенъ, и вы мнѣ присылаете, взамѣнъ въ темницу посаженнаго; благодарю васъ покорно. Павловъ разсказывалъ мнѣ о вашихъ строеніяхъ и порадовалъ меня, что процвѣтаетъ обитель ваша и внѣшно, ибо о внутренней ея красѣ я не сомнѣваюсь, ибо настоятель по извѣстной любви его ко Господу, а слѣдовательно и къ душамъ ему ввѣреннымъ, готовъ положить душу свою за нихъ. Трудно таковому пастырю, но труды таковые пастырь любитъ, ибо то по волѣ Божіей, и плоды трудовъ такихъ есть рай на землѣ. О, счастливъ тотъ, кто живетъ только для Господа; даждь и мнѣ, Господи, узнать волю Твою и по ней жить. Сердце чисто созижди во мнѣ Господи и духъ правъ обнови во утробѣ моей; къ вамъ пишу, но вмѣстѣ и молюсь Господу; всегда почти писавъ къ вамъ нахожусь какъ-бы въ молитвѣ, ибо Христосъ посреди насъ есть и будетъ: слава ему и благодареніе и поклоненіе во вѣки. Я къ вамъ образовъ не пошлю; у васъ ихъ довольно, но позволите-ли мнѣ прислать въ одинъ изъ новосозданныхъ храмовъ вашихъ, мнѣ присланный изъ Афонской горы крестъ рѣзной съ животворящимъ древомъ, и ежели вы согласны, то я не замедлю по полученіи отвѣта къ вамъ прислать. Я бы хотѣлъ, чтобы для памяти о мнѣ въ вашей обители былъ бы какой видимый даръ. Каково здоровье ваше? я слышалъ, что вседневная ходьба изъ обители къ умирающему архіерею дала вамъ простуду; но говорятъ согрѣла умирающаго любовью и молитвами вашими: хорошо съ вами и жить и умирать. Прося молитвъ и благословенія пребуду на всегда вамъ преданный сердцемъ князь Александръ Голицынъ.

P. S. Царь пріѣхалъ 3-го ноября въ Царское Село, а къ намъ въ городъ еще и не прибылъ.

Сообщ. **Н. И. Вароовъ.**

[Окончаніе слѣдуетъ]

[1]) Въ 1-й рукоп. № 43.

ВОСПОМИНАНІЯ АЛЕКСАНДРА ФИЛИПОВИЧА ФРОЛОВА

ПО ПОВОДУ СТАТЕЙ Д. И. ЗАВАЛИШИНА.

VI [1]).

Первое время пребыванія въ Читинскомъ острогѣ помѣщеніе наше по истинѣ было ужасно: въ небольшой сравнительно комнатѣ съ нарами помѣщались 16 человѣкъ, такъ что когда ложились спать, то на каждаго не приходилось и аршина [2]). Нельзя было перевернуться съ одного бока на другой, не разбудивъ товарища. Если къ этой тѣснотѣ прибавить говоръ и бряцаніе цѣпей при малѣйшемъ движеніи, то будетъ очевидно, что занятій, а тѣмъ болѣе серьезныхъ, въ это время не могло быть. Такъ оно и было. Единственнымъ развлеченіемъ были шахматы, а по вечерамъ увлекательные разсказы Корниловича (издателя «Русской Старины» въ 1825 г.), изъ русской исторіи.

Въ сентябрѣ 1827 года, по окончаніи устройства временнаго помѣщенія (постоянное строилось въ Петровскомъ заводѣ) насъ размѣстили болѣе удобно. Нары замѣнились кроватями и только тутъ явилась нѣкоторая возможность чѣмъ либо заняться, хотя шумъ и бряцаніе цѣпей не уменьшились, но, покрайней мѣрѣ, каждый имѣлъ свой уголокъ. Пребываніе въ этомъ острогѣ оставило, вѣроятно, въ каждомъ самое отрадное воспоминаніе. Въ средѣ нашихъ товарищей были люди высокообразованные, дѣйствительно ученые, а не желавшіе называться только такими и имъ-то мы были обязаны, что время

---

[1]) См „Русская Старина“ изд. 1882 г. т. XXXIV, май, стр. 465—482.

[2]) Подтвержденіе въ Запискахъ Е. И. Якушкина, Басаргина и барона Розена. А. Ф.

заточенія обратилось въ лучшее, счастливѣйшее время всей жизни. Нѣкоторые, обладая обширными спеціальными знаніями, охотно дѣлились ими съ желающими. Такъ что получившіе воспитаніе въ тогдашнихъ кадетскихъ корпусахъ или дома на мѣдные гроши, имѣли полную возможность пополнить свои пробѣлы. Какъ на особенно выдающихся укажу на П. И. Борисова, работавшаго не менѣе 16 часовъ въ сутки. Онъ ложился въ одно время съ другими, но раньше его никто не вставалъ. Какъ бы рано не проснулся, а онъ уже сидитъ и работаетъ при огнѣ (исторія, философія). Безчасновъ, не знавшій французскаго языка, не только изучилъ его, но на поселеніи былъ преподавателемъ этого предмета въ Иркутскѣ и преподавалъ съ успѣхомъ.

Не могу отказать себѣ въ удовольствіи назвать тѣхъ дорогихъ соузниковъ, которые, дѣлясь своими знаніями, своимъ искусствомъ, не только учили, доставляли удовольствіе, но и были спасителями отъ всѣхъ пороковъ, свойственныхъ тюрьмѣ. Никита Мих. Муравьевъ, обладавшій огромной коллекціей прекрасно исполненныхъ плановъ и картъ, читалъ по нимъ лекціи военной исторіи и стратегіи. П. С. Бобрищевъ-Пушкинъ—высшую и прикладную математику. А. И. Одоевскій—исторію русской литературы. Ф. Б. Вольфъ—физику, химію и анатомію. Спиридовъ свои записки (Исторіи средн. вѣковъ) и многія другія какъ свои собственныя, такъ и переводныя статьи.

Музыканты наши Ѳ. Ѳ. Вадковскій (1-я скрипка), П. Н. Свистуновъ (віолончель), Н. А. Крюковъ (2-я скрипка), А. П. Юшневскій (альтъ) были вполнѣ артистами; они-то доставляли намъ по временамъ пріятное развлеченіе. Кромѣ ихъ были еще очень хорошіе музыканты: Ивашевъ, Одоевскій, Юшневскій (фортепіано). Игельштромъ (флейта).

Н. А. Бестужевъ снялъ почти со всѣхъ акварельные портреты, Н. П. Рѣпинъ и И. В. Кирѣевъ снимали виды, а Андреевичъ рисовалъ масляными красками.

Узнавши изъ записокъ Д. И. Завалишина о его профессорской дѣятельности и обширныхъ познаніяхъ по всѣмъ отраслямъ, приходится пожалѣть, что онъ не подѣлился своими познаніями съ товарищами, съ такою благодарностію принимавшими всякое сообщеніе, которое расширяло ихъ умственный кругозоръ.

Чтобы чище держать свое помѣщеніе, мы лѣтомъ въ хорошую погоду обѣдали во дворѣ. Д. И. Завалишинъ съ нами не обѣдалъ (пищу его составляли кедровые орѣхи по преимуществу), а гулялъ на томъ-же дворѣ съ отпущенной бородой, что было тогда диковинкой, въ шляпѣ съ широкими полями и съ библіей въ рукахъ, чѣмъ

и обратилъ на себя вниманіе горнаго унтеръ-офицера, приносившаго намъ обѣдъ, который, передавая о жизни заключенныхъ женѣ горнаго чиновника Смольяниновой, сообщилъ ей, что въ числѣ узниковъ есть святой человѣкъ, который не ѣстъ никогда скоромнаго и всегда читаетъ душеспасительныя, божественныя книги. Г-жа Смольянинова, будучи сама женщиной религіозной, познакомилась съ Д. И. Завалишинымъ и тутъ же предложила ему невѣсту, свою младшую любимую дочь (свадьба состоялась черезъ 12 лѣтъ). Этотъ эпизодъ намъ разсказывалъ покойный И. А. Анненковъ, который пользовался особеннымъ расположеніемъ г-жи Смольяниновой, считавшей себя въ родствѣ съ нимъ. Упоминаю объ этомъ обстоятельствѣ, потому что оно имѣло огромное вліяніе на послѣдующую казематскую жизнь Д. И. Завалишина. Пока мы оставались въ Читѣ, онъ очень часто подъ разными предлогами уходилъ изъ тюрьмы и навѣщалъ свою невѣсту. Это было еще въ то время, когда насъ держали очень строго, а потому непонятно, почему Д. И. Завалишинъ нападаетъ на почтеннаго, всѣми любимаго и уважаемаго коменданта С. С. Лепарскаго. Если онъ посѣщалъ Смольяниновыхъ съ его разрѣшенія, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что комендантъ давалъ льготы только тѣмъ, которые имѣли голосъ въ Петербургѣ. Если-же безъ его разрѣшенія, то это показываетъ, что снисходительностію Лепарскаго въ значительной мѣрѣ и бóльшей, чѣмъ другіе, пользовался Д. И. Завалишинъ.

Кстати не могу умолчать и о себѣ. Я никогда не имѣлъ никакой руки, ни голоса не только въ Петербургѣ, но даже въ Иркутскѣ, и не смотря на это Лепарскій разрѣшилъ мнѣ устроить мастерскую внѣ каземата, гдѣ я и работалъ. Правда, при мнѣ постоянно былъ часовой, который бóльшею частію спалъ. Однажды комендантъ вошелъ неожиданно въ мастерскую; я бросился будить часового, но онъ остановилъ меня, сказавъ:

— «Оставьте его, я знаю, что не онъ, а вы его караулите. Онъ усталъ, не спавши ночь».

Въ 1828 году въ сентябрѣ мѣсяцѣ поступили въ нашу Читинскую тюрьму трое молодыхъ офицеровъ изъ Оренбурга. Они военнымъ судомъ приговорены были на каторжную работу какъ принадлежавшіе къ тайному политическому обществу. Мы отъ нихъ узнали, что нѣкто Ипполитъ Завалишинъ, младшій братъ того, который съ нами находился, 17 лѣтній юноша, воспитывавшійся въ инженерномъ корпусѣ и сдѣлавшій ложный доносъ на брата своего, по Высочайшему повелѣнію былъ разжалованъ въ солдаты въ Оренбургскій корпусъ. Прибывъ туда, онъ распустилъ слухъ между юнке-

рами и молодыми прапорщиками, что разжалованъ и сосланъ за участіе въ дѣлѣ 14-го декабря, увѣрялъ, что существованіе тайнаго общества не прекратилось, и что онъ уполномоченъ вербовать членовъ въ тайное общество. Нѣсколько человѣкъ изъ нихъ уговорилъ онъ вступить въ вымышленный заговоръ, и взявъ съ нихъ росписку въ согласіи на его предложеніе, донесъ генералъ-губернатору Эссену о существованіи тайнаго общества и представилъ списокъ всѣхъ членовъ, имъ же завлеченныхъ. При допросахъ тотчасъ же обнаружилась злостная и безумная продѣлка Ипполита Завалишина. Его сослали на каторгу въ Нерчинскіе заводы на 20 лѣтъ, нѣкоторыхъ на Кавказъ, а молодыхъ Дружинина, Колесникова и Таптикова въ работу на короткіе сроки, и по Высочайшему повелѣнію помѣстили въ нашу тюрьму. Какъ-же обидно намъ было узнать въ 1830 году, что этотъ несчастный Ипполитъ Завалишинъ, по просьбѣ брата своего, переводится изъ Нерчинскихъ заводовъ въ нашъ Петровскій казематъ. Личность его подъ именемъ Z подробно описана въ весьма интересномъ разсказѣ Василія Колесникова, изложенномъ В. И. Штейнгейлемъ и помѣщенномъ въ декабрьской книгѣ «Русской Старины» изд. 1881 года и въ январьской книгѣ изд. 1882 года.

Онъ велъ себя посреди насъ также, какъ и въ описанномъ походѣ, пѣлъ и посвистывалъ проходя мимо насъ, не выказывая ничѣмъ ни малѣйшаго раскаянія, ни стыда, ни хоть сожалѣнія о молодыхъ людяхъ, которыхъ онъ погубилъ. Я шесть лѣтъ пробылъ съ нимъ въ одной оградѣ и при встрѣчѣ съ нимъ проходилъ, не обращая на него вниманія; также и всѣ поступали.

Нѣкоторые изъ насъ, изъ жалости къ его положенію, С. П. Трубецкой, И. Д. Якушкинъ, Е. П. Оболенскій, познакомились съ нимъ, выказали ему участіе, въ надеждѣ привести его къ сознанію его нравственнаго паденія, но безъуспѣшно.

Находясь потомъ на поселеніи въ городѣ Курганѣ, онъ опять отданъ былъ подъ судъ и посаженъ въ острогъ за ложный доносъ, о чемъ Фонъ-деръ-Бригенъ извѣстилъ Ив. Ив. Пущина въ сохранившемся письмѣ. Неисправимая наклонность къ доносамъ объяснима не иначе какъ особымъ родомъ мономаніи.

Впослѣдствіи я слышалъ, что онъ подвизался на литературномъ поприщѣ. Московское общество распространенія полезныхъ книгъ издало три тома его сочиненій подъ заглавіемъ «Описаніе Сибири». Кромѣ того появились въ печати «Эпопея тысячелѣтія Россіи» и другія произведенія его плодовитаго, хотя не искуснаго пера. Одна знакомая мнѣ дама, прочитавъ кое что изъ его сочине-

ній, говорила мнѣ, что въ нихъ выражается любвеобильная душа автора. Я не почелъ нужнымъ выводить ее изъ заблужденія, но заключилъ изъ этого случая, что еще труднѣе судить о сердцѣ человѣка по его печатному, чѣмъ по устному слову.

Впрочемъ, почемъ знать, ему должно быть теперь 75 лѣтъ, если онъ только живъ. Опытъ жизни, съ помощію Божіею, можетъ быть неузнаваемо измѣнилъ его. Дай Богъ!

VII.

Въ 1830 году насъ перевели наконецъ въ постоянную тюрьму, въ Петровскій заводъ. Тутъ у каждаго была своя комната и можно было устроиться по своему желанію.

Въ Петровской тюрьмѣ общежитіе наше кончилось. Обѣдали мы по отдѣленіямъ въ своихъ коррилорахъ, а потому и вмѣстѣ собирались гораздо рѣже. Здѣсь-же былъ выработанъ уставъ артели, какъ большой, такъ и малой. Еще въ Читинскомъ острогѣ Е. П. Оболенскій предложилъ всѣ деньги, которыя получались, какъ отъ казны, такъ и нѣкоторыми изъ дому, вносить въ общую кассу и расходовать на нужды всѣхъ, и сдѣлать такимъ образомъ всѣхъ равноправными собственниками общаго достоянія. Предложеніе это, не смотря на братскую готовность имущихъ дѣлиться съ неимущими, не могло осуществиться и было отвергнуто, такъ какъ между нами были женатые, семейства которыхъ жили отдѣльно на квартирахъ или въ собственныхъ домахъ. Но оно было первымъ поводомъ къ устройству артели въ Петровскомъ. Желаніе устроить нашъ бытъ возможно лучше и независимѣе по прибытіи въ Петровскій заводъ и просьба нѣкоторыхъ неимущихъ о пособіи правительства ускорили дѣло.

Комендантъ, всегда и вездѣ старавшійся о поддержаніи нашего достоинства, отнесся къ этой просьбѣ не благосклонно, но какъ лицо офиціальное прислалъ плацъ-маіора провѣрить заявленіе личнымъ опросомъ всѣхъ заявившихъ просьбу. Какъ только слухъ объ этой просьбѣ пронесся по каземату, то всѣ возмутились и до прихода плацъ-маіора уговорили отказаться отъ своего заявленія, а когда онъ пришолъ, то его просили передать генералу Лепарскому общую просьбу оставить это дѣло безъ послѣдствій, что очень порадовало старика коменданта. Тотчасъ-же И. И. Пущинъ, А. В. Поджіо и Θ. Θ. Вадковскій [1]) взялись за составленіе устава артели,

[1]) Записки И. Д. Якушкина изд. 1870 г. А. Ф.

который и былъ ими выработанъ при общемъ содѣйствіи всѣхъ участниковъ, изъ которыхъ каждый могъ дѣлать свое предложеніе. Полный уставъ помѣщенъ въ запискахъ Басаргина («Девятнадцатый вѣкъ» томъ I стр. 149—161). Входить въ подробности этого устава не буду; желающіе могутъ прочесть его въ Запискахъ Басаргина. Уставъ большой артели дѣлалъ каждаго неимущаго собственникомъ извѣстной суммы, которой онъ могъ безотчетно располагать на свои нужды. На каждаго въ годъ отчислялось 500 руб.; изъ нихъ приблизительно около половины назначалось въ хозяйственную сумму и расходовалось на продовольствіе, а остальные перечислялись въ частную (личную каждаго) сумму и расходовались по усмотрѣнію владѣльца. Для тѣхъ, которые не пользовались общимъ столомъ, какъ напр. Д. И. Завалишинъ, всѣ 500 руб. зачислялись въ частную сумму. На образованіе всей суммы поступали деньги, отпускаемыя на наше содержаніе и получаемыя отъ продажи экономическаго провіанта, но главнымъ образомъ отъ взносовъ участниковъ. Всѣ холостые, получавшіе изъ дому до 500 руб., отдавали все сполна, а болѣе 500 р. по желанію, но не менѣе, какъ въ полтора раза больше того, что получали изъ артели. Многіе давали значительно больше. Нѣкоторые женатые, не пользуясь ни чѣмъ отъ артели, посильно помогали этому учрежденію; такъ Муравьевъ и Трубецкой жертвовали отъ 2 до 3 тысячъ. Нарышкинъ, Ивашевъ, фонъ-Визинъ и Волконскій до 1,000 ежегодно.

Вообще какъ человѣкъ неимущій и пользовавшійся плодами этого благого учрежденія, съ полною благодарностію вспоминаю братское, истинно христіанское раздѣленіе богатыми товарищами своего имущества съ бѣдными, причемъ предлагалось все такъ простодушно, родственно, что отказаться значило оскорбить. Эти же чувства высказаны и въ запискахъ моихъ добрыхъ товарищей: Якушкина, барона Розена, Басаргина и А. П. Бѣляева.

Я помню, что разъ передъ годичною верхнеудинской ярмаркой оскудѣлъ въ Петровскомъ запасъ сахару; нѣкоторые изъ насъ, въ томъ числѣ и я, въ виду установившейся дороговизны, отказались отъ чаю. С. П. Трубецкой, узнавъ объ этомъ, принесъ цѣлую голову сахару и чуть ни со слезами упрашивалъ насъ не подвергать себя лишенію, которое можетъ вредно повліять на наше здоровье. Онъ былъ олицетворенная доброта. Я понялъ, сколько бы его огорчилъ отказъ съ нашей стороны. Вотъ какъ вели себя у насъ богатые.

---

¹) Якушкинъ, стр. 1599 „Русск. Арх.“ 1870 г., бар. Розенъ стр. 228: „Рѣшительно все дѣлили между собою: и горе и копѣйку“. Басаргинъ въ „Сборникѣ XIX-й вѣкъ“. А. Ф.

Конечно, не можетъ быть и рѣчи о томъ, что мысль устроить артель и осуществленіе этой идеи могло принадлежать только кому либо изъ богатыхъ, такъ какъ для этого требовалось дѣлать довольно значительные ежегодные вклады, что возможно было только имущимъ. Требовать же отъ нихъ этого никто не могъ, а если бы и нашелся такой, то едвали бы его коммунистическія наклонности могли встрѣтить сочувствіе. Поэтому заявленіе Д. И. Завалишина, что онъ предложилъ, осуществилъ и даже былъ первымъ хозяиномъ—далеко отъ дѣйствительности. Хозяиномъ его избрали только въ 1835 году. Многіе отказывались отъ этой хлопотливой и неблагодарной должности, тѣмъ болѣе, что хозяинъ, добросовѣстно относящійся къ дѣлу, долженъ былъ отказаться отъ всякаго другого дѣла и занятія, что для многихъ было лишеніемъ и заставляло уклоняться отъ избранія. Д. И. Завалишинъ былъ избранъ по просьбѣ Е. П. Оболенскаго и А. В. Поджіо, желавшихъ сблизить его съ обществомъ.

Малая артель, имѣвшая цѣлью помощь отъѣзжающимъ на поселеніе, также возникла, благодаря старанію покойнаго И. И. Пущина, который управлялъ ею не только по выходѣ изъ каземата, но даже по возвращеніи въ Россію. Артель эта существуетъ и до сихъ поръ, подъ управленіемъ оставшихся въ живыхъ и дѣтей умершихъ и посильно помогаетъ нуждающимся какъ отцамъ, такъ и дѣтямъ. Основаніемъ для нея также были добровольные вклады имущихъ и только въ незначительной степени каждаго изъ неимущихъ участниковъ, вносившихъ извѣстный процентъ участковой суммы. Но такъ какъ каждый отправляющійся на поселеніе получалъ больше, чѣмъ было имъ внесено, считая даже сложные проценты въ жидовскихъ размѣрахъ, то очевидно, что избытокъ этотъ былъ возможенъ только при добровольныхъ взносахъ. Что было въ послѣдніе три года пребыванія въ Петровскомъ—не знаю, такъ какъ въ 1836 году выѣхалъ на поселеніе. Живыхъ свидѣтелей этого времени нѣтъ, а оставленныя записки пока не опубликованы.

Авторъ говоритъ (430), что онъ «артелью не пользовался, потому что вносилъ деньги полностію и пищу себѣ готовилъ на свои личныя средства».—Не бывши казначеемъ ни подтверждать, ни оспаривать этого факта не могу. Замѣчу только, что онъ не согласуется съ тѣмъ, что всѣмъ извѣстно было о помощи, доставляемой С. П. Трубецкимъ брату его Ипполиту, когда послѣдній отказался отъ пособія изъ артели, потому что лишенъ былъ права голоса, какъ не причисленный къ членамъ ея. Изъ дома Трубецкихъ приносили ему каждый день обѣдъ и ужинъ. Если были у Д. И. Завалишина собственныя средства, то пользовался бы вѣроятно такими же и братъ

его и не нуждался бы въ помощи посторонней. Тутъ же сказываетъ авторъ, что отправляясь на поселеніе онъ не взялъ ничего изъ малой артели. Объ этомъ знали только товарищи наши, принадлежавшіе къ 1-му разряду и пробывшіе въ тюрьмѣ 12 лѣтъ, которыхъ уже нѣтъ на свѣтѣ.

По окончаніи срока въ 1839 году Д. И. Завалишинъ, по его просьбѣ, былъ назначенъ на поселеніе въ Читу, гдѣ и женился на дочери Смольяниновой.

VIII.

Въ 1869 году въ «Отечественныхъ Запискахъ» появились статьи С. В. Максимова: «Сибирь и каторга», въ которыхъ, между прочимъ, описана и наша жизнь. Но такъ какъ жизнь нашего каземата была искажена, то П. Н. Свистуновъ написалъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1870 года опроверженіе, указавъ источникъ, изъ котораго черпалъ свѣдѣнія г. Максимовъ. Та же необычайная дѣятельность одного изъ декабристовъ теперь появилась въ запискахъ Завалишина. Опровергать его поэтому я не буду, но пожалѣю только, что назначенный моимъ почтеннѣйшимъ товарищемъ П. Н. Свистуновымъ 10 лѣтній срокъ для печатанія ошибочныхъ свѣдѣній казематной жизни оказался недостаточенъ, и хотя Д. И. Завалишинъ выждалъ ровно 10 лѣтъ для печатанія своихъ записокъ, но Богу угодно было, чтобы мы, современники и соузники его, могли еще сказать слово, какъ объ авторѣ, такъ и объ его произведеніи.

Выходка противъ П. Н. Свистунова (вѣроятно за то, что онъ первый выступилъ съ обличеніемъ противъ увлеченій автора), не дѣлаетъ чести Д. И. Завалишину. Угрозы его и пятнадцать строкъ точекъ, замѣнившихъ вѣроятно бездоказательныя поношенія, недопускаемыя въ печати, изобличаютъ въ авторѣ непомѣрную злобу и жажду мести, столь несвойственныя христіанину, глубоко изучившему догматы вѣры и потратившему столько труда на свое нравственное воспитаніе.

Невольно приходитъ на память разсказъ братьевъ Крюковыхъ, ѣхавшихъ въ Сибирь въ одной партіи съ П. Н. Свистуновымъ и Д. И. Завалишинымъ. Изъ всѣхъ ихъ, только одинъ П. Н. Свистуновъ имѣлъ съ собой 1000 руб., остальные ѣхали ни съ чѣмъ и даже плохо для зимы одѣтыми. Утомленные безпрерывной скачкой день и ночь, они просили фельдъегеря дать имъ нѣсколько часовъ на отдыхъ, но онъ не соглашался; тогда П. Н. предложилъ ему 200

руб. и фельдъегерь нашолъ возможнымъ остановиться ночью для отдыха на 4 часа [1]). Опасаясь, что ихъ разъединятъ по разнымъ заводамъ, П. Н. раздѣлилъ оставшіеся 800 руб. на четыре равныя части и три изъ нихъ отдалъ спутникамъ, оставивъ четвертую себѣ. Это ли, Дмитрій Иринарховичъ, не христіанскій подвигъ любви! Онъ подѣлился по братски съ людьми, которыхъ до отъѣзда изъ Петербурга не зналъ, имѣя въ перспективѣ продолжительную каторгу, при неизвѣстности возможно ли будетъ получать что либо изъ дому! П. Н. и теперь не желаетъ подтвердить этотъ похвальный, достойный подражанія поступокъ, говоря, что «не помнитъ». Не за это-ли братское чувство награжденъ онъ темными намеками и точками! Вѣроятно, опомнившись, самъ авторъ раскаится въ недобромъ поступкѣ.

Стараюсь объяснить себѣ, почему авторъ, имѣя, по словамъ его, готовый матеріалъ для записокъ своихъ уже въ 1839 году, столько медлилъ печатаніемъ ихъ и почему на опроверженіе статьи Максимова, столь огорчившее его, болѣе 10 лѣтъ не отвѣчалъ? Не потому-ли, что тогда многіе еще были живы, имѣли зрѣніе и рука ихъ послушно излагала мысли?

Теперь, конечно, всѣ стали стары, да и осталось насъ уже мало, а авторъ можетъ быть полагалъ, что никого нѣтъ въ живыхъ. Сообщу ему, что изъ I-го разряда въ живыхъ П. Н. Свистуновъ и я, IV-го—А. П. Бѣляевъ, V-го—баронъ Е. А. Розенъ, VII-го—Н. А. Загорѣцкій и VIII-го—М. А. Назимовъ.

Изъ I-го разряда живъ только одинъ М. И. Муравьевъ-Апостолъ, который въ казематѣ не былъ. Изъ упомянутыхъ семи человѣкъ, пять постоянно и давно живутъ въ Москвѣ и, насколько позволяетъ старость, навѣщаютъ другъ друга.

Одинъ Д. И. Завалишинъ ни у кого не бываетъ. Не могу обойти молчаніемъ разсказа его о посѣщеніяхъ жившихъ въ Москвѣ декабристовъ. Во время его прибытія въ Москву жили здѣсь: П. Н. Свистуновъ и Н. Д. Пущина. У перваго онъ не былъ, а второй сдѣлалъ лишь одинъ визитъ, но никогда не обѣдалъ. Подтвердить это можетъ бывшая воспитанница Пущиной П. Я. Мирбахъ, которая Д. И. Завалишина ни разу не видѣла, хотя находилась при покойной безъотлучно.

У сестеръ Бестужевыхъ бывалъ, и очень часто, но, задолго до возвращенія М. А. Бестужева, прекратилъ свои посѣщенія и при немъ

---

[1]) Изъ Тобольска повезъ ихъ полицейскій чиновникъ, но вскорѣ нагналъ фельдъегерь, чтобы взять Д. И. Завалишина и везти его одного.

А. Ф.

не былъ ни разу [1]), даже на похоронахъ его не былъ. П. С. Бобрищевъ-Пушкинъ, такъ много хлопотавшій о принятіи Д. И. Завалишина въ казематское общество, прожилъ почти годъ въ домѣ Пущиной, у ней и умеръ, но Д. И. Завалишинъ живаго не навѣстилъ ни разу, а мертваго его не провожалъ. На похоронахъ Н. Д. Пущиной также не былъ. У дочери Ник. Мих. Муравьева, Соф. Н. Бибиковой всего былъ разъ съ визитомъ. Наконецъ въ теченіи безъ малаго 20-ти лѣтъ пребыванія своего въ Москвѣ ни съ кѣмъ не видался изъ казематскихъ товарищей, хотя пятеро изъ насъ давно поселились въ Москвѣ.

Не буду доискиваться причины, побудившей его прекратить всякое сношеніе съ тѣми, горькую судьбу которыхъ раздѣлялъ столько лѣтъ. Это его тайна. Но дивиться можно тому, что при его смѣтливости, онъ не подумалъ, что такое устраненіе себя отъ людей, коротко его знающихъ, могутъ истолковать не въ его пользу.

IX.

Не хватитъ у меня ни духа, ни силъ подробно перебирать всѣ показанія Д. И. Завалишина, требующія опроверженія; такой трудъ тѣмъ болѣе тягостенъ, что приходится высказывать человѣку на каждомъ шагу, что онъ вымыселъ выдаетъ за дѣйствительный фактъ; мягче этого я выразиться не умѣю. Не могу допустить преднамѣреннаго искаженія истины, систематически поддержаннаго въ продолженіи цѣлаго разсказа. Несомнѣнно, что страсти помрачаютъ нашъ разумъ и бываютъ не безъ вліянія на память, но я того мнѣнія, что необузданное пылкое воображеніе, тревожившее автора, по его же сказанію, съ юныхъ лѣтъ, и въ старости не охладѣло и не улеглось. Оно одарено способностію превращать невидимое въ видимое, фантазію въ дѣйствительность и вывести человѣка изъ нормальнаго психическаго состоянія.

Никто не повѣритъ, что юноша двадцати съ чѣмъ-то лѣтъ, вступившій въ кругъ людей, незнакомыхъ ему и по извѣстнымъ причинамъ не довѣрявшихъ ему, получилъ бы вдругъ право: «требовать отъ нихъ сохраненія нравственнаго достоинства» (421) и «чтобъ они не теряли время на пустыя занятія», обращаясь при томъ къ лицамъ многимъ старше его, снискавшимъ общее уваженіе и знавшимъ

---

[1]) Хотя Михаилъ Александр. Бестужевъ пять лѣтъ прожилъ въ Москвѣ. **АФ.**

его прошлое колебаніе, или точнѣе сказать—отсутствіе убѣжденій. Между ними нѣсколько лицъ участвовали въ бородинскомъ дѣлѣ, многіе дѣлали кампанію 13-го и 14-го года, а М. С. Лунинъ былъ даже въ строю подъ Аустерлицомъ. Если бы онъ точно отважился на заявленіе подобнаго требованія, отвѣтомъ ему былъ бы взрывъ смѣха или совѣтъ обратиться съ увѣщаніями къ брату своему Ипполиту, который въ томъ очень нуждался. Если же бы вздумалъ выступить въ качествѣ наставника передъ лицами одного возраста съ нимъ, ему бы вѣроятно сказали: врачу, изцѣлися самъ,—но все это немыслимо (стр. 419).

Комендантъ Лепарскій не могъ разрѣшить письменныхъ занятій, воспрещенныхъ намъ по данной ему инструкціи (430). Обыска на этотъ счетъ ни разу не производилось; но онъ сквозь пальцы смотрѣлъ на это отступленіе отъ инструкціи и при случаѣ говорилъ: «я не вижу». Писемъ и записокъ никому изъ насъ не писалъ. Имѣя право требовать насъ къ себѣ для объясненія и навѣщая насъ часто въ казематѣ, онъ, 80-ти лѣтній старикъ, не имѣлъ надобности утруждать себя письмомъ напрасно. Единственный случай, побудившій его взяться за перо—былъ отъѣздъ на поселеніе Ф. Б. Вольфа, искусству и попеченіямъ котораго онъ обязанъ былъ, какъ выражался, сохраненіемъ нѣсколькихъ лишнихъ лѣтъ земной жизни. На первой станціи отъ Петровскаго Ф. Б. Вольфа нагналъ посланный съ запиской отъ коменданта, въ которой онъ заявлялъ ему о своей признательности и дружбѣ. Непонятны ни мнѣ, ни кому либо изъ насъ выходки автора противъ коменданта Лепарскаго, который снискалъ нашу общую любовь и оставилъ по себѣ добрую память посреди жителей Читинскихъ и Петровскихъ. Никто изъ насъ въ казематѣ не подозрѣвалъ скрытую ненависть автора къ Лепарскому, которой онъ никогда не высказывалъ. Проявленіе этой ненависти, въ настоящей его статьѣ, скорбно поразило насъ всѣхъ.

Касательно перевода всей библіи съ еврейскаго языка (426)—это такой подвигъ, которымъ бы онъ увѣковѣчилъ свое имя. Алтайскій миссіонеръ, прославившійся архимандритъ Макарій, посвятилъ 20 лѣтъ своей жизни на этотъ колоссальный трудъ. Когда св. Сvнодъ отказалъ ему въ просьбѣ напечатать свой переводъ, онъ отнесъ его къ москов. митрополиту Филарету съ просьбою сохранить его. Предположивъ въ Д. И. Завалишинѣ надлежащую ученую подготовку для такого труда и пользованіе благопріятными для того обстоятельствами, какъ то: надлежащею окружающею обстановкою, спокойствіемъ духа и удаленіемъ отъ житейскихъ заботъ и волненій, чтобъ всецѣло посвятить себя такому благому предпріятію въ продолженіи многихъ

лѣтъ и тогда, чтобы удостовѣриться въ совершеніи такого подвига, я бы желалъ услышать отъ человѣка свѣдущаго и достойнаго довѣрія, что онъ переводъ этотъ имѣлъ въ рукахъ, просматривалъ и убѣдился, что это не копія, а оригинальный переводъ съ еврейскаго. Такой простой способъ къ исцѣленію самаго упорнаго недовѣрія всегда доступенъ автору и ему слѣдовало бы имъ воспользоваться, потому что всеобщее недовѣріе въ этомъ случаѣ роняетъ его авторитетъ касательно всего имъ повѣствуемаго.

Во всей статьѣ, и особенно на стр. 428, онъ даетъ понять, что высокое его нравственное достоинство возбудило противъ него вражду его соузниковъ. Онъ не довольствуется этимъ огульнымъ осужденіемъ своихъ товарищей, но выставляетъ ихъ на поселеніи какъ утратившихъ свое нравственное достоинство и вслѣдствіе того погибшихъ. Что къ нему никто вражды не питалъ и что по сію пору никто изъ оставшихся въ живыхъ не злобствуетъ на него, я смѣло могу поручиться, но что онъ въ теченіи 12-ти лѣтняго пребыванія въ тюрьмѣ не пріобрѣлъ ни одного друга—не съ кого ему взыскивать, какъ только съ самаго себя. Самый его разсказъ достаточно показываетъ, какъ авторъ мало способенъ испытывать или внушать дружеское чувство. Онъ упрекаетъ всѣхъ въ неблагодарности къ его заслугамъ. «Все, что касается до обезпеченія въ настоящемъ и по возможности въ будущемъ, всецѣло принадлежало мнѣ». Какъ бы онъ рѣшился сказать это нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда еще живы были нѣсколько десятковъ товарищей, которыхъ онъ пережилъ для того только, чтобъ ихъ позорить? И какъ это согласить съ тѣмъ отзывомъ о его соузникахъ, какъ «о людяхъ высшаго уровня тогдашняго образованія» (433) и что «всѣ науки имѣли въ казематѣ своихъ живыхъ представителей» (434). Неужели они для устройства казематной жизни, не головоломнаго кажись труда, не могли обойтись безъ содѣйствія Д. И. Завалишина и вынуждены были отрывать его отъ ученыхъ занятій, вымаливая у него пожертвованіе драгоцѣннаго времени, по неспособности самихъ къ малѣйшему занятію? Какъ этому повѣрить? Надо правду сказать: ни злобы, ни признательности не было никакого повода къ нему питать, потому что не имѣлъ онъ случая ни вредить кому либо, ни благодѣтельствовать.

Онъ говоритъ, что докторъ товарищъ Вольфъ (431) никому кромѣ его не довѣрялъ ночного дежурства при трудно больныхъ. Всѣ товарищи могутъ засвидѣтельствовать, что ни съ кѣмъ не былъ Ф. Б. Вольфъ такъ близокъ, какъ со мною. Мы въ одномъ корридорѣ и въ смежныхъ нумерахъ жили. Онъ мнѣ поручилъ завѣдываніе своей аптекой и составленіе лекарствъ по его указанію. Дружбу его я вы-

соко цѣнилъ, потому что, бывши многимъ моложе его, я пользовался добрыми совѣтами человѣка, высоко образованнаго и пріобрѣвшаго общую любовь попеченіемъ своимъ о всѣхъ нуждавшихся въ его помощи. При мнѣ опасно хворали всего пятеро изъ насъ: Пестовъ, который умеръ, П. С. Бобрищевъ-Пушкинъ, Арбузовъ, Швейковскій и Безчасновъ. Вольфу не нужно было призывать кого либо для ухода за ними, потому что всякій изъ нихъ имѣлъ друзей, которые сами на то вызывались, а Д. И. Завалишинъ не былъ изъ числа ихъ. Прибавлю мимоходомъ, что Ф. Б. Вольфъ на поселеніи прославился своимъ искуснымъ и безмезднымъ леченіемъ въ Иркутскѣ и Тобольскѣ. Въ послѣднемъ городѣ, по просьбѣ преосвященнаго, читалъ лекціи о гигіенѣ въ тамошней семинаріи.

Что сказать мнѣ о письмѣ П. А. Муханова къ мачихѣ автора (426)? Желая утѣшить ее, онъ передаетъ ей слышанное имъ отъ ея пасынка объ изученіи еврейскаго и всѣхъ западныхъ и восточныхъ языковъ, сознавая при томъ, что онъ не судья въ этомъ дѣлѣ; но авторъ, вѣроятно, чтобъ придать болѣе авторитета лестному о немъ отзыву, возводитъ его въ ученую степень и провозглашаетъ замѣчательнымъ археологомъ. П. А. Мухановъ былъ добрый и умный человѣкъ, но простодушный, скромный, безъ тщеславія. Отъ почетнаго званія археолога онъ бы вѣрно отказался. Какъ литераторъ, онъ высказывалъ несомнѣнный талантъ. Повѣсти его, съ описаніемъ русскаго быта и нравовъ нашихъ, представляли увлекательный разсказъ, но онъ себя за ученаго не выдавалъ. Не знаю въ чьихъ рукахъ остались произведенія его легкаго и даровитаго пера, но онѣ были бы цѣнной находкой для любого журнала.

Д. И. Завалишинъ, намѣреваясь опровергнуть все сказанное въ появившихся воспоминаніяхъ товарищей нашихъ и возбудить сомнѣніе въ ихъ достовѣрности, предупреждаетъ читателя (419), что онъ едва ли не одинъ велъ современныя записки. Положимъ, что дѣйствительно велись и сохранились эти записки; нельзя еще заключить изъ этого, чтобы его разсказъ былъ правдивѣе всѣхъ прочихъ. Выраженія, выставленныя имъ: «не помню», «кажется», «не могу съ достовѣрностію сказать»—касаются лишь мелкихъ подробностей и служатъ порукой добросовѣстности повѣствователя, не желающаго ручаться за то, что могло ускользнуть изъ памяти. Баронъ А. Е. Розенъ, повѣривши на слово Д. И. Завалишину, въ своихъ запискахъ поминаетъ о 13 языкахъ, имъ изученныхъ, не предполагая никакого хвастовства, будучи самъ въ высшей степени правдивымъ. Г. Максимовъ, напротивъ, въ статьѣ своей насчиталъ 8 языковъ.

Ни тотъ, ни другой не виноваты, почерпнувъ разнорѣчивыя свѣдѣнія изъ одного и того же источника.

Выскажу при этомъ мнѣніе мое о запискахъ товарищей моихъ, и въ чемъ расходятся онѣ съ воспоминаніями г. Завалишина. Во всѣхъ нихъ есть какъ бы сходственныя черты и нѣчто вселяющее довѣріе: никто изъ нихъ не выставляетъ себя на показъ въ ущербъ другимъ: разсказъ ихъ простъ и чуждъ всякой натяжки и лицепріятія. Не скрывается въ немъ никакой предвзятой мысли и тенденціозности; не обнаруживается ни малѣйшаго слѣда какого либо враждебнаго чувства, что составляетъ достоинство, всѣми цѣнимое и присвоивающее имъ характеръ истины.

Пора отдохнуть мнѣ отъ тоскливаго, скажу даже, скорбнаго труда. Тяжело на каждомъ шагу противорѣчить, обличать. Если бы самовосхваленіе Д. И. Завалишина не сопровождалось осужденіемъ моихъ товарищей, я бы почелъ неумѣстнымъ ему возражать; но мнѣ дорога память добрыхъ моихъ товарищей усопшихъ и потому безгласныхъ; я исполнилъ лишь, какъ умѣлъ, долгъ совѣсти и дружбы. А затѣмъ, когда настанетъ роковой часъ разлуки съ видимымъ міромъ и наступитъ время предстать передъ вѣчнымъ Судьею, отъ искренняго сердца желаю Д. И. Завалишину, какъ и самому себѣ, покинуть земную жизнь безъ скорби, съ твердой надеждой на лучшую долю и съ чувствомъ любви и всепрощенія.

Александръ Филип. Фроловъ.

Москва.
12 февраля 1882 года.

ПЕРВЫЕ ГОДЫ ИНТЕНДАНТСТВА

ВЪ ПЕТЕРБУРГСКОМЪ ВОЕННОМЪ ОКРУГѢ

1864—1866.

II [1]).

15-го сентября 1864 года открыло дѣйствіе окружное интендантское управленіе петербургскаго военнаго округа.

Послѣ обычнаго молебна, обратясь къ чинамъ окружнаго интендантства, въ присутствіи почти всѣхъ чиновъ, подлежащихъ отчисленію за штатомъ, я сказалъ:

— «Прошу васъ, господа, имѣть постоянно въ виду, что не армія существуетъ для интендантства, а интендантство для арміи; что первая и священная наша обязанность состоитъ въ заботѣ о томъ, чтобы армія никогда и ни въ чемъ не нуждалась. Мы должны стараться заслужить любовь, довѣріе и уваженіе арміи. Съ другой стороны, мы должны дѣйствовать только по закону; никто изъ насъ, ни въ какомъ случаѣ, не можетъ дозволить себѣ отступленіе отъ закона».

Въ первые дни было такъ хлопотливо, такъ трудно, что мои сподвижники отчаявались, вынесутъ ли они это бремя. Дѣйствительно, за нѣсколько недѣль до упраздненія коммисаріатской коммисіи и управленія оберъ-провіантмейстера, тамъ не дѣлалось, или почти не дѣлалось никакихъ исполненій по бумагамъ и по требованіямъ войскъ; сотни конвертовъ оставались не рас-

---

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1882 г., томъ XXXIV, май, стр. 499—524.

крытыми; дѣла велись въ страшномъ безпорядкѣ; намъ сдавали не дѣла, а груды неразобранныхъ бумагъ. Бухгалтерія была номинальна, разность между денежными счетами бухгалтерскими и казначейскими доходила до 880,000 рублей, а по вещевой бухгалтеріи разность между дѣйствительнымъ и бухгалтерскимъ состояніемъ вещей простиралась до 100,000 арш. холста и т. п.

Разборъ всего этого и въ то же время удовлетвореніе текущихъ потребностей войскъ требовали большой дѣятельности и усердія всѣхъ чиновъ. Присутствіе наше начиналось въ 10 часовъ утра и оканчивалось въ 3 часа дня. Скоро установился порядокъ, къ 10-ти часамъ никто не опаздывалъ и долѣе 3-хъ часовъ никто не оставался въ присутствіи; въ комнатахъ присутствія водворилась тишина, постороннимъ посѣтителямъ запрещенъ былъ входъ въ отдѣленія, а помѣщеніе пріемныхъ комнатъ увеличено. Самъ я, въ первое время, кромѣ занятій въ интендантствѣ, занимался дома съ 5 до 11, до 12 часовъ и даже до 2-хъ часовъ ночи, а по утрамъ съ 6-ти, съ 5-ти и даже съ 4-хъ часовъ былъ уже за дѣломъ. Въ первое время самъ вскрывалъ всѣ конверты и это было необходимо, потому что случались странныя явленія: бумаги съ отмѣтками въ упраздненной коммисіи или въ управленіи оберъ-провіантмейстера, вновь являлись въ интендантство, въ запечатанныхъ конвертахъ, или мнѣ попадались конверты отъ войскъ, въ самой столицѣ расположенныхъ, спустя два мѣсяца по ихъ отправленіи.—Въ первое время ежедневно поступало до 300 бумагъ, а съ разборомъ бумагъ, полученныхъ до 15-го сентября и не внесенныхъ даже въ журналъ, каждый день приходилось прочитывать до 500 входящихъ бумагъ; исходящихъ бумагъ было до 200 въ день. Спустя нѣкоторое время, когда дѣла пришли въ нормальное положеніе, всѣхъ входящихъ и исходящихъ бумагъ въ день было отъ 300 до 350 и рѣдко доходило до 400. По приведеніи въ извѣстность всѣхъ отдѣльныхъ управленій, учрежденій и командъ, получавшихъ довольствіе отъ петербургскаго окружнаго интендантства, ихъ оказалось всего 501, кромѣ отдѣльныхъ лицъ, получавшихъ содержаніе изъ интендантства.

Усиленный трудъ не былъ бы тягостенъ, еслибы онъ совершался при спокойномъ состояніи духа, но, къ сожалѣнію, первое время моихъ занятій въ интендантствѣ было отравляемо

съ трехъ сторонъ: со стороны главнаго интендантскаго управленія, со стороны войскъ, и чиновниками, уволенными за штатъ.

Генералъ-интендантъ Устряловъ умышленно или по привычкѣ писалъ ко мнѣ постоянно дерзкія бумаги, стариннымъ подъяческимъ тономъ; его вице-директоры или помощники подражали ему; каждая бумага, оттуда полученная, возмущала меня. Чиновники, оставленные въ главномъ интендантскомъ управленіи изъ прежнихъ коммисаріатскаго и провіантскаго департаментовъ, желали подчинить окружное управленіе своему вліянію, какъ бывало коммисаріатскую коммисію или управленіе оберъ-провіантмейстера, но это имъ не удавалось; я не только не обращалъ на нихъ вниманія, но запретилъ имъ доступъ въ отдѣленія моего управленія, безъ личнаго моего разрѣшенія, и они стали интриговать; они интриговали еще болѣе и потому, что сознали невозможность получать второе жалованье изъ подчиненной инстанціи; они видѣли, что часъ ихъ пробилъ, что уже и коммисаріатскіе подрядчики и провіантскіе поставщики отшатнулись отъ нихъ, что и эти лица стали опираться на окружнаго интенданта.

Личная же моя переписка съ Устряловымъ обострилась до того, что надобно было рѣшиться на что нибудь одно: или просить сторонняго посредничества, или самому сдѣлать уступку, и хотя, по буквальному смыслу положенія объ округахъ, окружной интендантъ лично не подчинялся генералъ-интенданту, а только окружное управленіе административно подчинялось главному управленію, и я съ полнымъ авторитетомъ своего права могъ возражать на бумаги, обращенныя лично ко мнѣ, но предпочелъ испробовать мирное, домашнее, разрѣшеніе возникшихъ письменныхъ пререканій, и послалъ Устрялову частное письмо. Ни копіи своего письма, ни отвѣта Устрялова я не сохранилъ; я не берегъ ни одной записки, которая, попавъ мнѣ въ руки, лишній разъ напоминала бы Устрялова, но хорошо помню содержаніе обѣихъ писемъ: я писалъ ему мягко, дружески, употребляя эпитетъ въ срединѣ письма: почтеннѣйшій Ѳедоръ Герасимовичъ, и говорилъ: «переписка въ такомъ тонѣ, какъ нынѣ ведется между нами, не можетъ продолжаться: она должна будетъ выйти наружу и потребуетъ разбирательствъ со

стороны. Къ чему же это поведетъ: если вы будете оправданы съ дисциплинарной точки зрѣнія, то много потеряете въ общемъ мнѣніи, что пользуясь правомъ старшаго, умышленно раздражали кандидата на свое мѣсто; если я буду оправданъ съ дисциплинарной стороны, то заслужу упрекъ въ малодушіи, въ нетерпѣніи скорѣе спихнуть то лицо, которое стоитъ мнѣ на дорогѣ. Я говорилъ, что ежеминутной опеки надъ собой ни въ какомъ случаѣ не допущу; докажу, что окружной интендантъ можетъ дѣйствовать самостоятельно, и меня болѣе всего удивляетъ то, что вы же сами составляли новое положеніе, не безъ душевнаго же участія къ дѣлу, и конечно вамъ, болѣе чѣмъ кому бы то ни было, желательно, чтобы духъ положенія осуществился, а я только и стремлюсь къ тому».

Устряловъ отвѣчалъ мнѣ въ тонѣ моего письма, что онъ съ своей стороны не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія огорчать меня въ служебной перепискѣ, что я рѣзкимъ тономъ своихъ бумагъ чрезвычайно увеличилъ его занятія, что онъ принужденъ былъ приказать, чтобы всѣ бумаги, идущія ко мнѣ, даже и тѣ, которыя должны идти за подписью только его помощниковъ, предварительно представлялись ему для просмотра; что онъ очень благодаренъ мнѣ, что я не отрицаю того, что успѣхъ интендантскаго дѣла близокъ его сердцу, болѣе чѣмъ кому бы то ни было, и что личная, откровенная бесѣда можетъ скорѣе и лучше выяснить дѣло.

Свиданіе состоялось въ половинѣ октября 1864 года.

Я, вечеромъ, пришелъ къ Устрялову; онъ очевидно притворялся больнымъ, изнеможеннымъ, говорилъ отрывисто и самая бесѣда далеко не была задушевною, если не считать задушевностью высказанное Устряловымъ желаніе скорѣе добиться званія статсъ-секретаря и тогда засѣсть въ военный совѣтъ. Слова эти произнесены были съ обыкновенною оговоркою, чтобы онѣ остались между нами, но понятно, что задняя мысль въ нихъ и была та, чтобы я довелъ о томъ до свѣдѣнія Кауфмана или Милютина, чего однако я не сдѣлалъ. Это было первымъ и послѣднимъ частнымъ посѣщеніемъ моимъ Устрялова, въ его квартирѣ, а въ главное интендантское управленіе я и не заглядывалъ отъ учрежденія его до настоящаго времени; съ Устряловымъ же часто сходился, въ 1865 году, на пароходѣ; и онъ

и я въ томъ году имѣли дачи подъ Петергофомъ. Послѣ октябрьскаго свиданія служебныя отношенія наши пошли сноснѣе; въ бумагахъ изъ главнаго интендантскаго управленія измѣнился тонъ, но онѣ все-таки отзывались приказными, или старинными коммисаріатскими замашками.

Хотя Устряловъ и почитался творцомъ новаго положенія объ интендантскомъ вѣдомствѣ, но онъ видимо не хотѣлъ выпустить изъ своихъ рукъ исполнительную часть хозяйства: изъ 20 бумагъ, ежедневно получавшихся изъ главнаго интендантскаго управленія, по крайней мѣрѣ 5 поступало съ такими требованіями, которыя, по новому положенію, вовсе не касались до главнаго интендантскаго управленія и которыя могли парализовать дѣйствія окружнаго управленія, и это получалъ я, т. е. тотъ интендантъ, относительно котораго главное управленіе старалось держать себя какъ можно осторожнѣе; прочіе же интенданты, какъ мнѣ было положительно извѣстно, подобраны были къ рукамъ главнаго интендантскаго управленія точно также, какъ бывшіе управляющіе коммисаріатскими коммисіями и оберъ-провіантмейстеры. На борьбу съ Устряловымъ я смотрѣлъ, не какъ на личную вражду Устрялова съ Кренке, но какъ на столкновенія старыхъ коммисаріатскихъ и провіантскихъ продѣлокъ съ новыми идеями интендантства. Борьба эта привела по крайней мѣрѣ къ тому, что Устряловъ и всѣ подчиненные ему по главному интендантскому управленію перестали смотрѣть на меня, какъ на бывшаго управляющаго коммисаріатскою коммисіею и, въ этомъ отношеніи, я сдѣлалъ большую пользу интендантскому дѣлу.

Столкновеніе съ войсками началось тоже изъ-за переписки; полки и команды обращались въ интендантство, какъ къ прежнему оберъ-провіантмейстеру; многіе отзывы отъ войскъ я возвращалъ начальникамъ дивизій съ указаніемъ статей закона, въ которыхъ сказано, что полки и команды не сносятся съ окружнымъ интендантскимъ управленіемъ, а доносятъ или представляютъ ему. Я имѣлъ въ виду возвысить въ войскахъ значеніе интенданта; хотѣлъ поставить себя такъ, чтобы воинскіе начальники уважали званіе интенданта. Эта борьба началась очень круто, но она велась съ людьми честными, благородными, которые скоро убѣдились, что я добиваюсь только законности

дѣйствій, что я не прикрываю старые грѣхи, не потакаю плутнямъ, а напротивъ, ищу помощи въ начальникахъ войскъ, ихъ дружнаго содѣйствія къ скорому и прочному водворенію новаго порядка, и потому наши, сначала какъ бы враждебныя, столкновенія скоро приняли самый дружескій тонъ, и личный и письменный.

Въ этой борьбѣ я очень много обязанъ Великому Князю Николаю Николаевичу. Его Высочество видимо и истинно поддерживалъ меня. Прежде всего я указалъ начальникамъ дивизій и доложилъ Великому Князю, что если попадаютъ въ войска дурныя мука и крупа, то въ этомъ виноваты сами войска. Вопреки закона, за пріемомъ провіанта офицеры-пріемщики не являются въ магазины; они пріѣзжаютъ только росписаться въ книгахъ, а провіантъ принимается ротными каптенармусами. Каптенармусы, прибывъ въ магазинъ, вступаютъ въ сдѣлку съ магазинными вахтерами—изъ какого стабеля принимать хлѣбъ, и тутъ начинаются торги; вахтера, смотря по достоинству хлѣба, предлагаютъ каждому каптенармусу отъ 1½ до 3 рублей и это повторяется каждый мѣсяцъ. Войска посылали въ магазинъ, за пріемкой провіанта, когда вздумается; чрезъ это въ иной день въ магазинѣ никого нѣтъ, а иногда сталкиваются пріемщики отъ разныхъ полковъ, всѣ безъ офицеровъ; тутъ дѣло доходитъ чуть ни до драки, кому прежде принимать; когда одинъ полкъ принимаетъ, то пріемщики отъ другихъ частей бродятъ по окрестнымъ харчевнямъ; иногда, прождавъ весь день, къ вечеру возвращаются въ казармы безъ провіанта и является ропотъ на интендантство.

Къ декабрю 1864 г. уже были объявлены въ приказѣ по войскамъ правила для пріема провіанта изъ магазиновъ и росписаніе войскъ и управленій по магазинамъ, съ обозначеніемъ дней и часовъ пріема. При этомъ я добился, чтобы какъ лично мнѣ, такъ и довѣренному отъ меня лицу, дозволено было пробовать въ войскахъ хлѣбъ и кашу и повѣрять качество провіанта, сложеннаго въ полковыхъ хранилищахъ. Изъ многихъ тогда личныхъ столкновеній, приведу нѣкоторыя:

Начальникъ артиллеріи генералъ-адъютантъ Виламовъ вытребовалъ прогонныя деньги одному офицеру, куда-то командированному; затѣмъ пишетъ, что тотъ офицеръ заболѣлъ, вмѣсто

него назначенъ другой и на этого другаго требуетъ опять прогонныя деньги. Я конечно отвѣчаю, что на одну и ту же командировку двумъ лицамъ нельзя выдавать прогонныя деньги, когда одно лицо ѣдетъ взамѣнъ другаго. Виламовъ обидѣлся, рѣзко пишетъ мнѣ, что интендантство само можетъ взыскать прогонныя деньги съ заболѣвшаго офицера, что бывшая коммисаріатская коммисія никогда не возражала ему, что, наконецъ, если онъ, ген.-адъютантъ Виламовъ, требуетъ деньги, то требованіе законно, онъ самъ и отвѣчаетъ за свое требованіе. На эту бумагу, въ томъ же тонѣ, я отвѣчалъ, что если будетъ предъявлена мнѣ такая статья закона, которая повелѣвала бы выдавать ген.-адъютанту Виламову все, что вздумается ему требовать, то я выдамъ все, что только находится въ моемъ распоряженіи. Виламовъ сильно осерчалъ; въ пріемный день, съ этою перепискою, поѣхалъ во дворецъ жаловаться на меня Великому Князю, но его вразумили.

Бывшій начальникъ окружнаго штаба генералъ-адъютантъ гр. Бревернъ Делагарди прислалъ мнѣ на бланкѣ форменную записку, въ которой назначилъ мнѣ день и часъ, когда я долженъ явиться къ нему, для объясненій по дѣламъ службы. Я собственноручно сдѣлалъ надпись на этой запискѣ, что въ назначенный часъ быть не могу, а если его сіятельству угодно видѣть меня, то онъ можетъ застать меня въ такіе-то часы въ интендантствѣ, а въ такіе-то часы на квартирѣ. Вскорѣ послѣ этого Великій Князь спросилъ меня, подчиненъ ли я начальнику штаба, по новому положенію? Я отвѣчалъ, что нисколько не подчиненъ, что въ командномъ отношеніи и онъ и я состоимъ на правахъ начальника дивизіи, а въ административномъ отношеніи я имѣю гораздо болѣе полномочій, чѣмъ онъ. Великій Князь ни слова не сказалъ.

Гнѣвъ генералъ-адъютантовъ и особенно помощника Великаго Князя, по званію командующаго войсками въ округѣ, генералъ-адъютанта Бюллера, который какъ предсѣдатель военно-окружнаго совѣта, былъ какъ бы начальникомъ моимъ. Дѣло было въ томъ, что при бывшемъ провіантскомъ вѣдомствѣ генералъ-адъютанты получали фуражныя деньги отъ оберъ-провіантмейстера, но по цѣнамъ придворнаго заготовленія фуража. Изъ главной императорской квартиры ко мнѣ поступило требованіе на фу-

ражныя деньги генералъ-адъютантамъ почти за весь 1864 годъ; я отвѣчалъ, что могу отпустить деньги только по заготовительнымъ цѣнамъ интендантства; по интендантской цѣнѣ пудъ сѣна обходился тогда около 27 коп., а по придворной заготовкѣ около 48 к. Главная квартира возражала мнѣ, что генералъ-адъютанты получали фуражныя деньги по придворной цѣнѣ не только во все нынѣшнее царствованіе, но еще и при Николаѣ I; я отвѣчалъ, что въ дѣйствіяхъ своихъ не могу основываться на преданіяхъ, а долженъ руководствоваться только прямымъ закономъ и просилъ, чтобы мнѣ доставили копію съ того высочайшаго повелѣнія, на основаніи котораго деньги слѣдуетъ выдавать по придворной цѣнѣ. Такого повелѣнія не оказалось, а Бюллеръ, при каждой встрѣчѣ, полушутя, пилилъ меня словами, что я охотникъ наживать себѣ непріятности. Это прекратилось при заявленіи моемъ, также полушутя, что слѣдовало бы войти съ представленіемъ о взысканіи вдвойнѣ всѣхъ денегъ, неправильно выданныхъ за прошлое время.

Чиновники, отчисленные за штатъ, а можетъ быть и состоявшіе тогда на службѣ въ главномъ интендантскомъ управленіи, распускали въ городѣ множество нелѣпыхъ слуховъ на мой счетъ. Приведу нѣкоторые:

Тогда интендантскій сюртукъ былъ одного покроя съ офицерскимъ и чиновникъ не могъ явиться по службѣ къ генералу въ растегнутомъ сюртукѣ. Одинъ чиновникъ изъ главнаго интендантскаго управленія явился ко мнѣ въ присутствіе по какому-то дѣлу въ форменномъ сюртукѣ на-распашку; понятно, я предложилъ ему выйти, оправиться и тогда уже доложить о своемъ дѣлѣ. И вотъ пошла молва, что я всякій день осматриваю всѣхъ своихъ чиновниковъ, выстрижены ли у нихъ волосы, въ порядкѣ ли платье и проч.

Передъ всѣмъ зданіемъ интендантства была дурная мостовая; я приказалъ ее поправить. Наняли подрядчика, сообщили въ полицію и, приступая къ ломкѣ старой мостовой, поставили рогатки, для прекращенія ѣзды по той сторонѣ улицы. Объ этомъ событіи. бывшій генералъ-губернаторъ, въ пріемный день у себя, говорилъ такъ: «а вотъ до меня дошли интересные слухи: новый здѣшній интендантъ, чтобы его не развлекалъ

шумъ отъ ѣзды по мостовой, прекратилъ ѣзду мимо интендантства, приказавъ поставить рогатки, и тѣмъ стѣснилъ движеніе экипажей при театральныхъ съѣздахъ; надобно изслѣдовать это дѣло».

Однако я никакого запроса не получалъ.

Въ Петербургѣ, въ Москвѣ и въ Новгородѣ, въ разныхъ мѣстахъ прибита была пасквиль, крупно написанная, печатнымъ шрифтомъ, слѣдующаго содержанія:

«Окружной интендантъ петербургскаго военнаго округа генералъ-маіоръ Кренке, за 2,000 рублей, предоставилъ Устинову мѣсто окружнаго интенданта финляндскаго военнаго округа. Вы, Викторъ Даниловичъ, и генералъ-маіора Брискорна называете многоуважаемымъ, это подло, низко».

При этомъ фамилія моя была написана крупнѣе, курсивомъ, чтобы рѣзче бросалась въ глаза.

Я мелькомъ слышалъ о ходящей пасквили, но содержаніе ея передалъ мнѣ Кауфманъ въ самыхъ послѣднихъ числахъ декабря 1864 года. Объ этой пасквили военному министру сообщилъ шефъ жандармовъ и Д. А. Милютинъ писалъ князю Долгорукову, что хотя это такая низкая клевета, на которую не стоитъ обращать вниманія, но необходимо прослѣдить откуда она вышла. Результата жандармскихъ изслѣдованій я не узналъ. И Милютинъ, и Кауфманъ полагали, что пасквиль составлена однимъ изъ чиновниковъ, удаленныхъ за штатъ; оба они хорошо знали, что я не принималъ никакого участія въ назначеніи Устинова и никогда не интересовался этимъ. Слова же пасквили относительно Брискорна не имѣли никакого смысла; Брискорнъ былъ тогда московскимъ интендантомъ.

III.

1-го января 1865 года, на балу въ Зимнемъ Дворцѣ, военный министръ очевидно былъ доволенъ, что имѣлъ случай видѣться со мной и высказаться, что ему хорошо извѣстны всѣ мои дѣйствія, что онъ постоянно сочувствовалъ мнѣ, что онъ сознаетъ, что я на настоящемъ своемъ посту уже принесъ интендантству гораздо болѣе пользы, чѣмъ могъ бы сдѣлать въ званіи помощника Устрялова, что въ самомъ важнѣйшемъ ок-

ругѣ въ Россіи, я поставилъ интенданта на такую высоту, что остается только желать, чтобы преемники мои удержались на этой высотѣ; что мнѣ, конечно, очень много помогли отношенія мои къ Великому Князю, но что другой не съумѣлъ бы ими воспользоваться съ такою пользою для дѣла и въ такое короткое время.

Д. А. Милютинъ вообще былъ очень доволенъ началомъ моего интендантскаго поприща, а я, понятно, еще болѣе былъ доволенъ, что успѣлъ заслужить одобреніе не только военнаго министра, но и лично Милютина; я всегда былъ и останусь почитателемъ Д. А. Милютина и впослѣдствіи истинно радовался пожалованію ему графскаго титула; но, отдавая дань уваженія гр. Милютину, долженъ буду отдать и дань правдѣ.

Выслушавъ похвалу себѣ, я скромно отвѣчалъ, что по мѣрѣ ознакомленія съ интендантскимъ дѣломъ, болѣе и болѣе убѣждаюсь, что интендантству еще многаго недостаетъ; что прежде всего надобно уничтожить канцелярскія тайны; уничтожить секретныя цѣны, которыя служатъ секретомъ только для честныхъ людей, а для продувныхъ мошенниковъ онѣ не составляютъ секрета, и освѣжить составъ интендантскихъ чиновъ въ высшемъ управленіи; но на придворномъ балу бесѣда не можетъ быть продолжительна, особенно когда между разговаривающими былъ военный министръ, и слѣдовательно развитіе идей объ интендантствѣ пришлось отложить до другаго болѣе удобнаго случая.

Ободренный словами министра въ самомъ началѣ 1865 года, я въ этомъ году былъ утѣшаемъ съ другихъ сторонъ, болѣе мнѣ близкихъ и болѣе дорогихъ, чѣмъ похвала начальства. Мои ближайшіе сослуживцы постепенно переставали смотрѣть на меня, какъ на волка, пришедшаго изъ лѣсу, стали понимать меня и сочувствовать мнѣ, стали открывать мнѣ глаза на такіе уголки, куда я и не заглядывалъ, стали объяснять мнѣ заднія мысли многихъ бумагъ, получаемыхъ изъ главнаго интендантскаго управленія; я болѣе и болѣе ознакамливался съ интендантскими трущобами, съ интендантскими уловочками. Въ публикѣ я также нашелъ большое сочувствіе и содѣйствіе; не только знакомые, но и видѣвшіе меня въ первый разъ изъявляли мнѣ сочувствіе и передавали, что было имъ извѣстно и что мнѣ было полезно знать; я сталъ получать множество пи-

семъ, въ которыхъ указывались разныя злоупотребленія по подвѣдомымъ мнѣ частямъ; хотя въ письмахъ указывались только одни факты и письма были очевидно благонамѣренныя, но къ сожалѣнію, я не многими указаніями могъ воспользоваться, большинство писемъ были безъименныя, которыя я уничтожалъ безъ всякаго разслѣдованія по нимъ.

Только четыре письма были имянныя, и странно—письма отъ разныхъ лицъ и съ разныхъ мѣстъ, но почти одинаковаго содержанія: сочувствуя моимъ стремленіямъ и желая пособить мнѣ въ искорененіи зла, указывается то и то, а въ заключеніе говорилось, что если всѣ показанія оправдаются, то просятъ уничтожить письмо; если же показанія не оправдаются, то предоставляютъ дѣйствовать по моему усмотрѣнію, или вызвать составителя письма для личнаго объясненія, или потребовать письменнаго объясненія. Всѣ четыре указанія оправдались, именно:

Купецъ съ Калашниковой пристани, никогда не имѣвшій дѣла съ казной, но со стороны наблюдавшій за казенными поставками, указывалъ, что смотритель Рожковскаго провіантскаго магазина дѣлаетъ ужъ черезъ чуръ непозволительныя вещи: онъ продавалъ на сторону лучшій овесъ изъ магазина, а скупалъ на Калашниковой пристани овсянную мякину и эту мякину прибавлялъ на $^1/_4$ до $^1/_3$ на каждый куль овса. Эта смѣсь складывалась въ тѣ стабели, на самое видное мѣсто, гдѣ обыкновенно лежитъ лучшій овесъ. Все оправдалось и смотритель былъ отданъ подъ судъ.

Почтенный новгородскій помѣщикъ писалъ, что новгородскій провіантскій магазинъ раздѣлялся на двѣ неровныя части рогоженной занавѣской или перегородкой, что въ передней, бóльшей, половинѣ находится провіантъ и хорошій, и полухорошій, а въ задней половинѣ, за рогоженной перегородкой, сложенъ самый дурной провіантъ, но кули съ хлѣбомъ прикрыты пустыми кулями и все то отдѣленіе, при ревизіяхъ, слыветъ за складъ пустыхъ кулей, а между тѣмъ войскамъ выдаютъ провіантъ только изъ того задняго отдѣленія. И это оправдалось; смотритель былъ уволенъ отъ службы.

Отставной офицеръ, жившій въ Литейной части, указывалъ, что въ такой-то батареи 1-й гвардейской артиллерійской бригады

постоянно хлѣбъ и каша бываютъ отвратительны, особенно дурной провіантъ принятъ такого-то числа изъ Воскресенскаго магазина, изъ такихъ-то стабелей. И это оправдалось.

Офицеръ изъ Царскаго Села писалъ, что въ такомъ-то эскадронѣ л.-гв. гусарскаго полка провіантъ особенно не хорошъ; послѣдняя пріемка была изъ такого-то стабеля. И это оправдалось.

Въ первыя три мѣста я посылалъ довѣренныхъ лицъ, а въ Царское Село самъ ѣздилъ. Всѣ четыре письма, по желанію авторовъ, были уничтожены, но передъ тѣмъ, признаюсь, справлялся, дѣйствительно ли живутъ такія лица по указаннымъ адресамъ, и это оправдалось. По послѣднимъ двумъ указаніямъ выяснилось, что не столько были виноваты смотрители провіантскихъ магазиновъ, какъ войсковые каптенармусы, входившіе въ сдѣлки съ магазинными вахтерами. И тутъ обнаружилось новое вѣяніе; въ былое время провіантское вѣдомство желало какъ нибудь потушить ропотъ или жалобу войскъ на дурной провіантъ, а при мнѣ, частные начальники войскъ, напротивъ, просили интенданта не доводить до высшей власти обнаружиться злоупотребленіямъ по продовольствію солдатъ; частные начальники обѣщали мнѣ, что сами искоренятъ зло.

А Устряловъ зорко слѣдилъ за мной. Разскажу забавный случай: одинъ изъ старшихъ чиновниковъ главнаго интендантскаго управленія, при докладѣ Устрялову своего дѣла, между прочимъ жаловался на своего младшаго, подчиненнаго чиновника, отбивающагося отъ его рукъ. Устряловъ отвѣчаетъ: «ну, вашего-то подчиненнаго можно подтянуть, а вотъ у меня есть подчиненный, указывая на меня; такъ тотъ не только отбивается отъ рукъ, но вовсе не признаетъ меня своимъ начальникомъ, и некому жаловаться на него». Докладчикъ указываетъ на военнаго министра и Великаго Князя. Устряловъ говоритъ: «да, хорошо говорить жаловаться военному министру, когда министръ на балу во Дворцѣ самъ подходитъ къ Кренке,—мнѣ положительно извѣстно, что Кренке стоялъ въ тѣни; что министръ самъ отыскалъ его и долго бесѣдовалъ съ нимъ,—а во Дворецъ Великаго Князя, да мнѣ и дороги туда нѣтъ, а Кренке тамъ принимаютъ; мнѣ вѣдь извѣстно, что мѣсяца два назадъ, былъ какой-то тамъ семейный праздникъ; всѣ поѣхали съ по-

здравленіемъ и всѣмъ отвѣтъ: «нѣтъ, говорятъ, пріема, только Кренке, да Кауфмана принимаютъ». Это послѣднее показаніе Устрялова дѣйствительно справедливо: 10-го января, въ день рожденія Великаго Князя Петра Николаевича, я, по обычаю, пришелъ во Дворецъ съ поздравленіемъ, въ 10 часу утра; со мной вошли въ сѣни еще генераловъ пять и швейцаръ сказалъ намъ, что Ихъ Высочества не изволятъ принимать, только Ея Высочество приказала принять меня и К. П. Кауфмана. Кауфманъ, какъ бывшій начальникъ штаба Его Высочества, былъ какъ бы домашній человѣкъ, а меня Великая Княгиня стала знавать съ первыхъ дней своего супружества, когда я былъ командиромъ учебнаго сапернаго баталіона и начальникомъ канцеляріи Его Высочества. Но какъ Устряловъ узналъ объ этомъ пріемѣ, не понимаю. Я же узналъ о настоящемъ разсказѣ Устрялова совершенно случайно: докладчикъ Устрялова началъ тогда ухаживать за одною особою, ухаживаніе кончилось впослѣдствіи счастливымъ бракомъ, а та особа дружески была знакома съ однимъ родственнымъ мнѣ семействомъ.

2-го апрѣля назначено было собраніе коммисіи, учрежденной военнымъ министромъ, подъ предсѣдательствомъ Кауфмана; членами коммисіи назначены были: Устряловъ, я, вице-директоръ канцеляріи военнаго министерства генералъ-маіоръ Мордвиновъ, профессоръ Китарры и состоявшій при военномъ министрѣ генеральнаго штаба полковникъ Аничковъ. Коммисія должна была разсмотрѣть два вопроса: о военныхъ мастерскихъ и предложеніе Китарры о назначеніи въ пріемныя коммисіи при интендантскихъ складахъ молодыхъ людей, кончившихъ курсъ въ университетѣ по физико-математическому факультету.

По военнымъ мастерскимъ подлежало разсмотрѣнію заявленіе француза Годилье, предложившаго военному министру устроить въ Россіи мастерскую, на подобіе парижской, для постройки платья на армію. Въ числѣ условій по этому предмету Годилье просилъ, чтобы контрактъ съ нимъ былъ заключенъ на 12 лѣтъ, чтобы ежегодный заказъ былъ не менѣе 600,000 крупныхъ штукъ платья, чтобы въ его распоряженіи постоянно находились 300 солдатъ мастеровыхъ, чтобы онъ считался начальникомъ заведенія и проч. Устряловъ на это замѣтилъ только,

что 12-тилѣтній срокъ великъ, что достаточно назначить 10 лѣтъ и что Годилье нельзя считать какъ бы состоящимъ на службѣ въ званіи начальника заведенія, а слѣдуетъ признавать контрагентомъ. Я же, какъ состоявшій уже съ 5-го февраля членомъ спеціальнаго комитета, называющагося нынѣ главнымъ комитетомъ по устройству и образованію войскъ, заявилъ, что этотъ вопросъ уже обсуждался въ спеціальномъ комитетѣ, 13-го марта, и что весь комитетъ единогласно согласился съ моимъ мнѣніемъ, а я говорилъ тамъ то, что изложено въ прилагаемой запискѣ и самъ прочелъ записку, именно:

„Рано или поздно, мы должны будемъ придти къ тому, чтобы армія наша получала готовыя платье и обувь. Солдатъ долженъ быть солдатомъ, а не портнымъ или сапожникомъ; армія не всегда имѣетъ возможность построить для себя обмундированіе: привожу въ примѣръ полки 32-й и 33-й пѣхотныхъ дивизій, которые почти цѣлый 1863 годъ ходили оборванными, безъ мундировъ, безъ сапоговъ, хотя за полками возились тысячи аршинъ сукна, холста и штукъ сапожнаго товара; коммисаріатъ считалъ свое дѣло конченнымъ, матеріалы были отпущены въ полки, но полки не могли остановиться на одномъ мѣстѣ, даже на мѣсяцъ, чтобы открыть свои мастерскія. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы французъ основалъ у насъ военныя мастерскія; мы можемъ обойтиться и безъ него; мы лучше его знаемъ свои потребности, сами можемъ устроить военныя мастерскія, можемъ примѣнить ихъ и къ военнымъ тюрьмамъ. Начать можно съ небольшаго, напримѣръ, приготовить платье на одну дивизію и для большаго успѣха шитья необходимо измѣнить нѣсколько покрой мундировъ, особенно воротникъ, сдѣлавъ его откиднымъ“.

К. П. Кауфманъ тогда уже зналъ о предстоящемъ ему назначеніи на постъ виленскаго генералъ-губернатора, торопился скорѣе покончить всѣ дѣла, сопряженныя съ настоящимъ его званіемъ; по прочтеніи мною записки, сказалъ, что если спеціальный комитетъ единогласно согласился съ изложеннымъ мнѣніемъ, то вопросъ этотъ уже не можетъ подлежать дальнѣйшему обсужденію и онъ полагаетъ записку мою въ подлинникѣ представить военному министру.

Когда перешла рѣчь на второй вопросъ, на предложеніе Китарры о техникахъ, то я сказалъ, что мнѣніе мое изложено въ запискѣ и прочиталъ слѣдующее:

„Не раздѣляю мнѣнія профессора Китарры о необходимости подготовлять для интендантства молодыхъ людей, кончившихъ курсъ въ университетахъ по физико-математическому факультету. Эта идея могла бы имѣть мѣсто въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, еслибы тамъ учреждались какіе-нибудь склады, а ужъ никакъ ни при военномъ министерствѣ.

„Интендантство надобно сближать съ арміей, а не водворять въ немъ

элементовъ, чуждыхъ для арміи. Интендантскій офицеръ долженъ принадлежать арміи, долженъ знать духъ арміи, ея нужды, условія ея жизни. Интендантство тогда только займетъ почетное мѣсто въ арміи, когда оно заслужитъ довѣріе арміи. Довѣріе же къ цѣлому учрежденію основывается на довѣріи къ отдѣльнымъ личностямъ. Армія довѣряетъ прежде всего тому, кого она знаетъ, кто вышелъ изъ среды ея. Привожу въ примѣръ здѣшняго главнаго смотрителя интендантскаго склада полковника Губина. Всѣ гвардейскіе полки, зная личность Губина, принимаютъ вещи, не смотря ихъ, если Губинъ скажетъ „принимайте". Слово Губина гарантируетъ доброту вещей.

„Я того мнѣнія, что въ интендантство вновь не должны поступать гражданскіе чиновники; интендантство должно формировать непремѣнно изъ военныхъ офицеровъ, чиномъ не ниже штабсъ-капитана и преимущественно изъ тѣхъ офицеровъ, которые получили академическое образованіе, или прошли спеціальный курсъ по одному изъ отдѣловъ военнаго образованія. Изъ такихъ офицеровъ есть много охотниковъ поступить въ интендантство; у меня въ спискѣ отмѣчено до 50 кандидатовъ, преимущественно офицеровъ генеральнаго штаба, инженерныхъ, артиллерійскихъ, саперныхъ и много гвардейскихъ. Я мечтаю о томъ, чтобы со временемъ былъ образованъ какъ бы корпусъ интендантскихъ офицеровъ, чтобы была особая линія для производства на ваканціи до полковника включительно, чтобы интендантскіе штабъ-офицеры и генералы могли получать назначенія въ арміи. Эти мечты отдаленныя, но я вѣрую въ возможность ихъ осуществленія.

„Кончившіе полный курсъ въ артиллерійской или инженерной академіи не уступятъ въ познаніяхъ кандидатамъ по физико-математическимъ наукамъ. Да я и не признаю, чтобы для интендантства необходимы были глубоко ученые техники. Для интендантства гораздо полезнѣе практическіе люди, при нѣкоторыхъ только необходимыхъ познаніяхъ по техникѣ, т. е. весьма достаточно тѣхъ познаній въ физико-математическихъ наукахъ, которыя требуются вообще отъ образованнаго офицера. Въ прежнемъ коммисаріатѣ было множество людей, не получавшихъ никакого образованія, но такихъ великихъ практиковъ въ суннѣ, холстѣ, сапожномъ товарѣ и проч., что съ ними не выдержатъ соперничества ученые техники теоретики".

Когда я кончилъ чтеніе, настало общее молчаніе, всѣ сидѣли съ опущенными глазами. К. П. Кауфманъ первый заговорилъ, сказавъ, что сочувствуетъ моей идеи; конечно, въ частности можно во многомъ возражать, но общая, главная мысль вѣрна и если она будетъ принята, то уже не можетъ быть и рѣчи о гражданскихъ техникахъ и потому ген. Кауфманъ полагалъ представить и эту записку въ подлинникѣ военному министру и затѣмъ ожидать рѣшенія, разработывать ли мою идею, или приняться за гражданскихъ техниковъ. Мордвиновъ согласился съ мнѣніемъ Кауфмана; Аничковъ сказалъ что-то такое, что нельзя было понять; Устряловъ и Китарра промолчали и коммисія, собравшись всего одинъ разъ, окончила свои занятія менѣе, чѣмъ въ часъ времени.

Впервые упоминаются Китарры и Аничковъ; они въ то время играли нѣкоторую роль и о нихъ необходимо сказать кое-что.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ профессоръ Китарры былъ представителемъ техническаго комитета въ главномъ интендантскомъ управленіи. Д. А. Милютинъ до конца вѣровалъ въ Китарры, какъ въ честнѣйшаго человѣка и великаго техника, и ученаго и практика. Китарры былъ рекомендованъ г. Милютину г. Кауфманомъ, но К. П. Кауфманъ въ послѣднее время сталъ разочаровываться Китарры, а все-таки признавалъ, что на указанномъ мѣстѣ онъ можетъ быть полезенъ, а я все-таки твердилъ г. Кауфману, что если буду главнымъ интендантомъ, то Китарры сойдетъ со сцены. Въ первое время открытія интендантства, Китарры былъ предсѣдателемъ московской пріемной коммисіи, но часто пріѣзжалъ въ Петербургъ и по пріѣздѣ въ Петербургъ, считалъ обязанностью оставить у меня свою карточку. Тогда интенданты и старшіе интендантскіе чиновники всѣхъ округовъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, явившись Устрялову, считали обязанностью сдѣлать визитъ и мнѣ. Въ концѣ 1864 года я еще смотрѣлъ на Китарры, какъ на великаго техника и, пользуясь пріѣздомъ его въ Петербургъ, пригласилъ его къ себѣ въ интендантство, для рѣшенія спора, возбужденнаго въ нашей пріемной коммисіи о достоинствѣ сапожнаго товара. Въ присутствіе принесено было нѣсколько сортовъ товара и собрались: я, помощникъ мой Комаровскій, предсѣдатель пріемной коммисіи ген.-маіоръ Штокмаръ, членъ пріемной коммисіи со стороны интендантства, состоявшій тогда при мнѣ по особымъ порученіямъ, полковникъ Плеске, начальникъ вещеваго отдѣленія полковникъ Еремѣевъ; кажется, былъ и главный смотритель склада полковникъ Губинъ и знатокъ сапожнаго товара, состоявшій тогда при интендантствѣ, поручикъ Максимовъ, когда-то бывшій при мнѣ батальоннымъ каптенармусомъ въ учебномъ саперномъ батальонѣ. До прибытія Китарры Максимовъ объяснилъ намъ всѣ достоинства и недостатки принесеннаго товара, показалъ наглядные признаки, по которымъ можно отличить воловій товаръ отъ конины, дубильную выдѣлку отъ купоросной и когда явился Китарры, то онъ поразилъ насъ полнымъ своимъ невѣжествомъ; онъ не могъ отли-

чить купоросную выдѣлку отъ дубильной, недостатками считалъ такія пятнышки, на которыя не слѣдовало и вниманія обращать, а въ чистомъ бракѣ находилъ достоинства. Тутъ я уже потерялъ всякое довѣріе и уваженіе къ Китарры, какъ къ технику, но въ подтвержденіе своего мнѣнія, пользуясь тѣмъ, что полковникъ Плеске имѣлъ обширное знакомство въ городѣ, просилъ его собрать свѣдѣнія о Китарры въ ученыхъ кружкахъ, особенно между профессорами технологическаго института, и Плеске привезъ мнѣ общіе отзывы о Китарры, что это личность словъ, а не дѣла.

Въ майской книжкѣ «Военнаго Сборника» 1865 года Китарры помѣстилъ фантазіи свои о пріемѣ и раздачѣ сапожнаго товара въ нашихъ войскахъ. Въ іюльской книжкѣ того же журнала я опровергалъ предположенія Китарры. Въ сентябрьской книжкѣ Китарры раздражительно возражалъ мнѣ; тогда въ декабрьской книжкѣ я привелъ такіе доводы, что Китарры замолчалъ; только декабрьская статья была не за моей подписью: я не хотѣлъ вступать въ журнальную полемику съ Китарры и статья та была за подписью пріятеля моего генералъ-маіора Дихеуса. Московскій интендантъ Брискорнъ не то что говорилъ, а какъ бы жаловался мнѣ, что Китарры, какъ предсѣдатель московской пріемной коммисіи, держалъ себя безтактно, а живетъ роскошно, на какія средства—неизвѣстно. Изъ Динабурга тогда передавали мнѣ, что командированный туда Китарры, для осмотра интендантскаго склада, цѣлые дни бражничалъ съ главнымъ смотрителемъ склада. При первомъ знакомствѣ со мной, Китарры говорилъ мнѣ, что не можетъ уважать Устрялова, зная его недавнія коммисаріатскія продѣлки, а потомъ заискивалъ въ Устряловѣ и сдружился съ нимъ.

Состоявшій при военномъ министрѣ генеральнаго штаба полковникъ, впослѣдствіи ген.-маіоръ, Аничковъ выдавалъ себя за человѣка вліятельнаго; многіе вѣрили ему и ухаживали за нимъ; онъ дѣйствительно почти каждый день бывалъ у Д. А. Милютина и могъ найти случай замолвить о комъ-нибудь доброе или злое слово; но самъ Д. А. Милютинъ говорилъ мнѣ, что Аничковъ мастеръ редактировать данные ему матеріалы, но своего мнѣнія онъ не имѣетъ и никакого дѣла самостоятельно вести не можетъ. Аничковъ постоянно нуждался въ деньгахъ....

IV.

Высочайшимъ приказомъ, въ 1-й день апрѣля 1865 года, К. П. Кауфманъ назначенъ виленскимъ генералъ-губернаторомъ и командующимъ войсками виленскаго военнаго округа.

Порадовавшись назначенію Кауфмана за него самаго, за край, и вообще за русское дѣло, я подумалъ и о себѣ; я хорошо понималъ, что съ отъѣздомъ Кауфмана интриги Устрялова усилятся; я зналъ, что въ интендантскомъ вѣдомствѣ число сторонниковъ Устрялова возрастаетъ; я зналъ, что многіе изъ тѣхъ, которые въ первое время, боясь новыхъ порядковъ, дѣйствовали робко, а теперь, видя надъ собою только Устрялова и никого другаго, будутъ дѣйствовать рѣшительнѣе, по старой коммисаріатско-провіантской системѣ, и утромъ 19-го апрѣля послалъ Кауфману записку слѣдующаго содержанія:

„Прошу васъ, Константинъ Петровичъ, передать военному министру, что я не могу служить кое-какъ; покуда служу, я всею душою преданъ службѣ и, по мѣрѣ силъ и способностей своихъ, желаю быть полезнымъ для службы; но я совершенно парализованъ и въ настоящемъ положеніи рѣшительно не могу оставаться.

„Годъ назадъ, мнѣ объявлено было, что второстепенное мѣсто въ интендантствѣ мнѣ даютъ только до 17-го апрѣля; это не было секретомъ, въ доказательство привожу то, что меня болѣе всего мучитъ, это возгласы всѣхъ меня знающихъ, при каждой встрѣчѣ: „Когда же будетъ ваше назначеніе?“ Какъ зажать имъ рты?

„Нынѣшніе окружные интенданты всѣ были повышены настоящимъ назначеніемъ, а я скорѣе на оборотъ, даже содержаніе получаю сравнительно менѣе, чѣмъ прежде получалъ, а усилить содержаніе, частнымъ трудомъ, какъ прежде дѣлывалъ, не могу, за недостаткомъ времени, слѣдовательно, я долженъ былъ подвергнуть нѣкоторымъ лишеніямъ и семейство свое.

„Если не признаютъ меня способнымъ къ высшему назначенію, или имѣютъ въ виду другаго, то прошу прямо объявить; я никого, ни одной минуты не буду тяготить собою и уйду. Повторяю, не могу выносить долѣе настоящаго положенія, особенно въ виду вашего отъѣзда“.

Съ тѣмъ же посланнымъ К. П. Кауфманъ прислалъ записку, что вечеромъ увидится съ Д. М. Милютинымъ, но какъ отвѣтъ можетъ быть длиненъ, а писать ему некогда, то онъ проситъ зайти къ нему завтра утромъ. На другой день я засталъ у Кауфмана чиновника канцеляріи министерства, котораго и прежде часто видѣлъ и, кажется, Мордвинова, хорошо не помню; ген. Кауфманъ, не стѣсняясь ихъ присутствіемъ, какъ и всегда любилъ говорить на распашку, сказалъ мнѣ: «ваша записка осталась у

Д. А. Милютина; онъ подтвердилъ мнѣ, что осенью, по открытіи 4-хъ военныхъ округовъ на окраинахъ Россіи, вы будете назначены генералъ-интендантомъ и при этомъ г. Милютинъ особенно просилъ, чтобы съ отъѣздомъ моимъ, вы обращались къ нему, точно также, какъ до сего времени обращались ко мнѣ».

1-го мая, по случаю 20-го дня кончины наслѣдника цесаревича Николая Александровича, въ Исаакіевскомъ соборѣ было торжественное служеніе. Выходя изъ собора, на паперти, военный министръ сказалъ мнѣ, что желаетъ переговорить со мной и просилъ, чтобы я когда-нибудь зашелъ къ нему.

2-го мая, въ воскресенье, я явился къ Д. А. Милютину; онъ очень любезно встрѣтилъ меня; онъ давно обращался ко мнѣ по имени и отчеству, и сказалъ, что новое назначеніе мое можетъ состояться къ осени, что ранѣе этого нельзя, потому что скоро должны открыться четыре новые округа и пусть Устряловъ докончитъ эти преобразованія, иначе неуспѣхъ въ этомъ дѣлѣ онъ будетъ приписывать тому, что не умѣли взяться за дѣло. Потомъ г. Милютинъ сказалъ: «вы вѣроятно слѣдите за всѣмъ, что дѣлается въ интендантствѣ; пожалуйста, подѣлитесь со мной всѣмъ, что вы знаете, какъ вы дѣлились съ Константиномъ Петровичемъ». Я прямо и началъ разсказывать, что Устряловъ, вопреки цѣли учрежденія округовъ, вопреки духа положенія объ интендантствѣ, не только не заботится о децентрализаціи, но, напротивъ, усиленно, настойчиво поддерживаетъ централизацію; онъ даже стѣсняетъ интендантство въ выборѣ чиновниковъ, отсюда указывается кого и на какую должность назначить; въ округѣ соблюдается формальность, оттуда идетъ представленіе и чиновники, болѣе чѣмъ сомнительные, получаютъ въ провинціи видныя мѣста; что въ самомъ главномъ интендантскомъ управленіи дѣла ведутся въ страшномъ безпорядкѣ; Устряловъ тамъ не бываетъ, а чиновники являются туда, какъ кому вздумается; виленскій интендантъ жаловался мнѣ, что по 3 мѣсяца не отвѣчаютъ на самые обыкновенные запросы; московскій интендантъ говорилъ, что только названіе перемѣнилось, а дѣла идутъ по старому; изъ Кіева друзья мои пишутъ, что темныя дѣла въ интендантствѣ далеко превзошли старые грѣхи, да тамъ и не вѣрятъ въ возможность перемѣны».

Д. А. Милютинъ отвѣчалъ, что очень прискорбно слушать все это и къ сожалѣнію онъ долженъ сказать, что въ родѣ этого есть

безпорядки и по другимъ отдѣламъ управленія министерствомъ, даже по медицинскому департаменту.

И на это я напрямикъ отвѣтилъ, что вѣдь не секретъ, въ публикѣ давно извѣстно, что въ обоихъ медицинскихъ департаментахъ, и въ военномъ и въ гражданскомъ, всѣ мѣста на откупу: не только значительное мѣсто, но и второстепенное, безъ денегъ трудно получить.

Ген. Милютинъ подтвердилъ словами: «да, да». Затѣмъ г. Милютинъ повторилъ просьбу свою, чтобы я дѣлился съ нимъ своими мыслями, какъ дѣлился съ ген. Кауфманомъ и чтобы я былъ къ нему точно въ такихъ же отношеніяхъ, какъ былъ къ Кауфману. При уходѣ моемъ онъ сказалъ: «когда вы вздумаете побывать у меня, то, чтобы знать навѣрное время, когда удобнѣе намъ переговорить, пришлите записочку наканунѣ; я знаю, что вамъ время дорого, также какъ и мнѣ».

V.

Весь 1865 годъ и начало 1866-го я велъ дѣла своего интендантства и готовился быть генералъ-интендантомъ.

Собственно по окружному интендантству ежедневно обращающихся бумагъ стало не болѣе 200, почти по ровну, по сотнѣ, входящихъ и исходящихъ бумагъ; добрая половина бумагъ прямо прикладывалась къ дѣлу; это были или увѣдомленія о полученіи денегъ и вещей, или препроводительныя бумаги съ напечатаннымъ текстомъ. Во время присутствія, съ 10 часовъ утра до 3 часовъ дня, можно было оканчивать всѣ дѣла по интендантству; чиновникамъ не было надобности брать съ собой дѣла на квартиру и это было запрещено. Я тогда же пришелъ къ убѣжденію, что штаты окружнаго управленія составлены слишкомъ широко, не въ отношеніи окладовъ содержанія, но по числу чиновъ, и что впослѣдствіи можно будетъ понемногу сокращать штаты и чрезъ то увеличить содержаніе чиновъ. Но пользуясь правомъ своимъ, держалъ тогда большой контингентъ сверхштатныхъ чиновъ, или чиновниковъ для усиленія штатовъ; они, не получая содержанія, числились на службѣ; ихъ было при мнѣ 20 человѣкъ, 10 военныхъ офицеровъ и 10 чиновниковъ. Въ то время еще числилось у меня 86 кандидатовъ для поступленія въ интендантство; я самъ никого изъ

нихъ не обнадеживалъ, но они вѣровали въ то, что я приму ихъ, когда буду генералъ-интендантомъ. Въ числѣ 86 кандидатовъ было: офицеровъ: генеральнаго штаба 8, инженерныхъ 11, артиллерійскихъ 7, пѣхотныхъ и кавалерійскихъ, гвардейскихъ и армейскихъ 25 и чиновниковъ 35.

Заботясь о подготовленіи интендантскихъ чиновъ для военнаго времени, я ввелъ такое распредѣленіе занятій между чиновниками интендантства, которое давало возможность, во всякое время, отдѣлить отъ интендантства въ дѣйствующую армію, безусловно, третью часть чиновъ и не по личному выбору интенданта, а по списку: перваго, втораго или третьяго.

При мнѣ всѣ дѣла раздѣлены были на два главные отдѣла: на дѣла по довольствію войскъ и на дѣла общаго производства. Для дѣлъ по довольствію войскъ введена была одна общая опись по всему окружному интендантскому управленію. Описью служила печатная вѣдомость всѣмъ полкамъ, командамъ и управленіямъ, получавшимъ довольствіе отъ окружнаго интендантства. Дѣло о довольствіи каждаго полка велось подъ однимъ и тѣмъ же № во всѣхъ отдѣленіяхъ интендантства и въ интендантскомъ складѣ. Въ случаѣ перехода полка въ другой округъ, или по окончаніи года, для сдачи дѣла въ архивъ, изъ всѣхъ трехъ отдѣленій составляется одно дѣло подъ тѣмъ же №, о полномъ довольствіи полка за такой то годъ. Полкамъ и командамъ сообщено было подъ какимъ № ведется въ интендантствѣ дѣло о довольствіи ихъ, и въ случаѣ справокъ они прямо спрашивали № своего дѣла.

Къ дѣламъ общаго производства относилось: заготовленіе вещей и продовольственныхъ продуктовъ, подряды, торги, перевозка и проч. Описи этимъ дѣламъ велись по отдѣленіямъ. Въ каждомъ отдѣленіи, всѣ столы имѣли однородныя занятія, т. е. каждый столоначальникъ имѣлъ опредѣленное число дѣлъ по довольствію войскъ и общаго производства. Такимъ образомъ, въ округѣ состояло на довольствіи 501 команда, изъ нихъ, напримѣръ, въ 3-мъ денежномъ отдѣленіи, въ каждый столъ поступило на довольствіе по 167 командъ и столоначальникъ завѣдывалъ довольствіемъ опредѣленнаго числа командъ, по всѣмъ денежнымъ отпускамъ, жалованьемъ, столовыми, прогонными, квартирными, суточными, на канцелярскіе расходы и проч.; всѣ три столоначальника и три ихъ помощника занимались однимъ и тѣмъ же дѣломъ, только съ разными командами. Въ 1-мъ вещевомъ отдѣленіи и во 2-мъ продовольственномъ отдѣленіи, каждый столоначальникъ имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи опредѣленное число командъ по довольствію ихъ вещами или продуктами и опредѣленное число подрядныхъ и другихъ дѣлъ. Каждый столоначальникъ знакомился со всѣми дѣлами, производимыми въ отдѣленіи и со временемъ могъ сознательно управлять цѣлымъ отдѣленіемъ.

Въ упраздненномъ коммисаріатско-провіантскомъ вѣдомствѣ каждый столоначальникъ имѣлъ отдѣльное, опредѣленное занятіе, каждый столъ имѣлъ особое названіе, жалованный, прогонный, заготовительный, перевозочный и проч.; по каждой отрасли тѣхъ вѣдомствъ выработывались чиновники спеціалисты. Это ставило цѣлое управленіе или начальника его въ зависимость отъ чиновника спеціалиста; начальникъ, дорожа чиновникомъ спеціалистомъ,

могъ задержать дальнѣйшій ходъ его по службѣ, или могъ терпѣть на службѣ чиновника съ нравственными недостатками, если онъ въ то же время дѣлецъ и если съ удаленіемъ его могло остановиться дѣлопроизводство.

Дальнѣйшее развитіе моей системы заключалось въ томъ, чтобы чиновники, послѣ нѣкотораго времени занятія въ одномъ отдѣленіи, были переводимы въ другое отдѣленіе; были командируемы по разнымъ порученіямъ, были назначаемы смотрителями вещевыхъ и провіантскихъ магазиновъ и проч. Этимъ средствомъ можно вѣрнѣе опредѣлить способности чиновника, избѣгнется однообразіе въ занятіяхъ, доводящее до апатическаго состоянія и въ мирное время будутъ вырабатываться свѣдущіе интендантскіе офицеры для полеваго интендантства.

Это скромное нововведеніе, противурѣчившее принципамъ коммисаріатскимъ, не нравилось Устрялову, но онъ не могъ помѣшать ему, оно не выходило изъ внутреннихъ распорядковъ окружнаго управленія, а чтобы сильнѣе убѣдить Устрялова и главное управленіе, что окружное интендантство составляетъ часть войскъ округа, а не часть министерства, я выхлопоталъ, что интендантству назначили опредѣленное мѣсто на выходахъ во дворцѣ, рядомъ съ окружнымъ штабомъ, и объявлено было приказаніе, чтобы интендантскіе чины представлялись великому князю во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда представлялись строевые офицеры.

Въ первый годъ своего интендантствованія я былъ такъ счастливъ, что на себѣ вынесъ первыя нападенія татариновскаго контроля. Первыя проявленія дѣятельности новаго контроля нельзя назвать иначе, какъ нападеніемъ на петербургское интендантство; я не преувеличиваю; десятки лицъ, подвергшіяся одной участи со мной, подтвердятъ слова мои. Единство кассы и новый контроль въ 1865 году введены были только въ Петербургѣ, а съ 1866 года должны были войти въ дѣйствіе и повсемѣстно въ Россіи, и потому въ 1865 году, при петербургской контрольной палатѣ учреждена была какъ бы школа для контрольныхъ чиновниковъ. Старательные ученики, желая скорѣе получить аттестатъ зрѣлости и мѣсто въ провинціи, проявляли свое усердіе на сосѣдѣ своемъ петербургскомъ интендантствѣ. Контроль сначала присылалъ мнѣ десятки протестованныхъ имъ статей, я отписывался; онъ сталъ высылать сотни статей, и отъ сотень я отписывался, но по мѣрѣ усиленія контрольной школы, приливомъ туда новыхъ лицъ, жаждавшихъ службы по контролю,—увеличивалось число получаемыхъ мною протестованныхъ статей. Получивъ ихъ въ одну недѣлю болѣе

тысячи, я пересталъ отвѣчать. Контроль жаловался на меня военному министру, министръ потребовалъ отъ меня личнаго объясненія и тутъ, впервые, мое мнѣніе раздѣлилъ Устряловъ, чтобы вмѣсто переписки съ контролемъ, допустить контрольныхъ чиновниковъ въ интендантство, чтобы они сами дѣлали нужныя имъ справки въ дѣлахъ. Этимъ я достигъ двухъ цѣлей: избавился отъ безполезной переписки и придалъ дѣламъ своимъ нѣкоторую гласность, чего я постоянно усердно добивался.

Множество изъ опротестованныхъ контролемъ статей заключалось въ слѣдующемъ: законъ указывалъ, чтобы при выдачѣ увеличеннаго содержанія лицу, къ ассигновкѣ прикладывалась копія съ высочайшаго повелѣнія, на основаніи котораго производится усиленное содержаніе. Но къ чинамъ военнаго вѣдомства это не примѣнимо: въ одномъ приказѣ, 17-го апрѣля или 30-го августа, сотни офицеровъ повышались въ чинахъ и, слѣдовательно, надобно было прилагать сотни копій съ одного и того же приказа, и потому интендантство ссылалось только на тотъ приказъ, а новички контрольные чиновники требовали буквальнаго исполненія закона.

Было много и весьма дѣльныхъ замѣчаній со стороны контроля, но, къ сожалѣнію, замѣчанія не принесли пользы; они влекли за собой общій пересмотръ законоположеній, къ чему еще не прикасались.

Былъ еще сосѣдъ, болѣе близкій чѣмъ контроль, за то и болѣе надоѣдавшій—это военно-окружной совѣтъ. Предсѣдателемъ совѣта былъ тогда помощникъ великаго князя генералъ-адъютантъ Бюллеръ; членами—начальники въ округѣ: штаба, послѣ графа Бреверна де-Лагарди, — генералъ-адъютантъ Альбединскій, артиллеріи – генералъ-адъютантъ Виламовъ, инженеровъ, послѣ генералъ-маіора Тилло, — генералъ-маіоръ Васильевъ, мѣстныхъ войскъ — генералъ-лейтенантъ Швебсъ; окружной военно-медицинскій инспекторъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Ритеръ; членъ отъ военнаго министерства дѣйствительный статскій совѣтникъ Саломе, я и дѣлопроизводитель статскій совѣтникъ Кастенъ. Совѣтъ собирался разъ въ недѣлю, а иногда и два раза въ недѣлю, всегда въ мундирахъ, не знаю почему; засѣданіе начиналось въ 11 часовъ утра и продолжалось два, три и даже четыре часа. Не помню ни одного засѣданія, въ которомъ были бы всѣ члены на лицо; рѣже всѣхъ являлись начальникъ штаба и медикъ; постоянно были:

предсѣдатель, Саломе и я, не потому, что совѣтъ собирался въ зданіи интендантства, а потому что я не хотѣлъ ничѣмъ манкировать, тянулъ лямку до конца. Обыкновенно въ одномъ засѣданіи разсматривались два, три доклада, но въ послѣднихъ двухъ засѣданіяхъ въ моемъ присутствіи, на прощаніе со мной, 20-го и 21-го іюля 1866 года, разсмотрѣно по 10 докладовъ.

Послѣ первыхъ мѣсяцовъ своего существованія, военно-окружной совѣтъ потерялъ значеніе; всѣ члены его считали одною изъ тяжелѣйшихъ своихъ обязанностей являться въ совѣтъ, а когда стали выходить кассированія постановленій окружнаго совѣта, то обидно было приходить въ совѣтъ. Вмѣсто того, чтобы постановленіе окружнаго совѣта непосредственно разсматривать въ военномъ совѣтѣ, приглашая туда того начальника главнаго управленія, по вѣдомству котораго шелъ докладъ, постановленіе окружнаго совѣта передавалось на предварительное заключеніе подлежащаго главнаго управленія, и коллегіальное рѣшеніе представителей власти въ округѣ подвергалось разсмотрѣнію столоначальника и начальника отдѣленія въ главномъ управленіи. При составленіи положенія объ округахъ, главное достоинство окружной системы находили въ децентрализаціи управленія и военная газета тогда на всѣ лады распѣвала, что основная мысль децентрализаціи вполнѣ осуществилась военно-окружнымъ совѣтомъ, а на самомъ дѣлѣ совѣтъ этотъ былъ приниженъ, поставленъ какъ бы въ подчиненное отношеніе къ каждому главному управленію; онъ обратился въ лишнюю канцелярную станцію, въ лишній тормазъ для окружнаго управленія. Собственною властью окружной совѣтъ сталъ разрѣшать только то, что начальникъ отдѣла окружнаго управленія долженъ бы былъ приводить въ исполненіе своею властью, но изъ боязни отвѣтственности, прикрывался коллегіальнымъ учрежденіемъ, а все то, что превышало власть начальника отдѣла въ округѣ, не бралъ на свою отвѣтственность и окружной совѣтъ и дѣла тормозились: я могъ бы привести доказательство тому, что при обыкновенныхъ моихъ докладахъ въ окружной совѣтъ, отъ моего подписанія доклада до окончательнаго рѣшенія окружнаго совѣта проходилъ мѣсяцъ, затѣмъ докладъ залеживался въ главномъ интендантскомъ управленіи мѣсяца два, три и столько же въ военномъ совѣтѣ.

В. Д. Кренке.

(Окончаніе слѣдуетъ).

На рѣкѣ Черной въ Крыму

4-го августа 1855 г.

Въ статьѣ «Иванъ Петровичъ Голевъ», «Русская Старина», апрѣль 1881 г., вкралась ошибка зачисленіемъ въ число нынѣ живущихъ севастопольцевъ, бывшаго командира Украинскаго егерскаго полка Бельгарда.—Съ полковникомъ Бельгардомъ я познакомился наканунѣ сраженія при рѣкѣ Черной, у бывшаго командира Одесскаго егерскаго полка полковника Скюдери, стоявшаго накапунѣ боя на Мекензіевыхъ горахъ, гдѣ былъ собранъ мостовой паркъ, порученный мнѣ по служенію моему тогда въ саперахъ во 2-мъ саперномъ баталіонѣ, командуемомъ полковникомъ Шестаковымъ. Какъ къ старому своему знакомому, прибывши въ полдень на Мекензіеву гору, часу въ 7-мъ, пришелъ я къ Скюдери; передъ палаткою его играла музыка и сидѣло много офицеровъ на походныхъ стульяхъ.—Скюдери представилъ меня Бельгарду.—Общій разговоръ безъ сомнѣнія былъ о будущемъ днѣ 4-го августа. За нѣсколько дней передъ моимъ съ Бельгардомъ знакомствомъ, онъ только что принялъ Украинскій полкъ; кто то изъ присутствовавшихъ обратился къ Бельгарду со словами: «а вѣдь, полковникъ, съ васъ надобно было бы стянуть калымъ, за новоназначенное полководство?» Бельгардъ отвѣчалъ: «охотно, охотно исполню; задамъ пиръ на весь міръ, когда побьемъ французовъ завтра; я крѣпко увѣренъ, что сядемъ имъ на шею и протуримъ ихъ во свояси».—Скюдери, всегда говорливый, молча приподнялъ фуражку, поправилъ свои густые курчавые волосы, едва сквозь зубы проговорилъ: «давай-то Богъ!» и, промолчавъ нѣсколько, обратился къ намъ, говоря: «кому пиръ, а кому миръ, сыграйте музыканты что либо изъ «Фенелы». Я былъ позванъ къ своему командиру и, прощаясь съ компаніею, пожелалъ всѣмъ быть на пиру Бельгарда.

Миновавъ подробности о дѣлѣ 4-го августа 1855 г., при рѣкѣ Черной, дорого намъ стоющее, объясняющее устами французовъ двуфразно—«дурно поведено и дурно исполнено» — перейду прямо со своимъ мостовымъ матеріаломъ къ рѣкѣ Черной, гдѣ мнѣ слѣдовало снять съ телѣгъ матеріалъ, перенести черезъ рѣку Черную и за нею устроить мосты на доковомъ каналѣ для провоза артиллеріи.—Командиръ мой, пожелавъ участвовать въ дѣлѣ лично съ выступленія въ бой, со взводомъ моей саперной роты и частью мостового матеріала присоединился къ 7-й дивизіи, пошедшей вправо. я же остался въ центрѣ позиціи, слѣдуя по пятамъ 12-й дивизіи. Приказавъ людямъ снять мостовой матеріалъ, самъ перешелъ по трактирному каменному мосту р. Черную, направился вдоль доковаго канала, чтобы высмо-

трѣть мѣста, удобныя къ постройкѣ мостовъ чрезъ доковый каналъ. Обстоятельство это меня безпокоило тѣмъ, что я, имѣя на своей отвѣтственности такое важное въ бою дѣло, положительно не спабженъ былъ никакими свѣдѣніями: ни въ отношеніи пространства, отдѣляющаго доковый каналъ отъ рѣки Черной, ни въ отношеніи крутостей за нимъ Өедюхиныхъ высотъ, ни въ отношеніи даже пройденной рѣчки Черной: ея ширины, глубины—отпущенъ былъ съ совершенными потемками. — Простительно это въ странѣ чужой, но непростительно въ своей, въ особенности, когда проводя доковый каналъ, строители его должны были не только выходить всякое мѣстечко, но и узнать сосѣдство.

Лишь только я съ двумя унтеръ-офицерами подошелъ къ доковому каналу, тотчасъ налетѣлъ на меня какой то пѣхотный всадникъ, не важнаго чина, съ словами: «вотъ ваши мостики, взгляните! это насмѣшка, это позоръ! Видите, какъ гибнутъ люди!» Пораженный неистовымъ нападеніемъ, не зная причины, поспѣшилъ взглянуть, какіе это мостики внезапно перелетѣли и меня опозорили. Оказалось: въ виду переправы пѣхоты чрезъ доковый каналъ артиллерійскимъ генераломъ Кишинскимъ предложены были лѣстницы, употребляемыя въ войнѣ кавказской. — Лѣстницы эти розданы были въ полки съ приказаніемъ, подойдя къ доковому каналу, установивъ одинъ конецъ ея на берегу, перебросить другой на противуположную сторону, затѣмъ переходить чрезъ этотъ ажурный мостикъ въ виду продольнаго огня съ сардинскихъ батарей! Для удобства ихъ переноски они сдѣланы были весьма деликатно. Столпившіеся солдаты представляли удобную мишень непріятелю. Пѣхотный всадникъ не попалъ на виновнаго. Взглянувъ на это несчастное событіе, отвѣчалъ ему: «вполнѣ раздѣляю съ вами тяжелое чувство, но вина ко мнѣ не относится: я пирожникъ, свои пироги долженъ испечь единственно для артиллеріи, вполнѣ убѣжденъ, что они будутъ переваримы артиллеріею; теперь же совѣтую, освободя инженерное вѣдомство, ни въ чемъ здѣсь неповинное, поискать того сапожника, который напекъ вамъ пироги несваримые».

Осмотрѣвъ позицію, возвратился къ своему дѣлу; на пути встрѣтилъ уже весь свой отрядъ, несшій на головахъ своихъ щиты толщиною въ 4 вершка и длиною въ ширину канала, натурально длиннѣе его ширины. Разместивъ мосты по мѣстамъ удобнымъ, гдѣ соображалась отлогость высотъ Өедюхиныхъ и весьма важныя при переправахъ площадки за переправою, занялся своимъ дѣломъ. Учащенные выстрѣлы рѣдѣли, крики ура! доносились до слуха, вдали было видно какъ обсыпаны были сардинскія батареи нашими солдатами,

предводимыми своими храбрыми командирами. Одесцы и украинцы взяли батарею и стихла свинцовая мятель, уложившая. на пути слѣдованія къ ней, груду тѣлъ егерской бригады 12-й дивизіи. Мимо меня пронесли раненаго картечью Скюдери; рука переломленная висѣла съ носилокъ, глаза были безжизненны. Полковникъ Бельгардъ палъ на мѣстѣ; вскорѣ прошелъ окровавленный начальникъ 12 пѣхотной дивизіи, генералъ Мартинау; тутъ же сигнальный рожокъ проигралъ отступленіе; я, приложась рукою къ козырку, спросилъ генерала о столь поспѣшной развязкѣ. Генералъ отвѣчалъ мнѣ: «отступайте». Какъ же быть съ мостовымъ матеріаломъ? «Оставьте его здѣсь!» Подъ генераломъ Мартинау убита была лошадь. Впослѣдствіи, какъ говорятъ, отступленіе проигралось намъ французами, съ отчетливымъ исполненіемъ. По всему было видно, что они придумали всѣ способы, зная напередъ о неминуемой нашей атакѣ.

Лучшимъ тому доказательствомъ было то, что я встрѣтилъ свѣжехонькое мостовое укрѣпленіе впереди каменнаго моста, у котораго не былъ еще оконченъ одинъ эполементъ—дорога завалена зря толстыми деревьями. Затѣмъ рѣка Черная, выше моста и ниже, была углублена, и переходящіе солдаты чрезъ нее, идя въ атаку, имѣя сумы патронныя сзади — полагаю, что не были предупреждены приподнять ихъ на голову. Но это не утверждаю, на вопросы же оставшимся въ живыхъ—не получалъ отчетливаго сказанія.

Поневоли вспомнишь напечатанную въ «Русской Старинѣ» пѣсеньку графа Л. Н. Толстаго:

Какъ 4-го числа
Насъ нелегкая несла
Горы забирать!
Отправлялись князья, графы,
А за ними топографы
Горы обзирать! и т. д.

. . . .

Много протекло времени, многаго не перескажешь, но 4-го августа смело со свѣта чуть ли не девять тысячъ, а кого винить?—Вини Реада, виною которому отнести можно то только, что онъ повелъ во вторичную атаку, по полкамъ, 5 пѣхотную дивизію, сначала егерскую бригаду, а послѣ дополнилъ атаку Вологодскимъ полкомъ.— Что это значило въ виду того, что повсемѣстно всюду уже по всей линіи сдѣлано было отступленіе? одна 5-я дивизія оставалась въ долинѣ Волчьяго яра, 4-я дивизія не подошла съ Мекензіевыхъ высотъ. Возможно ли было требовать отъ 3-хъ полковъ того, что было въ первую атаку едва ли достаточнымъ для 2-хъ дивизій?—Послѣ перваго отступленія, я со своею командою, найдя начальство, обратился къ

нему съ вопросомъ къ генералу Веймарну: какъ мнѣ быть? нужно ли слѣдовать за 5-ю дивизіею? разсказавъ ему причину моего вопроса. Генералъ Веймарнъ, начальникъ штаба г. Реада, отвѣтилъ мнѣ: «будьте на готовѣ, наблюдайте за ходомъ атаки».—Вскорѣ и этой благородной личности не стало, онъ повелъ Галицкій полкъ и погибъ сраженный штуцерною пулею. — Дѣйствительно, мнѣ пришлось не только наблюдать, но и видѣть многое. Въ недалекѣ отъ меня стоялъ весь штабъ генерала Реада. Подскакавшій къ нему квартирмейстеръ 5-й дивизіи генеральнаго штаба капитанъ Кузьминъ—видя перебитыхъ три полка своей дивизіи—произнесъ генералу Реаду:—«Прикажете, ваше высокопревосходительство, израсходовать послѣдній полкъ Владиміра Александровича?» Не успѣлъ докончить послѣднихъ словъ своихъ Кузьминъ, какъ лопнула граната между головою лошади генерала Реада и сняла генералу Реаду черепъ, ранивъ тутъ же лошадь капитана Кузьмина, всадивъ и ему кусокъ кости черепа генерала Реада—на память.

Главный олицетворитель чернорѣченскаго дѣла, генералъ баронъ Вревскій, закончилъ всю эту печальную драму своею смертью; затѣмъ ударили отбой.

А. Полторацкій.

P. S. Украинскій, Одесскій полки составляли егерскую бригаду 12-й дивизіи; Азовскій и Днѣпровскій—мушкатерскую бригаду той же дивизіи.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ КЁЛЕРЪ,

ПРОФЕССОРЪ ЖИВОПИСИ.

1826—1882.

Четырнадцать лѣтъ тому назадъ, при составленіи програмы „Русской Старины“, мы посвятили въ ней особый отдѣлъ запискамъ, автобіографіямъ и жизнеописаніямъ отечественныхъ художниковъ, приглашая потомковъ или близкихъ знакомыхъ таковыхъ о сообщеніи намъ, какъ подлинныхъ записокъ самыхъ дѣятелей, такъ и біографическихъ о нихъ свѣдѣній. Нашъ призывъ не остался безъ отголоска и въ теченіе тринадцати лѣтъ отдѣлъ програмы, на который мы разсчитывали, можетъ быть, менѣе нежели на прочіе, образовалъ цѣлую литературу. Заботясь о сохраненіи въ памяти потомства біографическихъ подробностей о русскихъ художникахъ, уже окончившихъ земное свое поприще, мы обращались и къ дѣятелямъ живымъ, уже снискавшимъ себѣ болѣе или менѣе громкую извѣстность, прося ихъ сообщать намъ ихъ автобіографическіе разсказы, хотя бы въ набраскахъ или даже—устные. Какъ ни трудно было, въ послѣднемъ случаѣ, одолѣть скромность—чуть ни застѣнчивость, свойственную истинному дарованію вообще, русскому—въ особенности, однако же нѣкоторые изъ нашихъ именитыхъ художниковъ, сдаваясь на наши просьбы, украсили наше изданіе разсказами объ ихъ юности и первыхъ шагахъ на прославившемъ ихъ поприщѣ. Не говоря о цѣломъ рядѣ отечественныхъ композиторовъ и сценическихъ артистовъ, мы только

напомнимъ читателямъ о біографахъ замѣчательнѣйшихъ представителей русской живописи, зодчества, гравировальнаго и медальернаго искусствъ. Въ теченіе первыхъ тринадцати лѣтъ на страницахъ „Русской Старины“ были напечатаны записки и автобіографіи: графа Ө. П. Толстаго, Ө. Г. Солнцева, А. В. Витберга, И. К. Айвазовскаго, Л. А. Сѣрякова, И. П. Пожалостина, И. А. Голышева; біографіи: П. А. Өедотова, А. Г. Венеціанова, Т. Г. Шевченки; очеркъ „Русскіе художники въ Римѣ“ и др. Русскій художественный міръ далъ представителей изъ всѣхъ сословій общества—отъ графа до простолюдина. Повинуясь голосу истиннаго призванія, покойный графъ Ө. П. Толстой отрекся отъ служебной карьеры и отъ большаго свѣта, которому принадлежалъ по происхожденію и образованію и посвятилъ себя всецѣло искусству, возвысивъ въ своемъ лицѣ какъ искусство, такъ и самое званіе художника. То же призваніе и талантъ вызываютъ изъ темной народной семьи Л. А. Сѣрякова, И. П. Пожалостина, И. А. Голышева... Въ сынѣ небогатаго, скромнаго торговца является И. К. Айвазовскій; въ бѣдномъ, загнанномъ кантонистѣ воскресаетъ нашъ единственный ксилографъ—Сѣряковъ; самоучка Голышевъ, академикъ Пожалостинъ—дѣти народа! Жизнь каждаго изъ нихъ, помимо общечеловѣчнаго и культурнаго интереса—назидательна, какъ руководство для каждаго, сознающаго въ себѣ божественную искру художественнаго дарованія, влекущаго его на поприще блестящее, хотя и тернистое.

Теперь мы представляемъ читателю біографическій очеркъ, на собственныхъ разсказахъ самаго художника основанный и подъ его руководствомъ и редакціею нами изложенный. Этотъ художникъ — уважаемый профессоръ Иванъ Петровичъ Кёлеръ. Уроженецъ Лифляндіи, мастерски владѣющій кистью,—Иванъ Петровичъ вполнѣ нашъ, русскій художникъ, членъ русской семьи, по духу и чувствамъ, какъ его родина—неотъемлемая часть Россіи, припаянная къ имперіи кровью борцовъ великой Сѣверной войны; кровью мученика Паткуля; службою Россіи цѣлаго сонма мужей государственныхъ, уроженцевъ Лифляндіи, между которыми находимъ многихъ сподвижниковъ Петра, Екатерины, Александра и Николая. Имя Кёлера, какъ художника, безъ сомнѣнія, займетъ страницу въ исторіи русской живописи; но, помимо того, оно за-

служиваетъ мѣста въ исторіи Прибалтійскихъ окраинъ Россіи, какъ имя поборника и защитника тамошней младшей братіи....

Нѣтъ сомнѣнія, что имя Кёлера, не только какъ наилучшаго въ современной Россіи портретиста-художника, но и какъ общественнаго эстонскаго дѣятеля, не угаснетъ безслѣдно.

— „Закончу мой разсказъ“, говорилъ покойный Л. А. Сѣряковъ [1]) — „повтореніемъ непреложной истины, извѣданной опытомъ всей моей жизни, что трудомъ, терпѣніемъ и энергіей всегда можно достигнуть разъ предположенной цѣли, въ особенности, если эта цѣль—служеніе на поприщѣ художествъ и искусства“.

Жизнь Ивана Петровича Кёлера, до настоящей минуты, можно назвать подтвержденіемъ этихъ словъ, которыя должны быть лозунгомъ каждаго истиннаго художника.

Ред.

I.

Дѣтство и отрочество.—Характеристика отца и матери.—Школа.—Жизнь на мызѣ.—Первые художественные опыты.

1826—1839.

Иванъ Петровичъ Кёлеръ родился 24-го февраля 1826 года въ крестьянской семьѣ, на казенной мызѣ близь Феллина (Лифляндской губерніи). Семейство, кромѣ его, состояло изъ четырехъ сыновей и двухъ дочерей; отецъ и мать—честные, терпѣливые, трудолюбивые люди, въ цвѣтѣ лѣтъ и жизненныхъ силъ, довольствуясь немногимъ, не домогались бо̀льшаго—а потому и не вѣдали нищеты и крайности. Въ курной избѣ, въ грубомъ одѣяньи, питаясь плохимъ хлѣбомъ—родителямъ и дѣтямъ жилось не худо; трудъ въ перемежку съ отдыхомъ развивалъ въ нихъ тѣлесныя силы, не нагнетая на развитіе умственное. Грамотные родители, обучивъ чтенію старшихъ дѣтей, возлагали на нихъ обязанность передавать свое знаніе младшимъ. Старшая сестра Ивана Петровича, до пятилѣтняго его возраста, была его нянею и учительницею; на седьмомъ году онъ самъ былъ пѣстуномъ и учителемъ младшаго по себѣ ребенка. Черезъ годъ, тѣ-же обязанности

---

[1]) „Русская Старина“, изд. 1875 г. томъ XIV, стр. 515.

мальчикъ исполнялъ въ отношеніи къ своей малюткѣ-племянницѣ. Ни отъ кого изъ дѣтей своихъ отецъ и мать не требовали непосильныхъ работъ и никогда ни одинъ изъ нихъ не слышалъ отъ родителей грубаго слова. Отецъ не противорѣчилъ приказаніямъ матери; она, въ свою очередь, не выгораживала и не оправдывала дѣтей передъ отцомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они навлекали на себя, за какую-либо оплошность, или выговоръ, или замѣчаніе. Помня себя съ шестаго года, Иванъ Петровичъ за все время пребыванія своего въ родительскомъ домѣ не слыхалъ, что бы отецъ или мать когда нибудь сердились, или возвышали голосъ на дѣтей. Глубоко уважая память покойнаго своего отца, Иванъ Петровичъ съ особеннымъ чувствомъ благоговѣнія вспоминалъ и о своей доброй, безукоризненно нравственной и всегда справедливой матери. Строгая къ дѣтямъ, она не расточала безъ толку своихъ ласкъ и не часто наказывала дѣтей. Поэтому дѣти знали цѣну первымъ и сознавали значеніе вторыхъ. Шлепки, толчки и щипки были имъ невѣдомы; наказаніямъ тѣлеснымъ они почти не подвергались. Съ Иваномъ Петровичемъ эта непріятность случилась однажды за то, что онъ, вопреки запрещенію матери, откусилъ незрѣлый яблокъ, не срывая его, впрочемъ, съ дерева. Не въ оправданіе себѣ, а въ уясненіе сыну, добрая мать растолковала ему и нравственный вредъ непослушанія, и физическій вредъ отъ незрѣлыхъ плодовъ. А въ другой разъ этому-же наказанію подверглась и сестра Ивана Петровича, восьмилѣтняя дѣвочка. Здѣсь наказаніе имѣло въ основѣ мысль здравую и вполнѣ основательную. Дѣвочка купила себѣ у прохожаго разносчика за полторы копѣйки наперстокъ, хотя бывшій у нея былъ еще цѣлъ и годенъ. „Зачѣмъ же ты купила себѣ новый?“ спросила мать. „Цѣна твоей обновки ничтожна, правда; но пріучая себя къ безполезнымъ, грошовымъ затратамъ, ты, непримѣтно для себя самой, втянешься въ глупое мотовство... Трудовымъ грошемъ слѣдуетъ дорожить болѣе, нежели сотней рублей избалованной праздности“.

Тихо, мирно, однообразно, текла жизнь малютки Кёлера. Любя отца и мать, онъ полюбилъ трудъ и возненавидѣлъ праздность. Въ домашнемъ быту семейства Кёлеровъ соблюдался старинный, мѣстный обычай, садясь за трапезу читать молитву Господню и пѣть духовные гимны. Малѣйшая кроха хлѣба, уроненная на полъ, поднималась и, какъ бы для очищенія, прикладывалась къ

губамъ. Трудовая кроха имѣла какое-то религіозное значеніе въ глазахъ эстонцевъ-поселянъ. „Человѣкъ, который въ силахъ работать, никогда не смѣетъ назвать себя нищимъ": это правило, вынесенное Иваномъ Петровичемъ изъ скромной, родимой избы— служило и служитъ ему руководствомъ во всю его послѣдующую жизнь.

Въ зимніе вечера все наличное семейство (старшая дочь была уже замужемъ, а старшій сынъ жилъ въ городѣ) собиралось въ тѣсный кружокъ и при свѣтѣ лучины занималось пряжею, тканьемъ, выдѣлкою деревянной посуды и чтеніемъ. Семейная библіотека, за исключеніемъ календаря, состояла изъ трехъ книгъ, на эстонскомъ языкѣ: библіи, евангелія и собранія духовныхъ пѣсень. Особенно сильное впечатлѣніе на малолѣтняго Кёлера производило чтеніе о разрушеніи Іерусалима.

Изъ отрадныхъ воспоминаній дѣтскихъ лѣтъ Иванъ Петровичъ разсказалъ слѣдующее:

— Однажды, въ Троицынъ день, старшій братъ, жившій въ Феллинѣ подмастерьемъ у столяра, идучи къ намъ въ деревню, вздумалъ потѣшить насъ, братьевъ и сестеръ, пріятнымъ подаркомъ. Накупивъ крендельковъ изъ пшеничной муки, онъ обвѣшалъ ими вѣтки молоденькой березки, срѣзанной имъ дорогою и принесъ ее къ намъ. Конечно, самая изящная рождественская елка, украшенная блестящими бомбоньерками и конфектами, не радуетъ такъ дѣтей родителей достаточныхъ, какъ порадовала насъ эта березка съ крендельками. Чтобы дать понятіе объ этой радости, я долженъ объяснить, что насущный нашъ хлѣбъ былъ съ мякиною; чистый мы ѣдали только по праздникамъ, но пшеничный, бѣлый былъ, поистинѣ, лакомствомъ. Табакъ, водка, пиво, сахаръ, чай и кофе не были въ употребленіи, какъ въ нашемъ семействѣ, такъ и у сосѣдей; кабака по близости не было. Строгая нравственность, какъ я полагаю, была оттого, что мы жили вдали не только отъ города, но даже отъ мызы, почти въ лѣсахъ".

По девятому году молодаго Ивана снарядили на житье въ городъ. Старшій братъ, съ дозволенія хозяина своего, пріютилъ мальчика въ уголкѣ мастерской. Въ досужіе часы онъ училъ брата нѣмецкому языку и ариѳметикѣ. Въ свою очередь, Иванъ, не желая оставаться въ долгу у брата, помогалъ ему по мѣрѣ силъ своихъ. Разлука съ родительскимъ домомъ въ первые года

нѣжнѣйшаго отрочества имѣла огромное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, благодѣтельное вліяніе на характеръ Ивана. Она развила въ немъ самостоятельность, пробудила энергію, сообразительность, расширила кругозоръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ пріучила къ практическому взгляду на жизнь. Терпѣніе, трудолюбіе, честность и добрая нравственность—на нихъ основывалась моральная гигіена молодаго Кёлера. Воспитаніе въ родительскомъ домѣ – прозябаніе ростка въ теплицѣ; воспитаніе общественное и вообще жизнь вдали отъ роднаго очага—эта пересадка на открытую почву и на вольный воздухъ. Натура слабая, безхарактерная можетъ пропасть; но твердая и богатая нравственными запасами—крѣпнетъ, мужаетъ, закаливается...

Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ!

Пробывъ нѣсколько времени въ городѣ у брата, Кёлеръ поступилъ въ элементарное Феллинское училище. Здѣсь онъ оставался не долго: учитель умеръ, а новаго на его мѣсто въ скорости не нашлось. Около этого же времени братъ уѣхалъ изъ Феллина. Молодой Иванъ, поступившій изъ элементарнаго въ уѣздное училище, переселился на житье къ эконому купеческаго собранія Дорбеку, которому родители Ивана Петровича платили ежегодно по 20 р. сер., доставляя кромѣ того, иногда, въ дополненіе платы, яйца, масла и другіе продукты. Жизнь въ домѣ купеческаго собранія не мало способствовала ознакомленію нашего художника съ основами общежитія; вліяла, безъ сомнѣнія, и на развитіе его эстетическихъ инстинктовъ. Зала собранія замѣняла и городской театръ; въ ней давали представленія заѣзжіе нѣмецкіе актеры, драматическіе и оперные, съ антрепренеромъ Кёлеромъ, однофамильцемъ нашего художника. Плохо понимая нѣмецкій языкъ, Кёлеръ менѣе восхищался драмами и комедіями, нежели операми. Изъ нихъ у него особенно осталась въ памяти „Преціоза“ К. М. Вебера. Переселеніе Кёлера изъ деревни въ городъ повліяло на его здоровье, и безъ того не особенно крѣпкое; умственное и физическое развитіе, довольно медленное, осложнялось болѣзненною нервозностью. Такъ, однажды, у мальчика былъ припадокъ лунатизма... Однако-же, возвращаясь на каникулярное время къ отцу, въ деревню, Кёлеръ, проводя цѣлые дни на воздухѣ, занимаясь пастьбою и полевыми работами, запасался здо-

ровьемъ и въ двѣнадцать лѣтъ былъ свѣжимъ, крѣпкимъ и сильнымъ мальчикомъ.

Въ училищѣ онъ провелъ три года, за которые добрый, заботливый отецъ переплатилъ сто рублей, прикопленные бережливостью и многими лишеніями. Кёлеръ принадлежалъ къ числу старательныхъ и прилежныхъ учениковъ. Къ сожалѣнію преподаваніе шло исключительно на нѣмецкомъ языкѣ, съ которымъ мальчикъ никакъ не могъ сладить. Онъ „задалбливалъ“ уроки на память, прекрасно отвѣчалъ ихъ, не понимая и половины того, что говорилъ. Хотя за прилежаніе молодой Кёлеръ бывалъ награждаемъ книгами и въ томъ числѣ русскою грамматикою, тѣмъ не менѣе его перевели изъ старшаго въ младшій классъ [1]). Расположенный къ нему инспекторъ Кризе предлагалъ ему отъ себя безплатные уроки латинскаго и греческаго языковъ для приготовленія въ гимназію. Но Кёлеръ-отецъ, въ три года истощившій послѣдній рубль на воспитаніе сына, не имѣлъ средствъ, даже и при безплатномъ ученіи, покупать ему бумагу, книги и другія учебныя пособія. Взятый изъ училища, молодой Кёлеръ былъ отданъ родителями къ управляющему мызою Фаберу, у котораго Иванъ Петровичъ занимался письмоводствомъ и бухгалтеріею: переписывалъ бумаги, сводилъ счеты и т. д. Въ это же время въ юношѣ обнаружились первые проблески способности къ рисованію. Однимъ изъ первыхъ опытовъ будущаго художника былъ рисунокъ растенія, скопированный имъ изъ сочиненія Линнея: Genera plantarum. Желая воспользоваться способностями Кёлера, управляющій поручалъ ему срисовывать заторные чаны,

---

[1]) Вслѣдствіе слабаго знанія нѣмецкаго языка Кёлеръ часто не понималъ сущности преподаваемыхъ предметовъ въ старшемъ классѣ, почему учителя и были вынуждены, къ великому огорченію Кёлера, перевести его обратно въ младшій классъ. И такъ И. П. Кёлеръ на себѣ испыталъ, какъ мало пользы отъ ученія на чужомъ языкѣ. Между тѣмъ мальчикъ жилъ еще въ нѣмецкомъ семействѣ, а каково же было тѣмъ ученикамъ эстонцамъ, которые только въ школѣ слышали нѣмецкій языкъ и должны были на немъ давать учителямъ отвѣты.

„Достойно вниманія до чего нѣмцы упорно противодѣйствуютъ эстамъ во введеніи въ ихъ школы роднаго эстонскаго языка; въ университетскомъ городѣ Дерптѣ до сихъ поръ нѣтъ народныхъ школъ и потому бѣдное эстское населеніе въ городѣ менѣе грамотно и менѣе развито, чѣмъ эстское крестьянское населеніе, живущее въ лѣсахъ и обучающее своихъ дѣтей въ эстскихъ волостныхъ и приходскихъ школахъ“. примѣч. И. К.

кубы и другія части аппаратовъ винокуреннаго завода. Эти рисунки были исполнены настолько отчетливо, что добрый управляющій Фаберъ, угадывая въ молодомъ человѣкѣ несомнѣнное дарованіе, задумалъ серьезно позаботиться о его будущности. Занятія Кёлера по письмоводству окончились и тогда управляющій сказалъ ему:

— Теперь надобно тебѣ подумать о будущемъ: чѣмъ тебѣ жить и чѣмъ быть?

— Этого я и самъ не знаю, простодушно отвѣчалъ мальчикъ.

— Ты изрядно рисуешь... Не хочешь ли быть живописцемъ?

— Нѣтъ, не хочу. Живописцы—грязные.

— Живописцы въ Феллинѣ простые; но ты можешь быть живописцемъ-художникомъ, такимъ-же какъ и мой братъ. Живописцы не грязные; они хорошія картины пишутъ.

— Тогда я съ удовольствіемъ буду живописцемъ.

Этотъ отвѣтъ, почти безсознательный, рѣшилъ судьбу Кёлера. Начавъ съ ремесла, онъ достигъ до художества, точно также какъ посредственность или бездарность - начиная художествомъ кончаетъ ремесломъ... Родители безъ малѣйшихъ противорѣчій приняли совѣтъ управляющаго и рѣшили отправить Ивана на выучку, въ Венденъ. Крестьянинъ взялся доставить туда мальчика и въ четвергъ, на Ѳоминой недѣлѣ, 6-го апрѣля 1839 года, Кёлеръ надолго выѣхалъ изъ родительскаго дома.

II.

Ученіе у маляра.—Писаніе декорацій.—Церковь въ имѣніи графа Сиверса.—Окраска куполовъ.—Древніе замки и ихъ окрестности.—Картинная галлерея князей Ливенъ.—Экзекуція у крестьянъ-латышей.—Смерть Фабера.—Отъѣздъ въ Петербургъ.

1839—1846.

Въ Венденѣ Кёлеръ поступилъ въ ученіе къ „живописцу“ Фаберу. Напоминаемъ читателю, что съ этимъ званіемъ Фаберъ соединялъ мастерство маляра и лакировщика. По части писанія вывѣсокъ практика Фабера въ Венденѣ была не велика; за то онъ расписывалъ стѣны, потолки, паркеты; красилъ и лакировалъ экипажи. Эта школа—азбука живописи ознакомила молодаго Кёлера съ составленіемъ красокъ и набила ему руку. Че-

резъ три года онъ уже настолько успѣлъ въ „мастерствѣ“, что получилъ отъ хозяина порученіе написать декораціи для заѣзжей труппы актеровъ. Для молодаго человѣка это было дѣломъ новымъ и незнакомымъ. На первый случай, по собственному разсказу Ивана Петровича, ему пришлось написать нѣсколько деревьевъ и пушку—игравшую хотя и нѣмую, но очень эфектную роль въ драмѣ: „Карлъ XII передъ Рюгеномъ“. Деревья нашъ пятнадцатилѣтній декораторъ изобразилъ совершенно своеобразно: листки, обращенные къ низу, висѣли какъ бы на ниточкахъ; но зелены они были какъ бы настоящія деревья; самъ Фаберъ и антрепренеръ труппы не судили строго этого перваго опыта Кёлера. За то пушка вышла изъ-подъ его ученической кисти очень удачно и на разстояніи, если не пушечнаго, то ружейнаго выстрѣла „имѣла видъ“ совсѣмъ какъ настоящая... Любуясь ею, снисходительный директоръ театра говорилъ, что изъ юноши выйдетъ настоящій художникъ. Эта похвала, которой суждено было оправдаться, много порадовала скромнаго юношу. Отданный къ Фаберу на семь лѣтъ, онъ прилежно занимался работою, льстясь далекою, скромною надеждою быть, со временемъ, художникомъ.

Послѣ перваго опыта въ декоративной живописи, молодому Кёлеру представился новый случай заявить о задаткахъ своего дарованія. Владѣлецъ имѣнія, называемаго Венденскій замокъ (Schloss Wenden), сенаторъ, графъ Сиверсъ строилъ въ своемъ паркѣ православную церковь въ русскомъ стилѣ, украшенную внутри живописными орнаментами и изображеніями херувимовъ. Заказъ на стѣнную живопись взялъ на себя Фаберъ, нарочно для того выписавшій искуснаго живописца изъ Риги. Но сколько ни старались художники изъ уѣзднаго и губернскаго города — головки херувимовъ выходили у нихъ будто сердитые. Наконецъ, Фаберъ предложилъ „своему Ивану“ сдѣлать хоть попытку и работа Кёлера была настолько удачна, что заслужила похвалу не только учителя, но и самаго графа Сиверса. Почтенный сановникъ удостоилъ юношу ласковаго разговора и одобренія. Взявъ его подъ руку, не смотря на красками испачканный халатъ мальчика, графъ вмѣстѣ съ нимъ осматривалъ херувима, имъ написаннаго и по образцу котораго всѣ остальные были переписаны Кёлеромъ. Можно себѣ представить, что происходило въ юной душѣ счастливца при такомъ вниманіи и поощреніи со стороны знатнаго вельможи. Эти почести, однако, не вскружили

ему голову. По порученію Фабера, тотъ же Кёлеръ расписывалъ снаружи куполъ—и на другой день висѣлъ между небомъ и землею, любуясь золотистымъ тономъ пейзажа, отражавшагося въ золоченомъ шарѣ надъ куполомъ храма, который пришлось ему красить, такъ какъ другаго смѣльчака на это дѣло не нашлось. Не долго думая, онъ запасся надежною веревкою, въ одномъ концѣ которой сдѣлалъ петлю. Опираясь одною ногою въ петлю, онъ держался лѣвою рукою за веревку, другой конецъ которой онъ, по мѣрѣ надобности, перекидывалъ съ крючка на крючокъ, придѣланные къ куполу.

Любимѣйшимъ единственнымъ развлеченіемъ Ивана Петровича въ праздничные дни были прогулки по окрестностямъ города, завлекавшія его иногда за много верстъ. Особенную прелесть и какую-то таинственность придавали загороднымъ мѣстностямъ развалины старинныхъ рыцарскихъ замковъ, каковы, кромѣ Венденскаго, Зегевольдъ, Трейденъ, Кремонъ; послѣдній находится отъ Вендена въ 35-ти верстахъ. По его словамъ, только по воскресеньямъ и по праздникамъ, онъ чувствовалъ себя человѣкомъ, членомъ гражданской семьи, отъ которой въ остальные дни былъ какимъ-то отщепенцемъ. Ребяческое опасеніе быть „грязнымъ маляромъ", къ крайнему его огорченію, оправдалось. Въ будни, съ утра до ночи, ученики были облачены въ тиковые халаты, до такой степени перемазанные и пропитанные красками, что онѣ образовывали толстый слой, чуть ни въ палецъ толщиною. Пересыхая и трескаясь, эта скорлупа крошилась и отставала пластами. Чистота рукъ, а иногда и лица вполнѣ гармонировала съ одеждою, пропитанною, кромѣ красокъ, тяжелымъ запахомъ скипидара, олифы и лака. Какъ быть: у всякаго ремесла своя атмосфера! Весною и лѣтомъ работы бывало гораздо болѣе, нежели зимой, съ 4 часовъ утра до 9 вечера. Кёлеръ расписывалъ стѣны, потолки, паркеты, красилъ и лакировалъ экипажи; въ зимнее время, на досугѣ, копировалъ съ гравюръ, карандашемъ и красками, а къ Пасхѣ раскрашивалъ и разрисовывалъ яички. Первый его опытъ рисунка акварелью обратилъ на себя вниманіе одной жительницы Вендена, дѣвицы фонъ-Гагельстремъ, очень доброй, милой, образованной. Ея похвалы не льстили самолюбію юнаго художника, но онѣ не мало способствовали къ поддержанію въ немъ склонности къ настоящей живописи.

Разъ, въ Троицынъ день, Иванъ Петровичъ вмѣстѣ съ то-

варищемъ отправился въ Кремонъ, гдѣ кромѣ замка находится великолѣпный барскій домъ князей Ливенъ, а въ немъ прекрасная картинная галерея. Здѣсь-то онъ впервые увидѣлъ картины знаменитыхъ художниковъ разныхъ школъ и не могъ передать словами произведеннаго на него впечатлѣнія... Точно его перенесли въ какой-то сказочный міръ. По его словамъ, еслибы ему тогда предложили провести въ этой галереѣ двѣ недѣли, безъ ѣды и безъ питья, онъ согласился бы охотно, довольствуясь исключительно этой духовной пищей.

Пламенная, загорѣвшаяся въ немъ любовь къ живописи не поглотила, однако же, прочихъ общечеловѣческихъ чувствъ. Такъ одинъ эпизодъ изъ тогдашняго, роднаго его сердцу крестьянскаго быта, произвелъ на него тяжелое впечатлѣніе. Тогда объ этомъ событіи говорилъ весь Венденъ... Это было дѣло вопіющее

Крестьяне-латыши, неустанно проливавшіе потъ и кровь на тощую, неблагодарную мѣстную почву, задумали переселиться на болѣе благодарную „теплую“ (сильто-зелес), именно въ Россію. Хотя со стороны латышей не было и тѣни желанія рѣшать вопросъ о переселеніи ихъ какимъ-нибудь незаконнымъ—и еще того менѣе—насильственнымъ путемъ, однако же дворяне-помѣщики съумѣли придать этому дѣлу въ глазахъ губернскихъ властей видъ настоящаго бунта, и съ мечтавшими о переселеніи распорядились жестово: нѣкоторыхъ изъ нихъ въ Вессельсгофѣ прогнали сквозь строй, прочихъ высѣкли. Русскій лавочникъ, похвалившій имъ житье въ Россіи, былъ увезенъ въ Ригу, гдѣ, послѣ цѣлыхъ мѣсяцевъ тюремнаго заключенія, былъ подвергнутъ тѣлесному наказанію. Вотъ когда Иванъ Петровичъ понялъ и созналъ всю силу и значеніе помѣщичьяго права. Больно ему было за несчастныхъ жертвъ жестокой расправы; онъ чувствовалъ, что подъ шпицрутенами проливалась кровь невинная и ему не чуждая... Смутно понялъ онъ также, что и самое состраданіе къ нимъ могло быть истолковано въ смыслѣ противуправительственномъ!...

Прошло шесть лѣтъ со времени его поступленія къ Фаберу и хозяинъ предложилъ ему приписаться подмастерьемъ къ венденскому малярному цеху и онъ удостоился этого званія по исполненіи задачи, состоявшей въ копіи тушью какой-то миѳологической фигуры. Но представленіе въ цехъ произошло по ошибкѣ Фабера: онъ обчелся на цѣлый годъ, такъ какъ Кёлеръ поступилъ къ нему на семь лѣтъ. Съ дѣтства, еще въ родительскомъ

дому, привыкнувъ свято и ненарушимо соблюдать всякое обѣщаніе и условіе, Кёлеръ предложилъ хозяину оставить его въ своей мастерской еще на годъ. Фаберъ, разумѣется, согласился, положивъ ему жалованья по 75 коп. въ недѣлю.

На Фабера, кромѣ другихъ общественныхъ обязанностей, возложена была должность „маршъ-коммиссара". Она состоитъ въ размѣщеніи по вольнымъ квартирамъ приходящихъ на постой военныхъ командъ. Къ составу таковой принадлежалъ одинъ юнкеръ, заболѣвшій пятнистымъ тифомъ. Добрый Фаберъ, жалѣя одинокаго молодаго человѣка въ дорогѣ, ходилъ за нимъ—заразился, и, пріѣхавъ домой, самъ слегъ—и скончался во цвѣтѣ лѣтъ, оставивъ жену и троихъ дѣтей, изъ которыхъ младшему было 10 лѣтъ. Не могъ Кёлеръ покинуть этой семьи, не приведя въ порядокъ дѣлъ по мастерской и, по мѣрѣ силъ, не позаботясь о ней, хотя бы на первыхъ порахъ.

Къ числу значительныхъ работъ покойнаго хозяина принадлежали заказы въ домѣ частной гимназіи въ „Биркен-ру" (въ 3-хъ верстахъ отъ Вендена). Явясь къ директору, Иванъ Петровичъ сказалъ, что хотя Фаберъ и умеръ, но работы по мастерской его не прекращаются и будутъ продолжаться по прежнему. „Это посѣщеніе (разсказывалъ Иванъ Петровичъ) памятно мнѣ потому, что я въ квартирѣ директора Голландера видѣлъ портреты, писанные съ него и его семейства художникомъ Петцольдомъ. Картины въ галлереѣ князя Ливена—произведенія древнихъ мастеровъ—казались мнѣ, по ихъ совершенству, недосягаемыми для подражанія. Здѣсь же я видѣлъ произведенія художника современнаго, живаго, который можетъ передать ученику великую тайну умѣнія владѣть кистью. „Если бы мнѣ когда удалось научиться писать такіе портреты!" думалъ я, любуясь работою Петцольда. Мысль о переселеніи въ Петербургъ, посѣщавшая меня еще ранѣе, теперь окончательно во мнѣ созрѣла. Приведя въ порядокъ дѣла по мастерской покойнаго Фабера, я имѣлъ возможность похлопотать о себѣ и рѣшился ѣхать въ столицу, гдѣ проживалъ мой старшій братъ столяръ. Продавъ пальто и кое-какіе изъ моихъ вещей, я собралъ деньжонокъ на мѣсто на пароходѣ изъ Риги въ Петербургъ, и отплылъ".

Въ октябрѣ 1846 г. Кёлеръ, съ 75 копѣйками въ карманѣ, прибылъ благополучно въ Петербургъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ ДАЛЬНИХЪ ЛѢТЪ.

ВОСПОМИНАНІЯ ТАТЬЯНЫ ПЕТРОВНЫ ПАССЕКЪ.

XXXVII [1]).

Сонъ въ весеннюю ночь.

> Ступай, великое дитя, великая сила, великая простота. Ступай на свою скалу, плебей въ красной рубашкѣ и король Лиръ! — у тебя есть бѣдная Корделія.

— Это совершилось предъ нами въ Англіи, говорилъ мнѣ Никъ [2]), когда я была у него въ Женевѣ, въ 1873 году, въ августѣ мѣсяцѣ, — это былъ одинъ изъ фантастическихъ сновъ Шекспира; какъ въ твореніяхъ Шекспира, это было сліяніе высокаго съ мелочнымъ, возвышающаго душу съ раздирающимъ слухъ. Рядомъ съ святой простотой человѣка — закулисные заговоры. интриги, ложь.

— Въ обществѣ и журналахъ, замѣтила я, говорили, что Гарибальди пріѣзжалъ въ Англію по приглашенію англійскаго правительства?

— Англійское правительство никогда не приглашало и не

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1876 г, томъ XV, стр. 805; т. XVI, стр. 89, 309, 511, 649; т. XVII, стр. 537. Изд. 1877 г. т. XVIII, стр. 665; т. XIX, стр. 431; т. XX, стр. 277. Изд. 1878 г. т. XXI, стр 205; т. XXII, стр. 93 и 369. Изд. 1879 г т. XXVI, стр. 241—258.

[2]) Николай Платоновичъ Огаревъ, извѣстный поэтъ писатель, умершій за границей.

вызывало Гарибальди. Англичане, приглашавшіе его, не имѣли ничего общаго съ министерствомъ. Когда спросили Пальмерстона, не будетъ ли непріятенъ пріѣздъ Гарибальди правительству, — онъ отвѣчалъ: почему же правительству можетъ быть непріятно, чтобы генералъ Гарибальди пріѣхалъ въ Англію, — нисколько, оно съ своей стороны не отклоняетъ его пріѣзда, но и не приглашаетъ его.

Гарибальди пріѣзжалъ въ Англію съ цѣлью итальянскаго вопроса. Ему хотѣлось собрать столько денегъ, чтобы имѣть возможность начать походъ въ Адріатикѣ—онъ надѣялся, что, когда дѣло будетъ сдѣлано, то увлечетъ Виктора Эмануила.

— И только? спросила я.

— И только,—отвѣчалъ Никъ. Всѣ, кто желалъ его пріѣзда, всѣ приглашавшіе его знали, что Гарибальди будутъ оваціи, но того характера овацій, какой принялъ его пріѣздъ въ народѣ— никто не ожидалъ.

Англійскій народъ, при вѣсти, что къ нему ѣдетъ въ гости человѣкъ красной рубашки, встрепенулся.

Англійской аристократіи это показалось непріятно; но ей и въ голову не приходило изгонять Гарибальди; напротивъ, ей хотѣлось утянуть его въ себя, закрыть отъ народа; она собиралась заласкать его, закормить, запоить, не дать опомниться, не давать придти въ себя, не дать ему ни минуты остаться одному. Ему надобно денегъ – дать ему полмилліона, милліонъ франковъ, купить ему остальную часть Капреры, всю скалу; купить ему удивительную яхту, - онъ такъ любитъ катанья по морю,—лишь только бы онъ не бросалъ деньги на вздоръ,—на освобожденіе Италіи.

— И кажется ни чьи планы не удались, спросила я, даже и отчасти?

— Не только отчасти—нисколько, несмотря на то, что они проводились съ самой блестящей обстановкой. Гарибальди выходилъ изъ всего, точно ясный мѣсяцъ изъ-за тучъ. Съ условіями, поставленными англійской аристократіею, онъ не сошелся, и отказался отъ всѣхъ даровъ ея,—вѣдь онъ просилъ не для себя.

Это стало смущать аристократію, — ее выручили дѣловые люди, пошли толки, перешептыванія, переписка, безпокойство за здоровье Гарибальди, потомъ вѣсть, что онъ ѣдетъ на-дняхъ

на Капреру, не заѣзжая ни въ одинъ городъ. Законодательное собраніе рѣшило, что Гарибальди боленъ, государственные люди стали тревожиться за здоровье человѣка, который не просилъ ихъ объ этомъ, стали прописывать ему, не спросивши его, Атлантическій океанъ.

— Я читала въ нѣкоторыхъ журналахъ, сказала я, какъ пріѣзжалъ генералъ Гарибальди въ Лондонъ, и что, по болѣзни, неожиданно уѣхалъ; а ты мнѣ подробнѣе журналовъ писалъ объ этомъ времени, особенно о томъ, какъ у васъ въ Тедлингтонѣ, гдѣ вы тогда жили, Гарибальди обѣдалъ вмѣстѣ съ Маццини и потомъ долженъ былъ уѣхать изъ Англіи, нежданно, негаданно, не только для васъ, но и для него самаго; а Саша [1]) по поводу этой неожиданности назвалъ пребываніе Гарибальди въ Англіи: «сонъ въ весеннюю ночь».

— Дѣйствительно, все это можно назвать сномъ, продолжалъ Никъ, такъ оно было фантастично и мелькнуло какъ сновидѣнье. Видится—звучатъ трубы, раздается громъ пушекъ, звонъ колоколовъ, корабли покрыты флагами. Вотъ величественная личность изъ народа, какая когда-либо появлялась, выступаетъ въ полномъ блескѣ славы. Лондонъ семь часовъ на ногахъ ждетъ великаго человѣка въ красной рубашкѣ. Онъ возбуждаетъ упоительный восторгъ. Тысячи человѣкъ провожаютъ его экипажъ отъ Ковенъгарда въ Сенъ-Джемсъ; тысячи ждутъ его отъ семи часовъ утра передъ Стаффордъ-Гаузомъ. Рабочіе и герцоги, перы и слуги, прачки и дамы, старшій сынъ королевы Викторіи и гаменъ въ лохмотьяхъ, безъ отца и безъ матери,—всѣ тѣснятся, чтобы пожать ему руку. Ньюкестель, Ньюіоркъ, Гласговъ, Толь,—вся Шотландія горитъ желаніемъ принять его у себя, а онъ... онъ исчезаетъ какъ тѣнь Гамлета, онъ ступилъ на западню и скрылся... гдѣ онъ? Онъ сейчасъ былъ тутъ!... тамъ!... и нѣтъ его..., только парусъ надувается вѣтромъ.

---

[1]) Александръ Ивановичъ Герценъ † въ Парижѣ, въ январѣ 1870 г., погребенъ въ Ниццѣ. На могилѣ его, на высокой горѣ, на старинномъ городскомъ кладбищѣ, стоитъ на небольшомъ пьедесталѣ, во весь его ростъ, бронзовая статуя. Герценъ изображенъ въ пиджакѣ, съ сложенными на груди руками и обнаженною головою. Бюстъ довольно схожъ съ извѣстными портретами Герцена. На пьедесталѣ нѣтъ никакой надписи. Художникъ М* сдѣлалъ для нашего альбома довольно хорошій рисунокъ этого памятника.

Ред.

— Ты не можешь себѣ представить, говорилъ Никъ,—что за пріемъ сдѣланъ былъ Гарибальди! Монархи не имѣли такого, и вдругъ въ палатахъ, въ журналахъ, во многихъ салонахъ, въ письмахъ говорятъ, что человѣкъ — наканунѣ совсѣмъ здоровый — болѣнъ до того, что ему необходимо на яхтѣ переплыть вдоль Атлантическій океанъ, и поперекъ Средиземное море.

— А какъ торжественно принимали его! замѣтила я,—обѣды, рѣчи, гирлянды, украшенія, костюмы, балеты, волшебства, арлекинады!

— Да, все это было,—иллюминовано, раскрашено, продавалось по пени,—это было, дѣйствительно, «сонъ въ весеннюю ночь». Ты знаешь подробности?

— Не думаю; впрочемъ, объ этомъ такъ много говорили, писалъ мнѣ ты, писалъ объ этомъ Саша, такъ общее болѣе или менѣе знаю.

— Александръ (Герценъ) очень любилъ Гарибальди, говорилъ Никъ,—онъ познакомился съ нимъ въ 1854 году, когда Гарибальди приплылъ, изъ южной Америки, капитаномъ корабля и сталъ на Вестъ-Индскихъ докахъ; узнавши это, Александръ отправился къ нему съ однимъ изъ его товарищей по римской войнѣ. Гарибальди встрѣтилъ ихъ съ своей обычной простотой и радушіемъ. Онъ былъ одѣтъ въ свѣтло-сѣрое толстое пальто, на шеѣ у него былъ повязанъ шарфъ яркихъ цвѣтовъ, на головѣ фуражка. Ничто не напоминало славнаго предводителя римскаго ополченія, портреты, статуетки котораго продавались во всемъ свѣтѣ. Это былъ простой морякъ, добродушный, привѣтливый съ полнымъ отсутствіемъ претензій. Но несмотря на любовь и гордость, съ какой смотрѣли на него всѣ составлявшіе его экипажъ, видно было, что онъ власть.

Гарибальди пригласилъ посѣтившихъ его въ свою каюту и угощалъ устрицами южной Америки, сушеными фруктами, портвейномъ, и вдругъ, какъ бы вспомнивъ что-то, велѣлъ матросу принести какую-то бутылку, съ любовью ее откупорилъ и налилъ всѣмъ по рюмкѣ. Это былъ беллетъ, изъ Ниццы — изъ его родины. Онъ привезъ его изъ Америки въ Лондонъ.

За завтракомъ разговоры были просты, безцеремонны, безъ фразъ, но мало по малу въ Гарибальди становилось чувствительно присутствіе силы, присутствіе народнаго вождя, неустрашимость

котораго дивила старыхъ солдатъ. Говоря о Мацции, Гарибальди высказалъ свое мнѣніе о его дѣйствіяхъ, значительно расходившееся съ мнѣніемъ Мацции; несмотря на то, что высоко уважалъ его и признавалъ въ немъ путеводителя своей юности, друга и наставника; не смотря на то, что и въ это время былъ съ нимъ въ теплыхъ отношеніяхъ: «Зачѣмъ они дразнятъ Пьемонтъ—это вредно, говорилъ Гарибальди, дѣло въ томъ, чтобы освободить Италію отъ Австріи; нечего и не зачѣмъ думать о республикѣ; сомнѣваюсь, чтобы они и нуждались въ ней». Гарибальди вообще былъ противъ всѣхъ опытовъ возстанія. Время и послѣдствія доказали какъ онъ былъ правъ.

Когда онъ отплывалъ за углемъ въ Нью-Кестль на Теймсѣ и оттуда въ Средиземное море, Саша сказалъ, что ему чрезвычайно нравится его морская жизнь, и что, по его мнѣнію, онъ избралъ себѣ самую благую часть изъ всѣхъ эмигрантовъ.

— Кто-жъ имъ не велитъ сдѣлать тоже, отвѣчалъ Гарибальди. Явилась бы плавающая эмиграція. Меня въ Америкѣ знаютъ, я могъ бы имѣть три, четыре корабля подъ моимъ начальствомъ—и взялъ бы на нихъ эмиграцію; матросы, лейтенанты, работники, повара, все были бы эмигранты. Въ Европѣ дѣлать нечего—развѣ ходить по міру въ Англіи. Въ Америкѣ еще хуже — Америка страна забвенія родины. Тамъ все другое; другіе интересы. Чего же лучше, какъ собраться около нѣсколькихъ мачтъ и носиться по океану—независимые, недосягаемые, готовые пристать къ тому или другому берегу. Это было когда-то моей мечтой.

Вечеромъ того же дня Александръ встрѣтился съ Гарибальди въ одномъ домѣ, гдѣ былъ и Мацции. Мацции вынулъ изъ кармана листъ Italia del popolo и показалъ Гарибальди какую-то статью. Гарибальди прочиталъ ее и сказалъ: «да, написано бойко, а статья превредная; я скажу откровенно, за такую статью стоитъ журналиста или писателя сильно наказать. Раздувать всѣми силами раздоръ между нами и Піемонтомъ, въ то время, какъ у насъ только и есть одно войско, войско сардинскаго короля. Это опрометчивость и ненужная дерзость, доходящая до преступленія».

Мацции отстаивалъ журналъ.

Гарибальди былъ грустенъ и сдѣлался еще грустнѣе. Было

поздно, онъ не хотѣлъ возвращаться на ночь на доки и сбирался идти въ гостинницу. Александръ предложилъ ему ночевать у него. Онъ согласился.

Присутствующіе на вечерѣ такъ осаждали Гарибальди, что онъ, едва выпутавшись кой-какъ, подошелъ къ Александру и спросилъ: «долго ли онъ тутъ пробудетъ?»

— Отправимтесь хоть сейчасъ.

— Сдѣлайте милость.

Они уѣхали. По дорогѣ Гарибальди сказалъ:

— «Жаль, Маццини увлекается, съ чистѣйшими намѣреніями дѣлаетъ страшныя ошибки. Тѣшится тѣмъ, что выучилъ своихъ учениковъ дразнить Піемонтъ; послѣдняя опора пропадетъ. Республика! дѣло не въ республикѣ. Маццини знаетъ Италію образованную, и владѣетъ ея умами; но изъ нихъ не составится войска, чтобы выгнать изъ Италіи австрійцевъ, и отдѣлить папу. Я знаю итальянскія массы; для массы, для народа итальянскаго одно знамя—единство и изгнаніе чужеземцевъ.

— «Можно ли этого достигнуть, опрокидывая на себя единственное сильное королевство въ Италіи, которое хочетъ стать за Италію, да боится; надобно его звать, а не отталкивать, не обижать».

На другой день Гарибальди, рано утромъ, пошелъ гулять, съ маленькимъ сыномъ Александра; зашелъ въ фотографію, снялъ съ ребенка портретъ, принесъ въ подарокъ отцу и остался у нихъ обѣдать. Во время обѣда явился присланный отъ Маццини; онъ хотѣлъ говорить съ Гарибальди наединѣ, но Гарибальди сказалъ, что у него нѣтъ никакихъ секретовъ, да и чужихъ тутъ нѣтъ никого и въ продолженіи разговора повторилъ, что Маццини знаетъ только одну сторону жизни, но до народа, до этого фундамента общества, идущаго до грунта, т. е. до полей и плуга, до пастуховъ и лодочниковъ, никогда не доходилъ, а что онъ, Гарибальди, не только въ Италіи, но и вездѣ жилъ съ народомъ, зналъ его силу и слабость, горе и радости, зналъ его среди битвъ и среди океана и народъ въ него вѣритъ.

Маццини не вѣрилъ ему.

Уѣзжая, Гарибальди сказалъ: «ѣду, а на душѣ тяжело; онъ что-нибудь да предприметъ вредное».

И угадалъ.

Не прошло года какъ двѣ, три неудачныя вспышки доказали, какъ онъ былъ правъ. Далѣе Гарибальди не вытерпѣлъ и разразился извѣстнымъ письмомъ.

«Въ этихъ возстаніяхъ, писалъ онъ, могутъ участвовать или сумасшедшіе, или враги итальянскаго дѣла».

— Прошло около десяти лѣтъ, я жилъ въ Англіи вмѣстѣ съ Александромъ, миляхъ въ десяти отъ Лондона, въ Тедлингтонѣ, продолжалъ свой разсказъ Никъ. Въ 1864 году ждали Гарибальди въ Англіи. 3-го апрѣля онъ пріѣхалъ въ Судгамптонъ. Александръ тотчасъ отправился туда. Ему хотѣлось видѣть Гарибальди, прежде чѣмъ его опутаютъ, утомятъ, хотѣлось потому, что онъ любилъ его, что давно смотрѣлъ на него, какъ на лице, взятое изъ Плутарха, а теперь, писалъ о немъ Александръ: «онъ переросъ этихъ героевъ, сталъ легендарнымъ отъ береговъ Испаніи до Украины, отъ Шотландіи до Сербіи. Съ тѣхъ поръ онъ побѣдилъ цѣлое государство съ горстью волонтеровъ, и какъ отпустили его! съ тѣхъ поръ онъ былъ побѣжденъ и, какъ ничего не пріобрѣлъ отъ побѣды, такъ ничего не потерялъ отъ пораженія, напротивъ, послѣднее усилило обаяніе и новый ореолъ осіялъ лавры его». Александръ хотѣлъ видѣть тотъ ли это капитанъ корабля, котораго онъ видѣлъ на Индіанъ-догахъ, который мечталъ объ эмиграціи на океанѣ; онъ хотѣлъ видѣть его и для того, чтобы сообщить о нелѣпостяхъ, которыя дѣлала партія его поклонниковъ; о томъ, какъ воздвигая ему тріумфальныя арки, унижали Маццини. Онъ былъ увѣренъ, что Гарибальди не имѣетъ настоящаго понятія о томъ, какъ Стансфильдъ, съ которымъ онъ былъ друженъ, пострадалъ за то, что, находясь на службѣ королевы, не разорвалъ дружбы съ Маццини.

Александръ пріѣхалъ въ Сутгамптонъ, спустя нѣсколько минутъ, по отъѣздѣ Гарибальди на островъ Вайтъ, гдѣ онъ намѣренъ былъ провести нѣсколько дней у одного изъ членовъ парламента Сити.

На улицѣ виднѣлись остатки торжества въ честь Гарибальди, флаги украшали суда. Вездѣ толпился народъ. Александръ проѣхалъ на первомъ пароходѣ въ Коузъ. Въ гостинницахъ, на

пароходѣ, только и слышалось, что о Гарибальди. Разсказывали какъ онъ, сходя съ парохода, пожалъ руку каждому матросу, когда они выстроились рядами по пути, по которому онъ долженъ былъ пройти. Однимъ этимъ поступкомъ онъ покорилъ себѣ сердца англійскихъ моряковъ.

Разсказывали какъ вышелъ онъ на палубу, опираясь на герцога Сутерландскаго.

Въ Коузъ Александръ пріѣхалъ поздно вечеромъ, и, заказавши себѣ къ утру коляску, пошелъ пройтиться по взморью. «Вечеръ былъ тихій, теплый, писалъ Александръ, вспоминая это время; море едва колыхалось, мѣстами по немъ пробѣгали фосфорическія блестки и струи,— пахло морскими испареніями, изъ какого-то клуба доносилась музыка, на всемъ лежалъ свѣтлый праздничный видъ. За то на другой день лилъ частый мелкій дождь. Небо, земля, даль все слилось въ сѣрую массу». Подъ этимъ дождемъ Александръ пріѣхалъ въ полузакрытой коляскѣ въ Брокъ-Гаузъ, гдѣ находился Гарибальди, и послалъ свою карточку къ его секретарю Гверцони.

Гверцони пригласилъ его въ свою комнату, а самъ пошелъ сказать о немъ Гарибальди. Спустя минуту, послышалась его походка и стукъ его палки; онъ шелъ, спрашивая: «гдѣ онъ, гдѣ онъ?» Александръ отворилъ дверь, выходившую въ широкій корридоръ; предъ нимъ стоялъ Гарибальди, съ своимъ яснымъ, кроткимъ взоромъ—и протягивая руки говорилъ: «какъ радъ васъ видѣть, какъ радъ, что вижу васъ полнымъ здоровья и силъ», и обнялъ его. «Куда хотите? вотъ комната Гверцони, а вотъ тамъ моя».

На Гарибальди былъ надѣтъ всѣмъ извѣстный его костюмъ — его camici rossa, красная рубашка. Сверхъ нея оригинальнаго покроя плащъ, застегнутый на груди, а на шеѣ былъ повязанъ платокъ по матросски. Все вмѣстѣ шло къ нему необыкновенно.

Александръ нашелъ, что Гарибальди мало измѣнился.

Портреты его не даютъ о немъ понятія, всѣ они старѣе, и нигдѣ не схвачено выраженіе его лица, въ чемъ и содержится вся сила и вся тайна влекущаго къ нему; все очарованіе, которое онъ разливаетъ вокругъ себя, какъ на рыбаковъ

въ Ниццѣ, на экипажъ корабля, такъ и на армію волонтеровъ въ Италіи, на народныя массы всѣхъ континентовъ.

Черты лица его напоминаютъ скорѣе типъ славянскій, нежели итальянскій.

Въ его взорѣ, улыбкѣ, въ звукѣ голоса, во всемъ выражается доброта, простодушіе и такая трогательная привѣтливость, что нѣтъ возможности противиться ихъ притягательной силѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, онѣ не опредѣляютъ вполнѣ характера его. Въ этой добротѣ чувствуется неразрушимая сила нравственная, возможность преданности до отданія себя—въ глубинѣ же всего какая-то печаль, отбрасывающая на все свой грустный оттѣнокъ. Мысли быстро пробѣгаютъ по чертамъ лица его;—страхъ ли это передъ судьбою, отъ которой нельзя отречься? сомнѣніе ли при видѣ измѣнъ, паденій, слабостей?—быть можетъ. Не величіе-ли искушало его?—нѣтъ, величіе не могло искушать Гарибальди,—онъ весь былъ свое дѣло.

Въ разговорѣ съ Александромъ онъ вспоминалъ подробности ихъ свиданья въ 1854 году; вспоминалъ какъ онъ опоздалъ возвратиться на доги, какъ ночевалъ у него, какъ снялъ фотографію его ребенка.

Между прочими разговорами Александръ сказалъ ему: я долженъ вамъ признаться, что поторопился васъ видѣть не безъ задней мысли; я боялся, чтобы мрачная атмосфера Англіи не помѣшала вамъ увидать интереснаго, закулиснаго механизма пьесы, которая дается на подмосткахъ парламента.

— Могу ли говорить все, что хочу?

— Пожалуйста, отвѣчалъ Гарибальди. Мы старые друзья.

Тогда Александръ разсказалъ ему нелѣпыя выходки противъ Маццини и чему подвергали за него Стансфильда — человѣка, который своимъ личнымъ достоинствомъ, трудомъ и умомъ достигъ еще въ довольно молодыхъ лѣтахъ мѣста лорда въ адмиралтействѣ.

— На васъ прямо нападать не смѣютъ, продолжалъ онъ, но посмотрите, какъ безцеремонно васъ трактуютъ. И подалъ ему послѣдній листъ «Standart'a»; тамъ было сказано: мы увѣрены, что генералъ Гарибальди пойметъ настолько обязанности, возлагаемыя на него гостепріимствомъ Англіи, что не будетъ имѣть сно-

шеній съ прежнимъ товарищемъ своимъ и настолько такта, чтобы не ѣздить въ № 35 Thourley Square [1]).

— Я слышалъ кое-что, сказалъ Гарибальди, объ этой интригѣ. Разумѣется, одинъ изъ первыхъ визитовъ моихъ будетъ къ Стансфильду.

Гарибальди всталъ; Александръ, думая, что онъ хочетъ окончить свиданіе, сталъ прощаться. — «Нѣтъ, нѣтъ, пойдемте теперь ко мнѣ», сказалъ Гарибальди; они пошли. Прихрамывалъ Гарибальди сильно, но вообще его организмъ вышелъ со славой изъ нравственныхъ и политическихъ операцій, не смотря на двѣ глубокія раны—одну въ ногу, другую въ сердце, какъ выразился Александръ.

Идя рядомъ съ Гарибальди, Александръ всматривался въ его одежду и находилъ, что это самый простой и самый удобный костюмъ, а отсутствіе афектаціи, съ которой онъ его носитъ, не допускаетъ общество имъ оскорбляться, не допускаетъ и щепетильныхъ пересудовъ; но врядъ ли найдется въ Европѣ другой человѣкъ, кромѣ Гарибальди, который бы могъ безнаказанно появляться во дворцахъ англійской аристократіи въ своей красной рубашкѣ. Нѣкоторыя изъ газетъ выдумали, что это мундиръ монтевидейскаго волонтера. Да вѣдь Гарибальди съ тѣхъ поръ былъ пожалованъ въ генералы королемъ, которому далъ двѣ короны. Отчего же онъ носитъ мундиръ монтевидейскаго волонтера?

Принадлежность мундира оружіе; Гарибальди ходитъ безъ оружія, не боится никого и никого не стращаетъ. «Я не солдатъ, говорилъ онъ итальянцамъ, предлагавшимъ ему почетную саблю, и не люблю военное ремесло. Я взялся за оружіе, когда на мой родительскій домъ напали разбойники, чтобъ защищать его. Я работникъ и происхожу отъ работника».

Не смотря на это, въ Гарибальди нѣтъ и тѣни плебейской необразованности, манеры его чрезвычайно кротки и благородны. Его плащъ въ широкихъ складкахъ, застегнутый на груди, походитъ скорѣй на плащъ великаго жреца, нежели на плащъ воина.

Разговоръ продолжался еще нѣсколько минутъ, какъ въ

---

[1]) Квартира Стансфильда.

дверяхъ начали показываться англійскія физіономіи, шуршать дамскія платья,—Александръ всталъ, чтобы выйти.

— Куда вы торопитесь? спросилъ Гарибальди.

— Не хочу васъ красть у Англіи.

— До свиданья, въ Лондонѣ,—не правда ли?

— Непремѣнно буду. Правда, что вы остановились у герцога Сутерландскаго?

— Да, сказалъ Гарибальди и прибавилъ, какъ бы извиняясь: не могъ отказаться.

XXXVIII.

Въ Стаффордъ-Гаузѣ.

Въ день пріѣзда Гарибальди въ Лондонъ, рѣки народа запружали улицы и площади; гдѣ былъ карнизъ, балконъ, окно—вездѣ были люди; все это ждало въ иныхъ мѣстахъ слишкомъ шесть часовъ. Гарибальди пріѣхалъ въ половинѣ третьяго на станцію Ней-Эльбсъ и только въ половинѣ девятаго подъѣхалъ къ Стаффордъ-Гаузу. У подъѣзда его ждалъ герцогъ Сутерландскій съ своей женою.

Порядокъ былъ удивительный. Народъ какъ бы понялъ, что онъ привѣтствуетъ одного изъ своихъ.

У Минстерскаго моста, близь парламента, народъ такъ стѣснился, что коляска Гарибальди, ѣхавшая шагомъ, остановилась; а процессія, тянувшаяся на версту, ушла впередъ съ знаменами, музыкою и пр. Съ криками ура, народъ облѣпилъ коляску; все, что могло продраться, жало руку, цѣловало края плаща Гарибальди, кричало Welcome; народъ хотѣлъ отложить лошадей и везти его на себѣ, но его уговорили. Овація продолжалась около часа, одна толпа передавала гостя другой,—коляска то двигалась шагомъ, то снова останавливалась.

Англія дворцовъ, Англія милліоновъ шла на встрѣчу Гарибальди, вмѣстѣ съ Англіей мастерскихъ.

Принявши предложеніе герцога Сутерландскаго поселиться у него, Гарибальди помогъ интригѣ, затѣянной еще до его пріѣзда, цѣль которой была удалить его отъ народа, и отрѣзать

отъ друзей и знакомыхъ, а пуще всего отъ Маццини. Благородство и простота Гарибальди уничтожила ее, отчасти, но затрудненіе говорить съ нимъ безъ свидѣтелей помогало.

Въ мірѣ не было человѣка, котораго было бы видѣть легче, чѣмъ Гарибальди и съ которымъ было бы труднѣе говорить. По счастью онъ вставалъ въ пять часовъ утра, принималъ въ шесть, а интрига шла съ десяти. Только въ день отъѣзда его, дамы стали вторгаться къ нему часомъ раньше.

Въ домѣ герцога Гарибальди занималъ одну комнату, а другую его слуга; два сына его и секретарь помѣщались на свой собственный счетъ въ гостинницѣ. Церемонимейстеры, буфетчики, наблюдатели, слуги безпрерывно сновали при Гарибальди, и бросалось въ глаза, какъ принимались мѣры, чтобы предупредить и пресѣчь его сближеніе съ близкими ему людьми. Тогда мы съ Александромъ пригласили Гарибальди, вмѣстѣ съ Маццини, къ намъ въ Тедлингтонъ отобѣдать. Гарибальди согласился. На слѣдующій день мы поѣхали къ Гарибальди, чтобы условиться на счетъ поѣздки; Гарибальди не было дома; мы остались ждать его вмѣстѣ съ Саффи и Гверцини въ пріемной залѣ. Въ двухъ шагахъ отъ насъ шелъ оживленный разговоръ, который обратилъ наше вниманіе, такъ какъ въ немъ часто упоминался Тедлингтонъ.

Одинъ изъ говорившихъ, повидимому итальянецъ, съ жаромъ повторялъ: это невозможно, невозможно, до Тедлингтона 16 или 17 миль.

— Не больше 11-ти, спокойно замѣтилъ я.

Итальянецъ тотчасъ обернулся ко мнѣ—говоря: и это страшное разстояніе; генералу придется отложить поѣздку въ Тедлингтонъ. Въ три часа ему надобно быть въ Лондонѣ.

— Генералъ хочетъ ѣхать и поѣдетъ, сказалъ Гверцини.

Споръ продолжался еще, какъ дверь отворилась — вошелъ Гарибальди.

— Позвольте мнѣ окончить вашъ споръ, замѣтилъ Александръ, и подойдя къ Гарибальди сказалъ:

— Вы велѣли передать мнѣ, что пріѣдете къ намъ въ Тедлингтонъ. Это мнѣ очень дорого; но если пріѣздъ къ намъ соединенъ съ затрудненіями—я не настаиваю.

— Что за затрудненія? спросилъ Гарибальди,—какія?

Споровшій итальянецъ подбѣжалъ къ нему, говоря:

— Ѣхать въ Тедлингтонъ въ 11 часовъ и возвратиться въ Лондонъ въ три невозможно.

— Значитъ надобно ѣхать въ десять—просто и ясно.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ Александръ, позвольте мнѣ съ Никомъ пріѣхать къ вамъ въ десятомъ часу съ экипажемъ и поѣдемте вмѣстѣ.

— Очень радъ, буду васъ ждать, отвѣчалъ Гарибальди.

Ѣхавши отъ Гарибальди, мы завернули къ Ледрю Ролленю и пригласили его къ намъ; но онъ отказался, говоря, что ему, какъ представителю французской республики, какъ пострадавшему за папу, нельзя видѣться съ Гарибальди въ первый разъ не у себя.

На слѣдующій день, мы взяли карету съ отличными лошадьми и пріѣхали за Гарибальди въ Стафордъ-Гаузъ.

— Итальянецъ кричитъ, говорилъ Гверцини, что лошади герцога не выдержатъ поѣздки.

— Ихъ и не надобно. У насъ карета готова, сказалъ я.

— Не успѣетъ генералъ возвратиться на однѣхъ и тѣхъ же лошадяхъ.

— Устанутъ—впрягутъ другихъ.

— Скоро-ли кончится эта каторга? сказалъ Гверцини, обращаясь къ намъ,—всякая дрянь распоряжается.

— Не пора-ли? говорилъ Гарибальди, входя въ комнату,—только доставьте меня къ тремъ часамъ въ Лондонъ.

Саффи и Мордини, бывшіе въ числѣ приглашенныхъ, отправились въ Тедлингтонъ по желѣзной дорогѣ.

— Поѣдемте и мы, сказалъ Гарибальди. Мы вышли. Густая толпа стояла передъ Стаффордъ-Гаузомъ. Громкія продолжительныя ура—встрѣтили и проводили нашу карету.

. . . .

Я пробыла въ Женевѣ у Ника (Н. П. Огарева) трое сутокъ, и въ этотъ день, когда у насъ шелъ разговоръ о Гарибальди, хотѣла ѣхать обратно въ Интерлакенъ, гдѣ проводила лѣто съ своимъ семействомъ, не смотря на дождь, который лилъ всю ночь какъ изъ ведра, а днемъ продолжалъ сѣяться точно сквозь сито. Но Никъ такъ просилъ меня остаться у

него еще на сутки, и такъ былъ грустенъ и страдалъ отъ боли въ ногѣ, что я не могла отказать ему и осталась. Дождь и сѣрое небо навели насъ на разговоръ объ Англіи и на Гарибальди; разсказъ свой Никъ пополнялъ чтеніемъ замѣтокъ объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ, и о его посѣщеніи Лондона, какъ своихъ, такъ и Александра; съ чувствомъ прочиталъ онъ написанные имъ стихи къ Гарибальди и далъ ихъ мнѣ, вмѣстѣ съ прелестными отрывками, въ стихахъ, изъ своей жизни; да сверхъ того, зная, что и у меня есть записки, изъ дальнихъ лѣтъ, для пополненія ихъ, далъ мнѣ письма Саши (А. И. Герцена), написанныя имъ къ нему въ продолженіи двухъ послѣднихъ лѣтъ его жизни, которыя онъ съ семействомъ своимъ провелъ путешествуя; послѣднее изъ этихъ писемъ писано за десять дней до его неожиданной кончины изъ Парижа, гдѣ онъ располагалъ устроиться на постоянное житье. Письма Саши и стихи Ника — изъ его жизни — я сохранила, а стихи къ Гарибальди, къ моему большому сожалѣнію, никакъ не могу отыскать; при воспоминаніи о немъ слѣдовало бы ихъ помѣстить.

Къ вечеру дождь пересталъ; быстро расходились тучи, мѣстами вырѣзывалось небо, горизонтъ просвѣтлѣлъ, солнце закатывалось. Мы вышли на балконъ — тихо, ароматно, благодать. Алѣли снѣжная вершина Монъ-блана, Монъ-салевъ, каштаны, озеро, кустъ розоновъ противъ балкона, въ чьемъ-то палисадникѣ, — алѣлъ весь воздухъ. Мы вынесли на балконъ кресла и помѣстились тамъ. Вдали кто-то игралъ на флейтѣ, въ противоположномъ домѣ раскрылось окно, показалась прелестное личико кудрявой дѣвочки лѣтъ четырнадцати, и очень молодого человѣка; они улыбались, повидимому о чемъ-то весело разговаривали и воскресили въ насъ воспоминанія, изъ нашихъ дальнихъ лѣтъ: — видится Москва, — слышатся знакомые голоса; сквозь вѣтки душистаго тополя свѣтитъ звѣздочка въ небольшой кабинетъ; все въ этомъ кабинетѣ просто: диванъ, столъ, изрѣзанный мѣстами перочиннымъ ножичкомъ; у стола два мальчика лѣтъ по тринадцати, передъ ними нѣсколько книгъ и тетрадей, на всемъ слѣды жизни разцвѣтающей, на всемъ слѣды сердечной теплоты и поэзіи. Воскресъ передъ нами и другой кабинетъ — кабинетъ въ Лондонѣ, обширный, роскошный. Вечеръ. Мы съ Никомъ сидимъ подлѣ

великолѣпнаго письменнаго стола, заваленнаго книгами, журналами, бумагами. Противъ насъ, надъ небольшимъ столикомъ, большая картина, изображающая колоколъ. Картину освѣщаетъ стоящая на столикѣ лампа,—мы вспоминаемъ далекое прошлое, вспоминается маленькій кабинетъ въ Москвѣ, и онъ—чей это кабинетъ; вспоминается кругъ друзей, надежды, дѣятельность,—и все, во что Никъ вноситъ свой кроткій, примиряющій взглядъ.

— А знаешь-ли ты, Таня, говоритъ Никъ,—что я виноватъ передъ Вадимомъ. Прости мнѣ за него. Онъ просилъ меня помочь ему въ его литературномъ дѣлѣ,—я былъ богатъ и отказалъ, потому что не сходился съ нимъ въ нѣкоторыхъ взглядахъ. Я отказалъ и до сихъ поръ страдаю своимъ отказомъ.

— Все это прошло, Никъ, не будемъ и вспоминать.

— Нѣтъ и Вадима, продолжалъ Никъ грустно. Теперь и у меня нѣтъ ничего, нѣтъ и силы, нѣтъ и здоровья, нѣтъ и средствъ къ жизни. Дѣти Александра содержатъ меня.

У него навернулись слезы.

— Квартира у меня невелика—но мнѣ достаточно.

Кромѣ небольшой столовой, у Ника была комната, гдѣ жилъ юный англичанинъ Ганри, и гостиная съ балкономъ, она же была спальной и кабинетомъ; два кресла, диванъ, замѣнявшій кровать, незатѣйливый письменный столъ, почти пустой, да старое бюро составляли всю обмеблировку этого бѣднаго кабинета третьяго изъ вспомнившихся намъ кабинетовъ, и въ немъ Никъ одинъ одинехонекъ. Этой обстановкѣ представляла странную противоположность прекрасное ройялино; Наташа брала его на прокатъ для Ника—онъ былъ музыкантъ, въ томъ же идеальномъ родѣ, какъ и поэтъ.

— Много лѣтъ прошло съ того времени, продолжалъ Никъ,—а точно вчера. Невольно страхъ беретъ передъ временемъ.

Я замѣтила, что воспоминанія сильно волнуютъ его и мало по малу перевела разговоръ на тему, бывшую предметомъ нашей бесѣды почти весь день.

— Что же это, Никъ, сказала я,—мы остановились съ тобой на томъ, какъ Гарибальди ѣдетъ къ вамъ въ Тедингтонъ обѣдать, да такъ до сихъ поръ и не обѣдаемъ. Удался-ли вашъ праздникъ?

— Какъ нельзя лучше, отвѣчалъ Никъ,—это былъ одинъ

изъ самыхъ свѣтлыхъ дней послѣднихъ лѣтъ нашей жизни. Ясно, полно, всему эстетическая мѣра и законченность. Это былъ первый моментъ распустившагося цвѣтка.

Какъ только мы выѣхали, на душѣ посвѣтлѣло—и такъ до той минуты, какъ Гарибальди, тѣснимый и цѣлуемый народомъ, уѣхалъ обратно въ Лондонъ. Въ дорогѣ говорили о разныхъ предметахъ, между прочимъ и о нѣмцахъ. Неужели вы думаете, замѣтилъ я, что нѣмцы хотятъ отдать Венецію и Тріестъ? Венецію еще можетъ быть, но Тріестъ имъ необходимъ для торговли.

Мы передали Гарибальди нашъ разговоръ съ Ледрю Ролленомъ.

— Онъ правъ, сказалъ Гарибальди, — я готовъ къ нему ѣхать.

Минутами Гарибальди, смотря въ даль—глубоко задумывался. Смотря на него, невольно рождалась мысль: нѣтъ, это не солдатъ, это просто человѣкъ, готовый отдать душу свою за свой народъ.

— «Это-то и поняли народы, поняли плебеи, говорилъ Саша, тѣмъ ясновидѣніемъ, которымъ нѣкогда римскіе рабы поняли тайну пришествія Христа, и толпы страждущихъ и обремененныхъ, женщинъ и старцевъ молились кресту Распятаго. Понять—значитъ увѣровать, увѣровать—значитъ молиться».

Оттого-то плебейскій Тендлингтонъ и толпился у рѣшетки нашего дома съ утра, поджидая Гарибальди. Когда мы подъѣхали, толпа бросилась къ нему, жали ему руки, кричали God bless you, Garibaldi!! цѣловали его руки, края плаща, поднимали къ нему дѣтей, плакали. Когда онъ вошелъ въ домъ, крики до того усилились, что онъ принужденъ былъ выйдти. Онъ вышелъ и, положа руки на грудь, кланялся во всѣ стороны.

Народъ затихъ, но простоялъ у дома, до тѣхъ поръ, пока онъ уѣхалъ.

И этотъ царственный пріемъ—моряку изъ Ниццы!

Мадцини пріѣхалъ тотчасъ послѣ насъ.

Праздникъ нашъ былъ скроменъ, на немъ не было и двадцати человѣкъ. За обѣдомъ пили разные тосты.

Всѣ были глубоко тронуты, когда Гарибальди, съ рюмкой марсалы въ рукахъ, послѣ дружескаго предисловія, сказалъ: пью за здоровье Джузеппе Мадцини, моего друга,

моего наставника!—Маццини протянулъ ему руку и взволнованнымъ голосомъ два раза сказалъ: «это слишкомъ».

Когда мы переходили въ другую комнату, въ корридорѣ старикъ итальянецъ, эмигрантъ, дѣлавшій мороженое, продрался сквозь толпу, наполнявшую корридоръ, схватилъ Гарибальди за полу, и заливаясь слезами сказалъ: ну, теперь могу умереть, я его видѣлъ, а вы живите долго для нашей родины, да благословитъ васъ Богъ!—и покрылъ его руки поцѣлуями. Гарибальди, взволнованный, сѣлъ на диванъ говоря: «мнѣ иногда страшно и до того тяжело, что я боюсь потеряться. Помню, когда я изгнанникомъ возвращался изъ Америки въ Ниццу,—когда опять увидалъ родительскій домъ, нашелъ свою семью, родныхъ, знакомыя мѣста, знакомыхъ людей—я былъ удрученъ счастіемъ — а что было потомъ? — рядъ бѣдствій. Я не ждалъ такого пріема отъ народа Англіи,—что же дальше, что впереди»?

Уѣзжая, Гарибальди крѣпко обнялъ насъ, со всѣми дружески простился и карета умчалась при громкихъ крикахъ «ура» и God bless you, Garibaldi, for ever!!

Князь П. В. Долгорукій взялъ листъ бумаги, записалъ все и тосты.

Когда уѣхали послѣдніе гости—мы остались одни.

Тихо наступили сумерки.

Такіе дни хорошо помнить годы.

Что будетъ? сказалъ Гарибальди; будущее было недалеко.

Въ то время, когда онъ повѣрялъ намъ свой тайный ужасъ передъ будущимъ, рѣшено было отдѣлаться отъ него во что бы ни стало.

На другой день послѣ нашего праздника поѣхали мы въ Лондонъ. Беремъ на желѣзной дорогѣ вечернюю газету—читаю—большими буквами напечатано:

«Болѣзнь генерала Гарибальди» —далѣе, что онъ ѣдетъ на Капреру, не заѣзжая ни въ одинъ городъ.

Не трудно было догадаться—что это значитъ.

Ѣхать къ Гарибальди было поздно; мы заѣхали къ одной знакомой дамѣ, отъ которой узнали главныя черты министерскаго отношенія къ болѣзни Гарибальди.

17-го апрѣля вечеромъ Гарибальди спокойно сидѣлъ, ничего не зная, и ѣлъ виноградъ, а возлѣ его комнаты сговаривались что дѣлать. Гладстонъ взялся сообщить ему принятое рѣшеніе; онъ вошелъ къ нему въ комнату и заговорилъ о его здоровьи; Гарибальди отвѣчалъ, что онъ здоровъ; но министръ финансовъ сталъ доказывать ему, что онъ болѣнъ. Гарибальди догадался и прямо спросилъ: «значитъ желаютъ, чтобы я уѣхалъ»? Гладстонъ не скрылъ, что этого хотятъ.

— Такъ я ѣду.

Гладстонъ испугался скораго успѣха и предложилъ ему побывать въ двухъ, трехъ городахъ, и потомъ отправиться на Капреру.

— Выбирать между городами не умѣю, отвѣчалъ Гарибальди,—и даю слово уѣхать черезъ два дня.

На другой день мы узнали, что Гарибальди переѣхалъ къ Силли и отправились къ нему. Говорить съ нимъ не было возможности. Человѣкъ двадцать посѣтителей ходило, сидѣло, молчало, по залу, по кабинету.

«Вы ѣдете», сказали мы Гарибальди, пожавъ ему руку; онъ отвѣчалъ печально: je plie aux nécessités (покоряюсь необходимости).

Друзья Гарибальди пришли внѣ себя отъ его отъѣзда.

Послѣдніе два дня были смутны и печальны. Гарибальди избѣгалъ говорить о своемъ отъѣздѣ, и ничего не говорилъ о своемъ здоровьѣ.... во всѣхъ близкихъ онъ встрѣчалъ печальный упрекъ. На душѣ у него было тяжело, но онъ молчалъ.

Наканунѣ отъѣзда мы сидѣли у него, какъ пришли сказать, что въ пріемной уже тѣсно отъ желающихъ его видѣть. Представлялись члены парламента съ семействами и разные nobility, всего до 2,000 человѣкъ. Это былъ царскій выходъ.

Гарибальди всталъ и спросилъ: пора?

Еще пять минутъ, отвѣчали ему; онъ вздохнулъ и сѣлъ на свое мѣсто. Мы хотѣли уйдти, но онъ удержалъ насъ. Фактотумъ распорядился гдѣ помѣстить диванъ, въ какую дверь входить, въ какую выходить.

Отворили дверь. Въ дверяхъ сталъ церемонимейстеръ, съ

листомъ бумаги въ рукахъ, и началъ громко читать: the rigt honorable so and so lady esquire, ladship и пр. При каждомъ словѣ отворялась дверь и входили леди, лорды, молодые, старые, всѣ подходили по очереди къ Гарибальди, мущины жали, трясли ему руку, иные при этомъ что-то говорили, бо̀льшая часть молча откланивалась. Дамы также молчали, бросали на него восторженные взоры, откланившіеся выходили въ противоположную дверь—въ залу, и спускались по лѣстницѣ, къ экипажамъ.

Гарибальди вначалѣ стоялъ, потомъ садился, вставалъ, наконецъ сѣлъ.

Нога не позволяла ему стоять долго и ждать конца пріема дамъ. Кареты все подъѣзжали, церемонимейстеръ все читалъ.

Грянула музыка horse-guard'овъ, мы постояли постояли и вошли въ залу, потомъ въ комнату, гдѣ обыкновенно сидѣли Саффи и Мордини; тамъ никого не было; на душѣ было тяжело, не хорошо; эта комедія царскаго пріема возмущала.

Въ окно виднѣлся рядъ каретъ—музыка гремитъ, кареты подъѣзжаютъ, мнѣ представлялся Гарибальди измученный, усталый, по лицу пробѣгаютъ тучи.

Мы ночевали въ Лондонѣ. Утромъ пришли къ Гарибальди. Онъ былъ мраченъ, отрывистъ—видна была желѣзная воля и привычка повелѣвать.

Затѣмъ явились аристократическія дамы.—Не такъ важныя ожидали въ залахъ.

Послѣ пріема Гарибальди сбирался ѣхать на свиданье съ герцогомъ Вельскимъ въ Стаффордъ-Гаузъ.

Мы съ Александромъ подошли къ нему проститься. «Прощайте», сказали мы, «прощайте и до свиданья на Капрерѣ»!

Гарибальди обнялъ насъ, сѣлъ и, протянувъ намъ обѣ руки, сказалъ разстроеннымъ голосомъ: «простите меня, простите меня, у меня голова кругомъ идетъ, пріѣзжайте на Капреру»,—и еще крѣпко обнялъ насъ.

Оставшись одинъ, я перебиралъ подробности этого «сновидѣнья въ весеннюю ночь».

Никъ замолчалъ и задумался.

Я не прерывала его.

Небо осыпали звѣзды, какъ это бываетъ въ августѣ.

Вдругъ яркая звѣзда сорвалась съ темно-синей высоты, покатилась, черкнула по небу сверкнувшей струей — и скрылась въ мiровомъ океанѣ... гдѣ она?... она сейчасъ была тутъ!... тамъ!... и нѣтъ ея.... наступала тихая, глубокая ночь.

Татьяна Пассекъ.

С.-Петербургъ.
1882 г.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Русскіе писатели въ царствованіе Павла.

1796.

Воейковъ, Ювеналій.—Родословная Лопухиныхъ.
Карамзинъ, Н.—Ода на присягу Павлу I Московскихъ жителей.
Петровъ, Василій.—Плачь и утѣшеніе Россіи, императору Павлу I.
Поспѣлова, Марья.—Ода Павлу I на возшествіе.
Хвостовъ, А.—Ода Павлу I въ возблагодареніе за милость.

1797.

Карамзинъ, Н.—Бѣдная Лиза.
— — Письма русскаго путешественника.
Кондратовичъ.—Ода на отшествіе Павла I для коронованія.
Корбелецкій, Өедоръ.—Ода на прибытіе изъ Москвы Павла I.
Люценко.—Ода на то же.
Микулинъ.—Двѣ оды, на прибытіе въ Москву на день коронованія.
Нартовъ, А.—Рѣчь президента вольно-эконом. общества.
Николевъ, Н.—Ода Павлу I на прибытіе въ Москву.
Озерецковскій, Николай.—Пѣснь Павлу I на новый годъ.
Петровъ, Василій.—Вѣнчаніе торжества Павла I.
Пухинскій.—Двѣ оды, Павлу I и в. к. Константину Павловичу.
Руссовъ, Степанъ.—Ода на день возшествія на престолъ.
Терново-Орловскій.—Описаніе первой свадьбы царя Алексѣя Мих.
Тучковъ, С.—Собраніе сочиненій и переводовъ.
Фоминъ, А.—Описаніе Бѣлаго моря, острова Соловки.
Чашниковъ.—Малиновка, или меланхолическій вечеръ.
Чеботаревъ.—Гласъ радованія на коронованіе Павла I.
Шаликовъ, кн. П.—Ода на прибытіе Павла I въ Москву.

1798.

Бобровъ, Семенъ.—„Таврида“, поэма.
Глинка, Сергѣй.—Собраніе новыхъ романсовъ, пѣсенъ и пр.
— — Селимъ и Роксана, восточная повѣсть.
Голиковъ.—Анекдоты о Петрѣ Великомъ.
Голицынъ, кн. А.—Мелкія стихотворенія.
— — „Новые чудаки“, комедія.
Державинъ.—Ода на рожденіе в. к. Михаила Павловича.
— — Собраніе сочиненій, I часть.
Захарьинъ.—Новый Синопсисъ.
— — Приключеніе Клеандра.
Капнистъ.—„Ябеда“, комедія.
Лопухинъ, Иванъ.—О внутренней церкви.
Лохвицкій,—Пѣснь на рожденіе в. к. Михаила Павловича.

Львовъ, Николай.—Лѣтопись до Полтавской битвы.
Марковичъ, Яковъ.—О Малороссіи.
Николевъ, Н.—Вѣнчаніе на царство, стихотвореніе.
Осиповъ, Н.—„Что нибудь отъ бездѣлья на досугѣ".
Поспѣлова, Марья.—Лучшіе часы моей жизни.
Правиковъ.—Памятникъ изъ законовъ.
Севергинъ.—Минералогія.
Урусова, кн. К.—Сердечныя чувствія благодарности Павлу I.
Хвостова, г-жа.—Каминъ и ручеекъ.
Херасковъ.—„Освобожденная Москва" т агедія.
Хованскій, кн. Григ.—Мое праздное время.
Шаликовъ, кн. П.—Плодъ свободныхъ чувствованій.

1799.

Андреевъ, П.—Торжество амура.
Благодаревъ, Як —Изображеніе ремесленниковъ Петербурга
Голенищевъ-Кутузовъ, П.—Ода на покореніе Италіи.
Голицынъ, кн. Ал.—„Отецъ невидимка", комедія.
Державинъ.—Переходъ Рос. войскъ чрезъ Сенъ-Готаръ.
Дмитріевъ, Ив.—Басни и сказки.
Долгоруковъ, кн. Ив.—„Любовное волшебство", опера.
Измайловъ, А.—Евгеній.
Ильинскій, Ник.—Жизнь Козмы Минина.
Корбелецкій.—Ода на побѣды въ Италіи
Лабзинъ, А.—Исторія ордена Іерусалимскаго.
Левшинъ, Василій —Утренники влюбленнаго.
Мурзина, А.—Распускающаяся Роза.
Нарѣжный, Василій.—„Дмитрій Самозванецъ", трагедія.
Николевъ, Н.—Ода Павлу I на взятіе крѣпости Бресція.
Плавильщиковъ.—„Сговоръ Кутейкина", комедія.
Поспѣлова, Марья.—Ода на разбитіе Массены.
— — Услажденіе моей жизни.
Теряевъ, А.—Стихи на кончину кн. А. А. Безбородко.
Титовъ, П.—„Наслѣдники", комедія.

1800.

Бобровъ, С. — Домашнія жертвы, или семейств. удовольствія—Николаевъ.
Городчаниновъ, Григ.—„Митрофанушка въ отставкѣ", комедія. М.
Клушинъ, Александръ —„Худо быть близорукимъ" комедія.
— — „Американцы", опера, съ хоромъ и балетомъ.
Мальгинъ, Тимофей.—Изслѣдованіе старинныхъ судебныхъ мѣстъ, Спб
Мещерскій, кн.—Ода императору Павлу на начало XIX вѣка. Спб.
Поспѣлова, Марья.—Нѣкоторыя черты природы и истины.
Сумароковъ, Панкратій.—Источникъ здравія, изд. Москва.
Херасковъ.—„Царь, или спасенный Новгородъ", поэма.

Помѣщены здѣсь однѣ только оригинальныя сочиненія. Извлечено мною изъ библіографіи Сопикова.

(Мною же составленъ хронологическій каталогъ, изъ Сопикова. съ 1760 г. по 1796 г.).

Князь Николай Никол. Туркестановъ.

МОРШАНСКІЕ СКОПЦЫ

въ 1812—1869 гг.

Ни наука, ни общество, ни администрація никогда не знали даже и приблизительно численности Тамбовскихъ сектантовъ и раскольниковъ. Причина этого кроется, конечно, въ томъ обстоятельствѣ, что у насъ всегда слишкомъ много было заинтересованныхъ сторонъ, которымъ выгодно было держать въ потемкахъ отвлеченно-религіозную жизнь нашего народа, въ особенности тѣ факты этой самобытно-народной жизни, которые строго и положительно преслѣдовались закономъ. Поэтому всѣ наши оффиціальные отчеты, касавшіеся развитія сектантства, неизмѣнно представляютъ самыя скромныя цифры, отмѣчая единицы и пропуская сотни и тысячи. Даже въ 30-хъ годахъ текущаго столѣтія, во время систематическаго гоненія правительства на расколъ и ереси, всеподданнѣйшія донесенія Тамбовскихъ губернаторовъ показывали едва ли сотую часть отщепенцевъ нашей религіозно-народной жизни. Въ настоящую минуту передъ нами лежитъ всеподданнѣйшій отчетъ Тамбовскаго губернатора Корнилова за 1838 годъ, въ которомъ всѣхъ раскольниковъ и сектантовъ по губерніи значится 8694 человѣка, а скопцовъ отмѣчено только 36 человѣкъ.

«Въ городѣ Тамбовѣ, сказано въ отчетѣ,—скопцовъ 5; въ Моршанскѣ скопцовъ мужчинъ 21 человѣкъ, женщинъ 7 человѣкъ; въ Усманскомъ уѣздѣ—3 человѣка».

Для бо̀льшей правдоподобности, къ отчету губернатора Корнилова приложенъ былъ именной списокъ раскольниковъ и сектантовъ, причемъ относительно нѣкоторыхъ Тамбовскихъ городовъ и уѣздовъ сдѣланъ былъ слѣдующій, довольно поспѣшный, похвальный отзывъ: «въ городахъ Лебедяни, Липецкѣ, Усманѣ и Темниковѣ, а равно въ уѣздахъ Липецкомъ и Лебедянскомъ—никакихъ сектъ и раскольниковъ не находится».

Между тѣмъ въ Тамбовской эпархіи было множество такихъ приходовъ, въ которыхъ неизмѣнная народная молва считала сектантовъ сотнями, и въ то же время почти всѣ присутственныя мѣста Тамбовской губерніи безпрерывно занимались разборомъ раскольничьихъ и сектантскихъ процессовъ, вслѣдствіе чего еще въ 1805 году масса

нашего простонародья принуждена была переселяться въ Саратовскую и Оренбургскую губерніи и на Молочныя Воды...

Въ настоящей статьѣ я обращу вниманіе на однихъ только скопцовъ и буду пользоваться въ своемъ очеркѣ исключительно Тамбовскими архивными источниками.

Скопчество въ первый разъ съ особенною силою обнаружилось въ Тамбовской губерніи въ 1812 году. Губернія и безъ того уже взволнована была извѣстными событіями отечественной войны. Между обывателями городовъ и селъ шли тревожные разговоры о чрезвычайныхъ непріятельскихъ успѣхахъ. Надворный совѣтникъ Рубецъ однажды говорилъ въ Тамбовѣ передъ многочисленнымъ обществомъ: «Французы Вильну взяли и народъ встрѣчалъ Наполеона съ колѣнопреклоненіемъ и тотъ полководецъ французскій обѣщалъ всѣмъ русскимъ вольность». Слушалъ простой народъ разсказы про эту французскую вольность и невольное недоумѣніе овладѣло имъ. Губернская администрація, съ губернаторомъ Ниловымъ во главѣ, напуганная слухами о французскихъ и польскихъ шпіонахъ, изъ которыхъ нѣкоторые дѣйствительно проникли въ Тамбовскую глушь, распечатывала на почтѣ всѣ частныя письма, ловила на улицахъ и площадяхъ неосторожныхъ собесѣдниковъ, учреждала усиленные полицейскіе и военные караулы и въ то же время была крайне смущена и въ сущности не знала что дѣлать. Нѣкоторыя письма, обнаруженныя перлюстраціею, особенно тревожили городъ Тамбовъ таинственнымъ своимъ содержаніемъ. Таковы были письма надворному совѣтнику Рубцу отъ нѣкоего поляка Дробышевскаго. «Градъ Могилевъ, писалъ онъ,— засыпалъ и дальніе около него города, а нашего дождя не слышно. Надивиться тому не можно, что все сіе значитъ. Слышно, что ничего дурнаго не дѣлаетъ, но много и много есть слуховъ дурныхъ».

Такія письма въ 1812 году получались въ Тамбовѣ не рѣдко и такимъ образомъ обнаруживается въ извѣстномъ смыслѣ довольно сильное польское участіе въ смутахъ нашей отечественной войны. Общая увѣренность въ дѣйствительности этого участія получила фактическое основаніе въ іюлѣ того же года, когда въ предѣлахъ Тамбовской губерніи поймали французскаго шпіона, полковника польской службы графа Плятера.

Во второмъ своемъ письмѣ Дробышевскій сообщалъ своему корреспонденту военно-политическія новости въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «извѣстная туча разсыпала свои дожди уже около Борисова. День въ день идутъ обыватели чрезъ Оршу до Смоленска. Мы еще ничего опаснаго не слышимъ. А жена моя не пишетъ оттого, дабы въ этомъ письмѣ не было ничего русскаго».

Надворный совѣтникъ Рубецъ, повидимому, былъ весьма дѣятельнымъ польскимъ агентомъ и велъ съ своими польскими корреспондентами нѣкоторымъ образомъ шифрованную переписку. Это видно изъ слѣдующихъ словъ письма, полученнаго имъ отъ сестры изъ Стародуба: «читаю твои письма очень внятно, а моихъ писемъ ты не понимаешь» [1]).

Тревога въ Тамбовской губерніи по поводу событій отечественной войны еще болѣе увеличивалась отъ той неизвѣстности, въ которой находились наши внутреннія провинціи относительно военныхъ событій. Такъ, Пензенскій губернаторъ князь Г. С. Голицынъ спрашивалъ у Тамбовскаго губернатора Нилова: что дѣлается въ арміи?..

Ниловъ не успѣлъ еще отвѣтить Голицыну, какъ получилъ отъ него увѣдомленіе о такъ наз. Инзарскомъ бунтѣ, съ требованіемъ военной помощи для его укрощенія. Въ Инзарѣ собраны были Пензенскіе ополченцы въ количествѣ 2,400 человѣкъ, которыхъ почему-то долго не приводили къ присягѣ; тогда они сами потребовали присяжной церемоніи. Это принято было за бунтъ. Начались экзекуціи. Послѣ этого ополченцы поднялись поголовно, городничаго маіора Бахметьева избили, полковаго своего командира Дмитріева и офицеровъ посадили въ тюрьму, дворянскіе дома разграбили. Въ это время Пензенскій гарнизонъ состоялъ только изъ 50 человѣкъ казаковъ и калмыковъ, и слѣдовательно Инзарскія событія естественно предоставлялись собственному ихъ теченію. Когда же и въ Саранскѣ произошло по тѣмъ же причинамъ волненіе тамошнихъ ополченцевъ, то въ Пензенскую губернію вступилъ генералъ-лейтенантъ Толстой и оружіемъ усмирилъ волненіе. Вслѣдъ за тѣмъ Пензенскіе ополченцы двинуты были на Ромны чрезъ Тамбовъ. Здѣсь они присягали и, успокоенные, двинулись далѣе.

Въ это-то тревожное время неожиданно и съ особенною силою обнаружилось въ Тамбовской губерніи скопчество. Въ городѣ Моршанскѣ, получившемъ обширную и печальную извѣстность по развитію въ немъ самой фанатической русской секты, разомъ оскопились семейства купцовъ Платицына, Попова, Кудинова и Загороднаго, за исключеніемъ жены послѣдняго Екатерины, которая и донесла объ этомъ происшествіи губернатору Нилову. «Ради самаго Бога и пречистой его матери, писала она между прочимъ, — скройте имя доносчицы, да не останется въ потомкахъ нашего родства порочность на мнѣ несчастной, и не оставьте предписать городскому головѣ имѣть меня въ своемъ покровительствѣ».

---

[1]) Арх. Тамб. губ. правл. № 77-й.

Переписка Дробышевскаго съ Рубцомъ ведена была на польскомъ языкѣ.

Впечатлѣніе отъ этого событія было тѣмъ сильнѣе, что всѣ оскопившіеся моршанскіе купцы служили по выборамъ и занимали довольно вліятельныя должности бургомистровъ и ратмановъ [1]). Все это были люди болѣе или менѣе богатые и не жалѣли денегъ на распространеніе своего, по ихъ словамъ, голубинаго ученія. Но вѣроятно не одними деньгами вербовали они прозелитовъ въ свою мрачную секту. Была въ нихъ странная и непонятная сила убѣжденія... Поэтому ихъ рабски и добровольно слушались даже такіе люди, которые ничего уже не могли ждать отъ жизни, наприм. колодникъ моршанской тюрьмы Михаилъ Ивановъ. «Назадъ тому два мѣсяца, объяснялъ онъ моршанскому суду въ концѣ 1812 года,—вздумалъ я оскопить себя для прекращенія плоти и вчера въ полночь, когда всѣ спали, найденнымъ въ канавкѣ ножемъ самъ себя порѣшилъ и отрѣзалъ ключи ада» [2]).

Дѣятельность моршанскихъ сектантовъ съ особенною силою распространилась по двумъ уѣздамъ, Моршанскому и Козловскому, преимущественно въ селахъ: Стежкахъ, Правыхъ и Лѣвыхъ Ламкахъ, Сосновкѣ и Крюковѣ. Нѣкоторые крестьяне, подъ вліяніемъ скопческихъ наставниковъ, цѣлыми и многолюдными семьями уродовали себя, царствія ради небеснаго, пользуясь при этомъ обыкновенными тупыми ножами. Такъ поступили однодворцы Фатѣй, Прокофій, Сазонъ, Илья и Савостьянъ Ефремовы. Послѣ операціи они сами же донесли на себя земскому суду. «И то мы сдѣлали, писали они,— къ спасенію душъ нашихъ простыми ножами». Оскопивъ себя, фанатики тоже сдѣлали съ малыми дѣтьми Савостьяномъ (сыномъ Прокофія) и Павломъ (сыномъ Фатѣя). Мальчики сначала не давались операторамъ и отчаянно кричали, но отцы въ полѣ на работѣ чѣмъ-то опоили ихъ. Тогда Савостьянъ и Павелъ заснули и проснулись уже невольными скопцами.

Братьевъ Ефремовыхъ приговорили къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе. Судили ихъ съ особенною и весьма понятною строгостью и до окончательнаго рѣшенія ихъ участи держали въ цѣпяхъ, прибитыхъ къ тюремнымъ стѣнамъ [3]). А что сталось съ моршанскими скопцами Платицынымъ, Поповымъ, Кудиновымъ и Загороднымъ—мы не знаемъ. Кажется, по своимъ капиталамъ они были освобождены отъ суда и слѣдствія, потому что ихъ фамиліи и потомъ часто фигурировали въ скопческихъ процессахъ.

---

[1]) Арх. губ. правл. № 583 II.
[2]) Ibid. № 66-II.
[3]) Ibid. № 1068.

Послѣ того дѣла о скопцахъ не возобновлялись Тамбовскою администраціею до 1830-хъ годовъ. Мирно люди Божіи совершали свои радѣнія, наружно исполняли православные обряды, отличались трезвою и скромною жизнію, ласково принимали въ домахъ своихъ православныхъ священниковъ, щедро расплачивались съ чинами земской полиціи и другими властями и вслѣдствіе строго организованной своей солидарности богатѣли.

Въ 1838 году началось дѣло Моршанскаго купца Егора Иванова Платицына, извѣстнаго богача и главнаго наставника всѣхъ Тамбовскихъ скопцовъ. Передъ судомъ явился 70-лѣтній старикъ, увѣшанный медалями и на всю губернію прославленный щедрыми пожертвованіями и значительными частными благодѣяніями. Платицына оправдали. Между тѣмъ улики противъ него были такого положительнаго свойства, что только прежніе суды могли оставить ихъ безъ вниманія. Къ числу такихъ уликъ мы относимъ письмо Егора Платицына къ его племяннику Максиму Кузьмину Платицыну, герою извѣстнаго Моршанскаго процесса 1868 года.

«Поклонись отъ меня, писалъ Егоръ Платицынъ,— коммиссіонеру Шеметову, да поблагодари его за хлопоты по дѣлу Аристова. Хотя я по слѣдствію и не доказанъ былъ, но ты самъ знаешь: я съ нимъ поддерживалъ нашу секту. А теперь меня тревожитъ Моршанскій уѣздный судъ на счетъ вновь открытыхъ скопцовъ—дѣвокъ, которыя живутъ въ Моршанскѣ у Кунавина. Всѣ онѣ оскоплены по нашему обряду, мною придуманному. Попроси освободить ихъ отъ суда, иначе всѣ мы пропали и нашей секты больше не будетъ въ Моршѣ».

Въ то же время Платицынъ писалъ своему коммиссіонеру Шеметову: «назадъ тому годъ окастрачены дѣвка Анисья, моя работница, Татьяна да Матрена. И я прошу васъ: похлопочите за нихъ, когда дѣло будетъ у министра, а деньги возьмите у племянника, сколько вамъ будетъ нужно. Спасибо нашему стряпчему Григорію Васильевичу. Онъ меня и прочихъ освободилъ. Да смотри хлопочи—не жалѣй насъ».

Для формы сдѣлали обыскъ въ домѣ Егора Платицына. Нашлись и тамъ серьезныя улики противъ скопческаго начальника, а также и противъ нѣкоторыхъ чиновниковъ, нагрѣвавшихъ руки около такой доходной статьи, какъ общество бѣлыхъ голубей. Такъ, напримѣръ, въ письменномъ ящикѣ у Платицына оказалось письмо къ нему Тамбовскаго купца Мандрыкина съ слѣдующею припискою: «чиновникъ Борисовъ велѣлъ тебѣ прислать 1000 рублей и ты это письмо скрой на огнѣ» [1]).

---

[1]) Арх. губ. правл. № 46.

Въ 1841 году Егоръ Ивановъ Платицынъ умеръ, передавъ свои капиталы и свое значеніе въ скопчествѣ Максиму Кузмину Платицыну. И опять началась подпольная работа и снова появились массы прозелитовъ дикаго ученія. Самъ Платицынъ болѣе и болѣе богатѣлъ, украшался золотыми медалями и орденами, строилъ церкви, съ гордостію носилъ пріютскій мундиръ, благодѣтельствовалъ чиновникамъ и втихомолку обдѣлывалъ свои дѣла, не пренебрегая при случаѣ и грубымъ насиліемъ. Такъ дѣло шло до конца 1868 года. Въ это время нѣкто чиновникъ Боголюбовъ, послѣ неоднократныхъ доносовъ на Платицына и его скопческую пропаганду, добился наконецъ до знаменитаго Платицынскаго процесса.

«Съ 1862 года, писалъ Боголюбовъ,—началъ я подавать прошенія на высочайшее имя, но просьбы мои пропадали и все это были хлопоты Платицына. Сидѣлъ я по своему дѣлу 11 мѣсяцевъ въ острогѣ и въ это время Платицынъ оскоплялъ многихъ насильно, наприм. мѣщанъ Котельникова и Холопова, и то дѣлалъ онъ, не боясь судей и начальниковъ по своему богатству».

По приказанію тамбовскаго губернатора Н. М. Гартинга, 24-го декабря 1868 года въ домѣ Платицына сдѣланъ былъ обыскъ. Моршанскій полицмейстеръ Тришатный и жандармскій офицеръ Шкотъ подошли къ Платицынскимъ воротамъ въ 8 часовъ вечера. Всѣ пять домовъ скопческаго главы стояли на соборной площади, точно какіе-нибудь редуты — мрачные и съ заложенными кирпичемъ окнами. Только въ одномъ деревянномъ флигелѣ, гдѣ жилъ самъ Максимъ Платицынъ, слабо свѣтился огонекъ... Слѣдователи начали громко стучать въ калитку и именемъ закона приказывали поскорѣе впустить ихъ. Тогда за стѣнами началась усиленная бѣготня, темныя фигуры зачѣмъ-то бѣгали по широкому двору отъ дома къ дому и отъ подвала къ подвалу. Только въ 10 часовъ государственная полиція могла проникнуть въ аппартаменты Платицына, который въ это время лежалъ въ постели и протестовалъ, по адресу своихъ нежданныхъ гостей, во имя своего почетнаго гражданства, старости и медальныхъ украшеній [1]. Старикъ-скопецъ, повидимому, былъ застигнутъ слѣдственною коммисіею врасплохъ и изображалъ изъ себя угнетенную невинность. Между тѣмъ правительственные планы извѣстны были ему давно, такъ какъ предупредительно и своевременно его увѣдомили обо всемъ нѣкоторые чиновники, которымъ эта измѣна служебному долгу была не безвыгодна. А моршанскій судебный слѣдователь, получивъ телеграмму о произведеніи немедленнаго обыска въ Пла-

[1] Въ 1868 году Максиму Платицыну было 63 года.

гицынскомъ домѣ, къ удивленію всего города, сказался больнымъ, хотя въ здоровьи его никто не сомнѣвался. Правда, всѣ эти Моршанскіе дѣльцы, по распоряженію губернатора, были удалены отъ мѣстъ, но легка для нихъ была сытая ихъ отставка и долго на своихъ лаврахъ стараго чиновничьяго режима почивали они, тихонько подсмѣиваясь надъ оффиціальною суровостію губернской администраціи.

Окончательный обыскъ въ домѣ Платицына сдѣланъ былъ въ январѣ 1869 года. Въ это время нашли у него слѣдующія подозрительныя вещи: портретъ Петра III съ кружкомъ надъ головой, какъ изображаютъ это иконописцы на иконахъ, и съ сіяющими звѣздами. Внизу портрета представлены перекрещенныя трубы съ дымомъ и пламенемъ. Надъ постелью Платицына нашли портреты Кондратія Селиванова и Александра Шилова. Тутъ же висѣла фотографическая карточка нѣкоей Анны Сафоновны—Сосновской крестьянки, которую скопцы считали за Богородицу. Скопческая Богородица изображена въ видѣ простой деревенской женщины съ платкомъ на головѣ и груди и съ цвѣткомъ въ рукѣ. Библіотека богатаго Моршанскаго коммерсанта оказалась въ самомъ скромномъ составѣ, именно въ видѣ календаря за 1840 годъ, при чемъ на поляхъ книжки слѣдователи прочитали такую подозрительную надпись Максима Платицына: «я дождусь трехъ государей и новаго словесника». А черезъ нѣсколько страницъ его же рукою на поляхъ написано: «мягкая постель оказалась подлѣющею; кажется—теперь намъ конецъ. А впрочемъ курская партія во 104 человѣка опрошена и оставлена пока безъ преслѣдованія».

Стали послѣ того опечатывать въ кладовыхъ сундуки съ деньгами, при чемъ наличнаго капитала насчитали, къ общему удивленію, только 400,000 рублей. Куда же дѣвались несомнѣнно существовавшіе Платицынскіе милліоны—это и доселѣ неизвѣстно. Вѣроятнѣе всего, самъ Платицынъ заблаговременно помѣстилъ ихъ въ вѣрныя руки своихъ единовѣрцевъ, изъ которыхъ нѣкоторые впослѣдствіи вдругъ и чрезвычайно разбогатѣли. По крайней мѣрѣ въ этомъ именно смыслѣ высказывались многіе свидѣтели по дѣлу Платицына и то же писали слѣдователямъ неизвѣстные авторы въ анонимныхъ письмахъ. Наконецъ и доселѣ еще сохраняются у насъ преданія о томъ, какъ въ домахъ нѣкоторыхъ Моршанскихъ обывателей-скопцовъ въ дровяныхъ складахъ были находимы толстыя пачки серій и кредитныхъ билетовъ.

Въ таинственныхъ кладовыхъ Моршанскаго скопца-банкира въ особомъ мѣшечкѣ нашли также рубли и полтинники съ изображеніемъ Петра III. Всѣ они отдѣлены были особо и пользовались у хо-

зяина очевиднымъ предпочтеніемъ передъ монетами другихъ чекановъ. Была заарестована въ спальнѣ Платицына и еще одна скопческая святыня, именно разнаго цвѣта головные волосы въ пяти бумажкахъ. Повидимому, это были сувениры отъ различныхъ скопческихъ святыхъ: Селиванова, Шилова и другихъ.

Всѣхъ подсудимыхъ въ Моршанскомъ процессѣ оказалось 40 человѣкъ. Изъ этого числа 9 женщинъ разнаго возраста жили въ Платицынскомъ домѣ на полномъ его содержаніи. Между ними находилась 70-лѣтняя родственница знаменитаго сектанта Татьяна Платицына. Всѣ эти фанатическія женщины, какъ это подтвердила медицинская экспертиза, подвергнуты были полному оскопленію, т. е. порчи грудей и половыхъ органовъ, и составляли священную свиту скопческаго наставника. Между тѣмъ самъ Платицынъ, какъ человѣкъ весьма осторожный и дальновидный, не былъ оскопленъ и повидимому былъ ревностнымъ сыномъ православной церкви. Онъ аккуратно посѣщалъ церковныя службы, 30 лѣтъ ежегодно исповѣдывался и пріобщался, и въ царскіе дни, украшенный мгогочисленными медалями и орденомъ и шитымъ пріютскимъ мундиромъ, стоялъ въ соборѣ впереди народа, вмѣстѣ съ городскими властями, и благоговѣйно подходилъ ко кресту.

Самое тяжелое впечатлѣніе на слѣдователей по Платицынскому дѣлу, между которыми видную роль игралъ чиновникъ Дураковъ, произвело слѣдующее открытіе. Подъ домомъ Платицына нашли обширный и глухой подвалъ съ массивною желѣзною дверью. Здѣсь производились скопческія операціи. По словамъ Боголюбова, давшаго ходъ Платицынскому процессу,—крику изъ того подвала было не слыхать, а умиравшихъ отъ неискуснаго рѣзанія хоронили тихонько по ночамъ тутъ же на дворѣ или въ подпольѣ.

Когда всѣ улики противъ Платицына были собраны, сдѣлали о скопцахъ повальный обыскъ. Но всѣ данныя о таинственной сектѣ оказались слишкомъ краткими, неопредѣленными и въ сущности выразились только въ слѣдующихъ показаніяхъ: «скопцы мяснаго не ѣдятъ, пѣсенъ не играютъ, водки не пьютъ, а чай пьютъ часто и съ бѣлымъ хлѣбомъ».

Самъ Платицынъ упорно отказывался отъ всякаго участія въ скопческихъ радѣніяхъ и ереси. «Откуда всѣ улики явились, говорилъ онъ,—не знаю. Женщинъ при себѣ держалъ я для домашней услуги, а что онѣ были оскоплены—не зналъ я. Портреты скопцовъ Селиванова и Шилова и иныя подобныя вещи какъ очутились у меня тоже не помню и не знаю».

Платицынское дѣло повели, вслѣдствіе рѣшительныхъ приказаній

изъ Петербурга, съ такою энергіею, что всѣ скопческіе капиталы оказались въ этомъ случаѣ безсильными. Самъ Максимъ Платицынъ, по высочайшей конфирмаціи отъ 16-го октября 1869 года, лишонъ былъ отличій и всѣхъ правъ и сосланъ на поселеніе въ восточную Сибирь. Той же участи подверглись Татьяна Платицына, девять женщинъ, составлявшихъ Платицынскій штатъ, и главные помощники скопческаго ересіарха, между которыми особеннаго вниманія заслуживаютъ слѣдующіе фанатики: мѣщанинъ Іовъ Зыкинъ—79 лѣтъ, мѣщанинъ Ефимъ Кунавинъ—69 лѣтъ и крестьянка Василиса Жданова—84 лѣтъ.

Въ настоящее время Платицына нѣтъ уже на свѣтѣ. Капиталы его, воротившіе скопческой пропагандой, куда то исчезли, но скопчество въ Тамбовской губерніи, по своему алчущей и жаждущей религіозной правды, не изчезло еще и ждетъ оно разумной и доброй христіанской проповѣди, да болѣе нормальныхъ нравственныхъ условій нашей общественной жизни, чтобы сгинуть и такимъ образомъ очистить русскую религіозно-народную жизнь отъ самыхъ мрачныхъ и фанатическихъ ея осложненій.

— Много ли же въ Тамбовской губерніи скопцовъ? естественно возникаетъ у насъ вопросъ.

— Много, отвѣчаемъ мы, а сколько именно—не знаемъ и пока не можемъ знать. Несомнѣнно только то, что ихъ надо считать не единицами и не десятками, а сотнями.

Скопчество, безъ сомнѣнія, есть фанатическая и вредная секта и никакой самый опытный діалектикъ не въ состояніи оправдывать его. Между тѣмъ въ потемкахъ русской религіозно-народной жизни бывали факты еще возмутительнѣе скопчества. Объ одномъ изъ такихъ фактовъ въ 1773 году доносилъ св. Синоду Устюжскій епископъ Іоаннъ: «въ Устюжской епархіи, писалъ владыка,—проявились чародѣи и тѣ мнимые чародѣи сами учились чародѣйству и другихъ учили и при тѣхъ чародѣйствахъ отрицались отъ самаго Бога и отъ христіанской вѣры, крестъ снявъ съ себя бросали, отца и мать, мѣсяцъ и солнце, землю и воду проклинали» [1]).

И. Дубасовъ.

---

[1]) Арх. Тамб. конс. № 3 (синод. указы).

НѢМЦЫ НА СВЯТОЙ РУСИ.

Замѣтки.

I.

Какой-то острословъ сказалъ, что въ Россіи нѣмцы родятся—одинъ съ петелькой, а другой съ крючкомъ, и потомъ на жизненномъ, а главное, на служебномъ поприщѣ, цѣпляясь другъ за друга, неразрывной цѣпью идутъ впередъ и, при обоюдной поддержкѣ, доходятъ до степеней извѣстныхъ.

Во время своей продолжительной службы я замѣтилъ, что въ нѣмецкой средѣ, въ противоположность русскимъ, всегда идущимъ вразбродъ (не даромъ наши простолюдины сами себя называютъ разсѣянами), дѣйствительно сильно развиты чувство солидарности и радѣнье родному человѣчку. Стóитъ только нѣмцу занять какой-либо вліятельный служебный постъ и онъ тотчасъ же начинаетъ окружать себя родными человѣчками... Выбить ихъ изъ разъ занятой ими позиціи и даже втереться въ ихъ кружокъ—нечего и думать русскому человѣку. Кружки эти своего рода средневѣковые замкнутые цехи. Излюбленныя и, конечно, теплыя служебныя мѣста передаются дѣтямъ, внукамъ, родственникамъ и такимъ образомъ нѣкоторыя дистанціи въ россійской администраціи представляются какъ бы нѣмецкими колоніями.

Припоминается мнѣ по этому поводу одинъ разсказъ. Въ Варшавѣ, высокій сановникъ, изъ нѣмцевъ, давалъ однажды вечеръ, на который, въ числѣ прочихъ чиновныхъ гостей, былъ приглашенъ генералъ К—ій. На другой день кто-то спросилъ К—го, кто былъ на вечерѣ у сановника. „Да все свои,—отвѣчалъ К—ій,—изъ иностранцевъ были только я, да г. Ивановъ“.

II.

Кстати о цехахъ. Существуютъ-ли еще таковые въ нашей кульминированной (по мнѣнію, конечно, только нѣмцевъ) Остзейской провинціи? Въ 1850-хъ годахъ цехи процвѣтали тамъ во всей своей силѣ.

Въ 1854 году я жилъ въ Ригѣ, у своего дяди NN, много поработавшаго для русскаго дѣла въ Остзейскомъ краѣ и не мало потерпѣвшаго отъ нѣмецкихъ культургеровъ. Однажды дядя мой, занимавшійся въ то время перестройкой своего домика, идя со мною по улицѣ, бросился догонять какого-то господина и затѣмъ сталъ почтительнѣйше просить его о чемъ-то. Собесѣдникъ дяди, элегантно убранный, надушенный, съ физіономіею и позою чуть ни министра, съ важностію выслушивалъ просьбу дяди и что-то бормоталъ въ отвѣтъ, не выпуская изъ зубъ сигары. Въ простотѣ сердечной я еще издали снялъ шапку предъ важнымъ собесѣдникомъ дяди, а, по окончаніи разговора, спросилъ дядю, съ кѣмъ онъ имѣлъ честь бесѣдовать? Можете представить себѣ мое изумленіе, когда дядя сообщилъ мнѣ, что важный собесѣдникъ его былъ, ни болѣе ни менѣе, какъ трубочистъ, у котораго онъ испрашивалъ разрѣшенія на поправку камина. Изъ разсказа дяди я въ первый разъ услышалъ тогда, что въ Ригѣ существуютъ зам-

кнутые ремесленные цехи, въ которыхъ право на извѣстное мастерство, чуть ни съ крестовыхъ походовъ, передается отъ отца къ сыну, изъ рода въ родъ. Эти привиллегированные мастера давнымъ-давно не прикладываютъ и рукъ къ своему ремеслу, великодушно предоставляя работу и трудъ русскимъ мастеровымъ, густо населявшимъ бѣдный Московскій форштадтъ, но безъ ихъ разрѣшенія, утвержденнаго ихъ подписью, никто не смѣлъ нанять русскаго мастероваго, а послѣдній—взять на себя хотя бы самую ничтожную работу. За свою разрѣшающую подпись цеховой баринъ бралъ себѣ половину задѣльной платы русскаго мастероваго. Легко понять, почему остзейскіе нѣмцы такъ горячо отстаиваютъ свои старые порядки и противятся русскимъ нововведеніямъ.

III.

Предъ минувшимъ польскимъ возстаніемъ, во время всяческихъ манифестацій и демонстрацій со стороны поляковъ и уступокъ съ нашей стороны, въ видахъ примиренія съ ними, всѣ служебныя мѣста въ Привислинскомъ краѣ были предоставлены полякамъ и русскіе чиновники съ крайнею поспѣшностію были удалены отъ своихъ должностей. Забравъ въ свои руки бразды правленія, польскіе чиновники дѣятельно принялись за организацію возстанія и, въ благодарность за оказанное имъ довѣріе, преподнесли вооруженный мятежъ. Въ виду такого сюрприза, администрація наша перемѣнила фронтъ и такъ же поспѣшно стала замѣщать служебныя должности чиновниками не польскаго происхожденія. Запросъ на служилыхъ людей былъ великъ, но и предложеніе услугъ было громадно. Увеличенное содержаніе, разныя льготы и, главное, упрощенный способъ пріема на службу, безъ всякихъ справокъ о прошломъ кандидата и безъ руководства установленными закономъ правилами для поступающихъ на службу, привлекли въ Привислинскій край массу дѣятелей, къ крайнему сожалѣнію, весьма нерѣдко не только бездѣльныхъ, но и совершенныхъ бездѣльниковъ. Въ принятіи на службу, конечно, первенствующую роль играла „протекція", но на первыхъ порахъ—извѣстная русская поговорка: „на безрыбьи и ракъ рыба". Укажу при этомъ на одно странное и крайне прискорбное явленіе. На нашихъ окраинахъ, среди чуждыхъ народностей, нерѣдко крайне враждебно къ намъ расположенныхъ, представителями правительственной власти должны бы быть лучшіе русскіе люди, способные съ честію и высоко держать русское знамя. У насъ почему-то всегда дѣлалось наоборотъ. Заварилась какая нибудь каша на нашихъ окраинахъ, потребовались русскіе дѣятели и ихъ набираютъ чуть ни съ улицы, безъ всякаго разбора и подбора (то же сдѣлало и наше общество во время сербской войны). Замотался какой нибудь благородный отпрыскъ знатной фамиліи, запутался въ долгахъ, надѣлалъ скандаловъ—и его, чтобы дать время забыть о его грѣхахъ, а можетъ быть, и дать ему время перебѣситься, зачисляютъ въ ряды дѣятелей на нашихъ окраинахъ. Такими ссыльными колоніями для служилыхъ людей былъ когда-то Кавказъ, потомъ Туркестанскій край, давшій возможность геніальному нашему сатирику М. Е. Салтыкову создать особой типъ „Ташкентцевъ", а иногда и Привислинскій край. Дѣятели эти, конечно, не приносили никакой пользы и въ нашихъ полудикихъ азіатскихъ окраинахъ,—въ Привислинскомъ же краѣ, среди образованнаго народа, они приносили неисчислимый вредъ русскому дѣлу.

Изъ періода наплыва въ Привислинскій край служилыхъ людей припоминается мнѣ одинъ случай. Какой-то отставной капитанъ ....овъ, прозябавшій гдѣ-то въ глухой провинціи, послѣ Севастопольскаго геройскаго сидѣнья, узнавъ объ огромномъ количествѣ служебныхъ вакансій въ Привислинскомъ краѣ, но забывъ вѣроятно, что служебныя мѣста у насъ рѣдко доступны безъ протекціи, отправился въ Варшаву и явился къ упоминаемому мною въ первомъ разсказѣ сановнику.

— „Такъ и такъ, — говоритъ, — проливалъ кровь за отечество, лишился нѣкоторыхъ членовъ, но не лишился, къ сожалѣнію, потребности ѣсть, а потому и притащился изъ дальнихъ странъ искать и просить службы".

Сановникъ, не усматривая въ рукахъ просителя никакого рекомендательнаго манускрипта, а въ фамиліи его — ничего имѣющаго какое-либо отношеніе къ сильнымъ міра сего, сухо отвѣтилъ: „напрасно безпокоились, мѣстъ нѣтъ".

— „Какъ же, ваше—ство, — заволновался проситель, — я слышалъ"...

— „Для васъ я не имѣю мѣста", — оборвалъ его сановникъ.

Проситель, вѣроятно обладавшій натурою капитана Копѣйкина, а, можетъ быть, просто только больною печенью, вспылилъ и отрѣзалъ:

— „Это отъ того, ваше—ство, что моя фамилія оканчивается на ...овъ, а еслибы я былъ какой нибудь фонъ-деръ-ховъ, то, конечно, и для меня нашлось бы мѣсто"...

Послѣ такой выходки проситель тотчасъ же получилъ мѣсто.... на гауптвахтѣ.

IV.

Заговоривъ о фамиліяхъ, я вспомнилъ одинъ разсказъ. Какого-то бѣднаго малаго судьба, обойдя всѣми дарами, наградила только громкою историческою фамиліею, по случаю которой ему часто приходилось выслушивать отъ своихъ знакомыхъ вопросы: не родственникъ-ли онъ такому-то важному сановнику? На такіе вопросы онъ обыкновенно отвѣчалъ шуткой: „какъ же, наши отцы на одномъ солнышкѣ онучки сушили". Однажды, въ погонѣ за кускомъ хлѣба, ему пришлось обратиться къ одному начальнику съ просьбою о мѣстѣ.

— Ваша фамилія? спрашиваетъ начальство.

— „Такая-то".

— Не родственникъ-ли вы...

— „Какъ-же, — торопится, по привычкѣ, отвѣчать проситель, — наши отцы"... но тотчасъ же прикусилъ языкъ, понявъ всю неумѣстность своего обычнаго шуточнаго отвѣта.

Начальство, не ожидая разъясненія степени родства просителя съ важнымъ сановникомъ, благосклонно объявило ему о принятіи его на службу.

Хоть разъ принесла пользу бѣднягѣ его громкая фамилія, надъ которой обыкновенно только потѣшались его пріятели.

V.

Люди нѣмецкой національности, съ давняго времени поступавшіе на русскую службу, съ честію и славою служили своему новому отечеству. Нѣко-

торымъ изъ нихъ русская исторія отдаетъ свои лучшія страницы, а государство воздвигаетъ монументы. Но въ семьѣ не безъ урода, и среди честныхъ нѣмцевъ попадаются такіе дѣятели, которые, по своимъ свойствамъ и качествамъ, совсѣмъ не дѣлаютъ чести своей національности. Объ этихъ-то послѣднихъ, на неприглядныя стороны которыхъ мнѣ приходилось наталкиваться во время службы, я и хочу сказать нѣсколько словъ. Считаю не лишнимъ напомнить, что я беру матеріалы изъ своей старой записной книжки и говорю о томъ, что было и чего теперь, быть можетъ, совсѣмъ и нѣтъ.

Первое, что слишкомъ часто бросалось мнѣ въ глаза, это сильно развитое чувство стяжательности въ нѣмецкихъ служилыхъ людяхъ, возведенное нѣкоторыми изъ нихъ въ принципъ, въ руководящее начало всей своей служебной дѣятельности. Дознано мною лично, горькимъ опытомъ, что на службѣ нельзя нажить достатка. „Служилъ семь лѣтъ,—говаривалъ одинъ армейскій офицеръ,—выслужилъ семь рѣпъ и ни одной красненькой нѣтъ". Я не говорю уже о нашихъ аристократахъ, которые не только не наживались на службѣ, а проживали и собственныя свои наслѣдственныя достоянія. Помню я этихъ баръ, которые съ благородною гордостію говорили, что „мы служимъ изъ чести" и, расписываясь въ полученіи слѣдующаго имъ жалованья, предоставляли таковое въ пользу казначейскихъ писарей [1]). Такихъ господъ среди нѣмецкихъ служилыхъ людей я не встрѣчалъ, а вотъ такихъ, которые, покидая отчій домъ какого нибудь пастора въ бѣдной латышской деревенькѣ и поступая на службу на благородное поприще воина, оставляли въ наслѣдство своимъ дѣтямъ милліонъ,—я видѣлъ. Прослѣдивъ по послужному списку такого дѣятеля за полученіемъ имъ казеннаго содержанія во время службы, легко убѣдиться, что еслибы онъ, въ теченіе всей своей жизни, питался однимъ только воздухомъ и прикрывался однимъ только лавровымъ листикомъ, то и тогда не могъ бы оставить послѣ себя и десятой доли своего наслѣдства.

Какъ же наживались такія богатства—казнокрадствомъ, взяточничествомъ? Конечно да, но не грубымъ первобытнымъ способомъ, неизбѣжно влекущимъ за собою судъ и путешествіе въ болѣе или менѣе отдаленныя мѣста, но путями хитрыми, дипломатическими и для поверхностнаго наблюдателя quasi-легальными. Ловкіе люди умѣютъ загребать деньги, если не на точномъ

[1]) Невольно припоминается мнѣ одинъ мой начальникъ, генералъ изъ нѣмцевъ. Казначейскій писарь, разнося жалованье и книгу для росписокъ по квартирамъ служащихъ и дѣлая этимъ намъ услугу, конечно, получалъ отъ каждаго изъ насъ соотвѣтственное вознагражденіе, окупавшее по крайней мѣрѣ затрату писаря на предполагаемаго извощика. Генералъ получалъ крупный кушъ ассигнацій, съ добавленіемъ какихъ-то 2½ коп. Пересчитавъ пукъ ассигнацій и росписавшись въ книгахъ, генералъ обыкновенно отодвигалъ рукою на столѣ 2½ к., говоря писарю: «это мелочь ужъ твоя». Писарь очень оскорблялся этимъ нищенскимъ подаяніемъ и разъ, желая провести генерала, принесъ ему на цѣлый рубль мѣдныхъ пятаковъ, расчитывая, что генералъ, по обыкновенію, заберетъ себѣ ассигнаціи и отодвинетъ къ нему всю мелочь. Какъ же бѣдняга сконфузился, когда генералъ, пересчитавъ ассигнаціи и съ такой же точностію мѣдные пятаки, отодвинулъ къ нему опять тѣ же несчастныя 2½ к., съ своими обычными словами: «это мелочь ужъ твоя». Н. Х.

основаніи закона, то примѣняясь только къ нему, по смыслу закона, руководствуясь духомъ токоваго. а въ крайнемъ случаѣ и бывшими примѣрами. Удивительно богатъ и казуистиченъ нашъ канцелярскій языкъ!

Беру факты, первые, какіе попадутся мнѣ на глаза въ моей записной книжкѣ и довольно старые, чтобы годиться для страницъ „Русской Старины".

На одной изъ нашихъ окраинъ было время смутное, но развеселое для разныхъ любителей ловить рыбу въ мутной водѣ и обжорливыхъ акулъ. Денегъ была масса и всяческихъ названій: ординарныхъ и экстраординарныхъ, дабавочныхъ и на усиленіе содержанія, фуражныхъ даже для тѣхъ, которые не имѣли понятія о верховой ѣздѣ и которымъ при томъ и некуда было ѣздить, штрафныхъ и контрибуціонныхъ, отпускавшихся въ безотчетное распоряженіе, и такихъ, о которыхъ забыли вести отчеты. Было къ чему приложить руки ловкимъ людямъ, съ покладливою совѣстью—ну, и прикладывали...

Одно начальствующее лицо, изъ нѣмцевъ, занимавшее видный служебный постъ, также приложило свою загребистую лапу къ золотоносному источнику. По закону, чиновникамъ, отправляющимся на службу на наши дальнія окраины, выдаются на подъемъ деньги, въ размѣрѣ не свыше впрочемъ годоваго оклада жалованья. Примѣняясь къ этому закону, упоминаемое мною начальствующее лицо заполучило, вѣроятно изъ какого нибудь безотчетнаго источника, крупный кушъ денегъ (для простыхъ смертныхъ—цѣлый капиталъ) также на подъемъ при переѣздѣ изъ одной квартиры на другую на одной и той же улицѣ. Впрочемъ, въ то время совершались такіе подъемы, дѣлались такія карьеры, что я пришелъ къ заключенію, что и люди могутъ создавать и создаваться изъ ничего. Nil mortalibus arduum est.

VI.

А вотъ два случая изъ исторіи лихой памяти военныхъ поселеній.

Одно время, во главѣ этихъ поселеній стояла особа важная, натуры деспотической, а силы и значенія огромныхъ. Прожекты этой особы, какъ бы ни были они странны, никогда и никакимъ измѣненіямъ не подвергались, а представленія его отказовъ не знали. Однимъ изъ подручныхъ у этой особы былъ генералъ, изъ нѣмцевъ, личность весьма умная, дѣятельная, но, къ сожалѣнію, дѣятельная и въ дѣлѣ наживы. Безропотно подчиняясь всѣмъ капризамъ, а подчасъ и дикимъ выходкамъ важной особы, безпрекословно исполняя велѣнія этой особы, подручный генералъ, на поверхностный взглядъ, казался только простымъ орудіемъ въ рукахъ важнаго сановника, но на самомъ дѣлѣ, въ большинствѣ случаевъ и случаевъ интересныхъ, онъ водилъ за носъ важнаго сановника и настраивалъ его отдавать тѣ или другія приказанія, позволяя себѣ даже дѣлать почтительнѣйшія представленія противъ желательныхъ приказаній. Такія явленія не рѣдкость въ служебномъ мірѣ. Иной начальникъ со стороны кажется грознымъ, какъ труба архангела въ послѣдній день міра, а между тѣмъ трубу эту ловко надуваютъ разные приспѣшники и извлекаютъ изъ нея нужные имъ аккорды. Для такой игры на грозной трубѣ, требуются со стороны игрока сначала огромное терпѣніе и выносливость и всегда ловкость и изворотливость ума; особенно способными оказывались люди нѣмецкой и польской національностей.

Однажды подручный генералъ, составивъ въ тайникѣ своей души хитро-

умный планъ богатой наживы, представилъ своему принципалу проектъ постройки въ нашихъ степяхъ дворцовъ, на случай пріѣзда высокихъ особъ, выставивъ на видъ и украшеніе степей, которымъ такъ прославился когда-то великолѣпный князь Тавриды, и улучшеніе экономическаго быта военныхъ поселянъ при предстоящихъ заработкахъ, и то, что проектируемыя монументальныя сооруженія прибавятъ свѣтлую страницу въ исторіи славнаго начальствованія его принципала. Фигурировать въ исторіи въ связи съ монументами, конечно, очень лестно и потому послѣдовала резолюція: „представить“.

Представленіе, можетъ быть и поморщившись, утвердили и подготовительныя работы закипѣли: инженеры дѣлали чертежи и смѣты, громоздили цифры на цифры и... глотали слюнки въ чаяніи великой наживы. Подручный генералъ стоитъ себѣ въ сторонѣ безучастнымъ зрителемъ, какъ бы совсѣмъ не интересуясь смѣтами и цифрами, но когда эти цифры и смѣты были утверждены, въ одно прекрасное утро (не для инженеровъ, конечно, и подготовленныхъ подрядчиковъ) онъ заявилъ о послѣдовавшемъ распоряженіи возвести постройки хозяйственнымъ способомъ, подъ непосредственнымъ надзоромъ и по указаніямъ самой сановной особы. Строители-инженеры смекнули, конечно, въ чей ротъ попадетъ лакомый кусъ, который они съ такимъ усердіемъ утучняли и на который уже раззѣвали ротъ, и готовы были живьемъ проглотить подручнаго генерала, особенно при ревизіи возведенныхъ имъ зданій, но при этихъ постройкахъ такъ было все замазано и закрашено, такъ оформлено и озаконено (чуть ни каждый кирпичъ и доска опирались если не на законъ, то на какой нибудь циркуляръ), что и комаръ носа не могъ подточить, а, главное - около зданій были поставлены неприступныя ширмы: самъ. Между тѣмъ подручный генералъ, какъ мнѣ разсказывалъ приближенный къ нему человѣкъ, по возведеніи монументальныхъ построекъ [1]), положилъ въ свой карманъ громадный капиталъ. Замѣтьте, что объ этомъ случаѣ было разсказано мнѣ вовсе не въ укоръ или осужденіе упомянутаго дѣятеля, а только въ доказательство его геніальныхъ способностей

VII.

Другой случай изъ жизни того же лица.

Командиръ одного полка, личность весьма богатая, но безалаберная, что-то набѣдокурилъ и могъ ожидать довольно скверныхъ послѣдствій. Надо было заручиться, пока дѣло не получило еще полной огласки, благорасположеніемъ подручнаго генерала, и вотъ является къ нему ловкій посредникъ и заявляетъ, что такой-то полковой командиръ, обремененный имѣніями, рѣшился во что бы то ни стало отдѣлаться отъ одного изъ этихъ имѣній, на весьма выгодныхъ для покупателя условіяхъ. Условія оказались дѣйствительно слишкомъ выгодными, такъ какъ подручный генералъ, продавъ запасный хлѣбъ и часть лѣса въ благопріобрѣтенномъ имѣніи, уплатилъ продавцу назначенную имъ за имѣніе цѣну. О непріятномъ дѣлѣ, висѣвшемъ надъ головою полковаго командира, конечно, не было сказано ни одного слова, но

[1]) Эти сооруженія, какъ я слышалъ, по упраздненіи военныхъ поселеній, были отданы на сломъ, не знаю только, съ приплатою или безъ приплаты со стороны казны. Н. Х.

со стороны продавца имѣнія, и со стороны покупателя, но когда дѣло поступило на разсмотрѣніе, то ему было дано направленіе, вполнѣ благопріятное для своевременнаго продавца своего имущества. (Прежніе дѣльцы, если не отличались бойкимъ краснорѣчіемъ нынѣшнихъ адвокатовъ, то такіе же были мастера дѣлать изъ чернаго бѣлое). Такимъ образомъ и невинность была соблюдена, и капиталъ нажитъ!

Прошли года и упоминаемый мною дѣятель, промѣнявъ положеніе подручнаго на постъ главноначальствующаго, сдѣлался грозою для всѣхъ мелкихъ стяжателей и въ ловлѣ ихъ, по своей опытности, считался незамѣнимымъ. Объ немъ, а можетъ быть, и о другомъ такомъ же дѣятелѣ разсказывали, что когда въ какихъ-то коммисаріатскихъ или провіантскихъ складахъ, по отчетамъ, слишкомъ расплодились мыши и стали наносить значительный ущербъ казенному имуществу, то высокая особа сказала: «я пошлю туда кота», подразумѣвая подъ котомъ упоминаемаго дѣятеля.

Мыши en masse могутъ надѣлать много вреда и, по преданію, даже съѣли какого-то польскаго короля (о чемъ, вѣроятно, онъ нисколько не сожалѣлъ, разставаясь съ своими безпокойными подданными), но я всетаки думаю, что еслибы не было большихъ хищниковъ, то не было бы и этихъ звѣрьковъ, обыкновенно составляющихъ только свиту крупныхъ грызуновъ.

Н. Х.

г. Варшава.

Къ «Запискамъ Сельскаго Священника».

Въ статьѣ достоуважаемаго „Сельскаго Священника“, имѣющей своимъ предметомъ разборъ получившей прискорбную извѣстность книги г. Елагина, сказано, между прочимъ, будто бы и я печатно высказывался объ этой книгѣ— произведеніи недруговъ бѣлаго духовенства.

По обстоятельствамъ нѣкоторымъ, считаю нужнымъ заявить, что о пресловутой книгѣ г. Елагина я до сихъ поръ не обмолвился ни однимъ печатнымъ словомъ.

Но, само собою разумѣется, подобно другимъ разумѣющимъ и безпристрастнымъ людямъ, не могу относиться къ появленію такого рода книгъ иначе, какъ съ глубокимъ сожалѣніемъ и тревожнымъ недоумѣніемъ...

Позвольте надѣяться, милостивый государь, что вы дадите мѣсто на страницахъ вашего уважаемаго изданія этимъ строкамъ.

А. Гусевъ.

Казань.
7 марта 1882 года.

Иванъ Павловичъ Брюлловъ,

художникъ.

У извѣстныхъ художниковъ братьевъ Карла и Александра Павловичей Брюлловыхъ былъ третій братъ Иванъ, гораздо ихъ моложе, (родился въ 1817 году).

Еще ребенкомъ онъ проявлялъ себя рисовальщикомъ и старшіе его братья, будучи учениками академіи, видя его несомнѣнныя способности къ художествамъ, опредѣлили его также въ число учениковъ.

Въ то время, воспитательное заведеніе въ академіи было закрытымъ; когда въ 1832 году, при введеніи новаго устава, предоставлено было бывшимъ академистамъ право остаться въ академіи по новому уставу—то въ числѣ желающихъ остаться записанъ Иванъ Павловичъ Брюлло.

Иванъ Павловичъ не особенно хорошо занимался науками; но за то успѣхи его въ художественныхъ классахъ постоянно обращали вниманіе какъ профессоровъ, такъ и его товарищей. Онъ былъ отличный рисовальщикъ, никто какъ онъ не умѣлъ выполнять рисунокъ слѣдка или кисти руки. Въ его время, строго требовалось въ рисовальныхъ классахъ академіи точное исполненіе натуры; это требованіе создало ту извѣстность хорошихъ рисовальщиковъ, которою пользовались русскіе художники заграницею.

Получая постоянно высшіе нумера на экзаменахъ рисованія, онъ пріобрѣлъ такое вліяніе на своихъ сверстниковъ, что явилось много подражателей его пріемамъ исполненія рисунковъ—подражать Иванъ Михайловичу, «Вани Брюллову», какъ звали его всѣ, было даже въ модѣ.

Не смотря на такіе успѣхи, старшіе его два брата, бывшіе тогда за границею, продолжали совѣтовать ему не браться за живопись прежде чѣмъ не достигнетъ совершенства въ рисункѣ, что было причиною, почему Иванъ Брюлловъ, не будучи еще въ этюдномъ классѣ живописи, постоянно участвовалъ въ конкурсахъ сочиненія эскизовъ на заданныя темы, какъ отличный рисовальщикъ натурнаго класса и постоянно получалъ первые нумера конкурса.

По темпераменту и по характеру онъ былъ очень впечатлительный и живой юноша; одаренный симпатичною наружностію и веселымъ нравомъ, онъ былъ общимъ любимцемъ. Какъ горячій художникъ въ душѣ, онъ восторгался всѣмъ, что отвѣчало его любви къ изящному.

Тогда на театрѣ давали оперу Фенеллу по нѣмецки; Иванъ Павловичъ старался не пропускать возможности видѣть и слышать Фенеллу; въ восторгѣ отъ нея, онъ заучивалъ ея мотивы и часто въ спальнихъ академіи устраивались импровизированные спектакли, гдѣ онъ исполнялъ всякія роли, подражая видѣннымъ имъ актерамъ.

Увлекаться музыкою было недостаточно для страстной натуры Ивана Павловича—онъ влюбился безъ ума въ актрису Новицкую, исполнявшую тогда роль нѣмой въ оперѣ Фенелла; въ его рисункахъ женскихъ головокъ легко узнается постоянное намѣреніе сдѣлать портретъ Новицкой. Вообще онъ очень любилъ театральныя представленія, очень охотно рисовалъ сцены изъ оперы, балетовъ и въ особенности Фенеллы.

Въ сохранившихся у его почитателей рисункахъ, мастерски черченныхъ перомъ или карандашемъ, видѣнъ отличный талантъ и наблюдательность,—все обѣщало въ Ванѣ Брюлловѣ художника. Къ сожалѣнію, всѣ рисунки его разбирались на расхватъ и не могутъ быть собраны; но всѣ они доказываютъ даровитость художника, который обѣщалъ быть еще сильнѣе своихъ братьевъ.

Но ожиданіямъ не суждено было осуществиться: въ 1834 году Иванъ Павловичъ занемогъ, чахотка развилась быстро въ 17-лѣтнемъ юношѣ и когда была выставлена въ академіи знаменитая картина его брата «послѣдній день Помпеи»—то его почти умирающаго вынесли изъ лазарета, чтобы показать ему ее;—Андрей Ивановичъ Крутовъ, бывшій тогда инспекторъ академіи, не могъ отказать въ томъ общему любимцу; его снесли на креслахъ въ залу, гдѣ стояла картина Карла Павловича.—Еще живы свидѣтели трогательной сцены восхищенія умирающаго юнаго Вани Брюллова передъ картиной его брата.

Въ тотъ же годъ его не стало,—онъ умеръ въ домѣ своихъ родственниковъ, куда его перевезли изъ лазарета академіи, искренно оплакиваемый всѣми, кто его зналъ.

Иванъ Павловичъ носилъ фамилію Брюлло только до того времени, пока императору Николаю было угодно приказать братьямъ Александру и Карлу Брюлло измѣнить фамиліи Брюлло на Брюлловъ,—тогда и онъ началъ подписываться Брюлловымъ.

Ѳ. Ѳ. Львовъ.

16 го января 1882 г

Медвѣдь и Бобры.

Давно у насъ твердятъ въ народѣ,
Что Мишка простъ, и добръ, и не лукавъ;
Но я смотрю не на породу,
Хотя, быть можетъ, я не правъ.
Чтобъ доказать мое предположенье
Примѣръ представлю я на ваше разсужденье.
Не помню гдѣ,
Лукавый Мишка жилъ и кажется близь моря;
Онъ выросъ на суши,—кажись бы о водѣ
Ему нѣтъ ни заботъ, ни горя;
Да случай иначе привелъ,
За тѣмъ, что Мишенька съ бобрами дружбу свелъ.
Случайно какъ то онъ вдоль берега слоняясь,
Открылъ селеніе бобровъ,
И хоть смотрѣлъ на все какъ, будто, улыбаясь,
Да замыселъ его давно ужъ былъ готовъ:
Взять въ лапы добрыхъ простяковъ,
Возвыситься,—а тамъ и былъ таковъ.
Поближе подойдя, онъ съ ними рѣчь заводитъ
О томъ,
Что трудъ ихъ въ удивленіе его приводитъ;
Потомъ,
Что будто бы ему и странно, и смѣшно
Зачѣмъ они лишь попусту трудятся,
Что воздаянія никакъ имъ не дождаться
И даже имъ роптать ни сколько не грѣшно;
Что впрочемъ близкое со Львомъ сосѣдство,
Подастъ ему конечно средство
Довесть до свѣдѣнія царя,
Какъ пламенно къ нему усердіемъ горя,
Вполнѣ они достойны награжденій
За тяжкіе труды и множество лишеній.
Бобры
И просты и добры,
Тотчасъ къ нему явились съ предложеньемъ,
Взять попеченіе надъ бѣднымъ ихъ семействомъ,
И убѣдить верховну власть,
Привесть въ порядокъ ихъ разстроенную часть.
И тотчасъ Мишенька, по волѣ
Царя лѣсовъ,
Министромъ сдѣланъ у бобровъ.
И знатенъ, и счастливъ въ своей сталъ новой долѣ,

Но ихъ не зная нуждъ,
Потребностей и горя,
Какъ звѣрь лѣсной, всегда былъ чуждъ
Онъ моря,
И думая лишь о себѣ самомъ,
Прослылъ у Льва полезнымъ онъ вельможей.

Теперь вы согласитесь въ томъ
На Мишеньку кто въ баснѣ здѣсь похожъ?
Слыхалъ я будто бы не только у звѣрей,
Но даже у людей,
Министровъ видимъ мы подобныхъ
Ко благу ввѣренной имъ части не способныхъ.

Примѣчаніе. Эту шутку-басенку сочинилъ морской офицеръ Доводчиковъ (нынѣ покойный) на князя А. С. Меншикова по случаю его назначенія главнымъ начальникомъ морскаго штаба.

Сообщ. 1 апрѣля 1873 г. **В. К. Шульцъ.**

Замѣтка по поводу книги о Шереметьевыхъ.

Я очень жалѣю, что книга „Родъ Шереметьевыхъ" попала ко мнѣ поздно, когда статья о картинѣ рода Шереметьевыхъ была къ вамъ уже отправлена, иначе я бы прибавилъ въ ней слѣдующее: Въ книгѣ „Родъ Шереметьевыхъ", наполненной большимъ количествомъ выписокъ изъ лѣтописей, на страницѣ 5-ой и 6-ой значится: „Изъ повѣствованія Колычева видно, что прусской король Прутенковъ въ 273 году по Рождествѣ Христовѣ отдалъ свое королевство брату своему Вейдевуту" (на картинѣ же написано Видивито король Борусскій).

Что касается догадокъ откуда взялась фамилія Шереметьевъ—тогда какъ родоначальникъ ихъ былъ Кобыла, полагаю, что нечего отыскивать этого въ рядахъ турецкой арміи, а скорѣй можно найдти въ названіи Бога, бывшаго у Вятичей: Кирпмѣть, о чемъ Шереметьевъ могъ узнать, когда по приказанію князей ходилъ войною на Вятичей и на другихъ дикихъ народовъ, населяющихъ сѣверо-востокъ Россіи.

И. В. Селивановъ.

ДВОРЯНСКІЙ ПОЛКЪ.

1807—1859.

Празднованіе LXXV годовщины дня его основанія.

14-го марта 1882 г., въ большой залѣ Демута, собралось болѣе 150 человѣкъ бывшихъ воспитанниковъ Дворянскаго полка и Константиновскаго корпуса для празднованія 75 лѣтней годовщины дня учрежденія этого заведенія. Вывѣшенный при входѣ въ залу аншлагъ возвѣщалъ, что въ собраніи этомъ имѣютъ быть: за фельдфебеля — воспитанникъ выпуска 1823 г. М. И. Богдановичъ и за дневальныхъ два воспитанника, 1854 и 1855 годовъ.

Ровно въ 5 часовъ, собраніе встрѣтило своего фельдфебеля, причемъ оркестръ исполнилъ маршъ Дворянскаго полка. Видимо тронутый торжественностію встрѣчи, Модестъ Ивановичъ сказалъ: «Я не ожидалъ, что на склонѣ моей жизни буду участникомъ въ собраніи товарищей, на обѣдѣ въ честь заведенія, въ которомъ я воспитывался. Считаю себѣ за честь быть фельдфебелемъ такой прекрасной роты, какая здѣсь собралась». Затѣмъ одинъ изъ дневальныхъ, М. Г. Гольмдорфъ, обратился къ собранію съ слѣдующею рѣчью:

«Товарищи! Однополчане! Сегодня минуло 75 лѣтъ съ того дня, когда императоръ Александръ I учредилъ военно-подготовительное заведеніе для дворянъ, сдѣлавшееся разсадникомъ офицеровъ нашей славной арміи.

Убѣжденный, что каждому изъ бывшихъ питомцевъ этого заведенія дороги воспоминанія о немъ, позволяю себѣ напомнить въ краткихъ чертахъ его минувшее.

Военныя событія начала настоящаго столѣтія потребовали усиленія скораго пополненія войскъ офицерами и Александръ I, рескриптомъ 14 марта 1807 г. министру внутреннихъ дѣлъ графу Кочубею, повелѣлъ: «молодыхъ дворянъ отъ 16 лѣтъ и болѣе, желающихъ вступить въ военную службу, вмѣсто опредѣленія прямо въ полки унт.-офицерами, присылать въ П.-Бургскіе кадетскіе корпуса, гдѣ, оставляя ихъ самое короткое время для ознакомленія съ порядкомъ службы, производить въ полки прапорщиками и корнетами».

Извѣщенные о дарованномъ правѣ, дворяне спѣшатъ на службу и въ столицѣ стекается масса, въ которой оказывается много слабыхъ, болѣзненныхъ и даже одинъ нѣмой. Вполнѣ годныхъ и возмужалыхъ, но въ большинствѣ безграмотныхъ, помѣстили въ деревянныхъ строеніяхъ полотняной фабрики на Петербургской сторонѣ, въ

сосѣдствѣ со 2-мъ корпусомъ и поручили корпусному маіору Гольтгоеру, а въ помощь ему назначили подпоручиковъ Брайко, Кнаппа и Вилькена.

Заведеніе это получило названіе корпуса волонтеровъ, а въ 1808 году переименовано въ Дворянскій полкъ.

Въ 1809 г. полку жалуютъ знамена, въ 1810 — гладкіе желтые погоны, въ 1811—при полку образовываютъ Дворянскій кавалерійскій эскадронъ. Въ 1812 г. число воспитанниковъ, не превышавшее 700, возростаетъ до 2 т., а къ концу 1815 г. доходитъ до 3 т. человѣкъ.

Въ то же время состоялось распоряженіе о присылкѣ въ Дворянскій полкъ изъ столичныхъ корпусовъ кадетъ дурной нравственности и лѣнтяевъ.

Небольшой комплектъ офицеровъ употребляется для неотложныхъ командировокъ, а возмужалые юноши, прозванные тюками, оставаясь безъ надлежащаго присмотра, поселяютъ дурную о себѣ славу въ обитателяхъ Петербургской стороны.

Во главѣ завѣдыванія полкомъ и эскадрономъ стоялъ тогда полковникъ Маркевичъ. Въ 1816 г. утвержденъ штатъ, по которому: комплектъ ограниченъ 2 т., прекращенъ пріемъ дворянъ свыше 20 л. и назначено на преподаваніе 6 т. р. ассигн. въ годъ.

Суровая дисциплина тогдашняго времени въ полку практикуется во всей силѣ. Строй занимаетъ 1-е мѣсто въ обученіи, дворянъ муштруютъ по пяти часовъ ежедневно; въ 1820 году для этого отстроенъ обширный манежъ, рядомъ съ которымъ столовый залъ и кухня, произведенія коей не отличаются вкусомъ и опрятностію.

Каждая изъ 8 ротъ имѣла отдѣльную казарму; воспитанники спали по 5 на 2-хъ сдвинутыхъ кроватяхъ. Печи, не смотря на холодъ, топились по одному разу въ сутки. Полы въ комнатахъ не мылись, а воспитанники сами вытирали ихъ кирпичемъ и посыпали пескомъ. Бѣлье мѣнялось разъ въ недѣлю [1]).

Какъ трудно жилось въ то время, доказываетъ то, что нѣкоторые не выдерживали и бѣжали изъ заведенія.

Выпуски были частые, напр. въ 1812 г. было 17 выпусковъ. Вообще же до 1831 г. заведеніе дало свыше 8 т. офицеровъ, между которыми были: Сельванъ, Соймоновъ, Огаревъ, Хрулевъ, Лабинцовъ, Модестъ Ив. Богдановичъ и друг.

Такъ было до 1831 г., когда обновитель бывшихъ и создатель новыхъ кадетскихъ корпусовъ императоръ Николай Павловичъ,

---

[1]) См. интересныя воспоминанія объ этой эпохѣ, 1815—1820 гг, изъ жизни Дворянскаго полка Е. И. Топчіева въ „Русской Старинѣ" изд. 1880 г., т. XXXIII, августъ, стр. 639—650.

назначилъ главнымъ начальникомъ ихъ вел. кн. Михаила Павловича. Съ этихъ поръ Дворянскій полкъ вошелъ въ составъ любимыхъ Государемъ корпусовъ и въ стѣнахъ его примѣнялись во всей силѣ указанія монарха объ основаніяхъ военнаго воспитанія.

Напомню эти основанія:

— «Христіанинъ, вѣрноподданный, русскій, добрый сынъ, надежный товарищъ, скромный и образованный юноша; исполнительный, терпѣливый и расторопный офицеръ,—вотъ качества, съ которыми воспитанникъ военно-учебнаго заведенія долженъ переходить со школьной скамьи въ ряды русской арміи, съ чистымъ желаніемъ, отблагодарить за данное воспитаніе честною службою, честною жизнью и честною смертью».

Подъ вліяніемъ этихъ началъ, воспитанники сплотились въ одно военное товарищество, лозунгомъ котораго было: «не выдадимъ своихъ».

Нельзя не сказать, что наши бывшіе воспитатели не могли претендовать на званіе педагоговъ въ настоящемъ значеніи этого слова; нѣтъ, но многіе изъ нихъ были изъ арміи и приносили съ собою традиціи ея. Понятно, какія это были традиціи: преданность государю, любовь къ отечеству готовность умереть, но не сдать, любовь къ военному дѣлу и глубокое почитаніе военнаго мундира.

Съ 1832 г. Дворянскій полкъ совершенно отдѣленъ отъ 2-го корпуса; усилены средства образованія; съ 1834 г. назначенъ командиромъ полковникъ Пущинъ; учебная часть ввѣрена Форсману, а за смертью его Павловскому 6-му; учреждены 4 общихъ и 2 спеціальныхъ класса. По указаніямъ Я. И. Ростовцева разработаны учебники и полкъ ни въ чемъ не отличается отъ остальныхъ корпусовъ, когда въ 1837 г. перемѣщенъ въ существующее и теперь красное зданіе на Спасской улицѣ, Петербургской стороны.

Задачею полка сдѣлалось: «довершать воспитаніе кадетъ корпусовъ губернскихъ», которые и начинаютъ прибывать въ полкъ съ 1838 г., принося освѣжающіе благотворные элементы, и сродняются съ «корнями».

Съ этихъ поръ, можно сказать, полкъ вполнѣ основался. Перемѣна состояла въ усовершенствованіи по образованію, но духъ оставался тотъ же и подъ вліяніемъ такихъ людей, какъ отецъ Рождественскій, Дихеусъ и труженикъ науки Иринархъ Ивановичъ Веденскій и др. скромныхъ, но незабвенныхъ дѣятелей, полковая семья окрѣпла и получила свою особенную внѣшность.

Вспомнимъ эти счастливыя, давно прошедшія, минуты. Вспомнимъ царскіе смотры, походы въ лагерь, тревоги, маневры, прогулки въ Александріи, вспомнимъ отеческія ласки и вниманіе роднаго нашего монарха... Какъ смотрѣлъ Государь на своихъ питомцевъ-дѣтей, ука

зываютъ слова его, сказанныя выпускнымъ 1854 г. послѣ смотра на Царицыномъ лугу: «время теперь тяжелое, но съ такими, какъ вы, я никого не боюсь!»

Какъ оправдались слова монарха,—свидѣтельствуютъ черныя мраморныя доски, испещренныя именами героевъ, павшихъ за честь и славу дорогой Отчизны!

Намъ не перечислить всѣхъ истинно счастливыхъ минутъ прошедшей кадетской жизни,—онѣ въ памяти и сердцѣ каждаго...

Настоящее собраніе бывшихъ «дворянъ» служитъ лучшимъ доказательствомъ привязанности ихъ къ своему воспитательному гнѣзду. Здѣсь между нами воспитанники почти всѣхъ выпусковъ; здѣсь исторія полка въ лицахъ.

Воспитанникъ 1823 г. и 1859 года! Слишкомъ ¼ столѣтія раздѣлятъ ихъ! Что же ихъ связываетъ? Товарищество, въ высшемъ значеніи этого слова.

1859 годомъ закончилось существованіе роднаго намъ Дворянскаго полка. Переименованный въ 1855 г. въ Константиновскій кадетскій корпусъ, онъ перемѣщенъ съ Петербургской стороны на Обуховскій проспектъ.

Тогда директоромъ былъ Воронецъ, говорившій, что: «всѣ мы братья, всѣ мы други».

Воспоминаніемъ и свидѣтелями былой жизни полка остались: стѣны краснаго зданія, старыя знамена и черныя доски съ именами павшихъ товарищей, да живое воспоминаніе въ сердцахъ тѣхъ, которые провели въ немъ свою юность...

Перенесемся же въ былое и начнемъ наше собраніе, какъ бывало, молитвою за царя и памятью о павшихъ товарищахъ».

Музыка заиграла народный гимнъ, подхваченный всѣми присутствовавшими и затѣмъ оркестръ перешелъ къ молитвѣ за павшихъ, слившейся въ общій аккордъ съ голосами пѣвшихъ ее бывшихъ воспитанниковъ.

Повѣстка, пробитая барабанщикомъ, пригласила къ закускѣ, а затѣмъ бой къ столу перемѣстилъ всѣхъ къ сервированнымъ, по образцу какъ было въ заведеніи, т. е. въ нѣсколько рядовъ, обѣденнымъ столамъ. По сигналу барабанщика, пропѣта передъ-обѣденная молитва и всѣ заняли мѣста, гдѣ при кувертахъ лежалъ складной желтый погонъ бывшаго дворянскаго полка, на внутренней части котораго помѣщенъ былъ составъ кушаній обѣда, приготовлявшихся кухнею Пинчера. Супъ съ пентюхами, рыба по волонтерски, говядина Нестеровская, пуншъ Литкова и исполнявшіеся во время обѣда марши, были родными воспоминаніями участникамъ обѣда; закипѣла дру-

жеская бесѣда, собраніе перенеслось въ прошедшее и слилось въ одну товарищескую семью. По временамъ, выражалось общее удовольствіе, когда замѣчалось исполненіе во время обѣда нѣкоторыхъ бывшихъ кадетскихъ обрядностей.

Сказанное М. Г. Гольмдорфомъ стихотвореніе прерывалось дружными возгласами восторженнаго привѣта всѣмъ упоминаемымъ въ немъ лицамъ:

Дворянскій полкъ не существуетъ:
Въ училище онъ обращенъ,
А въ жизни время все тушуетъ,
Коль слѣдъ ея не сохраненъ.
Такъ вспомнимъ же, какъ въ полкъ сбирали.
Изъ неучей, дворянъ толпой,
Наукой въ немъ не просвѣщали:
Тогда задачею былъ—строй.
Всѣ корпуса въ полкъ нашъ ссылали
Кадетъ испорченныхъ своихъ.
Порядки въ немъ тогда внушали:
Одинъ чтобъ стоилъ бы двоихъ.
Но времена перемѣнились:
Гольтгоеръ, Щенинъ, Кнаппъ ушли.
Въ полку науки появились,
„Дворянъ“ всѣхъ въ классы повели.
Инспекторъ Форсманъ—просвѣтитель—
Къ труду и пользѣ ободрялъ,
А Пущинъ—строгій обновитель—
„Дворянъ“ къ порядку пріучалъ.
Отецъ Рождественскій трудился
Добро и честь въ сердца вселять.
Затѣмъ ужъ Воронецъ гордился
„Дворянъ“ кадетами назвать.
Лишь четверть вѣка протекаетъ,
Для нашей полковой семьи
Кадетъ отборныхъ присылаютъ
Со всѣхъ концовъ родной земли.
Съ корнями въ ней они роднятся.
Имъ совершенство придаютъ,
Въ бояхъ герои въ нихъ родятся,
Врага, съ корнями вмѣстѣ, бьютъ.
Такъ сѣмя чести и добра
На почвѣ юношей всходило,
Безъ лишней траты серебра
Плоды Отчизнѣ приносило.
Хрулевъ нашъ - штурмы отбиваетъ,
Черняевъ—въ Азіи гремитъ.
Нашъ Огаревъ врага сбиваетъ,
Героемъ, Щеголевъ стоитъ.
Тютрюмовъ нашъ—портреты пишетъ,

Стихами—Курочкинъ даритъ,
Сатирою Минаевъ дышетъ,
Семевскій—Старину живитъ.
Нашъ Драгомировъ научаетъ
Къ побѣдѣ какъ должно идти.
Онъ самъ Дунай переплываетъ,
Дорогу къ Шипкѣ чтобъ найти.
А сколько пало въ бранномъ полѣ
Дворянскаго полка сыновъ?
Легли они, по доброй волѣ,
Русь защищая отъ враговъ.
Въ рѣкѣ Стрѣльбицкій утопаетъ,
Въ ущельи Шрейбергъ нашъ сожженъ,
Булыгинъ въ схваткѣ погибаетъ,
Нашъ Сельванъ пулею сраженъ.
Но всѣхъ „Дворянъ" не перечислить.
Полка кто славой дорожилъ
Пускай Исторія исчислитъ,
Отчизнѣ кто полезенъ былъ.
А мы, храня нашъ духъ „Дворянскій",
Мы станемъ всѣ за Русь стѣной;
На всѣхъ ступеняхъ службы Царской
Питомцы мы—семьи одной.
И будемъ впредь въ семью сбираться,
Родной нашъ полкъ не забывать,
И шалостямъ былымъ смѣяться,
И все былое освѣжать.
Теперь бокалы подымаемъ:
За здравье пить уже пора.
Мы первый тостъ провозглашаемъ—
Царю! кадетское ура!

По окончаніи вновь пропѣтаго народнаго гимна, провозглашено было много тостовъ: за государыню императрицу, наслѣдника цесаревича и за нѣкоторыхъ наиболѣе выдающихся дѣятелей, присутствовавшихъ на обѣдѣ; равно не забыты были товарищи, павшіе на полѣ брани, и въ воспоминаніе о нихъ повторена была пѣснь: «Братья! всѣ въ одно моленье». Прочитано до 30 полученныхъ во время обѣда привѣтственныхъ телеграмъ изъ разныхъ концевъ Россіи, а бывшій воспитанникъ полка, Д. Д. Минаевъ, сказалъ составленный имъ экспромтъ.

По окончаніи обѣда и молитвы, всѣ участвовавшіе въ обѣдѣ военные построились въ общую роту и прошли тихимъ шагомъ, мимо своего фельдфебеля.

Г. М. Гольмдорфъ.

14-го марта 1882 г. Спб.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

въ XXXIII—XXXIV томахъ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ"

1882 г.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ, АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ изд. 1882 года.

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ.

Записки и Воспоминанія.

стр.

Изслѣдованія и біографическіе очерки.

Акты, указы, переписка, разсказы, очерки, замѣтки.

Время до Петра I.

Царствованіе Павла I.

Царствованіе Александра I.

Царствованіе Николая I.

Къ исторіи художествъ.

Портреты.

Библіографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

1. **Архивъ князя Воронцова. Книга XXII. М. 1881. 558 стр. (На обертке 4-й книги „Русской Старины" 1882 г.).**
2. Историческіе матеріалы. Изъ архива Кіевскаго губернскаго правленія. В. I. Изд. ред. Кіев. Губ Вѣд. К. 1882 г. 211. (Тамъ-же)
3. Н. В. Гербель: гимназія высшихъ наукъ и лицей князя Безбородко. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Спб. 1881 г. 474+CLXXXVIII стр. въ 8 д. л. (десять литографій). (Тамъ-же).
4. Гейссеръ. Исторія реформаціи. Подъ редакціею Виктора Михайловскаго. Изданіе Н. И. Мамонтова. Москва и Петербургъ 1882 г. LXXXIII+274 стр. въ 8 д. л. (Тамъ-же.
5. М. Н. Петровъ. Изъ всемірной исторіи очерки. Изд. 2-ое просмотрѣнное и дополненное Харьковъ, 1882 г. 497 стр. въ 8 д. д. (На обертке 5-й книги „Русской Старины" 1882 г.).
6. И. Иванюковъ. Паденіе крѣпостнаго права въ Россіи. Спб. 1882. 404 стр. въ 8 д. л. (Тамъ-же).
7. Матеріалы для родословія Леонтьевыхъ и Петрово-Соловыхъ. Казань. 1881. 47 стр. безъ оборота въ 8 д. л. и родословная таблица. (Тамъ-же).
8. Ф. Орловъ. Очеркъ исторія С.-Петербургскаго гренадерскаго короля Фридриха Вильгельма III полка (1726—1880). Спб. 1881. XII+VI+800 стр. въ б. 8 д. л. (Тамъ же).
9. Историческіе матеріалы. Изъ архива Кіевскаго губернскаго правленія, вып. I. Издалъ редакторъ неоффиціальной части Кіевскихъ губернскихъ вѣдомостей А. А. Кіевъ. 1882. 211 стр. въ м. 8 д. л. (Тамъ-же).
10. А. А. Титовъ. Охранный каталогъ славяно-русскихъ рукописей. Выпускъ первый. Ростовъ 1881. II+214+11 въ 16 д. л. (Тамъ же).
11. Балетъ, его исторія и мѣсто въ ряду изящныхъ искусствъ. Балетомана. Спб. IV+280 стр. въ 8 д. л. (Тамъ-же).
12. Н. Макаровъ. Мои семидесятилѣтнія воспоминанія и съ тѣмъ вмѣстѣ моя полная предсмертная исповѣдь. Часть первая. Спб. 1881. XII+195 стр. Часть вторая 150+59 стр. Часть третья 235 стр. въ 8 д. л. (Тамъ-же).
13. А. А. Навроцкій. Картины минувшаго. Стихотворенія и драматическіе отрывки. Спб. 1881. 328 стр. въ 8 д. л. (На обертке 6 й книги „Русской Старины" 1882 г.).
14. Архивъ князя Воронцова, книга XXIV. М. 1880. (Тамъ-же).
15. Семейство Разумовскихъ. Т. III. Свѣтлѣйшій князь Андрей Кирилловичъ. Ч. I. 530. (Тамъ-же).
16. Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 года. Соч. П. Знаменскаго. Казань. 1881. 806 стр. (Тамъ-же).
17. Сборникъ Московскаго главнаго архива министерства иностран. дѣлъ. Вып. II. Изд. коммисіи печатанія грамотъ и договоровъ М. 1881. 133+XX. (Тамъ-же).

Поправка. Т. XXXIV, апрѣль:

Стр. 181. На пятой строкѣ сверху напечатано:

«Жуковскій въ письмѣ своемъ къ Великому Князю Константину Николаевичу отъ 10 декабря 1840 г. между прочимъ писалъ»...

Слѣдуетъ читать: «...къ Великому Князю Наслѣднику Цесаревичу Александру Николаевичу.

Опечатки.

Томъ XXXIII.

				напечатано:	читай:
Февраль.	стр.	472—373	на верху	„	472—473.
	„	474—275	на верху	„	474—475.
	„	511	2-я стр. снизу:	бѣ колонны	обѣ колонны
	„	537	14 „ снизу:	сомейства	семейства
Мартъ.	„	638	13 „ снизу:	въ роботахъ	въ работахъ
	„	644	15 „ сверху:	пос:ѣдніе годы	послѣдніе годы.

Томъ XXXIV.

				напечатано:	читай:
Апрѣль.	„	284—852	на ве|ху		284—285.
Май.	„	535	2-я „ снизу:	Ю. Г. Богуславскій;	Н. Г. Богуславскій.

Въ біографіи Рутцена (т. XXXIII, мартъ) раза три напечатано: Мезенскій уѣздъ; читай: Мценскій (Орловск. губерніи).

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ изд 1876 г.

второе изданіе, съ портретами: Лжедимитрія I, полководца Михельсона, кн. Платона Зубова, А. П. Ермолова—всѣ эти гравюры на мѣди исполнены акад. И. П. Пожалостинымъ. Портреты Екатерины II и графа Аракчеева—геліографическіе снимки. Портреты—Емельяна Пугачева, кавказ. генерала Клугенау и В. Г. Бѣлинскаго—гравюры акад. Л. А. Сѣрякова.—Снимокъ съ указа о смерти Петра Великаго, 1725 г.

Содержаніе: Записки Гарновскаго, одного изъ ближайшихъ лицъ къ кн. Потемкину-Таврическому: дворъ императрицы Екатерины II въ 1786—1790 гг. Подлинная переписка Екатерины II съ кн Потемкинымъ, 1782—1791 гг.- Бесѣды Екатерины II о дѣлахъ государственныхъ, 1772—1777 гг.—Домашній памятникъ, т. е. Записки Н. Г. Левшина о событіяхъ начала царствованія Александра I.—Записки А. С. Стурдзы о судьбѣ православной церкви русской въ царствованіе Александра I.—Автобіографія и переписка академика А. Л. Витберга, строителя храма Христа Спасителя въ Москвѣ.—Воспоминанія Татьяны Петровны Пассекъ: очерки жизни московскаго общества и университетской молодежи, 1835—1842 гг.—Записки Ивана Степановича Жиркевича: порядки военнаго управленія, 1827—1837 гг.—Моя жизнь и художественно-археологическіе труды, разсказъ профес. Θедора Григорьевича Солнцева: академія художествъ до 1820-хъ гг.; поѣздки по Россіи съ археологическою цѣлью; возстановленіе древностей въ кіевскихъ соборахъ; посѣщенія кіевскихъ святынь императоромъ Николаемъ I; разсказы о нѣкоторыхъ іерархахъ; разсказы о художникахъ (К. П. Брюлловъ) и проч. дѣятеляхъ.—Воспоминанія артиста П А Каратыгина, вдовы адмирала Л. И. Рикордъ и друг.—Митрополитъ Ростовскій Арсеній Мацѣевичъ—историческій очеркъ профес. Н. И. Барсова.—Крѣпостные крестьяне при Екатеринѣ II, очеркъ изъ историческаго изслѣдованія В. И. Семевскаго.—Бунтъ Беньевскаго въ Камчаткѣ въ 1771 г.—Москва въ 1770—1771 гг.—статья академика С. М. Соловьева.—Павелъ Полуботокъ—статья Н. И. Костомарова.—Главные пособники Емельяна Пугачева—въ ихъ собственныхъ показаніяхъ на судѣ (по подлинному о нихъ дѣлу). Михельсонъ, побѣдитель Пугачева—біографическій очеркъ.—Князь Платонъ Александровичъ Зубовъ (1767—1822 гг.)—историко-біографическій очеркъ.—Самсонъ-ханъ Макинцевъ и русскіе бѣглецы въ Персіи въ 1806—1855 гг.—статья Ад. П. Берже.—Профессоръ Илья Васильевичъ Буяльскій его біографія, составленная проф. Я. А. Чистовичемъ.—Т. О. Осиповскій, ректоръ Харьковскаго университета.—Холерный бунтъ въ 1831 г., разсказъ очевидца.—Артемій Волынскій, М. М. Сперанскій, А. П. Ермоловъ, М. И Глинка, архимандритъ Новгородскаго Юрьева монастыря Фотій, протоіерей Самборскій, А. С Грибоѣдовъ—въ ихъ неизданныхъ, вновь открытыхъ письмахъ. Письма, планы и предначертанія императора Николая Павловича, а также записки и донесенія кн. М. Д. Горчакова и кн. И. Θ. Паскевича о войнѣ съ Турціей въ 1853-1854 гг.—Кромѣ перечисленныхъ статей и матеріаловъ—въ „Русской Старинѣ“ 1876 г. помѣщено до 100 историческихъ разсказовъ, анекдотовъ, біографическихъ и генеалогическихъ замѣтокъ.—По исторіи отечественной словесности—„Русская Старина“ 1876 г. представила новыя данныя о В. Г. Бѣлинскомъ (двѣ большія статьи); Н. В. Гоголь—по неизданнымъ письмамъ (1827—1828 гг.) и проч. и проч.

Цѣна „Русской Старины“ 1876 г., 12 книгъ съ портретами.
8 руб. съ пересылкою и 11 руб. въ хорошемъ переплетѣ

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургѣ, Большая Подъяческая, домъ № 7, въ редакцію „Русской Старины“.

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ изд. 1880 г.

Изданіе **второе**. Цѣна—**восемь рублей** съ пересылкой.

При „Русской Старинѣ“ 1880-го года приложены портреты: Императора **Александра II**; — императрицъ **Екатерины I** и **Елисаветы Петровны**; — императора **Петра II**; — **А. С. Пушкина** (въ гробу, 29-го января 1837 г.); — протоіерея **Г. П. Павскаго**, — **И. С. Тургенева**; — **И. А. Гончарова**; — гр. **Л. Н. Толстаго**; — **А. Н. Островскаго**; — **Д. В. Григоровича**; — **А. В. Дружинина**; — поэта Тараса **Шевченко**; — графа **П. Д. Киселева**, — фельдмаршала кн. **А. И. Барятинскаго**; — **С. Р. Лепарскаго** и **А. Н. Сѣрова**.

Въ „Русской Старинѣ“ изд. **1880-го** года, [**одиннадцатый** годъ изданія], между другими статьями и матеріалами напечатаны: Записки **Д. И. Ростиславова** (одиннадцать главъ). — Записки **Топчіева**: Дворянскій полкъ въ царствованіе Александра I. — Записки **А. П. Бѣляева** (декабриста, восемь главъ). — Записки принца **Евгенія Виртембергскаго** о войнѣ 1828 г. и событіяхъ, за нею слѣдовавшихъ. Подлинная переписка императора **Николая Павловича** съ Дибичемъ. — Записки **И. В. Селиванова**: губернаторъ Панчулидзевъ и ссылка въ Вятку. — Генералъ-губернаторы Закревскій и П. А. Тучковъ. — Записки **Сельскаго Священника**; — Записки **Я. М. Невѣрова**: схимникъ Серафимъ въ Саровѣ. — Записки сенатора **Я. А. Соловьева**: крестьянское дѣло въ 1856 1859 гг. — Записки **М. Я. Ольшевскаго**: Кавказъ и кавказцы въ 1856—1860 гг. — Историческіе разсказы и анекдоты изъ Записокъ **Богуславскаго** и **Е. Н. Львовой** († 1864 г.). — Воспоминанія артистки **Я. А. Петровой**, рожденной Воробьевой. — Переходъ русской арміи черезъ Балканы зимою 1877 г. — историческій очеркъ **А. К. Пузыревскаго**. — Великій Новгородъ — статья **Н. И. Костомарова**. — Герасимъ Петровичъ **Павскій**: его жизнь и ученая дѣятельность — историко-біографическій очеркъ профес. **Н. И. Барсова**. — Рѣчь **Императора Александра II** въ Государственномъ Совѣтѣ 28-го января 1861 г. — Историческія и историко-біографическія статьи и очерки по поводу двадцатипятилѣтней годовщины дня восшествія на престолъ Александра II. — Очеркъ профессора **И. Е. Андреевскаго**: Ходъ распространенія политическихъ знаній въ Россіи въ 1855—1880 гг. — Русская историческая наука въ двадцатипятилѣтіе 1855—1880 гг. — статья профессора В. С. Иконникова. — Присоединеніе Грузіи къ Россіи, — историческое изслѣдованіе Ад. П. Берже и проч. — Историческіе матеріалы: акты, указы, преданія, переписка, донесенія, замѣтки, относящіеся до XVIII и XIX вѣковъ, болѣе ста сообщеній и статей различныхъ лицъ, таковы: Н. В. Бергъ, П. А. Ефремовъ, А. Д. Крыловъ (къ исторіи отмѣны питейныхъ откуповъ въ Россіи), — кн. В. И. Барятинскій (письма Шамиля), — профес. О. Ө. Миллеръ, — В. А. Панаевъ (біографическій очеркъ атамана М. Г. Хомутова), М. Н. Кучаевъ (біографія Лепарскаго), В. Г. Трироговъ, В. И. Лѣствицынъ, Н. К. Богушевскій и многихъ другихъ. — По исторіи русской словесности въ „Русской Старинѣ“ 1880 г. особенно много напечатано статей и матеріаловъ, относящихся до А. С. Пушкина (окончаніе біографіи, его письма и стихотворенія, разсказы и воспоминанія о немъ и проч.). А также помѣщены статьи и сообщенія о слѣдующихъ писателяхъ: В. А. Жуковскій (его планъ воспитанія Наслѣдника 1826 г.); — Г. П. Павскій (его переводъ „Слова о полку Игоревѣ“); — В. Г. Бѣлинскій, (воспоминанія о немъ товарища по университету); — Т. Н. Грановскій (воспоминаніе о немъ Я. М. Невѣрова); Т. Г. Шевченко (воспоминаніе о немъ профессора Н. И. Костомарова). — П. А. Каратыгинъ (собраніе стиховъ и проч.).

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургъ, Большая Подъяческая, домъ № 7, въ редакцію „Русской Старины“.

скій поплатился ссылкою. Съ другой точки зрѣнія эти обстоятельства были переданы въ книгѣ Лебедева: «Графы Панины» (Спб. 1863).

Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 года. Соч. П. Знаменскаго. Казань. 1881. 806 стр. Ц. 4 р.

Обращаемъ вниманіе на этотъ цѣнный вкладъ, сдѣланный въ исторію русской школы и просвѣщенія авторомъ извѣстныхъ трудовъ по исторіи русской церкви. Исторію духовныхъ школъ онъ разсматриваетъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) начальное заведеніе духовныхъ школъ при Петрѣ I: a) духовныя школы до учрежденія св. синода; b) дух. школы послѣ учрежденія синода. 2) Состояніе духовныхъ школъ при преемникахъ Петра: a) новыя духовныя школы и открытіе духовныхъ семинарій; b) управленіе и содержаніе духовныхъ школъ; c) ученики духовныхъ школъ; d) учебная воспитательная часть духовныхъ школъ. 3) Состояніе духовныхъ школъ съ восшествія на престолъ Екатерины II. Предположенія касательно реформы духовныхъ школъ; a) штатные оклады, открытіе новыхъ школъ, внѣшняя организація школьнаго образованія; b) сословное значеніе духовныхъ школъ; c) содержаніе духовныхъ школъ; d) состояніе учебно-воспитательной части.

Почтенный трудъ автора составленъ на основаніи массы источниковъ первой руки, по спеціальнымъ изслѣдованіямъ о нѣкоторыхъ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ и матеріаламъ, помѣщеннымъ въ разныхъ мѣстныхъ, малодоступныхъ, изданіяхъ (каковы епарх. вѣдомости и т. п.). Вообще, трудъ этотъ впервые представляетъ полную и живую картину духовнаго просвѣщенія въ Россіи.

Сборникъ московскаго главнаго Архива минист. иностр. дѣлъ. Вып. II. Изд. коммисіи печатанія грамотъ и договоровъ. М. 1881. 137+XX. Ц. 75 к.

Первое мѣсто въ настоящемъ выпускѣ должно быть, безъ сомнѣнія, отведено изслѣдованію В. А. Ульяницкаго: «Дарданеллы, Босфоръ и Черное море въ XVIII вѣкѣ», представляющему очеркъ дипломатической исторіи восточнаго вопроса. Во введеніи къ нему помѣщенъ историческій обзоръ политическаго значенія Чернаго моря съ древнѣйшихъ временъ до завоеванія Константинополя; затѣмъ прилагается исторія вопроса въ отдѣльныхъ главахъ: до турецкихъ войнъ Петра В.; до Кучукъ-Кайнарджійскаго мира 1779 г., но заканчивается въ этомъ выпускѣ лишь первой половиной XVIII стол. Въ концѣ помѣщены приложенія матеріаловъ. Помимо обширной литературы, которою воспользовался авторъ, главными источниками для него служили матеріалы москов. главн. арх. мин. иностр. дѣлъ. Остальныя статьи Сборника представляютъ перепечатку изъ другихъ изданій и принадлежатъ служащимъ въ томъ же архивѣ, но важны по своему историческому интересу. Это—неизданныя письма Вольтера, письма кн. Д. А. Голицына (друга энциклопедистовъ, рус. послан. въ Парижѣ и Гагѣ) къ кн. А. М. Голицыну, важныя какъ для исторіи литературныхъ отношеній съ представителями франц. просвѣщенія, такъ и для исторіи крестьянскаго вопроса въ Россіи, (извѣстно, что и Вольтеръ писалъ проектъ о немъ). Наконецъ въ Сборникѣ помѣщены статьи объ Архивѣ (историч. очеркъ) и объ участіи его въ IV и V археологич. и III географич. съѣздахъ. Пожелаемъ скорѣйшаго выхода дальнѣйшихъ книжекъ этого полезнаго изданія, для которыхъ обѣщаны новые очерки изъ исторіи русской дипломатіи и между прочимъ письма историографа Миллера къ вице-канцлеру кн. А. М. Голицыну 1768—73 г., еще нигдѣ не напечатанныя.

Упомянувъ выше объ изслѣдованіи г. Ульяницкаго, замѣтимъ, что недавно появился другой трудъ, въ значительной степени посвященный тому же предмету. Это—«Черное море, роль моря въ разныя историческія эпохи, современное экономическое и военное значеніе Чернаго моря»,—г. Литвинова (Спб. 1881), военно-статистическое разсужденіе. Къ сожалѣнію, не смотря на всю важность этого вопроса, мы должны сказать здѣсь тоже, что было нами уже высказано по поводу другаго военно-историческаго труда (Исторія второй турец. войны), а именно, что наши военные историки какъ-то произвольно пользуются историческими источниками, не обращая вниманія на ихъ относительное достоинство, а иногда и вовсе не считая нужнымъ обращаться къ непосредственнымъ источникамъ. В. И.

Издатель-редакторъ **М. И. Семевскій.**